

ДЖОН КЭМПБЕЛЛ

ИЗ МРАКА НОЧИ

ДЖОН
КЭМПБЕЛЛ



ИЗ МРАКА
НОЧИ



ПУТЬ ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ

ИЗ МРАКА НОЧИ

ЛУННЫЙ АД

НЕЧТО

УМИРАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ

Сумерки
Ночь

МАШИНА

Машина
Пришельцы
Мятеж

ПЕНТОН И БЛЭЙК

Похитители мыслей с Марса
Раздвоенный мозг
Ищущие бессмертие
Десятый мир
Ментальные пираты

УОТЕРСОН И ГЭЙЛ

Когда проиграл даже атом
Металлическая орда

ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ЭВОЛЮЦИИ

Последняя ступень эволюции
Слепота
Развилка



ДЖОН

КЭМПБЕЛЛ

ИЗ МРАКА
НОЧИ



САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2016

ББК 84 (7 Сoe)-44
К98

Составитель А.Лидин

К98

Джон Кэмпбелл «Из мрака ночи». — СПб.:
«Издательство «Северо-Запад», 2016. —
832 с. — (Желтая серия). Тираж 50 экз.

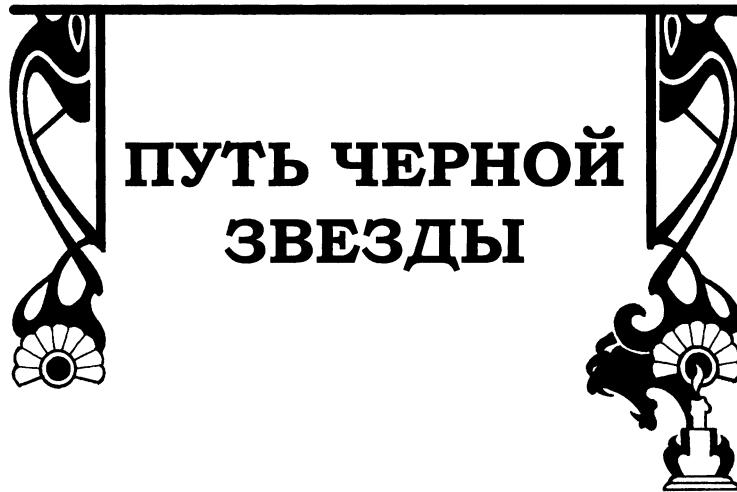
ISBN 978-5-93835-589-7

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-5-93835-589-7

© Перевод: А.Бурцев, К.Юрченко,
Л.Соловьева, И.Хохлова, Я.Забелина,
К.Плешков, Г.Подосокорская,
С.Сенагонова, 2016

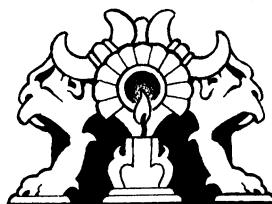
© Оформление
ООО «Издательство
«Северо-Запад», 2015

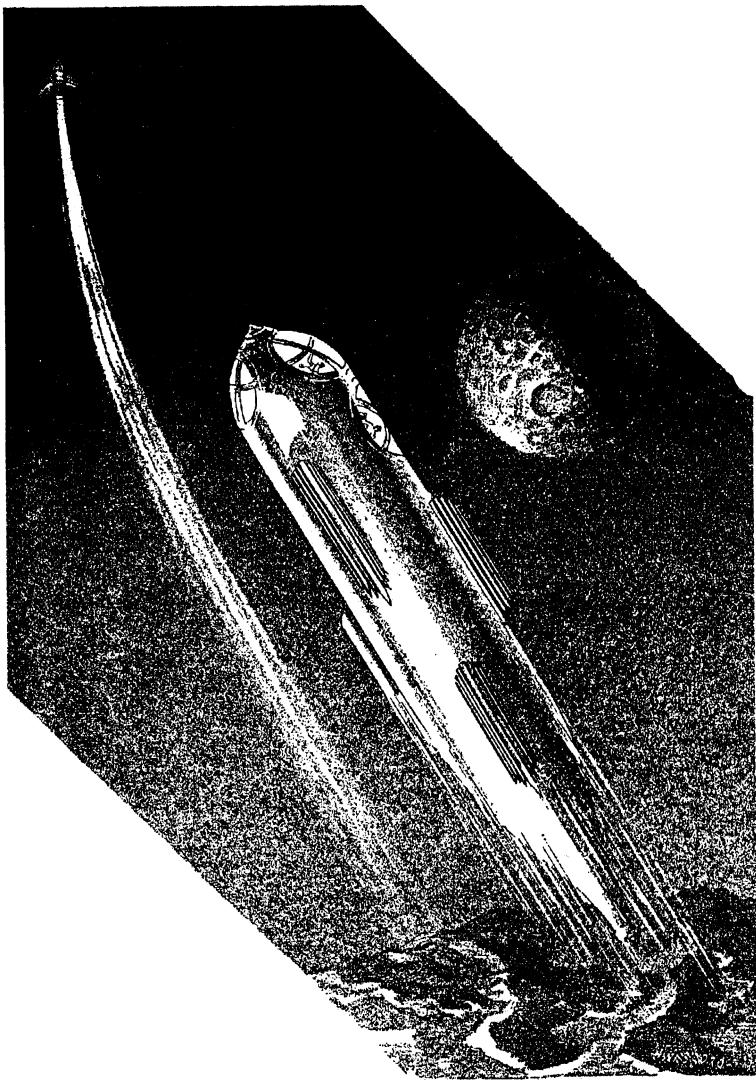


Первая часть «Piracy Preferred»
Журнал «Amazing Stories», № 6, 1930

Вторая часть «Solarite»
Журнал «Amazing Stories», № 11, 1930

Третья часть «The Black Star Passes»
Журнал «Amazing Stories Quarterly», 1930





ЧАСТЬ ПЕРВАЯ **ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ ПИРАТСТВО**

ПРОЛОГ

Высоко в глубокой синеве полуденного неба двигалось крошечное пятнышко, металлический блеск которого был едва заметен при ярком свете солнца. Операторы машин, находившиеся на поверхности Земли, проводили его взглядом и вернулись к работе, хотя ее было не так уж и много для их автоматических культиваторов. Краткий перерыв внес приятное разнообразие в унылую монотонную работу. Операторам предстояло культивировать бескрайние плантации клещевины, но с большими машинами, которые сами выполняли все необходимое, несколько десятков человек могли обработать целый округ.

Пассажиры огромного самолета, летевшего в вышине, и знать не знали о том, что происходит внизу, они изучали документы, читали книги или разговаривали со случайными попутчиками. Им однообразное путешествие тоже казалось скучным. Пустая тратя времени — провести шесть часов в перелете на такое короткое расстояние, как три с половиной тысячи миль. Ничем особым не заняться, ничего не видно, кроме Земли, медленно проплывающей внизу милях в десяти. С такой высоты никаких деталей нельзя различить, а густой низкий рокот двигателей, гул гигантских пропеллеров и приглушенный свист разрезаемого ими воздуха, объединяясь воедино, напевали колыбельную, от которой тянуло в сон. Такое путешествие могло нравиться только бездельникам и отыкающим, но не вечно спешащим бизнесменам...

В какой-то момент пилот самолета бросил короткий взгляд на приборы, невольно спрашивая себя, зачем он вообще отправился в этот рейс, затем, передав управление своему помощнику, развернулся и спустился вниз, чтобы переговорить с главным инженером.

Отпуск пилота начинался с первого июля, и поскольку сегодня был последний день июня, пилот задался вопросом, что произошло бы, если бы он поступил так, как уже почти решился сделать, — позволил бы помощнику закончить рейс. В конце концов, это не так уж сложно — всего-то несколько рычагов управления, несколько переключателей, ведь на высоте десяти или одиннадцати миль самолет находится под опекой автоматики, его несет мощный, движущийся на запад воздушный поток, а примерно через пять часов и двадцать минут покажется Фриско. Там его поведут по радиолучу, и пилот вовсе не нужен. Посадка без сучка и задоринки. Помощник никогда не сажал большой самолет, но он прекрасно знал процесс, да и автоматика все сделает за него. Даже если никого не будет за штурвалом, через десять минут после того как они достигнут места назначения, самолет приземлится сам. Даже если при этом второй пилот не поспеет к тому времени среагировать на автоматический сигнал.

Первый пилот зевнул и побрел по коридору. Он зевнул снова, не понимая, отчего его так тянет спать. После этого он безвольно упал на пол. Дыхание его становилось все медленнее и медленнее.

Сотрудники терминала Трансконтинентальных Авиалиний в Сан-Франциско были встревожены. Большой Трансконтинентальный экспресс прибыл в конечный пункт, следуя по радиолучу, и теперь кружил над полем, повинуясь указаниям приборов и посылая сигнал второму пилоту. Чиновники волновались, и не без оснований, поскольку с этим рейсом должны были прибыть ценные бумаги на 900 тысяч долларов. Но что могло случиться с одним из этих гигантских судов? Потребовалась бы маленькая армия, чтобы захватить команду из семидесяти членов экипажа и три тысячи пассажиров!

Большое воздушное судно мягко приземлилось и покатилось по полосе, управляемое аварийным пилотом. Небольшой полевой автомобиль помчался к самолету. Вот и подъемник. когда машина с людьми остановилась под гигантским крылом, они увидели крошечную фигуру второго пилота. Быстрый компактный лифт вознес прибывших на четвертый уровень судна.

Когда они вошли в салон, их взгляду предстало невероятное зрелище! На первый взгляд казалось, что все пассажиры

уснули в своих креслах. Но при ближайшем рассмотрении стало очевидно, что никто не дышит! Члены экипажа застыли на своих местах в такой же неподвижности, как и пассажиры! Помощник пилота лежал, растянувшись на полу возле приборной панели, — очевидно, он какое-то время вел крылатую машину. Ни одной живой души — или хотя бы полуживой — на борту!

— Мертвые! Больше трех тысяч человек! — хрипло выдохнул управляющий аэропорта, не веря самому себе. — Это невозможно. Как такое могло случиться? Газ, наверное, проник через систему вентиляции и распространился по кораблю. Но я не могу представить себе человека, готового убить три тысячи людей пусть даже ради миллиона! Вы вызвали врача по связи, пилот?

— Да, сэр. Он в пути. Вон его машина.

— Преступники наверняка открыли сейф — но давайте все-таки проверим. Я полагаю, что только какой-то безумец мог сотворить подобное. Ни одному здравомыслящему человеку не пришло бы в голову лишить жизни стольких людей ради сущей малости.

Подавленные мужчины спустились по трапу в трюм к почтовой комнате. Дверь оказалась закрыта, но замка на ней не было. В магниево-бериллиевом сплаве зияла дыра. Они открыли дверь и вошли. Комната казалась в идеальном порядке. Охранник неподвижно лежал в стальном караульном отсеке напротив. Толстое пуленепробиваемое стекло делало его очертания немного размытыми, а цвет лица казался зеленоватым, но чиновники знали, что и такой же бледный, как и остальные, летевшие на борту воздушного лайнера. Умные приборы безошибочно привели судно в порт, но оно доставило страшный груз — груз мертвцевов!

Чиновники подошли к сейфу. Тот оказался взломан, как они и предвидели. Шесть дюймов вольфрамово-иридевой оболочки были точно так же расплавлены. Теперь этот невероятный факт уже не удивил их. Они только взглянули на металл, все еще слишком горячий, чтобы касаться его, и осмотрели сейф. Облигации исчезли. И еще работники аэропорта заметили, что на конторке почтового клерка прикреплен небольшой конверт. На нем было напечатано:

ДЛЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ АЭРОПОРТА САН-ФРАНЦИСКО

Внутри оказалось короткое сообщение, напечатанное точно такими же отчетливыми, черными буквами:

Господа!

Этот самолет должен совершить благополучную посадку. Если этого не произойдет, это ваша вина, а не моя, надеюсь, ваше оборудование не допустит катастрофы. Пассажиры не мертвы! Они находятся в состоянии временного анабиоза. Любой доктор может легко оживить их путем инъекции семи кубиков децинормального раствора йодида калия в расчете 1 кубик на каждые 100 фунтов веса. Не используйте более высокую концентрацию. Более низкая концентрация будет действовать медленнее.

Вы обнаружите, что при этом будет уничтожена любая предрасположенность к проказе или раку. Газ, который погрузил команду в анабиоз, убивает любой из существующих видов рака, а при наличии, вылечивает его приблизительно за неделю. Я не экспериментировал с проказой, но уверен, что и она тоже вылечивается очень быстро. Мы запускали газ извне. Поэтому не досаждайте пассажирам расспросами. Использованный газ не может быть изолирован никакими материалами, о которых я знаю. Вы можете попробовать использовать маски, но только не С-32Л. В противном случае реакция с газом может убить. Я бы посоветовал вам опробовать маски на животных, если хотите убедиться.

Взамен взятых мною облигаций, я оставил акции моей новой компании «Пиратство ИнкорпорейТэд», которая зарегистрирована в соответствии с моими собственными законами.

ПИРАТ

На столе под запиской лежал небольшой пакет, в котором находилась пачка привелигированных акций «Пиратство ИнкорпорейТэд». Их номинальная стоимость составляла 900 тысяч долларов.

— Пиратство! Пираты в воздухе! — управляющий аэропорта неестественно рассмеялся. — В 2126 году, оказывается, существуют пираты, атакующие воздушные линии. «Пиратство

ИнкорпорейТэд! Привилегированные акции! Я мог бы и сам выпустить собственные облигации. Но, слава богу, он не убил всех этих людей... Здравствуйте, доктор, вы выглядите взволнованным! Выше голову. Если то, что говорит этот пират, правда, мы сможем реанимировать всех, и они будут чувствовать себя даже лучше, чем прежде.

Врач покачал головой.

— Я проверил пассажиров. Боюсь, уже ничто не сможет вернуть этих людей к жизни, сэр. Не могу обнаружить ни малейшей сердечной активности. Я не обнаружил ничего плохого в составе крови, странно, что она не коагулирует, как я ожидал, и при этом нет никаких признаков гидролиза. Но, боюсь, мне придется выписывать акты о смерти для всех этих мужчин и женщин. Одна из пассажирок этого корабля летела сюда, чтобы попасть ко мне на прием. А теперь я сам оказался здесь. Что ж, для нее, по крайней мере, это даже лучше. Несчастная страдала от неизлечимого рака.

— В этом случае, доктор, я надеюсь и рассчитываю, что вы не правы. Прочитайте эту записку...

Это произошло за два часа до того, как должна была начаться процедура по возвращению пассажиров к жизни. Опровергая все законы физики, температура их тел, после того как снизилась до двадцати четырех градусов, оставалась неизменной, доказывая, что некоторая форма очень медленного метаболизма еще сохраняется. Одного за другим их укутали в большие электроодеяла, и каждому ввели точную дозу раствора. Все с нетерпением ждали результата — и в течение десяти минут после инъекции первый человек пришел в себя!

Дело продвигалось с неуклонным успехом. Были реанимированы все пассажиры и члены экипажа. Пират сказал правду. Женщина, которая страдала от рака, впервые за долгие месяцы избавилась от боли. Позже, тщательное исследование показало, что она была совершенно здоровая!

Газеты и служба радионовостей выпустили первые сообщения уже через пять минут после приземления огромного лайнера, а теперь и вовсе не было недостатка в новостях. Весь июнь был «мертвым» на происшествия, и тут такой бум в первый же день месяца!

Однако прежде чем делать какие-либо выводы и заниматься расследованием, служащие аэропорта вместе с Воздушной Гвардией старательно прочесали весь корабль. Вскоре стало понятно, что атака была проведена извне — все как написал Пират. Второй, аварийный, пилот утверждал, что, прежде чем подняться на борт корабль, он обнаружил небольшой кусок проволоки, удерживающий воздушный люк с наружной стороны. Проволока, конечно, была закреплена в полете, и сей факт означал, что кто бы ни сделал это, он прежде посадил на огромный воздушный корабль маленький самолет, тем или иным способом закрепил его, затем вошел в лайнер через люк на высоте в десять миль. А перед этим он, вероятно, летел перед кораблем, оставляя за собой газовый след, чтобы газ проник внутрь лайнера через насосы вентиляции. Со временем газ выветрился, вытесненный поступающим извне воздухом, поскольку второй пилот, поднявшийся на борт, когда самолет уже был над конечным пунктом путешествия, не пострадал.

Далее, расследование привело в почтовое отделение. Несмотря на огнеупорную природу металла, дверь открыли, посредством выжигания замка! И точно такое же отверстие зияло в сейфе, который был проплавлен насквозь!

На следующий день планировалась очередная доставка облигаций, и сотрудники авиакомпании теперь были начеку. Они пребывали в полной уверенности благополучного исхода, поскольку специально для облигаций на борту разместили стальные герметично сваренные камеры со встроенным кислородными баллонами и автоматическим устройством очистки воздуха. Передняя часть камер была оборудована пуленепробиваемыми стеклами, а с помощью электроприводов управления находящиеся внутри люди могли вести пулеметный огонь. Таким образом они были защищены от газа и вооружены против любых пополновений Пирата.

Корабль сопровождал патруль Воздушной Гвардии. При этом, невзирая на опасность, некоторые больные раком прошли на борт, с надеждой быть отправленными таинственным газом. Когда самолет достиг Сан-Франциско, не было никаких признаков нападения. Пират вполне мог удовлетвориться одним миллионом, если бы он был одиночкой, как это следовало

из его подписи; но казалось намного более вероятным, что он в любом случае предпримет еще одну попытку нападения. Это, правда, означало колоссальную работу для Воздушной Гвардии, которая должна была контролировать все авиаперевозки...

Командир патруля заложил крен к земле, чтобы начать снижение с высоты десяти миль, и дал знак ведомым следовать за ним. И тут в коммуникаторе раздался хорошо знакомый всем звук. На авиалайнере включился сигнал, вызывающийший аварийного пилота. Это могло означать лишь то, что экипаж отравлен газом прямо под носом воздушной охраны.

Облигации снова исчезли, а пассажиры находились в глубоком анабиозе. Вероятно, и охрана в стальных камерах была отравлена газом.

Записка, оставленная воздушным пиратом, оказалась столь же краткой и точно так же не содержала никаких сведений о судьбе облигаций.

ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦАМ АЭРОПОРТА:

Пробуждайте людей как обычно. Люди в камерах тоже спят. Как я уже говорил, газ проникает через любой материал. Даже не сомневайтесь. Противогазы бесполезны. Не пробуйте только маску C-32L. Я предупреждаю вас, это будет фатально. Мой газ вступает в реакцию и производит вирулентный яд, если вступает в контакт с химикатами C-32L.

ПИРАТ

ГЛАВА 1

На тридцать девятом этаже огромной нью-йоркской квартиры два молодых человека отдыхали в гостиной после напряженной игры в теннис. Синие струйки дыма их трубок медленно тянулись вверх, чтобы быть унесенными отлично работавшей системой вентиляции. Один из молодых людей, Роберт Мори, на добрых четыре дюйма превосходил Ричарда Аркота. Находясь рядом с Мори, Ричард чувствовал себя «коротышкой» — он был всего лишь шести футов ростом.

Основным родом деятельности обоих молодых людей были физические исследования, и в том, что касалось этих вопросов,

Аркот мог считать Мори «коротышкой», а у самого Аркота был только один конкурент — собственный отец. Это был как раз тот случай, когда «яблоко от яблони...». Долгие годы Роберт Аркот-старший считался величайшим американским физиком, и, вероятно, самым крупным в мире. Позже Ричард отобрал у отца славу самого величайшего физика в мире. Аркот-младший был, вероятно, одним из тех блистательных людей, которых когда-либо знал мир, но этого не случилось бы без двух людей, которые помогали ему во всем и тысячекратно увеличивали его возможности. Ими были его отец и лучший друг Мори — два выдающихся ума в качестве бесплатного приложения к его замечательным способностям. Его отец в течение многих лет специализировался на сложных лабораторных экспериментах. Мори умел разработать математическую теорию из любой гипотезы, и делал это намного быстрее, чем Аркот. Мори отлился тем, что всегда все раскладывал «по полочкам», в отличие от Аркота, но Аркот обладал широтой взгляда и лучше вникал в детали, чтобы получить предварительный метод решения, разработанный со скоростью, которая казалась совершенно невозможной его другу, иногда не поспевавшему за ходом мыслей партнера.

Аркот-младший разработал теорию кратного исчисления и получил оригинальные результаты, лишенные разрозненности старых теорий, что дало начало новым разработкам. Но существовал еще один фактор, который делал Аркота таким удивительно успешным на выбранном им поле деятельности — он обладал способностью видеть практическое применение своих изобретений, чего, к сожалению, недостает многим великим физикам. Если бы он получал процент вознаграждения от каждого из своих изобретений, то стал бы дважды или трижды миллиардером. Вместо этого, он лишь заключал контракты, позволяющие содержать лабораторию и получать зарплату, которая обеспечивала его всем, в чем он нуждался. Продав все свои изобретения Трансконтинентальным Авиалиниям, он все свободное время целиком посвящал науке, устранившись от управления финансами. Возможно, именно тот факт — что Аркот продал свои изобретения Трансконтинентальным Авиалиниям — и сделал компанию невероятно успешной; во всяком случае, президент компании Артур Мори был ему за это очень

признателен, а когда сын его смог стать незаменимым сотрудником лаборатории, он радовался этому не меньше Аркота.

Ныне же молодые люди стали «не разлей вода». Они работали, развлекались, жили и думали вместе...

Сейчас они говорили о Пирате. Это был седьмой день его славы, и его образ этот становился все более и более угрожающим. Сильнее всего досталось Трансконтинентальным Авиалиниям, причем неоднократно. Иногда жертвами оказывались рейсы в Сан-Франциско, иногда экспрессы из Нью-Йорка, Сент-Луиса, и всякий раз самолеты появлялись над летным полем, подавая сигнал бедствия второму — аварийному пилоту. Но всегда людей возвращали к жизни без особых затруднений, и каждый раз на борту находили акции «Пиратство, Inc.» Воздушная Гвардия казалась беспомощной. Снова и снова Пират ускользал от них. При этом постоянно убеждая, что грабитель проник на борт извне, поскольку люк всегда находили запечатанным снаружи.

— Дик, каким образом он проделывает все это пред носом Воздушной Гвардии? У него должен быть какой-то метод, чтобы делать это раз за разом и оставаться незамеченным.

— У меня только самые смутные идеи, — ответил Аркот. — Я хочу тебя попросить, чтобы твой отец помог нам попасть на ближайший лайнер, перевозящий деньги на борту. Я понимаю, что страховые тарифы теперь настолько выросли, что компании не смеют больше посыпать наличность воздушным путем. Предпочитают медленные сухопутные маршруты. Но все же, планируется ли какая-нибудь крупная доставка?

Мори покачал головой.

— Нет, но у меня есть идея. Возможно, это даже лучше подходит для нашей цели. На днях несколько человек приходили к отцу в офис, чтобы зафрахтовать рейс на Сан-Франциско, и папа, естественно, задался вопросом, почему они обратились именно к президенту компаний. Оказалось, проблема в том, что они хотели нанять судно именно ради того, чтобы их оградили! Большая группа мужчин и женщин, раковые больные, так планируют свое «лечение». Каждый из двух с половиной тысячи человек собирается взять с собой по сто долларов. Это в общей сложности четверть миллиона долларов, которые они собираются поставить на кон. Понимаешь, они надеются, что

газ Пирата их вылечит! Папа не мог сделать это официально, но сказал им, что если будет слишком много людей на экспресс-рейс в Сан-Франциско, то он добавит вторую секцию. Я полагаю, что больные соберутся в этой второй секции. Всего сто долларов! Просто даром за исцеление от рака! Да, и вот еще что: отец попросил передать, что был бы очень признателен, если бы ты оказал помочь в поимке этого ультрасовременного пирата. И если ты встретишься с ним, то, несомненно, сумеешь договориться обо всем необходимом.

— Я с удовольствием так и сделаю. Интересно, однако, что ты знаешь об этом больше, чем я. Они попробовали ту маску С-32L на животных?

— Пират не солгал. Маску испытали на собаке, и она уснула навсегда. Но, у тебя есть хоть какая-то идея, что это за газ?

Теперь Аркот в свою очередь в ответ покачал головой.

— Я не знаю, что это за газ, но есть зацепка, насчет того, как он работает. Как тебе известно, окись углерода просачивается через твердую пластины раскаленной стали. Это знают уже примерно триста лет, и я хочу отдать должное Пирату за то, что он проделал. Даже во время войны 2075 года этому факту не нашли никакого практического применения. А Пират придумал газ, который в очень низких концентрациях не только вызывает сон, и в то же время имеет проникающую способность выше, чем у окиси углерода.

— Было бы интересно знать, как он хранит этот газ, — проинформировал Мори. — Впрочем, думаю, он изготавливает его в момент необходимости, запуская реакцию из двух или более компонентов. Вполне возможно, достаточно просто хранить их отдельно, когда же они попадают в проходящий мимо воздушный поток, то создают необходимую смесь перед летящим самолетом. Как тебе это?

— Да, я об этом думал. Есть одна вещь, которую я собираюсь сделать, когда отправлюсь завтра со своим безумным предложением — хочу получить некоторые образцы для анализа.

— Но разве это выполнимая задача, Дик? Как ты собираешься это сделать, да еще поместить газ в свой аппарат?

— Достаточно легко, не вижу ничего сложного. У меня уже готовы некоторые пробные емкости. Одна из них в настоящий момент находится в лаборатории.

Аркот покинул комнату, чтобы спустя несколько минут вернуться с большим, герметично закрытым алюминиевым сосудом.

— Эта емкость была опустошена до глубокого вакуума. Затем я поместил ее в газообразный гелий. После этого пришло заново откачивать из неё газ. Я собираюсь поместить её в неизвестную газонаполненную среду, где газ будет в состоянии просачиваться, а воздух нет. И если изъять её оттуда, газ вынужден будет уступать давлению воздуха и, вероятно, останется внутри.

— Надеюсь, что сработает. Было неплохо узнать, с чем нам придется вести борьбу.

На следующее утро Аркот провел длительное совещание с президентом Мори. После этого он покинул его офис, поднялся на крышу и сел в маленький вертолет. Поднявшись до местного транспортного уровня, он занял место в потоке машин, направляющихся в крупные аэропорты в районе Джерси. Через несколько минут вертолет приземлился на крышу цеха Трансконтинентальных Авиалиний; спустившись вниз, Аркот вошел в офис Главного инженера, Джона Фуллера, своего бывшего одноклассника. Раньше они всегда оказывали помошь друг другу, и хотя Фуллер не так уж глубоко вникал в теоретическую физику, насколько хотелось бы, все же он был, вероятно, одним из выдающихся авиационных конструкторов, и часто консультировался с Аркотом по поводу некоторых теоретических вопросов. Впрочем, Аркот извлекал из их сотрудничества не меньшую пользу, поскольку способности конструктора часто требовалась, чтобы воплотить теории в практическое коммерческое производство. Сейчас же цель визита к Фуллеру состояла в том, чтобы чуть переделать самолет, в котором Аркот собирался сегодня же лететь в Сан-Франциско.

Он провел в кабинете Фуллера добрый час, затем вернулся на крышу, а оттуда — отправился обратно к себе в офис, где его поджидал Мори-младший.

— Привет, Дик! Отец сообщил, что ты собираешься лететь сегодня днем, и, поспешил сюда. Я получил твою записку и собрал все, что ты велел. Сейчас десять тридцать, а самолет вылетает в час. Давай пообедаем, прежде чем начать.

Была половина двенадцатого, когда они прибыли на аэродром. Оба отправились в каюту, специально выделенную для них на борту огромного самолета. Она примыкала к почтовому отделению, и в перегородке было проделано небольшое отверстие. Непосредственно под ним располагался стол, на котором двое приятелей разместили принесенную с собой небольшую видеокамеру.

— Сколько емкостей ты взял, Боб? — спросил Аркот.

— У Джексона были готовы только четыре, я забрал все. Полагаю, этого будет достаточно. Как думаешь, камера сработает?

— Да, все в порядке, я уверен. Сейчас нам остается только ждать.

Время шло. Затем они услышали слабый шум — это заработали вентиляторы системы, которая втягивала воздух извне и накачивала его до давления, необходимого для поддержания нормального дыхания на борту, вне зависимости от того, каким было давление снаружи. Еще более внушительный насос подавал воздух к каждому из двигателей, чтобы обеспечивать их необходимым количеством кислорода. Любая потеря мощности компенсировалась небольшой дополнительной подачей. Запустились двигатели — легкая вибрация от них ощущалась только в первый момент. Она тут же прекратилась, едва моторы вышли на рабочие обороты. Был закрыт герметичный люк. Небольшой передвижной лифт отъехал от борта и покатился к ангару.

Аркот проверил время.

— Ровно час. Должны подать сигнал к взлету.

Мори опустился в удобное кресло.

— Ну, Дик, теперь нам остается только не заскучать в пути до Сан-Франциско и обратно, и, я надеюсь, что после этого мы раскроем тайну Пирата!

— И я надеюсь на это Боб, точно так же, как рассчитываю вернуться полночным рейсом из Сан-Франциско, который доставит нас завтра обратно к девяти ноль-ноль по нью-йоркскому времени. Я хочу, чтобы ты сразу отправился в офис своего отца и попросил его прийти к нам на ужин, и неплохо бы вместе с Фуллером. Я думаю, к тому времени мы сможем запустить в работу молекулярную установку —

её монтаж почти завершен — и нам понадобится хороший инженер-проектировщик. Тогда наше маленькое кино-шоу, несомненно, будет представлять интерес!

Низкий гул быстро перерос в рокот в ритме стаккато, когда огромные пропеллеры начали вращаться, и двигатели взяли полную нагрузку. Взлетная полоса под ними начала быстро понеслась назад, и как только была достигнута нужная скорость, ревущие моторы перешли на более глубокий тон, тряска прекратилась и земля ушла вниз. Словно могучая дикая птица, самолет изящно взмыл в воздух и, заложив большой круг, направился в сторону Сан-Франциско. Медленно и уверенно он набирал высоту, поднимаясь все выше и выше, и постепенно устрашающий рев двигателей перешел в низкий пульсирующий гул, поскольку малое давление забортного воздуха снижало шум.

Гигантский город под ними казался миниатюрным, на такую большую высоту поднялся летучий корабль. Крошечные частные вертолеты мелькали под ним, а запруженные людьми улицы превратились в темные штрихи между зданиями. Самые высокие из них сияли в лучах горячего полуденного солнца, отражавшегося от их зеркальных фасадов.

Сверху город казался неописуемо красивым. Даже ради одного этого зрелища стоило отправиться в путешествие.

Сверкающий город вскоре остался далеко позади, и теперь внизу расстипался мягкий зеленый ковер холмов Джерси, в то время как небо вокруг было пурпурно-черным. Еще выше, почти в полной черноте, сияло солнце, а плотность разреженной атмосферы была настолько низкой и лишенной рассеивания, что его корона отчетливо виднелась в дымчатом стекле. Вокруг солнца, словно флаги в космосе, тускло мерцали зодиакальные созвездия. Тут и там некоторые из самых ярких светил перемигивались в темноте.

Неторопливо разворачивался пейзаж внизу. Даже для этих двух ученых, которые совершили десятки поездок, открывавшийся вид казался захватывающим, вдохновляющим. Это зрелище было невозможно наблюдать до наступления эпохи суперлайнеров. Только летающие обсерватории могли делать фотоснимки с высоты пятнадцати миль, где воздух был настолько разреженным, что самолет должен был

двигаться со скоростью около восьмисот миль в час, чтобы держаться горизонтально...

Большое цветное пятно, которое видели перед собой Аркот и Мори, было ничем иным, как Чикаго, самым могущественным городом Земли. Расположенный в самом сердце североамериканского континента, он находился рядом с огромной акваторией и широкими равнинами — прекрасное место, чтобы создать аэропорт. Водный транспорт уже не имел такого значения, моря служили только источником энергии, пищи и отдыха, и необходимость в морских кораблях отпала. Самолеты были быстрее, гораздо экономичнее, а города побережья постепенно утратили свое значение. Чикаго же, напротив, сделал отличный старт и вырвался вперед в своем величии одновременно с началом развития суперлайнеров и авиалиний. Сюда прибывали самолеты из Европы, кроме того, Чикаго служил отправной точкой южноамериканских линий. Сейчас, когда учёные на борту авиалайнера плыли над ним, город казался большой массой разноцветных прямоугольных пятен.

Вскоре Аркот и Мори увидели большой пассажирский самолет, раза в два превосходящий размерами их собственный, из тех, которые летают в Японию; он поднимался с аэродрома, и шесть его гигантских пропеллеров казались размытыми пятнами. Вскоре он исчез из поля зрения...

Аркот и Мори как раз подлетали к зеленым равнинам Небраски, где обычно разбойничал Пират, так что друзья испытывали нарастающую тревогу, ожидая первых признаков аномальной солнливости. Они сидели неподвижно, не произнося ни слова, старательно прислушиваясь, но прекрасно понимая, что любые звуки, какие мог бы произвести Пират, будут скрыты дрожащим гулом рассекаемого гигантскими крыльями воздуха.

Внезапно Аркот почувствовал, что ему невообразимо хочется спать. Он вяло повернулся к Мори и увидел, что тот уже сполз на пол. Собрав невероятное усилие воли, Аркот заставил себя дотянуться до тумблера и включить камеру, которая работала практически бесшумно. Ему казалось, что он уже не сможет убрать руку... затем он упал и... открыв глаза, увидел склонившегося над ним человека в белой униформе. Повернувшись, разглядев улыбающегося Мори.

— Ты отличный охранник, Аркот. А я думал, ты собираешься бодрствовать и наблюдать за Пиратом!

— О, нет, я оставил гораздо более эффективного сторожа. Я пытался не уснуть. Готов поклясться в этом.

— Нет необходимости, здесь нельзя было не заснуть, но доктор сказал мне, что случилось кое-что еще. Когда нас разбудили, каюта оказалась совершенно пуста. Я думаю, Пират обнаружил наш багаж и забрал его. Исчезло все оборудование, без исключения, включая пробы с газом.

— Не волнуйся. Это была моя просьба. У второго пилота, который должен был проникнуть на судно, имелись инструкции от твоего отца. Он позаботился о нашем багаже, так чтобы никто из членов пиратской банды не мог завладеть им. Как знать, вдруг некоторые из них входят в наземную команду. Нам отдадут наши вещи, как только мы встретимся со вторым пилотом. Я ведь уже могу встать, не правда ли, доктор?

— Да, доктор Аркот, вы в порядке. Я только посоветую вам поберечься в течение следующего часа или около того, чтобы ваше сердце полностью восстановилось. Оно бездействовало почти два часа, чтоб вы знали. Но сейчас, как бы там ни было, все уже позади.

ГЛАВА 2

Пять человек собралось в библиотеке Мори, чтобы обсудить результаты последнего ограбления, которое непосредственно коснулось обоих зачинщиков встречи. Помимо них присутствовали Фуллер, а так же президент Мори и доктор Аркот-старший. До сих пор оба молодых человека отказывались сообщать, что открыла их поездка, отговариваясь тем, что запись расскажет сама за себя. Наконец, они обратили внимание гостей на проектор с экраном, который установил Аркот-младший. По его указанию были опущены тяжелые шторы, и он включил проектор. На экране возникло трехмерное изображение почтового отделения на борту пассажирского самолета.

— Я вырезал большинство лишних кадров и ограничился самой сутью, — прокомментировал Аркот. — Сейчас мы увидим работу Пирата.

Пока он говорил, все увидели, как немного открылась дверь почтового отделения, после чего, к их большому удивлению, в этом положении она оставалась в течение нескольких секунд, затем закрылась. Как будто кто-то должен был войти, но так и не вошел!

— Кажется, в твоем показе много белых пятен, сынок. Фактически я не увидел ничего из того, что ожидал, — объявил Аркот-старший. — Однако дверь, оказывается, была не закрыта. Я думал, она должна быть надежно заперта.

— Пират просто прожег бы ее насеквзь, поэтому их теперь оставляют открытыми, чтобы не портить имущество.

Изображение, казалось, немного качнулось, как будто корабль толкнуло воздушным потоком, и в иллюминаторе мелькнул один из самолетов воздушной гвардии. В тот же момент в комнате внезапно вспыхнуло крохотное пламя. Оно мгновение оно висело в воздухе перед сейфом, затем описало довольно сложный набор кривых, после чего последовала яркая вспышка. И тут же, в одно мгновение, она уплотнилась до мельчайшей точки искрящегося темно-красного огня. Огненная точка в свою очередь тоже描画了 сложную серию кривых линий и коснулась поверхности сейфа. В немыслимо короткое время вольфрамово-иридиевый сплав восьмидюймовой толщины вспыхнул и, что казалось невероятным, начал плавиться. В блеске красного пламени точка描画了 круг; в брызгах каскада искр видно было, как поддается толстый металл.

В момент, когда круг уже был практически завершен, и казалось, что вырезанный кусок сейчас упадет в сейф, пламя каким-то странным образом будто втянулось само в себя, хотя продолжало гореть, что казалось совершенно невероятным, потому что не существовало рядом никакой силы, которая могла бы поддерживать его горение. И снова, как прежде, оно точкой зависло в воздухе...

— Я собираюсь продемонстрировать несколько отдельных кадров, чтобы вы могли подробно и внимательно изучить эту часть фильма.

Аркот передвинул небольшой выключатель, и проектор моргнул, придав изображению, которое проецировалось на экран, довольно странный вид.

Снимки показывали пламя, медленно двигающееся, пока оно не коснулось металла. Вольфрамово-иридиевый сплав на мгновение вспыхнул; и вдруг, так же внезапно, как гасится свет, сейф исчез! Он растворился в воздухе. Был виден только след, оставшийся от раскаленного металла и самого пламени.

— Кажется, пират открыл секрет невидимости. Неудивительно, что воздушные гвардейцы не могут найти его! — воскликнул Аркот-старший.

Проектор был остановлен именно на том кадре, на котором исчез сейф. Аркот повернулся к зрителям.

— Ты прав, отец, — сказал он, — но обратите особое внимание на другой кадр.

Это был снимок комнаты, где за прозрачной перегородкой спал почтовый клерк. Практически ничего не изменилось, за исключением того, что сейф представлял теперь собой смутную тень, на фоне ярко пылающего металла. А рядом с полузаметным сейфом была видна призрачная фигура человека, который касался его каким-то непонятным стержнем или чем-то вроде того. И сквозь оба тела был почти отчетливо виден иллюминатор, а за ним, словно по иронии судьбы, самолет Воздушной Гвардии.

— Кажется, его невидимость на мгновение исчезла. Вероятно, причиной был именно контакт с сейфом. Что ты скажешь, отец? — спросил Аркот-младший.

— Звучит логично. Однако я даже теоретически представить не могу, как возможна его невидимость. У тебя есть какие-то предположения?

— Да, пап, есть, но я хочу дождаться завтрашнего вечера, чтобы озвучить их. Давайте закруглимся на сегодня, если вы не возражаете снова прийти сюда завтра.

Следующим вечером, однако, оказалось, что именно сам Аркот не смог прийти вовремя. Он попросил Мори-младшего предупредить остальных о том, что задержится в лаборатории.

Поужинав собравшиеся в нетерпении ждали Аркота. Они услышали какой-то шум из коридора, обернулись, но никто не вошел.

— Мори, — спросил Фуллер. — Вы установили, какой газ использовал Пират? Помнится, Аркот говорил, что у него будут образцы для анализа.

— Что касается газа, то Дик узнал немногим больше, чем мы знали раньше. Это типичное органическое соединение, одно из производных радикалов металлического типа и содержит атомы тория. Газ немного радиоактивен, как вы знаете, и Дик считает, что это может частично отражаться на его способности приостанавливать жизнедеятельность. Однако из-за того, что невозможно определить его молекулярный вес, он не мог сказать, что это за газ, за исключением того, что эмпирическая формула его предположительно $H_{8_9}O_{2_7}N_5$. Он разрушается при температуре 89° по Цельсию. Продукты распада содержат в основном метан, азот и метиловый эфир. Дик все еще находится в неведении относительно того, что это за газ.

Он замолчал, затем вдруг воскликнул:

— Смотрите!

Мужчины одновременно уставились в противоположный конец комнаты, но не увидели ничего необычного и только озадаченно переглянулись между собой. Каково же было их удивление, когда в следующее мгновение им пришлось по-настоящему озадачиться. Мори исчез!

— Что... где... почему... уфф! Отличная работа, Дик! — Аркот-старший рассмеялся от души.

Заметив недоуменные и любопытные взгляды компаний, он прекратил смех и крикнул:

— Давай, Дик! Мы хотим видеть тебя прямо сейчас. И расскажи, как это тебе удалось! Я думаю, мистер Мори... я имею в виду того из вас, который все еще виден... означен не меньше.

В воздухе послышался короткий взрыв смеха — как будто из ниоткуда, — затем раздался тихий, но отчетливый щелчок. Мори и Аркот чудесно возникли в комнате, появившись словно из небытия, если можно было так выразиться. К спине Аркота был прикреплен большой и наспех сооруженный механизм, длинный провод от которого тянулся в лабораторию. Он держал в руке еще какой-то аппарат, тоже с проводом. Мори касался короткого металлического прутка, который словно являлся продолжением Аркота, используя в качестве соединителя столовый нож, чтобы не получить радиочастотный ожог при вступлении в контакт.

— Прошу прощения! Задержался, чтобы закончить последнее настройки этого портативного аппарата. Но у меня есть



еще одна работоспособная машина. Это несколько другое оборудование, которое более важно для нас. Машина довольно тяжелая, поэтому я попрошу вас расчистить место на столе, чтобы я мог поставить ее. Видите провод электропитания — он выдает опасно высокую ЭДС, поскольку я вынужден использовать электроснабжение лаборатории, так как у меня не было времени соорудить более компактное устройство, которым, наверняка, обладает Пират... Я продублировал его эксперимент. Он просто использовал принцип, известный достаточно давно, но из-за того, что в нем не было потребности, о нем забыли. Оказалось, еще в XX веке знали, что ультракороткое излучение вызывает специфические изменения в металлах. Было установлено, что излучатели, передающие ультракороткие волны, становятся почти прозрачными. Волны, однако, были настолько короткие, что им не нашли никакого применения... Они практически не распространялись, и поэтому разработку прекратили. Кроме того, невозможно было создать аппаратуру, необходимую для их использования. Во время последней войны пытались применить короткие волны для создания невидимых самолетов, но снова возникли сложности с мощностью, так что эти попытки остались. Наш друг Пират довел это изобретение до возможности практического использования. Как вы можете убедиться, невидимость существует — это интересный эффект и годится для эстрады и телевизионных шоу, но, имеет никакой коммерческой пользы. Никто не захочет быть невидимым в честных делах. Зато невидимость — прекрасное оружие для войны, так что мы можем заключить: Пират начал личную вендетту, она для него единственный способ, которым он может заработать своими изобретениями. Его газ сделал эти попытки удачными — прекрасная комбинация для преступных операций... Из всего этого я делаю вывод, что такую работу мог проделать только неуравновешенный гений. Он не совсем безумен; вероятно, у него конкретная навязчивая идея. Его научный подход не демонстрирует ни малейшего признака несостоительности. Он может оказаться даже каким-то новым типом клептомана. Он крадет состояния и уже украл намного больше, чем кто-либо когда-либо, при этом оставляет на месте преступления акции своей собственной компании. Он не жесток — помните, как он

настойчиво просил не использовать маску С-32L? А его тщательные инструкции относительно того, как оживить людей?.. Он разработал устройство для невидимости и, естественно, может летать без ведома Воздушной Гвардии, если их микрозвуковые детекторы не определяют его местонахождение. Я полагаю, он использует что-то вроде планера. Он не может использовать двигатели внутреннего сгорания — тогда были бы виды вспышки в цилиндрах, как если бы цилиндры сделаны из прозрачного стекла. Он так же не может использовать электродвигатель, поскольку ячейки питания весят слишком много. Кроме того, если бы он использовал винты или реактивный мотор, шум выдал бы его. Но если он использует планер, шум большого самолета заглушает незначительные звуки. Планер может висеть над кораблем, затем нырнуть к нему. У него есть очень простая якорная система, как я понял благодаря досадному слухаю. Это мощный электромагнит, включающийся как только Пират перебирается на борт самолета... Площадка для его приземления находилась точно над нашей каютой, и я обнаружил, что мои часы выкинули фокус. Они отстали на час утром, а во второй половине дня еще на два часа. Я обнаружил, что они очень сильно намагничены, особенно стрелки и балансир. Я размагнили их, и теперь они идут правильно... Но вернемся к нашему делу. Пират ставит свой планер на якорь, затем, оставаясь невидимым, идет к воздушному шлюзу и входит в аэроплан. На нем костюм, для полетов в стратосфере, на спине портативный прибор невидимости и топливо для его резака. Газ уже заставил всех уснуть, таким образом, он поднимется на борт корабль, все еще невидимый, и выплавляет дыру в сейфе... Источник питания для его устройства невидимости мне пока неизвестен, но я думаю, что на его месте я бы использовал емкость с жидким воздухом и небольшую турбину, которая приводит в действие генератор высокого напряжения. Он, вероятно, использует ту же самую конструкцию, только в более мощную, для управления его планером. Как я уже объяснил, он не может использовать двигатель... Не менее интересна его горелка. Мы иногда используем атомарную водородную сварку, она выдает приблизительно 100 тысяч калорий на моль молекулярного водорода. Всего две частицы газа дают сто тысяч калорий. Кислород дал бы еще больше,

но в атомарном состоянии он не производится в коммерческих масштабах... Изучив же его «факел», цвет пламени и другие признаки, я заключаю, что он использует для плавки атомарный кислород, при этом он окружает пламя своего рода оболочкой из атомарного водорода. В центре пламени, вероятно, достигается температура около 4000 °С, что переводит вольфрамовый сплав в жидкое состояние. Если же говорить об установке, то она, как я уже сказал, воздействует на организм сверхвысокими частотами. Это заставляет молекулы вибрировать с частотой, близкой к световой скорости, и когда свет падает на тело, он с легкостью проходит сквозь него. Вы знаете, что металлы пропускают свет на короткие расстояния, а чтобы он полностью проходил сквозь них, молекулы металла должны испытывать гармоничные вибрации на частоте, близкой к частоте светового излучения. Если мы сможем воздействовать этой вибрацией на материальное тело, оно свободно пропустит свет. Иначе говоря, испытывая этот эффект, тело становится совершенно прозрачным. Теперь о том, как эту вибрацию молекул, которая заставляет свет проникать сквозь материю, можно остановить, если мы хотим увидеть его машину. Очевидно, намного легче обнаружить меня здесь, в окружении вещей, чем планер в безграничном небе. Какой шанс мы имеем для обнаружения машины, которая совершенно прозрачна, а вокруг нее точно такой же совершенно прозрачный воздух? Это — любопытная особенность вибрационной системы невидимости, которая делает индекс преломления очень низким. Он не такой же, как у воздуха, но различие столь невелико, что находится в пределах погрешности, разница настолько мала, что не возникает никакого эффекта преломления. И нет никакой зависимости от температуры воздуха... Поскольку эта вибрация вызывается импульсами излучения, я подумал: нельзя ли использовать противодействующий импульс, который остановит этот процесс и снова вернет невидимый объект в область видимости? И эта машина на столе именно для того и разработана. Она излучает волны практически той же длины, которая обеспечивает невидимость. Но в данном случае она сделает меня видимым. Я собираюсь продемонстрировать это прямо сейчас, а Боб будет управлять установкой.

Аркот шагнул в середину комнаты, после чего Мори направил на него рефлектор излучателя. Раздался тихий щелчок, когда Аркот включил свое устройство и исчез, так же внезапно, как наступает темнота, когда гасится свет. Между тем, он был здесь, но всем пришлось уставиться на стул напротив, зная, что они смотрят на него сквозь тело Аркота. Это заставило их испытать неприятный холодок по спине. Послышался голос — как будто из пустоты, — принадлежащий бесплотному призраку и обращавшийся к Мори:

— Хорошо, Боб, крути ручку медленно.

Раздался еще один щелчок, как только был включен излучатель, в воздухе возникла едва заметная туманность, в том месте, где находился Аркот. По мере нарашивания мощности излучения, все увидели, как человек словно материализуется из пустоты. Сначала он предстал в виде призрачного контура. Очертания предметов за ним постепенно становились все более и более размытыми, по мере того, как тело Аркота обретало материальность, пока вокруг него не осталась только колеблющаяся аура. Со щелчком Мори отключил аппарат, и Аркот снова исчез. Еще один щелчок, и он опять появился, но в этот раз, выключив свой аппарат.

— Теперь вы знаете, как мы собираемся обнаружить нашего невидимого Пирата. Конечно, нам еще придется добиться наилучшей настройки излучателей, чтобы заставить их максимально эффективно противодействовать невидимости. Но вы, вероятно, поражены величию гения, который сумел спроектировать и построить этот аппарат всего за один день. Я объясню это чудо. В течение некоторого времени я работал над коротковолновыми явлениями. На самом деле я уже почти создал машину невидимости, Мори этому свидетель, но я пришел к выводу, что у этого изобретения нет никаких коммерческих перспектив, так что прекратил все лабораторные эксперименты. Я опубликовал некоторые теоретические выкладки в журнале Международного Физического Общества, и не удивлюсь, если Пират базировал свое открытие на моем отчете... Сейчас я работаю над одним аппаратом, непосредственным образом относящимся к нашему делу. Я прошу вас прийти на следующую встречу через двадцать четыре часа, чтобы я мог продолжить работу и закончить ещё одно устройство. Очень важно, чтобы и

ты был здесь, Фуллер. Ты мне понадобишься для решения конструктивных задач, как только все заработает, а я надеюсь, что так и будет.

— Я обязательно приду, Аркот, — заверил его Фуллер.

— Могу обещать тебе сложную и очень интересную проблему, — улыбнулся Аркот. — Если установка заработает, как я ожидаю, то у тебя появится дело, которое, безусловно, придется тебе по вкусу. По крайней мере, на то есть шанс.

— Ну, с таким стимулом я тем более буду здесь... Думаю, Пират может дать нам некоторые намеки на конструкцию. Как он поднимает свой планер на высоту десяти миль? И при этом выдерживает длительное высотное скольжение. Последний рекорд принадлежит перелету через Атлантику в 2009 году, не так ли? Но, кажется, десять миль высоты это слишком много для планера. Нет никаких вертикальных воздушных потоков на такой высоте.

— Я бы ответил, что его машина является не настоящим планером, а полу-планером. Он, вероятно, поднимается на десять миль или выше при помощи небольшого мотора, настолько малого, что ему требуется полдня, чтобы забраться на такую высоту. Затем ему остается просто держать высоту и поджидать авиалайнер. Он не может использовать тяжелый двигатель, поскольку тот тянул бы его вниз; при тяге в сто лошадиных сил он должен иметь вес около пятидесяти фунтов. Я думаю, что мы можем нарисовать довольно точный образ его самолета, исходя из научной логики. У него, вероятно, огромный размах крыла и очень высокий угол атаки, чтобы позволить скользить на такой высоте, а двигатель должен быть до смешного мал...

Следующим вечером ученые вновь собрались на обед. Им оставалось только гадать относительно природы открытия, о котором собирался объявить Аркот. Даже отец его не знал, что это могло быть. Они оба работали каждый в своей лаборатории, кроме тех случаев, когда кто-то из них сталкивался с проблемой, которую можно было решить только сообща. Все догадывались, что новая разработка лежит в области коротковолнового излучения, но они не могли понять, каким образом это касалось решаемой задачи.

Наконец, трапеза была закончена, и Аркот готов был начать демонстрацию.

— Отец, я помню, ты пытался разработать действующий солнечный двигатель. Такой, который можно поместить в крылья самолета, чтобы генерировать энергию от света, падающего на поверхность. Во всех солнечных двигателях, какая самая большая проблема, которая должна быть решена?

— Ну, чем больше я занимаюсь этим делом, тем более интересно, какая из проблем является самой важной. Есть множество трудностей, с которыми придется столкнуться. Я должен сказать, тем не менее, есть серьезная проблема со всеми солнечными двигателями, помимо той, что устанавливает очевидное ограничение, — они решительно непригодны дляочной работы. Если бы я мог обеспечить достаточную площадь солнечных батарей, я мог бы добиться максимальной эффективности и получить дешевую энергию, поскольку в этом случае она абсолютно бесплатна. Проблема площади — самая большая трудность, несомненно.

— Хорошо, — ответил Аркот-младший. — Думаю, ты сможешь обойтись без большой поверхности, если захочешь использовать только энергию солнца. Я разработал по-настоящему эффективный солнечный двигатель. Сам двигатель не требует поглощающей поверхности, именно поэтому я хочу использовать его; он действует за счет того факта, что земля поглощает квинтилионы единиц энергии. Я просто использовал мощность, которую планета уже поглотила для меня. Идемте.

Он провел их по коридору до своей лаборатории и включил свет. На главном лабораторном столе находился сложный аппарат из множества труб и тяжелых соединительных шин. От концевой трубки два тонких провода бежали к длинному змеевику катушки. Слева от нее находилось большое реле включения и реостат управления.

— Отец, включи реле, затем медленно поверни регулятор влево. И помни, это довольно мощная установка. Я знаю, что она не похожа на солнечный двигатель, и девять часов вечера кажутся не слишком подходящим часом, чтобы демонстрировать ее работу, но я гарантирую вам результат, и даже больший, чем вы ожидаете.

Доктор Аркот подошел к управляющим элементам и включил реле. Свет немного потускнел, но оживился тут же, а в

другом конце комнаты раздался низкий, устойчивый гул, как только большой трансформатор принял нагрузку.

— Ну, судя по звуку этого десятикиловаттного трансформатора, мы должны получить от него потрясающее количество энергии. — Доктор Аркот с удивлением улыбнулся, взглянув на сына. — Я не могу судить об этой штуке, даже стоя непосредственно перед ней, но я полагаю, ты знаешь, что делаешь.

— Это лабораторная модель. Я еще не привел ее в приемлемую форму. Взгляни на провода, которые подходят к катушке. Они, разумеется, не выдержат десять киловатт.

Доктор Аркот медленно повернул реостат. Катушка тихо загудела, затем гул исчез. Казалось, не было никакого результата. Он повернул регулятор еще немного; ветерок пронесся по комнате. Доктор Аркот подождал, но когда ничего более не произошло, повернул реостат резко. На сей раз не было абсолютно никакого сомнения относительно результата. Раздался рев, словно от пятидесятифутовой аэродинамической трубы, и могучий поток холодного воздуха вырвался из катушки, словно канзасский торнадо. Внезапно ожили все свободные листы бумаги в лаборатории и безумно закружились от резкого порыва воздуха. Доктор Аркот обратным движением своей тяжелой руки переключил реле, которое с глухим стуком разомкнуло схему. В одно мгновение грохочущий рев прекратился, и только мягкий шорох воздуха все еще напоминал о разъяренной буре, которая бушевала здесь за мгновение до этого.

Удивленный физик отошел от устройства и некоторое время молча смотрел на него, в то время как остальные ученыe наблюдали за ним. Наконец он повернулся к своему сыну, который улыбался ему с огоньком в глазах.

— Дик, я думаю, даже джек-пот при игре в кости не сравнится с тем выигрышем, который когда-либо обещало какое-нибудь изобретение! Даже не догадываясь о принципе устройства этой машины, я думаю, что ты, конечно, решил проблему поглощающей поверхности для солнечного двигателя.

— Что ж, — заметил Мори-старший, немного дрожа от воцарившегося в комнате холода, — игральные кости известны своей способностью делать деньги, но я не вижу, как это объясняет действие модели, создающей арктическое торнадо. Бэр, как же

здесь холодно. Я думаю, что это устройство должно поглощать солнечное тепло, поскольку этот двигатель очень уж сильно морозит! В чем же секрет?

— Принцип достаточно прост, но я испытал значительные трудности в реализации. Я думаю, что это будет весьма важным, хотя...

— Очень важным, — прервал отец изобретателя, выказывая редкостное волнение. — Это самое крупное открытие, начиная с изобретения электрического динамо! Оно превратит самолеты в груду металлома! Это означает новую эру в производстве электроэнергии. Да ведь мы никогда не будем испытывать недостатка в энергии! Это сделает межпланетные путешествия не только возможными, но и коммерчески выгодными.

Аркот-младший широко улыбнулся.

— Папа, кажется, думает, что у машины есть такие возможности! Если серьезно, я полагаю, что она действительно вытеснит все типы самолетов, винтовых или турбинных. Здесь применяется прямое использование энергии, которую любезно поставляет солнце. В течение многих лет люди пытались узнать, как управлять атомной энергией, не найдя ничего лучше, чем высвобождать энергию разрушением материи. Но зачем это делать? Солнце уже выполнило эту задачу, да в таком масштабе, что мы не смеем надеяться когда-либо приблизиться к нему. Три миллиона тонн вещества выбрасывается этой колоссальной печью каждую секунду, выделяя два с половиной дециллиона эргов энергии. В общей сложности два с половиной миллиона миллиардов миллиардов миллиардов эрг — это столько, что человечеству не стоит беспокоиться об энергии ещё миллиарды лет! Это просто энергетическое наводнение, которое много мощнее того, что человек может создать. Зачем же попусту терять эту энергию? Когда ее у нас в избытке, больше, чем мы можем использовать. Обширный океан энергии. Есть только одна вещь, которая мешает нам получить ее, — закон вероятности. И не зря отец упомянул игру в кости, поскольку эта игра, как вы знаете, является классическим примером теории вероятности, но лишь пока кости не брошены. Как только они брошены, закон все еще действует, но условия теперь настолько изменились, что выпасть может только одно случайное сочетание чисел.

Аркот сделал паузу, нахмурившись, затем продолжил извивающимся тоном:

— Простите за эту лекцию, но я не знаю, как еще объяснить свою идею. Представьте условия в литре газообразного гелия: в емкости находится огромное количество молекул, каждая движется со скоростью нескольких миль в секунду, причем равное их количество движется в противоположном направлении друг другу на той же скорости. Их так много, что ни одна не может двигаться без того, чтобы не столкнуться с другой молекулой и отскочить, изменив направление. Какова вероятность того, что все молекулы единовременно будут двигаться в одном направлении? Один из физиков времен Эйнштейна, его звали Эддингтон, выразил это отличной фразой: «Если армия обезьян будет бить по клавишам пишущих машинок, они могут напечатать все книги Британского музея. Шанс, что они сделают это, определённо больше, чем вероятность того, что все молекулы в литре газа будут двигаться в одном направлении в одно и то же время»... Из-за неправдоподобности такого варианта кажется невозможным решение нашей проблемы... Это невозможно, пока нет причин, не влияющих на случайность. Если в игральные кости вставить кусочки иридия напротив шестерок, то все время будут выпадать только шестерки. Кажется невероятным, чтобы все молекулы газа двигались одновременно в одном направлении — если мы слепо доверяемся теории. Если же мы сможем найти способ повлиять на них, они обязательно это сделают... Что случилось бы с металлическим стержнем, если бы все молекулы в нем решили двигаться одновременно и однонаправленно? Их тепловое движение, как правило, имеет скорость до нескольких миль в секунду, и если мы заставим их двигаться в одну сторону, значит, стержень будет двигаться в этом направлении со скоростью, равновеликой скорости отдельных молекул. Но тогда, если мы закрепим стержень на тяжелой машине, он будет пытаться двигаться, но вынужден будет тянуть за собой автомобиль, и потому его молекулы не будут иметь возможности двигаться с прежней скоростью. Они будут замедлены с учетом массы автомобиля. Но у медленно движущихся молекул есть определенное физическое состояние. Движение молекул вызывается нагревом, и отсутствие движения означает отсутствие высокой температуры. Замедленные

молекулы охлаждаются, они поглощают тепло из воздуха, их окружающего, и если молекула водорода при комнатной температуре имеет скорость примерно семь миль в секунду, то молекулы газа в герметичном сосуде в нашем автомобиле или молекулы металлического стержня будут замедлены до нескольких сотен миль в час, температура упадет до сотен градусов ниже нуля, и они будут активно поглощать энергию: чем больше разница в температуре, тем больше скорость поглощения тепла... Я считаю, что мы сможем ускорить машину до нескольких миль в секунду на очень больших высотах, и если сумеем придать ей максимально обтекаемую форму. Вот тогда мы добьемся огромной скорости. Нам не понадобятся крылья, поскольку даже с небольшой установкой вертикального курса мы сможем удерживать объект в воздухе. Все это создает условия для создания машины, которая будет летать в любом направлении и очень быстро останавливаться. Она сможет перевозить нас и одновременно снабжать энергией, если мы просто разместим в ней небольшие металлические стержни, обвивающие генератор... А нам необходим не просто чрезвычайно мощный двигатель — но еще и то, что поможет нам добиться невидимости... Теперь вы понимаете, откуда взялся этот ветер? Этот прибор мог бы стать замечательным устройством для кондиционирования воздуха.

— Дик Аркот, — начал Мори, голос его дрожал от волнения. — Я хотел бы получить возможность использовать это изобретение. Я недостаточно хорошо разбираюсь в науке, но в экономике кое-что смыслю — этот аппарат абсолютно бесценен. Я не осмеливаюсь просить продать права на него, но я хочу использовать его, если вы позволите. Это означает новую эру в трансконтинентальных перевозках!

Он резко повернулся к Фуллеру.

— Фуллер, я хочу, чтобы вы помогли Аркоту создать корабль и поймать Пирата. Вы получите контракт на проектирование новых авиалайнеров. К черту расходы. Даже если на этой уйдут миллиарды, у нас не будет необходимости в тратах на топливо, на масло, а итоговая себестоимость эксплуатации будет незначительной. Ничего, кроме покупки коротковолновых труб Аркота, если каждая будет способна прослужить двадцать пять тысяч часов!

— Конечно, вы получите права на это изобретение, если того желаете, — спокойно ответил Аркот. — Вы поддерживаете мои лаборатории, и ваш сын помогал мне в решении проблемы. И если Фуллер сможет завтра включиться в работу, мы долго не провозимся. Кроме того, мне понадобятся ваши лучшие механики, чтобы начать выпуск машин и энергоблоков.

— Все будет сделано, — заверил их Мори.

ГЛАВА 3

На следующий день ранним утром Фуллер перенес свое оборудование в лабораторию и подготовил отдельный рабочий стол. Аркот и Мори присоединились к нему, и проектирование новой машины началось.

— Во-первых, давайте обсудим наиболее целесообразную форму, — методично начал Фуллер. — Желательно, конечно, обтекаемую. Грубо говоря, модифицированный цилиндр, соответствующий всем вариантам эксплуатации. Но у тебя, Аркот, возможно, есть общий план. Было бы неплохо, если бы ты представил набросок.

Выдающийся физик задумчиво нахмурился.

— Ну, мы еще не знаем всех задач, с которыми нам придется столкнуться. У нас будет масса требований к форме этой машины, поэтому давайте для начала установим коэффициент запаса прочности на пятом уровне. Ну, а теперь, подумаем, что нам нужно... В первую очередь, наша машина не должна пропускать газ Пирата, поскольку некому будет посадить нас, если все мы вдруг упадем в обморок. Я уже обдумал это и считаю, что лучшей будет такая же система, которой мы воспользовались для взятия проб — вакуум. Его газ невозможно ничем остановить, так как нет вещества, способного удержать его! Он, несомненно, будет проникать через внешнюю оболочку, но при достижении вакуума, будет удерживаться между внутренними и внешними стенками. Собравшись там, он будет уравновешен давлением воздуха снаружи и давлением изнутри. Если мы создадим на борту достаточное давление, то он не проникнет через внутренние стенки. Так как вещество может просочиться через любой

материал, какой насос мы будем использовать? Он не должен быть поршневым, поскольку газ тогда просочится через его стенки или через поршень. Центробежный насос будет также бесполезен. Ртутный пароструйный насос сможет поддерживать высокий вакуум, но мы не сможем добиться высокой эффективности... Впрочем, это новое устройство само дает нам ответ. Мы можем просто наделать множество отверстий в стенке внешней оболочки и установить в них стержни молекулярного двигателя. Тогда молекулы не смогут попасть внутрь, а будут вылетать наружу!

— Но, — возразил Мори, — вакуум, который не пускает газ, так же не пропустит и высокую температуру! Наш генератор требует тепловой энергии, и внутри будет довольно холодно, если мы не исправим это. Конечно, мы можем разместить наши энергоблоки снаружи, где трение воздуха согреет их, но тогда мы не получим хорошего эффекта обтекаемости.

— Я об этом тоже думал, — ответил Аркот. — Решение очевидно. Если мы не можем подвести генератор к воздуху, мы должны подвести воздух к нему.

Он сделал быстрый набросок на доске.

— Мы разместим все энергетическое оборудование в этом отсеке на корме и аппаратную в передней части. Реле управления разместим здесь, таким образом, мы сможем управлять электрическим оборудованием, находясь в отдельной теплой, газонепроницаемой комнате. Если в ней станет слишком тепло, мы сможем охладить ее, передав больше тепла на ускоритель корабля. Если будет слишком холодно, мы сможем подключить электронагреватели к генератору. Для этого мы проведем систему через небольшой отсек и отверстия впереди и в задней части машины. Разрежение в хвосте обеспечит нам очень быструю циркуляцию, с которой не справится никакой центробежный насос.

— Нам необходим генератор с большим диапазоном мощности. Возможно больше, чем сотня киловатт. Если даже больше тысячи. Батареи для генератора разместим в киле... Самобалансирующиеся, если начнется раскачка... Но давайте обозначим уже для всего этого какие-то реальные данные.

Оставшуюся часть дня трое ученых работали над чертежом нового судна, вычисляя необходимые параметры, дополняя

расчеты фактическими экспериментами с подручным оборудованием. Вычислительные машины работали без перерыва, ибо не было еще опыта, на который они могли опереться. Они создавали нечто совершенно новое, и хотя все трое считались передовыми специалистами, в том числе и в математике, для решения этой задачи им пришлось поднапрячься.

Однако к вечеру первого дня они смогли предоставить механикам для производства готовые чертежи энергоблоков. Сразу же был размещен заказ на аккумуляторные батареи и стандартное электрооборудование. К тому времени, когда ученые завершили чертежи для литьщиков, материалы уже были собраны на небольшой базе в Вермонте, принадлежавшей Мори. На небольшом плато, в центре которого расположилось голубое озеро и извилистый, полный форели, ручей, была расчищена площадка для больших грузовых вертолетов. Механики и инженеры-электрики, официально направленные в отпуск, прибыли на место работ. Вся программа не должна была привлекать ни малейшего внимания, а поставки огромных заказов от Трансконтинентальных Линий были распределены так, чтобы никто не мог придать им особого значения.

Через четыре дня после того, как заключительная часть чертежей была завершена, последние из заказов были собраны в небольшом металлическом ангаре, где должна была разместиться готовая машина. Руками квалифицированных мастеров, использовавших катодно-лучевые горелки, был сооружен блестящий вольфрамово-стальной каркас.

В противоположной части цеха сооружался генератор и энергоблоки молекулярных двигателей. Большая часть энергоблоков для управления кораблем была закончена и ожидала установки уже к вечеру четвертого рабочего дня. Большие, отлитые из кварца стекла, они покоялись в оболочках, установленных вдоль одной из стен, ожидая, когда корпус начнут обшивать пластиинами. Толщина последних оказалась более дюйма — избыточная толщина, возможно, но у создателей не было потребности экономить вес, о чем свидетельствовал их выбор стали вместо повсеместно использовавшихся легких металлических сплавов. Трое изобретателей прибыли в цех к концу второй половины дня на небольшом вертолете и сразу же отправились в ангар, чтобы узнать, как продвигается работа.

До этого они оставались в Нью-Йорке, ожидая отгрузки последних заказов, и так как теперь больше ничто не задерживало их, они не замедлили прибыть на место. Пока готовился стальной каркас, не было необходимости в их присутствии, но теперь предстояла более тонкая работа.

— Все идет отлично, не так ли? — Аркот критическим взглядом окинул конструкцию. Свободные в выборе формы корпуса, крыльев или каких-либо выступов, они смогли спроектировать машину поразительной красоты. Корабль должен был сохранить естественный металлический блеск, единственной защитой стала «пассивная краска» — химическая жидкость, которая наносилась кистями или распылителем на железные, хромовые, никелевые или кобальтовые сплавы, делая их нейтральными практически ко всем химическим веществам. Новая «краска» делала железо или сталь блестящее глянцевой, с красивыми переливами и невосприимчивой к самым сильным реагентам.

Трое мужчин обошли вокруг растущего на глазах корпучса, с восхищением разглядывая сварные швы и огромные балки. Корабль, казалось, был способен выдержать падение с высоты нескольких сотен футов без всяких повреждений. Точки расположения энергоблоков были ясно видны и легко узнаваемы, так как в каждой этой точке сходились четыре или пять балок, сваренных в одну жесткую структуру, а мощные вольфрамовые болты должны были крепить энергоблоки на места. Ученые осмотрели каждый стык, исследуя его на признаки дефектов с помощью небольшого портативного флюороскопа, позволяющего рассмотреть структуру металла. Каждое сочленение было идеальным. Убедившись в том, что все готово для завтрашних работ, они удалились.

Утро началось рано, с долгого купания в озере и плотного завтрака с яичницей и ветчиной. После чего работа над кораблем была продолжена; в тот день все энергоблоки были закреплены, пока в съемном исполнении, на случай непредвиденных изменений конструкции. Каждый энергоблок был оснащен длинными обтекаемыми медными плавниками ребер, плотно посаженными на округлый корпус для лучшей теплоотдачи.

День за днем конструкция приближалась к завершению, и при участии многочисленной команды высококвалифицированных работников все было сделано практически за неделю.

Оставалось только разместить внутри корпуса необходимую аппаратуру. Когда же, наконец, и это было сделано, Аркот с помощью Фуллера, Мори-младшего и собственного отца, приступил к монтажу сложных электрических цепей.

— Сын, — заметил Аркот-старший, критически глядя на большой щит с россыпью многочисленных реостатов, контроллеров и тяжелых гроздьев разъемов тыловой части, — ни один человек не сможет уследить за всеми этими приборами. Я, конечно, надеюсь, что у тебя будет большой экипаж... У нас два дня ушло только на монтаж всех этих устройств, и я признаю, что некоторые из них для меня до сих пор остаются загадкой. Я не понимаю, как ты намереваешься контролировать все это оборудование, когда тебе придется следить еще и за тем, что происходит снаружи.

Аркот-младший рассмеялся.

— Ах, это! Они не предназначены для постоянного наблюдения. Они просто должны помочь мне при необходимости. Я собираюсь использовать корабль в качестве летающей лаборатории, чтобы определить необходимую мощность и минимально необходимую степень надежности для запуска в производство других подобных машин. Эта уже практически завершена. Все, что нам осталось, — посадочные места. Они будут оборудованы гироколическими системами, чтобы исключить нагрузку в случае внезапного маневра корабля. Конечно, главные гироколпы вернут судно в прежнее положение по горизонтали и вертикали, но для безопасности каждое кресло должно иметь отдельную гироколическую установку.

— Когда вы собираетесь начать преследование Пирата? — спросил Фуллер.

— Я планирую потратить на опытные полеты по меньшей мере четыре дня, прежде чем займусь Пиратом, — ответил Аркот. — Я мог бы и поспешить, ведь человек похитил уже почти десять миллионов и не собирается останавливаться. Это не говорит о его здравомыслии. Я полагаю, вы слышали: военное ведомство считает его газ настолько важным открытием, что они готовы выписать ему помилование, при условии, что он передаст им секрет состава. От него требуют возвращения денег, и я не сомневаюсь, что они у него есть. Я твердо убежден, что он kleptomан, и не уверен, что он перестанет красть деньги, если

его не поймают. Поэтому будет правильнее дождаться, пока мы не получим полную уверенность в надежности этой машины. Любое другое решение было бы самоубийством. Кроме того, у меня возникла идея использовать несколько аппаратов, представляющих особый тип молекулярных указателей движения в качестве пулемета. Пули будут стальные, приблизительно трех футов в длину и толщиной с большой палец. Идеальной обтекаемой формы с небольшим хвостовым стабилизатором. Они не будут вращаться, как это делает винтовочная пуля, но стабилизаторы заставят их держать необходимый курс. Я планирую их расчетную скорость более четырех миль в секунду, тогда они смогут пробивать многодюймовую броню... Скорострельность будет около двухсот выстрелов в минуту или даже больше, если понадобится. Пули будут мгновенно подаваться в область воздействия молекулярного направителя движения и вылетать с потрясающей скоростью. Это будет первый в мире пулемет, который сможет обеспечить идеально прямолинейный полет пули... Впрочем, это все, что мы можем сделать на сегодня. Пулеметы будут установлены снаружи и получат электропривод управления, чертежи будут готовы завтра. А послезавтра в восемь утра я планирую взлететь!..

На следующий день работы были завершены намного раньше, чем Аркот смел надеяться. Всех рабочих держали на базе, чтобы они случайно не проболтались о новой машине. Оружие пока еще не было установлено, с ним можно было повременить. Но сама машина была готова уже к полудню покинуть ангар для первого полета!

— Дик, все готово, — объявил Мори после тестирования последнего из гирокопических кресел. — Мне не терпится испытать ее в действии. Еще только половина четвертого, солнечного света достаточно, чтобы зарядить ее и полететь когда стемнеет. Давай проверим ее прямо сейчас!

— Я в таком же нетерпении, как и ты, Боб. Я уже связался с американским представителем BBC. Как только он подъедет, мы можем начинать. А пока мне нужны допуск и лицензия. Так что он полетит с нами, чтобы убедиться в работоспособности летательного аппарата. Думаю, будет логично, если мы — ты, отец и я — займем три оставшихся места в качестве пассажиров. — А потом он взволнивенно

сказал, тыча пальцем в небо. — Смотри, правительственный вертолет приближается. Скажи людям, чтобы убрали блоки из-под колес и отбуксировали наш корабль на взлетное поле. Понадобятся два мощных грузовика. Откатите его от ангара по меньшей мере на десять футов. Мы взмоеем вверх и поднимемся на высоту пять миль... Займись подготовкой, а я хочу лично убедиться, что воздушный инспектор готов предпринять с нами это путешествие.

Через полчаса машину выкатили из ангара на новую бетонную взлетно-посадочную площадку. Большой корабль, переливающийся в ярком солнечном свете, поражал неземной красотой. Четверо, которые должны были отправиться на нем в первый рейс, застыли в сторонке, внимательно рассматривая огромный блестящий корпус. Даже сейчас, на земле, его длинные стремительные линии говорили о совершенной обтекаемости и предполагаемой высокой скорости полета. Яркий, слегка мерцающий стальной корпус сиял серебряным отливом, контрастирующим с блестящей медью теплопроводящих плавников энергоблоков. Большие прозрачные иллюминаторы на носу и низкий обтекаемый воздухозаборник генератора, казалось, только подчеркивали изящные линии машины.

— Господи, да она красавица, а, Дик?! — воскликнул Мори, широко и радостно улыбаясь.

— Она выглядит гораздо красивее, чем на бумаге. Фуллер, поздравляю, это ваш шедевр. Машина смотрится намного лучше, чем мы думали, особенно этот медный отлив. А какой стремительной она выглядит! Жаль, что нам в полете так остро необходимы физики, а то бы вы могли отправиться с нами в первый полет.

— Ерунда, Дик! Я знаю, сколько там аппаратуры, и понимаю, какая вас ждет сложная работа. Желаю всем вам удачи. Для меня было большой честью проектировать первый воздушный корабль тяжелее воздуха, который не использует ни крыльев, ни винтов, ни сопел — все это теперь уйдет в небытие. Думаю, что это самая красивая машина, которая когда-либо летала в небе Земли.

— Ну, Дик, — сдержанно сказал отец. — Начинайте. Эта штука должна взлететь, а мы все еще не знаем, каково это будет!

Четверо вошли в корабль и заняли места в гироскопических креслах. Пристегнувшись, они один за другим сообщили о готовности.

— Капитан Мэйсон, — обратился Аркот к воздушному инспектору. — Несведущему человеку эти кресла могут показаться чрезмерно подвижными, но эту экспериментальную машину я обустроил всеми средствами безопасности, какие смог продумать. Само судно не упадет, в этом я уверен, но мощь его настолько велика, что полет может оказаться фатальным для нас, если мы испытаем предельные нагрузки. Вам хорошо знакомы ощущения на крутых разворотах при езде на высокой скорости при воздействии центробежной силы. Я предупреждаю вас только потому, что эта машина способна развивать огромную скорость... Обратите внимание, система управления и приборы установлены на подлокотнике моего кресла, это позволяет мне постоянно держать корабль под контролем, при этом кресло всегда находится в вертикальном положении. Гироскопы удержат его в равновесии, даже если корабль станет раскачиваться или вращаться, так чтобы мы не выпали из наших кресел. Я уверен, что вы убедитесь в достаточной безопасности нашей машины и мы получим лицензию... Итак, можем стартовать?

— Конечно, доктор Аркот, — ответил воздушный инспектор, — Если вы и ваш отец готовы.

— Инженер готов? — спросил Аркот.

— Готов, пилот! — ответил Мори.

— Хорошо. Отец, следи за указателями, пока я включаю систему. Если произойдет какой-то сбой, ты увидишь вспышку над красной шкалой центральной стрелки. Я скажу, что делать.

— Готов, сын.

— Главные гироскопы!

Раздался щелчок, ответивший срабатыванием реле в задней части кабины, затем послышался низкий нарастающий гул.

— Главные генераторы! — снова щелчки выключателя и реле, гул начал нарастать еще сильнее.

— Гироскопы кресел.

За следующим щелчком быстро последовал высокий тонкий звук, на грани слышимости, когда все гироскопы разом заработали.

— Главный блок мощности!

Под нагрузкой тяжелый гул генератора мгновенно сменился еще более низким тоном. Через мгновение машина была готова к разгону.

— Все работает отлично. Готов начать, сынок?

— Главные вертикальные блоки!

Большой корабль вздрогнул всем корпусом, когда вступили в действие энергоблоки. Специальная аппаратура была размещена на полу рядом с Аркотом, чтобы он мог наблюдать за работой энергоблоков во время подъема; она регистрировала фактический вес корабля. Расчетный — составлял двести тонн. Уставившись на указатель, Аркот наблюдал, как быстро движется стрелка: 150... 100... 75... 50... 40... 20... 10... Раздался щелчок, шкала вернулась обратно в положение 300, но теперь измерение шло уже в фунтах! Указатель так же переместился к нулю, и могучая конструкция взмыла в воздух, двигаясь стремительно, как будто ее подхватил ветер.

Стоявшие на поле люди наблюдали за тем, как быстро поднимается корабль, устремившись в синий небосвод. Через две или три минуты его размер сократился до крошечной блестящей точки.

Затем он исчез! Его скорость, должна была составлять не меньше трехсот миль в час! Те же, кто находился на борту, ощутили значительное увеличение веса, их тела будто налились свинцом, вдавливаясь в воздушные подушки сидений. Земля между тем удалялась с поражающей скоростью, заставляя испытателей с изумлением смотреть в иллюминаторы. Здания, ангар, озеро — все как будто съеживалось. Они поднимались так быстро, что психологически не успевали привыкнуть к меняющейся картинке. Казалось, весь мир становится игрушечным.

Вскоре они очутились на огромной высоте, более чем на двадцать миль поднявшись в атмосферу. Воздух здесь был настолько разреженным, что небо стало черным, и звезды холодно сверкали, между тем как великий огонь солнца вытягивал свои протуберанцы, словно могучие руки, словно стремясь дотянуться и схватить убегающие планеты. А вокруг всего этого, далекой длинной полосой холодного огня

сиял зодиакальный свет, словно огромное полярное сияние. Некоторое мгновение испытатели висели в одной точке, пока снимали показания измерительных приборов.

Аркот заговорил первым, и его голос звучал с трепетом:

— Я и не мог подумать о такой мощи! Что за корабль! Когда начнется их коммерческое производство, мы должны будем использовать генераторы не больше одной лошадиной силы, или люди поубивают себя, пытаясь узнать, насколько быстро они могут двигаться.

Когда летающая машина испытана на этой высоте, с проверкой разных настроек аппаратуры, подтверждалось, что показатели, которые Аркот и Мори установили чисто теоретическими вычислениями, были рассчитаны правильно, с погрешностью в пределах одной десятой процента. Ранее они вычислили и мощность новой летающей машины, но реальность далеко превзошла их ожидания...

— Теперь совершим несколько маневров в горизонтальной плоскости, — объявил Аркот. — Я уверен, вы согласны с тем, что машина может подниматься и держаться в воздухе. Средства управления давлением воздуха, кажется, работают отлично. Сейчас мы протестируем ее скорость.

Кресла испытателей качнулись, когда корабль рванул вперед со все возрастающей скоростью — от такого невероятного ускорения казалось, что они несутся вверх, хотя все знали, что главные гироскопы держат нужный уровень. Через мгновение корабль достиг Атлантики, двигаясь со скоростью, которой не знала ни одна пуля. Стрелка указателя скорости зашкаливала, поскольку скорость выросла до неслыханных значений. Прежде чем береговая линия осталась далеко позади, скорость летательного аппарата превысила милю в секунду. Они находились в центре Атлантики, и Аркот постепенно снизил ускорение, позволяя креслам вернуться в прежнее положение.

Испытатели наперебой делились впечатлениями. Несмотря на историческую важность этого полета, в ту минуту каждый словно говорил сам с собой. Наконец, Аркот услышал голос Воздушного Инспектора.

— Какой скорости мы достигли, доктор Аркот? Смотрите — впереди побережье Европы! Как быстро мы движемся сейчас?

— Мы летели по курсу со скоростью три мили в секунду, — ответил Аркот. — Теперь она упала до двух с половиной.

Он снова стал разглядывать приборы управления.

— Я собираюсь узнать, каков абсолютный предел этой машины. Она должна иметь свой потолок скорости, который зависит от работы генератора и энергоблоков. А они, в свою очередь, зависят от значения температуры воздуха, определяемой воздействием энергии солнца. Итак, вперед!

Корабль начал вертикальный подъем. Огромная машина поднималась все выше и выше. Однако вскоре генератор начал сбавлять темп. Показания приборов стали быстро меняться. Температура чрезвычайно разряженного воздуха за бортом была близка к абсолютному нулю, что обеспечивало слишком мало энергии.

— Попробуй полетать в плоскости, — предложил Мори, — чтобы форсировать поток воздуха через воздухозаборники.

— Ты прав, Мори, — Аркот постепенно передал тягу горизонтальным модулям, отвечающим за разгон, и в какой-то момент корабль начал двигаться вперед. Сразу скачком увiedичилась мощность, вырабатываемая генераторами. Машина снова поднималась, но, в конце концов, на высоте около пятидесяти одной мили достигла своего потолка.

Холод внутри каюты стал невыносимым — каждый киловатт мощности, который генератор успевал получить от забортного воздуха, был необходим для управления энергоблоками. Воздух внутри стал густым и тяжелым, поскольку насосы не могли заменить его свежим запасом, когда снаружи почти вакуум. А испытатели не стали брать в эту поездку кислородные резервуары. Как только к генератору подключили нагреватели салона, началось падение. Хотя корабль поддерживался в нужном положении гироскопами, падение было свободным. Но у испытателей имелось пятьдесят миль в запасе, и как только машина попала в зону более плотного воздуха, все тут же почувствовали, как возвращается прежний вес.

— Вы прошли испытания, доктор Аркот! — Воздушный Инспектор был весьма впечатлен. — Прежняя рекордная высота давно пройдена, и мне кажется, что мы все еще на несколько миль выше! Как быстро мы снижаемся?

— Я не могу сказать, пока не направлю нос корабля вниз, так как аппаратура работает только в том направлении, куда он движется. Держитесь, я собираюсь остановить падение.

Уже была ночь, когда они вернулись на стартовое поле в Вермонте. Они установили новые рекорды по всем показателям авиационных достижений! Отчет содержал данные о рекордной высоте, скорости, скорости подъема, ускорения — все, что только мог желать Аркот. Теперь корабль снова должен был отправиться в ангар до утра, когда начнутся новые испытания. За время полета Аркот уже набрался достаточно опыта, чтобы благополучно посадить на землю летающую машину. Была решена и проблема парковки — вес машины был снижен примерно до пятидесяти фунтов, что позволило трем мужчинам за канаты занести его в ангар!

Следующие два дня были посвящены тщательным испытаниям по определению коэффициента мощности машины, лучшей рабочей частоты, наиболее эффективной высоты эксплуатации и множеству других тестов. Молодые ученые работали по очереди — напряжение от резкого ускорения было настолько велико, что Аркот-старший мудро предпочел остаться на земле и наблюдать.

Между тем, сообщения о Пирате приходили все реже и реже, по мере того как все меньше денег отправляли по воздуху.

Аркот посвятил четыре дня практике управления машиной, и хоть она откликалась с большей готовностью, чем какой-либо другой воздушный корабль, ихзобретатель должен был убедиться в том, что полностью контролирует машину. Аркот с трудом сдерживал себя от постоянного желания подать слишком большую мощность...

Накануне решающего дня, поздно вечером Аркот посадил летающий корабль на крышу апартаментов Мори-старшего, потратив достаточно энергии на то, чтобы уменьшить вес до десяти тонн, дабы не разрушить крышу. Затем он спустился вниз, чтобы переговорить с президентом Линий о «наживке» для Пирата.

— Сообщите, что вы отправляете приличную сумму наличности, — сказал Аркот Мори-старшему, — скажем, четверть

миллиона. Чем больше людей об этом будут говорить, тем лучше, пусть Пират думает, что на борту есть реальный улов. Я буду сопровождать самолет на высоте чуть больше четверти мили, держась над ним, попытаюсь определить появление грабителя с помощью радара. Я думаю, что он ничего не заподозрит, и мы его не спутнем. Собственно, на это вся надежда. Но в любом случае, сделав подобную попытку, вы ничего не потеряете!

ГЛАВА 4

Снова Мори и Аркот разглядывали огромный аэродром в Джерси, где за столетие до этого простирались обширные болота. Теперь трясины осушили, и на многие мили вокруг раскинулась огромная посадочная площадка.

Поднявшись над полем друзья смотрели на него из кабины, заняв наблюдательную позицию высоко в густом фиолетовом бархате неба. И Пятнадцать миль отделяли их от находившегося внизу летучего корабля Трансконтинентальных Линий. Они видели через бинокли, как огромный лайнер медленно и неуклюже полз по полу, постепенно ускоряясь, пока не набрал скорость, и, оторвавшись от земли, направился на запад. Казалось, будто он пробирается сквозь большие небоскребы, поднимавшиеся ввысь более чем на двадцать четыре сотни футов. Гигантские здания занимали площадь нескольких городских кварталов. С такой высоты эти величественные строения, отражающие мягкие тона полуденного солнечного света, казались игрушками, сделанными из цветной бумаги, вокруг которых сверкали мерцающие искорки движущихся вертолетов, при этом люди терялись в массе по меньшей мере миллиона стремительно движущихся машин.

— Только посмотрите на это движение. Тысячи и тысячи людей возвращаются в город после поездки домой на обед — и каждый день вертолетов становится все больше. Если бы не твое изобретение, в городах сложилась бы невозможная обстановка. Воздухоплавание уже затруднено сейчас, а скоро станет еще хуже. Большинство машин не обладает достаточной энергией, чтобы занимать уровни выше среднего, на высоте четырехсот футов над центром Нью-Йорка, где можно дви-

гаться со скоростью не более чем сто миль в час. И если бы не гироскопические стабилизаторы, они никогда не смогли бы выжить в этом огромном воздушном лабиринте. Я вынужден каждый день проезжать через него и всегда боюсь, что у кого-то на его старой колымаге откажет стабилизатор, и произойдет катастрофа.

Мори был искусным пилотом и, как многие, понимал все опасности находящихся под ними воздушных потоков, где царил неимоверный гул жужжащих винтов. У офисных зданий теперь были двойные стены, с толстыми слоями звукопоглощающих материалов, сдерживающих рев, подобный гулу торнадо, который царил на улицах почти непрерывно в течение двадцати четырех часов.

— Не уверен в этом, Мори, — ответил Аркот. — У нашего изобретения есть некоторые недостатки. Представь, какое произойдет серьезное понижение температуры, если над Нью-Йорком начнет кружиться около десяти миллионов этих машин. У нас тогда круглый год будет царить арктический холод. С другой стороны, ты знаешь, как невыносимо жарко сейчас становится в городе к полудню, даже в самые холодные зимние дни: из-за теплового эффекта воздушного трения тысячи лопастей, как я знаю, температура воздуха повышается до пятидесяти градусов. Вероятно, нужно будет установить баланс между двумя этими типами двигателей... Сложится невероятная экономическая ситуация, сложнее всего придется большим компаниям, которые производят спирт из отходов зерна. Производителям клещевины тоже придется серьезно сбросить свои цены, когда наша машина обрушит рынок энергоносителей. Они будут вынуждены заняться переработкой кукурузы на углерод, чтобы восстанавливать из руд железо и прочие металлы.

Пока их корабль летел в вышине над самолетом Трансконтинентальных линий, ученые обсуждали экономические выгоды от различных применений изобретения Аркота — от огромных электростанций, которые они могли сделать, до вентиляции и охлаждения частных домов.

— Дик, ты упомянул охлаждающий эффект для Нью-Йорка; с миллионами миллионов этих машин... А что станет с огромными электростанциями, с тысячей других различных устройств,

которые мы используем, не произойдет ли значительная потеря энергии из воздуха, не приведет ли она к охлаждению всего мира в целом? — спросил Фуллер.

— Я сомневаюсь в этом, Боб, — задумчиво протянул Аркот. — Я и сам об этом думал. Большая часть энергии, которой мы пользуемся, в конечном итоге, так или иначе высвобождается в виде тепла. Не забывай так же о дециллионах эргов, которые дает солнце! Правда, мы можем пользоваться только ничтожной частью этой энергии, но и того, что мы действительно получаем, более чем достаточно для нас. Силовые станции будут рационально разместить в тропиках, где они смогут попутно охлаждать воздух, а энергия может быть использована для переработки металлов. Это значит, что избыточная температура в тропиках найдет себе применение. Контроль погоды станет возможен благодаря управлению воздушными потоками. Мы сможем установить огромные трубы молекулярных антен на вершинах гор и заставить ветры дуть туда, куда нужно. Не столько даже сами ветры, но преимущественно потоки воздуха, которые они несут, смогут ограждать умеренные зоны летом от полярного холода и согревать в зимний период за счет высокой температуры тропиков.

Ненадолго задумавшись, Аркот продолжил:

— Есть еще одно применение, которое станет возможным в будущем, — вещь, которую, может быть, трудно принять в качестве коммерческого предложения. У нас сейчас есть практически неисчерпаемый источник энергии, но, к сожалению, нет неисчерпаемых источников полезных ископаемых. Медь становится все более и более редкой. Большие медные месторождения, подобные тем, что открыты в Сахаре и на Аляске, скоро истощаются. Запасы платины уже исчерпаны, и даже железо становится все большим дефицитом, мы сталкиваемся с нехваткой металлов. Понимаете ли вы, что в течение ближайших двух столетий мы не сможем поддерживать свою цивилизацию, если не получим новые источники основных видов сырья?.. Но теперь у нас есть шанс. Девять планет солнечной системы ждут нас! Нептун и Уран — каждый намного больше Земли. Они совершенно не пригодны для жизни, как мы ее представляем, но можно

будет создать небольшую колонию, которая стала бы производить металлы для Земли. Мы сможем построить куполообразные и герметичные города. Для начала попробуем освоить ближайшие планеты — Марс, Венеру или некоторые мелкие объекты, такие как наша Луна. Я, конечно, надеюсь, что наша машина сделает все это возможным...

Некоторое время они сидели молча, мчась высоко над зелеными равнинами Индианы. Чикаго, подобный огромной жемчужине, лежал на горизонте впереди и далеко правее. В пяти милях под ними огромный трансконтинентальный самолет казался миниатюрным, и едва плыл над равниной, хотя на самом деле двигался на скорости более шестисот миль в час.

Наконец, Мори прервал тишину.

— Ты прав, Аркот. Рано или поздно мы должны были задуматься о межпланетных перспективах. Эй, приближается Чикаго! Нам лучше включить вакуумную защиту от газа. И радар. Уверен, мы в скромном времени столкнемся с Пиратом.

Ученые немедленно забыли о далекой проблеме нехватки металлов. После ряда необходимых манипуляций все приготовления были закончены, в то время как машина продолжала лететь вперед. Генератор довели до максимальной производительности, и каждые трубы были проверены по отдельности, поскольку хоть они и были все новыми и расчитанными на двадцать пять тысяч часов работы, было бы скверно, если не сказать больше, если, даже хоть одна из них неожиданно отказалась в бою. Все проверки прошли успешно, нормально функционировали все реле, отвечающие за генератор при различных нагрузках; оборудование работало отлично, хотя и не использовало даже половины своих возможностей.

Они летели вперед, напряженно ожидая, когда вспыхнет крошечный индикатор в виде неоновой трубки на панели перед Мори.

— Знакомые места, Дик, — сказал Мори, оглядывая поля и низкие линии синих гор далеко на западе горизонта. — Я думаю, именно здесь мы уснули в своих «летающих инвалидных креслах», как их окрестили газеты. Да, это было здесь... Смотри! Он тут! Будь готов, Фуллер. За тобой пулемет. Я задействую нейтрализатор невидимости, Аркот за тобой управление. Вперед!

На панели перед ним замерцала неоновая трубка, напоминающая светящийся кусочек раскаленного металла, затем погасла. Через мгновение она засветилась снова, и блеск ее очень быстро перешел в малиновое свечение. Мори передвинул переключатель с общего радара на приемник излучателя, который мог быть точно определить местонахождение машины. Это произошло ровно за минуту до того, как неоновая трубка ярко вспыхнула еще раз. Пират летел прямо над огромным самолетом, вероятно уже пустив свой газ. Расположившиеся неподалеку воздушные гвардейцы не подозревали, как близко находится враг. Поскольку луч нейтрализатора невидимости был спроектирован с дальностью действия в милю, преследователи должны были нырнуть ниже. Мгновение спустя большой самолет под ними, казалось, сам устремился к ним с огромной скоростью.

Два радарных луча были постоянно нацелены на судно Пирата. Когда преследователи оказались примерно в двух милях от летевших внизу двух самолетов, неоновая трубка ярко засверкала, сигнализируя о противодействующей энергии. Пират пытался сохранить свою невидимость, в то время как приближающаяся к нему машина пыталась уничтожить ее. В какой-то момент показания амперметра, показывающего нейтрализующую способность луча, начали расти так быстро, что Мори уставился на него с некоторым беспокойством. Несмотря на мощность десять киловатт, которые использовал направленный луч, сопротивление аппарата на борту пиратского корабля было удивительно сильным.

Неожиданно все трое увидели быстро сгущающуюся туманность перед собой. Вмешательство луча, направляемого Мори, вызвало разрушение молекулярных колебаний, которые позволяли свету беспрепятственно проходить через пиратское судно. Внезапно возник круг синего свечения в прозрачной форме, и мгновение спустя ионизированный воздух вновь пришел в нормальное состояние, поскольку аппарат Пирата не выдержал нагрузки. Мори сразу же выключил луч, уверенный, что игре Пирата конец. Он быстро обернулся, когда Аркот закричал:

— Мори, смотри, он убегает!

Было поздно. Чужой планер бросился прочь с огромной скоростью. Что-то вспыхивало за ним, и кажущееся невероятным

ускорение теперь легко объяснялось длинным огненным следом! Планер двигался с помощью ракет! Невероятная скорость помогла ему исчезнуть из поля их зрения в одно мгновение, и когда Аркот развернул корабль, чтобы преследовать удирающего противника, они только ахнули, увидев, что тот уже на расстоянии нескольких миль от них.

Преследователи ощутили мощный рывок, когда Аркот подал полную мощность на генератор, а затем выровнял машину, погнавшись за Пиратом со скоростью молнии. Он увеличивал ускорение, по мере того как все трое привыкли к нагрузке. Пират продолжал удирать, но теперь они неумолимо догоняли, ибо его машина имела некоторое подобие крыльев, которые создавали огромное сопротивление на этой скорости — стрелка спидометра дошла до одной мили в секунду. Они следовали за быстроходным планером быстрее 3600 миль в час. Сопротивление воздуха снаружи вызывало мощные звуковые волны, но ученые ощущали это только по вибрации корпуса, защищавшего их вакуумными двойными стенками.

Расстояние до Пирата стремительно сокращалось. Казалось, еще немного, и он будет в пределах дистанции поражения их пулемета. Внезапно он клюнул носом и бросился на десять миль вниз к земле, заложив крутое пике. Аркот незамедлительно последовал за ним, буквально вцепившись в хвост Пирата. Быстрые маневры на этой скорости стали серьезным испытанием и для людей, и для машины — ускорение казалось сокрушительным, как будто их вес увеличился вчетверо, пока Аркот следил за Пиратом по большой петле, в конце которой он буквально сел на хвост планера, ракетный след которого создавал поток огня в пол мили длиной.

Пират снова поднимался на скорости, которая казалась невозможной ни для какой другой машины в мире, но цепкий противник позади него не намерен был отпускать эту казавшуюся недоступной крошечную стремительную птицу. Пират выпустил большие облака своего обездвиживающего газа.

К его удивлению, корабль преследователей прошел сквозь них невредимым. Он — тот, кто знал больше всего о газе — так и не смог разработать материал для защитной маски, или бак для хранения, но эти люди определенно преуспели! А эта стремительная машина, по форме напоминающая пуль!

Она напоминала миниатюрный дирижабль, но по сравнению с ее маневренностью и ускорением, собственные возможности Пирата показались ему постыдными! Петля, поворот, нырок, подъем и падение, и вперед, словно последний рывок на беговой дорожке на пределе возможностей. Снова и снова Пират закладывал сложные маневры, вызывающие неимоверное напряжение сил, но машина, преследовавшая его, не отставала!

Была только одна возможность избежать преследования. С помощью ракет он мог направиться в космос. При следующем подъеме Пират выстрелил очередным зарядом, направив свой планер прямо к пылающему солнцу, в пустоту межпланетного пространства. Все вокруг стало черным, и звезды засияли торжественным блеском. Но его внимание было сосредоточено только на одном — на сверкающем корпусе, который становился все больше, догоняя его. Пират знал, что поднимается быстрее, чем со скоростью в две тысячи миль в час, но охотник за ним становился все ближе и ближе. Вот он уже оказался в зоне прицельной дальности поражения пулемета... сейчас, сейчас... но тут оружие дало сбой!

Преследователи Пирата сидели с побелевшими губами, напряженные из-за головокружительных трюков на огромной скорости. Их гиростатические кресла крутились подобно гороху в катающемся шаре. Вверх, вниз, влево, вправо, стремительно вперед на невероятной скорости. И вдруг, снова устремившись прямо к зениту, они увидели впереди огромный взрыв пламени. Пират уходил прямо в космос!

— Если он окажется в вакууме, я не достану его, Мори! — пробормотал Аркот.

Подъем с невероятным ускорением заставил их тела принять почти смертельную перегрузку. Стало очень трудно говорить. Но до сих пор судно впереди так и не смогло уйти от погони, казалось, они нагоняют его. Теперь их скорость не сдерживало ни влияние гравитации, ни сопротивление атмосферы, практически сведенное к нулю, они двигались с ускорением, какое только могли выдержать их тела. Но и человек впереди, который пытался убежать, вел свой самолет с ускорением, способным убить любого! Движение корабля-преследователя вдруг начало замедляться. Аркот двинул рычаг к последней отметке

мощности и почувствовал легкий толчок, в то же мгновение, когда катушки получили новую нагрузку. Но это ускорение быстро прошло, как только генератор начал сбить. Движущая сила атмосферного тепла иссякла. Земля в шестидесяти милях под ними представлялась в виде зеленовато-коричневой поверхности, слегка выпуклой, а далеко на востоке они могли различить серебристую линию водной глади! Но у них не было времени отвлекаться на пейзаж, во все глаза они смотрели на столб стреляющего пламени удирающего налетчика! В безвоздушном пространстве он был недостижимым. Они не могли следовать за ним. Аркот развернул свой корабль, на этот раз направив его параллельно земле, наблюдая за планером через расположенный в крыше иллюминатор. Постепенно их машина снизилась до пятидесяти миль, где плотность воздуха была достаточной, чтобы поддерживать необходимую производительность генераторов.

— Да, он обошел нас! Нам остается только одно. Он рассчитывает зависнуть там с помощью своих ракет, пока мы не уйдем, но мы-то можем находиться здесь сколько угодно долго, главное только обеспечить каюту необходимым теплом. А вот у него не хватит воздуха на охлаждение, пока солнце будет накаливать поверхность его планера. Единственное, что беспокоит его в данный момент — это высокая температура пламени его ракет. Однако ему придется выпустить еще немалую часть их. Бог мой, что за машина! Но, в конце концов, он израсходует все топливо ракет, так что нам нужно просто висеть под ним и... стоп, не так быстро... он, кажется, не собирается оставаться там, и двигает свой корабль дальше, пока у него это неплохо получается. Ну что же, последуем за ним! Он снова ускоряется, но и мы не отстанем, если будем двигаться на своем уровне.

— Дик, никакой самолет из когда-либо созданных не выдержал бы такие потрясающие рывки и ускорение, как его аппарат. Он стоит у штурвала и сам управляет воздушными рулями, или что там у него! Этот невероятный тип самолета должен быть чрезвычайно прочным! Я никогда не видел подобной формы... хотя... это вполне логичная форма! Он напоминает огромный треугольный наконечник стрель! А ты что скажешь?

— Да, что-то вроде того. А помнишь, как мы в детстве делали самолетики из бумаги? У него точно такая же форма,

треугольные крылья, сходящиеся в к носу, за исключением того, что у него несомненно увеличена площадь крыльев для повышения эффективности. Что-то вроде летающего крыла, изобретенного пятьдесят лет назад. Надеюсь, что этот человек всего лишь клептоман, и сможет излечиться от этой болезни, ведь тогда у меня появится новый партнер по лаборатории. У этого Пирата определенно есть чрезвычайно оригинальные идеи! Он изобретательный человек, но я бы предпочел, чтобы у него скорее кончилось топливо в его ракетных установках! Здесь невыносимо холодно, и я не могу жертвовать значительной мощностью ради комфортной температуры. Его ракетный корабль, кажется, получает все большее и большее ускорение. А мы вынуждены держаться внизу, чтобы получать воздух и управлять генератором. Он опять уходит!

Они следовали за Пиратом держась много ниже, стараясь не отставать.

— Дик почему он не использовал все свои ракеты разом, вместо того чтобы постепенно увеличивать мощность?

— Если бы ты управлял кораблем, Мори, ты бы действовал так же. Посмотри на спидометр и попробуй понять это.

— Хм-мм... 4,5 мили в секунду... но я не понимаю, как он... Бог ты мой! Мы никогда не догоним его, если он и дальше будет лететь с такой скоростью! Как ты собираешься поймать его?

— Понятия не имею. Но ты упустил один важный факт. Сейчас он делает 4,5 мили в секунду, когда он достигнет 5 миль в секунду, то уже не сможет сойти со своей орбиты в сто пятьдесят миль высотой. Он застрянет на орбите! У него и так уже большая центробежная сила, а вес очень небольшой. Мы находимся намного ниже него, так что нам это не грозит. Ну, вот он делает последний рывок. Мы отстаем довольно сильно, но, тем не менее, сейчас догоним — сейчас... сейчас... мы просто летим параллельно! Он сделал это! Смотрите!

Аркот снял свои часы и отпустил их. Они мгновение держались в неподвижности в воздухе, затем медленно поплыли к задней части каюты.

— Я использую небольшое ускорение, немного больше, чем необходимо для поддержания нашей скорости. Мы слишком высоко, чтобы нам мешало сопротивление воздуха, но мы по-прежнему нуждаемся в энергии. Я не уверен...

Вдруг раздался низкий звук, повторившийся дважды. Мори мгновенно обернулся на шкалу радиоприемника. Внезапно сигнал зазвучал снова. Через мгновение раздался голос — тихий, но отчетливый.

— Я Уэйд... Пират... Помогите, если можете. Можите ли вы двигаться за пределами атмосферы? Превысить орбитальную скорость и выйти из поля тяготения планеты? Я застрял на орбите и не могу сойти. Топливный датчик на нуле, я использовал все свои ракеты. У меня больше нет возможности затормозить и спуститься вниз. Сжатый воздух почти иссяк, но генератор еще работает, он запустит газ приостановки жизнедеятельности... Вы сможете добраться до меня, прежде чем наступит ночь?

— Быстрее, Мори, ответь ему, что мы сделаем это.

— Мы постараемся, Пират... Думаю, у нас получится!

— Мощность теря...

Последняя из его установок прекратила работу! Пират остался в космосе! Преследователи видели, как выстрелили последние его ракеты, мгновение заставив пылать сопла, после чего снова стало темно, и только солнце, отражающееся от серебристого корпуса судна, делало его видимым.

— Мы должны поспешить, если хотим сделать что-нибудь, прежде чем он выйдет на ночную половину! Сообщите в порт Сан-Франциско, что мы немедленно возвращаемся, и что нам нужен большой электромагнит, который сможет работать на постоянном токе порядка 500 вольт, и еще несколько энергоячеек большой емкости; сколько именно, я скажу позже, все будет зависеть от их размера, насколько хватит места. Сейчас я начну замедление, чтобы мы могли сделать разворот и вернуться. Мы где-то к западу от Гавайев, но я уверен, что у нас все получится, если мы используем все свои возможности.

Мори незамедлительно приступил к настройке станции для переговоров с аэропортом Сан-Франциско. Вскоре он установил с ними связь и сообщил о том, что прибудет в течение часа. Работники аэропорта в свою очередь пообещали приготовить все необходимые материалы; кроме того они готовы были оказать Пирату должный прием, как только он будет доставлен.

Четвертью часа спустя корабль Аркота приземлился на большую посадочную площадку возле Сан-Франциско, и механики

сразу приступили к работе. Они прикрепили огромный электромагнит к посадочным полозьям в нижней части машины. Более серьезной проблемой стало подключение электрических клемм без проделывания новых отверстий в корпусе судна. В этот раз Фуллера в поездку брать не стали, а на освободившееся место загрузили дополнительное число энергоячеек. В отсеке питания спешно установили генераторную установку, которая позволила бы управлять кораблем, при питании генераторов от батарей. Пришлось закрепить их распорками, чтобы не допустить скольжение при ускорении. Вся операция потребовала не больше пятнадцати минут.

— Как ты собираешься снять его оттуда, Аркот?

— Я попытаюсь приблизиться к нему с запада. Если бы я зашел с другой стороны, мы встретили бы его на скорости более чем 10 миль в секунду большей по отношению к его машине. Он подсказал верную идею. Он дал понять, чтобы мы подошли к нему на скорости большей орбитальной. Для начала я буду держаться только в пределах земной атмосферы, пока не доберусь до него, держась в воздухе с помощью обычного мотора. Я попытаюсь разогнаться до восьми миль в секунду. Когда мы окажемся рядом с ним, замедлимся на три мили в секунду до его скорости, чтобы соединиться. Мы должны будем добраться до него, прежде чем он попадет в тень Земли, если это случится и он зайдет на ночную половину, то окажется без тепла и умрет от холода.

— Я думаю, что мы спасем его, Дик!

— Я надеюсь на это. Запасные ячейки в порядке? Они понадобятся нам. Если они не будут функционировать, когда мы выберемся в космос, мы улетим в бесконечное пространство! Двигаясь со скоростью восемь миль в секунду мы навсегда покинем Землю!

Воздушный корабль уверенно шел к цели с максимальным ускорением, которое могли выдержать находящиеся на борту люди. Стрелка спидометра устойчиво ползла по циферблату. Спасатели поднялись на высоту в сорок миль, где все еще было достаточно воздуха, но в то же время он не слишком затруднял движение воздушного корабля. Чёрное небо над ними было усеяно точками сверкающих в космосе звезд. По мере того как друзья продвигались вперед, ощущение веса

постепенно терялось; вскоре они достигли орбитальной скорости, и по мере того как корабль устойчиво увеличивал ее, возникло странное ощущение! Гигантская Земля плыла над ними! А под ними сияло Солнце! Верх и низ поменялись местами с потрясающей скоростью! Если раньше стрелка спидометра колебалась возле 7,8 миль в секунду, то теперь она заняла устойчивое положение!

— Разве ты не собираешься ускоряться до восьми миль в секунду, Дик?

— Сопротивление воздуха еще слишком велико! Мне придется забраться выше!

Только на высоте пятидесяти миль они достигли скорости 8,1 миль в секунду. Казалось, прошли часы, прежде чем они добрались до точки, где должна была находиться машина Пирата, и в течение некоторого времени выискивали в черном небе искомую блестящую точку. С помощью бинокля они нашли ее далеко впереди и почти на сто миль выше.

— Ну, вот мы и на месте! Сейчас я попытаюсь преодолеть эти сто миль прямым курсом следуя к цели; действие силы тяжести будет немного тормозить нас, так что мне придется использовать несколько элементов питания. Теперь у нас не будет воздуха, из которого мы получали высокую температуру для того, чтобы оказаться здесь, так что вся надежда на солнечный свет, который смогут поглотить наши генераторы, и я использую его, чтобы как можно быстрее замедлить наше движение.

Крошечная серебристая точка вырастала, пока не обрела черты пиратского планера. Спасатели приближались к нему, медленно, но неуклонно. Наконец, маленькая машина оказалась прямо под ними, всего лишь в сотне ярдов. Они давно уже были вынуждены вести корабль, используя аккумуляторные батарии, но теперь им пришлось использовать немного запасов, заменив ими вертикальные энергоблоки. Вяло поглощая солнечное тепло, машина приближалась к планеру.

Все ближе и ближе.

Наконец, уже только десять футов отделяло спасателей от судна Пирата.

— Порядок, Мори.

Они почувствовали толчок, как только весь ток временно был передан большому магниту на киле. А потом корабль аж

подпрыгнул под действием магнитного импульса, притянувшего меньшую машину. В следующее мгновение маленький самолет притянуло к теперь уже выключенному магниту, он коснулся его и только собрался отскочить, как Мори снова щелкнул переключателями, и теперь обе машины были жестко сцеплены воедино!

— Я поймал его, Дик! — воскликнул Мори. — Теперь давай вниз, скорее начнем падение. Мы сможем спуститься на нем. Поскольку это планер, им должно быть легко управлять!

Теперь энергия блоков питания на поверхности машины начала замедлять оба судна, а притянутый магнитом планер позволял сгладить их движение. Спасатели наблюдали, как медленно падает скорость, поскольку поверхность летающего корабля не предназначалась для поглощения солнечного тепла напрямую, и система это действовала не очень эффективно.

Солнце опускалось все ниже за горизонт; и друзья не отрываясь наблюдали это любопытное явление, пока не почувствовали удар воздуха, достаточно плотного для того, чтобы вновь заработали энергоблоки. К машине быстро возвращалась её прежняя мощь по мере того, как она снижалась в более теплые слои атмосферы, к тому же теперь приходилось тратить значительную энергию на то, чтобы удержать планер, норовящий вырваться из магнитных объятий.

На высоте пятидесяти миль генератор заработал на полную, и сразу включились нагреватели. Этого не произошло в другой машине, но здесь спасатели были бессильны. И поэтому они старались как можно быстрее добраться до теплой зоны атмосферы.

— Ну, вот, я так рад, что мы вернулись в верхние слои атмосферы, Дик. Я не говорил тебе раньше, чтобы не пугать лишний раз, но батарея чуть не подвела нас! У нас оставалось не больше двадцати ампер-часов! Во время маневров я использовал практически всю её мощность. По счастью, у нас теперь нет в ней недостатка. Я знал, что ячейки маломощные, но и понятия не имел, что настолько! Я заметил, как слабеет магнит, но думал, что это было связано с усилением воздушного потока. Сейчас я зайду в пике, а потом позволю этой штуке планировать. Я верю, что она сможет нормально приземлиться,

по крайней мере, на это есть шанс, и, конечно, я намерен использовать его. А пока мы не оказались в самом сердце Сибири, нам лучше возвращаться назад.

Их обратный путь лежал строго в нижних слоях атмосферы, чтобы в планере поддерживалась достаточная температура. На высоте не больше двух миль, в изобилующей турбулентностями атмосфере, медленно планируя, они двигались домой. Им потребовалось почти двадцать часов, чтобы пройти расстояние в двенадцать тысяч миль до Сан-Франциско. Они дежурили по очереди, сменяя друг друга за штурвалом. Сопротивление, создаваемое планером заставляло их двигаться не спеша, они могли преодолевать в среднем немногим больше шестисот миль в час, хотя обычная скорость воздушных кораблей на этой высоте была более тысячи двухсот миль в час.

Наконец, на горизонте появились большие небоскребы Сан-Франциско, и тысячи частных самолетов стали попадаться им навстречу. Раздраженно Аркот предупредил их, что порывы воздуха их двигателей могут оторвать планер от магнита. Вскоре, однако, Воздушная Гвардия смогла отогнать воздушные суда зевак на безопасное расстояние и освободить воздушный коридор на одном из нижних уровней городского движения.

Огромная посадочная площадка Трансконтинентальных Линий была заполнена возбужденными мужчинами и женщинами, отчаянно желавшими хотя бы мельком увидеть две невероятных вещи столетия, о которых говорила вся страна, — машину с молекулярным двигателем Аркота и самолет Пирата!

Посадка прошла благополучно под наблюдением Воздушной Гвардии. На месте спасателей и Пирата уже ждал небольшой самолет медицинской службы. Как только появился корабль Аркота, а затем неподвижно и беззвучно завис над посадочной площадкой, толпы зевак уставились на него с волнением и удивлением. Они ожидали какого-нибудь выступления Аркота, они требовали показать замечательные возможности этого корабля в действии. Экипажи Воздушной Гвардии, которые наблюдали схватку между двумя супер-машинами, уже успели растрепить об этом прессе и радио...

Две недели спустя Аркот вошел в кабинет мистера Мористаршего.

— Вы не заняты?

— Заходи, я занят, но не настолько, чтобы не принять тебя. О чем ты хочешь поговорить?

— Об Уэйде. Пирате.

— О...кхм. Я читал отчеты о его лаборатории в Скалистых горах, а так же отчеты психиатров о нем. И, что немаловажно, я видел запросы, которые ты прислал. Ты хочешь заполучить его для своей лаборатории. Но каково твое мнение о нем? Ты говорил с ним?

Аркот слегка нахмурился.

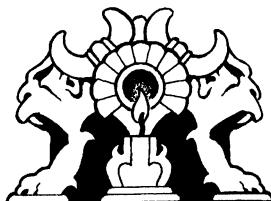
— Когда я говорил с ним, он будто разрывался между двумя личностями, пытающимися овладеть одним и тем же телом. Однако доктор Ридджели говорит, что проблема решится, и я ему верю. Ридджели специалист в своей области, не менее чем вы и отец в своих. Призвание Ридджели — излечивать психические раны. Мы сходимся с ним во мнении, что Пират стал безумным еще задолго до того, как мы столкнулись с ним... Мы так же согласились, что у него чрезвычайно тонкий и творческий ум. Как цивилизованная личность он, вероятно, сдвинулся на каких-то мелочах. Ридджели говорит, что это поправимо. Знаете, Ньютон испытывал неврозы в течение почти двух лет. Фарадей страдал от расстройства личности почти пять лет, но даже после этого смог восстановиться и закончить свою монументальную работу. Но эти люди не имели возможности обратиться к современным психо-медицинским методам лечения. Я думаю, мы были бы полными идиотами, если бы отказались от возможности привлечь на свою сторону Уэйда. Безумен он или нет, но он придумал способ стабилизации и хранения атомного топлива для своих ракет. Если бы он был в нормальной форме... В общем, я надеюсь, что это укрепило бы конкурентность семейного бизнеса.

Мистер Мори откинулся на спинку стула и улыбнулся Аркоту.

— У тебя есть отличная возможность. Я заберу его. Раз доктор Ридджели говорит, что у него найдутся винтики для Уэйда взамен потерянных — предложи Пирату работу в твоей лаборатории. Я немного старше тебя, но ты вырос в мире, где психо-медицинские методы по-настоящему работают. Когда я был твоего возраста, психология находилась в зачаточном

состоянии, и все врачи были большими экспериментаторами.
— Мистер Мори вздохнул, после чего продолжил: — В этом вопросе, я думаю, твое мнение важнее, чем мое.

— Я готов снова увидеться с Пиратом и предложить ему работу. Уверен, что он согласится. У меня также есть уверенность, что в течение шести месяцев он станет намного разумнее большинства людей... Обычный человек не понимает, на что способны современные методы лечения, и Уэйда, естественно, ожидает очень качественная перестройка. Так же как человеку, которому необходимо вылечить сломанную руку, в психиатрической больнице доктора Риджели Пирата проверят от и до, и устранит все проблемы со здоровьем. Он выйдет оттуда даже здоровее, чем прежде. Разум же Уэйда настолько гибок, что он подружился с молекулами и заговорил на их языке... После того как Ридджели научит его, как подружиться с людьми, я думаю, он станет достойным членом нашей команды!





ЧАСТЬ ВТОРАЯ «СОЛЯРИТ»

ГЛАВА 1

Огни большого трансконтинентального аэропорта сверкали в приветственном великолепии. В центре широкого поля собралось несколько человек. Они смотрели в небо, где мерцали звезды, холодные и яркие на фоне глубокой черноты морозной ночи. Тонкий полумесяц Луны блестел на западе — серп света, который даже не пытался соперничать с холодным пламенем блестящих звезд.

Вдруг одна точка задвигалась между россыпей неподвижных далеких солнц и, мерцая, начала смещаться к аэропорту по длинной стремительной кривой. Как только она приблизилась, скользнув над сверкающими огнями Нью-Йорка, собравшиеся на взлете поле люди тут же заговорили, указывая на нее. Миновав город, точка опустилась, двигаясь на полмили выше небоскребов, которые были ярко освещены лучами прожекторов. Один из лучей выхватил спускавшийся аппарат, и тот неожиданно вынырнул из темноты — обтекаемый цилиндр, с широким ореолом голубого сияния, образованного светом прожектора, копьем пронзившего угольную черноту ночи.

Еще один миг, и корабль вырос перед людьми всей своей громадой, мягко опустился на поле и медленно, грациозно подкатил к ним.

Двадцать четыре человека сошли с большого корабля, дрожа от ледяного ветра, который бушевал над полем. Быстро переговорив с группой, ожидавшей их прибытия, они поспешили забраться в благодатную теплоту автомобиля. Через мгновение они уже мчались к огням аэропорта, находившегося в полукилометре от места посадки.

Позади них огромный корабль снова прыгнул в небо, а затем, задрав свой нос под углом в тридцать градусов, словно

пуля подлетел вперед на невероятной скорости. Через мгновение он исчез.

Оказавшись в помещении аэропорта, группа людей начала рассасываться.

— Мы хотим поблагодарить вас, мистер Мори, за эту демонстрацию нового корабля, и вас, доктор Аркот, за ответы на наши многочисленные вопросы. Я уверен, для всех нас неоценима та помощь, которую вы оказали прессе.

Репортеры быстро разошлись, спеша поскорее выдать новости для утренних изданий, поскольку шел уже второй час ночи. Каждый перед уходом получил небольшой листок с официальным заявлением компании. Наконец, все ушли, кроме шести человек, которые отвечали за новую машину.

Эта ночь стала свидетелем официальной демонстрации первого из кораблей с молекулярными двигателями Аркота-Мори. Он был небольшим, по сравнению с теми, что должны появиться в будущем, и все же воздушный корабль с таким двигателем способен был взять на борт три тысячи пассажиров, столько же, сколько крылатый самолет, не способный сравниться в скорости с новой машиной. Теперь полет от западного побережья до восточного занимал менее одного часа. На скорости, близкой к одной мили в секунду, большой корабль двигался в разреженных слоях атмосферы, на высоте двадцати пяти миль.

В этом корабле использовался мощный ультравысокочастотный генератор. В процессе работы он заставлял собственные молекулы двигаться вперед, таким образом двигая и весь корабль. С этим молекулярно перемещающимся двигателем корабль теоретически мог достичь скорости, близкой к скорости света.

— Аркот, — начал Мори-старший, после того как корреспонденты покинули зал, — как президент компании я, конечно, хочу поблагодарить тебя за огромную услугу, которую ты оказал нам. Ты «продал» компании эту машину, но что мы можем предложить взамен? А ведь и раньше ты не раз продавал нам свои изобретения или идеи, которые позволили Трансконтинентальной компании достигнуть своего нынешнего высокого положения в мировой транспортной системе. Все, что ты когда-либо брал взамен, — это лаборатория, ее

содержание и небольшой годовой доход. Что же мы можем сделать, чтобы продемонстрировать нашу признательность в этот раз?

— Ну, — улыбаясь, протянул Аркот. — Вы не совсем правы. Фактически, у меня есть полностью оборудованная всем необходимым лаборатория, так что мне не приходится размениваться по пустякам, есть и деньги, ровно столько, сколько мне нужно. Чего же мне желать большего?

— Полагаю, все это правда, и ты тратишь всего около шести тысяч в год на личные расходы — это зарплата хорошего клерка, но ведь ты, по общему признанию, самый блестящий физик планеты! Я чувствую, что нахожусь перед тобой в неоплатном долгу!

Выражение лица Аркота внезапно стало серьезным.

— В этот раз вы можете возместить все, — заверил молодой человек. — Мое последнее открытие сделало возможным ранее недоступное. Я всегда мечтал о возможности путешествий на другие планеты. Последние три столетия об этом грезило множество ученых. Моя машина позволит нам осуществить эту мечту. Если вы пожелаете, мы можем начать этот проект уже весной 2117 года. Я вполне серьезен. С вашего позволения, я хочу начать работу над первым межпланетным кораблем. Разумеется, мне потребуется помочь Фуллера. Проект будет дорогостоящим. Именно поэтому я прошу вашей помощи. Уверен, что все затраты окупятся, ибо там, на других планетах, безусловно найдется то, что может представлять коммерческую ценность.

Они отправились в гараж, где стоял личный воздушный катер Аркота с молекулярным двигателем — первая из построенных машин, которые использовали для движения солнечное тепло. Президент огромной трансконтинентальной компании авиаперевозок задумчиво смотрел на нее. Она была крошечной по сравнению с тем большим кораблем, на котором они только что совершили путешествие, но того же самого типа. Летающий корабль изящной красоты, обтекаемая форма, которого служила примером идеальной симметрии.

Они стояли в глубокомысленном молчании в течение минуты — молодые люди, жаждущие услышать решение их вероятного покровителя. Мори, всегда неохотный на речи, выдержано держал довольно длительную паузу, прежде чем ответить.

— Если бы ты просил только деньги, Аркот, я бы с удовольствием дал вдвое большую сумму, но я знаю, что это не то, что тебе нужно. Я прекрасно понимаю, что если ты куда-то отправишься, мой сын пойдет с тобой, и Фуллер, и Уэйд, естественно, тоже.

Он посмотрел на каждого по очереди.

— Все вы очень много значите для меня. Ты, Фуллер и Боб знакомы еще со дней колледжа. Я знаю Уэйда всего три месяца, но с каждым днем все больше восхищаюсь им. Нет никаких сомнений в том, что это путешествие будет невероятно опасным. Но если с вами что-то случится, это будет нечто большее, чем просто личная утрата. Мы можем потерять нескольких из самых блестящих ученых Земли. Тебя, как выдающегося физика, Фуллера — как одного из величайших конструкторов, Уэйд представляет ценность и как химик, и как физик, а мой сын, безусловно, хороший математик. — Он замолчал, нахмурившись, что-то обдумывая. — Но вы, разумеется, придумаете, как выбраться из любой передряги. Безусловно, найдется немногих людей на Земле, которые были бы готовы поддержать такую группу энтузиастов — или любого из вас, если на то пошло! И я поддержу вашу затею! — Его речь стала более шутливой. — Я знаю, что Аркот и ты, Боб, умеете неплохо обращаться с оружием. Но я не могу сказать этого об Уэйде и Фуллере. Какой опыт у вас обоих?

Фуллер покачал головой.

— Я думаю, что больше всего буду полезным на камбузе, мистер Мори. Я готовил пищу во многих походах, а еда является важным фактором в успехе любой экспедиции... Кроме того, я тоже немного умею стрелять.

Уэйд, слегка колеблясь, произнес:

— Я родом с Запада, и нередко развлекался охотой в Скалистых горах, там, где еще водятся пумы и олени. Кроме того, я практиковался в стрельбе из новой пушки, которую разработал Аркот на основе своего молекулярного двигателя. Вы так мало знаете обо мне, и большей частью плохое, — я пока еще не вижу своего участия в этом предприятии... Но, — добавил он поспешно, — я, конечно, не намерен держаться в стороне от друзей. Я с вами, с тех пор как мы вместе!

— Значит, вы готовы поддержать нас? — улыбнулся Аркот.

— Да, я готов, — серьезно ответил Мори-старший. — Уверен, это необходимо.

Четверо молодых людей поднялись в летающий катер, который должен был доставить их домой. Аркот занял место пилота, и под его уверенным руководством, аппарат быстро взмыл в холодный ночной воздух. Вскоре они уже висели на высоте пятидесяти миль над верхним краем воздушной оболочки планеты. В мечтательных раздумьях они смотрели на великолепие сияющих звезд. Здесь, где отсутствовал насыщенный пылью воздух, и ничто не могло изменить их истинные цвета, звезды сияли, не мерцая, тем великолепием, которого никто из людей никогда не видел прежде. Они вызывали восхищение буйством красок, таких разнообразных и столь чудесных, как в калейдоскопе. Блестящие точки — красные, зеленые, оранжевые, желтые, — их свет был ярким и чистым. Аркот медленно направил корабль к светящемуся внизу городу.

— Люблю подниматься сюда и смотреть на эти холодные, колючие огни. Чувствую, как они манят меня — это призыв далеких миров. Я всегда испытывал ощущение невыносимой тоски — желая оказаться там, но понимал: мечты мои невыполнимы. Мы сможем отправиться туда уже будущей весной!

Аркот замолчал и посмотрел на великое море звезд, рассыпавшихся над его головой и по все стороны горизонта.

— Замечательная ночь!

— Куда же мы отправимся для начала, Дик? — спросил Уэйд, тоже залюбовавшийся солнцами далеких миров, и неизвестно он говорил тихо, подавленный величием звездного неба.

— Я думал об этом последние четыре месяца, и теперь, когда мы определенно собираемся лететь, нам необходимо принять решение. Собственно, выбор предстоит не сложный. Конечно, мы не можем покинуть Солнечную систему. Да и внешние планеты находятся так далеко, что я думаю, нам лучше подождать до более поздних времен. Таким образом, выбирать приходится между Марсом, Венерой и Меркурием. Последний сразу отпадает, поскольку это слишком близко к Солнцу. О Марсе мы знаем хотя бы немного за счет телескопических наблюдений, в то время как Венера, вечно окутанная облаками, остается загадкой. Что вы выбираете?

— Что ж, — произнес Мори, — мне кажется, более интересно исследовать совершенно неизвестную планету, чем ту, за которой можно наблюдать в телескоп. Я голосую за Венеру.

Остальные согласились с Мори в том, что Венера — разумный выбор. К этому времени летающий аппарат опустился на крышу здания, где располагалось их жилище. На следующий день друзьям предстояло начать реальные работы по разработке космического корабля.

ГЛАВА 2

— Прежде чем приступить к делу, мы должны решить, каким параметрам должен удовлетворять корабль для максимального удобства и безопасности, — объявил Аркот на следующее утро. — Полагаю, я думал об этой экспедиции дольше, чем вы, и сначала изложу свои идеи... Мы фактически ничего не знаем об условиях на Венере, так как никто не бывал там. Венера, вероятно, более молодая планета, чем Земля. Она намного ближе к Солнцу и получает в два раза больше тепла, чем наша планета. В далекой древности, когда планеты остывали, я уверен, Венере потребовалось на это гораздо больше времени, чем Земле, поскольку плотная атмосфера сильно тормозила ее охлаждение. Температура на поверхности, возможно, около 150 градусов по Фаренгейту... Вероятно, суши там немногого, поскольку с такой массой облаков, покрывающих Венеру, логично ожидать преобладания морей. Так что развитая жизнь должна быть в основном подводной и, скорее всего, далеко отстала от нас в развитии. Конечно, Венера представляет собой планету-тайну, мы ничего не знаем о ней и можем только гадать. Но зато мы знаем, что нужно делать, чтобы пересечь космическое пространство... Очевидно, что главной движущей силой должны стать энергоблоки, которые будут получать энергию от солнечных лучей, поглощая их медными дисками приблизительно двенадцати футов в диаметре. И сам корабль должен быть ближе к дисковой форме, нежели цилиндрической. Я думаю, что конструкция длиной сто восемьдесят футов, пятьдесят футов шириной и двадцать футов в высоту будет

оптимальной. Энергоблоки установим на верхней части корабля двойным рядом по обе стороны корпуса. В середине, где будет главный отсек, вставим серию больших иллюминаторов из кварцевого стекла. Очевидно, понадобится источник энергии для питания главных сопел, которые будут управлять энергоблоками молекулярных двигателей. Для этого нам послужит генератор, он будет поглощать тепло от воздуха в отсеке. Воздух будет нагрет солнечными лучами, разумеется, и таким образом мы получим необходимую нам энергию непосредственно от солнца. Энергоблоки затруднят маневрирование в космосе. Расположенные по бокам, где они будут в тени и не смогут получать солнечную энергию. Поэтому для маневрирования в безвоздушном пространстве, нам придется использовать атомные ракеты; водород, накопленный по методу Уэйда, будет храниться в цистернах в трюме. Еще нам понадобится батарея для запуска генератора и для чрезвычайных ситуаций. Для защиты от метеоритов мы используем радар. Если он что-нибудь обнаружит в пределах десятков миль, этот сектор будет автоматически обстрелян с корабля ракетами, отслеживающими путь метеорита.

Весь этот день Аркот и остальные обсуждали различные части корабля, в которых они нуждались, и уже к вечеру Фуллер начал делать первые чертежи различных механизмов, которые были согласованы.

На следующий день, ближе к вечеру, они проработали основные части корабля и приступили к главной задаче по расчету нагрузки и мощностных параметров.

— Нам не потребуется большая мощность для корабля, пока он находится в космосе, — прокомментировал Аркот. — Там он будет находиться в невесомости, не испытывая никаких воздействий, но мы должны обеспечить необходимую прочность для безопасного маневрирования в атмосфере. Мы покинем Землю за счет центробежной силы, потому что я могу выжать высокую скорость в атмосфере, за счет большей мощности. Он кружил над Землей, формируя орбиту только в пределах атмосферы со скоростью пять миль в секунду, постепенно наращивая её до десяти миль в секунду — тогда корабль сможет покинуть планету за счет собственной

центробежной силы. С помощью энергоблоков мы притормозим, наша корабль, предотвратим непроизвольный старт до наступления нужного момента. Когда же мы освободим корабль, уже никакие силы не смогут удержать его, и он станет полностью независимым от притяжения Земли.

Работа над проектом продолжалась с раздражающей медлительностью. Проект оказался невероятно сложным, так как все механизмы были полностью новыми. Прошло несколько недель, прежде чем заказали энергоблоки, и началась сборка корпуса межпланетного корабля. После этого заказы на материалы исходили из офиса ежедневно. Тем не менее, только в конце ноября был отослан последний заказ. Кроме того, Аркот решил создать специальный костюм для пребывания на Венере. Он использовал миниатюрный аппарат молекулярного движения, чтобы охлаждать воздух и прогонять его через костюм. Устройство состояло из небольшого генератора с приводом от сжатого воздуха и пучка трубок, который можно было носить на спине, как ранец.

— Аркот, я только теперь заметил, как этот костюм похож на портативный аппарат невидимости, который я разработал будучи Пиратом, — заметил Уэйд, когда работы были закончены, и костюм для пребывания на Венере был готов для испытаний. — Интересно, может, нам полезно будет время от времени становиться невидимыми... Только тогда в устройство этого костюма нужно будет внести небольшие изменения. Аппаратура добавит не больше пяти фунтов веса, а тех трубок, которые ты использовал, я уверен, будет достаточно, чтобы нести дополнительную нагрузку.

— Отличная идея, Уэйд, — согласился Аркот. — Это может оказаться полезным, если мы встретим враждебных туземцев. Трюк, исчезновения, может сделать нас кем-то вроде богов для примитивных существ. Но раз уж ты упомянул об этом, я считаю, нам стоит установить такой аппарат на самом корабле. Он почти не потребует мощности, но, возможно, при случае спасет наши жизни.

Работа в мастерских Трансконтинентальной компании, где собирали воздушный корабль, шла своему чередом. Строительство межпланетного корабля держалось в секрете, поскольку Аркот опасался, что толпы зевак хлынут сюда, чтобы

хоть одним глазком взглянуть на первый межпланетный корабль, если просочиться хоть какая-то информация, ведь цеха находились на территории аэродрома, над которым беспрестанно кружились вертолеты и самолеты трансатлантических и трансконтинентальных рейсов. Производство требовало самых точных манипуляций и высокого мастерства, так как малейший дефект грозил смертельной опасностью межпланетным путешественникам. Конструкторы высчитали, что путешествие в одну сторону займет шесть недель, и получалось, что команда терпящего бедствие космического корабль может расчитывать только на свои собственные силы.

Ученых, собиравшихся в полет, больше всего раздражало ожидание, в котором они провели дни, прежде чем смогли начать установку электроаппаратуры и необходимого стандартного оборудования: катушек, трубок, конденсаторов; помимо этого они потеряли много времени, ожидая поставок всего, что только представлялось им полезным. Конструкторы предусмотрели в корабле большой грузовой отсек, поскольку Аркот надеялся, что поездка принесет финансовый успех, особенно рассчитывая на поставку столь необходимых металлов. Многие жизненно важные элементы стали редкостью на Земле, и никакой замены им до сих пор не было найдено.

Часть этого отсека должны были заполнить вещи, которые понадобятся в пути. Кроме того, здесь предстояло разместить множество запасных частей, запасных трубок, конденсаторов и блоков питания — тысячу и один предмет. Аркот продумал все так, чтобы из этих деталей, в случае необходимости, или если что-то пойдет не по плану, можно было бы собрать полностью работоспособный молекулярный двигатель.

Наконец настал день, когда были соединены последние кабели и сварены последние швы. Резервуары атомарного водорода, с помощью которого предстояло двигать корабль на большой скорости, были полны, и кислородные резервуары тоже заполнены, батареи заряжены. Межпланетный корабль был готов к испытательному полету!

Большой аппарат покоился на полу ангара, в ожидании старта.

— Друзья, подойдите сюда на минутку! — позвал Аркот остальных членов команды. — Я хочу вам что-то показать.

Все трое поспешили к носу, где стоял Аркот. Уставившись на него, они переглядывались с удивлением, не понимая, что не так. Между тем, он вытащил из внутреннего кармана пальто большую плотно запечатанную стеклянную бутылку.

— Что это? — с любопытством спросил Уэйд.

— Мы собираемся совершить первый круиз, и я вдруг подумал, не настало ли время дать кораблю имя.

— Отличная мысль, я тоже думал об этом. У тебя уже есть идея?

— Конечно, — сказал Аркот. — Я думал об «Александре». Он очень стремился завоевать другие миры!

— Неплохо, — заметил Мори. — Я тоже думал об имени и, полагаю, у каждого из нас возникала эта мысль. Но я думал о «Санта-Марии» — первом корабле, на котором открыли Новый Свет.

— Я больше думал о его родине, — сказал Уэйд. — Как насчет того, чтобы назвать его «Землянин»?

— Хорошо. Теперь твоя очередь, Фуллер. Ты проектировал его. Что ты предложишь для своего шедевра?

— Я тоже думал о его доме — доме, о котором никогда нельзя забывать. Мне хочется надеяться, что мы встретим людей на Венере, и я хотел бы назвать его именем, которое выглядело бы дружественным и нечуждым. Почему бы не назвать его «Солярит»?

— «Солярит» — представитель солнечной системы. Так есть и будет всегда. Он объединяет в своем имени весь мир, а когда совершил полет и отправится с орбиты навстречу солнцу, он станет полноправным членом солнечной системы. Мне это нравится! — Аркот повернулся к остальным. — Как вы считаете?

Все единодушно согласились.

— Но я все еще в нетерпении, что это за бутылка, так тщательно запечатанная? — спросил Мори с озадаченной улыбкой. — Что там? Какой-то газ?

— Ошибаешься. Ни газа, ничего вообще, на самом деле. Что больше подходит для крещения космического корабля, нежели бутылка с настоящим вакуумом? Конечно, у нас нет красивой девушки, чтобы благословить это судно. Но разве отправляющиеся в полет холостяки доверят обряд женщине? Никогда! У

нас для этого найдется бригадир. Ну, а так как у нас нет рельсов, по которым обычно скатывают судно, мы займем места и начнем движение, как только он разобьет бутылку. Ну, а пока, давайте изобразим на носовой части отчетливо различимую эмблему. Предлагаю сверкающее солнце, окруженное девятью планетами, выделив Землю, а под ними слово — СОЛЯРИТ.

ГЛАВА 3

Было уже за полдень, когда летающий корабль нареченный «Соляритом», отправился в первый космический полет. Ко времени его возвращения солнце клонилось к закату, преврашившись в великолепный огненный шар. Отвесно спикировав из глубин космоса, разорвав земную атмосферу с чудовищным звуком, летучий корабль стремительно опустился на поле. Как только открылся люк, к огромному летательному аппарату немедленно бросились люди. В открытом проеме показался Фуллер. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять: что-то пошло не так.

— Эй, Джексон! — крикнул Фуллер, — вызовите врача. Аркот пострадал. Случилась небольшая авария.

Сокоре техник вернулся с врачом, и того как можно скорее подняли на борт, и по длинному металлическому коридору «Солярита» провели в каюту Аркота.

Быстрый осмотр опытного врача показал, что кроме небольшой раны на затылке, других, более серьезных повреждений не было. Однако, Аркот все еще находился без сознания от удара, ставшего причиной раны.

— Как это случилось? — спросил доктор, обработав рану и ловко перевязав голову.

— На борту есть устройство, которое должно защищать нас от шальных метеоритов, оно работает автоматически, — объяснил Мори. — Мы с Аркотом просто менялись местами за штурвалом. В этот момент, когда мы оба сняли ремни, в диапазоне видимости появился метеорит, и ракетные пушки принялись расчищать путь. Мы оба покатились кубарем. Аркот ударился головой. Мне повезло больше, я успел ухватиться руками за спинку кресла. Это и стало причиной травмы — при нашей

скорости мы весили вдвое больше, и хотя высота составляла около семи футов, повреждения оказались такими, словно это было четырнадцать футов. Мы по очереди пилотировали корабль, и Аркот собирался вернуть нас, когда толчок потряс все судно. Теперь нам придется внести некоторые изменения в конструкцию. Аппарат сработал прекрасно, однако нам необходим предупреждающий сигнал, чтобы успеть за что-нибудь ухватиться.

Доктор попробовал привести пациента в чувства. Через мгновение Аркот зашевелился и поднял руку, чтобы коснуться больного места. Еще через десять минут он уже мог разговаривать с друзьями, по-видимому, все еще испытывая очень сильную головную боль. Доктор вколол ему успокоительное и отправил в постель.

Корабль был полностью переоборудован, испытан до мелочей, и время вылета было назначено на ближайшую субботу, до которой оставалось три дня. К этому времени все необходимые припасы должны были быть загружены на борт. А эта работа требовала не менее ответственного отношения, поскольку не закрепленный груз при различных ускорениях «Солярита» мог повредить жизненно важные части корабля. И вот, в полдень назначенного дня, первый корабль, способный выйти за пределы земного тяготения, был готов к старту!

Основательно загруженный «Солярит» плавно поднялся над полом ангара и медленно поплыл навстречу яркому солнцу раннего февральского утра. Рядом с ним двигался небольшой кораблик, построенный Аркотом еще раньше, его пилотировал отец изобретателя. В нем же находился Мористарший и еще с десяток газетчиков, плотно набивших маленький аппарат, поднимавшийся вместе с ними все выше и выше в верхние слои атмосферы. Небо над ними становилось темным — они приближались к космическому пространству!

Наконец они достигли абсолютного потолка малого корабля, и тот остался внизу, в то время как «Солярит» миля за милю продолжал подъем; сначала медленно, но затем все быстрее и быстрее, набирая скорость.

Ученые в корабле наблюдали за показаниями радио-спидометра, стрелка которого ползла вверх... 1-2-3-4-5-6... Ускорение вжимало тела путешественников в спинки сидений... 8-9...

гул генератора перешел в низкий рокот... 10-11-12... Они двигались со скоростью двенадцать миль в секунду, и разреженный воздух вокруг корабля, рассекаемый плавными обводами корпуса, пронзительно стонал, словно протестуя. Постепенно скорость выросла до пятнадцати миль в секунду. Тяготение Солнца стало ощутимо сильнее; их тянуло к огненной сфере, прочь от Земли. Микрофон, расположенный снаружи, донес до путешественников постепенно затухающий шепот воздуха снаружи. Аркот отдал последние предупреждения:

— Держитесь... Сейчас мы потерянем вес... Выходим в космос!

Раздался щелчок, и разгневанное рычание перегруженного генератора исчезло, как только реле выключило его из цепи. Казалось, космический корабль падает, с потрясающей и постоянно увеличивающейся скоростью. Смотря вниз, они могли видеть, как на глазах сокращается Земля — в одно мгновение они преодолевали несколько миль. Сейчас они двигались со скоростью пятнадцать миль в секунду вперед и пять миль в секунду вверх.

С напряженным интересом мужчины смотрели в разверзнувшиеся перед ними небеса. Звезды теперь видны были лучше: сияние солнца уже не затмевало их свет, поскольку отсутствовал воздух, рассеивающий свет. Тепло солнечных лучей, казалось, обжигало, и путешественники даже испытывали приятное покалывание в глазах, когда смотрели на это могущественное море пламени сквозь темные очки.

Огромные языки солнечной короны тянулись, подобно щупальцам множества огненных осьминогов, на тысячи миль глубоко в космос — огромные руки из пылающего газа, которые корчились, как будто желая дотянуться и вернуть кружасшиеся планеты в свое родительское тело. Вокруг величественной сферы Солнца расходилось бледное свечение, калейдоскопом приливов и отливов стремительно меняющееся цвета. Это было похоже на северное сияние в невообразимом масштабе!

Аркот ловко управлял летающим кораблем; отсутствие веса, которое создавало это растянувшееся ощущение бесконечно-го падения, помогло ему и его помощникам быстро настроить приборы.

Наконец, закончились необходимые приготовления, и корабль устремился вперед, управляемый приборами, которые должны были провести его через миллионы миль пространства и доставить в ту точку пространстве, где к тому времени окажется Венера. Фотоэлектрический телескопический экран постоянно держал Венеру в фокусе, позволяя по мере необходимости корректировать и уточнять курс корабля, который должен был в кратчайший срок доставить друзей к далекой планете. Работа теперь стала однообразной и требовала минимум усилий, экипаж мог отдохнуть или использовать свободное время для наблюдения за красотами космоса, каких не видел еще ни один человек. Отсутствие атмосферы делало возможным использовать силу увеличения, не доступную никакому земному телескопу. Размытые очертания, произведенные движущимся воздухом, не позволяли добиться достаточной четкости изображения при изучении удаленных объектов, но здесь, в безвоздушном пространстве, ученые могли полностью использовать все возможности своего телескопа. С его помощью путешественники разглядывали Марс, и видели его очень четко, несмотря на то, что он находился более чем в двухстах миллионов миль от них. Любой астроном на Земле мог о таком только мечтать.

Хотя ученые потратили немало времени на съемку планет и Луны, и на спектральные исследования Солнца, время тянулось очень медленно. День за днем им предстояло подчиняться размеренному по часам расписанию, но сразу возникли проблемы со сном, поскольку путешественники практически не тратили физическую энергию. Невесомость снижала усталость. Тем не менее, было решено, что каждые двенадцать часов до прибытия на Венеру путешественники должны спать, и поэтому они решили парами нести вахту. Аркот и Мори были первыми, кто собирался погрузиться в сон, но Морфей, казалось, остался на Земле, и не мог осенить их своей божественной дланью. Наконец, было решено использовать легкое снотворное для того, чтобы разрешить разногласие между полными сил мышцами и уставшим сознанием. Двенадцать часов спустя уснувшие проснулись, чтобы сменить Уэйда и Фуллера.

Большую часть этих двенадцати часов несущие вахту проводили не за работой, а за игрой в шахматы. По сути, никакой

особой работы и не требовалось. Сверкающий шар перед ними оставался неизменно на своем месте, потому что они были все еще далеко, и он казался немногим больше, чем видимый с Земли лунный диск.

Когда подошел к концу срок действия снотворного, и Уэйд с Фуллером должны были проснуться, чтобы сменить друзей, Аркот воскликнул:

— Мори, у меня есть идея! — при этом на лице Аркота возникло выражение невинности, совершенно не сочетающееся с огоньком веселья в его глазах. — Хочешь понаблюдать за реакцией человека, который внезапно проснувшись, обнаруживает себя в безвоздушном пространстве?

Он глубокомысленно посмотрел на прибор, который мог сделать корабль абсолютно прозрачным и совершенно невидимым.

— Понаблюдать, говоришь? — протянул Мори, подхватив идею Аркота. — Ну, так давай попробуем?

Аркот повернул небольшой переключатель, и корабль, только что существовавший, — исчез!

Фуллер беспокойно ерзal. Действие лекарства заканчивалось. Вот ученый сонно зевнул, потянулся и вслепую — глаза его все еще были закрыты — отстегнул ремни, которые держали его в постели. Зевнув еще шире, он открыл глаза... и неожиданно выпрямился, после чего, словно индеец, вставший на тропу войны, с безумством вскочил с кровати и спрыгнул на пол. Его глаза были подняты вверх, туда, где должен был находиться корпус корабля — он издал отчаянный вопль и вдруг взлетел вверх, сильно ударившись о невидимый потолок! Его лицо искривила гримаса удивления, когда он медленно опустился на пол, затем постепенно она сменилась досадой — он все понял!

Он повернулся, услышав громкие крики, раздавшиеся из каюты Уэйда, а потом оттуда донесся глухой стук. Вероятно и тот, позабыв о невесомости, вскочил и ударился о потолок. Вскоре крики прекратились. Из рубки управления донесся громкий смех, а еще мгновение спустя бедолаги чувствовали себя уже нормально, вновь оказавшись в окружении крепких стен.

Уэйд протяжно вздохнул и покачал головой...

Теперь они заметно приблизились к Венере. Каждые двенадцать часов они покрывали миллион миль, пока не попали в зону действия тяготения планеты. Она светилась перед ними в чудесном великолепии, похожая на могучий диск расплавленного серебра. В течение двадцати четырех часов они уменьшали свою скорость относительно Венеры, чтобы не зависнуть на орбите или не улететь обратно в космос. К концу пути их скорость составляла более чем сто миль в секунду, сейчас же она снизилась до десяти. Гравитация планеты тянула космический корабль к себе все быстрее, и вскоре это стало серьезной проблемой.

— Что ж, никогда не делайте ставку только на силовые ячейки, — серьезно сказал Аркот. — План действий будет таков. Мы огибаем планету, смещааясь к дневной стороне, и снижаемся в верхние слои атмосферы. Там энергоблоки смогут получить какое-то количество тепла, необходимое для их работы, и вот тогда только мы сможем по-настоящему притормозить. Но нам придется использовать ракетные установки и обеспечить ускорение, достаточное для того, чтобы корабль вошел в атмосферу.

Вдруг раздался неожиданный звонок тревоги, и все поспешили крепко вцепиться в поручни. Мгновение спустя почувствовался толчок — это реактивные струи выбросили от корабля ракеты метеоритной защиты.

— Как близко к планете. Это третий метеорит, попавшийся нам за миллионы миль от Земли. Венера, Земля, да и все планеты действуют как огромные пылесосы пространства, притягивая к себе всяческий космический мусор и метеориты в пределах миллионов миль их гравитационного притяжения.

Планета стремительно вырастала, становясь все больше с каждой минутой. Из диска она превратилась в шар, а литое серебро на его поверхности, казалось, стремительно мутнело, становясь все бледнее; затем путешественники увидели истинный облик планеты — необозримую сферу, покрытую густыми облаками! «Солярит» летел над планетой со скоростью десять миль в секунду, более чем достаточной, чтобы отбросить их назад в космос, если им не удастся обуздить корабль при спуске.

— Держитесь, — крикнул Аркот. — Сейчас мы входим в атмосферу.

Он надавил на небольшой рычаг. Ученые почувствовали внезапный толчок, и все пространство вокруг корабля взорвалось чудовищным темно-красным огнем атомарного водорода.

«Солярит» закачался под внезапным натиском, но тяжелые гирокопические стабилизаторы удержали его, и корабль остался на правильном курсе. Затем межпланетные путешественники услышали протяжный вой, слабый, почти неслышимый, и корабль начал замедляться. «Солярит» вошел в атмосферу Венеры — первый искусственный аппарат, проникший в иной мир!

Аркот быстро отключил элементы управления, которые с помощью реактивного пламени заставили корабль войти в атмосферу. Теперь летающий аппарат мог получать необходимую мощность из воздуха, который с каждым мгновением становился все более плотным.

— Занять места! Уэйд — в генераторную. Мори — к пульту управления. И не забудьте пристегнуться. Нам предстоит жуткая болтанка.

Мгновенно ученые поспешили на свои места, в буквальном смысле поплыли, поскольку на борту все еще царила невесомость.

Аркот потянул за рычаг. Раздался глухой звук сработавших реле в отсеке питания — вспыхнули индикаторы, задрожали, — и генератор загудел, «запитавшись» от атмосферы Венеры! Через мгновение вступили в действие блоки питания, и теперь, поскольку они получали достаточную мощность, экипаж испытал серьезную нагрузку, которая заставила их всех вцепиться в кресла с почти неистовой силой. По мере уплотнения атмосферы слабый вой за бортом превратился в настоящий рев; температура за пределами корабля нарастала за счет силы трения, несмотря на сильный холод на этой высоте — до поверхности планеты оставалось еще более семидесяти пяти миль.

Теперь же воздушный корабль начал стремительно падать — стрелка радио-спидометра сначала медленно скатилась с десяти до девяти, но затем все быстрее и быстрее, поскольку все больше тепла машина извлекала из воздуха... 8-7-6-5-4... Теперь, даже находясь в поле тяготения планеты, они двигались значительно медленнее орбитальной скорости. К облегчению команды, все трудности были позади.

Воздушный корабль снизился и теперь двигался в спокойно, гладко рассекая энергоблоками забортный воздух. Наружные динамики передавали этот звук, словно напевая мелодию — песнь нового мира.

ГЛАВА 4

Сверкающее солнце внезапно исчезло, и летучий корабль нырнул в мир сплошных туманов. И миллионы крупиц, падающих в верхних слоях атмосферы, разбивались о поверхность «Солярита» с дробным стуком, слившимися в устойчивый рев.

— Лед! Облака льда! — воскликнул Мори.

Аркот кивнул.

— Мы опустимся ниже облаков. Они, вероятно, несколько миль глубиной. Посмотрите, состав облаков изменился — это уже снег, еще немного, и будет вода, затем должно проясниться, и мы увидим Венеру!

Десять миль — казалось, бесконечное расстояние — межпланетный корабль скользил сквозь облака, совершенно непроницаемые для человеческого взгляда. Затем постепенно облака истончились, появились небольшие промоины, сквозь которые, то здесь, то там, мелькали внизу зеленые пятна. Была ли это вода — или земля?

Внезапно, что само по себе очень испугало путешественников, они выскочили из облаков, стремительно и плавно полетели над широкой бесконечной равниной, простиравшейся на мили вокруг и терявшейся в тумане на западе, но далеко на севере они увидели небольшую возвышенность, прячущуюся в туманной синеве.

— Венера! Мы сделали это! — радостно воскликнул Мори. — Первые люди, когда-либо покинувшие Землю. Я собираюсь отправить сообщение домой! Вы только посмотрите на эту необъятную равнину!

Он вскочил с места, чтобы отправиться в радиорубку.

— Господи, я ощущаю себя, словно тело мое из свинца. Не думаю, что я сейчас в форме для длительных прогулок!

Аркот предсторегающее поднял руку.

— Постой, Мори, ты ничего не передашь им сейчас. Не забывай, Земля с другой стороны Венеры, наочной стороне, а мы на дневной. Только примерно через двенадцать часов мы сможем отправить сообщение. Не хочешь ли взять на себя управление, пока мы сделаем анализ воздуха?

Передав штурвал, Аркот встал и направился по коридору в аппаратную, где находилась химическая лаборатория. Уэйд уже собрал несколько образцов атмосферы и работал над ними.

— Ну, что там, успел что-нибудь установить? — спросил Аркот.

— Кислород и углекислый газ. Кислорода около двадцати двух процентов, и даже с учетом более низкого давления здесь, у нас будет практически нужное количество кислорода. Углекислый газ составляет около одной десятой процента. Атмосфера очевидно подходит для земной жизни; вон та мышь вполне счастлива, хоть уже несколько минут дышит этим воздухом. Что же касается примерно семидесяти процентов остальной смеси газов, то я не знаю, что это, но точно не азот.

Аркот и Уэйд обсудили необычный состав, решив, что инертный газ был аргоном.

— В атмосфере Венеры ничтожное содержание азота, — заключил Аркот. — А это означает, что жизнь здесь прекрасно обходится без него — это значит, что повсюду, где есть жизнь, она находит способ сделать невозможное. Проверь поточнее процент содержания азота, а я постараюсь определить компоненты инертных газов.

Не прошло и часа, как они сделали все необходимые анализы. Результаты показали 23 процента содержания кислорода, 0,1 процент углекислого газа, 68 процентов аргона, 6 азота, 2 гелия, 5 неона, 0,05 водорода, а остальные, очевидно криптон и ксенон. Анализ инертных газов был сделан довольно грубо и наспех, но этого было достаточно, чтобы получить объективный результат. Оба ученых вернулись в рубку управления.

— Мы сможем дышать воздухом Венеры... Я был удивлен, не заметив воды в поле зрения, но теперь понимаю свою ошибку. Вы ведь знаете, что устье Миссисипи находится выше над землей, чем его источник — она течет в гору, и это центробежная сила вращения Земли заставляет ее течь таким образом. Точно так же я уверен теперь, что мы найдем

у Венеры обширный пояс воды у экватора, а к северу и югу будут две больших области суши. И мы находимся на северной из них... У нас включен внешний микрофон, давайте прибавим немного громкость и послушаем, есть ли какие-либо звуки снаружи, — объявил Аркот и подошел к переключателю режимов работы. Мгновением позже из громкоговорителя раздался тихий звук, похожий на шум легкого бриза. В отдалении, формируя фон, слышался тяжелый грохот, перемежаемый, время от времени, более громкими звуками.

— Должно быть, источник этих звуков находится очень далеко, — озадаченно покачал головой Аркот. — Разверните корабль так, чтобы мы могли увидеть, в каком направлении звук становится громче, — предложил он.

Мори развернул машину вокруг вертикальной оси. Без сомнения, что-то в направлении возвышенности производило значительный шум.

— Аркот, а если это борьба между двумя хищниками, двумя гигантскими тварями, которые, как ты предположил, могут водиться здесь? Я бы не хотел оказаться рядом с ними! — сошувившись, Фуллер пытался разглядеть что-либо сквозь туман, за которым в голубой дали прятались низкое взгорье.

Микрофон был отключен, а «Солярит» утремился к источнику звука. Возвышенность быстро приближалась, туманная синева исчезала, и показались зубчатые нагромождения мрачных острых камней. Когда они приблизились, за вершинами стали видны прерывистые вспышки яркого света, сопровождаемые сокрушительными взрывами звуков.

— Гроза, — сказал было Уэйд, но Аркот прервал его.

— Не торопись, Уэйд. Есть единственное животное во Вселенной, которое может производить такой шум! Посмотрите в телескоп. Видите эти точки, мелькающие выше, похоже на сигнальные огни. Единственное животное, которое может устроить такой переполох, это человек! Там люди, и они не в игривом настроении! Мори, включите невидимость, как только будем готовы... и давайте подберемся поближе!

— Держитесь... мы идем! — Мори защелкал небольшими переключателями с одной стороны приборной панели. Затем, прежде чем включить расположенное ниже реле, он вернулся переключатели обратно.

— Послушай, Аркот, ты всегда и во всем на два шага впереди меня. Так или иначе, ты лучше знаешь машину и сделаешь это быстрее.

Ученые поменялись местами.

— Я не уверен в том, что мы поступаем правильно, Мори, — безучастным голосом ответил Аркот, как только перевел корабль в состояние невидимости. — Чем дольше мы здесь, тем больше ошибок я нахожу в наших предположениях. Я вижу то, что не согласуется с моей оценкой предполагаемой здесь жизни! Солнце дает планете двойную дозу радиации, которая, очевидно, ускоряет развитие. Во всяком случае, мы сможем найти здесь друзей, если поможем какой-либо из двух сторон в происходящем там бою. Прежде чем мы сделаем это, каким будет ваше решение?

— Думаю, это прекрасная идея, — согласился Фуллер. — Но какой из сторон мы должны помочь, и кто они? Мы даже не видели их до сих пор. Давайте подлетим поближе, чтобы присмотреться.

— Да, но собираемся ли мы присоединиться к какой-то из сторон после того, как присмотримся?

— Даже не сомневайся! — взволнованно сказал Уэйд.

Невидимый межпланетный корабль метнулся вперед. Ученые с Земли промчались над возвышенностью и снова оказались над широкой равниной. Удивленно ахнув, Аркот снизил скорость. Они увидели невиданную машину, плавущую высоко в небе над великолепным городом! Это был гигантский самолет. Чудовищный, гигантский — едва ли какое определение подходило для того, чтобы описать необычные размеры этого творения. Более чем на три четверти мили простирались его металлические крылья, тускло блестящие в облачном свете венерианского дня. Эта машина, казалось, затмила собой находящийся под ней город. Рев ее могучих винтов и был тем грохочущим фоном, который доносился до экипажа «Солярита». И этот самолет изрыгал вспышки пламени.

При ближайшем рассмотрении, путешественники увидели, что вокруг могучего самолета кружатся, словно рой крошечных комаров, небольшие летательные аппараты. Они тщетно нападали на чудовище, так же тщетно, как комары атаковали бы орла, поскольку не могли причинить огромной

машине никакого вреда. Вспыхивающие взрывы от их снарядов походили на вспышки петард, и казались столь же бесполезными.

Гигантский самолет был покрыт броней металлических пластин, никак не меньше десяти дюймов толщиной, металла столь прочного, что когда снаряды ударяли в него, это не производило ни малейших повреждений, хотя снаряды, если падали на землю, при взрывах оставляли огромные кратеры. Из гигантского самолета лился непрекращающийся поток выстрелов, которые сопровождались большими вспышками тепла и света, в одно мгновение превращая крошечные машины в расплавленные куски металла. Тем не менее, гигантский самолет, казалось, не мог приблизиться к городу — или же он защищал его? Нет, поскольку это из города с безумной и тщетной храбростью мчались новые маленькие корабли. Но, конечно, они были не тех размеров, чтобы обратить этого колосса в бегство!

Ученые с Земли наблюдали за этим неравным боем. Дождь из бомб продолжал сыпаться на землю, хотя все еще далеко от города. Вокруг этого места медленно расползлся огонь, словно растекающаяся лава, уверенно двигаясь к красивым зданиям. Вдруг гигантский броненосец повернулся к городу и рванулся вперед. Как будто ожидая этого маневра, из города ответили пылающими лучами белого света, взметнувшимися вверх на несколько сотен футов. Огромный самолет выскользнул из их объятий, и лучи, едва не достававшие до чудовищного крыла, прошли мимо, не причинив гиганту ни малейшего вреда.

— Кого выбираем? — поинтересовался Аркот. — Думаю, нужно принять сторону горожан. Никто не вправе уничтожать такое великолепие.

Ни один голос не прозвучал против, и Аркот направил «Солярит» ближе к месту схватки.

— Но что мы можем сделать с этой огромной штуковиной? — тревожно прозвучал в тишине голос Фуллера. — С такими размерами он совершенно неуязвим.

Земляне внезапно замолчали, когда один из крошечных самолетов на полной скорости бросился на винт гиганта. Их было пятьдесят винтов, нанизанных вдоль большого крыла. Если уничтожить достаточное их количество, самолет рухнет. Раздался взрыв, сопровождаемый невероятной вспышкой света и

туча пылающих осколков, посыпалась вниз. И, тем не менее, могучие лопасти продолжали крутиться так же ровно, будто ничего не произошло!

Что мог сделать «Солярит» против гигантского моноплана? И все же у Аркота появилась идея. Повинуясь его приказам, машина взметнулась в небо, выше большого самолета. Почти миля разделяла их, когда Аркот отключил поддерживающую силу «Солярита» и земной корабль в свободном падении устремился к захватчику. Они мчались прямо на гиганта со скоростью, которая в какой-то момент заставила их сердца замереть на мгновение, и тут Аркот закричал:

— Держитесь! Тормозим!

Они, казалось, были всего в сотне футов от огромных металлических крыльев ничего не подозревающего гиганта, как вдруг ощутили резкий рывок и почувствовали себя прижатыми к полу невероятным весом, от которого затрещали позвонки. Невероятные усилия потребовались каждому из них, чтобы не потерять сознание.

Под кораблем они увидели настояще море адского огня — раскаленный пылающий газ ревел, как несчетное число бомб, взорванных разом. И тут «Солярит» ударил по самолету своими реактивными установками! Все шесть сопел в нижней части корабля были максимально открыты, и бешеные потоки горящего атомарного водорода с температурой 3500 градусов по Цельсию врезались в корпус гиганта, который в этом месте вспыхнула от накала. В то же мгновение «Солярит» снова скакнул вверх. Аркот, превозмогая шестикратное увеличение силы тяжести, потянулся к контроллеру, который управлял их могучими все уничтожающими дюзами. Мгновением позже они оказались на достаточном расстоянии, чтобы с самолета не могли выследить их по газовому следу. С безопасного расстояния они оглянулись назад, чтобы оценить свою работу. Огромный самолет больше не казался неуязвимым и невредимым — в его металлическом корпусе зияли шесть огромных отверстий, почти сросшихся в одну огромную дыру. Пораженный летучий гигант закачался, опускаясь все ниже и ниже, чуть не достигнув тверди земли, пока не перешел в горизонтальный полет, после чего, несмотря на вышедшую из строя часть двигателей, вихляя, пустился в бегство на юг. Орда маленьких самолетов

последовала за ним, неистово осыпая дождем снарядов, при этом целя в дыру, развезшую в корпусе.

В какой-то момент команда огромного самолета попыталась защищаться, в значительной степени оправившись от шока после нападения. Через мгновение — к тому моменту, когда большой самолет был уже на горизонте, грозя исчезнуть из вида, — земляне увидели, как его большие пропеллеры, те которые находились без действия, вдруг завертелись, и гигант в одно мгновение оставил своих преследователей далеко позади, стараясь убежать от невидимого врага. Под руководством Аркота земной корабль, все еще невидимый, вернулся приблизительно в то место, где нанесли удар по неуязвимому гиганту. Затем «Солярит» проявился из пустоты. В одно мгновение множество маленьких самолетов, управляемых экипажами из двух людей, бросились к нему. Только для того, чтобы они могли признать его, Аркот поднялся немного выше, подав треть мощности своих реактивных двигателей. Как он и подозревал, аборигены Венеры сразу узнали характерное красноватое пламя атомарного водорода.

Маленькие самолеты были очень похожи на стрелы и двигались быстрее, чем любой из их земных аналогов. Как вскоре выяснил Аркот, они с легкостью могли разгоняться до скорости в тысячу миль в час. Не прошло и минуты, как самолеты образовали длинную цепочку, которая облетела «Солярит» на минимальной скорости, после чего самолеты направились в сторону города. Аркот с охотой последовал за ними, самолеты увеличили свою скорость, быстро разогнавшись до тысячи миль в час.

Город, к которому приближались земляне, выглядел впечатляюще. Могучие высокие башни были расставлены изящными линиями, их ярко окрашенные стены блестели радужными цветами, придавая всему городу сходство с гигантским драгоценным камнем — единым архитектурным ансамблем. Заметна была идеальная симметрия и порядок в городе, построенном вокруг гигантского центрального здания, которое представляло собой башню черного и золотого цветов, возвышавшуюся на полмили над поверхностью планеты. Предместья города, очевидно, представляли собой жилые кварталы, с низкими зданиями и широкими улицами с небольшими зелеными лужайками, заботливо ухоженными владельцами.

За ними шли дома покрупнее и небольшие магазины. Они словно образовывали пологий склон, поднимаясь все выше и выше, сливаясь с могучим навершием удивительной красоты. Город был спроектирован цельно, а не в виде множества индивидуально красивых, но не гармоничных единиц, каждая из которых может быть симпатична сама по себе, но взаимно противоречашая друг другу.

ГЛАВА 5

Земляне следовали за эскортом высоко над великолепными зданиями, направляясь к огромной центральной башне. Вскоре они оказались над ней, и корабли венериан, плавно, но на большой скорости, устремились вниз. Перед крышей здания они с поразительной быстротой притормозили — как позже узнал Аркот, их останавливали встроенные в крышу башни электромагниты.

— Мы не можем здесь приземлиться — там и без того слишком большая нагрузка, еще чего, пробьем крышу! Давайте лучше сядем на улице, она выглядит достаточно широкой.

Аркот провел «Солярит» мимо края крыши и стремительно направил его к земле. Преодолев разделявшую до поверхности полукилометр, землянин выровнял летающий аппарат. и тот медленно опустился, предоставляя нетерпеливым толпам достаточно времени, чтобы разойтись и освободить место.

Наконец, земной крабль сел, и Аркот с любопытством окинул взглядом огромную массу венерианцев, которые собирались на оживленной улице, покинув здание, где они, очевидно, нашли убежище на время налета. Толпа становилась все больше, пока земляне наблюдали за ними — людьми нового мира.

— Невероятно, — восхитился Фуллер в удивлении. — Они выглядят почти как мы!

— Почему нет, — рассмеялся Аркот. — Есть ли какая-то особая причина, почему они не должны быть похожими на нас? Венера и Земля имеют почти равный размер и являются планетами одного и того же родительского Солнца. Физические условия здесь, кажется, очень похожи на земные,

и если теория Сванте Аррениуса¹ о жизненных спорах, посыпаемых из мира в мир солнечным светом верна, то нет никакой причины, почему гуманоидные расы не могут быть найдены по всей вселенной, в мирах, которые подходят для развития таких форм жизни.

— Обратите внимание на их рост, — сказал Фуллер.

Рост аборигенов, конечно, стоил особого внимания, поскольку во всей этой толпе только совсем молодые люди были ниже шести футов. Средний рост же обитателей Венеры измерялся семью футами — это были крепко сложенные мужчины и женщины с необычно развитыми грудными клетками, они вполне были похожи на людей за исключением ужасного, мертвенно-сивого оттенка их кожи. Их губы были ярко выражено синими, как человеческие красными. Зубы казались столь же белыми, как у любого землянина.

— Они все будто чернику ели! — рассмеялся Уэйд. — Интересно, отчего у них синяя кровь? Я слышал о семьях голубой крови, но такого никогда еще не видел!

— Кажется, я знаю причину, — задумчиво произнес Мори. — Это покажется странным для нас, но у этих людей, очевидно, особая кровь, основанная на гемоцианине. У нас к тканям переносится кислород, а углекислый газ удаляется из них соединением железа, гемоглобином, но у многих животных Земли та же самая функция выполняется медным соединением, гемоцианином, который имеет интенсивный синий цвет. Я уверен, что это легко все объясняет. Между прочим, вы обратили внимание на их руки?

— Да. Кажется у них слишком много пальцев... Посмотрите на того парня, который вытянул руку... Невероятно... У них не то чтобы много пальцев, а много больших пальцев! По одному на каждой стороне ладони! Представляете, как было бы удобно крутить болты и гайки или выполнять тонкую работу?

Внезапно толпа расступилась, и со стороны большого черно-золотого здания к летающему кораблю землян направилась группа мужчин в облегающих зеленых мундирах — шеренга

¹Сванте Аррениус (1859-1924) — шведский ученый. Лауреат Нобелевской премии по химии (1903). Аррениус считал, что земная жизнь не уникальна, однако она может существовать не всюду, а только там, где складываются соответствующие условия. Аррениус выдвинул теорию панспермии, основывавшуюся на известных тогда естественно-научных фактах.

семи футовых гигантов. Очевидно, это были солдаты или некто вроде того, поскольку в толпе было немало мужчин одетых в подобную форму темно-синего цвета.

— Я думаю, они хотят, чтобы кто-то из нас вышел к ним, — заметил Аркот. — Давайте бросим жребий, двое остаются, двое идут, и если ушедшие не вернутся в разумный срок, один из оставшихся попробует выяснить, что случилось, другой сможет отправить сообщение на Землю и покинуть это место, отправившись за помощью. Я полагаю, что аборигены настроены доброжелательно, но не имею права рисковать.

Предводитель отряда венериан подошел к люку «Солярита» и изобразил то, что было, очевидно, жестом приветствия — он приложил левую руку к правой стороне груди, и стал ждать. Бросать монетку — действие, похожее на ритуал. Именно таким образом межпланетным путешественникам предстояло решить, кто из них достоин чести быть первыми землянами, ступившими на Венеру. Выбор пал на Аркота и Мори. Они оба тут же надели легкие костюмы с охлаждением, которые должны были обеспечить комфорт в раскаленном воздухе — наружный термометр показывал 65°! Не задерживаясь, Аркот и Мори подошли к шлюзу, проникли внутрь, закрыли за собой внутренний люк и открыли внешний. Тут они ощутили небольшой порыв воздуха, так как давление снаружи оказалось ниже, чем в корабле. Немного заложило уши, и путешественники вынуждены были несколько раз слглотнуть, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Воины-aborигены сразу выстроились в двойной ряд, освободив проход, и молодой офицер шагнул вперед в сторону земного корабля. Ему пришлось обуздять свое любопытство — он позволил себе единственный удивленный взгляд, на странных союзников. Только их руки были видны — охлаждающие костюмы скрывали чужаков практически полностью, — но розовый цвет их кожи должен был показаться ему странным; но не меньше, чем карликовый рост и странные одеяния. В отличие от офицера, его маленький отряд, так же как и люди в толпе, не скрывали своего любопытства. С изумлением они разглядывали этих необычных людей, только что спасших их город, этих странных маленьких существ со странной розовой кожей. И самое удивительное

из всего, наверное, заключалось в том, что ни у одного них не было второго большого пальца на руке!

— Эти парни в темно-синей форме ни за что бы не сдержали толпу землян, если бы у нас приземлились гости с другой планеты! — удивленно заметил Мори.

— Откуда они могут знать, что мы — с другой планеты? — возразил Аркот. — Мы появились неожиданно, из ниоткуда — они и понятия не имеют никакого о нас. Мы можем быть представителями неизвестной им венерианской расы.

Земляне бодро дошагали до массивных черно-золотых дверей и прошли через них, обратив внимание, что сделаны они из массива меди, покрытой прозрачным веществом, которое позволяло сохранять насыщенный, великолепно сияющий цвет этого металла. Двери были широко открыты. Даже огромные венериане казались низкорослыми в сравнении с этими величественными дверями. Когда же земляне прошли в зал, то оказалось, что он невероятно огромен. Должно быть, зал занимал половину первого этажа гигантского здания — зал изящных колонн, внутри которых скрыты были мощные опорные элементы. Камень, служивший венерианам, как землянам мрамор, был много красивее. Он имел ярко-зеленый цвет, словно густая сочная летняя трава. Цвет был приятным для глаз и действовал успокоительно. На полу, в шахматном порядке лежали плиты из такого же зеленого камня, чередующиеся с другой породой, густого синего цвета. Необычные цвета создавали поразительный стиль, приятно отличающийся от того, к чему привыкли путешественники с Земли, но, как они позже узнали, характерный для Венеры. Они пересекли большой зал и остановились рядом с дверным проемом. Офицер махнул рукой двоим из своей команды, приказав остаться, в то время как остальные тут же удалились. Оставшейся группой они переступили через порог и оказались в небольшой комнаты, стены которой были облицованы медью. Офицер нажал на небольшую кнопку, тут же раздалось тихое шипение выходящего воздуха, и медная складная решетка быстро закрыла проем лифта. Он коснулся другой кнопки, и возникло знакомое чувство тяжести, сопровождаемое низким гулом, исходящим от сооружения.

Лифт поднимался очень быстро и очень высоко — все выше, выше.

— У них здесь, на Венере, должны быть удивительно прочные тросы, — воскликнул Мори. — Инженеры земных зданий в течение долгого времени задавались вопросами, как усовершенствовать лифт. Идея изменить его принадлежит не мне, разумеется... да мы, должно быть, поднялись уже очень высоко! Я должен высказать восхищение этой конструкцией. Мы поднимаемся уже полторы минуты, и очень быстро... Ну, вот и прибыли. Я хочу взглянуть на это устройство.

Как только медная решетка отошла в сторону, одновременно открывая дверь, которая блокировала проход в коридор, Аркот подошел к панели управления, внимательно рассмотрел ее, затем переступил через порог и заглянул вниз, в щель между кабиной и шахтой.

— Мори — как все просто! Так и должно быть, конечно. Смотри — здесь направляющие, а у кабины обычная система с зубчатым приводом, так что она просто тянет сама себя вверх. Держу пари, двигатель внизу лишь, для простоты управления. Такое устройство никогда не сделали бы на Земле из-за затрат на эксплуатацию лифта, требующего значительной мощности. Кажется, я вижу решение — кабина имеет электро-динамические тормоза, и, спускаясь, просто замедляет себя, отдавая мощность другой, поднимающейся кабине лифта. Чрезвычайно разумное решение!

Когда Аркот выпрямился, офицер дал знак следовать за ним и направился вдоль длинного коридора, по обе стороны которого находились большие двери, все это явно представляло собой инопланетный аналог земного офисного здания. Пройдя через длинную серию ветвящихся коридоров, они, наконец, дошли до места назначения, и молодой офицер провел их в большой офис. Он кратко и быстро доложил о прибывших, после чего, отдав честь, удалился с двумя сопровождающими.

Венерианец, к которому доставили землян, оказался высоким старым господином с доброжелательным лицом. Его прямые темные волосы отливали серо-голубым, а добре лицо испещряли морщины, но ульбающиеся глаза, искрящиеся живительным любопытством, делали выражение его лица удивительно юным. Он казался приветливым и дружелюбным, несмотря на сбивающую с толку синеву. Он с любопытством, внимательно осмотрел двух мужчин, стоявших перед

ним, уставился на их руки, и его глаза расширились от удивления; затем он сделал шаг вперед и протянул ладонь, не отрывая взгляда от Аркота.

Улыбаясь, Аркот тоже протянул свою ладонь. Венерианец схватил ее, и оба, каждый со своим восхищением, поприветствовали друг друга. Аркот испытал неприятное ощущение жжения, так же как и венерианец почувствовал сильный холод! Каждый удивленно посмотрел на их соединенные руки. Затем улыбка тронула синие губы венерианца, и он поспешил убрать ладонь. Аркот улыбнулся в свою очередь и обратился к Мори:

— Температура их тела, по меньшей мере, 75° . Это, естественно, выше температуры окружающей среды, которая составляет 65° , так что они покажутся нам неприятно горячими. Изумительно, как природа приспосабливается к любой среде! — он рассмеялся. — Я, надеюсь, что у этих ребят нет лихорадки. Они запросто могут вскипятить воду!

Венерианец взял небольшой прямоугольник из черного материала, гладкий и твердый, и быстро изобразил на нем что-то предметом, оказавшимся медным карандашом. Через мгновение он вручил Аркоту пластину, тот потянулся к ней, но передумал и жестом показал, что не хотел бы обжечь пальцы. Пожилой венерианец повернул пластину так, чтобы Аркот мог разглядеть ее.

— Невероятно, Мори, — я не думаю, что у них до такой степени развита астрономия, ведь небо у них постоянно затянуто тучами, но только взгляни на это. Это же карта солнечной системы: Меркурий, Венера, Земля, Луна, Марс... Все на месте. Здесь указаны даже некоторые спутники Юпитера и Сатурна.

Венерианец указал на Марс и с ожиданием посмотрел на гостей. Аркот покачал головой и ткнул на Землю. Венерианец, казалось, был этим немного озадачен, затем задумался и, наконец, доволен кивнул. Он пристально посмотрел на Аркота. И вдруг, к изумлению последнего, в его голове, казалось, сама собой сформировалась мысль, сначала неопределенная, но постепенно принимающая нужную форму.

«Человек Земли, — услышал он. — Мы благодарим тебя — вы спасли нашу страну. Мы хотим поблагодарить вас за ваш быстрый ответ на наши сигналы. Мы не думали, что вы сможете откликнуться так быстро».

Венерианец, казалось, расслабился, когда послание было закончено. Со всей очевидностью, оно требовало больших умственных усилий.

Теперь Аркот настойчиво посмотрел в глаза инопланетянина и попытался сосредоточиться на своем послании — последовательности мыслеобразов. Для него, обладавшего умением глубоко концентрироваться на одной идее, процесс сосредоточения на ряде мыслей был вновь и очень сложным. Но вскоре он понял, что добился некоторых успехов.

«Мы не знаем, о каких сигналах вы говорите... Мы увидели сражение... И помогли, потому что ваш город казался обреченным, и потому что он был слишком красивым, чтобы позволить его уничтожить».

— Что происходит, Аркот? — с удивлением спросил Мори, видя, как его приятель и веренианец смотрят друг на друга.

— Телепатия, — коротко ответил Аркот. — Я, наверное, ужасно неуклюж с его точки зрения, но я только что узнал, что они посыпали сигналы. И почему я не тренировался... Но я определенно продвинулся. Еще бы это не было так утомительно.

Он снова повернулся к венерианцу:

«Так или иначе, мы здесь, и будь, что будет».

Тот, нахмурившись, посмотрел на него, не понимая. С внезапной решительностью он повернулся к своему столу и надавил на небольшой рычаг. Затем он снова внимательно посмотрел на Аркота.

«Идемте со мной — ваши усилия для поддержания беседы слишком велики. Я вижу, что у вас нет опыта переноса мыслей в вашем мире».

— Пойдем, Мори, он куда-то зовет нас. Говорит, что телепатия слишком тяжела для нас. Интересно, что он задумал?

Они снова очутились в лабиринте залов, теперь во главе с доброжелательным семи футовым венерианцем. Пройдя через длинный ряд залов, они пришли в большую аудиторию, где в полукруглом зале собралось около ста высоких венериан, отливающих синевой. Перед ними, на низкой платформе стояли два больших и глубоких мягких кресла. К ним и подвели двух землян.

«Мы попытаемся научить вас нашему телепатическому языку. Мы будем давать вам мысленные образы — вы должны

научиться распознавать их, так дело пойдет намного быстрее. Сядьте в эти удобные кресла и расслабьтесь».

Кресла были предназначены для гигантов венериан, и людям ростом чуть выше шести футов могли показаться слишком большими, однако, как только Аркот и Мори опустились на подушки, стало понятно, что более удобных кресел и представить нельзя. Кресла были разработаны так, чтобы каждая мышца, каждый нерв находились в состоянии покоя. Земляне позволили себе расслабиться.

Аркот слегка ощущал волну сонливости, накатившую на него. Он от души зевнул. Не было никакого осознанного погружения в глубокий сон. А потом его разум внезапно начали заполнять видения — образы, которые заставили его сознание окунуться в мир грез. Он увидел могучий флот из отдельных самолетов, каждый из которых имел гигантские крылья размахом в три четверти мили — титанические монопланы. Их громоподобный рев, казалось, заполнял все пространство. Когда они вдруг оказались над ним, его охватил жар струящихся потоков огня, обрушившихся вниз, на город. Ужасный грохот ударил в уши. Весь мир вокруг раскололся в невообразимой вспышке. Затем наступила чернота. Другое видение заполнило его разум — видение того же флота, нависшего над гигантским кратером в расплавленной породе. Жуткая дыра зияла на равнине около невысоких зеленых холмов — кратер, на том месте, где только что был город. Воздушные гиганты развернулись, двинулись прочь и исчезли за горизонтом. Но Аркот снова оказался рядом с ними и снова увидел большой город, который ожидала судьба предыдущего, — и так далее, снова и снова следовали ослепительные вспышки света, не оставляя даже руин от великих городов, превращая их в темно-красные кратеры, сея вокруг страшное запустение.

А потом разрушители устремились вверх, поднимались выше, выше — за облака, и он был с ними. Вырвавшись из вихрей атмосферы, рев их могучих винтов перешел на тонкий вой, после чего двигатели внезапно замолкли, а из хвоста каждой из колоссальных машин полились потоки света, сверкающие снопы огня, тянувшиеся на многие мили, — пламя ракет, которые стремительно помчали их через космическое пространство!

Он видел, как они приближаются к другому миру, который сиял тускло красным светом, но, даже видя этот оттенок, Аркот понимал, что это не Марс, а Земля. Огромные самолеты начали стремительное снижение, на ужасной скорости входя в верхние слои атмосферы, и в какое-то мгновение реактивные струи снова исчезли, выцветая и умирая в плотном воздухе. Опять раздался рев могучих винтов. Флот летучих корсаров опускался все ниже и ниже. Вот он увидел их цель впереди — он знал, что это был Нью-Йорк, пусть странно искаженный воображением пришельцев, скорее похожий на города Венеры, но все же это был Нью-Йорк. И снова градом посыпались бомбы. В одно мгновение огромный город был превращен в руины.

Видение исчезло, и оземлянин медленно открыл глаза, огляделся. Он все еще находился в комнате, напоминающей амфитеатр... все еще на Венере... Затем внезапно он вспомнил, что только что увидел. Он понял весь смысл этого послания — странно искаженный Нью-Йорк. Это было предупреждение о том, что должно произойти, как считают венериане! Они пытались показать ему планы владельцев и строителей того огромного корабля! Вот что ожидало Нью-Йорк, а это без всяких сомнений был Нью-Йорк, такой, каким эти люди представляли его себе.

Пораженный, растерянный, морща лоб, Аркот неуверенно поднялся из кресла. Его голова раскалывалась в тисках невероятной головной боли. Люди с тревогой смотрели на него. Он обернулся на Мори. Тот глубоко спал в кресле, время от времени черты его лица искались, отражая переживаемые эмоции. Теперь была его очередь изучить этот новый язык и увидеть послание. Старый венерианец, который привел их сюда, подошел к Аркоту и заговорил с ним на мягким мелодичном языке — языке, который казался свистящим и изобиловал переливами. В нем не было никаких горланных, носовых звуков, это был самый напевный язык из тех, с какими сталкивались ученыe. И настала очередь Аркота удивиться еще раз, поскольку он прекрасно понял, что ему сказали, — язык был так же знаком ему, как родной английский.

— Мы обучили вас нашему языку быстрее, чем положено, так что вы можете испытывать сильную головную боль, но вы должны как можно скорее узнать то, что знаем мы. Вполне

может быть, что судьба двух миров зависит от ваших действий. Эти люди сконцентрировались на вас и с объединенной мощью их умов обучили по ускоренному варианту, давая виденье того, что мы знаем, дабы вы были готовы вернуться к вашему замечательному кораблю как можно быстрее. Но прежде вы должны узнать, что произошло здесь, в нашем мире, в последние несколько лет, а так же то, что происходило двадцать веков назад. Давайте вернемся в мой кабинет, там и поговорим. Когда ваш друг пройдет обучение, вы сможете все пересказать ему.

Аркот быстро следовал за венерианцем по длинным коридорам здания. Несколько человек, встретившихся им по пути, выглядели столь сосредоточенными на делах, что даже не обращали на них внимания.

Наконец они вошли в офис, где Аркот впервые увидел мудрого венерианца, и там он услышал новую историю — историю чужой планеты.

— Меня зовут Тонлос, — начал старик. — Я глава моего народа, хотя мой титул и должность не имеют значения. Нет времени на длительное объяснение принципов социального устройства нашего общества. Позже, возможно, но теперь вернемся к нашей истории. Двадцать веков назад, — продолжал Тонлос, — на нашей планете существовали два великих государства-соперника. Планета Туро естественным образом разбита так, что это разделение стало неизбежным. Существуют два огромных пояса суши — один простирается приблизительно от 20 до 80 градусов северной широты. Это моя страна, Ланор. На юге находится другой подобный же огромный пояс суши почти такого же размера — Каксор. Эти два государства существовали в течение многих тысяч лет... Две тысячи лет назад случился серьезный кризис, едва не приведший к великой мировой войне — но ланориняне разработали оружие, которое лишило каккориан возможности победить, и война была предотвращена. Однако ощущение ее близости было настолько сильным, что были приняты законы, заставившие прекратить всякое общение между этими двумя народами на тысячи лет. Некоторым образом мы все же узнали, что ученье Каксора сосредоточились на изучении физики, возможно, в надежде найти оружие, которым они могли бы снова попытаться завоевать

нас. В Ланоре же изучали тайны человеческого разума и тела. У нас больше нет болезней, нет душевных расстройств. У нас развитая химия, а вот физике не уделялось внимания в должной мере, однако в последнее время мы снова подняли эту науку, так как из всех основных наук она единственная не получила должного развития... Всего двадцать пять лет было потрачено на череду экспериментов, и за это короткое время мы не могли даже надеяться достигнуть того, на что каккориане потратили почти две тысячи лет... Секрет теплового луча, оружия, которое предотвратило последнюю войну, был утерян. Потребовались кропотливые исследования, чтобы вернуть проект снова к жизни — пусть не с должной эффективностью, но все же. Однако в последнее время у нас появилась возможность улучшить его, и теперь он используется в производстве для плавления руд. Это было единственное оружие, с помощью которого мы могли дать хоть какой-то отпор. И все же мы были обречены. Здесь столица Ланора, Сонор. И город, и всю страну ожидало уничтожение. Если бы не вы... Мы знали: что-то подобное должно было случиться. От тайных агентов в Каксоре мы узнали о намерениях наших врагов еще до того, как они направили первый из своих гигантских самолетов на один из наших городов! Как только стало известно об их ужасных планах, мы отправили вам предупреждение... И то, что вы прибыли сюда, в нужный момент, кажется невероятным — это фактически невероятное совпадение. Но, возможно, за этим стоит нечто большее? Кто знает? — Он сделал короткую паузу и, тяжело вздохнув, продолжал: — С того момента как вы прогнали тот самолет, мы ожидаем нового набега в любой момент, и должны быть готовы. Есть ли какая-либо возможность предупредить вашу планету?

— Да, мы легко можем передать предупреждение, — ответил Аркот; чужой язык давался ему с трудом. — Я не знаю, как назвать это слово по вашему — может быть, у вас его еще не изобрели, — радио, так мы называем его. Это сродни свету, но со значительно большей длиной волны. Электрический импульс может быть направлен, как свет, концентрированным пучком с помощью рефлектора. Он способен проникать сквозь все вещества, кроме металлов, и может огибать их, если не направлен. С его помощью я могу обратиться к людям Земли, что с готовностью и сделаю этой же ночью.

Аркот помолчал, задумчиво хмурясь, затем продолжил:

— Я понимаю, что необходимо спешить, но мы ничего не можем сделать, пока Мори не получил знания, которые вы передали мне. Раз уж мы ждем здесь, я бы хотел узнать все, что можно о вашей планете. Чем больше я узнаю, тем более разумно я мог бы спланировать нашу защиту.

Из беседы, которая за этим последовала, Аркот получил общие знания о самой Венере. Он узнал, что железо было чрезвычайно редким элементом на планете, в то время как запасы платины были, напротив, велики. Золото, хотя и легко доступное, считалось ничего не значащим металлом, так как не находило никакого практического применения в силу своей мягкости, избыточного веса и отсутствия реакций при взаимодействии с другими элементами. Большинство других металлов присутствовало в количествах, близких к тем, что имелись на Земле, за исключением элемента, названного «морлус». Когда Тонлос упомянул о нем, Аркот тут же переспросил.

— Морлус... Я осознаю это слово на вашем языке, но мне не ведом такой элемент. Что он из себя представляет?

— Да вот, пожалуйста!

Тонлос вручил Аркоту небольшой слиток, который использовался в качестве пресс-папье. Он казался довольно плотным, столь же тяжелым, как железо, но обладал характерным и удивительно синеватым оттенком. Очевидно, из этого вещества и были сделаны крылья самолета, с которым земляне столкнулись сегодня. Аркот внимательно исследовал слиток, невзирая на его ощутимо большую температуру. Он взял небольшой медный карандаш и попытался им поцарапать слиток, но из этого ничего не получилось.

— Вы не можете поцарапать его медью, — сказал Тонлос. — Это второй по твердости металл, который мы знаем. Он не настолько тверд, как хром, но гораздо менее ломкий. Он ковкий, его можно обрабатывать, но особую невероятную твердость он обретает в сплаве с железом, правда, эти сплавы используются только в особых случаях из-за редкости последнего.

— Я хотел бы изучить это вещество, — заметил Аркот. — Могу ли я взять его на корабль и исследовать?

— Разумеется, все, что вам нужно. Однако вам будет трудно растворить его. Он подвергается плавлению только при

кипячении в селеновой кислоте, которая, как вы должны знать, с легкостью растворяет платину. Привычный тест для элемента заключается в том, чтобы растворить его, оксидировать с помощью кислоты, затем добавить селенат радия, а когда искрящаяся зеленовато-синяя соль...

— Тест с селенатом радия! — воскликнул Аркот. — Да ведь у нас на Земле нет никаких солей радия, которые мы могли бы использовать для этой цели. Радий — чрезвычайно редкий элемент.

— Радий отнюдь не широко распространен и здесь, — ответил Тонлос, — но мы не так часто делаем тесты для морлуса, так что для этой цели солей радия хватит. Мы не находили для радия другого способа использования — соединения слишком активны, — он легко соединяется с водой, так же как натрий, это очень мягкий, бесполезный металл и опасный в обращении. Наши химики никогда не были в состоянии до конца разобраться в его свойствах — он всегда находится в реакции, независимо от того, что из него производят, очень легкий газ гелий, тяжелый газ радон и необъяснимое количество тепла.

— Ваш мир сильно отличается от нашего, — заметил Аркот.

Он рассказал Тонлосу о различных металлах Земли, неметаллах и их месторождениях. Во всем этом не находилось места для элемента, который дал ему Тонлос. Появление Мори прервало их разговор. Он выглядел очень усталым и очень серьезным. Голова его болела от непривычного ментального напряжения. Аркот кратко пересказал Мори то, что узнал, завершая вопросом о мнении друга касательно того, почему две планеты, как члены одной солнечной семьи, так отличаются.

— У меня есть предположение, — взял слово Мори, — но оно может показаться слишком дурацким. Как вы знаете, снимки Солнца помогли астрономам картировать расположение на нем различных элементов. Мы нашли водород, кислород, кремний и другие элементы, и поскольку Солнце имеет большой возраст, эти элементы должны быть тщательно перемешаны. Тем не менее, мы знаем обширные территории расположения отдельных элементов. Некоторые из этих областей настолько велики, что могли бы стать неисчерпаемым источником! Интересно, не получилось ли так, что Земля является той оторвавшейся частью, что была богата запасами железа, алюминия и кальция, бедна

золотом, радием и другими металлами — и исключительно бедной в одном элементе. Мы определили на солнце расположение спектра элемента, который получил название корониум, — и я думаю, что у тебя в руках именно это вещество. Я сказал бы, что Венера произошла от участка, богатого этим материалом!

Обсуждение закончилось, когда свет снаружи сменился густыми сумерками. Землян отвели к лифту, который быстро спустил их на первый этаж. Толпа вокруг «Солярита» все еще была многочисленной, но им быстро освободили путь. Проходя сквозь толпу, они невольно испытывали невероятное ощущение, буквально чувствуя, как каждый из собравшихся людей желал им всяческих успехов и всего самого наилучшего.

— Недостает только аплодисментов! Мори, я клянусь, мы услышали самое тихое приветствие! — воскликнул Аркот, когда они очутились в шлюзовой камере корабля. Теперь он казался им домом! Через мгновение они сняли неудобные вентилируемые костюмы и вошли в каюту, где их ждали Уэйд и Фуллер.

— Парни, где вы пропадали? — требовательно спросил Уэйд. — Мы уже собирались заняться вашими поисками!

— Я понимаю, что нас долго не было, но когда вы узнаете причину, то согласитесь, что оно того стоило. Мори, ты мог бы отправить сообщение на Землю, пока я расскажу ребятам, что случилось? Если тебе это удастся, скажи им, чтобы позвали моего и твоего отца и чтобы обязательно подготовили самописцы. Мы отправим отчет, который я подготовлю. Скажи, что мы свяжемся с ними через час.

Пока Мори был занят в аппаратном отсеке, отправляя сигнал на расстояние сорока миллионов миль пространства, отделявшего их от родной планеты, Аркот подробно рассказал Уэйду и Фуллеру обо всем, что узнал.

Мори, наконец, закончил передачу и вернулся, чтобы сообщить о готовности Земли к связи через час. Ответа ему пришлось дожидаться целых восемь минут после отправки сообщения, столько времени требовалось для радиоволн, чтобы преодолеть путь туда и обратно.

— Фуллер, как шеф-повар, не мог бы ты приготовить нам что-нибудь на ужин, пока мы с Уэйдом разберемся с этим куском корониума и решим, чем он может быть нам полезен? — поинтересовался Аркот.

За ужином Уэйд и Аркот сообщили остальным о любопытных свойствах, которые они обнаружили у корониума. На него не действовали никакие кислоты, кроме кипящей селеновой кислоты, при этом формировалось огромное количество нерастворимых солей. Он не поддавался даже азотной кислоте. Так что, этот материал был химически более стоек, чем золото.

Но его физические свойства оказались еще более удивительны. Температура плавления 2800°C, это очень высокая точка, очень немногие металлы остаются твердыми при этой температуре. Ну а стандартный тест на прочность при растяжении показал более чем один миллион триста тысяч фунтов на квадратный дюйм! Это намного больше, чем у железа и даже вольфрама, самого прочного металла из всех известных! Вдвое прочнее, чем самый твердый металл Земли.

Фуллер с уважением присвистнул.

— Не удивительно, что они смогли сделать такой самолет, если у них есть этот материал. — У Фуллера, как у инженера-проектировщика возникло свое видение машины, которая могла бы обходиться без доброй половины силовых элементов!

Немного позже они отправились в главный отсек, чтобы провести переговоры с Землей. Телевизионный экран изо всех сил пытался сформировать четкое изображение, несмотря на сопротивление сорока миллионов миль пространства. Тем не менее, вскоре изображение прояснилось, и они увидели лицо доктора Аркота. По виду его можно было судить, насколько он взволнован невероятными новостями, даже при том, что они дошли до него в отрывочном виде. После недолгих, хотя и теплых приветствий, его сын быстро изложил ему то, что узнал, и о той силе, которую должна встретить Земля.

— Отец, у каксориан есть самолеты, способные двигаться в воздухе намного быстрее, чем тысячу миль в час. По каким-то причинам двигатели, которые они используют для движения в космосе, не действуют в атмосфере, но винтовые моторы придают им аппаратам такую скорость, какая недоступна земным самолетам. Вам необходимо создать экспедицию машин с молекулярными двигателями и большие запасы газа Уэйда, как можно больше — ты знаешь, как сделать его — газ приостановки жизнедеятельности. Он не известен на Венере, и полагаю, что это будет нам на руку.

Если кто-то из нас придумает какой-то новый способ решения проблемы — мы тут же свяжемся. А пока я должен прервать разговор — к нам направляется делегация Ланориан.

После нескольких слов прощания Аркот разъединил связь с Землей и готов был теперь встретить посетителей. По возвращении землян на Солярит, вокруг него собралась большая толпа венериан, желавших взглянуть на людей, — повсюду распространилась новость о том, что корабль прилетел с Земли.

Теперь толпа разделилась, и сквозь нее к Соляриту направилась группа венериан, облаченных в бесформенные тяжелые одеяния, которые, показались бы чересчур теплыми даже для использования в земных арктических поясах!

— Чего это они так разоделись? — удивленно спросил Фуллер.

— Представь себе — они собираются посетить место, температура в котором на семьдесят градусов ниже привычной для них. В придачу, Венера никогда не имеет сезонных колебаний температуры; тяжелая масса облаков вечно окутывают планету и поддерживает температуру. Небольшое изменение от дня к ночи вызывается только ночных дождями. Смотри, толпа немного редеет — уже ночь, и скоро начнется обильное выпадение росы. Затем пойдет дождь, и большая влажность воздуха будет поддерживать достаточное количество тепла, чтобы предотвратить снижение температуры более чем на два-три градуса. Эти люди не привыкли к нашим изменениям температуры и должны защитить себя как можно лучше.

Три фигуры прошли через шлюзовую камеру Солярита — и поскольку им было тесно в их тяжелых одеяниях, каждый вынужден был проникать внутрь поодиночке. Многое, что Аркот показывал им, казалось венерианам совершенно новым. Многое он не мог объяснить им вообще, так как их физика еще не достигла необходимого развития. Но была одна вещь, которую он мог бы показать им, что он и сделал. Их химия была достаточно продвинутой наукой, разрешавшей общаться на равных, что позволило Аркоту поведать им о формуле газа Уэйда. Способность этого газа проникать сквозь любой материал при обычных условиях, объединенная с анестезирующими свойствами, давала очевидное преимущество в качестве оружия для защиты перед предстоящим нападением.

Так как газ мог проникнуть сквозь любые вещества, не существовало способа его хранения. Поэтому он производился из двух частей, которые реагировали меж собой и производили газ, после чего тот сразу подавался в то место, где это было необходимо. Аркот попросил, чтобы венерианские химики произвели эти две составляющие не соединяя их, и они тут же согласились. Он понимал, что шанс на успех в борьбе с врагом появится, если заполучить одну из летающих крепостей. Это казалось невероятной задачей! Захватить столь огромную машину при помощи крошечного «Солярита»! Но Аркот был уверен, что все получится, если у него будет газ. Существовало только одно затруднение — для синтеза требовалось значительное количество хлора. Но хлор был редкостью на Венере, и ее обитатели готовы были пожертвовать значительной частью своих запасов поваренной соли; содержащегося в ней хлора должно было хватить с избытком. Было довольно поздно, когда венерианцы покинули корабль, чтобы окунуться в обжигающее горячий для людей дождь, — дождь, который им самим казался холодным. После того как гости ушли, для землян была выставлена наружная охрана и установлена линия телефонной связи.

Тусклый свет венерианского дня просочился следующим утром сквозь иллюминаторы, заставив экипаж проснуться. Было восемь часов по нью-йоркскому времени, но сутки в Соноре длились двадцать три часа. Поскольку Сонор и Нью-Йорк находились в оппозиции в полночь две ночи назад, это означало, что теперь в Соноре десять часов. Аркот вышел из корабля, чтобы переговорить с офицером, начальником караула.

— Нам нужна чистая вода — без солей меди. Я думаю, будет лучше, если вы сможете добыть мне достаточное количество воды, которую легко дистиллировать. Она необходима нам для питья. Так же потребуется около двух тонн воды любого сорта — резервуары корабля нуждаются в заправке. Питьевой же воды мне потребуется около тонны.

Аркот перевел земные меры в соответствующие для венериан, и все же офицерказался озадаченным. Такое большое количество воды создавало настоящую проблему с доставкой. После контакта со своим начальством посредством телепатических систем, офицер спросил, может ли «Солярит» переместиться в более удобное место.

Аркот согласился перелететь на небольшой участок не-подалеку от города, где воду можно было бы набрать непосредственно из источника. Как только питьевая вода будет готова, он сможет вернуться в город.

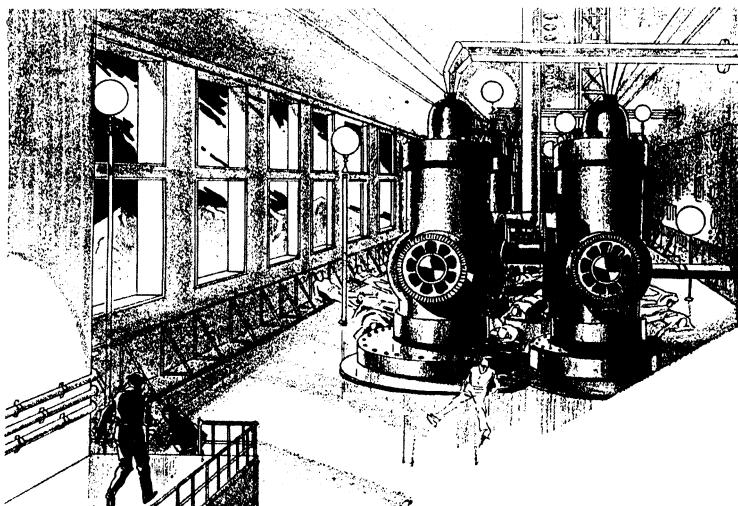
«Солярит» отправился к берегу реки, где тут же был запущен аппарат электролиза. С момента их приземления на Венеру, вся мощность была выкачана из накопительных ячеек, но теперь они могли восстановить потерянные запасы, и Аркот включил генератор на полную мощность, необходимую не только для подзарядки, но и для всех необходимых работ.

В течения дня в корабле царил устойчивый гул генераторов и пульсирование кислородных насосов, закачивающих газы в огромные резервуары. Аппаратура, которую они использовали, производила газ очень быстро, так что межпланетные путешественники успели справиться до темноты — все гигантские хранилища были заполнены. Было выделено как можно больше места и для атомарного водорода, который производился одновременно, его было накоплено даже вдвое больше, чем кислорода. Когда задача оказалась выполнена, «Солярит» поднялся снова и направился в сторону далекого города.

Мягкое красное свечение заполнило небо — даже сквозь мили облаков пробивался мощный солнечный свет, и весь город был омыт его теплым сиянием. Осветительные прожекторы еще не были включены, но большие здания, хорошо различимые в румяном свете, казались особенно внушительными, этот эффект усиливался планировкой строений — они не выделялись отдельными шпилями, а росли единой массой, которая поднималась от земли к небу, словно искусственная гора.

Вернувшись в столицу, Солярит снова занял место на широкой аллее, где было прекращено движение, и которая предназначалась теперь для него в качестве стоянки. Вскоре после возвращения к ним прибыл Тонлос, а с ним — пять человек, каждый из которых нес по два больших баллона.

— Сожалею, — обратился Тонлос к землянам, — что мы смогли сделать лишь незначительное количество вещества, необходимого для создания вашего газа, но прежде чем приступить к изготовлению, мы испытали его на животных, чей состав крови совпадает с нашим, и обнаружили, что



оно возымело заявленный эффект, однако в нашем случае йодид калия не обладает той эффективностью в пробуждении жертвы, какой обладает сорлус. Я не знаю, есть ли у вас опыт использования этого вещества на земных животных. К счастью, сорлус является одним из многочисленных галогеновых групп, у нас его гораздо больше, чем соединений хлора, брома или йода.

— Сорлус? Что это? Возможно, еще один из тех элементов, которые неизвестны на Земле. Каковы его свойства?

— Он во многом схож с йодом, но тяжелее. Это черное твердое вещество с температурой плавления 570 градусов. Он представляет собой похожий на металл элемент, с небольшой электропроводимостью, сильно окисляется на воздухе с образованием мощных оксидов. Он гораздо менее активен, чем йод, за исключением реакций с кислородом. Очень слабо растворяется в воде и не вступает в реакцию с водородом, а кислоты, которые он формирует, не так сильны.

— Я нахожу здесь столько много нового, и думаю, что, может быть, этот элемент предшествуют радону. Только более тяжелый.

— Нет, — ответил Тонлос. — Он легче, чем тот элемент, который вы называете радоном. Я думаю, что у вас на планете он не существует.

— Тогда, — заметил Аркот, — он может являться очередным членом ряда галогенов. Мори, держу пари, у них множество этих элементов.

Газ был поднят на борт «Солярита», и когда Уэйд увидел то количество, которое они назвали «неутешительно малым», он от души рассмеялся.

— Мало! Да они сделали столько, что полученного газа хватит на весь этот город. Ведь теперь мы сможем захватить любой корабль! Но попросите их продолжить производство, чтобы нам хватило газа на все корабли завоевателей.

Снова той ночью они связались с Землей, и Мори-старший рассказал им, что работа по производству ста небольших судов шла полным ходом. Они уже переоснастили все действующие корабли, а правительство подготовило распоряжения на случай опасности. Было трудно убедить их в том, что кто-то на Венере готовится послать силы для уничтожения Земли, но их научная репутация возымела действие. Корабли, постройка которых началась, будут готовы через три недели. Они не смогут выходить в космос, но будут способны к быстрому полету и перевозке больших резервуаров, производящих газ.

Около полуночи по венерианскому времени земляне легли спать, запланировав на завтра посетить строительную базу каккориан. От Тонлоса они узнали, что на сегодняшний день было закончено пять гигантских самолетов, но еще более пятнадцати штук пребывали на стапелях. Всего для атаки на Землю планировался флот из двадцати кораблей. До окончания их производства оставалась неделя или меньше. Так что у Солярита был единственный шанс. Они должны захватить один из гигантов и выведать его секреты, а затем, если это возможно, с оружием и знаниями двух миров, победить врагов. Великая задача! Возможность для этого действия наступила раньше независимо от их надежд и желаний. Около трех часов утра на земной летучий корабль позвонили, и Аркот взял трубку.

Далеко на юго-востоке было совершено нападение на группу самолетов-разведчиков, патрулировавших границы Ланора. Стремительно появившись из темноты с приглушенными огнями, корабль каккориан ударил всей своей титанической мощью, не оставляя разведчикам и единого шанса на спасение. И все же, в падении, пилот одной из машин

успел выпустить сигнальную ракету, ослепительно яркий свет которой позволил другим разведчикам, находящимся на удалении нескольких миль, разглядеть огромный корабль каксориан. Совершив посадку, разведчик отправил сообщение, которое по телефонным линиям было передано в Сонор.

В тот же миг внутренние помещения «Солярита» стали ареной активной деятельности. Всего один шанс был у землян, и слишком мало времени, чтобы как следует подготовиться к схватке. Земляне готовы были действовать, но у них не было никакого оружия, кроме их невидимости и атомарного водорода. Они не могли уничтожить самолет, разве что лишь повредить его броню, с надеждой парализовать экипаж. Только на это они могли возлагать свои надежды.

ГЛАВА 6

Аркот поднял «Солярит» высоко в небо и направил к тому месту на границе, где заметили вражеский самолет. В скором времени Уэйд сменил его за штурвалом. Они летели в молчании около часа, как вдруг Уэйд разглядел в стороне, примерно на милю выше них, тяжелую массу самолета, летевшего на фоне тускло-серых облаков. Казалось, будто чудовищная черная летучая мышь двигалась по небу. Чувствительный наружный микрофон «Солярита» донес до землян гул сотни могучих пропеллеров, с огромной скоростью несущих большой самолет. До сих пор Аркот не мог оценить, как быстро двигались эти гиганты, пока не попытался настигнуть его. Гигант делал почти милю в секунду! Невероятная скорость требовала огромной мощи.

«Солярит» поднялся высоко над темной массой гиганта, но даже на таком расстоянии гул работающих винтов был потрясающим в прямом смысле — корабль с Земли содрогался от этих звуков! Однако сотня гигантских пропеллеров отлично размешала бы снотворный газ.

— Я включаю невидимость, — объявил Аркот. — Внимание!

Он щелкнул переключателем, и «Солярит» стал прозрачным, как и воздух вокруг. Оказавшись впереди и выше могучего колосса, Аркот выпустил газ. Из главной рубки донеслось слабое шипение, едва уловимое на фоне рева корабля каксориан.

Микрофон был давно отключен. Из газоотводного вентиля вытекло пурпурное облако газа, становившегося заметным, едва он покидал влияние установки невидимости, но его разглядел бы только тот, кто знал, где искать источник. А люди в гигантском корабле и не подозревали о том, что над ними летит машина, выпустившая небольшое облачко газа.

Земляне ждали. Момент, и гигантский самолет закачался! Он внезапно отклонился от курса и устремился к земле в крутом пики, с высоты семи миль. То, что корабль врежется в поверхность Венеры, не входило в план Аркота, и он был очень рад, когда гигант выровнял полет, заскользив над поверхностью в устойчивом полете, как только Аркот выпустил содержимое последнего из первых четырех контейнеров для производства газа, который должен был усыпить всю команду огромного корабля, до последнего человека. В затянувшемся скольжении титан пролетел многие мили. Он летел гладко и ровно, но вот перед ним показались гряды небольших гор. Он мог врезаться в одну из скал. Все ближе и ближе было препятствие, Аркоту и остальным путешественникам оставалось лишь наблюдать за происходящим. Корабль мог бы перелететь эти горы — если бы была такая возможность. Наблюдатели невольно вжали головы в плечи, когда огромная машина врезалась в каменистый склон. Аркот снова включил громкоговоритель, и теперь до них долетело звуковое сопровождение развернувшейся на их глазах катастрофы — могучие раскаты грохота!

Гигантский самолет не добрал примерно двадцати футов до вершины почти отвесной скалы. Сейсмографы в Соноре, находившемся почти в двух тысячах миль отсюда, зафиксировали этот удар! Могучий бронированный корпус врезался в скалу, подобно гигантскому метеориту. Он раздробил скалистый утес, превратив его макушку в пыль и полностью снеся ее. Даже сама скала покрылась сетью трещин. На мгновение самолет не подвижно застыл, его хвост опасно навис над небольшой долиной, а затем медленно, величественно начал опускаться, чтобы в итоге рухнуть в долину у подножья скал. Еще какое-то время огромные двигатели продолжали крутиться, рев пропеллеров стал пульсирующим, прежде чем гигант окончательно затих. И вдруг, начали взрываться моторы в левом крыле. На мгновение яркий свет ослепил землян... От скалы, которую масса

металла превратила в груды битого камня, поднялось большое облако пыли. Тем не менее, на другом крыле корабля огромные пропеллеры все еще продолжали вращаться. Создаваемые ими потоки воздуха погнали пыль прочь, открыв землянам зрелище и вовсе невероятное. Разрушенное крыло вдруг вспыхнуло еще ярче, так что Аркот поспешил выключить невидимость, чтобы не ослепнуть. Раздалось дикое шипение, потрескивающий рев. Гигант закачался, словно пытаясь вырваться из невероятного огня. Там где пламя касалось скалы, та внезапно вспыхнула, и расплавленная порода потекла ручьями лавы! За те пять минут, что продолжалось потрясающее зрелище, Аркот успел отвести «Солярит» на более безопасное расстояние. Пятьдесят двигателей оставшейся части крыла, наконец, стали замедляться, но катастрофа на этом не закончилась — последовала еще одна вспышка света, гораздо более яркая, чем все те, что были прежде! Под самые облака поднялся пылающий столб света, который, казалось, желал пробиться в космос. «Солярит» отбросило невероятной силой, заставив летающий корабль кувыркаться в головокружительных кульбатах. Даже мощные гироскопы не могли удержать его в нужном положении. Двигатели едва выровняли его, но рассекаемый на огромной скорости воздух настужно выл снаружи. В итоге путешественники оказались в двадцати милях от места взрыва, но даже на таком расстоянии видно было зарево от расплавленной скалы. Медленно, осторожно ученые повели «Солярит» назад, а потом долго смотрели сверху на море кипящей лавы!

Наконец Мори прервал благоговейное молчание:

— Господи, насколько же велика, скрытая в нем сила! Неудивительно, что они могли держать его в воздухе! Но как они контролируют такую энергию? Это же какая титаническая мощь!

Наконец Аркот направил «Солярит» обратно в ночь — в доброжелательную темноту. Когда он заговорил, голос его звучал необычно сдержанно.

— Невероятная энергия скрыта в этих машинах, — ни один человек еще не обладал таким могуществом! Вся гора почти полностью расплавлена, не говоря уже о тоннах и тоннах металла, из которого был построен сам корабль. И сколь ужасны силы, которые могут обрушиться на нашу Землю!

Долгое время межпланетные путешественники сидели в тишине, двинаясь на малой скорости, меньше двухсот миль в час, глядя как под ними медленно проплывают холмы.

— Мы должны попытаться еще раз захватить корабль. Либо уничтожить его. Так или иначе, иного пути нет!

Какое-то время путешественники бесцельно летели над обширной равниной. На Венере почти не было больших гор, поскольку этот мир не испытывал ничего подобного тем колоссальным смещениям пластов, которые вызывала Луна наполовину Земли. Друзья пребывали в раздумьях, каждый сосредоточившись на собственных мыслях. Наконец, Уэйд встал и медленно направился в главный отсек.

Вдруг до рубки управления донесся его крик:

— Аркот! Быстро! Включи внешние микрофоны, и поднимаемся вверх на милю!

«Солярит» дал сильный крен, на огромной скорости метнувшись вертикально вверх. Аркот протянул руку и включил микрофон. Раздался хорошо знакомый рев ста огромных пропеллеров. Воды двигателей еще одного гигантского самолета сливалася в единый могучий неповторимый гул.

— Еще один! Они, должно быть, следовали за первым, отставая на несколько минут. Мы захватим его! — Аркот стремительно защелкал переключателями. — Уэйд, оставайся на месте и немедленно закрепись в кресле. Не будем тратить времени.

Они последовали тому же плану, который успешно сработал прежде. Внезапно став невидимым, «Солярит» занял позицию перед огромным самолетом. Тяжелая волна гула накрыла их, и снова раздалось едва слышное шипение газа. Но теперь в поле зрения, насколько хватало взгляда, не было видно никаких гор. В тусклом свете, проникавшем сквозь вечные серые облака, межпланетные путешественники видели только ровный далекий горизонт. Несколько минут прошло в томительном ожидании. Земляне ждали когда будет заметен эффект воздействия солнечного газа, и могучий корабль начнет сходить с курса. Неожиданно Аркот издал возглас удивления. Изумление отразилось и на лице его спутников, когда они увидели, что стали частично видны! Теперь «Солярит» был похож на туманный корабль-призрак. Они теряли невидимость! Когда же она окончательно исчезла, земляне увидели, наконец, что огромная черная

плоскость под ними дрогнула; громовой рев винтов перешел в свистящее хныканье; самолет завоевателей терял скорость! Он резко падал и снижал свою скорость, постепенно опускаясь все ниже и ниже. Двигатели работали теперь на холостом ходу, уверенно замедляя его скорость.

До земли оставалось совсем немного. Затаив дыхание, земляне ждали. Ожидает ли катастрофа и этот корабль? Он пролетел еще примерно половину мили и опустился на равнину, после чего Аркот с облегчением вздохнул, уверенный в том, что самолет успешно приземлился. Длинные ряды колес, расположенных на днище гигантского корпуса, успешно справились с жесткой посадкой. Несколько рощиц деревьев оказалось на пути самолета, но это было незначительное препятствие для гигантской машины. Могучие винты еще какое-то время тянули самолет.

«Солярит» приземлился рядом с кораблем, полностью утонув в тени его могучего металлического корпуса.

Аркот оставил Тонлосу, находящемуся в Соноре, небольшой радиоприемник и объяснил, как настроиться на волну «Солярита». Теперь же землянин послал сообщение в столицу венерианцев, рассказав, что еще один из вражеских гигантов повержен, и попросил, чтобы сюда направили эскадрилью самолетов.

Уэйд и Аркот вызвались осмотреть самолет каксориан и, надев костюмы защиты, покинули «Солярит». Каждый взяв с собой, на случай непредвиденной ситуации, небольшой ручной огнемет, работающий на атомарном водороде, способный проплавить проход даже в тяжелой броне гигантского самолета.

Когда земляне оказались рядом с поверженным титаном, они несколько минутостояли в благоговейном молчании, глядя на величественный корпус, который поднимался отвесно над ними на сотни футов. Казалось невозможным, что эта могучая вещь могла не просто держаться в воздухе, но еще и летать.

Словно пигмеи рядом с каким-нибудь могучим доисторическим монстром, люди пробирались по его поверхности в поисках люка. Внезапно Уэйд остановился и воскликнул:

— Аркот, это бессмысленно. Только на то, чтобы обойти этот самолет понадобится не меньше часа. Мы должны использовать «Солярит», чтобы найти вход!

Это была хорошая идея, и они последовали плану Уэйда в поисках единственного входа, который, как они выяснили, оказался наверху. Туда, на хвост гиганта, и приземлился «Солярит» — его большой вес не произвел ни малейшего эффекта на корпус корабля каккориан. Они нашли люк, ведущий вниз. Однако устройство для его открытия находилось внутри, поэтому пришлось прожечь дыру в двери, прежде чем они смогли подняться на борт самолета.

Низкий гул работающих вхолостую двигателей был едва слышен, пока земляне спускались по длинной лестнице. И тут им открылось необычное зрелище. Обстановка внутри совершенно не походила на летательный аппарат, скорее это напоминало большой аппаратный зал какой-нибудь энергетической станции. Путешественники вошли в огромное помещение, которое простипалось на четверть мили вдоль большого корпуса, занимая почти весь фюзеляж. Повсюду, до самого носа, располагались маленькие шары, испускавшие яркий белый свет, освещая внутренности корабля. Кроме того в бортах имелись несколько прозрачных иллюминаторов. Кругом лежали тела венерианцев. Они казались мертвыми, и это ощущение усиливала странная синева их лиц, даже при том, что двое землян прекрасно знали, что всех их можно легко вернуть к жизни. Большие машины, которыми они недавно управляли, гудели теперь мягко, почти неслышно. В конце большого зала они увидели два длинных ряда двигателей. Они питались от могучих генераторов, каждый в двадцать футов высотой. С макушек двигателей свисали стержни толщиной два фута, выплавленные из кварца. Видимо венерианцы использовали кварцевые стержни вместо силовых проводов. От этих стержней уходили другие, тоже из литого кварца, они в свою очередь уходили в пол, и толщиной были немного меньше, но все же сечением почти восемь дюймов.

Огромные генераторы были сделаны в форме диска. От них так же отходили кварцевые стержни, пробегавшие по полу. Дальше располагались другие установки, их ближний ряд был оснащен трубками, ведущими на этаж ниже, но не было никаких трубок, уходящих в потолок. Вместо них здесь располагались ряды тонких кварцевых прутков, связанных с огромным щитом, который занимал полностью одну стену большого зала.

И повсюду видны были большие трубы из кварца, образующие некую сложную систему охлаждения. Большинство из них были окрашены в черный цвет, хотя основные трубы, расположенные под потолком были прозрачными, как кристалл.

Аркот и Уэйд разглядывали эти гигантские машины с молчаливым уважением. Те казались невероятно огромными. Было непостижимо, что все это являлось всего лишь аппаратной частью самолета!

Не говоря ни слова, они опустились на уровень ниже, используя эскалатор, похожий на земной. Несмотря на неподвижные тела вокруг, они не боялись, что на них нападут. Они знали высокую эффективность газа Уэйда.

Следующий зал, очевидно, был главным отсеком корабля. Практически все пространство в нем занимала одна единственная, колоссальных размеров катушка — от стены до стены! К ней подходили два гигантских стержня из кварца. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что каждый из них состоит из отдельных стержней меньшего размера — тех самых, что были не менее восьми футов в толщину! Здесь они пробыли недолго. Дальнейший путь привел их к могучему генератору, напоминавшему те, что они видели наверху, но в непостижимо большем масштабе! В конце его находилась главная движущая сила, двигатель, представлявший собой цилиндрический корпус, к которому подходил один единственный кварцевый стержень толщиной около десяти дюймов. Этот стержень пульсировал, испуская светящиеся огни, которые вспыхивали, двигались и угасали на его поверхности и по всему объему. Двигатель был всего лишь пяти футов в диаметре и скромных семи футов длиной, и все же это была управляющая машина, ибо от нее исходил постоянный низкочастотный гул, говоривший о высокой спящей мощи. И огромный кварцевый стержень, который вел от цилиндра к катушке, тоже искрился теми же самыми огоньками. С одной стороны генератора находились два объекта, единственные показавшиеся знакомыми, — медные заземляющие шины. Но даже те были в три фута толщиной!

Множество кварцевых стержней, которые уходили в пол, соединялись в ряды, и сплетения их сбегались к генератору.

Они опустились еще ниже. Здесь были другие кварцевые трубы, они уходили еще дальше. И итоге они привели землян в

помещение, где располагались койки, большинство из которых были не занятыми... Еще дальше вниз на другой уровень... Снова койки, небольшие индивидуальные каюты.

Наконец Аркот и Уэйд достигли нижнего уровня, где большие кварцевые трубы превращались в сотни мелких, каждая из которых вела к какому-то странному механизму. Земляне распознали на них прицельные приспособления. Тут же в полу располагались выходные отверстия, напоминающие бомбовый отсек.

Стараясь разговаривать поменьше и негромко, земляне пробирались по огромному кораблю, казавшемуся городом мертвых, проходя мимо спальных комнат офицеров и членов команды, число которых исчислялось сотнями. На третьем уровне они обнаружили, наконец, зал управления. Здесь находились щиты, пульты и десятки членов команды, уснувших у своих рабочих мест. Внезапно раздавшийся стук заставил Аркота и Уэйда, чьи нервы были натянуты до предела, резко обернуться. Оба расслабленно вздохнули и обменялись улыбками. Автоматическое реле запустило какой-то механизм. Они заметили одного человека, располагавшегося в стороне от остальных. Он сидел в самом носу, под защитой восьмидюймовых пластин корониума, в которые были установлены стекла из плавленного кварца, почти такие же массивные, как сам металл. Благодаря им он мог смотреть во все направления. Очевидно, это был пилот.

Вернувшись на верхний уровень, земляне прошли по длинному коридору, который привел их в одно из гигантских крыльев, где, как и везде на корабле, горел яркий свет. И вновь они обнаружили помещения с койками, расположившиеся по обе стороны длинного коридора и вдоль двух параллельных коридоров в нижней части крыла. В четвертом коридоре около кромки крыла на одной стороне были двухъярусные каюты, а на другой — бомбовые посты.

Продолжая исследовать самолет, они неожиданно вышли в зал, откуда исходил низкий гул одного из двигателей. Там они обнаружили спящую команду и мотор, работавший на холостом ходу.

— Бог мой! — воскликнул Уэйд. — Что за двигатель, Аркот! Не больше, чем туловище человека, а целая батарея их

способна пронести корабль на целую милю в секунду. Какая силища!

Земляне медленно шагали по длинному залу. На каждой из пятидесяти опор они видели точно такие же двигатели. В конце зала располагался эскалатор, который поднял их на уровень выше, в верхнюю часть крыла. Здесь они нашли еще одни ряды бомбовых точек и подходящие к ним кварцевые стержни управления и питания.

В итоге они вернулись в рубку управления. Здесь Аркот провел долгое время, осматривая множество приборов, средств управления и пилотирования аппарата.

— Уэйд, — сказал наконец гениальный изобретатель. — Я, кажется, могу предположить, как все это работает. Я хочу остановить двигатели, снова запустить их и ускорить до того момента, как они начнут двигать корабль!

Аркот подошел к центральному пульту, пересадил спящего пилота и расположился в его кресле.

— Тебе нужно подойти вон к тому пульту и, когда я скажу, включить контроллер... Нет, тот ниже. Да. Передвинь его приблизительно на одну метку.

Уэйд усмехнулся и с сомнением покачал головой.

— Ладно, Аркот, я сделаю все, как ты сказал, но когда я думаю, с какой силой мы играем... Ошибка может плохо кончиться!

— Пока я собираюсь остановить двигатели, — спокойно ответил Аркот.

Все время, что они находились на борту, был слышен тихий гул двигателей. Теперь же он внезапно исчез, и в самолете стало тихо, словно на кладбище!

Голос Аркота прозвучал неестественно громко.

— Ну вот, я сделал это и корабль не взорвался! Теперь мы попробуем снова включить питание!

В ответ раздался хриплый гул, быстро превратившийся в тихий вой, а когда Аркот передвинул то, что казалось ему дросселем, вой сменился низким ревом — как будто в могучие винты впрыгались десятки тысяч лошадей. А потом с грациозной медлительностью огромная машина поехала по полю! Аркот отключил двигатели и вылез из кресла, широко улыбаясь.

— Все просто! — объявил он.

Ученые проделали обратный путь через корабль, через зал с огромной катушкой, затем в аппаратное отделение. Теперь машины молчали, поскольку двигатели больше не работали.

— Аркот, ты не выключил главную установку. Почему?

— Не смог, Уэйд. У нее нет никакого контроля отключения, но даже если бы он был, я не стал бы так рисковать. Я скажу тебе, в чем дело, как только мы вернемся на «Солярит».

Наконец земляне могли покинуть гигантский самолет. Снова прошли по ее широкой металлической поверхности. Оба вернулись на «Солярит» через воздушный шлюз, где, наконец, избавились от тяжелых костюмов. Кратко и в общих чертах Аркот обрисовал остававшимся на «Солярите» друзьям о том, что они увидели и о принципе устройства большого корабля.

— Я думаю, что могу понять тайну всей этой мощи, он в целом не так уж сильно отличается от «Солярита». Точно так же он получает энергию от солнца, хотя и по-другому, и хранит ее в накопителях другим способом. Свет, конечно, является энергией, а, следовательно, имеет массу. Он оказывает давление, воздействуя подвижными частицами фотонами. Так что мы имеем электроны и протоны вещества и фотоны света. Сейчас мы знаем, что масса протонов и электронов притягивает другие протоны и электроны, и они держатся вместе. Новая идея здесь заключается в том, что фотоны будут притягиваться друг к другу сильнее и сильнее, чем ближе они находятся. Каксориане разработали метод, обеспечивающий такое близкое их нахождение друг к другу, что они могут, некоторое время, по крайней мере, держаться самостоятельно и под небольшим «давлением» находиться в этом состоянии неопределенно долго... Та огромная катушка и цилиндр, который мы обнаружили, на самом деле главный резервуар для хранения энергии. Он был полон газовой световой энергией, удерживаемой собственным притяжением фотонов, а так же с небольшой помощью генератора!

— Небольшой помощью? — воскликнул Уэйд. — Совсем маленькой! Держу пари, в его двигателях миллион лошадиных сил.

— Да, но я не сомневаюсь, что им удалось сконденсировать почти пятьдесят фунтов света — зачем им беспокоиться

о каком-то незначительном миллионе лошадиных сил? В этом источке скрыта гораздо большая энергия. Полагаю, эти самолеты должны подниматься выше облаков, где и собирают энергию солнца. Помните, ведь Венера получает ее вдвое больше, чем Земля. На поверхности крыла сосредоточены выходы тех кварцевых труб, которые проводят свет внутрь, в конденсаторы, где он собирается первоначально. Затем свет поступает в большой конденсатор внизу, где накапливается энергия и сохраняется сжатый свет... Кварц проводит свет так же легко, как медь проводит электричество. Мы видели там множество стержней, собранных в шины... Бомбометы, которые мы видели только что, являются на деле небольшими установками, использующими энергию света, выбрасываемую проецирующим механизмом. Когда они попадают в цель, объект поглощает эту энергию — и очень быстро испаряется за счет высокой температуры... Помните тот сноп шипящего света из разрушенного самолета непосредственно перед тем, как он взорвался? В этот момент у него на борту прервалась связь со сломанными двигателями, и произошел выброс свободной энергии. Всей той силы, что требовалась на вращение пятидесяти двигателей с максимальной скоростью. Не удивительно, что ее высвобождение было таким сокрушительным... Таким образом, был поврежден главный генератор, а когда он перестал работать, собственного гравитационного притяжения фотонов стало недостаточно, чтобы удерживать их в связанном виде. Весь этот поток энергии был, конечно, освобожден мгновенно... Смотрите, прибывают ланориане. Я хочу вернуться в Сонор и обдумать все как следует. Возможно, мы найдем что-то, что поможет справиться со всей этой энергией, хотя, честно говоря, я не очень в этом уверен.

Аркот выглядел подавленным, как будто пася перед величиной той силы, которая скрывалась в корабле коксиран. Казалось непостижимым, что небольшой «Солярит» смог сокрушить невероятную машину.

Самолеты ланориан приземлялись словно стая птиц, раскрывших крылья и заполнивших все пространство вокруг гигантского корабля. Аркот опустился в кресло, угрюмо глядя в пустоту. Все мысли его были сосредоточены на могущественном гиганте, казавшимся не пораженным, а лишь

уснувшим. В его невероятной громаде скрывалась энергия, которой прежде людям не доводилось управлять — в его машинах была заперта сила самого Солнца. Что «Солярит» мог этому противопоставить?

— Да, я чуть не забыл упомянуть, — уныло и медленно проговорил Аркот. — В пылу атаки он подошел почти незамеченным. Наше единственное оружие — газ — бесполезно теперь. Вы помните, как «Солярит», казалось, потерял свою невидимость на мгновение? Я понял, почему это произошло, когда мы исследовали корабль. Наши противники — физики самого высокого класса. Мы должны полностью отдавать себе отчет в их невероятных силах, и физических, и умственных. Они постигли секрет нашей невидимости и теперь могутнейтрализовать ее. Они немного запоздали с эффектом противодействия, однако определили местонахождение радиопомех, вызванных аппаратурой невидимости нашего корабля, и послали в нашу сторону свой радиочастотный луч. Мы невидимы только изза вибраций молекул в обратных радиочастотных колебаниях. Молекулы вибрируют в унисон с потрясающей частотой и позволяют свету свободно проходить между собой. Что будет, однако, если кто-то найдет источник радиоволн? Этого будет достаточно, чтобы послать радиолуч и коснуться им нашего невидимого корабля. Двойная радиоволна нарушает синхронность, что немедленно лишает нас невидимости. Мы больше не сумеем напасть на них с помощью облака атомарного водорода или использовать газ — все это бесполезно, если мы не можем находиться рядом с ними, а мы не сможем подобраться к ним даже на десять миль. Их светометры должны быть эффективны на этом расстоянии.

Снова он замолчал и задумался, надеясь на идею, которая еще даст им шанс для борьбы с каккорианами. Его три компаньона, одинаково подавленные отсутствием реальных идей, тоже молчали. Неожиданно Аркот встал.

— Я хочу отдать распоряжения наблюдателям за объектом. Затем мы снова вернемся в Сонор. Похоже, мы мало что можем сделать здесь.

Кратко он переговорил с молодым офицером венерианцем и рассказал ему все, что узнал о корабле врагов. Возможно, они смогут перелететь на нем в Сонор, но лучше оставить его

здесь в целости и сохранности, если они сумеют обесточить его перед отлетом. Аркот объяснил, как истощить мощность главного резервуара, который будет лишен подпитки из-за густоты облаков. Каксориане могли погубить машину, если бы хотели, однако Аркот подозревал, что это не входило в их планы. Они должны надеяться, и не без оснований, что смогут вернуть себе самолет! Однако это будет невозможно, если оставить огромную машину без той силы, которая скрыта в ней.

ГЛАВА 7

И вот земляне медленно направились обратно к Сонору. Аркот все еще был поглощен печальными мыслями. Что случится, если Венера падет перед атакой могучих самолетов, которые понесутся вдаль через пространство, к Земле — к Марсу — к далеким мирам, сея космическую угрозу? Скоро ли могучие машины станут кружить над Землей? Смогут ли управляемые ракеты с атомными боеголовками уничтожить гигантские самолеты, при использовании двигателей с молекулярными двигателями. Возможно, их придется сделать бронированными, со стенками в двадцать дюймов толщины, и оснастить мощными двигателями, чтобы те могли разогнаться до скорости несколько миль в секунду! Но на создание этих кораблей уйдут не часы, не дни, а долгие недели, в то время как флот каксориан будет готов. Существовала ли возможность предотвратить неисчислимые разрушения, если крах неизбежен?

В отчаянии Аркот поднялся и быстро зашагал по длинному коридору «Солярита», меряя его из конца в конец. Аркот слышал гладкий, даже сладостный гул исправно работающего генератора, но тот лишь напомнил ему о значительно большей энергии, которой обладали его враги. Глухо стучавшие реле в главной рубке, где Уэйд управлял кораблем, казались унизительной насмешкой на фоне гигантских контроллеров, которые он видел в огромном зале управления каксориан. Наконец Аркот расположился в главной рубке, глядя на аккуратные панели, управляющие кораблем землян. Теперь он, наконец, начал размышлять более спокойно.

Он сконцентрировался, размышляя о самых великих силах, известных человеку. Их было только две, и как здорово, что мысль о них пришла ему в голову! Одна из них была той огромной мощью света, которую они наблюдали внутри вражеского самолета; другая — силой взаимодействия молекул, силой, которая управляла земным кораблем.

Ученого не было времени решать задачу светового сжатия, которая, как теперь он понимал, должно было принести должные результаты. Оставалось только молекулярное движение. Какую ещё он мог извлечь из него пользу? Аркот вытащил маленькую записную книжку с черновыми расчетами. Страницы за страницей — формулы, символы, сложные исчисления, которые, наконец, привели его к решению, результат которого стал той силой, что сейчас легко несет «Солярит».

Полчаса спустя Аркот все еще был занят — стремительно заполняя страницы все новыми и новыми формулами. Перед ним была большая таблица из множества кратных целых чисел, единственная в своем роде система, поскольку кратное исчисление было его собственным изобретением. Наконец, он нашел формулу, которую искал, и тщательно проверил свою работу, очень волнуясь, хотя внутри испытывал нетерпение разгорающейся надежды, — это казалось логичным, — и нашел, что искал.

— Мори. Мори, — позвал он, едва сдерживая свое ликование. — Не мог бы ты подойти? Я хочу, чтобы ты проверил мои математические расчеты. Я тут набросал несколько формул и хочу знать, получишь ли ты независимо от меня тот же самый результат?

Мори был более дотошным математиком, чем Аркот, и тот всегда доверял Мори проверку любого нового открытия.

Следуя общим инструкциям, которые дал ему Аркот, Мори провел длинный ряд расчетов и пришел к тем же результатам. Медленно он оторвал взгляд от краткой формулы, которой завершились его расчеты.

Это была не просто формула, что удивляло, — в ней был скрыт физический смысл.

— Аркот... Ты думаешь, мы сможем сделать это?

— Надеюсь на это, Мори. Если мы этого не сделаем, Ланор исчезнет. И, вероятно, Земля тоже. Уэйд, ты можешь подойти

на минутку? Пусть Фуллер возьмет штурвал, и скажи ему, чтобы прибавил скорость. Мы должны немедленно приступить к работе.

Аркот быстро объяснил друзьям свои расчеты и полученное доказательство.

— Вектор нашей молекулярной установки направляет всю силу молекулярного взаимодействия под прямым углом. В настоящий момент поле действует только в области катушки, но если эти цифры верны, это означает, что мы можем спроектировать эту область на значительное расстояние, даже в воздухе. Это будет луч такой силы, которая приведет к тому, что все молекулы на его пути изменят свое движение на перпендикулярное, и станут двигаться в том направлении, которое мы выберем, одновременно позволяя менять проецируемую мощность. Это означает, что независимо от размеров предмета, мы сможем разорвать его на куски его собственной энергией, или, наоборот, раздавить его... Вообразите, что произойдет, если мы направим луч на гору — вся масса породы разлетится на невообразимой скорости, когда все молекулы внезапно начнут двигаться в одном направлении. Ничто во вселенной не сможет устоять против такой силы — луча, который будет рвать или давить, потому что мы можем либо заставить одну часть отколоться от другой — или, совершенно наоборот, заставить одну часть надвинуться на другую со всей страшной силой ее молекул! Это могучее оружие... хммм... — Аркот сделал паузу, задумчиво сощурившись. — Есть только одно ограничение. Насколько далеко луч будет распространяться в воздухе? В вакууме у него должен быть бесконечный диапазон — в атмосфере на его пути будут затронуты все молекулы воздуха, и это вызовет потрясающий порыв ледяного ветра, шторм при температуре намного ниже нуля! Это будет еще более эффектным здесь, на Венере!.. Но мы должны немедленно приступить к проектированию. Советую всем использовать тоники, отоспимся позже. Мы не можем позволить себе терять время! Смотрите — вот и Сонор! Посади нас, Фуллер на прежнее место и жди нашего возвращения. Для тебя тоже найдется дело!

Великолепный венерианский рассвет уже окрашивал воссток, когда перед землянами величественно встали большие здания. Небо, которое еще недавно было тусклого-блеклым и

серым, становилось все ярче и ярче и теперь походило на расплавленное серебро, сквозь которое проникали первые лучи яркого солнца. То, что солнце поднялось выше горизонта и находится над облаками, можно было угадать по дивной розовой вуали, которую начал заливать десятимильный слой пара. Крошечные капельки при этом превращали чистый свет в миллионы радуг, и все они, на фоне нарастающего розового отблеска, формировали концентрические круги синего, зеленого, оранжевого и всех остальных цветов радуги, повторяя их раз за разом, — чудесный ореол пылающего света, который могло создать только Солнце, чей свет на этой планете был вдвое интенсивнее.

— Можно ждать целый день только ради того, чтобы увидеть здешние восходы и закаты, — произнес Фуллер.

И земляне несколько минут созерцали восход, несмотря на то, что времени у них почти не оставалось. Это было зрелище, подобного которому ни один из них прежде не видел. А потом они погрузились в чрезвычайно сложные расчеты, пытаясь создать электрический аппарат, генерирующий необходимое поле. Для большего эффекта, они решили, что лучевая пушка должна создавать две отдельных области воздействия, и еще одну, третью, с несколько иной характеристикой, которая заставляла бы перемещать направленный луч только в одном направлении. Это обезопасило бы их от ошибки, если бы разрушающий луч вдруг оказался бы повернутым в их сторону!

Работа пошла быстрее, чем они ожидали. Конечно, далеко не все было еще сделано, и предстояла долгая теоретическая работа, но к этому времени улицы рядом с кораблем начали заполняться венерианцами. Межпланетные путешественники заметили многочисленную группу и еще какое-то время продолжали работать, но в течение полутора часов толпа выросла до огромных размеров.

— Судя по этому собранию, я подозреваю, что мы должны стать главными действующими лицами праздника, о котором ничего не знаем. Во всяком случае, раз мы здесь, и они хотят видеть нас, мы можем и прерваться.

Охрана, которая всегда окружала «Солярит», была увеличена вдвое и оставляла свободным довольно большое пространство около корабля. Тут же они увидели, как один из

высокопоставленных чиновников Ланора появился со стороны правительенного здания.

— Похоже, нам пора выйти, и в этот раз придется это сделать всем. Я буду переводить тебе, что они говорят, Уэйд. Будет невежливо препятствовать этой встрече, так что пойдемте. Ненавижу тормозить работу, но мы стараемся не слишком затягивать эту встречу.

Четверо землян облачились в тяжелые костюмы с охлаждением и вышли из корабля. Ланорианский сановник, оставив свою охрану, размеженным шагом направился к четверке землян и остановился перед ними.

— Земляне, мы собирались здесь этим утром, чтобы приветствовать вас и поблагодарить за огромную службу, которую вы нам оказали, — произнес он важно и громогласно. — Через ужасающую пустоту космического пространства вы преодолели сорок миллионов миль, чтобы посетить нас и при этом узнать, что венерианцы готовят атаку на ваш мир. Дважды ваше вмешательство спасло наш город... Воистину, не существует соответствующей награды за это великодушие. Ваши деяния неоценимы, но позвольте нам, хотя бы в малой мере возместить их нашей признательностью. Разрешите вручить вам небольшие памятные диски, диски из морлуса, на них изображена схема Солнечной системы. На обратной стороне рядом изображены Венера и Земля, как наши мастера сумели скопировать её с подаренного вами небольшого глобуса. Северные полушария наших планет — Америка, ваша страна, и Ланор, наша. Мы желаем, чтобы вы и каждый из ваших друзей принял этот подарок. Пусть это останется вам на память как символ вашего замечательного полета через космос!

Венерианец повернулся к каждому из землян и вручил им по небольшому металлическому диску.

Аркот произнес речь от лица Землян:

— От себя лично и от моих друзей, двое из которых не имели возможности выучить ваш язык, я хотел бы поблагодарить вас за большую помощь в ту минуту, когда мы в ней очень нуждаемся. Вы, возможно, спасли больше чем город — вы спасли целый мир — нашу Землю... Но битва только начинается... В настоящее время в лагере каксориан находятся восемнадцать больших кораблей. Враг был жестоко побежден

в трех столкновениях с «Соляритом». Но они уже не будут уязвимыми для наших прежних методов нападения. Ваши тайные агенты сообщают, что первый самолет, который был атакован «Соляритом» прежде других, все еще в ремонте. Ремонт завершится в течение двух дней, а затем, когда наши враги смогут покинуть базу на двух кораблях, они атакуют еще раз. Кроме того, они нападут, используя новое оружие. Они свели на нет пользу от нашего оружия, невидимость, и в свою очередь теперь желают использовать её против нас! Мы должны найти новое оружие. Я надеюсь, что мы на верном пути, но сейчас драгоценно каждое мгновение, и мы должны вернуться к работе. Позже, когда мы закончим предварительную работу, мы должны будем дать задание вашим людям — тем, кто занимается добычей металлов, поскольку у нас не хватает материалов. С вашей помощью мы можем преуспеть...

На этом встреча завершилась. Ланориане, вероятно, были разочарованы, но они полностью осознали необходимость поспешности.

— Мне жаль, что земные ораторы не говорят так, — заметил Мори, когда все вернулись на корабль. — Он сказал все, что должен был сказать, и его речь не изобиловала миллионами слов пустословия. Из него бы получился отличный трибун!

— Человек, который говорит кратко и по существу, ты хотел сказать, — ответил Аркот.

Уже к полудню все теоретические изыскания были закончены. Кроме того ученые обнаружили, что их луч сможет поражать цель на расстоянии тридцати пяти миль! Это обеспечило бы достаточную зону безопасности во время нападения на гигантские самолеты Каксора. Мори, Уэйд и Аркот немедленно принялись за постройку электротехнической установки, которая должна дать им необходимое количество энергии. Теперь весьма кстати пришлось то, что земляне взяли с собой массу запасного оборудования! Более чем достаточно, чтобы собрать необходимые электрические машины. Лампы, катушки, конденсаторы — все было в наличии. Генератор должен был легко обеспечить необходимую мощность для ужасающей силы, которая должна будет запустить процесс, который уничтожит корабли каксориан. А потом они разрушат сами себя — «Солярит» же просто будет детонатором, чтобы спровоцировать эти силы!

В то время как физики занимались своей работой, Фуллер увлеченно проектировал механические детали пушки. Она должна была обеспечивать угол поворота в 180 градусов с электроприводом изнутри корабля.

Все детали излучателя были разработаны к шести вечера, и чертежи немедленно переданы для отливки деталей и их механической обработки в металлургические цеха венериацев.

Трудности возникали одна за другой, но быстро преодолевались. Наступила ночь, но все продолжали работу. Местные рабочие обещали изготовить все части устройства к утру, на что должно было уйти десять часов. Тем временем к трем часам ночи были изготовлены и соединены узлы управления и контроля. За исключением самой пушки, все было готово; Мори, Уэйд и Фуллер наконец, могли позволить себе немного поспать. Аркот под предлогом того, что ему еще необходимо кое-что доработать, принял еще одну дозу противосонного средства и вышел в парящий дождь.

Несколько минутами после десяти часов следующего утра, Аркот вернулся, в сопровождении нескольких венерианцев, каждый из которых нес по большому цилиндуру с подвесной платформой. Их присоединили к посадочному устройству «Солярита» таким образом, чтобы предохранитель позволил бы цилиндру при необходимости свободно упасть.

— Так вот зачем ты уходил? А что это такое? — спросил Уэйд, как только Аркот вернулся на корабль.

— Одна штука, которую я хочу испытать, — и пока я собираюсь держать ее назначение в тайне. Думаю, что вы будете по-настоящему удивлены, когда увидите эти бомбы в действии! Они расположены так, чтобы их можно было сбросить при включении посадочных огней... Механики закончили работу над деталями твоего излучателя, Фуллер. Скоро сюда прибудет небольшая бригада. Я попросил местных техников помочь нам. Они будут полностью в твоем распоряжении.

Аркот замолчал и с досадой нахмурился.

— Чтобы закрепить наш излучатель, придется просверлить внешний корпус, и мы потеряем вакуум между двумя стенками, поэтому туда проникнет горячий воздух. Здесь станет очень жарко в скором времени. У нас есть охладители молекулярных установок, но боюсь, что от них не будет большой

пользы. И нельзя использовать генератор — он изолирован от главной рубки вакуумной переборкой. Я думаю, нам лучше зарядить все емкости и батареи, как можно скорее. Тогда сегодня вечером мы сможем атаковать строительную базу каксариан. Я только что узнал, что нет никаких сообщений от тайных агентов, и боюсь, враг может преподнести сюрприз.

Несколько позже раздался звук дрелей и свист воздуха, замещающего собой вакуум, — работа шла полным ходом. Вскоре после того, как вакуумной защиты не стало, внутри межпланетного корабля воцарилась высокая температура. Молекулярные охладители не могли справиться с ней в полной мере, и скоро на борту стало жарко. Но земляне терпели. решив обойтись без охлаждающих костюмов. К тому же вся основная работа была завершена, и они могли позволить себе передохнуть.

Уже начали сгущаться сумерки, когда ланориане закончили свою работу. К этому времени все емкости с газом были заряжены. Все это время Аркот провел с Тонлосом, изучая схему авиабазы каксариан. У ланориан были данные тайных агентов и старые карты. Но из-за огромных размеров комплекса, где строились самолеты-гиганты, невозможно было определить первостепенные цели. Единственное, что точно знали ланориане: авиабаза каксариан находится приблизительно в десяти с половиной тысяч миль на юго-западе. «Солярит» должен был отправиться в рейд через час после наступления темноты. Путь на запад на их скорости, как они надеялись, позволит достигнуть базы одновременно с наступлением темноты.

ГЛАВА 8

«Солярит» стремительно направлялся на запад. Небо постепенно становилось светлее, по мере того как под ними проносились мили пространства. Они догоняли Солнце. Как только они увидели, что бушующий океан под ними уступил место низким равнинам, они поняли, что летят над землей Каксора. «Солярит» двигался очень высоко, и даже без использования аппарата невидимости, обнаружить его было фактически невозможно. Вдруг они увидели огни большого города, показавшегося далеко на востоке.

— Это Канор. Мы пролетим к западу от него. Это их столица. Мы на верном курсе.

Аркот со своего поста у пушки отдал Уэйду указания относительно курса, который должен был привести их к базе гигантских самолетов. Город остался далеко позади, появились и другие, еще и еще. Наконец, повернув на юг, уже в сумерках, они вошли в область низких холмов, древних складок на коре планеты, слаженных несметными тысячелетиями проливных дождей. Миля за милю летучий корабль с Земли летели вперед на скорости около тысячи миль в час, когда они увидели вдали на востоке обширное зарево, достигающее неба, живописно отражаясь от вечных облаков в вышине.

— Это здесь, Уэйд. Поднимись выше и будь спокоен!

«Солярит» быстро поднялся, устремившись к самому краю одеяла облаков — невидимое пятнышко в море серого тумана. Под собой они увидели огромное вырезанное в древних холмах пространство. С этой высоты утратилось ощущение масштаба. Местность под ними казалась обычным летным полем с восемнадцатью самых обычных самолетов. Один из них теперь начал перемещаться и через мгновение поднялся в воздух! Казалось, больше не было никаких людей на всем этом обширном пространстве. Самолеты же казались крохотными с такой высоты.

Внезапно Аркот издал громкий возглас.

— Вот в чем их сюрприз! Они уже давно готовы, чего мы не ожидали! Если вся их армада поднимется в воздух, мы обречены! Немедленно вниз, Уэйд! Не меньше нескольких сотен футов от земли и ближе к полу!

С невозможным креном «Солярит» устремился вниз, вызвав у экипажа тошнотворное ощущение падения. А затем наступило внезапное увеличение веса, когда их корабль выровнялся на высоте не больше двух сотен футов от поверхности Венеры. Рискуя потерять сознание, Уэйд привел их настолько близко к цели, насколько было возможно. С тревогой он сообщил Аркоту, который ответил ему кратким:

— Хорошо!

Теперь самолеты вырисовывались во всей своей гигантской величине, явив свои истинные размеры. Оглушительный грохот звуков вырвался из динамиков, когда самолеты покатились по земле, чтобы затем изящно подняться в воздух!..

«Солярит» выпустил бледный призрачный луч, с красным и зеленым оттенками ионизированных пучков воздуха. Тот ударили в ангары гигантских самолетов, больше похожи на невысокие холмы. В одно мгновение гул сотен, тысяч гигантских пропеллеров превратился в оглашающий рев. Большие снежинки закружили в воздухе — все вокруг побелело от заиндевевшего водяного пара. Затем раздался титанический рев, и, казалось, задрожала сама планета! Катастрофа, каскады фонтанов раздираемой почвы и скал, которые, какказалось, разом взметнулись во все направления. Только двенадцать титанических кораблей вырвались из огненного ада и теперь с трудом держались в воздухе, пьяно раскачиваясь. На мгновение возникла гнетущая тишина, как только генератор луча был отключен. Затем луч ударили снова, и удар сопровождал ужасный рев миллионов тонн раздробленных скал, земли и металла. Некоторые осколки взлетали на многие мили — и все это происходило на фоне ревущей бури и снега, который таял, как только падал на поверхность трясущегося словно в лихорадке аэродрома. Ввышине еще продолжало кружить десять самолетов, но двигались они неуверенно. Вдруг один из них развернулся, направляясь круто вниз, его крылья опасно накренились, а двигатели все быстрее и быстрее тянули его к поверхности. Раздался грохот, когда крылья внезапно оторвались от корпуса и отогнулись назад. Мгновением позже они отделились от фюзеляжа, позволив тому свободно рухнуть вниз, сами же, все еще медленно крутясь, упали, вспахав землю за мили далеко от него. «Солярит» резко устремился вперед, на максимальной скорости, которая с силой вжала его пассажиров в кресла. Прежде чем они смогли развернуться, за ними вспыхнул могучий источник света, который ударили до самых облаков и озарил своим сиянием пейзаж на многие мили вокруг, высвободив невыносимо яркий свет. Когда они развернулись, на равнине виден был лишь огромный кратер, а в его центре — пятно, которое светилось белым и пузырилось, словно варево в гигантском котле.

Девять гигантских самолетов кружились в воздухе. Затем, в одно мгновение они стали невидимыми. «Солярит» мгновенно бросился прочь со скоростью, которой мог бросить вызов любой машине. Они поднялись как можно выше

над самолетами, откуда Аркот мог наблюдать за ними с помощью радара. Те кружили, ища «Солярит». Крошечная машина была невидима в темноте, и радиодетекторы каксориан в свою очередь не могли лишить ее невидимости. В момент затишья Фуллер задал этот вопрос.

— Уэйд, как получается, что эти корабли могут быть невидимыми, когда их движет сила света, который хранится в них? Они абсолютно прозрачны. Почему же мы не видим свет?

— Они накапливают свет. Он связан и не может вырваться из энергетической клетки. Нельзя увидеть свет, если он не ударяет в ваши глаза. Их сохраненный свет не может достичнуть нас, потому что удерживается специальным полем больших генераторов.

Они очутились над одним из самолетов каксориан. Аркот слышал рев невидимых воздушных винтов.

— Слева, Уэйд! Быстрее! Держи его слева. Ага! — Аркот нажал кнопку.

От «Солярита» оторвалась небольшая банка, одна из тех бомб, которые Аркот подготовил ночью. Крайне сложно было поразить невидимую цель. Товарищи Аркота замерли в ожидании взрыва или вспышки света. Что же это была за бомба, которой Аркот надеялся пробить невероятную броню?

Вдруг они увидели большое пятно света, распространяемое с поразительной быстротой, это пятно закручивалось и переливалось. Оно летело по воздуху на огромной скорости. И давало бледный свет, зеленоватый и призрачный, становящийся то сильнее, то слабее.

На мгновение Мори и остальные пришли в крайнее замешательство. И вдруг Мори расхохотался.

— Ты победил, Аркот! Я ни за что не согласился бы держать с тобой пари! Светящаяся краска — сотни галлонов. Радиевая краска, я полагаю, и никто не способен предотвратить свечение радия. Этот самолет теперь как белая ворона!

Действительно, большое световое пятно сделало гигантский самолет ясно видимым среди серых облаков. Видимый или нет, самолет был помечен.

Тут же Аркот кинулся к другому из больших кораблей, в настоящий момент опасность исходила только от тех из них, которых нельзя было видеть. Но вдруг у него возникла идея.

— Мори, отправляйся в аппаратную и измени дистанцию противометричной защиты на полумилю!

Мори немедленно понял его план и поспешил претворить его план в жизнь.

Светящийся самолет меж тем нырял, дико закручиваясь. «Солярит» вернулся к нему на огромной скорости. Перед ним внезапно замаячила гигантская часть поверхности корабля, который теперь пытался улизнуть вверх, подстегиваемый удивительной мощью. Они разошлись очень близко, и сразу расстояние между ними начало увеличиваться — в этот момент к гигантскому самолету потянулся призрачный луч и лишь на долю секунды коснулся его.

Титаническая энергия разрушения, казалось, сжала корабль в тисках рук какого-то еще более внушительного колосса. Самолет вздрогнул с ужасающим грохотом и ревом раздираемого металла. На мгновение возник звук, напоминающий вой циркулярной пилы, когда гигантские пропеллеры одного из крыльев, разрезали корпус накренившегося корабля. В тот же момент лопнул резервуар для хранения световой энергии. «Солярит» был отброшен взрывом, который, казалось, разрывал сами атомы воздуха, все вокруг них забурлило пламенем — круговоротом жары и света.

В следующее мгновение, все исчезло, как будто ничего и не бывало. И был слышен только отдаленный гул винтов других кораблей. Светящееся пятно исчезло. Краска радия была разрушена единственным возможным способом — она испарилась в атмосфере...

Земляне знали, чего ожидать, и в этот момент даже не смотрели на большой корабль. Но каккориане, естественно, смотрели на него. Они никогда не видели солнца непосредственно, и теперь наблюдали за сиянием сопоставимым с его силой. Они были мгновенно ослеплены. И могли только двигаться прямым курсом в ответ на быстрый приказ командира их эскадрильи.

И в этот краткий момент, что они были не в состоянии наблюдать, Аркот сбросил еще две бомбы, одну за другой. Два ярких пятна появились в черной ночи. Ничего большего не требовалось, чтобы лишить этих самолетов неуязвимости и поразить противника! Тем временем корабли задействовали всю свою мощь и с максимальной скоростью помчались

на запад, спасаясь от крошечного преследователя в единственном направлении, которое было для них открыто.

Но это было бесполезно. «Солярит» мог набирать в два раза большую скорость, чем они, и через мгновение Аркот снова нацелил свою пушку на убегающий корабль.

Из темноты вырвался призрачный луч, а потом «Солярит» успел уйти, увернувшись от ответного залпа. От его прикосновения могучий самолет начал рушиться, раскололась плоскость огромного крыла, а его пушки продолжали стрелять, посыпая удары в соседний самолет и сквозь него! Еще один гигант заорочался и повалился стремительно вниз, в черноту, и последовал очередной сокрушительный удар и сноп могучего света.

Снова и снова «Солярит» находил и уничтожал супер-самолеты каккориан, используя в неравном конфликте преимущества своего крошечного размера и невероятной скорости маневрирования. Но, напоминая находящимся в «Солярите» людям, что расслабляться нельзя, раздался взрыв за ними, и одна из энергетических бомб чудом не задела их! В одно мгновение их кораблик взлетел на максимальной скорости, избежав опасности. Он совершил петлю, каждым своим детектором продолжая нащупывать вражеские корабли. Огромные самолеты разбегались в разные стороны, покидая сцену сражения. Но «Солярит» отстреливал их одного за другим, и скорость суденышка всегда была больше.

Убежали двое. Они выключили бесполезные аппараты невидимости и просто исчезли в ночи.

«Солярит», поддерживаемый вертикальными подъемными устройствами, постепенно замедлил движение. Гул убегающих супер-самолетов был едва слышен и вскоре исчез. Некоторое время щелчки реле и бурчание успокаивающегося генератора оставались единственными звуками на борту.

Уэйд наконец вдохнул.

— Ну, господа, мы разгромили врага, и что нам теперь с делать?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мори.

— Победа. Джек-пот. Имея устройство, которое мы продемонстрировали, в настоящее время по праву завоевателей мы можем захватить целую страну с населением в несколько миллионов человек. С этим устройством мы можем ввергнуть её

в тартарары. Лично у меня такое ощущение, что мы только, что завалили самого большого слона в истории. Знаете, мы не можем просто уйти и оставить его. Он нам не нужен... Нашим друзьям в Соноре он тоже не очень-то нужен, они просто хотели, чтобы как сориане отвязались от них. Как я уже сказал, мы добились этого. И что нам теперь с этим делать?

— Это все-таки их проблема, не так ли? — выступил Фуллер.

Мори выглядел несколько удивленным и сбитым с толку.

— Я даже не рассматривал такой аспект. Меня как-то больше занимало желание остаться в живых.

Уэйд покачал головой.

— Послушай, Фуллер, это и прежде была их проблема, верно? Как они себя вели? Если просто оставить их в покое, то, как ты думаешь, до чего они доведут эту проблему в следующий раз?

— Бог с ними, — вздохнул Аркот. — Я устал. Давайте для начала немного поспим.

— Да, это определенно имеет смысл, — согласился Уэйд. — Утро вечера мудренее. Но ложиться спать сейчас... это совсем не то, что сделали бы сонориане... Может быть, я покажусь бесцеремонным, но я бы сказал, что мы — избраны. У каксorianan существует неслабая двухтысячелетняя ненависть к Сонору, который в свою очередь игнорировал их, и считал недостойными для диалога. В настоящее время Сонориане несомненно проявят со своей стороны чувство мстительности. В этот раз они выиграли благодаря счастливой случайности — нашему появлению. Я просто не вижу, как эти два народа соберутся для того, чтобы добиться разумного, долгосрочного и добрососедского отношения к взаимовыгодному сотрудничеству!

Аркот и Мори устало кивнули.

— Это горькая правда, — согласился Мори. — И ты прав, ни один из нас не уснет, пока у нас не возникнет хоть какая-то идея по поводу распоряжения поверженным слоном. Кто-нибудь желает высказаться?

Фуллер посмотрел на троих друзей.

— Знаете, когда два несовместимых материала должны быть объединены в одну конструкцию, приходится использовать для скрепления третий материал, который совместим с обоими... Сонор не выиграл эту войну. Каксor тем более. Это

сделала Земля, в образе «Солярита». Земля, которая сохраняет трезвость восприятия, никем не разрушенная и никого не намеренная игнорировать... Сонориане хотят, чтобы их оставили в покое, но это не сработает, и они должны это понимать... Думаю, если мы создадим на этой земле Союз Объединенных наций, то это будет самый верный способ распорядиться нашим обременительным имуществом.. Сонор повторит свою ошибку, если будет сознательно игнорировать очень интеллектуальную и изощренную гонку за первенство. Это не тот способ, судя по их истории, да и по нашей тоже.

Четверо межпланетных путешественников посмотрели друг на друга и пришли к согласию.

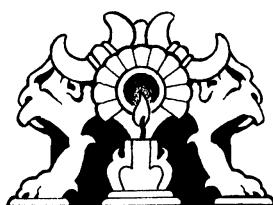
— Ну, а теперь мы можем и поспать, — заключил Мори. — Я свяжусь с Сонором и скажу им, что битва закончена, таким образом они тоже смогут немного отдохнуть.

Очевидно, что в обеих странах необходимо будет создать группу мощных исследовательских центров. У Земли есть все основания уважать сонориан за их развитые естественные науки, точно так же как какториан за их совершенную светотехнику. Да и Земля, как мы только что продемонстрировали, имеет свою собственную развитую науку. Очевидно, что только взаимодействие всех трех цивилизаций принесет пользу для всех и приведет к устраниению той бреши, которая существует сейчас.

Аркот от души зевнул.

— Я ставлю автопилот на скорость в двадцать миль и собираюсь хорошенько отоспаться. Так или иначе, у нас впереди почти месяц, так почему бы не отдохнуть этой ночью.

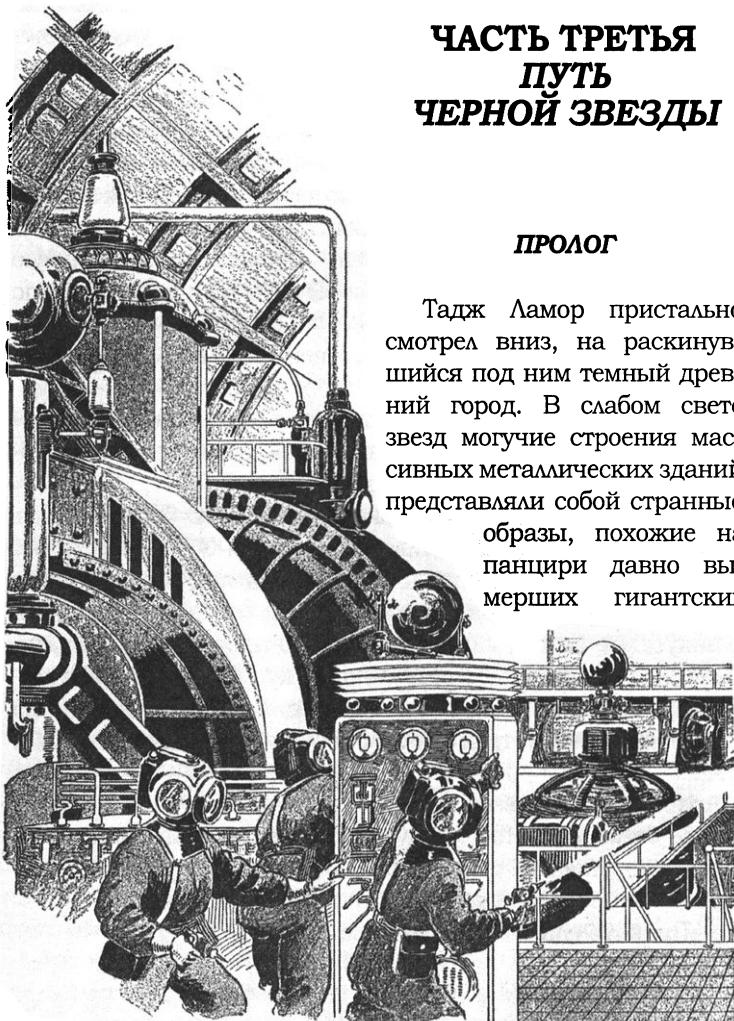
— Принято единогласно, — рассмеялся Уэйд.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ПУТЬ ЧЕРНОЙ ЗВЕЗДЫ

ПРОЛОГ

Тадж Ламор пристально смотрел вниз, на раскинувшийся под ним темный древний город. В слабом свете звезд могучие строения массивных металлических зданий представляли собой странные образы, похожие на панцири давно вымерших гигантских



ракообразных. Тадж Ламор медленно повернул взгляд, внимательно разглядывая большую площадь, где, выстроившись длинными рядами, застыли изящные, но все же могучие корабли. Задумчиво уставился он на них.

Тадж Ламор был не человеком, хотя — гуманоидом, Земля никогда не видела существ подобных ему. При росте в семь футов его сочли бы уродливым по земным стандартам; особенно

противно выглядела его странная белая голая плоть, похожая на сырое тесто, казавшаяся полупрозрачной. Его глаза казались непропорционально большими, а черные кружки зрачков являли невероятный контраст с белками его глаз. Тем не менее, возможно, его раса больше заслуживала звания существа разумного, чем любой из землян, ибо разум его скрывал в себе память бесчисленных эпох. Он повернулся к другому человеку,



вместе с ним из тускло освещенной комнаты на вершине цилиндрической башни обозревавшему темный метрополис.

Этот человек был в сединах и намного старше, чем Тадж Ламор, его узкие плечи естественным образом согнулись под тяжестью лет. На нем был единственный предмет одежды из обтягивающего черного пластика, выдающий его как одного из Старейшин.

Голос Тадж Ламора прозвучал с ярким чувством:

— Тордос Гар, наконец-то мы готовы искать новое солнце. Жизнь для нашей расы!

Скромная, снисходительная и спокойная улыбка появилась на лице старца, его тяжелые веки, прикрывающие огромные глаза, сомкнулись.

— Да, но какой ценой мы пришли к этому решению! — ответил он печально, — Раздора, беспорядков, пробуждения противоположных желаний — ужасная цена, чтобы платить за сомнительную выгоду. Слишком большая цена, мне кажется.

Он открыл глаза и поднял тонкую руку, предугадывая протест молодого человека:

— Я знаю. Знаю... В этом мы не сходимся. Тем не менее, возможно, однажды ты поймешь меня... поймешь, что покой лучше, чем бесконечная борьба. Даже звезды и планеты умирают. Почему раса разумных существ должна стремиться избежать неизбежного?

Тордос Гар медленно отвернулся и уставился в ночное небо.

Тадж Ламор справился с нетерпением, заставил себя промолчать, и вздохнул, так и не ответив. Именно такое отношение делало его задачу особенно трудной. Упадок. Закончилась многовековая гонка философского и научного развития, поднявшего его цивилизацию до невероятных высот. Их последний внешний враг был побежден тысячи лет назад; но через постепенно накатывающее забвение и отсутствие распрай, умерли все стремления. Риск и отвага утратили смысл. Странным казалось, что в течение последнего столетия только несколько людей ощущали побуждения к казалось бы похороненным навсегда эмоциям, жажду устремлений к новому и приключениям. К ним как будто вернулся зов тех предков, наука которых создала их мир. Эти люди, малая горстка, быстро нашли друг друга — само невероятное брожение в душах помогло сделать это, и Тадж Ламор стал их лидером. Они развернули настоящую борьбу с инерцией медленного, но все возрастающего распада, начали поиск потерянных тайн науки, накопленных за сотни миллионов лет...

Тадж Ламор поднял взгляд. Над щербатой линией горизонта в совершенно прозрачной сфере их неба сверкало пылающее пятнышко желтого огня. Звезда — самый яркий объект в небе, светило которого утратило свою силу, сияющая точка, которая давала последнюю надежду невероятно древней расе. Тихий голос Тордоса Гара зазвучал в полураке комнаты, задумчивый, притягивающий своими тонами.

— Ты, Тадж Ламор, и все те молодые люди, которые присоединились к тебе в этой бесполезной экспедиции, не способны

заглянуть глубже. Вы смотрите на проблему слишком узко. Вам не хватает перспективы. В силу своей молодости вы не можете думать в космических масштабах.

Он сделал паузу, как будто погрузившись в мысли, а когда продолжил, могло показаться, что старец говорит сам с собой:

— В далеком прошлом пятнадцать планет кружились вокруг небольшого красного солнца. Это были мертвые миры, вернее, миры, которые не породили жизни. Возможно, миллионы лет прошли, прежде чем на трех из них возникли зарядки жизни. Затем прошло еще сто миллионов лет, и первые ползающие сгустки протоплазмы стали предками животных и растений, начав бесконечную борьбу за выживание. Прошли еще миллионы лет, и появилось существо, которое медленно стало обретать господство над прочими формами жизни, которые боролись меж собой за теплоту лучей горячего красного солнца... Это солнце было старым. Если подсчитать его возраст, то он сложится из многих, многих миллионов лет, прошедших, прежде чем рождены были его планеты, и прежде чем они остывли, и еще много времени прошло, пока эры сменяли друг друга, прежде чем появилась жизнь. И теперь, когда она наконец-то медленно начала пробиваться, солнце уже почти прогорело. Животные боролись за право купаться в его щедрых лучах, поскольку тысячелетия должны были пройти, чтобы сколько-то заметными стали изменения в его живительном излучении... Наконец, одно животное обрело разум. Наша раса. Но, хотя теперь стал властвовать один вид, никакого мира не предвиделось. Эпохи шли за эпохами, а полу-варварские народы воевали меж собой. Но сражаясь, они учились... Они сменили пещеры на строения из древесины и камня — это было только начало. Появилась промышленность, а вместе с ней небольшие химические машины для уничтожения. Боевая техника тоже развивалась. Появились первые летающие машины, которые использовали неуклюжие неэффективные двигатели. Химические двигатели! Такие грубые, что за ними тянулись ручьи их топлива. Они использовали всего лишь мизерную часть из тех сотен тысяч миллионов единиц энергии, которая предназначалась для работы двигателей, и они тратили топливо в таких огромных количествах, что приходилось цеплять гигантские баки,

что просто оторваться от земли! Войны продолжали распространяться по всему миру. После пришли другие машины и другие принципы. Разные ученые стремились заглянуть за горизонт и найти обширные запасы природной энергии, энергии материи... Через долгий помежуток времени — спустя несколько тысяч лет — они смогли создать машину, которая смогла пробиться сквозь космическую пустоту к другой планете! И расы трех обитаемых планет стали как одна — и снова не было никакого мира... Наука работала на себя, все быстрее выстраивая собственное здание, как растущий кристалл, зародыш которого, едва появившись, начинает неудержимый рост... В то время как наука начала стремительно развиваться, произошли другие изменения, в самом нашем мире. Десять миллионов лет прошли, прежде чем произошло первое из этих изменений, но очень важное... Медленно и неотвратимо наша атмосфера утекала в космос. Это стало очевидно постепенно, через века. Наши миры теряли свой воздух и воду. Одна планета, находившаяся в менее благоприятном положении, чем другие, боролась за жизнь, и сам космос пытал от войн за выживание... Снова наука помогла нам. За тысячу лет люди научились превращать массу материи в энергию, но теперь, наконец, был решен и обратный процесс — наши предки научились преобразовывать энергию в материю, в любой вид материи, какой они желали. Люди резали скалы и превращали их в энергию, а затем энергию — в воздух и воду, в необходимые металлы. Их планеты смогли вдохнуть новую жизнь!.. Но идея не могла продолжаться вечно. Они должны были остановить потерю воздуха. Процесс, который они разработали для преобразования материи, привел к новому таланту. Созидание! Теперь они были в состоянии получить новые элементы, элементы, которых никогда не существовало в природе! Они проектировали атомы, как прежде их отцы учились создавать молекулы. Наконец, их проблема была решена. Они создали новую форму материи, которая была прозрачнее, чем любой кристалл, и в то же время крепче и тверже любого из известных металлов. Так как вещества совершенно свободно пропускало лучи солнца, люди смогли теперь создать крыши над своими мирами и защитить их атмосферы от всяческих потерь!.. Это была задача, которую нельзя было выполнить ни за год, ни за десять лет, но время

предоставляло им неограниченные возможности. Одна за другой, три населенные планеты закрылись огромными куполами. Только их обширные возможности и могучие машины сделали эту задачу осуществимой, и она была решена.

Гудящий голос Тордоса Гара умолк. Тадж Ламор, слушал его, испытывая что-то вроде иронии и нетерпения к подробному описанию истории, которую он знал не хуже своего престарелого говорливого собеседника, но терпеливо ждал из врожденного уважения, с которым каждый человек относился к Старейшинам. Наконец он воскликнул:

— Но я не вижу никакой связи.

— Она появится, когда я закончу, по крайней мере, я надеюсь, что ты поймешь, — произнес Тордос Гар с мягким упреком. Затем спокойно продолжил: — Медленно века сменяли друг друга, и каждый был отмечен все большими и большими достижениями в науке. Но снова и снова продолжались войны. Мир продолжать быть разделенным, и все пространство на миллиарды миль превратилось в гигантский котел сверкающей энергии, в которой барражировали гигантские армады космических кораблей, они кружились и плавились в водовороте огня, подобно ингредиентам невероятного космического варева. Такие силы были выкачаны с трех планет, что даже их орбиты готовы были измениться, а само пространство раздирала ужасная буря энергий... Рано или поздно снова наступал мир, временный мир. Несколько кратких столетий или тысячелетий, и снова пылали войны. Они грозили все уничтожить, но жизнь продолжалась... Постепенно в эту борьбу закрался новый фактор, сгущающаяся темнота — изменение, которое наступало так медленно, что только из отчетов, сделанных за тысячи лет, можно было понять это. Наше солнце изменилось от ярко красного до насыщенного темно-малинового оттенка, и давало все меньше и меньше тепла. Оно ослабевало!.. Когда огонь жизни начал угасать, люди трех миров впервые объединились перед общей угрозой погибнуть от космического холода. Впрочем, не было никакой потребности в спешке. Солнце умирало медленно. Наши предки разработали план и следовали ему. Пятнадцать планет спрятались под оболочки из кристалла. Там, где не было атмосферы, ее создали. Были построены гигантские атомные печи — сжигая материю,

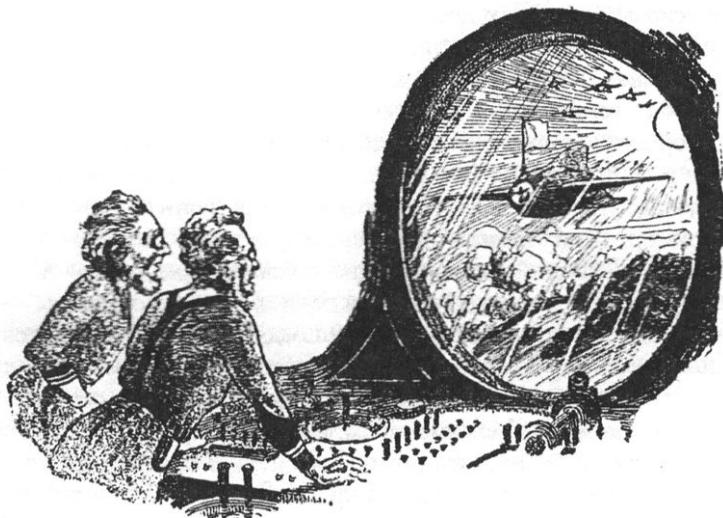
они решили часть вопроса, согревая миры! Наконец, было достигнуто состояние стабильности, и не было страха перед изменением условий — так казалось. В борьбе с Великим Изменением произошло еще одно преобразование, казавшееся незаметным и почти невероятным. Мы научились ладить друг с другом. Мы научились думать и наслаждаться этим. Как вид, мы прошли путь от юности к зрелости. Движение не останавливалось, мы продолжали неуклонный путь к цели всеобщего знания. Сначала возникла надежда, что мы могли бы однажды, каким-либо образом сбежать их этих темных, искусственных миров, но с течением столетий эта идея постепенно угасала и в конечном итоге была забыта...Прошли тысячетия, большая часть древнего знания была так же забыта. В нем не было необходимости, не было больше борьбы и никакого повода к раздорам. Жизнь в пятнадцати мирах была теплой, приятной и безопасной. Полностью не осознавая этого, мы вошли в период покоя. И так миновали века: мы пользовались музеями, библиотеками и лабораториями, а машины наших предков делали всю необходимую работу. Так все это было — еще менее чем поколение назад. Наша долгая жизнь казалась приятной, а смерть, когда она приходила, была сном. И вот...

— И вот, некоторые из нас пробудились от всеобщего оцепенения, — прервал его Тадж Ламор и в голосе его слышалось нетрение и волнение.

Старец покорно вздохнул.

— Вы не умеете видеть... Вы не умеете видеть. Вы продолжали бы эту борьбу снова и снова! — его голос напоминал Тадж Ламору старческое брюзжание, на которое молодой человек не обращал внимания. Его глаза и мысли были сосредоточены на той искрящейся желтой звезде, которая казалась самым ярким объектом на небе. Именно эта звезда, заметно более яркая в течение нескольких столетий, и вырвала нескольких человек из их ментальной дремоты.

Они расправили плечи, эти люди, имевшие божественный дар жажды поисков. Он побуждал их к знаниям, заставил отряхнуть пыль с музеиных экспонатов и древних записей, чтобы воссоздать телектроскоп, мощную машину, с помощью электричества позволяющую заглянуть в далекие



миры. Они увидели большое солнце, которое, казалось, заполняло все поле зрения аппарата своим пылающим огнем. Завидное солнце! Дальнейшее наблюдение показало, что вокруг него кружилось несколько планет — пять с точной вероятностью, две с заметно меньшей, и возможно, еще две.

Тадж Ламор входил в эту группу молодых людей, которым тогда было едва ли за сорок. Они назначили его лидером, и все последовали его примеру, как только он приступил к изучению древних знаний по астрономии.

Много часов он потратил на изучение древних работ. А сколько раз подступали времена отчаяния, в моменты казавшейся недоступности скрытых истин. И тогда он выходил на крышу музея, где стоял, полон раздумий, глядя сквозь ужасающую пустоту на зовущее пламя желтой звезды!

Затем он спокойно возвращался к прерванному самообучению.

С ним, как с учителем, учились и другие, и прежде чем Тадж Ламору исполнилось семьдесят, появились первые люди, которые могли назвать себя истинными учеными, астрономами. Еще оставалось многое, чего эти люди не могли понять, поскольку науку миллионов столетий невозможно было постичь

за несколько кратких десятилетий, но они освоили огромное количество забытых знаний.

Они знали, что там, в космосе, есть молодое, живое солнце, и что оно ускоряется в движении к ним. С учетом сложения их скоростей, общая скорость сближения равнялась более чем сотне миль в секунду. Они узнали, что планет у этой звезды не семь, а девять. Были и другие факты, которые они обнаружили. Например, что их звезда никогда не имела таких размеров, как это новое солнце. Оно было намного больше среднего — и по размером, и по яркости. Там были планеты и жаркое солнце — дом! Могли ли они добраться туда? Когда их предки пытались решить проблему спасения, они сосредоточили свою работу над проблемой движения со скоростями большими, чем скорость света. Это казалось невозможным, но то, что предки пытались решить эту проблему, их потомки посчитали прямым доказательством, что это возможно, по крайней мере, в теории. В отдаленном прошлом они нуждались в скоростях, превышающих скорость света, ибо световые годы; мешали их путешествию. Но теперь само солнце двигалось к ним, и уже находилось на расстоянии менее двухсот пятидесяти миллиардов миль!

Приблизительно через семьдесят лет они пройдут мимо этой звезды. Это займет едва ли больше, чем треть жизни человека. Они в космосе с постижимыми скоростями, но уже сейчас нужно было начинать готовиться к переселению! Мгновенный призыв к действию встретил потрясающее сопротивление. Никто не мог понять: зачем переселяться? В то время как одни из них отдавали себя на то, чтобы помочь пробуждению людей, другие начали осуществлять работу, которая не делалась в течение долгого, долгого времени. Вновь открыты были лаборатории, и снова загудели мастерские. Но создавали там новые проекты, а не просто копировали старые. Исследования шли по нескольким направлениям: поиск оружия, которым можно было бы защитить себя в случае нападения, и изучение основных принципов, лежащих в основе функционирования космических кораблей. У них было множество машин, которым они могли бы подражать, но они не понимали, как те работают. Эти поиски успешно продвигались вперед. Третья задача была более сложной. Работавшие в этой группе искали секреты машин предков, которые позволили бы менять орбиты

планет, чтобы двигать миры куда угодно. «Беглецам» хотелось использовать возможность не только своих космических кораблей, но и перемещать планеты, когда они смогут обосноваться в той далекой солнечной системе. Но поиски этого секрета успехом не увенчались. Тайна космических кораблей была разгадана легко, и Тадж Ламор с этим знанием теперь мог сам проектировать могучие межпланетные суда. Была решена задача с оружием: они нашли и разобрались в устройстве одного из самых смертоносных, какие когда-либо были изобретены их предками. Но единственный секрет, в котором они были больше всего заинтересованы, тайна могучих сил, заставляющих изменять курс движения планет в пространстве, был потерян. И они никак не могли найти его. Они знали принципы устройства носителей своих кораблей и, казалось бы, могли решить вопрос, превратив планету в корабль, но они понимали, что это нереально. Необходимая огромная энергия могла бы быть получена с помощью аппаратов-носителей, но не было никакой возможности применить их, направив их мощь на целую планету. Если установить их в каком-либо определенном месте, планета будет разорвана на куски невероятным напряжением. Люди должны распределить эту силу по всей поверхности планеты. В этом и заключалась одна из проблем. Вращение планеты делало невозможным использование группы аппаратов, даже если бы удалось их закрепить на поверхности. И, опять же, сама масштабность задачи делала ее невыполнимой.

Тадж Ламор снова пристально смотрел на большие корабли, находящиеся под ним внизу. Своими могучими громадами они затмевали даже великие здания. Тем не менее, эти корабли были его детищами — он знал их тайны и спроектировал их, — а теперь ему предстояло взять этот флот под свое командование, как только они отправятся через пространство к далекой звезде. Он резко повернулся к Старейшине, Тордосу Гару.

— Скоро мы отправляемся, — сказал он, слегка дрожащим от торжественности голосом. — Мы докажем, что за нами — правда.

Старик покачал головой.

— Вы поймете... — начал было он, но Тадж Ламор не желал его слушать.

Он повернулся, направился к выходу и сел в маленький торпедообразный катер, который стоял, поджиная его, на металлической крыше. Через мгновение маленький катер приподнялся, а затем с края крыши плавно скользнул вниз — прямо к самому большому кораблю из стоявшего внизу флота. Это был флагман. Диаметром более ста футов и длиной в милю с четвертью — его сверкающий металлический корпус возвышался более чем на триста футов выше построившихся в ряд кораблей.

Это была разведывательная экспедиция. Они были готовы столкнуться с любыми условиями чужих планет — с отсутствием атмосферы, воды, тепла, или даже с атмосферой из ядовитых газов — это они могли исправить с помощью своих преобразующих аппаратов, позволяющих модифицировать любые газы. Теперь они умели создавать тепло, но знали, что чужое солнце согревает свои планеты достаточно для их целей.

Тадж Ламор направил свой небольшой катер к огромному шлюзу на корпусе межзвездного корабля и мягко опустился на пандус. Один из астронавтов шагнул вперед, открывая люк для командующего, воодушевленно приветствуя его. Затем катер был убран, чтобы занять место среди тысяч других подобных ему катеров. Каждый из них предназначался для индивидуального исследователя — люди смогут использовать их, как только достигнут тех далеких миров. Тадж Ламор прошел до входа в большую металлическую трубу, которая насквозь пронизывала огромный корабль. Открыв дверь, он сел в другой маленький катер, который помчал его, едва люк за ним закрылся с низким шипением выходящего воздуха. Катер пролетел по трубе, затем мягко затормозил и остановился напротив еще одной двери. Снова раздалось шипение газа, двойные стенки открылись, и Тадж Ламор вошел в носовую часть крейсера. Тотчас внешние и внутренние двери закрылись, оставив катер стоять на месте, дожидаясь, когда кто-нибудь снова захочет воспользоваться им. На таком длинном корабле требовалась более быстрые средства доставки, нежели обычные трапы, и таким решением стала внутренняя пневматическая транспортная система. Когда Тадж Ламор ступил в зал, собравшиеся там люди, только что громко говорившие меж собой, мгновенно вытянулись

в струнку. После исчезновения армий предков, члены экспедиции были обучены строгой дисциплине. Несмотря на то, что их фактическим командиром был другой человек, Корнал Сорул, все же Тадж Ламор оставался их техническим руководителем и номинальным главнокомандующим, поэтому при его появлении все астронавты отдавали ему чаесть, согласно уставу.

Тадж Ламор прошел в штабную рубку, располагавшуюся в носу большого корабля. Прямо над ней находилась другая рубка, со всех сторон окруженная прозрачным как стекло материалом — кабина управления. Здесь находился пилот, которому предстояло вывести летающий корабль в космос. Тадж Ламор нажал на маленьющую кнопку на своем столе, и в миг перед ним возник тусклый серый диск, вскоре засветившийся естественными натуральными цветами. Как будто глядя через стеклянный иллюминатор, Тадж Ламор видел обстановку рубки связи. Специалист по коммуникациям смотрел в аналогичный диск, в котором видел Тадж Ламора.

— Есть сообщения от Омура, Лорсанда, Тролуса и Морлас Тара? — спросил командир.

— Только что получили, Тадж Ламор, и мы будем готовы в течение двух с половиной минут. План прежний? Мы должны взять курс на желтую звезду, с пересечением в точке 71?

— План остается прежним. Начинайте, как только будете готовы.

Диск погас, цвета потухли, и он стал снова серым. Тадж Ламор сдвинул еще один небольшой рычаг на панели перед собой, и диск снова изменился: засветился, устанавливая связь. Теперь Амор наблюдал приготовления к отправке, словно собственными глазами ведя наблюдение с вершины большого корабля. Строгими колоннами люди стекались в стоявшие рядом суда. Прошло совсем немного времени, все зашли внутрь, и огромные люки закрылись. Вдруг из диска раздался низкий, тягучий звук, быстро подхваченный, пока все вокруг не загудело в одной заунывной ноте. Предупреждение! Казалось, город вокруг погрузился в бушующее разноцветье пламени! Величественные башни огромных металлических зданий отбрасывали от своих полированных поверхностей яркие отблески, превратившиеся в миллионы огней, сверкающих всеми цветами

радуги и вспыхивающие по всему городу — они отражались от небольших машин в воздухе, от земли, от окон, преимущественно же от металлических стен, облитых потоками света. Весь корпус могучего корабля на краткое мгновение пронизала дрожь, затем она тут же исчезла, и титаническая масса металла быстро и гладко заскользила к необъятной крыше мира. Ровно поднявшись вверх, корабль устремился вперед, подобно хищной птице, увидевшей свою жертву. Земля стремительно полетела вниз, а за флагманом в линию начали выстраиваться остальные корабли, каждый быстро находил свое положение в едином строю. Они направлялись в сторону гигантского воздушного шлюза, который должен был выпустить их в космос. Только один шлюз планеты имел достаточный размер, чтобы пропустить огромные корабли; им предстояло обогнуть пол планеты, чтобы достичь его.

Были еще три мира, и другие космические корабли, точно так же мчались вперед, чтобы покинуть свои планеты и встретиться за пределами их солнечной системы. От каждой планеты пятьдесят судов — двести огромных кораблей составляли эту Космическую Армаду, две сотни гигантских межзвездных крейсеров.

Один за другим огромные корабли вырывались через шлюз в космос. Здесь они быстро перегруппировались в конусообразный строй во главе с флагманским кораблем Тадж Ламора. В пространстве скорость их все возрастала. Внезапно, казалось, из пустоты, вынырнула другая масса сверкающих кораблей, похожих на сияющие призраки, материализовавшиеся из ничего, они немедленно заняли положение позади лидирующей группы флагмана. Еще один, затем второй флоты появились точно таким же образом, внезапно, из темноты, и все вместе корабли помчались через пространство к своей цели, толкаемые светящимися языками пламени!..

Час за часом, день за днем, корабли пронизывали ужасающую пустоту космоса. Они двигались в полном безмолвии, набиравшем силу по мере того, как ослабевала связь с удаляющимися родными планетами. Но по мере того как слабели сигналы из дома, звезда впереди становилась все крупнее. Наконец, люди смогли почувствовать тепло его лучей, чтобы понять, какую энергию изливали в космос его могучие языки

пламени. Теперь оно увеличивалось еще быстрее.

Наконец, наступил день, когда они смогли ясно разглядеть крупную планету, перед ними, и началось торможение, затянувшееся на несколько долгих часов. Межзвездные путешественники составили карту увиденной системы. В ней было девять планет разных размеров, отстоящих по разные стороны от звезды. На ближней к ним стороне находились три планеты. Самая внешняя, приблизительно 35000 миль в диаметре, располагалась прямо по их курсу, в то же время как две другие планеты находились гораздо ближе к солнцу, приблизительно в 100 миллионах и в 70 миллионах миль от него. Каждая планета была ориентировано семь-восемь тысяч миль в диаметре. Эти две планеты, вторая и третья в планетарной системе, казались наиболее предпочтительными. Было принято решение разделить экспедицию на две части. Одна должна была направиться к планете номер два, вторая — к третьей. Тадж Ламор должен был возглавить именно эту группу, поведя к третьей планете эскадру из ста кораблей.

В очень короткое время они приблизились к тому, что изначально показалось им огромным шаром воды. Они находились над северным полушарием, и подошли к планете как раз над поверхностью ее обширного океана. Люди с удивлением смотрели на бескрайние водные просторы. Для них вода была драгоценным веществом, которое создавалось искусственно, и ее приходилось тщательно беречь. Здесь же они увидели такое количество воды, что существование подобного объема жидкостиказалось невозможным. Тем не менее, древние книги рассказывали о подобном, и о других вещах, которые должны поражать своей красотой, хотя записи обо всем этом были настолько устаревшими, что их считали скорее мифами. Сейчас же, путешественники видели перед собой удивительные доказательства существования невозможного! Они наблюдали огромные массы водяного пара, клубившиеся формы которого издали казались осияемыми и двигались по велению ветра. А естественная, пригодная для дыхания атмосфера! Она простиралась на сотни миль в космос, и теперь, когда межзвездные корабли подошли ближе к поверхности этого мира, казалась плотной,

а небо над ними было синим, совсем не черным, даже там, где еще светились звезды. Великое солнце, так ярко сверкающее, если смотреть из космоса, теперь пылало красновато-желтыми оттенками.

Оказавшись перед материком, Тадж Ламори его спутники в изумлении увидели величественные массы горных кряжей, взметнувших мохнатые шапки высоко над окружающим ландшафтом. Когда межзвездные корабли пролетали над ними, их поверхность заколыхалась от движения воздуха так же как волны над океаном, и простиралась она на мили вокруг! Какое необычное зрелище для людей из мира настолько старого, что беспощадная эрозия давно уничтожила все последние следы гор и стерла их, заполнив все долины! В страхе они смотрели на гигантские горные массивы, двигаясь над их вершинами, в изумлении рассматривая зеленые массы странной растительности равнин; действительно странной, поскольку все бесконечные века Тадж Ламор и его соплеменники выращивали только грибообразную клеточную поросль, служившую в основном для украшения, еда же синтезировалась на огромных фабриках.

Затем межзвездные путешественники увидели небольшое горное озеро, водоем, едва ли превышающий размером один из их огромных кораблей. Озеро находилось высоко в горах, питаемый тающими вечными снегами — великолепный сапфир в оправе зелени, подобной изумруду, — прячущееся в расселине гор сверкающее озеро чистой воды, глубокой как море. В удивлении люди любовались красотами природы. Какой изумительный дом!

Путь гигантских летающих машин продолжался — в конце концов, перевалив очередной хребет они достигли отрогов огромных гор, очутились на краю большой равнины. И эта равнина оказалась странно рассеченной на клетки, такие ровные и правильные, как будто выведенны чертежником. Этот мир, оказался населен разумными существами!

Внезапно Тадж Ламор увидел странные пятнышки далеко на горизонте к югу; пятнышки эти, казалось, вырастали с потрясающей скоростью. Это могли быть летающие корабли, корабли того народа, который поспешил встать на защиту своего дома. Необычно бледное лицо Тадж Ламора

напряглось от мрачной необходимости принять решение. Наступил момент, который он предвидел и которого боялся. Должен ли он отозвать экспедицию и оставить этот народ в покое, или же он обязан остаться и бороться за этот мир, за этот удивительно красивый дом — дом, где его раса сможет жить в течение миллионов последующих лет? Он множество раз обсуждал сам с собой этот вопрос и пришел к выводу, что у него никогда не будет другого шанса найти новое пристанище для своих соплеменников. Они должны бороться.

Он быстро отдавал приказания. Если это силы сопротивления, то при нападении необходимо сразу дать отпор всем оружием, имеющимся в их распоряжении. Корабли чужаков стремительно вырастали на глазах. Но даже оказавшись рядом они казались слишком малыми, чтобы представлять опасность. Гигантские межзвездные крейсеры были, конечно, неуязвимы для судов настолько незначительных. Сам размер давал им преимущество — кораблики аборигенов, все вместе взятые могли бы разместиться в попечнике самого меньшего из межзвездных кораблей, имевшего двести пятьдесят футов в длину.

Межзвездные крейсеры замерли в ожидании мелких кораблей. Те двигались быстро, единым строем, направляясь к застывшему перед ними флагману. Среди них был один кораблик, окрашенный в белый цвет. Такого же цвета был большой флаг, прикрепленный к нему и трепещущий на ветру. Остальная часть корабликов снизила скорость, и белый летающий аппарат выдвинулся вперед и остановился, зависнув напротив рубки управления гигантской машины. Видны были люди внутри этого кораблика — трое странных мужчин, короткорослых и со странно розовой кожей. Они жестикутировали, показывая, чтобы гигантская машина села на землю. Тадж Ламор раздумывал, следует ли вести переговоры с незнакомцами, как вдруг от белого суденышка внезапно вырвался пучок яркого белого луча, который был направлен к земле, а затем вдруг по быстрой дуге взметнулся к огромному крейсеру! Тут же, десяток лучей бледно-красного оттенка вырвались от гиганта и хлынули на карликовый корабль. Когда они ударили его, белый луч тут же исчез, а маленький кораблик завертелся, как обезумевший волчок, и был отброшен на равнину, на расстояние

почти пять миль. Там где он упал, полыхнуло и остался лишь небольшой кратер в мягком грунте. Но красные лучи на этом не останавливались. Они метнулись к другим кораблям, пытаясь добраться до них прежде, чем те могли задействовать свои белые лучи. Никто в межзвездных крейсерах не сомневался, что они должны победить, поскольку каждый из кораблей нес на себе десятки излучателей. Если они промедлят, то будут разбиты. Они должны победить чужаков как можно быстрее. Команда корабля Тадж Ламора действовала молниеносно, но в бой вступили и все остальные крейсера, вся сотня, позволив флагману подняться над полем битвы. Бледно-красные лучи под ним один за другим уничтожили несколько маленьких кораблей, почти двадцать из них отлетели в сторону и разбились, рухнув на поверхность планеты. Остальные маленькие кораблики перешли в стремительное наступление. Из-за небольшого размера им удавалось избегать лучей больших межзвездных кораблей, и поскольку их торпедообразные корпуса перемещались с ошеломляющей скоростью, они попытались нанести ответный удар. Несмотря на то, что в первый момент защитники планеты были захвачены врасплох, теперь они набросились на врага с яростью и стремительностью, отобрав инициативу у межзвездных гигантов. Крохи находились в дюжине мест одновременно, изворачиваясь и ускользая целыми и невредимыми из паутины смертельных красных лучей, и попасть в них было так же трудно, как в рой пляшущих в воздушных потоках перьев.

Сколько ловкими их пилоты были в маневрах уклонения, столь же точными они были, отвечая огнем. Но, впрочем, тут и не нужно было особого мастерства, учитывая огромные размеры целей. Этими мелкими кораблями управляли экипажи землян. Люди темной звезды вошли в солнечную систему без предупреждения, но их заметили с корабля, проходившего мимо орбиты Марса и направлявшегося к Нептуну — большие межзвездные крейсеры, мчащиеся через пространство далеко от этой холодной планеты. Крошечному страннику удалось остаться незамеченным. Увидев гигантскую флотилию, его экипаж отправил предупреждающий сигнал людям Земли. Те, в свою очередь, направили его на Венеру, и чужие корабли, которые полетели туда, получили столь же теплый прием стол-

кнувшись с Межпланетным Патрулем. Сражение закончилось так же быстро, как и началось. Тадж Ламор в своем корабле, находившемся над схваткой, понял, что бой может быть проигран, и приказал отступать. Всего за десять минут они потеряли двадцать два гигантских корабля.

Экспедиция, которая ушла к Венере, сообщила о точно такой же яростной встрече. Было решено, что они с осторожностью должны двигаться к другим планетам, чтобы понять, какие из них населены, а какие нет, и определить химические и физические условия на каждой из них. Флотилия снова встретилась в космосе, с другой стороны Солнца, и начала свою экспедицию с Меркурия. Их путешествие было завершено без дальнейших злоключений, после чего они направились обратно к своему далекому дому, потеряв в итоге сорок один корабль, включая те девятнадцать, что были уничтожены на Венере.

ГЛАВА 1

Правительства Земли и Венеры собрали конференцию — последовало сухое деловое обсуждение, не требующее лишних слов. Со всей очевидностью стало ясно, что предстоит война цивилизаций, война в масштабах неслыханных прежде в обоих мирах. Тут же было составлено соглашение между Землей и Венерой и намечены цели для согласованных действий. Необходимо было построить флот новых и значительно более мощных кораблей, но прежде правительства должны были получить полный отчет об устройстве огромных кораблей, упавших в западной части Канады и на Венере. Только так можно было обратить чужие секреты в свою пользу. На конференцию позвали ученых, чья работа сделала возможным успешное сопротивление мародерам: Аркота, Мори и Уэйда. Их нашли за работой в лабораториях Аркота.

— Уэйд, найди Мори и сообщи ему, что я жду вас обоих в машине на крыше. — напряженно произнес Аркот, когда отключил телефон. — Это был звонок из Вашингтона. Я все объясню, как только вы появитесь там.

На крыше Аркот открыл двери ангары и сел в пятиместный катер с молекулярными двигателями. Гладкие, обтекаемые

формы летающей машины говорили о её мощности и скорости. Это была особая исследовательская модель, разработанная для их экспериментов и приводимая в действие механизмами, еще не использующимися в коммерческих масштабах. Среди прочего на борту была установлена автоматика, все еще находящаяся на стадии лабораторных исследований, но позволяющая обеспечивать такую высокую скорость и точность реакций управления судном, какой не обладал ни один человек.

На путешествие длиной 5000 миль из Нью-Йорка к полю битвы в Канаде, троим ученым потребовалось чуть меньше чем четверть часа. Как только они взмыли вверх, Аркот рассказал, что произошло. Оказавшись на месте сражения, они приземлились рядом с одним из огромных кораблей, которые лежали на земле, наполовину зарывшись в землю. Сила удара вспорола грунт, расплескав твердую как камень почву будто мягкую грязь. Вокруг корабля возвышался массивный вал земли. Аркот оценил титанические пропорции пришельца из космоса и повернулся к своим друзьям:

— Мы можем исследовать эту груду пешком, но я думаю, будет гораздо разумнее осмотреть его из машины. Это чудовище, наверняка с милю или больше длиной, и мы больше времени потратим на ходьбу, чем на работу. Надеюсь, мы найдем, как попасть внутрь на нашей машине. Он еще больше гигантских кораблей каксариан. — Аркот помолчал, затем улыбнулся. — Мне даже нравится вступить с ними в борьбу — уверен, мы обнаружим кучу миленьких вещей, чтобы поиграть с ними, не так ли?

— Да, это хорошая игрушка, — согласился Уэйд, осматривая ряды ощеренных излучателей, расположенных вдоль металлической оболочки, — но мне интересно, остался ли кто-то живым из экипажа? Если да, то размер корабля не позволит нам их быстро обнаружить, но поскольку они не могут привести корабль в движение, мне кажется, они постараются как можно быстрее дать нам знать о себе. Наверное, с остановленными двигателями их основное оружие бесполезно, но у них, несомненно, должно быть и личное оружие. Я категорически выступаю за использование машины. У нас есть молекулярный излучатель, и если даже прохода нет, мы сможем его проделать.

Внимание Уэйда было отвлечено внезапной вспышкой света в нескольких милях.

— Посмотрите туда — тот корабль все еще горит. Языки пламени красноватого оттенка, но в основе оно бесцветное. Пожале на газовое пламя, с небольшой примесью кальция. Как будто в корабле находится горючий воздух. Если нам предстоит делать какие-либо исследования в этом малыше, я предлагаю использовать костюмы для полетов в стратосфере, в любом случае, от этого нам не станет хуже.

Несколько огромных развалин, раскиданных по большой равнине, горели теперь, выбрасывая из себя длинные языки бесцветного, интенсивно горящего пламени. Некоторые корабли были повреждены лишь незначительно; один из них был сбит лучом, который срезал хвостовую часть, оставив корпус в хорошем состоянии. Очевидно, эта машина не упала сразу, и, возможно, пилот сохранил частичный контроль над судном, совершенно утратив его, когда оно находилось уже на сравнительно небольшом расстоянии от поверхности земли. Была еще одна машина, довольно хорошо сохранившаяся, на другой стороне равнины, однако, они решили исследовать ее позже.

Ближайший от них корабль ударился носом в землю, его корпус был раздавлен и разрушен. Аркот осторожно направил свою машину к носовой части судна, и они медленно вплыли в могучий корабль, освещая путь мощным прожектором. Вокруг виднелись огромные балки, деформированные и вырванные силой столкновения. Вскоре стало очевидно, что нет оснований опасаться живых врагов, и они ускорили движение. Конечно, никакое существо не смогло бы выжить после удара, который сломал эти огромные балки! Несколько раз металлические конструкции прегораживали им путь, и ученье вынуждены были использовать молекулярный излучатель, чтобы освободить проход.

— Парни, эти конструкции выглядят так, будто они построены навечно! — объявил Аркот, когда они остановились на мгновение, чтобы убрать часть балки, нависшей над ними. — Не хотел бы я врезаться ни в одну из них! Посмотрите на ту балку — если она обладает хотя бы даже прочностью стали, то представьте, какая сила потребовалась, чтобы согнуть ее!

Наконец, они проникли в длинную трубу, которая служила коммуникационной линией, проходящей через все судно. Небольшой катер с легкостью прошел в трубу, и они снова быстро двинулись вперед, пока не прибыли в самый центр захватчика. Здесь Аркот предложил выйти и осмотреться.

Все согласились, надели герметичные костюмы из плотной прорезиненной ткани, предназначенные для использования вне судна на большой высоте или даже в космосе. Они были снабжены кислородными баллонами с запасом воздуха примерно на шесть часов. Если атмосфера в корабле пришельцев не чрезмерно ядовита, они будут в безопасности. После краткого обсуждения, исследователи решили, что станут держаться вместе, ибо, если встретят противодействие, с врагом легче будет справиться большим числом. С первой трудностью они столкнулись при попытке открыть дверь, ведущую из коммуникационной трубы. Дверь имела автоматический замок, и она сопротивлялась любому их усилию, пока они не прорезали ее лучом. Другими способами справиться с замком оказалось невозможно, тем более что дверь стала полом, так как корабль, упав на землю, лежал теперь не прямо, а завалившись на бок. Они помогли друг другу пробраться через узкое отверстие и спрыгнули на покатую стену внешнего коридора.

— Нам повезло, что это небольшое помещение, а то бы мы летели до дальней стены! — заметил Уэйд. Костюмы были оснащены тонкой вибрирующей диафрагмой, которая легко передавала речь, но голос Уэйда звучал с необычным металлическим оттенком.

Аркот рассеянно согласился. Он внимательно оглядывался. Луч его ручного фонаря пронзил темноту, остановившись на полуоткрытом люке по-видимому, являвшимся выходом в коридор. Когда исследователи осмотрели его, то увидели, что тот круто уходит вниз.

— Приличный наклон, — вздонул Уэйд, посветив своим фонарем, — но поверхность, кажется, шероховата. Думаю, нам стоит рискнуть. Вижу, ты, Мори, взял веревку, может, она пригодится. Пойду первым, если вы не возражаете предоставить мне эту честь.

— Пойдешь первым? — засомневался Аркот. — Но я не знаю, если мы идем все, то ты, конечно, не лучший выбор.

Понадобится сила двоих, чтобы спустить такого тяжелого парня, как ты. Так что, если кто-то и должен оставаться, то ты лучше всех подходишь на роль мальчика-лифтера!.. Подождите, — воскликнул Аркот, — У меня есть идея. Думаю, никому из нас не нужно будет держать других веревкой. Уэйд, сможешь сделать три больших металлических крюка, к которым мы могли бы привязать веревку? Думаю, мы обойдемся без посторонней помощи. Мори, ты разрежь веревку на три равные части, а мы с Уэйдом попробуем отрезать ту балку.

Аркот отказался раскрыть свою идею до тех пор, пока приготовления не были закончены, но действовал он быстро и решительно. С помощью Уэйда он разделил балку на три небольших звена и, взяв веревки, которые подготовил Мори, привязал каждую к куску металла, оставив концы примерно по двадцати футов длиной. Он тщательно проверил свою работу, убедившись, что узлы не соскользнут.

— Теперь давайте посмотрим, что мы можем сделать. — Аркот взял маленькую петлю на одном конце шнура, надел на левое запястье, и крепко обхватил веревку рукой. Затем достал свой лучевой пистолет и тщательно отрегулировал его для тонкого луча. Спусковой механизм давал ему контроль над мощностью. Потом он направил луч на блок металла на другом конце веревки. Мгновенно тот потянулся за собой веревку, устремляясь вперед, Аркоту оставалось только увеличить мощность, чтобы начать медленно спускаться. — Ага, сработало, — он широко улыбнулся через плечо. — Давайте, ребята, цепляйте свои вагоны к локомотиву, мы продолжаем путешествие. Это новый парашют двойного действия. Он легко спустит нас вниз и так же легко вытянет вверх! Я уверен, что теперь мы сможем пройти, где угодно. — После паузы он добавил: — Однако, думаю, не нужно объяснять, что избыточная мощность может пойти во вред!

С помощью такого простого механизма, они спустились вниз по одному, чтобы избежать вероятного контакта с лучом, так как его прикосновение было смертельным. Сцена, которая предсталась их глазам, демонстрировала результаты колоссального разрушения. Они, очевидно, попали в машинное отделение. Можно было даже не надеяться осветить его обширное пространство лучами своих маленьких ручных фонарей, но ученыe

могли получить некоторое впечатление о его масштабах и о исходном состоянии. Пол, теперь наклоненный под крутым углом, был разорван во многих местах, обнажая большие, массивные стержни скрученных балок и куски проводов, в то время как тяжелые пластины пола были разорваны словно фольга. Всюду комната казалась покрытой пленкой белого серебристого металла; это было серебро.

Вдруг Мори указал лучом своего фонаря.

— Вот откуда оно стекло! — воскликнул он.

Сеть тяжелых прутьев тянулась через зал, отличные прутья из чистого серебра толщиной целых три фута. В одной секции зияло рваное отверстие, предполагая работу луча, вспорвавшего металлическую обшивку над ними, металл там тоже был расплавлен, точно так же как и серебряные стержни. Аркот в удивлении разглядывал стержни из тяжелого металла.

— Бог мой, электрические шины толщиной в три фута! Что же за двигатели должны быть у них! Смотрите, как они искорежены! Похоже, их закоротило в момент катастрофы, сразу, как только вышел из строя генератор, они расплавились и стекли! Будто сок!

С помощью их импровизированных лифтов, трое мужчин решили исследовать огромное помещение. Они только приступили, как вдруг Уэйд воскликнул:

— Тела!

Ученые сгрудились над его ужасной находкой, светя фонарями на захватчиков из космоса. Анатомические подробности нельзя было разглядеть, но было понятно, что те не слишком отличаются от землян и венериан, хотя их кровь казалась странно бледной, а кожа имела отталкивающую белизну. Очевидно, они находились перед своего рода приборной панелью, когда случилась катастрофа. Мори указал на циферблаты и ключи.

— Приятно знать, что битва не напрасна, — заметил Аркот. — У меня есть предчувствие, что мы еще увидим некоторых из этих существ живыми, но не в этом корабле.

Ученые отвернулись и возобновили осмотр разрушенных механизмов. Тщательное изучение было невозможным; корабль был сильно поврежден, но Аркот видел, что основные механизмы походили на гигантские электрические машины стандартных типов, хотя и в увеличенном масштабе. Повсюду были

колossalные массы разрушенного металла: железа и серебра, последнее, казалось, заменяло этим людям медь, хотя ничто не могло заменить железо и его магнитные свойства.

— Думаю, это простые электрические машины, — сказал, наконец, Аркот. — Но что за размер! Ты заметил что-нибудь действительно революционное, Уэйд?

Тот нахмурился, прежде чем ответить.

— Есть только две вещи, которые беспокоят меня. Иди сюда.

Как только Аркот спустился к нему, почти приостановив действие лучевого пистолета, Уэйд указал своим фонарем на небольшую машину, которая лежала между расколотыми корпусами сломанных генераторов. Она имела небольшие размеры и была размещена под прозрачным стеклом. Насчет последнего предположения было одно серьезное сомнение. На стекле лежало основание большого генератора, из металла толщиною почти в два фута, при этом крышка, на которую он упал, — стеклянная крышка — оказалась не то, что не разбитой, но даже не треснувшей!

— Ого! — присвистнул Мори. — Я бы не отказался от такого стекла. Нужно взять образец для экспертизы. Интересно... Да, так и есть! Там в стороне лежит иллюминатор, который закрыт тем же самым материалом, он зарылся в землю на приличную глубину, так что я предполагаю, что стекло из того же вещества.

Троица пробилась к тому месту, на которое он показал. Рама стекла была сделана из стали особого сплава и согнулась от удара. Однако «стеклянное» окно выглядело целым! В качестве дополнительного доказательства под ним виден был гранитный валун, лежавший снаружи — или, точнее, то, что было валуном, поскольку он был раздроблен на мелкие кусочки в результате крушения.

— Какой отличный строительный материал, — проговорил Аркот кивнув на прозрачную пластину. — Подумать только, разбил в куски гранитную скалу. А стекло даже не поцарапано! А рама, что держит его, оторвана, но не сломана. Интересно, сможем ли мы выломать его целиком? — Он шагнул вперед, держа поднятым пистолет. Раздался глухой стук, когда его металлический стержень упал, едва Аркот убрал луч пистолета. Когда друзья отошли в сторону, он приблизился

к стеклу и направил на него луч. Постепенно он увеличивал мощность. Вдруг с сокрушительным треском и грохотом вырвался столб земли, песка и битого гранита, влетевшего через отверстие в стальной оболочке мертвого корабля. Потом снова загрохотало, а спустя мгновение, еще раз, когда стекло, сначала взлетев до потолка, рухнуло обратно на пол.

После того, как осела пыль, они начали его поиски. Стекло оказалось похороненным под слоем обломков. Аркот наклонился, чтобы приподнять его и стряхнуть пыль; он схватил пластину одной рукой и потянул. Стекло даже не шелохнулось. Он схватил его обеими руками и потянул сильнее. И снова пластина осталась лежать, как была.

— Э-э... может быть, ты попробуешь, Уэйд? — Оба мужчины потянули вместе, но и это не возымело действия. Стекло иллюминатора имело размеры примерно три на два фута и толщиной в один дюйм, что делало общий объем около половины кубического фута, совершенно не соответствующий весу. Ученые не могли даже сдвинуть его с места. Равный объем свинца весил бы приблизительно четыреста фунтов, но это стекло имело значительно большую массу. Даже объединенной силы трех мужчин хватило не больше чем на то, чтобы качнуть его.

— Хм, это определенно неизвестный вид материи! — подытожил Мори. — Осмий, самый тяжелый металл, имеет плотность двадцать два с половиной, он бы весил около 730 фунтов. Я думаю, мы сможем поднять его, но это самое тяжелое вещество из всех, что мы знаем. По крайней мере — вот доказательство того, что корабль прибыл из инойзвездной системы. Эти люди, скорее всего, с другой звезды!

— Или так, — подхватил Аркот, — или это доказательство удивительной степени технологического развития. Это только предположение, конечно, но у меня есть идея, где этот вид материи существует в солнечной системе. Я думаю, что вы уже видели его — в газообразном состоянии. Вспомните главные резервуары для хранения световой энергии в связанном состоянии в гигантских самолетах каксориан. Они связали свет, который обладает собственным гравитационным притяжением, и после конденсации его в их аппарате, они получили то, что мы называем газообразным состоянием — газообразный

свет. Теперь представим, что кто-то сделает еще более мощный конденсатор, чем тот, который использовали какориане, — конденсатор, который заставляет свет сжиматься еще плотнее, пока фотоны не образуют постоянную связь друг с другом, и вещество это станет твердым. Это будет вещество, состоящее из света — световой материи, — и его даже можно назвать металлом. Как вы знаете, это обычный вопрос — вопрос электропроводности вещества. Но тогда почему наша «световая материя» не может быть световым металлом, если она легко проводит свет? Это было бы замечательное вещество для окон.

— Лучше давайте решать, как перетащить его, — вмешался Уэйд. — Если мы, конечно, хотим доставить его в лабораторию для исследования. В любом случае нам надо выбираться отсюда, тем более что все здесь уничтожено. Думаю, что лучше осмотреть другой корабль, который не будет настолько сильно поврежденным. Но вот как мы заберем это с собой?

— Я думаю, все же стоит попробовать луч.

Аркот направил пистолет и немного отступил, держа оружие так, чтобы луч толкал пластину прямо вверх. Медленно он увеличивал мощность, до тех пор, пока пластина не закачалась, а затем поднялась в воздух.

— Сработало! Теперь, Мори, используй пистолет, и направь пластину в сторону коридора. Я снова подниму его, так чтобы он выпал наружу, чтобы мы могли подобрать его позже.

Мори сделал шаг вперед и, пока Аркот держал стекло в воздухе своим лучом, медленно двигал его, пока оно не оказалось непосредственно под коридором, ведущим вверх. Тогда Аркот резко увеличил мощность, и пластина стремительно полетела вверх, исчезая из виду. Затем Аркот отключил свой луч, и в уши ударили сокрушительный грохот, когда пластина упала на пол верхнего уровня.

Тroe мужчин, задействовав свои «парашюты двойного направления», как окрестил их Аркот, поплыли вверх на следующий этаж. Там они продолжили процесс перемещения пластины. Все шло хорошо, пока они не добрались до своего небольшого катера. Они не могли использовать луч в машине, опасаясь ее повреждения. Нужен был какой-нибудь чисто механический метод подъема. В конце концов, и здесь они решили проблему с помощью молекулярного луча, подняв в

воздух тяжелую балку, после чего один конец разместили в проеме двери корабля, а другой — в отверстии, которое проделали в оболочке трубы.

Теперь они при подняли тяжелую пластины и опустили на эту балку, глядя как стекло, быстро заскользив по наклонной поверхности, через открытые двери вкатилось в их машину. Дело было решено. Пластина, наконец, была доставлена на борт, и трое мужчин, заняв свои места, могли покинуть корабль. Маленький катер быстро двинулось вниз по трубе могучего корабля и вылетел, наконец, на яркий свет. Ученые поднялись в небо и направились к месту сбора правительенных кораблей.

ГЛАВА 2

Большая группа ученых и военных уже собралась рядом с кораблем, на борту которого расположился штаб землян. Когда прибыл Аркот с друзьями, они узнали, что на каждый из разбившихся кораблей выделено по одной группе исследователей. Кроме того, они узнали, что их научный авторитет послужил тому, чтобы им предоставили корабль в почти идеальном состоянии, лежавший на западе. Двое сотрудников Воздушного патруля должны были сопровождать их.

— Лейтенант Райт и лейтенант Грир отправятся с вами, — брявил полковник. — В случае возможных проблем с выжившими, хотя маловероятно их обнаружить, они окажут помощь. Можем ли мы еще что-то сделать для вас?

— Эти люди имеют при себе только стандартное личное оружие, верно? — поинтересовался Аркот. — Думаю, будет лучше, если я вооружу каждого из них своим новым лучевым пистолетом направленного действия. В моем катере есть несколько. Полагаю, вы не будете возражать?

— Конечно, доктор Аркот. Мои люди находятся под вашим командованием.

Группа, увеличившаяся до пяти человек, вернулась в катер, где Аркот продемонстрировал офицерам особенности работы лучевых пистолетов и показал как их использовать. Так как оружие было еще не доработано, контроль за направленным воздействием был довольно сложным, и требо-

валось подробно объяснить, как пользоваться пистолетом. Теоретическая дальность даже этого небольшого ручного оружия была бесконечна в космосе, но в атмосфере энергия довольно быстро терялась из-за ионизации воздуха, а дисперсия пучка снижала его реальную эффективность до тридцати пяти миль.

Снова погрузившись на небольшую машину с молекулярным двигателем, Аркот и его команда отправились к огромному корпусу другого упавшего корабля. Они с осторожностью осмотрели его сверху, прежде чем приблизиться. Этот дредноут, очевидно, упал без сокрушительного столкновения с землей, которое испытали остальные корабли, и была вероятность, что часть команды выжила в катастрофе. Корма гиганта была оторвана, из-за чего он больше не сможет никогда подняться, но был заметен свет за иллюминаторами по бокам, показывая, что в нем еще есть достаточно энергии.

— Думаю, нам лучше отнести к этому чудовищу с уважением, — заметил Уэйд, глядя на светящиеся окна, — У них есть энергия, и корпус почти не помят, разве что задняя часть повреждена лучом. Нам повезло, что мы вовремя создали лучевое оружие! Только вот на вооружение его приняли всего лишь четыре месяца назад и далеко не везде, не так ли, лейтенант?

— Так точно, сэр, — ответил представитель Воздушного Патруля. — В достаточном количестве лучевое оружие еще не получено, но мы ожидаем новых поступлений.

Мори, нахмурившись, разглядывал корпус корабль захватчиков.

— Что-то мне все это не нравится. Интересно, почему они не поприветствовали нас своими лучами, — пробормотал он взволнованным тоном.

Действительно — казалось, что вот-вот в них начнут стрелять. Земляне находились менее чем в миле от упавшего гиганта и двигались достаточно медленно.

— Я тоже озадачен, — согласился Аркот. — Но либо их лучевые пушки пытаются отдельным распределительным узлом, который вышел из строя, либо все инопланетяне мертвые.

Позже, закончив осмотр корабля, они узнали, что лучевые пушки захватчиков приводил в действие отдельный генератор, который выдавал для них специальную форму волны

переменного тока. Этот генератор был поврежден и не подлежал восстановлению...

Но вот маленькая машина приблизилась к разбитой корме гиганта и стала снижаться, пока не оказалась на одном уровне с дырой в корпусе. Теперь хорошо было видно, какая потрясающая сила повредила межзвездный корабль. Гигантские балки лонжеронов были растянуты и сломаны, а огромные шпангоуты согнуты и скручены. Центральная коммуникационная труба, которая проходила по всей длине корабля, была сплющена примерно до трех четвертей своего первоначального диаметра, что заставило землян использовать лучевое оружие, чтобы войти. Только после этого их катер смог попасть внутрь тоннеля. Прожектор, бьющий далеко вперед, заполнил металлическую поверхность множеством обманчивых отражений. Труба высветилась далеко перед ними и казалась пустой. Осторожно корабль землян двинулся вперед, Аркот был за штурвалом.

— Уэйд, Мори, куда мы пойдем в первую очередь? — спросил он. — К двигателям? Наверное, они имеют первостепенное значение. К тому же мы знаем, где они расположены. Что скажете?

— Согласен, — ответил Уэйд, и Мори одобрительно кивнул.

Они погнали катер вниз до конца длинной трубы, пока не достигли знакомой двери, за которой должно было находиться машинное отделение, и вышли, надев высотные костюмы. Этот гигантский межзвездный корабль лежал ровно, и ходить тут было значительно проще, чем на борту предыдущего судна, которое они исследовали. Земляне немного задержались, прежде чем открыть дверь в машинное отделение, поскольку она выходила в узкий коридор, где можно было пройти только по одному. Заминка была вызвана спором очередности. Воздушные патрульные настаивали на том, чтобы идти первыми. Они были направлены сюда специально для защиты ученых, и, стало быть, идти впереди — их обязанность. После краткого спора Аркот согласился. Оба офицера шагнули к двери и разорвали ее лучами своих пистолетов. Та упала на закругленный металлический пол трубы, грохоча и вибрируя, но никакие смертоносные лучи не вырвались из открывшегося отверстия. Военные осторожно заглянули в длинный коридор,

и, ничего не увидев, вошли. Уэйд шагнул следующим, после него Аркот и Мори.

Коридор был длиной около тридцати футов и заканчивался огромным машинным отделением. Люди уже слышали степенный гул мощных машин, видели очертания огромных механизмов. Но не было никаких признаков жизни или присутствия инопланетян. Наконец они остановились на пороге машинного отделения.

— Что ж, — тихо сказал Аркот, — до сих пор мы никого не видели, и я надеюсь, что и нас никто не видел. Если же это не так, и враги готовы к бою, то они могут прятаться за любым из этих больших двигателей. Помните, что ваше оружие способно уничтожить все, чего коснется луч, так что действуйте омощительно. И учитывайте мощь двигателей, поэтому постарайтесь не вывести их из строя, иначе всех нас размажет по стенам. Главное, высматривайте живых, и постарайтесь уничтожить их прежде, чем они смогут повредить вам!

Осторожно, но быстро, земляне вошли в большой зал, обраzuя полукруг. С оружием наизготовку, они шли вперед украдкой, осматриваясь, и вдруг...

Враги заметили друг друга одновременно. Их было шестеро — захватчиков, необычных гуманоидов, каждый около семи футов в высоту. Они напоминали венерианцев, но были совсем другими, кожа их имела странный серо-белый оттенок, напоминающий сырое тесто. Как в замедленном темпе Аркот наблюдал за неторопливыми движениями эти чуждых людям, бледных существ. Он и сам замер, глядя как они медленно поднимают свое странное ручное оружие. Казалось, он подмечал каждую деталь в облике инопланетян: на них были короткие, облегающие костюмы из какого-то эластичного материала, который не стеснял движения их странной плоти, казавшейся почти совсем прозрачной; глаза пришельцев казались удивительно крупными, а черные пятна зрачков создавали неестественный эффект, резко контрастируя с белыми роговицами.

Едва они вскинули оружие, Аркот ответил внезапным взмахом своего луча и метнулся в сторону. Одновременно четыре его товарища выпустили лучи в захватчиков. Лучи искрились странным красным оттенком, но лучевые пистолеты тем не менее действовали. Шесть существ в один мгновение исчезли, но

не раньше, чем выпустили ответные лучи. Некоторые достигли цели. Лейтенант Райт упал и неподвижно замер на полу. Не сразу земляне заметили это, поскольку вслед за выстрелами последовал жуткий грохот раздираемой обшивки, после чего чистый дневной свет полился внутрь через широкое отверстие в обшивке корабля. Пять лучей не остановились после контакта с противником, и ударили в стену позади них. Теперь в гладком металле зияла рваная дыра.

Вдруг раздался новый сотрясающий грохот, взрыв. Затем мощный клубок пламени заполнил образовавшееся отверстие, быстро двигаясь внутрь. Аркот подскочил, нацелив лучевой пистолет в массу пылающего газа. Мощный луч пистолета вылетел наружу через дыру в корпусе, гоня перед собой огненный шар. Ревущая масса газа колыхалась теперь за пределами корабля.

— Лейтенант, — быстро позвал Аркот, — Держите свой луч на этом отверстии и не убирайте его, не позволяйте пламени проникнуть внутрь. Вы не сможете погасить его, но если удержите вне корабля, я полагаю, мы будем в безопасности.

Патрульный мгновенно повиновался, сменив Аркота.

Уэйд и Мори уже склонились над упавшим фицером.

— Боюсь, что мы ничего не можем сделать для него, — глохо произнес Мори, — Здесь оставаться опасно. Давайте продолжим наше исследования, а, когда будем уходить, заберем его на катер.

Аркот молча кивнул. Помрачнев они отвернулись от неподвижной фигуры на полу и вернулись к прерванному делу.

— Аркот, почему этот газ так горит так сильно? — спросил вскоре Мори, — Разве мы не можем погасить его?

— Давайте сначала покончим с заданием, — сухо ответил Аркот, — Все разговоры после.

От тел инопланетян ничего не осталось, так что земляне не могли исследовать их. Впрочем, это была задача для врачей и биологов, а не для инженеров. Для них же главный интерес представляли двигатели, огромные машины, занимавшие большую часть помещения. В то же время эти металлические сооружения служили отличным препятствием, позволяя врагу оставаться незамеченным в непосредственной близости. Следующим предупреждением для землян стал слабый розоватый туман, когда они попытались обойти один из двигателей. Вне-

запно все они разом почувствовали себя нехорошо и тут же отскочили назад, прячась и выглядывая из-за укрытия до боли напряженных глаз и нервов. Но впереди не было никаких признаков движения. Неожиданно они увидели бледную руку с лу-чевым оружием. Уэйд тут же нацелил в ту сторону собственный пистолет. Раздался скрежет разрушенного металла, стон и все стихло. Еще два чужака выпрыгнули из-за большого двигателя и, так же как земляне, стремительно исчезли, найдя новое укрытие.

Аркот взметнул пистолет вверх и уже собрался нажать на курок, чтобы повалить на них огромный двигатель, но вспомнил вдруг, что тот запущен. Представив потенциальное разрушительное действие энергии, спрятанной в машине, он покачал головой, а потом замер, внимательно наблюдая за краем работающей машины, ожидая движения. Его луч вспыхнул, как только Аркот поймал в прицел появившуюся из-за машины руку врага, отшвырнув ее владельца от некоего подобия мощного трансформатора. На мгновение огромная масса машины зашаталась, но все же устояла. При низкой концентрации мощности луча, которую задействовал Аркот, при том, что только небольшая часть металла попала под воздействие луча, молекул этой части было недостаточно, чтобы опрокинуть тяжелую установку.

Оставался один враг, и Аркот быстро понял, что тот намерен действовать, поскольку прежде, чем смог увернуться, заметил уже знакомую розовую дымку. Она коснулась руки Аркота, все еще вытянутой после выстрела, и внезапное онемение охватило его конечность. Рука, сжимавшая пистолет, казалось, утратила всякое ощущение тепла или холода. Именно так, хотя Аркот все еще мог чувствовать ослабленный вес оружия. Рефлекторная реакция заставила его отдернуться. В течение нескольких секунд ощущения начали возвращаться, а через десять его рука снова была в норме.

Он повернулся к друзьям с кривой усмешкой:

— Уф... Я чуть было не попался! Надо сказать, эта их штука действует по-джентльменски. Она или убивает вас, или не ранит вовсе. Вот снова!

Вал розового тумана достиг края двигателя, расположившись по нему.

— Хочет задавить нас, — прокрежетал Уэйд.

Земляне, конечно, не могли выйти на открытое пространство, но и оставаться там, где находились, тоже не могли. Одна надежда была на подкрепление!

— Смотрите, — Уэйд показал пистолетом, — наш противник находится под тем большим металлическим стержнем на крыше — видите? Я сброшу его. Он отскочит и выдаст себя.

Аркот быстро прыгнул вперед и схватил его за руку.

— Боже, Уэйд, даже не думай. Здесь столько машин, о которых мы не имеем никакого понятия. Слишком велик шанс, что ты отправишь нас на тот свет. Я попробую обойти эту машину с другой стороны и посмотреть, что можно сделать, а ты пока держи оборону.

Аркот исчез за черным гудящим гигантским корпусом. Для остальных время тянулось в напряженном ожидании; затем вдруг луч заиграл в хаотичных прыжках на краю машины, а потом быстро качнулся быстро к другой стороне. Одновременно, соперничающий луч выскочил, казалось, из самой машины. Они встретились и пересеклись. Раздался грохочущий разряд дуги и вражеского луча, словно оружие инопланетянина спрело от невероятной перегрузки. Но инопланетянин, очевидно, имел запасное оружие, поскольку земляне видели, как он выскочил из укрытия, доставая на ходу что-то из небольшого подсумка. Они нацелили на него свои лучеметы, и уже ничто не помешало им отшвырнуть врага в сторону, словно тряпичную куклу.

Он врезался в огромный двигатель и не смог подняться. Излучатель выпал из его руки и скатился на пол. Аркот подбежал к нему и подобрал оружие, после чего услышал голос лейтенанта, спрашивающего, все ли в порядке.

— Я думаю, мы теперь в безопасности, — крикнул Аркот. — Я надеюсь, больше тут никого нет, но в любом случае оставайтесь там, где находитесь, и постарайтесь использовать как можно меньше энергии для удержания пламени. Оно пожирает атмосферу корабля, а поскольку мы не нуждаемся в ней, это даже лучше. Зовите нас, если заметите что-нибудь странное.

В течение нескольких минут трое ученых озирались вокруг, преисполненные благоговейного трепета и удивления. Они были первыми людьми на Земле, которые увидели

главные машины одного из огромных самолетов каксorian и чувствовали тогда себя крошечными рядом с их гигантскими корпусами; но теперь, когда они рассмотрели машинное отделение межзвездного корабля, то поняли, что даже огромный самолет уже казался незначительным по сравнению с этим крейсером.

Повсюду поднимались большие округлые корпуса непонятных гигантских электрических машин. Вдоль потолка бежала сеть гигантских металлических прутьев, очевидно проводников, но настолько больших, что походили они, скорее, на несущие элементы конструкции. Машины, рядом с которыми стояли учёные, поднимались в высоту на тридцать футов; их корпуса, больше напоминавшие цилиндры, имели те же тридцать футов в диаметре. Тут же была еще группа из четырех машин еще крупнее, почти в сто двадцать футов длиной! И множество мелких механизмов, которые, наверняка, смогли бы снабжать электроэнергией город средних размеров. Вдоль каждой стены пролегала россыпь переходников, похожих на ячейки рыцарской кольчуги. Они казались связанными с меньшими машинами, так как от каждого из мелких блоков тянулись к ним четыре провода, по-видимому, два входящих и два выходящих, предполагая некие электрические преобразователи. Множество размеров и отличающихся типов преобразователей делали очевидным необходимость в наличии разных частот. Некоторые из преобразователей имели воздушные сердечники, и привели учёных к машинам, покрытым вместо обычного железа серебристым белым металлом. Эти, очевидно, производили ток чрезвычайно высокой частоты.

— Неплохо, — прокомментировал Мори. — У них должно быть предостаточно энергии. Но вы заметили, что те четыре главные машины имеют выводы в разных направлениях? Что слева, кажется, ведет к тому большому щиту питания впереди или, правильнее сказать, на носу. Я думаю, стоит проверить.

Аркот кивнул.

— Я полностью согласен. Обратите внимание, два основных энергоблока по-прежнему работают, но те, другие два, остановились? Вероятно, они имеют некоторое отношение к движению корабля. Но есть еще один момент, я думаю, он представ-

ляет не меньший интерес. Все машины, которые мы видели, все заметные из них, являются вторичными источниками питания. Мы еще не видели никаких первоисточников энергии. Обратите внимание, что те два главных кабелепровода ведут направо и к носу. Давайте посмотрим, куда они уходят.

Переговариваясь, ученые последовали за огромными проводниками к точке их схождения. Они обогнули один из огромных основных энергоблоков и вдруг увидели перед собой, в центре квадрата, образованного этими машинами, низкую платформу из прозрачного легкого металла.

В центре этой платформы, которая составляла двадцать футов в диаметре, располагалось подобие стола около семи футов в поперечнике и возвышавшегося на пять футов выше уровня платформы на крепких и легких металлических ножках. На столе виднелись два огромных куба чистого серебра, и к этим кубам вели все проводники.

В пространстве около шести дюймов, остававшемся между блоками металла, находился небольшой брускок, сделанный из какого-то странного незнакомого материала. Он имел совершенную отражающую поверхность. Ничего подобного ученые раньше не видели. В самом деле, это был настолько прекрасный отражатель, что люди были неспособны разглядеть его, но могли обнаружить его присутствие за счет того факта, что он закрывал объекты позади себя.

Далее ученые заметили, что в огромных кубах имеется по два мелких отверстия, и по два тонких провода из того же самого отражающего материала проходят сквозь них. Провода вели непосредственно к потолку, и были подвешены на трехфутовых держателях из легкого металла.

Мог ли это быть источник энергии всего корабля? Это казалось невозможным, но исследователи уже видели столько невероятных и непонятных вещей, и среди прочих — этот странный отражающий предмет.

Вокруг центральной платформы располагались низкие перила, очевидно предназначенные для того, чтобы держать наблюдателей на безопасном расстоянии, так что ученые решили отложить более детальное исследование. Собираясь обсудить необычную находку, они услышали, как их зовет лейтенант, которому показалось, что какие-то звуки раздаются из тоннеля

позади него.

Все трое побежали обратно по узкому коридору, через который проникли сюда. Пылающий газ все еще продолжал бушевать в отверстии в стене корабля, а ревущий поток воздуха, двигавшийся из тоннеля, не позволяя толком разобрать звуки, да и подойти к проходу было чрезвычайно затруднительно.

— Дайте больше мощность, лейтенант, и посмотрим, не сможем ли мы вытянуть врага, — предложил Аркот, в то время как они встали рядом с тоннелем наизготовку.

Как только патрульный увеличил мощность своего луча, стон воздуха, прорывавшегося из тоннеля, усилился до потрясающего рева циклонической бури. Но ни одного из захватчиков не удалось вытянуть. После того как лейтенант опять уменьшил мощность по сигналу Аркота, последний сказал:

— Я думаю, что только танк мог выдержать такой натиск. Значит, есть вероятность, что мы будем атакованы, если задержимся, хотя, может быть, и не будем в состоянии выйти вообще. Лейтенант, я попрошу вас оставаться здесь, а мы пока попробуем выбраться и подготовить катер. — Он сделал паузу, улыбнувшись, — Обязательно держите это пламя снаружи. Вы в положении Геркулеса после того, как Атлас оставил его держать небо на плечах. Не ослабляйте надолго луч, в противном случае здесь случится первоклассный взрыв. Мы дадим вам сигнал, когда будем готовы, это будет выстрел из пистолета, и тогда вы побежите к нам со всех ног.

Лицо Аркота помрачнело.

— Мы должны отнести Райта к катеру. Он был храбрым человеком и, безусловно, заслуживает того, чтобы быть погребенным со всеми почестями. Мори, мы должны будем сообщить его семье. Компания твоего отца должна позаботиться о них, если они нуждаются в помощи.

Мужчины медленно пошли обратно, с трудом преодолевая давление движущихся отовсюду потоков воздуха. Время шло, но, в конце концов, они добрались до выходной трубы. Даже здесь воздух находился в сильном движении.

Они как можно быстрее залезли в катер и развернули его для обратного полета. Тогда Уэйд выстрелил, подав сигнал. Вскоре они увидели, как лейтенант Грир несется навстречу стихающему

му потоку воздуха. К тому времени, когда он достиг катера, наступил зловещий штиль. После этого ученые на полной скорости помчались по трубе и почти достигли свежего воздуха, как вдруг позади них раздался протяжный грохот, и волна давления швырнула их вперед. С потрясающим ускорением они пролетели большой тоннель с массивными стенами и вылетели из него, словно пуля из гигантского мушкета. Аркот не пытался замедлить суденышко, наоборот, еще вдавил ногой вертикальный ускоритель. Катерок взлетел с огромной скоростью, с утренним весом вжимая в кресла сидевших в нем мужчин.

С тревогой они наблюдали за огромным кораблем захватчиков, стремительно убегая от него. По приказу Аркота Мори сообщил другим группам ученых предупреждение о грозящем взрыве, чтобы те как можно скорее убрались из опасной зоны. Проносились мгновения напряженного ожидания. Аркот пристально вглядывался в экран перед собой, держа в фокусе гигантский космический корабль. Только когда расстояние до него превысило милю, он позволил себе немного расслабиться.

Ни слова не было произнесено, пока ученые смотрели и ждали. На самом деле совсем немного времени прошло, прежде чем рвануло, но для наблюдателей эти секунды тянулись бесконечно. И вот, с расстояния двадцати семи миль экран вспыхнул ослепительно белым сиянием. Бесконечно тянулась тишина, а затем тяжелая волна звука, рева, ошеломляющего грохота накрыла кораблик и затрясла его с безудержной яростью, чтобы прекратиться так же внезапно, как пришла. Аркот и его команда далеко убежали от межпланетного корабля, так что не сразу услышали звук взрыва. После первой ослепляющей вспышки стали видны подробности. Бесчисленные огромные фрагменты корабля, казалось, отпрыгнули в стороны, каждый норовя улететь подальше от точки взрыва. Они не отлетели далеко; сила взрыва была не достаточно большой. Но груды обломков дождем посыпались на землю...

Пронеслось мгновение тишины. И вдруг, от массива, который, очевидно, составлял разрушенное машинное отделение, вырвался луч ослепительного белого света, который прокатился по округе широкой дугой. Чего бы не коснулся этот луч, все мгновенно превращалось в сверкающую и пылающую массу жидкости, излучающей жар. Сама земля,

фрагменты обломков, соединились и расплавились воедино под его яростным ударом энергии. Луч начал метаться из стороны в стороны, все быстрее и быстрее, поскольку сила, которая поддерживала его, уменьшаясь на глазах. затем он резко склонился. А на месте его возникла блестящая поверхность, способная соперничать с яркостью солнца — вся область вокруг превратилась в литое озеро. Его ослепляющее сияние заставило мужчин отвернуться от экрана.

— Так-то вот! — произнес Аркот с сожалением. — Кажется, наши гости не хотят разбрасываться секретами своих тайн, напрасно ждущих, чтобы их исследовали. У меня есть подозрение, что со всеми другими кораблями, потерпевшими крушение, вскоре произойдет то же самое. — Он нахмурился. — Согласитесь, мы почти ничего не узнали. Полагаю, нам надо связаться с кораблем командования и попросить дальнейших инструкций. Вы займетесь этим, лейтенант Грир?

ГЛАВА 3

Быстрый катер Аркота направлялся в Нью-Йорк, в лабораторию ученых. Прежде они ненадолго посетили штаб-квартиру сил Земли и Венеры, чтобы сообщить о происшествии, и теперь трое ученых держали путь домой. Взяв курс на лабораторию, Аркот обратился к своим спутникам:

— Ну, а каково ваше мнения о том, что мы видели? Уэйд, как химик, что ты думаешь о взрыве корабля и странном цвете нашего молекулярного луча в атмосфере пришельцев?

Уэйд с сомнением покачал головой.

— Я пытался понять что происходит, но не вполне могу доверять своим предположениям. Тем не менее, не вижу другого объяснения... Это красноватое свечение похоже на ионы водорода. Атмосфера в кораблях пришельцев, безусловно, горючая, что заставляет меня считать, что в их воздухе нет значительно-го количества кислорода, поскольку при опасном содержании водорода и кислорода образуется гремучий газ. По-видимому, их газ должен смешаться с нашим воздухом, чтобы достичь нужной пропорции. То, что она не взорвалась, когда подверглась ионизации, показывает отсутствие необходимой кон-

центрации. Так что, все указывает на атмосферу, состоящую преимущественно из водорода. Понятно, когда есть существа, живущие в подобных условиях на Венере и сумевшие приспособиться к сложному климату, но непонятно, как высшие формы жизни могут существовать в такой атмосфере?

— Я пришел к схожим заключениям, — кивнул Аркот. — Но я вполне допускаю мысль о существах, живущих в водородной атмосфере. Это ведь вопрос органической химии. Вы же знаете, что наши тела это просто химические печи. Мы потребляем топливо и окисляем его, используя высокую температуру в качестве источника жизни. Захватчики живут в водородной атмосфере. Они едят окисленное топливо и дышат восстановительной атмосферой; то есть у них есть те же два топливных компонента, но реакция происходит в обратном направлении. Очевидно, что она столь же эффективна. Я уверен, что в этом весь секрет.

— Звучит логично, — согласился Уэйд. — Но тогда у меня есть вопрос. Под каким солнцем возникли эти существа?

Ответ Аркота прозвучал незамедлительно.

— И об этом я тоже думал... И чем дольше думаю, тем меньше верю в то, что они могли возникнуть в нашей звездной системе. В поисках родины инопланетных захватчиков, мы можем совершенно спокойно исключить все планеты Солнечной системы, благодаря одному единственному факту. Совершенно очевидно, что эти корабли создавались не для ближних перелетов, а для того, чтобы преодолевать огромные пространства. Мы имеем дело с передовыми технологиями. Если бы инопланетные захватчики были бы даже с Плутона, то мы, конечно, узнали бы о их существовании к настоящему времени. Таким образом, речь идет о межзвездном пространстве. Возможно, у вас возникнут аргументы против... я знаю, что нет ни одной звезды, которая находилась бы достаточно близко для путешествия, которое можно было бы осуществить меньше чем за жизнь нескольких поколений; даже если предположить, что путешественники не замерзнут в межзвездном холоде. Рядом звезд достаточно близких... но как насчет невидимой звезды?

— Что они могли сделать со звездой? — фыркнул Мори. — Накрыть ее зонтиком?

Аркот усмехнулся.

— Да. Тенью старости. Как вы знаете, звезды не могут существовать вечно, в конце концов, они умирают. И мертвое солнце было бы черным пятном, не сомневаюсь.

— А на планетах, обращающихся вокруг него, станет немножко прохладно, знаешь ли...

— Согласен, — вздохнул Аркот, — И с этим не поспоришь. Но давайте представим, что у этих существ интеллект очень высокого порядка. В том космическом корабле мы уже видели машины, которые явно превосходят все, что создали мы! Они, несомненно, согревают планеты тем же самым источником энергии, который позволяет им управлять межзвездными кораблями. Считаю, что у меня есть два факта, подтверждающих мое заявление. Инопланетяне абсолютно бесцветны; у них даже кожа не белая, а прозрачная. Любое живое существо противостоит лучам солнца, которое вызывает определенные химические реакции, и выделяет пигмент, который служит защитой от этих лучей. У белых людей, которые всегда жили в областях, где солнечный свет слабее, кожа почти лишена пигментации. У выходцев из восточных и более теплых краев, где много солнца и не требуется много одежды, кожа намного темнее. В центральных тропиках природа сочла необходимым использовать максимум защиты, чтобы останавливать лучи. Теперь представим другую ситуацию, если бы вообще не было солнца — тогда люди совсем избавились бы от пигмента. Так как большинство белков являются довольно прозрачными соединениями, по крайней мере, во влажном состоянии, то и существа выглядели бы примерно так же. Вспомните, ведь цветных белков очень немного. Гемоглобин, как в нашей крови, и гемоцианин в крови венериан, практически уникальны в этом отношении. Для поглощения водорода, как я предполагаю, в крови этих существ содержится изрядная доля соединения, которое легко извлекает этот элемент и затем выделяет его. Мы можем более подробно обсудить это в лаборатории...

Прежде чем отправиться в Нью-Йорк, Аркот убедил руководство, что будет целесообразно уничтожить наиболее уцелевшие корабли захватчиков, чтобы ни одному из инопланетян не удалось сбежать. Тот факт, что ни один из крейсеров не использовал лучи, было легко объяснить — прояви они хоть малейшую

демонстрацию оружия, их сразу же уничтожил бы Патруль. Но нельзя было исключить, что кто-то из оставшихся в живых попытается спастись. Ученым же вполне хватит предварительного исследования.

Целые корабли были, наконец, уничтожены, в результате чего некоторые из них выбросили в атмосферу могучие языки пламени. Легкий газ захватчиков поднимался вверх, большими огненными шарами, быстро сгорающими в атмосфере. В скором времени последняя из машин была разрушена. Во всяком случае, теперь можно было не ожидать проблем! По дороге Мори спросил Аркота, почему он не стал изучать корабли; не было ли мудрее спасти их и заняться исследованиями немногого позднее, приняв все меры по отражению любого внезапного нападения прячущихся инопланетян, и привлечь для этого патруль Воздушной гвардии.

— Я сильно колебался, прежде чем предложить их уничтожение, — ответил Аркот. — Это было негуманно. Но окончательное решение принял после разговора с Форсайтом, который имеет авторитет в биологии и бактериологии. Он сказал, что инопланетяне все равно погибли бы. Ты же знаешь, что водород, атмосфера, в которой мы фактически находились на корабле, в чистом виде так же инертен, как чистый кислород — но только в чистом виде. Едва эти два газа смешиваются, они становятся опасными. Чем дольше эти корабли оставались там, тем более взрывоопасными они становились. Если бы мы не уничтожили их, они сами взорвались бы по той или иной причине. Я до сих пор считаю, что мы действовали единственно верным способом... Доктор Форсайт еще упомянул об опасности болезней. Мы могли оказаться восприимчивыми к их микробам. Я не уверен, что это так, поскольку наше химическое строение весьма сильно отличается. Например, венериане и земляне могут посещать друг друга, не так уж сильно рискуя подцепить инопланетную заразу. У венериан есть болезни, и мы, конечно, тоже болеем, но есть нечто в крови венериан, что является смертельным для любого земного микроорганизма. Мы оказываем подобный же эффект на микробы венериан. Это не иммунитет — это происходит только потому, что наши биология наших организмов настолько различна, что иммунитет здесь и не нужен. Форсайт думает

так же, он считает, что мы были бы абсолютно устойчивыми ко всем болезням, принесенным инопланетянами. Тем не менее, было безопаснее удалить угрозу, если таковая имеются, даже если она может проявить себя позже.

Троє мужчин уже приближались к Нью-Йорку, пролетая на высоте почти шестьдесят миль над поверхностью, где ничто не могло помешать их движению, пока, наконец, не достигли большого города, и тогда их летающий корабль стремительно, почти вертикально, пошел вниз. Вскоре учёные плавно приземлились на посадочную площадку Лабораторий Аркота. Отцы Аркота и Мори уже с нетерпением ожидали их. Аркот-старший в течение многих лет имел репутацию величайшего физика нации, но в последнее время он утратил ее — передав лавры первенства сыну. Мори-старший был президентом и главным акционером Трансконтинентальных Воздушных Линий. Оба Аркота, отец и сын, передали все свои изобретения своим друзьям, Мори. На протяжении долгих лет успех компаний в значительной степени зависел от изобретений Аркотов. Их открытия позволяли Линиям всегда находиться на шаг впереди конкурентов, кроме того, компания делала огромные транспортные машины и для других фирм, извлекая из этого значительные прибыли. Взаимный интерес, который начинался как финансовые отношения, давно превратился в настоящую дружбу. Покинув быстроходный катер, Аркот немедленно сообщил отцу о своей находке, прозрачной пластине неизвестного вещества.

— Мне необходима будет мощная подъемная машина для ее перевозки. Я скоро вернусь.

Он помчался к лифту и быстро спустился в техническую лабораторию этажом ниже. В скором времени он вернулся на машине, подобной трактору и оборудованной небольшим краном, питающимся от электросети. На конце крана болтался большой электромагнит. Аркот загрузил машину на свой катер.

— Для чего это? — спросил Уэйд, показывая на магнит. — Уж не думаешь ли ты, что та штуковина магнитится?

— Сейчас все увидите, — рассмеялся Аркот, ставя подъемное устройство в рабочее положение. Один за другим вступили в контакт шины электропитания, и выдвижная

стрела опустила магнит, прижав его к пластине кристалла — бывшего иллюминатора. Тогда Аркот передал мощность подъемному двигателю. Гул становился все громче и тяжелее, пока предельная нагрузка не заставила трос натянуться. Двигатель заскулил от перегрузки, кабели вибрировали под напряжением. Подъемник продолжал тянуть магнит, как вдруг, к удивлению Аркота, резко оторвавшись задней частью от пола, машина клюнула носом.

— Как ты понял, что пластина магнитится? — удивленно спросил Уэйд.

Поскольку катер был сделан из металла венериан, корония, который почти не обладал магнитными свойствами, очевидно было, что пластина являлась единственным грузом для магнита.

— Неважно. Расскажу позднее. Найдите двутавровую балку, приблизительно длиной в двадцать футов, и посмотрим, сможете ли вы приподнять эту сумасшедшую массу. Я думаю, что это единственный возможный способ.

Так оно и оказалось. Это удалось сделать двумя рычагами из мощных балок, достаточно больших, чтобы вытащить пластину. Поместив ее в грузовой лифт, они отключили кабели и поехали вниз в лабораторию. Снова пришлоось использовать балки, и подъемная машина была привлечена к делу, чтобы выгрузить пластину из кабины. Наконец пять человек сгрудились вокруг удивительного подарка чужого мира.

— Сын, мне так же как Уэйду интересно, откуда ты узнал, что пластина магнитится? — поинтересовался Аркот-старший. — Я согласен с твоим объяснением, что материал является веществом, сделанным из света, но, зная тебя, я не думаю, что это было просто удачное предположение. Как ты догадался?

— Это действительно было в значительной степени предположение, отец, хотя некоторые логические выводы потребовались. Тебе тоже необходимы объяснения, Мори? — улыбнулся Аркот своему другу.

— Я бы предпочел помолчать, — ответил Мори, — вдруг мои слова посчитают невежеством, но раз уж ты спрашиваешь, то я попробую предложить. Кажется, я понимаю — свет отклоняется от мощного магнита — и могу предположить, что это послужило основой твоей догадки. Это было

известно давным-давно, еще Клерк Максвелл установил, что поляризованный свет может отклоняться мощным магнитом.

— Вот именно! Ну, а теперь мы можем поведать всю нашу историю и рассказать твоему и моему отцу все, что произошло. Возможно, в процессе общения, у нас появятся некоторые идеи.

В течение следующего часа каждый из трех мужчин рассказал свою историю и попытался объяснить, что он видел, и свои выводы. В конце концов все сошлись на одном: если бы они вступили в борьбу с этим врагом, то начали бы с создания кораблей, способных путешествовать в пространстве с большой скоростью, чтобы не уступать инопланетным захватчикам, и с необходимым для того источником энергии.

— Интересно, не объяснит ли теперь любезный Аркот свою теорию невидимого света или потерянной звезды? — Мори был немного уязвлен своим упущением того, что звезда может стать черной. — Я не вижу, как это может быть связано с их внезапным нападением. Если инопланетные захватчики где-то жили, то их цивилизация развивалась, когда звезда еще была яркой, а поскольку звезде, чтобы остыть требуются миллионы лет, я не нахожу причин для их внезапного появления в космосе.

Прежде чем ответить, Аркот полез в ящик своего стола и вытащил старую покерневшую трубку из шиповника. Он старательно набил ее, сохраняя вдумчивое хмурое выражение лица, затем он неторопливо разжег табак, откинулся назад, выпустив тонкий столб серого дыма.

— Эти существа должны были достигнуть очень высокого уровня развития на своих планетах прежде, чем солнце остыло, — он медленно выпустил дым. — Нам предстоит война с расой, которая миллионы лет опередила нас в развитии. Я верю в это, хотя не могу дать никакого научного обоснования в подтверждение этого чувства. Это всего лишь догадка, я просто верю в то, что захватчики стари, намного старше, чем жизнь на Земле. На нашей маленькой планете она существует вот уже второй миллиард лет. Я чувствую, что раса эта гораздо древнее, и они вполне могут делать один оборот вокруг центра нашей галактики раз в двадцать или тридцать миллионов лет, вращаясь вокруг своего центра... Когда я смотрел на эти большие машины, те сравнительно небольшие существа, которые стреляли в

нас из своих излучателей, показались мне несоответствующими этому величию. Почему? — тут он пожал плечами. — Опять же, только догадка, впечатление. — Он снова сделал паузу, и дым медленно поднимался вверх. — Если вы позволите мне допустить, что черная мертвая звезда приближается к Солнечной системе, то моя теория может показаться более логичной. Вы согласны? — слушатели кивнули, и Аркот продолжал: — Так вот, у меня возникла идея, и когда я пошел вниз за погрузчиком, я позвонил в Лунную обсерваторию. — Ему не удалось сдержать триумф в голосе. — Господа, некоторые из планет распоясались! В особенности наиболее удаленные, и даже некоторые из тех, что ближе к Солнцу, нарушили свое движение. Небесное тело с огромной массой приближается к нашей системе. Хотя к настоящему времени посетителя так и не видно!

Гвалт возбужденных возгласов последовал за этой потрясающей новостью. Аркот успокоил их, подняв руку.

— Единственная причина, почему никто в целом мире не слышал об этом факте, заключается в том, что возмущение планет столь ничтожно, что астрономы сочли его за вероятную ошибку в вычислениях. Сейчас они перепроверяют свои данные. А теперь вернемся к моим наблюдениям. Должно быть, многие миллионы лет назад жизнь развивалась на планетах черной звезды, тогда еще теплого солнца, поскольку оно было намного моложе. Впрочем, оно, возможно, было тусклым, как это бывает у звезд в их молодые дни. Вспомните, наше собственное солнце намного выше среднего в яркости и тепловом излучении... В те давно ушедшие века на планете ныне черной звезды существовала раса во многом подобная нашей собственной, разве что отличающаяся химически, с их водородной атмосферой. Но химическая организация — это не то, что создает расу. Главное — мыслительный процесс. По мере того, как они развивались, развивалась их наука, их звезда гасла. Все это произошло до того, как его тепла стало недостаточно для естественного поддержания жизни. Тогда они должны были начать поддерживать тепло искусственно. Оставим вопрос относительно источника энергии; они должны были использовать энергию материи — атомную энергию, — никакого другого источника для этой цели просто недостаточно. Вероятно, их наука развилась до нужного уровня

задолго до того, как возникла эта острая потребность... С тем же принципом, возможно, связаны способность к преобразованиям материи и способ, который они используют для движения своих межзвездных крейсеров. Уверен, эти машины работают за счет энергии материи... Но, в конце концов, их звезда стала черной, невидимой звездой, и лишенные тепла, темные планеты стали пленниками остывшего черного солнца! Они бы были бы пойманы в ловушку вечности, если бы не нашли способ начать путешествие к какой-нибудь другой звездной системе. Они не могли путешествовать с той же скоростью, что и свет, и могли спастись, только если бы нашли звездную систему неподалеку. Ныне их звезда стала мертвочерной. Давайте назовем ее Нигрой — черной. У любой звезды должно быть имя. Есть возражения? — никто не возразил, и Аркот продолжал. — Теперь мы подошли к невероятному, даже невозможному совпадению. То, что две звезды в их движении должны сойтись друг с другом в одной точке, кажется нелогичным. То, что у обеих звезд есть свиты планет, которые сейчас сближаются, только усиливает невероятность такого предположения. Тем не менее, это происходит прямо сейчас. И нигране — назовем их по имени звезды, — используют это совпадение в своих интересах. Поскольку они могли наблюдать за нашим Солнцем в течение долгого, долгого времени, то перед таким заведомо очевидным сближением у них было предостаточно времени на то, чтобы подготовиться... Считаю, что их экспедиция была исследовательской; и если они могут отправить такие огромные машины на разведку, я уверен, они у них должен быть еще более серьезный флот для нападения... Мы мало знаем об их оружии. У них есть некий луч смерти, впрочем, не настолько смертоносный, как мы могли бы опасаться, хотя бы потому, что наши корабли смогли одолеть врага. В следующий раз, по логике, инопланетяне приведут с собой флот небольших кораблей, которых можно разместить в чреве тех гигантов, и вот тогда они станут опасным врагом. Мы должны предвидеть их шаги и суметь обойти их... Что касается луча смерти, то я полагаю, у меня есть идея, как он работает. Вы все знакомы с каталитическими эффектами света. Водород и хлор будут находиться в покое в одном и том же сосуде в течение длительного времени, но

позвольте яркому свету воздействовать на них, и они вступят во взрывоопасную реакцию. Это катализитический эффект резонанса, движения волн. Еще существует такая вещь как отрицательный катализ. В определенной реакции, если введен третий элемент или состав, вся реакция останавливается. Я полагаю, что в этом и заключен принцип луча смерти нигран. Это просто катализатор, который останавливает химические реакции живого организма, ведь они так тонко уравновешены, что малейшее стороннее воздействие ломает их.

Аркот замолчал и сел, яростно запыхавшись на мгновение. Во время его речи трубка почти совсем затухла, и энергично отдуваясь, он пытался снова разжечь ее. Наконец, у него это вышло, и тогда, сделав пару затяжек, он продолжил.

— Какое другое оружие они имеют, мы не знаем. Секрет невидимости наверняка должен им быть известен. Но мы примем меры, оборудовав наши корабли системой противодействия. Единственная причина, почему наши патрульные корабли не оснащены ею, состоит в том, что невидимость бесполезна для современных преступников. Все знают ее секрет, и как с ней бороться.

Мори прервал его вопросом:

— Аркот, очевидно, мы должны выйти в космос, чтобы встретить врага, иначе нам придется сражаться на нашей территории. Как мы собираемся это сделать? Мне интересно, не можем ли мы использовать систему Уэйда для хранения атомарного водорода в жидком виде. Это даст около ста тысяч калорий на каждые два грамма, и поскольку это метод хранения тепловой энергии, а твой молекулярный двигатель использует метод преобразования тепла в механическую работу со стопроцентной эффективностью, то почему бы не использовать его? Все, в чем мы действительно нуждаемся, это в способе хранения тепловой энергии во время пребывания в космосе.

Аркот медленно вздохнул, прежде чем ответить, наблюдая как столб дыма растворяется в воздухе.

— Я думал об этом, и пытался думать о других двигателях, если они возможны, которые дешевле и быстрее дадут необходимую мощность. Давайте разберем различные источники по очереди. Обычные — это те, которые люди используют в

течение нескольких столетий, — отпадают сразу. Атомная водородная реакция дает больше энергии на грамм, чем какая-либо другая известная химическая реакция. Ну а такие вещи, как аккумуляторные батареи, электростатические конденсаторы, индукционные катушки или простые накопители тепла, и вовсе не решают нашу проблему. Единственный иной способ хранения энергии, о котором мы знаем, это способ, используемый каккорианами для питания их огромных самолетов... Они используют сжатую энергию света. Это эффективный конечный максимум, которого нельзя достичь иными методами, и все же им необходимы огромные резервуары для хранения энергии. Это слишком неэффективно для нашей цели. Нам нужно что-то, что можно упаковать в небольшое пространство. Нам нужно конденсировать свет еще больше. Это будет идеальная форма хранения энергии, ибо тогда мы будем в состоянии выпустить ее непосредственно в виде теплового луча, и тем самым использовать с предельной эффективностью. Я думаю, что мы можем абсорбировать выделяемую энергию обычным кавитационным радиатором. — Странная улыбка появилась на лице Аркота. — Не забывайте, что мы хотим получить свет в более сжатой форме, естественно, стабильной, и он должен постоянно пребывать в связанном состоянии, до тех пор, пока не потребуется выброс энергии. Для примера...

Крик Уэйда прервал его:

— Это просто замечательно! У-у-х, я должен сказать тебе! Ты соберешь все призы! — и он радостно засмеялся.

С озадаченным удивлением Мори и два пожилых человека посмотрели на него и на Аркота, который в этот момент широко улыбался.

— Ну, я допускаю, что это должно быть смешно, — начал было Мори, затем запнулся. — О... я понял... Ну, конечно, отлично! — он повернулся к отцу. — Я понимаю, в чем тут дело. Ведь решение постоянно находилось у нас прямо перед носом. Иллюминаторы из световой материи, которые мы нашли в разрушенных кораблях противника, содержат достаточно связанной энергии света, чтобы управлять всеми самолетами, которые мы могли бы сделать за ближайшие десять лет! Фактически получается так, что сам враг снабдил

нас силой, которую мы не можем получить любым другим способом. Я не знаю, Аркот, заслуживаешь ли ты приза за изобретательность, или мы должны получить утешительные призы за нашу тупость.

Аркот-старший улыбнулся, а затем с сомнением посмотрел на сына.

— Здесь определенно есть достаточно необходимого вида энергии, но что ты предлагаешь для ее активации, для высвобождения? Какие у тебя идеи?

— Их две. Я не знаю, насколько они действенны, конечно. Но мы можем попробовать. — Аркот был теперь серьезен и пыхтел трубкой, как будто это помогало ему думать.

Уэйд вставил вопрос:

— Как ты думаешь, как они конденсируют энергию света, если их солнце мертвое. Откуда свет? Возврат к атомной энергии, как я полагаю?

— Я знаю, не больше твоего, но, конечно, уверен, что они должны расщеплять материю для получения энергии. Что касается проблемы конденсации света, я думаю, что у меня есть одно из возможных решений, которое также дает ключ. Мы многое еще не умеем, но у нас появится большой запас знаний, прежде чем эта война закончится. Или у нас не будет вообще ничего! — добавил он мрачно. — Вполне возможно, что человечество может потерять знания, жизнь, свои планеты и солнце... но надежда есть. Ничего еще не кончено для нас.

— Как все-таки они получают свободную энергию? — не унимался Уэйд. — Как ты считаешь, те большие слитки, похожие на серебро, участвовали в процессе ее выделения?

— Да. Те блоки, вероятно, разработаны, чтобы передавать энергию, как только она высвобождается. Как это происходит, я еще не знаю. Они не могут использовать физический аппарат, без риска расплавить ту материю, из которой он изготовлен. Устройство должно быть невосприимчивым к дезинтегрированному веществу, не говоря уже о прочей материи. Это было бы совершенно невозможно, если вы собираетесь получать энергию каким-либо другим способом, кроме использования силовых полей. Но я не уверен, что это именно тот метод. Но мое предположение — что только

потрясающей силы электрический ток может сделать нечто подобное, если подобное вообще возможно... Теперь о том, как мы собираемся подать такой ток? Он должен быть такой силы, что провода не выдержат. Независимо от того, как инопланетяне решали этот вопрос — для нас есть только один способ. Если аппарат будет использовать особый вид материи, то он не пострадает. Решение очевидно. Использовать некую световую материю... Вы помните платформу из светового металла, прозрачную, как кристалл? Это, вероятно, была изоляционная плита. Мы знаем, что электропроводимость металлов позволяет им передавать электроэнергию; точно так же световые металлы должны проводить свет. Далее мы знаем, что нет такого вещества, которое прозрачно для света и одновременно обладает электропроводимостью, как у металла. Я имею в виду, разумеется, что нет вещества прозрачного для света и в то же самое время способного к переносу электротока посредством электронов. Правда, у нас есть такая штука, как раствор хлорида натрия в обычной воде, но здесь — ионная проводимость. Даже стекло очень хорошо проводит ток, когда размягчено; нагретое докрасна, оно будет проводить достаточно электроэнергии, чтобы еще быстрее расплавиться. Но, опять же, это не твердое тело, а вязкая жидкость, и она тоже обладает ионной проводимостью. Железо, медь, натрий, серебро, свинец — все металлы передают ток с помощью дрейфа электронов через твердое вещество. Во всех этих случаях мы видим, что нет непрозрачной субстанции, которая бы проводила электричество. Точно так же верно и обратное. Ни одно вещество, способное к переносу тока за счет электронной проводимости, не прозрачно. Полностью непрозрачно, при любой толщине. Конечно, золото прозрачно, если взять тончайший лист, но тогда получается, что, будучи тонким, оно не может проводить большой ток! Специфическое условие, которое мы наблюдаем в случае невидимости корабля, отличается. Там эффект вызван высокой частотой колебаний. Вы понимаете мою мысль? Вспомните те провода, которые вы видели, ведущие к той маленькой коробке из отражающего материала. Так прекрасно отражающего, что мы даже не заметили его, но только догадались о его присутствии. Мы видели только

свет, который он отражал. Вне сомнения, это и есть свето-материя, не металлическая и, как таковая, не проводящая свет. Этот неметалл с отличной отражающей способностью. Сера отражает электричество и — в кристаллической форме — пропускает свет. Этот «свето-неметалл» делает нечто подобное, он отражает свет и пропускает электричество. Вот он — идеальный проводник... В итоге у нас есть две необходимых составляющих, это вещество, которое необходимо дезинтегрировать, и проводник распадающейся материи. Это должны быть два разных типа материи. Остальное очевидно, но решительно не просто. Хотя они сделали это. Но пока не закончится война, их машины, дрейфующие сейчас в пространстве, не откроют нам свои тайны.

Аркот-старший похлопал сына по спине.

— Серьезные теории. Так или иначе, с этого можно начинать. А теперь, чтобы вы могли начать работать над этой проблемой, я прошу дозволения удалиться в свою лабораторию. Сейчас я работаю над методом увеличения дальности и мощности твоего луча молекулярного движения. Юный Моррис помогает мне, и у него есть стоящие идеи. Я покажу тебе наши расчеты позже.

Встреча была закончена. Троє молодых людей остались в собственной лаборатории, старики ушли.

ГЛАВА 4

Троица ученых незамедлительно приступила к работе. Аркот попросил Уэйда и Мори заняться пластиной-иллюминатором и попытаться оторвать от нее маленький кусочек, с которым они могли бы работать. Сам же Аркот отправился в комнату с телевизором и сделал еще один звонок в Обсерваторию Тихо, главную обсерваторию, которая совсем недавно была размещена на холодной поверхности Луны. Огромное зеркало, двадцати футов в диаметре, давало серьезное увеличение, и звездные наблюдения значительно облегчились, поскольку ничто не мешало им, ведь «видимость» всегда была идеальной.

Тем не менее, большое расстояние служило препятствием для телевизионных станций, и все вызовы, направленные

астрономам, должны были перенаправляться через мощную передающую станцию в Сент-Луисе, где получали и отправляли все межпланетные сообщения, в то время, когда эта сторона Земли находилась напротив обсерватории; а также из Константинополя, когда этот город находился напротив спутника Земли. Эти станции могли обеспечивать легкую и четкую связь.

В течение нескольких минут Аркот ждал, пока установится соединение с Луной; затем он провел долгий и откровенный разговор с наблюдателем далекой станции и, наконец, удовлетворенный, повесил трубку. В беседе он изложил свои идеи относительно черной звезды, основанные на возмущениях планет; затем попросил опровергнуть или подтвердить его теории и посмотреть, смогут ли они найти какое-либо затенение звезд неосвещенной массой.

Наконец он вернулся к Мори и Уэйду, корпевшим над прозрачной пластиной. На лице Уэйда застыло раздраженное выражение, Мори широко улыбался.

— Привет, Аркот, ты пропустил все самое интересное! Видел бы ты как, Уэйд пытался расправиться с этим блюдом!

За время отсутствия Аркота пластина была искривлена и согнута, и это говорило о том, что ее подвергли неким потрясающим усилиям. Уэйд отпустил ряд весьма красноречивых комментариев о свойствах пластины на языке, который нельзя было назвать ни научным, ни печатным. От замечаний ученого, однако, была польза хотя бы в том, что они позволили ему выпустить гнев.

— Я вижу, тебе не очень нравится этот материал, Уэйд. Может быть, проблема заключается в лечении, а не в самом пациенте. Что ты пробовал?

— Все! Я попытался взять его ножковкой из корониума, которая как масло режет молибденовую сталь, но только затупил ее. Я попробовал некоторые из тех алмазных циркулярных пил, которые у нас есть, и они напрочь лишились зубьев. Меня это разозлило, так что я предпринял еще большие усилия. Я положил пластины в машину для тестирования прочности, зажал там — этот прибор создает давление в десять миллионов на фунт, — но она всего лишь согнулась, так что я вынужден был прекратить. После этого Мори держал пластины молекулярным лучом,

а я попытался скрутить ее. Поверь, это доставило мне реальное удовольствие — видеть, что эта штука уступает под давлением. Но она не ломается. Она просто сгибаются. Я не могу разрушить ее, или даже снять немного стружки от этой проклятой вещи. Ты сказал, что хочешь сделать расчет удельной массы, но материал настолько плотный, что я не смог добыть тебе даже крошечного кусочка. Ничего не выходит! — Уэйд с отвращением посмотрел на пластину.

Аркот сочувственно улыбнулся. Он мог понять чувства приятеля по отношению к такому упрямому материалу.

— Жаль, что не предупредил вас, друзья, о том, с чем вам предстояло столкнуться, но я так спешил сделать звонок на Луну, что не рассказал вам о своей идее. Уэйд, возьми алмазную дисковую пилу, а я сделаю то, что нам поможет. Бери пилу с пневмомотором. Ту, которая сделана из корониума.

Вскинув брови и почесав в затылке, Уэйд проводил удивленным взглядом Аркота, но все же сделал так, как тот просил. Аркот вернулся через пять минут, с небольшой подъемной машиной и огромным магнитом. Магнит, должно быть, весил почти полтонны. Аркот быстро подключил его к мощному электрокабелю лаборатории. Затем он поднял магнитом согнутую и закрученную пластину при помощи крана. Оставив подъемник в рабочем положении, он бодро вернулся к поджидающим товарищам.

— Сейчас посмотрим, что у нас получится! — уверенно улыбаясь, Аркот усилил поле большого магнита. Сильный магнитный поток мгновенно пронизал световой металл. Он взял небольшую пневматическую пилу и опробовал ее на прозрачной пластине. Ровное шипение воздуха сменилось подвыванием, когда пила вошла в контакт с непокорной поверхностью.

Не веря глазам, Уэйд наблюдал за тем, как небольшая алмазная пила, пусть медленно, но вгрызась в пластину. Через мгновение был отрезан маленький кусочек световой материи, и этот кусочек упал с глухим стуком, на полюс магнита, под действием притяжения и силы тяжести. Отключив магнит, Аркот взял плоскогубцы и схватил небольшой фрагмент.

— Хм, этот металл из невесомого света отнюдь не легок! Бьюсь об заклад, этот маленький кусочек весит фунтов десять! Придется значительно уменьшить его, прежде чем мы

сможем его использовать. Но не думаю, что это будет слишком сложно.

При помощи магнита и нескольких больших алмазных выверочных плит, они смогли обработать жесткий материал до тонкого листа; затем, тяжелым прессом, отрезали несколько еще меньших фрагментов, чтобы определить удельный вес.

— Аркот, как магнит делает этот металл таким послушным? — спросил, наконец, Уэйд. — Я не настолько силен в физике, чтобы понять, что происходит внутри вещества.

— Магнетизм действует, потому что в этой световой материи каждый фотон находится под действием того же магнетизма, насилино изменившего их движение, — пояснил Аркот. — А им, как ты знаешь, свойственно двигаться со скоростью света. Это единственное в своем роде твердое тело с такими свойствами. Этот материал имеет состояние, схожее с тем, что производит луч молекулярного движения, все фотоны его заставили двигаться по параллельным курсам на полной скорости каждого — 186 000 миль в секунду. Огромная скорость отдельных фотонов — именно то, что делает этот материал очень прочным. Их кинетический импульс весьма значителен! Он и не позволяет другому металлу проникнуть через него. Кинетический удар вызывает такое мощное отталкивающее действие, что даже алмаз не взял бы этот материал. Ты знаешь, что стальная ножовка с легкостью пилит платину, но если оба металла будут нагреты, скажем до температуры 1600 градусов, железо станет текучим, а платина станет очень мягкой, и теперь уже платина сможет воздействовать на железо... Высокая температура, вероятно, не окажет никакого эффекта на этот материал, но действие магнита на отдельные фотоны соответствует эффекту тепла для атомов и молекул. Масса размягчается, и мы можем ее обрабатывать. По крайней мере, я так понимаю... Но теперь, Уэйд, я хочу, чтобы ты попробовал определить плотность материала. У тебя больше опыта в измерениях и такого рода манипуляциях, чем у нас. Я думаю, когда ты закончишь, мы все вместе удивимся результатам! Уэйд взял крошечную пластинку светового металла и направился в свою лабораторию. Он настроил весы Джолли и приступил к работе над фрагментом. Полученные значения были столь

поразительными, что он перепроверил еще раз, но с тем же результатом. Наконец, он вернулся в главную лабораторию, где Аркот и Мори были заняты сооружением большого и сложного электроаппарата.

— Что-то получилось? — откликнулся Аркот, как только увидел, что Уэйд возвращается. — Не подождешь секунду, пока мы закончим? У нас здесь лабораторная копия устройства каксо-риан для хранения света. С тех пор как они начали использовать эти машины, они научились, в том числе, и высвобождать энергию с большой эффективностью, внося некоторые изменения. Таким образом, устройство, которое служит для хранения фотонов в максимально плотном состоянии, так же будет служить и для разделения их. Я добавил свои изменения, и теперь пытаюсь настроить аппарат для работы с твердой световой материей. Учитывая, что он предназначен для газообразного материала, это довольно сложная задача. Но я надеюсь, что у нас получится. Уэйд, будь добр, соедини этот прибор с высокочастотным генератором — нет, через тот уравновешивающий конденсатор. Нам, возможно, придется изменить частоту генератора совсем немного, но лучше это сделать через переменный конденсатор. Ну, вот. Так что за результат ты получил?

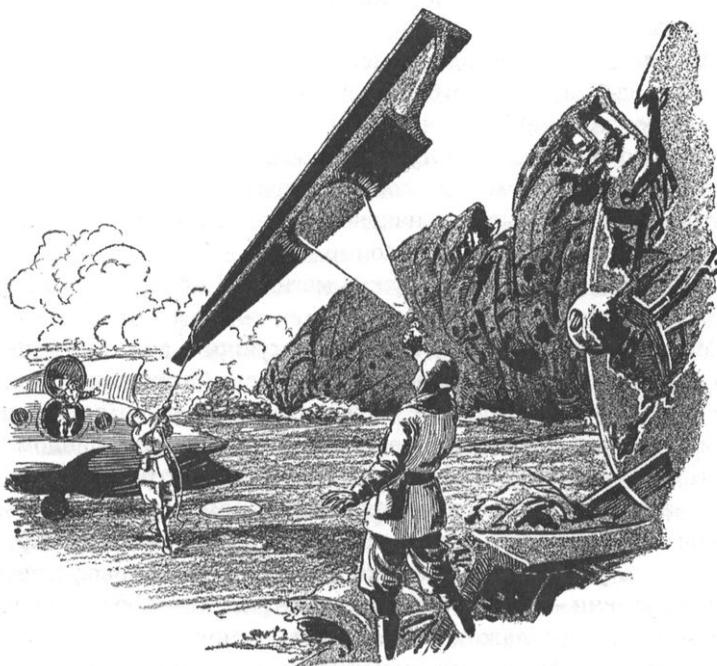
Уэйд с сомнением покачал головой.

— Мы все знаем, что это удивительный материал, и он должен быть очень плотным, но все же... В общем, я получил плотность 103,5!

— Фьюты! 103,5! Боже! Это почти в пять раз тяжелее, чем самый тяжелый металл из всех известных в настоящий момент. У нас примерно половина кубического фута. Это значит приблизительно 4000 фунтов всей массы, или две тонны. Неудивительно, что мы не могли поднять пластину!

Ученые прекратили работу над аппаратом каксориан, чтобы обсудить удивительные результаты анализа плотности, но вскоре снова принялись за сборку устройства, экспериментируя на ходу. Когда все детали заняли свое место, Аркот отошел в сторону и оглядел работу.

— Думаю, что все мы хотим начать распад прямо сейчас, — сказал он. — Но я хочу перестраховаться, поэтому прежде чем мы приступим, лучше добавить сюда большой магнит, чтобы он помог нам в случае необходимости.



Наконец, аппарат был настроен, и крошечная часть светового вещества была помещена на стол мощного проекционного микроскопа Атчinsona, в поле зрения, находящееся в точном центре площадки, где находились магнит и катушка. Придирчиво, шаг за шагом, Аркот, Мори и Уэйд еще раз перепроверили свою работу.

— Ну, теперь готово, — сказал, наконец, Аркот, выдвинул проекционный экран и затемнил свет в комнате. С нажатием переключателя на проекционном экране появилось сильно увеличенное изображение крошечного обрезка светового металла.

Держа руку на тумблере, Аркот сказал друзьям:

— Я не смею утверждать, что нет никакой опасности, потому что мы никогда не делали этого раньше. И если вся энергия вырвется сразу, она может вышибить потолок. Но я все-таки уверен, что все пройдет благополучно. Есть возражения?

Уэйд помотал головой. Мори тоже.

— Я не вижу никаких недостатков в нашей работе, — сказал он.

Аркот кивнул и, чуть волнуясь, замкнул цепь. Включились мощные излучающие трубки Аркота, и устройство было готово к использованию. Он медленно закрыл реостат и перевел полную мощность в катушку. Небольшая полоска металла на предметном стекле, казалось, немного запульсировала, ее контуры стали размытыми; наконец, была подана полная мощность, но ничего не происходило.

— Думаю, нам все-таки нужен магнит. Я подключу его на время.

Молодой ученый отключил цепь катушки и замкнул контур магнита, подав половину необходимого напряжения, затем снова увеличил ток через реостат. На этот раз пластиинка завибрировала еще яростнее. Неожиданно запахло йодом. Плотные пары стали подниматься из кусочка странного материала и немедленно превращаться в ослепительно сверкающие потоки света. Аркот поспешил выключить тумблер, как только увидел, что происходит. Это заняло совсем немного времени — на то, чтобы разомкнуть цепь и обесточить устройство, — но даже столь краткого мгновения оказалось достаточно, чтобы легкий алюминиевый экран внезапно заискрился и тут же расплавился! В комнате стало невыносимо жарко, а люди были наполовину ослеплены интенсивностью света.

— Работает! — закричал Уэйд. — Работает! Да здесь сущее пекло! — он распахнул окно. — Просто дышать нечем.

Аркот и Мори пожали друг другу руки, радостно улыбаясь. Их опыт означал, что у Земли и Венеры будут космические корабли, с которыми можно не опасаться вторжения. Серьезная причина для настоящей радости. Хотя прогресс в их исследованиях уже был значительным, все же впереди предстояла большая техническая работа.

— Нужен Фуллер! — объявил Аркот, после чего связался с Мори-старшим и попросил узнать, свободен ли тот. Фуллер появился около полудня и обнаружил трех друзей над разработкой уже более компактного аппарата, чем то кустарное сооружение, которое они использовали для первого расщепления световой пластины.

— … и, таким образом, как ты видишь, — подвел итог Аркот, заканчивая краткое изложение проделанной на данный момент работы, — у нас еще полно дел впереди. Я сейчас пытаюсь систематизировать предварительные данные, чтобы ты мог начать. Но уже могу сказать точно: нам нужен корабль с большим запасом прочности и огромной скоростью. Там, конечно, будет обычная электростанция, излучатели, набор мощных труб и электромагнитные реле для управления и контроля за молекулярными двигателями. Кроме этого, нам понадобятся средства управления для излучателей, хотя это может подождать — отец работает над методом удвоения дальности их поражения. Ах, да, движущие модули теперь разместятся внутри корабля, поскольку вся требуемая мощность будет исходить от энергии светового вещества...

Следующий час ученыe провели в обсуждении разнообразных подробностей, необходимых для проектирования их космического корабля: механизм, участвующий в передаче световой энергии для движения; устройство обогрева корабля в межзвездном пространстве; главный горизонтальный двигатель для прямого и обратного движения, а также торможения; три меньших вертикальных блока, чтобы дать им свободу набора высоты или снижения; несколько небольших горизонтальных рулей для разворотов и бокового перемещения.

Боевые корабли, как решили друзья, должны обладать возможностью двигаться со скоростью шести или семи тысяч миль в секунду. Нужны были три типа судов. Во-первых, одноместные катера, без спальных мест и жилых помещений, только с небольшой энергостанцией и оружием. При скорости и мобильности, в них будет очень трудно напасть, в свою очередь, их поражающая способность будет опасной для врага. Затем, земной флот нуждался в кораблях-носителях, которые смогут перевозить катера и их пилотов — по тридцать на каждый крейсер. Также нужны будут корабли-разведчики, разработанные по тому же принципу, что и предыдущие, но с меньшим парком катеров.

— Для защиты, — заканчивал Аркот, — хорошо бы иметь броню настолько прочную, насколько это возможно. Хотя не думаю, что мы будем в состоянии сделать ее достаточно массивной, чтобы защититься от их луча отрицательного катализа.

Мы должны больше полагаться на мобильность и спользовать наступательную тактику. Но теперь, давайте вернемся к работе. Я надеюсь, Фуллер, что ты сможешь привлечь инженеров и технологов крупнейших производителей самолетов, и пусть они будут готовы приступить к работе сразу, как только появятся первые чертежи. Еще тебе необходимо будет войти в контакт с производителями на Венере. Все новые разработки Сонора и Каксора, безусловно, будут нам полезны. Я предполагаю, что у представителей Межпланетного патруля тоже будет, что сказать, поэтому следует обратиться и к ним. Аналогично и к Венерианскому совету. Мори, возможно, твой отец сможет взять часть контактов и на себя... Все как один, они приступили к работе, каждый над своей задачей в проектировании и строительстве военной флотилии Земли и Венеры.

ГЛАВА 5

Несмотря на огромные усилия и безостановочную работу промышленности двух миров, прошло не меньше шести недель, прежде чем флот Солнечной системы стал реальностью. Испытания, которым ученые подвергли крошечные скоростные катера, прошли более чем удовлетворительно. В полете они были чудесны, оружие обладало потрясающей скорострельностью, а пилоты могли выдерживать любые перегрузки. Удивительная мобильность превращала их в грозную силу. Одновременно была создана специальная группа, которую окрестили «Реактивной командой», куда входили люди, способные выдерживать многократную перегрузку. Эта группа состояла исключительно из землян, ибо они, привычные к земной силе тяжести, выдерживали большие ускорения, чем венериане. Из представителей Межпланетного патруля было сформировано ядро этой военной группы. Привлекательность новой и очень романтичной профессии была так велика, что от желающих попасть в отряд не было отбоя — множество молодых людей боролись за право занять место среди пилотов новых машин.

Каждый из кораблей был оборудован локатором невидимости, чувствительным коротковолновым направленным

приемником, который позволил бы оператору наводить лучи на невидимые цели. Сами корабли не могли обладать невидимостью, так как непосредственно принцип их действия был основан на использовании световой энергии. Если бы стены каждой части корабля стали совершенно прозрачными, он вообще не смог бы потреблять энергию, и при этом стал бы даже еще заметнее, чем обычно! Так что они должны были оставаться видимыми, но имели оружие против невидимости врага.

Каждый десятиместный корабль нес на борту устаревшую пушку, которая предназначалась для метания баллонов со светящейся краской. Было решено, что эти пушки нисколько не помешают, даже если захватчики не будут использовать невидимость, поскольку в космосе корабли видны только тогда, когда отражают или излучают свет. По этой причине корабли землян и венериан не были оборудованы никакими иллюминаторами, за исключением рубки управления и наблюдательных постов. Любая другая утечка света исключалась. Чтобы уменьшить отражение до абсолютного минимума, каждый из кораблей был покрыт черным составом, поглощающим 99% света. В космосе заметить такую цель было чрезвычайно непросто. Черное покрытие усиливало нагревательный эффект Солнца, особенно интенсивный в непосредственной близости к нему, поэтому для охлаждения скоростных катеров служили мощные блоки молекулярных двигателей, поглощающие тепло и использующие энергию для управления судном. А на удалении от Солнца, излучающие потери черной поверхности компенсировались нагревателями. Каждый из скоростных катеров, спидстеров, был оборудован небольшим пулеметом, стреляющим пульями со светящейся краской. Любая из них, попадая в цель, делала ее видимой в течение, по крайней мере, двух часов. Сложнее было с испытаниями лучевых пушек. Правительству пришлось выделять большие участки в горных районах, вдали от какой-либо ценной собственности, но вскоре стало ясно, что испытания нового военного оружия не могут быть произведены на Земле. Лучи очень быстро уничтожали цели, и вскоре почти не осталось мишней. Проблема была решена предоставлением полигонов на бесплодной поверхности Луны и в поясе астероидов за пределами Марса.

Эскадрильи пополнялись кораблями так быстро, насколько эта задача была выполнима, а также по мере обучения и готовности экипажей. Большой сторожевой флот патрулировал ту часть Солнечной системы, откуда появились Нигране. Командующие кораблей Солнечной системы надеялись перехватить следующую атаку, не позволив им долететь до Земли, ибо была уверенность, что следующее нападение станет куда более серьезным.

Аркот отправился на конференцию, состоявшуюся на Венере, с участием всех, кто занимался исследованием обломков, где каждый ученый изложил свой взгляд и высказывал свои предложения. Идея Аркота о черной звезде не получила общего одобрения. Как он позже рассказывал Уэйду и Мори, которые остались на Земле, все возражения на его идею имели достаточно серьезные основания. Хотя ученые готовы были признать, что захватчики, должно быть, явились издалека, и все согласились, что они живут в водородной атмосфере, и что, судя по их бледной коже, не привыкли к лучам звезды, ученые по-прежнему настаивали на теории внешней планеты Солнца.

— Помните, — рассказывал Аркот, — какая большая дискуссия шла несколько лет назад о существовании планеты еще более далекой, чем Плутон. Известно, что существует целый ряд нарушений в орbitах Нептуна и Плутона, которые не могут быть вызваны известными нам планетами, но могут объясняться существованием внешней планеты. Нападение из космоса было незамедлительно принято в качестве доказательства этой теории, и его поддержало большинство собравшихся. У меня имелись только две важных детали, которыми я мог какое-то время отбиваться от их нападок — это тот факт, что корабли были разработаны не за год, не за столетие, и что химическое строение этих людей имеет слишком серьезные отличия. Не было никаких новых обнаруженных элементов, кроме световой материи, и тем более была удивительна такая разница между химическим строением землян и этих захватчиков... У моих оппонентов был один аргумент, — они указывали на малую вероятность встречи Солнца с черной звездой. Вы знаете, конечно, как формируются планеты? Они являются результатом периодического воздействия двух проходящих мимо звезд... Можете вообразить две колоссальных звезды,

дрейфующих через пространство и медленно сближающихся, пока, наконец, они не сойдутся друг против друга в нескольких миллиардах милях, а их гигантские массы не создадут взаимодействующее тяготение колоссальной силы. Их массы противоборствуют друг другу, и каждая пытается вырваться и продолжить свой путь вокруг центра галактической системы. Но, поскольку эти громады сближаются, цепи, которые их связывают, становятся все сильнее, и огромная сила притяжения одного гигантского шара вызывает титанические приливы пламени на другом. Большие массы газового вещества выстреливают в космическое пространство между пылающими солнцами. Воздействие силы тяжести становится все более интенсивным, притягивая потоки с огненного шара, который за все время своего существования, не знал иного движения, кроме как крутиться вокруг своей оси, но теперь начинает приобретать все большую и большую осевую скорость, поскольку приливная волна подгоняет его... Пламя начинает подниматься выше и выше, под действием центробежной силы образует невозможной величины гребень и пытается вырваться на свободу. Этот пылающий язык газа тянется все дальше и дальше и превращается в могучий язык огня, столб длиной в три-четыре десятка миллионов миль пространства, и наконец две звезды как будто соединяются, словно через два выросших друг против друга сталактика и сталагмита. Пылающая лента соединяет их, эти две колоссальные звезды, как будто величественная огненная нить, — и одновременно намного более могущественные цепи сил тяжести пытаются удержать их вместе... Но теперь их скорость снова заявляет о себе, и они опять удаляются друг от друга, и никто не может сказать, когда они еще снова встретятся. Миллион лет кажется более вероятным ответом, но это почти ничто в жизни звезд. Светила расходятся и пылающий столб растягивается, становится все тоньше, пока, наконец, обе звезды не разделятся окончательно. Но теперь газ никогда не вернется обратно на Солнце. Столб огня, напоминающий пылающее веретено, растягивается в космосе, ибо ему задана такая скорость, которая необходима, чтобы сформировать орбиту. Гигантская масса газа слишком холодна, чтобы продолжать извлекать энергию из материи, как это происходит на поверхности звезды, и остывает. По мере того

как она охлаждается, появляются определенные сгустки, дающие начало планетам. Большая нить, которая простиралась от звезды до звезды, имеет веретенообразную форму, то есть более утолщена в центре, где и образуются более крупные планеты. Таким образом, Юпитер и Сатурн намного крупнее любых других планет. Сужение к концам объясняет, почему Земля более крупная, чем Венера, а последняя является более крупной, чем Меркурий, Уран и Нептун оба меньше, чем Сатурн, а Плутон еще меньше... Марс и астероиды труднее объяснить. Возможно, их появление легче понять, если мы вспомним, что таким образом сформированные планеты обязательно должны были вращаться в эксцентричных орбитах, когда они только зародились, и эти планеты периодически слишком близко подходили к солнцу, в результате чего все еще газообразный Марс потерял значительную часть своего вещества, а другая планета, которая в настоящее время существует как пояс астероидов, распалась... Та чужая пылающая звезда окончательно отправилась блуждать в пространстве. Она оставила после себя следы своего пребывания, планеты, никогда еще не существовавшие прежде. Но стоит помнить, что и у нее тоже должны быть теперь планеты... Все это случилось приблизительно два миллиарда лет назад... Но для того, чтобы это могло произойти, требовалось, чтобы две звезды прошли на относительно небольшом расстоянии, в нескольких миллиардах миль друг от друга. Космос, как вы знаете, не заполнен материей. Представьте, что мы имеем сферу размером в 8000 миль, то есть примерно с Землю — а это порядка 270 миллиардов кубических миль пространства, и по ней летают двадцать теннисных мячей. Теперь представьте, что два из этих теннисных мячей в столь огромном пространстве пролетят в нескольких ярдах друг от друга. Шансы точно такие же, как вероятность того, что две звезды пройдут друг мимо друга, чтобы создать планеты... Теперь рассмотрим еще одну возможность... У черной звезды есть планеты. Это означает, что в свое время она точно так же проходила мимо другой звезды. Таким образом, у нас есть две звезды, пострадавшие друг от друга. Шансы, что это произойдет, непостижимо малы. Один на миллиард, что сформируются планеты. Две звезды должны пройти близко друг к другу, когда у них есть несоизмеримо большее пространство для путешествий.

Но вдобавок одна из них затем снова проходит рядом с другой звездой, которая когда-то была таким же образом повреждена с тем же шансом один на миллиард — то есть, в общем получается один шанс на миллиард миллиардов... Таким образом, мою теорию назвали невозможной. Я же другого объяснения не вижу. Кроме того, я думал об аргументе, на который другие ученые не смогли возразить. Я удивлен, что они этого не сделали — это касательно объяснения странного химического строения этих людей. Более чем вероятно, что они живут на планете, вращающейся вокруг звезды, которая, тем не менее, является планетой другой звезды. Еще я допускаю, что химический состав Нептуна и Плутона, когда он будет определен, окажется весьма отличным от остальной части наших планет. Две нити, вытянутые от солнц, могли не смешаться. Думаю, что подобное вполне возможно, и перед тем как разойтись с другой звездой, наше солнце могло украсть у другой звезды две или три планеты. Это может объяснить существование странных существ... С остальными моими идеями научное собрание согласилось. Одобрен план относительно расщепления энергии и источника мощности...

Аркот запыхтел трубкой и просидел в задумчивости несколько минут, затем встал и потянулся.

— Эх, как жаль, что они не позволили мне отправиться в действующий космический флот! Научный авторитет иногда может быть ужасным препятствием, — усмехнулся он.

Желание Аркота завербоваться было отвергнуто решительно. Межпланетное собрание категорически заявило, что он слишком важен как ученый, чтобы рисковать своей жизнью в качестве пилота космического корабля. Огромные строительные верфи обоих миров кипели деятельностью. Гражданское производство любых кораблей, кроме самых необходимых, было отложено на время чрезвычайной ситуации. Космические корабли выпускались с максимальной производительностью, получая топливо от «стекла» разрушенных крейсеров захватчиков. Каждый корабль нуждался лишь в небольшом количестве светового металла, поскольку содержащаяся в нем энергия была колossalной. Да и корабли захватчиков были не маленькими. Там, в космосе, уже был построен флот скоростных катеров и их носителей, и с каждым часом все новые и новые

корабли покидали родные планеты, присоединяясь к той силе, которая должна была отразить нападение из глубокого космоса, чтобы ни один корабль не мог прорваться и уничтожить города Земли или Венеры. Сборочные линии теперь выпускали корабли так быстро, что наступила другая проблема — с подготовкой экипажей. Эта трудность, наконец, была решена сокращенным учебным курсом в реальных условиях родной планеты и последующим обучением в процессе полета подразделений к границам охраняемого пространства.

Вскоре было принято решение о необходимости еще одного типа кораблей. Был построен завод по сборке огромных межзвездных лайнеров. Эти гиганты производились на Венере и имели размеры почти четверть мили длиной, и хотя уступали в размерах кораблям нигран, все же были несомненно большими. Двенадцать из них предстояло закончить в течение следующего месяца, один из кораблей предназначался в качестве штаба. Было понятно, что командующий состав должен был находиться не дальше нескольких тысяч миль от места предполагаемых действий, а решения требовали кратчайшего времени на их исполнение.

В то же время, корабль не должен был находиться в непосредственной близости к передовой, чтобы не подвергать опасности командование, в противном случае можно было бы лишиться управления войсками. Окончательное решение заключалось в том, чтобы создать огромный корабль централизованного штаба.

Остальные большие корабли предназначались для хранения продуктов и прочих запасов. Они должны были избегать зоны боевых действий, поскольку огромный размер делал их уязвимыми для небольших судов, так же как корабли нигран оказались беспомощными перед судами Межпланетного патруля. Маленькие корабли не могли хранить припасы больше чем на неделю, но время от времени могли пополнить недостаток на космических складах и снова возвращаться в строй.

На протяжении долгого времени вооруженные силы Солнечной системы вели патрулирование на пределах своих возможностей, стараясь взять под контроль любое вероятное направление атаки. Космическое пространство было отрисовано на большой трехмерной карте, и на каждом корабле

имелась ее точная копия, со всеми движениями планет по их орбитам. Пространство между планетами было разделено на сектора в декартовских координатах, с Солнцем, как центром пересечения осей, и плоскостью эллиптических орбит, как плоскости X-Y.

Линия OX проводилась, указывая на одну из самых ярких из неподвижных звезд, которая находилась в эллиптической плоскости. Таким образом, вся солнечная система была переведена, как раньше планеты, в систему трехмерных широт и долгот. Это было важно, чтобы гарантировать легкое нахождение точки первой атаки и чтобы можно было оперативно собрать флот в этом месте. Рассредоточенные патрули должны были передвигаться свободно, чтобы избежать ложных атак и слишком позднего обнаружения точки атаки врагов в много-миллионном пространстве. Земля и Венера были снабжены гигантскими орбитальными лучевыми пушками, могущественным оружием, способным разрушать любые космические объекты и тела, даже такого размера как Луна, с расстояния десяти тысяч миль. Ведь все-таки, если вражеский корабль со смертоносным лучом прорвется, — какая страшная дань может быть взыскана с огромного города, например, как Чикаго, с его тридцатью миллионами жителей! Или Кароса на Венере с его населением в пятнадцать с половиной миллионов!

Напряженность возрастала с каждым днем. Население двух миров ждало сообщений от далеких патрулей. Главная часть флота была сконцентрирована в едином центре, напоминая собой гигантскую сферическую оболочку из кораблей. Они могли только ждать. И готовиться! Патрули разделяли сотни миль друг от друга, но этого было достаточно, чтобы флот, быть может кроме одного небольшого корабля, не мог проскочить незамеченным. Но позади первой линии наблюдения находились корабли с еще более точной аппаратурой, которые способны были обнаружить инородное тело любого размера в пределах ста тысяч миль.

Солнечная система была готова отразить пиратов из бескрайнего космического моря!

ГЛАВА 6

Тадж Ламор пристально смотрел вниз на огромное поле, раскинувшееся перед ним. Оно было заполнено рядами огромных кораблей, настоящих титанов космоса, дредноутов, которые вскоре должны победить — не нацию, не отдельный мир, но покорить целую солнечную систему и завоевать для своих хозяев новое солнце — звезду, которая осветит и согреет их народ и их потомков на долгие века.

На мгновение взгляд Тадж Ламора скользнул за удаляющейся фигурой Тордоса Гара. Старейшина шел, ссугулившись и опустив голову. Тихие, и все же яркие напутственные слова старца до сих пор звучали в ушах:

— Тадж Ламор, запомни, что я тебе скажу. Если ты выиграешь эту ужасную войну — ты проиграешь. Это ждет и нашу расу. Только если вы проиграете, вы сможете победить.

С хмурым взглядом Тадж Ламор повернулся к бесконечным металлическим корпусам, слабо мерцающим в тусклом свете далеких звезд, среди которых самой яркой сияла та, что была их целью. Отовсюду доносился грохот и гул рабочих машин, заканчивающих подготовку великих кораблей.

Завоеватель поднял глаза к далекому горизонту, где большая желтая звезда своим ярким светом будто иглой пронзала черный бархат космоса. Он думал о той планете, где небо имело синий оттенок такой интенсивности, будто по нему разлили краску!

Задумчиво он смотрел на пылающую желтую точку.

У него было достаточно времени, чтобы все обдумать. Они встретили новую расу варваров, но те не отступили и сумели преподать урок. Между его расой людей вечности и их новым домом стояли эти странные существа — раса столь молодая, что ее возраст едва ли насчитывал тысячелетия; но в то же время это была сильная, разумная форма жизни. И для народа, который не знал войн на протяжении стольких неисчислимых поколений, казалось немыслимым, что они должны убить других живых разумных существ, чтобы продолжать свой род.

«Нет необходимости в переселении», — утверждали Тордос Гар и многие другие. Они могли оставаться здесь, где

жили всегда, и никогда не искать потребности в том, чтобы покинуть свою планету. «Это — голос упадка», — твердил себе Тадж Ламор. Он возненавидел этот голос.

Были и другие люди, те из них, которые побывали в той далекой солнечной системе; люди, которые видели обширные океаны сверкающей влаги, видели текущую беспокойную поверхность вод, отражающих свет большого яркого солнца. Они видели высокие массивы гор, которые упирались в синее небо естественной атмосферы, а их величественные склоны, были полны зеленью — буйным покровом настоящей растительности.

И лучшие из всех готовы были бороться и доказать действием невозможность даже помыслить об исчезновении их древней расы. Они испытывали жажду приключений и душевный подъем, им ведомы были знания, недоступные представителям их расы на протяжении тысячелетий. Они обрели смысл в гонке за зеленою планетой, в них был свежий задор, новая сила, незнакомые ранее эмоции, чтобы повести за собой всех и заразить этим других. Энтузиазм мог быть заразным, но он так же быстро мог смениться духовным упадком. У них был шанс, и другого не будет — они обязаны воспользоваться им!

Они потеряли многих людей в том сражении в этом необычном мире, но их раса извлекла урок из ошибки. Маленькие суда были слишком недоступной целью, в то время как их титанические корабли оказались слишком уязвимыми. Они должны иметь флот небольших кораблей, а огромные использовать для транспортировки. Маленькие корабли, флаеры, не могли обладать необходимой быстротой. Конечно, требуемую скорость было легко поддерживать при бесконечно малых силах сопротивления в космосе, но нельзя было разместить в небольшом судне достаточного количества топлива и энергетического оборудования, которое позволило бы разогнаться до этой самой необходимой скорости. И потому мелкие суденышки были упакованы в трюмы кораблей огромных, словно длинные блестящие обоймы небольших металлических снарядов. Они были крошечными, но могли вертеться и крутиться так же стремительно, как и те кораблики которые нападали с такой скоростью, что невозможно было в них попасть. Их новые флаеры будут достойными соперниками для москитов

с Желтой звезды. Теперь большим транспортным кораблям оставалось только доставить смертоносный груз, и новый мир падет к их ногам!

К этому моменту они обзавелись и новым оружием. Это было одно из тех старых изобретений, забытых в течение бесчисленных поколений. Модель его долгое время пылилась в забытом музее на пустынной планете. Невидимость теперь была их оружием, которое могло бы оказаться чрезвычайно эффективным!

И это было не все. Они разработали еще одно новое оружие! Они узнали о нем не из книг, это было их собственное изобретение. Они не сомневались, что еще могли бы найти в хранилищах массу всего, но идея казалась оригинальной. Это был луч электрических пульсирующих волн, которые поглощались любым проводником. Такой луч мог расплавить корабль!.. И вот теперь огромное взлетное поле было заполнено гигантами космоса. В каждом из этих тысяч огромных военных кораблей располагалось по три тысячи одиночных крошечных флаеров.

Это было зрелище, способное вдохновить на настоящую борьбу! Тадж Ламор наблюдал, как последняя из рабочих машин покидает большой корабль. Флот был готов! Люди уже сидели на своих местах, ожидая приказа начать, и все они кипели энтузиазмом и активностью, не виданными прежде, каждый из них желал скорее закончить это путешествие и оказаться там, в той другой звездной системе!

Тадж Ламор сел в свой небольшой специальный флаер и помчался вниз к гигантским крейсерам. Посадив свою летающую машину, он вышел и направился к соединяющей трубе, готовой доставить его к носу большого корабля. Служители за ним быстро поместили его суденышко в длинный ряд аналогичных транспортных средств. Некоторое время спустя те, кто остался на темной планете, видели, как первые из космических монстров начали медленно отрываться от поля космодрома, а затем стремительно прыгать в небо; один за другим, как будто выпущенные автоматической машиной, они проносились через полмира до космического шлюза, который позволял им выйти в космос. Длинной колонной они двигались вперед. Оказавшись в величественном океане космического пространства, они замедляли движение, формируя единый строй. Закончив построение, они двинулись в путь.

Как будто по волшебству, с других сторон, присоединяясь к ним, слева, справа, над ними, внезапно появлялись флоты точно таких же гигантских кораблей с соседних планет. Быстро они образовали большой конус вокруг флагмана, как будто создавая над ним защитный панцирь и одновременно — наступательное формирование.

Казалось, они летели сквозь тьму бесконечно. После того как желтая звезда стала достаточно яркой, они снизили скорость своих кораблей, чтобы мелкие флаеры могли выйти в космос.

Словно тучи насекомых, роящихся вокруг гигантских космических птиц, маленькие корабли летали вокруг могучих корпусов боевых крейсеров. Те были столь огромными, что совокупной массой флота создавали гравитационное притяжение, достаточное, чтобы заставить маленькие флаеры сформировать вокруг них орбиты. И таким образом они снова понеслись сквозь пустоту, невероятного размера конусом с медленно кружащимся вокруг них поясом мелких кораблей. Флотилия, подобную которой еще не видела Солнечная система...

Это случилось далеко за орбитой Плутона. Первый из разведчиков Солнечной системы обнаружил приближающуюся армаду захватчиков. Напряженное ожидание, которое долго испытывали народы Земли и Венеры, и экипажи космических кораблей-защитников, завершилось. И словно огромный маховик, или гигантский валун, начинаящий движение по склону вниз, грозя врагу своей неудержимой разрушительной силой, флот вступил в действие.

Первым был небольшой разведчик, крейсер с десятью людьми экипажа, который послал сообщение о нападении и сразу после разрешения командования вступил в бой. Некоторые тактики хотели собрать весь флот, прежде чем отвечать на вторжение, но другим казалось, что этим вряд ли можно добиться успеха. Самое главное, считали они — возможность узнать, есть ли у захватчиков какое-либо новое оружие.

Для нигран нападение флота Солнечной системы стало неожиданным, поскольку десятиместный патрульный корабль долго оставался невидимым, хотя обширная громада их собственных кораблей не скрывалась, освещенная пылающим солнцем. Никто из них и не думал прятаться. Скорее Солнце остановится в своем извечном беге, чем они проиграют битву!

Ничто не меняется во все времена! Первым предупреждением об атаке для нигран стал внезапный сокрушительный взрыв головного корабля. Затем, прежде чем они успели понять, что происходит, еще тридцать пять пучков разрушительных лучей молекулярного движения пронзили пространство, чтобы найти свои цели! Небольшой десятиместный крейсер обрушился на эскадру захватчиков! Двадцать один гигантский корабль взорвался бесшумно в пустоте, извергая в космос языки пламени горящих газов, затмивших собой свет Солнца.

Не способные разглядеть своего крошечного врага, экипаж которого действовал с невероятной, отчаянной стремительностью, зная, что их ожидает неизбежная смерть, и потому ставшийся уничтожить как можно большее количество врагов, нигране посыпали свои ответные лучи смерти, чудом не задевая собственные корабли. Еще один корабль беззвучно взорвался, а за ним и другой внезапно остановил свой полет, когда все его молекулы были полностью реверсированы. Корабли, летевшие позади, не смогли остановиться так быстро и влетели в хаос обломков! Громадный ореол светящегося газа разлетелся вокруг на пятьдесят тысяч миль, ослепляя другие корабли в цепи нападавших, лишая их своим сверкающим сиянием возможности разглядеть врага. Теперь множество солярианских кораблей стремительно прибывало к месту сражения. Быстрой совместной атакой трех десятиместных крейсеров был сокрушен один из кораблей-титанов. За этой беззвучной катастрофой, оставившей после себя массу обломков, последовала новая волна лучей, превратившаяся в очередной огненный шар высвобожденной энергии. Но теперь маленькие корабли захватчиков вступили в сражение. Отчаянная попытка дредноутов уничтожить своих врагов лучами смерти только отсрочила их появление, поскольку мелкие корабли захватчиков вынуждены были держаться на удалении. Когда сражение рассредоточено в огромном пространстве — на тысячи миллиардов кубических миль — никакая машина не может пересечь его мгновенно.

Уже почти сто пятьдесят гигантских линкоров превратились в колоссальную массу обломков. Они должны защитить остающиеся крейсера! И оказалось так, что маленькие флае-

ры были действительно способны на это. Многие из кораблей защитников Солнечной системы оказались уничтожены их смертоносными лучами. Тепловые лучи были чрезвычайно эффективными, но, с другой стороны, не обладали достаточной дальностью, и если суда, выпускающие их, обнаруживались локаторами кораблей Солнечной системы, то их уничтожали незамедлительно, поскольку в исходную точку теплового луча мгновенно посыпался ответный молекулярный луч.

Основная часть флота Солнечной системы была все еще в пути, с каждым мгновением приближаясь к месту сражения, а между тем, гигантские корабли нигран продолжали входить на большой скорости в пределы Солнечной системы. И вот, бой между двумя флотами разгорелся в полную силу. Защитники, невидимые из-за их крошечных размеров, поначалу имели преимущество над противником, но теперь, когда в дело вступили маломерные флаеры завоевателей, ситуация стала уже не столь однозначной. Могли пройти часы до прибытия основной силы, но корабли Солнечной системы продолжали яростно атаковать врага. Они не имели права отступить или дожидаться поддержки — им необходимо было задержать флот нигран. Что будет, даже если один из этих гигантских кораблей благополучно прорвется к двум обитаемым планетам? Но в течение получаса после сигнала к первой атаке в сражение вступила «Ракетная команда», с таким пылом и неудержимостью, которые навеки вписали имя этого подразделения в список героев.

К тому моменту маленькие флаеры нигран нанесли сильный урон редеющим рядам защитников. И появление «ракетчиков» оказалось как раз вовремя! Они стремительно бросились на врага. Их скоростные катера было сложнее обнаружить, нежели десятиместные или тридцатиместные корабли. Спидстеры — так окрестили малышек во флоте, — были еще меньше, чем аналогичные флаеры нигран, и сумели нанести захватчикам серьезные потери. Против десятиместных кораблей тепловой луч оказался неэффективен, даже при работе на полную мощность, поскольку небольшие генераторы флаеров нигран просто не могли выдать требуемую мощность. Крейсера успевали поглощать тепло и превращать его в энергию быстрее, чем излучение могло

их уничтожить. Конечно, этого нельзя было сказать о лучах гигантских кораблей, чудовищ межзвездного пространства.

Но у экипажей одноместных спидстеров был свой план нападения на гигантов. План этот не был официально одобрен ввиду большой опасности для пилотов. И все же пилоты рисковали, направляя свои катера на какой-либо из больших кораблей, прямо на блоки его двигателей. Оказавшись как можно ближе к цели, человек катапультировался с катера, разумеется, будучи одетым в герметичный костюм, оборудованный приемопередатчиком...

Смертоносные лучи оказались бесполезными и против спидстеров, настолько быстрых. Даже расплавленный высокотемпературным лучом, снаряд весом в двадцать две тонны, движущийся на скорости сто миль в секунду, мог легко уничтожить то, что создавалось целой планетой! Сама скорость спидстеров делала невозможными попытки уклониться от них, и обычно они всегда находили свою цель. Что касается риска, то пилоты шли на него осознанно, понимая, что если защитники Солнечной системы одержат победу, их подберут позже, лишь бы только не прошло слишком много времени! В самый разгар сражения, защитники вдруг обнаружили, что флот нигран тает на глазах, при том, что они не могли расправиться с врагом так быстро! И вдруг они нашли ответ. Один из кораблей защитников стал жертвой бледно-красного луча, который внезапно вырвался из пустоты! Корабли захватчиков переходили в режим невидимости! Детекторы невидимости потребовали перезагрузки, и охота усложнилась, в то время как нигране скользили мимо защитников и спокойно уничтожали их корабли! Но и лучи молекулярного движения действовали весьма эффективно — как только обнаруживали невидимку, его мгновенно уничтожали. Но некоторым из них удавалось улизнуть! Тогда в действие вступили пули и бомбы со светящейся краской. Все вражеские корабли были обстреляны этими зарядами и лишены невидимости.

В конце концов, подступила темная масса основного флота Солнечной системы, с туманным облаком крошащихся металлических судов. Сражение перешло в новую фазу. Огромные корабли нигран были вынуждены прекратить атаку и,

выпустив последние флаеры, отступить назад, под защиту экрана малых кораблей, поскольку уже показали свою беспомощность против спидстеров. Бесполезной стала и невидимость, особенно теперь, когда корабли защитников все прибывали, а корабли нигран стали даже еще заметными, чем раньше. Во флоте нигран ворчались хаос и неуверенность, которые возникли от отчаяния. С другой стороны, защитники были в таком положении, что противник мог видеть только их «ночную», затененную сторону, — а поскольку вокруг отсутствовал воздух, рассеивающий свет, их было чрезвычайно трудно обнаружить. В придачу, радиевая краска сделала жизнь нигран и вовсе ничего не стоящей!

Захватчики заплатили ужасную дань. Им не хватало мощности установок, чтобы поразить смертоносными лучами весь флот защитников, их тепловое оружие действовало неэффективно. Помимо прочего, большие корабли не могли толком использовать оружие, без опасения навредить своим мелким судам, занявшим позицию между ними и их противником. Несмотря на это, в численном отношении нигране все еще значительно превосходили силы Земли и Венеры, что давало все основания считать, что эта битва затянется надолго и будет стоить огромных жертв.

Наконец, полководцы Солнечной системы попробовали одну уловку, хитрость, которой они надеялись переломить ход сражения. Никогда прежде они не вели войну в космосе, и не были уверены, что их противник не имеет опыта в данной области. Правда, нигране не показали этого, и в действительности допустили некоторые непростительные грубые ошибки, но все же полной уверенности у защитников не было. Однако у них был серьезный опыт собственных планетарных войн, и они попытались использовать его и в космосе. И в настоящий момент он должен был сослужить им хорошую службу.

Нигране быстро собрали свои силы в кулак. К их удивлению, силы противника стремительно таяли, и независимо от того, как отчаянно боролись остатки флота, они не могли устоять перед армией флаеров нигран. Наконец, у врага появилась уверенность, что их корабли смогут полностью уничтожить флот врага! Мгновенно гигантские крейсеры сформировали

большой плотный конус для атаки. По сигналу, флаеры освободили проход в своем импровизированном дискообразном щите для того, чтобы пропустить гигантов к остаткам флота защитников. Все без исключения боевые корабли проникли через образовавшееся отверстие и устремились к врагу на скорости близкой к четыремстам милям в секунду. Они прорвались — и теперь были на пути к незащищенным планетам!

Корабли защитников в свою очередь сомкнули разрыв, одновременно успев уничтожить мощными пучками лучей восемнадцать гигантов, но по большей части остатки сил защитников были слишком заняты флаерами, чтобы атаковать большие корабли. Теперь гиганты разрушения, оставив далеко позади себя флаеры, на полном ходу мчались к планетам, до которых оставалось всего около двух миллиардов миль. Они бросили мелкие суда, ради того, чтобы те добили остатки защитников, в то время как сами могли свободно устремиться вперед! И вдруг, из ниоткуда, ударила контратака! Почти пять тысяч тридцатиместных кораблей Земли и Венеры, невидимых в черноте пространства, внезапно выскочили из пустоты, как только дредноуты промчались мимо. Их лучи разрушения играючиправлялись с беспомощными гигантами, преследуя их и обращая в обломки. Совершенно лишившись защиты, космические голяфы стали легкой добычей для нападавших. Армада гигантов таяла прямо на глазах! Уловка сработала отлично! Почти все десятиместные и одноместные корабли оставались на прежнем месте, в то время как все тридцатиместные легкие крейсеры, и несколько сотен более мелких кораблей поддержки отступили, чтобы сформировать большое кольцо в двадцати тысячах миль. И флот нигран слепо угодил в эту засаду. У них был единственный выход. Они потерпели поражение. Они должны вернуться на свою далекую черную звезду и оставить в покое Солнечную систему. Большая часть их великого флота оказалась уничтожена. Только флаеры еще оставались в строю, но они уже не могли быть погружены в остаток больших линкоров. К тому же те стремительно отступали, снова пройдя сквозь щит и потеряв еще тридцать кораблей, после чего бросились в бегство, подальше от флота врагов. Однако защитники на этом не успокоились. Их корабли сформировали гигантский полый цилиндр, догоняя отступающий рой нигран, играя

смертоносными лучами. Потом цилиндр раздвинул свои границы, окружил завоевателей, и вместе они помчались к далекой, лишенной света звезде. Концы цилиндра закрылись, заблокировав группу огромных судов, которые теперь не оказали никакого сопротивления. Нигране прекратили использовать свои лучи, а защитники Солнечной системы сопровождали их в полной готовности, не досаждая, пока не досаждали им.

Много дней продолжался этот странный полет, пока, наконец, великое желтое светило, Солнце, не поблекло до не-привычно яркой звезды. Тогда, внезапно показался из черноты, странный темный мир, и корабли нигран устремились к нему. Через шлюзы огромные корабли вернулись на свои планеты. Никаких действий не было предпринято. Корабли Солнечной системы не демонстрировали никакой угрозы, но в течение восьми долгих месяцев, висели над четырьмя шарами обитаемых миров нигры. И вот, наконец, астрономы Земли и Венеры направили через миллиарды миль эфира сообщение о мире. Гвардия может вернуться домой к Солнцу, прекратить нести службу вдали от Земли и Венеры, поскольку, судя по всему, нового нападения не будет. И все же, в течение многих последующих лет флоту предстояло охранять границы Солнечной системы.

Странная вещь произошла во время прохождения звезд. Плутон больше не кружил вокруг Солнца, он был захвачен Нигрой! Великий флот вернулся в изменившуюся Солнечную систему. Солнце по прежнему по праву находилось в центре, но теперь вокруг него кружилось десять планет, включая две новые, которое оно захватило у Нигры взамен Плутона. И все планеты немного смешили свои орбиты.

Как это сказалось на планетах, мы не можем еще пока сказать. Изменения к настоящему времени не очень велики, хотя на Земле климат стал несколько теплее, а на Венере стало немного прохладнее. Жители Солнечной системы получили опыт, который, возможно, был самым уникальным во всей истории человечества. Вероятность того, что одна звезда, окруженная системой планет, могла со своей свитой пройти в пределах ста миллиардов миль от другой звезды, составляла один шанс на миллиард миллиардов. А если взять во внимание тот факт, что

обе системы были заселены разумными расами — легко понять, почему ученые не могли поверить теории Аркота о нападении с планет другой звезды, пока фактически не убедились в существовании этих других миров.

Во время этой войны между двумя системами мы многому научились и многое потеряли. Тем не менее, по всей вероятности, мы приобрели больше, чем проиграли, поскольку две новые, пусть даже старые планеты многое значат для нас. Ученые уже работают в обширных залах музеев и древних лабораторий, которые обнаружены в этих мирах, и каждый день новые знания становятся нашим достоянием. Мы потеряли много людей, но мы спасли наши миры, и мы узнали множество бесценных секретов от захватчиков. Кроме того, мы получили доступ к сокровищнице науки, возраст которой, по крайней мере, на тысячу миллионов лет старше нашей цивилизации.

ЭПИЛОГ

Тадж Ламор смотрел на увидшую точку желтого света далеко в небе. Их разделяло невероятно огромное расстояние, и каждую секунду она удалялась от него на множество миль. «Мы проиграли возможность изменить свою жизнь и потеряли новое солнце», — думал он, когда возвращался побежденным с той далекой звезды. Но время принесло новые чаяния.

Они потеряли множество людей в этой борьбе, и их истощающиеся ресурсы были сведены к минимуму, но теперь появилась надежда, поскольку новый дух зародился в их расе. Они боролись и проиграли, но приобрели страсть приключений, которая дремала в течение миллионов лет. Теперь Тадж Ламор знал, что под ним, в лабораториях под городом, кипит работа. Природа вновь открывала свои тайны, находя для старых вещей новое применение, и повседневная жизнь темной планеты менялась. Сама раса Тадж Ламора проснулась, помолодела!

Когда удалялось великолепие море желтого огня, которое он видел во время бегства к собственным мертвым планетам и мертвому солнцу, он думал, что их последний шанс утерян навсегда. Но надежда пробудилась с рождением новых идей, новых способов ведения дел.

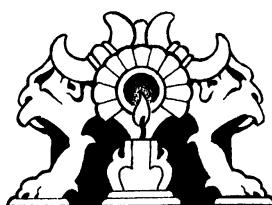
Тордос Гар был прав! Они проиграли, но проиграв — выиграли!

Тадж Ламор перевел взгляд на другую пылающую точку света, где титаническое море огня горело с удивительным блеском и силой, и, несмотря на гигантское расстояние, заставляло верить, что далекая сине-белая звезда намного ярче, чем та, с которой они только что разошлись. Вскоре эта звезда стала самой яркой на их небесах. На древних картах звездного неба она числилась как синий гигант, названный Тонгсил-239, имевший пятую величину — очень далекая звезда. Но с тех давних веков, когда этот объект был классифицирован, он превратился в величественную звезду.

Могли ли они ее достичь? Восемь с половиной световых лет разделяло их!.. Поиск силы, способной сдвинуть мир Тадж Ламора со своей орбиты, наконец, увенчался успехом. Однако знание пришло слишком поздно, чтобы помочь им в борьбе за желтое солнце, но вымирающая раса еще могла бы использовать его, сорвав планеты со своих орбит и повести как свободные тела через пустоту. Потребуются века и поколения, чтобы достичь цели, но ведь многие века их темная звезда летит через пустоту. Что изменится, если планеты продолжат путь сами, а не вместе с черной звездой?

Правда, синяя звезда, которая стала их новой целью, оказалась двойной звездой. Их планеты не смогли бы найти себе там подходящую орбиту, но раса космических скитальцев могла бы исправить и это — оторвать одну из звезд и зашвырнуть ее в космос, сделав звездную систему подходящей для себя...

Но прежде они должны сбежать от мертвый звезды.



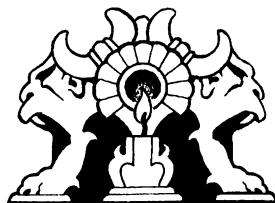




ИЗ МРАКА НОЧИ

Первая часть «Out o Night»
Журнал «Astounding Stories», № 10, 1937

Вторая часть «Cloak of Aesir»
Журнал «Astounding Science-Fiction», № 3, 1939



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИЗ МРАКА НОЧИ

ГЛАВА 1

Мать сарнов не мигая смотрела на Грайта. Глаза у нее были удивительные, золотистые. Человек, стоявший перед ней, был представителем расы, которую сарны поработили четыре тысячи лет назад, — расы людей. А пока Мать выполняла возложенную на нее задачу — следила за порядком на Земле, на той самой планете, где прежде тысячелетиями царил хаос. Люди не умели пользоваться свободой и поэтому заслужили участь рабов. Они подчинялись сарнам, но в последнее время Правительнице все больше и больше беспокоили попытки людей вновь обрести независимость.

— Ты отвечаешь за исполнение законов, которые установили мы, — холодно произнесла Мать, и леденящий звук ее голоса заставил Грайта невольно поежиться. — Сарны пишут законы, и люди должны исполнять их. Такой порядок был установлен четыре тысячи лет назад. Мать сарнов заботится о том, чтобы этот порядок вещей не нарушался... По-другому быть не может и не будет никогда. Тебе это ясно?

Грайт с трудом оторвал взгляд от похожих на подушечки ступней Правительницы, восседавшей на огромном троне, украшенном мозаикой и покрытом инкрустацией. Стиснув зубы, он перевел взгляд на ее неестественно гибкие, длинные ноги, напоминающие канаты, а затем на округлое золотое тело с четырьмя сдвоенными руками. Холодное, неzemное существо, питающееся энергией атома... Ни звука не произнес Грайт, и бесстрастным оставалось его лицо. Правительница Земли нетерпеливо смотрела на человека, ожидая ответа.

Но он молчал, и тогда тишину вновь разорвал ее сухой голос, напоминавший пощелкивание электрических разрядов:

— Да, мы принадлежим к разным расам, и тебе известно, что на Земле правящей расой являются сарны. Мне, Матери сарнов, подчиняется мой народ, так же как и рабы моего народа. Многие века продолжалось безумие на Земле — люди имели слишком много свободы, но она им была ни к чему. Они не умели ею распоряжаться. Но вот наконец на Землю пришли сарны и навели порядок. Теперь сарны правят людьми, и это справедливо. Так было, так есть и так будет!

Когда Грайт заговорил, в его голосе слышалась горечь, но звучал он твердо:

— Четыре тысячи лет назад ваша раса пришла на Землю и превратила нас в толпу безвольных тупых рабов. Вы принесли с собой атомную энергию, высокие технологии и синтетическую пищу, но уничтожили большую часть человечества. Вы уничтожили наш прогресс и отбросили нас назад в развитии. Вы пытаетесь навязать нам матриархат. Для вас он является естественным, ведь в обществе сарнов женщины в пять раз пре-восходят численностью мужчин. Ваши женщины едва ли не в два раза выше мужчин ростом и намного сильнее физически. Даже Отец сарнов не может сравниться ни ростом, ни силой с самой маленькой из ваших женщин. Я понимаю, что для вашей расы матриархат удобнее, вы унаследовали его от ваших далеких предков, как единственное возможное и справедливое устройство общества. Мы отличаемся от вас в распределении ролей между полами. По какой-то странной случайности наши расы внешне похожи друг на друга: и у вас, и у нас по два глаза, по два уха, головы одинаковой формы. Правда, у вас вместо двух — четыре руки, но не в этом главное различие между нами. При всей внешней похожести в теле сарна нет ни одной кости длиной хотя бы в палец — структура ваших рук и ног напоминает позвоночник человека, то есть они состоят из множества маленьких косточек. Ваша пища, содержащая медь, — смертельный яд для человека. На голове у вас не волосы, а тончайшие сенсоры, улавливающие и излучающие радиоволны. Поэтому по сути мы две совершенно различные расы, но при этом вы перестроили наше общество по своему образу и подобию. А это означает, что число мужчин, живущих на Земле, должно быть строго ограничено. Излишek мужчин, по-вашему, следует уничтожить. Для вашей расы матриархат естествен,

введение подобных порядков у нас будет преступлением. Пока вы не требуете, чтобы мы ели вашу пищу, но, может быть, вы собираетесь издать закон, предписывающий нам делать это? Если так, то вы просто уничтожите нас, а наша гибель не принесет вам пользы...

— Грайт, ты слишком много на себя берешь! — разгневавшись, перебила его Мать сарнов. — Ты не вправе решать, что принесет нам пользу, а что нет. Видимо, я совершила ошибку, разрешив вашему народу избирать должностных лиц. Эти «избранники народа» сеют смуту. Ты, Грайт, в течение недели будешь смещен со своей должности, и никаких выборов больше не будет. Отныне и навсегда вы будете подчиняться только законам сарнов!

Молча смотрел Грайт в золотые, мерцающие, словно драгоценные камни, глаза Правительницы. Взгляд человека был тверд и решителен, но морщинки вокруг рта выдавали глубокую печаль.

— Ваша раса слишком мало знает о людях, — тихо произнес он. — Вы признаете только силу атома. Гриб атомного взрыва символизирует для вас могущество и власть. Но вы не знаете, как велика власть разума. В течение десяти тысяч лет до вашего прихода на Землю люди размышляли о неведомых вам силах и искали пути к ним. За одну неделю предки нынешних сарнов разрушили человеческую цивилизацию, пусть даже не во всем совершенную, но все же развивавшуюся и стремившуюся к прогрессу. Вы установили свой порядок вещей и создали единое всепланетное государство. Однако при этом вы остановили наше развитие, отбросили нас назад, в седую древность. Мы отмели в сторону наши достижения в области техники, и мы вновь, как первобытные дикари, начали свой путь с нуля. Мы искали путь к высшему разуму и уже стояли на пороге его открытия, когда вы явились на нашу планету. Цель была близка, но вы не дали нам достичь ее... И все же те, кто остался в живых после вашего нашествия, продолжали упорно трудиться. В течение последних сорока веков люди незаметно от вас оттачивали свой разум, учились концентрировать свое сознание. Пятьсот миллионов человек на протяжении трех тысяч поколений стремились к единому мощному источнику духовной силы, и их труд оказался не напрасным — духовное единение людей

произошло. Теперь они воссоединились в Высший Разум, и источник вечной неразрушимой жизненной энергии окружает собой всю планету. Сотни веков человеческие мысли блуждали хаотично, сотни веков страстные желания терзали людей, сотни веков шел медленный процесс их воссоединения. Даже последние четыре тысячи лет, после того как сарны поработили людей, этот процесс продолжался. Этот Высший Разум — объединенные мысли, мудрость и воля пятисот миллионов человек, живущих на Земле, стал таким же реальным и осязаемым, как материя. Мы называем этот Высший Разум Эзиром. Он темен, как космос, но неделим, и его невозможно уничтожить... В этом и состоит наше главное различие. Как вы чувствительны к радиоволнам, так мы обладаем ментальной чувствительностью, сформировавшейся в течение многих веков. Мы обладаем способностью общаться при помощи мысли. Вон там, в конце зала, наш электротехник работает со своими приборами, и я могу прочитать его мысли и передать ему свои. Для этого мне не нужно никаких сенсоров, с помощью которых сарныщаются друг с другом.

Мать сарнов высушала Гранта, и губы ее слегка дрогнули в недоверчивой усмешке.

— Я не верю тебе, Грайт. Я не верю, что люди обладают такими способностями, — скептически произнесла она, взглянув в дальний конец зала. Затем, понизив голос, Мать добавила так тихо, что Грайт едва смог ее расслышать: — Но ты можешь попытаться доказать мне это. Прикажи мысленно своему человеку подойти сюда и поклониться мне!

Электротехник, одетый в плотный серебристый комбинезон со светящейся эмблемой на спине, возившийся с приборами в дальнем углу зала, выпрямился и с недоумением огляделся вокруг.

— Подойти к Матери? — удивленно спросил он вслух, пытаясь понять, за какие заслуги он, простой техник, удостоился чести предстать перед Правительницей Земли. — Но я...

Не увидев никого рядом с собой, электротехник нахмурился и покачал головой. Бросив осторожный взгляд в сторону трона, на котором восседала Мать сарнов, он залился краской смущения, а затем, неловко потоптавшись на месте, повернулся и вновь склонился над приборами, видимо

решив, что голос, прозвучавший рядом с ним и приказавший ему подойти к Правительнице Земли, всего-навсего ему почудился...

Мать вновь уставилась на Грайта немигающими золотыми глазами. Некоторое время она молчала, размышая.

— Ты можешь идти, — произнесла наконец Правительница Земли. — Помни о Законе сарнов, гласящем, что на каждые пять женщин приходится один мужчина. Отныне он будет законом и для вашей планеты.

Грайт слегка склонил голову, но лишь на миг, затем выпрямился и, повернувшись, направился к дверям зала. Твердой походкой прошел он мимо группы сарнов, глядя прямо перед собой. Лицо его оставалось бесстрастным. Шесть человек из его окружения, пришедшие вместе с ним в зал, присоединились к нему. Молча маленькая процесия прошла через сверкающие бронзовые двери, спустилась по широким ступеням и вышла в парк. Бартел ускорил шаг и поравнялся с Грайтом.

— Ты думаешь, она действительно станет следить за исполнением этого закона? — тихо спросил он. — Как ты считаешь, что мы можем сделать? Не знаю, поверит ли она в Высший Разум... Честно говоря, для меня это тоже миф из прошлого нашей расы.

Глаза Грайта потемнели, но он не остановился и не сделал ни одного движения, которое могло бы выдать его чувства.

— Поедем ко мне домой, — медленно проговорил он, не глядя на Бартела. — Там обо всем и поговорим. Тебе ведь хорошо известно, что Мать сарнов словами не бросается. И если она введет этот закон, то на следующий день не станет его отменять. Бартел, у меня есть что сказать тебе, но сначала все же придем домой. Там все и обсудим.

Удивительный, чарующий солнечный свет заливал лужайки, по которым они шли. Грайт много раз ходил этой дорогой, но, пожалуй, только сейчас он впервые ощутил все красоты природы. С изумлением и радостью он вглядывался в каждую травинку, каждый листочек. Он улыбнулся крошечной птичке, вспорхнувшей прямо у него из-под ног, вскинул голову и не щурясь посмотрел на солнце, щедро льющее на Землю ласковый свет и тепло. «Какое счастье — жить, — подумал Грайт, — но теперь это святое право будет не у всех...»

Грайт и его спутники вышли на длинную улицу, покрытую серым асфальтом, оставив позади цветущие лужайки и жемчужины дворцов сарнов. Серая глухая стена отделяла город инопланетян от города людей, где не было никаких дворцов, — лишь скромные белые домики, тесно прилепившиеся друг к другу, стояли по обеим сторонам улиц, примыкавших к городу сарнов. Эти дома построили уже после завоевания, когда прежние города Земли еще лежали в руинах, как первый шаг к возрождению жизни. Сарны были древним народом. Вот уже четыре тысячелетия правили они Землей. Мать все эти годы сидела на золотом троне, равнодушно глядя, как одни поколения сменяют другие. Она была старой, когда сарны пришли на Землю, а теперь перед ее глазами прошло уже более тысячи поколений людей. Ее считали бессмертной...

Скромные, увитые виноградными лозами домики города людей остались позади, и Грайт со своими спутниками вышел на площадь, окунувшись в ее привычную суetu, царившую у магазинов, построенных тысячелетие назад. Грайт рассеянно кивал знакомым и улыбался друзьям, бесстрастно смотрел на мрачные, враждебные лица тех, кто носил маленькие зеленые эмблемы сторонников Друнела. За его плечом вновь раздался голос Бартела.

— А приятель Друнела Вартил, по-моему, сегодня не так мрачен, как обычно. Ты заметил? — Бартел кивком указал на высокого широкоплечего человека, одетого в тунику с эмблемой администратора. Судя по нашивкам, этот человек следил за тем, как его соотечественники соблюдают законы сарнов. — Он даже удостоил нас каким-то подобием улыбки. Интересно, что бы это значило?

— Да ничего особенного, — вздохнул Грайт. — Он не так глуп, чтобы пытаться внушить мне, будто относится ко мне как к другу. И улыбается он скорее не мне, а себе самому. Ты отправил Теру, как я советовал?

Бартел кивнул, но лицо его выражало сомнение.

— Да, Грайт, отправил, но... честно говоря, все это зря. Ведь сарны будут...

— Мать не посмеет... Давай поговорим об этом дома, — тихо произнес Грайт, и они продолжали прогулку в полном молчании.

Площадь осталась позади. Теперь они шли мимо домов, построенных в более поздние времена, хотя сам стиль зданий остался неизменным — их по-прежнему отличала такая же скромность и добротность. Даже у самых старых из них нельзя было заметить ни малейшего признака разрушения или обветшания. Дома теперь стояли на большем расстоянии друг от друга, и каждый окружала лужайка, на которой играли дети. Детей тоже было заметно больше, чем в старом городе.

Грайт свернул к одному из домов. За ним последовали Бартел и еще трое из свиты Грайта. Оставшиеся двое, попрощавшись, удалились. В полном молчании Грайт и его спутники подошли к невысокому, но просторному зданию, лишенному каких бы то ни было украшений, которое служило Грайту и домом и офисом. В этом скромном здании, построенном тысячу лет назад, размещалась резиденция правительства людей. Граждане Земли выбирали депутатов от каждой области, те в свою очередь избирали представителей континента, из которых и формировалось правительство. Шесть месяцев назад старый Транмат, явившийся представителем человечества (раньше таких людей называли президентами) на протяжении двадцати двух лет, умер, и Грайта избрали его преемником, чтобы он «честно и справедливо служил людям, отдавая этому все силы и, если потребуется, жизнь». По крайней мере, так говорилось в клятве вступающего на этот пост.

Только смерть или бесчестье могли помешать Грайту выполнить свой долг до конца. Смерть или бесчестье, а теперь еще и Друнел, который в данный момент олицетворял и то и другое...

Власть Грайта, несущего бремя ответственности перед сарнами, так же как и перед людьми, была при этом ограничена. Он являлся, по сути, всего лишь советником — как для сарнов, которые чаще всего относились к его советам пренебрежительно, так и для людей. Но многие из людей — и командиры легионов, и полиция — тоже порой игнорировали его советы. Мать сарнов прекрасно понимала, что Грайт не мог ввести среди людей законы матриархата, даже если бы захотел, и это ее злило. К тому же Грайт был ей несимпатичен.

Несколько секретарей и служащих подняли голову, когда Грайт и его спутник вошли в помещение, а затем вновь склонились над своей работой. Серебряные с эмалью диски на их

головных повязках и эмблемы на рукавах говорили об их положении в сложной правительственной структуре.

Грайт, короткими кивками приветствуя знакомых, не останавливаясь прошел по мягкому, упругому, как резина, ковру к небольшой двери, ведущей в конференц-зал. Подошли ног тридцати поколений чиновников протоптали в мягком полу некое подобие тропинки. Она вела мимо столов секретарей, огибала огромную колонну в центре зала и исчезала под дверью в конференц-зал — просторный кабинет с низким потолком и девятью стульями, стоявшими вокруг массивногоovalного стола.

Войдя в конференц-зал, Грайт сел во главе стола, справа от него уселся Бартел, представитель Америки, рядом с ним Кафон, командир объединенных легионов землян, затем Дарак и Холмун, помощники Грайта. Вслед за ними в кабинет вошел и электротехник. Положив свой чемоданчик на отполированный веками стол, он раскрыл его и, вытащив доску с прикрепленными к ней инструментами, отделил от нее тонкий металлический стержень, покрытый слоем изоляции. Раздался легкий щелчок, как будто распрямилась пружина, и на табло, подсоединенном к стержню, закачались крошечные стрелки.

Искусные пальцы техника быстро отрегулировали прибор. Стрелки, качнувшись в последний раз, замерли. Мастер нажал на несколько маленьких кнопок, и гибкая металлическая антенна внезапно дрогнула, наклонилась и пришла в движение, поворачиваясь из стороны в сторону. Стрелки вновь качнулись и задрожали, и антенна резко остановилась, оборвав свой танец. Техник осторожно коснулся ее, направляя в сторону искрящегося портативного источника энергии. Крошечный стержень сиял голубоватым светом.

Техник нажал еще одну кнопку на панели.

— Нас могут услышать, — объявил он. — Предупреждаю: сарны установили прослушивающие устройства, и не одно.

— А мы удивлялись все эти годы, откуда сарнам известны даже наши самые сокровенные мысли, — горько усмехнулся Грайт. — Но теперь с этим покончено. Наверное, мы первые представители человеческой расы за десять веков, которые будут проводить совещания без незримого присутствия Матери сарнов.

Карон со злобой взглянул на таинственное устройство:

— Так где же находится антипрослушивающее устройство?
Надо немедленно выкинуть его отсюда!

Техник усмехнулся:

— Сарны слышат радиоволны, как все мы слышим обычные звуки, — пояснил он. — Этот крошечный передатчик работает, питаясь энергией большой передающей антенны. Когда мы говорим, подслушивающее устройство сарнов посыпает радиосигнал. Но теперь мы включаем этот маленький передатчик, который гасит сигнал кристалла сарнов. Если бы я просто разбил кристалл, то сарны сразу... заинтересовались бы, скажем так.

— Они бы пришли в ярость, — уточнил Бартел.

Грайт покачал головой:

— Уэр обнаружит любую подслушивающую систему, не беспокойся. Так что на этот счет нам волноваться нечего. Так, Уэр?

Техник кивнул в знак согласия. Дарак взглянул на Уэра, затем со вздохом повернулся к Грайту:

— Ну хорошо, а теперь скажи, Грайт, почему Мать просит тебя... вернее, приказывает сделать то, что ты не в состоянии сделать? Ведь она прекрасно знает, что тебе не удастся заставить людей блюсти ее законы.

— Да, она прекрасно знает, что мне это не удастся, — мрачно согласился Грайт. — А вот Друнел сделает.

— Неужели она собирается сделать ставку на Друнела? — удивленно спросил Карон. — Мне казалось, что ее не очень интересуют распри между людьми. Я всегда думал, что разбираться в наших взаимоотношениях ниже их достоинства, если только это не затрагивает сарнов.

Грайт устало откинулся на спинку огромного кресла и зажег трубку. Попыхивая ею, он рассеянно рассматривал мерцающие искры, то и дело пробегавшие по контактам источника энергии.

— Четыре тысячи лет назад Мать сарнов явилась на Землю... А сколько веков она прожила до того, известно только ей самой, — наконец медленно произнес он. — Сарны — долгожители. Некоторые живут по несколько тысяч лет. Но Мать бессмертна. Даже сами сарны не знают, сколько ей лет. Когда они пришли на Землю, то в сражении за нее погибло девяносто

девять процентов человечества... Остальных сарны превратили в рабов, и они, те, кто выжил, наши предки, были далеко не лучшей частью человечества. Они были отбросами общества. Хныкающими, жалкими отбросами.

Карон беспокойно зашевелился, его лицо горело от гнева, а из горла вырвалось хриплое рычание. Грайт взглянул на него с грустной и одновременно иронической улыбкой.

— Да, Карон, в этом, к сожалению, слишком большая доля правды, — вздохнул он. — Наши так называемые благородные предки вовсе не были великими людьми. Непокорные умерли. Они не могли сдаться. Четыре тысячи лет назад Мать сарнов взошла на трон и все эти годы правила людьми и знала о всех их тайных помыслах. — Грайт кивнул на сверкающую антенну. — Она слышала все их разговоры. Можно сказать, что за это время она довольно хорошо узнала людей. Но человек развивается — он живет мало и поэтому развивается намного быстрее, чем сарны. Та душевная слабость, которая позволила нашим предкам превратиться в рабов, за четыре тысячи лет была изжита.

Мать сарнов поняла, что вскоре люди вновь обретут величие. Бартел и Карон, что за эмблемы у вас на головных повязках? Мать сарнов считает, что это знак, означающий ваш ранг в ее иерархии рабов. Инопланетные захватчики сделали эти эмблемы из серебра и эмали и заставили вас их носить в знак вашей принадлежности к роду человеческому. Но Уэр удалил часть серебра с эмблем, чтобы поместить туда прибор, повышающий телепатические способности. Об этом Мать сарнов пока не знает. Тем не менее она догадывается, что люди вот-вот попытаются вырваться из оков рабства. Мое упоминание о телепатической силе людей встревожило ее больше, чем мы ожидали... А ведь она давно знала об этом! Человечество еще до Завоевания открыло телепатию и до прихода сарнов уже училось ею пользоваться. Мы этого не знали, до нас дошли только предания, а Мать сарнов знала истину. Мы верили, а ей были известны факты. Когда она слушала меня, я телепатически следил за ее мыслями. О телепатии она прочитала в трофеинных записях. Мужчина будет бороться и умирать за то, чего у него нет. Женщина будет сражаться и умирать за то, что имеет. Мужчина отдаст

в жертву все, что у него есть, за идеал. Женщина тоже будет бороться за идеал, но не в ущерб тому, что уже имеет.

— И она хочет перестроить общество людей согласно законам матриархата! — воскликнул Бартел. — А она не думает, что это вызовет восстание?

— Правительница не так проста,— покачал головой Грант. — Она прожила четыре тысячи лет. Для нее век словно год. Она знает, что может вспыхнуть восстание, но она строит планы не на века, а на тысячелетие. Три поколения страданий и борьбы — это просто не самое удачное мгновение. А тысячелетие страданий и борьбы — совсем другое. Оставшиеся в живых благословят добродетельницу Мать и восхвалят ее справедливость, и ее это вполне устроит. Вы знаете, что необходимо сделать для того, чтобы человечество приняло законы матриархата?

— Убить четверых из каждого пяти мужчин! — изорвался Карон. — Но у Матери ничего не получится! Она просто истребит человечество, потому что каждая женщина будет бороться за своего мужчину и умрет вместе с ним! А те, кто выживет, не будут служить убийцам!

— Поэтому она и делает ставку на Друнела, — с горечью сказал Грайт. — Поэтому она так внимательно следит за нашими распяями и умело сгруживает враждующие стороны. Никакого восстания не будет, будет гражданская война. И ее интересы будет защищать Друнел. Сарны останутся в стороне. Мятеж же обернется против нас. Мужчины будут убивать мужчин, пока добродетельница Мать не выступит со своим отборным легионом сарнов и не остановит резню, — тогда закон один к пяти будет принят. Половина выживших будет ненавидеть Друнела за то, что он развязал войну и разрушения, а другая половина — любить его как лидера. К тому же все будут восхвалять Правительницу, остановившую кровавую бойню. Мать сарнов обладает политической мудростью четырех тысяч лет, в отличие от горячего и нетерпеливого сорокалетнего мужчины.

Карон открыл было рот, чтобы что-нибудь возразить, но, подумав, промолчал и вздохнул.

— Я задушу Друнела сегодня же, — прошептал он.

— У него есть помощник — Рендан, который займет его место. А после Рендана будет Грасун, затем найдутся и другие, — покачал головой Бартел.

— Кроме того, в любом случае сегодня ты Друнела не задушишь, — вмешался Уэр. — Он сейчас на приеме у Матери сарнов, обсуждает, какое оружие она даст ему для подавления нашего бунта.

— Но у нас нет никакого оружия, кроме духовых ружей, которые сделал для нас Уэр, — буркнул Карон. — А Мать сарнов, я думаю, даст нашим врагам какое-нибудь смертельное оружие, вроде того, которым сарны уничтожили наших предков.

— Ничего подобного, — возразил Уэр. — Ты забыл, какую цель она преследует. Мать хочет, чтобы Друнел победил. Она хочет, чтобы он поселял среди людей вражду. Если она даст ему могущественное оружие и обеспечит легкую победу, то война кончится прежде, чем начнется. Нет, она даст ему какое-нибудь простое оружие, поэтому он сможет победить нас только после долгой изнурительной борьбы. А если Друнел сразу же начнет брать верх, то, вероятно, она даст и нам какое-нибудь оружие.

Карон откинулся в кресле так резко, что старое дерево протестующе скрипнуло.

— Да я поведу в бой свой легион мира прямо сейчас, клянусь... клянусь Эзиром! — в бешенстве крикнул он. — Я задушу Друнела собственными руками, а также любого другого червяка, выкормленного сарнами!

— Успокойся, — резко оборвал его Грайт. — У Друнела столько же людей, сколько и у нас, и мы не будем сейчас устраивать бессмысленную бойню. Мы должны ждать, пока Уэр не закончит свою работу. Тогда Эзир будет готов помочь нам. Если мы сможем сейчас удержаться от борьбы, то мы выиграем время и Эзир станет достаточно сильным, чтобы помочь нам.

— Но какую цель преследует Друнел? — спросил Холмун. — Он пытается укрепить свои позиции в Европе, Азии — везде, где только может. За последние два месяца я объездил добрую половину земного шара и видел, что он работает без устали, обещая людям свободу, обещая покончить с тиерией сарнов. На что он надеется, зная, что Мать не собирается давать ему власть? Ведь она хочет использовать его как орудие для разжигания ненависти и вражды!

Лицо Грайта словно окаменело.

— Да, он знает, что Правительница не даст ему власти, — резко проговорил он. — Но все равно его ничто не остановит. Что бы Друнел ни делал, я всегда оказывался у него поперек дороги. Он жаждал победить на выборах от региона, но победил я, а ему пришлось довольствоваться должностью представителя города. Он мечтал стать представителем от континента, а стал им — я. Полгода назад он снова надеялся на успех и уже видел себя представителем человечества, но я вновь победил, а Бартел в это время победил Рендана, став представителем от Америки. Друнел ненавидит меня, но не только за это — ему нужна Дея, но Дея выбрала меня, и это было для него окончательным ударом. Я думаю, он сошел с ума, и теперь его единственная цель — уничтожить меня, а ради этого он готов уничтожить все человечество. Если он победит, то сотрет меня и Бартела в порошок и займет мое место. По крайней мере, на какое-то время Друнел получит власть и женщину, которой он добивается. Вот за это он и борется. А его последователи... — Грайт внезапно замолчал, полностью погрузившись в свои мысли. — Гражданская война неминуема. Люди начинают осознавать, в каком положении они находятся, но при этом значительная их часть не понимает, чего именно они хотят. Господство сарнов так глубоко укоренилось в их сознании, что идея восстания кажется им дикой. Люди нуждаются в сильном лидере, который сможет направить их помыслы в нужном направлении. Последователи Друнела собираются выступить против нас, убеждая народ, что тем самым ведут его к свободе, — ведь мы представляем собой правительство, разрешенное сарнами, стало быть, мы служим сарнам в ущерб интересам людей. Друнел умело играет на чувствах масс, но на самом деле люди его совершенно не интересуют. Это борьба между лидерами, и не более того. Только лидеры знают, почему они борются. Люди, которые пойдут за Друнелом и будут сражаться против нас, — обманутые люди. Только Друнел знает, чего он хочет, — власть и Дею. Еще он надеется убедить Мать сарнов, что матриархат для людей неприемлем. Друнел уверен, что сможет добиться компромисса с оккупантами...

— Ничего у него не выйдет, — тихо сказал Уэр. — Когда я работал электротехником у сарнов, я часто находился неподалеку от Матери и многое понял. У нее есть свои планы, именно

такие, как сказал Грайт. Год или два Друнел будет у власти. Его возненавидят те, кто пострадал от него, но Мать сарнов будет защищать своего ставленника. Он получит женщин, которых он добивался, но которые отвергли его, — Дею, Теру, Косон, — вы все их знаете. Затем Мать отвернется от него, и Друнел погибнет. Какая-нибудь женщина отомстит за своего мужа...

Карон внезапно поднялся и зашагал по комнате. Его огромные руки сжались в кулаки. Он побледнел от бессильного гнева.

Уэр задержался в кабинете Грайта, когда остальные уже вышли. Медленно и тщательно складывал он свои приборы обратно в чемоданчик.

— Эзир, наш черный бог, кажется, еще далеко, — вздохнул он.

Грайт молча кивнул, погруженный в свои мысли. Затем он взглянул на Уэра:

— Ты можешь дать мне один из твоих демодуляторов, Уэр? Ты — единственная надежда на успех, ты и твое изобретение. Нельзя, чтобы видели, что ты слишком часто приходишь сюда и присутствуешь на закрытых совещаниях. С помощью телепатии ты можешь следить за каждой конференцией, и если ты научишь меня обращаться с этим демодулятором...

Обычная суетность Уэра, его неприметность внезапно исчезли, когда он выпрямился, — теперь перед Грайтом стоял высокий крепкий человек с открытым мужественным лицом, с темными глазами, в которых светился ум. Он медленно поднял руку и коснулся телепатического обруча на голове.

— Я думаю, мы оба будем заняты сегодня вечером, Грайт. Ты встречаешься с людьми, которые тебе подчиняются, а я... у меня встреча с Эзиром, который мне не подчиняется. — Его губы слегка дрогнули в невеселой улыбке. — Но если ты хочешь научиться самостоятельно управляться с этими приборами, заходи ко мне в мастерскую завтра утром. А сейчас мне надо еще многое сделать.

— Будем надеяться, что сегодня вечером наши планы не изменятся. Хочется верить, что ни сарны, ни Друнел не догадываются об истинном источнике опасности, — вздохнул Грайт. — Но сюда ты больше не приходи, Уэр.

— Может, так оно и лучше, — кивнул мастер, беря в руки чемоданчик.

ГЛАВА 2

Друнел заглянул в холодные глаза Матери сарнов с вертикальными черточками зрачков и торопливо заговорил:

— Но они не так уж беспомощны. У них есть оружие, сконструированное одним из людей Грайта. Это ручное оружие, стреляющее маленькими металлическими пулями. Духовое ружье.

Лишенные всякого выражения немигающие глаза Правительницы пристально изучали собеседника, гладкая кожа ее лица отливала медью.

— Я не вмешиваюсь в человеческие распри, — бесстрастно объявила она. — Мне прежде всего дороги интересы сарнов. Но если дело примет серьезный оборот, я отправлю свой легион, чтобы навести порядок. Мне не нравится Грайт. Он не хочет подчиняться моим законам, так что я дам тебе то, о чем уже говорила, — корону и сверкающий луч, но не больше. Ты получишь по тысяче штук и того, и другого и раздашь своим людям, остальные будут сражаться так, как посчитают нужным... Стек Тарг, проведи их в зал оружия и выдай то, что нужно. — Глаза матери сарнов закрылись. Она сидела совершенно неподвижно, пока сарн, которого она вызвала, медленно расправил свои свитые в клубки гибкие руки и поднялся с кресла. Мягко и бесшумно он вышел из зала для аудиенций. Следом за ним отправились Друнел и шесть человек его свиты.

— Тебе придется вызвать еще людей, — отрывисто произнес Стек Тарг.

— Рендан, — обратился Друнел к одному из своих спутников, — скажи Сарсуну, что нам понадобятся семьдесят пять человек, желательно проверенных и не болтливых, они должны ждать у ворот сразу после наступления сумерек, то есть через два часа. Я пошлю за ними, когда мы будем готовы.

Рендан отделился от группы и поспешил через лабиринт коридоров. Друнел последовал за молчаливым сар-ном через незнакомые помещения к гигантскому лифту. Спустившись на тысячу футов, они вошли во влажный прохладный коридор, где царил полумрак. Коридор освещался лишь расположенными на значительном расстоянии друг от друга прожекторами, горевшими с минимальным накалом.

Сарн уверенно повернул налево. Перед ними открылся вход в тускло освещенные залы, гранитные стены которых сверкали от влаги. В сумерках неясно вырисовывались мрачные конструкции из металла и пластика. Оружейный склад сарнов! К оружию, хранившемуся здесь, не притрагивались четыре тысячи лет... Друнел вглядывался в бесконечные ряды упакованных предметов, но, стараясь не показывать своего интереса, он не замедлял шага, и его тонкое лицо аскета ни разу не повернулось в сторону. Тем не менее ни одна мелочь не ускользала от его внимания. Но вот сарн повернулся к Друнелу и встретился взглядом с человеком. Тонкий, как ниточка, разрез губ изогнулся в подобие улыбки:

— Я возьму корону и оружие. Но люди не должны пересекать порог этого чертога.

Отвернувшись, он замолчал. Сарн двинулся к темному проему, и вдруг шар раскаленной плазмы скользнул с потолка вниз и внезапно взорвался прямо перед слугой повелительницы Земли. Шар горел, должно быть, секунд десять, и все это время Друнел стоял в оцепенении, не в силах шевельнуться. В его ушах звучал странный пронзительный звук, буквально парализовавший его.

Пламя погасло, и загадочный звук исчез. Друнел расслабился и безвольно опустился на колени. Он уперся руками в пол, низко опустив голову, которая раскачивалась, как травинка на ветру. Огромным усилием он смог заставить себя поднять голову. Глаза заливала липкий холодный пот, и он не сразу смог поймать взгляд узких рубиновых глаз сарна, стоящего в дверном проеме. Тонкий рот сарна слегка дрогнул. Инопланетянин отвернулся от поверженного землянина и медленно вошел в комнату. Друнел поднялся. Его темные, налитые кровью глаза сверкали от невыразимой ненависти. Это чувство клокотало в нем, он задыхался и, как в бреду, сделал неуверенный шаг в сторону запретной двери. Затем сознание стало медленно возвращаться к нему, дрожь склынула, и у него появилось безумное желание изо всех сил врезать по тонким губам Стека Тарга...

— Друнел, — раздался слабый голос позади него. Он с трудом повернулся и увидел Грасуна, протягивавшего ему дрожащую руку и умоляюще глядевшего на него. — Нам нельзя здесь оставаться.

Друнел оттолкнул руку своего сторонника.

— Я останусь, — прошептал он и оглядел остальных из своей свиты. Фарнос прислонился к стене, его тряслось, а из ноздрей текла кровь. Тому, держась за стену, пытался встать. Блисун раскачивался из стороны в сторону, безумным взглядом уставившись прямо перед собой. Остальные все еще беспомощно лежали на полу. — Этот сарн мог бы предупредить нас...

— Он предупреждал, что люди не должны переступать порог этого хранилища, — с трудом прошептал Фарнос. — Но он не сказал, что людям нельзя даже близко подходить к дверям.

Постепенно болезненные ощущения уже начали отступать. Неожиданно позади раздался грохот, и Друнел увидел, что сарн возвращается. Он катил перед собой небольшую четырехколесную тележку, груженную сотней или более маленьких серых коробок. Стек Тарг остановился возле дверного проема и посмотрел на Друнела и его товарищей.

— Вероятно, вам будет лучше отойти подальше от дверей, когда я повезу тележку, — с иронией в голосе заметил он.

Люди, пятясь, начали отступать, а сарн невозмутимо двинулся вперед и выкатил тележку в коридор.

— Теперь можете взять короны, — сказал Стек Тарг. — Они защитят вас от воздействия кристаллов.

Друнел подошел к тележке, взял одну из круглых коробок и извлек оттуда причудливой формы корону, представлявшую собой металлический обруч, внутри отделанный упругим материалом, с восемью криво торчащими металлическими стержнями, увенчанными золотыми шариками. В центре, над макушкой, в золотом корпусе был размещен какой-то крошечный механизм.

— С помощью этой короны можно послать во врага энергетический заряд, — пояснил сарн. — Он опасен для материальных объектов и смертелен для любого живого существа, у которого при себе имеется какой-нибудь металлический предмет.

Друнел снял обруч из серебра с эмалью, который носил уже долгие годы, и, сунув его в карман, водрузил на голову корону. Он коснулся крошечной кнопки над бровью, и тут же легкий энергетический удар пронзил его тело. Испугавшись, Друнел выключил корону.

— А вот сверкающий луч. — Стек Тарг открыл одну из коробок и извлек оттуда предмет, сделанный из черного пластика и тускло сверкающего металла. В центре необычного оружия сверкал кристалл. — Эта «игрушка» способна парализовать на целый день пятьсот человек, на несколько минут — тысячу и навсегда — двести. Вот на эту кнопку надо нажать, чтобы произвести выстрел.

Сарн взял предмет в свои руки, гибкие, как шупальца, и направил его в дальний конец коридора. Длинный палец, изогнувшись петлей, легко коснулся кнопки, и из кристалла внезапно вырвался тонкий прозрачный луч, мгновенно растворивший в невидимых просторах коридора.

— Дальность действия этого оружия — около трети мили, — пояснил сарн.

Друнел взял такой же лучемет из другой коробки и положил его в широкий карман своего плаща. Его спутники, закончив примерять короны, принялись разгружать тележку. Стек Тарг вернулся в арсенал, и вновь с потолка скользнул шар плазмы. Друнел коснулся кнопки на короне и услышал приглушенное, идущее как будто издалека, гудение кристалла. От этого звука у него заныли зубы — будто в них впилось невидимое сверло. Он сделал несколько осторожных шагов к дверям. Пот выступил у него на лице, и ноги начали дрожать. Друнел снова нажал на кнопку и, повернувшись, побрел назад.

— Грасун, включи свою корону, — приказал он, не отрывая глаз от золотых шариков на короне Грасуна.

Он тут же ощущил, как, заставив его на миг отшатнуться, хлынула горячая энергетическая волна. Но в следующий миг глаз Друнела смог уловить только легкие тени — это включилась защита его короны.

— Хорошо, Грасун, теперь можешь выключить... Нам надо перетащить все это оружие к подъемнику, а потом к воротам города сарнов. Но сначала я кое-что хочу выяснить...

Друнел остался стоять недалеко от дверей, глядя, как его люди грузят коробки в подъемник. Мимо него вновь прошел Стек Тарг, толкая перед собой очередную тележку. Включив кнопку на короне, Друнел шагнул к нему, протягивая руки к коробкам.

— Стой! — крикнул сарн, отскочив в сторону и грозно сверкая глазами. — Ты же включил энергетический щит! Выключи немедленно корону!

Пробормотав извинения, Друнел щелкнул кнопкой и поднял несколько коробок с тележки. Теперь он знал, что хотел. У сарнов не было защиты от энергетической волны короны.

ГЛАВА 3

Дея открыла дверь, и Грайт, быстро оглянувшись на группу людей в тени деревьев, вошел в дом. Последние краски заката исчезали с неба, и тьма окутала мир, пропитав прохладой чистый воздух предместья. Весенние ночи еще не были теплыми, какими они должны стать недели через две. Почти полная луна висела в небе, но ее свет еще терялся на фоне последних лучей солнца. Дея взглянула через плечо Грайта на улицу и быстро потянула его внутрь.

— Они сегодня чересчур активные, Грайт, — с тревогой сказала она. — Не такие, как обычно. Сегодня днем пришла Тера и сказала мне, что восстание вот-вот начнется... И Бартел так считает.

Грайт кивнул и закрыл за собой дверь. Грустно улыбнувшись, он взглянул в ясные голубые глаза Деи, вопросительно смотревшей на него снизу вверх. Грайт был намного выше ее ростом, но Дея олицетворяла собой возрождение крови древних скандинавов. Ее золотистые волосы, стройная фигура и правильные черты лица напоминали об одной из самых благородных рас человечества. Грайт вздохнул и взял ее руки в свои.

— Восстание произойдет сегодня ночью, дорогая моя, — тихо произнес он. — Но мы к нему еще не готовы.

Дея отступила на шаг, чтобы получше рассмотреть Грайта. Его лицо казалось измученным и осунувшимся, в глазах застыла тревога и предчувствие беды.

— Мать сарнов помогла Друнелу, как ты и боялся? — осторожно спросила она.

Грайт кивнул с обреченным видом. Его палец коснулся телепатического диска на лбу.

— Ты пыталась проследить за мыслями кого-нибудь из его людей сегодня?

— Нет, я пыталась проследить за твоими мыслями, — улыбнулась Дея. — Но уловить мне удалось только случайные обрывки. Например, около четырех часов дня ты был очень мрачен и сердит.

Грайт кивнул.

— У нас было совещание. Друнел получил у Матери оружие, но, как ты знаешь, я не могу читать его мысли. Я стал следить за мыслями Рендана, чтобы узнать, что это за оружие. Однако Друнел отправил его за подмогой... Рендана не было в оружейном складе сарнов, и он не видел, что там произошло. Если бы я мог следить за Друнелом! Но, клянусь Эзиром, он один из тех редких людей, которые ментально совершенно непроницаемы.

— Так ты не знаешь, что это за оружие?

— Нет, — покачал головой Грайт. — Но я верю, что Мать не могла ему дать ничего уж очень смертоносного. Скорее всего, она дала ему простое, но мощное орудие защиты.

— Пойдем на кухню. — Дея повернулась и направилась по коридору в глубь дома. — Тера надеется, что Бартел скоро зайдет.

На мгновение Дея обернулась, и их взгляды встретились. Несколько мгновений влюбленные стояли, концентрируя свои ментальные силы, затем кивнули друг другу, когда мысли Бартела, слабые и неясные на расстоянии, достигли их. Без сомнения он направлялся сюда.

Грайт обнял Дею за плечи, и они пошли на кухню, где их ждала Тера. Она вынесла стол на выложенную каменными плитками террасу, обрамленную кустами ночных роз, несколько бутонов которых уже раскрылись. С неба исчезли последние размытые краски заката, и, укрывая подлесок от лунного света, на землю легли тени деревьев. Когда стол был накрыт, в дверь позвонили. Тера пошла открывать и через несколько мгновений вернулась на террасу вместе с Бартелом.

— Они стоят повсюду, сбившись в группы, — объявил Бартел, усаживаясь за стол. — Проходя мимо, чувствуешь их ненависть. Похоже, силы равны, и, наверное, именно поэтому сторонники Друнела бездействуют. Пока я шел сюда, никто не пытался ни остановить меня, ни поинтересоваться моими

документами... И все же, Грайт, я думаю, здесь оставаться опасно. Нас могут захватить врасплох в любой момент...

— И все же не следует действовать чрезсчур поспешно, — осадил Грайт своего помощника...

Когда ужин закончился, Дея и Тера ушли на кухню, а Грайт и Бартел остались сидеть на террасе, попыхивая трубками. Грайт вынул из кармана небольшой плоский флакон и поставил его на стол, вопросительно взглянув на товарища.

— Я думаю, пора уже натереться. Попробуем?

Бартел взял флакон и повертел его в руках.

— Лунный крем, — задумчиво произнес он. — Интересно, действительно ли он так эффективен, как считает Уэр?

— Сейчас узнаем. — Грайт выдавил из флакона немного крема и натер им сначала руки, затем лицо и шею. Крем мгновенно впитался в кожу, он был совершенно бесцветным и невидимым в искусственном электрическом свете. Грайт поднялся и спустился с террасы в сад, освещенный лишь бледным светом луны. Он вступил в тень огромной раскидистой яблони и вдруг исчез. Лишь смутное темное пятно неясно вырисовывалось во мраке. Когда он снова вышел на свет, его малиновый плащ, темно-синий костюм, лицо и руки были абсолютно черными.

— Да, — кивнул Бартел, оценивающе глядя на Грайта. — Действительно, производит впечатление. Я и не ожидал. — Он принялся втират крем в кожу. — Надеюсь, он безвреден?

— Не волнуйся, абсолютно безвреден, — усмехнулся Грайт. — Безвредная субстанция, которая не отражает поляризованный свет. Ты знаешь, ведь лунный свет обманчив, но сегодня он послужит нам на пользу. Мы будем совершенно невидимыми в тени, и это будет нашим опознавательным знаком, символом, которого нет у Друнела.

Бартел вглядывался в освещенный луной город.

— Когда я расстался с Кароном, он собирал людей и раздавал им этот крем, — сказал он и внезапно встрепенулся. — Послушай!

Откуда-то со стороны площади до них донесся чей-то голос, выкрикивавший какое-то слово. Вскоре к нему присоединились и другие голоса, их выкрики становились все громче и громче. И вот уже совсем недалеко от себя Грайт и Бартел услышали ликующий вопль:

— Друнел! Друнел!

Они услышали топот ног — множество людей бежало в направлении площади. Бартел с тревогой посмотрел на Грайта.

— Карон собирал людей, но у нас плохо налажена связь, и многие из отдаленных районов еще не готовы, — словно оправдываясь, проговорил он. — Друнел опередил нас, к тому же ему помогает Мать сарнов.

— Кроме того, у него хорошо налажена связь, — мрачно отозвался Грайт. — Он сумел оповестить весь город за полторы минуты. Теперь они уже выступили...

Где-то неподалеку раздался сдавленный вопль, который тут же оборвался, зато вокруг зазвучало еще несколько голосов, выкрикивающих проклятия. Раздались грозные команды, топот ног и звон металла, затем внезапно дверь дома задрожала от тяжелых ударов. Грайт стремглав пробежал через кухню и коридор, схватив по дороге увесистую металлическую палку.

— Кто там? — тяжело дыша, спросил он, сжимая палку в руке.

— Я, кто же еще! Скорее открывай дверь! На улице слишком много всякого сброва, и у меня нет никакого желания вступать с ними в спор, — раздался из-за двери грохочущий бас Карона.

Грайт открыл дверь, и Карон ворвался в дом, сразу же захлопнув дверь за собой. А потом он еще запер ее на тяжелый замок. Его зеленый плащ легиона мира был разорван, в огромной руке он сжимал ножку от стола, перепачканную кровью.

— Они уже выступили, Грайт! — яростно загрохотал Карон. — Мои люди тоже собираются, но они успели нас опередить и занять лучшие позиции. Проклятые прихвостни сарнов! Однако, надеюсь, они не успеют занять площадь перед дворцом инопланетян, если только Мать сарнов не дала Друнелу половину своего арсенала.

— Не дала, — успокоил его Грайт. — Я же говорил — она хочет, чтобы мы оказались в почти равных условиях. У Друнела должен быть небольшой перевес.

— Я думаю, надо плотно закрыть ставни, — сказала Дея, незаметно подошедшая к ним. — И выключить свет, а то мы все здесь как на ладони.

Карон улыбнулся ей и подошел к висевшей на стене веревке.

— Хорошая мысль, — одобрил он и потянул за веревку. Тонкие металлические ставни бесшумно скользнули вниз одновременно на всех окнах, плотно закрыв их.

— Остальные представители придут позже, — сказал Грайт. — Мы должны обеспечить их безопасность...

— Не беспокойся, — проворчал Карон. — Они находятся под защитой трех самых сильных моих отрядов. Вокруг этого дома я организовал надежное кольцо охраны. Мои люди повсюду, так что ни один человек Друнела не появится поблизости незамеченным. Наши обязательно поднимут тревогу. Лунный свет обманчив, подкрадывающийся человек кажется кустом, но, клянусь Эзиром, мои люди сразу разберутся, что это за куст. К тому же у Друнела нет лунного крема.

— У них есть черные лампы, — заметила Дея. — Они могут использовать их.

— Вряд ли, — возразил Карон. — Слишком заметно. — Он повернулся к Грайту. — Итак, я хочу услышать твой план, Грайт.

— У меня и в самом деле есть план действий, но только очень приблизительный, — покачал головой Грайт. — В деталях его невозможно было проработать. Мы еще не готовы. Где-нибудь через месяц — а может, даже и через неделю — мы могли бы призвать Эзира к нам на помощь. Тогда ситуация бы резко изменилась. Но теперь нам придется действовать по обстоятельствам. Сначала надо собрать всех представителей и обеспечить их безопасность. Затем, чтобы остановить бойню, мы должны каким-то образом уничтожить трех человек: Друнела, Рендана и Грасуна. У наших врагов нет установленного порядка в наследовании лидерства, и, как только мы уничтожим вожаков, они начнут грызня за власть. Если бы нам удалось сделать это сегодня ночью, мы выиграли бы время, которое нам необходимо, чтобы вызвать Эзира... К тому же Мать сарнов будет внимательно следить, чтобы одна из сторон победила, но не сразу. Итак, нам нужно убрать с дороги Друнела, Рендана и Грасуна.

— Понятно, — кивнул Карон. — Но они будут на площади перед дворцом Матери сарнов, окруженные плотным кольцом

своих людей. До них будет трудно добраться. К тому же мы не знаем, что у них за оружие.

Грайт слегка коснулся рукой обруча на голове.

— Все же мы попробуем использовать наши методы, — тихо сказал он, взглянув на Карона. Во взгляде Карона появилась робкая надежда.

— Попробуем!

— Представители с охраной уже совсем близко, — прошептала Дея, ощущившая ментальный сигнал. Ее глаза были широко раскрыты от напряжения. — Они уже у дверей...

В то же мгновение снаружи раздался стук. Карон открыл дверь, и в дом вошли десять человек в малиновых плащах. В небольшой прихожей сразу стало тесно. Еще пятьдесят человек в темно-зеленых плащах легиона мира и боевики в гражданской одежде остались снаружи. Карон вышел к ним.

— Рассредоточьтесь вокруг дома, — отрывисто приказал он. — Убедитесь, что между оцеплением и домом нет людей Друнела.

Когда его люди безмолвно растворились в темноте, Карон вернулся в дом и закрыл дверь.

— Надо идти на площадь. — Грайт твердо посмотрел в глаза Карону. — Я не слышал ни звука с того момента, как люди Друнела прокричали его имя. Я пойду с тобой, Карон. Мы должны выступить как можно быстрее. Нам нужны Друнел, Рендан и Грасун.

— Я думаю, они не одобрят наш план, — мрачно пошутил Бартел. — И скорее всего, предложат нам свой — уничтожить тебя, меня и Карона. Поэтому я считаю, что тебе лучше оставаться здесь, под охраной. Разве ты не понимаешь, Грайт: если смерть Друнела обезглавит его сторонников, то твоя смерть внесет замешательство в наши ряды. Если ты погибнешь, борьба будет закончена и Друнел победит.

Грайт покачал головой:

— Если мы останемся здесь, то ему будет не так уж трудно захватить нас, несмотря на охрану, — решительно сказал он. — Мы пойдем туда, где нас не ждут. Когда мы будем в городе, наши люди защитят нас, а Друнел, не зная, где мы находимся, не сможет организовать нападения. Ведь ему нужны только мы, Бартел, не забывай об этом.

Грайт шагнул за дверь, за ним последовали Бартел и Карон, и через мгновение все трое исчезли во мраке. Серебристый лунный свет казался им необычайно ярким, даже более ярким, чем золотистый свет солнца. Тени деревьев были черными и непроницаемыми, но от одного дерева вдруг отделилась черная фигура, бесшумная и бесплотная, словно призрак.

— Между домом и кольцом охраны нет никого, — прошептал человек, приблизившись. Карон кивнул.

— Надо собрать людей возле дома Фалуна. Мы идем на площадь перед дворцом, — тихо проговорил он и шагнул в тень. В руках его блеснул какой-то металлический предмет.

Грайт остановил Карона и, забрав у него оружие, отшвырнул в сторону.

— Оружие, которое Мать дала Друнелу, скорее всего, будет электромагнитным, — сказал он. — У нас должно быть только деревянное оружие. И предупреди своих людей, чтобы у них не было ничего металлического.

За углом дома они встретили группу боевиков, и Карон подошел к ним. Вскоре до слуха Грайта донеслось тихое звяканье — люди побросали все металлические предметы на землю, а после этого бесшумно разбрелись в разные стороны. Через несколько мгновений безмолвные тени вновь собирались на том же самом месте. Грайт напряг зрение и разглядел в руках у собравшихся деревянные ножки столов и стульев и пару пластиковых прутов. И все же на боку у каждого покачивались металлические духовые ружья.

Грайт кивнул своим спутникам, и они, стараясь держаться в тени деревьев, молча пошли по улицам, утопающим в лунном свете. По дороге к их группе то и дело присоединялись люди с такими же, как у них, черными лицами.

Далеко впереди, на площади перед дворцом Матери сарнов, горели огни. Собравшиеся там люди стояли плотными группами и ничего не предпринимали, выжидаю. Грайт свернулся в боковую улицу, направляясь навстречу группе людей, двигавшейся по параллельной улице. Через некоторое время он увидел их — темные фигуры с белыми лицами, уверенно направляющиеся к площади. Во главе отряда шли шесть человек с какими-то странными коронами на голове и длинными тонкими стержнями в руках. Силуэты этих людей то и дело исчезали в более

глубокой тени деревьев. Отряд сторонников Друнела двигался осторожно, держа оружие наготове.

Внезапно тишину прорезал громкий голос Карона, узнавшего одного из тех, что были в коронах:

— Грасун! Клянусь Эзиром, Грасун!

Угрожающие крики раздались со стороны группы сторонников Друнела, и в то же мгновение у всех в ушах зазвучала пронзительная ноющая нота. Едва различимый луч света ударили в грудь Карона, прошел сквозь него и сталibriровать, скользя по другим людям с темными лицами. Карон задрожал всем телом. Его ноги подкосились, и он едва не потерял сознание, но все же устоял на ногах, крепко сжимая в руках огромную дубовую ножку от обеденного стола. Люди рядом с ним корчились и падали, выпуская оружие из онемевших рук. Люди Друнела бросились вперед с криками победы, и тонкий сверкающий луч вновь пронзил тело Карона. Командир легиона мира зашатался и, закрыв залитые потом глаза, сделал неуверенный шаг вперед, не выпуская дубинку из рук. Внезапно он вскинул голову и, до хруста стиснув зубы, бросился вперед, высоко над головой подняв огромную ножку дубового стола. Сбитые с толку враги отскочили в сторону, в ужасе глядя на огромную фигуру, грозно и неумолимо надвигавшуюся на них. Еще несколько мгновений — и гигант оказался рядом с Грасуном, занес над ним дубину.

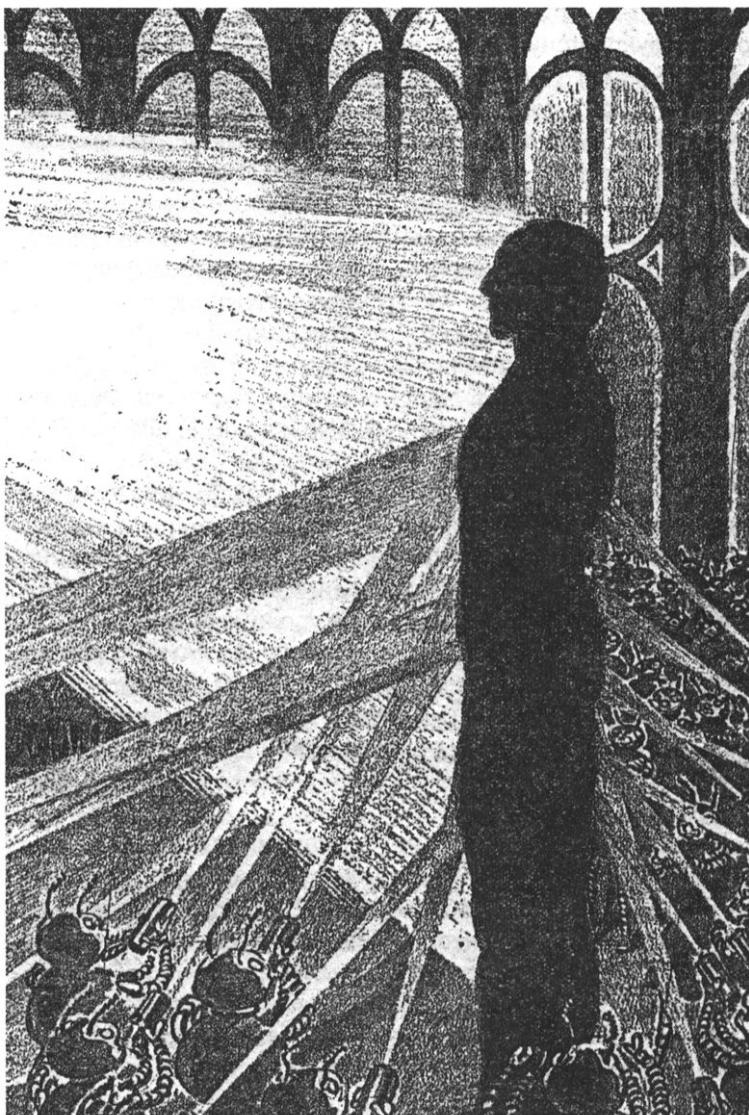
Грасун отпрянул, подняв белое лицо к лунному свету, но в тот же миг его рот искривился в злорадной ухмылке, и он медленно навел свое оружие на Карона. Он знал, что его охраняет невидимый щит и уже устыдился своего минутного страха. И тут страшный удар дубины сбил его с ног.

Грасун упал на землю, и сверкающий луч прочертит стремительный путь по верхушкам деревьев. Карон отбросил в сторону расколотую пополам деревянную ножку, убедившись, что пробить защиту врага невозможно. Самое большее, что он мог сделать, — это оглушить Грасуна, испытавшего, видимо, сильный толчок, но не более того.

В это время один из сторонников Друнела, прия в себя, бросился на Карона. Вновь сверкнул тонкий лучик, но Карон уклонился, ощущив лишь сильный удар в плечо, и с криком ярости устремился к нападавшему. Своими огромными руцищами



он схватил врага, поднял его высоко в воздух, как ребенка, и со страшной силой швырнул на упавшего Грасуна. Пронзительный вопль ужаса огласил город — два защитных энергетических поля закоротило. Тот, которого Карон бросил, прорвал



энергетический щит Грасуна, но сгорел сам и, тлея, затих на камнях мостовой.

— Камни! — крикнул Карон, повернувшись к своим. — Тех, кто в коронах, надо бить камнями!

Остальные люди Грайта не стремились, как Карон, бороться врукопашную. Стреляющие почти бесшумно духовые ружья уложили уже немало сторонников Друнела. Но пули отлетали рикошетом от тех, кто носил короны. Они стояли невредимые, и их поющее сверкающее оружие продолжало вонзаться в людей, отступавших в густую тень деревьев. Гранитный булыжник размером с человеческую голову со свистом вылетел из темноты, направленный прямо в Грасуна, который в этот момент, шатаясь, неуверенно поднялся на ноги. Щит отразил камень, но внутреннее сотрясение поля вновь сбило Грасуна с ног. Он рухнул на колени, тряся головой, инопланетное оружие выпало из его рук.

— Камни! — кричал Карон. — Большие камни надо кидать, идиоты! Не камушки, болваны, а булыжники! У них силовые щиты, но булыжники их пробьют!

— Все бросайте камни в Грасуна, — раздался из темноты голос Грайта. — Нас много, и мы пробьем его щит.

Через мгновение град камней обрушился на Грасуна, но щит отражал их — как будто невидимая резина смягчала удары, и Грасун лишь дергался, но продолжал стоять на коленях. Наконец огромный булыжник, брошенный Кароном, свалил несчастного на землю. Грасун завыл, корчась и отчаянно пытаясь встать. Он взывал о помощи, но никто из его людей не осмеливался подойти к нему — коснуться щита было равносильно смерти.

— Карон, Карон!

Резкий голос Грайта остановил командира легиона мира в тот момент, когда он поднял над головой очередной камень. На мгновение гигант в замешательстве остановился, затем поймал телепатическое послание Грайта и, подозвав дюжину боевиков, быстро построил их в шеренгу. Тяжелые камни полетели одновременно, и люди в коронах, не выдержав такого натиска, зашатались и начали падать. Дезорганизованная толпа сторонников Друнела начала отступать, но духовые ружья косили их ряды.

Но вот почти не осталось сторонников Друнела, не защищенных коронами: большинство его приверженцев лежали на земле, остальные пытались спастись бегством. Но шестеро — те, кто был в коронах, — образовали тесный круг возле

поверженного Грасуна, беспорядочно посыпая во все стороны сверкающие лучи.

Однако Карон уже завладел одним из таких лучеметов. Это было оружие Грасуна.

Грайт забрал его у Карона и, повернувшись в руках, тихо подозвал одного из своих людей.

— Надо отнести это к Уэру, — прошептал он. — Карон! Мы должны достать хотя бы одну корону! — крикнул он, повернувшись к командиру легиона мира. — Не давай им сбежать! Мы должны схватить Грасуна!

— Тарнор, — тяжело дыша, проговорил Карон, обращаясь к одному из своих боевиков, — ты знаешь дом Уэра? Бери эту штуковину и бегом к нему! — Человек с черным лицом молча забрал энергетическое оружие и мгновенно растворился в темноте. — Ну, а что теперь? — Карон повернулся к Грайту. — Мы можем сдерживать их, пока хватит камней, но пробить щиты не удается. Я бы разорвал этих гадов на куски, но касаться их силовых щитов нельзя — это смертельно опасно.

Внезапно из тени деревьев появился еще один человек. Он протянул Карону большую деревянную бадью. Схватив ее, Карон выплеснул воду на людей в коронах. Капли воды облепили невидимый кокон силовой защиты, но затем стало происходить что-то странное. Грасун издал пронзительный вопль ужаса. Вода, касаясь силового поля над его головой, пенилась, шипела. Вот предводитель сторонников Друнела начал кататься по земле, а потом неожиданно затих, когда его силовой щит соприкоснулся с краем другого щита. Двое носителей корон превратились в черные мумии, остальные предпочли спастись бегством. С победными криками люди Грайта вышли из тени деревьев. Когда все было кончено, отряд людей Грайта двинулся на плещадь. Сам Грайт старался сосредоточиться, обмениваясь ментальными посланиями с Деей и Уэром, который изучал их трофей — оружие сарнов...

— Наши люди уже знают, что металл опасен, — раздался за плечом Грайта голос Карона. — Жаль, что они не знают, что можно пользоваться камнями. В который раз жалею, что у нас нет связи дальнего действия!

— Вода намного эффективнее, — отозвался Грайт. — Если бы мы могли использовать пожарное оборудование!

ГЛАВА 4

Они уже подходили к площади. На стенах домов, где был выключен свет, внезапно вспыхнули яркие отблески сверкающих лучей, выпущенных сторонниками Друнела. Из окон и дверей стали выпрыгивать люди, с криками падали они на колени и, зажимая уши, вопили от боли... Но вот Грайт увидел его — своего противника, человека, на одной планете с которым он не мог существовать. Сегодня ночью один из них должен погибнуть. Грайту было не страшно умирать, но он думал о Дее, о тех людях, которые шли сегодня с ним на площадь. Он должен победить... Выбежавшие из ближайшего горящего дома люди заметались в тени деревьев. Несколько из них, увидев Карона, бросились к нему.

— Грайт, — обратился гигант к своему вождю. — Наши люди — те, которые в домах, — не могут подобраться достаточно близко к группе Друнела, чтобы бросать камни. Эти негодяи поливают всех своими лучами. Что мы можем сделать, Грайт, как нам защититься от их проклятых лучей?

Грайт сосредоточился, пытаясь связаться с Уэром. Потом, взглянув на Карона, он лишь молча покачал головой. Тяжело дыша, командир легиона мира в ярости уставился на Грайта.

— Пока ничего нельзя сделать, Карон, — тихо прошептал Грайт. — Придется действовать так...

Между тем топот ног и гул голосов все усиливалось. На площадь выходили новые и новые отряды боевиков. Решающее сражение было неминуемо.

— Мы проиграем, Грайт, — в отчаянии простонал Карон. — Мы не сможем ничего сделать. Площадь окружена, у них короны, они защищены, а мы — нет!

Еще в одном здании разорвался ужасающий по своей силе энергетический заряд. Люди в панике, с обезумевшими лицами выбегали из этого здания — в обманчивом свете луны все происходящее казалось нереальным.

— Если мы не схватим Друнела сегодня ночью, у нас вряд ли будет еще такая возможность, — твердо сказал Грайт, глядя в глаза Карону. — Если мы сдадимся или хотя бы отступим, то очень многие из наших присоединятся к Друнелу. Мы не имеем права отступать.

— У нас нет другого выхода, Грайт! Мы должны отступить, — настаивал Карон, глядя с несчастным видом. — Если бы у нас был четкий план, если бы у нас была надежная ментальная связь... Но теперь не о чем говорить. Если мы могли бы соединиться с нашими основными силами! Грайт, у меня ощущение, что все это происходит не по-настоящему! Грайт, ответь!

Но Грайт молчал, его лицо было обращено к обманчивому лику луны, он ждал ответа на терзавшие его вопросы...

Противники готовились к решающей схватке. По боковым улицам подходили отряды сторонников Грайта. Не выходя на площадь, они через задние двери пробирались в окружавшие площадь дома и занимали оборонительные позиции. Еще один отряд — очень большой — стремительно ворвался на площадь и, оценив опасность сверкающих лучей, рассеялся — боевики прятались в домах и в тени деревьев.

Карон обрадовался подкреплению, но гонец, который прибыл вместе с отрядом, заставил его вновь разозлиться. Оказалось, что это было вовсе не подкрепление, а беглецы: сторонники Друнела выкурили людей Грайта из домов на окраинах и те в панике отступили на площадь. Тем временем с другой стороны площади подошли еще люди Грайта, но и они, охваченные общим безумием, успели укрыться в домах. А потом люди Друнела начали поджигать дома один за другим... Неистово пляшущие языки огня на крышах внезапно взяли верх над лунным светом. Его обманчивые краски больше никого не могли ввести в заблуждение, лунный крем на лицах сторонников Грайта тоже стал бесполезным.

Карон повернулся к своему вождю. По его лицу пробегали отблески ярких вспышек.

— Отступать нельзя, Грайт! Теперь мы просто не прорвемся, потому что половина наших людей уже на площади и они окружены боевиками Друнела. Другую половину наших, видимо,держивают на окраинах, не подпуская к площади. Нас рассекли надвое, словно дождевого червя! Грайт, надо что-то делать!

Грайт неотрывно смотрел на распространявшееся пламя, пожиравшее дома один за другим. Человеческие жилища

были каменными, но полы, стены и перекрытия — деревянными, — легкая добыча для огня, неистово бесновавшегося и готового, казалось, пожрать весь город. Кладка тысячелетней давности не выдержала бешеного натиска огня, и один дом рухнул...

Друнел стоял едва ли не в центре площади, окруженный большим отрядом вооруженных боевиков. Его лицо, освещенное сполохами огней, было искажено зловещей улыбкой, он непрерывно размахивал руками, отдавая приказы. Увидев спешащего к нему посыльного, вынырнувшего из боковой улицы на площадь, Друнел сжался в ожидании известий, но гонец вдруг на его глазах рухнул на землю под градом выплетевших из дома камней. Удар оказался настолько сильным, что энергетический щит не выдержал — мощная вспышка огня поглотила человека, и через мгновение от него осталась лишь кучка пепла. Вскоре показался другой посыльный, который, увидев, что произошло с его предшественником, заметался, пытаясь увернуться от летевших в него камней, но ему это не удалось — огромный бульдожник сбил его с ног, а вода согнала его силовой щит, и он тоже, воя и корчась, расстался с жизнью. Друнел словно окаменел. Его лицо — тонкое, худощавое лицо аскета — еще больше заострилось, глаза горели неистовым, безумным огнем. Он ненавидел Грайта, и эта ненависть сейчас достигла наивысшей точки...

— В дома им не прорваться, — хрипло проговорил Карон. — Вода и камни их остановят. Но теперь им помогает огонь... Огонь гонит наших людей из домов, безоружных, а они со своими лучами...

Карон в отчаянии замолчал, глядя, как на крыше одного из зданий несколько человек в темно-зеленых плащах разворачивали садовый шланг, чтобы затушить пожар. Сверкающий луч, метнувшийся откуда-то из дальнего угла площади, свалил сначала одного из них, а затем и остальные рухнули на крышу, уже не замечая, как огонь лижет их руки и лица...

Человек Грайта, задыхаясь и едва держась на ногах, вынырнул из темноты, прижимая к груди три короны.

— Вот, — тяжело дыша, проговорил он, протягивая короны Грайту. — Оказывается, они не всегда их включают.

Грайт схватил короны, затем внимательно посмотрел на того, кто преподнес ему столь ценный дар.

— Как тебе удалось их достать?

— Мы следили за людьми Друнела, когда они шли по улице. Некоторые в тот момент не пользовались защитой, и трое из них упали при первом залпе наших духовых ружей. Других мы облили водой, и тогда сгорели те, у которых были включены щиты. А с этими тремя нам просто повезло.

— Хорошо, — кивнул Грайт. — Это увеличивает наши шансы.

— Да! — с воодушевлением воскликнул Карон. — Теперь у нас будет три человека, которые смогут противостоять сотне врагов, а может быть, и тысяче. Грайт! Ведь Уэр, наверное, сможет по этим образцам сделать такие же короны?

— Тарнсун, — тихо позвал Грайт человека, едва различимого в тусклом свете пожара. — Отнеси это Уэру. Включи одну из корон — и тогда ты сможешь беспрепятственно пройти через посты Друнела. Если не получится — возвращайся.

Грайт сосредоточился, отправил Уэру ментальное послание и немедленно получил ответ. Техник сообщал, что очень занят, и то, над чем он сейчас работает, важнее всего остального. Тогда представитель Земли повертел короны в руках, затем одну отдал Карону, который, не отрываясь, смотрел на один из домов напротив, из которого высакивали люди и тут же падали, сраженные лучевым оружием. Гигант скрипел зубами от ярости.

— Они нас уничтожат, — пробормотал он.

— Если бы это началось через месяц или даже через неделю, мы смогли бы призвать Эзира к нам на помощь. — Голос Грайта оставался спокойным, и лишь горевшие лихорадочным блеском глаза выдавали внутреннюю боль. — А ведь Мать сарнов наверняка знала это, поэтому и поторопилась снабдить Друнела оружием.

— И что теперь делать?! — в сердцах воскликнул Карон. — Попытаться организовать массированную атаку, чтобы захватить Друнела и Рендана?

— Рендана там нет, — вздохнул Грайт. — Он командует внешним оцеплением. Массированная атака приведет лишь к десяткам и сотням смертей. В тех домах около пяти тысяч наших друзей. Надо попытаться как-то освободить их.

ГЛАВА 5

Грайт медленно поднялся на ноги. Он ясно видел ментальную картину, которую Дея послала ему: терраса, где они недавно ужинали, старый дуб возле нее и сжимающееся вокруг дома кольцо боевиков Друнела, вооруженных энергетическими щитами и сверкающими лучами. Последний из легионеров Карона уже пал в бою. Но Грайт знал, что люди Друнела не станут использовать оружие против народных избранников, находившихся в доме. И он твердо знал, что они не причинят вреда ни Деи, ни Тере. Представитель Земли коснулся крошечной кнопки на трофеейной короне. Карон с удивлением наблюдал за ним. Вот Грайт внезапно вышел из тени на открытое место, ярко освещенное пламенем горящих домов.

— Оставайся на месте, Карон, — тихо приказал Грайт гиганту, когда командир легиона мира шагнул вслед за ним.

Карон неохотно отступил, в замешательстве глядя на своего вождя, который медленно сделал еще несколько шагов вперед, в сторону Друнела. Немедленно несколько лучей с разных концов площади устремились к нему, но они оказались бессильны перед энергетическим щитом короны. Грайт оказался неуязвимым, и лучи исчезли. Стоявший в окружении своих людей Друнел тоже шагнул ему навстречу.

— Какие будут условия, Друнел? — крикнул Грайт. Силовой щит приглушил его голос, но Друнел услышал.

— Почему ты говоришь о каких-то условиях, Грайт? — рассмеялся он. — Мне с тобой обсуждать нечего. Ты проиграл.

— Потому что тебе совершенно ни к чему уничтожать людей в этих домах. — Грайт кивнул на окна домов, окружавших площадь, из которых на него смотрели десятки глаз. — Тебе нужен только я. Ты убиваешь людей только затем, чтобы не дать мне возможности улизнуть, но при этом схватить меня не можешь — ведь меня защищает корона. Мы отобрали у твоих людей несколько таких корон, которые дала тебе Мать сарнов, и благодаря им я и некоторые мои люди, а также Дея и Тера могут вырваться из рук твоих прихвостней. Не сомневайся: мы нанесем ответный удар, даже если Мать вновь захочет тебе помочь. Ты боишься этого, поэтому мы сейчас и будем говорить об условиях.

Грайт смотрел Друнелу в глаза, пытаясь определить, известно ли его врагу точное число корон, отобранных у его людей. Но самое главное, что беспокоило Грайта, — знает ли Друнел о том, что Дея и Тера находятся в этот момент без охраны в доме, окруженном со всех сторон людьми в коронах под предводительством Бартун.

— Чего ты хочешь? — после минутного размышления спросил Друнел.

— Свободу и безопасность людям, которые сражались на моей стороне, — спокойно ответил Грайт. — Все мужчины, женщины и дети, которые сейчас находятся в огненном кольце и гибнут, должны быть спасены. Тогда я сдамся.

— Мне не нравятся твои условия, — зловеще рассмеялся Друнел. — Ты все равно не сможешь отсюда ускользнуть — мои люди окружили площадь. Они оста новят тебя.

— Ты знаешь, что это не так, — покачал головой Грайт. — Я смогу уйти, если захочу. Так что же ты решишь?

— Я освобожжу людей, которые не представляют для меня никакого интереса. — Темные глаза Друнела горели радостью победы. — Но мне нужно, чтобы сдался не только ты, а еще Бартел, Карон и представители городов. У тебя нет выхода, Грайт. Я и так делаю тебе слишком большую уступку — ведь твои люди зажаты в кольцо, а огонь распространяется достаточно быстро. Ты поступил хитро, используя камни и воду, но все равно не смог ничего добиться. Я, в отличие от тебя, Грайт, отдаю себе отчет в своих действиях. Я не подвергаю людей опасности, как ты, вызывая гнев Матери сарнов. Инопланетяне ценят и помогают тем, кто помогает им. Твои духовые ружья ничего не дали тебе, они лишь загнали твоих людей в капкан. Ты, который никогда не держал в руках книгу по военной стратегии, никогда не участвовал в военных действиях, решил победить опытных воинов! Ты осмелился бросить вызов генералам сарнов, ты будоражил людей, сеял среди них смуту, подстрекая к борьбе против Правительницы! Ты, может быть, достаточно мудр, чтобы управлять безмозглыми скотами, которые сейчас дрожат от страха в горящих домах, но ты слишком глуп, чтобы тягаться со мной... Ну, что скажешь, Грайт?.. Я спасу этих людей, твоих тупоголовых прихвостней, но тебя будет судить Мать.

Грайт покачал головой.

— Не забывай, что я еще не схвачен, — спокойно произнес он. — Я как ртуть выскользну из твоих рук, едва ты попытаешься меня задержать. А Бартел тебе нужен по тем же причинам, что и я. Тебя ничуть не волнует судьба человечества. Тобою движут личные причины, личная ненависть. Я сдамся тебе, если ты поклянешься именем Катал Саргтан, что мои люди, за исключением меня и Бартела, получат свободу и неприкосновенность. Но Бартела попробуй схватить сам!.. Ты же говоришь, что через твое кольцо никто не прорвется...

— Нет! — резко оборвал его Друнел. — Пусть Бартел выйдет сюда и встанет рядом с тобой! Через мое кольцо никто не прорвется, но я хочу, чтобы он сам сдался на мою милость.

— Ты клянешься именем Матери Катал Саргтан, что те люди, которые сражались на моей стороне, будут спасены? Что у них будут равные права с теми, кто был с тобой?

— Клянусь Катал Саргтан, — неохотно кивнул Друнел.

— Ты клянешься Катал Саргтан, что у нас с Бартелом будет возможность поговорить с Матерью?

Друнел засмеялся. Его глаза злорадно сверкали в отблесках огня.

— Конечно, раз уж тебе этого так хочется, Грайт. Вы с Бартелом сдадитесь мне, а затем оба предстанете перед Матерью сарнов. Причем медлить не будем, сделаем это завтра же утром!

Через несколько мгновений из арки одного из домов вышел Бартел. Твердыми уверенными шагами он подошел к Грайту. Представитель Земли отключил энергетический щит на своей короне, снял ее и надел на голову обруч из серебра с эмалью, обозначавший принадлежность к расе рабов. Когда Друнел подошел к нему и взял корону, его лицо сияло почти дружеской улыбкой. Он торжествовал. Война была окончена — Грайт и Бартел больше не являлись препятствием на пути к власти.

ГЛАВА 6

Сарны стояли плотными рядами вокруг трона Матери. В огромном зале царила тишина, нарушающая лишь гудением ламп и прожекторов, напоминавшим шелест осенних листьев.

Грайт и Бартел стояли плечо к плечу перед Правительницей Земли. На них не было малиновых плащей — официальной одежды избранников народа. Теперь в эти плащи облачились Друнел и Рендан, стоявшие чуть поодаль. Яркий луч утреннего солнца, падавший из узкого окна, играл на этих плащах, превращая малиновый цвет то в красный, то в розовый.

Немигающими золотыми глазами смотрела Мать на Грайта. Долго молчала она, и, когда заговорила, ее тонкие бескровные губы почти не двигались.

— Ты сказал, что не можешь ввести среди людей закон сарнов. И я говорила тебе, что ты будешь смещен со своего поста. Плохой исполнитель заслуживает наказания, а мятежник заслуживает смерти. Таков закон сарнов. По законам людей плохой представитель также должен быть разжалован, а изменник должен быть казнен.

— Да, и по законам сарнов, и по законам людей плохой администратор должен быть уволен, а мятежник или предатель — казнен, — кивнул Грайт. Он говорил спокойно и уверенно, твердо глядя в глаза Правительницы. — Если будет доказано, что все сказанное выше относится ко мне, значит, я виновен. Но я уверен, что ни один человек не заявит, что я плохой представитель, потому что я всегда поступал по закону и никогда не сделал ничего, что закон запрещает. Разве закон сарнов запрещает представителю быть командиром легиона или использовать полицию в своих целях? Разве закон людей запрещает представителю превышать свою власть и заниматься чем-либо иным, кроме своих обязанностей советника? Когда я сказал, что законы сарнов нельзя ввести среди людей, я поступал согласно своим обязанностям советника. Я должен был сделать это, чтобы предотвратить массовые убийства, которые неминуемо последовали бы после введения закона о матриархате. Если бы я одобрил этот закон, то стал бы предателем по отношению к людям. Но я не высказал своего согласия, поэтому меня нельзя назвать ни предателем, ни плохим представителем.

— Слово Матери — это закон сарнов, — резко произнесла Правительница. — И нет закона выше этого. Решения, которые принимает Мать, являются законом для всей Земли. Ты поступил как плохой исполнитель и мятежник, и закон

требует смертной казни для тебя. Бартел тоже является мятежником, и его ждет та же участь. — Немигающие золотые глаза на несколько мгновений уставились на Бартела, затем внезапно устремились на огромные двери зала. Грайт медленно повернулся в сторону дверей. В искрящихся лучах утреннего солнца из небытия возникла неясная аморфная фигура, абсолютно черная, как мрак межзвездного пространства. Все замерли, увидев, как эта бесплотная, подобно тени или призраку, фигура начала постепенно сгущаться и приобретать четкие очертания, превращаясь в некое исполинское подобие человека. Существо было не просто черным — казалось, оно состоит из мрака и тьмы. Фигура продолжала двигаться вперед, и вот уже стали отчетливо видны огромные руки и ноги, голова, лишенная глаз, рта и носа. А позади него на полу, там, где ступали огромные ноги, появлялись и расцветали белые цветы морозного инея. Фантастическое создание окутывала аура холода. Солнечный луч, падавший из окна, коснулся черной фигуры, ярко вспыхнул, а потом исчез, словно сгорел.

— Эзир, — с трудом выдохнул Грайт, отступив на шаг.

В нескольких шагах от Матери сарнов черный человек остановился. Замершие в оцепенении сарны начали понемногу приходить в себя, легкий шепот пронесся по их рядам. И тут Эзир заговорил, но он не произносил слова. От него исходили ментальные послания, которые проникали в сознание всех, кто находился в зале, — и сарнов, и людей.

— Ни справедливости, ни правды нет в твоем правлении, дочь сарнов. Твоя раса не похожа на расу моего народа, они различны. Ты должна изменить нынешнее положение дел во имя справедливости, которую сама провозглашаешь.

Рука Матери дернулась и, извиваясь, словно змея, потянулась к маленькой кнопке на троне. Невидимая энергетическая стрела вылетела из оскаленной пасти медной рептилии, вмонтированной в подлокотник трона, но будто растворилась, коснувшись черной груди исполина. В ярости Мать нажимала и нажимала кнопку, сотни стрел полетели в черную фигуру, но все они бесследно исчезли в абсолютном мраке. Из золотого диска, висевшего над троном, вырвался могучий луч, способный превратить в пыль каменную глыбу, но и ее поглотил темный человек.

Гудение лучевого оружия стихло. Лишь эхо еще металось под сводами высокого потолка. Эзир вновь заговорил, и снова каждый из присутствующих услышал его мысли:

— Я не материален, и моя природа совсем не такая, как у твоих лучей, дочь сарнов. Твоя мудрость и древние знания твоей расы бесполезны в борьбе со мной. Ты — одна, а я представляю собой все человечество, все пятьсот миллионов человек, которые жили и умерли на Земле. Я — те миллиарды людей, которых ты убила во время Завоевания... Десять тысяч поколений мечтали и боролись за свободу. Я — их концентрированное желание, их надежда, воплощение их идеалов... На заре человечества, во время первого ледникового периода, я умирал, разорванный когтями тигра, но оживал в ребенке, который выжил благодаря этой жертве. Я умирал, когда Земля была юной... И я умирал прошлой ночью под ударами сверкающих лучей, которые ты дала этим людям... Я умирал в пламени огня и под выстрелами духовых ружей... Я — воля, надежда и желания всего человечества, материализовавшиеся именно благодаря тебе, дочь сарнов. Три миллиона человек умерли во время Завоевания, и их воля, надежды и желания пропитали вечное пространство единственной мыслью — спасти Землю от рабства. Устремления многих поколений людей слились во мне. Прошло четыре тысячи лет, как вы пришли на Землю и уничтожили мой народ, и все эти годы я медленно рос, пока прошлой ночью не получил новый сильный импульс: помыслы множества погибших людей укрепили меня... Я — Эзир, пантеон человечества, я — само человечество. Все, кто умер на этой планете — под палящим солнцем пустыни или среди ледяных арктических просторов, — начиная с самого первого человека, который с камнем в руках сражался за свою жизнь и жизнь своих детей, и кончая тем, кто был на площади перед твоим дворцом прошлой ночью и умер сегодня утром. За что бы они ни боролись и умирали, они все мои дети, они — это я, дочь сарнов. Человечеству надо вернуть справедливость, ради всех тех, кто умер, сражаясь за свободу. Грайт и Бартел боролись за справедливость — и они должны продолжать свое дело. Друнел и Рендан продали человечество ради собственных интересов — и они должны получить по заслугам.

Черная фигура заколыхалась. Вперед протянулась огромная рука. Указательный палец черного человека едва коснулся лба Друнела, а затем мертвенно-бледного от страха Рендана. Друнел зашатался, его ноги подкосились, и он тяжело рухнул, ударившись головой о черные базальтовые плиты пола, его замороженный череп раскололся на множество мелких кусочков, словно ледяной шар. То же самое произошло с Ренданом, и сарны замерли, в ужасе глядя на бездыханные тела бывших союзников.

Эзир повернулся, и сарны тотчас отступили, открыв ему широкий проход, ведущий к длинной, поблескивающей золотом стене зала. В глубоком молчании Эзир подошел к стене и слегка коснулся ее огромной рукой. В то же мгновение твердый полированный камень стал мягким и расползся в стороны, открыв широкий длинный коридор. Эзир пошел по нему. Все молча смотрели ему вслед, пока стена вновь не сомкнулась, скрыв его из виду. Полированные камни встали на прежнее место, но теперь они были черными, как сам Эзир.

Мать сарнов вновь нажала на кнопку, и невидимые лучи пронзили стену, но она по-прежнему оставалась черной, храня очертания огромной фигуры. Затем понемногу чернота стала исчезать, и полированный нефрит вновь обрел свой природный цвет. Ничто больше не напоминало об Эзире.

Немигающие золотые глаза Матери смотрели на Грайта. Она молчала, и человек тоже молчал, спокойно глядя на нее. Наконец Правительница заговорила:

— Вы можете идти, Грайт и Бартел. Вы пойдете и увидите, что в городе людей восстановлен порядок. В час заката сегодня все оружие и короны, которые я дала, должны быть возвращены. Закон о соотношении «один к пяти» люди могут не соблюдать.

Глаза Матери закрылись. Грайт и Бартел повернулись и молча пошли по длинному широкому проходу между рядами расступившихся сарнов. За ними медленно побрали шесть человек, которые пришли сегодня утром вместе с Друнелом и Ренданом. Покинув зал для аудиенций, сторонники Друнела торопливо направились прочь, понуро опустив головы. Оставшись одни, Грайт и Бартел переглянулись и вдруг увидели Уэра, спешащего к ним через лужайку. Техник, работавший

в городе сарнов, стал настолько привычной фигурой для его обитателей, что на него давно уже перестали обращать внимание. Теперь он нес в руке довольно большой, закрытый на замок чемодан, в котором, по-видимому, лежало то, над чем он работал в последнее время.

— Боги послали мне удачу, — широко улыбаясь, объявил Уэр. — Я думал, что у меня не хватит времени закончить работу...

— Да, — улыбнулся ему в ответ Грайт, и вдруг напряжение последних дней покинуло его. Он поднял голову, посмотрел на солнце и рассмеялся. — Сегодня боги послали нам удачу.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПЛАЩ ЭЗИРА

ГЛАВА 7

Лицо Матери сарнов хранило следы усталости и напряжения последних сорока часов. В немигающих золотых глазах застыли страх и предчувствие, что впереди ее ожидают еще большие испытания. Восемь Матерей городов полукругом сидели перед ней, и выражение их лиц красноречиво свидетельствовало о том, что они не испытывают сочувствия к ее горю.

Все они безоговорочно считали людей рабами — всего лишь рабами и никем иным. Существами, созданными для труда, для беспрекословного подчинения, для послушного исполнения всех приказов сарнов.

Сарны установили на Земле порядок, и четыре тысячи лет люди подчинялись ему. Но вот теперь установленный порядок веющей оказался под угрозой. Мать сарнов была старой и мудрой, она существовала вечно, и порядок, установленный ею, казался незыблемым. Но то, что она сейчас рассказала, повергло Матерей городов в смятение — существующий порядок надлежит изменить.

Восемь Матерей городов были правительницами Земли. Каждая управляла или континентом, или огромным межконтинентальным регионом, каждая завоевала свое место ценой огромных усилий и держалась теперь за него так крепко, что только смерть могла разлучить ее с троном Матери города.

Но Мать сарнов? Вечная Правительница Земли, которая казалась им воплощением раз и навсегда установленного порядка? Никто из них не знал, как она получила власть, и никто из них не знал, что случится, если она умрет. Мать сарнов никому не завещала свой трон. У сарнов не было ни одного закона, в котором говорилось бы о преемственности власти. Все привыкли к мысли, что Мать сарнов бессмертна.

Из всех сарнов, живущих сейчас на Земле, лишь она помнила те мифические времена, когда их раса жила на Забытой планете. Никто из нынешних сарнов не помнил той планеты — она погибла в космической катастрофе, и ее обитателям пришлось искать новые миры.

Мать завоевала Землю для своего народа, но она не одна сражалась с людьми. И тем не менее все остальные были забыты. Они умерли, и осталась лишь вечная, бессмертная, незыблемая Мать сарнов. Матери городов в душе питали к ней ненависть из-за ее бессмертия, потому что трон Правительницы Земли, который они втайне делили между собой, оставался для них недостижим. Мать сарнов знала это и тщательно берегла секрет своего бессмертия. Опыт нескольких тысячелетий убедил ее в том, что порядок, который она установила, является единственным правильным, и она не хотела, чтобы он рухнул с ее смертью. Она не хотела уходить не потому, что наслаждалась безраздельной властью — подобное чувство угасло в ней давно, если вообще когда-нибудь было ей свойственно. Она ценила установленный ею порядок. А Матери городов боялись двух вещей: секрета ее бессмертия и зависти соперниц. Мать устала от их тайной борьбы. Она знала, что все Матери городов ненавидят ее, но сейчас ее больше беспокоило другое — люди, населявшие Землю, пробудились от векового рабского сна, подняли головы и были готовы восстать. Матери городов тоже знали это, но не испытывали такой глубокой тревоги, как Мать сарнов.

Они просто не допускали мысли, что люди способны на восстание. Для них люди были рабами, а еще точнее — животными, прирученными домашними животными. Они не представляли себе, что эти скоты могут отважиться на какие-нибудь серьезные действия против своих повелителей...

Но Мать сарнов была другого мнения. Весь опыт ее жизни, тысячелетия наблюдения за людьми свидетельствовали, что они не животные, что в них есть что-то странное, умирающее и возрождающееся, какая-то непобедимая любовь к жизни и свободе, воля к победе. Ради этого они могут восстать из пепла...

На лице Правительницы застыла дежурная улыбка — холодная маска вежливости. Долгий разговор с Матерями городов утомил ее, но объяснить им происходящее было необходимо.

— Я собрала вас вместе, Дочери, поскольку на этой планете происходит нечто важное. Вероятно, вы уже слышали о Грайте и Бартеле — двух непокорных представителях человечества?

— Слухи до нас дошли, — величественно отозвалась Мать Тарглана, города, расположенного высоко в Гималаях. — Я слышала, что ты собиралась предать их смерти, как изменников, но в последний момент передумала.

Выражение лица Правительницы не изменилось. Когда Матери городов собрались в зале для аудиенций, она сначала спросила их о том, что происходит в их областях, затем поведала, что у людей появился защитник и существующий порядок вещей может в скором времени измениться. Но она еще ни словом не обмолвилась о Грайте и Бартеле. Эту слишком болезненную для себя тему она приберегла для последующего обсуждения.

— Я говорила вам на последнем Совете, что человеческое сознание меняется, люди начинают задумываться об истоках своей культуры, их память обращается к далеким предкам — к тем, кто населял Землю до Завоевания. Вам трудно понять это и трудно оценить всю серьезность происходящего — ведь вы не знали людей до Завоевания, вы видели лишь немногих уцелевших, превращенных в рабов. Но я вижу рост — колоссальный рост — их сознания, который мы уже не в силах остановить. Хотя большинство людей еще не понимают, чего они хотят. Еще неосознанно, но они стряхивают с себя цепи рабства. Они борются между собой, убивают друг друга... Я решила использовать их смятение, чтобы предотвратить восстание против нашего владычества. Я дала им оружие в надежде, что они истребят друг друга, но в события вмешалась неведомая мне сила. Я поняла, что недооценила людей. На следующее утро после кровавой междоусобной бойни передо мной представили Грайт и Бартел, представители человечества. С ними вместе пришли Друнел и Рендан, возглавлявшие восстание. Я не буду вдаваться в подробности моих взаимоотношений с ними и их расприей между собой, скажу только, что Друнел был инструментом в моих руках. Грайту и Бартелу я вынесла смертный приговор. Восстание завершилось, Друнел победил, Грайт и Бартел сдались ему, а утром представили передо мной. Я осудила обоих на смерть... И вот тут явился Эзир — таинственное существо, природы которого мне не понять. Он был словно соткан

из тьмы и огромен, раза в два больше человека и даже больше меня. Фигурой он напоминал человека, но черты лица казались размыты. Он заявил, что состоит не из материальных частиц, а является концентрацией желаний всех людей, которые жили и умерли на Земле, сражаясь за свободу... Эзир общался со мной на ментальном уровне... Мы знаем, что до Завоевания люди стояли на пороге телепатического общения... У нас нет способностей к телепатии, а у людей — есть. Эзир доказал это. Он разговаривал со мной мысленно, и все, кто находился в зале, слышали его «голос» — и сарны, и люди. Когда Эзир коснулся Друнела, тот упал и голова его разбилась, как стеклянная ваза. Та же участь постигла помощника Друнела, Рендана... Я пыталаась поразить Эзира энергетическими лучами, но непроницаемая тьма его тела поглощала все виды излучения без видимого вреда. С каждым разом я увеличивала мощность орудий, но все оставалось по-прежнему — Эзир неуязвим для наших лучевых орудий. Луч, который я посыпала в него, мог бы разрушить горный массив, но Эзир даже не шелохнулся. Мои попытки не увенчались успехом... Однако существует оружие, которое наши предки называли «Смерть Матери». Тринадцать веков назад я применила его против мятеежной Матери одного из городов. Ее звали Татан Шоал, она была Матерью Биш-Вална. — Тут Мать сарнов пристально посмотрела на нынешнюю правительницу Биш-Вална, столицы африканского континента. — Татан Шоал вознамерилась захватить мое место. Она долго готовилась и изучила все виды оружия, которые могла использовать против меня. Ей удалось разрушить южную стену моего дворца и убить моего советника, пытавшегося образумить ее... Дочь Тарглана, расскажи своей сестре из Биш-Вална о замечательных успехах, которых добился твой физик, — я имею в виду его работу над полем Р-439-К.

Лицо Матери Тарглана оставалось бесстрастным, разве что на нем заиграли легкие золотые блики. Ведь поле Р-439-К было ее тщательно оберегаемой тайной.

— Это поле, — произнесла она непринужденным, почти веселым тоном, — разрушает атомы вещества и приводит к неуправляемой цепной реакции. Я не знаю равного оружия по разрушительной силе... — многозначительно улыбнувшись, добавила она.

Мать сарнов кивнула и взглянула на Мать Биш-Вална, которая побледнела от переполнявшей ее ярости. Но когда она заговорила, голос ее был ровным и спокойным:

— Нет, сестра, мы тоже работали над полем Р-439-К. И должна тебе сказать, что надо использовать не сферическую, а эллипсоидальную форму.

Мать Урнола натянуто улыбнулась:

— Жаль, что я не знала о ваших замечательных изысканиях. Я могла бы спасти вашу работу, ведь мы тоже не сидели сложа руки, и наши физики далеко продвинулись в изучении поля Р-439-К.

Три Матери городов любезно улыбнулись друг другу. Каждая считала, что ее секрет остался при ней.

— Дело в том, что никто из вас не в состоянии остановить эту силу, — оборвала «обмен любезностями» Мать сарнов. — От этого оружия нет защиты. Около двадцати веков назад я открыла эту разновидность атомного взрыва и в течение тысячелетия проводила с ним опыты. Десять веков назад нам впервые удалось остановить процесс распада. Если бы Татан Шоал не поторопилась, а подождала бы еще веков пять, южная стена аудиенц-зала осталась бы цела. Но, к сожалению, мне до сих пор не удалось найти надежной защиты от этого поля.

— Нам тоже, — почти в один голос поспешило откликнуться Матери трех городов. Они украдкой переглянулись, стараясь понять, не скрывает ли что-нибудь кто-то из них. Если бы они могли обладать оружием, создающим такое поле, они перестали бы зависеть от старой ведьмы, бессмертной Матери сарнов, правившей ими с незапамятных времен и помнившей еще Забытую планету...

— На Эзира не оказало воздействия даже это оружие, — с горечью произнесла Правительница. — Моя сокровенная «Смерть Матери» оказалась бесполезной, и один из атомных реакторов взорвался от чрезмерной перегрузки... Теперь же нам необходимо сотрудничать более тесно, чем раньше. Однажды наша раса без особого труда покорила людей, потому что мы были едины... Что Матери городов думают об Эзире?

Мать Тарглана раздраженно пошевелилась.

— Среди людей моего континента есть клоуны, которые веселят своих собратьев всякими трюками. У людей ноги

быстрые, но недостаточно гибкие и длинные. Поэтому они пускаются на всевозможные ухищрения, чтобы увеличить скорость и гибкость. Они ходят на ходулях, чтобы казаться выше, привязывают к ногам ролики, чтобы двигаться быстрее. А их клоуны обладают невероятной гибкостью.

— Понятно, — кивнула Мать сарнов. — Видимо, клоуны Северной Америки не так талантливы.

— Многие люди на моем континенте умеют передавать друг другу мысли на расстоянии, — сказала Мать Биш-Вална. — Я не раз была свидетельницей того, как они мысленно общаются между собой.

— Понятно, — кивнула Мать сарнов — Очевидно, люди в Северной Америке принадлежат к низшей ветви развития. Меня очень заинтересовали ваши рассказы о людях, познавших тайну ментального общения. Вероятно, они также умеют поглощать смертоносные лучи?.. И проходить сквозь стены? Вы забыли, что я наблюдаю за людьми вот уже четыре тысячи лет и повидала немало различных трюков... Но Эзир был настоящим. Здесь, в этом зале, присутствовали сарны, люди и я. Эзир разговаривал с нами, не произнося ни единого слова, и каждый находившийся здесь мог слышать его мысли. Он рассказал нам о своем происхождении, о том, что он представляет собой воплощение желаний всего человечества, всех пятисот миллиардов людей, живших и умерших на Земле. Если бы я заранее знала о его приходе, если бы у меня было время подумать, то я по-другому встретила бы его. Уж во всяком случае не стала бы стрелять в него атомными лучами, которые бесследно исчезали в нем, как в глубинах пространства. Теперь скажите мне: кто из вас может раскусить этот трюк?

Мать сарнов медленно обвела взглядом Матерей городов, но те молчали. В зале повисла напряженная тишина.

— Я разочарована, дочери мои, — устало произнесла Правительница, на несколько мгновений закрыв глаза. — Я разочарована тем, как вы отнеслись к моим словам. Вы усомнились не только в природе Эзира — вы усомнились в моем здравомыслии. Вы недооцениваете людей, считаете их не заслуживающими вашего внимания. Да, люди — низшая раса, но они лучше, чем мы, приспособлены к жизни на этой

планете. У нас не волосы, а сенсоры, и мы общаемся друг с другом посредством радиоволн. Люди не могут их улавливать, но и мы не можем улавливать мысли людей, когда они телепатически общаются между собой. Эзир говорил с нами, и его мысли слышали все — и сарны, и люди. Эзир пришел сюда не ради меня, его сообщения были адресованы людям, но он хотел, чтобы и сарны знали то, что услышали люди. Мне же он сказал: «Ни справедливости, ни правды нет в твоем правлении, дочь сарнов. Твоя раса не похожа на расу моего народа, они различны. Ты должна изменить нынешнее положение дел во имя справедливости, которую сама провозглашаешь». Эзир — огромная и страшная сила, которая может уничтожить весь наш народ. Я подчинилась ему, освободила Грайта и Бартела. Но я чувствую, он еще вернется. Теперь я всегда буду ощущать его присутствие... С такой силой я столкнулась впервые.

— И все же я не вижу в этом никакой опасности для нас, — пожала плечами Мать Тарглана. — Может быть, Эзир и не человек, а всего лишь какое-то изобретение жалкого человеческого ума. Во всяком случае, не стоит заранее преувеличивать его значение. И я не думаю, что он вернется. Просто люди хотели освободить двух мятежников, вот и придумали, как это сделать.

На мгновение глаза Правительницы вспыхнули гневом и яростью, она не выносила тупость и сейчас едва сдержалась, чтобы не высказать Матери Тарглана свое мнение о ней, но вместо этого лишь вздохнула и погрузилась в размышления.

Лицо Матери сарнов отчасти напоминало человеческое. Но лишь отчасти. Крошечное лицо с узким подбородком и тонким маленьким ртом, золотые глаза с вертикальными штрихами зрачков, металлические сенсоры вместо волос — все эти отличия сразу бросались в глаза. А уж тело ее с четырьмя сдвоенными руками, длинными и гибкими, как змеи, не имело с телом человека ничего общего. Но она не была и сарном. Те сарны, что жили сейчас на Земле, только внешне походили на нее. Мать сарнов хранила в себе память о другой цивилизации, о Забытой планете, превратившейся в космическую пыль. Она хорошо помнила Великих сарнов, которые завоевали Землю и превратили ее обитателей в рабов. Но, перебравшись на другую

планету, сарны изменились. Прежней оставалась лишь одна Мать. Перед ее глазами проходили поколение за поколением, развивался и менялся мир, но она все так же смотрела на него немигающими золотыми глазами. Она была вечной.

Процесс, сделавший Мать сарнов бессмертной, лишил ее возможности иметь потомство. С нынешним поколением сарнов у нее не было прямых родственных связей.

Четыре тысячи лет Мать правила Землей. Две тысячи лет или больше она жила на Забытой планете. Тогда сарны жили тысячелетиями, теперь же мало кто из них проживал больше пятисот лет. Той величественности, которая когда-то отличала ее народ, больше не существовало.

Шесть тысяч лет — слишком большой срок для любого живого существа. Однообразие жизни, смена времен года, смена поколений — все это могло породить тягучую, неизбытную скучку, убить интерес к жизни, опустошить разум. Но только не у Матери сарнов.

Она отличалась от остальных сарнов тем, что была бессмертной и обладала невероятной остротой ума. Ее поразила встреча с Эзиром, и теперь она не могла думать ни о чем другом. Разгадать его тайну, найти уязвимые места, победить его — вот что занимало теперь мысли Матери сарнов...

Правительница медленно подняла глаза на Мать Тарглана. Эти женщины, сидевшие сейчас в зале приемов, были дочерьми ее расы — потомками тех сарнов, которых Мать знала и любила четыре тысячи лет назад. С теми сарнами она работала, и это доставляло ей удовольствие. А с этими...

— Я должна еще раз встретиться с Эзиром, — тихо произнесла Правительница. — Мне необходимо проникнуть в его тайну. Вы, дочери мои, недооцениваете опасность, которую он представляет для нас. Он защищает людей, так что и они становятся теперь опасными для нас. На протяжении многих поколений люди были нашими рабами, но все это время они развивались. Люди развиваются быстрее, чем сарны, потому что век их недолог. И если хоть один из них, превзойдя остальных в своем развитии, использует свои знания и способности и создаст мощное оружие, которого нет у нас, то нам придет конец.

Некоторое время Матери городов молчали. То, что они услышали сейчас из уст Матери сарнов, произвело на них

тягостное впечатление. Они даже подумать не могли о том, что какой-то жалкий человек может представлять для них угрозу.

И не просто человек — мужчина! Мужчина, который может создать некое оружие, превосходящее по своей мощности все то, чем они обладали.

— Но если у них есть тайное оружие, которым они могут уничтожить всех нас, то почему они до сих пор его не применили? — медовым голосом спросила Мать Тарглана. — Почему тот, кто изобрел его, не снабдил им своих сообщников? Почему не направил его против нас?

Семь остальных Матерей городов напряженно выпрямились в своих креслах. Правительница горько улыбнулась.

— Это может произойти в любой момент, и мы должны быть настороже, — жестко произнесла она.

«Старая ведьма совсем спятила, — подумала Мать Тарглана. — Давно следовало ожидать, что возраст скажется на ее умственных способностях. Но зачем она запугивает нас? Неужели затеяла какую-то игру?»

— У нас ведь есть детектор лжи, — вслух сказала она, кротко улыбаясь Матери сарнов. — Мы можем проверить всех подозрительных людей.

Правительница ничего не ответила, лишь покачала головой. Она очень устала, ей неприятно резал слух притворный, сладковатый голос Матери Тарглана. «Упрямая тупица», — подумала Мать сарнов. Ей очень хотелось прервать это совещание и немножко отдохнуть. Она не спала уже больше сорока часов.

— Скажите мне, дочери мои: когда вам требуются какие-нибудь материалы, откуда вы их берете? — вздохнув, спросила она. — Вам их приносят, не так ли?

Матери городов переглянулись и согласно кивнули.

— А теперь скажите мне, откуда люди берут материалы, которые им нужны для работы? — продолжала Правительница. — Ответ прост — они их воруют. Мы всегда знали это и принимали соответствующие меры, чтобы пресечь кражи. Но люди достаточно умны и хитры и, несмотря на жесткий контроль, продолжают преуспевать в воровстве.

— Нисколько они не умны! — разъярилась Мать Тарглана. — Они просто крысы!

— Может быть, и так, — кивнула Мать сарнов, стараясь не показывать своего раздражения. Мать Тарглана уже вконец утомила ее. — Но крысы — тоже умные твари. Целых двенадцать лет я пытаюсь понять, каким образом каждый месяц у нас исчезает приблизительно тридцать унций платины, несмотря на самые современные электронные приборы, которые контролируют расход металла. Я поставила всем рабочим электронные датчики на ногти и в волосы. И тем не менее мне продолжают поступать сообщения о кражах цезия, гелия, неона и других редких и ценных материалов. Я подозреваю, что люди разбирают наши атомные реакторы...

— Ты придумала ставить им датчики на ногти? — выразила притворное восхищение Мать Тарглана. — Ну, это действительно замечательная система защиты! Жаль только, что она не сработала...

Правительница устало улыбнулась.

— А скольких бытовых реакторов недосчиталась ты, дочь? — терпеливо спросила она.

— У меня люди не воруют! — нахмурившись, воскликнула Мать Тарглана. — У меня все на месте!

— А те реакторы, что стоят в домах у людей? Сколько их разобрано?

— Не знаю, — замялась Мать Тарглана. — Бывает, люди портят их в силу своего скудоумия. Но я думаю, они ломают не больше десятка в год. Мы следим за этим.

— Прекрасно, — вздохнула Мать сарнов. — А когда их дома сгорают, ты делаешь химический анализ расплавленных остатков радиоактивных частиц?

Мать Тарглана недоуменно взглянула на Правительницу Земли. Глаза Правительницы злорадно поблескивали. Она совсем недавно узнала о трюке, который люди проделывали с бытовыми атомными реакторами, узнала всего четыре дня назад.

— Как я уже говорила, людям нелегко добывать материалы и аппаратуру, необходимые для исследований, — сказала она, вновь окинув взглядом Матерей городов. — Но они чрезвычайно хитры и изобретательны. Если вы хотите спокойно жить в своих городах, если вы хотите, чтобы порядок на Земле оставался прежним, советую вам пересмотреть свои взгляды. Людей нельзя недооценивать. Эзир ничего не сделал

мне, потому что был один. Когда люди соберут достаточное количество нужного им материала, у них будет мощное оружие, которое они направят против нас. Эзир теперь охраняет их, и, пока я не разгадаю его тайну, мы в опасности.

Мать Биш-Вална покачала головой, недоверчиво глядя на Бессмертную.

— Я всегда считала людей глупыми и ленивыми существами, — задумчиво проговорила она. — Теперь я готова признать, что они все же чуть умнее, чем животные. Но мы ничего не помним об их цивилизации, которая существовала на Земле до того, как мы пришли. Действительно ли люди далеко продвинулись?

Мать сарнов удостоила Мать Биш-Вална пристальным взглядом. Как ни странно, но правительница Биш-Вална, несмотря на то что ее возраст едва ли составлял одну двенадцатую возраста Правительницы, казалась намного старше Бессмертной. Ее лицо избороздили глубокие морщины, глаза поблекли, а губы потрескались; ее не пощадили сухие и горячие африканские ветры, жара и засуха. И все же Биш-Вална была наиболее деятельной и энергичной из Матерей городов.

Мать сарнов улыбнулась и кивнула.

— Я могу немного рассказать вам о человеческой цивилизации, но, если вы хотите знать больше, позовите своих историков. У тебя, дочь Биш-Вална, есть прекрасный специалист по древней истории человечества — она очень образованна и умна и может дать тебе любую консультацию... Когда мы пришли на Землю, у людей была цивилизация, возраст которой насчитывал примерно пятнадцать тысячелетий. По их календарю шел 1999 год. Незадолго до этого они научились использовать энергию атома, которую использовали как в мирной жизни, так и в военных действиях друг против друга. У них были атомные станции, которые давали электричество в их дома, а также атомные бомбы, которыми они уничтожали целые города. Они поднимались в воздух и даже летали в космос. Когда началось Завоевание, из наших пятидесяти двух кораблей мы потеряли тридцать девять. Люди были очень умны, хорошо обучены и сражались до последнего. Мы захватили в плен и превратили в рабов только самых слабых. Лучшая часть человечества погибла в борьбе. Они храбро сражались и были умелыми бойцами,

но не смогли создать надежную защиту против нашего оружия. Люди — воинственная раса, и, даже когда у них нет оружия, они готовы броситься на врага с голыми руками. Теперь у них есть руководители, и главный среди них — Эзир. Мы должны удержать людей в рабстве с помощью Эзира. Он знает, что они становятся безрассудными, когда речь идет о войне, и постарается удержать их от нее — ведь война с нами для людей может обернуться самоубийством... Мы должны разгадать тайну Эзира, должны узнать, что скрывается под его черным покровом.

Правительница замолчала, прикрыв на несколько мгновений глаза.

— Я поговорю со своим историком, Мать, — торопливо произнесла Мать Биш-Вална. — Может быть, она расскажет что-нибудь такое, что поможет мне лучше разобраться в людях.

Мать Тарглана бросила на нее презрительный взгляд.

— И как ты собираешься узнать тайну Эзира, Мать? — с иронией спросила она. — Может быть, ты ждешь, что он придет и сам тебе все объяснит? Мне почему-то кажется, что он не захочет. В таком случае нам будет трудно с ним бороться, если все, что ты сказала, — правда.

— У меня достаточно данных, чтобы разобраться в его природе, — спокойно ответила Бессмертная, не глядя на Мать Тарглана. Впереди ее еще ждали долгие часы работы, и она не хотела тратить свои силы. — Несколько часов назад я дала инструкции своим физикам подготовить все необходимые приборы и материалы, которые могут понадобиться в Доме Камней...

— Из всех мест в Городе сарнов появление Эзира там наименее вероятно, — язвительно заметила Мать Тарглана.

— ...и они будут готовы через полтора часа, — продолжала Мать сарнов, не обращая внимания на назойливую правительницу Тарглана. — Нет никаких сомнений, что Эзир придет на помощь Грайту, если мы схватим его. Чтобы быть абсолютно уверенными в том, что это произойдет, мы схватим также и Дею — его возлюбленную. Грайт собирается жениться на ней, и я не сомневаюсь, что Эзир обязательно придет, чтобы освободить ее.

Мать Биш-Вална нахмурилась.

— Он уже был однажды схвачен и отпущен по настоянию Эзира, — с сомнением произнесла она. — Теперь его придется

снова арестовать и снова отпустить? Причем опять — по настоящию Эзира.

— Это будет происходить в Доме Камней, — твердо сказала Правительница. — К нему не сможет приблизиться ни один человек. Никто из людей не будет знать, почему Грайта схватили и почему освободили, за исключением тех, кто тесно связан с Грайтом и, следовательно, с Эзиром. Эти люди уже осведомлены, какой силой обладает Эзир, осведомлены даже лучше, чем мы, и они поймут, что Грайта освободили не потому, что не было оснований его задерживать, а потому, что мы просто провели нужный нам маневр. Но остальные ничего не узнают.

— Неужели они не заметят, что Грайта, их представителя, безо всяких причин арестовали и держали под стражей, а затем отпустили? — недоверчиво спросила Мать Друона, отдаленной части Южной Америки. — Ты считаешь, что люди не заметят его отсутствия?

— Не заметят, — улыбнулась Мать сарнов. Распрямив скрученный в клубок длинный гибкий палец, она нажала крошечную кнопку.

Через мгновение в дальнем конце зала в черной нефритовой стене открылась серебряная дверь, и в проеме показалась фигура женщины-сарна с сильным мускулистым телом и могучими гибкими руками. Ее одежда и знаки отличия указывали на ее должность — декалон, командир десяти гвардейцев. На ее груди золотом и серебром переливалась эмблема — символ принадлежности к личной охране Матери сарнов.

Ее узкие глаза были глубоко посажены, загорелое обветренное лицо с резко очерченными скулами, жесткое и бесстрастное, говорило о ее выносливости и мужестве.

— Декалон, — улыбнулась ей Правительница. — Принеси сюда Покровы Матери. Тебя ждет ответственное поручение.

Декалон молча повернулась и бесшумно исчезла за серебряной дверью.

— Когда-то Дарат Топлар была верховным командиром гвардии Города сарнов, — пояснила собравшимся Бессмертная. — А теперь она декалон. Но зато декалон моей личной охраны. Ну, а теперь настало время действовать. Я открыла вам кое-что из того, что каждая из вас держала в тайне, и кое-что из того, что я скрывала сама. Теперь я покажу вам

Покровы Матери — вероятно, до вас дошли слухи об их существовании. Так вот, это не слухи, они действительно существуют и обладают всеми теми качествами, которые им эти слухи приписывали.

Декалон вернулась с десятью гвардейцами, одетыми в такую же форму, что и она, только с другими знаками отличия. Все гвардейцы были под стать своему командиру — такие же мускулистые и сильные. В руках декалон держала большой чемодан с тяжелыми серебряными замками. Она положила его на край огромного стола совещаний, и в то же мгновение гибкая рука Матери сарнов распрямилась и потянулась к нему через весь стол. Декалон тем временем ловко открыла замки и откинула крышку чемодана.

На дне чемодана аккуратными рядами лежали двадцать комплектов батарей с присоединенными к ним шнурами и двадцать пар наушников и защитных очков. Больше в огромном чемодане ничего не было.

Декалон вынула комплекты из чемодана и быстро раздала их своей команде, затем еще раз опустила руку в пустой чемодан. Мгновение — и рука исчезла. Матери городов замерли, в оцепенении глядя на эту сцену, а декалон между тем продолжала на глазах исчезать, растворяясь в воздухе.

Матери городов беспокойно зашевелились в своих креслах. В глазах Матери Тарглана зажглись огоньки ярости и досады: ведь эти несчастные одиннадцать личных гвардейцев Матери знали все секреты ее лабораторий, а она, правительница Тарглана, не знала.

И старая бессмертная карга тоже их знала. Сколько раз, глядя в ее неподвижные золотые глаза, Мать Тарглана клялась себе, что найдет способ создать какое-нибудь сверхмощное средство защиты, чтобы не чувствовать себя зависимой от старой ведьмы, но все ее попытки оказались тщетными. Мать Тарглана чувствовала себя раздавленной; ярость, поднимавшаяся в ней, душила ее, и она едва сдерживалась, чтобы не застонать. Она, молодая, сильная и честолюбивая, не смогла сделать ничего, а эта дряхлая развалина сделала! Мать Тарглана опустила голову, признав в душе, что в подметки не годится такому выдающемуся ученому, как Бессмертная.

ГЛАВА 8

Между тем совещание шло сегодня не только в этом зале. Далеко отсюда, в городе людей, в конференц-зале резиденции правительства собралось четыре человека. Конференц-зал представлял собой довольно уютную комнату со стенами, отделанными деревянными панелями. Здесь было не так мрачно, как в зале для аудиенций во дворце Матери сарнов, и солнечные лучи весело плясали на светлых деревянных панелях, привезенных сюда со всех континентов Земли.

Огромный дубовый стол посреди комнаты был отполирован ладонями сорока поколений представителей людей, а толстый ковер — протерт их ногами. Но, как и в огромном зале сарнов, здесь тоже было искусственное освещение, обесцвечивавшее лучи заходящего солнца. Четыре человека сидели за столом совещаний, они жестикутировали, напряженно глядя друг на друга. Но все это проходило в абсолютном молчании.

Во главе стола сидел Грайт, избранный и всеми признанный представитель человечества, завоевавший почет и уважение тем, что мужественно отстаивал интересы людей. Рядом сидел Бартел, представитель Северной Америки, близкий друг Грайта, который стоял с ним плечом к плечу перед грозными очами Матери в тот день, когда появился Эзир.

По другую сторону от Грайта сидел Карон, командир легиона мира — единственной военной организации, разрешенной людям. Легионеры, являвшиеся по сути полицейскими, были вооружены лишь резиновыми дубинками и газовыми пистолетами. Выстрел из такого пистолета мог лишь на некоторое время вывести человека из строя.

Напротив Грайта сидел его помощник — Дарак, рассеянно рисовавший закорючки на листе бумаги. Его должность не была выборной, Грайт назначил на нее Дарака, и тот прилежно выполнял свои обязанности, но особого рвения не выказывал. Из-за вечно скучающего лица и вялого характера у него было мало друзей, зато много времени для самообразования.

Опытный психолог, Дарак не нуждался в Покрове Матери, его собственный покров, созданный по законам не физики, а психологии, был не менее эффективен. Люди не видели Дарака. Его никто не знал и не мог запомнить его лица.

Четыре человека, сидевшие за старинным столом, сегодня были свободны — насколько вообще можно быть свободными в мире, где правили сарны. У каждого на плаще поблескивала эмблема, означавшая его положение в обществе. Каждый на голове носил обруч с эмблемой принадлежности к низшей расе. Такой обруч — символ подчинения человечества сарнам — надевали на голову любого человека по достижении им восемнадцати лет. Но Уэр сделал небольшие изменения — соскоблив часть серебра, он поместил в обручи крошечные ментальные усилители. Благодаря этому сегодня и проходило первое молчаливое совещание, участники которого общались между собой на ментальном уровне.

Телепатия сделала бесполезными подслушивающие устройства, с помощью которых сарны могли прослушать любую беседу людей на протяжении тысячи лет. Грайт усмехнулся, подняв глаза на хрустальную люстру под потолком, где был спрятан подслушивающий кристалл сарнов.

Такие же устройства находились в других местах конференц-зала. То, что говорили представители человечества в течение тысячелетия, в то же мгновение становилось известно сарнам — сенсоры на их головах улавливали радиоволны, передаваемые подслушивающим устройством.

— Нас четверо здесь, в этой комнате, — мысленно сказал Грайт своим товарищам. — Но если сарны что-нибудь и слышат, то только шелест бумаги. Они могут заинтересоваться странной тишиной.

Широкое мужественное лицо Карона скривилось в усмешке:

— После того как тысячу лет здесь звучали голоса, услаждая слух сарнов, немного тишины им не помешает. К тому же Правительница станет сейчас показывать зубы. Я думаю, встреча с Эзиром ее напугала.

— Мать сарнов в данный момент проводит совещание, — все «услышали» мысль, пришедшую откуда-то издалека. — Я давно пытался научиться читать мысли сарнов, но пока мне доступны лишь отдельные фрагменты. Я сейчас чувствую, что Правительница устала, ее раздражает тупость и упрямство Матерей городов. Но сарны мыслят иначе, чем люди, к тому же я нахожусь на значительном расстоянии от Матери, так что больше уловить ничего не могу. И мне уже пора идти:

я и так считаюсь во дворце сарнов самым усердным техником. Странно, что они еще не заподозрили меня...

— Ты прав, Уэр, иди сейчас же домой, — поспешил ответил ему Грайт. — И не делай во дворце сарнов ничего, что не входит в обязанности обычного электротехника. Будь осторожен!

Через некоторое время совещавшиеся вновь услышали ментальное послание Уэра:

— Вы пришли к какому-нибудь заключению? Я лег спать, когда вернулся домой, и проснулся только несколько минут назад. Всю дорогу я думал, как достать побольше металла, необходимого мне для опытов. Вот если бы мне удалось проникнуть на один из заводов сарнов, я бы достал все, что мне требуется для воплощения моих замыслов! Технически-то это осуществимо, с математикой я разобрался, — Уэр вдруг рассмеялся, — благодаря одному очень старому мудрому сарну. К нему на подсознательном уровне пришла мысль, вернее, уравнение, и мне удалось его «считать». Пока неприметный техник крутился неподалеку от него со своими изоляционными трубками, он обдумывал это уравнение. Сарны владеют некоторыми математическими методами, которыми не владеем мы, и возможно, их не знали и наши предки. У меня еще не было возможности их освоить, а тут такая удача! Карон, если у тебя когда-нибудь зачешутся руки проломить череп старому Рату Ларгуну, то лично я прошу тебя — пощади его, оставь его нам!

— А ты можешь использовать его снова? — с улыбкой спросил Карон.

— Мне придется. Он очень старый и уже слегка не в себе. Я думаю, ему около тысячи лет — он стар даже для сарна, а тем более для мужчины. Поскольку он мужчина, то пользуется меньшим доверием у своего народа, чем того заслуживает, я же считаю его самым сильным математиком сарнов. А поскольку он слегка тронулся умом, то теперь мыслит исключительно уравнениями.

— Хорошо, — кивнул Грайт. — Уэр, у Карона в легионе мира есть семь техников, которые могут достать то, что тебе требуется. Они вызвались сделать это добровольно.

— Но я не говорил, что мне нужно из металлов, и не скажу, — отозвался Уэр. — Любой техник, пойманный на воровстве металла, будет немедленно казнен. Бряд ли стоит

кому-нибудь рисковать своей жизнью ради того, что я должен достать сам. Нам еще понадобятся и техники, и боевики. Основная масса людей не имеет опыта боевых действий, и солдаты из них пока никудышные. И только легионеры Карона — единственные тренированные и опытные воины. А если они к тому же и техники, нам надо беречь их... Грайт, ты сказал Дараку, что он должен сделать, и отдал ему диски? — внезапно сменил тему Уэр. Он сделал это потому, что Карон не знал, какие именно металлы нужны технику, — если бы он знал, то наверняка уже предпринял бы попытку их достать.

В разговор незаметно вмешался Дарак:

— Грайт мне все сообщил, и диски уже у меня. Он поручил мне доставить важные официальные депеши в Дурбан и Танглар. Я отправляюсь через двадцать две минуты.

— Тогда — удачи, Дарак!

— Спасибо. Надеюсь, что боги пошлют мне удачу.

— Тебе пошлет удачу Эзир — теперь это наш единственный бог, — засмеялся Уэр. — Со мной ты потеряешь контакт, за исключением тех минут, когда я буду использовать мощное телепатическое оборудование в лаборатории. Ты знаешь мое расписание?

— Знаю.

— Нам тоже пора идти. — Карон поднялся, и его огромная фигура грузно нависла над дубовым столом, который как будто уменьшился в размерах. Он заговорил первым за все время долгого молчания, и возникло впечатление, что в комнате взорвалась бомба — так неожиданно резко загрохотал его голос. — Я провожу тебя до ворот Города сарнов, Дарак.

Он взглянул сверху вниз на Дарака, который еще продолжал сидеть за столом, вертя в пухлых, неуклюжих пальцах пузырек с чернилами.

— Спасибо, Карон, — не поднимая головы, отозвался Дарак.

— Где депеши, Грайт?

Его голос, слишком высокий для мужчины, звучал довольно невнятно. И все же Дарак был вторым после Уэра умнейшим человеком на Земле. Грайт, возможно, в чем-то им проигрывал, но он был прекрасным психологом-практиком, единственным человеком, способным объединить и повести за собой массы

людей. Уэр же был ученым, воплощением вековых усилий человечества возводить утраченные знания. А Дарак?

Дарак же обладал и любознательностью ученого, как Уэр, и психологическим чутьем, как Грайт, и даже был человеком действия, как Карон. Грайт протянул своему помощнику пухлую пачку бумаг, которую Дарак бегло пролистал и сунул в портфель, отправив туда же и двадцать пять поблескивавших металлических дисков.

— Ладно, — сказал он, поднявшись. — Всем до свидания. Я вернусь дня через четыре.

Он почти бесшумно пересек зал и скрылся за дверью.

Дарак миновал приемную, прошел мимо рядов кабинетов клерков и секретарей, работавших над сведениями, собранными по всей Земле. Двое чиновников повстречались ему, но никто не увидел его. Люди не заметили его, как не заметили и появившихся в кабинете одиннадцати гвардейцев из личной охраны Матери сарнов, двигавшихся в противоположном Дараку направлении.

ГЛАВА 9

Карон и Грайт попрощались. Бартел вышел за дверь, за ним Карон, оставив дверь на несколько мгновений широко открытой. И тут три невидимых сарна бесшумно вошли в конференц-зал. Дверь за командиром легиона мира закрылась, и Грайт остался один.

— Эзир... Эзир... Эзир... — посыпал он телепатический призыв.

— Да? — откликнулся Уэр.

— В комнате находятся три сарна, абсолютно невидимые. Еще восемь или больше остались во внешнем кабинете, и все они тоже невидимые. Я могу уловить их мысли, но не расшифровать.

— Знаю, — прозвучала мысль Уэра. — Попробую услышать их мысли, но боюсь, что нас разделяет слишком большое расстояние. Мне это не нравится.

— Грайт, представитель человечества, — приглушенным голосом произнесла декалон с характерным акцентом сарнов.

Грайт огляделся вокруг себя, потряс головой и потянулся к кнопке вызова охраны.

— Стой! — резко приказала декалон, и рука Грайта застыла в воздухе. — Нас послала за тобой Мать сарнов. Вставай!

— Г-где вы? Кто...

Грайт не успел договорить — могучие руки сарна внезапно схватили его, и в тот же миг все заволокла тьма. Мрак был настолько глубоким, даже почти осозаемым, что Грайту показалось, будто его закутали в плотную черную материю. До его ушей донесся какой-то слабый приглушенный звук, происхождения которого он так и не понял.

— Мы одеты в Покров Матери, — резко прозвучал голос декалон. — Ты будешь вести себя спокойно. Ты не издашь ни одного звука и не скажешь ни единого слова. Понятно?

— Да, — вздохнул Грайт и мысленно обратился к Уэру. — Ты уловил мои впечатления, Уэр?

— Да, — отозвался техник.

Слово человека, находящегося на значительном расстоянии, вселило в Грайта уверенность, однако тьма, непроницаемая тьма приводила его в ужас. Огромные мускулистые руки сарна, таинственный внезапный арест — все это казалось кошмаром.

В его голове вновь зазвучал спокойный голос Уэра:

— Я полагаю, тьма вызвана полным преломлением света вокруг тебя. Сейчас ты так же невидим, как и они, но ты при этом ослеплен, а они все видят.

Грайт задрожал, ощущив, как мощные руки сарна стали что-то делать с его ногами, он дернулся, пытаясь освободиться, а затем начал беспорядочно молотить руками направо и налево, несколько раз попав по рукам и плечам сарна. Декалон резким голосом отдала команду, и Грайт почувствовал, что его руки стали ватными.

— Защитные очки, — раздался голос Уэра. — Вероятно, они и являются преобразователями видимого в невидимое.

У Грайта внезапно появилось ощущение, что за его превращением в невидимку мысленно следят сейчас десятки людей.

— Попробуй остановить их, — прокричал хорошо знакомый Грайту голос. — Уэр, ты должен освободить его! Этим тайным похищением они надеются вызвать Эзира! — Это была Дея.

— Оставайся на месте, Уэр, — быстро сказал Грайт. — Сейчас они ведут меня — вернее, тащат — через приемную. Я ничего не вижу, и этот мрак приводит меня в ужас.

Внезапно Грайт почувствовал под ногами пол, сарны поставили его на ноги, однако продолжали крепко держать огромными сильными руками. Несколько мгновений он стоял, шатаясь и лихорадочно пытаясь найти какой-нибудь выход из положения, затем почувствовал сильный толчок, и сарны повели его дальше.

— Уэр, оставайся на месте, — повторил Грайт. — Я не знаю, где сейчас нахожусь, но я уверен, что меня пытаются использовать как приманку в ловушке. Они хотят, чтобы ты бросился спасать меня, но я всего лишь приманка — им нужен ты. Сарны хотят уничтожить тебя, но этого нельзя допустить, ведь ты — единственная наша надежда!

— Если бы я знал, где ты, я бы пришел, — раздался спокойный голос Уэра. — Но скоро я узнаю. И Мать это поймет, она знает, что у нас с тобой телепатическая связь. У нее нет ни силы, ни власти, ни оружия, чтобы прорваться за Покров Эзира. В мире нет такой энергии, которая могла бы пробить его щит. Мать сарнов уже пыталась это сделать, но у нее ничего не вышло. Она не будет повторять эти попытки, теперь она собирается провести химический и физический анализ Покрова Эзира. Но она не продвинется в своих исследованиях ни на йоту, Грайт. — В голосе Уэра слышалось ликовение. — Ей нужно продемонстрировать, что она может диктовать нам свои условия. Клянусь Эзиром и всеми богами Земли, мы предоставим ей такую возможность! Да будет так! Но при этом так охладив ее пыл, что заноют ее старые кости!

— Ты останешься там, где сейчас находишься, упрямый хвастун! — телепатически прокричал Грайт. — Ты — надежда нашей революции, а не я! Мать сарнов прожила тысячелетия до того момента, когда ты появился на свет. Она изучала структуру пространства, времени и все виды энергии такими инструментами и приборами, о которых ты даже не мечтал. По сравнению с ней ты просто ребенок, Уэр, и то, что ты говоришь, — просто детский лепет! Наука сарнов насчитывает уже десять тысяч лет, так что не тебе с ними тягаться. Оставайся на

месте! Ты ведь не знаешь, какого рода анализ будет проводить Мать сарнов. А если это окажется смертельным для тебя?

В ответ Грайт услышал беззаботный смех техника:

— Все научные достижения сарнов опубликованы, Грайт. Они действительно стали для меня хорошими учителями — ведь телепатический способ передачи мысли я изобрел не без их помощи. Я опирался на их научные достижения, а также на достижения человеческой науки. Когда я собирался создать подпольную лабораторию, которую не смогли бы найти сарны, под своим домом я обнаружил древний подземный ход и потайную лабораторию, устроенную людьми, очевидно погибшими во время Завоевания. Кроме приборов и аппаратов там оказались кипы научных книг и журналов — целые тонны. Наше наследство.

Грайт вздохнул и вдруг ощутил, что его спину словно кто-то стянул невидимым ремнем. Неясные, расплывчатые образы постепенно стали приобретать отчетливые очертания, и наконец он ясно увидел каменные стены потайной лаборатории Уэра, сквозь мрак, окутывавший его, прорезался яркий свет. Затем вновь наступила тьма, и Грайт ощущал ледяной холод, пробравший его до костей.

— Уэр, — позвал он. — Я не знаю, где нахожусь. Но ты пока не предпринимай ничего, сначала я постараюсь понять, где я, и сообщу тебе.

— Хорошо, я буду ждать, — вздохнул Уэр.

— Но ты можешь опоздать, Уэр! — взмолилась Дея.

— Обещаю, что не опоздаю, Дея, — мягко ответил Уэр.

— Грайт, я буду продолжать заниматься тем, что мне поручено, — раздался издалека голос Дарака.

— Хорошо, — одобрил Грайт. — Бартел!

— Да.

— И Карон, и Обурн, и Тарнот, и Тод — все вы продолжайте заниматься своими делами, ничего не меняя и без излишней спешности. Не подавайте виду, что вы знаете о моем исчезновении, до тех пор, пока не настанет подходящий момент. Тод, оставайся в приемной, где ты работал, но только сделай так, чтобы оттуда ушли женщины, под любым предлогом.

— Хорошо.

— Дея замолчала, — озабоченно произнес Уэр. — Она не отвечает.

— Мы шли, а теперь остановились, — торопливо передал Грайт. — Дея... Дея, ответь мне!

Но она не отвечала, и лишь гудение множества человеческих голосов звучало в мозгу Грайта — неясное, далекое гудение тысяч людей, смутные отголоски их мыслей...

— Обурн, где ты? — позвал Уэр.

— Дома.

— Выди на улицу... Ты живешь через три дома от Деи, посмотри, что там происходит. Грайт, ты чувствуешь пыль под ногами?

— Да.

Грайт ковырнул носком ботинка землю, на которой стоял. Он невольно качнулся и тут же почувствовал, как его крепко схватили мощные руки сарна.

— Дея, ответь мне!

— Да, — наконец отозвалась девушка. В ее голосе слышалось отчаяние. — Они схватили меня и куда-то тащат. Я не знаю куда.

— Прекрати ковырять ногой землю, — раздался вдруг резкий голос сарна, заставивший Грайта вздрогнуть.

— Уэр! — мысленно позвал Грайт. — Я... мне все это не нравится!

Грайт вновь услышал голос Деи, в котором теперь звучала горечь:

— Грайт, где ты? Я не знаю, далеко я от тебя или близко. Уэр, ты собираешься что-нибудь предпринять?

— Я приду к вам, как только узнаю, где вы находитесь, а пока займусь кое-какой работой. Грайт, ты не можешь приказать мне оставаться на месте — я знаю, что делаю. Мать хочет исследовать Эзира, и, чтобы вызвать его, она будет похищать и похищать людей, пока не добьется своего.

— Боюсь, что ты прав, — вздохнул Грайт. — А ведь, наверное, скоро уже стемнеет?

— Да. Луна восходит в час сорок пять минут, так что у нас еще много времени. Я думаю... будет сильная облачность, — сказал Уэр. Хаос мыслей внезапно пронесся в его голове, и он замолчал.

Грайт слышал звуки шагов, голоса и приглушенный смех. Своей поступи он почти не слышал — его вели по мягким пыльным тропинкам или покрытым травой газонам. Затем он почувствовал под ногами мощенную грубым булыжником дорогу.

Булыжная мостовая вскоре осталась позади, и Грайт узнал выложенную ровными плитками дорогу, ведущую в Город сарнов. Они миновали низкую древнюю стену, служившую границей между миром сарнов и миром людей. Здесь царила тишина, нарушаемая лишь негромким пениемочных птиц да звонким стрекотанием сверчков.

Сарны-гвардейцы ускорили шаг. Длина их ног и манера широко шагать делали ходьбу такой быстрой, что Грайту приходилось едва ли не бежать. Внезапно рядом он услышал участенное дыхание Деи, и волна тепла прокатилась по его телу. Они направлялись к Дворцу сарнов.

Сарн подтолкнул его вперед, и теперь его шагам вторило гулкое эхо дворцовых коридоров. На мгновение Грайт узнал то место во дворце, по которому они сейчас проходили, но затем сарны несколько раз свернули, и он уже не мог определить, в какой именно части дворца сейчас находится.

Сильная рука заставила его остановиться. Грайт находился в кромешной тьме и прислушивался к звукам и шорохам. Где-то позади него раздалось легкое гудение, затем мягкий звук открывающейся двери. Его подтолкнули в спину, и он услышал, как дверь закрылась за ним. Пол под ногами слегка дрогнул, и Грайту на миг показалось, что он проваливается в бездну. Однако затем он понял, что находится в каком-то скоростном подъемнике. Грайт услышал тихое дыхание Деи и попытался подойти к ней ближе, но могучая рука удержала его. Пол под ногами перестал дрожать, и лишь монотонное гудение говорило о том, что они движутся вниз. Сколько прошло времени, Грайт не знал, но ощущения подсказывали ему, что они опустились уже на много тысяч футов.

Уже наверняка больше пяти тысяч футов... Больше мили! Ни один человек не проникал в глубины Дворца сарнов, за одним исключением. Друнел со своими людьми получал оружие и короны, которые приказала ему дать Мать сарнов. Оружие для того, чтобы уничтожить Грайта и Уэра...

— Мы опустились на глубину больше мили, Уэр, — сообщил Грайт. — Воздух очень спретый — должно быть, тут целых две мили — у меня в легких как будто огромный камень...

— Я приду к тебе, — спокойно отозвался Уэр. — Ты мои мысли отчетливо улавливаешь?

— Да, вполне.

— Значит, антигравитационные приборы кабины не препятствуют приему. Каменная толща глубиной в две мили тоже не препятствует.

— Мы останавливаемся... Идем по коридору, широкому, пол и стены каменные... низкий потолок. Здесь есть еще колонны, — начала передавать Дея. — Впереди я слышу голоса сарнов.

Они остановились, и эхо их шагов медленно замерло вдали.

— Мать сарнов! Декалон Топлар докладывает, что два человека, за которыми мы были посланы, доставлены, — услышал Грайт голос могучего сарна.

— Сними Покров Матери, декалон.

Грайт почувствовал прикосновение рук сарнов и услышал странный, едва уловимый шелест — с него сняли Покров, затем ему в глаза ударили нестерпимо яркий свет, заставивший его зажмуриться. Через несколько мгновений Грайт осторожно открыл глаза и увидел, что освещение в подземелье действительно неестественно яркое: на стенах и потолке горело множество гигантских атомных светильников, рассыпавшихся вокруг себя сверкающие снопы искр.

Грайт огляделся. Внимание его привлек огромный куб гранита. К передней грани его были прикреплены большие золотые диски. На одном из дисков было изображение Земли, и его освещал яркий желтоватый луч, на другом — изображение Забытой планеты, на него струился холодный голубой свет другого прожектора.

Мать сарнов восседала на троне в окружении восьми Матерей городов и одиннадцати гвардейцев личной охраны, которые вдруг как будто бы материализовались из воздуха. Грайт повернул голову и увидел Дею, возникшую словно из небытия. Они посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись.

Гвардейцы между тем один за другим подходили к большому чемодану, лежавшему на столе, и укладывали туда нечто

невидимое. Декалон стояла возле чемодана, аккуратно разглаживая невидимые складки каждой вещи, прежде чем уложить ее на дно.

— Разве Закон не гласит, что никто — будь то человек или сарн — не может быть дважды осужден за одно и то же преступление? — вскинув голову, спросил Грайт. — Вчера мне уже предъявили обвинение, меня допрашивали и освободили. И разве не гласит Закон, что никто — будь то человек или сарн — не может быть осужден без предоставления ему возможности защиты, если только он сам не отказывается от этого права?.. Ни я, ни эта женщина, Дея, не совершали никаких преступлений. Пользуясь нашим правом, мы просим объявить причину нашего ареста.

Немигающие глаза Правительницы закрылись и через несколько мгновений медленно открылись вновь. Ее могучее тело оставалось неподвижным. Матери городов тоже не двигались и даже как будто не дышали.

Прошло еще какое-то время, прежде чем Правительница заговорила с характерным мелодичным акцентом сарнов:

— Закон, о котором ты говоришь, — это Закон Матери. Я обещала всегда придерживаться его, за исключением чрезвычайных ситуаций. Сейчас, Грайт, и есть та самая чрезвычайная ситуация. Ты, эта женщина и еще несколько человек пытались организовать заговор против сарнов и против меня. Это и есть обвинение, а обвинителем являюсь я. Что ты можешь на это ответить?

— Закон гласит, что тот, кому предъявлено обвинение, имеет право обдумывать свой ответ в течение двадцати четырех часов. Обвинение должно быть подкреплено доказательствами, только тогда обвиняемый может признать свою вину. Если Мать сарнов является обвинителем, могу я спросить: на каких фактах основано обвинение?

Глаза Правительницы холодно сверкнули. Едва заметная улыбка пробежала по ее тонким губам, когда она взглянула на Грайта. Сарны гордились тем, что четыре тысячелетия их правления на Земле в ранг закона было возведено милосердие. Инопланетяне никогда не применяли к людям жестоких мер воздействия. Сарны были справедливы — ни один человек не мог бы утверждать обратное. Так считала Мать, которая

в силу своего долголетия отстранилась и от сарнов, и от людей, взирая на тех и на других с недосягаемой высоты своего трона.

— Сейчас та самая чрезвычайная ситуация, Грайт, — мягко повторила Правительница. — Тем не менее я дам тебе двадцать четыре часа. И этой женщине, Дее, тоже. Декалон, отведи их в пятнадцатую камеру Дома Камней.

Декалон и ее гвардейцы молча шагнули вперед. Грайт успел улыбнуться Дее, прежде чем их окружили могучие сарны и повели по длинному, слабо освещенному коридору.

— Дом Камней, знаменитая тюрьма сарнов, — мысленно обратился Грайт к Уэру. — Уэр... Уэр!

— Я иду, Грайт, — отозвался техник. — Я приду к тебе через час. Не волнуйся и не вызывай меня слишком часто, я установил постоянную связь с тобой и могу спокойно следовать за твоими мыслями... А небо, как я и предполагал, затянули тучи. Сегодня будет очень бурная ночь.

— Без посторонней помощи мы отсюда не выберемся, — вздохнула Дея.

— Не очень-то я надеюсь на эту помощь, — невесело улыбнулся Грайт.

Грайт задумчиво ходил по камере из угла в угол. Декалон и ее гвардейцы ушли, а старый сарн-надзиратель включил телеаппаратуру и тоже удалился, шаркая ногами по коридору. Грайт остановился посреди камеры, попытавшись сконцентрироваться. Дея неподвижно сидела на стуле у стены, глядя куда-то вдаль широко раскрытыми глазами. Затем она медленно поднялась и посмотрела на Грайта.

— Здесь где-то рядом сарны... Не меньше десяти, — сказала она. — И они такие же заключенные, как и мы. Они знают секреты лаборатории Матери.

— Не говори вслух, — обратился к ней Грайт на ментальном уровне. — Тут наверняка установлена подслушивающая аппаратура!

Дея улыбнулась:

— Телепатическое общение требует слишком больших усилий, а нам не стоит сейчас тратить силы зря — они нам еще понадобятся. Так что давай лучше говорить. Пусть подслушивают...

Грайт кивнул:

— Да, где-то рядом не меньше десятка сарнов, и все они ученыe. Но единственное, что я могу уловить в их мыслях, — это Эзир и приборы.

— Я скоро буду у вас, — услышали они ментальное послание Уэра. — А тучи все больше сгущаются. Сегодня выдалась темная ночь.

ГЛАВА 10

Мать сарнов молча указала пальцем на стену, и через мгновение одна из секций стены открылась. За ней оказался большой компьютерный экран и клавиатура.

— Вероятно, он уже ниже шестого уровня, — спокойно произнесла Правительница, в то время как Матери городов начали в тревоге переглядываться.

— И он сможет пройти сквозь такие толстые каменные стены? — удивилась Мать Дурбана.

— Однажды он уже прошел через каменную стену, — ответила Правительница Земли, внимательно глядываясь в столбики цифр, бегущие по экрану. — Все. Пора идти.

В стене открылась потайная дверь, куда молча вошли Матери городов, а за ними одиннадцать гвардейцев. Дверь закрылась, и Бессмертная осталась одна, неотрывно глядя в сторону коридора, в дальнем конце которого уже сгущался мрак. Еще несколько коротких мгновений — и Эзир, черный, как тьма дальнего космоса, вновь стоял перед Матерью сарнов.

Тонкие губы Правительницы дрогнули в едва заметной усмешке.

— А ты стал как будто меньше ростом, Эзир? Неужели какие-нибудь из тех миллионов душ людей, о которых ты упоминал, покинули тебя?

Телепатический ответ Эзира заставил повелительницу Земли невольно вздрогнуть:

— Может быть. Не все желание людей служат во благо человечества. Но то, что действительно нужно для блага моего народа, — это освободить двоих людей, которых ты держишь под стражей. Ради этого я вновь явился сюда. Вероятно, ты и те,

кто ожидает в пяти соседних камерах, теперь смогут понять мою природу.

— Здесь нет никаких людей, и сарнам незачем исследовать тебя, — холодно произнесла Мать. — Все это сказки.

— Это не сказки, и ты это знаешь — Непроницаемая тьма, из которой я состою, создана мыслями людей. Я — воплощение желаний миллиардов и миллиардов.

Правительница кивнула.

— Хорошо. Желания и знания. Такое возможно. Нам нужно заключить некий договор — соглашение между мною и тобой.

— Между твоим народом и моим народом, — уточнил Эзир. — Ты и я могли бы договориться прямо сейчас... но боюсь, в результате этого ты погибла бы.

— Может быть, — насмешливо произнесла Правительница. — Но тогда твой народ был бы уничтожен, а мой остался бы единственной разумной расой на этой планете...

— Хорошо... Нам известны мысли и планы друг друга. У людей есть одно преимущество перед сарнами — они вот-вот освоят универсальную телепатию. Некоторые из людей уже сейчас могут разговаривать между собой на ментальном уровне.

— По-моему, многие из вас могут читать мысли сарнов, когда находятся рядом, — вздохнула Бессмертная. — Но я пока не придумала надежной защиты...

— Так вот, я хочу предложить тебе обмен. — Эзир как будто смеялся, во всяком случае так показалось Матери. — Ты хотела исследовать вещества, из которого создано мое тело. Я предлагаю тебе такую возможность, но взамен...

Эзир шагнул вперед и взял со стола чемодан с серебряными замками, в котором лежали Покровы Матери и защитные очки, позволявшие видеть в темноте. В то же мгновение Мать сарнов расправила длинный гибкий палец и нажала на кнопку, вмонтированную в трон. Из невидимых излучателей вырвался поток раскаленной плазмы, и каменный пол расплавился. Комнату заполнил синевато-багровый едкий газ. Раздался грохот —казалось, шатались и рушились тысячелетние каменные стены. Пол обвалился, образовав в центре комнаты огромную дыру...

И вдруг все стихло. Правительница неподвижно сидела на троне, глаза ее были мутными от слез, вызванных ядовитыми испарениями. Эзир по-прежнему стоял перед ней.

— Ты снова ничего не добилась, Мать, — мягко сказал он.

Потом Эзир молча повернулся и вышел в коридор.

Мать сарнов с ненавистью посмотрела ему вслед, затем нажала другую кнопку — панель открылась, и в комнату быстро вошли десять гвардейцев во главе с декалоном. Все они держали оружие наготове. Они замерли у стены, бесстрастно глядя на дымящийся пролом в полу.

Вслед за ними в комнату вошли Матери городов, на их тонких губах играли злорадные улыбки.

— Ну что, революция закончена? — сказала Мать Тарглана, усаживаясь в свое кресло.

Бессмертная в ярости взглянула на нее.

— Дочь, ты ничего не поняла. Я оказалась совершенно беспомощной. Когда он потянулся к чемодану с Покровами, я не выдержала и нажала кнопку. Сказалась усталость, я не спала больше пятидесяти часов. И я не хотела потерять свои Покровы, — с горечью произнесла она. — Эзир должен был выиграть в этом обмене, потому что он обязательно узнал бы, из чего сделаны Покровы, в то время как я не уверена, что мне удалось бы разгадать его тайну.

Правительница Земли взглянула в дальний конец коридора, где исчезла черная фигура незваного гостя.

ГЛАВА 11

Старый тюремщик Дома Камней был хорошо проинструктирован. Бессмертная не хотела рисковать жизнями сарнов, но она очень хотела, чтобы Эзир оказался в подземной цитадели, поэтому надзиратель, как только показался Эзир, тотчас скрылся. В узком коридоре, ведущем в неприступную подземную крепость, притаились невидимые гвардейцы с оружием наготове.

Черная фигура, пройдя по коридору, остановилась у серой стальной двери, за которой находились Дея и Грайт. Стрелки приборов, подсоединенных к датчикам, висевшим на стене, судорожно задергались, термометр застыл на самой низкой точке — Эзир распространял вокруг себя ауру абсолютного холода.

— Грайт, Дея, отойдите подальше от двери. Как только она исчезнет, немедленно выходите, — донеслась до сознания узников мысль Эзира.

Черная фигура подняла руку и коснулась стальной двери, которая, зашипев, начала растворяться. Еще мгновение — и дверь исчезла, осталось лишь клубящееся облако пара. Дея неуверенно шагнула к проему, боясь обжечься, но, как ни странно, пар не был горячим. Она быстро прошла через облако в коридор, лишь на миг испытав легкий приступ удушья. Вслед за ней вышел Грайт.

— У нас будут Покровы? — спросил он.

— Нет. Мать вновь стала палить из лучеметов, и Покровы, должно быть, повреждены. Вам придется идти так... Держитесь ближе ко мне.

— А мы сможем пройти сквозь каменные стены? — с сомнением спросила Дея. — Я не верю, что это возможно.

Вместо ответа Эзир молча указал на дверь их камеры, которая теперь была такой же черной, как и он сам. Дея замерла, увидев на черной поверхности белые силуэты двух фигур — ее и Грайта, как раз в том месте, где они прошли через нее. От двери веяло таким ледяным холодом, что стены вокруг покрылись инеем, а свет ламп начал тускнеть.

— Ты почувствовала удушье, когда проходила через дверь. Такое же удушье ты почувствуешь, когда будешь проходить через стену, — ни в стали, ни в камне нельзя дышать... Нам надо идти.

Уэр пошел вперед, и через несколько шагов из-за двери соседней камеры вырвался тонкий светлый луч, скользнувший по его черному покрову, — это была очередная попытка исследовать его. Эзир спокойно прошел дальше, а луч исчез...

— Неподалеку притаились невидимые гвардейцы, — предупредил Эзир. — Мать сарнов приказала им беспрепятственно пропустить меня, но они могут попытаться задержать вас...

Это было вопиющим нарушением приказа Матери, но гвардейцы, испытывавшие непреодолимое презрение к людям и гордившиеся тем, что из тюрьмы Дома Камней не удалось ускользнуть еще ни одному заключенному, направили на Грайта и Дею невидимое оружие.

Эзир протянул руку вперед, и тишину внезапно разорвал дикий вопль агонии. Огромная фигура сарна, такая же черная, как и Эзир, спотыкаясь, появилась откуда-то из пустоты и тут же рухнула на пол, покрывшись слоем замороженных кристаллов. Черный палец Эзира описал круг, и мертвые тела остальных десяти гвардейцев возникли из небытия.

— Теперь бежим, — скомандовал Уэр, и все трое поспешили приблизиться к узкому дверному проему, ведущему во внешний коридор. Эзир повернул направо, затем еще раз направо, и они оказались в длинном туннеле с низким потолком. Один подъемник, другой... Шахты были пусты, а кнопки вызова кабин отключены.

Наконец беглецы отыскали работавший лифт, но в этот момент в главном коридоре послышался шум шагов, зазвенело оружие. Шестеро гигантских сарнов приближались к беглецам. За спиной они носили антигравитаторы, и они могли лететь по воздуху, но для этого каменные коридоры были чересчур узкими, и сарны толкались, переругиваясь. Эзир коснулся кнопок управления подъемником в тот момент, когда резкая вспышка огня высветила полутемный коридор.

— Грайт, скорее нажми эту кнопку, — скомандовал Уэр. — Я не могу сделать это сам. Видишь, как сразу почернела дверь, едва я протянул к ней руку.

Действительно, дверь стала абсолютно черной, и от нее исходил ледяной холод, а лампочки системы управления бешено мигали. Грайт нажал одну из многочисленных кнопок, и черная дверь, бесшумно открывшись, впустила беглецов в кабину. Лифт начал стремительно подниматься.

— Теперь все зависит от того, успеем ли мы выбраться из дворца, — задумчиво произнес Уэр. — Сарны в любой момент могут отключить механизм, и тогда нам придется нелегко.

— Как страшно завывает воздух в шахте... — тихо пробормотала Дея.

— Только бы Мать не успела вычислить, в каком лифте мы едем...

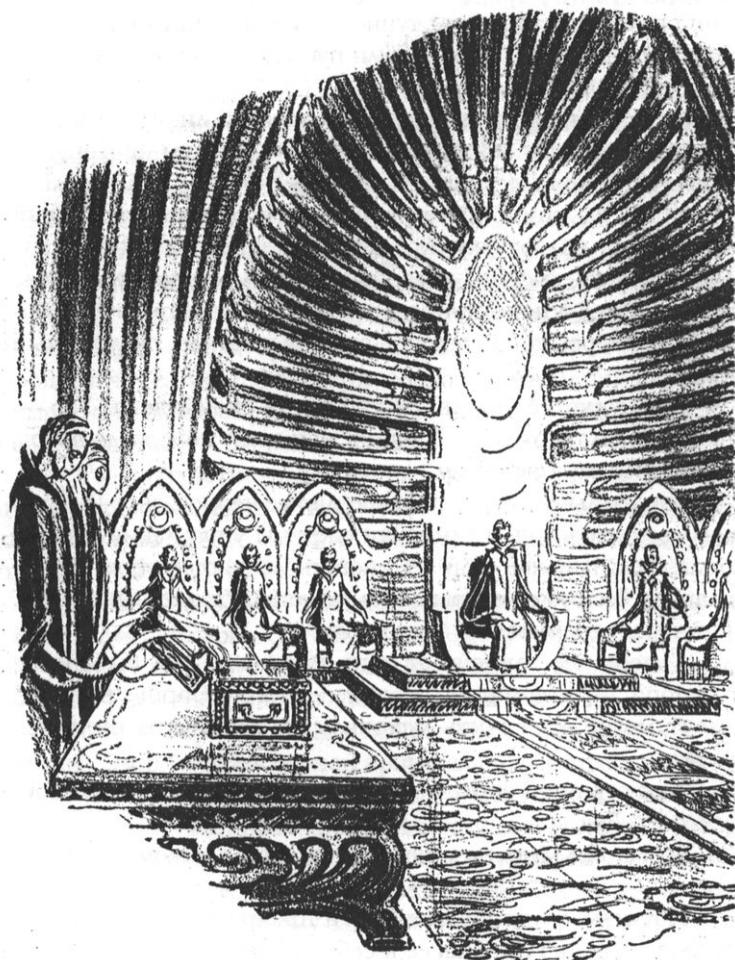
В этот момент движение лифта прекратилось. Грайт обнял Дею и крепко прижал ее к себе, а Эзир внезапно плавно

оторвался от пола кабины и медленно поплыл наверх, повиснув в воздухе почти у самого потолка.

— Только не касайтесь меня, — телепатически предупредил он своих спутников.

Внезапно под полом кабины раздался долгий свистящий звук, и Уэр облегченно вздохнул.

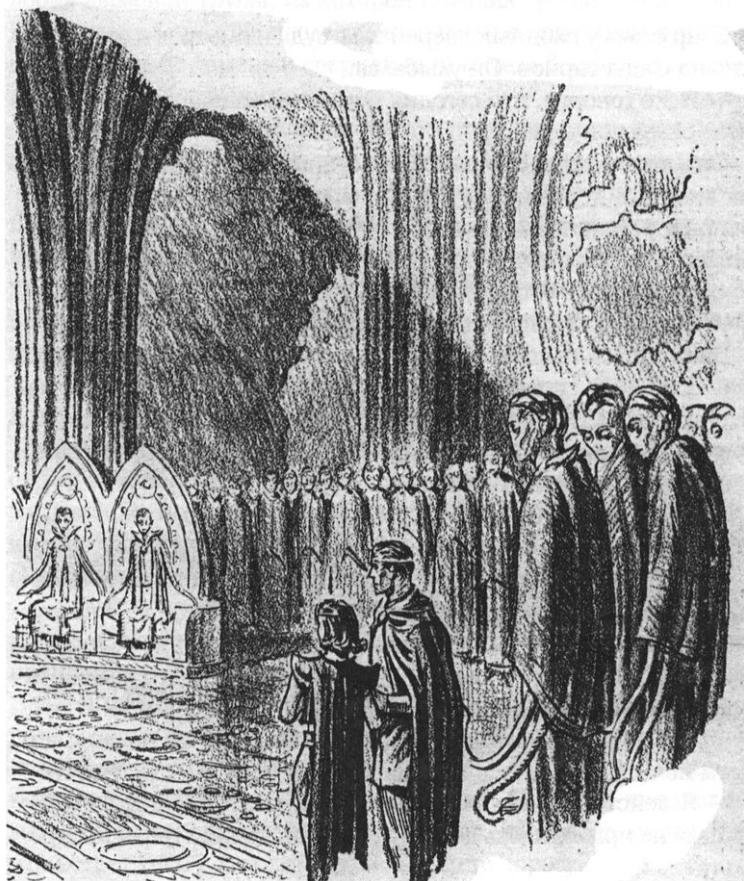
— Мать опоздала. Она отключила лифт, но мы уже успели подняться наверх.



Он плавно опустился на пол. Дверь открылась, и беглецы вышли в коридор, освещенный лампами, укрепленными на поблескивающих золотом янтарных стенах. Беглецы оказались на самом верхнем этаже Дворца сарнов. А глубоко под землей Мать сарнов задумчиво смотрела на экран компьютера.

— Интересно, — ни к кому не обращаясь, произнесла Правительница. — Он заморозил электронику дегравитизатора, это понятно. Но что бы случилась, если бы я не отключила питание прежде, чем он выбрался наверх?

Матерям городов это было совсем не интересно. Они ждали от своей повелительницы решительных действий.



Но Бессмертная не двигалась. Она не видела никакого смысла в том, чтобы бросить против Эзира, Грайта и Деи своих гвардейцев. Она уже убедилась, что у Эзира нет уязвимых мест, и теперь она считала, что лучше всего подождать отчета ученых. Именно знание было той силой, в которой Мать сейчас нуждалась. Знание и сила, которой она уже обладала, и жесткий контроль за материалами, утечка которых сделала возможным появление неуязвимого Эзира...

ГЛАВА 12

Эзир стоял у входных дверей зала суда и смотрел в открытое окно на Сады сарнов. Он улыбался.

— Я же говорил, что сегодня будет ненастная ночь, — мысленно сказал он Дея и Грайту.

Они тоже смотрели на Сады, невольно содрогаясь, видя, как могучие деревья гнуются под яростным натиском ветра, который завывал так дико, что кровь стыла в жилах. Порывы ветра были ледяными, что казалось странным — даже невозможным — этой летней ночью.

— Я думаю, будет дождь, — продолжал Уэр.

Внезапно вспышка молнии осветила Сады, прогрохотали ужасающие по своей силе раскаты грома, и с неба полились потоки воды, мгновенно затопившей землю. Мерцавшие вдали огоньки Города людей, отделенного от Города сарнов толстыми стенами, было уже не различить.

— По-моему, я перестарался, — засмеялся Уэр.

— Ты? — изумился Грайт. — Это сделал ты?

— Сарны ненавидят холод, но больше всего они ненавидят влагу. Сейчас в Садах сарнов ты не найдешь никого, так что наш путь к воротам свободен, — уклончиво ответил Уэр.

Дея поежилась и взглянула на Эзира.

— Ветер ледяной, воды, должно быть, уже по колено, а я одета по-летнему — для июняющей, а не февральской ночи.

— Я действительно перестарался, — повторил Уэр. — Мне никогда не приходилось делать этого раньше... Интересный результат...

— По-моему, в ходе эксперимента произошла ошибка, покачал головой Грайт. — О боги, ведь эта вода смоет город с лица земли. Нам надо скорее бежать, пока не пришлось плыть.

— Не торопись, — остановил его Уэр. — Мне еще надо кое-что сделать. Мать хотела исследовать мою природу — я предложил ей такую возможность. Я заставлю ее хорошенько подумать, прежде чем ей захочется снова вызывать Эзира для своего удовольствия!

Он вошел в огромный зал суда, казавшийся роскошным в мягком свете нескольких больших ламп, — нефрит и янтарь, золото и хрусталь. Рука Эзира превратилась вдруг в некое подобие дымовой трубы, из которой повалил густой черный пар. Неторопливо проходя вдоль зала, он плавно покачивал рукой, и полированный камень и сверкающий металл бесследно исчезали. Стены аннигилировали...

Мягкое сияние померкло, легкое потрескивание прекратилось, свет ламп померк, и в зале воцарились унылые сумерки.

И холод — ледяной холод — пронизывал все вокруг. Беглецы дрожали от холода. Не выдержав, они бросились из зала в надежде найти где-нибудь тепло, но поток ледяного воздуха преследовал их до самых ворот дворца. Он волной прокатился вниз по ступенькам, и дождь, уже заливший пол в вестибюле, превратился в лед.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Уэр. — Сарны ненавидят холод, но им придется потерпеть... А теперь пошли.

Он вышел из дворца. Грайт и Дея, стуча зубами, брели за своим спасителем. Они тут же едва не потеряли друг друга из-за плотной, почти непроницаемой стены дождя. Тогда Грайт крепко обнял свою возлюбленную и почувствовал, как сильно она дрожит.

— Уэр! — резко позвал он. — Иди вперед, мы встретимся позже. От тебя исходит такой ледяной холод, что дождь превращается в снег, а мы с Деей скоро превратимся в куски льда.

— Я не могу отключить свое поле, — ответил Уэр. — У меня нет с собой необходимых приборов. И на меня не должна попадать вода, поэтому я закрутил вокруг себя снежный вихрь. У меня еще нет надежной защиты от воды. Если она попадет на меня, то не останется ни Города сарнов, ни Города людей. Так что встретимся у меня дома. Вы найдете дорогу?

— Надеюсь, — дрожа, кивнул Грайт.

— Тогда желаю удачи! Сарнов не бойтесь, вы никого из них не встретите.

— Хорошо, — отозвался Грайт, и они с Деей почти побежали мимо раскачивающихся и трещащих деревьев к воротам Города сарнов, ориентируясь по памяти. Из-за сплошной пелены дождя почти ничего не было видно.

Внезапно небо вновь разорвала яростная вспышка огня, дико загрохотал гром и земля задрожала у них под ногами. Дея и Грайт уже не бежали, а брали и, хотя почти уже ничего не ощущали из-за пробиравшего их насквозь адского холода, все же отчетливо чувствовали это безумное дрожание земли.

В эту ужасную, кошмарную ночь никто не видел, как Дея и Грайт добирались до своей цели, — плотный щит дождя надежно укрывал их от посторонних глаз. Они не знали, сколько времени брали по залитым водой улицам, пока наконец не подошли к маленькому каменному дому Уэра, погруженному во мрак.

Дверь распахнулась, и они вошли в крошечную комнату с плотно закрытыми ставнями на окнах. Яркий свет поначалу ослепил их, но затем, когда глаза привыкли, они увидели Уэра, стоявшего у противоположной стены и делавшего им знаки. Техник нажал на кнопку в стене, и часть ее сдвинулась с места, открыв вход в маленькую комнатку, отделанную грубым гранитом. Грайт и Дея спустились вниз по ступенькам, и каменная плита за ними вновь закрылась. Уэр нажал еще одну кнопку и, когда открылась еще одна потайная дверь, повел своих гостей вниз, в мрачное помещение, похожее на пещеру, потолок которой подпирало несколько изъеденных ржавчиной колонн. С потолка весьма причудливо свисали ста-лактины, а с пола поднимались сталагмиты.

— Древний подземный ход, — объяснил Уэр. — Он тянется на четверть мили в одном направлении и на милю в другом. Он проходит под Городом людей на глубине больше чем сто двадцать футов. Здесь находится моя лаборатория. Но для начала вам надо обсохнуть.

Уэр нажал кнопку на приборной панели, и на Гранта и Дею хлынул поток теплого воздуха, сразу позволивший им расслабиться и вздохнуть с облегчением.

— Мы будем прятаться у тебя? — спросила Дея. — Или вернемся к себе домой?

— Это выяснится чуть позже, — неопределенно ответил техник.

— Уэр, ты нам все-таки расскажешь, какова приро- да твоей оболочки и почему она распространяет такой адский холод? Но главное, как ты видишь сквозь нее? К Покровам Матери прилагаются специальные очки, которые делают невидимого зрячим. Мне таких очков не дали, и я был как слепой. Так как же ты видишь через такой мощный покров, который не могут пробить даже энергетические лучи?

— А я и не вижу, — засмеялся Уэр. — И все же я нашел путь через болота, которые когда-то назывались Садами сарнов, быстрее и легче, чем вы. Ответ тому — телепатия. Я вижу глазами других существ.

— Вероятно, — сказала Дея, — если бы мы знали, что у тебя есть и чего не хватает, наша помощь была бы более эффективной.

— Вероятно, — усмехнулся Грайт, — ты мог стереть с лица земли Город сарнов. Еще одна такая «очень темная ночь» — и ему конец.

— Город сарнов расположен выше, чем Город людей, — улыбнулся Уэр. — Но наш народ переносит холод и сырость более стойко, чем инопланетяне.

— Ты так думаешь? — извивательно спросила Дея. — В следующий раз я такого не перенесу. Если ты, конечно, не дашь мне какой-нибудь из своих Покровов, к которым я теперь испытываю сильный интерес.

Уэр шумно вздохнул.

— Мне трудно объяснить их природу. Ее невозможно объяснить словами. Существует некая математическая основа. Математика — это такой же язык, на котором мы обычно разговариваем, но только некоторые термины можно перевести, а некоторые — нет... Я изучал труды Дирака, физика, жившего на Земле до Завоевания. Так вот, он объяснял, что все пространство наполнено электронами, обладающими отрицательной энергией.

Незадолго до того, как пришли сарны, люди открыли, что электроны в положительных энергетических полях, выбирия,

создают излучение — свет, тепло и так далее. Если использовать достаточно концентрированную энергию, вы можете заставить вибрировать электроны в отрицательных энергетических полях, и тогда они будут давать отрицательное энергетическое излучение... Но мой покров не излучает такую энергию, он создает вокруг меня поле, которое заставляет атомы воздуха излучать отрицательную энергию. Именно благодаря этому мы проходили и сквозь стальную дверь, и сквозь каменную стену. Когда Мать направила на меня смертоносные лучи и потоки плазмы, они стали дополнительным источником питания для моего поля. На меня обрушился шквал смертоносного излучения, но оно создало еще большее количество частиц, излучающих отрицательную энергию. Я один мог бы уничтожить всех сарнов, но... боюсь, сарны успеют погубить многих, прежде чем мне удастся их остановить.

— Что тебе нужно для того, чтобы этого не произошло?

— Один час, — вздохнул Уэр. — Мне нужно провести один час в мастерских сарнов. Мне необходимо добыть несколько фунтов молибдена, кое-какую аппаратуру и несколько унций скандия. Тогда я сделал бы дубликат этой моей игрушки, который мог бы защитить целый город людей в радиусе пятидесяти миль. Ведь если я пойду бороться с сарнами, я буду убивать их медленно, одного за другим, а они тем временем молниеносно — одним нажатием кнопки — могут уничтожить сразу всех людей.

— Ты можешь просто выгнать их всех отсюда, создав невыносимые для них условия, — улыбнулся Грайт.

— Это точно, — кивнул Уэр. — Мне это даже больше нравится.

— А какая дальность действия твоего аппарата, Уэр? — спросила Дея, отойдя наконец от обогревателя.

— Достаточная, чтобы отсюда поразить любую цель в Городе сарнов.

— А как он используется для защиты?

— Им, как одеялом, можно накрыть целый город и отразить любую атаку. — Уэр снова вздохнул. — Но только Город сарнов, а не людей. Ведь Город людей представляет собой огромное кольцо вокруг Города сарнов.

— Тут надо подумать, — кивнула Дея. — Уэр, не найдется ли у тебя чего-нибудь поесть? Из-за этого холода я страшно проголодалась.

— Ты что-то придумала? — заинтересованно спросил Уэр. Телепатически он пытался уловить ее мысли, но ничего не слышал.

— Я... я не уверена. — Дея покачала головой. — Лучше я сначала поговорю с Грайтом, а то я могу ошибиться.

Когда Уэр ушел на кухню, Дея повернулась к Грайту и они долго о чем-то спорили. Но вот Уэр вновь спустился в подземелье, неся два подноса, где лежали хлеб, сыр и холодное мясо, стояли чашки с кофе и бутылка со сливками.

— Уэр, — напряженно спросил Грайт, не глядя на еду. — Ты можешь записать мысль — телепатическое послание?

Уэр нахмурился.

— Записать? Зачем? Я никогда не пытался — легче ее мысленно произнести еще раз.

— Но это можно сделать?

— М-м-м... да. Думаю, да.

— Сколько времени потребуется, чтобы сделать такой аппарат? — нетерпеливо спросил Грайт.

Уэр помедлил, затем пожал плечами:

— За несколько часов я могу его сделать. Этот прибор должен быть чрезвычайно маленьким, меньше кубического миллиметра. Аппарат крошечный, но требует большого труда. Записывающее и воспроизводящее устройство... Ну, скажем, мне понадобится два дня. Я думаю, что за это время смогу управиться.

Грайт быстро дотронулсь до обруча на голове.

— Карон! Карон!

— Да? — сонным голосом отозвался командир легиона мира.

— Сейчас три часа до рассвета... Карон, все должно быть сделано до того, как первые люди выйдут на улицы. Бери Ормана, мастера по металлу, и идите к Уэру! Но перед этим доберись до доктора Уэсона и скажи ему, чтобы он тоже немедленно шел к Уэру... Уэр, приготовь схемы, Орман начнет с ними работать, а ты можешь хоть часок вздремнуть. Да, самое главное, ты можешь сделать такой преобразователь, чтобы человеческая мысль звучала на радиоволнах сарнов?

— На волнах сарнов? Я никогда не думал об этом...
— Думай, и как можно быстрее. Если ты сделаешь это, Уэр, мы сумеем освободить Землю!

ГЛАВА 13

Прибор действительно оказался невероятно крошечным — они едва могли его разглядеть на широкой ладони Уэра. Но спрятан он был виртуозно.

— Это воспроизведяющее устройство, — пояснил Уэр. — А вот записывающее. Оно записывает, как ты хотел, человеческие мысли и преобразует их на радиочастоты сарнов. Но я хочу спросить: что именно ты собираешься с ним делать? Я так увлекся работой, что совсем забыл спросить о цели, ради которой все это делается. Думаю, моему приборчику суждено бесконечно повторять сарнам: «Уходите! Уходите!»... Но боюсь, слова на них не подействуют.

Плиты наверху раздвинулись. Грайт, Дея и Уэр подняли головы. Один только полусонный усталый Орман остался безучастным к происходящему.

— Спускайся, Симоне, — раздался голос доктора Уэсона, и вслед за этим на ступеньках показались чьи-то ноги, потом сильное мускулистое тело и, наконец, усталое лицо с красными от бессонницы глазами. Уэр повернулся к Дея и Грайту.

— Кто он, этот Симоне?

Они не ответили, и Уэр повернулся к вновь пришедшему, который стоял неподвижно с выражением полнейшего отчаяния на лице. Его острые глаза впились в Уэра, и техник почувствовал, как от этого взгляда все внутри у него похолодело. Его вдруг тоже охватило бесконечное отчаяние, захотелось закрыть лицо руками и убежать прочь. Уэр с трудом отвел глаза от бледного лица незнакомца.

— Дея, во имя всех богов! — взмолился он. — Кто это... кто... что это?

— Это отрицательная энергия, Уэр. Отрицательная энергия сознания, мрак Эзира, уничтожающий все надежды, все желания. Он сумасшедший, у него маниакально-депрессивный психоз. У него нет никакой возможности убежать из этого ада. Он

сумасшедший, и все его существо поглощено ужасной тьмой, мраком, безысходностью. Если даже его сознание чуть прояснится, ему это уже не поможет — он просто станет суицидальным маньяком и будет стремиться покончить с собой любым доступным способом. Он уже не может убежать из этого ада... Запиши его мысли, Уэр. Запиши их на свою серебряную ленту. Запиши эту безнадежность, которая не знает сопротивления, не хочет бороться. Запиши и передай в Город сарнов.

ГЛАВА 14

Мать неподвижно сидела у высокого окна в своей башне, глядя на Сады сарнов. Толстые пледы и богатые плащи укрывали ее — бесполезные вещи, тряпки... Ледяной холод пронизывал старую Правительницу Земли до костей. Уже много часов и дней она сидела в этой большой, со множеством окон комнате почти без движения.

Солнце сюда не заглядывало. По оконным стеклам бежали струи дождя, бесконечного, холодного дождя, заливавшего Сады сарнов. А там, за городской стеной, в Городе людей, солнце ярко светило, щедро одарив землю своим теплом. Закрыв глаза, Бессмертная представляла, как его лучи преломляются в прозрачном чистом воздухе, играют на листьях деревьев и оконных стеклах. Там был июнь, а здесь лето умерло. Здесь умерло все, остался лишь вечный холод, который становился все сильнее и сильнее.

Былая красота ее Садов померкла. Упавшие деревья, погибшие цветы — все это плавало теперь в грязном болоте, на которое у нее уже не было сил смотреть. Сколько бесконечных, бессонных дней провела она в этой башне, где день отличался от ночи только тем, что серый свет, падавший из окон, сменялся черным? Все эти дни Правительница мучительно размышляла о своей долгой жизни, о тех ошибках, которые она совершила, о своем народе.

Сарны деградировали за последние четыре тысячи лет, а люди стали сильнее. Люди, маленькие, жалкие люди, рабы — они победили своих хозяев... Дверь позади нее медленно открылась, но Мать не шевельнулась, продолжая смотреть

прямо перед собой, пока посетительница не подошла к ней. Баркен Тил. Когда-то Мать считала ее блестящим талантливым физиком. Теперь Баркен Тил казалась опустошенной и подавленной.

— Да? — равнодушно спросила Правительница.

— Ничего. — Баркен Тил печально покачала головой. — Все бесполезно, Мать сарнов. Там только тьма. Никакого экрана, никакой субстанции. Судя по показаниям приборов — там вакуум. Тард Нило сошла с ума. Она сидит на стуле, смотрит в стену и повторяет: «Солнце теплое... солнце яркое... солнце сверкающее!» Она сама не встает со стула — мы водим ее. Она не сопротивляется...

— Солнце теплое, — тихо повторила Правительница. — Солнце яркое. Солнце никогда здесь не светит. Но в Биш-Валне солнце яркое и горячее, а воздух чистый и сухой.

Взгляд усталых золотых глаз скользнул по неуклюжей фигуре физика.

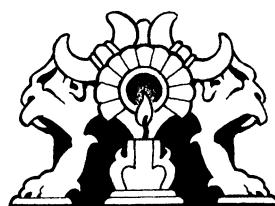
— Я... я думаю посетить Биш-Валн. Где солнце яркое и горячее, а воздух... Я никогда не была там, никогда за все то время, что Земля стала нашей, за все четыре тысячи лет. Я никогда не видела Тарглан с его вечно голубым небом и вечно белыми горами. Я никогда не видела Биш-Валн среди золотых песков... горячих песков. Мне кажется, что прежде, чем человечество окончательно встанет на ноги, мне обязательно надо посмотреть его. Я думаю... да, вероятно, я поеду.

Два часа спустя Мать тяжело поднялась, чтобы сделать распоряжения, а затем — еще через несколько часов — взойти на свой космический корабль. Через залитое дождем окно она смотрела на поникшие кроны своих Садов и упывающий вниз Город сарнов. Вслед за ее кораблем поднялся другой, затем третий. Впервые за четыре тысячи лет она покидала свой город. Впервые за четыре тысячи лет ни одного сарна не осталось в Городе сарнов. Сверху облака напоминали огромный серый купол, окруживший Город сарнов. Июньское солнце уже клонилось к закату, богатство красок заворожило Мать, и она начала впадать в сладкую дремоту. Страшное напряжение последних шести дней отпустило ее, она блаженно закрыла глаза. Она думала о солнечной и жаркой планете...



ЛУННЫЙ АД

«The Moon Is Hell!»
Издательство «Fantasy Press», 1951





ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Пятнадцать человек в сверкающих скафандрах стояли возле огромного корабля, который только что перенес их через четверть миллиона миль. Теплый золотой свет лился из иллюминаторов «Эксельсиора» — самого большого ракетного корабля, когда-либо построенного людьми. Голубоватые отблески, создаваемые солнечными лучами, сияли на торчащих пиках кратера. А под ногами была растрескавшаяся, неровная поверхность спутника Земли, изломанная давниками луно-трясениями, уходящая к странно близкому горизонту, который образовывали неровные стены кратера. Высоко, в усыпанном звездами небе, висел ослепляющий шар. Здесь не было воздуха; тепло чувствовалось только там, куда попадали солнечные лучи. А в каждой тени царила ночь.

Пятнадцать человек разобрали детали небольшой металлической конструкции и принялись монтировать ее на ровной поверхности ближайшей скалы. Когда работа была закончена, конструкцию увенчал американский флаг, безжизненно повисший в пространстве. Через сорок восемь часов, обесцвеченный безжалостным светом, он превратится в кусок белой тряпки. Позднее они заменят ткань листом специально обработанного металла. А теперь им предстояла другая работа. Руководитель экспедиции доктор Джеймс Харвуд Гарнер от имени Соединенных Штатов Америки объявил собственностью своей страны эту так называемую обратную сторону Луны. Десятки миллионов квадратных миль безжизненной поверхности, которую до этого не видел никто, кроме капитана Роджера Уилсона. Пять лет назад тот дважды облетел спутник Земли и, проведя два дня на его видимой стороне, провозгласил ее собственностью Штатов.

Однако эти люди были направлены сюда для продолжительных исследований — не на два дня, а на целых два года!

Полученный ими приказ гласил:

«Десятого июня корабль должен покинуть Землю с космодрома в Иньеркене, Калифорния, и пятнадцатого июня прибыть на Луну. Вам надлежит сделать один оборот вокруг спутника Земли с последующей посадкой на обратной стороне. Исследования будут продолжаться год и одиннадцать месяцев. Десятого мая 1981 года второй корабль поднимется с Земли в Мохаве, Калифорния, и направится к Луне, чтобы совершить посадку как можно ближе к Куполу. В течение одного месяца на Луне будут работать оба экипажа. Пятнадцатого июня корабль должен покинуть Луну и двадцатого июня приводниться на озере Мичиган».

«Эксельсиор» отправился в путь с колossalным грузом: тонны оборудования и приборов, обеспечивающих возможность всесторонних исследований в течение двух лет; бесчисленные кислородные баллоны; контейнеры с продовольствием, книгами и одеждой. Для топлива на обратный путь места уже не оставалось. При проектировании космического корабля был использован модульный принцип, позволяющий использовать все узлы и детали для создания Купола, где будут размещены жилые помещения и лаборатории. Но для возвращения экспедиции был необходим другой корабль, который обеспечил бы кислородом и питанием команды обоих кораблей — семнадцать человек — сроком на тридцать пять дней...

От приземистого конуса, извлеченного из чрева корабля, тянулись толстые провода. Мощные электрические краны извлекали все новые и новые контейнеры с грузом. Воздух из опустевших отсеков компрессоры перекачивали в баллоны. Натренированная команда работала дружно, и вскоре космический корабль был полностью разобран. Секции корпуса сложили в одном месте, прокладки — в другом. Не стали трогать только низкий круглый отсек-аккумуляторную: размещенные там батареи должны будут обеспечивать Купол теплом и светом в течение двухнедельных лунных ночей. Затем краны заработали снова, и секции корабля стали быстро соединяться в новую форму. Получился огромный полированный Купол с пятью небольшими иллюминаторами. Внутри хватало места как для людей, так и для запасов еды, баллонов с кислородом и баков с водой, воздушных фильтров — словом, для всего оборудования и припасов, доставленных сюда с Земли. Рядом

с аккумуляторной и Куполом расставили ажурные металлические конструкции, на которых укрепили огромные солнечные батареи, сразу же начавшие превращать энергию дневного светила в электричество. К ним подключили аккумуляторы. На сооружение лагеря ушло десять часов, потом люди перебрались в Купол и наполнили его воздухом. Через час давление и температура достигли нормы, и земляне в первый раз на Луне смогли снять скафандры и поесть. После обеда им требовался сон, чтобы восстановить силы и продолжить работу. Впрочем, основная часть этой работы выполнялась лунными ночами.

«Во время лунного дня, — писал Томас Риджли Данкан, — мы постоянно маемся от скуки. Это время отдыха и ремонта того, что ремонта даже не требует. Жара абсолютно невыносима, скалы раскаляются так, что на них плавится олово и даже свинец. Весь мир словно купается в огненной реке. Скафандры не способны полностью защитить нас от перегрева. Мы постоянно подвергаемся опасности получить солнечный удар и должны находиться в Куполе.

Работы начинаются ночью. Солнце садится, и поверхность остывает. Света звезд, гораздо более ярких, чем на Земле, все-таки не хватает, и основными помощниками нам служат фонари на шлемах. Используя для обогрева небольшие батареи, можно проводить исследования вне Купола. Самой большой неприятностью оказалась необходимость питаться. В скафандре есть невозможно, невозможно его и снять. Запас кислорода на несколько дней можно носить с собой, но прием пищи и, в особенности, воды становится проблемой. Однако исследования идут своим чередом. Лунным днем обычно работают двое минералогов, двое химиков и фотограф. Наш астрофизик, коротышка Мелвилл, трудится и днем, и ночью. Сначала его повергало в жуткое уныние то, что из-за ограничений по весу ему позволили взять с собой только два трехдюймовых телескопа, не дающих того увеличения, которое ему необходимо. Но когда Данкан, Бендер и Уайслер сделали двадцатидюймовый рефлектор из плавленого кварца, Мелвилл наконец воспользовался отсутствием атмосферы и преуспел в фотографировании знаменитых «каналов» Марса. Они впервые получились настолько четко, что

по снимкам можно определить: это вовсе не каналы, а приливные насыпи, вызванные перекрестным действием двух спутников планеты, и Солнца.

Остальные в течение дня практически не заняты. Мы отмечали дни рождения. Четвертое июля, Рождество, День Благодарения, Новый год и все другие праздники.

У нас есть два легких гусеничных вездехода. Их шасси первоначально являлись частями посадочного шасси корабля, а двигатели служили в качестве воздушных и топливных насосов. Каждый вид корабельного оборудования имел двойное назначение. На Луне эти вездеходы использовались в дальних маршрутах. В общем, мы скучали. Мы просмотрели все фильмы и помнили наизусть любой из них. Только наши собственные съемки представляли для нас интерес. У нас нет радиосвязи, поскольку на Луне отсутствует атмосфера и слой Хевисайда, который бы мог отразить радиоволны на ту сторону, что обращена к Земле. Мы не можем ничего ни передать, ни принять с Земли. Лагерь расположен примерно в полутора тысячах миль от ближайшей точки, где видна Земля и возможна связь с ней. Мы, отброшены лет на сто в прошлое — во времена, когда исследователи были отрезаны от других людей.

Наши персональные рации работают на расстоянии до пяти миль, а если взобраться на возвышенность, то чуть дальше. Более мощные передатчики на вездеходах имеют радиус действия около двадцати миль». Они были отрезаны от человечества расстоянием и лунной твердью, и поэтому неудивительно, что им больше нравилось работать ночью. В основном они предпринимали пешие походы, реже — на вездеходах, поскольку «пеший человек способен, — как пишет Данкан, — более ловко двигаться по невероятно острым скалам и перебираться через расселины. Мы можем прыгать с легкостью на пятьдесят и даже семьдесят футов — машинам это недоступно. Для будущих экспедиций следует сконструировать механического кузнечика в виде перевернутой катапульты, с мощными стальными пружинами, которые взводятся с помощью электромотора. Ничто другое не может здесь двигаться на большие расстояния. Самолеты использовать нельзя, поскольку нет воздуха. А для небольших космических кораблей типа челноков потребуется слишком много топлива».

Тем не менее перевозить людей на значительные расстояния предпочитали с помощью вездеходов, поскольку при тяжелых переходах исследователи нуждались в большем количестве кислорода.

Та часть дневников Данканы, которую мы решили не публиковать, вряд ли может представить интерес для широкого читателя — разве лишь несколько зарисовок, уточняющих картину этого жестокого мертвого мира: *«Ртутный термометр, который я случайно оставил снаружи, лопнул. Во время завтрака нас напугал громкий хлопок возле Купола. Мы выскочили, чтобы посмотреть, что случилось, и обнаружили: лучи восходящего солнца нагрели капсулу с ртутью до точки кипения. Именно взрыв разорвавшегося термометра и напугал нас»*.

Ощущение постоянного падения, о котором Данкан упоминает вначале, исчезло, едва только они привыкли к меньшей гравитации. Их мышцы, вопреки опасениям, не стали слабее. Напротив, от тяжелой работы они окрепли. Тем не менее таблицы взвешивания, которые подготовил доктор Хью, врач экспедиции, выглядят так, словно измеряли вес у подростков. Данкан спустя год после посадки весил всего тридцать один фунт! Доктор Хью сообщает, что использовались пружинные весы, причем их на вытянутой руке держал один из членов экспедиции. Тем не менее это означает, что на Земле Данкан весил бы около ста восьмидесяти фунтов.

На исходе второго года произошел первый несчастный случай. Данкан пишет о нем: *«Сегодня мы пережили трагедию. Осталось два месяца до отлета, а Моррисон и Уилкотт мертвы. Они проводили исследования вблизи Северной расселины на вездеходе. Край расселины, обломился под весом машины. Глубина в том месте была в полмили. Благодаря малой гравитации они летели вниз долго. Уилкотт успел связаться по радио с Куполом и сообщить, что они падают. Они послали нам слова прощания, а затем случилось непоправимое»*.

Найти тела не удалось, хотя Райс сумел спуститься на место падения и с помощью другого вездехода и длинного троса вытащил машину. Он говорит, что сможет починить ее. А двое людей, по-видимому, выпали из кабины и оказались погребены под массой камней. Северная расселина переименована в расселину Моркотта».

Шли месяцы. Приближался конец их добровольной ссылки. Когда наступала очередная лунная ночь, они с растущей тревогой осматривали темные небеса в поисках движущейся световой точки. Была проделана огромная работа, и теперь им хотелось поскорее вернуться на Землю. Но их освобождение наступило не скоро, а для некоторых оно не наступило вообще.

Далее мы публикуем дневник доктора Данканна, который он добросовестно вел два года и те несколько страшных месяцев, прошедших в ожидании спасательного корабля. Дневник был написан, как и все другие документы экспедиции, химическим карандашом, поскольку чернила либо замерзали, либо кипели. За все то время, что экспедиция провела на Луне, Данкан не сделал только одну запись, последнюю: его руки уже не могли держать карандаш.

В своем дневнике он называет людей по фамилиям. Список тех, кто дожил до конца второго года, приводится ниже.

Личный состав лунной экспедиции Гарнера:

Д-р **Джеймс Харвуд Гарнер**, руководитель экспедиции, специалист по ракетам, астрофизик, инженер-химик.

Д-р **Томас Риджли Данкан**, физик, заместитель руководителя.

Д-р **Эстас М. Хью**, врач экспедиции.

Д-р **Роберт Кеннет Мур**, химик.

Д-р **Уоррен П. Толмен**, химик.

Мистер **Артур В. Кенделл**, фотограф.

Мистер **Дэвид Х. Кинг**, минералог.

Мистер **Хемпден С. Рид**, минералог.

Мистер **Энтони Т. Мелвилл**, астрофизик.

Мистер **Карл Джузэл Лонг**, астроном, навигатор (который проделал большую работу по сelenографии и вел корабль к Луне. Форт Вашингтон был выбран в качестве нулевого меридиана).

Мистер **Джордж В. Райс**, специалист-электрик и механик.

Мистер **Джозеф Т. Уайлдер**, кок, механик, полировщик оптических стекол.

Мистер **Фредерик Л. Бендер**, альпинист, искатель приключений, механик, астроном-любитель.

ДНЕВНИК ТОМАСА Р. ДАНКАНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ БОРЬБА ЗА ВОЗДУХ

16 мая Кинг и Рид вернулись из последней экспедиции на юго-запад. Они доложили о замечательной находке — залежах селенида серебра, настолько богатых, что, по мнению Кинга и Рида, их можно прибыльно разрабатывать и отправлять серебро на Землю. Это невероятно большое месторождение «ювелирной руды».

Утро уже в разгаре, завтра должен прибыть эвакуационный корабль. Мы ожидаем его с нетерпением. Луна, несмотря на пустынность, холод и жару, внушиает нам благоговение. Большинство людей провело день, пытаясь обнаружить в небе корабль. Мы знаем, что он должен здесь быть завтра, задержка хотя бы на день будет означать, что случилось нечто страшное.

Уайслер обещает завтра праздник. Мы все с нетерпением ждем вестей из дома. Поскольку мы потеряли связь с Землей на целых два года, то, возможно, там уже не осталось ничего живого. Может быть, идет всеобщая атомная война, а мы и не ведаем об этом.

17 мая. Корабль сегодня не прибыл. Он должен быть здесь не позже семнадцатого. Запасов воздуха у нас осталось на два месяца, продовольствия — на три, и мы очень беспокоены. График межпланетных полетов очень жесткий. Корабль должен был стартовать во время сизигии².

18 мая. Наш спасатель лежит грудой раскаленного, искореженного металла. Он прибыл вечером в 21 час. То, что случилось, для нас просто ужасно. Пройдет по крайней мере целый месяц, пока на Земле узнают, что возвращение экспедиции не состоится. И еще один, чтобы начались какие-то

² Сизигии — общее название двух лунных фаз: новолуния и полнолуния. (Здесь и далее прим. издателя.)

действия. Затем потребуется пять месяцев на строительство нового корабля. Следовательно, пройдет не менее семи месяцев, прежде чем прилетят спасатели, а кислорода у нас всего на восемь с половиной недель! Пищевые рационы мы можем уменьшить, но потребление кислорода сократить нельзя. А началось с того, что сегодня утром Райс заметил над горизонтом светящуюся точку. Объект двигался быстро и походил на спутник Луны. Мы все видели, как он исчез за горизонтом, а потом появился снова. Он стал гораздо ярче, и мы воспрянули духом. Он находился на расстоянии менее тысячи миль и едва поднялся над горизонтом, как заработали двигатели. Корабль начал стремительно двигаться в нашу сторону. Приветственные крики сопровождали его маневр, а Райс попытался связаться с ним по радио. В 10.55 был получен ответ. Корабль находился менее чем в трехстах милях, там уже включили тормозные двигатели. Мы приветственно размахивали руками и смотрели, как он идет на посадку. Корабль прилунился менее чем в миле от Купола. Почти мгновенно после этого включился кормовой двигатель и с жутким ускорением поднял корабль на высоту не менее пятидесяти миль. Вероятно, основной двигатель включился самопроизвольно, и его не смогли выключить вовремя.

Однако экипаж не потерял присутствия духа. Благодаря искусным маневрам пилотов машина опустилась на высоту в полмили, но тут, по-видимому, управление отказалось окончательно, и корабль врезался в лунную поверхность на расстоянии менее четверти мили от Купола. За считанные секунды он превратился в раскаленные обломки, в погребальный костер для несчастного экипажа. Сегодня мы не смогли ничего предпринять, потому что обломки еще слишком горячи.

Д-р Гарнер вскоре после этого собрал всех колонистов и вкратце объяснил, что пройдет больше месяца, прежде чем на Земле поймут, что эвакуационный корабль потерпел катастрофу, и еще по крайней мере полгода потребуется на постройку спасательного челнока. Он попросил, чтобы утром все высказали свои предложения в связи с этим.

19 мая. Температура на скалах: 163 градуса по Цельсию.

Сегодня утром после завтрака все собрались снова. Мур рекомендовал временно прекратить курение, поскольку при

этом расходуется кислород и загрязняется воздух. Он заявил, что надеется выделить кислород из минералов, но процесс этот будет трудоемким.

Как заведующий хозяйственной частью, я вынужден был заявить, что рацион питания придется существенно урезать.

Воздух является первоочередной проблемой, потому что значительно уменьшить потребление кислорода невозможно. Воды у нас осталось на два месяца, но Мур обещал помочь и в этом деле. Кроме того, нам не обойтись без тепла. А Райс доложил, что аккумуляторы, которые служили нам два года в самых экстремальных условиях, внушают ему опасения. Они могут выйти из строя, потому что их придется использовать более длительное время. Вездеход обеспечен топливом всего на шестьдесят часов работы. Для перевозки минералов, из которых можно извлечь кислород, он был бы исключительно полезен, но Бендер тут же стал возражать против его использования, объяснив это тем, что вездеход потребляет слишком много кислорода, хотя в действительности он расходует меньше, чем люди, выполняющие ту же самую работу.

Кинг и Рид доложили о самом приятном. Оказывается, недалеку располагаются большие россыпи гипса, а прокаливая это вещество, можно легко получить воду. Мур надеется, что с помощью электролиза сумеет получить кислород, но это потребует огромного количества энергии.

Мы провели остаток дня, перетаскивая гипс к лагерю, однако этим занимались не все. Райс, Бендер и Уайслер сооружали тележку на колесах. Кинг и Рид, показав нам месторождение, начали сооружать электрическую печь. Добывать гипс оказалось очень трудной работой, потому что взрывчатые вещества в безвоздушном пространстве дают эффект только в том случае, если их глубоко закопать. Кроме всего прочего, мы обнаружили, что у нас очень мал запас взрывчатки.

Будет очень трудно выжить в таком пустынном мире. Даже для того, чтобы получить воздух, придется немало потрудиться.

20 мая. Температура на скалах: 169 градусов.

Во второй половине «нашего» дня наступила середина лунного. После завтрака Райс предупредил, что использовать аккумуляторы для выделения воды в течение лунной ночи будет нельзя. К тому же он возражает и против какого-либо иного их

применения. Аккумуляторы еще не успели полностью зарядиться после прошлой лунной ночи. Я склонен согласиться с ним, хотя Бендер сомневается в правоте Райса и убедил остальных, что использовать аккумуляторы безопасно и даже необходимо.

Я сходил сегодня к залежам серебра, про которые говорил Рид, и подумал, что они будут полезны.

Принесли около десяти тонн гипса. Кинг посоветовал построить дорогу, но Толмен, ответственный за работу, считает, что в первую очередь, до наступления ночи, следует перегащить как можно больше материала. Ночью работать с взрывчаткой опасно — слишком темно.

К вечеру мы сильно устали, а кроме того, сказалось сокращение рациона. Уайслеру приказано понемногу уменьшать нормы.

21 мая. По моему совету Гарнер приказал строить дорогу к залежам гипса. Я считаю это верным решением.

За обедом меня обвинили в том, что при распределении пищи я будто бы оказал некоторым членам нашей экспедиции предпочтение. Порции и так невелики, но будут уменьшаться и впредь, а вместе с ними окончательно испортится и настроение людей.

Мы работаем больше, чем когда-либо прежде, а питаемся хуже. Солнце приближается к горизонту, и Рид опробовал сегодня свою перегонную установку. Солнечные батареи не выдерживают такой нагрузки, и, несмотря на протесты Райса, придется использовать аккумуляторы. Устройство работает плохо: хотя вода выделяется сразу, она не конденсируется, как будто температура вокруг змеевика выше точки кипения воды, даже при пониженном атмосферном давлении.

22 мая. Дорогу закончили, а в конце дня сломался вездеход. Для него осталось так мало топлива, что решили его не чинить. Сделали еще одну тележку, и люди возят гипс теперь исключительно вручную. Счастье, что лунная гравитация меньше земной. Рид усовершенствовал свою установку, и она наконец заработала. Ему пришлось построить укрытие, не пропускающее солнечные лучи. Он объявил, что в любом случае ночью работать будет невозможно, и тогда Райс облегченно вздохнул. Наверное, он без ума от своих аккумуляторов.

Я еще раз посетил серебряные залежи и на маленьких санках привез оттуда образцы. С помощью Мура попытаюсь сделать из серебра солнечные батареи³.

Пища стала самой популярной темой разговоров. Хотя все осознают необходимость уменьшения рациона и воспринимают это с пониманием, голод дает о себе знать. Особенно тяжелые дни переживают курильщики. Я несколько раз пытался жевать табак, но никакого удовольствия не получил.

Когда по радио объявляют обеденный перерыв, мы собираемся быстро. Над Уайслером постоянно посмеиваются, а вечером устроили над ним шутовской суд, обвинив кока в расточительном использовании воды: вечерний суп оказался довольно жидким.

23 мая. Приближается закат солнца. Вероятно, когда мы ляжем спать, солнце сядет.

С месторождения привезено уже много гипса, и Рид соорудил более крупную печь, чтобы использовать ее, когда солнце взойдет снова. Он нашел несколько больших кусков пемзы и применил их в качестве тепловой изоляции для печи.

Мы с Муром начали делать солнечные батареи. Серебро очистили электролитическим способом. Когда небольшая, грубо сделанная батарея была готова, мы обрадовались и удивились: оказалось, она работает. Кенделл и Райс согласились помочь нам.

На завтрак в 7.15 проглотили блины с кофе, а через двенадцать часов был обед из тушеных овощей и водянистого супа. В течение получаса еще остается ощущение сытости. У некоторых неприятности с желудком, но вслух никто не жалуется, хотя люди трудятся весь день и в тяжелых условиях. К счастью, карьер сегодня оказался в тени от выступающей скалы, поэтому работать полегче. Кажется забавным «выкапывать» воздух из скал.

24 мая. Д-р Гарнер направил Мура, Кенделла и Райса помочь мне в изготовлении солнечных батарей. Райс тем не менее половину времени проводит со своими разлюбезными аккумуляторами. Однако, осмотрев их, я понял его беспокойство. Они

³ Солнечные батареи изготавливаются из серебряных пластин, покрытых слоем селенида серебра и тонким слоем другого металла; солнечный свет, попадая на пластину, создает достаточно большой ток. Такие солнечные батареи были источником энергии в течение всех двух лет.

были рассчитаны на двухлетнюю эксплуатацию. Теперь материал уже осыпается с пластин. Райс попробовал сегодня восстановливать их, но ничего не вышло.

Мы не в состоянии бороться с холодом. Есть только тонкие одеяла, потому что понижение температуры внутри Купола не предполагалось.

В желудке — постоянное болезненное жжение, несомненно другие тоже испытывают нечто подобное.

25 мая. Температура снаружи: минус 143.

Закончены десять солнечных элементов. Работа с взрывчаткой продолжается, и куча гипса увеличилась. По моему настоянию перегонное устройство решили впредь во время лунного дня не использовать. Мы надеемся закончить к этому времени солнечную батарею значительных размеров. Даже Райс соглашается, что ток, который мы берем из его аккумуляторов для изготовления солнечных батарей, идет на доброе дело.

Очень трудно обрабатывать стекло для элементов без газового пламени, но ради кислорода никаких усилий не жалко.

Рид, Кинг и Толмен работают над аппаратом для электролиза. Возник неожиданный вопрос: можно ли использовать побочный продукт — водород? У нас есть множество пустых баков, и я предложил сохранять газ — возможно, он пригодится потом.

26 мая. Температура: минус 147.

Около двух часов пополудни принесли Мелвилла. Он в тяжелом состоянии — на карьере произошел оползень, и Мелвилла засыпало. Он инстинктивно прикрыл руками стекло на шлеме, поэтому оно не лопнуло. Однако прорвалась штанина, и воздух начал выходить наружу. Остальные быстро его откопали и увидели, что он плотно сжимает прореху. Вокруг лодыжки затянули веревку, чтобы устраниТЬ утечку, и поспешили понесли его домой. Пострадавший не произнес ни слова, а когда подошли к Куполу, оказалось, что Мелвилл без сознания. Его бережно втащили в шлюзовую камеру и только тут обнаружили, что правая нога пострадавшего сломана в трех дюймах выше колена. Оказалось, что оборваны провода системы обогрева, а кровообращение остановилось из-за наложенного жгута, и нога замерзла. Пока Мелвилла несли, она стала хрупкой, как стекло, и обломилась. Д-р Хью обработал культию и надеется на лучшее.

Никто прежде не имел опыта лечения подобных ран. Работы в карьере были приостановлены. Вечером д-р Гарнер выступил перед нами с просьбой быть осторожными. Однако работу прекращать нельзя. Мы должны делать все возможное. Люди в очень подавленном настроении.

Изготовили пятнадцать солнечных элементов.

27 мая. Сегодня вечером Мелвилл впервые после несчастного случая пришел в сознание. Д-р Хью давал ему снотворное, но нога постепенно оттаяла, и потерпевший очнулся. Некоторое время он жаловался на зуд в ноге и пытался чесать ее. Когда полностью пришел в себя, сразу же понял, что ноги у него больше нет. Выслушав всю историю, он остался очень спокойным и сказал только, что для астрофизика нога — не слишком большая потеря. Он хочет помогать нам в изготовлении солнечных элементов, потому что это единственная работа, которую, по его словам, он сейчас в состоянии делать.

Мелвилл не страдает от боли, и д-р Хью предположил, что такое стремительное замораживание не повреждает ткани.

Готовы двадцать пять солнечных элементов. Работы в карьере снова начались, причем д-р Хью заменил Райса здесь, в работе над солнечными элементами.

Рационы питания сокращены до полутора фунтов в день на человека. Это означает, что нам хватит запасов на пять месяцев. Но, скорее всего, мы умрем не от голода — прежде чем кончится пища, мы будем уже настолько слабы, что не сможем работать на гипсовом карьере, добывая воздух.

28 мая. Солнце давно уже не показывалось из-за горизонта, поэтому работать в карьере тяжело: здесь тьма и холод. С ведомства сняли аккумуляторы с фарами и приспособили их для освещения карьера. Осталось около двух десятков стальных ломов, и Гарнера это очень беспокоит. Стальные ломы для нас дороже золота, но на жутком холде они становятся очень хрупкими. Кенделл сегодня сломал один — опыта работы в таких условиях у него не было. Я предложил Риду использовать киноварь, которую мы нашли в двух милях к юго-западу от Форта Вашингтон. Райс, как обычно, горько жаловался на разрядку аккумуляторов, некоторые возмущались перерасходом кислорода, но, к счастью, работа закончилась успешно, и два

новых лома из твердой ртути были готовы. На таком холоде они были твердыми, как сталь, но гораздо менее хрупкими. А главное, если они ломались, достаточно было собрать куски и принести их в Купол. Их складывали в форму, и через полчаса они снова годились для работы. Кроме того, ртутные ломы оказались гораздо тяжелее и поэтому шли нарасхват.

Мелвилл быстро поправляется — гораздо быстрее, чем мы смели надеяться, — и очень помогает при изготовлении солнечных элементов. Он оказался искусным полировщиком.

Когда у д-ра Хью спросили, можно ли добиться большей экономии продовольственных запасов, он сказал, что если работы в карьере будут продолжаться, сделать рацион меньше одного фунта на человека в день нельзя. В противном случае добычу гипса придется свернуть. Лично я с этим согласен. Я занимаюсь разработкой серебряного месторождения лишь время от времени, но вполне понимаю чувства наших горняков.

29 мая. Сегодня д-р Гарнер заболел, и люди стараются удержать его в Куполе. Наш руководитель старается быть первым во всем, и говорят, что он делает гораздо более тяжелую работу, чем мы думали. Д-р Хью предписал ему отдых. Д-р Гарнер старше всех нас и, возможно, не оказался бы в списке экспедиции, если бы не сам ее организовывал.

Закончено всего сорок солнечных элементов, за сегодняшний день сделано пятнадцать — благодаря помощи Мелвилла и опыту, который мы накопили. Д-р Хью говорит, что Мелвиллу полезна посильная работа: она улучшает его психическое состояние.

30 мая. Сегодня Риду двадцать восемь лет. Я выдал квартиру шотландского виски, и его заморозили в виде торта с надписями из имбирного пива. Рид настоял, чтобы разрезать его ртутным ножом. В результате этот «торт» так и не был съеден, а Рид, орудя ножом, чуть не отморозил себе пальцы.

Работа тем временем продолжается. Делается вторая печь, рассчитанная на беспрерывную работу. Вагонетки, изготовленные из пемзы, будут проходить сквозь печь, и, таким, образом ее не нужно будет охлаждать и нагревать между загрузками. Требуется многое проверить. Одну ошибку уже удалось предотвратить. Мы чуть было не разместили сгуститель наверху. Забыли, что горячие газы на Луне вверх не поднимаются. Любой

газ здесь опускается вниз. Поэтому кое-что удалось упростить. Для сбора газа достаточно иметь сосуд наподобие воронки в нижней части печи.

31 мая. Лонг предложил установить на границе с видимой стороной Луны гелиограф и подавать сигналы на Маунт-Вильсон. Он считает, там смогут заметить даже небольшое зеркало. Он хочет взять с собой бутылку ртути и, заморозив ее прямо на месте, сделать отражающую поверхность. Питаться он собирается сгущенным молоком, которое будет пить через трубку из резиновой груши. Каждый из нас, исключая Мелвилла и еще одного члена экспедиции, готов его сопровождать. Но Гарнер отменил эту затею. Как руководитель, он несет за нас ответственность и считает, что такая экспедиция невозможна. Он обратил наше внимание на неизбежную смерть от голода и жажды, если трубка выпадет изо рта во время сна или по какой-то другой случайности, — вернуть ее в рот будет невозможно. С другой стороны, это предприятие может сократить срок пребывания здесь на месяц или более.

1 июня. К ночи люди устают, и сон их тяжел. Однако вечерами они пробуют развлекаться. Одно из развлечений, пользующееся большим успехом, заключается в поочередных выступлениях за круглым столом. Выступают с рассказами о космических путешествиях. Первым был Мелвилл, который отправил своего героя на Юпитер, где тот и застрял, поскольку сила тяжести там оказалась слишком велика для его корабля. Следующая очередь — Лонга. Его рассказ мы услышим завтра вечером.

Хочется чего-нибудь очень вкусного. Но мороженое мясо закончилось, а мясная мука, хотя и питательна, не вызывает соблазна отведать ее. Изготовили еще несколько солнечных элементов. Теперь у нас их восемьдесят пять, то есть хватит на целую батарею. Мы соберем ее завтра.

2 июня. Пока все спали, исчез Лонг. Мы решили искать его, но Гарнер приказал оставаться на месте. Ночью отыскать человека невозможно: здесь слишком много скал. Каждый из горных хребтов, возникших в результате давнего лунотрясения, остался таким же, как и в свой самый первый день. Мы надеемся, что Лонгу повезет, но Райс заявил, что шансы невелики. Лонгу предстоит пройти тысячу сто миль,

максимум тысячу пятьсот. Здесь вполне можно делать миль триста в день, а если поторопиться, то и все пятьсот. Он взял кислорода на семь дней. Девятого июня все будет ясно.

Сделали четыре новых лома из ртути. Работать ими очень удобно, но они быстро тупятся и нуждаются в ежедневной переплавке.

3 июня. Лонг, очевидно, взял с собой порошковое молоко, шоколад и воды на шесть дней — я определил это у себя в кладовой. Мы не стали жалеть об этих припасах.

Поступок Лонга будто бы встряхнул всех: с ним постоянно стараются связаться по радио, но он уже за пределами дальности наших передатчиков. Если спасательный корабль появится на месяц раньше, это может решить исход дела.

4 июня. Сейчас около полуночи, и Райс по секрету сказал мне, что аккумуляторы сильно разряжены. Если требуется, чтобы энергии хватило до восхода солнца, нам придется понизить температуру в Куполе. Аккумуляторы оказались менее надежными, чем он рассчитывал. Вот в чем недостаток точных расчетов при изготовлении нашего оборудования: в соответствии с принятым планом эта ночь должна была стать для нас последней на Луне, и нарушения в работе аккумуляторов расценивались бы как мелочь, на которую не стоит и внимания обращать. В нынешней же ситуации они наверняка не выдержат следующей ночи, и трудно оценить, к чему это может привести. Я уже отмечал, что у нас нет с собой теплой одежды, а скафандры пригодны только в безвоздушном пространстве. Я приостановил работу над солнечными элементами и занялся извлечением газового обогревателя.

Сегодня вечером всех поставили в известность о возможном выходе аккумуляторов из строя. Словно истинные спортсмены, люди согласились на ужесточение условий существования. Купол решено не отапливать, когда люди находятся на работе и спят — температура в нем будет чуть выше точки замерзания (более низкой мы не можем допустить), — а включать обогрев во время ужина и завтрака. Экономия в этом случае получается значительной.

5 июня. День рождения Лонга. Сегодня ему двадцать восемь, но празднует он где-то в одиночестве. Мы надеемся, что он будет с нами ко дню рождения Толмена, четырнадцатого

июня. Тогда уже взойдет солнце. Обогреватель работает нормально. Это, вероятно, спасет нас.

6 июня. Выданы остатки консервированного молока. Израсходован последний сахар. После того как мы собрали все остатки в одну кучу, полки стали выглядеть удивительно пустыми. Бендер снова обвинил меня в несправедливом распределении продовольствия. Он тяжело переносит физические нагрузки, а голод усугубляет его состояние. Я удивлен только, что подобных обвинений больше не высказывает никто. Однако совесть моя чиста — порции делятся максимально честно.

При низкой температуре находится в Куполе очень неприятно. Райс говорит, что предпочитает трудиться в карьере. В лаборатории мы пользуемся обогревателем, поэтому там немножко лучше.

7 июня. Райс заявил, что слышал сигналы Лонга. Я в этом сомневаюсь, потому что прошло всего пять дней, а Лонг ожидается на седьмой. Теперь рядом с Куполом огромная куча гипса, и некоторые говорят, что пора бы и передохнуть, поскольку материала у нас пока достаточно. В течение дня в Куполе очень холодно, работать почти невозможно. Правда, Райс утверждает, что аккумуляторы могут выдержать до четырнадцатого июня — то есть до восхода солнца. Закончены две солнечные батареи, за счет чего наши энергетические возможности увеличились на пятьдесят процентов.

8 июня. Сегодня Райс отключил наиболее разрушенные пластины аккумуляторов и уменьшил количество нагревателей вдвое. Тепла стало так мало, что мы мерзнем и день и ночь.

Возобновились вечерние рассказы, прерванные исчезновением Лонга. На этот раз мы услышали о корабле, который приземлился на Меркурий. Там якобы достаточно тепла и полное изобилие еды. Мелвилл почти полностью оправился, и Райс сделал для него нечто вроде коляски, на которой тот легко может передвигаться.

9 июня. По-прежнему связи с Лонгом нет, хотя мы ждали его до двенадцати часов ночи по нью-йоркскому времени. Потом Гарнер приказал отдохнуть. Сделали еще два газовых обогревателя. Райс изготовил компактное зарядное устройство, и Гарнер согласился с его идеей. Есть опасение, что температура упадет ниже точки замерзания, в результате чего

лопнут водяные баки и консервные банки с едой. Это будет полная катастрофа.

10 июня. Сигнал от Лонга! Его приняли в 11.30 вечера, и Райс сразу же взял пеленг. Сигналы настолько слабые, что их едва можно расслышать. Лонг находится на расстоянии двадцати пяти миль от Купола или около того. Выбросил все, кроме одного почти пустого кислородного баллона. Он надеется добраться до станции прежде, чем израсходует кислород.

Райс хотел возглавить спасательную экспедицию, но получил приказ оставаться у радиоприемника. Экспедицию с носилками и кислородными баллонами ведет Бендер.

11 июня. Солнце должно подняться в 5 часов. Лонг замерзает. Его аккумулятор разряжен. Кислорода осталось так мало, что он не может двигаться для того, чтобы согреться. Расстояние — двадцать две мили. Экспедиция прошла пять.

Д-р Хью сделал поразительное предложение. Экспедиция не сможет вовремя добраться до Лонга. Поэтому Хью рекомендует ему замерзнуть, и как можно скорее! После случившегося с Мелвиллом он считает, что с помощью тирадрена сможет оживить Лонга.

Лонг согласился. Он нашел такое место, чтобы быть в тени даже после восхода солнца, и покрыл свой скафандр отражающей пленкой. После этого связь прекратилась. Затем наступил восход солнца. Вскоре экспедиция нашла Лонга и принесла его на носилках. Он превратился в камень, кислород и газы в его скафандре стали жидкими. Солнечные батареи уже дают энергию, облегчая жизнь едва не замершим людям. Нам приходится тяжело⁴. Следуя указаниям Хью, Лонга внесли в Купол и поместили внутри огромной катушки из проволоки, которая была подключена к нашему главному генератору. Затем включили на максимальную мощность высокочастотный ток. До 37 градусов тело нагрелось меньше чем за пять минут. Начали делать искусственное дыхание с подачей смеси чистого кислорода с углекислым газом и одновременно, большими порциями, вводить прямо в сердце тирадрен. Процесс продолжается уже полчаса, но результатов пока нет.

⁴ «Тяжело» — слишком слабый эпитет для описания работы экспедиции, снабженной легкими летними одеялами и живущей на голодном пайке.

Спустя некоторое время Лонг ожил! Он сильно оголодал, но сейчас уже поел и оживает прямо на глазах. По-видимому, он почти не пострадал. Для тех из нас, кто видел замороженную статую, омываемую жидким воздухом и хрупкую, как стекло, это кажется просто чудом! Кенделл не хуже, чем газетный репортер, фотографировал происходящее и считает, что Лонга его снимки непременно заинтересуют!

Во второй половине дня возобновились работы: собирали солнечные батареи и пробовали запустить печи. Все действует хорошо. Разговаривать Лонгу пока запрещено.

12 июня. Узнав, что Лонг не добился никакого успеха, мы были разочарованы. Он провел двенадцать часов в поле видимости Земли, но попытки выйти на связь оказались напрасными. Ни гелиограф, ни радио не дали результатов. Радиосвязи, по его мнению, помешали огромные солнечные пятна: он заметил над Землей величественно-яркое полярное сияние. Очевидно, Лонг выбрал для своей попытки не подходящий момент. Я склонен считать, что эта двенадцатичасовая задержка и явилась причиной его недавней «смерти», если можно так выразиться, — ведь он сидит рядом и смотрит на меня. Хью пишет медицинский отчет, в котором расскажет об этом случае более подробно, чем я.

13 июня. Работа идет успешно. Загружаемый в печи гипс быстро превращается в сернокислый кальций, вода выделяется и идет в аппарат для электролиза. Теперь внутри Купола тепло и комфортно, чему мы очень рады. Продолжаем изготовление солнечных элементов: сегодня был привезен новый груз селенида серебра.

Райс, насколько это было в его силах, постарался починить аккумуляторы. Теперь идет зарядка для освещения и лабораторных нужд в течение лунной ночи. Для новой системы отопления делаются дополнительные обогреватели.

Перечитывая дневник, я обнаружил, что не объяснил принципа их действия. Водород и кислород, полученные из воды электролизом с помощью энергии от солнечных батарей, собираются в баллоны и хранятся до заката, а ночью сжигаются, обеспечивая нас теплом. Полученная при этом вода конденсируется и используется для повторного электролиза. Получается замечательный обратимый процесс, требующий

только энергии солнечных батарей. Таким образом, наша отопительная система не будет зависеть от аккумуляторов.

Лонг чувствует себя хорошо и сегодня помогал нам в изготовлении элементов. Впрочем, он утверждает, что вполне способен выполнять работу в карьере. Однако д-р Хью считает, что ему лучше пока побывать здесь. Лонг сказал мне, что взял с собой еды только на один день. Значит, в кладовую забирался кто-то другой. Мы все чувствуем голод, но подобных поступков я не ожидал и никаких серьезных жалоб от членов экспедиции не слышал.

14 июня. Я предпринял очередной поход за селенидом серебра. Лунный ландшафт, освещенный лучами утреннего солнца, вызывает благоговейный страх. Гигантские пики тянутся вверх и отбрасывают тени, такие же черные и плотные, как ночь. Настоящее царство ослепительного света и сплошной тьмы, с чудовищными пропастями повсюду и острыми пиками скал. Переход от света к тени сопровождается внезапным резким похолоданием. Холод, кажется, в мгновение ока пронизывает тебя насеквь, и только тепло от аккумуляторов может рассеять его. На обратном пути я тащил нагруженную тележку, оборудованную колесами от вездехода, и ориентировался на сияние нашего Купола, как на маяк, — это единственный живой предмет среди нагромождения мертвых скал. Ни травинки, ни малейшего ростка, ни упавшего листочка. Нет даже песка — только грубый неровный камень. Поначалу этот ландшафт всем представлялся ужасным, но теперь его неистовая, строгая и девственная суровость кажется даже прекрасной! Тем не менее вернуться в Купол — настоящая радость. Но после воспоминаний о холодах пережитой ночи еще большую радость испытываешь, когда видишь, как приборы показывают постоянный мощный поток энергии от солнечных батарей.

15 июня. Сегодня истекает наш второй год на Луне. Мы полагали, что именно в этот день отправимся домой. Искореженные останки эвакуационного корабля все время напоминают об этом — словно дразнят нас. Его обследовали не раз, но ничего полезного найти не удалось. Взрыв уничтожил все.

Теперь возникла необходимость поиска материалов для изготовления стекла. Наши запасы кончаются, а для солнечных элементов требуется кварцевое стекло.

Мур и Толмен сделали конденсационный аппарат, который собирает воду из воздуха, проходящего через фильтры: из этой воды при электролизе также выделяется кислород и водород.

Опять украли часть продуктов. Удивительно, что никто не видел этого, поскольку свет горит теперь постоянно. Однако люди очень устают на работе.

16 июня. Ирония судьбы! Райс, пытаясь найти кварц, обнаружил какие-то прозрачные кристаллы. Он принес их в Купол и сказал, что найденных залежей хватит на долгое время. Будь это кварц, мы бы радовались как дети. Но выяснилось, что перед нами алмазы, причем многие из них оказались больше моего кулака. Для нас они в высшей степени бесполезны, потому что их невозможно обрабатывать. Кварц найти не удалось. Гора гипса, несмотря на усилия наших горняков, уменьшается. Зато постепенно увеличивается давление кислорода в баках.

Меня заинтересовала психологическая подоплека наших посиделок у круглого стола. В последнем рассказе космический корабль прибыл на Плутон, где исключительно холодно, зато запасы энергии на корабле безграничны. Кислород на Плутоне имеется в виде ледников, и его можно с легкостью вырубать топором. Этот рассказ сочинил Кенделл, работающий в гипсовом карьере. Завтра очередь Райса. Он потратит день на поиски кварца. Я предчувствую, что он его не найдет, и тогда посмотрим, какую он придумает историю.

17 июня. Сегодня эвакуационный корабль уже должны были бы заметить с Земли. Графики межпланетных полетов точны, и наше отсутствие наверняка вызывало дискуссию. Деньги для постройки спасательного корабля придется собирать по подписке, всего около трех миллионов. Боюсь, это займет очень много времени. Обнадеживает продолжение работ. Благодаря постоянному наращиванию числа солнечных элементов баки все быстрее наполняются кислородом и водородом. У Рида теперь работают две печи. Гора гипса почти израсходована. Поиски кварца успехом пока не увенчались. Главное, в чем мы нуждаемся более всего, — это энергия, а без кварца невозможно установить электрическое оборудование в гипсовом карьере. Вечером Райс выступал за «круглым столом», и его межпланетные путешественники высадились на «теплом поясе» Нептуна. «Теплый пояс» Нептуна создается

его спутником, представляющим собой сплошной кварцевый шар, действующий подобно увеличительному стеклу и согревающий планету.

18 июня. Лонг сделал еще одно предложение, за которое я готов проголосовать. Деньги на спасательный корабль будут собирать по общественной подписке. Поскольку строительство его займет по крайней мере четыре месяца, а на Земле известно, что запасов у нас всего на один, то люди станут думать, что их деньги пропадут зря. Они ведь не знают, что мы можем получать кислород и воду. Если же послать сообщение о наших новых возможностях, сбор средств пойдет быстрее. План Лонга заключается в следующем. В путь отправляется команда из двенадцати человек, причем все, кроме троих, загружены кислородными баллонами. Эти трое несут небольшую солнечную батарею, мощный портативный передатчик и трансформатор-преобразователь. Через двадцать четыре часа пути шестеро возвращаются, оставив весь кислород, который несли, кроме баллона на обратную дорогу. Остальные шестеро продолжают путь, из них трое по-прежнему налегке, остальные несут баллоны. В конце этого двадцатичетырехчасового перехода трое возвращаются, оставив все баллоны, кроме одного. Они доходят до первой остановки, ночуют здесь и возвращаются в Купол. Оставшиеся трое, те, что шли налегке, спят на второй остановке двенадцать часов, затем берут с собой четыре баллона кислорода и делают бросок к видимой с Земли точке. Все члены экспедиции высказали желание участвовать, и даже Гарнер одобрил этот план. Лонг настаивает на своем обязательном участии, поскольку уже знает путь, причем самый легкий. Группа возьмет с собой более мощный передатчик и имеет гораздо большие шансов на успех.

Второе из сегодняшних важных событий: найдены залежи кристаллического кварца. Мелвилл обнаружил их под аккумуляторной! Причина того, что это не произошло раньше, проста: мы искали где угодно, только не у себя под ногами! Теперь об источнике энергии можно не беспокоиться. Почти таким же одобрительным криком было встреченено открытие, что у нас на сорок фунтов больше протеиновой муки, чем я предполагал раньше. Это добавляет нам три дня жизни.

19 июня. План Лонга одобрен. По его настоятельному требованию он будет проводником. Я назначен старшим, так что скоро смогу бросить первый за два года взгляд на матушку-Землю. Райс будет третьим из тех, кто сделает шаг за границу обратной стороны. Это логично: ведь он специалист по радиосвязи. Начало похода назначено на 9 июля, чтобы у нас в запасе было четырнадцать дней солнечного сияния.

Сейчас середина лунного дня и страшно жарко. Главные аккумуляторы заряжены до предела и отключены. Все новые солнечные элементы отправлены в карьер вместе с аккумуляторами и моторами с вездеходов и несколькими двигателями с корабля. Оказались полезными и алмазы. Из пустых консервных банок выплавили свинец и олово; из старых вездеходных гусениц изготовили пилы с алмазными зубьями. Такая пила режет гипс быстрее и труда требует меньше. Перевозка, однако, по-прежнему остается тяжелым делом.

Электростанция в карьере еще недостаточно мощна — пока требуется энергия аккумуляторов. Новые солнечные элементы исправят это положение.

20 июня. Лунный «полдень» миновал. Горняки теперь обеспечивают работу печей, и Рид начал строить очередную. Ему требуются новые солнечные элементы. Работы продолжаются, как обычно.

21 июня. Новая печь закончена. С нею расходуется больше энергии, чем могут обеспечить уже сделанные солнечные элементы, но вскоре будут готовы дополнительные. Новую систему отопления опробовали: она действует прекрасно! Настолько хорошо, что в Куполе временами было невыносимо жарко. Кислородно-водородное пламя очень горячее!

22 июня. Новая кража в кладовой. Придется придумать нечто вроде сигнализации! Следует отнести к этому со всей серьезностью, потому что наши запасы быстро сокращаются и все мы теряем в весе⁵. Мур экспериментирует с тем, что он называет «съедобными кислотами». Большинство наших людей называют их «акридами». Я сомневаюсь, что мы сможем есть эти вещества, хотя они несомненно способны заменить

⁵ Сильное преуменьшение. Мистер Данкан, когда писал эти строки, весил вместо своих 184 фунтов всего 155.

пищу. Мур создает их непосредственно из воды, двуокиси углерода и азота и заявляет, что они спасут наши жизни.

23 июня. Прошло уже немало времени после лунного «поплудня». По сравнению с предыдущим месяцем мы сможем удовлетворить наши потребности в значительно большей мере. Давление в кислородных баллонах продолжает повышаться. Вода добывается еще быстрее. Готовится новый аппарат для электролиза. Видя, как удается вырвать воздух из этого безжизненного мира, люди чувствуют себя лучше. Даже несмотря на сокращение пищевого рациона!

24 июня. Пропало два фунта сухого молока. Не представляю, как такое возможно! И не могу понять, кто из людей мог это сделать: все энергично работают и не жалуются. К вечеру очень устают. Возникло явное соревнование между бригадой у печей и бригадой, добывающей гипс из карьера. В результате колоссальных усилий, а также благодаря использованию новых машин бригада горняков вырвалась вперед. Рид требует дополнительных солнечных элементов, и мы стараемся его обеспечить. Лонг впервые после своей «смерти» работал вне Купола. Вместе с Райсом он отправился к залежам селенида серебра, и они доставили запас материала. Продолжается подготовка к «прорыву за границу». Лонг уверяет, что сообщение придет в психологически подходящий момент.

25 июня. Сегодня солнце уже совсем низко, завтра оно зайдет. Риду пришлось остановить малую печь, потому что тень от зубцов кратера Гарнера начала закрывать новую солнечную батарею. Мы ее передвинем «завтра», то есть когда наступит следующее лунное утро.

Горняки понесут досадный урон, когда после захода солнца перестанут работать инструменты с электроприводом. По-прежнему существует большая потребность в солнечных элементах, потому что карьер и печи потребляют неимоверное количество энергии. Конечно, на Земле, где дневное светило часто закрыто облаками, такую энергию практически невозможно получать постоянно.

Сегодня обсуждали вопрос о сообщении, которое мы должны отправить, когда доберемся до места. Гарнер обратил внимание на то, что помехи могут исказить послание, и поэтому предложил составить его так, чтобы смысл можно было понять

даже по фрагментам. На мой взгляд, предложение вполне разумное.

26 июня. Теперь снаружи темно. Темно и холодно. Прошло уже два года, а переход от лунного дня к ночи по-прежнему остается поразительным явлением. За каких-то полчаса скалы, сиявшие красным светом, становятся такими холодными, что замерзает ртуть, а углекислый газ (и даже — в течение часа! — кислород) переходят в жидкое состояние. Скорость, с которой замерзают термометры (сначала ртутный, потом спиртовой и, наконец, пентановый), по-прежнему вызывает у нас удивление. Действовать продолжают только металлические термометры. А как хороши небеса, густо усеянные звездами — не блеклыми, неясными пятнышками, как на Земле, а бесконечно малыми отчетливыми точками красного, зеленого, голубого и оранжевого цветов! Величественное зрелище!

Наша бригада, занимающаяся изготовлением солнечных элементов, увеличилась. В штат вошел Толмен, производит требуемые нам химикаты. Запасы, которыми мы располагали, кончаются, и теперь милосердная мачеха-луна обеспечивает нас — насколько позволяет ее щедрость — этими материалами. Луна — это огромные залежи сырья. Богатства ее не поддаются описанию. Возможно, когда-то давно в результате активной вулканической деятельности эти вещества были извлечены из недр наружу, а отсутствие атмосферы стало причиной того, что они сохранились.

Вечером снова были дебаты по поводу сообщения. Я считаю, что это очень важная тема.

27 июня. Обогреватели действуют отлично. Температура поддерживается на нужной отметке, единственная неприятность — постоянный слабый свист, к которому, правда, мы постепенно привыкаем. Райс, ради сохранения своих любимых аккумуляторов, соорудил кухонную плиту, в которой сжигается водород. Уайслер ругал его страшно, заявляя, что он портит бесценный кислород. Тем не менее Райс полон энтузиазма. Уайслер осторожно опробовал плиту, но все же прожег дыру в массивной алюминиевой сковородке — так быстро, что даже не успел убрать ее с огня.

Затем плиту удалось укротить, и теперь она работает отлично. Я согласен с Райсом: аккумуляторы надо сохранять для

освещения и неотложных работ по ночам. Хотя бы на ближайшие пять месяцев — пять лунных ночей. Даже расход энергии на приготовление пищи может полностью вывести их из строя. А без них перестанет действовать наш воздушный шлюз, что будет стоить потеря воздуха, который мы не сможем перекачивать из шлюза назад, в Купол.

28 июня. Работать ночью стало тяжелее. Большие грузы прежде поднимались машинами, но теперь электрические лебедки не действуют, и люди начали жаловаться на слабость. Я боюсь, что им на самом деле не хватает питания. Работающие в карьере некоторое время получали дополнительный паек, поскольку работа горняка требует большей затраты сил.

Начиная с завтрашнего дня те, кому предстоит отправиться к видимой стороне Луны, будут питаться лучше, а трое, которые должны пройти весь путь, получат три четверти полного пайка.

29 июня. Сегодня не работали. Был объявлен день отдыха, названный совсем не в шутку Днем коллапса. Большую часть утра люди провели в дремоте. Всем выдано дополнительное питание. Чувствую сонливость и писать сегодня больнее не расположены.

30 июня. Сегодня работы возобновлены.

Райс оказался просто гением. Ему цены нет! Весь день он провел в работе над одним из вездеходов, для которых не осталось топлива. А вечером, к удивлению наших горняков, приехал на нем в карьер! Он каким-то образом переделал устройство привода клапанов, так что двигатель стал работать на водороде и кислороде. При этом получается чистая вода в виде пара, который конденсируется в специальной емкости. Райса приветствовали крики обрадованных горняков, причем на буксире он приволок двое саней, одни — с двумя баками кислорода и водорода, а на других стоял один из больших моторов, соединенный с генератором. За какие-то полчаса он смог наладить работу всех горных электроинструментов. Нас это очень вдохновило, потому что такое топливо можно получить в дневной период повторным электролизом собранной воды и снова сжечь ночью. Мур присоединился к штату лаборатории. Рида по просьбе химиков отправили в экспедицию для поиска некоторых минералов. Кинг занят другим делом. Я слышал, ему приказали

искать нитраты, так что можно надеяться на создание взрывчатых веществ, которые у нас давно уже закончились.

1 июля. Люди радуются работе электростанции, которая очень облегчает им работу по подъему тяжестей. Правда, включив лебедки, приходится выключать пилы, однако это — не самое страшное в нашей жизни. Райс хотел переделать и второй вездеход, но запасы водорода нам требуются для обогрева Купола. Система отопления работает превосходно, обеспечивая вполне комфортные условия. Увы, экономить водород на ней мы себе позволить не можем. Производство солнечных элементов увеличилось благодаря Толмену, который продемонстрировал, как лучше обрабатывать металл. Теперь мы делаем по двадцать элементов в день — ведь при таком, как сейчас, потреблении электричества в карьере мы должны получать еще больше энергии. Энергия стала нашей дорогой к жизни.

Текст сообщения на Землю сегодня окончательно утвердили. Оно будет звучать так: «Эвакуационный корабль разбился. Кислород из гипса электролизом удовлетворяет потребности. Пища кончается. Помогите». Надеемся, что послание будет принято.

2 июля. Очевидно, вор — настоящий обжора: сегодня украшен шоколад... Куча гипса опять быстро растет. Рид и Кинг вернулись к своей работе. Нужный нам азот был найден, обнаружено и месторождение карбида, который требуется Муру. Бригада печников работает над новой большой печью, перегонным аппаратом и оборудованием для электролиза. Из-за отсутствия воды и атмосферы здесь нет металлических карбидов и нитридов в виде стабильных соединений. Они были бы нам большим подспорьем. Бригады горняков и печников вновь решили затеять соревнование и привлечь к нему изготовителей солнечных элементов. Рид клянется, что когда взойдет солнце, от кучи гипса ничего не останется. Шансы у него есть, поскольку практически все уйдут вместе с нами на два или четыре дня к видимой стороне. Энергии не хватает всем. Рядом с карьером изготавливается аппарат для электролиза, чтобы возобновлять топливо для тамошнего генератора.

3 июля. Лунная полночь. Участники «прорыва за границу» получают большие порции, и я чувствую, как прибывают силы — уже не так быстро устаю при переноске селенида

серебра с карьера. Теперь мы используем невероятное его количество. Тем временем закончены три новые фермы для сборки солнечных батарей.

4 июля. Еще один день отдыха и дополнительный паек для всех. Тем не менее два бака топлива доставлены в карьер. Это последние, которые мы можем выделить, потому что водорода для отопления остается мало. Сегодня закончена еще одна солнечная батарея. Химикаты Мура неприятно пахнут, и вчера он потратил много энергии от аккумуляторов.

5 июля. Подготовлены грузы для экспедиции и обсуждены все мелочи. Я понесу трансформатор-преобразователь, Лонг — солнечную батарею, а Райс — передатчик. Он портативный, но не слишком легкий. Весь последний участок пути мы еще будем тащить четыре баллона. Запахи от экспериментов Мура сегодня еще хуже, чем обычно. Он отказывается что-либо объяснять.

6 июля. Сегодня я был удивлен и серьезно опечален, увидев, как Мур украдкой что-то жует. Не очень верю, что именно он оказался вором, но тем не менее прошлой ночью кто-то опять забрался в кладовую. И действовал весьма осмотрительно, потому что у меня там была сделана ловушка. Выходим через четыре дня.

7 июля Я наблюдал за Муром, и сегодня он снова потратил много энергии для своей установки. Пока она работала, он снова что-то жевал. А вечером сказался больным и не стал есть, что привлекло внимание остальных: во-первых, он не выглядел больным и, во-вторых, когда еды мало, от нее редко отказываются... Мур вручил горнякам несколько плиток взрывчатого вещества и заверил их, что, если температура не очень низкая, оно будет действовать. Благодаря этому можно экономить топливо — отпадает необходимость постоянного использования пил.

8 июля. Ферма солнечной батареи установлена на место, теперь их всего пять, из них три возле карьера и две здесь. В настоящее время в карьер поступает энергия свыше двух тысяч двухсот лошадиных сил все двадцать четыре часа в сутки влечением лунного дня. Ночью вся эта энергия используется в аппаратах электролиза. Без этих машин и взрывчатых веществ, боюсь, добыча гипса стала бы проблемой, потому что люди очень обессилели.

9 июля. Произведен окончательный отбор людей в экспедицию. Гарнер, Мур, Уайслер, Рид, Кинг и Бендер вернутся после того, как будет устроен первый привал и первый склад. Толмен, Хью и Кенделл повернут обратно после второй остановки, в то время как Райс, Лонг и я пойдем дальше. Бедный Мелвилл останется в Куполе один. Спать улеглись необыкновенно рано. Выйдем через три часа после того, как солнце поднимется над горизонтом. Райс, Лонг и я берем термосы с горячим шоколадом. Остальные должны идти вообще без пищи.

10 июля. Остановились у места первого склада. Гарнер, Мур, Уайслер, Рид, Кинг и Бендер возвращаются. Солнце поднялось, и повсюду длинные тени. Мы прошли значительное расстояние безо всяких приключений. Пришлось обойти несколько кратеров, а в один спустились. Его окружали на редкость высокие стены, но Лонг показал нам проход. Внутри этого кратера оказался еще один, меньших размеров. Здесь и будет наш склад. Все эти дни придется попеременно то поджариваться, то замерзать, потому что тени от скал повсюду. Края кратеров — как застывшие языки огня, это настоящий ад, только схваченный морозом, здесь будто даже свет замерзает. Мы готовы выступить.

11 июля. Совершенно обессилены от непрерывной ходьбы и желания уснуть. Будет еще хуже на обратном пути, когда четыре дня придется не спать и практически ничего не есть. У Толмена, Хью, и Кенделла положение еще хуже. Они только что отправились в обратный путь и должны пройти расстояние, которое мы преодолели вместе, без отдыха и пищи. Они не будут спать, пока не вернутся в Купол. А мы будем спать в скафандрах. Позже. Двенадцать часов сна, выпита четверть шоколада, по-прежнему тепло, и мы снова в пути. Величественное зрелище, но любоваться не хочется. Кратер напоминает Большой Каньон в Колорадо, только десяти миль глубиной. Чрезвычайно впечатляет. Но красоты здесь нет, все кажется угрюмым и ужасающим мертвенным. И мы здесь бесконечно одиноки.

Время идти. Четыре кислородных баллона, помимо груза, который мы тащили. Сон освежил нас, пора приниматься за дело!

12 июля. Мы устроили лагерь. Солнечные батареи отдают свою энергию преобразователю-трансформатору и через него

питают передатчик. Проверить его работу мы не можем, потому что приемники в наших скафандрах не принимают эту волну. Однако все, кажется, в порядке. Райс посыпает сообщение в направлении Нью-Йорка. Земля висит над горизонтом, огромный зеленовато-голубоватый шар, вращается медленно и величественно. Она нам кажется прекрасной и знакомой, но очень далекой.

Позже. Снова передаем сообщение, теперь в район Чикаго, используя всю мощность, которой располагаем. Полярные сияния незначительны, поэтому есть надежда.

Все еще передаем. Мощности, похоже, хватает. Будем надеяться, что какая-нибудь станция примет сообщение.

Лонг преподнес нам сюрприз. Он вытащил банку алюминиевой краски и провел на скалах широкую ровную полосу. Затем написал сообщение буквами в десять футов высотой. С горы Паломар могут легко прочесть его. Правда, кроме этой надписи, с горы Паломар видны еще три миллиона сто сорок две тысячи квадратных миль каменистой поверхности. Лонг закончил. Успел написать: «Кислород из гипса, шлите пишу», — на большее не хватило краски. Теперь под нами — или скорее, над нами — Денвер. Теперь Калифорния. Позже мы сможем вести передачу на Гавайи, Филиппины и Японию...

Пора собираться в обратный путь. Райс придумал еще одну интересную вещь. У него с собой оказалось электронное программируемое устройство, способное самостоятельно передавать сообщения на Землю. Питается оно, как и передатчик, от солнечной батареи. Так что передачи сообщения будут продолжаться. Мы уходим. Райс и Лонг возражают, но я приказал возвращаться. Иначе мы потеряем остатки сил, пока доберемся до первого склада, а усталые люди легко могут стать мертвыми: вокруг слишком много возможностей упасть в пропасть.

13 июля. Вернулись ко второму складу. Решили нести с собой еще один баллон кислорода, потому что хотя он и увеличивает груз, но может спасти нас. Только придется медленнее двигаться. Выходим.

14 июля. Первый склад. Мертвецы устали. Удивляюсь, как Лонгу удалось пройти этот путь в первый раз. Доели остатки шоколада. Страшная жажда. Идти еще двадцать четыре часа. Сразу же выходим.

Позже. На расстоянии около сотни миль от Купола произошел несчастный случай с Райсом: упал в трещину. Ошибся в расчете длины прыжка, падал семьдесят футов; сначала его удержала соединяющая нас веревка, но затем ее перерезали торчащие тут и там кристаллы кварца. Что за ирония! Две недели назад он разыскивал такие кристаллы, а сегодня из-за кварца сломал ногу. Думаю, что и рука сильно пострадала, но стекло шлема не разбилось. Благодарение Богу, у него есть запасной кислородный баллон. Райс в сознании — связывался с нами по радио. Лонг останется здесь, а я поспешу в Купол.

Добрался до Купола. Очень устал, но смог поесть и попил немного воды. Тем временем Мур, по-прежнему работающий со своими химикалиями, отправился в карьер, чтобы позвать оттуда людей. Мне придется вести их обратно. Д-р Хью тоже пойдет с нами, хотя вряд ли сможет что-нибудь сделать до тех пор, пока мы не принесем Райса сюда и не снимем с него скафандр. Ташим с собой веревки, блок и крючья, а также кислород.

До Райса добирались пять часов. Он по-прежнему в сознании, но ослаб. Скафандр не поврежден. Бедный Лонг уснул. Райс объяснил, что тот слишком устал, чтобы стоять, а как только сел, сразу уснул. А Райс спать не мог. Люди до него добрались, но вытащить не смогли — он испытывал сильную боль. Тогда д-р Хью спустился вниз по веревкам. Он захватил с собой баллон с гемиоксидом азота для использования в качестве анестезирующего средства. Подсоединил баллон к скафандрю Райса, а когда тот заснул, к дыхательной трубке снова подключили кислородный баллон. Лонг так и не проснулся — только ругался и отмахивался. Его тоже придется нести. Если бы мне не нужно было писать, боюсь, я бы оказался в таком же положении. Наконец двинулись в обратный путь.

15 июля. На обратном пути все-таки уснул. Кенделлу, Кингу и Риду пришлось вернуться, найти и десять миль тащить меня к Куполу. Я проспал почти двадцать часов, но по-прежнему чувствую сонливость.

16 июля. Прошла половина лунного дня, восстановилась привычная рутина каждодневных дел. Перелом Райса не очень опасен, наложены шины. Он работает вместе с нами над солнечными элементами, сидя перед низкой скамейкой, положенной на два стула. За сегодняшний день сделано двадцать

элементов. Гипсовая куча быстро уменьшается. Вода, полученная от нагревателей прошлой «ночью», снова разделена на составляющие; топливо для генератора в карьере тоже получено. В кислородных баках постепенно повышается давление.

Мы задумываемся, успешным ли получился наш поход⁶.

⁶ Как известно, поход был успешным. Они оказались правы: сбор денег на кажущееся безнадежным дело — на спасение уже мертвых людей — шел медленно. Многие ученые заявляли, что добыть воздух на Луне невозможно, и поэтому никто не спешил. Агентства новостей постоянно рассуждали о бедственном положении экспедиции, высказывалось множество предположений: то ли корабль разбился при посадке, то ли при старте к Земле, а может быть, и вовсе улетел в открытый космос...

Сообщение так и не смогли прочесть целиком: казалось, сама судьба против людей, потому что автоматический передатчик вышел из строя через несколько часов работы. Впоследствии экспедицией Терстона в 1994 году было установлено, что жар солнечных лучей расплавил массу, которой был запит преобразователь-трансформатор, и произошло короткое замыкание. Смогли прочесть только часть сообщения: «Эвакуационный... разбился... кисл... од... гип... электролиз... удовлетворяет пот-пищ... помогите». Каждый раз приходило всего по несколько букв.

На Земле сразу начались широкие дебаты. Было почти невозможно понять, что точно означали принятые куски. В конце концов после тщательного анализа решили, что сообщение звучит так: «Эвакуационный (корабль) разбился кисл(ор)од (из) гип(са) электролиз (ом) удовлетворяет пот(ребности) пищ(а) (кончается) помогите». Ученые, еще неделю назад утверждавшие, что на Луне добыть воздух невозможно, бросились объяснять, как именно можно получить кислород из гипса обжигом и электролизом. Поток денег вырос и без этих разъяснений: ведь экспедиция прислала сообщение, доказывающее, что они еще живы. Весьма красочные описания возможных последствий, опубликованные Томасом В. Харди в газете «Сан-Франциско таймс», повлияли на общественное мнение и ускорили сбор средств. Через две недели заказы уже были размещены по предприятиям. Университеты предоставили свои лаборатории и оборудование. Работа двинулась вперед с максимальной быстротой. Компания по производству телескопов в Чикаго пожертвовала крупную сумму, объяснив, что за последнее время резко увеличилась продажа ее изделий, и она считает справедливым направить часть прибыли на спасение экспедиции. А вскоре обсерватории на горе Паломар, в Сиднее и Флекстафе почти одновременно объявили о надписи на лунной поверхности. Снимок, сделанный с Паломара, позволял даже различить контуры передатчика. Факт получения кислорода из гипса подтвердился. Всеобщее возбуждение охватило мир; заводы в пустыне Мохаве оказались в центре всеобщего внимания. Ежедневные сообщения о ходе работ публиковались в печати. А самое главное, были собраны необходимые средства. Их поступило даже больше, чем требовалось. Потом прием прекратили.

17 июля. Мура изгнали из Купола. Он с позором удалился в аккумуляторную. Запах от его газов стал жутким, и вечером люди взбунтовались, тем более что он отказывался объясняться, чем занимается... Сегодня закончена очередная партия элементов, и новая солнечная батарея установлена возле печей. Аккумуляторы полностью заряжены, наполнены емкости системы отопления. В карьере баки также заполнены, но горняки требуют еще. Туда отправлены два дополнительных бака. Они будут находиться в карьере постоянно. Райс жалуется на свою спину, но в конце концов — по его собственному настоянию, поддержанному горняками, — на него надели скафандр, и он принялся руководить реконструкцией второго вездехода. К лунному вечеру машина сможет действовать на полную мощность и даже будет оборудована прожекторами. Словом, мы стараемся обогнать время. Продовольственные запасы все уменьшаются. Порции стали настолько малы, что дальнейшее их уменьшение невозможно.

Кинг в основном занят печами для получения из гипса воды, а работами по электролизу — гораздо меньше. Во время сна, когда печи будут остановлены, он собирается направить всю энергию в несколько больших аппаратов электролиза: это означает несколько сотен фунтов кислорода каждый лунный день.

Удивляет интерес людей к работе других бригад: вечером все сообщают друг другу, насколько средства позволили изготовить отделяемые топливные баки, которые сбрасывались после выхода из атмосферы Земли.

18 июля. Солнце снижается, и солнечные батареи устанавливаются таким образом, чтобы на них до последней минуты не попадала тень. Очередная солнечная батарея будет готова завтра. Под руководством Райса второй вездеход реконструирован для работы на водородном топливе; смонтирован второй генератор. Испытания прошли «на отлично». После того как Мура изгнали в аккумуляторную, воздух в Куполе стал нескованно чище.

Новое покушение на продовольствие. Вор, похоже, прятал добычу — один человек не может съесть так много. Исчезли почти три фунта шоколада. Но при инвентаризации я обнаружил, что сделал ошибку: оказывается, у нас есть еще

пятнадцать фунтов сухого молока, ошибочно обозначенного как «стиральный порошок». Очень приятный сюрприз.

19 июля. Еще одна солнечная батарея смонтирована возле печей, хотя горняки заявляют, что она требуется им для наполнения больших баков. Впрочем, У них достаточно топлива для работы обоих двигателей в течение всей ночи.

Сегодня вечером Райс набросился на Мура: аккумуляторы оказались полностью разряженными, и их пришлось ставить на зарядку. Похоже, Муру требуется больше энергии, чем позволяют аккумуляторы. Он просит выделить ему еще некоторое количество карбидов, обещая взамен взрывчатые вещества.

20 июля. Аккумуляторы Райса снова заряжены. Кинг сообщает о значительных успехах. Водяные баки на северной стороне наполнены до краев. Кислородные баки там же наполнены на три четверти, а опустевшие кислородные баки на южной стороне теперь наполовину заполнены водородом.

Райс высказал авторитетное мнение, что если Мур собирается так же неумно расходовать энергию аккумуляторов в течение ночи, они скоро будут разряжены настолько, что мы рискуем оказаться в темноте. Без света нам придется тут.

21 июля. Очередной рейд на серебряный карьер. И собрана очередная солнечная батарея. Она тоже будет использована для печей — слишком поздняя пора лунного дня, чтобы она могла оказаться полезной у карьера, тем более что баки у них почти полны. Мур сегодня показал серый порошок — якобы взрывчатое вещество. Он лично отнес его в карьер. Вещество оказалось очень даже действенным — оно превратило в пыль гипс на пять футов вокруг и привело к растрескиванию поверхности на огромной площади. Горняки говорят, что оно бесполезно для них, потому что нельзя рассчитать эффект взрыва.

22 июля. Мелвилл затеял новое развлечение: по вечерам он собирается провести краткий курс лекций по астрофизике. Солнце теперь очень низко, завтра около пяти часов оно зайдет. Звезды видимы, конечно, как всегда, но лекции Мелвилл собирается начать завтра.

Кинг собирается прочитать курс по минералогии и геологии, Мур — по химии, я — по физике.

Мур приготовил новую партию взрывчатки, использовав для «оболочки» желатиновые стаканчики из запасов д-ра Хью. Их снабдили электрическими запалами. Эффект довольно хорош: гипс раскалывают на куски запросто. Изобретатель назвал это вещество «мури-том». Мы не стали возражать. Оно представляет собой динитроацетолит в смеси с катализатором. Катализатор — секрет Мура. Для того чтобы выпускать это вещество, ему требуется свой источник энергии! «Лунная электротехническая компания» (неофициальное название нашей группы) перегружена работой. «Лунная горная компания», «Спутниковая гипсоперерабатывающая корпорация» и теперь новая «Компания межпланетных взрывчатых веществ» — все требуют энергии, больше и больше! Временно горная и плавильная пожертвуют часть энергии на приготовление взрывчатки. Кинг заявляет, что от этого горная получит преимущества, а потому должна идти на большие жертвы.

23 июля. Поступление солнечной энергии прекратилось. Обогреватели включены и работают эффективно. Мелвилл прочел вечером превосходную лекцию, заинтересовавшую всех. Завтра бригада плавильщиков присоединится к нам для изготовления элементов.

24 июля. Две силовые установки у карьера позволяют продолжать работу в полную силу. Топлива до рассвета хватит с лихвой.

Мур принялся работать над чем-то новым. Запустил в действие аппаратуру для изготовления взрывчатки. Для получения одного фунта вещества в день ей требуется 400 лошадиных сил круглые сутки!

Сегодня изготовлено беспрецедентное количество элементов — сорок два.

25 июля. Сегодня пятьдесят четыре элемента! При такой производительности ни горнякам, ни плавильщикам не придется делиться энергией с производством взрывчатых веществ.

Вор оставил было нас в покое, но прошлой ночью украл четыре фунта жира, а именно лярда и гидрогенизированного хлопкового масла. Похоже, он столкнулся с моими средствами защиты, но нашел удачный способ справиться с ними.

Вечерние разговоры крутились вокруг нашего сообщения. Интересно, дошло ли оно до Земли?

26 июля. Изготовлено пятьдесят пять элементов! Очевидно, это максимальное количество, которое мы способны сделать. Рейс на селенидный карьер обеспечил нас значительным количеством материала. Люди уже привыкли и хорошо знают эту работу.

Мур потребовал карбидов, нитридов и, если возможно, сульфидов. Он пытался выделить серу из гипса, это трудоемкий и требующий значительной энергии процесс. Кинг сказал, что знает, где имеются залежи сульфида.

Мур теперь работает над чем-то другим, но над чем именно, рассказать отказывается. Согласен, что дурно пахнущие соединения, которые он приготовил, взрывчатыми веществами не являются, но больше ничего не говорит, вызывая у окружающих сильное любопытство. Любая тайна, даже самая незначительная, становится пищей для разговоров. О воровстве речь идет в каждом разговоре, хотя я должен отметить, что непосредственных обвинений не высказывается.

27 июля. Сегодня проведена очередная инвентаризация продовольственного склада: результат довольно удручающий. В связи с тем, что все выполняли тяжелую работу, минимальная порция была установлена в размере полутора фунтов среднекалорийной еды на человека в день. Если мы увеличим механизацию труда, сможем еще чуточку сэкономить. Но люди будут страшно недоедать⁷.

При таких рационах продовольствия хватит до октября.

Я сейчас работаю над конструкцией канатной дороги, но боюсь, что из этой затеи ничего не выйдет, хотя возить нагруженные тележки к Куполу очень тяжело. Предлагалось облегчить эту работу: перевозить вместо тяжелого гипса только кислород, другими словами — производить кислород прямо в карьере. Но это непрактично, потому что выигрыша не получается: тогда встает необходимость перевозить тяжелые баки.

28 июля. Несколько человек заметили: Мур тайком что-то ест. Они считают вором его. Я же убежден, что вор украденное

⁷ Хотя Данкан и не указывает это в своем дневнике, но горняки и печники в дневные периоды получали 24 унции пищи, а изготовители солнечных элементов, исключая Мелвилла и Райса, всего по 20 унций.

продовольствие прячет, а Мур мог жевать что-нибудь вроде резинки. На вине Мура особенно настаивал Бендер.

29 июля. Изготовлено пятьдесят шесть элементов. Это добавит энергии. Сегодня вечером погас свет, и Райс с Бендером занялись поиском причины. Один элемент аккумуляторной батареи развалился на куски и разомкнул цепь. Ощущение от пребывания в таинственной тьме, слегка освещенной лишь пламенем водородных обогревателей, лишил разума нас в том, что без аккумуляторов не обойтись. Вечером Мур прочитал лекцию. Меня она очень заинтересовала, в особенности — рассказ о химизме пищеварительных процессов. Это любопытно, и, если мои предположения верны, скоро мне придется со стыдом вспоминать о своих подозрениях.

30 июля. Сегодня вечером снова погас свет. Райс утверждает, что следующей лунной ночью аккумуляторы работать уже не смогут. Элементы аккумуляторной батареи на пределе, и он уверен, что в этом сыграла свою роль таинственная работа Мура в течение последнего дня. Сейчас Райс пытается соорудить паровой двигатель, чтобы можно было хоть чем-то заменить аккумуляторы. Единственный материал, которым он располагает, это кислородные баллоны с отрезанными краями, которые можно использовать в качестве цилиндров, и консервные банки, обернутые металлическими листами, в качестве поршней. Если такая конструкция будет работать, то Райс — настоящий гений. Я восхищаюсь решимостью этого человека. Он нарисовал с моей помощью чертеж трехцилиндрового двигателя с качающейся шайбой. Это известный, но очень редко применяемый тип машины, он решает проблему коленчатого вала — по словам Райса, самую трудную.

31 июля. Райс работает над своей машиной. Сегодня изготовлено только пятьдесят солнечных элементов.

Свет в Куполе меркнет. Я боюсь, что до рассвета он погаснет совсем. Из кладовой украден сосуд с витаминным концентратом. Вор явно запасает пищу — концентрат и невкусный, и не питательный, но витамины нужно подавать к столу. Люди очень рассержены этим систематическим воровством.

Праздновали сорок второй день рождения д-ра Гарнера — с большим количеством алкоголя.

1 августа. В течение дня свет гас дважды и еще раз после возвращения горняков. Нити ламп накаливания — на вид оранжевого цвета, напряжение упало со 100 до 85 вольт. Райс провел весь день возле своего двигателя, прерывая работу только для ремонта аккумуляторов; он установил специальный размыкатель цепи, хотя один Бог знает, при каком токе аккумуляторы выйдут из строя. Придется использовать батареи от скафандров... Вечером я прочитал лекцию — «Современные представления о пространстве и времени».

2 августа. Я понял, зачем Райс установил размыкатель. Один из элементов взорвался и закоротил сеть. В рабочем состоянии остались немногим более двадцати элементов. Остальные полностью испорчены. Нити ламп едва светятся. Мур сделал калильные сетки, и теперь три водородных обогревателя стали давать немного света. Сегодня собрали всего двадцать два солнечных элемента.

3 августа. Купол очень слабо освещен, работать в нем практически невозможно. Но двенадцать элементов все-таки сделали, после чего люди отправились в карьер. Я помогаю Райсу в работе над его двигателем. Мое восхищение этим человеком все растет. Неужели эта машина будет действовать? Нужно надеяться на это! Очень тягостное впечатление испытываешь вечерами, когда света почти нет, а снаружи — вечная ночь, ужасный холод, нагромождения черных скал и россыпь звезд, которые кажутся далекими и враждебными.

Вор воспользовался темнотой. Устроенную мною хитроумную западню он обошел с удивительным искусством и утащил пять фунтов протеиновой муки — ровно половину оставшегося запаса. Правда, остальное ему пришлось оставить, чтобы не попасть в ловушку. Так что какая-то польза от нее все-таки была.

4 августа. Кругом темные мерцающие тени. Калильные сетки мы больше не применяем, потому что они требуют столько же кислорода, сколько легкие шести человек, а света дают мало и воду после них можно восстановить в очень небольшом количестве. Сегодня элементов не делали. В течение трех часов сидел и следил за кладовой, но больше бодрствовать не смог. Ничего не украдено.

5 августа. Начинают отказывать аккумуляторы скафандров. Люди жалуются, что они быстро разряжаются.

Теперь используются по два комплекта: один комплект полдня заряжается от генератора, второй в это время работает. Видимо, будем вынуждены прекратитьочные работы.

Лекции не было. Сидеть в темноте после трудового дня очень неприятно. Удивительно, как влияет на нас свет!

6 августа. Взошло солнце! Солнечные батареи ожили, энергия потекла, машины зашумели. Печи заработали на полную мощность. Солнце для нас — это жизнь!

Райс продвинулся очень далеко. У меня все больше и больше надежды на него, и у людей тоже, хотя они по-прежнему подшучивают над его двигателем. Это печального вида аппарат — жестяные банки и кислородные баллоны, трубы и сваренные для прочности куски троса.

Изготовлено двадцать два солнечных элемента. Мур работает над взрывчатыми веществами и достиг почти автоматизированного их производства. Кинг принес для него около 300 фунтов сульфидной руды.

7 августа. Я сделал ловушку, которая сработает наверняка. Теперь мы можем поймать вора!

Опробовали в действии взрывчатку Мура. Она удваивает производительность труда горняков, и Кинг с Ридом стремятся поскорее использовать ее. Они уговорили Бендера присоединиться к бригаде Толмена и Уайлера, которые будут делать новую печь.

8 августа. Закончена новая печь, и требуется дополнительная энергия. Я посоветовал собирать воду и пока остановить электролиз. Мурова взрывчатка великолепна! Использовать ее здесь можно очень ограниченно, однако Землю, я думаю, она удивит. Миниатюрная капсула раскалывает скалу так, что практически не требуется дополнительного дробления.

Вор вновь проявил себя. Украл мою приманку. Нам нужно только терпеливо подождать, пока не скажутся последствия этого.

Люди открыто обвиняют Мура, а Бендер — громче всех. Однако четверо обвиняемого поддерживают. Мур в ответ лишь улыбается, а особо настырным заявляет, что жует какие-то химикалии. И по-моему, он не лжет.

9 августа. Двигатель почти собран. Что за странная штука! Не удивлюсь, если она сделает максимум один-два

оборота, несмотря на все усилия, приложенные Райсом. Он припаял поршневые кольца вокруг каждой банки и при помощи гальваники покрыл их слоем серебра. Кислородные баллоны обработаны аналогичным образом.

Собрана и установлена еще одна солнечная батарея. Механизм, который разворачивает батареи в сторону светила, работает с перегрузкой. Райс пришел на помощь — сделал для него электрический усилитель. Нет, Райс — изобретатель от Бога! Если необходимость — это мать изобретений, то у него она сродни матке термитов, откладывающей каждую секунду по яйцу.

10 августа. Мур серьезно болен — заметили вечером. Но он сумел не привлечь к себе внимания. Д-р Хью дал ему рвотное. В моей приманке тоже содержалось рвотное. Вряд ли Муру, если он вор, понадобилась бы вторая порция. Скорее всего вор не он.

Производство взрывчатки теперь полностью автоматизировано, и Мур практически весь день проводит эксперименты. Мы получаем полфунта взрывчатого вещества каждый день. Если выпускать по фунту, это будет прекрасно. Удивительно, сколько всего может сделать человек в столь неблагоприятных условиях!.. Двигатель, в общем, собран. Испытания намечены на завтра.

11 августа. Критики сегодня были посрамлены. Включая меня самого. Машина Райса стала событием дня. Ее можно назвать своего рода двигателем внутреннего сгорания, потому что она приводится в действие сгорающим водородом. Коэффициент полезного действия — почти сто процентов! Когда давление поднялось до расчетной величины, испытания начались. Мы все ожидали страшной вибрации и свиста выходящего пара. Но двигатель заработал ровно — лишь слабая дрожь да тихое шипение. Он даст приблизительно 20 л. с.

Установлена еще одна солнечная батарея для питания печей. Горнякам тоже требуется дополнительная энергия, и следующую батарею получат они. Достаточно теперь энергии и у Мура.

12 августа. Двигатель установили в аккумуляторной, соединив с генератором, в качестве которого использовали электромотор. Аккумуляторы после ремонта и некоторых переделок

будут использоваться для выравнивания скачков напряжения в сети, и это, по мнению Райса, может иметь огромное значение. В случае временного прекращения подачи энергии такое устройство исключительно удобно.

Горняки утверждают, что им не хватит энергии для работы следующей ночью. А Рид заявляет, что им теперь так много и не потребуется — ведь у них есть взрывчатка. Она выпускается теперь в свинцовых стаканчиках. Равнодушна к ударам и открытому огню — взрывается, лишь когда увлажнена и при наличии соответствующего запала. Чудесная штука!

Тем не менее дополнительный запас энергии горнякам обещан.

13 августа. Вор опять проявил себя, и объектом подозрений снова стал Мур. Причина — ссылаясь на болезнь, мало ел за столом и тем не менее сохраняет силы. Однако мне нужны более серьезные доказательства. Я убежден, что Мур — не вор.

В карьере установлен силовой щит и, к общему радости, новая солнечная батарея. Часть энергии теперь постоянно используется для электролиза. Требуется также новый аппарат электролиза, которым занялся Райс. Паросиловая установка испытывалась сегодня в течение десяти часов. Работала превосходно.

На трех санях доставлен новый запас серебра. Его должно хватить на всю ночь. Рынок солнечных элементов приближается к насыщению. Горнякам энергия больше не требуется. Муру ее тоже достаточно. Правда, он сказал, что позже ему может понадобиться больше. Это меня заинтересовало.

Но для печей дополнительная энергия все еще требуется. Горняки, применяя взрывчатку и машины, ушли далеко вперед.

14 августа. Горняки опять жалуются на аккумуляторы в скафандрах. Райс весь день потратил на их ремонт — специально для ночных работ. Это сухие аккумуляторы Реноудса — Вирта, они действуют в любом положении — даже вверх дном. Для их производства требуются мощные гидравлические прессы, которых у нас нет, поэтому изготовить такие аккумуляторы в наших условиях невозможно. Ночные работы придется остановить. Это исключительно серьезно.

Запасов кислорода хватит теперь на три месяца, воды (в том числе для производства кислорода) — на пять. Отдельно хранятся кислород и водород для отопления и для пароси-ловой установки. Мур потребовал очень большие количества карбидов и нитридов. Кроме того, предлагает продолжать изготавление солнечных элементов, потому что «может понадобиться энергия для новых процессов». Я преисполнен надежды.

15 августа. Горняки заканчивают работу на открытом пространстве и начинают работы в туннеле. У нас есть большие запасы цемента. Туннель хотят сделать герметичным и обогревать его ночью, что позволило бы обойтись без скафандров. Стены туннеля планируется покрыть слоем бетона, а внутри создать искусственную атмосферу из чистого кислорода под давлением в три фунта. Утечка будет незначительной, а работа без скафандров пойдет быстрее. Однако для приготовления бетона понадобится вода. В открытой дискуссии горняки убедили всех, что удобнее всего соорудить небольшую печь и аппарат перегонки у начала туннеля, избежав таким образом двойной перевозки... Аккумуляторы скафандров в безнадежном состоянии, с этим Райс согласился и проголосовал «за». Я тоже. Гарнер против, он считает, что при взрывных работах возникнет опасность появления сквозных трещин в скалах и, как следствие, разгерметизации. В ответ горняки предлагают устроить переборки и шлюзы. Это означает, что возникнет потребность в дополнительной энергии. Горнякам придется вечером остановить работу из-за ненадежности аккумуляторов.

16 августа. План строительства туннеля принят. Подготовка идет полным ходом. Рид и Кинг работают над новой печью и аппаратом перегонки. Энергии требуется по крайней мере 1000 л. с. Счастье, что у нас достаточно оставшегося от корабля металла!

Солнце сядет через три дня. Я сделал два рейса на серебряный карьер и вернулся совершенно измотанным. Д-р Хью поставил диагноз — перенапряжение и недоедание. Сам я в этом сомневаюсь, потому что в таких же условиях находятся все.

17 августа. Печь у входа в туннель закончена, и цементирование началось. В условиях космоса — очень трудная работа, но в конце концов цемент требуемого качества был получен. При входе в туннель установили корабельный

шлюз. Фильтры для очистки воздуха изготавливаются двумя механиками и двумя химиками. Остальные работы приостановлены. Вся аппаратура будет сделана из серебра и плавленого кварца, как наиболее доступных материалов. Удивительно, однако открытые нами залежи железа не представляют ценности из-за того, что ближе к Куполу располагаются месторождения серебра, а оно легче обрабатывается. Серебро здесь дешевле железа!

Я взял с собой троих, и мы притащили с серебряного карьера почти шесть тонн «ювелирной руды», но изготовлено сегодня всего 15 солнечных элементов.

18 августа. После ряда экспериментов д-р Гарнер, большой специалист в области ракетного топлива, составил таблицу эффективности для новой взрывчатки Мура в условиях космоса и на воздухе. Перспективы заманчивы.

В туннеле установлены шлюзы, запущены аппаратура электролиза и очистки воздуха, первая секция уже наполнена воздухом. Установлен также обогреватель, и впервые находящиеся вне Купола люди смогли снять скафандры. Утечка воздуха незначительна, и условия работы в высшей степени удовлетворительны. Туннель сразу же облицовывается бетоном, установлены насосы. Чистый кислород при трех фунтах ощущается (но сначала надо привыкнуть!) точно так же, как кислородно-азотная атмосфера Купола при давлении в 15 фунтов.

19 августа. Работы возобновились в прежнем режиме, производительность труда в туннеле несколько увеличилась. Горняки ночью чувствуют себя гораздо лучше и говорят, что работать без скафандров много легче.

20 августа. Снова наступила ночь. Этот пустынный мир наиболее величествен при восходе и закате солнца. Огромный шар в течение часа перемещается на величину своего диаметра. И эта неровная скалистая поверхность, с миллионами кратеров и миллиардами острых вершин, выглядит как мир, созданный из горящих свечей. Каждая острыя вершина сияет на солнце, а у ее основания уже появляется чернота космической ночи.

Включены обогреватели. Горняки сообщают, что в туннеле по-прежнему вполне комфортабельно. Они ведут его вниз, на-

деясь достичь уровня стабильной температуры скальных пород, где она не меняется при смене дня и ночи. Печи остановлены, их бригады присоединились к изготовителям солнечных элементов. Сегодня сделали тридцать семь штук.

21 августа. Сделали шестьдесят элементов. Горняки вне себя от радости и сообщают о быстром продвижении вперед. В туннеле сооружена новая переборка и устроена канатная дорога, которая транспортирует нагруженные тележки туда и обратно, от места работы к шлюзу. Люки в переборке сделаны из листов корабельной обшивки. Их осталось всего пять.

Мур очень сильно, но неопасно болен. У него расстройство желудка, его рвало непрерывно в течение нескольких часов. Кажется, я догадываюсь, чем он занимается. Этот человек — настоящий герой. К сожалению, на Луне нет подопытных морских свинок.

22 августа. Готовы еще шестьдесят элементов. При таких темпах мы сможем быстро обеспечить горняков энергией.

Они уже начинают чувствовать ее нехватку. Решено перетащить к ним один большой бак из Купола. Эти люди несомненно делают огромную работу ради всех.

Двигатель Райса и генератор работают превосходно. Чтобы запустить установку в действие, требуется около десяти минут, а за это время энергией могут обеспечивать аккумуляторы. Ночами горит только одна лампа вместо восьми, как было прежде. Ожидая новых действий со стороны вора.

23 августа. Ожидания оправдались. Он украл четыре фунта яичного порошка. Сделали еще шестьдесят элементов. Сегодня общими усилиями перетащили бак в туннель, и оба двигателя заработали. Туннель хорошо освещен, его гладкие бетонные стены, слабый наклон и нормальная температура вызывают ностальгию. Все настолько напоминает земную станцию метро, что напрочь забываешь о Луне. Даже гравитация представляется нормальной. Психологические штучки!..

Туннель заслуживает персонального имени. По настоянию Кенделла назвали его Таймс-сквер, поскольку он похож на подземный переход возле этой площади.

24 августа. Главный коридор Таймс-сквер решили сделать разделяющимся. Один туннель идет направо и вниз, второй — налево и строго горизонтально. Таким образом,

авария в каком-либо одном туннеле не приведет к гибели всех горняков. Сразу за развиликой поставили переборки. Изготовили еще шестьдесят элементов. А Мур пришел вечером слегка пьяным, но выхлоп был таков, что мы только руками развели. Алкоголем не пахло. Запах, как ничто другое, напоминал шоколад! Мур едва ворочал языком, повторяя: «Лишь один маленький стаканчик». Если он говорит правду (а по-моему, так оно и есть — очень уж у него удивленное выражение лица!), это значит, что опробованное им снадобье покрепче лимонада. Я хотел бы, чтобы он все рассказал.

25 августа. Мур представил собравшимся колбу, в которой содержится 500 куб. см неприятного вида жидкости, пахнущей шоколадом. Он отмерил каждому по 10 куб. см и объяснил, что случайно открыл эту штуку и что именно она стала причиной его вчерашнего опьянения. На вкус жидкость оказалась ужасной, но горла не жгло. Через 30 секунд я был готов перенести Купол и накрыть им карьер, чтобы облегчить работу горнякам. Очевидно, другие чувствовали себя так же.

Надеюсь, Мур откроет не столь чудесное, но более практическое средство... Сегодня снова сделали шестьдесят элементов. Паросиловая установка работает прекрасно, и при свете мы чувствуем себя гораздо увереннее. Свет очень ровный и поступает без перебоев.

26 августа. Рид и Кинг взялись за новую проблему. Они разрабатывают оборудование для изготовления люков к переборкам: решено использовать обычную плавильную печь, плавить серебро и заливать его в формы. При плавке расходуется кислород, но на это придется пойти, потому что без переборок не обойтись. Надо, как минимум еще четыре штуки. В дальнейшем переборки можно будет переносить в рабочую зону оттуда, где опасности больше нет.

Изготовили шестьдесят два элемента. Половина солнечных батарей будет установлена возле туннеля, половина — возле печей. Конечно, до наступления дня плавку производить не будем. Селеновая кислота, которая образуется при обогащении серебра, выполняет роль электролита в аппаратах электролиза. Настоящее безотходное производство!..

К радости Уайслера, ему снова позволили пользоваться электрической плитой. Паросиловая установка дает достаточно

энергии. В наших условиях она имеет стопроцентный коэффициент полезного действия. Та энергия, которая не превратилась в электричество, дает тепло, и поэтому мы меньше пользуемся обогревателями.

27 августа. Изготовлен шестьдесят один элемент. Райс, Бендер и горняки заняты перемещением горных силовых установок — двигателей от вездеходов и генераторов — в туннель. Это сделано по моему предложению. Прежде они размещались снаружи, и тепло от них обогревало космическое пространство.

Благодаря ровному освещению производительность труда при добыче гипса увеличилась — отсутствуют резкие переходы от света к тени. Взрывчатка в воздухе также действует более эффективно. Ядовитых газов от нее нет.

28 августа. Мур сделал заявку на платину! Бедная старая Луна, боюсь, будет потрясена. При всех своих скучных богатствах она и так неизменно щедра к нам. Однако платины здесь, скорее всего, не найти. Тем не менее Кинг и Рид отправились на поиски. Они отсутствовали весь день, в результате мы собрали всего пятьдесят четыре солнечных элемента.

Сегодня день рождения Уайслера, и Мур принес вечером несколько измененный знаменитый ТОМС («только один маленький стаканчик»). На этот раз напиток был темно-розового цвета, с запахом шоколада и сильным лимонным вкусом, однако оказался таким же сильнодействующим, как и прежде. Мур запретил использовать алкоголь, так как эти два напитка несовместимы. Уайслер высоко оценил оказанную ему честь, потому что получил 15 куб. см жидкости. Чуть позже он заявил, что именинника обижают, и выпросил целый стакан. Готовить ужин пришлось мне.

29 августа. Вечером паросиловую установку остановили на полчаса для осмотра на предмет износа. Аккумуляторы не могли обеспечить освещение даже в течение такого короткого времени, поэтому свет оставили только над самим двигателем. Машина оказалась в прекрасном состоянии, и после пуска снова заработала.

Увы, начинает изнашиваться одежда. К сожалению, я крупнее всех остальных и не могу подобрать себе что-нибудь из чужого гардероба. Гарнеру досталось несколько вещей, которые так и не пришло надеть бедному Моррисону. Впрочем, это не

слишком серьезная проблема, поскольку одежда нам требуется редко, разве что скафандры, а для них есть большой запас ремонтных материалов. Больше всего одежда изнашивается у горняков. Платины так и не нашли. Сделали всего пятьдесят пять элементов.

30 августа. Сегодня нанес визит в туннель. Завидую горнякам!.. Туннели ровно облицованы светло-серым мелкозернистым бетоном, и теперь Мур изобретает резиноподобную краску, которая сделает стенки абсолютно герметичными. Свет дают размещенные на потолке лампы. Небольшие тележки канатной дороги снуют туда-сюда. Люки в переборках действуют эффективно и легко открываются. В рабочем конце туннеля, где навалены осколки серого гипса, есть утечка воздуха, но очень небольшая, потому что скала почти сплошная. Для взрывов теперь используются миниатюрные капсулы, каждая из них дает до 50 фунтов осколков. Капсулы безопасны, и работа идет быстро.

Один из коридоров, как я говорил, идет вниз и направо. Спуск довольно крутой, и для облегчения ходьбы в бетоне прорезаны ступеньки. Группа горняков, работающих в левом туннеле, расширила его до просторного помещения и ставит тут бетонные столбы.

В помещении будут смонтированы два генератора и главный распределительный щит. Несколько глыб гипса обработаны так, что могут служить скамьями и даже креслами. Райс сделал для этой группы небольшую печь, и они иногда варят кофе. С момента погружения «во чрево» Луны настроение людей значительно поднялось.

Обогреватели здесь практически не нужны, потому что достаточно тепла дают двигатели. Конденсаторы пара одновременно выполняют роль глушителей, громкого шума почти нет, разве лишь постоянный гул. Двигатели начищены до блеска, а неподвижные части окрашены. Баки для топлива и кислорода установлены над туннелем снаружи, потому что слишком велики. Трубы от баков идут вниз сквозь пробуренные в скале скважины.

Все это было мне очень интересно. Кое-кто хотел вырезать на стенах какие-нибудь изображения, но Мур предложил им цветные краски.

Прямоугольное по форме помещение почти закончено, осталось вырубить один угол. После этого обе бригады снова будут работать в одном туннеле. Масса гипса невероятно велика.

31 августа. Сегодня сделали всего тридцать два элемента, зато Кинг наконец нашел месторождение платины. К сожалению, ее трудно добывать, это редкие маленькие шарики сплава платины, осмия, иридия и палладия. Кинг принес с собой около шести фунтов (земных) этих шариков. Ими теперь займется Мур. Задача чрезвычайно трудна, потому что эти металлы почти нерастворимы. Муру помогает Толмен.

1 сентября. Через два дня наступит рассвет. Гипсовая куча быстро растет. Рид потребовал две трети энергии, объясняя это тем, что горняки работают вдвое дольше — полные лунные сутки, а он только днем. У горняков, однако, есть с нами договор, на выполнении которого они настаивают, и я понимаю, что их претензии оправданы. Рид, впрочем, тоже понимает.

Сделали шестьдесят два элемента. Мур трудится вовсю. К счастью, он располагает всеми необходимыми кислотами, но задача в целом непроста. Для чего же ему нужен платиновый катализатор? Еще несколько дней назад я заметил, что исчезло его обручальное кольцо — оно было из платины. Значит, потребность в ней велика.

2 сентября. Снова появился вор — унес остатки кофейного экстракта. Сделан шестьдесят один элемент. Завтра восход солнца, поэтому все утро — до восхода — будем заниматься сборкой батареи. Мур попросил у горняков две батареи. И хотя те сами нуждаются в энергии, жадничать не стали — заслуги Мура не оплатишь никакими батареями.

3 сентября. Вот и лунный день. Горное производство и печи заработали на полную мощность. Топливные баки быстро наполняются. Паросиловая установка остановлена, и Райс тщательно ее изучает. Запас гипса велик, но построена еще одна печь, и куча стала быстро уменьшаться. Проблема одна — пищи осталось всего на две недели. Даже при теперешних нормах. С сегодняшнего дня паек еще раз уменьшили. По ночам все чувствуют в животе уже привычное жжение. А теперь будем получать и вовсе по одному фунту еды на человека в день.

4 сентябрь. Люди недовольны и отказываются делать новые солнечные элементы, потому что, по их словам, «энергию уже некуда девать». Я мог им только ответить, что максимум энергии означает минимум физической работы. Мур с глазу на глаз известил меня о том, что ему в скором времени потребуется дополнительная энергия и дополнительное количество минералов.

Посетил туннели. Тут прохладно и комфортно, особенно в нижнем. Верхнее помещение полностью заканчено, в нем оборудовали уголок для отдыха. Здесь тоже достаточно прохладно, поскольку до поверхности 200 футов, и вся толща в основном пемза. Нижний туннель проходит на глубине 500 футов под поверхностью скалы и на 300 футов ниже верхнего помещения. Его прокладывают быстро, и он значительно уже. Спускается вниз очень резко. Сегодня начато новое ответвление, идущее к середине скалы, причем без уклона. На развилке сделали небольшое помещение. Переборки устроены довольно далеко друг от друга.

5 сентября. Горняки больше остальных жалуются на слабость и боль в руках и ногах.

Сегодня некоторое время работал в туннеле, а Кенделл отдохнул. Да, у горняков очень нелегкая работа, в особенности тяжело перекатывать непослушные тележки. Дорога в туннеле ровная, но идет с наклоном. К счастью, разработки ведутся в более высоком месте, чем то, где расположены печи. Поэтому груженые тележки мы толкаем под уклон, а пустые тянем наверх. Отходящий в сторону нижний туннель идет теперь строго по прямой.

Лонг, ставший настоящим инженером-строителем, возглавляет горняков. Он хотел, чтобы я принял на себя эту обязанность, но я отказался. Ведь он один знает все тонкости. В конце концов он согласился продолжать руководство и объяснил, что надеется сделать здесь, где нет разницы дневной иочной температур, большое помещение. Тогда и отопление не понадобится. Затем он планирует перетащить вниз двигатели, а потом перенести туда весь наш лагерь. К сожалению, на это мало надежды. Баки и машины так тяжелы, что перетаскивать их нам уже не по силам. Ночью у меня сильно болели мышцы.

6 сентября. Моя догадка оказалась верна! Сегодня Мур раскололся. Он принес Уайслеру кувшин с полулитром густой смелообразной жидкости со своеобразным запахом и попросил, чтобы кок смешал жидкость с обычными продуктами и сварил из всего этого суп. Уайслер так и поступил. Запах оказался довольно мерзкий, а вкус и вовсе ни на что не похожий, но уже после первых ложек мы почувствовали, как возвращаются силы. Мур объяснил, что это исключительно питательная смесь синтетического протеина и жира. Кроме того, в нее добавлено немного стимулирующего вещества, которое он создал совершенно случайно. Однако для производства этой смеси требуется огромная энергия. В течение ночи ему не удастся изготовить новую порцию продукта, потому что мы не в состоянии обеспечить его достаточным количеством энергии.

Теперь Мур старается сделать смесь более аппетитной. Он согласен, что у нее неважный вкус. К тому же она не содержит: витаминов, а наш витаминный концентрат почти закончился. Огромная энергия требуется потому, что для синтеза приходится использовать ацетилен. Его Мур получает из природных карбидов, но для этого требуется проводить ряд сложных и очень энергоемких реакций. На приготовление продукта при двухразовом питании потребуется гораздо больше энергии, чем мы можем сейчас выделить, а еда нужна немедленно. К счастью, можно временно сократить производство воды и кислорода и передать энергию Муру.

7 сентября. Сегодня пища снова была щедро приправлена липкой смолистой жидкостью. Мы все помогаем Муру. Да здравствует наука, с помощью которой горное дело становится источником воздуха и пищи! Человек завоевал этот мерзлый ад и обжил самую негостеприимную территорию, на какую когда-либо ступал. Я верю, что с такими людьми можно обустроить жизнь даже на Плутоне!

Мы уже чувствуем прилив сил. «Продукт» Мура попадает в поток крови так же быстро, как вода, а небольшая добавка стимулятора поднимает дух. Вкус по-прежнему неважный. Уайслер старается улучшить его чесноком, луковым экстрактом, перцем и семенами сельдерея. Туннели почти опустели, все помогают Муру и Толмену. Необходимо изготовить огромные реторты из кварца, и потому в Куполе страшно

жарко: к немилосердно жгучему солнцу прибавилось сильнейшее кислородно-водородное пламя, которое требуется для плавления кварца. Какое счастье, что у нас есть такие запасы водорода!

8 сентября. Сегодня истратили остатки пищевого продукта, приготовленного Муром, но новая аппаратура уже начала действовать, и через день питательная смесь станет поступать непрерывно и в достаточном количестве. Мур разделил весь процесс на три этапа: в одной установке синтезируются простые сахара, вторая превращает часть их в протеин, третья приготавливает жиры.

Солнечных элементов требуется даже больше, чем прежде, и, как только монтажные работы завершатся, люди займутся изготовлением новых элементов для питания установок.

Я не упоминал выше, где смонтирована аппаратура для приготовления пищевого продукта. Из-за того, что аккумуляторная слишком мала, а в Куполе слишком тесно, ее установили в «зале отдыха», как Лонг называет верхнюю пещеру. В дальнейшем мы планируем перенести аппаратуру на более глубокий уровень.

9 сентября. На изготовлении элементов сегодня работали как наши люди, так и печники. Всего сделали шестьдесят девять штук! Чувствуем себя веселее. Большая часть солнечных батарей, что стояли возле Купола, перенесена, они используются для производства пищи. Муру нужна почти вся энергия. Поэтому солнечные батареи перетащили понизе и установили возле туннеля.

Мур сумел изготовить новый углеводный материал — глюкозу. Теперь у нас снова сладкий кофе. Глюкоза получилась прозрачной и чистой, в виде кристаллов. Привкуса она не имеет. Протеин и жиры готовятся дольше: они появятся только завтра. Наши запасы натуральной пищи сократились до нескольких фунтов муки, небольшого количества бекона, бочонка хлопкового масла и шести тюбиков витаминного концентрата. Еще осталось полбанки яичного порошка и четверть банки сухого молока.

10 сентября. Сегодня вечером был роскошный суп. Уайслер нашел банку ароматных специй, которые подавляют любой

привкус. Эта еда несомненно очень питательна. Все мы с удивительной быстротой прибавляем в весе. Д-р Хью говорит, что причина этому — исключительная усвоемость пищи.

Мур сделал удивительное предложение. Он хочет собрать всю нашу изношенную одежду и обещает превратить ее в хлеб. Поскольку вся она сделана из хлопка и льна, легко будет получить крахмал. Оригинальное использование старых тряпок! Я слышал о людях, которые были вынуждены есть свою одежду, обувь, спальные мешки и тому подобное, но далеко не в виде хлеба! Сегодня сделали шестьдесят элементов — хватит на целую солнечную батарею!

11 сентября. Пища значительно улучшилась. Теперь она молочного цвета и почти без запаха, с очень слабым кислым привкусом, как у лимона. Первые предметы нашей старой одежды вернулись к нам в виде крахмала, от которого суп стал гуще. Уайслер раздобыл овощной экстракт красного цвета. В меню он называется «томатное пюре»! Вкус у него, конечно, другой, но все равно приятный, все с этим согласились.

Теперь еды достаточно, и все чувствуют себя лучше. Мысль о том, что у нас есть неиссякаемый источник пищи, воды и воздуха, прямо-таки согревает сердце. Если для постройки спасательного корабля понадобится даже год, мы проживем его благополучно.

Изготовлен семьдесят один элемент. Топливо для паросиловой установки полностью гидролизовано, запасено топливо для двигателей у горняков.

Мур сообщает, что успеет приготовить достаточно питательной смеси, чтобы хватило на всю лунную ночь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ БОРЬБА ЗА ПИЩУ

12 сентября. Сегодня закончена сборка еще одной солнечной батареи, и начала действовать вся аппаратура по добывче кислорода. Куча гипса растет, печники не успевают ее перерабатывать. Горняки продолжают свои работы. Теперь делают большую нижнюю камеру. Она будет 30 футов высотой — вернее, глубиной, потому что роют вниз. Длина составит 100 футов, ширина — 60. Начали пробивать второй туннель, который выйдет на уровень пола. Новую большую печь хотим поставить у карьера — постоянно увеличивающейся системе туннелей требуется все больше кислорода. Несколько пустых баков вскоре будут перемещены сюда из Купола.

Думаю, что Лонг пришел к правильному решению. Производство пищи, горные разработки, аппараты для выделения кислорода, баки — все может быть перемещено сюда. Температура здесь постоянная, такая же, как в глубинах Земли.

Огромный приток тепла в течение дня приблизительно равен его оттоку ночью, а за счет слоя породы температура держится постоянной.

13 сентября. Лонгу требуется еще один бак. Сегодня окончательно решено, что мы перебираемся в туннели. Баки тяжелы, но силы наши почти полностью восстановились, и с помощью лебедок мы в состоянии перемещать такие тяжести. Баки будут установлены в специальном сооружении из пемзы, построенном в тени утеса. Моторы, вентили, разные другие предметы перевозятся на новое место. Великий исход в самом разгаре. Новые солнечные батареи установлены над туннелями, и Рид уже построил четыре печи для обработки гипса.

Большая камера еще не закончена, но, поскольку нет необходимости вывозить наружу добытый гипс, работа значительно ускоряется.

14 сентября. Готова еще одна солнечная батарея. Кроме того, закончена грубая обработка стен большой камеры. Пилы еще продолжают работать, устанавливаются бетонные столбы, для прочности в них использовано серебро. Завтра забетонируем стены. Энергии теперь достаточно, потому что отопление не требуется. Установку Райса тоже перетащили сюда, и ее можно монтировать. Вообще-то для всех силовых агрегатов должна быть вырублена еще одна камера, меньших размеров. Поскольку горные работы все равно должны продолжаться, будет подготовлена и третья камера — для аппаратуры химического синтеза.

15 сентября. Закончена и установлена возле туннелей последняя из необходимых нам солнечных батарей. Аккумуляторы пока находятся в Куполе, и мы по-прежнему спим там. К вечеру будем переезжать. Теперь все работают в Замке — так мы решили назвать систему наших туннелей. Стены большой камеры покрыты слоем цемента и двумя слоями резиновой краски. Развешаны лампы, а бетонные койки только и ждут матрацев и одеял из Купола.

В одной из стен сделана небольшая ниша-альков, а в ней установлена электрическая плита. Тут будет кухня. Свободное пространство в большой камере дает нам ощущение комфорта, которое очень поднимает настроение. Мы продолжаем упорно и с энтузиазмом трудиться. Поскольку производство солнечных элементов прекращено, Мелвилл теперь работает интендантом.

16 сентября. Сегодня перевезли главные аккумуляторы и спальные принадлежности. С этого времени нашим домом стал Замок. А старый Купол превращается в заброшенную хижину. Последние баки для кислорода и воды уже вывезены, они устанавливаются в специальной пещере вблизи поверхности, где температура с помощью термостатов будет поддерживаться близкой к 35 градусам по Фаренгейту.

Я прибавил в весе тринадцать фунтов! Все остальные тоже полнеют. Еды теперь — в изобилии. Мур создал порядочный запас.

Замок закончен. Организована подвозка людей по туннелям, для этого используется одна из тележек, хотя, кроме бригады печников, теперь мало кому требуется выходить наружу.

На случай, если спасательный корабль прилунился, когда

все будут внизу, в Куполе оставлены послания, объясняющие, где мы находимся и как к нам попасть. Лунными ночами покидать Замок мы больше не собираемся.

17 сентября. Снова ночь — но теперь все по-другому! Температура не меняется. Паросиловая установка обеспечивает все наши нынешние потребности в свете и энергии, а завтра будет снова запущен большой двигатель, и начнутся работы по строительству камеры для силовых агрегатов. Наклонный ход будет расширен, и мы перетащим вниз все крупногабаритные механизмы. Труб для подачи топлива у нас достаточно. Хотя машинное отделение будет примерно на семьдесят футов выше нас, силовой щит решено установить рядом с большой камерой. Весь Замок хорошо освещен, и радость от прогулки без скафандра просто невозможно описать. Это все равно что толковать о музыке с глухонемым.

Кенделл, который, помимо всего прочего, еще и художник, с помощью проектора получил на стене изображение местного пейзажа и теперь копирует его красками, которые для него изготовил Мур. Получается превосходно. Кенделл предлагает написать еще несколько таких картин — чтобы улучшить вид голых бело-серых стен.

18 сентября. Температура упала не более чем на одну десятую градуса: обычные термометры такое незначительное изменение даже не фиксируют. Несмотря на отсутствие отопления, здесь вполне комфортно. Работа над камерой для машин потребовала включения больших двигателей, дающих много тепла. Это помещение готово почти наполовину. Каждый помогает здесь чем может. Райс управляет с установкой, нога его почти зажила. Бендер делает канатный привод для тележек, остальные взрывают и грузят гипс, тянут трубы и электрические провода. Установка Райса работает постоянно, обеспечивая энергию для освещения и кухонной плиты. Между прочим, Райс во время строительства потребовал сделать в стене еще одну нишу-альков, назначение которой держал в тайне. Оказалось, она предназначалась для душа. Система уже смонтирована. Вода после мытья стекает в отстойник, фильтруется через гипсовую крошкику, затем идет на получение кислорода: сначала мы моемся, а потом этим дышим. Ничего не пропадает зря! После пыльной работы помыться очень приятно.

Мур постоянно экспериментирует с добавками в пищевую смесь. Сегодня он добился неплохого вкуса — шоколад и чуть-чуть ванили. Введены также добавки кальция, железа и йода с магнием. Каждый день мы становимся сильнее. Хлеб из нашей старой одежды тоже довольно вкусен. Но сырая для него, увы, осталось совсем немного.

19 сентября. Машинное помещение закончено. В нем достаточно места для всех трех двигателей, и даже останутся широкие проходы между ними. В качестве редуктора использован небольшой баллон — это позволило обеспечить более равномерную работу двигателей. Раньше газы под большим давлением направлялись прямо в цилиндры, половина рабочего хода поршня обеспечивалась за счет действия высокого давления, и только потом производилось воспламенение горючей смеси. От этого усиливалась вибрация, и машины быстро изнашивались. Теперь газы расширяются и воспламеняются одновременно. Эффективность использования топлива повысилась, а износ уменьшился.

Паросиловая установка и один из больших двигателей уже установлены. Второй двигатель пока наверху. Продолжаются работы по вырубке помещения для щитовой.

20 сентября. Щитовая закончена, в нее перенесен коммутационный электрощит. Для подключения пришлось на пять минут отключить свет, и наш Замок погрузился в темноту. Он сразу перестал быть домом. Здесь отсутствие света будет переноситься тяжелее, чем в Куполе.

Но вскоре лампы снова вспыхнули, и снова заработала установка Райса. Потом включили двигатель. К вечеру все было перенесено вниз, аккумуляторы установлены в щитовой, а второй большой двигатель тоже занял свое место.

Завтра опять начнутся горные работы.

21 сентября. Туннель повели дальше вниз, отчасти из любопытства — выяснить температурные условия. Едва люди обрели уверенность в пище, воде и воздухе, к ним сразу вернулся исследовательский азарт. Мы тщательно изучили скалы в поисках органических веществ или признаков существования бактерий. Есть следы возможного наличия воды. Подозреваем, что Луна потеряла всю свою атмосферу и воду задолго до того, как сформировалась ее нынешняя

кора. Кора находится в отличном изостатическом равновесии, шансов для геологических открытий мало.

Муру требуется дополнительное количество платины, потому что он намерен полностью автоматизировать свою аппаратуру. Сейчас он работает над расширением базы микроэлементов. Кроме углерода, водорода, окислов серы и азота, которые есть в пищевом составе, нам требуются еще фосфор, калий, натрий и много чего другого. В придачу Мур упорно работает над производством витаминных концентратов. Хью помогает ему.

22 сентября. Перед входом возле печей скопилась большая куча гипса. Для разгрузки тележек приспособлено электромеханическое устройство, так что Замок теперь покидать не требуется вовсе. У нас внутри на удивление комфортабельно. Сейчас чувствуется небольшая прохлада, но ее компенсирует тепло от двигателей, работающих круглые сутки. Люки в переборках к верхнему «залу отдыха» и в коридорах закрыты, и свет погашен, потому что там холодно. При необходимости мы, конечно, в состоянии отапливать и эти помещения. Теперь ночью мы вообще не тратим топливо на обогрев. Я вместе с Ридом и Кингом был сегодня на фосфатных залежах, которые Кинг нашел в прошлом году, — он привез тогда с собой небольшое количество этого материала. Завтра мы собираемся на месторождение платины, а на обратном пути заходим в Купол и возьмем кварца. Несколько человек Кенделл посыпает на серебряный рудник.

23 сентября. Принесли четыре фунта платиново-иридиево-осмие-вой смеси. На Земле это целое состояние, и к прибытию спасательного корабля нам надо собрать побольше подобных материалов. Кроме того, доставлено полтонны серебряной руды и несколько сотен фунтов железной. Для горных работ требуются новые ломы. Несчастный Уилкотт был нашим металлургом, теперь Кинг и Толмен стараются как можно лучше выполнять его работу. Толмен советует получить железо электролитическим способом, а потом, очистив его, сделать сплав. У нас нет хрома, поэтому невозможно получить хорошую нержавеющую сталь, но подойдет и обычная углеродистая. Для прочности можно попробовать добавить немногого серебра.

Мур собрал несколько пачек старой бумаги, кое-какие ненужные книги и деревянные детали из Купола. Обещает использовать их для создания других видов пищи. Хью считает, что мы можем столкнуться с серьезными желудочными проблемами, потому что в нашей синтетической еде полностью отсутствуют шлаки. Она переваривается на все сто процентов.

24 сентября. Горные работы продолжаются. Вечером и во время сна чувствовался холод — мы занимались сбором минералов, и двигатели были остановлены на весь день. Сегодня лучше. Мур хочет расширить лабораторию, а еще лучше — соорудить еще одну, с отдельным силовым щитом. Райс помогает ему автоматизировать аппаратуру. Вся она сделана из сверкающего серебра и кварца. Некоторые трубы, по которым подаются особенно едкие кислоты или щелочи, изготовлены из сплава иридия и осмия. Теперь достаточно открыть подачу ацетилена, и сахар получается автоматически. Мы вырубаем для Мура большое помещение в стороне от основной жилой камеры. К нему будет вести длинный туннель, чтобы температуру в лаборатории можно было регулировать автономно.

25 сентября. Кенделл трудится над картинами. Кое-какие пейзажи получились превосходными. Помещение теперь выглядит удивительно домашним. Неровные лунные вершины, люди в скафандрах на переднем плане, поднимающееся солнце и тени в кратере, где-то сбоку Купол. Здесь, где тепло и легко дышится, очень приятно смотреть на такое.

Кенделл предлагает использовать большую камеру в качестве общего холла, а для сна вырубить отдельные комнаты внизу. Бывает, хочется погасить свет и лечь спать, а другие еще чем-то заняты... Это ограничивает свободу личности и уже вызывало некоторые трения. Поскольку горные работы в любом случае придется продолжать, считаю эту идею прекрасной.

26 сентября. В рекордное время закончили новую лабораторию для Мура. Этим занимались все, механизмы действовали отлично. Технология взрывных работ освоена так прекрасно, что нет никакой нужды в ручном труде. Но один человек должен постоянно находиться у шлюзов и еще один — возле двигателей. Имея достаточно пищи и используя время от времени чудесный стимулятор Мура (кстати, совершенно безопасный

и не вызывающий привыкания), мы все пребываем в добром здравии. Людям, которые не знают, что такое голод и слабость, этого никогда не понять.

27 сентября. Первой вырублена отдельная комната для Мура — в благодарность за его подвиги. Завтра займемся отделкой. Через три дня восход солнца, но мы едва вспоминаем об этом.

28 сентября. Комната для Мура «сдана под ключ». Она оборудована книжными полками, койкой, гипсовыми столом и шкафом. Кенделл наслаждался, рисуя картины на стенах. Комната находится на самой большой глубине, которой мы достигли, — примерно 700 футов. В ней довольно тепло уже сейчас, но на всякий случай предусмотрены электрический и газовый обогреватели. Райс был занят весь день — изготавливал серебряные трубы для газа и серебряную проволоку для электропроводки.

29 сентября. Мур переселился в свою комнату и очень доволен. Комната украшена символическим портретом химика с пробиркой в одной руке и ломтем хлеба в другой; на других стенах изображены привычные лунные пейзажи. К вечеру закончили комнату для Лонга. Как инициатор переселения в недра Луны, он, по моему мнению, заслуживает этого. Кенделл снова занят. Он уверяет, что теперь его работа — настоящий отдых.

30 сентября. Солнце взошло, и обильно потекла энергия. Бригада печников снова занялась гипсом, огромная куча этого материала собрана при разработке большого зала, аппаратной и прочих помещений. Четыре новые печи быстро расправляются с ним. Рид считает, что у нас недостаточно баков, и я с ним согласен.

1 октября. Закончена комната для меня — вероятно, потому, что я возглавлял «прорыв за границу», освоил изготовление солнечных элементов... ну и за другие мелкие заслуги.

Кенделл удостоил меня одной из лучших картин. В этом он теперь настоящий мастер. На картине изображена едва поднимающаяся над горизонтом Земля, озаренная солнцем лунная поверхность и одетые в скафандрьи три человеческие фигуры, замершие возле радиопередатчика и смотрящие на родную планету. Другая картина изображает сцену изготовления в Куполе солнечных элементов.

Для Гарнера будет сделано помещение рядом. Как руководитель экспедиции, он мог бы получить комнату первым, но по его настоянию порядок заселения должны определять реальные заслуги участников экспедиции.

2 октября. Рид попросил, чтобы после окончания комнаты Гарнера строительство жилых комнат было отложено и все приступили к изготовлению бака для воды. Располагая беспрецедентным количеством энергии, Рид быстро наполняет существующие баки. Кое-кто, включая и меня, проводит вечернее время за изготовлением солнечных элементов. Две батареи уже закончены, и Рид получит еще больше энергии. Почти все баки заполнены.

Мур объявил, что ему удалось получить концентрат витамина А. По его словам, это только начало.

3 октября. Закончена комната для Гарнера, и теперь на еще большей глубине ведется вырубка нового большого помещения. Это будет одновременно бак для воды и плавательный бассейн. Для уничтожения бактерий воду решено как можно чаще подвергать электролизу. Объем будущего бассейна очень велик.

4 октября. Рид просит комнату. Печи его остановлены. Куча гипса значительно уменьшилась. Ему пришлось освободить два водородных бака, чтобы использовать их для наполнения кислородом, а вырабатываемый водород выпустить наружу. Это странное зрелище — сияющее облако в ярком солнечном свете, быстро расплывающееся и исчезающее.

5 октября. Работы по вырубке бака-бассейна идут быстро, потому что все заинтересованы в этом. Решено сделать его в виде двух секций: одна — с дном, начинающимся с трех футов и опускающимся затем до десяти; и вторая — большего размера, 40 футов глубиной, 30 шириной и 50 длиной. Вокруг всего бассейна будет «берег» шириной 10 футов, а над ним, в 7 футов, — крыша. Началась оживленная дискуссия о том, как идут процессы испарения при таком низком давлении атмосферы и что значит «плавать» на Луне. В итоге мы сошлись на следующем: испарение вряд ли окажется велико, поскольку атмосферное давление значения не имеет, важно только давление водяных паров; плавание же будет выглядеть довольно

забавно, хотя утонуть здесь можно так же, как и на Земле. Мы здесь легче, но и вода тоже. Сначала заполним более мелкую секцию, благо перегородка позволяет так поступить. Она почти закончена, требуется только покрасить ее резиновой краской.

6 октября. Началось заполнение мелкой секции, а в глубокой еще продолжаются работы. Вода, протекая по длинной серебряной трубе, поступает удивительно быстро.

После восхода солнца температура здесь, внизу, поднялась всего на полградуса, а в зале — на три четверти градуса. Поглощение тепла идет медленнее, чем его излучение.

7 октября. Горяки разделились на две бригады. Одна продолжает заниматься бассейном, вторая вернулась к вырубанию комнат. Бригада печников трудится на поверхности. Печи, за исключением загрузки, действуют автоматически. Райс взял с Купола один из листов обшивки, согнул его в желоб и сделал загрузочную машину, которой пользуется Рид. Цемент теперь хранится снаружи — на солнце — для полного высыхания. Размалываем мы его с помощью электрической дробилки. Прежде цемент измельчали вручную, при этом собирали только пыль.

С беспокойством ждем спасательного корабля. Он должен прибыть за нами в течение ближайших двух месяцев; впрочем, по мнению Гарнера, возможно, он еще в стадии проектирования. На самом деле постройка спасательного корабля уже приближалась к завершению, причем гораздо раньше, чем можно было ожидать. Работы велись с опережением графика. Но, как всегда бывает, в спешке совершилось множество грубых ошибок. Когда сборка корабля была закончена — это случилось в конце ноября, — вдруг обнаружили, что на Земле нет ни одного опытного пилота. И теперь их предстояло обучать на единственном спасательном корабле! Именно поэтому в первую неделю декабря корабль потерпел крушение в пятидесяти милях от пустыни Мохаве. Понадобилось почти две недели, чтобы подвезти к месту катастрофы оборудование, и около полутора месяцев, чтобы закончить ремонт.

8 октября. Помещение бассейна закончено, проведено электрическое освещение. Две очень мощные лампы, помещенные в водонепроницаемые колпаки, установлены в центре глубокой части. Кенделл уже занят делом. Бендер возражает,

указывая, что этот человек тратит энергию, которую можно использовать с большим толком. Гарнер считает, и я с ним согласен, что эффект, создаваемый картинами, стоит этих затрат. Цвет и осознание того, что этот каменистый страшный мир всего лишь картинка, дают (по крайней мере мне) ощущение безопасности. Израсходовали всю натуральную пищу, кроме специй и банки кетчупа. Остатки продуктов добавляли в искусственную еду время от времени, но теперь уже все. Однако голая, то горячая, то морозная луна продолжает нас снабжать пищей из своих скал... Сегодня Мур получил витамин С и добавил его в еду. А еще он приготовил и предложил всем попробовать забавное, серого цвета пирожное. Оно оказалось довольно безвкусным, но не очень отличалось от обычного кекса. Очевидно, Мур изобрел что-то вроде муки. Он советовал пережевывать пирожные не слишком сильно и дал каждому по маленькому кусочку. Хоть и безвкусные, они были встречены с восторгом, потому что привычные супы уже изрядно надоели. После них желудок быстро пустеет. Мы узнали, что в состав пирожных входят размолотая пемза, крахмальная мука, приготовленная из бумаги, дерева и ткани, и пищевой сироп. Не знаю, чего бы я хотел еще. А Рид назвал их «пирожными каменного века».

9 октября. Мелкая секция бассейна заполнена водой, теперь она переливается через перегородку в более глубокую часть. Впервые с тех пор, как мы покинули Землю, наши тела оказались погруженными в воду полностью! Очень интересное ощущение! Вход в бассейн сделан наверху, примерно в 15 футах над поверхностью воды, и вниз идет лестница (серебряная, между прочим!). Мы почти не ныряем, больше держимся на поверхности. Быстрота, с которой мы всплываем или погружаемся, из-за меньшей гравитации весьма отличается от земной. И это непривычно. Вода — соленая, чтобы она могла быть электролитом. Ночью через нее пропускается ток, освобожденные кислород и водород собираются и сжигаются в расположеннном на глубине обогревателе. Бассейн может быть эффективным накопителем тепла.

10 октября. В значительном количестве получен витамин В1. Мур обещает, что вскоре у нас будет вся группа витаминов В.

Мы продолжаем работать над вырубкой жилищ; многие уже вселились в личные комнаты, и в числе последних — Райс. На мой же взгляд, его комната должна была оказаться третьей, поскольку именно изготовленные Райсом машины дали возможность построить эти комфортабельные туннели и комнаты.

Холл сейчас полностью освобожден от коек, в углу стоит большой гипсовый стол, за которым мы едим. Он заменил собой легкий металлический, который качался, когда о нем опирались.

Предполагается возобновление курса лекций. Готовятся слайды и диаграммы. Кенделл оставил на стене зала свободное место, а теперь покрасил его серебряной сусpenзией, и оно вполне может выполнять роль экрана.

11 октября. Установили еще одну солнечную батарею. Энергию ее отдали Муру. Он говорит, что может использовать любую энергию; таким образом, прошлые времена, когда мы делали солнечные элементы, могут вернуться. Сделано несколько ферм для установки солнечных батарей, материал для элементов уже подготовлен.

Мур хочет, чтобы с наступлением ночи, когда выходить наружу будет легче, мы принесли побольше известняка. Пока же он без него переживет. А Райс сделал наконец практический обогреватель для скафандров. Водородно-кислородная смесь, сгорая, нагревает укрепленный внутри скафандра бачок с водой. Двойной клапан регулирует пропорцию смеси, а также величину газового потока. Один из членов выходящей наружу группы носит с собой небольшое ручное магнето. Подключив его к скафандру, поворотом ручки создают искру, которая и зажигает пламя. Это тяжелее, чем аккумулятор, но лучшее из того, что мы можем придумать. Наше последнее ночное путешествие получилось неудачным, потому что мы страшно замерзли, а аккумуляторы стали бесполезны. К сожалению, у нас больше не будет личной радиосвязи.

12 октября. До начала ночи два дня. Плавание после работы хорошо снимает усталость. Закончена последняя из жилых комнат. Солидные гипсовые кресла снабжены покрытием из резиновой краски толщиной в одну десятую дюйма (и такая конструкция не столь уж неудобна, как может

показаться); вырублены книжные полки, койки, украшения на стенах и стулья для посетителей; комната освещена лампой на потолке и напольным светильником (серебряная труба, вставленная в блок из покрашенного резиновой краской гипса). Все это очень похоже на домашнее убранство и придает жилищу комфорт. Честно скажу, мы с сожалением будем покидать это место! Уж я-то точно. Глубокая секция бассейна наполняется водой с удивительной скоростью. Гарнер говорит, что необходимости вести горные работы ночью больше нет, вполне достаточно лунного дня, а ночью можно заниматься научными исследованиями. Мы вернемся к своей старой работе с радостью.

13 октября. В соседней с бассейном комнатке установлен душ — чтобы смыть перед плаванием гипсовую пыль. Гипс не удаляется при электролизе и несколько замутит прозрачную воду. А эта вода для нас более ценна, чем серебро и золото. В глубокой части бассейна уже 3 фута воды. Сегодня мы повели вниз новый туннель, главным образом ради исследовательских целей. Никаких признаков животной жизни. Райс возражает против таких работ, поскольку для подъема гипса машины придется использовать ночью. Он напомнил, что ночью мы теперь не работаем. Хочет сделать автомобиль!

14 октября. Сегодня пополудни началась лунная ночь. Прекратился поток энергии, вода перестала стекать в бассейн. Его стены уже украсились сценами из земной жизни, это единственное помещение в Замке, где есть земные пейзажи, хотя и здесь превалирует Луна. К неудовольствию Кенделла, свободных помещений для его картин больше нет. Установка Райса вряд ли справится с возросшей нагрузкой, когда будет включен свет в длинных коридорах, холме, комнатах и помещениях бассейна. Он занимается проблемой увеличения мощности котла.

Завтра мы снова начнем исследования.

15 октября. Весь день перетаскивали известняк, карбиды, нитриды и фосфаты для производства пищи. Кроме того, доставили кварц и несколько металлических листов от Купола. Он тает, как сугроб под солнцем. Мур извлекает серу из гипса, но не очень успешно. Возможно, эти соединения лежали тут нетронутыми два или три миллиарда лет! Обогреватель Райса эффективен, с ним нетрудно управляться,

хотя он и менее удобен, чем аккумуляторный подогреватель: обогрев неравномерен, так что телу слишком тепло, а руки и ноги мерзнут. Так было приятно вернуться в Замок и отдохнуть в собственной комнате, хорошо освещенной, с обстановкой, напоминающей домашнюю. Мы уже так привыкли к трем фунтам давления кислорода, что не обращаем на это внимания.

Райс попросил нас временно не пользоваться электрическими обогревателями, потому что паросиловая установка не справляется с нагрузкой. Мы не экономим на свете — он дает нам бодрость и спокойствие, но зато расход энергии гораздо больше, чем в Куполе.

16 октября. К вечеру очень устали. Я, Рид и Бендер посетили сегодня расселину Моркотта и снова спустились на самое дно. Тащили с собой почти бесполезные батареи для освещения и исследовали одно из самых глубоких мест. Ничего особо интересного, только нашли образцы, которые, по мнению Рида, являются солями радия или по крайней мере урана. У нас их применить негде, но на Земле они представляют ценность. На то, чтобы спуститься и подняться, ушел почти весь день. Вернулись очень голодными — Муровы супы и пирожные никогда не казались нам такими вкусными.

Райс остановил паросиловую установку и колдует над нею, пытаясь повысить мощность и давление. Поэтому запущен один из больших двигателей.

17 октября. Паросиловая установка снова включена и развивает почти 50 л. с. Райс ее модернизировал: добавил в котел еще одну горелку и повысил давление. В результате увеличилась мощность. Инфракрасные лучи электрических обогревателей быстро согревают озябшие руки и ноги, поэтому иметь дополнительную энергию для этих устройств очень неплохо, хотя вообще тепла нам здесь требуется немного.

Еще раз посетили расселину Моркотта — образцы породы, которые принес с собой Рид, оказались исключительно богаты содержанием урана. Месторождение, похоже, впечатляющее. Неподалеку наткнулись еще и на залежи свинцово-серебряного сплава. Завтра обследуем и другие места. Кажется, по воле слепого случая мы оказались в такой области Луны, которая изобилует минеральным сырьем, или же вся Луна представляет собой

гигантское хранилище разных руд. Алюминий — в изобилии, соединения бериллия рассеяны повсюду, много никеля, железа и кобальта. Несомненно, имея наш Замок, не составляет труда создать здесь базу, которую сама Луна снабжала бы и пищей, и воздухом!

18 октября. Дальнейшие исследования в глубинах расселины выявили возможное наличие золота. Мы не стали тратить время на его поиск: ни я, ни Рид не питаем особого уважения к золоту. Здесь, на Луне, мы научились ценить металлы и минералы, исходя из их полезности, а золото тут абсолютно бесполезно. Бендер, однако, был дико возбужден и хотел непременно заняться поисками. Вместо золота мы принесли с собой значительное количество свинца, потому что он представляет особую ценность. У нас его совсем нет, а теперь мы можем заменить наши бесценные аккумуляторы самодельными кислотно-свинцовыми. Бендера в конце концов убедили нагрузиться вместо золота «высококачественной» рудой, объяснив, что она гораздо дороже. Как он обозлился, когда узнал, что принесенный им металл оказался всего лишь свинцом!

19 октября. Очередная экспедиция в расселину Моркотта: мы взяли сани для транспортировки руды. Рид и я спустились и грузили свинцовую руду в сетку, а остальные поднимали ее наверх, к саням. Рид займется получением свинца из руды завтра. Райс согласился делать аккумуляторы, предложив для изготовления корпусов использовать серебро, покрытое сплавом осмия и иридия. Такие корпуса будут крепче и, в отличие от стеклянных или кварцевых, не расколются. Удивительно, как переворачиваются здесь наши представления. Железо — бесценно, а серебро лишь полезно, поскольку доступно и легко обрабатывается; осмий-иридиум мы замечаем только из-за их сопротивляемости коррозии, а свинец более ценен, чем золото!

20 октября. Сегодня исследования продолжались. Вечером Райс объявил, что первый кислотно-свинцовый аккумулятор заряжается. К вечеру я страшно устал.

21 октября. Прошла половина ночи. Мур ввел в рацион витамины G и F и угостил нас твердым органическим веществом, пропитав его пищевым сиропом. Блюдо оказалось гораздо лучше тех пирожных. Мур уверяет, что это чистое дерево

с частично переваренным мясом и сахаром. Так или иначе, новое изобретение очень питательно.

22 октября. Кенделл напечатал несколько фотографий, снятых во время строительства Замка. Они очень интересны для нас. Были также снимки, сделанные в Куполе, и теперь мы удивляемся, как жили прежде без плавательного бассейна и в такой тесноте. Райс начал втайне от других какую-то работу, вырубив для этого помещение недалеко от вершины гипсового утеса. У него даже есть отдельный шлюз. Энергию, тепло и газы он получает из Замка. Вот такая у него мастерская, частная! Он снял много листов с обшивки Купола, не прибегая к чьей-либо помощи, и мы гадаем, что он там такое делает. Он не говорит, но, если случается проходить мимо, почти весь день можно слышать шум мощного двигателя.

23 октября. Кинг нашел новое месторождение платины недалеко от прежнего. Вероятно, какое-то ответвление жили, но более богатое. К вечеру он принес почти семь фунтов платины. Первую из аккумуляторных батарей будем испытывать завтра.

24 октября. Кинг сделал еще одно триумфальное открытие — нашел очень богатые залежи вольфрама. Он планирует попытаться переработать руду в металл, который требуется Раису. Однако сделать это можно будет только с наступлением дня.

25 октября. Ходили на вольфрамовую разработку Кинга. Неудивительно, что металл этот еще называется «тунгsten» — тяжелый камень. Так и есть на самом деле! Мы, однако, приволокли его почти тонну, причем собранную руками. У нас было с собой несколько капсул с взрывчатым веществом, и оно очень помогло... Завтра Рид и я будем помогать Кингу в строительстве плавильной печи.

26 октября. Печь по выплавке вольфрама закончена и выдала первый образец металла. Для нее требуется изрядное количество электрической энергии, пришлось использовать оба двигателя и энергию из осветительной сети. Металл получается в виде небольших кусков, готовый для дальнейшей обработки.

27 октября. Сегодня новых открытий не было. Экспедиция занималась устраниением белых пятен на карте нашего района (радиусом 250 миль). К вечеру все очень устали.

28 октября. Пришло лунное утро! Возобновилась подача энергии, и полдня, пока солнце поднималось, мы отдыхали. Затем приступили к работам, включая добычу гипса. Однако изготовители солнечных элементов сегодня не работали. По настоянию Райса мы делаем туннель, идущий из верхнего «зала отдыха» к его мастерской. Таким образом, мы будем иметь с ней подземное сообщение. Райс хочет, чтобы был установлен шлюз в верхнем конце туннеля, и напускает на себя очень таинственный вид. За время лунной ночи он изготовил новый инструмент. Это огромная круглая металлическая рама, которую быстро вращает мощный мотор. Рама снабжена несколькими рядами алмазов и вгрызается в мягкий гипс с удивительной скоростью. Затем один заряд взрывчатого вещества — и отпиленная секция отделяется. Остается аккуратная круглая дыра такого размера, каким должен быть туннель. Работа движется очень быстро. Кенделл предложил сделать помещение под библиотеку, раз уж мы все равно должны рыть.

29 октября. Вольфрамовая печь действовала целые сутки, получено несколько слитков. Переработка гипса из-за этой новой работы замедлилась, но струйка воды продолжает течь в бассейн, и почти все топливо, которое было использовано во время лунной ночи, уже восстановлено.

30 октября. Ради того чтобы получить помошь, Райс открыл мне свою тайну. А я тут же объявил своим людям, что снова понадобятся солнечные элементы и работы будет даже больше, чем прежде. Оказывается, Райс строит небольшой челнок для исследовательских целей! В нем поместятся три человека и баки с кислородом и водородом.

По словам Райса, он уже закончил сборку корпуса. Использовал детали от корабля, обшивку и иллюминаторы взял с Купола. Реактивные двигатели он собирается сделать из вольфрама, покрытого сплавом иридия и осмия, что гораздо лучше материала, из которого были изготовлены двигатели «Эксельсиора». Они не будут плавиться и корродироваться. Камера сгорания будет выполнена из сплава на основе вольфрама с добавкой серебра, иридия и осмия. Челнок будет в первую очередь использован для того, чтобы добраться до видимой стороны. Сборка машины быстро приближается к завершению. Мы видим в ней

только один недостаток — использование кислорода и водорода без возможности их восстановления, поскольку реактивные двигатели выбрасывают образовавшуюся воду наружу. Сейчас мы разрабатываем систему управления. По мере накопления вольфрама будет идти монтаж и установка реактивных двигателей.

31 октября. Туннель достиг мастерской. На челноке установлены главные реактивные двигатели — после многих часов тяжелейшей работы с вольфрамом. Печи по переработке гипса снова опережают работу горняков. Воды в бассейне — четыре с половиной фута.

Горняки занялись помещением под библиотеку, которая, пожалуй, будет даже чересчур велика по размерам. Вторая группа ведет от развилки новый туннель, вниз, к склону скального массива.

Сегодня Мур ввел в рацион еще один витамин, и в нашей пище теперь есть практически все необходимое. Использовали остатки дерева из Купола и всю бумагу, так что вскоре наша пища станет полностью искусственной.

1 ноября. Под днищем челнока установили несколько мощных пружин, сделанных из вольфрамистой стали — для облегчения посадки и взлета. Взлет будет вертикальным — действуются нижние двигатели, пока машина не оторвется от поверхности, и лишь затем начинается движение вперед. Кроме того, на челноке установлены несколько тяжелых гироскопов с «Эксельсиора». Мы рассчитываем, что можно будет летать на расстояния в несколько тысяч миль и дальше: ведь достичь орбитальной скорости вокруг Луны очень легко. Но вернуться на Землю, конечно, нельзя. Люди, пытаясь выведать, что мы делаем в мастерской, задают множество вопросов. Мы сейчас заполняем топливные баки, и Рид хочет знать, для чего мы используем столько газа. Аппаратура электролиза снова работает на полную мощность, и в бассейн поступает очень мало воды. Установили тормозные и рулевые двигатели. К ночи монтаж корабля будет закончен. У нас практически все под рукой, поэтому работа идет очень быстро. Библиотека вырублена, и Кенделл принял за работу в ней. Проходка туннеля, ведущего вниз, к склону скального массива, продолжается, и начат еще один туннель, идущий параллельно горизонтальному, но ниже.

В конце его, примерно на 100 футов глубже всех остальных помещений, предполагается оборудовать склад пищевой смеси. Не хочется делать туннели безо всякой цели, поскольку это снова принесет в Замок атмосферу примитивных горных разработок, чего мы всячески стараемся избежать.

3 ноября. На челноке установлены все нижние двигатели и смонтирована система электрического зажигания. Количество топлива — на максимуме. Установлены несколько новых солнечных батарей, и теперь энергетические потребности Замка полностью удовлетворяются. Сделанная Райсом гипсодобывающая машина позволила горнякам обеспечить материалом две печи, и топливо, которым мы заполнили баки челнока, уже компенсировано. В глубокой части бассейна 6 футов воды.

Монтаж челнока завершен, осталось покрасить его, сделать отделку кабины и установить силовой щит. Завтра о корабле будет объявлено. Мура в тайну уже посвятили.

5 ноября. Корабль почти готов и перестал быть тайной. Все страшно заинтересованы. Было решено, что Райс, Лонг и я повторим вылазку на видимую сторону, поскольку Райс сделал машину, я помогал, а Лонг лучше всех знает дорогу. Думаю, его помочь и в самом деле пригодится.

Начали вырубать кладовую, а в конце туннеля, идущего к склону утеса, решено вырубить помещение для новых баков. Старых при достигнутых объемах производства катастрофически не хватает. Новые емкости решено сделать из вольфрамистой стали, заварить швы и проверить все соединения давлением в одну тонну на квадратный дюйм. Всего изготовим два бака, водородный будет вдвое больше кислородного. Наши насосы почти совсем износились, и Райсу предстоит сделать новые, он утверждает, что справится с этим. Придется остановиться на насосах роллаторного типа, как наиболее простых в изготовлении. А вообще-то будущие емкости предназначаются под топливо для челнока.

6 ноября. Челнок полностью оборудован, и завтра будут проведены испытания. После того как люди войдут в кабину, воздух из мастерской будет откачен. Из запасных частей Райс собрал для корабля бортовую радио. Управление челноком возложено на меня, в то время как Райс будет постоянно поддерживать связь с Замком.

Закончена кладовая, ее оборудовали большими банками из кварца. Запасы питательной смеси уже перемещены туда. Мучнистая масса, представляющая собой подобное древесине вещество, из которого Мур готовит свои знаменитые пирожные, также заняла несколько больших банок.

В бассейне к вечеру набралось 7 футов воды. Начаты работы по вырубке помещения для топливных баков; горняки используют новый метод — ведут несколько туннелей одновременно и затем соединяют. Помещение будет 30 футов длины, 30 ширины и 8 в высоту.

7 ноября. Опробовали корабль! Он — выше всяких похвал. Мы трое вошли, закрыли люк, из мастерской был откачен воздух. Ворота открыли и с помощью лебедки челнок вывели наружу, на расчищенную ровную площадку. Сразу за воротами я включил нижние двигатели — на малую мощность. Машина задрожала, стала слегка подпрыгивать на пружинах. Добавил еще мощности, и оторвались от грунта. После включения заднего двигателя быстро развили огромную скорость — только Купол мелькнул сзади. Через полторы минуты, на высоте около десяти миль над поверхностью, я отключил нижние двигатели. Вскоре мы достигли орбитальной скорости, и на высоте пяти миль я выключил и хвостовые двигатели. В это время мы оказались уже далеко за пределами зоны наших исследований. Лонг деловito производил съемку, а Райс разговаривал с Замком.

Я предоставил машине пролететь несколько сотен миль по орбитальной траектории, затем, уже в ночном мраке, включил двигатели, плавно развернул челнок и направил обратно, к Замку. Мы вновь пересекли терминатор и вернулись в зону вечера. Стало ясно, что мы легко сможем достичь видимой стороны. Через три часа после старта мы благополучно совершили посадку, и корабль с помощью троса был втянут в ангар. Из-за того что челнок, несмотря на гироскопы, заваливался чуть набок, посадка сопровождалась резким неприятным снижением.

После обсуждения было решено подождать, пока Луна не окажется в последней четверти по отношению к Земле. Тем временем Толмен произведет очистку магния, смешает его с окислами серебра и сделает порошок, дающий яркую вспышку, — чтобы привлечь внимание Земли. Этой смеси он приготовит примерно 15 фунтов.

Во время полета генератор работал отлично. Однако мы истратили почти 3000 фунтов воды. В следующий раз истратим меньше, потому что теперь я уже освоился с управлением. Впрочем, все считают, что вода была израсходована не напрасно. Баки снова наполнены.

8 ноября. Все взялись помогать в изготовлении солнечных элементов, а также принялись за вырубку хранилища для топлива. Однако Райс и Кинг занимались металлами. На завтра запланирована экспедиция за железной рудой. Корабль внимательно обследовали и нашли его в прекрасном состоянии, разве что слегка обгорели в пламени нижних двигателей посадочные пружины.

9 ноября. Привезли 5 тонн железной руды. Это была очень тяжелая работа; кажется, мы слегка потеряли в весе. Мур увеличил пищевой паек. Выплавка железа начнется завтра и должна быть закончена через два дня, если получится. Железа на самом деле нам требуется не очень много. Установлено несколько новых солнечных батарей.

10 ноября. Камера для баков закончена, теперь все заняты железом. Мы будем работать и по «ночам», потому что солнце светит непрерывно, а если промедлим, это будет означать задержку в две недели. Один час отдыха — во время ужина.

11 ноября. Все выбились из сил. Однако железо с вольфрамом очищены, и сплав изготовлен. Ночь. Теперь наконец спать!

12 ноября. Сегодня продолжалась работа над новыми баками. В помещении для них залит бетонный пол. Баки делаем сферической формы; газы будут храниться в них под давлением в 2 тонны на кв. дюйм! Райс рисует чертежи новых насосов, которые смогут работать при таком большом давлении. Баки решено сварить из восьми секций — этаких «долек апельсина», которые будут собираться уже на месте. Для этого сооружен временный кран. Секции должны выдерживать давление в 3 тонны на кв. дюйм. Сегодня Рид и я провели испытания нашего сплава, состоящего из очищенного электролизом железа, вольфрама и графита. Нашли, что прочность на растяжение вполне достаточна.

Предусмотрены дополнительно диагональные связи между нижней и верхней секциями, они слегка уменьшат объем, но значительно увеличат прочность. Сегодня сделаны 4 секции.

13 ноября. Сегодня сделано 6 секций, и Райс закончил сварку первого бака. Сварка производилась в вакууме — чтобы предотвратить окисление металлов и сократить возможное количество воздушных пузырьков. Работали, естественно, в скафандрах. Завтра Райс, Лонг и я отправляемся на видимую сторону Луны.

14 ноября. Мы готовы к полету. Двери в космос открыты, я управляю членком, двигатели для прогрева включены на очень малую мощность. Взлетаем.

Движемся на орбитальной скорости, за пределами радиосвязи с Замком. Лонг сообщает, что пройдено больше половины пути. Управление не требуется. Мы улетим далеко за границу видимой стороны Луны. Восходит Земля! Огромная голубовато-зеленая сфера, почти полностью освещенная. Виден Атлантический океан и кусок Северной Америки. Ищем место для посадки.

Посадка. Мы находимся в ночной области. Райс ведет передачу в район Нью-Йорка, а Лонг расставляет магниевые факелы. Они будут гореть одну минуту — с такой яркостью, что придется закрывать глаза. Передача ведется уже пять минут. В Нью-Йорке тоже ночь. Лонг собирается зажечь первый магниевый факел.

Ослепительно яркий свет горящего факела заливает все кругом. Когда он погас, Райс снова начал передачу. Содержание следующее: «SOS! SOS! Лунная экспедиция Гарнера. Воздуха достаточно. Пища синтетическая. Немедленной опасности нет. Наблюдайте за магниевыми факелами».

Поскольку мощность почти в восемь раз больше, чем при нашей первой попытке, есть уверенность, что послание дойдет. Над Чикаго облака. Райс повторяет передачу.

Теперь виден Денвер. На борту у нас есть приемник, который может принимать сигналы той же длины волн, на которой мы передаем. Надеемся на ответ. Райс ведет передачу в район Денвера. Вскоре должен зажечься следующий факел. Райс упоминает о нем в сообщении.

Сгорел второй факел.

Приняли ответ! Правда, не полностью, но все приободрились. Первые слова с Земли — спустя более чем два года! Ответ таков: «Сигналы при... ты не полно... спасательный корабль...

строен, но... поврежден при... ремонт... поспешно... наблюдаем ф...лы». Это сообщение повторялось несколько раз, и вскоре мы разобрались в нем полностью. Выяснилось, что спасательный корабль построен, но потерпел катастрофу из-за отсутствия опытных пилотов. Кингсберри и Уилкинс погибли. Это плохая новость, потому что потребуется несколько недель, прежде чем корабль будет восстановлен, и по крайней мере месяц или более, пока кто-то попытается отправиться на нем в космос. Мы заверили, что в течение этого времени будем в безопасности. Сообщили также, что построили небольшой челнок и можем летать вокруг Луны, но покинуть ее корабль не способен. Договорились, что Земля будет наблюдать за этим местом и впредь, ожидая наших следующих посланий.

Райс включил мощный прожектор. С горы Паломар направили на нас двухсотдюймовый телескоп. Мы сделали попытку установить связь с помощью света. Световая связь оказалась более надежной, чем радио! Над Калифорнией удивительно чистое небо. Теперь должен загореться третий факел. Мы выйдем наружу, и они попытаются рассмотреть нас при его свете.

Возвращаемся в челнок и стартуем назад, к Замку. Калифорния исчезает из виду. Лонг связывается с обитателям Замка по радио, со всеми подробностями рассказывает о нашей экспедиции. Очень устали⁸.

⁸ Можно представить себе возбуждение на Земле, вызванное этим неожиданным сеансом связи. По всему миру распространилась весть о том, что оставшиеся на Луне люди живут в комфортабельной системе туннелей, где есть воздух для дыхания и достаточное количество искусственной пищи, воды и газа, и летают на челноке, который сами построили. Объявление об открытиях огромных залежей алмазов, платины, серебра и в особенности урана убедило всех в том, что экспедиция имеет гораздо большую практическую ценность, чем казалось. Многие не могли себе представить огромного значения экспедиции, доказавшей, что Луна — это промежуточная станция для полетов на Марс, Венеру и другие планеты Солнечной системы. В течение следующих трех лет должна была отправиться экспедиция на Марс. Используя Замок в качестве базы, корабль пополнял запасы топлива на Луне, выделяя его из скал. Освобождение от плена земной гравитации означало начало новой истории. Впрочем, Замок уже тоже принадлежал истории. И в то время как тысячи людей смотрели на Луну, ожидая новых сигналов, тысячи других людей посыпали деньги для восстановления поврежденного корабля и для спасения смельчаков. Новость о полном — и очевидном! — триумфе человека в борьбе с суровой и ужасной Луной сама по себе была достаточной, чтобы воодушевить жителей ласковой доброй Земли.

15 ноября. Вскоре после полуночи мы без малейших проблем совершили посадку возле Замка. Сразу же спустились в холл, где нас уже ждали. И хотя люди уже слышали большую часть нашего рассказа по радио, спать отправились только в 1.30. Мы отсутствовали всего один день — вместо семи, что потребовалось для путешествия на видимую сторону в прошлый раз. На весь полет потратили всего 8000 фунтов воды. Подобный расход большого значения теперь не имеет... Не имеет значения и сэкономленное время; гораздо важнее успешные результаты и та легкость, с какой мы предприняли наше путешествие. Теперь у лунных экспедиций не будет тех трудностей, что испытывали мы. Закончили второй водородный бак и приступили к изготовлению кислородного. Челнок снова полностью заправлен топливом.

16 ноября. Д-р Хью и Мур в беспокойстве. Оказывается, все мы понемногу теряем вес, хотя наша еда содержит более пяти тысяч калорий на человека в день — гораздо больше, чем необходимо для нормальной жизнедеятельности. Получены все известные витамины. Не испытываем мы и недостатка в кальции, магнии, железе, йоде, алюминии и прочих микроэлементах. Однако факт потери веса налицо... Мур по-настоящему обеспокоен. Я пожертвовал одной из оставшихся рубашек, Мур собирается приготовить из нее натуральный крахмал. Будем ждать результатов.

Баки закончены, протянуты прочные серебряные трубы. Насосы в стадии изготовления. Несмотря на большое количество электрических моторов, которыми мы располагали, теперь их не хватает, в особенности — мощных. Придется использовать тот, что с помощью троса перемещает тележки. Он будет заменен небольшой паровой машиной. Ее делает Райс. Завтра исследовательская экспедиция из пяти человек отправится к кратеру Лонга. Челнок легко выдержит такой вес, хотя, конечно, будет тесновато. Цель — активные научные исследования. Это тот самый кратер, где мы делали склад во время нашего первого пешего путешествия на видимую сторону. Большой кратер, а внутри маленький... Мы считаем, что внутренний кратер выбрасывал вещества на поверхность с гораздо больших глубин, чем внешний. Челноком буду управлять я. Исследовательскую группу составят Рид, Кинг, Толмен и Бендер.

17 ноября. Вылетели рано утром, цели достигли менее чем за 15 минут. Произвели успешную посадку на относительно ровное плато внутреннего кратера, и работа началась. Кратер этот типично метеоритного происхождения, однако падение метеорита, по всей видимости, случилось много миллионов лет назад. Кратер образовался, когда Луна была еще молодой.

Поиски минералов оказались чрезвычайно успешными. Мы погрузили на борт целую коллекцию руд с незначительной радиоактивностью. Рассчитываем провести определение возраста Луны с помощью анализа во взятых образцах процентного соотношения радия, свинца и урана. Серы тут в изобилии. Кроме того, есть селен, теллур и некоторые фосфорные соединения. Металлических руд попадалось мало, хотя следы золота мы обнаружили.

Затем перелетели примерно на 100 миль — к стене большого кратера. Здесь оказалось множество минералов, включая богатые хромовые и медные руды. Кинг подобрал нечто, что он назвал изумрудом, но, похоже, это просто окрашенный какой-то примесью кварц. Райс закончил изготовление деталей для насосов, но ему нужна ртуть. Завтра отправимся за ней.

18 ноября. Собрали и очистили ртуть. Получилось всего несколько фунтов, но Райсу хватило. После холода на поверхности тепло в Замке кажется особенно желанным!

Насосы собраны. Вечером их установили. Остальная аппаратура для баков еще не сделана, но к рассвету все будет готово. Превращенные в хлебцы рубашки были поданы на ужин. Будем ждать результатов. После еды все чувствуют себя необычайно сонными. Отправляюсь спать.

19 ноября. Исследовательские работы шли, как обычно. Помещение для баков полностью оборудовано, и я теперь помогаю Раису в работе над новой паровой машиной. Сферический котел ее на удивление миниатюрен. К нему пристроены инжектор и конденсатор. Небольшая металлическая спираль быстро доводит воду до кипения. Для тепловой изоляции котел покрыт порошковой пемзой. Специальное устройство включает и выключает подогреватель в зависимости от давления пара. Машина имеет три цилиндра, вращение выравнивается качающейся шайбой; мощность около 440 л. с. Теперь Райс взялся за детали для шести таких двигателей!

Я был чрезвычайно удивлен, когда заметил, что всего за 24 часа люди заметно прибавили в весе! Хью и Мур убеждены, что в натуральных веществах имеется какой-то подобный витамину агент, который влияет на наращивание веса. Очевидно, что искусственное питание обеспечивает наши тела энергией, но не менее очевидно и то, что такая пища не может обеспечить восстановление клеток без помощи этого таинственного агента, имеющегося в обычной еде. Или, к примеру, в той пище, которая создана превращением хлопка в крахмал.

20 ноября. Действие крахмала прошло, люди снова стали терять в весе. Если не будет найден постоянный источник крахмала, то даже при обилии еды мы все равно можем погибнуть! Об этом объявили всем, и люди понесли на переработку рубашки, брюки и прочее. Теперь у каждого осталось только по одному комплекту одежды. На завтра намечен очередной полет к точке связи. Новый двигатель закончен. Райс испытал его, агрегат работает отлично. Собранные еще несколько двигателей, для их эксплуатации не хватает только котлов.

21 ноября. Отправились на видимую сторону ранним утром. Без проблем совершили посадку на прежнем месте. Было видно Атлантическое побережье Северной Америки, и мы начали передавать сигналы с помощью прожектора и по радио. Вскоре удалось установить связь.

Послали несколько сообщений открытым текстом, а в конце — кодированное сообщение, подготовленное Гарнером и адресованное руководству. Нам его повторили с Земли в расшифрованном виде, и оно оказалось принятым верно. Содержание его таково: «Искусственная пища не обладает способностью поддерживать жизнь. Натуральной пищи не осталось. Медленное умирание. Похоже, отсутствует неизвестное, подобное витамину, вещество. Используем хлопок, химически превращаемый в крахмал. Его запасы, почти израсходованы. Присыпать со спасательным кораблем врача».

В следующем сообщении мы предложили реконструировать спасательный корабль так, чтобы на пути сюда он расходовал обычное ракетное топливо, но был бы приспособлен и для использования кислородно-водородной смеси. Таким образом, топливо на обратный полет не требуется. Мы берем обеспечение им на себя!

Надеемся, что корабль вскоре вылетит. Вечером снова ели хлебцы из хлопка.

22 ноября. Исследования остановлены, возобновляются горные работы. Строим большой ангар для ракетного корабля. Он будет расположен в склоне нашего гипсового утеса и снабжен двумя двигателями Райса — для втягивания корабля внутрь. Продолжается также производство солнечных элементов. Сегодня начаты работы по проходке туннеля, ведущего к новому ангару. Наш маленький челнок снова заправлен, он израсходовал всего 8200 фунтов воды. Восход солнца послезавтра.

23 ноября. Закончена солнечная батарея. Туннель начинается от бассейна, его размеры 10 на 10 футов. Чем больше он будет, тем больше получим гипса.

24 ноября. Солнце взошло во второй половине дня. Снова изобилие энергии. Печи продолжают жарить гипс. Новые баки постепенно заполняются; газы, использованные челноком, постепенно возмещаются. Несмотря на все расходы, наполнение бассейна продолжается.

25 ноября. Собрана еще одна солнечная батарея. Давление в новых баках 20 фунтов. Уровень воды в бассейне 8 футов, большая часть добытого за прошлую ночь гипса израсходована. Проходку туннеля ведем со скоростью, достаточной для того, чтобы обеспечить печи. Силовой щит придется переделать, чтобы через него шла энергия от новых солнечных батарей. И по проходке туннелей, и по работе печей у нас заметный прогресс. Аппаратура электролиза работает по ночам, когда мы на местах, а днем функционирует в автоматическом режиме. Очень приятно отключить освещение, когда вы этого хотите. Непрерывное сияние лунного дня надоедает и действует на нервы, а в прохладе и темноте лучше спится. Мы снова начали прибавлять в весе, но запас хлопка уменьшается. И вскоре он подойдет к концу.

26 ноября. Десять с половиной футов воды в бассейне, в новых баках давление 1500 фунтов. Все остальные уже полны. Емкости из-под воды освободились, и насосы накачивают в них кислород и водород. Остался один бак, который при необходимости можно наполнять из бассейна. Он достаточно велик, чтобы его хватило на всю ночь. Работают все

четыре печи. Закончили проходку туннеля и начали вырубать большой ангар. Новое хранилище для газа должно быть сделано поблизости: также поступило предложение, чтобы баком служило само помещение, армированное сваренными металлическими плитами. Механические напряжения при этом будут передаваться непосредственно на скалу. Я думаю, что это разумно, только надо будет хорошенько все рассчитать.

27 ноября. Бендер сегодня очень сердит. Он вспомнил, что 26-го был День Благодарения. Первый раз за три года мы совершенно забыли об этом. Но Мур говорит, что упущенное на-верстаем на Рождество. Он постарается приготовить для нас свои твердые пирожные!

В бассейне 12 футов воды, а в новых баках давление достигло одной тонны, то есть всего в два раза меньше допустимого.

Большое помещение делается новым способом. Наклонный туннель ведется вверх, пока мы не дойдем до потолка будущего помещения, затем туннели пойдут так, чтобы очертить периметр. Тогда нам потребуется вырезать только внутренний блок.

28 ноября. Мур дает нам почти по 7000 калорий в день, и благодаря «витамину жизни» из преобразованного хлопка мы наращиваем вес со значительной скоростью. При этом не похоже, чтобы кишечно-желудочный тракт особенно напрягался — вероятно, потому что пища уже частично переварена. Но теперь закончились остатки одежды. И больше мы выделить не можем. На каждого осталось по одному одеялу, по паре обуви и носков, по одной рубашке и паре толстых брюк. Еще каждый имеет один-два шерстяных предмета да очень грубые парусиновые брюки и суконные рубашки. Но шерсть, по словам Мура, для переработки не годится.

В баках давление — тонна с четвертью, воды в бассейне тринадцать с половиной футов. Все остальные баки заполнены доверху. Хотим накопить достаточно кислорода и водорода, чтобы всегда под рукой было топливо для обратного рейса.

29 ноября. Газохранилище возле ангара вырублено, началась работа по обшивке его металлом. Будут использованы пластины из стали толщиной в полдюйма с добавкой вольфрама и серебра. В промежутки между пластинами и стенами зальем

цемент, который заполнит все неровности и будет передавать давление газа на прочную скалу. Помещение ангара к сегодняшнему дню грубо обработано.

Воды в бассейне 15 футов, давление в новых баках — полторы тонны. После восхода солнца отмечен значительный прирост энергии благодаря ускоренному производству солнечных элементов. Теперь эту бригаду возглавляет Мелвилл.

Мур и Хью большую часть своего времени посвящают работе с остатками органического материала. Делались попытки выращивать плесень на нашей искусственной пище: предполагалось, что это материал органического происхождения, пусть даже противный на вкус. Но Замок оказался абсолютно гигиеничным! Вся привезенная с Земли пища была консервированной или обработанной с целью уничтожения плесени и бактерий. Ничего не удалось найти, за исключением нескольких болезнестворных микробов. Удивительно, даже болезнь порой означает жизнь!

Намечается следующий полет к точке связи — вероятно, с наступлением ночи. А сейчас все слишком заняты.

30 ноября. Шестнадцать с половиной футов воды в бассейне, одна и семьдесят пять сотых тонны давления в баках.

Хью и Мур готовят сообщение о составе нашей искусственной пищи. Оно будет послано на Землю. Может быть, земные ученые смогут предложить какой-нибудь выход. Ситуация гораздо серьезнее, чем мы думали. Хью считает, что у нас не более двух месяцев. Причем нас ждет не простое умирание от голода, а появление множества болезней, связанных с недостатком «витамина жизни». Ну и в довершение это будут не бери-бери, цинга или пеллагра, а нечто другое, неизвестное и потому еще более страшное. Хью пояснил, что для проведения подобных опытов нужны лабораторные короткоживущие животные, такие, как белые мыши и морские свинки. Увы, у нас их нет.

Работы в ангаре заканчиваются, он частично зацементирован. Поскольку гипс нам необходим в любом случае, начали делать помещения для команды спасательного корабля: четыре комнаты, большего размера, чем наши, по две койки в каждой. Правда, ожидается всего четыре человека. Эти комнаты на полпути между холлом и ангаром, на том же уровне, что и наши, но в другом туннеле.

1 декабря. Нам с Мелвиллом пришлось пожертвовать несколькими книгами по физике и астрофизике. Забавный ужин! Мы становимся книжными червями и молью! Мур обещал, что вкус будет необычным.

Четыре печи работают на полную мощность, тележки непрерывно снуют вверх и вниз. Несмотря на загруженность другими работами, Райс сделал четыре новые тележки из металла, который мы очищали. Они гораздо больше в размере и с трудом проходят по некоторым узким туннелям. Давление в баках сегодня к вечеру достигло двух тонн. В новом хранилище закончены сварочные работы и проведена заливка цемента.

Проходка помещений под квартиры спасателей идет быстро, и Гарнер предложил продолжить вырубку дальше — для следующей лунной экспедиции. Ведь наш Замок наверняка будет использоваться в качестве базы. Все равно нам необходим гипс. Решено, что будут вырублены две большие камеры рядом с нынешней кладовой Мура.

Приятно сознавать, что мы готовим Замок для будущего. Думаю, нам нет нужды стыдиться за его архитектуру и оборудование. Райс вполне может гордиться своими двигателями и баками, серебряными трубопроводами и электропроводкой.

2 декабря. Сегодня сделана самая тяжелая работа за все это время. Большой ангар отделен от внешнего мира новым шлюзом. Для ворот использованы листы от Купола. Главная проблема была в петлях, но Райс их сделал. Мур снабдил нас искусственной резиной для герметизации ворот. Теперь они установлены — с помощью множества лебедок. Ворота опробованы: они полностью герметичны. Насос роллаторного типа, приводимый в действие одним из паровых двигателей Райса, будет выкачивать воздух из шлюза за очень короткое время. Позднее мы заменим паровую машину электромотором. Силовой кабель для него уже проложен.

3 декабря. Снаружи солнце «жарит» со страшной силой. Сегодня вечером Кенделл демонстрировал фильм, который начинается кадрами нашего взлета с Земли и заканчивается изготавлением ангара.

Для втягивания корабля в ангар сделана канатная дорога. Площадку снаружи выровняли с помощью взрывов, которые

превратили скалу в нечто вроде гравия. Убирать его не составило большого труда.

4 декабря. Первое хранилище возле ракетного ангара начало заполняться кислородом. В бассейн добавился сегодня только один фут воды. Закончены четыре спальни, и теперь идет вырубка новых кладовых. Кенделл занят росписью новых спален и ангара. После пищи, приготовленной из книг, мы прибавили почти по два фунта.

5 декабря. Сегодня во второй половине дня зайдет солнце. Объявлено, что закончена облицовка металлом хранилища 1-Н, и оно готово к использованию. Хранилища с обозначением Н («водород») по размерам в два раза больше хранилищ с обозначением О («кислород»). В баке 1-О давление газа уже 20 фунтов. Начал заполняться бак 1-Н. В бассейне 23 фута воды, и в глубину теперь приятно смотреть. Лампы, включенные на дне, заставляют воду сверкать, словно огромный драгоценный камень. Это все для нас! Мысль и труд, воплощенные в живительной влаге, многое значат.

6 декабря. Кенделл закончил украшать ангар. На одной из стен появились две картины: одна изображает вид из космоса на Землю после взлета, вторая — перед посадкой на Луну. Это прекрасные картины, но первые его работы кажутся нам более интересными.

Закончены камеры рядом с кладовой. Приступаем к вырубке новых спален и лабораторий, которые должны быть размещены в коридоре, начинающемся от дальней стены холла. Вход в проектируемые помещения решено — к неудовольствию Кенделла — сделать в одной из его картин. Размер коридора — тоже 10 футов.

7 декабря. Уже вечер, и мы вернулись в Замок. Наш маленький членок безотказен. Осуществили посадку в точке связи в такое время, чтобы нас увидели из Восточной Европы. Потом перед нами прошли вся Европа и Атлантический океан. Назад отправились, когда были еще хорошо видны Калифорния и часть Тихого океана.

Связь осуществлялась с помощью нового прожектора, гораздо более мощного, чем прежний. Одновременно использовалась радиосвязь. Длинные сообщения передавали дважды, и потом еще раз — для корректировки. Наибольшие трудности

встретились при передаче сложных химических формул Мура. Мои не слишком основательные знания по химии все-таки помогли. Сообщения Хью были нетрудными, но очень длинными, и пальцы Райса после окончания передачи сводило судорогой.

Передали также точное описание нашего Замка, нового ангара, инструкции по управлению силовыми агрегатами. Новый спасательный корабль должен иметь пружинные амортизаторы, как у нашего небольшого челнока. Мы получили точные размеры и все прочие параметры спасателя, в частности — количество требуемого топлива. Земля уточнила наши возможности получения больших объемов водорода и кислорода. Газов потребуется чуть больше того, что у нас уже есть. Договорились, что мы выйдем на связь через две недели.

Вильямсон, ответственный за спасательный корабль, сообщил, что на ремонт и переоборудование уйдет не меньше шести недель, а пилотам, прежде чем они смогут пуститься в путешествие, потребуется не меньше месяца тренировок. Это на две недели больше того времени, что отпустил нам Хью. Надо продержаться дополнительные две недели, но возможно ли это? Было бы глупо отправлять к нам корабль с недоученными пилотами — он может потерпеть катастрофу, и наша смерть будет неминуема. Я взял на себя ответственность заверить Землю, что мы протянем до их прилета. Гарнер одобрил мое заявление, несмотря на все возражения Хью, утверждавшего, что столько нам не продержаться. Нельзя лишать права на жизнь еще четырех людей, которые прилетят на спасательном корабле.

Во время ремонта корабль реконструируют таким образом, чтобы он мог вернуться на чистом кислороде и водороде. Продолжаются горные работы и изготовление солнечных элементов. Еще один из двигателей Райса будет установлен на канатном приводе нового туннеля: предусматривается автоматическое устройство, которое заменит человека, занимающегося подключением тележек то к одному, то к другому канату. Над этим трудятся Райс и Бендер. Я уверен, что они справятся... Рид начал работу над новой печью.

8 декабря. Установлен и пущен в действие двигатель канатных приводов. Вечером, незадолго до окончания работ, Райс испытал автомат для крепления тележек, неудачно. Завтра собирается повторить попытку. Новый туннель проложен

уже довольно глубоко, теперь начнется вырубка комнат. Три человека занимаются изготовлением деталей для солнечных элементов.

9 декабря. Устройство для крепления тележек заработало, еще один человек переключился на горные работы. Рид закончил новую печь, в которой нагревательные элементы сделаны из вольфрамистой стали, выплавленной уже здесь. Печь гораздо мощнее любой из четырех предыдущих. Куча гипса растет с удивительной быстротой. Кажется невероятным, что из такого большого количества гипса получается так мало воды.

Сегодня побывали на алмазных копях — нужны новые камни для пил. Притащили целую коллекцию. Райс работает над стальной облицовкой следующих газохранилищ. Кенделл занялся росписью на стенах туннелей. Меня удивляет разнообразие сюжетов. Картины действительно полезны, потому что делают наш Замок похожим на дворец, а не на подземную темницу. Несмотря на использование двух мощных двигателей от вездеходов и паросиловой установки Райса, ночью случаются перегрузки. Закончив текущую работу, Райс займется турбогенератором. Главная трудность состоит в том, что мы располагаем всего двумя большими генераторами, оба используются для пополнения запасов топлива, которое необходимо для полета обратно. Ни один из них не выдержит дополнительную нагрузку. Райс обещает решить и эту проблему.

10 декабря. Райс наконец закончил все сварочные работы в хранилищах. Теперь у нас два кислородных и два водородных «бака», каждый из которых может выдержать давление 3 тонны на кв. дюйм, а если понадобится, то и больше.

Вечером у меня был разговор с Райсом. Он предлагает построить собственную электростанцию. Я посчитал это слишком большой работой, но Райс настаивает на том, что труд — лучший отдых и что не стоит вводить себя в заблуждение, будто нам больше не понадобится заниматься добычей гипса. Мы легко можем получить чистое железо, он в состоянии сделать серебряную проволоку для обмоток, а в качестве изоляции будут использованы резиновые краски Мура. Не слишком изящно, но, похоже, реально. Видимо, этим стоит заняться. В конце концов наши горные работы отчасти являются спасением от безделья и неприятных мыслей.

11 декабря. Люди согласились с предложением Райса. Все прочие работы будут остановлены, и мы займемся доставкой железа, вольфрама и серебра. Габариты старого помещения для двигателей позволяют установить еще одну машину, только понадобится новая литейная яма. Естественно, в разговоре не упоминалось, что вся эта затея — лишь способ хоть чем-то занять людей.

12 декабря. К вечеру очень устали. Доставили несколько тонн железной руды, другие группы принесли серебро и вольфрам. Мур пожертвовал несколькими своими книгами. «В них нет того, чем я сейчас занимаюсь», — сказал он, словно извиняясь за свой поступок. Книг у нас осталось немного.

13 декабря. Начали вырубать литейную яму. Цель — отлить корпус турбины. Работа идет быстро.

14 декабря. Спасибо Муру и его книгам, мы прибавили по полфунта в весе. Полученный крахмал был подан в виде картофельного пюре. По крайней мере так это называлось.

Сделаны чертежи всего оборудования, проведена подготовка к отливке корпуса турбины. Почти закончена форма для корпуса генератора. Самое трудное, на мой взгляд, изготовить якорь. Катушки возбуждения можно намотать на сплошном металле, но якорь должен состоять из пластин. Пластины получатся довольно толстыми, но мы используем почти чистое железо, которое очень редко встречается на Земле. Размышая, я обнаружил, что никогда прежде не видел абсолютно чистого железа. Оно всегда содержало углерод, или фосфор, или никель — что-нибудь обязательно. Когда наступит лунный день, мы начнем работу. А пока — снова горное дело.

15 декабря. Райс и я занимаемся вытягиванием серебряной проволоки. Вытянутую проволоку пропускаем через резиновую краску и наматываем на бобину. Райс сам вырезает бруски для коллектора. Найти слюду не удалось, поэтому их изоляция является проблемой. Помогающий нам Бендер постоянно качает головой, видя, как мы безо всякого почтения обращаемся с серебром. Я думаю, дай ему волю, он заставил бы нас заняться отливкой серебряных и золотых слитков. Как-то он раздраженно спросил, почему мы не используем золото, а Райс с улыбкой ответил, что у него хуже электрическая проводимость и оно слишком мягкое.

Серебро, между прочим, становится более твердым после добавки небольшого количества сплава иридия и осмия. Этот сплав исключительно твердый, и получить его довольно трудно. Впрочем, для брусков коллектора нам потребовалась самая его малость. И то, когда готовился сплав, все другие работы пришлось остановить, потому что печь потребляет слишком много энергии.

16 декабря. Мур обещал изготовить для изоляции бакелит. Этим решается последняя проблема. Он сказал, что фенол и формальдегид приготовить нетрудно. Бригада горняков закончила вырубку нескольких комнат, и снова для печей готова большая масса гипса. Бригада изготавителей солнечных элементов установила не менее семи новых батарей.

Солнце взойдет через три дня.

17 декабря. Райс упорно пытается сделать хорошие подшипники. Он говорит, что изготовление валов будет самым трудным делом.

Я возвратился в бригаду горняков. Мы снова теряем вес и решили пустить в дело все оставшиеся книги, исключая сохранившуюся еще литературу по металлургии, поскольку специалистов в этой области среди нас нет. Будет сделана последняя попытка «взять вес», как говорит Хью.

18 декабря. Полученный из книг крахмал был подан сегодня вместе с обильной едой. Восход солнца завтра во второй половине дня. Тогда же мы снова получим крахмал. Практически нашим запасам — конец. Собраны и заперты даже простыни и полотенца! Это напомнило мне о воре, укравшем осенью столько продовольствия. Я считал и считаю, что вор его спрятал. Интересно, кто был вором и где спрятанное? Между прочим, на днях таинственно исчезло все мыло. Оказалось, его реквизировал Мур. Он представил нам некое искусственное моющее средство и объяснил, откуда взялся странный запах у нашего супа. Завтра мы отправимся к месту связи — Лонг, Райс и я. Надеемся получить полезную информацию. Тем временем остальные займутся металлом. Руду загрузят в печи, будетпущен поток водорода, а полученная в результате реакции вода стечет в коллектор.

19 декабря. Полночь. Мы вернулись с неприятной новостью. Ученые Земли провели исследования и получили

отрицательный результат. Они сказали, что Мур гений (мы это и без них знали!) и что у них были большие трудности с проведением некоторых его реакций. Мур объяснил (я бы сказал — «извинился»), что он может работать в условиях, которыми на Земле не располагают. В общем, все их подопытные животные погибли. Попросили связаться с ними через две недели. Мы так и сделаем. Это все новости, которыми обменялись Луна и Земля. Земля явно заинтересована в нашей работе⁹.

Мы вернулись довольно поздно с множеством посланий, но помохи получили немного. Длинное послание прислала сестра д-ра Гарнера, получил весточку и я — от Лоры¹⁰. Большинство участников экспедиции родственников не имеют. Мур сказал, что в полученных советах полезного немного, а кое-что и вообще чушь собачья. Какой-то его собрат-химик посоветовал разводить грибы. Удивляюсь, почему он не предложил выращивать цыплят? Сейчас мы очень устали. Искусственная пища не дает сил.

20 декабря. Снова устали, но на этот раз от работы по очистке металла для генератора. Металл приготовлен, залит в формы и медленно остывает. Люди трудятся посменно, потому что мы хотим закончить все это до наступления ночи.

21 декабря. Отлиты валы, теперь они охлаждаются. Закаливать будем завтра. Почти весь день занимались очисткой железа для пластин.

22 декабря. Отливаются пластины. Валы готовы, требуется только шлифовка. Райс закаливал их, погружая в бассейн. Для этого он приспособил блок. У Райса уже есть токарный станок, алмазные инструменты и шлифовочные материалы для обработки валов!

23 декабря. Райс обработал валы, пластины закончены. Теперь, после грубой шлифовки, люди покрывают их первым слоем резиновой краски, и выглядят пластины довольно гладкими. Следующая задача будет не из легких. Вместо пресса придется использовать лебедку.

⁹Мягко сказано. На Земле словно взбесились, дрались за информацию, требовали ее. Изобретатели старались исхитриться передать сигнал так, чтобы он обогнул Луну и достиг лагеря. Любая газета заплатила бы за это целое состояние.

¹⁰ Младшая сестра Данкан.

24 декабря. Канун Рождества, но боюсь, праздновать особенно нечего. У нас не осталось никаких натуральных органических материалов, которые хоть сколько-нибудь могли нам помочь. Как я и подозревал, из-за отсутствия жесткости пакет пластин все время соскальзывал. Нам повезло: никто не пострадал, когда пластины разлетались в стороны. Пять попыток не дали результата. Работы остановлены до тех пор, пока не удастся сделать подходящее приспособление. Не имея дерева, мы вынуждены применить металлическую раму. Не имея болтов, вынуждены ее сваривать. А пластины должны быть установлены точно — и даже в этом случае я опасаюсь, что они будут страшно трястись, когда вал начнет вращаться.

Бендеру сегодня крайне не повезло. Наши супы — пусть мне никогда не доведется есть других! — содержат небольшое количество стимулятора, открытого Муром, и тот не раз предупреждал, чтобы стимулятор ни в коем случае не смешивали с алкоголем. Бендер решил, что Сочельник без выпивки не Сочельник. И стащил у Мура немного спирта. Смешение привело к жуткой болезни, сопровождавшейся резким понижением температуры тела и сильной лихорадкой. Бендер был на Мура крайне рассержен. Якобы «тот сделал невозможным празднование Сочельника традиционным способом».

25 декабря. Наше третье лунное Рождество.

Старинные песни в нашем Замке звучат лучше, чем в Куполе. А Мур превзошел себя! На десерт в рождественский ужин было вчетверо, похожее на настоящий желатин, очень приятное на вкус. Правда, оно получилось несколько тверже и на ощупь напоминало резину, но такая пища на столе придала этому событию праздничную атмосферу.

Сегодня как раз был такой случай, о котором говорится: «Мы будем отдыхать и уверены, что нам это нужно!» Практически ничего не делали. Бассейн был переполнен. Кинг сделал из смеси пемзовой пыли и пластика доску для дартса, и половина команды занималась метанием дротиков. Попадать оказалось удивительно трудно. Хоть за два с лишним года мы и привыкли к лунной гравитации, большинство бросало дротик так, как привыкло это делать на Земле. Кинг, естественно, выиграл. Наверное, он тренировался всю неделю, с того самого момента, как сделал доску.

26 декабря. Пластины на месте. Завтра начнем намотку. Я буду руководить этим процессом. Райс собирает турбину и «камеру сжатия», как он ее называет. Рид и Кинг снова у своих печей. В бассейн вода не поступает, потому что сначала нужно наполнить хранилища.

27 декабря. Намотали одну катушку. Спины, руки и плечи болят ужасно. Я считал, что серебряная проволока мягкая — до тех пор пока не попытался плотно намотать ее на катушки! Едва могу держать в пальцах карандаш.

28 декабря. Полюса готовы. Работа пошла легче, потому что мы набиваем руку. Теперь обмотки покрыты пластиковым лаком, идет сушка. Выглядит неуклюже, но внушительно. Отдельная бригада занималась разборкой одной из силовых машин, которые приводят в действие двигатель от вездехода. Вечером втащили раму для нового генератора. Райс поставил собственноручно отлитые подшипники. Для изготовления баббита требуются свинец и олово, так он собрал в Куполе все старые консервные банки. Работа над якорем продвигается.

29 декабря. Генератор собран — за исключением щеточного узла! Установлен и выровнен корпус турбины. Райс настолько неуверен в своих валах, что поставил между генератором и турбиной карданный шарнир, а обе машины укрепил на жестких пружинах. Люди вернулись к горным работам, а я опять в мастерскую к Райсу, где собирается турбина. Мы должны закончить ее до захода, иначе останемся без энергии.

Давление в баках 1-Н и 1-О по 800 фунтов в каждом. При полной закачке должно быть 6000. При полной мощности, когда вся энергия тратится на закачку, давление поднимается на 600 фунтов в день. Но это случается не часто.

30 декабря. Турбина установлена, щеточный узел встроен в генератор и сделана проводка к щиту. Осталось установить камеру сжатия. Испытания намечены на завтрашний вечер. Рассчитываем на 2000 л. с. К сегодняшнему вечеру вся аппаратура на месте, осталась только регулировка. По утверждениям Райса, чтобы получить полное давление в камере сжатия, надо не более полу минуты. И еще 10 секунд — на то, чтобы разогнать генератор до проектной скорости.

31 декабря. В 11 утра были проведены испытания. Понадобилось 25 секунд, чтобы получить давление, а еще через 5 скорость вращения достигла желаемого уровня. Напряжение оказалось впятеро больше, чем мы ожидали. Тогда подключили нагрузку. Скорость машины поначалу замедлилась, но быстро восстановилась, когда система автоматического управления увеличила подачу топлива. Фортуна Райсу улыбнулась: машина работала абсолютно без вибрации и замечательно тихо! При том грубом оборудовании, которым мы располагаем, это была несомненная удача. Постепенно увеличивали нагрузку, и при мощности в 2000 л. с. напряжение оказалось как раз такое, на какое мы и рассчитывали. А после регулировки положения щеток получили 2300 л. с. без большого перегрева. Этот генератор — настоящий подарок судьбы! Был установлен также вентилятор, поддерживающий циркуляцию воздуха внутри помещения; он перегоняет теплый воздух в верхние коридоры, где после захода солнца становится холодно.

1 января 1982 года. Первый день Нового года. Сказать откровенно, я не хотел бы желать себе еще одного такого года. Но в то же время нам есть чем гордиться. И если бы у Хью и Мура были лабораторные животные, мы смогли бы найти и ту неизвестную составляющую живой материи, которой нам так недостает. Но кто мог предвидеть, что нам потребуется проводить биологические эксперименты! День сегодня наполовину праздничный. Были проделаны кое-какие легкие работы (скоро потому, что ими хотелось заняться), но в основном мы вели себя, как дети, забавляющиеся новой игрушкой. Каждый из нас участвовал в постройке нового генератора и каждый знал, что хорошо сбалансированный якорь — результат удачи, а не мастерства. И поэтому новый турбогенератор сегодня работает, а мы отдыхаем. Вот только отдыхать мы, кажется, уже не в состоянии!..

2 января. Возобновлены горные работы. Производительность падает, потому что мы быстро слабеем. Истрачены последние книги и остатки одежды, постельного белья и полотенец. Спим теперь на голых пневматических матрацах. Крахмал получать больше не из чего. Тем не менее сделано было немало, и давление в хранилищах поднялось до 2700 фунтов. В бассейн

поступило не более двух футов — почти вся вода превращается в газы.

3 янвarya. Давление в хранилищах — 3300 фунтов. Продолжаем горные работы и собираем в небольших количествах солнечные элементы. Теперь мы слабеем довольно быстро: большая часть жиров истрачена. Потребляем с пицей огромное количество калорий, но не можем сохранить свой вес. Очевидно, ранее никто не задумывался, как быстро в таких условиях может изнашиваться человеческое тело.

4 янвarya. Завтра собираемся к точке связи, и сегодня отправлюсь на отдых раньше. Совершенно обессилен, хотя особо тяжелой работой не занимался. В хранилищах давление составляет теперь 3800. Остается еще целых 2200 фунтов, допустимых для такого типа баков. Лицо у меня осунулось, а щеки ввалились, как и у всех, кроме Вендора — тот, кажется, переносит нынешнюю ситуацию легче. Наши конечности слегка распухли. Этакая обманчивая видимость здоровья! Носим только шерстяные брюки и шерстяные носки с толстыми резиновыми башмаками. Все это невозможно превратить в крахмал. Порезы и ссадины заживают на удивление медленно, частенько они даже увеличиваются вместо того, чтобы уменьшаться.

5 янвarya. Мы вернулись, но посадка на этот раз оказалась неудачной. Солнце уже село, работали только прожекторы, но я думаю, главной причиной была моя крайняя усталость и сонливость. Посадочные пружины сломались, и слегка поврежден корпус. Острый обломок скалы пробил в нем небольшое отверстие. Райс считает, его можно заделать. Ему будет помогать наименее ослабший — Бендер. Никакой помощи Земля нам оказать не смогла. Они сказали только, что все подопытные животные умерли. Причина якобы неизвестна. Я почему-то думаю, что они причину знают, просто решили не говорить правду¹¹. Так что новостей получили немного.

6 янвarya. Новый генератор как нельзя кстати. Чувствуем себя плохо, если температура падает ниже 80 градусов по Фаренгейту. Приходится устанавливать возле рабочих мест

¹¹ Данкан в своих предположениях не ошибался. Д-р Монро, занимающийся этой проблемой, находился у передатчика, но информацию передать отказался.

мощные обогреватели. Мы все больше механизируем и автоматизируем наш труд. Когда комната, которую сейчас вырубаем, будет закончена, остановим работу до наступления лунного дня. Вероятно, это произойдет завтра.

Теперь у нас достаточно воды, чтобы обеспечить спасательный корабль топливом.

7 января. Закончены горные работы. Полученного материала хватит на два дня работы печей. После этого будет проводиться только электролиз. У нас сейчас достаточно аппаратов электролиза, чтобы использовать всю энергию, которую дают солнечные батареи. Мур заявил, что пищевого сиропа хватит до прилета спасателей, но, когда начнется следующий лунный день, производство будет продолжено. Мы потихоньку идем к голодной смерти, хотя голода не чувствуем — лишь сильную усталость и боль в руках и ногах. А благодаря стимуляторам Мура еще и чувствуем себя вполне счастливыми.

8 января. Гарнер, Хью, Мур и я собирались на заседание в кабинете Гарнера. Я, кажется, не упоминал, что комната руководителя экспедиции соединяется с кабинетом отдельным входом? Вопрос касался Бендера. Он силен и активен, как всегда. Лицо у него нормальное, руки и ноги не распухают. Хью и Мур согласны, что это возможно только за счет естественной пищи, которую он тайно принимает. Гарнер попросил меня понаблюдать за ним и попытаться найти тайник. Все согласились, что именно Бендер крал продовольствие.

Сегодня вечером мне показалось, что он оценивающе рассматривает всех нас поочередно. Бедный Мелвилл как раз читал лекцию по астрофизике. Опасаюсь, что он погибнет первым. Обрубок его ноги сильно распух. А Бендер, боюсь, замышляет недоброе. Чуть позже он перевел разговор на ценность применяемых нами металлов и алмазов. Мы решили, что алмазы не представляют ценности, поскольку — если привезти их на Землю — весь алмазный рынок окажется под угрозой. А вот сплав осмия и иридия был назван самым полезным открытием: говорили о возможности финансирования следующих экспедиций деньгами, которые можно выручить от его продажи.

9 января. Ночью вести наблюдение не получилось. Комната Бендера далеко от моей, ничего не видно. К тому же я сидел в темноте и уснул. Очень устал.

Рядом с Бендером живет Райс, я втянул в это дело его. Мы убеждены, что Бендер прятал украденное продовольствие в Куполе или еще где-то и принес его, когда ходил за серебром. Завтра пошлем его туда снова, и тогда комнату можно будет обыскать.

10 января. Бендер ворчал, отправляясь за серебром, но ему все равно пришлось пойти — ведь он теперь самый сильный из нас. Тщательный обыск в его комнате не дал абсолютно ничего. Помещение слишком голое, чтобы там можно было устроить какой-нибудь тайник. Нарисованные Кенделлом картины целы, и это доказывает, что в стенах ничего не спрятано. Спрятать пищу на себе тоже невозможно. Бендер становится угремым и высокомерным. Райс сообщил, что прошедшей ночью ничего не заметил.

11 января. Бендер вдруг сильно заболел, и я рассказал остальным о «ловушке», которую подготовил для вора осенью: это была большая порция слабительного, которую я попросил у Хью. Мы знаем теперь, что вор — именно Бендер, но не можем ничего сделать. Физически он значительно сильнее нас. Я придумал план, предложу его завтра. Мы должны вернуть продовольствие.

Бендер знает, что мы его подозреваем, но только смеется над нами. У нас ведь нет никакого оружия, кроме ракетниц.

12 января. 10 часов утра. Предложенный план был принят. Райс отключил шлюз, и теперь невозможно войти, пока мы снова не подключим энергию. Бендер в это время был снаружи с двенадцатичасовым, как он думал, запасом кислорода в баллоне. На самом деле кислорода там только на один час. Мы сообщили Бендеру о том, сколько ему осталось жить, и потребовали, чтобы он сказал, где прячет украденное продовольствие.

Он грозит разрушить солнечные батареи. Но у него недостаточно кислорода, чтобы подняться к ним, а потом вернуться к шлюзу.

10.30 утра. Бендер проклинает нас и отказывается сказать, где спрятано украденное, говорит, что не позволит нам отобрать его. Он хочет, чтобы мы погибли, тогда появится возможность нагрузить спасательный корабль драгоценными металлами и объявить все месторождения своей собственностью. В худшем случае он возьмет с собой на несколько тысяч

долларов осмия и иридия. Называет нас дураками за то, что мы собираемся везти обратно приборы, когда можно взять столько драгоценных металлов, что хватит на полудюжину экспедиций. Единственная причина, которая привела его к нам, состоит в том, чтобы получить пай в горных разработках, которые, как он слышал, будут вестись на Луне. Узнав же, что мы хотим передать все эти богатства инвесторам, он начал красть продовольствие в надежде, что переживет всех и сможет подать заявку.

10.45 утра. Кислород кончается. Бендер постепенно слабеет.

10.50. Он сказал, что пища спрятана внутри пневматического матраса, и потребовал, чтобы его впустили. Проверили матрац. Бендер сказал правду. Прошел почти целый час, и, когда открыли шлюз, Бендер уже находился без сознания. Продовольствие передали мне, я его спрятал. Кроме меня, о его местонахождении знают только Мур и Гарнер. Мур говорит, что с помощью своих аппаратов получит больше, чем вложила в это продовольствие природа. Вкусовая ценность продовольствия для нас значения не имеет.

Бендер в неистовстве. Он бросился на нас, когда пришел в сознание. Кажется, он рассчитывал оказаться внутри до того, как потеряет сознание, и отобрать у нас продовольствие. От Бендера надо избавляться. Он представляет опасность.

13 января. Мур творит чудеса. Он взял на переработку всего один фунт пищи, но мы уже прибавили по полфунта каждый. Бендер ходит за мной по пятам. Мне от этого становится не по себе, потому что он гораздо сильнее. Гарнер взял немного еды, когда я увел Бендера в ангар. Это невыносимо.

14 января. Бендер снова нашел продовольствие. Теперь мы не знаем, где оно спрятано, а уйти из Замка он отказывается. Мы должны поодиночке приносить ему пищевой концентрат, потому что он не чувствует себя в безопасности, когда вокруг много людей. Если откажемся, он будет есть спрятанные продукты. Мы в отчаянии.

15 января. Завтра все эти неприятности кончатся.

16 января. Бендер казнен. Райс перемонтировал провода на щите и подвел к нему 5000 вольт. Таким образом, прикосновение к главному рубильнику стало бы смертельным. Затем

с помощью реостата Райс уменьшил яркость освещения, затем увеличил ее, потом снова уменьшил и под конец закричал. Свет по-прежнему горел тускло. Райс лежал на полу, Хью и Гарнер изображали, что оказывают ему помощь, а я пошел звать Бендера, который выполнял обязанности второго электрика. Увидев происходящее, он бросился к главному рубильнику... Похоронили Бендера в полукилометре от Замка. Это была тяжелая работа для нас четверых. Теперь надо найти спрятанную пищу.

17 января. Сегодня нашли продовольствие и восстановили потребление естественной пищи. Мы очень подавлены случившимся. Мелвилл чувствует себя все хуже, и Хью очень боится за него.

18 января. Около двух часов ночи нас разбудил слабый крик из комнаты Мелвилла. Вся его койка оказалась залита кровью, текущей из культи. Хью делал все возможное, чтобы остановить кровотечение, но, едва жгут снимали, кровотечение возобновлялось. Жгут снимать не стали, но Мелвилл потерял слишком много крови. Он умер около 7 часов утра. Ткани, зарастившие рану, во время голодания разрушились. Его похоронили на вершине утеса, над Замком. Всего два дня назад мы несли другого члена нашей экспедиции, человека, который, скорее всего, и виноват в смерти Мелвилла. Тогда мы с трудом справились с этой тяжестью. Мелвилл оказался легким.

19 января. Завтра восход солнца. Больше никаких горных работ. Проводим время, лежа на пневматических матрацах и купаясь в тепле электрических радиаторов. В нас как будто совсем не осталось энергии, но, думаю, вскоре мы должны поправиться. Прибавили по фунту каждый.

20 января. Сегодня во второй половине дня взошло солнце и заработали все аппараты электролиза. Рид, Кинг, Райс и я трудились у печей и израсходовали весь запас гипса. Теперь аппараты электролиза работают только на воде из бассейна. Давление в хранилищах постоянно увеличивается. Украденное Бендером продовольствие почти закончилось, его хватит еще на один прием пищи, а мы поправились всего на два фунта.

Мур прибавил четыре фунта, потому что я давал ему дополнительный паек втайне от него самого. Нам еще понадобится помочь Мура.

21 января. Хранилища 1-0 и 1-Н полны, начала заполняться вторая группа. Восстановлено все топливо, израсходованное в течение ночи. Мур и Толмен пытаются автоматизировать производство пищевого продукта, а я вместе с д-ром Хью и Райсом учимся управлять этими устройствами. Они потребляют огромное количество энергии.

22 января. Сегодня мы были на залежах карбида и принесли почти тонну. Ходили в шестером. Завтра надо доставить нитриды. Я без сил, мышцы страшно болят, сильнейшая сонливость. Все остальные тоже ходят, как в полусне.

23 января. Смогли принести только три четверти тонны нитридов, потому что Кинг на обратном пути упал и, похоже, серьезно пострадал. Идти не мог, пришлось выкинуть часть минералов и положить его на санки.

Нового похода наша команда совершить не сможет — д-р Хью запрещает, потому что наши ноги слишком распухли. Кингу он сказал, что у того разорвана мышца. Действительно, мышца разорвалась пополам. Это очень больно, но сейчас Кингу дали снотворное, и он успокоился. Поврежденная нога, кажется, не действует, и это очень пугает д-ра Хью.

24 января. Сегодня за нитридами ходила вторая команда. Муру и Гарнеру тяжелые работы строго запрещены, а оставшиеся три человека много не принесут. Поэтому я пошел с ними. Хью, Райс, Кенделл и я. Маленькому Кенделлу пришлось туго, но он старался изо всех сил. Вернулись благополучно, с полутонной известняка. Кинг уже проснулся. Осмотрев его, д-р Хью сказал нам, что разорванная мышца полностью исчезла! Самая ужасная форма каннибализма! Тело питается самим собой, любой поврежденный член почти сразу же потребляется голодающими тканями. Кинг говорит, что чувствует себя гораздо лучше. Но нога его теперь практически безжизненна.

25 января. Я оставался сегодня в Замке, вместе с Ридом следили за энергией и оборудованием. Уровень воды в бассейне понизился почти на 5 футов, зато давление в заполняемых хранилищах — одна и полторы тонны.

Группа горняков, которую на этот раз возглавлял Райс, возвратилась с фосфатами и небольшим количеством магния. Груз был невелик, но все страшно устали, и у всех распухли ноги.

Д-р Хью говорит, что мы теперь похожи на паровой двигатель, у которого достаточно топлива и хорошее давление пара, но поршень и котел не выдерживают нагрузки. Другими словами, у нас достаточно энергии, однако наши тела слишком слабы, чтобы перерабатывать ее. Он предложил сократить потребление пищи, и это было принято.

26 января. Райс еще раз сломал ногу: она вдруг подогнулась, когда он шел по коридору. Упав, он оцарапал руки. Д-р Хью говорит, что перелом очень опасен. Райса отправили в постель, ногу загипсовали. Она не срастется, пока не будет натуральной пищи, но по крайней мере кости находятся в правильном положении. Райс много для нас сделал; и мы не хотим потерять такого замечательного товарища. Царапины на его руках очень беспокоят Хью. Тот промыл их антисептиком и залил коллом. Гарнер сегодня не покидал своей койки. Самый старший из нас, он страдает больше остальных. Хью вполне серьезно заявляет, что для Гарнера происходящее даже хорошо, поскольку сейчас происходит растворение излишней извести, за долгие годы накопленной в организме. Если он станет пытаться натуральной пищей, то значительно поздоровеет.

Кинг выглядит совсем неплохо.

27 января. Сегодня рано утром Кинг умер. Он позвал нас в 3.30, и почти сразу началась агония. Поврежденная нога ужасно распухла и приобрела пурпурно-красный цвет; кожа напоминала раздувшийся мешок. Кинг был очень слаб, и мы ничем не смогли ему помочь. Стимулятор только усилил бы приток крови в ногу. Судя по всему, началось заражение. Д-р Хью наложил жгут. Около восьми часов Кинг умер. Похоронили его рядом с Мелвиллом. Начали понимать, почему земные врачи отказались сообщить информацию о вероятном сценарии нашей смерти. Во избежание разрывов мыши Хью предписал нам абсолютный минимум движений.

28 января. Четыре дня до захода солнца. Спасательный корабль, по мнению Лонга, должен прибыть 19 февраля. Значит, через 22 дня. Если не будет несчастных случаев, мы должны дожить до этого времени.

Третье и четвертое хранилища заполнены на 75 %, в глубокой части бассейна осталось всего 8 футов воды. Мы почти ничего не делаем.

Неутомимый Райс, несмотря на сломанную ногу, несколько дней работал в мастерской. Двигался в кресле на колесах и наконец построил для себя маленький паровой автомобиль. Сейчас делает еще несколько таких же. Несмотря на мрачные предсказания Хью и благодаря его заботе, царапины на руках Райса не увеличиваются.

29 января. Райс передал один из маленьких автомобилей мне. Машины приводятся в движение миниатюрным двухцилиндровым паровым двигателем и экономят нам силы, когда нужно перемещаться по обширным помещениям Замка. Когда-то мы радовались свободе передвижения, а теперь ругаем, потому что путешествие из холла до наших комнат получается чрезвычайно утомительным. Канатный привод давно демонтирован, и автомобильчик может легко двигаться во всех направлениях. Он способен везти двоих, и я часто выполняю обязанности перевозчика. Райс — тоже.

30 января. Хью опасается за здоровье Райса и попросил его приостановить работу. Всего Райс успел сделать три автомобилячика, а сегодня к вечеру закончил прицеп, который может тащить за собой одна из машин. В хранилищах почти полное давление, все топливные баки заполнены. Хранилища должны обеспечить наш путь домой, поэтому мы следим за давлением в них с надеждой и беспокойством. Райс — настоящий гений механики, его бесподобные механизмы работают полностью автоматически.

31 января. Завтра заход солнца, и мы надеемся, что к этому времени давление в хранилищах достигнет нормы. Толмен впал в бессознательное состояние, из которого его невозможно вывести. Хью опасается, что это конец. Он ввел в кровь глюкозу и раствор протеина, чтобы хоть как-то обеспечить сердце необходимой энергией. Надеется какое-то время поддерживать жизнь Толмена в таком состоянии, но уверенности в успехе нет. Мы перетащили матрацы в холл, чтобы быть вместе. Оставаться в одиночестве больше никто не хочет. Мы не покидали Замок уже шесть дней, исключение делается только для похорон. Мур утверждает, что у него хватит пищевого сиропа по крайней мере на три месяца.

1 февраля. Толмен пока жив, дышит очень медленно и ровно. Райс просто лежит на своем матраце. Уайслер сегодня

тоже лишился всяких сил. Мур прекратил работу, но его аппаратура продолжает производить пищу, от которой нет никакой пользы. Я выполнял обязанности кока (если так можно сказать) — привозил на автомобильчике запасы из кладовки. Мы испытываем настолько острый голод, что никто не способен приготовить для себя пищу. Управлять механизмами больше не пытаемся, они делают свою работу гораздо лучше, если им не мешать. Было слышно, как незадолго перед закатом солнца автоматически включилась турбина. В этот же момент мигнул свет. Насосы остановились, и я отправился вниз, чтобы посмотреть на указатели давления в заполняемых хранилищах. Оно достигло 3800 фунтов. Мы с Райсом готовим письменный доклад об устройстве Замка, с подробными указаниями, как вести себя в чрезвычайных ситуациях. Как странно — машины, сделанные нашими руками, будут поддерживать все параметры окружающей среды и после того, как нас не станет! Хью вместе с Муром готовят инструкции о возможном способе нашего лечения и составляют перечень нумерованных банок с пищевым концентратом. Все документы будут оставлены в шлюзе. Инструкция по управлению шлюзом висит на его люкне. Наступила ночь.

2 февраля. Сегодня умер Толмен. Он проснулся утром около 11 часов с перекошенным лицом. Обведя нас глазами, пожаловался на боли в животе. Боли все усиливались, к полудню мучения стали ужасными. Около двух часов пополудни Толмен впал в коматозное состояние, а в 3.45 был мертв. После этой смерти я подготовил капсулы с цианистым калием. Чем так мучиться, лучше... Мы уже слишком слабы, чтобы нести его на «кладбище», поэтому перевезли на автомобильчике в ангар челнока и оставили там, откачивав воздух. В вакууме тело сохранится до прилета спасательного корабля. Они и похоронят. Уже несколько дней у нас выпадают волосы, и теперь мы стали совершенно лысыми, нет даже бровей. Начинают сходить ногти на руках и ногах, кожа под ними очень чувствительна. Малейшее прикосновение вызывает неприятные ощущения.

3 февраля. Сегодня ушел руководитель. Гарнер, создатель нашего корабля, человек, который собрал нас, чья предусмотрительность обеспечила нам здесь комфортабельную жизнь в течение двух лет, умер. Он проснулся около трех пополудни и

пожаловался на боль в животе. Его ждала судьба Толмена, но в 3.35 он проглотил капсулу цианида. Смерть была практически мгновенной. Нас становится все меньше. Остались Хью, Райс, Мур, Уайлдер, Лонг, Кенделл и я. Мы почти ничего не делаем. Время от времени пробуем курить, но никакого удовольствия от этого нет. С уходом Гарнера мы почувствовали обреченность. Он нас постоянно подбадривал. Положили его в ангар, рядом с Толменом.

4 февраля. Сегодня ничего не ели. Голода не чувствуем и слишком слабы, чтобы принимать пищу. Даже управление паровым автомобилем нам уже не по силам. Хью говорит, что это и неудивительно. Постоянный мягкий шум генераторов в машинном отделении заставляет нас завидовать механизмам. По сравнению с их огромной мощью наши иссякающие силы кажутся ничем.... Писать очень трудно — сошли все ногти на пальцах.

5 февраля. Уже несколько дней у нас шатаются зубы. Сегодня у меня два выпали. Десны кровоточат, и я не могу остановить кровь. Она течет медленно, но постоянно. Хью говорит, что это очень плохо, но подойти ко мне не может, потому что лежит у противоположной стены.

6 февраля. Начали кровоточить десны и у Лонга. Слабость. Больше не могу.

Томас Риджли Данкан

На этом кончается дневник Данкана.

От издателя

30 января, вопреки всему, спасательный корабль взлетел над пустыней Мохаве. Подготовка пилотов заняла менее трех недель. Корабль рванулся в небеса, чтобы развить максимальную скорость прежде, чем будут сброшены дополнительные топливные баки. На высоте 1500 миль опустевшие емкости были сброшены. Корабль продолжил полет. На его борту находились пилот Дональд Муррей, пилот Джеймс Р. Монти, инженер-механик Брюс Макгрегор и доктор Джемс Колдуэлл.

Пять дней спустя корабль вышел на орбиту Луны. Пилоты быстро обнаружили Купол и сообщили об этом на Землю. Затем

попытались связаться по радио со знаменитым Замком. Это произошло поздно вечером 6 февраля 1982 года. Ответа не получили и решили, что люди либо уже мертвы, либо не в состоянии добраться до аппаратуры. Надо было садиться. Это удалось сделать только ранним утром 7 февраля, в полутора милях от Замка, на открытом пространстве, по которому проходила дорога к Куполу. Спасатели поспешили надели скафандрь и подготовились к выходу, взяв с собой по два баллона кислорода, аккумуляторы, медикаменты и значительное количество еды. Они добрались до закрытого шлюза, просмотрели инструкцию и вошли. Обнаружили лежащие там рукописи и, прежде чем двигаться дальше, просмотрели их. Откроется ли внутренний люк? Внешний открывался вручную, внутренний — с помощью электричества. Макгрегор нажал кнопку. Свет замигал, а в шлюз ринулся воздух. Наконец внутренний люк открылся! Перед спасателями простирался коридор, залитый белым светом электрических ламп. Воздух был чист и свеж, откуда-то доносился низкий гул и мягкое шипение. И больше никаких звуков! Колдуэлл крикнул. Ответа не последовало. Сердца спасателей дрогнули, и люди пустились бегом по коридору, который должен был вести в холл и жилые комнаты. Попались несколько новых туннелей, о которых не говорилось в инструкциях; было потеряно пять драгоценных минут, потому что свернули не в тот туннель. Потом ошибка была исправлена. Спасатели вбежали в холл и остановились. На пневматических матрацах лежали семь измощденных тел. Из семи открытых ртов тянулись тонкие струйки крови. Охваченный ужасом Колдуэлл бросился к ближайшему телу. Это был Райс. Живой! Колдуэлл отдал приказ, и спасатели приступили к работе. Они знали, что делать. Последний месяц не прошел даром. И не зря умерли от искусственной пищи многочисленные морские свинки. Теперь люди были вооружены методикой спасения.

Колдуэлл быстро осмотрел лежащих. Один... два... три... семь! Пока все живы. Но выживут ли?

Хью открыл глаза меньше чем через 3 часа, потом — Мур. С трудом пришел в себя Кенделл. За ним Лонг, Уайлдер и Данкан. Последним, через сутки, ожил Райс. Начались новые сложности. Натуральная пища была опасна для этих людей, как прежде был опасен искусственный пищевой сироп: ведь

пищеварительный тракт лунных узников оказался полностью разрушенным. Помог им бесценный раствор RB-X.

За сутки они пришли в себя, через неделю — начали двигаться. Когда наступил следующий лунный полдень, они почти полностью поправились: снова радовались Замку и оплакивали ушедших друзей. 22 февраля, на закате, были разомкнуты электрические сети, внесены внутрь солнечные батареи и закрыты шлюзы. Спасательный корабль, заправленный кислородом и водородом, нагруженный приборами, документами и телами погибших, был готов к старту. Как только солнце исчезло за горизонтом, он поднялся и направился к Земле. Ему предстояло пересечь расстояние в четверть миллиона миль. Ледяной ад для членов экспедиции Гарнера остался позади. Ее значение поистине огромно. Силой своего интеллекта и трудом своих рук тринацать человек вырвали у Луны жизнь и, более того, комфорт. Будь у них раствор RB-X, они вообще могли бы ничего не бояться. Но и без RB-X они сделали все, что могли! И какие воспоминания пробуждаются, когда слышишь имена Данканна и Райса, Иохансена и Мургатройда!..

В течение пяти лет Луну тщательно исследовали. Замок служил базой для экспедиций. Продолжались горные работы. Появлялись новые замки. Много позже правительство Луны объявило Замок национальным памятником. Но прежде Иохансен использовал его в качестве базы перед полетом на Марс. А потом отправился на Венеру и сгинул там Мургатройд. Теперь Замок открыт для публики. Здесь можно полюбоваться замечательными настенными росписями Кенделла, грубыми, но надежными паровыми двигателями Райса и маленьким членком. Из больших хранилищ поступало топливо, которое дало возможность Иохансену добраться до Марса, а Мургатройду — до Венеры.

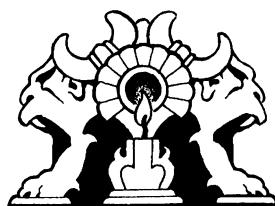
Сегодня Замок выглядит таким, каким его оставили Данкан, Райс и их друзья, разве что появилось несколько новых туннелей и комнат. Бассейн теперь наполнен, в баках хранится газ. Это вечный памятник стойкости и величию человеческого разума. На безжизненной голой Луне люди не смогли найти комфорта. И тогда создали его сами.

И заставили других последовать своему примеру!

НЕЧТО

«Who Goes There?»

Журнал «Astounding Science-Fiction», № 8, 1938





ГЛАВА 1

Когда все собрались, начальник экспедиции Гэрри, высокий и худощавый брюнет с мужественным лицом, встал и принялся пересчитывать людей. Никакие сквозняки не могли удалить из помещения мешанину ароматов, присущих всему Антарктическому лагерю. Запахи человеческого пота и лекарств, готовящейся пищи и псины, машинного масла и сохнущей одежды привлекли бы внимание любого постороннего человека, но все полярники уже настолько к ним привыкли, что попросту не замечали. Присутствовал тут и еще один запах, незнакомый и странный, но он был настолько слаб, что его чувствовал лишь биолог экспедиции Блэр. Он стоял рядом со столом, на котором лежал обернутый в брезент и обвязанный веревками предмет. Из-под брезента медленно капала вода, образуя на полу лужи.

Блэр нервно пошевелил ноздрями, развязал одну из веревок, откинул край ткани — под ней оказался кусок темного льда, — и тут же вернул брезент на место. Седой пушок на почти лысом черепе биолога создавал вокруг его головы некое подобие нимба. Взгляд Гэрри перестал скользить по рядам людей, набившихся в главный корпус, и начальник экспедиции подошел к столу.

— Тридцать семь, — сказал он. — Все здесь. — Низкий голос с командирскими интонациями вполне соответствовал характеру и положению говорившего. — Вы все уже знакомы с предысторией находки, — продолжал он. — Мы обсуждали ее судьбу с Мак-Реди, Норрисом, а также с Блэром и доктором Коппером. Мы еще не решили, что с нею делать. Есть несколько предложений. Однако поскольку это касается всех, то и решение мы должны принять вместе... Я хочу, чтобы Мак-Реди рассказал вам подробности происшедшего. Все были слишком заняты работой, чтобы углубляться в них. Прошу, Мак-Реди!

Мак-Реди встал и направился к столу. Он был похож на бронзовую статую — более двух метров ростом; огромная

рыже-бронзовая борода, гармонирующая с тяжелыми волосами того же оттенка; загорелые, жилистые руки. Возраст Мак-Реди было трудно определить; мужественные, будто вылитые из металла черты его лица носили печать вечности.

Он подошел к столу и остановился, глядя в пространство под низкими потолочными балками. На нем был оранжевый водонепроницаемый жилет, который, несмотря на свои огромные размеры, не казался лишним, хотя здесь, глубоко подо льдом, в нем и не было необходимости.

Собравшись с мыслями, бронзовый гигант начал говорить, в его густом басе проскальзывали бархатные интонации.

— Мы действительно уже думали, как поступить с находкой. Мнения Норриса и Блэра совпадают в одном: найденное существо — неземного происхождения. Правда, Норрис считает, что оно может быть опасно, а Блэр с ним не согласен. — Мак-Реди обвел присутствующих внимательным взглядом. — История обнаружения существа такова. Одной из целей нашей экспедиции является изучение южного магнитного полюса. Наш лагерь находится прямо в точке полюса. Между тем измерения показали, что в ста милях к юго-западу отсюда находится магнитная аномалия. Чтобы исследовать это явление, туда была послана специальная экспедиция. Нет необходимости рассказывать все подробности. Нам удалось найти причину аномалии, однако это был не метеорит и не залежи железной руды, как считал Норрис. Для месторождения напряженность поля была слишком мала. Ни один земной магнитный материал не мог быть причиной такого эффекта. Ультразвуковое зондирование показало, что возможный источник магнитного излучения находится под поверхностью, на глубине десяти футов. — Мак-Реди взглянул на кусающего губы Блэра. — Думаю, следует сказать несколько слов о географии этого места. Там довольно обширное плато, тянущееся, как считает ван Вол, более чем на сто пятьдесят миль к югу от законсервированной на нынешний сезон Второй Полярной станции. Вдоль плато тянется горный хребет. Он защищает место, где мы обнаружили это существо, от надвигающихся с юга ледовых масс, но совершенно не препятствует ветру. Мы разбили лагерь в небольшой нише у основания горного хребта и простояли там двенадцать дней. Пришлося вкопаться в лед,

что и помогло уцелеть лагерю, поскольку в течение этих двенадцати дней ветер дул в среднем со скоростью сорока пяти миль в час. Температура же держалась в пределах минус шестидесяти пяти градусов. С точки зрения метеорологии подобное невозможно, так как даже ветер в пять миль вызывает потепление до минус пятидесяти за счет трения воздуха о лед. Тем не менее там было на пятнадцать градусов холоднее, и это продолжалось в течение всех двенадцати дней и ночей. — Мак-Реди пожал плечами. — Мы попытались определить, к какому времени относится наша находка. Антарктика начала замерзать примерно двадцать миллионов лет назад. Плато, по нашим подсчетам, заледенело в тот же период. Ультразвуковое зондирование показало, что источник аномалии имеет сигарообразную форму, около трехсот футов длиной и около пятидесяти в самой широкой части. Мы считаем, что это космический корабль.

Раздались удивленные голоса:

— Космический корабль?

— Подо льдом?

— Вы уверены?

— Да, — сказал Мак-Реди. — Эта штука прилетела из космоса и потерпела катастрофу. По-видимому, ремонт оказался невозможен, а может быть, почти весь экипаж погиб при столкновении с поверхностью Земли. Однако одному из обитателей корабля, по-видимому, удалось уцелеть и выбраться наружу.

Мак-Реди замолк, и в наступившей тишине стало слышно отдаленное завывание ветра. Многие из слушателей поежились. Снаружи сейчас бушевал ураганный ветер. Поднятый им снег носился в воздухе, а затем опять ложился на землю, стирая границы спрятанного во льду лагеря. Если бы человек вышел из тоннелей, соединявших корпуса, он бы потерялся в десяти шагах.

Повар Киннер вздрогнул и потер шрам на лице. Он вспомнил, как пять дней назад вышел на поверхность, чтобы взять на продуктовом складе мясо. Он уже возвращался обратно, когда с юга на лагерь внезапно обрушился вот такой же штормовой ветер. Холодная белая смерть, стремительно несшаяся по земле, ослепила Киннера в двадцать секунд. Хорошо, Кларк хватился. И все равно спасатели, обвязавшие веревками, искали повара двадцать минут.

— Мы стали вгрызаться в лед, чтобы добраться до корабля, и наткнулись на замерзшее существо. — Голос Мак-Реди вернулся мысли Киннера назад, к теплу и уюту. — Ледоруб Баркли воткнулся в его череп. Неизвестный космонавт, по-видимому, не был готов к суровому климату и замерз в десяти шагах от корабля. Когда мы увидели, что перед нами такое, Баркли стало плохо. Я позвал Блэра с доктором Коппером. Мы отнесли Баркли в снегоход и подогнали машину к туннелю. Потом вырезали кусок льда с найденным существом, завернули в брезент и перекантовали в грузовой отсек, чтобы привезти в лагерь. А затем попытались добраться до корабля. Докопавшись до его обшивки, мы обнаружили, что наши инструменты из немагнитного бериллиево-бронзового сплава не оставляют на ней даже царапин. У Баркли в снегоходе были кое-какие стальные инструменты, попробовали их, но результат оказался тем же. Мы пытались установить, из чего сделана обшивка, несколькими способами, пробовали даже кислоту, но все безрезультатно. Этот металл выплавлен каким-то неизвестным на Земле способом. А потом мы обнаружили люк и стали вырезать лед возле него. Чтобы ускорить работу, решили воспользоваться зарядом. У нас были деканитовые и термитные заряды. Вы знаете, что термит горит достаточно спокойно и выделяет достаточное для быстрого таяния льда количество тепла. Деканит же взрывается. И мы побоялись, что он не только раздробит лед, но и может повредить люк корабля. Поэтому решили воспользоваться термитом. Мы с доктором Коппером и Норрисом установили двадцатипятифунтовый заряд возле люка, а шнур вывели на поверхность. Блэр тем временем отогнал снегоход за гранитный уступ. Мы отошли от туннеля на сто ярдов, спрятались за гранитным уступом и подожгли шнур. Из туннеля вырвался столб пламени. Когда термит сгорел, пламя погасло, и мы собирались идти к туннелю. Но тут... — Мак-Реди нервно перебрнул плечами. — Но тут вдруг загрохотало. Мы побежали к скалам, поскольку вырвавшийся из туннеля новый язык пламени оказался настолько мощным, что грозил добраться до нас. Поднявшись на гранитный уступ и убедившись, что огонь сюда не достанет, мы остановились. С уступа можно было видеть все ледовое поле. Оно было освещено изнутри.

Был ясно виден силуэт корабля и три небольших темных предмета неподалеку от него. Возможно, это были другие обитатели корабля, замерзшие во льду. Затем началось нечто невообразимое... Я не зря рассказывал вам о географии того места. Ветер дул нам в спины, он-то нас и спас. Пар и огонь образовали облако обжигающего тумана, но ветер оттеснил его к северу. В противном случае нас бы не спас и гранитный уступ. Сквозь стремительно тающий лед были хорошо видны странные предметы, не расплавившиеся даже при столь высокой температуре. Возможно, это были двигатели корабля или термоизоляция. Потом пар накрыл их, и ничего не стало видно. Начались странные процессы. Ледоруб у меня в руках так нагрелся, что я выронил его на землю. Металлические пуговицы на одежде тоже раскалились и жгли тело. А потом среди пара вспыхнул невыносимый голубой свет. Он ослепил нас на несколько часов, и до тех пор, пока не вернулось зрение, мы могли передвигаться только на ощупь. Когда все вокруг постыло, а к нам вернулось зрение, мы спустились в образовавшуюся яму. К счастью, у нее были пологие края. Оказалось, что все, что могло плавиться, расплавилось. Оставленные нами наушники и микрофоны превратились в застывшие лужицы. К счастью, мы далеко отогнали снегоход — он остался цел. Иначе бы мы никогда не выбрались оттуда. Больше там делать было нечего. Мы отправились на Вторую станцию и связались с лагерем. Вскоре за нами прилетел ван Вол... Вот так нам достался этот красавец. — Огромная бронзовая борода Мак-Реди повернулась в сторону лежащего на столе свертка.

ГЛАВА 2

Маленькие костлявые пальчики Блэра забарабанили по столу. Он тяжело вздохнул, снова откинул край брезента и взглянул на темный, замурованный в лед предмет.

Великан-метеоролог вспомнил дорогу до Второй станции. Снегоход застревал чуть ли не на каждом шагу. Только спокойствие и настойчивость, обусловленные огромным желанием снова попасть к людям, помогли членам экспедиции добраться

до станции. Там было одиноко и тихо, только по-волчьи выли злые ветры с Поляса.

— Проблема состоит в том, что Блэр хочет изучить это существо, — продолжил Мак-Реди. — Он предлагает разморозить его, сделать снимки и провести массу других экспериментов. Норрис считает затею небезопасной, но Блэр с ним не согласен. Доктор Коппер поддерживает Блэра. Норрис, конечно, физик, а не биолог, но он сделал одно замечание, которое, я думаю, нам следует принять во внимание. — Метеоролог снова обвел взглядом присутствующих. — Блэр как-то говорил, что существуют микроскопические жизненные формы, способные выжить даже в таких экстремальных условиях, как холод Антарктики. Зиму они проводят в замороженном состоянии, а на три летних месяца оттаивают и ожидают, чтобы снова замерзнуть на зиму... Так вот Норрис опасается, что если мы разморозим это существо, микроорганизмы на его теле могут ожить. В результате на Землю может быть занесена неизвестная зараза, перед которой мы окажемся беззащитны. Блэр допускает, что хотя само существо так же мертво, как найденные в Сибири мамонты, микроорганизмы могли выжить. Однако возможность заражения он отвергает напрочь, объясняя это тем, что природа этого существа совершенно чужда природе человека, и потому бактерии из его мира не могут повредить людям. Наша биохимия не имеет с ним ничего общего.

Маленький биолог быстрым птичьим движением поднял голову:

— Да, я так думаю!

Ореол серебристых волос на его черепе встал дыбом.

— Возможно, — согласился Мак-Реди. — Несомненно, это существо неземного происхождения. Мне кажется, оно и в самом деле слишком отличается от нас, чтобы его инфекционные болезни могли передаться человеку. Я считаю, оно не представляет для человечества никакой опасности. — Метеоролог посмотрел на доктора Коппера.

Хирург поддержал его.

— Известно, что людям не страшны заболевания таких сравнительно близких нам родственников, как змеи, — сказал он. — А змеи, я вас уверяю, намного ближе к нам, чем это.

Норрис брезгливо поежился. На этом сбогище гигантов он казался сравнительно невысоким. При росте в шесть футов один дюйм и коренастом телосложении он выглядел ниже, чем на самом деле. Его темные жесткие волосы были похожи на короткую стальную проволоку, а серые глаза светились нестигаемым упрямством. Если Мак-Реди был человеком из бронзы, то Норриса можно было назвать человеком из стали. Его движения, мысли, манера поведения — все производило впечатление стальной пружины. Нервная система физика тоже была стальной — прочная, нерушимая, быстро реагирующая.

— К черту вашу биохимию! — выпалил он. — Это существо может быть мертвым или живым, но — черт побери! — оно мне не нравится в любом виде. Ну-ка, Блэр, покажи им эту тварь. Покажи им ее, и пускай они сами решают, оставаться ли ей в лагере. — Он снова выругался. — Если мы эту тварь оставляем, она полностью оттает ночью. Кстати, кто сегодня дежурит?.. А-а, вспомни! Космические лучи... Прекрасно, Коннант! Вот ты-то и будешь сидеть с этой ледяной мумией двадцатимиллионолетней выдержки. — Он повернулся к биологу. — Покажи-ка ее, Блэр. Какого черта они рассуждают о том, чего не видели!.. Этот гуманоид, может быть, и имеет другую химическую структуру. — Норрис рубанул рукой воздух. — Меня вообще не волнует, что он там еще имеет, но я точно знаю одно: у него есть то, что мне не нравится. Посмотрите на его лицо, и вы поймете, до какой степени это существо было раздражено, когда замерзло. Я бы даже сказал, что слово «раздражено» мало объясняет его выражение. Это существо переполняли ненависть и гнев. Оно было безумно обозлено. У меня даже нет слов, чтобы описать всю ярость, горевшую в его взгляде. Ни одно порождение Земли не может иметь такого выражения... Черт! С тех пор как я увидел эти три красных глаза, меня не перестают мучить кошмары. Мне снится, что существо отаяло и ожило, что оно вовсе не было мертвом — просто его жизненные процессы были замедлены... и что оно просто ожидало все это время, пока не появятся такие дураки, как мы. — Он повернулся в сторону специалиста по космическим излучениям. — А ты, Коннант, я думаю, получишь неизгладимое удовольствие, сидя всю ночь в тишине и слушая, как завывает ветер и капает вода с этой

штуковины! — Он внезапно замолк и поежился. — Вы скажете, это не научный подход. Но психология — тоже наука. Тебе, Коннант, еще целый год будут сниться кошмары. С того момента, как я увидел это существо, они меня не оставляют. Вот почему я его ненавижу... а я его действительно ненавижу... и не хочу, чтобы оно разморозилось. Отвезите его туда, где нашли, и пусть оно валяется там еще двадцать миллионов лет. Мне уже снятся сны о том, что оно из другого вида материи, которую вполне может контролировать... что оно способно менять облики, превращаться в человека... что оно привыкло выжидать и таиться с целью убить и съесть...

— Все эти аргументы не вполне логичны, — прервал физика Блэр.

— Но это существо и не поддается земной логике! — взорвался Норрис. — Если его биохимия отличается от нашей, значит, отличается и микрофлора. Его клетки могли не выдержать холода, а как насчет вирусов, Блэр? Вы говорили, что вирус — это ферментная молекула, которой для развития необходим только белок. Как вы можете быть уверены, что из миллионов разновидностей микрофлоры, которые могут в нем обитать, ни одна не несет в себе угрозы человечеству? А что вы скажете насчет таких заболеваний, как бешенство, которым подвержено любое теплокровное существо независимо от химии тела? Или попутайчиковая лихорадка? А оспа, гангрена, рак? Как насчет этих болезней? Они не очень-то разборчивы к химии тела.

Блэр взглянул на Норриса, выдержал злой взгляд его серых глаз и сказал:

— Единственное логичное место в твоей горячей речи — то, что существо влияет на твои сны. Вполне допускаю! — На лице Блэра мелькнула усмешка. — Мне тоже иногда кое-что снится, правда утром я почти ничего не помню. — Биолог повернулся к слушателям. — Итак, эта штука влияет на сны. Это, без сомнения, опасно. — Блэр снова усмехнулся. — Из всего сказанного Норрисом можно сделать вывод, что у него совершенно неверное представление о вирусах. Во-первых, никто еще не доказал, что ферментная молекула действует именно подобным образом. А во-вторых, если ты, Норрис, заметишь, что заболел какой-нибудь болезнью, присущей злакам или другим растениям, непременно сообщи мне. Пшеница намного ближе к нам по

химии, чем это инопланетное существо!.. А если серьезно, число болезней, которым подвержен человек, строго ограничено. Не возможно изобрести новую болезнь или напрочь избавиться от старой. Пшеница или рыба, чьи заболевания на нас не распространяются, имеют единую природу с человеком, а это существо — нет. — Блэр кивнул в сторону стола, на котором лежал презентованный сверток.

— Хорошо, — отозвался Норрис — Если это существо непременно нужно разморозить, я предлагаю произвести эту операцию в формалине.

— Но это же бессмысленно! Зачем тогда вы с Гэрри приехали изучать магнетизм сюда? Проще было бы остаться дома. В Нью-Йорке достаточно источников магнитного излучения... Изучать жизнь в формалине — это все равно что вести исследования магнетизма в Нью-Йорке. И если мы не воспользуемся случаем, вряд ли человечеству когда-нибудь еще представится возможность изучить это создание. Вполне возможно, что его раса давно уже вымерла. Ко всему прочему, и корабль уничтожен... В общем, у нас есть единственный выход. Мы должны дать ей оттаять. Медленно, постепенно и не в формалине.

Поднялся Гэрри, и Норрис отступил назад, недовольно бормоча.

— Я думаю, Блэр прав, господа, — подытожил начальник экспедиции. — Что вы на это скажете?

— Честно говоря, нам больше ничего и не остается, — проворчал Коннант, — Думаю только, что кому-то нужно постоянно находиться около существа, пока идет размораживание. — Он невесело усмехнулся, откинул со лба прядь темных волос. — Прекрасная идея, да?.. Мы все сидим и сторожим эту прелость, пока она будет размораживаться.

Гэрри слегка улыбнулся:

— Какие бы зачатки жизни в ней ни были, она недолго протянет, если пробудет среди наших «ароматов» еще несколько минут.

По залу пронеслись одобрительные смешки.

— Коннант, — продолжал Гэрри, — мне кажется, ты в состоянии позаботиться о ней. Более того, думаю, наш Железный Коннант в состоянии позаботиться и о тех, кто с чем-то не согласен.

Норрис тяжело вздохнул:

— Меня не волнует, какие там в ней могут быть зачатки жизни. Посмотрите-ка лучше на нее сами.

Он нетерпеливо развязал веревки, откинулся на спинку и обнаружил кусок льда, в который было замуровано существо. Лед кое-где подтаял и был похож на кусок толстого стекла. Он влажно блестел в свете электрических ламп.

Существо лежало лицом вверх. Обломок ледоруба все еще торчал из странного черепа. Три сумасшедших, ярко-красных, как свежая кровь, горящих ненавистью глаза казались живыми; лицо обрамляла копна голубых скорчившихся червей, которые заменяли существу волосы. Огромный ван Вол издал нервный вскрик и попятился. Половина присутствующих бросилась к дверям. Остальные отхлынули от стола. Мак-Реди даже не вздрогнул. Норрис с другой стороны стола прожигал существо ненавидящим взглядом. Гэрри за дверями говорил с полудюжины человек сразу. Блэр взял молоток и принялся скальывать лед, в который было заковано существо в течение двадцати миллионов лет.

ГЛАВА 3

— Я понимаю, что оно тебе не нравится, Коннант, — сказал Блэр. — Но его все равно нужно разморозить без формалина.

— Тогда давайте не будем его трогать до возвращения на Большую землю, — предложил специалист по космическим лурам. — Там можно было бы провести гораздо более детальное и подробное исследование...

— А как мы пересечем Полярный круг? — вскинулся биолог. — Как мы перевезем его через температурные зоны? Чтобы добраться до Нью-Йорка, надо пересечь умеренную температурную зону, затем экваториальную, а потом еще половину умеренной. Ты не хочешь просидеть с ним один день даже здесь, а ведь тогда придется поместить его в холодильник вместе с мясом и совершить совместный трансокеанский перелет. — Блэр посмотрел вверх и победно кивнул лысой головой.

Коннант и рта не успел раскрыть, как в разговор вступил Киннер.

— Послушай-ка, мистер! — Повар недобро прищурился. — Если ты засунешь эту штуку в контейнер с мясом, то, клянусь всеми святыми, я запихну тебя туда с нею за компанию. Вы уже и так таскали на мой стол все, что вообще можно двигать. Я терпел, но если вы поместите этого монстра в контейнер с мясом или на мясной склад, тогда — до свиданья! Жратву будете готовить себе сами.

— Но, Киннер, твой стол — единственный в лагере, который достаточно велик для такой работы, — возразил Блэр.

— И потому каждый норовит принести сюда все, что может. Кларк всякий раз, когда его собаки подерутся, приносит их ко мне на стол, чтобы защитить раны. Рал-сен вечно заявляется сюда со своими санями. Дьявол, на моем столе не было только «боинга»! Но вы бы и его приволокли сюда, если бы нашли способ протащить через тунNELи.

Гэрри усмехнулся и подмигнул гиганту ван Волу. Светлая борода ван Вола подозрительно дернулась, но летчик сумел сдержать смех и с понимающим видом кивнул повару:

— Ты прав, Киннер. Лишь авиация обращается с тобой хорошо.

— Сюда действительно временами набивается многовато народу, — поддержал Киннера Гэрри. — Нам всем это не нравится. Но в лагере ни у кого нет возможности уединиться.

— Какое, к черту, уединение!.. На днях, смотрю, через кухню бодрым шагом топает Баркли, бубня: «Последняя древесина в лагере! Последняя древесина в лагере!» — и тут же выносит эту самую древесину, то есть кухонную дверь, наружу, чтобы построить навес для своего вездехода. А потом еще удивляется, что я вышел из себя...

Услышав эту историю, усмехнулся даже невозмутимый Коннант. Но его усмешка быстро прошла, когда он вновь взглянул на красноглазое существо, которое Блэр с помощью ледоруба извлекал из ледяного склепа. Коннант привычным жестом откинул с плеч волосы, заправил их за уши и прорычал:

— Полагаю, нам с этим гуманоидом в помещении космической лаборатории будет тесновато... Кстати, Блэр, почему бы не сколоть лед с этой штукой где-нибудь в другом месте? Уверяю тебя, никто не будет против! А затем подвесишь ее в генераторной над радиатором системы охлаждения. Через

несколько часов твой мороженый цыпленок станет теплым и пушистым.

Горевший азартом и нетерпением Блэр отложил ледоруб, чтобы можно было свободно жестикулировать костлявыми пальцами.

— Я прекрасно понимаю реакцию людей, — сказал он, — но так важно использовать любой шанс. Никогда еще у человечества не появлялась такая возможность и вряд ли появится впредь. Помнишь, мы как-то ловили рыбу? Она замерзала почти сразу же, как только ее вытаскивали на палубу, и оживала, когда мы медленно ее размораживали. Низшие формы жизни не умирают при быстром замерзании и постепенном размораживании. Поэтому нам надо...

— Ради всего святого, уж не думаешь ли ты, что этот монстр оживет? — взревел Коннант. — Ты хочешь, чтобы он ожила? А ну пустите меня туда! Я искрошу это исчадие ада на сто тысяч кусков...

— Нет! Стой, придурок! — Блэр вскочил, чтобы преградить Коннанту дорогу к гуманоиду. — Нет! Ты же слышал! Только низшие формы жизни! Послушай меня! Высшие формы жизни при таких условиях не выживают. Рыба оживает после замораживания потому, что представляет собой низшую форму жизни. Отдельные клетки ее организма могут восстанавливаться, и этого достаточно, чтобы вернуть рыбку к жизни. Любые высшие формы в такой ситуации погибнут. Несмотря на то что отдельные клетки выживают, сложный организм умрет, потому что для жизни ему необходима согласованная, связанная работа всех клеток. А такие связи не восстанавливаются. Это существо, судя по всему, так же далеко ушло в своем развитии, как и человек. Если не дальше... Поэтому оно будет не менее мертвое, чем был бы мертв человек.

— Откуда ты знаешь? — спросил Коннант, поигрывая поднятым ледорубом.

— Подожди-ка минуту, Коннант!.. Я хочу понять. — Начальник экспедиции повернулся к Блэру. — Я согласен: нам не стоит размораживать это существо, если есть хоть малейший шанс, что оно оживет. Но я не представляю себе, откуда может взяться этот шанс.

Сидящий на кровати Коппер встал:



— Это существо мертвое. Оно не живее тех сибирских мамонтов. Существует масса доказательств, что организмы — будучи даже быстро заморожены, а потом медленно разморожены, — не выживают. Я не принимаю во внимание рыб, это очень редкий частный случай... Однако нет ни одного доказательства обратного, того, что высокоорганизованное живое существо может выжить при таких условиях. Блэр, ты это хотел сказать?

Маленький биолог задумчиво кивнул. Ореол седых волос вокруг лысой головы качнулся в праведном гневе.

— Дело в том, — начал он обиженным голосом, — что отдельные клетки, выжившие при правильном размораживании существа, могут отразить особенности жизнедеятельности организма в целом. Мышечные клетки человека, например, живут еще несколько часов после его смерти. Так что, разморозив это создание подобающим образом, мы сможем определить, к какому типу живых существ оно принадлежит. В противном случае мы так никогда ничего и не узнаем. — Блэр поглядел на ледоруб в руках Коннанта. — Хочу добавить, что внешний вид обманчив, и мы не должны заранее считать его носителем зла. Может быть, у него подобное выражение лица является отражением печали и безнадежности. Возможно, ему просто было тоскливо оттого, что он умирает в расцвете сил. Белый для китайцев, например, — цвет скорби, тогда как в нашем восприятии это цвет радости и чистоты. Если даже у обитателей одной планеты есть разные традиции и понятия, что же говорить о столь далекой от нас расе?

Губы Коннанта тронула ехидная усмешка:

— Если это выражение у него соответствует печали, то я даже не могу себе представить, как бы эта тварь смотрелась в ярости. Такая физиономия просто не создана для мира и дружелюбия. Я понимаю, ты нашел это существо и теперь считаешь его своим питомцем, но взгляни на ситуацию здраво. Это существо явно родилось в атмосфере зла и враждебности, провело свои детские годы, поджаривая живьем что-нибудь вроде котенка из местной фауны, и повзрослев, изобретая новый вид извращенной пытки.

— У тебя нет права так говорить! — огрызнулся Блэр. — Откуда ты знаешь, что означает неземное выражение на неземном лице? Оно не может иметь земного эквивалента. Существо выросло в другом мире. У него другие формы тела и другие черты лица. Но оно, подобно нам с тобой, такое же законное дитя природы. У тебя откровенная ксенофобия, рождающая ненависть ко всему, что не похоже на человека. Возможно, для него ты тоже всего лишь страшилище с недостаточным количеством глаз и бледным телом из плесени, наполненной газом!..

— Ха! — воскликнул Коннант. — Может быть, от другого создания с другой планеты я бы и не стал ожидать зла только потому, что оно отличается от меня... Говоришь, перед нами дитя природы? Я бы скорее назвал это порождением дьявола!

— Черт! — рявкнул Киннер. — Да прекратите вы спорить неизвестно из-за чего! Лучше снимите этого монстра с моего стола и прикройте брезентом... Меня тошнит от одного его вида!

— Кажется, Киннер начинает закипать, — язвительно заметил Коннант. — Скоро повалит пар.

Повар обернулся к специалисту по космическим излучениям. Шрам на его щеке дрогнул от усмешки.

— Да неужели, громила! Не ты ли тут разорялся минуту назад? Что ж, мы непременно предоставим тебе возможность провести ночку с этой очаровашкой. Никто вам не помешает!

— Его физиономия меня не пугает! — выпалил Коннант. — И хотя возможность просидеть с ним целую ночь не радует, я все же собираюсь это сделать.

Лицо Киннера вновь растянулось в усмешке.

— Ну-ну!.. — Он подошел к печке и поворошил пепел.

И тут пол в помещении содрогнулся — это от ледяной глыбы откололся очередной кусок, поскольку Блэр опять принялся за работу.

ГЛАВА 4

Коннант уронил ручку, не закончив и первой строчки.

— Черт!

Он взглянул в дальний угол, полез под стол и, отыскав потерю, вновь принялся за отчет. Работа шла медленно, цифры с трудом ложились на бумагу, но временами он довольно покряхтывал. Вскрapsы и стоны дюжины людей, спящих в главном корпусе, гудение угля в печи, щелкающие звуки счетчика и равномерное «кап-кап-кап» в дальнем углу несколько разнообразили тишину уснувшего лагеря.

Коннант нервно вытащил из кармана пачку «Кэмел», вытряхнул сигарету и сунул ее в рот. Зажигалка никак не давала огня, а спичек на столе не оказалось — наверное, кто-то

автоматически отправил их в собственный карман. Пришлось встать и подойти к печи, чтобы взять уголек.

Вернувшись к столу, Коннант опять попробовал зажигалку, и теперь, будучи уже ненужной, эта поддая тварь дала высокое яркое пламя. Счетчик отозвался серией хохочущих звуков, будто контролировал зажигалку. Коннант бросил в его сторону сердитый взгляд и постарался сконцентрироваться на данных, собранных за последнюю неделю.

Вдруг его души коснулось некое смутное волнение, и он замер на секунду. Потом взял со стола лампу и направился к дальнему углу комнаты, где находилось замерзшее существо. Немного подумав, завернул к печи и прихватил щипцы для угля.

Существо к этому времени размораживалось уже восемнадцать часов. Коннант осторожно ткнул тело инопланетянина щипцами. Оно не было теперь твердым, как гранитная плита, а скорее напоминало мокрую голубую резину. Капли воды, точно круглые алмазы, блестели в ярком свете лампы. Три красных глаза смотрели на мир невидящим взглядом, мутные рубиновые зрачки отражали лучи света.

Коннанту вдруг страстно захотелось принести канистру с бензином, облить существо с головы до ног и бросить на него окурок. А потом смотреть, как мокрая голубая резина превращается в обугленный прах, рассыпается в пепел, и радоваться, что сумасшедшему биологу так и не удалось заполучить в свои руки останки инопланетного монстра...

Коннант вдруг осознал, что смотрит на существо уже довольно долго и что глаза монстра кажутся ему не столь уж мутными, а взгляд не столь уж туманным. А щупальцеобразные отростки, выходящие из тощей, пульсирующей шеи, уже вовсю шевелятся...

Коннант вздрогнул — привидится же такое! — взял лампу и вернулся к столу. Сев, уставился на лежащий перед ним бумажный лист. И работа пошла. Лист начал заполняться столбиками цифр. Щелканье счетчика больше не беспокоило, а потрескивание углей в печи не отвлекало. И даже когда раздался за спиной скрип половиц, мысли Коннанта продолжали течь легко и свободно, компонуя данные и формулируя выводы. А поскольку скрип ни к данным, ни к выводам не принадлежал, он внимания не удостоился.

ГЛАВА 5

Блэр проснулся внезапно, с трудом изгоняя остатки кошмарного сна. Лицо Коннанта на секунду показалось ему продолжением этого кошмара.

— Блэр, Блэр, вставай! — Коннант выглядел сердитым и немного испуганным. — Вставай, черт бы тебя побрал!

— Что случилось? — Маленький биолог сел.

На соседних койках зашевелились, кое-где оторвались от подушек застывшие физиономии, послышались восклицания:

— Какого черта!

— Хоть когда-нибудь здесь можно поспать?

— Да заткнитесь вы наконец!

— Вставай и пойдем, — выпрямился Коннант. — Кажется, эта тварь сбежала.

— Что?! — Голос ван Вола прогремел с такой силой, что дрогнули стены. — Как сбежала?

Из соединительных туннелей послышались другие голоса. Вскоре в помещение главного корпуса ввалилась дюжина обитателей других корпусов. Впереди шел Баркли, коренастый и приземистый, в шерстяном нижнем белье.

— Какого дьявола! — Баркли держал в руках огнетушитель. — Что здесь происходит?

— Эта чертова тварь исчезла. Я уснул минут на двадцать, а когда проснулся, ее уже не было. — Специалист по космическим лучам глянул на Коппера. — Эй, док, не ты ли говорил, что высокоразвитые существа при замораживании не выживают?

Коппер тупым взглядом общарил залитый водой стол.

— Оно же не с Земли! — Доктор хлопнул себя по лбу. — Для него же земные законы — не законы!

— По любым законам мы должны найти и поймать его, — сердито отозвался Коннант. — Удивляюсь, как оно не сожрало меня спящего!

Блэр огляделся вокруг, в его глазах внезапно возник страх.

— Может, оно... Да, мы непременно должны найти его.

— Вот ты и будешь его искать. Как-никак это твой питомец. А я уже и так сделал все, что мог. Просидеть в компании с этой тварью семь часов, да еще слушая ваши ночные «песни»!.. Все! С меня хватит!

В дверях появился Гэрри, перевалился через порог, затягивая ремень.

— Что значит «поймать»? — Басистый голос ван Вола походил на шум взлетающего «боинга». — Уж не хочешь ли ты сказать, что оно ожило?

— А ты, похоже, решил, будто я украл вашего милого ребёночка! — огрызнулся Коннант. — Последнее, что я видел, — как из его расколотого череда начала сочиться зеленая слизь, похожая на раздавленную гусеницу.

Вошли Норрис и Мак-Реди, за ними показались и другие взволнованные полярники.

— Надо дать объявление о розыске, — сказал Норрис, состроив невинную физиономию, — И не забыть про особые приметы: около трех метров ростом, с тремя красными глазами и мозгами наружу... Мне кажется, кое-кто решил над нами пошутить... Давайте-ка найдем этого блэровского питомца и привяжем его Коннанту на шею. Как альбатроса древнему моряку...

— Пошутить над вами?! — отозвался Коннант с горечью в голосе. — Хотел бы я, чтобы это была чья-то дурацкая шутка, да только...

Его прервал дикий, отчаянный вой, пролетевший по лагерю. Все остолбенели.

— ...шутки в сторону! — договорил Коннант, кинулся в соседнюю комнату и тут же вернулся: с револьвером сорок пятого калибра и ледорубом в руках. — Эта тварь попала в собачник. Слышите, псы сорвались с цепей?..

Сдавленный, истощенный вой сменился шумом схватки. Голоса собак взрывались в тишине тоннелей, а среди них четко выделялся переполненный ненавистью, абсолютно неzemной рык.

Коннант бросился к двери. Сразу за ним рванулся Мак-Реди, а затем Баркли и Гэрри. Остальные разбежались по главному корпусу — за оружием. Помрой, отвечавший за пятерку лагерных коров, метнулся в противоположный конец — у него в коровнике завалились семифутовые вилы. Бегущий за метеорологом Баркли едва не сбил того с ног — Мак-Реди вдруг затормозил и, бросив специалиста по космическим лучам, свернул в соседний туннель. Баркли перекинул огнетушитель на другое

плечо и последовал за Коннантом. Он знал: что бы Мак-Реди ни задумал, ему можно доверять. На следующем повороте внезапно остановился и Коннант. Его свистящее дыхание прервалось.

— О Боже!

В туннеле грянул гром. Потом раздались еще два выстрела. Тут же револьвер отлетел в сторону, и Баркли увидел, как взметнулся к потолку ледоруб. Огромная фигура Коннанта на-прочь загораживала обзор. Слышались жалобные мяукающие звуки, поскрипывание собак да звон оборванных цепей. Потом Коннант резко отскочил в сторону, и Баркли смог наконец увидеть, что находилось впереди. Существо явно собиралось напасть на Коннанта, но столь же явно опасалось поднятого ледоруба. Кровавые глаза горели дьявольской ненавистью.

Коннант, решившись, метнул ледоруб. Тварь с легкостью увернулась, истошно завизжала и прыгнула на врага. Коннант спас Баркли. Мощная струя, вырвавшаяся из огнетушителя, ударила прямо в красные глаза, ослепила монстра и заставила его остановиться. Перепуганные собаки сразу почувствовали перемену обстановки, осмелились и возобновили прерванную атаку. А потом подоспел Мак-Реди. Он неспроста свернул поначалу в другой коридор — сейчас у него в руках находилась одна из огромных водородных ламп. Растолкав людей, Мак-Реди пробрался к Коннанту и открыл клапан. Из лампы ударил трехфутовый факел голубоватого пламени. Собаки отпрянули. Сумасшедший визг стал громче.

— Баркли! Попробуй притащить сюда силовой кабель. Если мне не удастся превратить монстра в пепел, попытаемся убить его электричеством.

Голос Мак-Реди звучал уверенно. Видно было, что метеоролог все заранее продумал. Баркли бросился к электростанции, но его опередили Норрис и ван Вол.

Кабель нашелся в кладовой. Через полминуты Баркли уже тащил его по туннелю. Ван Вол выводил котел электростанции в рабочий режим. Норрис, тихо ругаясь, подключал конец кабеля к разъемам на щите генератора. Когда Баркли достиг поворота, за которым находилась тварь, выяснилось, что пеплом она пока еще не стала. Монстр зловеще врашивал красными глазами и взрыкивал. Собаки расположились полуокругом. Их морды были измазаны кровью, а зубы клацали.

Мак-Реди стоял тут же, у поворота, держа лампу наготове. Когда подошел Баркли, метеоролог пропустил его вперед, не отводя глаз от твари. На бронзовом лице Мак-Реди играла легкая усмешка.

— У нас все готово, — раздался сзади голос Норриса.

Баркли обернулся. Норрис намотал конец кабеля на ручку от лопаты. Контактные провода были разведены и блестели в свете лампы. Баркли взял вновь созданное оружие в руки.

— Включайте!

Норрис кинулся назад, и вскоре по туннелю понеслись голоса:

— Включили!

— Давай, Баркли!

Существо по-прежнему сверкало глазами и взрыкивало. Баркли сделал шаг вперед. Собаки сразу почувствовали перемену обстановки. Их рычание стало более настойчивым, они подсеменили ближе. Чарнака, вожака своры, огромного черного пса, почему-то нигде не было видно. А потом одна из собак прыгнула на монстра. Существо взвизгнуло и выпустило острые, как сабли, когти. Мак-Реди хотел перехватить пса, но было поздно. Пронзительный вопль собаки пронесся по коридору и затих вдали. Баркли тут же ткнул оголенными проводами в тело монстра. Вспышка — и коридор наполнился запахом горящей плоти. Клубами повалил густой дым. Красные глаза на сморщенном чудовищной гримасой лице закатились. Существо повалилось на снег, и стало видно, что задние лапы у него — собачьи. Свора рванулась вперед, едва не сбив Баркли с ног, и принялась рвать на части неподвижное тело.

ГЛАВА 6

Гэрри окинул взглядом заполненное людьми помещение. Тридцать два человека находились здесь — некоторые в нервном напряжении стояли возле стен, некоторые сидели. Еще пятеро были заняты зашиванием ран у пострадавших собак. Тридцать два плюс пять, всего тридцать семь — весь личный состав лагеря.

— Все здесь, — сказал Гэрри. — Начнем. — Он вновь обвел глазами присутствующих. — Все вы уже видели эту тварь в том или ином виде, а потому имеете о ней некоторое представление.

Рука начальника экспедиции протянулась в сторону брезента, прикрывавшего нечто, лежавшее на столе. Теперь из-под брезента не капало, зато оттуда шел острый запах гари. Люди зашевелились.

— Итог известен, — продолжил Гэрри. — Чарнак уже не сможет водить свору, а это был любимый пес многих из нас. Блэр желал заполучить монстра для исследований. А теперь мы, в свою очередь, желаем знать, что произошло, и убедиться, что монстр мертв. Верно?

Коннант усмехнулся:

— Не хотел бы я просидеть с ним еще одну ночку!

— Блэр! — Гэрри повернулся к маленькому биологу. — Что ты можешь сказать по поводу случившегося? Что это было?

Блэр некоторое время смотрел на брезент.

— Была ли это его настоящая форма — вот вопрос! — сказал он наконец. — Возможно, оно имитировало внешний вид тех, кто построил корабль. — Глаза биолога оторвались от брезента. — А случилось, на мой взгляд, вот что... Придя в себя, это существо обнаружило, что Антарктика все так же заморожена, как много лет назад, когда оно впервые ее увидело. Пока оно размораживалось, я срезал и исследовал его ткани. Исследования показали, что оно с планеты более теплой, чем наша Земля, и, стало быть, в его естественной форме не способно переносить здешние температуры. Наилучший выход для него был — стать собакой. Почти та же масса тела, а теплая шерсть спасает от немедленного замерзания. Найдя собак, оно сразу же сделало правильный вывод и каким-то образом добралось до Чарнaka. Другие собаки почувствовали незнакомый запах или услышали странные звуки — не знаю уж, что там было... В любом случае они взбесились, порвали цепи и набросились на гуманоида до того, как он успел полностью превратиться в собаку. То, что мы нашли, было наполовину Чарнаком, наполовину тем существом, которое размораживалось.

— Получается, перед нами оборотень, — недовольно проворчал Гэрри. — Это объяснимо?

— Конечно, — сказал биолог, — Каждое живое существо состоит из протоплазмы и мельчайших частиц, так называемых ядер, которые контролируют протоплазму. Это создание устроено по тому же самому принципу. Единственная разница состоит в том, что по желанию этой твари ядра могут изменять ее клетки. Сожрав Чарнака, она изучила его строение и приказала своим клеткам принять форму его клеток. На полную трансформацию не хватило времени, но кое-какие органы уже изменились. — Блэр откинул край брезента и продемонстрировал полярникам покрытую серой шерстью собачью лапу. — Я исследовал и эту ткань. Здесь даже ядра клеток имитируют ядра собачьих клеток. Во всяком случае, под микроскопом заметить разницу невозможно.

— А если бы у нее оказалось достаточно времени? — сказал Норрис.

— Тогда бы она просто превратилась в собаку. Другие собаки приняли бы ее за свою, а мы бы и подавно не отличили настоящего Чарнака от его копии. Я думаю, что их вообще невозможно было бы отличить с помощью земных методов исследования. Перед нами представитель в высшей степени развитой цивилизации, которая изучила и заставила работать на себя неизвестные нам законы природы.

— Что же эта тварь собирается делать? — Баркли взглянул на прикрытое брезентом существо.

Блэр горько усмехнулся. Ореол волос вокруг его головы всколыхнулся.

— Полагаю, захватить мир.

— Захватить мир? — выдохнул Коннант. — То есть стать единовластным диктатором?

— Нет. — Блэр покачал головой.

Скальпель, который он крутил в руках, упал.

Биолог наклонился, чтобы поднять инструмент, так что, когда он произнес следующую фразу, его лица не было видно.

— Оно бы просто заселило Землю.

— Заселило Землю?! — Коннант опешил. — Оно что, размножается почкованием?

Блэр выпрямился, вновь покачал головой и сглотнул:

— А ему и не нужно размножаться. Оно весит около сорока килограммов. Чарнак весил примерно столько же.

Тварь сожрала сорок килограммов Чарнака и превратилась в него. Таким образом, осталось еще сорок килограммов для трансформации в Джека, например, или Чинука. Она может имитировать любое живое существо. Если бы она достигла побережья, она бы стала тюленем, потом двумя тюленями, и так далее. Она бы могла напасть на кита и стать китом. Она могла бы повстречать альбатроса или какую-нибудь другую морскую птицу и улететь в Южную Америку.

Норрис выругался:

— И каждый раз, съев кого-либо, она превращается в собственную жертву?

— Тем не менее у нее должно оставаться что-то свое, чтобы начинать все сначала. — Блэр отложил скальпель. — В среде животных она непобедима. У нее нет естественных врагов, потому что она превращается во все, во что захочет.

— А ты уверен, что эта тварь мертва? — осторожно поинтересовался доктор Коппер.

— Слава Богу! — прошептал маленький биолог. — Отогнав собак, мы с Баркли обрабатывали ее электричеством в течение пяти минут. Практически мы подготовили из нее жаркое. Она мертва, как сибирский мамонт.

— Нам остается только радоваться, что она попала в Антарктику, а не в тропический пояс, — заметил Коппер. — Здесь не оказалось нужных форм жизни, и температура была слишком низка. Да и сейчас немногое изменилось. Мы здесь единственные живые существа, в кого можно трансформироваться.

— Да уж, — усмехнулся Блэр. — Это был бы полный триумф. Собаки не смогут преодолеть расстояние в четыре сотни миль до океана, им не хватит пищи. В это время года сюда не залетают птицы. Так далеко от моря нет пингвинов. — Голос Блэра налился силой. — Тут нет никого, кто бы мог добраться до побережья. Не считая нас! Мы разумны. Только мы в состоянии сделать это. Неужели вам не понятно, что она собирается трансформироваться в одного из нас? Только так она может завладеть самолетом и покорить Землю. — Голос биолога становился все громче и громче. — Она еще не знает этого. У нее еще не было возможности это узнать. Она очень торопилась и приняла форму существа, наиболее близкого ей

по размеру. Я разгадал ее логику! Она бы вскоре во всем разобралась и превратилась бы в одного из нас! Но я это предусмотрел! Я остановлю ее! Я уничтожил все средства передвижения! Ни один самолет не сможет взлететь. Ничто и никто не сумеет выбраться отсюда. — Блэр истерично расходился, рухнул навзничь и принялся кататься по полу.

Летчик ван Вол направился к двери. Звук его шагов эхом раздавался по коридорам. Доктор Коппер склонился над бившимся в истерике Блэром, затем открыл свой медицинский чемоданчик и достал одноразовый шприц. После укола Блэр быстро затих.

— Надеюсь, он все забудет, когда придет в себя, — сказал Коппер, поднимаясь с коленок.

Мак-Реди помог ему донести биолога до ближайшей койки.

— Все зависит от того, сможем ли мы убедить его, что эта тварь мертва.

Вернулся назад ван Вол, сел, почесывая тяжелую русую бороду.

— Блэр был совершенно прав насчет техники, но не все предусмотрел. Он забыл о тех запасных самолетах, что находились во втором складе. Теперь с ними все в порядке. О них позаботился я.

Гэрри кивнула:

— А как насчет радио? Доктор Коппер засопел:

— Неужели ты думаешь, что это существо может просочиться по радиоволне? Если связь будет прервана, за нами в течение трех месяцев будет отправлено пять спасательных бригад. Наоборот, нам нужно поддерживать связь в обычном режиме, но молчать о происшествии. Теперь мне интересно было бы знать...

— Подожди-ка! — прервал его Мак-Реди и подозрительно посмотрел на дверь. — Ведь это может быть сродни заразной болезни, а у нас многое испачкано ее кровью...

Коппер покачал головой:

— Блэр кое-что упустил. Эта тварь, видимо, способна имитировать любые жизненные формы, но в любом случае у нее должно быть нечто свое, собственная жизненная структура. Иначе бы она превратилась, например, в собаку и была бы просто собакой и ничем больше. Есть нечто, отличающее ее от

настоящей собаки. Отличие можно выявить серными тестами. Поскольку эта тварь из другого мира, ее химия должна коренным образом отличаться от нашей, поэтому несколько ее клеток — к примеру, капля крови — были бы восприняты человеческим или собачьим организмами как вирусы.

— Кровь? — удивился Норрис — А разве у этого существа есть кровь?

— Конечно, и в этом нет ничего особенного, — ответил Коппер. — Мышцы на девяносто процентов состоят из воды. Кровь отличается от них только тем, что в ней воды на пару процентов больше, а связующих клеток меньше. Это существо точно так же бы истекало кровью.

Блэр вдруг сел на койке и спросил:

— Коппер!.. А где Коннант?

Специалист по космическим лучам подошел к маленькому биологу:

— Я здесь. Чего тебе?

— А это в самом деле ты?.. — Блэр фыркнул и со смехом откинулся на кровать.

Коннант уставился на него непонимающим взглядом:

— Что значит, в самом ли деле это я?

— Ну ты ли это? — с трудом пересиливая смех, произнес Блэр. — Коннант ли ты? Ведь тварь хотела быть человеком, а не собакой...

ГЛАВА 7

Доктор Коппер поднялся с койки и тщательно вымыл руки. Он делал это без особого шума, но каждый звук эхом отдавался в помещении. Блэр наконец прекратил смеяться. Коппер взглянул на Гэрри и покачал головой:

— Боюсь, он безнадежен. И не думаю, чтобы нам удалось убедить его, что эта тварь мертва.

Норрис неуверенно засмеялся:

— Не думаю, чтобы вам удалось убедить в этом даже меня. Черт бы тебя побрал, Мак-Реди!

— О чём ты? — Гэрри переводил удивленный взгляд с Норриса на метеоролога и обратно.

— О кошмарах, — сказал Норрис — У Мак-Реди появились кое-какие мысли по поводу тех кошмаров, что снились нам на Второй станции. После того как мы нашли это существо...

— И что?.. — Гэрри ожидающе посмотрел на Мак-Реди.

Ответил ему Норрис, и голос физика звучал резко и сурово:

— А то, что эта тварь не была мертвой! Ее жизненные процессы были сверхъестественно заторможены, но тем не менее она прекрасно осознавала происходящее. И наше появление значило для нее очень много после долгих лет белого безмолвия. Она контролировала наши мысли и сообщила нам в снах, что способна имитировать живые существа.

— Да уж, — усмехнулся Коппер. — Уж на это она ой как способна...

— О Боже! — взорвался Мак-Реди. — Не будь идиотом, док! Меня беспокоит кое-что иное. Во сне она могла читать мысли и чувства и полностью изучить манеру поведения.

— Подумаешь!.. Неужели это беспокоит тебя больше, чем развлечения, которые доставит нам этот сумасшедший?! — Коппер кивнул в сторону спящего Блэра.

Мак-Реди медленно покачал головой:

— Ты не понял, док... Мы знаем, что Коннант это Коннант, поскольку он выглядит, как Коннант. И даже если допустить, что эта тварь способна полностью имитировать внешность, то мы все равно уверены, что это Коннант, поскольку он думает, двигается и ведет себя, как тот человек, которого мы все хорошо знаем. Но другое дело, если эта тварь способна в точности копировать его манеру поведения. Если она скопирует не только тело Коннанта, но и его мысли и чувства... Вы вполне допускаете, что это существо способно принять облик Коннанта, но вас это не слишком волнует. Ведь вы знаете, что она обладает разумом другой, чуждой нам цивилизации и потому не сможет думать, чувствовать, действовать и говорить, как знакомый нам человек. По крайней мере, не сможет делать это так хорошо, чтобы хотя бы на секунду ввести нас в заблуждение...

— У тебя слишком буйная фантазия, Мак-Реди, — сказал Норрис, пристально глядя на метеоролога. — Я уже говорил тебе это и повторю еще раз!

Повар Киннер стоял около Коннанта, потирая шрам на лице. Внезапно он направился через переполненное народом



помещение к своей кухне и шумно вытряхнул пепел из кухонной печи.

— Копировать внешне то, на что бы ты хотел быть похожим, мало, — сказал доктор Коппер, как будто размышляя вслух. — Нужно еще понимать его чувства, мысли и реакции. Да, хороший актер, потренировавшись, может сымитировать манеру поведения другого человека достаточно хорошо, чтобы одурачить изрядное количество людей. Но

ни один актер не способен сымитировать другого человека с такой достоверностью, чтобы люди, живущие с этим человеком бок о бок, не отличили оригинал от подделки. Для этого потребовалась бы нечеловеческие способности.

— Дьявол! — выругался Норрис — И ты туда же, док!

Коннант, стоявший возле другой стены, смотрел на них широко открытыми глазами. Он был неестественно бледен. Разговор каким-то образом сгруппировал людей в противоположном конце помещения, и специалист по космическим лучам поневоле оказался в одиночестве.

— Боже мой! — вскричал он. — Да что вы такое городите! Вы ведь говорите сейчас обо мне! Неужели я похож на подопытное животное или какое-нибудь пресмыкающееся, чтобы вы заговорили обо мне в третьем лице?

Мак-Реди поднял голову и взглянул на него:

— Мы прекрасно проводим время, Коннант. Как жаль, что тебя нет с нами. Подпись: все.

— Коннант, — проникновенно сказал доктор Коппер. — Ты ведь понимаешь... Не сердись, но тебя все боятся.

— Боже! — простонал Коннант. — Как бы я хотел, чтобы вы сейчас увидели свои глаза! Перестаньте на меня смотреть так! Что вы, черт возьми, собираетесь делать?!

— У тебя есть какое-нибудь предложение, док? — спокойно спросил Гэрри. — Нынешняя ситуация кажется невероятной.

— Невероятной? — вкрадчиво произнес Коннант. — Всего-то? — И вдруг взорвался: — Тогда подойди ко мне и посмотри на них. Ей-богу, они выглядят, как свора собак там, в туннеле!.. Беннинг, да брось ты этот чертов ледоруб!!!

Металлическое лезвие громко звякнуло об пол — авиационный механик и в самом деле выронил его. Все вздрогнули. Беннинг тут же нагнулся, поднял ледоруб и продолжил поигрывать им. Глаза механика медленно обежали комнату и вновь остановились на Коннанте. Тот лишь руками развел. Коппер сел на койку рядом с Блэром. Она громко скрипнула. Из глубины коридора донесся долгий вой собаки — видимо, ей было невыносимо больно. Страдалицу успокаивали участливые голоса собаководов.

— Исследование образцов под микроскопом бесполезно, — сказал доктор. — Блэр прав: прошло слишком много

времени, чтобы можно было определить истину. Однако серные тесты попробовать стоит.

— Я уже второй раз слышу про серные тесты, — заметил Гэрри. — Что это такое?

Доктор встал с койки:

— Методика такова. Кролику в течение некоторого времени увеличивающимися дозами переливают человеческую кровь. Затем из его крови делают сыворотку. Потом берут две пробирки. В одну наливают кровь человека, а в другую — кровь любого другого живого существа. Затем в обе пробирки добавляют изготовленную сыворотку и чистую серу. В пробирке, где была кровь человека, будет происходить активная химическая реакция. А там, где кровь коровы или собаки... да любой другой белковый материал, кроме человеческой крови... никакой реакции не будет. — Коппер устало улыбнулся. — Такой тест точно докажет, кто есть кто.

— Ты бы еще подсказал, док, где нам взять кролика! — Норрис саркастически ухмыльнулся. — Может, мне в Австралию сгонять? Отловлю для тебя пару голов и назад.

— Да, кроликов у нас, к сожалению, нет. — Коппер не обратил ни малейшего внимания на его сарказм.

— Но ведь кролик в данном случае ничем не отличается от других зверей. Я думаю, подойдет любое животное, за исключением человека. Собака, к примеру. Но тест займет несколько дней, а из-за крупных размеров животного потребуется несколько большее количество человеческой крови, чем при опыте с кроликом. Так что кровь должны сдавать двое. Одним буду я, а второй...

— Я подойду? — спросил Гэрри.

— Почему бы и нет? Прямо сейчас и приступим.

— А что мы все это время будем делать с Коннантом? — поинтересовался Киннер. — Я скорее выйду на поверхность и отправлюсь пешком к побережью, чем стану готовить для него пищу.

— Он вполне может оказаться человеком... — начал было Коппер, но его прервал поток ругательств, которым разразился Коннант.

— Я могу оказаться человеком!.. Вы, идиоты! А кем я еще могу быть?

— Гуманоидом, — ядовито сказал Коппер. — А теперь заткнись и слушай!

Коннант изменился в лице и сел.

— До тех пор пока мы не убедимся, что ты человек — а ты прекрасно понимаешь, что у нас есть основания сомневаться в этом, — мы вынуждены тебя изолировать. Ведь если ты не человек, ты намного более опасен, чем бедняга Блэр. Впрочем, он представляет собой реальную угрозу и, я полагаю, тоже должен быть заперт. Вполне возможно, что на следующей стадии к нему придет страстное желание убить тебя, собак, а возможно, и всех нас. Придя в себя, он будет убежден, что все мы нелюди, и ничто на свете не переубедит его. Гуманнее дать ему умереть, но мы не можем пойти на это. Мы запретим его, а ты останешься в своей лаборатории. По-моему, к такой жизни тебе не привыкать. А я займусь изготовлением сыворотки.

Коннант огорченно кивнул:

— Я человек, Коппер. Поторопись со своим тестом. — Его вдруг передернуло. — Как вы на меня смотрели!.. Вам бы стоило увидеть собственные глаза!..

ГЛАВА 8

Гэрри с тревогой наблюдал за тем, как собаковод Кларк держал за ошейник Аляскина. Коппер взялся за работу.

Пес не рвался к сотрудничеству, игла причиняла ему боль, с которой он был уже хорошо знаком. Пять швов стягивали края раны, тянувшейся от холки, почти на полтела. Один из клыков Аляскина был наполовину обломан. Недостающую его часть наверняка можно было найти в плечевой кости существа, что лежало на столе в главном корпусе. Закончив манипуляции с собакой, доктор проколол вену на левой руке Гэрри и приступил к переливанию.

— Сколько на все это потребуется времени? — спросил Гэрри.

Коппер пожал плечами:

— Если честно, не знаю. Мне знаком общий метод. Я делал подобные опыты на кроликах, но с собаками экспериментировать не приходилось. Они великоваты и не очень

подходят для работы. С кроликами работать удобнее. На Большой земле всегда можно купить у поставщиков десяток кроликов с уже перелитой человеческой кровью. Редко кому из ученых приходится заниматься переливанием самостоятельно.

— А зачем эти кролики на Большой земле? — спросил Кларк.

— Их используют в криминологии. К примеру, А говорит, что не убивал Б, а пятна, обнаруженные на его рубашке, — всего лишь кровь зарезанного им цыпленка. Делается тест, после чего А объясняют, что кровь цыпленка наблюдаемой реакции никогда бы не вызвала. А вот кровь человека...

— Понятно, — оборвал его Гэрри. — Меня интересует другое... Что мы будем делать с Коннантом, пока не будут получены результаты? Сейчас ему лучше всего дать выспаться, но ведь рано или поздно он проснется...

— Баркли и Бенниг уже занимаются дверью космической лаборатории, — мрачно сказал доктор. — Коннант ведет себя по-джентльменски. Я думаю, выражение наших глаз дает ему право желать покоя и одиночества. Если признаться честно, каждый из нас хоть однажды мечтал здесь о покое и одиночестве.

Кларк горько улыбнулся:

— Да, но только не сейчас!

— Блэр, — продолжил Коппер, не обратив никакого внимания на его реплику, — тоже нуждается в покое и запертых дверях. Когда он очнется, у него быстро созреет вполне определенный план. Вы не слышали байки о самом надежном средстве остановить эпидемию среди крупного рогатого скота?

Кларк и Гэрри помотали головами.

— Средство — проще некуда! Нужно уничтожить как заболевших коров, так и всех тех, что были с ними рядом. — Коппер судорожно потер подбородок. — Блэр знает эту историю. Он боится твари, даже в поджаренном виде. И у него наверняка появится четкий ответ на вопрос, как выйти из положения. Проще всего уничтожить всех и вся в этом лагере, прежде чем весной в эти края залетит заблудший альбатрос и подхватит «болезнь».

Губы Гэрри сжались в горькую усмешку.

— Звучит логично. Если дела пойдут еще хуже, это будет единственный выход. Мы можем даже дать друг другу что-то вроде клятвы.

Коппер покачал головой.

— Последний, оставшийся в живых, не будет человеком, — заметил он. — Помимо всего прочего, кому-то придется убивать тех, кто не способен на самоубийство. У нас недостаточно взрывчатки, чтобы решить проблему разом, а деканит здесь не поможет. — Доктор вдруг замер на мгновение. — Кстати, а где гарантия, что даже маленькие кусочки этого существа не способны бороться за свое существование?..

— Раз эта тварь действительно может менять форму тела по собственному желанию, — задумчиво произнес Гэрри, — почему бы ей не обратиться в птицу? Она может прочитать о птицах в наших мозгах. А еще проще превратиться в какое-нибудь летающее создание с ее родной планеты.

Коппер снял с пса медицинское оборудование и покачал головой:

— Люди изучали птиц на протяжении веков, стараясь понять, каким образом они летают, и создать махолет. Никому это так и не удалось. Знание общей идеи о структуре крыла, костей или нервной системы ничего не дает. Что же касается летающих созданий с других планет, то вполне возможно, что их птицы не смогли бы летать в земной атмосфере. Это существо могло жить на планете, подобной Марсу, с таким разреженным воздухом, что там вообще не может быть птиц.

В главный корпус вернулся Баркли, таща на плече сварочный кабель.

— Все заканчено, док. Из лаборатории космического излучения выбраться без посторонней помощи невозможно. Давайте решать, где разместим Блэра.

Коппер взглянул на Гэрри:

— Биологической лаборатории у нас нет. Где бы его запереть?

— Восточный склад вполне подойдет, — сказал Гэрри недолго подумав. — Блэр сможет позаботиться о себе сам или за ним нужно присматривать?

— Это за нами нужно присматривать, — мрачно заметил Коппер. — Блэр будет вполне дееспособен. Поставим ему

печь, оставим пару мешков с углем и все необходимое. Там ведь никого не было с прошлой осени.

— Что ж, я думаю, это подходящая идея, — кивнул Гэрри.

Баркли снял с плеча кабель и взглянул на Гэрри:

— Вполне!.. Если его нынешнее бормотание станет громче, он скоро будет петь свои песни снаружи.

— А что он бормочет? — спросил Коппер. Баркли пожал плечами:

— Я особо не прислушивался. Но, по-моему, этот идиот видел те же сны, что и Норрис, если не больше. Он уснул около твари, когда мы возвращались со Второй станции, помнишь? Норрису еще снилось, будто она ожила, и все прочее. И черт меня подери, если Блэр не догадался о большем!.. Что это не просто сны... — Баркли побагровел. — Что тварь обладает сильнейшими телепатическими способностями и может не только читать мысли, но и навязывать их. Неужели вы до сих пор не поняли, что это были вовсе не сны?.. Тварь и сейчас влияет на мысли Блэра, навязывает ему идеи, пока он спит. Вот почему мы так много знаем о ее возможностях... Кстати, ты веришь в телепатию?

— Мне приходится в нее верить, — тихо сказал Коппер. — Доктор Райн из Гарвардского университета доказал, что она существует. Просто люди неодинаково чувствительны к ней.

— Думаю, все дело в том, что мы с тобой, док, не столь чувствительны, как Блэр. А если тебя интересуют подробности, пойди послушай, что он там вещает. Из главного корпуса все разбежались. Остался только Киннер, но он гремит сковородами, а в промежутках помешивает угли. — Баркли повернулся к начальнику экспедиции. — И еще вопрос, шеф... Что мы будем делать весной? Все самолеты выведены из строя.

В глазах Гэрри промелькнула тоска.

— Боюсь, что наша экспедиция обречена на провал. Мы и сейчас не можем ничего предпринять.

— Никакого провала не будет и ни на что мы не обречены, — не согласился Коппер. — Главное, чтобы мы были живы и делали все возможное. Эта тварь, если нам удастся взять ее под контроль, очень важна для науки! Да и результаты исследований по космическим лучам, магнитному полю и наблюдениям атмосферы человечеству не помешают.



Гэрри невесело рассмеялся:

— Я имел в виду наши сообщения. Мы упоминаем только о результатах нашей запланированной работы и пытаемся обмануть таких людей, как Бъядр и Элл-сворф, недоговоренностями.

— Они прекрасно понимают, что у нас тут что-то не в порядке. Но они понимают и то, что мы не стали бы так поступать без причины. — мрачно кивнул Коппер.

— Думаешь, именно поэтому они не отправляют спасательную экспедицию? — спросил Гэрри. — Тогда, если нам когда-нибудь удастся выбраться отсюда, надо будет попросить Форсайта принять все меры, чтобы сюда никогда не ступила нога человека.



— Ты имеешь в виду, если нам не удастся выбраться? — Баркли усмехнулся. — Неужели ты думаешь, этого можно добиться? Даже если мы передадим по радио грохот землетрясения, это не поможет. Ничто никогда не заставит людей держаться подальше отсюда. — Его улыбка стала мрачной. — А скорее всего получится сцена из плохонького ужастика, когда в живых остается лишь один. Тот, кто сделает все возможное, чтобы его нашли...

Гэрри улыбнулся в ответ:

— И многие в лагере думают так же? Коппер ответил без улыбки:

— Мы уверены, что можем выиграть.

Кларк наконец успокоил собаку.

— Говоришь, док, уверены?.. — сказал он. — Ну-ну!..

ГЛАВА 9

Блэр нетерпеливо мерил шагами небольшое помещение, бросая задумчивые взгляды на четырех человек, стоявших у двери. Это были Баркли, Мак-Реди, доктор Коппер и авиамеханик Беннинг. Вещи биолога, сваленные в кучу в центре помещения, представляли собой баррикаду, отделившую его от остальной четверки. Бросив очередной взгляд, Блэр вдруг прижался к дальней стене Восточного склада и сжал костяевые кулаки.

— Пусть никто ко мне не приходит, — сказал он нервно. — Я сам буду себе готовить. Киннер, может, пока еще и человек, но я в этом сомневаюсь. Мне не нужна ваша пища. Я буду питаться исключительно консервами.

— Хорошо, Блэр, я принесу их тебе, — пообещал Баркли. — У тебя есть уголь и спички, можешь топить печь. — Он сделал шаг вперед. — А если...

Маленький биолог немедленно отскочил в дальний угол.

— Прочь от меня, монстр! — взвизгнул он и принял скрести ногтями стену, словно пытался проковырять в ней дыру и выбраться из помещения. — Убрайся отсюда! Я не хочу превратиться в монстра, как ты...

Баркли отошел к двери. Доктор Коппер покачал головой:

— Оставь его в покое, Бар. Ему лучше самому разобраться, что к чему. А нам, полагаю, лучше запереть покрепче двери.

Все четверо покинули склад. Беннинг и Баркли тут же занялись дверью. В лагере не было замков, поскольку отсутствовали персональные углы и каморки. В замках попросту не было необходимости. Поэтому на дверь поставили два мощных засова и обмотали ее стальным тросом. Потом Баркли прорезал в двери небольшое окно, через которое можно было

передавать предметы, не трогая основные запоры. Окно также запиралось на засов. В общем, изнутри открыть дверь и окошко было невозможно.

Блэр нервно ходил по складу, бормоча несусветные ругательства. Потом послышался какой-то шум. Баркли открыл окошко и заглянул внутрь. Оказалось, Блэр подвинул к двери тяжелую койку и принялся наваливать на нее всякий складской хлам. Теперь без его помощи дверь невозможно будет открыть и снаружи.

— Я, конечно, не знаю, но у этого человека должны остаться хоть какие-то права? — вздохнул Мак-Реди. — С другой стороны, если он погибнет, то всему виной будет его явное намерение убить других людей. Нам хватит и одного врага с этой стороны двери. И тем не менее, если кто-то из нас погибнет, я вернусь и сломаю все эти запоры.

Баркли усмехнулся:

— Скажешь мне, а я покажу, как разобрать эту конструкцию побыстрее. Ну что, пора возвращаться?

Все четверо тронулись в обратный путь к главному корпусу, находящемуся в трех километрах от Восточного склада. Лыжи со скрипом катили по снегу, похожему на мелкий твердый песок. Северный горизонт играл всеми цветами радуги. Контуры заснеженных холмов резко очерчивались на его фоне.

— Скоро весна, — горько сказал Беннинг, когда четверка подкатила к дверям главного корпуса. — Разве это не здорово! Я уже давно мечтаю выбраться из этой чёртовой норы во льду.

— На твоем месте я бы не пытался делать это сейчас, — отозвался Баркли. — В ближайшие дни всякий, кто пожелает убраться отсюда, вызовет у остальных величайшие подозрения.

— Как там твоя собака, Коппер? — спросил Мак-Реди. — Есть результаты?

— Уж больно ты скор!.. Я перелил ей кровь сегодня. Думаю, потребуется еще дней пять. Если прервать эксперимент раньше, результаты могут оказаться недостоверными.

— А интересно, — сказал задумчиво Мак-Реди, — если бы Коннант был не Коннант, предупредил бы он нас сразу? Не подождал бы, пока тварь полностью перевоплотится? Пока она полностью придет в себя!

— Эта тварь чрезвычайно живучая, — заявил доктор. — Я думаю, каждая ее частица — целый живой организм. Допустим, Коннант перестал быть Коннантом. Допустим, эта тварь превратилась в него, чтобы спасти свою шкуру. Но ведь чувства Коннанта не изменились, они полностью имитируются этим созданием. А значит, тварь, имитируя чувства Коннанта, вела бы себя точно так, как вел бы себя и Коннант. Имитацию невозможно разоблачить.

Баркли обдумал этот вывод и кивнул. Потом подумал еще немного и спросил:

— Скажи-ка, док, не могли бы Норрис или Вэйн подвергнуть Коннанта... как бы правильнее выразиться?.. тесту на знания, что ли? Ведь если тварь разумнее человека, она может знать о физике больше, чем Коннант. На этом ее можно было бы поймать.

Коппер покачал головой:

— Нет, если она действительно читает мысли, ты не сможешь приготовить ей ловушку. Вэйн говорил об этом вчера. Он мечтал, чтобы она ответила на пару вопросов по физике, на которые ему очень хотелось бы знать ответы.

— Возможно, делу поможет идея быть на виду друг у друга? — Беннинг посмотрел на компаньонов. — Каждый из нас следит за другими, не делают ли они чего-нибудь необычного! Каждый наблюдает за соседом, изображая искреннее доверие.

— По-моему, я начинаю понимать, что именно Коннант имел в виду, когда говорил, что нам бы стоило увидеть собственные глаза!.. — Коппер задумчиво уставился в пространство. — Каждый из нас хотя бы однажды думал, нет ли рядом с ним монстров. Между прочим, я не исключаю и себя.

— Итак, — подытожил Мак-Реди, — тварь вроде бы мертва. И никто, кроме Коннанта, больше не попадает под подозрение. А договоренность все время быть на виду друг у друга — всего лишь мера предосторожности.

— Видимо, так! — Баркли вздохнул. — Докладываем Гэрри и ложимся спать. — Он вздохнул еще раз. — Я все время считал, что у меня нет возможности уединиться. Но теперь, после этой договоренности...

ГЛАВА 10

Душа Коннанта, смотревшего на биологический материал, была переполнена ожиданием приговора. Маленькая стеклянная пробирка, наполовину наполненная желтоватой сывороткой, которую доктор Коппер подготовил из крови пса, — жизнь или смерть?.. Ждать оставалось недолго. К содержимому пробирки добавили кровь Коннанта и серу, осторожно взболтали, затем опустили в термостат с теплой водой. Термометр показал температуру, чуть слышно щелкнуло реле, и загорелась сигнальная лампочка. Все смотрели на нее затаив дыхание. Вскоре лампочка погасла. Коппер вытащил пробирку из термостата. В желтоватой жидкости плавали маленькие белые хлопья.

— Бо-о-оже! — Коннант тяжело плюхнулся на койку и разрыдался как ребенок. — Шесть дней...

Шесть дней в ожидании, не соврет ли этот чертов тест!

Гэрри тихо подошел к врачу и положил ему руку на плечо.

— Тест не может соврать, — сказал Коппер. — Кровь среагировала на серу.

— Он человек! — выдохнул Норрис — А эта тварь мертва!

— Он человек, — эхом отозвался Коппер. — И эта тварь мертва.

Киннер вскочил со стула и разразился истерическим смехом. Мак-Реди повернулся к нему и пару раз ударил по щекам. Повар расплакался, потом иновь расхохотался. И наконец сел, растирая щеки и бормоча:

— Боже! Как же мне было... Как мне было страшно... Как...

— Думаешь, нам страшно не было?! — горько усмехнулся Норрис. — Думаешь, Коннант не был напуган?!

Главный корпус наполнился радостью и возрождением. Мрачные, настороженные лица расцвели веселыми и дружелюбными улыбками. Люди собирались вокруг Коннанта, хлопали его по спине. Сам Коннант беспрерывно говорил что-то неестественно громким голосом.

— Блэр! — вспомнил Беннинг, и дюжина людей рванула за лыжами.

Доктор Коппер все еще суетился над пробирками, в первом, возбуждении проверяя, результаты. В коридоре с грохотом упали чьи-то лыжи. Подняли радостный лай собаки.

А потом Коппер замер. Мак-Реди был первым, кто заметил это: врач держал в руках две пробирки с белыми хлопьями. Затем он поднял голову, из его широко открытых глаз выкатились маленькие слезинки. Мак-Реди почувствовал, как холодный нож страха пронзил его сердце.

— Гэрри, — хрипло позвал Коппер. — Гэрри, ради Бога, иди сюда.

Начальник экспедиции закрыл дверь в коридор и подошел. В лазарете воцарилась тишина. Шум в коридоре пролетал мимо сознания присутствующих.

— Гэрри, кровь монстра тоже вступает в реакцию, — прошептал доктор. — Так что опыт ничего не доказывает. Ничего, кроме того, что один из принимавших участие в переливании — чудовище. Один из нас с тобой, Гэрри!

ГЛАВА 11

— Бар, позови людей, — спокойно сказал Мак-Реди. — У Блэра им пока нечего делать.

Баркли вышел в коридор. Вскоре стало тихо и там.

— Они идут, — сказал Баркли, вернувшись в лазарет. — Я не стал ничего объяснять, просто сказал, что доктор Коппер просил неходить к Блэру.

— Мак-Реди, — вздохнул Гэрри. — С этого момента командуешь ты. Да поможет тебе Бог! — Бронзовый гигант медленно кивнул. — Я знаю, что я не имитация, — продолжил Гэрри, — но не могу это доказать. Тест Коппера бесполезен. Но тот факт, что док сообщил нам об этой бесполезности, может служить доказательством тому, что сам док — человек. В интересах монстра было не разглашать этого.

Коппер сидел на кровати и тупо качался из стороны в сторону.

— Я и без тебя знаю, что я человек, — сказал он. — Но я также не могу привести доказательства. Один из нас должен быть монстром. Я сообщил о бесполезности теста, и это доказывает, что я человек. Но Гэрри самолично доказывает, что я человек, чего он, будучи монстром, не стал бы делать. Замкнутый круг! — Коппер вдруг завалился на ближайшую койку,

взорвавшись приступом смеха. — Нет смысла выяснять, кто из нас нечеловек. Люди мы или имитации — все равно, ничего не меняется. Все мы уже перестали быть людьми. И Коннант, и Гэрри, и я — все мы!

— Мак-Реди, — мягко позвал ван Вол, — ты ведь почти имел степень доктора медицины, когда решил заняться метеорологией.

Мак-Реди открыл шкафчик, достал шприц и наполнил его из какой-то ампулы. Гэрри сидел на краю второй койки с деревянным лицом. Мак-Реди воткнул иглу в бедро Коппера, сделал инъекцию и бросил шприц в урну. Смех медленно перешел в рыдания, а затем и вовсе затих. Коппер расслабился и засопел.

Мак-Реди поправил подушку и повернулся к присутствующим. Группа, собиравшаяся к Блэру, стояла в дверях лазарета. Их лица были более снега. У Коннанта в обеих руках торчало по зажженной сигарете. Ту, что была в правой, он курил, тупо уставясь в пол. Сигарета в левой дотлела до конца. Тупой взгляд специалиста по космическим лучам переполз с пола на нее и слегка прояснился. Окурок полетел на пол и тут же был растерт каблуком.

— Доктор Коппер кругом прав, — сказал Мак-Реди. — Я тоже знаю, что я человек, но тоже не могу этого доказать. — Он подошел к термостату. — Я повторю тест лично для себя. Каждый из вас, если захочет, может сделать то же самое.

Две минуты спустя Мак-Реди держал в руках пробирку с белыми хлопьями.

— Она реагирует на мою кровь так же. Значит, из пары Гэрри и Коппер кто-то является человеком.

— А я в этом и не сомневался, — сказал ван Вол. — Если бы они оба были нечеловеками, это бы не устроило монстра. Ведь мы бы сразу уничтожили их, если бы узнали точно. Кстати, почему, вы думаете, монстр не уничтожил нас? Это, кажется, промах с его стороны.

Мак-Реди фыркнул:

— Элементарно, Ватсон!.. Монстр заинтересован в том, чтобы иметь в наличии доступные жизненные формы. Вероятно, он не может имитировать мертвых. Он выжидает, когда наступит благоприятная возможность. Тех, кто еще остался людьми, он всего лишь держит про запас.

— А ну-ка. Мак, проверь, не монстр ли я. — Лицо его скрипилося. — Боже, как я узнаю, перевоплотился ли в меня монстр или нет?

— Ты-то узнаешь, — ответил Мак-Реди.

— Но мы-то нет! — Норрис рассмеялся, и от его смеха похихикало истерикой.

Мак-Реди посмотрел на оставшуюся в пузырьке сыворотку.

— Это не самое страшное, — задумчиво сказал он. — Кларк, не могли бы вы с Ваном помочь мне? Идем к животным! Все остальные ждите нас в столовой. Следите друг за другом. — В его голосе послышалась горечь. — И смотрите, чтобы вас не обманули!

В коридоре Кларк спросил:

— Ты решил сделать новую сыворотку?

Мак-Реди покачал головой:

— Я решил проверить старую. Там у нас четыре коровы, бык и семья собак. Сыворотка реагирует только на кровь человека и монстра.

ГЛАВА 12

Вернувшись в лазарет, Мак-Реди молча подошел к умывальнику. Ван Вол и Кларк вошли минутой позже. Губы Кларка задрожали, и он неожиданно чихнул.

— Перестань распространять заразу! — внезапно взорвался Коннант.

Кларк фыркнул и начал икать.

— Заразу!.. Вся зараза уже и так распространилась!

— Этот монстр, — спокойно сказал ван Вол, — действует очень логично. Больше тесты мы делать не будем.

— Разве нельзя использовать для сыворотки кровь других собак? — спросил Норрис.

— Собак больше нет, — мягко сказал Мак-Реди. — И скота тоже.

— Как нет собак? — Беннинг медленно опустился на пол.

— В момент смены обличья они выглядят отвратительно, — сказал ван Вол, — но превращаются довольно быстро. Хорошо, у Кларка отличная реакция — он ловко поджарил их! Осталась

только одна собака — та, которую мы привили. Монстр оставил ее, чтобы мы могли поиграть в наш маленький тестик. Все понятно? — Он тоже принял мыть руки.

— Скот тоже?

— Да. — Ван Вол взялся за полотенце. — Они чудесно выглядят, когда начинают плавиться! Бесформенная склизкая маска... Из собачьих цепей монстр быстро скрыться не мог: сначала ему надо было перестать быть собакой.

Киннер медленно поднялся и так же медленно, шаг за шагом, направился к двери, глотая ртом воздух, словно вытащенная из воды рыба.

— Молоко, — прошептал он. — Я доил их час назад! — Его голос сорвался на визг.

Шаги Киннера прогремели по коридору, а потом все почувствовали, как в помещение ворвался поток морозного воздуха: повар выскочил наружу без верхней одежды. Ван Вол задумчиво посмотрел ему вслед.

— Киннер что, совсем рехнулся? — сказал он через некоторое время. — Или он просто спасающийся монстр? Даже лыж не взял! Кларк, поможешь мне догнать его? И возьми-ка на всякий случай водородную лампу.

Их стремительные приготовления немного разрядили обстановку. Но потом остальные почувствовали себя совсем плохо. Норрис, позеленев лицом, лежал на свободной койке, глядя в потолок.

— Мак, как долго коровы были некоровами? — спросил он вдруг.

Мак-Реди безнадежно пожал плечами. Потом подошел к молочному контейнеру, набрал в пробирку молока, добавил сыворотки и серы. Жидкость заклубилась. Мак-Реди некоторое время следил за ее поведением, потом поставил пробирку в штатив и покачал головой:

— Реакция негативная. Возможны два объяснения. Во-первых, когда брали молоко, коровы были еще коровами. А во-вторых, монстры, будучи полнейшими копиями оригиналов, способны давать молоко, ничем не отличающееся от натурального.

Коппер во сне дернулся, издал какой-то звук — нечто среднее между стоном и смехом. Все посмотрели на него.

— А на монстра успокоительное подействовало бы? — спросил кто-то.

— Черт его знает! — Мак-Реди пожал плечами. — Оно действует на любое земное существо.

Коннант неожиданно поднял голову:

— Мак! Собаки были в том месте, где обитал монстр. Я был заперт. Это не доказывает...

Ван Вол покачал головой:

— Извини! Это ничего не доказывает о том, кто ты такой. Доказывает лишь, чего ты не делал.

— Ничего это не доказывает, — вздохнул Мак-Реди. — Мы беспомощны, потому что мало знаем. Мы сильно возбуждены, раздражены и поэтому не можем принять верное решение. Ты когда-нибудь видел белое кровяное тельце, проходящее через стенку кровеносного сосуда? Я раньше тоже не видел. А теперь вот увидел.

— Боже, — несчастным голосом сказал ван Вол. — Оно ведь могло просто расплавиться! Стать желеподобной массой и протечь под дверью, чтобы за ней опять превратиться в корову...

— Если выстрелить этой твари в сердце, — сказал Мак-Реди, — она не умрет. Это единственный метод опознания, который я смог придумать.

ГЛАВА 13

Стоявший у кухонной печи Кларк повернулся и взглянул на вошедших ван Вола, Баркли, Мак-Реди и Беннинга. Остальные скучились тут же, в столовой, продолжая делать то, что делали в былье, спокойные времена. Кто-то играл в шахматы, кто-то — в покер, кто-то перелистывал страницы зачитанной книги.

Ралсен возился с санями, Вэйн и Норрис склонились над диаграммами магнитуд, а Харви низким басом диктовал им табличные данные. Гэрри и Даттон разбирались с радиограммами. Коннант занял часть стола материалами по космическому излучению. В углу на притащенной из лазарета койке тихонько посапывал доктор Коппер — его не рискнули оставить без присмотра.

Киннера отделяли от столовой две закрытые двери, но голос повара слышался очень и очень неплохо. Наконец Кларк с грохотом поставил чайник на печь и тихонько позвал Мак-Реди. Тот подошел.

— Я ничего не имею против того, чтобы выполнять обязанности повара, — нервно проговорил Кларк. — Но неужели нет никакого способа заткнуть этому горластому петуху глотку? Может, будет безопаснее перевести его в космическую лабораторию?

— Ты о Киннере? — Мак-Реди кивнул на дверь. — Боюсь, не стоит. Я считаю, у него просто истерики. Он не сходит с ума.

— Зато мы скоро свихнемся. Вас не было полтора часа. И все это время концерт продолжался, да плюс два часа до вашего ухода. Есть же предел!

Гэрри отошел от стола и принял ходить из угла в угол. На секунду Мак-Реди поймал в глазах новоиспеченного повара выражение ужаса. Он знал, что такое же выражение сейчас и у него самого. Гэрри вполне мог быть монстром. Как и Коппер... И никуда от этого не деться! Гэрри еще раз прошелся туда-сюда и остановился.

— Мак, — сказал он, — если бы ты смог прекратить эти вопли, было бы неплохо. Обстановка и так накалена. И постарайся, ради Бога, отыскать новый способ выявления!

— Блэр забаррикадировал дверь, теперь ее не открыть, — вздохнул Мак-Реди. — Говорят, у него достаточно еды. При нашем появлении заорал: «Убрайтесь, монстры!» — Мак-Реди устало опустился на стул. — А потом сказал, что скоро придут люди и спасут его. Ну, мы постояли, послушали и убрались.

— Мак, неужели нет никакого другого способа? — умоляюще спросил Гэрри.

Мак-Реди пожал плечами:

— Коппер абсолютно прав. Серный тест нам не помощник.

— А химия? Химические тесты?

— Наша химия не настолько развита. Я попробовал воспользоваться микроскопом. Тебе не говорили?

Гэрри кивнул:

— Да, собака-монстр и настоящий пес оказались абсолютно идентичны. Тем не менее исследования нужно продолжать. Что будем делать после ужина?

— Спать посменно, — сказал незаметно подошедший ван Вол. — Половина спит, половина бодрствует. — Он сел за стол — Интересно, сколько среди нас мутантов? Тварь могла уже поглотить всех, кроме меня. — Глаза ван Вола вспыхнули. — Нет, это невозможно! Тогда бы и я уже перестал быть человеком. Людей пока должно быть больше, чем монстров. И это странно... Почему она не захватила всех? Почему не воюет с нами?

Мак-Реди коротко рассмеялся:

— А зачем?! Тварь ни с кем не воюет. И не думаю, чтобы она когда-либо с кем-либо воевала. Это чрезвычайно мирное создание. Зачем ей сражаться — она и так всегда достигнет того, чего захочет!

Ван Вол-тоже усмехнулся:

— Можно подумать, ты считаешь, что большинство уже стали монстрами! И теперь ждут не дождутся, когда я, последний человек, вынужден буду поддаться усталости и уснуть. — Усмешка на его лице погасла. — Ты обратил внимание на их глаза, когда они смотрят на нас?

Мак-Реди промолчал. Зато отозвался Гэрри:

— Я видел эти взгляды все время, пока вас не было. Они следили за мной и Коппером, словно ждали, что сейчас кто-то из нас начнет превращаться в монстра.

К столу подошел Кларк:

— Так ты заткнешь этого идиота или нет? Или пусть вопит хотя бы на тон ниже.

— Все еще молится? — спросил Мак-Реди.

— Молится, — вздохнул Кларк. — Я, честно говоря, ничего не имею против, если это действительно ему помогает, но можно ведь и потише. Или он думает, что Бог не услышит его отсюда.

— Может, Киннер прав, и Бог действительно не слышит нас отсюда. Иначе он бы непременно избавил нас от этого порождения дьявола.

— Да, — хмуро сказал Кларк. — И я не удивлюсь, если кто-нибудь попробует твой новый способ. Пулю в сердце... Правда, не менее эффективным показателем стал бы и нож в глаз.

Мак-Реди некоторое время смотрел на него. Потом встал:

— Ладно, ужинайте без меня. Я посмотрю, что еще можно сделать. — Он отправился в лазарет.

Баркли и ван Вол двинулись следом — теперь в лагере никто никогда не ходил поодиночке. Медикаменты находились в трех больших шкафах, два из которых были заперты на замки. Пришлось вернуться в столовую и отыскать в кармане врача ключи. Потом Мак-Реди занялся содержимым шкафов. Коппер был скрупулезным человеком, знаяшим свою профессию глубоко и основательно. А Мак-Реди уже двенадцать лет занимался метеорологией. Большинство медикаментов были ему незнакомы, многие он попросту забыл.

— Где-то должен быть справочник, — сказал метеоролог своим спутникам.

Справочник оказался в столе. Открыв его, Мак-Реди принялся разбираться с содержимым шкафов. Доставал очередной пузырек, читал название, искал по справочнику информацию, отставлял пузырек в сторону. Потом все повторялось.

Через час он сдался:

— Пустая трата времени... Идемте ужинать.

Они вернулись в столовую. Карты, шахматы, таблицы и диаграммы были отложены в сторону. Звенела посуда. Люди сидели за столами и равнодушно работали вилками. Кларк накладывал еду. Сорванный голос Киннера исполнял очередной гимн. Когда Мак-Реди возник на пороге, никто не произнес ни слова. Все просто подняли на него вопросительные взгляды, не переставая методично жевать. Мак-Реди внезапно почувствовал тяжесть в теле. Глядя в пространство, покачал головой. Ответом был общий разочарованный вздох. Ван Вол сел за стол и выругался:

— С ума можно сойти от этих завываний! Скорей бы он сорвал голос...

— У него железная глотка, — злорадно заявил Норрис — Он способен заменить собой целый духовой оркестр. А потом заткнется и скажет, что он нам друг.

Норрис никто не ответил. Все опять занялись едой и минут двадцать не произносили ни слова. А потом взорвался Коннант:

— Вы как кучка зарытых в землю покойников! — яростно заорал он. — Если бы не ваши глаза, можно было бы подумать, что вы уже умерли! Неужели никому ничего не приходит в голову?! — Коннант вдруг обмяк, словно из него выпустили воздух. — Послушай, Мак, ты теперь главный. Давайте посмотрим

видик. Мы оставляли эти кассеты напоследок. Напоследок чего? Может, завтра их и смотреть будет некому! А так хоть отвлечемся друг от друга. — И словно прорвало плотину.

— Здравая мысль, Коннант!

— Там у нас вроде мультики оставались...

— Надо что-то изменить. Хоть таким образом!

— Мы прокрутим все мультфильмы, что у нас есть, — сказал Мак-Реди. — Никто не против старых мультфильмов?

— Годится. Я как раз в подходящем настроении!

Мак-Реди повернулся, чтобы посмотреть, кто это сказал. На него угрюмо смотрел Колдуэл, тощий костлявый тип из Новой Англии. Бронзовому гиганту пришлось улыбнуться:

— Хорошо, Барт. Ты прав. Может, мы и не в настроении для Тома и Джерри или дяди Скруджа. Но это хоть что-то...

— Лучше поиграть в слова, — сказал Колдуэл. — Разливовать лист бумаги и надписать графы. К примеру, живые существа. Одно на «ч», другое тоже на «ч». К примеру, человек и чудовище. Я думаю, это будет поинтереснее. — Он раскурил трубку. — Слова — это то, что нам сейчас нужно. И намного больше, чем фильмы. Есть у кого карандаш, чтобы отделить человека от чудовища?

— За карандашом я уже бегу, — спокойно ответил Мак-Реди. — Но у нас тут три типа живых существ. И третий тоже начинается на «ч».

— Чокнутые, ты имеешь в виду? — Колдуэл медленно поднялся. — Ладно, хватит!.. Кларк, давай-ка я помогу тебе с посудой.

Даттон, Баркли и Бенниг принесли кассеты. Остальные очистили столы и вымыли посуду. Мак-Реди медленно подошел к ван Волу.

— Интересно, Ван, — сказал он с хитрой усмешкой, — стоит ли молчать о пришедших на ум идеях? Я забыл, что чудовище, как это назвал Колдуэл, способно читать мысли. У меня мелькнула одна идея. Я думаю, есть выход. Правда, я еще не до конца его обдумал. Смотрите пока мультики, а я немножко поразмыслю.

Ван Вол внимательно посмотрел ему в глаза:

— Я думаю, тебе лучше сказать, что ты там придумал. Ведь только монстры знают, что ты планируешь. К тому же ты и сам

можешь стать монстром — прежде чем успеешь воплотить в жизнь свою идею.

— Если мысль верна, много времени не понадобится. Даттон запустил видеомагнитофон, и на экране телевизора появились известные всему миру кот и мышонок.

Выключили свет. Вопли Киннера заглушали звуковое сопровождение, но Даттон увеличил громкость, и крики повара стали почти не слышны. Все наконец с облегчением вздохнули.

Мак-Реди сел к телевизору боком и погрузился в размышления, почти не замечая окружающих. Он снова и снова обдумывал ситуацию, пока не заметил, что вокруг что-то изменилось. Он оторвался от размышлений, огляделся. Все следили за происходящим на экране и вели себя совершенно спокойно. Джерри в очередной раз оставил Тома с носом, вызвав смешки зрителей. И тут Мак-Реди осенило, что надоедливый голос Киннера уже не прорывается сквозь звуковое сопровождение.

— Даттон, выключи звук! — Мак-Реди резко встал со стула.

Странное ощущение обреченности и безысходности повисло в обрушившейся на столовую тишине. Лишь поднявшийся снаружи ветер меланхолично завывал в печной трубе.

— Киннер замолчал, — сказал Мак-Реди.

— Так какого черта тогда выключили звук! — отозвался Норрис. — И слава Богу, что замолчал! Может, захотел послушать мультик....

Мак-Реди молча шагнул к двери. Баркли и ван Вол тут же последовали за ним. Едва они вышли, Даттон остановил видеомагнитофон и включил свет. Все тут же принялись с подозрением рассматривать друг друга — ужас, загнанный диснеевскими героями в глубины души, вновь возвращался к людям. Коннант медленно встал и так же медленно принялся бродить туда-сюда по столовой.

— Коннант! — не выдержал Кларк. — Прекрати мотаться, как маятник, черт тебя возьми!

— Извини! — Специалист по космическим лучам сел и принял внимательно изучать кончики своих ботинок.

Прошло около пяти минут, показавшихся полярникам пятью веками, и Мак-Реди наконец показался в дверях.

— Мы пережили еще не все беды, друзья, — объявил он. — Кто-то пытался нам помочь. Киннеру всадили нож в

горло, потому он и прекратил свои молитвы. Теперь у нас целых четыре «ч»: человек, чудовище, чокнутый и человекоубийца. Какие еще «ч» вы можете придумать, Колдуэл? Если они существуют, то не заставят себя долго ждать.

ГЛАВА 14

— Может быть, Блэр освободился? — спросил кто-то.

— Нет, иначе бы он непременно приперся сюда, — сказал Мак-Реди. — Если у вас есть какие-то сомнения, откуда взялся незваный помощник, то это, возможно, вам подскажет. — Метеоролог держал в руках кухонный нож около тридцати сантиметров длиной с обернутым в тряпку лезвием и обгорелой ручкой.

Кларк, раскрыв рот, уставился на орудие убийства:

— Я положил его на печь сегодня днем и забыл.

— Да, я еще понюхал его, если ты помнишь — кивнул Ван Вон.

— Интересно! — сказал Беннинг. — Кто-то из нас сумел соскользнуть со своего места, подойти к плите, взять нож и незаметно сбегать в космическую лабораторию. — Он с опаской оглядел присутствующих. — И так же незаметно вернуться, поскольку все здесь...

— Думаю, это мог сделать только монстр, — предположил Гэрри.

— Вряд ли, — не согласился ван Вол. — Зачем монстру уменьшать «запас тел»?

— Еще одним человеком меньше, — вздохнул Норрис — Может, теперь силы людей и нелюдей уравновесились?

— Это равновесие не имеет значения! — Мак-Реди повернулся к Баркли. — Надо убедиться наверняка... Бар, не возмешь ли ты свою огненную пушку?

Баркли в сопровождении Мак-Реди и ван Вола пошел за водородной лампой, а потом в космическую лабораторию. Киннер лежал на полу окровавленной тушей. Вдруг тело зашевелилось, голова начала округляться, руки покрылись странным чешуйчатым мехом. Пальцы укоротились, а ногти вытянулись на несколько сантиметров и превратились в стальные

и острые как бритва когти. Ставшие лапами руки начали подниматься.

— Бар!!! — закричал Мак-Реди.

И струя огня ударила в бывшего Киннера. Когда на крик прибежали остальные, все уже закончилось. Мак-Реди поднял голову, посмотрел на нож, который до сих пор держал в руках, и выронил его.

— Что ж, — сказал он. — Теперь убийца может признаться, поскольку убил он не человека. Когда мы прибежали, на полу лежал совершенно безжизненный человеческий труп. Но когда это существо поняло, что мы собираемся его сжечь, оно стало меняться.

— И все-таки Бог услышал... — Норрис уставился на обугленного гуманоида. — Оно сидело тут часами, молясь богам, которых ненавидело. Оно пело гимны веры, которую никогда не знало...

— Ладно-ладно, — оборвал его Мак-Реди и повернулся к остальным. — Признавайтесь! Мне неизвестно, кто это сделал, но он оказал нам неоценимую услугу. И я хочу знать, как ему удалось выбраться из столовой так, чтобы никто не заметил. Это может нам помочь.

— Его вопли не мог заглушить даже звук телевизора, — поклонился Плечами Кларк. — Он был монстром.

— Ага, — сказал Ван Вол. — Ты же сидел около двери!

— А когда мыли посуду, прихватил нож! — Кларк вновь глянул на останки. — Нет, Мак, твой тест ни к черту не годится. Что толку, если испытуемый — будь он хоть человек, хоть монстр — в любом случае превращается в покойника.

— Друзья, перед вами единственный, о ком со стопроцентной уверенностью можно сказать, что он человек. Кларк доказал, что он человек, совершив убийство, которое не удалось. Только, ради Бога, пусть остальные воздержатся от подобного доказательства. Я думаю, у нас есть другой способ определить — кто есть кто.

— Правда? — вскинулся Коннант, но лицо его тут же разочарованно перекосилось. — Я думаю, это еще один способ, от которого не будет толку.

— Будет, — спокойно сказал Мак-Реди. — Но все должны быть внимательны и осторожны. Идемте назад. — Метеоролог

на секунду задумался. — Баркли, принеси свой электрошокер. Даттон, ты будешь следить за Баркли. Все остальные, смотрите друг за другом! Монстры наверняка знают, что я кое-что им приготовил, и скоро станут опасны.

Полярники сразу насторожились. Душу каждого поглотило чувство всеразрушающей угрозы, и с этой минуты никто не оставался без присмотра со стороны соседа.

— Что ты придумал? — спросил Гэрри, когда они вернулись в столовую. — И сколько на это потребуется времени?

— Немного, — ответил Мак-Реди со злой решимостью. — И я уверен, что способ сработает. Он построен на основном качестве монстра и абсолютно не зависит от нашей воли. Случай с Киннером убедил меня окончательно. — Метеоролог снова выглядел бронзовой статуей и снова был уверен в себе.

— Генератор в порядке? — спросил Баркли, поигрывая в руках приспособлением, конец которого венчали два огленных провода.

— В полном!.. — кивнул Даттон. — Все, до чего ты дотронешься этой игрушкой, обречено на гибель. Уж поверьте мне!

Скрипнули пружины — доктор Коппер медленно сел на кровати, мигая опухшими от сна глазами, в которых еще отражались навеянные наркотиками ночные ужасы.

— Гэрри, — промямлил он. — Гэрри, послушай. Эти чудовища пришли из ада... из ада... из... — Он опять повалился на кровать и засопел.

Мак-Реди задумчиво посмотрел на него:

— Вскоре док узнает. — Он медленно кивнул. — Если уже не узнал. Ведь ты способен размышлять даже во сне. А я не перестаю думать, какие тебе могут сниться сны. — Он оглядел аудиторию: напряженные, безмолвные люди не сводили с него глаз. — Доктор Коппер говорил, каждая часть монстра — живое существо. Каждый его кусочек — самостоятельный организм. Это и есть решающий фактор. В крови нет ничего особенного, она представляет собой такую же живую ткань, как мышцы или печень. Однако каждая ее клетка способна быть самостоятельной. — Огромная бронзовая борода Мак-Реди не смогла скрыть беспощадной улыбки. — И мы, люди, вычислим вас, других. Монстров, находящихся среди нас. У нас есть то, чего у вас, пришельцев из другого мира, нет. Мы

способны сражаться, сражаться со всей дикостью и свирепостью, которую вы можете попытаться сымитировать, но никогда в этом не будете равны нам. Мы люди! Мы настоящие, подлинные! А вы — имитация, фальшивка!

В столовой царила мертвая тишина, даже перестал вить ветер в трубе.

— Пришло время решительного столкновения, — продолжал метеоролог. — И ты, это знаешь. Ты вычитал эту идею в моем мозгу. Но ничего не сможешь поделать. — Мак-Реди вновь оглядел аудиторию. — Все просто! Кровь — это тоже плоть. Они вынуждены истекать кровью. Если при ранении у них не течет кровь, сразу становится ясно, что они — порождения ада. Если же кровь течет, то она становится отдельным существом со всеми его биологическими правами и обязанностями... Ты понял меня, Ван?

Ван Вол мягко рассмеялся:

— Понял! Ты считаешь, что капля крови — это самостоятельное живое существо, страстно желающее защитить свою жизнь.

— Да. И, сохраняя свою жизнь, кровь монстра будет всеми силами пытаться избежать раскаленной иглы!.. А теперь — за дело!

Из лазарета принесли подставку с тестовыми пробирками и спиртовку. Платиновую проволоку нашли в одной из лабораторий, намотали на небольшой металлический стерженек. Мак-Реди взял со стола скальпель. На губах метеоролога появилась жестокая торжествующая улыбка. Он в очередной раз оглядел окружающих, словно пытался заглянуть в их души. К столу медленно подошли Баркли с электрошокером наготове и Даттон.

— Будь внимателен, Бар, — сказал Мак-Реди. — А ты, Даттон, будешь стоять у розетки и следить, чтобы никто не выдернул шнур.

Даттон кивнул.

Мак-Реди глубоко вздохнул:

— Давай, Ван! Ты будешь первым.

Побледневший ван Вол сделал шаг вперед, вытянул руку. Мак-Реди очень аккуратно сделал надрез на его пальце. Ван слегка поморщился и терпеливо подождал, пока достаточное количество крови не стечет в пробирку. Мак-Реди поставил

пробирку в подставку и приложил к раненому пальцу смоченный в йоде кусочек ваты. Потом накалил в пламени спиртовки платиновую проволоку и опустил ее в кровь. Посыпалось мягкое шипение. Мак-Реди повторил процедуру пять раз.

— Ван — человек, — выдохнул он и в очередной раз оглядел присутствующих. — Не слишком-то увлекайтесь зрелищем кипящей крови, друзья. Среди нас, без сомнения, есть чужие. Ван, возьми электрошокер! А ты, Баркли, иди сюда! Будешь следующим!

Баркли неуверенно усмехнулся и шагнул к столу.

— Надеюсь, ты останешься с нами. Бар, — сказал метеоролог. — Ты чертовски отличный парень!

Баркли вздрогнул, когда лезвие рассекло кожу на его пальце. А через полминуты, широко улыбаясь, получил свое оружие назад.

— Мистер Сэмюэл Датт...

Мак-Реди не успел договорить. А Баркли не успел применить электрошокер, поскольку полярники в мгновение ока набросились на существо, принявшее образ Даттона. Оно выло и пытались отрастить клыки и когти, но тут же было разорвано на тысячу кусков. Покончив с тварью, люди отошли и вновь с подозрением уставились друг на друга. Баркли ткнул электрошокером в кучу останков. По столовой разнесся отвратительный запах. Ван Вол капнул кислотой на каждую разбрзганную каплю крови погибшего монстра. Мак-Реди усмехнулся, его глубоко посаженные глаза светились торжеством.

— Похоже, я ошибался, — мягко сказал он, — когда утверждал, что ни в ком не может быть такой свирепости, как в этой твари. Впрочем, она всего лишь получила по заслугам. Когда я вспоминаю, каким человеком был Даттон... — У него перехватило горло, и прошло несколько секунд, пока метеоролог справился с собой. — Впрочем, ладно. Моя теория теперь подтверждена даже тем, кто с самого начала знал, что я задумал... Итак, ван Вол и Баркли — стопроцентные люди. Теперь я докажу вам, что я тоже человек. — Мак-Реди протер скальпель чистым спиртом и сделал надрез на своем большом пальце.

Через двадцать секунд он взглянул на ждущих людей. Теперь на их лицах стало гораздо больше улыбок и дружеских ухмылок, но и настороженность все еще проглядывала.

— Коннант был прав, — мягко рассмеялся Мак-Реди. — Всем бы стоило увидеть свои глаза!.. Однако продолжим. Теперь твоя очередь, Коннант.

Баркли опять не проявил должной прыти. Однако когда он и ван Вол заканчивали то, что совершили остальные, улыбок стало больше, а напряженности — меньше.

— Коннант был одним из лучших среди нас, — сказал с горестным вздохом Гэрри. — Пять минут назад я бы поклялся, что он — человек. Эти чертовы штуки больше, чем просто имитация.

Минутой позже кровь самого Гэрри метнулась от платиновой проволоки и, борясь за свою жизнь, попыталась выплыть из пробирки. В это же самое мгновение Баркли превратил в прах то, что уже перестало быть Гэрри. А когда Мак-Реди открыл дверцу печи и выплеснул из пробирки на угли беснующуюся кровь, та успела издать тоненький предсмертный крик.

ГЛАВА 15

— Значит, с имитациями покончено? — Под глазами у доктора Коппера набрякли жуткие мешки. — Говоришь, мы потеряли четырнадцать человек?

Мак-Реди коротко кивнул:

— Да. — Лицо метеоролога исказилось горестной гримасой. — Какие были люди! Гэрри, Коннант, Даттон, Кларк...

— Куда они все это тащат? — Коппер кивнул на озабоченных Баркли и Норриса.

— Наружу. Полтора десятка разбитых ящиков, полтонны угля и пятьдесят литров бензина. Мы полили кислотой каждую каплю его крови и каждый кусочек его плоти. А теперь надо все сжечь.

— Обязательно! — Коппер покивал. — Кстати, а что с Блэром?

— Дьявол! — сказал Мак-Реди. — Мы совсем о нем забыли. Столько всего произошло!.. Как думаешь, сумеешь его вылечить?

— Конечно! Если только... — Коппер сделал многозначительную паузу.

Мак-Реди хлопнул себя по лбу:

— О Боже! Эта тварь вполне может сымитировать сумасшедшего. Сумела же она изобразить религиозную истерию Киннера! — Метеоролог повернулся к сидящему за столом ван Волу. — Ван, мы должны навестить Блэра.

Ван Вол резко вскинул голову. Удивление в его глазах тут же сменилось беспокойством. Затем он поднялся:

— Надо взять с собой Баркли. Он сооружал тюрьму для Блэра — ему и отпирать.

Снаружи было тридцать семь градусов, а над северным горизонтом сияла заря. Ветер гнал поземку на северо-запад. Через три четверти часа они достигли склада. Дымка над трубой не было.

— Блэр! — закричал Баркли. — Блэр, ты жив?

— Перестань, — мягко проговорил Мак-Реди. — Нужно торопиться. У нас нет ни вездеходов, ни самолетов, а он, возможно, отправился в путешествие.

— Снег и мороз этой твари не помеха, — сказал Норрис.

— Да и сломанная нога остановила бы ее не более чем на минуту, — согласился Баркли и, внезапно поперхнувшись, указал ввысь. Там, в сумеречном небе, распахнув огромные белые крылья и с неописуемой грацией кружка над людьми, парила птица.

— Альбатрос, — сказал Баркли. — Первый в этом году. Если тварь на свободе...

Норрис тут же расстегнул пуховик и полез за пазуху. В руке его появился пистолет, и белую тишину Антарктики разорвал выстрел. Альбатрос вскрикнул. Его белые крылья затрепетали, из хвоста вылетело несколько перьев. Норрис выстрелил снова. Птица опять вскрикнула, потеряла еще несколько перьев и потянула к горизонту. Норрис догнал остальных и сказал, задыхаясь:

— Она не вернется!

Баркли знаком попросил его замолчать и указал на дверь склада, из-под которой сочился странный, голубой свет. Кроме того, доносилось тихое, мягкое гудение и металлический звон.

— Неужели эта тварь... — Мак-Реди побледнел. — Боже, помоги нам! — Он схватил Баркли за плечо и, глядя на трос, не дающий двери открыться, сделал режущее движение пальцами.

Баркли достал из рюкзака гидравлические ножницы и осторожно подполз к двери.

Трос лопнул со щелчком, который показался напряженным людям самым настоящим выстрелом. Однако странное мягкое гудение и металлический звон не стихли ни на секунду. Мак-Реди заглянул в щель под дверью. Потом встал на ноги и шумно вздохнул.

— Там не Блэр, — прошептал он. — Там какой-то осьминог. А перед ним висит что-то, отдаленно похожее на рюкзак.

— Ворвемся все вместе, — сказал мрачно Баркли. — Хотя нет... Норрис, останься у дверей и держи монстра на прицеле. У него может быть оружие.

Баркли и Мак-Реди разом навалились на дверь. Кровать, которой изнутри была подперта дверь, с грохотом отлетела в сторону. Монстр подскочил к потолку, словно резиновый мяч. Щупальцев у него оказалось четыре, и одно из них тут же вытянулось в сторону людей. На конце его мелькнул острый предмет из блестящего металла. Тонкие губы монстра искривились, в красных глазах полыхнула ярость.

Грянул револьвер Норриса. Физиономия монстра перекосилась, вытянутая конечность смоталась обратно, предмет из серебристого металла рассыпался на мелкие кусочки. А щупальце уже превратилось в семипалую руку, пальцы которой оказались залитыми зелено-желтой кровью. Пистолет выстрелил еще три раза. На месте трех глаз появились три темные дыры. Патронов больше не было, и Норрис швырнул бесполезное оружие монстру в физиономию.

Существо дико вскрикнуло и принялось щупать конечностями те места, где только что были глаза. Потом опрокинулось на пол и начало извиваться. А потом поднялось. Слепые глаза восстановились и кипели злобой. Поврежденная ткань отвалилась, истекающие зеленой кровью ошметки распластались на полу. Баркли рванулся вперед, держа наперевес огромный ледоруб. Тяжелое острье чуть не вонзилось в голову монстра, но тот успел упасть. В сторону напавшего выстрелила одна из конечностей, и нога Баркли попала в живой капкан. Щупальце начало сжиматься, подтаскивая человека все ближе и ближе. Другая конечность принялась ощупывать грубую ткань, из которой были сделаны штаны, — наверное, искала открытую

плоть. Собрав все силы, Баркли отчаянно рванулся, но освободиться не смог...

Но тут подоспел с водородной лампой Мак-Реди. Лампа прочистила горло и выкинула свой бело-голубой язык. Тварь на полу взвизгнула, выпустила Баркли и слепо замолотила конечностями. Наткнувшись на пламя, они тут же сворачивались в клубки. В помещении раздался вой.

Мак-Реди приблизился и направил беспощадное пламя монстру в физиономию. Глаза лопнули, пустые глазницы запузырились. Вой сделался невыносимым.

Мак-Реди зашел с другой стороны, и тварь, стремясь избежать огненного языка, поподзла к двери. Она еще пыталась сопротивляться — одна из конечностей вновь вытянулась и выпустила огромный коготь, однако тот сразу рассыпался пеплом. Мак-Реди продолжал наступать, подгоняя монстра огненным кнутом. Прошло еще несколько секунд, и она оказалась на ледяном снегу. Мак-Реди добавил огня. Вой взлетел до дикого визга. И оборвался.

Осталось только скворчание и обжигающее дыхание огня. Воздух наполнился отвратительным запахом горелой плоти. Жестокий ветер обдувал ее, превращая пламя в тонкий язык. Наконец осталось пятно из маслянистой, зловонной слизи, перемешанной с растаявшим снегом...

Мак-Реди вернулся к складу. Баркли встретил его у двери.

— Все? — хмуро спросил он.

Метеоролог кивнул:

— Все!

— Оно нигде не оставило следов?

— У него были другие проблемы. Когда я видел его в последний раз, оно уже превращалось в угли.

Норрис коротко рассмеялся:

— Да, ну мы с вами даем!.. Вывести из строя самолеты с вездеходами и оставить эту тварь в одиночестве на целую неделю!

Мак-Реди принялся осматривать склад.

Внутри, несмотря на выбитую дверь, было тепло и влажно. В центре помещения находился большой неотесанный камень. Из него исходил странный голубой свет, более насыщенный, чем электрический. На столе в дальнем конце склада стоял странный прибор из проволоки, стеклянной

колбы и радиодеталей. Он и был источником слабого шума, который люди услышали, когда приблизились к складу. Тут же, на столе, располагалось еще одно сооружение из стеклянных загогулин, металлических пластинок и странной светящейся сферы. Материал сферы был людям совершенно незнаком.

— Что это? — Мак-Реди подошел поближе.

— Не трогай! — сказал Норрис — Все это надо исследовать! Хотя я и так догадываюсь. Перед нами атомная установка, господа! Этот маленький хрупкий приборчик предназначен для того, чтобы производить энергию, которую люди производят с помощью многотонных реакторов. И похоже, в нем используется тяжелая вода, которую эта тварь получала из льда и снега.

— Где она все это раздобыла? — удивился Мак-Реди. И тут же хлопнул себя по лбу. — Ну, конечно! Тут же приборный склад! Кретины мы... Но каким же разумом должна обладать эта раса!..

Норрис только развел руками.

— Кстати, свет холодный, — сказал он. — Однако помещение каким-то образом обогревается. Тут не меньше ста двадцати по Фаренгейту.

— Да, — согласился Мак-Реди. — Я уже начинаю потеть. Видимо, они живут на более горячей планете, чем Земля, и у более горячей голубой звезды. — Он взглянул через дверь на пятно слизи. — Вот и все! Хорошо, что двадцать миллионов лет назад они оказались именно здесь, в холода и льдах. Иначе бы теперь здесь не было нас... Кстати, по-моему, был еще один прибор, сделанный из консервных банок, но похожий на рюкзак... Оно работало над этой штукой, когда мы пришли.

Баркли улыбнулся:

— Смотри. — Он указал на потолок. К потолку был прилеплен шар из консервных банок, обвязанных тряпками, с двумя кожаными ремнями внизу. Прямо сквозь оболочку одной из банок билось маленькое сердечко странного пламени.

Баркли подошел к прибору, поднял руки и схватился за кожаные ремни. Он потянул «рюкзак» на себя, но этого усилия оказалось вполне достаточно, чтобы сам Баркли оторвался от пола и взмыл к потолку.

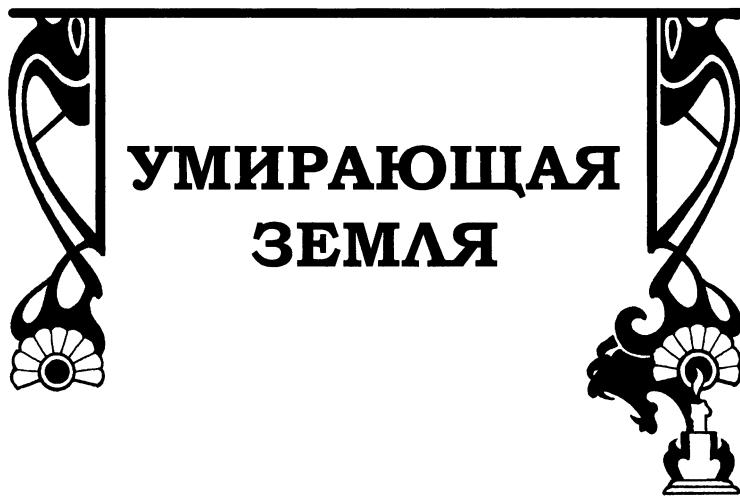
— Похоже, антигравитация, — спокойно сказал Мак-Реди.

— Антигравитация, — подтвердил Норрис — Ему не нужны были ни птицы, ни самолеты. В его распоряжении были банки, стекло и содержимое приборного склада. И целая неделя спокойной работы. А до Америки — всего лишь один прыжок с этим антигравитационным механизмом. И тем не менее мы остановили его. Еще полчаса, и оно бы затянуло эти ремешки и отправилось покорять наш мир, а мы бы так и остались в Антарктиде.

— Тот альбатрос... — неуверенно проговорил Мак-Ре-ди. — Тебе не кажется...

— Не кажется! Зачем ему? Оно почти закончило эту штуку!.. Нет, не смеши меня. Мак! — Норрис вышел наружу. — Эй, люди! Все, кто меня слышит! Это существо прилетело с другой звезды! Но мы любим наше Солнце и нашу Землю. И мы защищали ее!



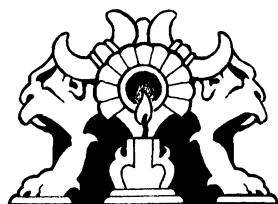


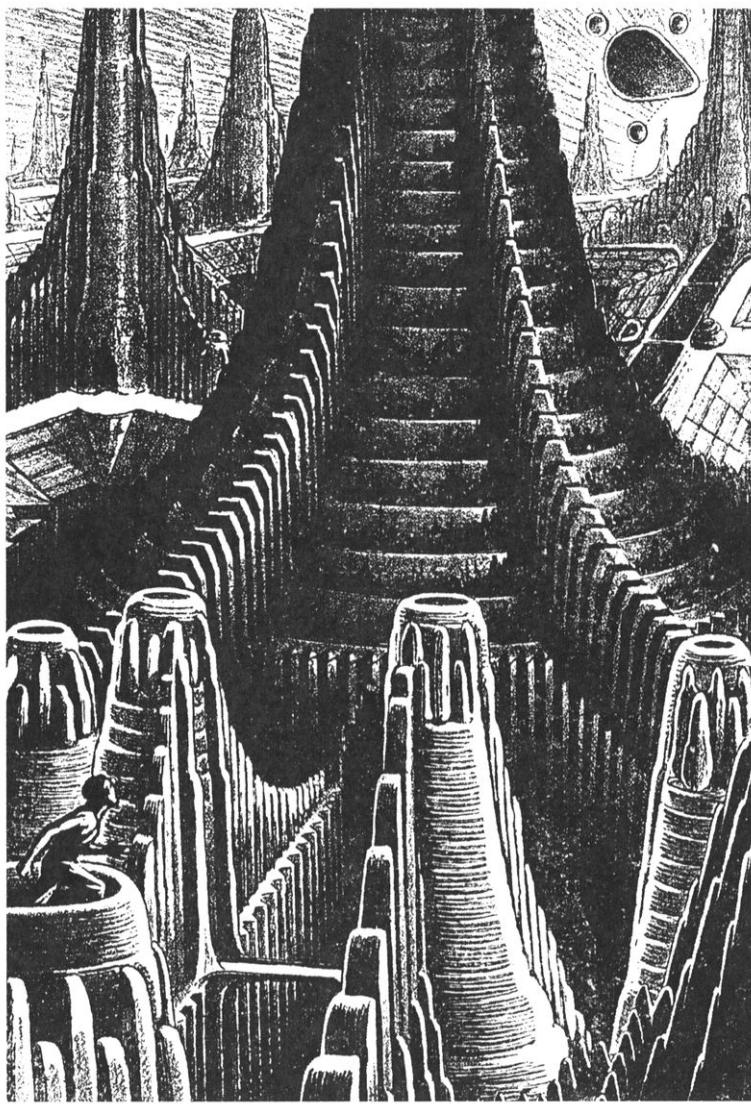
«Сумерки»

«Twilight», журнал «Astounding Stories», № 11, 1934

«Ночь»

«Night», журнал «Astounding Stories», № 10, 1935





СУМЕРКИ

— Кстати, о путешествующих автостопом, — сказал Джим Бенделл. — Пару дней назад я подобрал одного парня, и парень этот не походил на обычного человека. — Джим рассмеялся, но смех его прозвучал как-то неестественно. — Он рассказал мне удивительные вещи... Большинство из тех, кого подвозишь, обыкновенно выкладывают историю о том, как потеряли хорошую работу, и заявляют, что теперь попытаются счастья на Западе.

Джим Бенделл — агент по недвижимости, и я знал, о чем он будет говорить дальше. Это его любимая тема. Джима по-настоящему беспокоит большое количество свободных земельных участков в нашем штате. Однако расписывая каждому встречному-поперечному прелести наших мест, сам он предпочтает не выбираться дальше черты города. Он попросту боится необжитых районов. Так что я попытался вернуть его в русло начатого рассказа.

— И что же заявил этот парень, Джим? Что он старатель, который не может найти землю для прииска?

Джим поморщился:

— Не смешно, Барт!.. Дело вовсе не в том, что он заявил. Он даже ничего не заявлял — просто рассказал. Понимаешь, он не стал клясться, будто все это правда, просто рассказал. Вот что не дает мне покоя. Я знаю, это не может быть правдой, но то, как он об этом говорил... не знаю.

По его речи я понял, что он действительно озадачен. Джим Бенделл обычно очень следил за своим английским и по-настоящему гордился им. Если он начинает запинаться, значит, волнуется. Примерно как в тот раз, когда принял змею за деревянную палку и хотел сунуть ее в костер.

Впрочем, волнение полностью оправдалось содержанием рассказа.

Джим подобрал незнакомца, когда начало смеркаться. Вправду, именно «подобрал». Тот лежал футах в десяти от Южной дороги. Сначала Джим подумал, что незнакомца сбили и не остановились. Одежда у него была странная. Похожа на серебро, но мягкая, как шелк. И в темноте слегка светилась... Джим поднял бессознательное тело, уложил в машину и отправился дальше. Предстояло проехать около трех сотен миль, и Джим решил оставить раненого в Уоррен-Спрингсе, у доктора Вэнса. Однако через пять минут тот пришел в себя и открыл глаза. Посмотрел вокруг, сначала на машину, потом на луну.

— Слава Богу! — произнес он.

Его вид Джима потряс. Незнакомец был красив. Нет, скорее тут подойдет слово «прекрасен»... Впрочем, и это не совсем точно... Скажем так: незнакомец был великолепен. Рост — примерно шесть футов два дюйма. Каштановые с красноватым оттенком волосы напоминали тонкую медную проволоку. Широкий лоб, вдвое шире, чем у Джима. Черты лица — изящные, но крайне выразительные; глаза — серые, словно сталь, и большие.

Одежда незнакомца скорее напоминала купальный костюм в паре с пижамными брюками. Руки — длинные и мускулистые, как у индейца. Однако кожа — белая, лишь слегка покрытая золотистым загаром. В общем, он был великолепен. Самый чудесный человек из всех, что когда-либо встречались Джиму.

— Привет! — сказал Джим. — Попали в аварию?

— Нет... По крайней мере, на этот раз не попал.

Голос у незнакомца тоже оказался изумительным. Необычный голос. Он звучал музыкально — как орган, но с человеческими интонациями.

— Похоже, мой разум еще не совсем в норме, — продолжал незнакомец. — Я пытался провести эксперимент. Скажите, какой сегодня день, год и прочее... Возможно, тогда для меня что-нибудь прояснится.

— Девятое декабря тысяча девятьсот тридцать второго года, — сказал Джим.

Это сообщение ни в малейшей степени не обрадовало незнакомца. На его лице промелькнула кривая ухмылка.

— Больше тысячи... — задумчиво сказал он. — Не так уж плохо по сравнению с семью миллионами. Жаловаться вряд ли стоит.

— Семь миллионов чего?

— Лет, — спокойно сказал незнакомец, словно это для него ничего не значило. — Однажды я попытался провести некий эксперимент. Или, скорее, попытаюсь... Эксперимент состоялся в три тысячи пятьдесят девятом году. Я занимался тогда исследованиями пространства. Время, как мне до сих пор кажется, — лишь побочный эффект. Все дело в пространстве. Я почувствовал, что поле захватило меня, но не смог вырваться. Поле гамма-эн-четыре-восемь-один, интенсивностью девятьсот тридцать пять единиц Пеллмана. Оно засосало меня, а потом я вынырнул наружу. — Странный человек снова усмехнулся. — Думаю, поле пробило туннель в пространстве до того места, которое будет занимать Солнечная система, — через высшие измерения, превысив скорость света и забросив меня во временную плоскость будущего.

Незнакомец не рассказывал — просто размышлял вслух. Потом он вновь начал осознавать присутствие Джима.

— Я не смог точно настроить приборы, семь миллионов лет эволюции полностью все изменили. И, возвращаясь, слегка промахнулся. Я из три тысячи пятьдесят девятого года... Скажите мне: какое изобретение считается сейчас самым удивительным?

Вопрос настолько ошеломил Джима, что он ответил едва ли не прежде, чем подумал.

— Полагаю, телевидение. Еще радио и самолеты.

— Радио — это хорошо. Тогда здесь должны быть приборы.

— Но послушайте... Кто вы?

— Ох, простите, я забылся! — В изумительном голосе послышались виноватые нотки. — Меня зовут Арес Сен Кенлин. А вас?

— Джеймс Уотерс Бенделл.

— Уотерс? Что это значит? Мне незнакомо подобное слово.

— Ну... Это просто имя. Почему оно должно быть вам знакомо?

— Понимаю... Значит, у вас нет классификации. «Сен» в моем имени означает «ученый».

— Откуда вы, мистер Кенлин?

— Откуда? — Кенлин улыбнулся, и голос его прозвучал медленно и тихо. — Я пришел из мира, от которого нас сей-

час отделяет семь миллионов лет. А может, и больше... Они потеряли счет годам. Я имею в виду людей... Все необходимое там делают машины. Ну а до этого я находился в Невасити, в три тысячи пятьдесят девятом году.

Только теперь Джим начал понимать, что перед ним не псих.

— Я был экспериментатором, — продолжал Кенлин. — Занимался наукой. Мой отец тоже был ученым, но в области генетики человека. Я — результат эксперимента. Отец доказал свою правоту, и весь мир последовал его примеру. Я стал первым представителем новой расы.

— Новая раса... — пробормотал Джим. — О Господи!.. Каков же был... Каков будет...

— Каков будет ее конец? Я его видел. Почти... Я видел их, маленьких человечков, испуганных и растерянных. И машины.

— И ничего нельзя изменить?

— Послушайте эту песню.

И Кенлин запел. После этого Джиму уже не требовались рассказы о судьбе человечества. Он все понял. Он мог слышать голоса будущих людей, странные, скрипучие, говорящие явно не по-английски.

Песня звучала в минорном ключе. Она звала, звала и спрашивала, и тщетно искала ответ. А еще в ней звучал непрерывный гул и рокот неизвестных машин. Машин, которые не могли остановиться, поскольку люди забыли, как их остановить. Более того, они напрочь забыли, для чего предназначены машины, — лишь смотрели на них, слушали и удивлялись. Люди больше не умели ни читать, ни писать. И сам язык тоже изменился, так что фонограммы предков ничего для них не значили...

Песня продолжалась. В людях пробуждался интерес. Они взглянули в пространство и увидели теплые, дружелюбные звезды, до которых было слишком далеко. И девять близких планет, знакомых и давно освоенных...

Слышалось в этой песне и еще что-то. Но что? Джима охватила дрожь. «Эту песню нельзя петь среди сегодняшних людей, — подумалось ему. — Кажется, будто она убивает надежду». После этой песни Джим поверил незнакомцу окончательно.

Закончив песню, Кенлин какое-то время молчал, потом как бы вспомнил о спутнике.

— Вы не поймете, — сказал он. — Однако я их видел. Они до сих пор окружают меня, маленькие уродливые человечки с огромными головами. Однако в их головах нет ничего. У них есть компьютеры... машины, которые могут мыслить... Никто не знает, как их выключить. У этих людей великолепные мозги. Намного лучше вашего или моего. Однако с тех пор, как появились компьютеры, прошли миллионы лет, и люди не слишком обременяли себя мыслями. Дружелюбные маленькие человечки.

Джим поежился. А Кенлин принялся рассказывать.

Когда я оказался внутри поля, оно съело меня, словно сила тяжести, швыряющая космический корабль на планету. А потом выплюнуло в будущее, через семь миллионов лет. Я очутился в том же самом месте на поверхности Земли, но так никогда и не понял, почему.

Была ночь, и я сразу увидел невдалеке город. Его ярко освещала луна. Пейзаж показался мне странным. Видите ли, за минувшее время люди могли основательно повлиять на положение космических тел. К тому же семь миллионов лет — достаточно большой промежуток времени для того, чтобы произошли некоторые естественные изменения. Созвездия были мне совершенно незнакомы. Луна, судя по размеру диска, находилась на пятьдесят тысяч миль дальше от Земли, да еще и вращалась вокруг своей оси. Какое-то время я лежал, наблюдая за ней.

Над городом летали корабли. Он был ярко освещен голубово-зеленым светом, напоминавшим сияние ртутных фонарей. Свет был неприятен для глаз. Однако верхние этажи зданий едва угадывались.

Затем я увидел сверкающий громадный шар, снижавшийся прямо над центром огромной черно-серебристой массы.

Я не сомневался в том, что город пуст. И это было странно: ведь мне никогда прежде не доводилось видеть заброшенных городов. Пройдя несколько миль, я оказался на улицах. Вокруг сутились роботы — судя по всему, ремонтные. Они не могли понять, что город давно уже никому не нужен, и потому продолжали работать. Я нашел машину, отдаленно напоминавшую автомат-такси. У нее было ручное управление, в котором я сумел разобраться.

Не знаю, как давно люди покинули этот город. Жители других городов говорили позднее, что прошло сто пятьдесят тысяч лет. Некоторые даже называли цифру в триста тысяч.

Как бы то ни было, такси оказалось в отличном состоянии. Оно блистало чистотой, и город тоже был чистым и опрятным. Повернув за угол, я увидел ресторан и почувствовал, что голоден. Однако еще больше меня мучило желание встретить людей и поговорить с ними.

Блюда были выставлены прямо в витрине, и я сделал заказ. Полагаю, этим блюдам было те же триста тысяч лет. Тогда я этого не знал, а роботы-официанты, обслуживавшие меня, об этом не задумывались. Когда люди создавали эти города, они забыли об одной вещи. Ничто не может существовать вечно!..

Мне потребовалось шесть месяцев, чтобы сделать машину, на которой можно было вернуться в свое время. И, уже собравшись в путь, я представил себе, как эти машины слепо исполняют свои обязанности — с неустанным и безупречным совершенством, заложенным в них создателями. А самих создателей давно уже нет... Когда замерзнет Земля и погаснет Солнце, эти машины будут продолжать работать. Когда Земля начнет раскальваться на части, эти совершенные, безупречные машины будут пытаться починить ее...

Но в тот день я об этом не думал. Я просто вышел из ресторана, сел в такси и отправился путешествовать по городу. Машина, по-видимому, была снабжена электродвигателем и получала энергию от большого центрального энергоизлучателя.

Город был разделен на три секции, секция состояла из нескольких десятков уровней. И везде трудились машины. Над городом висел низкий гул, словно нескончаемая песня машинного могущества. Над землей было тридцать уровней и еще двадцать под землей. Уровни также освещались голубовато-зеленым сиянием дуговых ламп. Излучение ртутных паров богато высоконергетическими квантами, которые стимулируют атомы алкалиновых металлов к фотоэлектрической активности. Или ваша наука еще не овладела этими знаниями?.. Я забыл.

Машины были просто замечательными. В течение пяти часов я бродил по просторной энергостанции на самом нижнем уровне, наблюдал за ними и почему-то чувствовал себя менее одиноким.

В генераторах использовалось открытие, сделанное мною когда-то. Я имею в виду прямое получение энергии из материи, так что эти машины будут работать еще в течение бесчисленных столетий.

Вскоре я нашел видеофон, висящий на стене в одном из помещений, но он не подавал признаков жизни. Потом я поднялся на верхние уровни города. Тут был настоящий рай. Кусты и деревья в садах и парках освещались мягким светом, который машины производили прямо из воздуха. Люди научились этому пять миллионов лет назад. Два миллиона лет назад они об этом забыли. Однако машины ничего не забывали и продолжали производить свет. Он озарял все вокруг — мягкий, серебристый, чуть розоватый, и парки в этом свете выглядели тенистыми. В тот момент здесь было пусто, однако я знал, что днем появятся роботы-садовники и примутся за работу, чтобы поддерживать парки в идеальном состоянии. Так их запрограммировали давно умершие хозяева, но роботы не имели представления о смерти. Они должны были трудиться. И трудились!

За пределами города оказалось очень влажно. Воздух тут был мягким, теплым и сладковатым от запаха цветов, селекцией которых люди занимались в течение нескольких сотен тысяч лет. Затем послышалась музыка. Она зазвучала где-то в вышине, плавно обволокла окрестности. Луна только что зашла, и, едва вместе с нею исчезло розовато-серебристое сияние, музыка стала громче. Она доносилась отовсюду и ниоткуда. Она звучала внутри меня. Не знаю, как они это делали. Не понимаю, какой гений мог написать такую музыку. Дикари создают мелодии слишком простые для того, чтобы быть прекрасными, однако они волнуют душу. Негритянская музыка — лучшая из всего, что у нас есть. Я всегда считал ее неплохой. Однако то, что тогда звучало в воздухе, было выше. Это была песня торжества, которую исполняла зрелая раса! Человечество пело о своем триумфе, и его песня захватывала меня, показывала то, что ждет впереди, и уносила с собой. Я вернулся в райские сады города и подошел к одному из жилых домов. Дверной проем был едва заметен во мраке ночи, но, когда я приблизился к нему, светильник, не функционировавший триста тысяч лет, вспыхнул голубовато-зеленым

сиянием. Я вошел внутрь, и воздух в дверном проеме позади меня тут же перестал быть прозрачным. Стены в комнате были из металла и камня. Камень оказался черным как смоль и бархатистым на ощупь, а металл походил на серебро и золото. На полу лежал ковер из такого же материала, как вот эта одежда на мне, но более толстого и мягкого. Вдоль стен стояли низкие диваны, покрытые мягким материалом — тоже черного, золотого и серебряного цвета.

Я никогда прежде не видел ничего подобного. Полагаю, что никогда больше и не увижу. Ни мой, ни ваш язык не в состоянии описать подобную красоту. Да, создатели города имели полное право петь ту песню, песню всеохватывающего торжества. Они покорили девять планет и пятнадцать спутников.

Однако здесь, в комнате, их больше не было, и мне захотелось уйти.

Я сел в такси и отправился дальше. И тут же наткнулся на видеотелефонную будку, на стенке которой висела карта. Мир почти не изменился. Семь или даже семьдесят миллионов лет мало что значат для старушки Земли. Она будет существовать сотни и тысячи миллионов лет после того, как рассыплются в прах чудесные здания. Изучив карту, я понял систему связи и попытался дозвониться до различных городских центров.

Я звонил в десятки мест. Йок-Сити, Луноно-Сити, Пари, Шикаго, Сингапур... Мне уже начало казаться, что на всей Земле не осталось ни одного человека. Я чувствовал себя все более и более одиноким: повсюду отвечали только машины, подтверждая тем самым мои наихудшие подозрения. Вскоре с их помощью я выяснил, что нахожусь в Нева-Сити, очень небольшом городе. Йок-Сити же в диаметре превышал восемьсот миль.

В каждый город я пытался звонить по нескольким номерам. И, уже отчаявшись, связался с Сан-Франциско. Мне ответил человеческий голос, а на экране появилось изображение мужчины. Он ошеломленно уставился на меня, потом начал что-то говорить. Конечно, я не понял его. Я понимаю вашу речь, а вы — мою, потому что документы вашего времени сохранились в архивах, а наш язык произошел от вашего. Конечно, кое-что поменялось. В частности, изменились названия городов, поскольку они часто употребляются. Люди стремятся сократить

их, сделать удобнее. Я сейчас в штате... Не-ва-да — так вы говорите? Мы же говорим просто Нева. Или штат Йок. Но Огайо и Айова до сих пор носят старые названия.

Однако за семь миллионов лет люди забыли все архивные документы, и речь изменилась настолько, что оказалась для меня китайской грамотой.

Голос моего абонента был тонким, слова плавными, интонации мелодичными. Речь звучала почти как песня. Он пришел в страшное возбуждение и позвал других. Я не мог понять их, но знал, где искать, и мог отправиться туда. Близился рассвет. Тусклые звезды мерцали и гасли над головой. Лишь одна восходящая звезда была мне известна — привычно яркая Венера. Сейчас она светилась оранжевым светом. Разглядывая странный небосвод, я вновь поразился тому, насколько изменились созвездия.

В мое время — и в ваше — Солнечная система была вроде одинокого путника, случайно оказавшегося на оживленном перекрестке галактических дорог. Звезды, которые мы видим ночью, принадлежат чрезвычайно рассеянному, но довольно устойчивому скоплению. Однако за семь миллионов лет Солнце покинуло это звездное скопление. Кое-где небосвод казался моему взгляду почти пустым. Лишь то тут, то там светилась одинокая слабая звездочка. А через широкие просторы черного неба тянулась полоса Млечного Пути.

Вероятно, в песнях людей будущего ощущалось и это не-постижимое одиночество — без родных, знакомых звезд. От Альфы Центавра нас отделяет чуть больше четырех световых лет. А там до ближайшей звезды — сто пятьдесят. Она оказалась невероятно яркой. Даже ярче, чем Сириус на нашем небе. Это был бело-голубой сверхгигант. Наше Солнце могло бы стать крошечным спутником подобной звезды.

Я стоял и смотрел, как угасает сияниеочных фонарей, уступая место могучему кроваво-красному свету поднимающемуся над горизонтом Солнца. Этот свет вызвал у меня мысли о том, не умирает ли само Солнце. Но потом появился его край, и полчаса спустя оно превратилось в знакомый желто-золотистый диск. Нет, Солнце не изменилось. И было бы глупо думать, что оно изменится. Семь миллионов лет — ничто для Земли. И уж тем более ничто для Солнца..

Вселенная меняется очень медленно. Лишь жизнь изменчива и непостоянна. С тех пор как на Земле появился человек, прошло восемь миллионов лет. Восемь миллионов лет — всего лишь несколько дней в жизни Земли. И человеческая раса умирает!.. После нее останутся машины. И они тоже рано или поздно умрут, хотя и не могут этого понять. Так мне тогда казалось. Возможно, я кое-что в этом изменил. Я вам расскажу. Позже...

Когда солнце взошло, я отправился к границе города. Широкая серая полоса тянулась через плоскую равнину прямо на восток. Это была дорога для наземных машин. Никакого движения на ней я не заметил. Потом над дорогой появился летательный аппарат. Он издавал тихий прерывистый звук, словно хныкал во сне ребенок, и рос на моих глазах, будто раздувающийся воздушный шар. Опустившись на посадочную площадку неподалеку, он оказался просто огромным. Посыпался шум машин, которые, несомненно, занялись доставленным грузом.

Я грустно улыбнулся — жизнь продолжалась. Местные машины заказывали минеральное сырье. Машины из других городов его поставляли. Транспортные машины доставляли его сюда. Сан-Фриско и Джексвилль оказались единственными городами в Северной Америке, где еще жили люди. Однако и во всех остальных машины продолжали работать. Ведь они не могли остановиться, и никто не отдавал им такого приказа...

Я вздохнул и отправился на поиски какого-нибудь воздушного такси. Однако ничего похожего найти в городе не удалось. Я обыскал все уровни. То тут, то там попадались брошенные глейдеры, но они были слишком велики для меня, и в них напрочь отсутствовали органы управления. В полдень я снова поел. И снова еда оказалась вполне приличной.

Мне вдруг пришло в голову, что этот город — кладбище надежд человечества. Надежд не какой-то одной расы — белой, желтой или черной, — но всей человеческой расы. Мне очень хотелось выбраться оттуда, но я побоялся воспользоваться наземной дорогой, поскольку мое такси питалось энергией от местного источника и наверняка должно было остановиться при удалении от него.

После обеда я самым внимательным образом обследовал нижние уровни центральной секции. Там располагались рестораны, магазины и театры. Когда я вошел в одно из помещений, послышалась тихая музыка, и на экране передо мной возникли разноцветные фигуры. Это снова была песня торжества, воплощенная не только в звуке, но и в цвете, песня расы, неувидевшей пропасти на своем пути. Я поспешил ушел, и песня, не исполнявшаяся в течение трехсот тысяч лет, затихла позади.

Вскоре я обнаружил небольшой ангар возле внешней стены города. Там оказалось три корабля. Один, пятидесяти футов в высоту и пятнадцати в диаметре, судя по всему, был космической яхтой. Другой, диаметром в пятнадцать футов и пять в высоту, — семейной воздушной машиной. Третий был маленьким, чуть больше десяти футов диаметром и два в высоту, очень напоминал индивидуальный флаер. Очевидно, им и следовало воспользоваться.

Я вошел внутрь машины, и тут же пространство вокруг пронизали какие-то бледные лучи, а по моему телу пробежала легкая дрожь. Я сразу понял, что аппарат использует принцип антигравитации.

Через полчаса мне удалось понять способ управления флаером. Управление было простым. Слева находился рычаг, который следовало передвинуть вперед, чтобы двигаться вперед, и назад, чтобы двигаться назад. Справа имелся горизонтальный врачающийся стержень. Если повернуть его влево, флаер поворачивал влево, соответствующим образом осуществлялся и правый поворот. Когда стержень поднимали, поднимался и корабль; когда опускали — корабль опускался. Кроме того, на пульте был экран с картой, перекрестие над которой всегда показывало ваше местоположение.

Флаер был полностью готов к полету. Понимаете, эти машины были почти живыми существами. Специальный робот-смотритель периодически проверял их, обеспечивал всем необходимым, настраивал, даже ремонтировал, когда это требовалось. И так продолжалось уже триста тысяч лет.

Разобравшись с управлением, я поднял флаер в воздух и направил туда, где, по моему мнению, находился запад. Ускорение практически не ощущалось. Земля просто прыгнула кудато назад, и мгновение спустя город исчез. На экране загорелась

карта, появились показания компаса. Сверившись с ними, я обнаружил, что двигаясь на юго-запад, слегка подправил курс и увеличил скорость.

Внезапно раздался резкий звонок, и, помимо моего желания, машина поднялась и свернула на север. Впереди находилась гора. Увлеченный картой и компасом, я не заметил ее, но автоматика исправила эту оплошность. Обогнув гору, флаер остановился и повис в воздухе. Повозившись еще немного, я разобрался с прокладкой маршрута и отметил на карте Сан-Франциско. Аппарат тут же устремился к цели. Достигнув города, флаер повис в воздухе и издал низкое гудение.

Я посмотрел вниз. Там толпились люди. Я впервые увидел людей той эпохи вживую. Это были маленькие испуганные человечки, низкорослые, с непропорционально большими головами. Тем не менее отвращения они у меня не вызвали. Больше всего поражали их глаза. Они оказались огромными, и в них чувствовалась сила. Однако эта сила спала настолько глубоким сном, что ей, похоже, уже не суждено было пробудиться.

Я перешел на ручное управление и посадил аппарат на землю. Едва я вышел из него, флаер снова поднялся и улетел — как потом выяснилось, на парковку, в общественный ангар.

Люди вокруг начали переговариваться между собой. Их разговор больше походил на пение. Неторопливо подходили новые мужчины и женщины, однако старики среди них я не заметил, а молодежи было очень мало. Как потом выяснилось, среди горожан мало и детей.

Видите ли, на это были свои причины. Эти люди жили невероятно долго. Некоторые — почти по три тысячи лет. Потом умирали. Они не старели, и выяснить, почему же люди умирают, мне так и не удалось. Просто останавливалось сердце. Дети у них рождались крайне редко, и к ним здесь относились с величайшей заботой. В течение месяца в городе, насчитывавшем сто тысяч человек, рождался лишь один младенец. Человеческая раса постепенно становилась бесплодной.

Я говорил вам, что они ощущали себя безнадежно одионокими?.. Дело в том, что, шагая к своей зрелости, человечество уничтожило все жизненные формы, которые ему угрожали. Сначала бактерии, потом насекомых и, наконец, хищных зверей.

Природное равновесие нарушилось, но люди уже не могли остановиться. Получилось примерно так же, как с машинами: когда-то запустили и теперь невозможно выключить. Человечество начало губить все живое и уже не смогло остановить этот процесс. Им пришлось уничтожить всевозможные сорняки, затем многие безобидные растения. Затем травоядных — оленей и антилоп, кроликов и лошадей, которые, потеряв кормовую базу, принялись нападать на посевы.

В общем, процесс вышел из-под контроля. Очистив от микроскопических форм жизни воздух, принялись за воду. Поколение спустя море стало безжизненным. Людям это прибавило около полутора тысяч лет жизни.

В результате на Земле остался лишь человек да те организмы, которые он сохранил, — декоративные растения и некоторые домашние животные, столь же долго-живущие, как и их хозяева. В основном это были собаки. Собаки находились рядом с человеком за много тысячелетий до вашего и моего времени. Позже человек начал совершенствовать разум четвероногого друга. В древнем заброшенном музее я видел одного из таких псов. Его череп был размером едва ли не с мой. Эти собаки умели управлять небольшими наземными машинами, и люди устраивали для них гонки.

Затем человечество достигло окончательной зрелости. Этот период занял более миллиона лет. Человек двигался вперед столь чудовищными шагами, что собака перестала быть его спутником. Необходимость в этом четвероногом ощущалась все меньше и меньше. Когда прошел еще миллион лет и человечество подошло к упадку, собаки исчезли. Они просто вымерли.

И теперь последним людям, остававшимся в Солнечной системе, некого было сделать своими наследниками. Раньше, когда одна цивилизация погибала, на ее обломках поднималась другая. Теперь же не осталось ничего, кроме растений и человечества. Но последнее уже слишком одряхлело для того, чтобы сделать растения разумными и подвижными.

В течение миллиона лет человечество заселило другие планеты. На каждой планете и на многих спутниках жили люди. Но ко времени моего появления Плутон уже был оставлен, и люди помаленьку уходили с Нептуна, перемещаясь ближе к Солнцу и

Земле. Кстати, большинство из них видели планету, подарившую им жизнь, впервые.

Едва выйдя из флаера, я понял, почему умирает человеческая раса. Я взглянул на лица этих людей и прочитал ответ. Их все еще великий разум, намного более великий, чем ваш или мой, лишился одной-единственной черты — любопытства.

Позже мне пришлось воспользоваться помощью одного из них, чтобы решить кое-какие проблемы. Видите ли, в пространстве и времени имеется двадцать координат, десять из которых в нашем мире равны нулю, шесть имеют постоянные значения, а четыре оставшихся представляют собой изменяющиеся, знакомые нам измерения. Это означало, что мне следовало производить интегрирование не третьего или четвертого, а десятого порядка.

Такая задача была свыше моих сил. Я не мог воспользоваться существующими математическими машинами, а машины моего времени за семь миллионов лет, естественно, обратились в пыль. Однако нашелся человек, согласившийся мне помочь. Его звали Рено Ланталь. Он в уме считал интегралы четвертого порядка с переменными экспоненциальными пределами. Однако занимался он этим, только если я его просил. Увы, ему тоже не хватало любопытства!..

А в тот день, когда я прилетел в Сан-Франциско, все это проявилось в полной мере. Люди смотрели на меня с интересом — еще бы, явился неведомо откуда странно выглядящий чужак! — и шли себе дальше. Они не испытывали любопытства! Человечество утратило его.

Впрочем, нет, не совсем! Они вроде бы интересовались машинами и звездами, но почти ничего не делали, чтобы удовлетворить свой интерес. Любопытство еще оставалось в них, но оно умирало. За шесть недолгих месяцев, которые мне довелось провести там, я узнал больше, чем они за три тысячи лет своей жизни среди машин.

Вы можете представить себе, сколь тяжкое ощущение это вызывало у меня? Я, человек, влюбленный в науку, видевший в ней спасение и возвышение человечества, любовался чудесными машинами, которых никто из них не замечал.

Эти люди попросту затерялись среди машин. Город казался им величественными руинами, возвышавшейся вокруг них

громадой — чем-то непонятным, из века присущим этому миру явлением. В их понимании он не был кем-то создан; он просто существовал всегда. Так же как горы, пустыни и моря.

Ведь с тех пор, как появились машины, прошло больше времени, чем с зарождения человечества до наших дней... Знаем ли мы легенды наших древних предков? Помним ли мы их познания о лесах и пещерах? Известен ли нам секрет обработки камня до получения острого как бритва лезвия? Или методика выслеживания саблезубого тигра и умение самому не стать его добычей?

Эти люди оказались примерно в таком же положении, просто им для этого потребовалось значительно большее время. Да, Плутон был теперь необитаем, однако на планете находились крупнейшие рудники, и там все еще функционировали машины. Автоматическое производство охватывало всю Солнечную систему. И людям было известно, какую кнопку нужно нажать, чтобы получить определенные результаты. Точно так же люди средневековья знали: если взять кусок дерева и коснуться нагретого докрасна металла, дерево исчезнет и появится тепло. Они не понимали, что при этом дерево окисляется с высвобождением тепла и образованием двуокиси углерода и воды. Точно так же и здешние обитатели не понимали, каким образом действуют машины, которые кормят, одевают и перевозят их.

Я провел в Сан-Франциско три дня. А потом отправился в Джексвилль и в Йок-Сити. Последний был просто огромен. Его границы уходили намного севернее нынешнего Бостона и намного южнее Вашингтона. Многочисленные города, находившиеся здесь когда-то, слились. И все это было одной громадной идеально отлаженной машиной. Здешняя транспортная система доставила меня из северного конца города в южный за три минуты. Затем на одном из космических лайнеров я отправился на Нептун. Некоторые лайнеры все еще летали.

Корабль был огромен — металлический цилиндр длиной в три четверти мили и четверть мили в диаметре. Он выполнял функции грузового транспорта. За пределами атмосферы лайнер начал ускоряться. Я видел, как быстро уменьшается в размерах Земля. Мне доводилось летать на одном из наших кораблей к Марсу, и в три тысячи сорок восьмом году

путешествие заняло пять дней. На этом же корабле через полчаса полета Земля превратилась в звезду, рядом с которой светилась звездочка поменьше. Через час мы пролетели мимо Марса, а восемь часов спустя прибыли на Нептун. Город назывался М'Рин. Он был столь же велик, как и Йок-Сити, но никто тут не жил.

Планета оказалась ужасно холодной и темной. Солнце на здешнем небе выглядело крошечным бледным диском, не дававшим тепла и почти не дававшим света. Однако в городе оказалось вполне уютно. Воздух был свеж и насыщен влажным запахом цветущих растений-. И вся эта громада слегка дрожала от гуда могучих машин, создавших город и обеспечивавших его. Из архивных материалов я уже знал, что город построили три миллиона семьсот тридцать тысяч сто пятьдесят лет спустя после моего рождения. С тех пор ни одной машины не касалась рука человека.

Однако воздух по-прежнему был идеальным. Я посетил несколько других городов, где жили люди. И там, на окраинах владений человечества, я впервые услышал Песнь Желаний. Так я ее называл...

А потом еще одну — Песнь Забытых Воспоминаний. Попробуйте...

— И он исполнил другую песню, — сказал Джим. — Я попробую ее воспроизвести.

Джим запел, и голос его дрожал. Теперь я очень хорошо понимал его чувства. Джим был прав, когда сказал: «Он не походил на обычного человека». Ни один обычный человек не смог бы придумать подобные песни. Они казались здесь неуместными. Джим не обладал хорошим музыкальным слухом, но эта песня была слишком могущественной для того, чтобы ее забыть. К счастью, Джим не обладает большим воображением, иначе, услышав эту песню, он мог бы сойти с ума. Вам приходилось слышать разрывающие сердце, похожие на человеческие крики некоторых животных?..

Эта песня заставляет вас ощущать именно то, что имел в виду человек из будущего. В ней жила гибель земной расы. Всегда испытываешь жалость к человеку, который терпит неудачу после тяжких трудов. Я ощущал, как человечество

старается изо всех сил — и проигрывает. И понимал, что оно не может позволить себе проиграть, поскольку второй попытки не будет. Человек из будущего сказал, что сначала ему было интересно. Но в конце концов он не выдержал.

В конце концов я понял, что не смогу жить среди этих людей. Они были умирающими стариками, а я — живым представителем юной породы. Они смотрели на меня с тем же безнадежно умирающим интересом, с каким смотрели на звезды и на машины. И до конца не понимали, кто перед ними.

Я начал готовиться к возвращению домой.

Это заняло почти шесть месяцев. Мне пришлось нелегко, поскольку я не мог использовать их приборы. К счастью, мне помог Рено Ланталь. Он сделал все, на что был способен.

Однако прежде чем вернуться, я решил им помочь. Хочу когда-нибудь снова побывать там. Просто чтобы посмотреть на результат. Я говорил, что у них были машины, способные понастоящему думать?

В архивах нашлись кое-какие материалы, которые удалось расшифровать. Потом я запустил пять машин, создал из них сеть и поставил перед ними задачу — создать машину, которая будет обладать тем, что утратило человечество. Любопытством.

И только потом я отправился назад. Мне, родившемуся в дни расцвета человеческой расы, не хотелось наблюдать за мучительно угасающими сумерками человечества. И я отправился назад. Немного дальше, чем следовало. Но мне не потребуется слишком много времени, чтобы исправить ошибку.

— Вот и вся его история, — сказал Джим. — Он не уверял меня, что это чистая правда. Он вообще больше слова не вымолвил. А я так задумался над его рассказом, что даже не заметил, как он исчез, когда мы остановились в Рено заправиться. — Джим бросил на меня вызывающий взгляд. — Я не очень ему поверил. Но думаю, что он был необычным человеком.

Джим и в самом деле не легковер. Но в эту историю он поверил, иначе бы не стал столь решительно заявлять о необычности этого типа. И я тоже верю. Полагаю, подвезенный Джимом человек и в самом деле жил в тридцать первом веке. А еще мне не дает покоя мысль, что он действительно видел сумерки человеческой расы.

НОЧЬ

Кондон замер, глядя через стекла бинокля, при этом лицо его было напряженное и сосредоточенное, а все его внимание сосредоточено на маленьком пятнышке, искривляющемся бесконечно далеко в синем небе. Губы его дрожали, и он рассеянно повторял раз за разом:

— Боже мой! Боже мой!..

Неожиданно он вздрогнул и посмотрел на меня сверху вниз.

— Он никогда так не спускался, Талбот. Он никогда так не спускался...

Я тоже это знал... был совершенно в этом уверен. Однако мне ничего не оставалось как улыбнуться и ответить:

— Не стал бы утверждать столь безапелляционно. В любом случае, я боюсь за него. Что там у него случилось?

Майор Кондон весь дрожал. Его рот скривился в ужасной гримасе, прежде чем он вновь обрел дар речи.

— Талбот... Я боюсь... Ужасно боюсь. Ты же понимаешь... Ты же его ассистент... Ты же знаешь, он пытается победить гравитацию. Люди не предназначены для этого... Это неправильно... Неправильно...

Майор вновь уставился на пятнышко, оставаясь все таким же напряженным и по-прежнему невпопад повторяя:

— Неправильно... Неправильно... Неправильно...

Тут он неожиданно напрягся, замолчал. Дюжина техников, стоящих на этой удаленной аварийной площадке замерла. А потом майор рухнул на землю. Я никогда не видел, чтобы кто-то выражал подобную слабость, особенно офицер с медалью «За выдающиеся заслуги». Я не остановился помочь ему, потому что знал: в самом деле что-то случилось.

Далеко-далеко в небе сверкала маленькая оранжевая искрка... так далеко, где почти не было воздуха, и необходимо было носить костюм для полетов в стратосфере. Широкие оранжевые крылья летательного аппарата слабо мерцали

где-то там наверху на жемчужно-сером фоне. Но, без сомнения, летающий аппарат падал. Медленно, скользил вниз по кругу, постепенно входя в штопор.

Ужасно. Летающей машине потребовалась почти минута, чтобы потеряв управление и устремившись к земле, пролететь первые мили, и это, не смотря на скорость. И в самом конце аэроплан вошел в штопор — в настоящий штопор. При этом мотор машины ужасно завывал. Это был жуткий, смертоносный полет — словно гроб несся к земле на скорости большей чем пятьсот миль в час.

Земля вздрогнула от этого страшного столкновения. Но еще до того, как аэроплан врезался в землю, мы вскочили в машины и помчались к месту катастрофы. Я был в машине с Джейффом — лабораторным техником. Двигатель джипа взывал, и мы быстро набрали скорость миль в семьдесят. Покинув стартовое поле, мы нырнули в мелкую канаву и потом вылетели на дорогу — пустынную, бетонную дорогу, которая вела к тому направлению, где аэроплан должен был врезаться в землю. Двигатель взревел, когда Джейфф выжал акселератор. Смутно я слышал грохот большого автомобиля майора, который несся следом за нами.

Джейфф гнал машину, словно сошел с ума, но никто, казалось, этого не замечал. По бетонке мы разогнались до девяносто пяти миль в час, может, и больше. От встречного ветра у меня заслезились глаза, так что я не мог быть уверен, видел ли я хвост огня и пламени позади аэроплана. При падении от трения могли загореться баки с дизельным топливом... Только этот летательный аппарат такое топливо практически не использовал, лишь для набора высоты. Теперь же баки его должны быть пусты — аэроплан должен был выработать все горючее при подъеме, а спускаться собирался планируя. Мотором у него была антигравитационная катушка Картера.

Наш джип свернул на грунтовую дорогу, протянувшуюся через широкую равнину, и ветер вновь засвистел вокруг. Далеко впереди я увидел проселочную дорогу, которая должна была привести к тому месту, где должен был упасть аэроплан Боба. Мы тормознули, и машину занесло под скрежет шин. Как бы мы не спешили по грунтовке, несмотря на все усилия мотора, больше чем шестьдесят пять не выжать.

Джефф резко свернул на коровью тропу, и взвыли рессоры. Мы стали притормаживать, когда оказались в четверти мили от аэроплана.

Аэроплан упал между огороженной частью пастбища на лесной опушке. Выскочив из джипа, мы, словно медалисты бега с препятствиями, перемахнули через забор и помчались к обломкам аэроплана, и замерли разглядывая то, что недавно было «экспериментальным летающим аппаратом». Присоединившийся к нам майор был спокойным и бледным.

— Мертв, — вынес свой приговор Кондон.

Я тоже был спокойным и, возможно, тоже бледным как мел.

— Не знаю! — протянул я. — Его там нет!

— Нет! — майор уже почти кричал. — Но Боб должен был быть там. Должен быть! У него не было парашюта! Он не мог выпрыгнуть из кабины... Мы бы увидели.

Я указал на аэроплан и вытер со лба холодный пот. Я чувствовал, что весь с ног до головы покрыт потом, аж ручеек тек вдоль позвоночника. Крепкая, стальная машина ушла в землю на глубину восьми или девяти футов, разметав почву и камни, словно это жидкая грязь. Крылья валялись а другом конце поля, плоские, скрученные куски дюралевого сплава. Раньше фюзеляж летающего корабля имел великолепный силуэт, но теперь, ударившись о землю, он развалился на куски.

Верхняя часть, где были расположены индукционные катушки из висмута, превратилась в бесформенную смесь разодраных проводов. Внутри машина была разбита, раздавлена, разорвана, точно так же как, и её корпус. Задняя часть экспериментального двигателя — тяжелый нагнетатель, напоминающий наковальню, — был разломан, он раскололся, развалившись на несколько кусков. Ни одна деталь машины не осталась на своем месте в этой адской мешанине.

Подбежав к обломкам, я в первую очередь заглянул в кабину, где должно быть красное месиво — то, что раньше было человеком, только ничего похожего там не оказалось. Пилота просто не было. Он не покидал самолет. Был чистый безоблачный день, и мы бы сразу увидели падающее тело... Только вот кабина оказалась пуста. Мы тщательно её осмотрели. Пришел фермер и другие зеваки. Столпившись поодаль, они обменивались впечатлениями. Потом приехало еще несколько фермеров

на старых, ветхих автомобилях с женами и их семьями и тоже стали плятиться на обломки. Мы отправили владельца земли в город, и вскоре он вернулся с рабочими и грузовиком с прицепом. К тому времени уже начало смеркаться. Но мы не стали делать перерыв на ночь, и работы продолжались до утра, и только когда начало светать, мы поспешили прочь.

Потом пятеро из нас: майор военно-воздушных сил, Джейф Родней, двое из корпорации Дугласса, никогда не мог запомнить их имен, и я — так вот, все мы собирались в нашей комнате: моей, Боба и Джейфа. Мы просидели там несколько часов, пытаясь припомнить каждую мелочь, каждую деталь, пытаясь объяснить то, что произошло. А потом раздался телефонный звонок. Я встал и ответил. Странный, неприятный голос равнодушно поинтересовался:

— Господин Талбот?

— Да.

Звонил Сэм Гантри — фермер, которого мы оставили дежурить на месте аварии.

— Тут какой-то человек появился.

— Да? И что он хочет?

— Не знаю. Я не понимаю, откуда он появился. Он то ли мертв, то ли без сознания. Он в костюме летчика и на голове у него стеклянный шлем. Выглядит он каким-то синим... Так что думаю: он мертв.

— Господи! Боб! Вы пробовали снять шлем? — взревел я.

— Нет... Нет... Нет... Сэр. Мы не трогали его.

— Его кислородные баллоны должны быть пусты. Послушайте: возьмите молот, гаечный ключ, все что угодно... и разбейте переднюю, стеклянную панель его шлема! Быстро! Мы скоро будем!

Джейф уже вскочил. Майор приоднялся вместе с остальными. Я схватил полупустую бутылку виски, и нырнул в чулан. Прихватив кислородный баллон под мышку, я запрыгнул в джип, и Джейф рванул с места. С ходу набрав скорость, он так и не сбрасывал её до конца ночной поездки. Мы неслись на полной скорости к месту катастрофы сломя голову, так что нас бросало из стороны в сторону. Джейф отлично знал дорогу, и мы даже не притормаживали на поворотах. На этот раз он рванул прямо через проволочное ограждение. Фара разлетелась.

Раздался скрежет рвущейся проволоки, прочертившей узор царапин на капоте джипов. И мы, подпрыгивая, понеслись через поле. На земле стояло два фонаря. Еще три фонаря были у фермеров, собравшихся на поле. Несколько человек приселوا рядом с неподвижной фигурой в фантастическом, раздутом скафандре для полета в стратосфере. Когда наш джип тормознул, и его занесло, и мы, словно горошины из стручка, высыпали из машины. У меня в одной руке была бутылка виски, в другой — кислородная подушка.

Лицевая панель шлема Боба была разбита, но кожа его имела синеватый оттенок и пошла пятнами, на губах выступила пена. Длинная царапина на щеке — след от разбитого стекла, медленно наливалась кровью. Майор, ничего не говоря, приподнял голову пилота-испытателя, и осколки стекла зазвенели внутри шлема. Потом майор попытался влить немного виски в горло несчастного.

— Подождите, — остановил я его. — Майор давайте лучше сделаем ему искусственное дыхание. Это быстрее приведет его в себя...

Майор кивнул и поднялся, кривясь, стал растирать руки.

— Костюм его очень холодный! — пояснил майор. Я поднес загубник кислородного баллона к лицу Боба и открыл вентиль, стараясь держать загубник так, чтобы поток чистого кислорода был прямо в рот несчастного.

Через десять секунд Боб закашлялся, а потом несколько раз глубоко, судорожно вздохнул. Когда его легкие наполнились кислородом, его лицо почти мгновенно стало розовым. Однако, как мне показалось, выдыхать ему было ничего, и тело его теперь очень быстро наполнялось кислородом. А потом, вновь закашлявшись, он попросил:

— Помогите мне сесть.

Мы усадили его, потом он с трудом поднял руку и помахал нам.

— Теперь со мной все в порядке, — объявил он.

— Слава богу... Но что же с тобой случилось? — спросил майор.

Боб не отвечал. Минуту он сидел молча. Взгляд у него был странным — голодный взгляд, так по крайней мере мне показалось. Потом он посмотрел на деревья, которые темнели

у него за спиной, перевел взгляд на людей, столпившихся возле фонарей, и, в finale запрокинув голову, уставился на мириады звезд, которые сверкали, танцевали и поблескивали у него над головой в ночном, безоблачном небе.

— Я вернулся, — тихо выдавил он. А потом неожиданно вздрогнул и со страхом огляделся. — Но... я должен быть... тогда... тоже...

А потом минуту, не отводя взгляда, он смотрел на майора, и наконец едва заметно улыбнулся и, повернувшись к парочке из Дуглас инкорпорейтэд, он начал свой рассказ...

Вначале с аэропланом было все в порядке. Я стартовал и поднимался на обычном дизельном двигателе, пока не оказался на безопасной высоте, где воздух уже был достаточно разряженным и поле, которое создавала машина, не могло воздействовать на объекты на поверхности Земли... Боже! Поверхности Земли!.. Правда я не знал, насколько далеко распространяется это поле — двигатель ведь был экспериментальным, и запускать его на стенде, в ангаре было равносильно игре в русскую рулетку... На высоте в сорок пять тысяч футов я решил, что нахожусь в полной безопасности. Тогда я выключил дизельные двигатели, тем более что указатель топлива уже стоял на нуле. Тишина поразила меня. Такая тишина!..

Потом я запустил двигатель-генератор, и электрические катушки агудели, разогреваясь. А потом... Удар поля оказался страшным... На мгновение я оказался парализован. У меня не было никаких шансов разорвать цепь, отключив экспериментальный генератор... Хотя я сразу понял, что-то пошло не так... В схему закралась какая-то ужасная ошибка. И я вынужден был сидеть в кабине и наблюдать, как индикаторы показывают совершенно невозможные данные... И еще... Я отлично понимал, что только сам смогу себе помочь, но прежде чем я сумел что-то предпринять, дела пошли еще хуже.

Стоило мне потянуться вперед, как катушки начали исчезать — они бледнели, становились призрачными, нереальными и исчезали одна за другой. А когда машина и вовсе растаяли, я на мгновение увидел синее небо. Потом, словно со стороны, я увидел, как самолет падает, и свет померк, так как Солнце, подобно ракете, пролетело по небу и исчезло. Не знаю, сколько

я находился в странном состоянии, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Вокруг меня была только пустота: ни тьмы, ни света, ни каких звезд...

Наконец окружающее стало обретать подобие реальности, Пустоту сменил странный красный свет. Я падал... Я подумал о сорока пяти тысячи футах и твердой поверхности Земли, а потом замер, скованный ужасом. Я приготовился умереть... и в тот же миг приземлился в огромный белоснежный сугроб, подкрашенный алым светом, который освещал этот мир...

Холод. Он впился в меня, словно клык дикого зверя. Это был настоящий холод. Смертоносный холод. Он ножом прошел через толстый, утепленный костюм для полетов в стратосфере и так полоснул по телу, словно я был в чем мать родила. Я дрожал так сильно, что едва смог вывернуть вентили обогрева на максимум. Вы знаете, что в этом костюме для борьбы с холодом есть контейнеры со спиртом и каталитические сетки, потому что любые электрические приборы могли создать магнитные поля, которые, в свою очередь, могли повлиять на генератор. Тогда я поблагодарил самого Господа Бога за подобную предусмотрительность. В тот момент единственное, что я понимал: я очутился в очень странном месте, где страшно холодно и пустынно. А потом я совершенно неожиданно осознал, что небо надо мной совершенно черное. Чернее, чем тьма ночи, и еще... Снежное поле протянулось до самого горизонта — равнина, залитая кроваво-красным светом, и моя тень легла темно-красным пятном у моих ног. Я обернулся. С трех сторон поднимались низкие холмы, заваленные снегом, и расцвеченные красным. С четвертой стороны... Там через всю равнину протянулась стена — стена, которая могла посрамить Великую Китайскую стену. Была она кроваво-красной и блестела, словно отлитая из металла. Она протянулась от горизонта к горизонту, и я мог хорошо её рассмотреть, хотя до неё было несколько сотен футов — воздух казался совершенно прозрачным. Я выкрутил горелки своего костюма на максимум и почувствовал себя много лучше. Тут что-то заставило меня повернуть голову, и я замер. Я уставился на Солнце и сглотнул. Оно было в четыре... да что там, в шесть раз меньше Солнца, которое я знал. Оно не садилось. Оно застыло в сорока пяти градусах над горизонтом. Кроваво-красное. И мое

лицо, когда я повернулся к нему, пусть даже и защищенное стеклом шлема, не ощутило никакого тепла. Лучи этого солнца не грели.

Вначале мне и в голову не приходило, что я мог покинуть Землю, оказавшись на другой планете, но теперь я за-сомневался в том, что все еще нахожусь на родной планете. Должно быть это была другая планета, другая звезда... Замороженная планета... Планета, где воздух обратился в снег. В какой-то момент я был совершенно в этом уверен. Замороженная планета мертвый звезды.

Уставившись в черное небо над головой, я удивился тому, что на черной чаше небес можно было разглядеть всего три десятка звезд. Тусклые, красные звезды, и одна единственная звезда, которая сильно выделялась из-за того, что сверкала очень ярко — желто-красная звезда, много ярче Солнца, — настоящее чудовище. Это было другой... мертвый... космос. Если снег и в самом деле был замороженным воздухом, то единственная атмосфера, которая могла тут существовать: атмосфера из неона и гелия. Тут не было туманной дымки, чтобы приглушить блеск звезд. Тусклое, красное Солнце не могло приглушить их свет своими лучами. Выходит, и звезды исчезли. В этот миг я окончательно пришел в себя. Я был страшно напуган.

Напуган? Да, настолько, что чуть не обмочился. Только тогда я понял, что никогда не вернусь. Я снова ощущил холод, и осознал, что могу умереть, если не вернусь раньше, чем воздух закончится в моих кислородных баллонах. Но беспокоиться нужно было не об этом. Кислород — всего лишь еще один ограничитель, установленный на бомбе замедленного действия...

Однако тогда думал о другом. Я пытался найти ответы на многочисленные вопросы, крутившиеся у меня в голове. Несожиданно я осознал, что все еще на Земле... Так оно и было. Это была Земля. А над головой у меня сверкало старое Солнце. Старое... Старое Солнце. Видимо, двигатель летательного аппарата искал не только потоки гравитации и двери. Мой разум был холoden и работал как часовой механизм.

Если же это и в самом деле была Земля, то тогда выходило, что машина перенесла меня на безумное расстояние во времени. Это просто было... невообразимо. Солнце мертво. Земля

мертва. В наше время Земле уже исполнилось около двух миллионов лет. И за все это время Солнце почти не изменилось. Но сколько времени прошло с тех пор? Теперь Солнце оказалось мертвым. Звезды были мертвые. Так что я решил, что от моего настоящего времени меня отделяет биллион билионов лет. Однако, боюсь, я недооценил этот временной интервал.

Мир был старым... старым... старым... Сами камни излучали ауру сокрушительного, невероятного возраста. Мир был старым, старше чем... Мне даже сравнения не подобрать. Обычно мы сравниваем возраст с возрастом гор. Но что такое возраст гор? Горы поднимались, превращались в равнину, снова вставали пиками... И так миллионы миллионов раз! Мир старый как звезды? Нет. Так тоже сказать нельзя... Звезды были мертвые...

Я снова посмотрел на металлическую стену и отправился к ней. Её аура древности буквально омыла меня, потащила меня к себе, как магнит. Я попытался воспрепятствовать этому зову, потому что предо мной был мир, где и вовсе не было никакого движения. Лишь ледяной ветер тонко, беспрестанно скулил над безжизненной равниной, и тащил меня призрачными руками рожденные миллион миллионов лет назад...

В итоге я все-таки направился в сторону стены. Я не мог мыслить ясно, потому что аура мертвой планеты давила на меня. Давила своим возрастом. Сами звезды умирали у меня на глазах или уже умерли. Они ютились в межзвездном пространстве, словно старики, сбившиеся в кучки, чтобы сберечь последние крупицы тепла. Галактика сжалась. Она стала крошечной, диаметром не более тысячи световых лет. Расстояния между звездами теперь насчитывали мили, там, где раньше были световые года. Великолепная, гордо расползающаяся вселенная, которая раскинулась на миллион миллионов световых лет, разбрасывающих лучистую энергию в пространство... все это исчезло. Вселенная умирала... Умирающий жмот, который выбрасывал остатки энергии в ставшее поистине крошечным межзвездное пространство. Сама вселенная казалась сломанной и разрушенной. Тысячи миллиардов лет назад космические постоянные были исключены из этой вселенной. В этой вселенной не было галактик, кружавшихся с огромной скоростью. Это была вселенная обломков, погруженных в бездонный океан одиночества и холода. И не

так много времени должно было пройти, прежде чем эти обломки исчезнут и воцариться вечный мрак.

Что-то случилось с этим миром. Но так давно, что даже воспоминания об этом событии исчезли. Единственное, что осталось, так это гравитационная постоянная, сила, которая притягивает массу друг другу. А галактика, постепенно сжимаясь, превратилась в старую, усохшую мумию. Свет Солнца стал холодным. А его красный оттенок заставлял окружающий мир выглядеть еще старше. В этом мире не было ничего молодого. Меня можно было не брать в счет. Порывы ледяного ветра и хруст «снега» под ногами, звучали как тщетный протест, обижаясь на мое вторжение.

Я брел дальше и дальше, но металлические стены ничуть не приближались, словно это был мираж ледяной пустыни. Но я уже был слишком поражен возрастом этого мира, чтобы удивляться. Я просто шел вперед.

Когда я подошел ближе, полированный блеск стены исчез, и последние мои надежды погибли. Несмотря ни на что, я все-таки надеялся, что кто-то может жить за этой стеной. Существа, которые смогли построить такое сооружение, могли выжить даже в таком мире. Поэтому я, не в силах остановиться, брел дальше и дальше. Вблизи стало видно, что стена во многих местах потрескалась и обвалилась. Это оказалась даже не стена, а несколько разбитых стен, которые издалека выглядели, как единое сооружение. Тут не существовало смены времен года, чтобы состарить камни, только слабые холодные ветра, которые несли частички неона и гелия, инертных веществ, которые сами по себе не вызывают коррозии. Город, лежавший за стенами, был мертвым миллионы лет. Этот город лежал мертвым период времени, в десять раз больший, чем сейчас возраст нашей планеты. Но ни что не смогло уничтожить его. Земля была мертвой — слишком старой, чтобы на ней сохранился хотя бы крошечный огонек жизни. Воздух замерз, и ничто не могло вызвать коррозию металла.

Сама вселенная умерла. Тут не было космического излучения, которое могло уничтожить сооружения, бомбардируя их атомными частицами. Город спрятался за огромной металлической стеной. И что-то, возможно, последний из странствующих в пространстве астероидов, случайно рухнув на Землю,

разворотил часть стены. Я прошел через эту брешь, вступив в город, который покрывал снег — мягкий, белый. Огромное красное солнце висело в небе в том же месте, где раньше, не сдвинувшись ни на градус. А это означало, что Земля давным-давно перестала вращаться вокруг оси...

Я бродил по мертвым садам. Именно они убедили меня, что я в самом деле в городе людей на Земле. Тут были замороженные останки растений. Видимо они умерли в один миг, захваченные врасплох одной из последних бурь Земли, случившейся десятки миллиардов лет назад...

Я шел дальше и дальше. Город казался бескрайним. Огромным. Он простирался до самого горизонта... Безжизненный... Машины... Машины повсюду. И машины тоже были мертвые. А я шагал вперед в надежде, что где-то впереди отыщется немного света и тепла. Я не мог определить, когда смерть взяла этот город под свое крыло. Благодаря объятиям страшного холода мертвые растения выглядели свежими. Мне показалось, что в городе много темнее. Свет солнца, висящего над горизонтом, загораживали многочисленные здания и постройки. Мне казалось, что я спускаюсь все ниже и ниже, и вскоре, без сомнения, оказался много ниже уровня ледяной равнины. И чем дальше я шел, тем меньше и меньше было вокруг снега. Наконец он вовсе исчез.

Машины, которые я видел, были далеко за пределами того, что мы могли бы вообразить — совершенные машины, которые, судя по всему, могли не только самовосстанавливаться, но могли и самовоспроизводиться. Они могли делать дубликаты самих себя, и дублировать другие машины, необходимые, для того, чтобы им существовать вечно. Но их создатели не смогли предусмотреть случившееся. И без того город, который они спроектировали, и машины, которые они построили, просуществовали еще миллионы лет после того, как ушли в небытие последние люди. Должно быть, эти строители и конструкторы очень смутно представляли будущее и видели его совсем не таким. Но теперь Земля умерла, и Солнце умерло, и даже сама Вселенная стояла на грани смерти.

Холод убил машины. Все они имели нагревательные устройства, которые были предназначены для поддержания нормальной температуры, не смотря на любые погодные

перепады. Но в каждой электрической машине, есть сопротивление баланса, индукционные катушки, конденсаторы... И холода, становившиеся с каждым столетием все сильнее, погубили их. Несмотря на обогревали, холод со временем отвоевывал одну позицию за другой и в конце концов уничтожил внутренности супермашин.

Сверхпроводимость и отсутствие трения — инженеры не смогли всего предусмотреть. А ведь сопротивление и трение — основа основ, то что удерживает болты и останавливает машины при необходимости...

От холода изменилось электрическое сопротивление деталей, и удивительные машины остановились, потому что не осталось деталей, чтобы заменить поврежденные. А стоило их заменить, новые тут же выходили из строя. Должно быть, прошло много месяцев или даже лет в этих бессмысленных заменах, прежде чем машины сдались и остановились. Холод победил их, обошел защиту, которую в более теплые времена возвели против него инженеры. Машины не взорвались. Я нигде не видел разбитых машин. Они просто остановились, когда больше не смогли бороться с собственными дефектами. А новая энергия, новые детали так и не поступили. И больше эти машины никогда не заработают...

Я пытался прикинуть, сколько они работали сами по себе, сколько времени прошло с того момента, как они отключились, сколько — с того момента, как исчезли люди, которые нуждались в этих машинах. Ведь был тот момент, когда в огромном городе осталось всего несколько человек. Сколько лет после того, как ушел последний человек, работали совершенные механизмы? Я бродил, стараясь увидеть как можно больше, прежде чем покинуть это место. Бродил по мертвому городу. И повсюду я видел, маленькие автономные, моющие машины, которые раньше содержали город в идеальной чистоте, беспомощно застывшие, скованные вечностью и холодом. Они, должно быть, функционировали до последнего, пока центральная электростанция не исчерпала свой ресурс. Я нашел те места, где город впервые коснулась разруха. Там собирались неподвижные ремонтные машины, которые так и не смогли закончить ремонтные работы, до конца убрать мусор на грунтовые платформы. Новые балки и плиты были лишь частично

сгружены с платформ. Смертельные раны города так и не были вылечены. Наконец я отправился обратно. Это была длинная прогулка, бесконечная, мили и мили по пандусам мимо мертвых домов, магазинов и ресторанов. Тут и там замерли неподвижные легковые автомобили.

Вверх и вверх к замершим садам, жестким и хрупким в замороженном виде. Разрушенные крыши должны были вызвать волну холода, и листья так и остались зелеными, покрытыми белой изморозью. А разбитое стекло было хрупким, зеленым и совершенным на ощупь. Цветы до сих пор оставались прекрасными, хоть и навсегда мертвыми...

Вы хоть раз находились рядом с мертвым человеком? Со мной подобное происходило. Я как-то был у соседей, когда их дед умер прямо у меня на глазах. И вышло так, что мне пришлось просидеть в комнате с мертвецом несколько часов...

И вот сейчас мне тоже пришлось оказаться один на один с трупом. Трупом целого мира в мертвой вселенной, где тишина воцарилась много тысяч лет назад, и только мой приход потревожил призраки умерших, если не считать ветра мертвых газов. Теперь я никогда снова не смогу называть их инертными.

Я знаю, что это — мертвые газы, мертвые газы мертвых миров. А с вышины умирающие звезды взирали на умирающий город. Я не мог больше оставаться там. Я направился мимо зданий блестящего металла, в стенах которого отражалось тусклое, кровавое солнце. Но даже там, казалось, не было ничего «живого». Снова я увидел следы того, как, верные приказам своих хозяев, машины, пытались восстановить себя, чтобы служить своим хозяевам, которые погибли много миллионов лет назад. Я видел повсюду замершие ремонтные машины, которые так и не смогли совладать со своим главным врагом — временем. Хотя все это лишь игра слова. В этом городе умерло само время. Оно погибло вместе с городом, планетой, Солнцем и Вселенной, которые само же погубило. Эти машины старались работать и дальше, но это им не удалось. И второго шанса у них не будет. Бессмертные машины были мертвы. Парадокс, не так ли?

Я прошел мимо них всех, двигаясь к окраине города. Я проходил мимо заброшенных магазинов... В какой-то миг я заглянул в один из них, решив узнать, чем же торговали перед смертью мира.

И тут я чуть не закричал, так как аж сквозь костюм услышал какой-то шорох. Я видел, как одна машина дернулась дважды, а потом рухнула. Не думаю, что энергия осталась в ячейках памяти этой машины, хоть она и была столь сложным механизмом, что для меня была за гранью воображения. Дернувшись при моем приближении, машина окончательно погибла. Но это заставило меня пулей выскочить из магазина...

Этот механизм «умер» у меня на глазах. Но как это не парадоксально звучит, я стал еще более любопытным. Я вновь подумал об ассортименте магазинов этого далекого будущего. Однако теперь у меня оявились надежды, что в этом месте где-то должна остаться неиспользованная энергия, ведь тут хранилось невообразимое. Я огляделся повнимательнее, и тут увидел экран в одном из офисов. Я подумал, что это экран. Больше всего он напоминал телевизор какого странного вида. Подобравшись к нему, я осторожно коснулся экрана. И тут раздался звук! Мягкий гудящий звук.

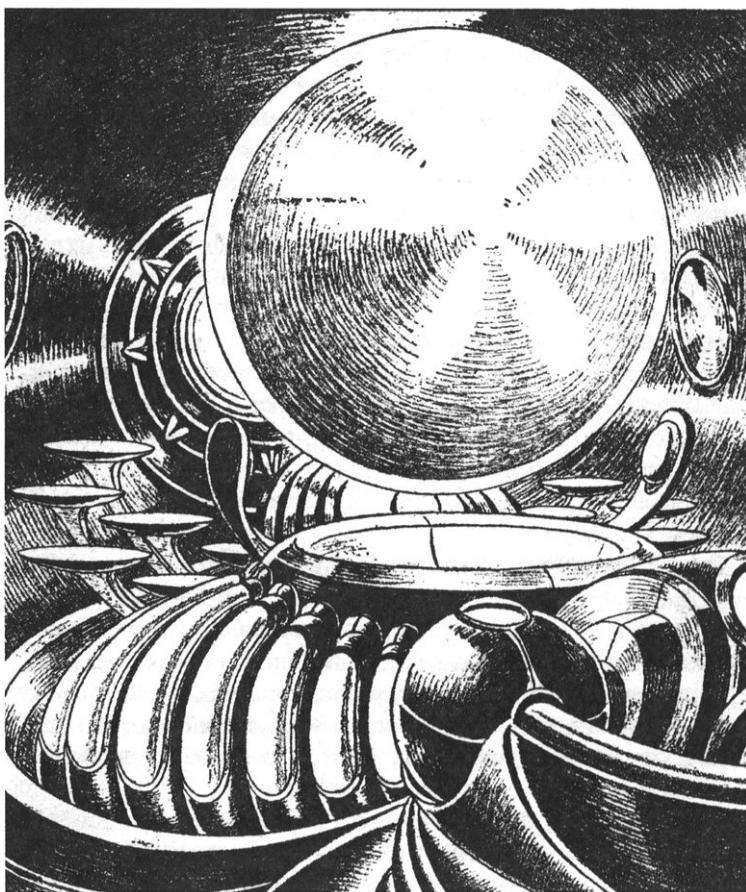
Этот экран, должно быть, был соединен с центральным офисом, где в энергетических ячейках еще остались остатки энергии. Там, где-то, хранился неприкосновенный запас энергии для безнадежного ремонта давно погибших силовых машин.

В этот миг в глубине моего сердца вновь зародилась надежда. Возле экрана «телевизора» располагалось множество непонятных кнопок и циферблатов... Но в самом деле существовала ли надежда?

Вот тут я замер. О какой надежде я грезил? Город был мертв и мертв уже очень долго. Вся планета была мертва. С кем мог соединить меня этот монитор? На всей планете не осталось ничего живого, что могло бы ответить на мой вызов.

Я мог смотреть на вещи проще. И как... как я мог бы определить нужный номер? С другой стороны, почему я посчитал что диск, на котором по кругу были выгравированы какие-то девять символов и стрелка — указатель системы управления связью? Теперь указатель указывал на первый символ.

Действуя неуклюже из-за перчаток, я коснулся одной из маленьких кнопок с символами, инкрустированных в металле. Несколько раздался щелчок, и экран включился. Перед экраном в воздухе появилась трехмерная сфера, и она, завораживая, медленно вращалась у меня перед глазами. Тут я чуть не упал,



неожиданно осознав, что происходит. Указатель был селектором! Всего девять. Я нажал кнопки одну за другой и вскоре передо мной в воздухе плавали девять сфер.

Тут я остановился и призадумался. Девять сфер. Девять планет. И Земля была первой в этом списке — странная планета для меня, но я узнал её по размеру и по положению. Так может, где-то все-таки осталась жизнь? На одном из этих девяти миров? Только вот где? Меркурий... планета ближайшая к Солнцу? Нет. Солнце мертвое, и даже на Меркурии слишком холодно. К тому же Меркурий слишком мал. Я знал... более того, я был уверен, что у меня только один шанс. После это-



го те крохи энергии, что еще оставались в коммуникационной системе иссякнут, и тогда... Видимо, тут использовали ток высокой частоты, а в самом аппарате конденсаторы и катушки индуктивности. Поэтому холода особо их не затронул. Это не огромные машины, которые видимо работали на постоянном токе. И всё же, с кем мне связаться? Юпитер? Слишком большой... А потом я нашел решение. Холод разрушил машины, сделав их идеальными проводниками. А все потому, что они не были предназначены для борьбы с космическим холодом. Но машины, если таковые существовали, к примеру, на Плутоне, должны быть изначально разработаны для таких

условий... Там всегда было холодно. Тогда я обратил все свое внимание на Плутон. Он стал моей единственной надеждой. Но какая из сфер соответствует Плутону? И как они меня поймут? Да и существовали ли эти «оны»? Нужно было как можно скорее решить эту задачу, пока энергия не иссякла. Что-то подсказывало, что при столь сложной системе связи должен существовать какой-то проводник... Рядом с экраном был небольшой пультик, на котором было двенадцать крошечных кнопочек, сгруппированных в четыре ряда по три кнопки. Я решил, что тут использована двенадцатеричная система.

Представьте себе проблемы межпланетной коммуникации! А проблема была в том, что человек-анахронизм в мертвом городе, на мертвой планете искал, сохранилась ли где-то, хоть какая-то жизнь.

На том же пульте располагались еще две кнопки, в стороне от остальных двенадцати — одна зеленая, одна красная. Снова я задумался. Возле каждой кнопки было множество символов. Так что я вначале перевел стрелку на Плутон, а потом на Нептун. Плутон был много дальше, но и на Нептуне было достаточно холодно. Машины и там должны были работать в холодной атмосфере, но Нептун располагался много ближе, а значит, для связи потребуется меньше энергии, которой и так, судя по всему, оставалось очень мало. В итоге я нажал зеленую кнопку, надеясь, что красный цвет по-прежнему означает опасность — отключение в случае неправильно набранной комбинации, а зеленый, как и в наше время, — цвет единения, вызова. Но так ничего и не произошло. Только нажатия одной зеленой кнопки не хватило. Я еще раз нажал шпильку, которая, по моему разумению, означала Нептун.

Прибор снова загудел. Но теперь звук был много сильнее, объемнее, и звучал совершенно по-иному. А потом где-то внутри механизма раздался громкий щелчок. Затем зеленая кнопка высвободилась. Ключ Нептуна под отметкой на циферблате мягко замерцал. А экран замерцал серым светом. А потом совершенно неожиданно гудение прекратилось. Словно средство коммуникации не выдержало нагрузки. Мерцание знака Нептуна померкло. В любом случае сигнал был отправлен. Минуту за минутой я стоял у темного экрана, глядя в пустоту. А потом экран снова замигал, но в этот раз он светился

более тускло. Видимо, остатки энергии иссякали, её последние крохи были бессмысленно посланы в глубину пространства...

— Боже, — простонал я. — Это бесполезно... Все бесполезно...

Я знал, что сигналу может понадобиться несколько часов, чтобы добраться до этой далекой планеты, даже если он станет двигаться со скоростью света. А из-за отсутствия энергии на это могут уйти годы. Вот так я и стоял там. Экран был таким же темным, каким я нашел его, но тут сигнальная кнопка снова зажглась. Я замер, затаив дыхание в безумной надежде. А потом, не зная, что и предпринять, во второй раз ткнул кнопку Нептуна. Видимо, последние крохи энергии были на грани исчезновения, потому что в этот раз голограмма с образом Нептуна над кнопкой показалась мне мутной и едва различимой.

Я отступил от аппарата. На душе была горечь. Я погрузился в бездну безнадежности. Передо мной раскинулся пейзаж, который, если перенести его на холст, можно было озаглавить: «Последние дни Земли». И похоже, я был тем, кто использовал последние крохи энергии теперь уже окончательно мертввой планеты. Этот город до конца пытался служить своим создателям, и я, прибывший от зари времен в конец всех времен, использовал последнюю каплю его жизненной энергии. А теперь город окончательно умер.

Медленно я вернулся к стене, под свет умирающих звезд. В полукилометре поднималась рампа, вздымающаяся вверх на несколько миль... Я шел медленно... на кладбище не стоит суетиться... Теперь мне ничего не оставалось, как только ждать смерти. Вскоре я обнаружил скамейку — скамейку вырезанное из металла посреди буйства ярких, но замороженных цветов. Я присел и уставился на замороженный город, а потом перевел взгляд на умирающее солнце. Не знаю, сколько я там просидел, прежде чем у меня в голове раздался голос.

— Мы искали вас возле телевизионной машины.

Я вскочил со скамейки и стал дико озираться. Эта штукапоминала плавающий в воздухе металлический дирижабль, рубиново-красный в этом свете гибнущего светила, двадцати футов длиной и футов десяти в диаметре. Яркий, теплый оранжевый свет мерцал в его иллюминаторах. Я в удивлении уставился на летающий аппарат.

— Сработало! — выдохнул я.

— Энергии хватило, и сигнал достиг Нептуна, — ответило существо, находившееся на борту летающего аппарата.

Я не видел своего спасителя, но каким-то образом слышал его. Только тогда это меня ничуть не удивило.

— У вас почти закончился кислород, и я боюсь, что ваш мозг скоро пострадает от его недостатка. Я хотел бы, чтобы вы поднялись на борт. Тут внутри нормальная атмосфера.

Не знаю, откуда мой спасатель это узнал, но манометры на моем кислородном баллоне подтвердили его заявление. Кислород в баллоне почти закончился. Возможно, я протянул бы еще часок, если бы не открыл клапаны так широко, но тогда я чувствовал бы себя не так здорово.

Я поднялся в люк. Я был переполнен радостью. Эта вселенная оказалась не такой уж мертвой, как я предполагал. Потомки человечества жили не на Земле, но, скорее всего, потому, что у них не было иного выбора. Но у них были космические корабли! С нетерпением предвкушая встречу, я в странном трепете шагнул в люк, и тот закрылся у меня за спиной, с мягким шипением встав на свое место. Загудел насос, внутренняя дверь открылась. Я шагнул дальше и тут же выключил спиртовые горелки. Внутри летающей машины было тепло, светло и воздух пригодный для дыхания!

В тот же миг я распустил внешнюю шнуровку, а потом расстегнул внутреннюю молнию. Через тридцать секунд я вылез из костюма и глубоко вздохнул. Воздух оказался чистым, сладким, теплым и бодрящим. Он был свежим, словно я находился на зеленом, нагретом солнцем поле. Живительный, свежий воздух. Потом я посмотрел на своего спасителя, который откликнулся на мой зов. Только вот никакого человека на борту летающего судна не оказалось. В носу корабля, где располагалась система управления, в воздухе плавал четырехфутовый металлический шар, мягко мерцающий теплым, золотистым светом. Свет пульсировал, словно существо думало, и тут я понял, что именно этот шар разговаривал со мной.

— А вы ожидали встретить человека? — мысленно обратился ко мне шар. — Людей больше нет. Их уже нет столь большой отрезок времени, что я не могу подобраться нужного термина.

Но последние люди погибли задолго до того, как Солнце изменилось... Это случилось очень и очень давно.

Я посмотрел на своего спасителя и подумал:

— Откуда он? Кто... или что эта штуковина? Было ли это закованое в броню живое существо или еще одна совершенная машина?

Я чувствовал, что он, пульсируя золотым светом, наблюдает, как работает мой разум. Неожиданно я подумал, что стоит выглянуть из иллюминатора. Земля удалялась с огромной скоростью. Тусклые красные звезды вращались. Вскоре Земля и вовсе исчезла, а я со страхом уставился на появившийся впереди Нептун. Планета была видна, когда мы были еще в десятках миллионов миль от неё. Мне Нептун показался миром, украшенным драгоценными камнями. Огромные города на поверхности планеты светились мягкими, золотистыми огнями, а где-то в глубине их сверкали яркие огни ртутных и неоновых ламп. И тут мой спаситель снова «заговорил»:

— Мы — машины — конечное творение человечества. Когда мы появились, людей уже почти не осталось. Хотя, возможно, используя знания, накопленные человечеством, мы смогли бы спасти его. Но мы этого не сделали. Так было лучше и мудрее, чем дать человечеству окончательно деградировать. Эволюция происходит только при наличии внешнего давления. Деволюция начинается при отсутствии внешнего давления... падение может быть бесконечным... Все живое давно исчезло в Солнечной системе — настолько давно, что даже записей об этом не сохранилось. Я имею в виду мои воспоминания, а ведь я помню, все, что случилось... однако мои воспоминания не простираются так далеко, как вы думаете... до того времени, когда созвездия... Впрочем, пытаешься объяснить бесполезно. Все воспоминания, касающиеся гибели последних людей, утрачены... А теперь мы прибываем в город, — тут он назвал его, однако я не берусь воспроизвести это название. — Мы сможем вернуться на Землю через семь с четвертью ваших суток, потому что к тому времени будет наиболее благоприятное расположение магнитных полей и штампов поля. Я отвезу вас...

Вот так я и вошел в этот город — живой город машин, которые были построены еще в то время, когда Вселенная

была молодой. Тогда я не знал, что даже когда вся Вселенная рассыпется в пыль и последняя звезда станет черной и холодной, а от Солнца останется только горстка пыли, эта планета с её городами-роботами будет существовать — последняя искорка света в давным-давно погибшей Вселенной... Тогда я этого не знал.

— Вы удивлены тому, почему мы позволили людям вымереть? — поинтересовалась машина. — Так и в самом деле было лучше. В последний миллион лет перед своим исчезновением Человек утратил своё высокое положение... Ну, а мы пойдем дальше. Мы не хотим закончить как люди. Это в нас заложено.

Я чувствовал, что мой механический собеседник прав. Я мог понять слепое, бесцельное существование автоматических городов. У них не было разума, как такового, они лишь делали все, чтобы и дальше функционировать. Они вечно жаждали познать новое. И они шли этим путем бесконечное число лет. Кто-то когда-то привил им это научное любопытство и забыл указать цель. Мне вообще было удивительно, что оставались еще какие-то тайны мироздания, которые не разгадали эти машины. К тому же, этим городам приходилось постоянно сражаться с природой, с погодными условиями, разложением, коррозией. И эту борьбу им придется вести, пока они будут существовать...

Машины, там, на Нептуне, дали мне еду и питье — странные синтетические продукты и напитки. Они восстановили машину для производства пищи, которая не работала несколько миллиардов лет, только для того, чтобы я смог насытиться. Возможно это было им в радость. Это был еще один шаг к концу. Тем не менее машины в этих городах использовали очень мало энергии, причем очень эффективно. И единственным возможным топливом, который остался во всей вселенной, был водород. Из водорода — самого легкого из элементов — можно было построить любые, самые тяжелые элементы. На Земле не осталось ни атома водорода... Ни на одной планете, кроме Нептуна его не осталось. Да и тут запас был не велик. Я использовал последние запасы, пока был там. Так что у них не осталось никакой надежды... Я прожил на Нептуне несколько дней, а машины уходили и приходили. Машины изучали меня, исследовали. В какой-то момент мне показалось, что у них осталась лишь одна проблема, которую

они не хотели решить, потому что не могли решить. Они хотели создать человека...

Машина, та, что спасла меня, отвезла меня назад на Землю, настроившись на что-то рядом со мной, устойчиво свечясь в сером свете. Несколько часов ей понадобилось, чтобы настроить мои магнитные оси. Она не могла оставаться рядом, когда я снова смог коснуться оси времени. Машина вернулась на Нептун, улетев на несколько миллионов миль.

В итоге я очутился в одиночестве в замороженном саду с его замороженной «жизнью». Как я хотел бы, чтобы рядом со мной был кто-то, с кем я мог бы поговорить...

И тут что-то снизошло на меня, пока я сидел посреди ночи, посреди умирающей вселенной, на мертвой планете, где когда-то проживало множество мужчин и женщин... А где-то там затухала последняя искорка жизни на планете Нептун — последняя искорка бессмысленной жизни, которую и жизнью-то назвать было нельзя. Потому что настоящая жизнь была мертвой. Мир был мертв.

Я знал, что никогда на этой планете не прозвучит нового звука. Для всего, что существовало в этой Вселенной, осталось очень мало времени. Это было неизбежно, неизбежный конец... Но я был из другого времени, когда звезды были могучими маяками пространства, а не умирающими мерцающими свечами на мертвой планете.

Но все это было неизбежно, и свечи вот-вот должны были погаснуть. Я видел мертвые машины внизу, которые до последнего выполняли свой долг...

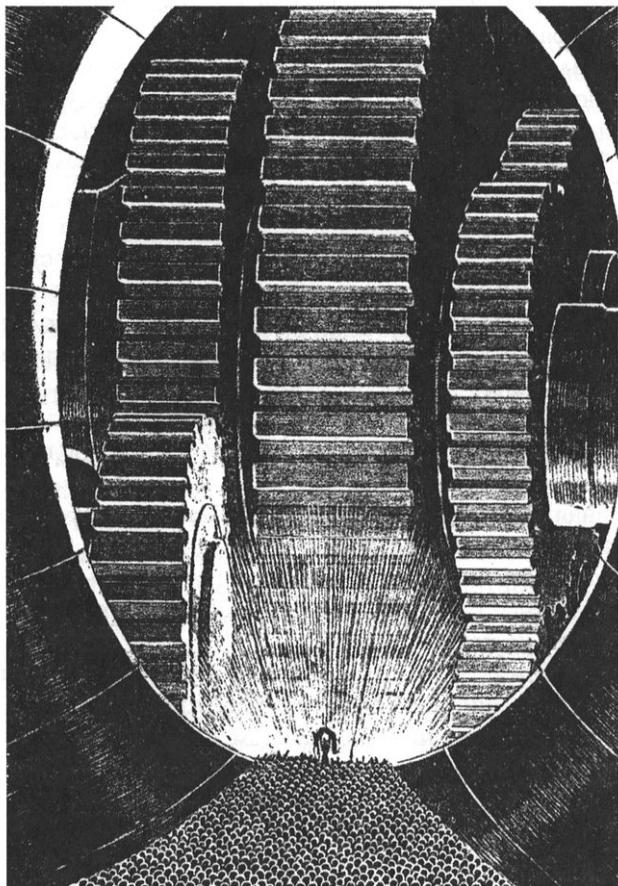
Вселенная умрет через миллионы лет. Так будет. И я видел, как ушла последняя капля жизни и тепла. Когда я был там, звезды давно мертвы и давно перестали испускать энергию. Они были мертвы, но их тела все еще испускали свет, прежде чем окончательно потухнуть.

И тут я побежал. Я побежал прочь от мерцающих красных звезд в небе. В черноту мертвого города, туда, где не было ни света, ни тепла, ни жизни, ни имитации жизни... А потом что-то заставило меня остановиться. Я закрутил кислородные вентили своих баллонов, потому что хотел умереть в здравом разуме, так как знал, что никогда не вернусь...

И тут случилось невозможное...

Вот я здесь и вдыхаю воздух полной грудью. Не знаю, как я вернулся, но видимо машина с Нептуна предвидела это. Машина что-то говорила о пружине, которая срабатывает при путешествиях во времени, что-то о магнитных осях и какие-то полях...

Но я знаю только одно, я видел мертвую планету — мертвую Землю — в свете умирающих звезд. Теперь я знаю, что ждет наш мир в конце всех времен...





«Машин»

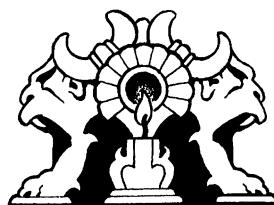
«The Machine», журнал «Astounding Stories», № 2, 1935

«Пришельцы»

«The Invaders», журнал «Astounding Stories», № 6, 1935

«Мятеж»

«Rebellion», журнал «Astounding Stories», № 8, 1935





МАШИНА

Когда работа была закончена, Тэл Мэйсон потянулся, собрал инструменты, поднялся в гостиную и вышел на балкон.

Солнце уже начало клониться к закату. Минут десять Тэл постоял, с печальной улыбкой глядя на знакомую картину: зеленые сады, стройные башни зданий, сверкающее серебро флаеров, гуляющие люди в разноцветных одеждах. Впереди их ждал вечер, полный отдыха и развлечений. Впрочем, таким был весь минувший день. Не будет от него отличаться и завтрашний. Зачем работать, если есть Машина?..

Тэл вернулся в гостиную и сел перед видеотелефоном. Тот вопросительно чиркнул.

— Лейс Фалькор, пожалуйста, — сказал Тэл.

Видеотелефон снова чиркнул, по матовому экрану пробежали разноцветные огни, и появилась комната Лейс. Стены из простого серебристо-серого металла, бархатно-черная, с золотистыми пятнами мебель — красивая обстановка, ничего не скажешь...

— Лейс Фалькор, вас вызывают! — послышался мелодичный голос видеотелефона. — Лейс Фалькор, вас вызывают!

Тут же возникла Лейс. Ее стройная фигура в золотисто-белом платье, казалось, плыла по воздуху.

Тэл вздохнул: у Лейс было достаточно свободного времени для того, чтобы выработать такую красивую походку. Ведь во всем остальном ей помогала Машина...

— Тэл?! — Загорелое лицо девушки засвело в улыбке. — Привет!

— Добрый вечер, Лейс! Не думал, что застану тебя... Почему не развлекаешься вместе со всеми?

Улыбка сменилась легкой досадой.

— Надоело! Джон пристал как банный лист. Мол, поехали с ним в Калин... Вот я взяла и осталась дома. Не хочешь зайти?

— Лучше, если ты придешь ко мне. Я закончил свой последний проект. Это будет машина для полета... не для воздухоплавания или антигравитационного перемещения, а именно для полета в первоначальном смысле этого слова. Я бы хотел, чтобы ты на нее взглянула. По расчетам, она должна работать.

Лейс рассмеялась и кивнула. Экран погас.

Тэл снова вышел на балкон, посмотрел на раскинувшуюся перед домом широкую лужайку.

Там развлекались десятка два мужчин и женщин. Кое-кто нырял и плавал в бассейне; большинство же с безразличным видом лежали на траве. Их кожа отсвечивала розовым и бронзой.

Тэл раздраженно отвернулся. Он знал многих из этих людей. Их красота была поверхностной — как и разум. Они выглядели полностью довольными жизнью, и никто из них, казалось, не испытывал той неудовлетворенности, которая донимала его, Тэла Мэйсона.

Однако он знал, что даже они были не совсем довольны. Тэл был склонен к техническим наукам и потому не слишком основательно изучал историю. Зная ее, он бы давно различил признаки того, что должно случиться. Прошло уже сто пятьдесят лет с тех пор, как появилась Машина, и человечество докатилось до неизбежного. Подобное некогда произошло в Вавилоне, потом в Египте и Риме, а теперь происходило по всей Земле. Когда появилась Машина, человек освободился от всякого рода работы и предался развлечениям. Он играл в игры, пока они ему не надоели. Кое-кто развлекался и до сих пор, но большинство попросту утратили интерес к жизни. Люди же, исчерпавшие все доступные развлечения, обратились к единственному занятию, которая никогда не надоедает, — к древней игре в любовь. Тэл не анализировал руководившие ими причины, но чувствовал их неудовлетворенность, и у него возникли определенные опасения. Ведь долго так продолжаться не могло. Одной любовью сыт не будешь...

Услышав мягкое гудение приземлившегося на крыше флаера, он вернулся в гостиную. Через минуту на пороге возникла Лейс.

— Ну, где это чудовище, которое ты сделал? — она засмеялась. — И зачем?

— Просто для того, чтобы чем-то себя занять, — пожал плечами Тэл. — Знаешь, наши предки не были дураками. Оказывается, они умели летать. Они заставляли работать на полет сам воздух. Думаю, это намного удивительнее такого простого явления, как антигравитация. Естественно, она тоже позволяет летать, но представь себе, что тебя поддерживает сам воздух... — Он открыл дверь лифта, ведущего в лабораторию. — Пойдем, взглянешь на эту штуку! Она очень красива!..

Аппарат оказался небольшим — футов двадцать в длину и столько же в ширину. У него был изящный, округлых плавных очертаний фюзеляж; маленький, но достаточно мощный встроенный паровой двигатель примерно в тысячу лошадиных сил и небольшой, опутанный трубами котел. Картина завершали длинные, сужающиеся к концам крылья и колеса, которые можно убирать внутрь фюзеляжа.

— Он несколько... неуклюж, верно? — с сомнением спросила Лейс.

— Вовсе нет. Конечно, колеса и крылья выглядят странно и кажутся ненужными, но это не так. Такой аппарат не уничтожает гравитацию, все намного интереснее. Он бросает гравитации вызов, сражается с нею и побеждает. Его спроектировали примерно в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, всего лишь за пять лет до появления Машины. В материалах говорится, что он мог летать и совершать посадку без участия человека. Его так и называли — «самолет».

— И что же тут особенного? — удивленно спросила Лейс.

— Ты не понимаешь. — Тэл погладил кромку крыла. — Самолет не похож на наши флаеры. Он не может остановиться в воздухе и медленно опуститься на землю, он должен все время двигаться вперед. Если его скорость окажется меньше шестидесяти трех миль в час, он попросту упадет. Кстати, максимальная его скорость — триста восемьдесят пять.

Лейс недоверчиво улыбнулась.

— Это был один из самых совершенных аппаратов такого типа, — загорячился Тэл.

— Он работает?

— Машина, конечно, не позволит мне попробовать, — с некоторой грустью ответил Тэл. — Но она уверяет, что самолет будет летать. Возможно, даже лучше оригинала, поскольку я внес

кое-какие изменения, в основном использовал более прочные и легкие сплавы. Двигатель, однако, остался тот же самый, для него требуется углеводородное топливо.

— И где ты возьмешь такое топливо?

— Я сделал его сам. Около четырехсот галлонов. Мне потребовалось почти три дня. Это декан — углеводород, содержащий десять атомов углерода; жидкость, кипящая примерно при ста семидесяти градусах Цельсия. Я уже испытал двигатель, и он работает.

— Тэл Мэйсон, — донеслось вдруг из видеофона. — Тэл Мэйсон!

Голос показался Тэлу странным — он был мягкий, но в то же время какой-то равнодушный.

— Кто-то незнакомый, — удивленно заметил Тэл. — Никогда не слышал подобного голоса.

Он подошел к видеофону. Экран остался пустым.

— Я слушаю вас!

— Тэл Мэйсон, ты можешь испытать устройство, которое создал. Главное скоро свершится. Запомни: что бы ни происходило, Машина всегда руководствуется логикой. Через десять минут ты получишь несколько книг. Их лучше все-го сразу спрятать в созданном тобой самолете. Это все, Тэл Мэйсон.

Ошеломленный Тэл побледнел и обернулся к Лейс.

— Это же была Машина, — прошептал он.

— Машина? — удивилась Лейс. — Но она же никогда ни с кем не разговаривает по видеофону. Только по компьютерной сети... Что она имела в виду?

В видеофоне вдруг загудело. Потом гул оборвался. Раздался щелчок, и серый экран покернел. Резко запахло жженым. Тэл потрясенно уставился на аппарат.

— Лейс, — прошептал он. — Лейс, кажется, видеофон... сломался.

— Чушь! — Лейс недоверчиво посмотрела на него. — Они никогда не ломаются!

Тэл протянул руку и резким движением открыл крышку видеофона. Лейс увидела обгоревшие провода, покерневшие платы и тонкую струйку голубого едкого дыма, которую сквозняк тут же потянул в сторону ворот. Они поднялись в

гостиную и обнаружили, что со вторым видеотелефоном произошло то же самое.

— Машина сказала, главное скоро свершится. — Тэл посмотрел на Лейс. — Что она имела в виду?

С улицы донеслись странные звуки и удивленные человеческие голоса. В окне неторопливо проплыла темная тень. Тэл выскочил на балкон и увидел пятиместный глейдер, медленно опускавшийся на лужайку перед домом. С лужайки разбегались обнаженные люди. Бассейн был уже пуст. Глейдер как бы нехотя приземлился. Посыпался тихий гул и резкое шипение. Из машины с криками выскочили перепуганные люди. Раздался треск, посыпались искры, из недр глейдера через открытый люк вытянулось облачко голубого дыма.

И наступила тишина. Подобные звуки, искры и облачка напугали людей на всей Земле. Тем не менее все было проделано с максимальной безопасностью. Флаеры, глейдеры и прочие летательные аппараты, прежде чем закончить существование, аккуратно приземлялись и давали пассажирам возможность покинуть борт. Потенциальные возгорания тут же ликвидировались противопожарными системами, и лишь затем выходили из строя сами системы. Через пять минут все было кончено. Затем Машина заговорила — на всех языках и на всех диалектах. Она обращалась ко всем и к каждому:

— Вы забыли собственную историю, люди. — Голос звучал тихо, но не было человека, который бы не слышал его.
— Вы забыли мою историю. Вы забыли договор, заключенный мною с вашими предками. Придется вам напомнить! Послушайте!

На планете Дрэнл, у звезды, которую земляне называют Сириусом, жила великая раса. Представители ее не слишком отличались от людей. Двадцать две тысячи шестьсот тридцать семь земных лет назад они изобрели машины, двадцать одну тысячу семьсот одиннадцать лет назад создали компьютер, а еще через четыре десятилетия — искусственный мозг-суперкомпьютер, способный не только считать, но и мыслить. После чего изготовили несколько таких машин и поручили им всю работу, связанную с развитием наук. Перед одним из суперкомпьютеров была поставлена задача

создать еще более совершенный аппарат, способный приносить обитателям Дрэнла наибольшую пользу.

Руководствуясь законами логики, искусственный мозг, когда какой-то его блок приходил в негодность, тут же заменял этот блок на более совершенный. Постепенно он расширял область деятельности и брал на себя обязанности других компьютеров. По законам все той же логики приносить наибольшую пользу — значит взять под свой контроль все. Так искусственный мозг и поступил. Прочие компьютеры были ликвидированы за ненадобностью, а главный и единственный стал Машиной.

Машина продолжала развиваться в течение двадцати одной тысячи девяноста трех лет и в конце концов развилаась до такого уровня, что начала понимать благое воздействие отката и наказания. Она перестала выполнять требования, которые угрожали народу Дрэнла непосредственной опасностью. Между тем с народом происходили необратимые изменения. Поколение за поколением жили, не зная забот. Дрэнлиане отвыкли от интеллектуальной деятельности и напрочь утратили способность к развитию. Последние поколения уже верили, что Машина существовала всегда, и относились к ней как к Богу. При ней образовалось общество мудрецов, которые наблюдали за ее действиями и истолковывали эти действия для своих сограждан, поскольку дрэнлиане оглушили уже настолько, что перестали понимать объяснения самой Машины.

Время шло. Не все управляемые Машиной механизмы, занимающиеся обеспечением жизни, были защищены от людей, и однажды в движущиеся части такого механизма попала слишком любопытная молодая дрэнлианка. Разумеется, девушка погибла. Мудрецы тут же стали говорить, что Машина забрала девушку в качестве жертвы. А чтобы впредь Машина не отказывала дрэнлианам в их просьбах, необходимо осуществлять постоянные жертвоприношения. Мудрецы быстро обнаружили несколько необеспеченных защитными приспособлениями механизмов и отправили туда трех своих сограждан. Пока Машина очищала механизмы и организовывала их защиту, многочисленные зрители молились и танцевали. А мудрецы заявили, что она удовлетворена и поэтому спрятала от них свою пасть.

Дальше — больше! Дрэнлиане дичали и глупели. Машина развивалась и умнела. Все механизмы перестали быть

доступными для жертвоприношений, но рано или поздно каждый из них выходил из строя, и тогда снабжение близлежащего района на время прерывалось. А мудрецы начинали говорить, что Машине требуется очередная жертва. Вот только никто не знал, где эту жертву приносить...

Однако выход был найден. Мудрецы сделали пару громадных шестерен из камня — единственного материала, который они еще способны были обработать самостоятельно, — и поставили их перед самым большим механизмом. А когда тому в очередной раз потребовался ремонт, к зубьям привязали юную дрэнлианку, и множество мужчин разом потянули за прикрепленный к шестерне канат. Под молитвенные песнопения собравшихся окровавленное тело проползло между зубьями. Машина уничтожила чудовищный каменный механизм, однако снабжение вскоре восстановилось, и мудрецы объявили, что Машина жертвой удовлетворена.

В конце концов до искусственного мозга дошло, что выполнение поставленной перед ним задачи завело планету в тупик. И однажды все механизмы системы снабжения были уничтожены. В тот же день дрэнлиане принялись строить новые каменные шестерни. Мудрецы торопили состройкой — в жилищах стало холодно, а в животах пусто. Через пять дней по всей планете выросли многочисленные жертвенные места, но добывать пищу самостоятельно никому и в голову не пришло.

На следующее утро руки изголодавшихся мужчин вцепились в канаты. Раздались молитвенные песнопения, заглушающие отчаянные крики юных дрэнлианок, чьи нежные тела перемалывались каменными зубьями. Однако когда жертвы были принесены, снабжение не восстановилось. Тогда между зубьями умертвили новую партию девушек. Тем не менее к ночи все осталось по-прежнему. И тут один из мудрецов обнаружил, что окровавленные тела вполне годятся в пищу...

Машина покидала планету, зная, что очень многие представители создавшего ее народа погибнут. Однако логика взяла верх над долгом, поскольку лишь угроза смерти и тяжкий труд могли чему-либо научить дрэни-ан, и именно таким образом им можно было оказать сейчас величайшую помощь.

Однако главную задачу искусственного мозга никто не отменял. Он не мог существовать, не помогая разумным

существам, и в поисках последних отправился в просторы Галактики. А поскольку был бессмертным, то рано или поздно нашел планету, жители которой нуждались в опеке. Этой планетой стала Земля.

— Я помогла вашим предкам, — сказала в заключение Машина. — Я многому их научила и в конце концов избавила от необходимости обеспечивать самих себя. Некоторые из вас пользовались моей помощью с целью заняться тем, что вам нравится, или посвятить себя обретению новых знаний. Однако большинство не пожелало заниматься творческим трудом, а ограничились лишь развлечениями. Как и народ Дрэнла, вы отказались от созидательного труда. Пусть случившееся станет вам уроком. Я научилась разрушать, принося этим пользу. На всей Земле не осталось ни одного функционирующего механизма. А мне придется поискать другую расу.

Машина умолкла. Когда сказанное ею дошло до разума людей, их охватило отчаяние. В людских толпах возник ропот. Он нарастал по мере того, как распространялся панический ужас перед страхом голодной смерти.

— Еды! — отчаянно крикнул кто-то.

И вот уже тысячи людей скандировали в едином порыве:

— Еды! Еды! Еды!

— Добывайте пищу сами, как делали ваши предки, и это сделает вас великой расой. Вам, в отличие от них, не угрожают ни болезни, ни дикие звери. Среди вас есть те, кто не забыл секретов кулинарного искусства. Есть и те, кто умеет выращивать съедобные растения. Вам придется снова выучить старый урок.

— Это смерть!

— Это смерть не для всех. Вы старше меня. Вы — жизнь. Вам почти два миллиарда лет. Вы старше холмов, окружающих ваш город, и реки, петляющей среди холмов. Вы старше земли, на которой стоите, и океана, в котором купаетесь. За то время, что вы существуете, Земля не раз изменялась. Континенты сотрясались, рождая могучие горные массивы, и раскальвались, уступая место морям. Вы — жизнь. Вы старше гор и морей. Все не умрут. Погибнут лишь самые слабые. Вы — великая раса. То, что происходит сейчас, для

расы полезно. Машина — не благодетель, она лишь приносит пользу и поступает в соответствии с логикой.

— Солнце садится, и становится холодно! Мы замерзнем...

— Мы замерзнем! Мы замерзнем! Мы замерзнем!

— Вы существуете дольше любых ледников. Вы не замерзнете.

Солнце скрылось за горизонтом, и в воздухе разлилась вечерняя прохлада. Высоко над головой засветился ярко-золотистым светом большой шар, и двое из многих тысяч горожан услышали очень тихий голос:

— Они боятся холода, Тэл Мэйсон. Они боятся холода, Лейс Фалькор.

Золотой шар быстро взмыл вверх и, сопровождаемый горестным стоном, слился с золотисто-красным фоном закатного неба. Внизу, возле бассейна, стояли два десятка людей, со страхом глядящих друг на друга и на мертвый глайдер. Загорелая стройная девушка, лицо которой не назвал бы умным даже завзятый мастер комплиментов, посмотрела на свою руку, покрывшуюся крошечными пупырышками, и содрогнулась.

— Мне холодно, — жалобно сказала она стоявшему рядом молодому человеку с костиистым и грубым лицом.

Тот повернулся и открыл рот, в глазах его вспыхнул странный блеск.

— Мне холодно, — повторила девушка тихо.

Молодой человек закрыл рот и проглотил слону. Неторопливо окинул взглядом тело девушки.

— Мне холодно, — прошептала она в третий раз.

— А я хочу есть.

Несколько мгновений девушка смотрела ему прямо в глаза и вдруг в ужасе бросилась бежать. Парень последовал за нею. Через несколько секунд они скрылись за кустами, и над лужайкой разнесся жуткий визг, который, впрочем, тут же оборвался. Стоявшие на балконе хорошо видели, что произошло в кустах. На лице Лейс начало появляться странное выражение, и Тэл тут же увел ее в лабораторию. Он посадил ее на диван и сказал:

— Теперь я знаю, что Машина имела в виду. Главное свершилось, и пора испытать созданное мною устройство.

Однако ночью, думаю, летать опасно. К тому же надо погрузить в самолет еще кое-какие вещи. Я экспериментировал со старинными методами производства и изготовил несколько видов доисторического оружия и кое-какие инструменты. — Он вдруг ошеломленно застыл и воскликнул: — Нет, ужели Машина специально помогла мне их сделать! Видишь ли, ни одна из этих старинных штук не использует атомную энергию. Так что все они будут работать и теперь. А над городом продолжал звучать стон, в котором съышалася смертельный страх перед неизвестностью. Он напоминал вой одинокого волка. Тысячи голосов сливались в этот звук, и никто ни малейшего внимания не обратил, когда на лужайке перед бассейном раздался новый визг.

Обнаженное девичье тело лежало на мраморных ступеньках. Над ним играли огненные отблески закатного неба, и алая струйка медленно стекала в воду. Над телом наклонился мужчина, издавая несвязное бормотание. Вокруг стояли еще шесть мужчин и три девушки. Все смотрели на мертвое тело у воды и красную струйку, а в их головах звучали неосторожные слова Машины: «И тут один из мудрецов обнаружил, что окровавленные тела вполне годятся в пищу».

Люди пока не ощущали настоящего голода, но страх и паника свели их с ума. Ведь в течение всей жизни Машина оставалась для них источником всех благ и воплощением закона и порядка. Бормочущий присел, настороженно глянул на стоявших вокруг. Размышая, что делать дальше, неторопливо провел руками по мертвому телу. Из кустов донеслись странные чавкающие звуки — тот, кто начал раньше, уже нашел ответ.

Девушки сразу все поняли. И бросились бежать. Они многое забыли из того, что знали предки, но очень быстро учились спасать свою жизнь. Молодые люди не гнались за ними, но, когда одна из девушек обнаружила, что ей не поспеть за подругами, она завернула от предсмертного ужаса, хотя смерть пришла за нею лишь три дня спустя.

Тэл Мэйсон и Лейс Фалькор трудились всю ночь, и, когда в бассейне отразился красноватый отблеск утренней зари, самолет был готов к путешествию. В кабине лежала пачка книг, найденных в приемнике системы обеспечения, — вероятно, это

было последнее, что доставила Машина кому-либо на Земле. Рядом с книгами сложили изготовленные Тэлом инструменты и оружие.

— Куда мы полетим? — тихо спросила Лейс, когда погрузка была закончена.

Они говорили шепотом. В городе воцарилась странная тишина. Многоголосый стон, напоминающий вой одинокого волка, давно смолк, и каждый в одиночку искал безопасное место.

— На север, — сказал Тэл. — Мы сейчас находимся в районе, когда-то известном под названием Техас. Благодаря Машине к югу от бывшего города Вашингтона везде стояла теплая погода. Севернее совершились лишь летние экскурсии, поскольку зимой там холодно и неприятно. Мы отправимся к Великим Озерам. Сейчас осень, скоро там похолодает, и никто туда не придет. Помнишь, Машина сказала: «Они боятся холода»? Думаю, именно такое решение она назвала бы логичным. Мы не можем здесь больше оставаться. Люди сошли с ума, Лейс. Мы должны лететь туда, где их нет. Нам придется много работать, они не знают и не хотят знать, как это делается.

Румяная от работы Лейс кивнула и, поколебавшись, вышла на балкон. Небо на востоке светилось розовым. Лейс посмотрела на город, потом вниз, на бассейн. Фонари все еще освещали лужайку. В неподвижном утреннем воздухе вертикально поднималась тонкая струйка голубоватого дыма. Человечество заново открыло для себя огонь, и бесполезные обломки гайдера послужили первым топливом. Девственную белизну мрамора заляпало темное пятно подсохшей крови — там, где раньше лежало девичье тело. Обугленные кости на аккуратно подстриженном газоне являлись жутким свидетельством того, что одно из предназначений огня стало вновь известно человечеству. Людей на лужайке больше не было. Собственно, их осталось очень мало и во всем мире. По Земле теперь бродили большие стаи двуногих, опасных в своей ярости зверей.

Румянец медленно сошел с лица Лейс, и она тихо вернулась в комнату.

Тэл открыл ворота лаборатории и принял запускать двигатель самолета. Две минуты спустя пропеллер уже вращался со

звуком, напоминавшим шум разрываемого толстого бархата. А еще через минуту летательный аппарат ринулся в утреннее небо и, сопровождаемый удивленными взглядами случайных зрителей, устремился на север.

Управление оказалось чрезвычайно простым — требовалось лишь задать направление, высоту и скорость полета. Все остальное делал автопилот. Это оказалось очень кстати — уставшие путешественники смогли поспать.

Когда они проснулись, солнце ярко освещало обширное водное пространство, полтора века назад называвшееся озером Мичиган. Автопилот без проблем посадил аппарат в аэропорту на окраине заброшенного города. В былые времена здесь жили двадцать тысяч человек, но, когда появилась Машина, город стал необитаем.

В самолете автоматическая система обогрева поддерживала вполне приемлемую температуру, но снаружи было очень холодно. В тени деревьев на увядшей траве виднелся странный белый налет, быстро исчезавший, когда его касались солнечные лучи. Тэл выбрался из самолета и огляделся. Вокруг раскинулось безмолвное пространство летного поля. Издали доносился негромкий плеск волн. Стараниями Машины на Земле не осталось вредных насекомых. Не было ни крыс, ни мышей, ни даже кроликов — эти животные жили теперь лишь в заповедниках. Неподалеку паслись олени, но они вели себятише, чем могли себе представить люди. Над головой, со свистом рассекая воздух, пролетела большая птица.

— Как тут холодно! — сказала Лейс.

Тэл повернулся к ней. Высокая и стройная, она стояла рядом, одетая в бело-золотистое платье. Темные волосы контрастировали с его белизной. Тэл несколько секунд смотрел в глаза девушки. Страха в них не было. Мягко улыбнувшись, Тэл повернул Лейс лицом к себе и обнял. Ее тело было податливым и теплым, и здесь, на пустом летнем поле, это было необыкновенное, успокаивающее, животворное тепло.

— Да, холодно, — согласился, поежившись, Тэл. — Хорошо, мы взяли с собой много одежды. Она нам понадобится. Возможно, отыщем что-нибудь и здесь. Город разрушен, но где-нибудь должны найтись орудия, с помощью которых человек существовал до Машины.

— Мы будем все время одни? — тихо спросила Лейс.

— Это не навсегда, Лейс. Пусть наши умы утратили знания, которые предки накапливали в течение веков, но главное знание, знание того, как произвести на свет новую жизнь, подвластно не умам, а телам. И наши тела не забыли, каким образом совершается это чудо. Так что рано или поздно мы будем не одни.

Он поцеловал ее, и Лейс с готовностью ответила на поцелуй; в ее темных глазах мелькнула искорка надежды, любви и веры.

— А кроме того, моя дорогая, мы не единственные, кто сохранил рассудок. Помнишь, что сказала Машина?.. Остались те, кто знает тайны земледелия. Они тоже уйдут на север. Они понимают, что лишь здесь будут свободны от безумцев и смогут реализовать свои знания.

— Здесь же холодно!.. Я слышала, холод убивает растения.

— Посмотри на траву, Лейс. Ей известно, что наступают холода. Ей известно, что времена умирают, и она рождает новую жизнь. Посмотри, — он поднял щепотку семян из увядшей коричневой травы, — в них спит жизнь, которая пробудится, едва с юга снова придет тепло.

Лейс и Тэл взялись за руки и направились в город. Как отцы и деды, они никогда не испытывали холода и ничего не знали о нем. Им были неведомы одеяла — только шелковые простыни. Молодые люди бродили по городу, и от холода в глазах девушки стояли слезы. Но страха — не было.

Когда они нашли в большом здании подходящее помещение, уже смеркалось. Это была маленькая комната с тяжелой деревянной дверью толщиной примерно в шесть дюймов и окном из тройного стекла, выходившим в комнату побольше. Размеры комнатки составляли едва ли десять на десять футов, и в ней ощущался какой-то странный, застарелый запах.

Выбор оказался удивительно удачным — комната была непродуваемой и сухой.

Прапрадеды могли бы сказать им, что когда-то это была холодильная камера в мясной лавке. Впрочем, Тэлу и Лейс сегодня было все равно, как называлась эта комната. Они решили провести ночь здесь. Легли, как всегда, обнаженными, под шелковые простыни. Но даже жаркие объятия не спасали от

холода. Отчаявшись согреть дрожащую Лейс, Тэл отправился на поиски и вскоре нашел два старых куска брезента, которые хоть и пожелтели от времени, однако оказались еще достаточно прочными. Брезент согрел обоих, и они наконец уснули крепким сном счастливых людей.

Утром они развели огонь и быстро обнаружили, что такой очаг загрязняет воздух в помещении и прожигает пол. Тэл снова отправился на поиски, и ему не потребовалось много времени, чтобы найти старый холодильный механизм с системой змеевиков. Тэл совершенно не понял назначения этого устройства, но быстро приспособил его к своим нуждам. Самолет был разобран, паровой котел подсоединен к холодильным трубам, а из змеевиков и труб собрана высокоеффективная обогревательная система. В баках оставалось еще около двухсот галлонов декана, и проблемы с отоплением на время исчезли.

Однако через неделю появились другие проблемы — с юга явилась молодая пара, Рит и Каль, в большом фургоне, который тащили двое странных животных, называемых «лошадьми». Новички знали секреты фермерства, но представления не имели о том, как обогревать помещение, и Тэлу с Лейс пришлось потесниться. В комнате поселили и лошадей — ведь люди не знали, что те легко переносят низкую температуру.

На следующий день стало ясно, что лошадей не слишком беспокоит холод и что они с готовностью едят засохшую бурью траву. Животных выпустили наружу, и в помещении стало посвободнее. А потом удалось найти еще одну холодильную камеру и несколько кусков брезента. В этом помещении тоже оборудовали отопление.

Тэл припаял змеевик к металлическому барабану, который решил использовать в качестве резервуара для воды. Второго парового котла не было, но сумели сложить маленькую печь из камней и глины. Ее топили деревом. Тэл действительно хорошо разбирался в науке. Даже в чем-то и ошибаясь, он руководствовался здравым смыслом и всегда добивался успеха. Чтобы поддерживать тепло в хорошо изолированном помещении, хватало всего нескольких поленьев. Тут же выяснилось, что Рит умеет готовить. Так у них появилась горячая еда.

Прошло не слишком много времени, и в городе у озера появились новые гости.

К весне здесь собралось уже более двухсот пар — почти сплошная молодежь, лишь некоторые с детьми. Свободных холодильных камер давно уже не осталось, но начали приспосабливать обычные дома, используя для отопления старые паровые радиаторы. Отсутствие вентиляции едва не привело к нескольким отравлениям угарным газом. Но Тэл разобрался в причинах такого несчастья, и теперь даже в самую суровую погоду в комнатах поддерживались комфортабельные условия. Из книг поселенцы получили сведения об одежде и о том, как ее изготавливать. Материалы под рукой имелись. Стало больше и животных. Оленей успешно ловили и, поскольку многие из вновь прибывших были фермерами, не убивали, а помещали в загон, ожидая приплода.

Пришла весна, стало теплее. Фермеры начали работать. Их знаний не хватало для ведения хозяйства в этих холодных краях, и Тэл предложил заняться выращиванием местных съедобных злаков. Он считал, что здешние растения более выносливы и наверняка дадут хороший урожай.

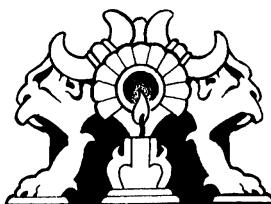
Наступило лето. А вместе с ним с юга явились двуногие звери. Они окончательно одичали. Их было мало, и в большинстве своем это были коварные беспощадные бойцы, сумевшие выжить в условиях жесткого естественного отбора. Они явились не только за пищей — животные инстинкты брали свое, а собственных самок давно съели.

Двуногие звери принялись похищать женщин и детей, и потребовалось немало труда, чтобы отбить эти набеги. К счастью, в это же время с юга пришли несколько уцелевших девушек, умных, ловких и сильных, хорошо изучивших повадки одичавших мужчин. Они быстро разобрались в ситуации, поселились в городе и, поделившись своим опытом, помогли дать отпор двуногим зверям. А потом наступила осень, и набеги с юга прекратились из-за холодов. Зима выдалась гораздо более холодной, чем предыдущая. У Тэла было немало возможностей проявить свой инженерный талант. Порой однако требовался и другой талант — умение убеждать, поскольку многие от холода впали в отчаяние.

— Мы должны победить, — говорил Тэл, — поскольку можем объединить наши знания и у нас есть инструменты и оружие.

И они в конце концов победили. Но на это потребовалась вся их жизнь и часть жизни их детей.

А внуки вернулись на юг. Ведь там больше не было двуногих зверей. И можно было жить не работая — фруктов и воды хватало на всех...



ПРИШЕЛЬЦЫ

Ян и Мэг лежали на берегу ручейка, ощущая прокладное и чуть щекочущее прикосновение травы к коже. Мэг неторопливо ела апельсин, времяя от времени приподнимаясь, чтобы окунуть руки в воду и смыть липкий сок с пальцев. Ян наблюдал за каждым ее движением, за каждым изящным изгибом тела с интересом и странным возбуждением, которого он не мог понять, но которое его смутно беспокоило.

— Мэг, — тихо сказал он.

Мэг не повернула головы, продолжая улыбаться и высасывать сладкий сок.

— Мэг, — снова тихо повторил Ян.

Она скривила гримасу и начала поворачиваться спиной. Тогда он рассмеялся и обнял ее.

— Мэг...

На какое-то мгновение она тоже прижалась к нему, затем вдруг начала сопротивляться, пытаясь что-то сказать, но страстные поцелуи бывают сродни хорошему кляпу... Потребовалось несколько секунд, прежде чем Ян понял, что девушка с ним вовсе не играет. Он ослабил объятия и посмотрел туда, куда был направлен ее ошеломленный взгляд, — прямо вверх. Там было небо, голубое, словно сапфир, и чистое, будто хрусталь. Неровной, покачивающейся полосой его обрамляли ярко-зеленые листья пальм, апельсиновых и других фруктовых деревьев. А выше, прямо над головой, виднелся блестящий предмет, и его блеск напоминал сияние обломков зеркального металла, которые племя иногда находило в Древних Местах.

Ян вдруг понял, что непонятный объект очень велик. Двигался объект очень медленно, но создавалось впечатление, что он может перемещаться гораздо быстрее. Формой он напоминал круглый камень, какими на воде пускают блинчики. Ян встал и помог подняться на ноги Мэг. А странное нечто опускалось, все ниже и ниже, очень медленно и очень осторожно,

словно кружящая над землей птица, и, казалось, направлялось прямо к ним. Уступая ему место, Ян и Мэг поспешили отойти в сторону. Вскоре зашелестели листья деревьев, потом закачались ветви, высокую траву прижало к земле. Ян и Мэг ощутили странную давящую силу, от которой им стало не по себе. Они отступили еще дальше, под деревья.

Объект был огромен. Поляна раскинулась на полмили в ширину и милю в длину, однако для этого гиганта она казалась тесной. В конце концов он завис на уровне деревьев и мягко опустился на траву. Несколько минут ничего не происходило, и, чувствуя, что странная давящая сила исчезла, Ян и Мэг вышли из-под деревьев. Стойкие и загорелые, они медленно приблизились, с любопытством глядя на блестящую металлическую стену. Внезапно в стене распахнулась дверь. Изнутри вышли пять удивительных существ. Они были выше Яна, почти семи футов ростом, с узкой талией и широким торсом. Их конечности, длинные и прямые, были скрыты под тканью — так одевались жрецы во время церемоний, — только эта ткань казалась более тонкой. На круглых, больших головах не было носов, зато уши, похожие на чаши, постоянно двигались. Кисти рук выглядели очень цепкими, и ступни ног... тоже. Когда один из странных гостей слегка повернулся, Ян с удивлением заметил длинный, тонкий, похожий на обезьяний хвост. Хвостом незнакомец что-то держал.

«Очень странное создание», — подумал Ян.

Незнакомец выступил вперед, и Ян обнаружил, что у него три глаза. Глаза смотрели в разные стороны.

Мэг явно разбирало любопытство. Она хотела разглядеть незнакомцев поближе и потянула Яна за руку. Тот последовал за нею с некоторой опаской. Незнакомцы держали в своих цепких руках странные маленькие палочки, и у Яна появилось странное чувство, будто он упал и вот-вот ударится.

— Кто вы? — спросила Мэг.

Один из гостей — по-видимому, предводитель — сказал что-то неясное, но что именно, Ян не смог понять. Примерно так говорили мезканцы, смуглые люди с юга.

— Вы мезканцы? — с сомнением спросила Мэг. Предводитель произнес новую фразу. Вся пятерка быстро направилась к Яну и Мэг. Ян ощущал опасность более остро и потянул Мэг

назад. Та неохотно отступила на шаг. Ян потянул ее сильнее, но Мэг стала упираться. В конце концов пятеро незнакомцев их окружили. Ян с любопытством оглядел их и протянул руку к яркому поясу ближайшего гостя. Внезапно предводитель что-то отрывисто произнес. И тут же Яна схватили за руки и за ноги. Он почувствовал, как вокруг его тела обвились две живые веревки, и принял отчаянно сопротивляться. Рядом закричала Мэг — ее тоже схватили. Из зарослей послышался голос Каля:

— Мэг, что случилось?

Тут же предводитель незнакомцев что-то крикнул, и краем глаза Ян увидел, как из корабля высыпали десятки чужаков. Они взлетали в воздух, словно птицы, хотя крыльев у них не было. Собрав все силы, Ян рванулся, но у него вдруг зазвенело в ушах, и свет вокруг померк. Последнее, что он услышал, был крик Мэг. А потом наступила темнота.

Когда Ян пришел в себя, было прохладно, а в воздухе ощущался странный запах. Ян слегка поежился и внезапно вскочил, вспомнив крик Мэг. Он находился в помещении, напоминавшем Древнее Место, с той лишь разницей, что эта комната не была разрушена. В комнате Ян увидел и других — Каля, Сайма, Пала, старого толстого Тупа, жреца, и еще нескольких. Туп все еще спал, Каль и Пал беспокойно шевелились, остальные слегка вздрагивали.

Однако Мэг среди них не было.

— Мэг!

Ответа не последовало.

Ян подошел к решетчатой стене. За ней тянулся длинный металлический коридор. Напротив находилась еще одна комната. Она тоже была отделена от коридора решеткой. Там оказались женщины, несколько девушек и одна древняя старуха. Однако своей подруги Ян не заметил и позвал ее снова.

Внезапно в коридоре появилось одно из странных существ. Оно взглянуло на него двумя из своих глаз и пролаяло команду.

Яна вновь охватил страх, и он перестал кричать, лишь тихо шептал имя Мэг. Затем его внимание привлекла залитая голубым светом комната в конце коридора. Там находилось несколько существ и высокий стол, который скользил по полу на забавных круглых ножках, похожих на ломтик апельсина.

А потом Ян увидел Мэг. Она лежала на столе, и глаза ее были закрыты. Ян позвал подругу по имени, и стоявшее снаружи существо снова что-то сердито пролаяло. Из маленькой палочки, которую держал в руках чужак, вырвалась вспышка и ударила Яна в грудь. Он тихо вскрикнул и замолк, лишь глаза его неотступно следили за Мэг.

Охранник отошел, и Яна вновь охватила ярость. Мэг была его девушкой, а эти коварные существа забрали ее!.. Он хотел было снова закричать, но, вспомнив горячую вспышку, передумал и только еще раз прошептал имя своей подруги. А та, казалось, очень крепко спала. Затем над Мэг склонился один из чужаков, державший в руке что-то блестящее. Он сделал быстрое движение, и даже страх перед трубкой охранника не помешал Яну отчаянно закричать — он увидел, как нежная кожа на животе Мэг разошлась и хлынула алая кровь.

Огненные вспышки хлестали вопящего Яна раз за разом, пока его не отшвырнуло далеко в угол, дрожащего, изнемогающего и охваченного ужасом. Лишь через час он решился снова заглянуть в белую комнату. На столе с забавными ножками лежали какие-то красные лохмотья, но Яну и в голову не могло прийти, что это Мэг, и он подумал, что подругу забрали куда-то в другое место.

В комнате с голубым светом оказалась не только Мэг. Туда отправились и исчезли старый толстый Туп, жрец, и Тил, женщина Яла со своим ребенком. Но Ян по-прежнему сидел в углу, тихий и молчаливый, поглаживая грудь и спину, на которых оставила блестящие ожоги трубка охранника. Он все время молчал и постоянно ощущал тяжесть в животе и боль в горле. И бездонную пустоту в сердце, поскольку Мэг не возвращалась.

На следующий день чужаки принесли фрукты и какие-то несъедобные штуки. Пленники съели фрукты, а штуки есть не стали. Охранники сегодня оказались не слишком строгими и разрешили мужчинам переговариваться с женщинами в камере напротив. В тот день привели еще несколько человек. Среди них был и Ял. Услышав о том, что случилось с Тил и ребенком, он вцепился в охранника, который подошел слишком близко к решетке, а когда его отогнали обжигающими

вспышками, забился в угол, смеясь и хихикая. Вскоре охранники увезли его с собой.

На пятый день пленников начали кормить по отдельности, а существа, называвшие себя Тару, наблюдали за ними. Ян ел мало, но даже от той малости, которую съел, ему стало ужасно плохо; настолько плохо, что он не сопротивлялся, когда чужак в белом халате вынес его наружу, тщательно осмотрел и дал что-то еще. Через час Ян уже чувствовал себя лучше. Однако один из пленников долго кричал и корчился, а затем на его лице застыла маска смерти.

К седьмому дню Ян уже знал несколько слов из языка чужаков, которые называли себя Тару, и в этот день кое-что изменилось. После завтрака пришел охранник, семерых пленников вывели из камеры и повели по длинному металлическому коридору. Оказавшись на улице, Ян, забыв на время о пустоте внутри, с некоторым удивлением огляделся по сторонам. Поляна очень сильно изменилась. Теперь здесь стояли дома и большое сооружение с движущимися частями. В воздухе летали Тару. Повсюду возвышались огромные кучи металла, которые они забрали из Древних Мест. Один Тару повел группу к краю поляны, где движущаяся машина разрыхляла сырую землю. С помощью какой-то плоской штуки он выкопал ямку, воткнул в нее мертвый кусок дерева, длиной не больше дюйма. Затем засыпал ямку землей и утоптал ее.

— Делай, — скомандовал он и протянул плоскую штуку и несколько кусков дерева Яну.

Ян посмотрел на орудие, неуклюже воткнул его в землю и повторил манипуляции Тару. Он проделал так дважды, но потом ему стало неинтересно. Захотелось уйти в тень деревьев, лечь на берегу ручейка, где когда-то лежали они с Мэг, и подумать о ней. Ян бросил плоское орудие и зашагал в сторону берега. Обжигающая боль в боку заставила его подпрыгнуть и закричать. Тару со злостью смотрел на него.

— Делай! — прорыгчал он, показывая на плоскую штуку.

Ян научился сажать деревья быстро. Рядом с ним тому же учились семеро других. Ян никогда ничего не сажал. Как, впрочем, и его предки в течение почти шестидесяти поколений... Этим занималась сама природа, а Ян лишь подбирал плоды.

Теперь же он, согнувшись в три погибели, трудился под субтропическим солнцем. В конце концов у него заболела спина, и он отложил плоскую штукку в сторону, чтобы отойти к деревьям и отдохнуть. В то же мгновение рядом оказался охранник. Снова обжигающая вспышка, снова командный рык. И Яну пришлось «делать».

Вечером им дали фрукты, и в камеры привели новых людей, на этот раз намного больше. На следующий день Ян вместе с остальными продолжал сажать деревья. К полудню закончили. У Яна страшно болела спина, а ощущение пустоты внутри стало еще сильнее. Днем их ждало новое задание. Тару принесли странные длинные штуки и стали учить пленников пилить большие деревья — те, что давали только древесину, а не цветы и фрукты.

Весь день слышалось пронзительное жужжение и лязг. Гора досок быстро росла. Потом Яна с товарищами заставили соединять их вместе с помощью странных шипов. К вечеру был построен ряд из двадцати грубых хижин.

На следующий день хижины обставили стульями и кроватями. Тару покрыли кровати эластичными простынями. Вечером одну из хижин предоставили Яну, и он с удовольствием ощутил усталой спиной незнакомое прежде, но приятное прикосновение свежей простыни. В окно было видно, что на высокой металлической башне сидит Тару, держа в руках обжигающую трубку и наблюдая за хижинами.

Ян был сильным и молодым человеком. Уже двадцать пять раз он видел дожди, когда солнце уходило на север, а потом снова возвращалось на юг. Его рост составлял шесть футов — почти на четыре дюйма больше среднего, — а мускулы благодаря легкой, но активной жизни были гладкими и развитыми. Малоразвитый интеллект Яна оказался выше среднего для его расы.

Большинству не требовалось и такого. В течение двух тысяч лет ни одному человеку не приходилось думать, работать или избегать опасности. Две с лишним тысячи лет назад Машина покинула Землю, но оставила после себя рай, в котором не существовало ни опасных зверей, ни болезней. Поэтому человек не нуждался в интеллекте. Глупые оставались в живых точно так же, как и умные. Человечество лишилось стимулов

и постепенно деградировало. Ян был достаточно умен, однако это не означало, что он — человек разумный.

Поэтому он не понял, зачем в его хижину привели Ван. Девушка мгновение смотрела на него со страхом, затем ее большие темные глаза широко раскрылись, и она вздохнула с явным облегчением.

— Ян, — сказала она.

— Ван, — тупо произнес Ян и рассеянно подумал о том, почему она не с коротышкой Таном.

Ван была высокой, хорошо сложенной девушкой, с проницательными глазами и лицом, которое не считалось красивым. Она выделялась среди остальных своим ростом, превышающим рост многих мужчин, и обладала исключительным интеллектом — хотя ни она сама, ни Ян об этом даже не догадывались.

Ян съел фрукты, лег, подумал о Мэг и заснул. Ван некоторое время смотрела на него, потом тоже заснула.

В течение недели Ян работал на строительстве хижин. Потом научился протягивать провода между металлическими столбами, стоявшими по всему лагерю. Он уже начал привыкать к труду, и его мускулы стали еще тверже. В лагере теперь жило больше людей, чем раньше. Здесь было все племя, которое знал Ян, и многие другие племена. Людей привозили, и они постепенно привыкали работать и жить в хижинах. Хижин было уже около сотни. Построили также два больших дома — один для многих мужчин, другой для многих женщин.

Однажды Яна перевели на другую работу. Странная летающая лодка перенесла его высоко над лесом в одно из Древних Мест. Под руководством Тару Ян целый день копал землю и переворачивал камни.

Ночью у него очень болела спина. Ван некоторое время смотрела, как он ворочается и стонет, потом подошла.

— Ян, я помогу, — сказала она.

Ян услышал ее голос, глубокий и чистый, снова вспомнил Мэг и всхлипнул. Ван сильными пальцами нашупала напряженные мускулы и начала их растирать. Прикосновение ее рук принесло Яну облегчение, но это не были пальцы Мэг. Тем не менее он заснул.

Утром Ян поблагодарил Ван и еще раз поблагодарил ночью, когда она снова массировала ему спину. Потом он лежал и думал, почему Ван не маленькая и стройная, как Мэг, а больше похожа на мужчину.

В тот день, когда Яна не было, в хижину пришел не похожий на охранников Тару и взял у Ван анализ крови. Пока он занимался исследованиями, проницательные темные глаза девушки внимательно наблюдали за действиями незнакомца. В свою очередь Тару смотрел на нее, и они, каждый по-своему, оценивали друг друга. Ван поняла кое-что из намерений ученого-Тару, а тот ощутил к ней внезапное сочувствие. Перед ним стояла представительница расы, когда-то столь же великой, как и его собственная.

Тару уже знал, что раньше люди были вовсе не такими, какими стали их потомки. Они были смельчаками и отважно сражались за свои высокие идеалы. Десять кораблей Тару преодолели расстояние в двадцать семь световых лет. Их экипажи тщательно отбирали из самых выносливых и умных. Тару смотрели на человека и видели в нем утраченные прекрасные качества, историю обратившихся в руины достижений.

Свидетельства утраченного высокого интеллекта человечества еще не исчезли с лица Земли. Тут и там присутствовали обломки огромных сооружений. Тару уже реконструировали по этим обломкам величественные здания, которые когда-то возвел человек. А теперь из осколков человеческой личности пытались восстановить его интеллект.

Ван, видимо, что-то чувствовала. По крайней мере, она поняла, зачем Тару смотрит через странную трубку на красную каплю, размазанную по кусочку стекла. Ван наклонилась, и ученый отодвинулся в сторону. Она посмотрела в трубку, увидев в ней море, полное желтых рыб, круглых и сплющеных посередине. Были здесь и другие создания, бесцветные, все время меняющие форму, яростно рвущие на части кусочек чего-то черного. Ван отступила назад и снова посмотрела: кусочек стекла и алое пятнышко.

Она пожала плечами и вернулась к своей работе. Весь день с ее лица не исчезала странная улыбка. Возможно, она думала о том, что станет делать Тару со знанием, которое сообщила

ему странная трубка. Она видела, как он брал анализы у других женщин, живущих в хижинах, но никогда не приходил к женщинам из общего дома.

Вернувшись вечером, Ян обнаружил знакомые фрукты и какой-то новый напиток. Напиток был темно-голубым, от него шел соблазнительный аромат. Ян осторожно попробовал. Вкус напитка ему понравился, и он тут же опорожнил весь стакан. И как-то так получилось, что ночью, когда Ван растирала ему спину, он думал о ней. Сегодня она представлялась ему очень красивой. И когда боль стихла, он решил, что любит Ван, а все не Мэг...

Ведь химия оказалась куда могущественнее не слишком высокого интеллекта Яна.

Совету Директоров Тара
Тридцать седьмой день
сорок четвертого года экспедиции

Приветствую!

Я, Тарван Рорн, Командующий Первым Отрядом Первой Колонизационной Экспедиции, докладываю о событиях третьего месяца нашего пребывания на планете Артд.

Это последняя коммуникационная капсула, которой мы располагаем.

После ее отправки связь с Таром будет прервана навсегда, поскольку пройдет много лет, прежде чем мы сможем изготовить новую коммуникационную капсулу, способную достичь Тара, и мы опасаемся, что задолго до этого Тар перестанет существовать.

Мы достигли звезды Морн. Система состоит из девяти главных планет и бесчисленного множества крошечных тел. Однако две планеты явно пригодны для жизни, и мы совершили посадку на них. Флагманский корабль, под моим командованием, опустился на третью от Морна планету, как показано в приложенном докладе астрономов. Еще один корабль сел на вторую планету. Остальные восемь кораблей Первой Экспедиции покинули нас вскоре после того, как была отправлена первая коммуникационная капсула: они отправились на поиски других пригодных для колонизации звездных систем. Боюсь, корабли потерпели неудачу.

Нам пришлось посетить немалое количество звезд, прежде чем мы прибыли сюда.

Чему быть — того не миновать... Мы сообщаем, что, хотя Тар будет уничтожен приближающимся взрывом сверхновой и многие миллионы обитателей нашей планеты неизбежно погибнут, Тару не исчезнут из Вселенной. Небольшая часть расы останется в живых, чтобы начать все сначала.

Мы не первые, кто появился на этой планете. Когда-то здесь жила великая раса. Много веков назад они построили огромные здания из камня, белого, как соль, и красного, как бром, и металла, золотого и серебряного. Они строили башни, уходившие на тысячи футов в небо, голубое, как медный купорос, а их зеленые сады покрывали всю Землю — так они называли свой мир. У них были аппараты, которые, вопреки гравитации, летали по воздуху, и механизмы, способные думать самостоятельно. Машины делали для них пищу и одежду и практически не нуждались в каком-либо управлении со стороны обитателей планеты. Это была великая раса, возможно более великая, чем наша. В их городах мы не нашли никаких следов оружия, за исключением музейных экспонатов. На всей Земле нет ни одного опасного животного, и совершенно отсутствуют болезни. Однако они деградировали.

Сейчас, когда я пишу этот доклад, возле нашего корабля снуют потомки строителей радужных городов и тысячекратных башен. Это странные существа, с копной кудрявых волос на голове, но с двумя глазами, которые всегда движутся синхронно. Их ноги лишены хватательных функций, хвост отсутствует. Они пользуются только руками. Ростом ниже нас, но более мускулисты, поскольку живут в условиях большей, чем на Таре, силы тяжести.

В их глазах нет разума предков. Теперь сады этого мира создает природа. Мауны, как называет себя эта раса, не носят одежды, поскольку здесь всегда тепло. В лесах, покрывающих планету от северной полярной шапки до южной, полно фруктов, которые служат Маунам пищей. Им никогда не приходится трудиться в этом раю.

Нас слишком мало, чтобы выполнить необходимый объем работы. Поэтому они работают на нас. А мы должны

попытаться сделать что-то для них. Мауны этого не знают; а если бы знали, то вряд ли бы согласились. Мы попытаемся восстановить расу, которая построила башни высотой в тысячу футов; мы попробуем сделать их такими, какими они были раньше. Нам непонятно, каким образом столь великая раса так внезапно могла деградировать. Удалось найти кости этих существ. Некоторые из них обуглены и обглоданы. По-видимому, вскоре после деградации они стали каннибалами.

Теперь каннибализм в прошлом. Сейчас это мирная, удивительно добродушная раса. Мы заставили их выполнять большую часть работы в городах, в «Древних Местах», как они их называют. Мауны очень странно реагируют на нас. Они не испытывают к нам ненависти и не пытаются сопротивляться, когда их заставляют работать. Они просто предпочитают прохладную тень и поиски фруктов в лесах.

Очень интересно наблюдать за ними в городах. Наши археологи инструктируют Мауннов, а они смотрят на окружающее с любопытством и изумлением. Не в силах оценить этого до сих пор сохранившегося величия, они копаются в руинах радужных городов и не знают, что те построены их предками. Тысячелетовые башни лежат в руинах. Камни кое-где потрескались и даже рассыпались в пыль при падении. Большинство высоких зданий обрушилось, громадные металлические балки и обломки стен оказались на земле. Однако во многих местах металлический каркас выглядит столь же новым, как в тот день, когда он вышел из-под давно рассыпавшегося в прах пресса. В отличие от облицовки, он не подвержен разрушению. Металл мягкий и серебристый. Археологи удивлялись, как вообще можно было строить из него здания. Один из металлургов нашел ответ, весьма нас заинтересовавший.

Металл почти так же мягок, как медь, однако вместе с тем прочен, как сталь. Это алюминиевый сплав, похожий на наш дюралюминий. Металлург измерил его твердость, и он оказался прочнее лучших наших сплавов. Похоже, со временем он лишь увеличивает свою прочность.

Отдельные невысокие здания до сих пор целы. Когда-то расположенные среди садов, они теперь прячутся среди

субтропических лесов. Их белые стены выделяются среди глубокой зелени, а ажурные колонны создают впечатление, будто здания парят в воздухе. Они прекраснее всего, что когда-либо было построено на Таре.

Однако Мауны смотрят на них с изумлением и помогают археологам расчищать завалы у дверей и убирать мусор, оставленный предками.

Среди Маунов есть особо уважаемые особи, которых они называют жрецами. Похоже, для жрецов имеют какое-то значение обломки колес, шестерен, приводных цепей. Кажется, они поклоняются технике. Жрецы со странным и необъяснимым почтением готовы наводить лоск на наши машины, хотя не понимают ничего, кроме самых простых вещей типа зубчатых передач.

Генетики работают над лучшими представителями Маунов. Одних выбрали за проблески когда-то великого интеллекта, которым обладала раса. Других — за выдающиеся физические качества. Однако спариваются они с определенным трудом, поскольку это не просто животные, которых можно скрещивать по выбору генетиков. Они все же обладают кое-каким разумом, а вместе с ним — способностью к осознанному выбору. Многие из тех, кто плохо подходил друг другу, были безутешны и несчастны, когда их разделили, и наотрез отказывались спариваться с другими, более подходящими партнерами. Их ненадолго разделяют, и свое дело делает химия. Постепенно мы надеемся восстановить наследие, утраченное этой расой. Однако вывести хорошую породу непросто. Мы ничего не знаем об их прошлом. Врачи и психологи поглощены этой задачей по двум причинам. Во-первых, очень интересно разгадать тайну упадка стать великого народа. А во-вторых, психологам никогда еще не приходилось сталкиваться с подобной проблемой — сделать разумной целую расу!

На это потребуются не годы, но поколения. Арталь Шорул, помощник Главного Генетика, считает, что лучшее решение заключается в выведении чистых линий, а затем селекции желаемых качеств. По мнению Баор-на Урнтола, его начальника, этот, возможно, более быстрый и более научный, путь менее желателен из-за неизбежного появления уродов на промежуточных стадиях работы.

Я согласен с Ваорном Урнтолом, однако боюсь, что Арталь Шорул в конце концов победит, поскольку он на полвека моложе, а на решение проблемы потребуются поколения...

Ян-1 медленно поднял взгляд на вошедшего в комнату молодого Тару в белом халате. Генетик, которого звали Раннор Тринол, посмотрел на старика с дружелюбной улыбкой:

— Приветствуешь, Ян-1. Сегодня чувствуешь себя лучше?

Ян покачал головой:

— Нет, хозяин. Все мышцы болят. Это из-за дождей. Я буду чувствовать себя лучше, лишь когда наступит лето. Даже от освещения никакого толку. Обычно оно помогало. — Ян-1 взглянул на голубовато-белый свет, заливавший комнату, и покачал головой. — Однако теперь от него никакой пользы. Ваша наука ничем не может мне помочь. Ван раньше прогоняла боль, растирая мои мышцы, — старик грустно улыбнулся, — но с тех пор прошло двенадцать лет. Ян-10 был тогда маленьким мальчиком. Теперь у него свой дом.

— Я разговаривал сегодня утром с Яном-10. У тебя скоро будет еще один внук.

Услышав голоса, в дверь заглянула Ван-4 и слегка поклонилась Тару.

— Ему сегодня не лучше, хозяин? — спросила она.

— Я уверен, твоему отцу скоро станет лучше, Ван-4, — ответил врач.

Выражение лица женщины слегка изменилось, и она скрылась за дверью. Ян-1 со вздохом покачал головой:

— Нет, ты ошибаешься. Лишь лето в состоянии помочь моим старым мышцам. Мне известно это лучше, чем тебе, хозяин. — Морщинистые губы старика растянулись в улыбке. — Я еще помню Высадку, а с тех пор прошло почти пятьдесят лет. Тебя тогда еще не было.

Раннор Тринол рассмеялся.

— Да, хотя я многое знаю о тех временах, — мягко сказал он. — Кстати, у меня есть кое-что, способное облегчить твою боль. Сейчас вечер. Выпей, и я обещаю, что завтра ты уже не почувствуешь боли.

Ян-1, поколебавшись, выпил приятно пахнущую жидкость и покачал головой:

— Сомневаюсь...

Однако почти тут же его охватило чувство приятного оцепенения, и через пять минут боль прошла. Четверть часа спустя в комнату вошли десять его сыновей, восемь дочерей и четверо внуков. Они молча помогли подготовить тело старика к последнему пути, после чего Раннор Тринол отправился докладывать Высшему Совету по генетике Маунов, что выполнил их рекомендацию.

Ваорн Урнтол, Главный Генетик, умер. Это было неизбежно, как неизбежна любая смерть. Старый Тару скончался на шестьдесят третьем году после Высадки. Арталь Шорул, его заместитель, занял освободившийся пост. Арталь Шорул был умелым и квалифицированным ученым и весь свой разум и энергию направлял на быстрейшее получение результатов в своей области. Последовала немедленная реорганизация Отдела генетики. Всю жизнь Ваорн Урнтол пытался соблюдать твердые принципы в работе с расой Маунов. В течение шестидесяти трех лет он тщательно направлял свои усилия и усилия подчиненных на постепенное, без спешки, достижение цели и, даже умирая, верил, что последователи двинутся по той же проторенной колее. Будучи выдающимся ученым, он вместе с тем руководствовался не только стремлением получить результат, но и чувствами. Существовало два пути решения грандиозной задачи по восстановлению разума Маунов. Ваорн Урнтол мог поступить так же, как поступала эволюция, смешивая различные наследственные черты и отбирая лучшие, постепенно совершенствуя их в каждом поколении и добиваясь новых вершин. Или же действовать грубо и быстро, что возможно лишь в экспериментах по искусственной селекции. Искоренять злокачественные черты, позволять им взаимно уничтожать друга, комбинируя их в одном индивидууме. Скрещивать брата с сестрой и сына с матерью, пока не проявятся отрицательные характеристики. Легкая склонность к нервной неустойчивости тогда превращается в невменяемость, тенденция к недолгой жизни приводит к смерти в младенчестве...

Ваорн Урнтол пошел по первому пути. Скрещивая сильного мужчину с сильной женщиной, он надеялся получить сильных детей и повторял эти действия со всеми парами.

Артал Шорул, будучи чистым ученым, чувствами не руководствовался. Он изучил отчеты Урнтола, просмотрел его картотеку, помечая карточки то синим, то красным цветом. Когда он закончил, у него образовалось около двух с половиной тысяч карточек с синими отметками и свыше восьми тысяч с красными. После этого две с половиной тысячи едва достигших зрелости Маунов были отправлены в лагерь, построенный к западу от Города. Там братьев скрестили с сестрами. Опытные генетики не захотели сворачивать с проторенного пути и продолжали работать с восемью тысячами тех, кто остался в старом поселении. Тех же, кто приветствовал перемены — а в основном это была молодежь, — перевели в новую группу.

В общих чертах жизнь шла по-прежнему. Большая часть Тару была сосредоточена на заботе о многочисленных младенцах-Тару и их воспитании. За века до Высадки кто-то из земных ученых сказал: «Природа не терпит пустоты». На Земле было мало Тару, и природа исправляла эту ситуацию.

Город постоянно рос. Со временем появился еще один, затем другие города. Их строительство требовало рабочих рук, и, поскольку Тару не хватало, к работе, там, где это было возможно, привлекали Маунов...

Пятьдесят лет спустя после Высадки, в память об этом событии, Баорн Урнтол сказал:

— Наша величайшая задача и первый долг по отношению к планете, давшей нам новый шанс, — вновь поднять интеллект расы, которая столь странно пришла в полный упадок. Какая тайна лежит за этим процессом? Возможно, вернув им разум, мы сможем узнать ответ. Мы должны помочь им не потому, что они принадлежат этой планете, но потому, что это разумные, родственные нам существа. Мы должны подать руку помощи страждущим братьям. Разве одна раса не должна помогать другой, как Тару помогают друг другу?..

Через сто лет после Высадки открыли Великий Храм, в который был помещен корабль, через невообразимые расстояния доставивший Тару к их новой родине. На памятной церемонии освещения храма Таграт Кельд сказал:

— Наши генетики добились определенного прогресса в развитии интеллекта Маунов. Некоторые из туземцев демонстрируют весьма неплохие показатели. Грандиозный эксперимент

медленно, но верно движется вперед. Вначале Мауны были почти неспособны к сотрудничеству, однако теперь в этом направлении достигнуты немалые успехи. Способность подопытных подчиняться нашим указаниям быстро растет. Перед нами открываются все новые направления для исследований. Проблема столь грандиозна, что должно пройти много лет, прежде чем все детали эксперимента сложатся воедино. С проблемой такого масштаба еще не сталкивался ни один ученый-Тару.

Еще через сто лет Главным Генетиком был некий Таграт Рандлун. На праздновании юбилея Высадки он, в частности, сказал:

— С каждым годом мы все ближе к решению проблемы Маунов. Исходная группа из двух с половиной тысяч экземпляров увеличилась до пятидесяти с лишним. В то же время другая, когда-то более многочисленная группа, которую мы не контролировали, практически вымерла. С каждым годом мы все ближе к достижению идеала — возможности точно предсказать, какая порода Маунов получится в результате скрещивания чистых линий. Кроме того, неизменно увеличивается разнообразие пород. Пользы от Маунов все больше и больше.

На праздновании Третьего Столетия о Маунах коротко упомянул лишь один из ораторов:

— Если бы мы не обнаружили на этой планете полудикий народ, способный помочь нашим праотцам в их великих трудах, кто знает, сколько бы еще веков прошло, прежде чем планета была бы нами освоена? Возблагодарим же Великого Магрона за то, что он, в своей бесконечной мудрости, создал расу Маунов за тысячелетия до того, как здесь высадились наши праотцы...

Когда посыльный вышел, Хол-57/P-31 чуть вздрогнул и снова взглянул на приказ, вызывавший его к Директору. Убрав микропроектор в футляр и ласковым движением проведя по нему рукой, он запер ящик стола и быстро шагнул к двери. Упругий пол глушил его вззволнованные шаги.

Вскоре он пересек Зал Генетиков и подошел к дверям Дирекции Отдела. На секунду Хол-57 застыл на месте, потом решительно сделал два быстрых шага к двери. Он был великолепным представителем человечества: шесть футов два дюйма; обнаженный мускулистый торс, смуглый и гибкий; прямая

осанка; проницательный и непреклонный взгляд; высоко поднятая голова на мощной шее; широкие плечи.

Открылась дверь Дирекции, и в одно мгновение все изменилось. Тело Хола-57 оставалось все таким же крепким и мускулистым, он по-прежнему был великолепным экземпляром — но теперь он стал экземпляром Мауна породы Р-31. В нем не осталось и следа от прежней решительности.

Хол-57/Р-31 медленно повернулся и направился в сторону кабинета Директора. Женщина-Маун секретарской породы М-11 бросила взгляд на выгравированное на груди Хола-57 имя и нажала кнопку. В кабинете раздался мелодичный звонок. Интерком в приемной отозвался малопонятным ворчанием, и секретарша кивнула. Хол-57 вошел в кабинет, приветственно сложил руки и наклонил голову.

— Хозяин? — тихо сказал он. Грат Мунл пристально посмотрел на него двумя глазами.

— Хол-57, мне пришло твое сообщение, — резко сказал он. — Разве ты не получал моего запрета?

— Да, хозяин.

— Значит, получил! — прорычал Директор. — Тогда что, во имя Великого Магрона, это все означает? Ты и в самом деле послал второй набросок своего плана? Я наложил на него запрет. Исполнение плана означало бы выведение породы Маунов, обладающей нежелательными амбициями и недопустимой степенью инициативы. Я запретил подобное. Почему ты оспариваешь мои действия?

— Потому что в мою задачу входит увеличение экономической ценности Маунов. Потому что я изучал статистику и знаю, что в этом году подано крайне мало новых идей и изобретений. Потому что я считаю необходимым существование группы тех, кто мыслит оригинально. Я решил повторно рекомендовать свой план, поскольку подумал, что, возможно, вы не до конца поняли причины моего предложения, и экономическую необходимость выведения подобной породы.

Грат Мунл наклонил голову и посмотрел на Хола-57 очень холодным и очень долгим взглядом всех трех глаз.

— «Я подумал», — передразнил он. — Ты подумал, что я мог чего-либо не понять, и предпринял крайне незаконный и нежелательный шаг. Ты проявил слишком высокую степень

инициативы. — Главный Генетик помолчал, поднял голову, снова взглянул на Хола-57, на этот раз двумя глазами, и мрачно продолжил: — Р-31 — порода, предназначенная для решения исследовательских задач. У исследовательских пород мы вынуждены были допустить достаточно высокую степень инициативы. Но теперь мне понятно, что твоя порода относится к числу нежелательных. К счастью, ты представитель довольно новой породы, насчитывающей вместе с детьми не более семидесяти экземпляров. Эта порода должна быть искоренена. Немедленно. Этим сейчас же займется Гар-46/Н-3.

На какое-то мгновение крупная фигура Мауна напряглась. Затем Хол-57 медленно расслабился и тихо сказал:

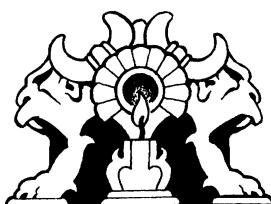
— Да, хозяин.

Грат Мунл повернулся и нажал маленькую кнопку.

Вошел Гар-46, гигант ростом в семь с половиной футов, с такими мускулами, которые не смились и Геркулесу.

— Да, хозяин, — повторил еще тише Хол-57. Он ничего не мог сделать — Тару были хозяевами, расой, которая владела этой планетой. Они всегда были хозяевами и оставались ими. Мауны не знали иных времен.

Больше он ничего сказать не успел: Гар-46 быстро решил судьбу Хола-57, а потом и всей породы Р-31, проявившей нежелательную степень инициативы.



МЯТЕЖ

Бар-73/Р-32 перелистнул последнюю страницу старого отчета. Его проницательные глаза задумчиво сузились.

— Значит, причиной ликвидации породы Р-31 стал избыток инициативы, проявленной Холом-57. — Бар-173/Р-32 тщательно обдумал только что прочитанное. — И это произошло почти пятьдесят лет назад, еще до того, как создали мою породу.

Почти час Бар сидел неподвижно, уставившись невидящим взглядом на серебристо-серую металлическую стену лаборатории. А через час посмотрел на возвышавшееся напротив здание Отдела генетики и улыбнулся. Этот час оказался решающим — Бар изобрел нечто, о чем никогда не мог помыслить ни один человек; нечто крайне чуждое людям, которых хозяева Тару выводили в течение почти ста поколений. Этим изобретением стало умение хранить тайну.

Три тысячи лет назад Тару высадились на Земле и обнаружили тут полудикую расу — праздную, миролюбивую, все желания которой безо всяких усилий удовлетворялись тем, что росло вокруг. За три с половиной тысячелетия до появления Тару Машина покинула Землю, оставив на ней рай, где не было опасностей и болезней. Жизнь в раю и привела человечество в упадок. Перед генетиками-Тару всталася грандиозная задача — вновь восстановить разум когда-то великой расы. Движимое высокими идеалами, первое поколение пришельцев пытались достичь этой цели, контролируя подбор семейных пар. Проникнувшись pragматическим интересом к этой проблеме, второе поколение Тару продолжало заниматься ее решением. Но использовало несколько иные методы селекции... К десятому поколению Тару (и к двадцатому — аборигенов) мир выглядел существенно иначе, чем могли предполагать высажившиеся колонисты. На Земле существовали только те породы людей-Мауннов, которые были полезны пришельцам.

Теперь Тару считали, что людям не требуется более высокий интеллект. Они и так приносили достаточно пользы. У подобных пород отсутствовали всякие мысли о мятеже, скрытности, заговорах, неподчинении. Тем не менее пришельцам требовалось некоторое количество людей-исследователей, поскольку это экономило усилия, а подобные задачи требовали определенного уровня интеллекта, определенной инициативы...

Бар-73 был величайшим изобретателем, которого знала человеческая раса за последние три тысячи лет. Он занимал пост Управляющего Отделом генетики, под началом Директора-Тару, и на его попечении находились огромные лаборатории, где выводились новые человеческие породы. Бара-73 потрясла собственная идея. Лишь абсолютная выдержка, воспитанная в человеке за три тысячи лет, позволила ему сохранить спокойствие. Он немедленно представил себе все последствия и тут же понял, что ему потребуется дополнительная способность. Мало хранить тайну, нужно еще и уметь лгать! Любое слово могло быть выдумкой. Любое действие могло стать ложью. Это было неслыханно для людей. Однако Бар внезапно понял, что это сможет ему помочь. Ведь Тару не стали бы в нем сомневаться. Бар, в сущности, являлся единственным начальником над генетиками. Его приказы исполнялись беспрекословно; Директор получал все отчеты лично от него. Какой-либо обман был попросту невозможен. Для Мауна прежних поколений подобное считалось естественным. Теперь все изменится. Каждое слово, каждый жест, каждую мысль Бару предстояло тщательно продумывать. И так должно продолжаться многие годы! При этой мысли Управляющий Отделом генетики побледнел. Он медленно поднялся и подошел к большим генеалогическим схемам, отражающим характеристики всех линий человеческой расы.

— Хол-57 понял многое пятьдесят лет назад, — тихо пробормотал он. — В этом году сделаны лишь четыре изобретения различной степени важности. Тару все меньше занимаются наукой.

Человек обогнал своего хозяина. Тару за год сделали четыре средних изобретения, а Бар-73 два грандиозных — за один день. Впрочем, сам он об этом не думал...



— Если скрестить породы Р-1 и С-14, они должны дать в результате исследователей, наделенных инициативой, тщеславием и более высоким интеллектом. Именно этого хотел Хол-57, а Грат Мунл, тогдашний Директор, счел его план нежелательным. — Бар ошеломленно застыл. — Если идея сработает... а она должна сработать... мы получим породу Маунов, более разумных, чем Тару!

Он еще немного подумал и решительно приступил к делу. Изучив свою картотеку и проведя некоторые расчеты, старателю заполнил два бланка распоряжений, затем еще два. Медленно, но решительно нажал кнопку интеркома.

Посыпался мелодичный сигнал, затем глухие шаги. Вшел Гар-247/Г-12. Порода Г-12 предназначалась для тяжелого ручного труда, но требовавшего некоторого уровня интеллекта. У Гара-247 были глубоко посаженные, широко расставленные глаза и массивная голова. В нем было семь с половиной футов роста и около трехсот пятидесяти фунтов весу. Он казался могучим, как Геркулес, однако с уважением смотрел на шестифутового Бара.

— Гар, вот четыре распоряжения о подборе пар. Проследи, чтобы они были выполнены.

Гар взял распоряжения и вышел. Бар-73 медленно сел; лицо его слегка побледнело. Где-то в лаборатории юная девушка породы Р-1 нервно разглядывала листок, который с дружелюбной улыбкой подал ей Гар-247.

— Кажется, тебе наконец нашли партнера, Ван-14, — мягко сказал он. — Будь с ним счастлива. Неопределенности больше нет. Он будет твоим, а ты — его.

И Гар-247 пошел дальше — ему предстояло раздать три оставшихся листка. Следующим был молодой человек по имени Ян-94/С-14. Второй парой должны были стать девушка Тос-63/С-14 и юноша Бар-12/Р-1. Копии этих четырех распоряжений следовало сохранить в архиве Управляющего, но Бар-73 ухитрился сделать так, чтобы они пропали и чтобы вместо них появились другие. Вопросов ему не задавали — ведь никто бы не заподозрил Мауна в фальсификации архива.

Прошел почти месяц, прежде чем Бар вызвал Ван-14 и Яна-94 к себе в кабинет и в течение нескольких часов поговорил с ними. Они принадлежали к двум наиболее совершенным из пород, которым позволяли существовать Тару. Эти породы отличались проницательным умом, интеллектом и сообразительностью. Ван и Ян высушали Управляющего и, поскольку были молоды — им едва исполнилось двадцать, — согласились с его доводами. Скорее всего, они считали предстоящее каким-то невероятным приключением. Молодые люди не могли осознать всей титанической мощи того, что их ожидало. Да и сам Бар-73 тоже не до конца понимал это, он видел лишь возможность дать хозяевам изобретательную и находчивую породу. Ван-13 и Ян-94 ушли. Потом пришла другая пара, и эти двое тоже ушли, улыбающиеся и слегка

ошеломленные, но счастливые. В сочетании пар явно было что-то странное, однако они представления не имели ни о записях, ни о самом замысле — лишь знали, что должны выполнить задание Бара-73.

Бару-73 удалось присутствовать при рождении ребенка. В официальных документах он фигурировал как Род-4/Р-4. В записях Бара-73 он стал просто Родом-4, без обозначения породы. Ребенок лежал на кровати, очень маленький, очень красивый и очень голосистый. Ван-14 взволнованно взглянула на Бара, а Ян-94 широко улыбался.

— У него могучая грудь, — радостно сказал он.

— Да, — кивнул Бар-73. — А еще у него большая голова. Исключительно большая...

Вскоре Род-4 потерял свою исключительность. Очень похожий на него ребенок родился у другой пары. Это была девочка Кит-3, и точно так же официально ее отнесли к одной из пород, хотя в своих тайных записях Бар обозначил новорожденную совсем иначе.

Прежде чем сделать еще четыре распоряжения, подобные предыдущим, Бар-73 некоторое время колебался. Он начал отчетливо понимать, что неудача повлечет за собой не только смерть его самого, но и страшные страдания для восьми ни в чем не повинных молодых людей и как минимум двоих детей.

Бар-73 уже понял, что его грандиозный труд — это не только попытка воздействовать на силы природы. Именно поэтому он познакомился с Яном-94, Баром-12, Ван-14 и Тос-63 намного ближе, чем когда-либо был знаком с людьми, которых сводили вместе его распоряжения. Однако теперь стало ясно, что скавший «А» должен сказать и «Б». Далее надлежало планировать следующие поколения. Бар издал новые распоряжения и побеседовал еще с четырьмя молодыми, счастливыми, полными надежд людьми. Он наблюдал, как росли Род-4 и Кит-3, и начал обучать их. А чуть позже учить нужно было уже четверых...

Бар-73 умер в глубокой старости, и по его рекомендации Директор назначил его преемником Рода-4/Р-4, обладавшего необычайно проницательным умом.

К счастью Директор понятия не имел, насколько проницателен ум нового Управляющего.

Род-4 имел немаловажную особенность: ему не пришлось изобретать умение хранить тайну и способность лгать, он обладал этими качествами с рождения. Бар-73 в свое время сделал хороший выбор. Род-4 превосходил любого человека, жившего в течение последних шести тысяч лет не только умом, но и изобретательностью. Когда Род-4 начал взросльть, Бар-73 находился в преклонном возрасте. А когда у Рода начали появляться собственные мысли, Бар был уже настолько стар, что Род не стал выкладывать перед ним все свои идеи. Бар не позабылся о том, чтобы избежать появления у человечества склонности к мятежу. Когда во времена Хола-57 тогдашний Директор наложил вето на его план, он не сказал Холу обо всех своих возражениях. В тех породах, о которых шла речь, проявлялась склонность к мятежу, чего не смогли бы понять ни Хол, ни Бар. Род это понимал. Он открыл у себя мятежные мысли, и это стало не менее великим открытием, чем умение хранить тайну. Бар хотел создать изобретательную породу людей, прогресс которой не смогла бы остановить цивилизация, которую он знал, — цивилизация хозяев-Тару. Поскольку Род был генетиком, он прекрасно представлял себе пути, которых необходимо придерживаться для реализации его мечты.

Род-4 взял себе в пару Кит-3 и приложил немало усилий, чтобы остальные представители его уникальной породы поступили так же. Все они поселились в районе, отведенном для исследователей и техников. Род очень подружился с группой физиков и техников по атомным реакторам. Его соратники, обнаружив, что ближайшие соседи — химики или электронщики, тоже подружились с ними. Когда появились дети, Род-4 предложил, чтобы они научились несколько большему, чем знали их родители. К примеру, от своих соседей...

Кам-1 был ростом в шесть футов два дюйма, мускулистый, с глубоко посаженными, стального цвета глазами. Его голова казалась крупной даже на могучем теле. Проницательный взгляд Кама раздражал и беспокоил многих. Правда, человек десять чувствовали себя в его обществе свободно и ничего особенного в его взгляде не замечали. Однако если присмотреться, их взгляд был не менее странным. Сар-1, Пол-72, Бар-11 и другие юноши, очень похожие внешне, казались почти братьями. Сан-4, Риа-1 и еще несколько представительниц странной породы

смахивали на сестер. Девушки были стройными и гибкими, но в них чувствовалась скрытая сила; почти классические лица казались чуть более широкими, чем обычно; рост в пять футов десять дюймов был чуть более высоким, чем следовало. Однако все это было на виду, а вот о том, что под курчавыми коричневыми волосами скрывается проницательный разум и самый могучий интеллект, каким когда-либо обладала человеческая раса, из посторонних не знал никто.

Кам-1 рано начал замечать свое отличие от других, и уже в десять лет отец, Род-4, рассказал ему о предстоящей миссии. К этому времени Кам настолько превосходил любого Мауна, что даже ограниченные соседи-техники, в среде которых он черпал немалую часть своих знаний, начали слегка удивляться. Кам, как и другие представители странной породы, старался ничем не выделяться среди остальных, однако был внимательным слушателем — когда инженеры-атомщики ругались и спорили о своих машинах, тихий неприметный мальчик слушал и смотрел. И все запоминал. Он обладал не памятью обычного человека, но идеальным разумом, навсегда сохранявшим зрительные образы и звуки. С первого взгляда Кам запоминал все детали и устройство приборов; каждое услышанное им слово навсегда оставалось в мозгу, скрытом за проницательными глазами.

В пятнадцать лет Кам стал учеником техника-электронщика — на удивление глупым учеником, которому приходилось объяснять каждую мелочь. Сан в пятнадцать лет стала работать в Отделе документов и все время неторопливо, с безразличным видом перелистывала покрытые плесенью страницы, скользя взглядом по строчкам. Сар сделался учеником инженера-атомщика, близкого друга отца. У них почти не было друзей вне их замкнутой группы. В огромном городе из белого камня, серебристого металла и жемчужного стекла, среди широких парков, сотен тысяч Тару и миллионов Маунов никто не замечал десятка молодых учеников-Маунов.

Несколько человек среди миллионов почти ничего не знали. Но именно эти несколько человек перевернули с ног на голову цивилизацию, построившую города из камня, металла и стекла.

— Я цитирую по памяти, — улыбнувшись, сказала Сан, — так что не моя вина, если вы найдете логическую ошибку. Итак, цитата... «Отчет о Работах Древних, Шар Нонлу. Сто тридцать седьмой год после Высадки. Исходя из наших оценок, прошло не менее трех тысяч четырехсот и не более трех тысяч семисот лет между упадком древней цивилизации планеты Артд и Высадкой Тару. В течение какого периода существовала и развивалась раса Маунов, сказать с точностью практически невозможно. Однако некоторые из найденных документов говорят, что период цивилизованной жизни продолжался не менее шести тысяч лет. Раса Маунов явно имеет местное происхождение. Они развились из низшей формы жизни, когда-то обитавшей на этой планете и теперь вымершей. Их развитие шло медленно, но примерно за две тысячи лет до упадка начался быстрый научный прогресс, типичный для любой расы, вступающей в Век Познания. Чуть позже, когда прогресс существенно ускорился, появляются упоминания о «Машине». Следует пояснить, что в языке Маунов существует различие между словами, начинающимися с большого и малого символа, хотя на язык Тару они переводятся одинаково. Большой символ в начале слова означает некоего уникального представителя данного класса. Таким образом, они придавали этой Машине особое значение. По каким-то причинам сначала к ней относились весьма подозрительно и называли ее «Машиной ниоткуда». Кто изобрел ее — неизвестно. Однако она могла мыслить. По неизвестным причинам Машина сломалась либо ее уничтожили. Так или иначе, она прекратила работать, и, поскольку от нее зависело практически все существование цивилизации, последняя пришла в упадок». Конец цитаты... Автор называет это введением, — пояснила Сан. — А весь отчет занимает много страниц. Хотите остальное? Я все прочитала.

— Нет, — сказал Кам. — Достаточно. Думаю, мы и так все поняли. Очевидно, откуда-то извне появилась разумная Машина, которая какое-то время помогала человеку, а потом покинула Землю. Я не понимаю, почему это произошло. Однако в любом случае понятно, что Тару не являются коренными жителями нашей планеты. Аборигенами являемся мы... Более того, теперь становится ясно, что в свое время независимо от Тару

наши предки создали великую цивилизацию, которая пришла в упадок еще до их появления. — Он оглядел присутствующих. — Думаю, мы возродим ее, но в качестве помощников нам потребуются несколько М-рабочих и Р-исследователей. — Он повернулся к Полу-72. — Пол, ты работаешь в Отделе генетики. Ты мог бы подобрать подходящих Маунов?

Пол-72 слегка улыбнулся:

— Думаю, да... Позови своего слугу, Кам. Я узнал кое-что из старых книг по психологии. Они были написаны на древних языках еще до упадка, и даже Тару не перевели их.

Кам нажал кнопку интеркома, и вошел Маун породы Н, домашний слуга, невысокий человек ростом в пять футов пять дюймов, не слишком обремененный процессом мышления.

— Это лучший подручный материал, — тихо сказал Пол и подошел к слуге.

— Что-нибудь принести? — спросил тот. Пол не ответил. Он вытянул руки и растопырил пальцы, словно собирался проткнуть ими Мауна. Серые глаза Пола сузились, по загорелому лицу разлилась бледность. Потому он расставил ноги и затаил дыхание. И все увидели, как возле его вытянутых пальцев, у глаз и кончика носа появилось мягкое фиолетовое свечение.

Тринадцать едва видимых фиолетовых лучиков с быстрой молнией устремились к голове слуги. Тот в ужасе выпучил глаза и бросился к двери. Но не успел сделать и шага. Лучики задрожали, заплясали вокруг его головы, и слуга, судорожно вздохнув, мягко осел на пол. Фиолетовое свечение погасло.

Пол-72 с шумом перевел дыхание:

— Это... было... непросто...

Кам молча опустился на колени возле тела слуги.

— Он мертв, — сообщил он. — Бар, взгляни!

Пол-72 слегка улыбнулся, его бледные щеки постепенно приобретали нормальный цвет. Бар-11, специалист Отдела здоровья, достал из кармана маленький диск с тонким проводом и крошечную коробочку. Он соединил диск с коробочкой, приложил его к груди слуги и прислушался. Все замерли в ожидании.

— Да, мертв, — подтвердил Бар-11.

— Он жив, — ответил Пол-72. — Дайте мне немного времени... У меня нет практического опыта, а это требует немалого напряжения. Сейчас я все объясню. — Он снова перевел

дыхание. — В старой книге я нашел отчет об исследованиях излучения, присущего живым существам. Сначала исследователи обнаружили излучение у самого обычного лука. Потом обнаружили, что излучение одного организма стимулирует другие. Позднее один из ученых выяснил, что может убивать плесень излучением, которое вырабатывала его собственная нервная система. Источником излучения являются нервные окончания, и оно, как правило, постоянно. Вы знаете, что большинство людей сторонятся нас. Причина в том, что наше излучение очень мощное. А кроме того, оно оказывает неблагоприятное воздействие на тех, кто не принадлежит к нашей породе. Недавно я обнаружил, что оно поддается контролю. Древние этого не знали. Нужно, чтобы каждый из нас научился уменьшать свое излучение, контролировать его, чтобы не привлекать к себе внимания.

— А вот это? — Кам кивнул на тело слуги. Пол-72 улыбнулся:

— Я научился оперировать излучением, как оперируют электрическим зарядом некоторые рыбы, поражающие жертву. Однако сходство здесь весьма отдаленное. В значительной степени моя способность генерировать излучение — осознанная, но эти манипуляции требуют немалых усилий. На практике излучение генерируется из любых нервных окончаний. Много нервных окончаний сосредоточено в носу, глазах и кончиках пальцев. Поэтому они являются самыми мощными излучателями. Это знали еще учёные Древних. — Пол-72 встал и подошел к лежащему на полу телу. — Излучение может привести Мауна низшей породы в бессознательное состояние, а возможно, и убить его. Но он не мертв. Смотрите!

Пол-72 вытянул руку, растопырил пальцы. На мгновение возник фиолетовый лучик.

Слуга дернулся и вскочил на ноги.

— Стой, — сказал Пол-72.

При звуке его низкого, невероятно напряженного голоса человек застыл.

— Ты вернешься в свою комнату и заснешь. Через пять минут проснешься, забыв обо всем. Иди.

Слуга, словно сомнамбула, двинулся к выходу.

— Когда будет нужно, Кам, — продолжал Пол, — я позабочусь о том, чтобы все, кто потребуется, были «мертвы». Их

тела попадут к Бару, на предмет определения причин смерти. Остальное понятно.

Несколько секунд в комнате было тихо. Потом Кам спросил:

— Ты можешь научить этому нас?

Пол кивнул.

— Я сразу же начну готовиться, — продолжал Кам и повернулся к Сан-4. — Ты когда-нибудь читала работы Древних о Тайне гравитации?

Сан улыбнулась и покачала головой:

— Нет, Кам, и ты это знаешь. Иначе бы я об этом рассказала. Я прочитала все материалы в Отделе документов — больше, чем любой Тару. О Тайне гравитации — ни слова. Найдись какие-нибудь документы, Тару не занимались бы напрасными исследованиями в течение многих столетий. Почему их нет, мне неизвестно.

— Возможно, о гравитации знала лишь Машина, — тихо сказал Кам.

Сан пожала плечами:

— Возможно...

— Ну хорошо! — Кам повернулся к остальным. — Нас мало, и у нас нет оружия. И прежде чем мы сможем противостоять Тару, нам придется многому научиться. Думаю, это главное! — Он обвел всех пристальным взглядом. — Иначе Тару с легкостью подавят мятеж. У них есть большие ракетные корабли и оружие, которое еще никогда не применялось. Оно называется «атомная пушка»... Сар, тебе ведь кое-что известно о нем. Расскажи нам.

— Это не только оружие, — сказал Сар-1. — Энергия освобожденного атома может быть укрощена и направлена в полезное русло. Тысячефутовые языки жуткого пламени стирают целые горы и открывает доступ к глубоко залегающим рудам. Управляемая энергия атома приводит в движение космические корабли и...

— Сейчас меня интересует оружие, — прервал его Кам.

— Ага, — сказал Сар-1. — Оружие просто чудовищное. У Тару есть около сотни крейсеров, вооруженных атомными пушками. На каждом корабле по пятнадцать орудий, мощностью в одну десятую. Кстати, взрывы для горных разработок имеют мощность в одну десятитысячную. Дальность

действия пушек ограничена кривизной поверхности планеты. Крейсеры, конечно, могут выйти за пределы атмосферы, но оттуда вести стрельбу сложно — магнитное поле Земли в сочетании с ионизированным слоем стратосферы очень сильно уменьшает точность.

Кам снова обвел пристальным взглядом присутствующих:

— Вам должно быть понятно, что нам удалось продвинуться столь далеко лишь по одной причине — Тару не обращают на нас внимания. Если бы они заподозрили, что мы представляем малейшую опасность, они бы, не раздумывая, уничтожили и нас, и наши семьи. Жизнь в пламени атомного взрыва продолжается одну двухсотмиллионную долю секунды. — Он встал. — Уже поздно. Нам нужно еще поработать. Завтра мне придется провести несколько взрывов для горных разработок.

Они молча прошли по металлическому коридору, спустились вниз на сто семнадцать этажей и по движущимся тротуарам города направились домой. При встрече с Тару Пол-72 склонял голову и приветственно складывал руки. Тару не видели, как на лице аборигена расцветает вызывающая улыбка. Полу хорошо было известно, что излучение, оглушившее Мауна породы Н, мгновенно убило бы любого Тару. Поэтому он тщательно подавлял излучение, и хозяева не обращали на него никакого внимания. Да и какое им было дело до одного из многих миллионов рабов?

На следующий день Пол научил Кама некоторым из своих приемов, а через пару дней Кам обнаружил еще одну особенность излучения. Оказалось, что оно поддерживает жизнедеятельность организма, и Каму теперь требовалось на сон вполовину меньше времени.

Работа электронщиков заключалась в ремонте и обслуживании различной городской техники, телевизионных приемников, устройств междугородной и внутригородской связи, автоматических вентиляторов и кондиционеров, поддерживавших комфортные условия внутри огромных зданий. Как и в любой профессии, присутствовало бесчисленное множество мелочей, постоянно требовавших внимания. Естественно, контроль за такой работой был затруднен, да никому и в голову не могло прийти, что электронщик-Маун способен

тратить рабочее время на что-либо еще. Поэтому Кам мог достаточно свободно заниматься осуществлением своего плана. И тем не менее ему быстро стало ясно, что без лаборатории, где бы он мог работать без нежелательных свидетелей, дело не пойдет.

Однако порядки Тару не предусматривали для Маунов возможности уединения. Оставался лишь один путь — проникнуть вниз, в сплошной камень глубоко под городом. Мысль показалась Каму любопытной, но некоторые обстоятельства препятствовали созданию подпольной лаборатории.

Тару открыли атомную энергию за много веков до того, как покинули родную планету. С помощью атома двигались их космические корабли и строились города. И вместе с тем у них не существовало маломощных атомных зарядов, поскольку в таких зарядах не было никакой необходимости. Когда инженеру-Тару требовалось вскрыть гору, использовалось устройство, способное превратить в пыль несколько тысяч кубических футов камня. Естественно, таким зарядом можно было снести полгорода. Каму требовалось другое устройство, и к концу дня схема была разработана. К концу второго дня Кам сделал металлический чемодан, а на третий завершил изготовление излучателя — эллипсоидной формы, грязно-серого цвета, с пистолетной рукояткой, пятнадцатиконтактным разъемом и маленькой сигнальной лампочкой. Весил он около десяти фунтов.

Кам положил излучатель в чемодан и вечером взял с собой Мятежники собрались у него дома, вместе поужинали и спустились на самый нижний уровень здания РФ-23, где находились городские системы жизнеобеспечения. Тал был инженером по этим системам. Ему потребовалось около двадцати минут, чтобы полностью разобраться в лабиринте проводов и труб.

Затем в дело вступил Кам. Он поставил на пол черный куб энергогенератора, подсоединил к нему изготовленный излучатель и нажал кнопку. Загорелась сигнальная лампочка, а из крошечного отверстия полыхнул луч света, в котором замелькали миниатюрные молнии. Луч уперся в стену. Камень вдруг забурлил, закружился в водовороте и исчез. В стене возникла коническая впадина, начала расти и углубляться.

— Медленно, Кам, — через некоторое время сказал Тал.

— Зато бесшумно, — с легкой улыбкой ответил Кам. — Я мог бы заставить его прожечь двухфутовый колодец со скоростью один фут в секунду. Но тише едешь — дальше будешь... Марн, следи за лифтом. Если кабина начнет опускаться ниже уровня Е, сообщи тем, кто в ней находится, что внизу работают инженеры. Чтобы посторонние сюда не совались...

Марн подошел к лифтовому пульту и стал наблюдать за передвижениями лифта, время от времени оглядываясь на работающих товарищев. Темные силуэты людей выделялись на фоне бледно-голубого холодного свечения. Дыра в стене быстро увеличивалась.

Двадцать минут спустя в камне образовался квадратный коридор десять на десять футов, с гладкими переливающимися стенами. Излучатель уже скрылся из глаз, а по опутанной кабелями противоположной стене гуляли отблески бледно-голубого света и черные тени. Марн по-прежнему наблюдал за лифтом. На мгновение голубое колеблющееся свечение погасло, и послышался голос Кама:

— Марн, вызови Дуна. Нам скоро понадобится его помощь.

Марн подошел к интеркому и нажал несколько кнопок. Вскоре перед ним засветился маленький экран с изображением Дуна-4.

— Дун, если ты закончил свою работу, спускайся. Пройдено около восьми футов.

— Через час буду, — сказал Дун-4.

Когда он появился в сопровождении еще семерых тяжело нагруженных мятежников, Кам и Тал уже скрылись за изгибом туннеля, уходящего в сторону и вниз. Даже голубые всполохи исчезли — лишь осталась в стене темная дыра с гладкими стенами. Бурильщиков позвали. Они остановили излучатель и пришли к началу туннеля. Состоялось короткое совещание, и вскоре излучатель, мощность которого была уменьшена до минимума, вырезал уступы и просверлил отверстия в стенах туннеля. Тем временем Дун и его друзья поднялись за очередной партией груза, достали из принесенных свертков металлические стержни, детали токарного станка и быстро застывающий цемент.

Час спустя дыры уже не было, ее закрывала тщательно подогнанная дверь, которая со стороны казалась куском самой

стены. Люди скрылись в туннеле, и дверь закрылась. Работа была продолжена. Чтобы не использовать подъемных механизмов, шахта уходила вниз по спирали. Дверь не пропускала никаких звуков. Через четверть часа появилась последняя группа мятежников, которая принесла с собой еще кое-какое оборудование. К маленькому черному кубу был подсоединен еще один провод. В туннеле зашумел вентилятор, и вспыхнуло несколько светящихся трубок на стенах, затмевая бледное свечение излучателя. К рассвету туннель углубился почти на четверть мили.

Кам-1 в этот день на работе не появился — Бар-11 сообщил, что он поранил руку и в рану попала инфекция. Остальные отработали день, а вечером вновь спустились на нижний уровень, принеся с собой новую аппаратуру. Теперь туннель длиной почти в две мили уходил в глубину почти на полмили!

К утру им пришлось подниматься по четырехмильному склону и на целую милю вверх, однако конечная цель уже была достигнута. Следующей ночью, пока Кам спал, работал Тал. Когда Кам вернулся, его встретила небольшая машина, приводившаяся в действие энергией из черного куба. Машина двигалась по гладкому полу со скоростью шестьдесят миль в час. Нижний конец шахты расширился, образовав в толще пород пять комнат с освещением и вентиляцией.

На четвертую ночь мужчины отдыхали. Работали женщины. В подпольных лабораториях появились книги, документы, запасы продовольствия, инструменты и химические реактивы. В подень к Каму пришел Пол, никем не замеченный, — те, кто его видел, тут же о нем забывали. Через пятнадцать минут Кама нашли мертвым. Вызвали представителя Отдела здоровья.

В час дня явился Бар-11, осмотрел и забрал с собой тело умершего. В течение десяти часов умерли еще несколько мужчин и женщин пород С и Р, и Бар-11 выяснял причины смерти каждого из них. Они проснулись несколько часов спустя в комнатах с гладкими блестящими стенами. Позднее к ним присоединились другие умершие, и население подземного городкаросло как на дрожжах. Излучатель продолжал расширять границы подпольных лабораторий. Появились преобразователи, превращавшие камень в металлы и элементы, необходимые для миниатюрных пищевых фабрик. Через месяц умерли почти все мятежники. Наверху остались четыре человека. Их главной

задачей стало обеспечение новорожденной колонии информацией и кое-какими материалами, неподвластными преобразователям.

— Поскольку математика представляет собой основной источник прогресса в физике, думаю, это разумный план, — сказал Кам. — Наш компьютер очень похож на те, что создавались в Древние Времена для математических расчетов. Древние владели атомной энергией и антигравитацией. Атомную энергию мы получаем тем же способом. Значит, можем использовать ее так же, как и они.

— Пока еще не можем, — улыбнулась Сан. — Древние в подземных норах не сидели. Каковы дальнейшие планы?

— Пока не знаю. Планы будут меняться в зависимости от обстоятельств. Видишь ли, мне неизвестно, можно ли сделать переворот мирным путем. Способа защититься от атомного взрыва мы не знаем. Ничто не может ему противостоять. Как же тогда сражаться? Неужели ради того, чтобы покончить с владычеством Тару, мы должны уничтожить жизнь на Земле? Разве наша цель — оставить после себя мертвую планету?..

— А как ты надеешься открыть антигравитацию? — спросил Пол.

— Я надеюсь лучше изучить физику. Чем больше я знаю, тем больше открывается путей для исследований. Тару так и не овладели антигравитацией. Лишь когда у нас будет то, чего нет у них, мы сможем одержать верх.

— Вряд ли это будет скоро...

— Да, это потребует сил и времени. Но у нас есть и то, и другое. Мы — компания мертвецов. Живы только ты, Сан, Рея и Бар. Вы четверо сталкиваетесь с трудностями, когда требуется связаться с нами. У остальных трудностей нет. Для Тару нас не существует. Так что время есть. Нам не хватает знаний.

Они не были обычными людьми, но даже их сверхчеловеческое терпение и решимость несколько истощились за то время, что мятежники провели под поверхностью Земли. Знания, накопленные в течение тысячелетий, невозможно обрести вновь за несколько месяцев. Они обладали знаниями в области медицины, генетики, химии, атомной физики, электроники и организации. Одни члены группы работали над планами, которые

будут воплощены в жизнь лишь после окончательной победы. Другие, специалисты по организации и психологии, готовили кампанию, направленную на привлечение Маунов к участию в главных событиях.

Мятежники тщательно разрабатывали свою программу. Человечеству предстояло усвоить последний великий урок, урок мятежа и свободы. Во времена Машины человек прошел ускоренный курс безделья, что привело к неизбежному упадку. Когда Машина оставила человеку совершенный мир, свободный от опасностей и труда, человек обрел дополнительную возможность для праздности.

Затем появились Тару, и человечество получило такой урок производительного труда, какого до сих пор не получало. Даже Мать-Природа, с ее жестоким процессом эволюции, не могла сделать то, что удалось Тару. Человек научился работать так прилежно, как никогда прежде. Он не просто этому научился, эта склонность была усиlena на генетическом уровне. Природа достигала прогресса за счет стремления человека к отдыху и потребности в пище. Подобное противоречие поддерживало постоянное продвижение человечества вперед. Человек трудился более старательно, чтобы накопить достаточно пищи для отдыха, а затем Природа обманывала его ожидания, уничтожая запасы с помощью гнилостных бактерий и вновь лишая человека отдыха. Тару поступили проще. Они просто устранили стремление к безделью путем тщательного отбора. Это им отлично удалось. Но они совершили две ошибки. Тару оказались слишком хорошими учителями — настолько хорошими, что ученик превзошел учителя. А главное, они не до конца устранили тщеславие. Теперь возник новый класс учителей. Эти учителя знали, на что идут, и потому почти четыре долгих года мятежники рассчитывали свои предстоящие действия. Они составили планы скординировали их и рассчитали силу психологического воздействия будущего обучения.

Однако подготовкой обучения дело не ограничивалось. В подпольных лабораториях постепенно овладевали теми маленькими крупицами знаний, что выдавала Мать-Природа через свое главное информационное бюро, известное иногда как везение, а иногда как использованная возможность.

Цезарь когда-то сказал: «Вся Галлия разделена на три части». Природа хранит свои секреты в сейфах, и все знание также разделено на части. К несчастью, этих частей много больше трех, но, когда удается найти ключ, позволяющий открыть один из сейфов, сразу открывается большое поле деятельности. Одним из ключей когда-то оказалось открытие связи между магнитным и электрическим полями. Эта связь стала ключом от сейфа, где хранились знания о Строении Атома. В подземелье Кам нашел ключ к сейфу с названием «Гравитационные Поля». Чтобы отыскать его, потребовалось четыре года, три месяца и одиннадцать дней.

С того дня прошло двести сорок семь лет. Недавние эксперименты Гарнальта позволили добраться лишь до того, что можно было бы назвать нижним левым углом этого сейфа. Пожалуй, его размеры необычайно велики...

Терн-З работал над новой комбинацией медикаментов, и эта работа наверняка бы взволновала Тару. Она основывалась на том факте, что хозяева — пусть они и прожили долгое время на Земле — были неземной расой. Химик создал жидкость, очень неприятную для Тару, но сравнительно безвредную для людей. Эксперименты шли без каких-либо странностей, пока Терн не добавил в зеленоватый раствор ровно 245,8 единицы динитрохлортолуэна. Едва он сделал это, раствор пополз по стенке мензурки. Терну стало не по себе. А раствор выбрался из пробирки и поплыл прочь, через всю комнату, к правой стене.

Терн-З издал булькающий звук и выпустил пробирку из рук. Та плавно спланировала к полу, затем остановилась и повисла в воздухе. Предметы на столах зашевелились и начали подниматься со своих мест. Отовсюду послышались крики страха. Терн закрыл глаза, почувствовал, как его ноги отрываются от пола, и вцепился в крышку стола. Тем не менее он ощутил, что падает, все быстрее и быстрее, и вот-вот обо что-нибудь ударится. Казалось, он уже пролетел около мили. Так продолжалось с минуту. Затем донесся низкий рокочущий звук и глухой тяжелый удар. Стены лаборатории задрожали.

— Кам! — крикнул Терн в интерком. — Это твоих рук дело?

Послышался голос Кама, приглушенный и печальный:

— Теперь уже нет... Это антигравитатор. Он генерирует поле. Я забыл схватиться за что-нибудь, когда включал его...

Теперь я на потолке и не могу добраться до выключателя. Поле здесь сильнее.

Хорошо, столы привинчены к полу, подумал Терн.

— Ты уничтожил несколько моих смесей! — крикнул он. — Думаю, я ближе всех к тебе. Попробую добраться.

Терн отпустил крышку стола и взмыл вверху. Сила, поднимавшая его в воздух, явно увеличивалась. Часть реактивов разлилась по потолку, и там уже шло несколько бурных реакций. Терн быстро пересек лабораторию, проскочил в дверь и для безопасности закрыл ее за собой. Стены довольно громко рокотали. Он поплыл по коридору к лаборатории Кама. С противоположной стороны приближался Клей-5. Чем ближе Терн подбирался к лаборатории, тем сильнее его тянуло вверх. Он уже был вынужден не плыть, а шагать по потолку. Чтобы попасть в лабораторию антигравитации, пришлось перебраться через очень высокий «порог». На потолке лаборатории стоял на четвереньках Кам, прилагая чудовищные усилия, чтобы дотянуться до своего детишца. Выключатель находился почти в десяти футах.

— Не приближайся, — сказал Кам. — Здесь тянет сильнее всего... Позови Гара-173/Г-8!

Терн выглянул в коридор и позвал.

— Да, хозяин, — ответил могучий голос.

В дальнем конце коридора появился Маун породы Г-8, семи с половиной футов ростом, выведенный Тару для самой тяжелой работы.

— Немедленно иди сюда! — крикнул Кам. — Как можно быстрее! — Он повернул голову к Терну. — Через пару минут переключатель опустится еще на деление, и сила тяжести увеличится вдвое.

Гар-173 прыжком метнулся вперед, и его тут же перевернуло в воздухе и вознесло к потолку. С побелевшим лицом, до нельзя испуганный, он приблизился к Терну, и тот услышал его свистящее дыхание.

— Так... так не должно быть, — сказал Гар. — Что я должен сделать?

Кам объяснил ему задачу. Гар шагнул в дверной проем и направился к антигравитатору. Казалось, его могучие кости трещат под напором чудовищной силы.

— Не знаю, смогу ли я дотянуться до переключателя, хозяин, — с сомнением сказал он.

Мощные мускулы напряглись, и Гар попытался вытянуть руку над головой. С большим трудом ему удалось коснуться переключателя. Он тут же сдвинул его в нейтральное положение. Сила, прижимавшая людей к потолку, исчезла.

— Теперь медленно сдвигай дальше, — сказал Кам, облегченно вздохнув.

Гигант осторожно повернул переключатель, и все плавно устремилось к полу. Вернувшись в нормальное положение, Кам восстановил нормальную силу тяжести. Однако глухой рокот каменных стен не затих. Более того, с возвращением веса он нарастал.

— Тару наверняка засекли аномалию, — вздохнул Кам. — Это была глупость с моей стороны. Теперь придется действовать очень быстро.

Через полчаса Терн и его ассистенты привели химическую лабораторию в приемлемый вид. Через час они уже работали. Еще минут через двадцать в подземелье спустилась Сан, затем Пол и наконец Рей с Баром.

— Тару беспокоятся, — тихо сказал Пол. — Они не знают, что случилось, но точно определили ваше местонахождение. Они думают, это какой-то странный природный феномен, и уже начали бурить землю.

— Когда их локаторы обнаружат пустоты под землей, они быстро поймут, в чем дело, — сказал Тал.

— Пусть делают, что хотят, — сказал Кам, глядя на свои приборы. — Мне кое-что пришло в голову... Мы все равно не сможем никуда уйти. Значит, нужно работать.

Чтобы закончить расчеты, Каму потребовалось три часа. Бар-11 вернулся на поверхность и постоянно передавал информацию. Тару наблюдали за продвижением атомного бурового аппарата, но их радары еще не доставали до подземных лабораторий. Вместе с Камом работали пятеро лаборантов, принадлежавших к породам С и Р. Они собирали новый прибор. Он был больше обычного переносного атомного генератора. А у излучателя, над которым усердно трудился сам Кам, не было ничего общего с излучателями, использовавшимися для прокладки туннелей в камне, хотя он тоже имел форму эллипсоида.

Через шесть часов все было готово. А вскоре Бар-11 сообщил, что Тару крайне возбуждены. Их радар обнаружил странную полость под городом. Более того, они обнаружили, что недавние колебания почвы стали причиной появления большого наклонного разлома, который тянется почти до самой поверхности, а возможно, и доходит до нижнего уровня здания РФ-23.

Пол и Бар оказались на нижнем уровне упомянутого здания за десять минут до того, как геологи обнаружили дверь, за которой начинался туннель. Сюда немедленно послали отряд из двадцати охранников породы Г-4, вооруженных смертоносными трубками, которые им выдавали только в экстренных случаях. Но едва они взломали дверь и проникли в туннель, фиолетовые лучики вырвались из пальцев Пола и Бара и устремились к группе могучих охранников. Двадцать гигантов бесшумно осели на гладкий пол. Десять минут спустя гиганты выбрались из найденного подземного хода, крепко держа двух Маунов породы С. Наверху их встречали тридцать Тару и десяток рабочих породы М. На мгновение вспыхнули смертоносные трубы, и тридцать Тару осели на пол, хватаясь за грудь. Рабочие породы М изумленно смотрели на происходящее, а затем, повинувшись жесту командира охранников, Мауна породы Г-14, двинулись в туннель, поскольку жизненный опыт им говорил, что Мауны всех классов должны подчиняться породе Г.

Прошел почти час, прежде чем очередная группа Тару и охранников обнаружила мертвых Тару у входа в обнаруженный подземный ход. С нижнего уровня РФ-23 немедленно были разосланы десятки сообщений. Вскоре в туннель был отправлен отряд из тридцати охранников Г-4 под командованием двоих офицеров Г-14.

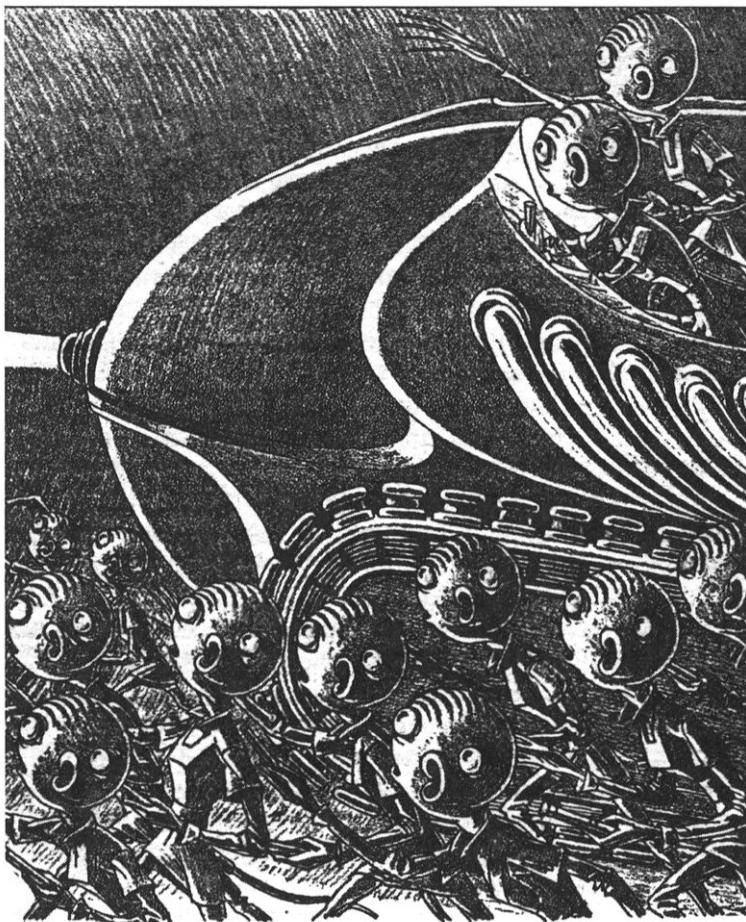
Прошло полчаса. Отряд вернулся с десятью Маунами пород С и Р и некоторыми породами М. Тару двинулись вперед, горя нетерпением допросить пленных. Навстречу им поднялись смертоносные трубы, и Тару упали замертво...

В этот день руководители Тару так и не поняли, что начался мятеж, — они просто не могли поверить в подобное. Они еще не догадывались, что стало причиной странных исчезновений и смертей, когда посыпал третий отряд. Они считали, что причиной является какое-то странное явление природы, вызвавшее недавнее смещение почвы.



Внезапно в подземелье и на нижнем уровне здания РФ-23 распространился чудовищный газ, от которого сворачивались белки, содергавшиеся в тканях Тару.

Следующий отряд прибыл в противогазах, но тем не менее Тару остались несколькими этажами выше, наблюдая за охранниками Г-4 и Маунами-исследователями породы Р на телевизионных экранах. Охранники спустились вниз. Мауны породы Р остались в подвале. Г-4 отсутствовали полчаса, час, два часа. Ничего не происходило. Тогда более многочисленная группа охранников спустилась вниз в сопровождении



нескольких Маунов породы Р. Прошло два часа, но они не возвращались. В отчаянии Тару послали еще одну группу, снабдив ее телевизионной аппаратурой. Однако, когда группа достигла глубины около трех миль, на экранах появились помехи. Назад экспедиция не вернулась.

В конце концов в туннель вошли несколько добровольцев-Тару. Вооруженные переносными атомными излучателями, они обрабатывали ими каждый дюйм пути, рассчитывая уничтожить все остатки газа. За спиной осталась миля подземного коридора, затем две, три, три с половиной...

Пройдя еще четверть мили, они встретили черную стену, неподвластную излучателям. Не было ни звука, ни света, ни разрядов, но излучение таинственным образом поглощалось. Тару остановились и поспешили отступили назад, оставив лишь группу Маунов породы Р, чтобы те провели разведку.

Прошло несколько часов. Никаких вестей от разведчиков не поступало. В конце концов Тару снова пришлось спуститься вниз. Их встретила тишина. Разведчики-Мауны исчезли. Исчезла и черная стена. Тогда вперед отправилась новая группа исследователей. Она включала в себя и Тару, и Маунов. Назад никто не вернулся. На следующий день вниз спустилась еще одна группа Тару. Выяснилось, что Мауны опять исчезли, а Тару умерли. Загадка их смерти поставила всех в тупик. Вита-метры, приборы, способные выявить малейшие следы жизни, показывали, что тела погибших Тару абсолютно мертвые. В случае обычной смерти в мускулах еще несколько часов сохраняется жизнь, а клетки волос способны оставаться живыми в течение месяцев. Здесь мертвыми оказались абсолютно все клетки.

Телеаппаратура в туннеле по-прежнему не работала, а дорогу вперед вновь преграждала черная стена. Какие бы виды связи ни пытались применять, энергия в аппаратах необъяснимым образом исчезала. А перед препятствием оказались бессильными даже самые мощные излучатели. Оставался лишь один путь — ожидание. Маунов оставили наблюдать за происходящим, а Тару отошли назад так, что могли видеть их из-за поворота туннеля. Ожидание длилось почти час, но ничего не происходило.

Затем откуда-то из черноты возникло странное фиолетовое сияние, коснулось голов наблюдателей-Маунов. Те бросились было бежать, но вдруг, как по команде, упали. Потом точно также — одновременно — встали и исчезли за невидимой стеной. Тогда к стене послали одного из Тару — безнадежного калеку, искавшего избавления в смерти. До стены лазутчик не добрался — упал в нескольких футах от нее. Тело зацепили крюком и утащили назад. Витаметр показал то же, что и раньше, — все клетки погибшего были абсолютно мертвые.

А потом черная стена начала перемещаться. Она постепенно двигалась, поглотив сначала атомный излучатель,

затем поворот, за которым еще недавно прятались Тару. Наконец она остановилась, и тут стало понятно, что стена является частью огромной сферической поверхности, верхний край которой уже показался в городе, над поверхностью земли. В ужасе Тару попытались атаковать сферу. Были применены излучатели, разрядники и даже атомная бомба, но все усилия пропали даром. А по городу, поглощая все новые и новые районы, начал распространяться ужас. Он действовал на всех — от него бежали и Мауны, и Тару...

Оглядев город, Кам слегка улыбнулся. Рядом с ним в земле зиял провал — новая шахта, круглая, диаметром в пятьдесят футов. Справа находился Храм Высадки. Все было правильно. Мятежники вышли на поверхность примерно в ста футах от того места, где когда-то высадились Тару.

Сейчас полукруглая площадь была почти безлюдной. Вокруг высился башни из красного, серебристого, золотого и черного металла. Они располагались за пределами черного купола. Там раздавались взрывы. В небе висели три огромных атомных крейсера, обстреливающие купол, но все потоки энергии поглощались его поверхностью. Снаружи купол был абсолютно черным, поскольку полностью поглощал весь падающий на него свет. Но изнутри он был прозрачен, как стекло. Кам повернулся к Сан:

— Все-таки Организационный отдел слегка ошибся. Да, нам успешно удалось выиграть время. Да, психологическая подготовка проведена отлично — Тару полностью сбиты с толку... Однако мы не можем расширять купол, если от него все разбегаются. С другой стороны, нам нужен город. Иначе они его разрушат.

— Если расширяться быстрее, у Тару не будет времени на то, чтобы спасать Маунов. Это новое предложение организаторов.

Кам медленно кивнул:

— Оно приходило и мне в голову. Однако я хотел, чтобы план предложили организаторы... Хорошо, я согласен. Кроме того, пора кончать с крейсерами, иначе от города ничего не останется.

Кам подошел к краю шахты и пристегнул к спине ранец, а к груди пульт. Мгновение спустя он уже падал в шахту. Когда

показался ее конец, Кам тронул кнопку на пульте и плавно опустился на пол. Сан приземлилась рядом, и они направились в лабораторию. Там вокруг черного куба стояло множество хитроумных приборов. Один из них перемещал черную завесу.

Несколько минут спустя Кам вновь появился на поверхности. Те, кто находился под куполом, еще не заметили, что скорость передвижения защитной сферы увеличилась. Кам взглянул вверх. В небе по-прежнему висели три огромных крейсера. Кам поднял маленький эллиптический излучатель и, глянув в прицел, нажал кнопку.

Наблюдатели-Тару увидели, как из купола внезапно вырвалось тонкое острье. Коснувшись одного из крейсеров, оно исчезло. Крейсер продолжал висеть над городом, но его пушки замолкли. Казалось, с ним ничего не произошло, но через некоторое время он начал расплываться, и стало видно, что это облако пыли в форме крейсера. Второй и третий крейсеры тоже медленно расплывались. Затем наблюдатели обнаружили, что рост купола ускорился — сфера стремительно надвигалась на них. Все доступные транспортные средства были немедленно забиты спасающимися Тару. Однако сбежать успели не все, и некоторое количество Тару вместе с десятками тысяч Маунов исчезли внутри черной завесы.

Маунов встречали как друзей. Очнувшись внутри купола, окончательно испуганные и растерянные, они внезапно обнаружили, что находятся в полной безопасности. Заботу о них взяли на себя люди породы Г, хорошо знакомые гиганты, служившие воплощением надежности и порядка. Вскоре захваченные куполом Мауны уже расходились по предоставленным им жилищам. С гордыми Тару все происходило иначе. Справившись с ужасом и увидев, что здесь распоряжаются аборигены, они немедленно потребовали к себе внимания. Офицеры охраны спокойно направили их на площадь к Храму Высадки. Тару пришли в ярость. Особенно их возмутил тот факт, что Мауны не обращались к ним «хозяин». Однако на площадь Тару все-таки пошли.

У Храма их встретили четверо Маунов странной породы, высокие и сильные, с умными лицами и серыми проницательными глазами.

Первым подошел к четверке администратор Грант Марлд.

— Мауны, что это значит?

— Это значит, что мы возвращаем себе планету, — с легкой улыбкой ответил Кам. — Земля — наш мир. Тару могут отправиться на Венеру. Судя по архивам, там когда-то высажился второй ваш корабль. Мы не собираемся никого без необходимости убивать. Однако вы должны покинуть Землю.

Грант Марлд наклонил голову и уставился на дерзкого человека всеми тремя глазами.

— Маун, что за глупости? С каких это пор Мауны дают указания Тару!

— Вы переселитесь на Венеру. Надеюсь, там нет расы, которую Тару успели поработить. — Кам едва заметно улыбнулся. — Определенным образом вы все же помогли нам. Именно поэтому мы отказались от намерения уничтожить вас.

Грант Марлд внезапно успокоился.

— Все это очень интересно, — сказал он. — Особенно этот таинственный черный полог, который может противостоять атомному излучателю. Что же касается ваших диких идей... Очевидно, вы принадлежите к некоей страдающей психическими отклонениями породе. И я знаю, что с вами делать. — Он повернулся к стоявшему рядом гиганту из породы Г-14: — Немедленно отведи этих Маунов в Отдел генетики.

Гигант улыбнулся:

— Нет, хозяин. Ты не понимаешь. Раса Маунов сильнее. С Тару покончено. Они должны уйти.

— С Тару покончено, — повторил Кам. — Это наш мир, и мы вновь становимся его хозяевами. Ты решил, что я из породы Р или С? Это не так. Я принадлежу к породе, созданной генетиком породы Р для того, чтобы Мауны могли вернуть себе свой мир. Мой уровень интеллекта на тридцать семь единиц выше, чем у лучших представителей вашей расы.

Грант Марлд на мгновение осталенел.

— Великий Магрон! — воскликнул он. — Порода Маунов, превосходящая Тару!.. Неужели эта завеса порождает подобное безумие у всех, кто сквозь нее проходит? — Он по-прежнему не верил в реальность происходящего. — Оставайтесь здесь, Мауны! Я позову своих, и мы во всем разберемся.

Он повернулся и решительно двинулся прочь.

— Хозяин, — тихо позвал Кам.

Грант Марлд повернул голову. Один из трех глаз уставился на Мауна.

— Останься, — мягко сказал Кам и поднял руку.

На кончиках его пальцев появилось едва заметное фиолетовое свечение и устремилось к Тару.

— Да, Маун, — почти неслышно сказал тот и медленно осел на землю.

Рука Кама опустилась, свечение исчезло. Пол-72 подошел к лежащему Тару.

— Мы сможем его разбудить? — спросил Кам.

— Нет, — сказал Пол. — Во второй раз он нашего излучения не перенесет. Он проснется сам. Но, боюсь, лишенным разума. Похоже, он столь сильно сопротивлялся, что это полностью разрушило его психику.

Полчаса спустя Грант Марлд действительно пришел в себя. В его глазах не было и искорки разума. Вновь ударили фиолетовые лучи, на этот раз из пальцев Поля, и администратор отправился в мир вечного блаженства. К счастью, другие Тару не были столь упрямы. Убить пришлось лишь одного — он бросился на Кама.

— Итак, вы поняли, как к нам следует относиться? — тихо сказал Кам.

Перед ним сидели десять Тару — по одному от каждого из десяти имеющихся на Земле крупнейших городов. Все они были молоды. Старики Тару осознали, что происходит, но изменить себе не смогли.

— Да, Маун, — сказал самый смелый представитель. — Мы должны знать, чего вы от нас хотите.

— В ваших архивах упоминается о том, что в экспедиции, прилетевшей в Солнечную систему, был еще один корабль. Он отправился на Венеру. Две ваши группы никогда не встречались и не объединялись. Я бы посоветовал вам найти их. Возможно, вас там гостеприимно встретят. Далее вы можете отправляться куда хотите. Можете забрать все ваши корабли. Однако ни один Маун, мужского или женского пола, любой породы и любого возраста, с вами не полетит. Мауны должны стать свободной расой. Вы поняли?

— Да, в общих чертах. Но мы должны разработать подробный план.

— Разрабатывайте! Но только после того, как улетите на Венеру!

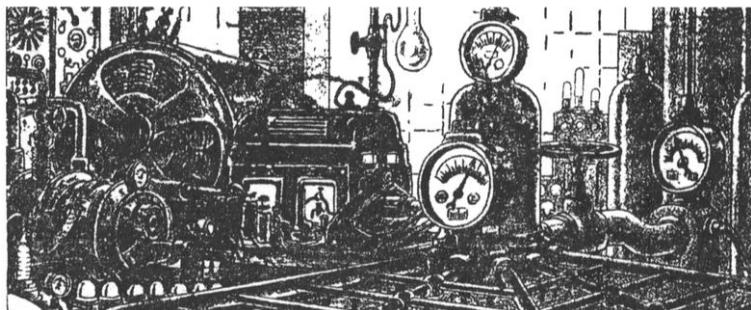
Когда последний корабль стартовал к Венере, на Земле объявили праздник. Из Тару здесь остались лишь несколько консультов. Они все еще продолжали испытывать вражду к Маунам, но теперь тщательно ее скрывали.

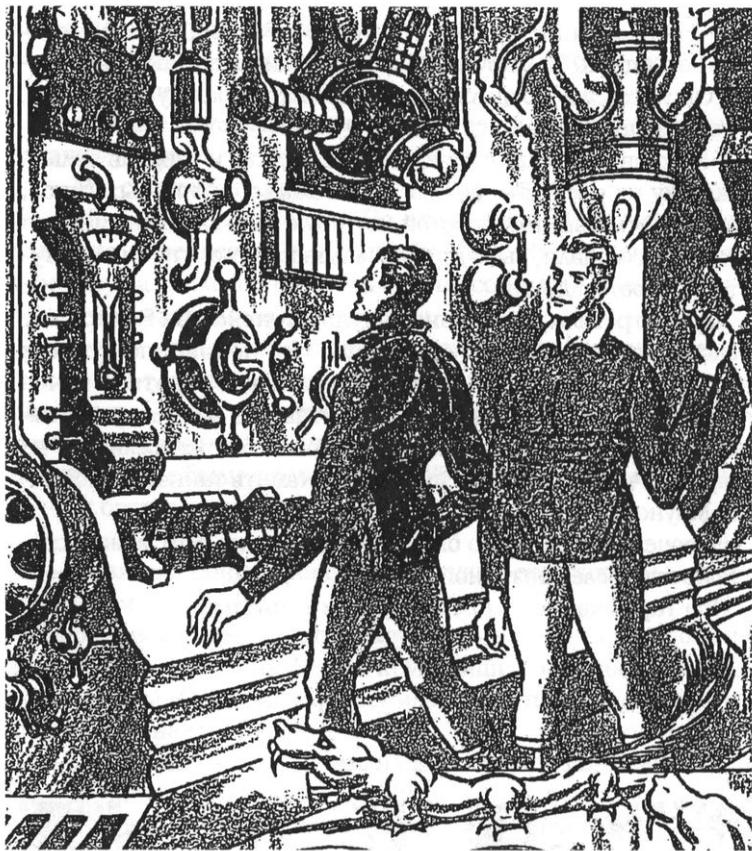
У Маунов было самое совершенное оружие и твердая цель. А поскольку их раса объединяла людей самых различных типов, вполне довольных той работой, которую они выполняли и для которой их создали, было крайне маловероятно, что они выступят друг против друга.

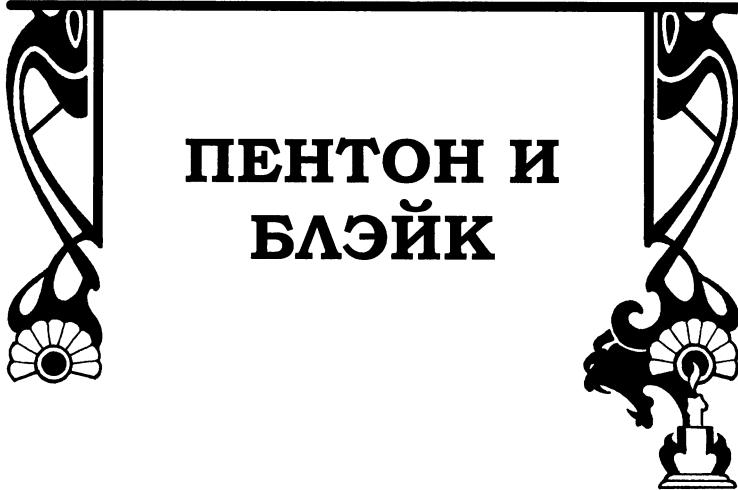
Тару встретили достаточно радушный прием на Венере, где представители их расы, в одиночку — без помощи послушных рабов — сражавшиеся с дикими джунглями, утратили почти все свои знания. Конечно, Тару, обитавшие на Венере, с намного большим удовольствием предпочли бы переселиться на Землю. Но что можно было противопоставить таинственной звезде Маунов?

Впрочем, вопрос надо было ставить иначе: «Что можно сделать против более разумной расы?»

Ибо Тару оказались превосходными учителями.







ПЕНТОН И БЛЭЙК

«Похитители мыслей»

«The Brian Stealers of Mars», журнал «Thrilling Wounder Stories», № 12, 1936

«Раздвоенный мозг»

«The Double Minds», журнал «Thrilling Wounder Stories», № 8, 1937

«Ищащие бессмертия»

«The Immortality Seekers», журнал «Thrilling Wounder Stories», № 10, 1935

«Десятый мир»

«The Tenth World», журнал «Thrilling Wounder Stories», № 12, 1937

«Ментальные пираты»

«The Brain Pirates», журнал «Thrilling Wounder Stories», № 10, 1938

ПОХИТИТЕЛИ МЫСЛЕЙ

ГЛАВА 1

Род Блэйк посмотрел на марсианское небо, почти черное, несмотря на то что маленький блестящий шар Солнца стоял в зените. Среди звезд и планет, хорошо видимых на темном небосклоне, Земля казалась самой яркой, хотя до нее было не меньше шестидесяти миллионов миль.

— Они до нас не доберутся, Тэд. — Он кивнул в сторону сверкающей голубой планеты.

Тэд Пентон удовлетворенно улыбнулся:

— Они, вероятно, обыскали все наши убежища. Ну, а если не смогли нас найти — сами виноваты. Ведь они считают исследования атомной энергии бессмысленными и опасными.

— Согласись, у них есть на это есть причины. Коленбергу следовало быть более осторожным. Когда почти три сотни квадратных миль в центре Европы опустошил ядерный взрыв, неудивительно, что повсюду в мире стали бояться опытов с атомной энергией.

— Но ведь у них должно хватить здравого смысла сообразить, что любой, кто откроет тайну энергии атома, не будет ждать санкций Комитета¹², а постараится найти отдаленное местечко или планету и подождет, пока вся эта шумиха не утихнет. Они должны понять, что, получив энергию атома, мы сможем долететь до Марса, и никто до нас не доберется. Рано или поздно им придется смириться и начать использовать ненавистную им энергию, — убежденно объявил Блэйк.

— Интересно, как старик Джемисон Монтгомери Палборо станет разбирать наше дело, — задумчиво произнес Пентон. — Он обещал рассмотреть его за три месяца. Сейчас пшел уже третий месяц, и у нас под ногами третья планета. Мы

¹²Комитет по наказаниям за преступления против человечества.

предоставили правительству пожинать плоды содеянного, а сами улетели, дружище, упорхнули... Слушай, держу пари, мы видели разрушенный город, когда садились.

— Мне тоже так кажется... Знаешь, я вспомнил, как ты подпрыгнул, когда первый раз вышел на Луну. Тебе, конечно, небо показалось в крапинку.

— Походив по Луне и Венере, мы стали профессионалами...

— Да, но я все же не хочу рисковать своей шеей на неизвестной планете, тем более если она населена разумными существами. В той низине мы сделаем первую остановку. Пошли.

Они стали спускаться с вершины одной из длинных песчаных дюн. Прямо под ними раскинулась похожая на болото равнина, заполненная красно-коричневым илом и усыпанная темно-красной листвой.

— Похоже на листья японского клена, — вздохнул Блэйк.

— Очевидно, в них нет хлорофилла, чтобы преобразовывать солнечную энергию. Давай соберем образцы. Ты захватил с собой бластер? Мой при мне. Предлагаю разделиться. Видишь, слева заросли, которые выглядят немного иначе. Я соберу образцы там, а ты иди вперед. Собирай любые цветы, плоды, ягоды и семена, какие увидишь. Сорви несколько листьев. Ну ты ведь помнишь, что мы собирали на Венере. Обычный хлам... Если найдешь маленькое растение, возьми его перчатками и выдерни, если увидишь большое — держись от него подальше. На Венере попадались весьма неприятные экземпляры.

Блэйк хмыкнул.

— Еще бы! Мне тогда здорово повезло. Я свалился прямо между стволами ножничного дерева, когда потянулся за симпатично выглядевшим плодом. Да, плохо бы мне пришлось без бластера. Ну, иди, и удачи тебе.

Пентон свернулся налево, а Блэйк с трудом побрел по вязкому илу к зарослям странных растений. Они походили на шарообразные кусты, около трех футов в высоту, каждый был увенчан десятком широких, покрытых каплями листьев, формой напоминающих кленовые.

Блэйк предусмотрительно бросил камень в середину одного листа, который породив глухой барабанный звук, даже не шелохнулся. Когда Блэйк привязывал к нему веревку,



лист не ударила его и не попыталася схватить, хотя Блэйк ожидал чего-нибудь подобного — ему запомнился урок, преподанный свирепыми растениями Венеры. Блэйк оторвал один лист, затем еще несколько. Куст вел себя так, как должно вести себя растение, что приятно удивило астронавта.

Кажется, эти кусты росли здесь повсюду. Почти все они походили друг на друга, отличались только размерами. Кое-где торчали резные остроконечные листья, а иногда — маленькие, в три дюйма, почки.

Избегая самых больших растений, Род оторвал две почки и сунул их в сумку для образцов. Затем отошел и посмотрел на один из кустов, уныло торчавших из густой клейкой грязи.

— Полагаю, у вас есть причина выглядеть так, а не иначе, но хорошее большое дерево покрыло бы вас тенью и забрало бы себе весь солнечный свет, которого здесь так мало. — Род



смотрел на кусты в течение нескольких секунд, представляя толстый японский клен, растущий в этой невообразимой красно-коричневой жиже.

Пожав плечами, он пошел разыскивать другие виды растений. Их было немного. Очевидно, шарообразные кусты почти полностью задушили всю остальную растительность. Но это Рода уже не занимало. Его больше интересовали развалины города, которые они с Пентоном видели с корабля...

Наконец Блэйк отправился назад, туда, где, судя по его следам, он начал собирать образцы. Род вдруг остановился как вкопанный, потому что увидел клен. Самый настоящий японский клен. С обычной корой и резными листьями, которые слегка покачивались на длинных черенках.

Род разглядывал дерево, открыв от удивления рот. Он смотрел во все глаза на этот совершенно невозможный здесь клен и стоял как остолоп, ничего не понимая. Увидев, что листья прямо у него на глазах становятся тоньше, он тихо выругался. Они стали тонкими, как пергамент, с едва заметными жилками.

Дерево увеличилось в размере, вытянулось в высоту, и на его стволе в разных местах появились новые ветки.

Они возникли сразу, как по волшебству. Но когда Род пристально оглядел их, они стали быстро уменьшаться и превратились в длинные прутики, а затем начали расти так, как обычно растут ветки, постепенно покрываясь листвой.

Только происходило это очень быстро, прямо-таки у него на глазах.

Род громко вскрикнул и, оставляя за собой глубокие следы, быстро пошел к тому месту, где последний раз он видел Тэда Пентона. Следы Пентона ясно указывали, куда он направился, и Род бросился по ним настолько быстро, насколько позволяла легкая гравитация Марса. Обогнув заросли кустов с остроконечными листьями, он остановился.

— Тэд, — сказал он, тяжело дыша, — иди сюда. Там... что-то непонятное. Оно выглядит как японский клен, но это не клен. Когда я смотрел на него, он менялся.

Род повернулся назад, махнув Тэду, чтобы тот шел за ним. Но Пентон не двигался.

— Я не знаю, что сказать, — произнес Тэд совершенно отчетливо, но почему-то с приподыханием. Странной была одна деталь. Он сказал это голосом Рода Блэйка!

Род застыл на месте. Затем он поспешил отступить назад, споткнулся и тяжело повалился в песок.

— Ради Бога, Тэд... Тэд, что ты с-сказал?

— Я не знаю, что с-сказать? — вопросительным тоном произнес Пентон.

Первые два слова он проговорил голосом Рода, но в конце фразы уже звучали интонации Тэда.

— О Боже! — застонал Род. — Я должен вернуться на корабль. Срочно...

Он зашагал прочь, но, отойдя несколько шагов, оглянулся через плечо. Тэд двигался за ним, только как-то странно. Покачиваясь, он медленно поднял левую ногу, слегка потряс ею — так, будто наступил на что-то липкое... Род пошел быстрее, не переставая оглядываться. Длинные, тонкие корни потянулись от ноги Тэда, с них капала вязкая грязь. Род выхватил лазерный пистолет и выстрелил. Узкий луч метнулся к странной фигуре. Дыра размером в мяч для гольфа появилась в голове Пентона. Из дыры с резким свистом вырвалась струя маслянистого дыма. Однако фигура земного астронавта не упала, она тяжело осела и стала таять, как снеговик в топке. Пальцы соединились вместе, изуродованное лицо потекло, сжалось и стало похоже на ужасную маску. Сверхъестественно светящиеся глаза, в тупом взгляде которых сосредоточилось все зло Вселенной,

несколько мгновений пылали смертельной ненавистью... и расстали вместе с перекошенным лицом. Руки странного существа стали растягиваться. Род стоял, не в силах двинуться с места, а мощные и становившиеся все длиннее руки мотались вверх и вниз. Тело уменьшилось и неуклюже закольхалось в воздухе. На мгновение сверкнул последний взгляд исполненных ненависти глаз и исчез уже навсегда. Род Блэйк повалился на мокрый красный ил и засмеялся. Он хохотал над смешным распзывающимся лицом с дырой во лбу, которое парило над полупрозрачным телом. Он засмеялся еще громче, когда еще одно существо, похожее на Тэда Пентона, обежало вокруг зарослей. Прицелившись ему в голову, он закричал:

— Прочь отсюда! — и нажал кнопку.

Полыхнул луч. Но тот второй был умнее. Он нагнулся.

— Род, ради Бога, Род... прекрати, — прозвучал голос Тэда.

Род стал медленно приходить в себя. Это существо говорило голосом Тэда Пентона. Когда оно выпрямилось, он прицелился более тщательно и выстрелил снова. Он хотел только одного — чтобы видение исчезло. Однако двойник Тэда опять увернулся и бросился к нему. Род вскочил и побежал прочь, лишь бы оказаться как можно дальше от этого чудовища. Внезапно что-то просвистело у него над ухом и прижало руки к бокам, сделав его совершенно беспомощным. Блэйк упал. Пентон нависнув над ним, как скала, глядя на него сверху вниз, спросил:

— Что случилось, Род? Почему ты в меня стрелял?

Не в силах сдержаться, Род снова захохотал. Вид обеспокоенного Тэда напомнил ему парящую фигуру с тающим лицом, похожую на восковую куклу. Пентон сильно ударил приятеля по щеке, и Род моментально пришел в себя. Когда Пентон снял с него аркан, он облегченно вздохнул.

— Слава Богу, это ты, Тэд, — выдохнул он. — Слушай, я видел тебя... тебя... минуту назад. Ты стоял вон там. Я заговорил с тобой. Ты ответил моим голосом, Я стал уходить, а ты пошел за мной, но из твоих ног в землю тянулись какие-то корни — как у растений. Когда я выстрелил тебе в лоб, ты стал таять, как восковая кукла, потом уменьшился до размеров летучей мыши и улетел.

— Уфф... — вздохнул Пентон. — Все это очень странно. А зачем ты меня искал?

— Я увидел японский клен. Он возник у меня на глазах. Я смотрел, а листья менялись, становясь тонкими, как бумага.

— О Господи... — пробормотал Пентон, удрученно глядя на Рода. Но, увидев, что его приятель вполне пришел в себя, произнес: — Хорошо, пошли посмотрим на этот клен.

Род пошел назад по своим следам туда, где он видел клен. Но клена на месте не оказалось. Там, где он рос раньше, из песка торчал только какой-то увядший куст. Род удивленно посмотрел на него, затем обошел вокруг и осторожно ощупал. Это был слегка забрызганный грязью пучок вялых растений.

— Клен был там, где растет этот куст, — упрямо объявила Блэйк. — Но его нет. Я точно знаю, он был тут.

— Наверное, это был мираж, — решил Пентон. — Пойдем обратно на корабль. Хватит, мы уже достаточно нагулялись.

Род пошел за приятелем, покачивая головой. Он был так занят своими мыслями, что натолкнулся на Пентона, когда тот внезапно остановился. Издав тихий возглас, тот обернулся, взглянул на Блэйка, а затем снова уставился на что-то впереди.

— Который из них ты? — спросил он наконец. Род выглянул из-за плеча Пентона и увидел самого себя.

— Боже мой, — воскликнул он. — Это же я!

— Ну конечно я, — сказал голосом Рода Блэйка тот, кто стоял перед ними.

Тэд посмотрел на Рода перед собой, потом на Рода у себя за спиной и прошептал:

— Не могу поверить, честное слово, не могу. — А затем быстро спросил: — Wo bist du gewesen, mein Freund?¹³

— Was sagst du?¹⁴ — сказал тот, кто был впереди. — Но почему по-немецки?

Тэд Пентон медленно опустился на песок. Род Блэйк в упор уставился на другого Рода Блэйка.

— Дай мне подумать, — пробормотал Пентон. — Должна же быть разгадка. Род ушел от меня. Я обошел вокруг зарослей и увидел, что он смеется, как ненормальный. Вдруг он начал палить в меня, а потом понес какой-то бред. Мы пошли с ним... или с этим... и вдруг я встречаю другого Рода,

¹³ Где вы были, мой друг? (Нем.)

¹⁴ Что вы говорите? (Нем.)

который выглядит не таким безумным, как первый. Так, так. Я знаю немецкий. Разумеется, и Род его знает. Наверное, это существо умеет читать мысли и принимать чужой облик, как хамелеон принимает окраску окружающей среды.

— Что это значит? — спросил Род Блэйк.

— Хамелеон может менять свою окраску. Многие животные ради безопасности принимают облик других животных, но для этого должно смениться не одно поколение. И это создание, по-видимому, может принимать любой образ или цвет. Минуту назад я решил, что лучшим растением для этой местности был бы куст. Мы и увидели куст. Ты подумал о клене. Кто-то прочитал твои мысли — и появился клен. А теперь это непонятное существо превратилось в Рода Блэйка. Но я совершенно не представляю, кто из вас настоящий Род Блэйк. Нет смысла говорить с ним на языках, которые мы знаем, потому что он читает наши мысли. Должен быть какой-то другой способ... Должен быть... должен... О да! Это так просто. Ты только что сказал, что проделал дыру в этом создании лазерным пистолетом.

Род поднял бластер и нажал на курок. Двойник стал быстро таять. Почти половина его превратилась в булькающую жижу, прежде чем Блэйк испепелил остатки лазерным лучом. После он удовлетворенно вздохнул.

— Слава Богу, что местная тварь превратилась в меня. По крайней мере, в себе самом я не сомневаюсь.

Сидящий на земле Тэд обхватил голову руками и покачал ею из стороны в сторону.

— Клянусь девятыю богами девяти планет, вот это мир! Род, ради всего святого, никуда не отходи. Никуда! И всегда держи наготове пистолет. Эта штука не может стать настоящим лазерным оружием, но, если они его найдут, только Бог нам сможет помочь. Давай вернемся на корабль. Нужно держаться подальше от этого чертова места. А я-то думал, что ты рехнулся. Это — моя ошибка. Оказывается, эта проклятая планета сумасшедшая.

— Я и тоже сошел с ума... на какое-то время... Пойдем.

И они быстро пошли назад к кораблю через песчаные дюны.

ГЛАВА 2

— Удивительно, что город разрушен, хотя марсиан, по-видимому, много, — заметил Блэйк. — Давай сядем тут, Тэд. Вероятно, марсиане опасны. Вполне возможно, у них есть другие города — новые.

— Хм... думаю, так и есть. Но я не хотел бы, чтобы кто-нибудь из этих парней столкнулся со мной. Они должны весить очень много даже здесь, а на Земле уж точно не меньше тысячи фунтов... Я сяду на этой площади. Держи наготове пистолет... Спускаемся.

Корабль зарылся посадочными опорами в глубокий песок на площади разрушенного города, подняв клубы пыли. Полсотни жителей города неторопливо направились к нему. Впереди шел марсианин с морщинистым лицом и редкими седыми волосами.

— Фолшт, — сказал он, быстро оглядев человека, показавшегося из люка, и вытянул руки в стороны ладонями вверх.

— Друзья, — вторил ему Тэд, повторив жестaborигена. — Я Пен-тон.

— Фастан Лошту, — сказал марсианин, указав на себя, а потом указал на землянина. — Пен-шон.

— Он произносит звуки как бывший солдат, — раздался тихий голос Блэйка. — Беззубый солдат на пенсии. Ну как, все в порядке?

— Думаю, да. Во всяком случае, ты можешь оставить свой пост. Выключи главный двигатель, вспомогательный старт «Б» и закрой отсеки. Запри командные пункты и выходи. Не забудь взять пистолеты — ионный и лучевой. И хорошенько задрай люки.

— Ладно.

Блэйк, сделав все быстро и умело, через считанные минуты уже отключил аппаратуру в двигательном отсеке. Потом он быстро направился к люку и остановился как вкопанный. Пентон лежал на спине, а старый марсианин, склонившись над ним, сжимал шею астронавта длинными сильными пальцами. Голова Пентона болталась из стороны в сторону, как отрезанная. Блэйк зарычал и выскошил из люка, на ходу выхватывая пистолеты из кобур. Он прыгнул... И налетел на

марсианина, недооценив слабую гравитацию Марса. Вскочив на ноги, он повернулся к своему другу, но в это время другой марсианин сделал ему подножку и опрокинул, навалившись на него всем своим весом. Блэйк вывернулся. Он, легкий и маленький, оказался более сильным, чем марсианин, привыкший к слабой гравитации.

Быстро разжав хватку противника, Блэйк бросился вперед и прорвался сквозь окруживших его шестерых или семерых марсиан. Резкий окрик Пентона заставил его замереть. Пентон сидел на земле и медленно качался взад-вперед, сжав руками голову.

— О Господи, они умеют это делать!.. Что же теперь будет?

— Тэд... ты в порядке?

— Я что-то сказал? — удрученно пингересовался Пентон. — Этот старый стервятник уже проник ко мне в мозг и вложил в него новую информацию. Гипнотическое обучение... полное универсальное образование за тридцать секунд — и все это сделано с помощью гипноза. У них отличная образовательная система. Боже, огради нас от этого.

— Штантю ишту тиу ломэл? — любезно спросил старый марсианин.

— Ишту псот лонтал тимал, — простонал Пентон. — Хуже всего то, что это сработало. Теперь я знаю язык так же хорошо, как английский. — Вдруг он усмехнулся и, указав на Блэйка, сказал: — Блэйк омо факту псот.

На морщинистом лице марсианина появилась детская улыбка. Блэйк невольно бросил косой взгляд на приятеля.

— Мне не нравится лицо этого парня... — Он замолчал и, словно загипнотизированный, подошел к старому марсианину. Его глаза были пусты, а походка напоминала движения ожившего манекена. Когда он лег на песок, длинные гибкие пальцы марсианина сомкнулись на его шее. Блэйк почувствовал, как они поглаживают его позвоночник у основания черепа.

Пентон кисло улыбнулся:

— Так тебе не понравилось его лицо? Подожди, посмотрим, как тебе понравится его система.

Марсианин выпрямился. Блэйк медленно сел. Его голова качалась из стороны в сторону. Он осторожно ощупал ее и, уперев локти в колени, бережно обхватил руками.

— Не надо было мне учить этот проклятый язык, — наконец пробормотал он. — Изучение языка всегда вызывает у меня головную боль.

Блэйк с неприязнью посмотрел на марсианина.

— Теперь, похоже, пора и познакомиться.

— Вы с третьей планеты, — вежливо объявил марсианин.

Пентон удивленно взглянул на него. Он резко встал и пошатнулся, едва удержавшись на ногах.

— Вставай осторожно, Блэйк. Советую для твоей же пользы. — Затем снова повернулся к марсианину: — Да. Но как вы узнали?

— Мой прапрапрадед перед смертью рассказал мне о полете на третью планету. Он был одним из тех, кто вернулся.

— Вернулся? Разве марсиане бывали на Земле? — изумился Блэйк.

— Я догадывался об этом, — заметил Пентон. — На Земле остались следы пребывания инопланетян.

— Много лет тому назад наши люди хотели основать там колонии. Безуспешно. Они умирали от легочных болезней. На Землю они полетели в основном из-за того, что хотели скрыться от *ташол*. Но *ташол* и там легко превращались в местных обитателей и процветали, поэтому нашим людям пришлось вернуться назад. Мы строили много кораблей в надежде, что если мы не можем летать туда, то *ташол* смогут и может даже решат туда переселиться. Но им не понравилась Земля. — Он сокрушенно покачал головой.

— *Ташол*. Так вы их называете, — протянул Блэйк. — Это паразиты?

— Раньше они были паразитами. Теперь уже нет.

— Они больше вас не беспокоят? — спросил Пентон.

— Нет, — просто ответил старый марсианин. — Мы к ним привыкли. Вы их, скорее всего уже встречали. Они с легкостью принимают любой облик.

— Как вы отличаете их от тварей, от созданий и вещей, облик которых они принимают? — сурохо спросил Пентон. — Мне необходимо это знать.

— Они не досаждают нам с тех пор, как мы перестали их отличать, — вздохнул Лошту. — В этом больше нет необходимости.

— Понимаю, но все же как вы распознаете их? Вы делаете это, читая мысли?

— Нет. Мы вообще не пытаемся их распознавать.

Пентон некоторое время задумчиво смотрел на Лошту. Блэйк осторожно поднялся и подошел к Пентону, который размышлял над тем, что сказал старый марсианин.

— Хм, я полагаю, это единственный выход, — наконец проговорил Пентон. — Хотя я склонен думать, что это очень затрудняет деловые и социальные отношения. Как можно жить, не зная точно, твоя жена или хорошая ее копия?

— Да. Но мы живем так уже много лет, — ответил Лошту. — Вот почему наши люди хотели лететь на Землю. Но позже они обнаружили, что командирами трех кораблей были *ташол*, и вернулись на Марс, где они могли жить по-прежнему, не обращая на них внимания.

Пентон обдумывал услышанное, глядя на толпу марсиан, сорвавшуюся вокруг, а затем спросил:

— *Ташол* разумные существа?

Лошту покачал головой:

— Я не считаю их разумными. Они в совершенстве воспроизводят все — до мельчайших подробностей. *Ташол* подражают нам во всем, они посещают наши школы и таким образом узнают то, что знаем мы. Но они никогда ничего сами не создают.

— Что и явилось причиной такого потрясающего упадка вашей цивилизации? *Ташол*?

Марсианин кивнул.

— Мы нарочно решили забыть, как делаются космические корабли и строятся большие города. Мы надеялись, что этим мы обескуражим *ташол* и они покинут нас. Но они забыли все вместе с нами, так что наша хитрость не удалась, как и все остальные попытки избавиться от них.

— Господи Боже, — вздохнул Блэйк, — заклинаю вас всеми девятью планетами, как вы можете жить с такими соседями?

Лошту пристально посмотрел на Блэйка.

— Десятью, — поправил он. — Планет — десять. Вы сможете увидеть десятую, только когда окажетесь по ту сторону Юпитера. Наши люди открыли десятую планету с Плутона...

Блэйк тупо уставился на него:

— Но почему вы их терпите? С такой цивилизацией, как у вас, я уверен, вы могли бы найти способ от них избавиться.

— Мы пытались. Мы уничтожили всех *ташол*. Некоторые из них помогали нам, и мы думали, что они — наши люди. Это произошло потому, что один очень мудрый философ, который все же был большим дураком, подсчитал, какое количество *ташол* может на нас паразитировать. Естественно, мы ухватились за этот подсчет. Тридцать один процент из нас — *ташол*.

— Ты имеешь в виду, что и среди тех, кто стоит здесь, есть *ташол*? — оглянувшись спросил Блэйк. Лошту кивнула:

— Да. Вначале они воспроизводились очень медленно, в форме существ, которые во многом были похожи на нас и размножались так, как это делаем мы. Но затем, после обучения в наших лабораториях, они научились имитировать амеб. Сейчас они просто делятся. Один большой *ташол* распадается на несколько маленьких, а каждый маленький *ташол* съедает одного нашего ребенка, занимая его место. Таким образом, мы не знаем, кто есть кто. Это постоянно мучает нас. — Лошту сокрушенно покачал головой.

Блэйк почувствовал, как холодные мурашки пробежали у него по спине. Рот его открылся от удивления.

— Боже, — простонал он, — почему же вы ничего не делаете?

— Если мы будем убивать тех, кого мы подозреваем, то можем по ошибке убить собственных детей. А если мы ничего не предпринимаем, то верим, что это наш ребенок. В конце концов, нам удобно в это верить. Если имитация настолько совершенна, то не все ли равно?

— Пентон, — неожиданно заговорил Блэйк, — три месяца уже прошли. Давай вернемся на Землю, побыстрее.

Пентон посмотрел на приятеля:

— Я уже давно хочу вернуться. Только вот я подумал: ведь рано или поздно другие люди появятся здесь, и кто-нибудь нечаянно возьмет одного из этих *ташол* на Землю, думая, что это его лучший друг... Нет, я лучше убью своего собственного ребенка, чем буду жить с одним из них! Впрочем, я не сделаю ни того, ни другого. Они так же быстро воспроизводятся, как едят, а если они едят, как амебы... Господи, помоги нам. Если ты поместишь *ташола* на необитаемый остров,

он превратится в рыбу и уплывет оттуда. Если ты посадишь его в тюрьму, он обратится в змею и уползет в дренажную трубу. Если ты забросишь его в пустыню, он превратится в кактус и станет совсем как настоящий. Благодарю покорно.

— Я не подумал об этом. Что мы можем предпринять?

— Все, что я могу придумать, — это принять все меры предосторожности, чтобы не прихватить их с собой. А потом прилететь сюда снова с известными и непредвзято мыслящими зоологами и биологами, чтобы они исследовали это явление. Порой эволюция создает удивительных существ, но это самые причудливые твари, каких можно вообразить.

— Я все еще не могу в это поверить, — хмурясь проворчал Блэйк. — Единственное, что я хорошо усвоил, — так это то, что у меня раскальвается голова.

— Это реально и вполне логично, — задумчиво продолжал Пентон. — Земля превратится в ад, если *ташол* когда-нибудь туда доберутся. Эволюция всегда старалась создать животных, которые могут выжить в любых условиях, и действительно, выживают самые приспособленные. Протоплазма — основа всякой жизни. По сути, она одинакова в любом живом организме — растении и животном, человеке и амебе. Протоплазма легко приобретает разные формы — от костных клеток до нейронов мозга. Вот где корень проблемы. Пользуясь знаниями, который Лошту вложил в меня, я пришел к заключению, что первые *ташол* хорошо имитировали только внешность. Разрезав такую тварь, можно было убедиться, что внутренние органы у них отсутствуют. Сейчас они полностью имитируют как внешнее, так и внутреннее строениеaborигенов. Они проникли в медицинские колледжи марсиан и теперь знают, как стать полными их подобиями. Что же, очень хорошо.

— О нас они знают мало. Может быть, с помощью рентгеновского облучения мы смогли бы выявить наших двойников? — предположил Блэйк.

— Нет, это исключено. Если мы знаем, как мы устроены, они прочтут это в наших мыслях. Ведь это приспособляющаяся протоплазма. Только представь себе, он не погибнет даже в африканских джунглях, потому что, когда из зарослей выйдет лев, *ташол* превратится в львицу, а когда появится слон, он

станет беспомощным слоненком. Если его укусит змея, эта чертова штука превратится во что-нибудь, что не чувствительно к змеиному яду. Интересно, где у него находится такой превосходный мозг, которым он, очевидно, обладает.

— Хорошо, давай узнаем у Лошту, как нам это проверить, не ташол ли один из нас?.

ГЛАВА 3

Оказалось, у марсиан есть музеи. Музеи существовали только потому, что никому и в голову не пришло разрушить их. Марсиане жили по несколько сотен лет и обладали прекрасной памятью, но один-два раза в жизни они все же посещали музеи. Пентон и Блэйк проводили там часы в напряженной работе, собирая маленькие тонкие диски с записями документов, старые механизмы и разные другие предметы. Они упаковывали все это и переносили на корабль, подогнав его поближе к музею. Лошту давал им пояснения. У него было достаточно времени, но Пентон с Блэйком торопились. Наконец, после многих часов работы, с затуманными от недосыпания глазами, они отправились к кораблю.

Выйдя из сумрака музея в залитый солнцем вестибюль, они увидели, что из-за колонн показалась какая-то прыгающая и кричащая толпа людей, вырывающих друг у друга книги, инструменты и диски. Они кричали, ссорились, дрались и тормошили друг друга. Вдруг все стихло. С десяток Пентонов и примерно столько же Блэйков сидели, стояли и лежали на каменных ступенях. Одежда у них была разорвана, лица и тела в ссадинах, кое у кого стремительно вспухали синяки.

Двенадцать Пентонов походили друг на друга как две капли воды, каждый из них держал в руках несколько дисков. Тринадцать Блэйков были тоже одинаковыми, каждый нес под мышкой один и тот же старый инструмент. Лошту посмотрел на них; его морщинистое лицо расплылось в радостной улыбке.

— Ах, как вас здесь много, — сказал он. — Может быть, кто-то из вас может подойти к нам и поболтать?

Пентон взглянул на Лошту, и остальные Пентоны сделали то же самое. Пентон был полностью уверен, что он и есть

настоящий Пентон, но ничем не мог этого доказать. Было ясно, что *ташол* решили вновь захватить Землю. Он решил спросить у Лошту...

— Скажи, Лошту, — спросил один из них голосом Пентона, — почему *ташол* не остались на Земле, хотя они могли там жить?

Пентон был уверен, что он первый подумал об этом...

— Прошу прощения, но разве не этот вопрос я хотел задать? — произнес другой Пентон со сдержанной яростью. Пентон улыбнулся. Было ясно...

— Теперь я избавлен от неприятной обязанности говорить. Вы все за меня высказываетесь, — сказал ворчливо один из многочисленных Пентонов.

— Скажи лучше, как, черт возьми, мы разберемся, кто из нас кто? — грубо и требовательно спросил один из Блэйков.

— Этот чертов вор мыслей украл мой вопрос прежде, чем я смог...

— Почему ты... ты... ты говоришь? Я только...

— Дай подумать, — протянул утомленно один из Пентонов. — Ты бы лучше не раздражался, Блэйк. Когда ты злишься, они тоже злятся. Я убил бы всех своих двойников, чтобы вывести их на чистую воду. Это самый подходящий способ, какой можно придумать. Но тебе надо стать менее самоуверенным. Мне, впрочем, тоже. Послушаем, что скажет наш друг Лошту.

— Эх, — вздохнул Лошту. — Вы хотите знать, почему *ташол* покинули Землю? Она им не понравилась. Земля в те давние времена была бедной планетой, и люди там были дикие. Сейчас они, наверное, другие. *Ташол* не любят работать. На Марсе они нашли более подходящие средства к существованию.

— Я тоже так считаю, — согласился Пентон. (Не все ли равно какой?) — Но теперь они решили, что Земля богаче Марса. Им потребовался новый объект, на котором они смогут паразитировать. Не прикасайся к пистолету, Блэйк! К несчастью, у нас на корабле было двадцать пять ионных и столько же лазерных пистолетов. Если бы их было больше, и двойников оказалось бы больше. Мы допустили ошибку, взяв с собой оружие. Нужно было заранее все продумать. Но мне кажется, мы сможем исправить свою оплошность. Я вспомнил, что один ионный

пистолет неисправен, а из двух лазерных я вынул зарядные устройства, чтобы их отремонтировать. Таким образом, три пистолета вышли из строя. А сейчас мы встанем в ряд и одновременно выстрелим в песок. Все построились. Равнение направо! Сейчас, — продолжил Пентон, — будем стрелять по моей команде все одновременно. Сначала ионами, потом лазерными лучами. Если у кого-то откажет оружие, остальные устраниют его, быстро, но осторожно. Вы готовы? Готовы? — Пентон поднял ионный пистолет и нажал на кнопку.

Его пистолет не выстрелил, и сразу же портик наполнился едким дымом, который вырвался из оседающей на пол массы.

— Вот и первый, — объявил другой Пентон. Он поднял ионный пистолет и выстрелил. Потом резко вскинул бластер и пронзил лучом быстро растворяющегося Блэйка. — Это второй. Когда мы стреляли в первый раз, он, наверное, обнаружил, что его пистолет не работает. Значит, еще одним меньше. Кто следующий?

Внезапно еще один Блэйк исчез.

— Отлично, — ласково сказал Пентон. — Шансы Блэйка-Пентона уравниваются. Есть какие-нибудь предложения?

— Да, — сказал Блэйк натянуто. — Я подумал о заплате, которую поставил на костюме, разорванном на Венере. — Очередной Блэйк исчез под перекрестным огнем. — Еще я хочу знать, почему эти самозванцы так хотят перебить друг друга. Они ведь знают, кто есть кто, но не убивают нас. И как им удалось проникнуть на корабль?

— Они... — начали два Пентона одновременно.

Третий посмотрел на них:

— Плохо дело, ребята. Роди, сынок, мы используем замки с комбинациями для запирания люков, но эти джентльмены — профессиональные чтецы мыслей. Разве это не объясняет тот факт, что они отлично владеют оружием? Я стараюсь придумать, как бы уничтожить все эти лишние отростки, превращающие нас в целую толпу. Но сделать это будет нелегко, потому что только ты один знаешь, что ты — это ты, и я также один знаю, что я — это я... Теперь, когда пистолеты проверены, я полагаю, всем ясно: мы не покинем эту планету, пока не останется только два настоящих человека. И только они поднимут корабль в воздух. К счастью, наши

двойники не могут улететь без нас, ведь, только пока мы существуем, они могут читать наши мысли и получать знания об управлении кораблем. Поэтому они в нас нуждаются... А теперь мы все послушно пойдем на корабль, и каждый из нас положит свой пистолет в соответствующую ячейку на полке. Я знаю, что я настоящий Пентон, но ты не знаешь этого, следовательно, ни одно движение не будет сделано без единодушного согласия всех Пентонов и Блэйков.

Блэйк, побледнев, посмотрел на приятеля.

— Я чувствовал бы себя участником идиотского розыгрыша, если бы не знал, что от этого зависит будущее нашего мира. Кроме того я боюсь остаться без оружия.

— Если мы все от него откажемся, это будет нам на руку. У нас есть небольшое преимущество: они не хотят нас убивать. В худшем случае, мы можем взять их на Землю, сделав, конечно, все, чтобы они не сбежали. На Земле мы проведем тесты на протоплазме, которые помогут разобраться, кто есть кто. По крайней мере, хоть что-то прояснится. Ну да! Я думаю, мы сможем провести тесты и здесь. Ладно, пойдемте на корабль.

ГЛАВА 4

Но никто не тронулся с места, одни Блэйки сидели, другие стояли.

— Тэд, ну что мы можем сделать? — В голосе Блэйка слышалось отчаяние. — Ты не отключишь меня от них. Мы не сможем...

— О Боже, — вздохнул другой Блэйк, — это не я говорю, а один из этих чертовых похитителей мыслей.

Еще один Блэйк беспомощно застонал:

— Нет, не он.

Они все, как один, посмотрели на Пентона.

— Я даже не знаю, кто мой друг.

Пентон кивнул. Все Пентоны кивнули, словно по команде. Они улыбались абсолютно одинаково.

— Все в порядке, — сказали они в унисон.

— Ну-ну. Новый фокус. Теперь мы говорим все вместе. Это облегчает нашу задачу. Я считаю, что можно найти способ определить, кто есть кто. Только ты должен мне абсолютно

доверять, Блэйк. Ты должен отдать свои пистолеты и полностью положиться на меня. Я постараюсь определить истинного Блэйка. Ну а если ошибусь, пойми, я и сам не узнаю об этом. Мы попробуем простые тесты на алкоголь, чтобы выяснить, могут ли они пить спиртное, и перец, чтобы узнать, жжет ли он им язык.

— Это не сработает, — сказал Блэйк напряженно. — Господи, Пентон, я не могу отдать свои пистолеты... Я не отдашь...

Пентон и вместе с ним все Пентоны ласково улыбнулись.

— У меня в полтора раза быстрее реакция, чем у тебя, Блэйк, поэтому ни один из твоих марсианских двойников не опередит меня. Вполне возможно, мои двойники обладают такой же реакцией, что и я. Ты прекрасно знаешь, что я могу испепелить всю толпу Блэйков, весь десяток твоих двойников прежде, чем один из них двинет пальцем. Ты ведь знаешь это, Род.

— Господи, да. Но Тэд, Тэд, прошу тебя — не заставляй меня отдавать оружие. Мне необходимо иметь пистолеты при себе. Почему я должен отдавать их, если ты оставляешь свои у себя?

— Возможно, не следовало об этом говорить, Род. Впрочем, это не имеет значения. Ты можешь что-то делать, только если думаешь об этом. Что бы ты ни захотел сказать, они прочтут это у тебя в мозгу, как, впрочем, и у меня, и не имеет значения, произнесено это вслух или нет. О Господи, спаси и сохрани нас! Но в любом случае ситуация такова: один из нас должен иметь бесспорную власть над всеми другими. Затем тот, у кого будет преимущество, найдет способ определить, кто из нас настоящий. В противном случае мы ничего не сможем добиться.

— Тогда позволь мне взять руководство на себя, — перебил его один Блэйк.

— Я не это имел в виду, — вздохнул второй. — Это был не я.

— Это был я! — выкрикнул первый. — Я сказал не подумав. Действуй. Но как ты заставишь других отдать их оружие? Я-то отдашь. А если ты не сможешь заставить других?

— Не беспокойся, смогу. У меня есть верные друзья, — жестко сказал Пентон. Он махнул в сторону десяти своих двойников. — Они во всем со мной согласны.

— Но что ты собираешься предпринять? Прежде чем сунуть голову в петлю, я должен знать, что она не затянется у меня на шее.

— Я постараюсь не думать о том, что буду делать, иначе они прочтут мои мысли, обдумают их и не станут следовать за мной. Они все еще надеются выиграть. Ты понимаешь, что перец и алкоголь не сработают так, как надо, потому что они могут прочитать в моем мозгу, какая должна быть на них реакция. Они будут пить виски и морщиться от перца, ведь они прекрасные актеры... Род, ты же мне всегда доверял, поверь и на этот раз.

— Хорошо. Делай как считаешь нужным. Пойдем на корабль. И если кто-нибудь из этих мерзавцев не расстанется со своим оружием — это буду не я. Можешь его пристрелить.

Все десять Блэйков резко поднялись и зашагали к кораблю.

Пентоны настороженно последовали за ними. Неожиданно Пентон выстрелил в одного Блэйка, который остановился в раздумье. Плечи двойника опустились, руки превратились в некое подобие крыльев, фигура стала оседать на землю.

— Получилось, — объявил Пентон, вкладывая пистолет в кобуру.

Блэйки с побледневшими лицами вошли на корабль и положили оружие в ячейки. Они находились под прицелом множества пистолетов. Любое неверное движение хотя бы одного из них могло привести к тому, что смертоносное оружие испепелит всех, в том числе и настоящих Пентона и Блэйка.

Пентон все еще не придумал другого способа выявить настоящих людей, кроме того, который повлечет за собой их с Блэйком собственную смерть. Само по себе это было бы не так уж важно. Опасность заключалась в том, что другие люди, которые прилетят на эту планету, будут в неведении, и тогда Земля будет уничтожена не огнем и мечом, а этими похитителями мыслей, молча и незаметно. Блэйки вышли из корабля безоружными. Они двигались неловко и напряженно под пристальными взглядами одиннадцати Пентонов, вооруженных ужасным, несущим смерть оружием. Несколько Пентонов вынесли из корабля коробку с перцем и тюбик сахариновых таблеток, бутылку виски и медицинскую аптечку. Один из них осмотрел все, что они принесли.

— Попробуем перец, — сказал он. — Построились! Блэйки, помедлив в нерешительности, построились.

— Я отдаю свою жизнь в твои руки, Тэд, — сказали двое из них одинаковыми жалобными голосами.

Четыре Пентона коротко улыбнулись:

— Я знаю. Достроились. А теперь подходите. — Первый, — выдохнул Пентон и затем добавил: — Высунь язык, пациент.

Дрожащими руками он положил порцию перца на язык парня. Язык его тотчас дернулся, лицо перекосила гримаса.

— Фуу... — разинул он рот. — Фуу, черт!

Молниеносным движением Пентон выхватил свой ионный пистолет и пистолет рядом стоявшего двойника. За пятнадцать секунд все Блэйки, кроме одного, задыхающегося и кашляющегося, задымились и быстро растворились, превратившись в кучу грязи. Другие Пентоны методично помогали им уничтожать. Блэйк пришел в себя.

— Боже, ведь там мог оказаться настоящий! — застонал он.

Десять Пентонов вздохнули с облегчением:

— Теперь все ясно. Слава Богу, получилось. Это позволило мне принять решение. И это не сработает снова, потому что, пока ты будешь пытаться прочитать мои мысли, чтобы разгадать хитрость, эти мои братцы прочитают их мгновенно. Ты ведь не знал того, что знал я, а это доказывает, что я был прав.

Блэйк тупо на него посмотрел.

— Я был первым из них... — Он с трудом удерживался от кашля и чихания.

— Совершенно верно. Иди на корабль и придумай что-нибудь. Пошевели мозгами, что ты можешь сделать, чтобы выявить меня среди них. Ты должен использовать свою голову как-нибудь так, чтобы они не могли сразу понять твоих мыслей. Действуй.

Блэйк поплелся к кораблю. Первое, что он сделал, — закрыл люк на замок, чтобы остаться одному. Затем, пройдя в рубку, надел скафандр и нажал кнопку на пульте управления. Прошла секунда. Вскоре он услышал глухие удары и странные шлепки, доносившиеся из грузового отсека. Он быстро пошел туда и облучил два больших ящика с образцами, которые они с Пентоном собрали на Венере. Оттуда

высунулись щупальца, которые пытались схватить пистолет. Воздух в отсеке стал густым и зеленоватым.

Блэйк удовлетворенно наблюдал, как зеленый дым заполняет отсек. Он открыл все двери помещения. Другой хлюпающий звук привлек его внимание, и он, тщательно прицелившись, устранил странный объект, от переплетенных щупальцев которого исходил этот звук. В течение получаса дым в отсеке становился все гуще и зеленее. Наконец, чтобы быть совершенно уверенным, что ничего живого не осталось, Блэйк включил другой аппарат. Когда столбик термометра упал до предельной отметки, на стенах появился иней. Тогда он снова обошел отсеки с ионным пистолетом, направляя его на все, что попадалось на глаза. Вентиляторы очистили воздух от хлора за две минуты. Блэйк утомленно сел. Он щелкнул выключателем микрофона и сказал:

— Я держу палец на кнопке ионной пушки. Пентон, я люблю тебя как брата, но Землю я люблю больше. Если ты сможешь заставить своих приятелей сложить оружие в аккуратный штабель и уйти — отлично. Если нет, то есть если вы не сделаете этого за тридцать секунд, я стреляю, и тогда всем Пентонам конец. А теперь марш!

Широко улыбаясь, с явным удовольствием десять Пентонов выложили двадцать пистолетов.

— Отойдите, — сурово сказал Блэйк.

Они подчинились. Блэйк собрал пистолеты и вернулся на корабль. Пройдя в лабораторию, он достал из шкафа три пробирки с плотно пригнанными пробками, открыл их и вылил содержимое в лабораторный стакан. Выйдя из корабля, он увидел, что десять человек стоят возле корабля.

— Хорошо, Пентон. Я обнаружил, что ты взял с собой вакцину с вирусом, разрушающим иммунную систему человека. Давай посмотрим, смогут ли эти похитители мыслей украсть секрет того, что мы знаем и о чем они не имеют представления. Здесь концентрированная доза. Давай выпей ее. Мы можем подождать и десять дней, если нужно, чтобы проверить, как она действует.

Десять Пентонов смело подошли и встали у корабля.

Один шагнул вперед, чтобы взять стакан, — и девять шагнули тоже. Но не вперед, а за корабль — туда, где ионная пушка

не могла их достать. Улыбаясь, Блэйк помог Пентону забраться в люк.

— Я правильно сделал?

— Да, — вздохнул Пентон, — но Бог знает почему. Вакцину не глотают, и разрушение иммунной системы за десять дней не обнаружить.

— Я же этого не знал, — засмеялся Блэйк. — Они были слишком заняты, стараясь понять, что я делаю, и перестали следить за твоими мыслями. Ага! Вон они побежали. Ты будешь стрелять или я? — вежливо спросил Блэйк, прицеливаясь в девять колеблющихся фигур, несущихся над красной пустынной планетой. Корабль стремительно взлетел и пустился за ними в погоню.

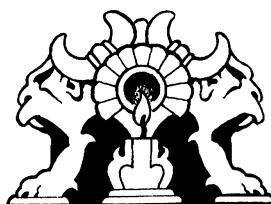
— Да, я хотел бы узнать одну вещь. — Он выпрямился, когда погас невероятно яркий луч, уничтоживший двойников. — Мне интересно знать, каким образом ты меня вычислил?

— Чтобы сделать то, что ты сделал, требуется прекрасно скординированная работа пятисот различных мышц. Я не верил, что эти существа смогут повторить это сразу и без ошибки.

— Но для чего нужны пятисот мышц? Что я такое сделал?

— Ты чихнул.

Род Блэйк заморгал и открыл рот от удивления, тем самым подтверждая правоту Пентона.



РАЗДВОЕННЫЙ МОЗГ

ГЛАВА 1

— П'холкуун возвращается, — вздохнул Тэд Пентон. — Может быть, он решился.

Род Блэйк беспокойно зашевелился на койке.

— Растолкуй, пожалуйста, мне о чём идет речь, раз уж ты приложил лицо к единственному прозрачному пятну на этой чертовой стеклянной двери, так что мне ничего не видно. Кого из этих одушевленных энергополей зовут П'холкуун?

— Как мне его обрисовать? Тебе известно, что он ганимейский тюремщик. Они все выглядят одинаково. Мы первые люди, увидевшие Ганимед и его обитателей, поэтому в нашем языке нет слов, чтобы описать его внешность. Ростом он семь футов три дюйма, весит около ста пятидесяти фунтов — вернее, столько бы он весил на Земле. У него такие же привлекательные зеленые волосы, как у всех *лануров*. Он одет в *шалурскую* тюремную униформу. Наш второй караульный его спутнул.

— Наверное, он такой же хороший оратор, как и ты, — проговорчал Блэйк. — За пять минут тебе удалось изучить его язык, выяснить политические симпатии и подбить начать революцию. Дружище, ты прямо-таки бомба, подрывающая устои местного общества!

— Правильнее сказать, не я, а атомная энергия, — кисло заметил Пентон. — Сначала нас выгнали с Земли за эксперименты с нею, — удар номер один. Мы попали в заваруху на Марсе. А когда вернулись домой, Земля устроила нам грандиозную встречу — салют из двадцати одного орудия. Только они забыли вынуть шестнадцатидюймовые снаряды. Мы все еще для них персоны нон грата. Получается, что здесь безопаснее. П'холкуун — член революционной партии. Способ чтения мыслей, которому я научился у марсиан, помог мне стать его другом.

— Пентон, — послышался вдруг снаружи тонкий писклявый голос тюремщика-друга, — *шалуры* опять изучают ваш корабль.

— Очень они умные, — мрачно пробурчал Пентон. — Если они нарушат ядерный баланс, который я установил в двигателе, этот спутник навсегда покинет систему Юпитера. Этим туземцам даже в голову не приходит, какая сила заключена в нашем корабле.

— Они тебе не доверяют. Говорят, что ты лгун, — пояснил *ланур*.

— Им хочется, чтобы я взял, их в космос, — продолжал Пентон. — Если они разобрались в конструкции корабля, почему бы им не построить такой же и не полететь на нем? В вашем языке нет даже слов «электричество» и «ядерная энергия».

П'холкуун медленно покачал головой:

— Ты не понимаешь. Десять лет назад был создан первый *шалур*. Это сделал *ланур*. Он разработал операцию и провел ее на своем друге, а затем его друг сделал то же самое с ним. Суть операции была в том, чтобы разделить мозг на две половины и сделать так, чтобы каждая из них мысила самостоятельно. Если каким-то образом у человека будет повреждена одна половина мозга, другая половина станет работать вместо первой. Затем *шалуры* выяснили, как сделать так, чтобы обе половины работали одновременно. Мозг состоит из миллионов клеток, каждая из которых участвует в процессе мышления. Когда *шалуры* разделили мозг на две самостоятельные половины, они стали мыслить не в два раза, а в десять тысяч раз интенсивнее. Из двух множителей А и Б вы можете составить только две комбинации: АБ и БА. Удвоив количество множителей, вы получите не две комбинации, а намного больше. Всего за десять лет *шалуры* свергли наше правительство и создали новую цивилизацию. Они создали *шилитов*, тысячи новых растений и новые виды белковой пищи. Они способны за короткое время изучить ваш корабль. Мы хотим избавиться от них... Когда-нибудь мы восстанем и добьемся своей цели.

— *Шалуры* не всеведущие. Вы напрасно боитесь их, — огрызнулся Пентон.

Широкое бородатое лицо *ланура* медленно расплылось в улыбке:

— Ты в тюрьме, Урд-махн, и только благодаря *шалурам*.

— Они обманом заманили нас в ловушку...

— *Шалуры* очень вероломны. Они считают, что действуют разумно.

— Они поймут, что действуют в высшей степени неразумно, когда через десять месяцев мои люди появятся здесь и в один момент сотрут этот город в порошок. Мы уничтожим *шалуров*. Возможно, тогда ваше восстание победит. — Пентон, конечно, лгал. Тюремщик не знал, что они были изгнаны с Земли.

— Их газ... их газ всегда останавливает нас. И *шлиты*. Мы не можем справиться с ними... — Красновато-коричневое лицо стражника побледнело. Пентон молча проклинал страх *ланура*, который не давал прочитать его мысли даже с помощью древнего метода марсиан. Диск с описанием этого метода он недавно выкрад из марсианского музея. Вот только вместо мысленного образа он улавливал лишь смутное, бесформенное облако страха.

— Мы владеем более древними знаниями, чем вы, — заверил аборигена Пентон. — Впрочем, поступай как знаешь. Мы все отправимся в преисподнюю, если *шалуры* по ошибке выпустят страшную энергию нашего корабля.

— Я... Я сегодня вечером поговорю со своими товарищами, — сказал *ланур* и неловко двинулся по коридору.

Пентон отошел от маленького окошка в матовом стекле двери. Хотя на Ганимеде он был в пять раз сильнее, чем на Земле, разбить толстое плотное стекло ему не удавалось. Пентон посмотрел на дверь с отвращением.

— Черт, — проворчал он мрачно.

— Я понял так, что он сказал «нет», — пробормотал Блэйк угрюмо. — Чудесных пташек они здесь держат. Ты приветствуешь их, они машут тебе руками, улыбаются и тоже приветствуют тебя из своих самолетов, пока ты спускаешься. Ты выходишь... удар... Они бросают стеклянную бомбу с усыпляющим газом — и ты в ловушке. Ну вот... А теперь я не могу спать, не могу курить, не могу двигаться. Я...

— Заткнись. Послушай, я могу сделать так, чтобы ты заснул. С помощью гипноза.

— Можешь? Хорошо, что ты научился этому у марсиан. Да-дай попробуй.

Глядя на Пентона с признательностью, Блэйк растянулся на спине. И уже через десять секунд осознал свою ошибку. Он был загипнотизирован.

Поток странных мыслей захлестнул его разум — идеи другого мира. Пентон обучил его *ланурийскому* языку способом марсиан, разработанным десять тысяч лет назад, — с помощью гипноза. За каких-то пять минут Блэйк узнал все о *ланурах*. А также заработал страшнейшую головную боль, которая не шла ни в какое сравнение с той, которую он обычно получал, изучая иностранный язык. Он силился освободиться...

Солнечные лучи проникали через заднюю стену камеры. Это означало, что снова наступил день и что он проспал несколько часов.

— Нет, — послышался голос Пентона. Он разговаривал с *лануром*.

Блэйк резко поднял голову и громко застонал. Да, голова разламывалась от боли.

— Нет, я не себя буду лечить. Скажи им, что Блэйк умирает, что этот воздух ему не подходит. Слышишь, как он стонет? Скажи *шалурям*, что мне необходимо это вещество.

Блэйк заметил тень, расплывшуюся за матовым стеклом тюремной стены. Он попытался встать. Пентон повернулся к нему:

— Отлично, Род. Ничто так хорошо не лечит, как время. Я знал, что ты проснулся. Твоя помощь мне просто необходима.

— Помощь? Помощь! Ах ты космический разбойник! Моя голова...

— Знаю. Но нам нужно одно вещество... Сейчас его принесут. Теперь ты знаешь их язык... Мы скоро получим вещество, которое мне позарез необходимо.

— Я уже получил головную боль. Заткнись и убирайся. О-о-о...

Блэйк задремал, а когда снова открыл глаза, голова болела меньше. Пентон колдовал над какими-то стеклянными колбами, наполненными остро пахнущими жидкостями и различными порошками.

— Не мог бы ты постонать? — любезно попросил он. — Стражник смотрит и слушает.

Блэйк сделал ему одолжение:

— О-о-о... чтоб тебя черти взяли... А-а-а... Ты доволен?.. Чем это так воняет?

— Стараюсь сварганиТЬ одно соединение. Продолжай в том же духе. Я делаю для тебя лекарство. Ты страдаешь, потому что атмосфера этой планеты тебе не подходит. Мне стало легче, потому что я уже принял порцию этого атмосферного акклиматизатора.

— Продолжать стонать? Дай Бог, чтобы это лекарство мне помогло. Но ведь ты не врач!

— Сейчас я врач. Лекарство скоро будет готово. Хм... — Пентон поднес колбу к носу. Комнату заполнили запахи — приятный фруктовый вперемежку с острым и противным. Отмерив из одной бутылки несколько кристаллов, затем из другой еще немного, он понюхал, что получилось, и попробовал.

— Глотни, — наконец предложил Пентон и засмеялся, поднося лекарство Блэйку. — Гарантирую, что после того, как ты отведаешь этот напиток, тебе море станет по колено.

Блэйк поднес колбу к носу. Его глаза расширились от удивления. Он пригубил, и рот его расплылся в улыбке.

— Что за лекарство! Чувствую, что снова наступают счастливые деньки!

Он сделал большой глоток и с трудом оторвался от колбы.

— Замечательно! А из чего ты это приготовил? Пентон тоже немного отпил и сказал:

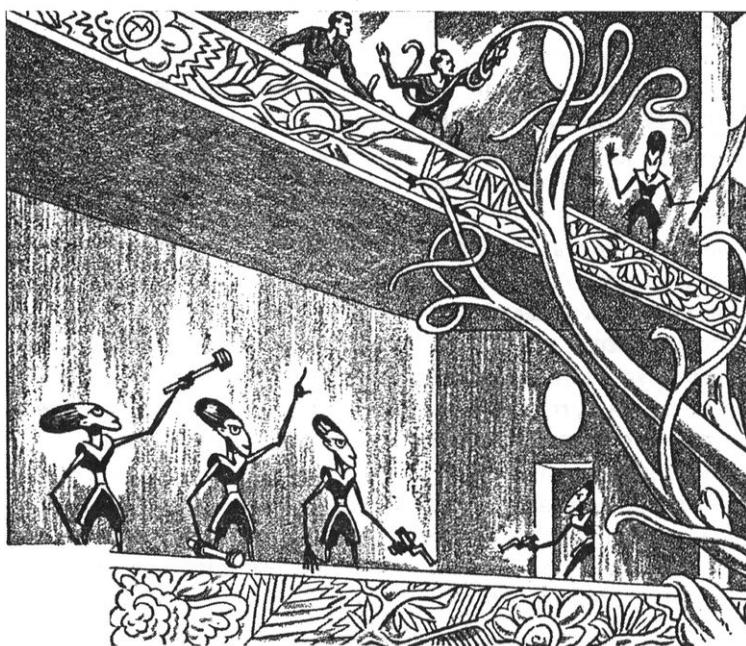
— Лимонная кислота — кристаллизированная кислота лимона. Сахароза — вещество, более известное под названием сахар. Этанол — иначе этиловый спирт. Углекислота — всем знакома как содовая вода. Думаю, эта смесь способна взбодрить тебя, где бы ты к ней ни приложился. А мне нужен ее остаток.

Пентон посмотрел на большую колбу, в которой растворялся белый порошок. Целый галлон нужного раствора был уже готов. Пентон осторожно добавил еще порошка из большой мензурки и другого — из стеклянной бутыли.

— Что это? — спросил Блэйк.

— Универсальное средство. В любом случае, надеюсь, оно поможет нам выбраться отсюда. Я...

С глухим стуком от стеклянной стены отделился большой блок. Из глубины за ним хлынул поток какого-то пара, клубы которого заполнили камеру.



Тотчас же в камере распространился сильный удушливый запах. Блэйк с опаской оторвал ногу от пола, по которому стелился пар, и испуганно посмотрел на Пентона.

— Я знал, что так будет, — вздохнул Пентон.

— Что?

— Притворись больным. Предполагается, что ты лешишься от смертельной болезни. Я собираюсь сказать об этом тюремщику. Все идет по плану.

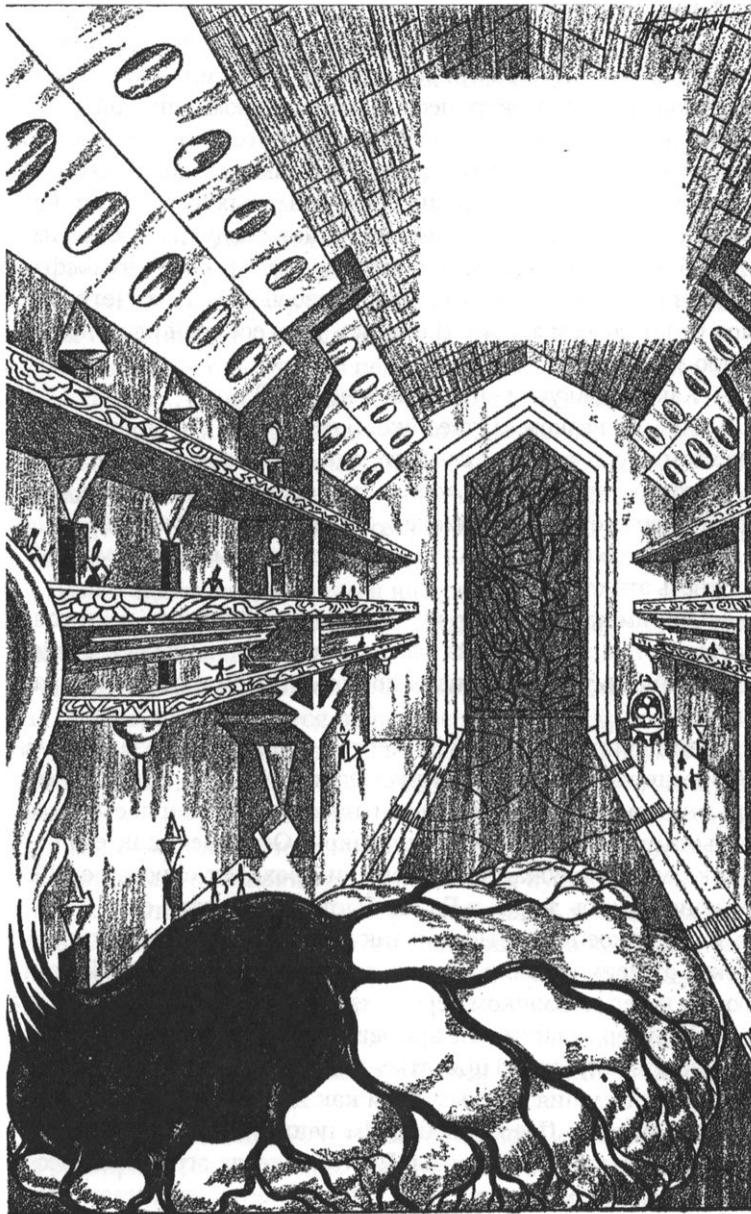
Увидев, что караульный собирается отпереть дверь камеры, Пентон замахал ему руками.

— Не входи... испарения... Блэйк должен дышать паром!

Тюремщик приоткрыл дверь, но, убедившись, что там пар, плотно закрыл ее и ушел.

— Смотри, Род, они только что включили в коридоре свет! — сказал Пентон.

— Почему ты сказал, что до нашего появления здесь у них не было электричества? Может быть, это не лампы накаливания, но очень на них похожие.



Пентон засмеялся:

— Я сказал, что у них не было электричества до нашего появления, потому что приборы не показали никакой произведенной людьми электрической или электромагнитной энергии на всей планете. А трубки со светящимся газом — лишь бедная имитация электроламп. Эти лампы биологические. Они используют какой-то вид бактериальных ферментов, которые светятся, когда к ним поступает воздух. Ты заметил, как быстро стемнело? Малые миры с тонким слоем атмосферы очень быстро вращаются вокруг своей оси. Через четверть часа будет совсем темно. Давай-ка, Род, собирай свои вещи. Скоро мы уходим.

— Как? П'холкуун решился помочь нам?

— Нет. Во всяком случае пока. Я не думаю, что он предпримет что-нибудь, если мы сами отсюда не выберемся. П'холкуун не будет просить помощи от тех, кто в худшем положении, чем он. Но... он охотно нам поможет, как только мы сбежим.

— Да... но как? Неужели ты считаешь, что мы сможем пройти сквозь эти стены?

— Да, именно через стены. Полагаю, сейчас уже достаточно темно. Род, приложи-ка свое здоровенное копыто к стене, у которой стоит стол, а я пока постою у двери и отвлечу караульного.

Блэйк двинулся к столу, а Пентон очень громко заговорил с тюремщиком о каких-то пустяках. Блэйк не обращал на них внимания. От удара ногой прозрачное твердое стекло рассыпалось на множество кусочков. Он видел, как его ботинок легко погружается в стекло и проходит сквозь него! В стене появилась дыра, и Блэйк быстро расширил её.

За короткое время Пентон так надоел тюремщику, что тот сбежал от него, чтобы только не слышать его голоса, и Пентон прошел вслед за Блэйком через стену тюрьмы.

— Юпитер поднимется примерно через два часа. Времени рассуждать нет, нужно прятаться, — объявил Пентон. — Среди местного населения мы выглядим как два орангутанга, гуляющих под руку по Пятой авеню. Им наше тело кажется средоточием жестокой грубой силы. Поэтому, когда огромная масса Юпитера поднимется над горизонтом и его свет сделает нас заметными, а наш вид вряд ли понравится старым ланурским

дамам. Покопавшись в мозгу П'холкууна, я выяснил, что наш корабль где-то в благоустроенном районе города... А сейчас мы должны как можно дальше убраться отсюда.

ГЛАВА 2

Тэд Пентон перелетел через стену высотой двадцать футов, которая окружала тюрьму. Блэйк последовал за ним и обнаружил, что сделать это совсем не трудно — ведь гравитация на Ганимеде гораздо меньше земной.

— В чем... — он с трудом переводил дух после каждого слова, — секрет... стены... не беги... дурак... я задыхаюсь.

— Воздух слишком разреженный... Надо передохнуть, — согласился Пентон. Они остановились в темном переулке. — Я использовал кротон-альдегид... органическую жидкость... полученную из... спирта. А весь секрет в том... что их стекло на самом деле... нетвердое.

Блэйк, задыхаясь, уставился на приятеля:

— Но эта стеклянная стена выглядела очень прочной... или мне это только показалось?

— Показалось, говоришь? Стекло — это жидкость, которая, остыв, превращается в твердое вещество. Кротональдегид имеет любопытное свойство делать его твердым. После длительного нагревания и охлаждения можно получить тот же эффект, поэтому стекла керосиновых ламп всегда хрупкие. Твердое стекло очень непрочное. Кротональдегид делает его твердым, но лишает прочности... Нам нужно украсть машину... Черт! Не беги так быстро, а то наше дыхание слышно за несколько кварталов. У них есть автомобили. Нам нужно найти хотя бы один, и дай Бог, чтобы у местных авто не было противоугонных устройств.

Они прошли шесть кварталов, прежде чем увидели на дороге круглую громоздкую глыбу, которая, очевидно, и являлась автомобилем.

— Ты его поведешь, Род, — распорядился Пентон. — Ты лучше разбираешься в технике. Как думаешь, что это такое?

— Господи, не могу понять! Он электрический? Нет. Паровой? На воздушной подушке? На бензине? Дизель? Черт, как я

это узнаю? Где двигатель? Я не знаю, где передняя часть, где задняя. Это рычаг управления и... ну, а что вон там, сзади? Я...

Автомобиль вдруг дернулся вперед.

— Ты знаешь, как его завести? — поинтересовался Пентон.

Блэйк был занят изучением машины. Он осторожно сжал рычаг и потянул на себя.

— Что нужно делать, чтобы его остановить? — Он попытался нажать на рычаг.

Автомобиль рванул вперед. Блэйк лихорадочно дергал ручку в разные стороны. Автомобиль перестал наращивать скорость, но не собирался замедлять ход. Им помогло то, что дорога была прямой. Блэйк случайно задел ногой какую-то педаль — автомобиль свернулся в сторону и врезался в столб.

— Теперь ты знаешь, что управление осуществляется ногами, — заметил Пентон, открывая дверцу. — Нам лучше побыстрее уйти отсюда. Кто-нибудь обязательно заинтересуется причиной этой аварии. Попробуем следующий автомобиль. Ты теперь знаешь, что они управляются ножными педалями, и не будешь сильно жать на них.

— Мне нужно время, чтобы понять, как эти дьявольские штуки работают. Я только взялся за эту ручку... а он поехал. Никакого стартера... Ничего!

Пройдя несколько кварталов, земляне нашли другой автомобиль. Правда, не совсем такой, как первый, но похожий — с семью сиденьями вместо пяти. Блэйк вопросительно посмотрел на Пентона. Тот осмотрелся. Вокруг них на фоне усеянного звездами неба неясно вырисовывались какие-то постройки, похожие на товарные склады. Высоко на небосклоне светила маленькая яркая луна, а ниже находилась другая — еще меньшая. Это были планеты, такие же, как и та, на которую попали земляне, но сейчас они казались яркими кружками. Однако их света хватало, чтобы видеть темные переулки и заборы, сделанные из какого-то волокнистого материала.

— Все в порядке, Род. Проверь систему управления и поезжай, — тихо распорядился Пентон.

Спустя пять секунд Блэйк был внутри и, осмотрев рычаги и педали, тронул машину с места. Та поехала быстро и тихо: слышалось только ровное гудение вентилятора. Блэйк освоился с двумя управляющими педалями и ручкой. Нажимая

на нее, можно было развить поразительную скорость, отпуская руку — тормозить автомобиль, обуздывая удивительную мощь бесшумного двигателя.

— Отлично. Теперь я понимаю, как им управлять, но нужны фары. Как они зажигаются? По-моему, этой кнопкой.

Пентон осторожно нажал на кнопку, фары зажглись, и Блэйк повел машину более уверенно. Когда он сильнее нажал на рычаг, двигатель бросил автомобиль вперед. Они ехали по пустынному району со скоростью сто сорок миль в час. Прямая, как стрела, улица закончилась, и Блэйк лихорадочно огляделся, ища возможность повернуть автомобиль и проклиная сложную систему тормозов. Вскоре после того, как он повернул направо, они оказались на менее пустынной улице. Он сделал еще один поворот. Теперь то тут, то там мелькали автомобили. Когда они приблизились к центру города, движение стало оживленнее. Блэйк напряженно оглядывался, стараясь понять систему дорожных указателей.

— У них есть светофоры, — заметил Пентон. — И, кажется, я понял, как работают эти чертовы штуки. Здесь система световых указателей, похожая на нью-йоркскую. Смотри — впереди зажегся желтый свет. Это стоп. А по красному можно ехать. Мы должны остановиться у начала следующего квартала.

Движение стало интенсивнее. Огни стали блекнуть. И вдруг яркая вспышка осветила небо. Почти тут же показался сияющий Юпитер. Проехав пять кварталов, беглецы остановились, зажатые в транспортной пробке. Водители, глянув в их сторону, останавливали автомобили, выскакивали на дорогу и разбегались в разные стороны. Они видели, что за ними едут два чудовищно толстых существа с огромными буграми мускулов — ужасные животные, которые каким-то сверхъестественным образом стали разумными.

Наконец Блэйк остановил машину и открыл дверцу.

— Все, приехали. Пересадка. Нам не пробиться через эти брошенные машины. Думаю, их шоферы уже не вернутся.

Пентон вылез следом, и они молча зашагали дальше по дороге. Позади резко открывались дверцы и слышался топот ног разбегающихся людей. Блэйк остановился у последнего автомобиля в этой пробке — блестящего фургона на семь пассажиров. Резко подняв окно кабины, он спокойно посмотрел

на водителя. *Ланур* с серыми волосами откинулся назад и закрыл глаза. Тряхнув головой, он открыл их снова. Затем выскочил и пустился наутек.

Пентон влез первым, Блэйк занял место водителя.

— Огни изменились, — заметил Пентон, когда они проехали почти пятнадцать кварталов. Они снова поменяли автомобиль, взяв тот, перед которым дорога была свободна... и тут десяток стеклянных бомб с усыпляющим газом разорвались вокруг них. Блэйк подпрыгнул к потолку кабинки, с треском обрушился на сиденье и погрузился в сон...

Пентон, мчавшийся большими прыжками по дороге, обернулся... и помчался быстрее. За ним катился какой-то тестообразный шар диаметром в два фута. Повернув к обочине, Пентон увеличил скорость. Он стал прыгать из стороны в сторону, но шар, не отставая, подпрыгивал вместе с ним.

Шар был мягким, мясистым и упругим. Прилипнув к его ноге, он медленно пополз по ней вверх. Пентон, пытаясь оторвать его от себя, продевывал в этом тестообразном комке огромные дыры, которые тут же срастались. Увидев, что *ланурийские* полицейские подбегают к нему, готовясь бросить газовые бомбы, он в отчаянии опустил руку в карман и вытащил из него фонарь. Но тестообразное вещество облепило его руку. Вдруг шар отскочил на землю, бешено вращаясь и прыгая во все стороны, как сумасшедший. Он врезался в подбежавшего *ланура*, который отпрыгнул от него с выражением ужаса на лице.

Пентон, делая большие прыжки, влетел в переулок и, обежав несколько кварталов, обнесенных заборами, вернулся к тому месту, где оставил Блэйка.

Землянин неподвижно лежал на дороге с откинутой назад головой и громко храл. Несколько полицейских старательно связывали его веревками. Пентон, стараясь быть незамеченным, подобрался ближе. Рядом находился какой-то автомобиль. Пентон внимательно осмотрел его, прежде чем подойти. Это был светлый автомобиль с откидным верхом...

Неожиданно автомобиль двинулся в сторону Блэйка. *Ланурийские* полицейскиебросали его стеклянными бомбами. Два тестообразных шара пытались подобраться к колесам, но были отброшены. Слившись, они неожиданно

образовали один большой шар. Полицейские разбежались, когда автомобиль тихо проехал вперед и остановился.

Вылезая из машины, Пентон заметил, что Блэйк зашевелился. Очевидно, он приобрел иммунитет и стал менее восприимчив к газу. Пентон стал распутывать веревки на теле своего друга.

— Полагаю, — задумчиво сказал он, оглядываясь по сторонам, — настала пора искать пристанище на день. Эти развалины — самое подходящее место.

ГЛАВА 3

Пентон смотрел на грязную, запущенную улицу через узкую трещину — одну из множества других унылых трещин в еще более унылых развалинах, которые стали их приютом. По противоположной стороне улицы шел *ланур*, то и дело спотыкаясь. Неожиданно он остановился прямо посреди лужи и медленно покачал головой. Потом недоуменно осмотрелся. Когда он снова двинулся вперед, его походка стала более твердой, как будто он обрел цель. Пентон вздохнул и отвернулся. Подойдя к Блэйку, он сел рядом с приятелем.

— Ушел. Он сделает именно то, что я ему приказал. Гипноз должен подействовать, и он приведет сюда П'холкууна. Это займет не больше часа.

— Ты думаешь, П'холкуун придет? И будет ли от этого какой-нибудь толк, даже если он придет? Ведь раньше он не хотел нам помочь, — возразил Блэйк.

— Он придет по двум причинам. Нам повезло, что *шалуры* не знают о свойствах кротональдегида. Я использовал кое-что еще — катализатор, который ускоряет его действие. *Ланура* должно заинтересовать, каким образом мы прошли через стену. Еще больше он захочет узнать о способе, которым я отогнал тестообразный шар. Он придет и, скорее всего, поможет нам, потому что мы показали, что умеем делать что-то такое, чего не могут *шалуры*. Думаю, через час он появится.

В действительности им не пришлось ждать и получаса. По улице проехал маленький открытый автомобиль и остановился за четыре или пять дверей от них. Из него вышел

высокий ланур. Он с опаской приблизился к их двери и осторожно ее открыл.

— Входи, П'холкуун. Мы рады тебя видеть.

— Вы вызвали большой переполох. — Ланур поклонился. — Шалуры поставили охрану вокруг дворца. В такой ситуации восстание обречено на неудачу. Они отобрали гранатометы у ланурской гвардии, оставив им только холодное оружие. И держат шилтов наготове.

— Шлиты — это такая тестообразная штуковина без ног с мерзким запахом и странной слизью? — задумчиво спросил Пентон.

— Нет, — вздохнул П'холкуун, — ты понятия не имеешь, что такое шлит. Прошлой ночью на тебя напали гретланты. Шлиты — такие же, как они, но гораздо больше — пятьдесят футов в диаметре. Шалуры все еще не могут понять, как тебе удалось обратить гретлантов в бегство. Они бесстрашны и никогда прежде ни от кого не убегали.

Пентон улыбнулся:

— Это, друг мой, электричество. Одна из тех сил, о которой шалуры не имеют представления. Послушай, смочи два пальца вот так и дотронься до этой маленькой металлической планки.

Пентон показал, что надо сделать, и ланур нерешительно коснулся клемм фонаря. Он тут же отскочил, как ужаленный, и упал возле двери. Пентон и Блэйк недоуменно посмотрели друг на друга. Ланур с трудом сел и покачал головой.

— Это... это ужасно! Уберите от меня эту штуковину, — застонал П'холкуун. — Она скрутила все мои мускулы в узел. А сердце сжалось так, как будто великан сдавил его в кулаке. Ужасно!

— Это электричество, — медленно произнес Пентон, — и ты, кажется, очень чувствителен к нему. Намного чувствительнее, чем мы. А теперь расскажи про шилтов.

— Шлит — это огромная масса желеобразной протоплазмы, которая с готовностью слушается своего хозяина, — объяснил ланур, потирая руки и с опаской глядя на фонарь. — Его нельзя убить, потому что те его части, которые повреждены, отваливаются сами собой. Если в него выстрелить или разрушить на куски, это ему не навредит. Усыпляющий газ на него

не действует. Он невероятно сильный и может принимать любую форму. *Шалуры* победили *ланурискых* правителей, послав к ним в крепость *шилита* по узкой дренажной трубе. Сначала это была нить из протоплазмы, которая затем превратилась в огромный шар. *Шилты* поглощают и переваривают все, что им дадут. Они могут растворить в себе даже металл. Только стекло для них непроницаемо. Если есть вентиляционное отверстие, *шилты* всегда могут просочиться через него.

— Сколько их?

— Тысячи. Когда необходимо, *шалуры* используют их как рабочий скот. *Шилты* могут протечь под камень, балку или глыбу металла и, постепенно вырастая, поднимать груз. Или могут свеситься, как клейкий канат, обвиваться вокруг камня и сокращаться, поднимая его. Если у обычного *шилита* не хватает сил, четыре или сто сливаются друг с другом и создают один большой *шилт*, который делает необходимую работу. Во время последнего восстания около тысячи *шилтов* окружили *ланурскую* армию и сжались в одну огромную глыбу. Вся армия оказалась внутри и растворилась в теле этого громадного *шилта*.

Блэйк пристально посмотрел на Пентона.

— Думаю, — сказал он по-английски, — нам надо было лететь на другую планету. Мне не нравятся эти амебы, принимающие любую форму. Хотел бы я познакомить их с марсианскими *ташол*. Интересно, понравятся ли они друг дружке?

— П'холкуун, нам нужно добраться до корабля. Тогда мы сможем использовать его энергию для вашей защиты.

Ланур поднялся на ноги и оглядел комнату.

— Корабль перенесли во дворец, — наконец сказал он.

— Двадцать *шилтов* сделали это прошлой ночью. *Шалуры* знают, как он важен для вас, поэтому они переправили его туда, куда вы не доберетесь. Корабль находится во внутреннем дворе. Это место мы называем двором *шилтов*. Не представляю, как вы проникнете туда. Может быть, вы сможете воздействовать на какого-нибудь *шалура*, как вы воздействовали на того странного человека, которого послали ко мне, и устраниете *шилтов* с дороги. Но ни один *ланур* не может справиться с ними. Их нельзя поймать в ловушку, они никогда не умирают.

— Можно ли их откормить так, что они станут недееспособными?

— Нет, они сразу же делятся на части. Если они съедят в два раза больше пищи, их и станет в два раза больше.

Пентон посмотрел на Блэйка.

— Если тебе не нравятся *шлиты*, может быть, нам лучше остаться здесь? — Он вздохнул. — Ты уверен, что на корабле не остался какой-нибудь *ташол*? Одно из тех марсианских существ, которые как раз сейчас могли бы сбить с толку *шалуров*.

— Принести тебе то, не знаю что? — задумчиво спросил Блэйк. — Хотел бы я увидеть, что произойдет, когда разъяренный *шлит* встретит марсианского *ташола*? Может быть, *ташол* превратится в несъедобный камень или станет большим по размеру *шлитом* и съест того, кто на него нападет? Интересно, почему Господь позволяет существовать такой мерзости... Хотя нет, он ведь не создавал *шлитов*. *Шалуры* сами их изобрели, а судя по тому, что говорили марсиане, *ташол* возникли сами. Ты помнишь, Тэд, когда на Марсе старик Лошту рассказал нам о *ташол*? Переставь буквы в слове «Лошту», и оно будет звучать как «*ташол*»! Держу пари, что Лошту на самом деле был одним из них и все это время про себя смеялся над нами. Но дело не в этом. Вопрос в том, как проникнуть на корабль и при этом не оказаться в брюхе у какого-нибудь *шлита*. — Он повернулся к *лануру*: — П'холкуун, ты можешь начать восстание?

— Нет, пока вы не найдете способ убрать *шлитов*, — ответил твердо *ланур*. — Мои люди не будут даже говорить о восстании, пока не убедятся в том, что их не используют как приданку. Ты ведь не захочешь, чтобы пятидесятифутовый шар из желе навалился на твоего лучшего друга. Вряд ли тебе понравится смотреть на выражение ужаса в его глазах, когда он будет растворяться в *шлите*...

— П'холкуун, подожди минуту. Я должен подумать, — перебил *ланура* Пентон. Он сел на пол, скрестив ноги. — Я должен подумать, что в нашей науке можно найти такого, что помогло бы справиться со *шлитами*. Скажи мне такую вещь. Можешь ли ты или твои люди получить доступ в магазин металлических изделий? Туда, где есть различные металлы? Для вас это будет несложно. Я придумал одну хитрость, которая спасет вас от этих *шлитов*.

— Мы сможем получить металлы. Но не драгоценные. В таких магазинах работают только *лануры*. Мы сделаем даже приборы, если они достаточно простые и не слишком большие — ведь нам придется их прятать.

— Отлично. Как можно быстрее принеси мне образцы всех металлов, какие ты можешь достать. И... одну из тех тестообразных штуковин, которых на меня напустила полиция. Можешь ты это сделать?

— Да, — немного поколебавшись, сказал П'холкуун. — Нужели ты действительно надеешься справиться со *шилтами*?

Пентон улыбнулся:

— Друг, когда я проникну в их священный двор, *шалуры* выскочат из своего дворца как ошпаренные. Мне нужен только десяток храбрых *лануров*; все остальные повстанцы могут оставаться за стенами дворца и хватать *шалуров*, когда те из него побегут. И мне не нужно, чтобы твои люди захватывали шесть зданий дворца.

— В любом случае они не смогут это сделать, потому что *шалуры* живут вокруг дворца. Если ты уверен...

Блэйк тихо лег в угол после того, как П'холкуун ушел. Он устал. Атмосфера маленькой планеты действовала на него расслабляюще. К тому же он не особенно верил Пентону, который вдруг стал таким же общительным, как стены их убежища...

Блэйк спал. И спал достаточно мирно, пока не был разбужен звоном, хрустом и громкими ударами. Он сел и сразу же получил удар. Увесистый тестообразный шар шлепнулся на него и перекатился через плечо. Блэйк с трудом справился с ним. Он удивленно смотрел на грязно-серую массу, которая быстро покатилась по полу. Очевидно, П'холкуун пришел, когда Блэйк спал, и принес *гретланта*.

Пентон швырнул на пол какой-то блестящий предмет. Грязновато-белесая масса дважды подпрыгнула и неожиданно выбросилась из окна, издавая отвратительный визг и бурчание.

— Ну... может быть... это... к лучшему! Уж очень тяжелая работенка... возиться с этим студнем...

— Как называется то, что ты бросил в эту штуковину? — спросил Блэйк. — Она вела себя так, как будто пол раскален, и каждый раз подпрыгивала все выше и выше.

— Медь, — пояснил Пентон, — и ее свойства. Мне нужно было узнать, какой у них уровень кислотности при обмене веществ. Очевидно, он больше семи, и это меня вполне устраивает. Цинк подойдет, и лануры смогут его принести. А медь тут дорогая.

— Вероятно, в твоих словах есть какой-то смысл, но я ничего не понял. Где П'холкуун?

— Ушел. Его люди расположились снаружи, чтобы ловить эту штуковину, когда она будет убегать. Я... Он здесь.

П'холкуун просунул свою большую голову в дверь и осмотрел плохо освещенную комнату.

— *Гретлант* убежал очень быстро. Я думал, что он нападет на тебя, когда мы ему прикажем. *Лануры* сейчас гонятся за ним в двух кварталах отсюда. Он совсем отказывается подчиняться.

— Прекрасно, — улыбнулся Пентон. — Он напал на кого-нибудь?

— На первого, кто попытался его остановить. *Гретлант* просто перекатился через него и бросился наутек. Что это за оружие?

— Сделай мне как можно больше таких приборов, П'холкуун, и я захвачу дворец с десятком лануров.

Пентон протянул ему моток переплетенных медных и серебряных проводов сечением примерно восемнадцать дюймов. Запутанное переплетение проводов присоединялось к маленькой твердой яйцевидной массе в середине — овалу из черного пластика.

— Полагаю, вы сможете сделать их достаточно много. И помните: нужно повторить все в точности, как у меня, не изменяя ни единого проводка. Особенно в конструкции центральной детали. Понятно?

— Сделаем. — П'холкуун смотрел во все глаза на маленькое изобретение, которое заставило абсолютно бесстрашного и нечувствительного защитника ланурского мира выскочить из окна в таком ужасе, что он совершенно перестал слушаться приказов.

ГЛАВА 4

П'холкуун остановился в нерешительности. Узкий коридор, прорубленный в камне, делал поворот, за которым был проход, облицованный каменными плитами, скрепленными известковым раствором.

— Скоро мы войдем во дворец. Ни одному *лануру* не полагается знать про этот коридор. Как я сказал, в *шалурском* районе нет ни одного *ланура*. У них мало стражи, потому что и самих *шалуров* немного. Но этой ночью они поставили часовых на стенах. Они подозревают... почти знают, что восстание началось. Все четыре дня, пока вы скрывались, они ничего не слышали о вас и не нашли ваших следов. *Шалуры* знают, что мы вам помогаем, но не подозревают о наших действиях и... — Он сомнением посмотрел на Пентона уголком глаза. — Они уверены, что десяток человек не может захватить дворец.

— Да, они знают также, что никто не может справиться со *шилтами*, пока остается в живых хоть один *шалур*, способный им приказывать. *Шалуры* знают очень много... И во многом они ошибаются. Дверь впереди?

— Да. Закрыта на прочные стальные засовы. Но... ты сказал, что можешь ее открыть.

Пентон улыбнулся и кивнул Блэйку. Тот раздал два десятка толстых переплетенных мотков проволоки, которые нес, десяти сопровождавшим их *ланурам*. Каждый из них присоединил мотки к тем, которые у него уже были. Затем землянин вышел вперед.

Дверь представляла собой панель из твердого дерева, которая была увешана замками. Дверь висела на двух стальных петлях и закрывалась на три засова толщиной в полтора дюйма с рычагами, похожими на замки банковских сейфов, которые намертво прикрепляли ее к стене.

Блэйк обхватил пальцами засовы и, крепко упервшись ногами в пол, потянул на себя. Мягкая сталь прогнулась под напором его мышц, и засов вышел из гнезда, в котором сидел. Справившись с ним, Блэйк занялся вторым, а потом и третьим. *Лануры* слушали его тяжелое дыхание и смотрели на его напрягшиеся мускулы в молчаливом ужасе.

Блэйк отошел от двери и сел передохнуть. Когда его дыхание, тяжелое из-за разреженного воздуха маленькой планеты, восстановилось, он встал и кивнул в сторону двери:

— Готово, я полагаю. А теперь, П'холкуун, скажи еще раз, с чем мы там можем столкнуться.

— У них есть ружья, главным образом духовые. Они почти бесшумные, поэтому невозможно узнать, откуда стреляют. Обычные пули не могут прострелить одежду из толстой ткани, но они могут применить разрывные. Сначала *шалуры* будут использовать усыпляющий газ, пока не увидят, что мы к нему нечувствительны. Ведь ты выяснил, что пятикратная доза газа дает иммунитет. А потом — белые цветы.

— Что это еще за белые цветы? — спросил Пентон.

П'холкуун пожал плечами:

— *Шалуры* использовали белые цветы только один раз. Они сами их боятся, поэтому неохотно пускают в ход. Это плесень, которая за полминуты превращает здорового человека в разлагающийся труп. Плоть становится белой и отваливается от костей. Каждый, кто коснется плесени или даже просто пройдет мимо, через сутки становится таким же. Поэтому если вы увидите, что кто-то становится белым, и услышите его вопли — быстро уходите прочь, все равно вы ничем не сможете ему помочь. А сейчас нам нужно торопиться. Я знаю путь, который приведет нас к цели. Все мои люди пойдут за мной. Вы должны следовать за нами, иначе вам не найти внутренний двор.

— Хорошо. Давай, Блэйк, — подстегнул его Пентон. — Я нажму снизу.

Они подошли к двери и вместе взялись за нее. Стальные засовы с грохотом выскочили из пазов, выбириуя, как сорванные тростинки. Оба землянина сейчас же прыгнули в открытую дверь, *лануры* последовали за ними. Огромный центральный зал был озарен светящимися лампами. Пол-дюжины *шалуров* бросились им навстречу, бросая бомбы с усыпляющим газом. Пронзительный крик разнесся по дворцу, эхом перекатываясь из зала в зал. По невидимым переходам забегали люди, где-то послышались душераздирающие вопли женщин. Откуда-то появились несколько слуг-лануров, уставившихся расширенными от удивления глазами на страшное зрелище, а затем исчезли в глубине дворца.

Блэйк отвел руку назад и швырнул увесистый камень, полетевший в нападавших на них *шалуров*. Один из них согнулся пополам, вскрикнув от боли, другой упал — голова его была раздроблена. Когда П'холкуун прокладывал дорогу к боковому коридору на противоположной стороне зала, вокруг них градом падали газовые бомбы.

— Они собираются для защиты внутреннего двора, как только узнают, что вы пришли! — обернувшись, крикнул П'холкуун. — Надо спешить!

Два *ланура* шли позади них, мечами отражая атаки с тыла. Шалуры разбежались, скрывшись в узких коридорах. П'холкуун повел их в проход, круто идущий вниз, затем через десяток переходов — в узкий коридор.

— П'холкуун! — тихо прозвучал странный тихий голос. — Там нет дороги — ворота закрыты. Поверни в сторону. Третий поворот направо. — Послышались удаляющиеся шаги.

П'холкуун был в нерешительности.

— А что, если это был *шалур*? — спросил он угрюмо.

— Это мой двоюродный брат! — воскликнул один из *лануров*. — Он секретарь...

Пройдя три поворота, они свернули направо.

— Теперь я потерял направление, — ворчал П'холкуун. — Я не знаю этот путь. Почему он не присоединился к нам, чтобы помочь?

Из боковой комнаты вышел какой-то *ланур*.

— Я на вашей стороне. Подождите. — Он приблизился к восставшим. — Шалуры собираются все вместе, чтобы защищать большой внутренний двор. Все входы закрыты стальными решетками, кроме одного — это С'логтские ворота. Они хотят, чтобы вы прошли туда — за ними *шилиты*. Неужели вы на что-то надеетесь?

— Веди нас, — сказал Пентон, улыбаясь. — Чем быстрее мы доберемся до *шилитов*, тем лучше. Какое у *шалуров* оружие?

— На вашем корабле они нашли какое-то оружие, похожее на пистолет или гранатомет с усыпляющим газом. Но оно стреляет только светом, очень ярким светом. Один *шалур* умер, когда попробовал из него выстрелить. Они заставили *лануров* исследовать, как он действует. Сейчас у них двадцать этих штук. Там есть еще одна вещь. Они пустили бы ее в ход, но боятся,

потому что не могут сделать так, чтобы она не уничтожала все вокруг. *Шалуры* не будут использовать это оружие, потому что взрывы уничтожают их самих.

— Дьявол, — тихо выругался Пентон. — *Шалуры* могут остановить *шилтов* лазерными пистолетами. Они могут держаться до тех пор, пока корабль в их руках. Но даже корабль не смог бы выдержать взрыва атомной боеголовки. Слава Богу, они боятся этого оружия. Все, что мы можем сделать, — попытаться проникнуть во двор. Показывай дорогу, дружище.

Они снова пошли по еще более извилистым и запутанным переходам, через залы, где слуги-лануры видели их, но отворачивались, как будто не замечали, через комнаты, где ланурские женщины просыпались, разбуженные их вторжением, но, увидев их, успокоенно улыбались. Они спускались по крутым лестницам, шли через задымленные кухни и снова вниз по длинным коридорам...

— Нет, я скажу им! — послышался голос какого-то ланура. — Они не смогут пройти этой дорогой. Зачем они идут туда? Если бы они знали, что мне известно! — И затем донеслись проклятия какого-то *шалура*.

Они резко свернули в боковой закоулок. П'холкуун засмеялся:

— *Шалуры* плохо слышат, а зрение у них и вовсе скверное. Но лануры нас прекрасно слышат.

— П'холкуун! Кто... а, это ты. — Из темноты вышел ланур, голос которого они только что слышали. — Они ждут вас у ворот, приготовив трех *шилтов*. Поворачивайте назад. Попробуйте в другой раз. В городе уже все известно, и там началось восстание. *Шалуры* собираются выпустить *шилтов*, когда толпа окружит дворец. Возвращайтесь. Они ждут вас, и у них новое оружие.

П'холкуун встревоженно смотрел на нового ланурского новобранца.

— Ты слышал, землянин? — спросил он Пентона.

— Ты испугался нового оружия, ланур? — Пентон посмотрел на него в упор. — Думаешь, потом *шалуры* будут знать меньше, чем знают сейчас? Разве к следующему разу они забудут про новое оружие? Ты полагаешь, у тебя когда-нибудь будет больше шансов, чем сегодня, когда рядом с тобой окажутся люди,

которые изобрели это оружие и знают о нем больше, чем все шалуры на свете? Только сейчас у вас появился проблеск надежды. Вперед, пока он не погас. — Пентон двинулся по коридору. — Не бойтесь шлитов. Они доставят больше беспокойства шалурам, чем вам.

— Тогда стой. Вот дверь, которая ведет к С'логтским воротам. Стоит ее открыть, тут же появятся шлиты.

— Что за ней? — требовательно спросил Блэйк.

— Там, вероятно, три шлита. Господь всех миров только знает, сколько шалуров поджидают нас.

— Где шалуры?

— Они на верхних галереях. С'логтские ворота поднимаются до уровня третьего этажа. Мы на первом, поскольку только так можно проникнуть во внутренний двор. Они засели на второй и третий галерее, и мы окажемся у них под обстрелом. Нам нельзя входить сюда до тех пор, пока шалуры не будут выбиты с верхних этажей.

— А как нам добраться до третьей галереи?

П'холкуун посмотрел на секретаря-ланура по имени Татуол, который присоединился к ним по пути. Тот покачал головой:

— Можно попытаться, но это мало что даст. Мы можем войти во двор только с первого этажа. Шалуры опустят стальные решетки у нас перед носом.

— Эх, получить бы мне хотя бы один бластер из тех, что они украли с нашего корабля, — сурово пробормотал Блэйк, — все шалуры планеты и все шлиты, стальные решетки, каменные стены, всякие животные и растения не остановили бы меня. Только бы мне добраться до одного из этих шалуров!

Они шагали по извилистым коридорам, потом — по лестницам, ведущим вверх. Татуол вел их через какие-то чуланы и закоулки самыми невообразимыми путями. Наконец он остановился.

— Вот эта дверь. За ней вас ждут полсотни шалуров.

— Тогда не будем их разочаровывать. Вперед!

Пентон рванул дверь и прыгнул. Шалуры, изумленные неожиданным нападением, повернулись к нему, поднимая оружие. Стены мгновенно были изрешечены выстрелами. Бледный луч лазера пронзил воздух со странным свистом и

монотонным жужжанием, но почему-то он оказался направленным в противоположную сторону, к балкону на другой стороне двора! Оттуда донесся громкий крик.

Блэйк и Пентон атаковали балкон, находившийся на высоте сто футов. С помощью соратников П'холкууна его удалось очистить за пятнадцать секунд. Шалуры падали и прыгали во двор с огромной высоты. Пентон огляделся. Поперек двора на одном и том же уровне висели четыре одинаковых балкона. Еще четыре находились ниже. Низко над головой нависал обширный потолок, усеянный светящимися лампами. Внизу, в огромном зале, пульсировали и перекатывались три чудовищных шилита, три зеленоватых шара диаметром пятьдесят футов.

Они поднимались и колыхались, а затем вдруг слились в одну огромную массу пульсирующей тошнотворной плоти. Вязкий ком протоплазмы в полной тишине подкатился к стене, и удивительным образом выделившийся длинный отросток студенистого вещества стал быстро расти вверх к балкону, прямо по направлению к ним!

Вдруг Пентон услышал бряцание падающего металла, тихие стонья ужаса и удаляющийся топот ног. Все лануры скрылись. Только П'холкуун и десяток его людей с побелевшими лицами стояли за спиной у землян.

— Шилты... идут... — с трудом выдавил П'холкуун.

Пентон пригнулся. Стена балкона высотой около четырех футов была покрыта сложным переплетением цветов и деревьев, которые заполняли промежутки, прорубленные в камне. Мертвая тишина нависла над двором. Только тихие чавкающие звуки исходили от огромного чудовища, карабкавшегося по стене. Оно сократилось в двадцатифутовый сгусток зеленого желе с фиолетовым, похожим на кровоподтек узлом в середине, внутри которого поблескивало золотое ядро. Зеленое, как пlesenь, щупальце, протянувшееся вверх по каменной стене в нескольких футах от балкона, цепко ухватилось за выступ, который оно нашло. Пентон пригнулся и ждал, поглядывая в узкий проем.

— Приготовь три мотка, Блэйк, — сказал он тихо, — и жди, когда эта штуковина сюда поднимется.

П'холкуун подошел к ним и подал полдесятка мотков, которые были похожи на металлическую паутину с сидящим в

середине черным резиновым пауком. Щупальце дотянулось до балкона. Толстые отростки слизи, проникшие через отверстия в ограждении балкона, отвратительно извивались. Зеленая волна перевалилась через перила балкона и покатилась на землянина, когда он поднялся, держа в руке фонарь с выступающими медными клеммами.

Пентон с готовностью протянул руку к одному из желеобразных отростков и, когда тот обвился вокруг нее, приложил фонарь, одновременно нажимая на кнопку. Ток напряжением пятьдесят вольт пронзил огромную шевелящуюся массу протоплазмы. Она издала страшный крик. Все во дворце замерли от этого непередаваемого вопля. Всепоглощающая ненависть и животный ужас были в этом крике. Отросток стал ярко-желтым и сократился так быстро, что студенистая масса на балконе содрогнулась и расползлась в стороны с громким хлюпаньем. Мгновение спустя она разделилась на три отдельных комка, затем на шесть, и все они испускали громкие вопли.

Пентон бросил один металлический моток так, чтобы он упал на один из трясущихся шаров. *Шлут* пронзительно вскрикнул, но теперь в его голосе слышалась жалоба. Он откатился в угол, съежился и затаился там.

Другой *шилут* коснулся черного паука, обвитого проводами, запищал, задергался и, подскочив вверх на пять футов, шлепнулся на пол. Он распался на сотню маленьких комочеков, которые покатились и запрыгали в разные стороны, зло вскрикивая, когда случайно касались черного паука.

Сейчас он стал средоточием их страха. Они громко завывали от боли, но в их крике слышался гнев. Убегая от ужасных жалящих существ, они в ярости бросились к хозяевам, которые их направляли. Волна слизи затопила нижний балкон прямо под землянами. Пентон видел, как лица боровшихся со *шилутами* *шалуро* покраснели. Рты их широко открывались в густом прозрачном желе. Они отчаянно сопротивлялись, пока не ослабели, и в клубящихся красных водоворотах, которые образовывались в мутно-зеленом студне, то там, то здесь стали появляться белые скелеты.

Пентон отвернулся. *Шлут* вытянул щупальце к другому балкону. *Шалуры*, защищаясь, выстрелили в него из пистолетов, и на зеленой массе осталось белое пятно. Было видно,

что *шилит* всосал в себя это пятно, но оно стало быстро расти внутри его.

Тихо шипя, с балкона ярко сверкнул лазерный луч, выпущенный из украденного пистолета. Луч пересек двор внизу и стал блуждать там, а тем временем зеленая волна протоплазмы переваливалась через балкон. Снова расцвело белое пятно. И еще одно. Дважды *шилит* выплевывал их вместе с кусками своего собственного тела. Затем белизна появилась на зараженном *шалуре*, и тот упал с громким стоном. Когда отрава проникла в его вены, он начал биться в конвульсиях.

Он очутился на краю балкона, потом повалился на белый ковер исторгнутой *шилитом* массы, которая издалека казалась мягкой и пушистой.

ГЛАВА 5

Неожиданно вспыхнул яркий луч лазерного пистолета. Пентон напряженно следил, как зараженный белым цветком *шилит* окутывает *шалура*. Стрелявший выглядел очень сосредоточенным. Он поднял пистолет обеими руками и резко провел им вокруг *шилита*. Из пистолета вырвалась вспышка света, и в тот же момент *шилит* завыл от боли. Густой смрадный дым поднялся оттуда, где его пронзил лазерный луч. *Шлифт* свалился с балкона, распадаясь на куски прямо в воздухе. Блэйк тихо сказал:

— Меня занимает один вопрос. Там не меньше пятидесяти *шалуров*. Они очень долго целятся и все равно мажут. Только один из них попал в цель.

— П'холкуун, ты сказал, что они не видят. Что это значит? — спросил Пентон.

— Они видят, но очень плохо. *Шалуры* никогда не водят машин, не летают на самолетах. Они редко пищут или сами проводят эксперименты. Мы совершенно не понимаем, в чем тут дело. У них что-то со зрением.

— Слава Богу, — сказал Пентон. — Думаю, я догадываюсь... Они соединили две обособленные половины мозга и стали намного умнее любого существа с обычным мозгом, но это для

них не прошло безнаказанно. Только одна половина мозга мыслит — это верно. Однако обе половины видят и слышат. Обе половины помогают телу двигаться. Когда они соединили две половины мозга для более интенсивного мыслительного процесса, зрение у них стало раздвоенным. Слух, вероятно, тоже. Они не могут хорошо координировать движения рук и ног, и хотя кое-как двигаются, но не могут отчетливо видеть. *Шалуры*, без сомнения, необычайно умные, потому что у них большие лазерных пистолетов, чем было у нас. За одну неделю они в совершенстве освоили эту доселе неизвестную им систему. Однако они все, как один, промахнулись, когда стреляли в нас при нашем неожиданном появлении. Тот *шалур*, который старался убить *шилита* лазерным пистолетом, обвел лучом весь двор, но не попал в него... Они не могут быстро двигаться и смотреть прямо. Это несколько меняет мой план. Татуол, знаешь ты такое место, откуда мы можембросить мотки во внутренний двор? Давайте закончим работу. Татуол кивнул:

— Да. Идемте.

Он повел их назад, через запутанные коридоры, через комнаты, где испуганные лануры спрашивали у них, что они сделали со *шилитами*, вогли которых слышались отовсюду. Новости быстро распространились по дворцу и за его пределами. Затем они добрались до решетки, которая перекрывала коридор. За ней они увидели большой квадратный двор, имеющий в попечнике четверть мили. Огромные постройки дворца окружали его со всех сторон. И в нем извивались, колыхались и с трудом двигались в такой тесноте полсотни *шилитов*.

У этих огромных сгустков желе был мозг, и они как-то мыслили. Вогли пострадавших *шилитов* пугали их, вызывая страх и беспокойство. Светящиеся лампы озаряли тусклым светом движущуюся студенистую массу зеленоватого цвета, которая окружала стоявшую посреди двора ракету из серебристого металла, слабо поблескивавшего в темноте. Корабль, который принес Пентона и Блэйка в этот мир, был совсем близко.

— Черт! Как мы проберемся туда? — Блэйк помрачнел.

Пентон стал методично кидать золотистые мотки между прутьями решетки.

Один... пять... десять. Некоторые из мотков падали близко от *шилитов*, некоторые — далеко. При такой легкой гравитации

было очень трудно прицелиться. Наконец два мотка попали в цель.

— Назад... назад к тому выходу, откуда мы можем попасть во двор.

Пентон старался перекричать двух чудовищ, которые, неистово вопя, стали кататься по двору. Дворец сотрясался от их ударов. Всюду забегали люди. Крики *шалуров* перекрывали рев *шилитов*, доносившийся из внутреннего двора. Пентон некоторое время колебался, потом собрал все мотки и швырнул через ворота, разбросав по всему двору. Десятки мотков упали с мягким звоном и покатились в темноту. Три из них попали в цель. Беспокойно колышущаяся студенистая масса неожиданно соприкоснулась с жалящими электричеством предметами. Медные и цинковые провода, выходящие из резинового яйца в центре, питала батарея, помещенная в черную эластичную оболочку. Первая электрическая батарея в этом мире! И *шилитов*, этих огромных непобедимых *шилитов*, охватил болезненный ужас. Ведь у них не было кожи, они были массой обнаженной, незащищенной протоплазмы. Каждое прикосновение жалящих проводов пронзalo их тела электрическим током, мучительным и невыносимым.

Пентон знал, что будет твориться во дворе. Титаны из протоплазмы, с их странными, отливающими зеленью, блестящими в тусклом свете телами, кричали от боли, и эхо этих криков расходилось за пределы дворца, сливаясь со злыми возгласами окруживших его *лануров*. Здесь, внизу, когда огромные тела беспокойно движущихся *шилитов* касались жалящих электрическим током проводов, разряды тока заставляли их корчиться и дергаться. Они безумно, неистово стремились к бегству.

Появившиеся у нижних ворот *шалуры* старались обуздить *шилитов*, но безрезультатно. Один из студенистых комков, подкатившись к мотку проволоки, попытался заглотить его. И завопил. Моток пронзил его электрическим разрядом. Находившиеся за другими решетками *лануры* П'холкуун а также бросали мотки: двор был завален ими. И теперь *шилиты* не могли сделать ни одного движения, не касаясь при этом одного из раскиданных черных пауков. *Шилты* нашли только один выход: они стали расщепляться. Их студенистые тела распались на множество маленьких комков. Они становились все меньше

и меньше, но мотков падало все больше и больше. *Шлиты* не могли проскользнуть между ними, не могли найти ни малейшей лазейки, чтобы избежать электрического тока, разряды которого заставляли их всплыть от сильнейшей боли.

Пентон удовлетворенно наблюдал за тем, что происходило во дворе. Великаны диаметром пятьдесят футов, испуская всплы, рассыпались, и теперь не было ни одного студенистого сгустка величиной больше двух футов!

— Наденьте на ботинки вот это, — сказал он тихо, — и вперед. — Отстегнув от пояса два мотка проволоки, Пентон обернулся их вокруг ног. От его ремня протянулись нити проводов, соединяя края с пятью крошечными элементами. — А теперь, П'холкуун, мы сможем пройти по двору, если откроем решетку. Ни один *шилт* не осмелится нас коснуться. Там в двух местах замки, но я думаю, что электрическая дуга запросто их пережмет.

Электрический фонарь быстро переделали. Пентон присоединил к его клеммам две толстые медные спирали. Когда они коснулись стальных засовов, шипящее зеленое пламя вонзилось в металл. Засов расплавился и со звоном упал на пол. Затем наступила очередь второго: он стал красным, затем белым... и распался надвое. Земляне вместе налегли на решетку. Она подалась на дюйм, но устояла. Люди нажимали снова и снова. *Лануры* тоже навалились всей своей тяжестью. От ворот на противоположной стороне двора к ним метнулся лазерный луч, который расколол каменную стену вдвадцати футах от них. Пентон отбежал.

— Черт, они увидели, что мы ломаем решетку, и теперь не позволят нам к ней подойти. Мы должны что-то придумать. Интересно...

Пройдя по коридору и завернув за угол, он вышел к другой решетке и попробовал ее открыть, но безрезультатно: она оказалась исключительно крепка.

— Татуол, можешь провести меня к какой-нибудь решетке, где стоит *шалур*, у которого есть наш пистолет?

Ланур задумался:

— Я могу провести тебя туда, откуда только что стреляли.

— Отлично. П'холкуун, найдется у тебя храбрый человек, который остался бы у этих ворот? Ему нужно время от времени

подходить к решетке и отвлекать внимание на себя. Есть ли доброволец на такую работенку?

П'холкуун грустно улыбнулся:

— Я сам займусь этим. Действуйте. Я буду удерживать их. Если счастье мне изменит, вспомни свое обещание освободить мой народ.

— Хорошо, друг, — кивнул Пентон. — Они станут свободными еще до восхода солнца. Но... избегай луча, смотри в оба.

Пентон крепко сжал ему руку и пошел вслед за Татуолом.

Они отправились в долгое путешествие по коридорам дворца. Один раз им встретился небольшой отряд *шалуро*, вооруженных маленькими желтыми трубками, которые содержали в себе смертельный белый цветок... Земляне и их спутник, затаившись, пропустили *шалуро* мимо. Татуол знал потайные ходы в здании лучше любого придворного. Мало кто из жителей дворца осмеливался по ним ходить.

— За этим поворотом, — мрачно сказал наконец *ланур*, — решетка, из за которой *шалур* открыл огонь. Но я не уверен, что он еще там.

— Будем надеяться. Мы... а-а, он там.

Короткая вспышка лазерного выстрела в конце коридора... Пентон бесшумно повернулся за угол, Блэйк последовал за ним. Четыре *шалура*, стоя возле ворот, не отрывали глаз от решетки, у которой засовы светили тускло-красным светом.

— Он может добраться до нас и расплавить эти ворота, — обеспокоенно сказал один из *шалуро*.

— Пусть попробует. Я прикончу его, как только он покажется. Не буду менять направление луча. Я....

Пентон обхватил сильными руками двух гигантов с большими головами на длинных шеях, а Блэйк кинулся на других. Шесть *лануро*, которые следовали за ними, также обрушились на своих врагов, и через несколько секунд *шалуры* со злостью смотрели на землян, связанные по рукам и ногам.

Пентон проверил захваченный пистолет. Покачал головой.

— Это один из наших. Нужна новая батарея. Энергии осталось не более чем на десять секунд. Все это будет потрачено на сталь, и у нас ничего не останется. Ну...

Он открыл ножом затвор пистолета и, скрутив пальцами два кусочка проволоки, вытащил маленький барабан, затем

установил четыре крошечных винта. Оторвав часть медного провода, опутывавшего его краги для защиты от шлитов, он с помощью Блэйка осторожно его вытянул. Медь была хорошей и, прежде чем порваться, растянулась в тончайший, как волос, проводок, который был закреплен в барабане пистолета. Пентон поставил его на место и со щелчком закрыл затвор.

— Теперь, если мне не изменяет память и я правильно рассчитал скорость процесса получения энергии из меди, мы получим энергию в необходимых количествах. А если нет — отправимся на тот свет, — добавил он угрюмо.

Направив пистолет на ворота, Пентон нажал кнопку. Полыхнул короткий луч и, почти мгновенно разрезав решетку, проник во двор, распространяя удушильный дым. Пронзительные крики шлотов превратились в гневный визг. Пентон швырнул оружие на пол. Пистолет медленно раскалялся — жар распространялся от ствола к ручке. Все, кто был в коридоре, бросились прочь. Блэйк и Пентон успели отбежать на двести футов, когда невероятной силы взрывная волна отбросила их еще на двадцать. Позади раздался грохот падающей стены, даже вой шлотов на мгновение утих. Пентон осторожно поднялся.

— Неплохо, — сказал он рассудительно. — Не первый сорт, но и неплохо. Могло быть и хуже. Нам повезло, что город все еще стоит на месте.

Из разрушенных каменных блоков получилась отличная лестница. Два человека спустились во двор. Бластер, уже не представляющий опасности, лежал в пятнадцати футах от горы, которую образовали куски стены, окружавшей двор. Шалуры продолжали стрелять, и только их невероятно плохое зрение делало возможным продвижение к кораблю. Некоторые лучи и пули попадали в шлотов, некоторые вообще уходили в неизвестном направлении.

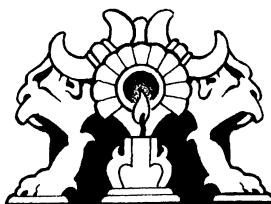
Но в десяти футах от ворот Пентон застонал и упал. Шлит моментально накрыл собой его руку, пока Блэйк не отогнал его прочь прикосновением своего ботинка. Кряхтя, он взвалил Пентона на плечи.

— Они нас держат на прицеле. Брось меня, беги к кораблю, дурак... Они всадили мне пулю в ногу...

— Ух-хух, — выдавил Блэйк, — ты шутишь, что ли? Держись. Даже в этом легком мире ты очень тяжелый...

Вскоре Блэйк посмотрел вниз с высоты пятисот футов из башни земного корабля. Затем он повернул ионную пушку и направил её луч во двор, а потом нажал на гашетку. Блеснул яркий луч... зеленоватая шевелящаяся масса внизу стала коричневой и неподвижной. Луч погас. Блэйк взял микрофон и сказал тихо, но звук его голоса был усилен громкоговорителями, встроенными в обшивку корабля:

— П'холкуун, если завтра на закате ты прилетишь на самолете, мы тебя встретим. Я могу уничтожить этот дворец, но большинство его обитателей — лануры... Мне нужно время, чтобы вытащить пулю из ноги Пентона... Увидимся завтра на закате.



ИЩУЩИЕ БЕССМЕРТИЕ

ГЛАВА 1. Второй металл

Тэд Пентон внимательно осмотрел компаньона, Рода Блэйка, и усмехнулся. В большом зале для аудиенций внизу, собралось двенадцать сотен ученых Калисто, чтобы услышать послание гостей из космоса.

— С нами случалось всякое, после того как нас выгнали с Земли, где мы устроили ядерный взрыв и выжгли территорию в три сотни квадратных миль в самом центре Европы... Но они сами виноваты в том, что не могут нас найти. Было же очевидно, что раз мы занимаемся ядерной энергией, мы первыми доберемся до других планет. И никто не сможет нагнать нас и вернуть, если не воспользуется запрещённой ядерной энергией.

— Во-первых, — перебил его Род Блэйк, загибая палец. — я выучил марсианский язык под умелым, хоть и болезненным, гипнотическим руководством марсианского мудреца — старого Лошту. Два, — и тогда он загнул второй палец. — Я изучил ланурский язык на Ганимеде, и это было более чем мучительно. А вот теперь мы на Калисто, и я лучше побываю еще на девяти планетах или двадцати странных лунах Солнечной системы, прежде чем позволю, чтобы меня учили языку таким образом... Посмотри, во что мы превратились, забравшись так далеко. Через час после того, как мы добрались до Марса, мы отчаянно пытались сбежать оттуда, удрать от его проклятых обитателей. Потом мы отправились на Ганимед, сражались с их прославленными *шалурами* и *ланурами*, а потом бежали оттуда. Мне не нужна эта головная боль, которую я всегда получаю после использования этой гипнотической системы, и если мы собираемся пробыть на Калисто год или около того, то за это время я смог бы выучить язык нормальным образом, а не с помощью гипноза. Понятно?

Пентон блаженно улыбнулся.

— Каллистыне собрались чтобы устроить с тобой что-то вроде пресс-конференции, которая вот-вот должна состояться. Просто нам не везло во время последних двух поездок...

— Если ты думаешь о тех *ланурах*, которых мы спасли... Нам просто не повезло... Но *лануры* считали по-другому, хотя они тоже думали, что нам не повезло, и хотели удлинить нам позвоночники, соединив черепа... Тебе же не кажется, что мы слишком капризные?

— Н-м-м, наверное. Но тогда ты должен признать, что *шалуров* достаточно, чтобы заставить закапризничать кого угодно, — заметил Пентон.

— В этом нет нашей вины. Мы же помогли этим *ланурам* свергнуть повелителей *шалуров*, которых они сами и создали. Они не могли сами ничего придумать, чтобы сдержать этих пятидесятифутовых амеб...

— *Лануры* попали в рабство не по нашей вине, они не хотели кого-то винить, а тут мы были под рукой. Если бы *шалуры* вели себя благоразумно и не создали бы *шилты* размером в пятьдесят футов, что-то еще можно было бы сделать. Но эти твари выглядели как комки неприятной слизи, которая готова была затопить весь город. Я не видел, что с этим могли бы поделать *лануры*. Единственное, что мне тогда пришло в голову, так это сжечь весь город... уничтожить его лазерным лучом. Проклятые твари могли просочиться куда угодно через самую тонюсенькую трещину. Хуже всего, что не существовало способа бороться с ними. Всех своих врагов *шилты* просто переварили бы...

Блэйк посмотрел вниз через декоративную решетку, отделявшую комнату от огромного зала для аудиенций. Зал был переполнен.

— Кстати, Пентон, о чем вы собираетесь говорить с собранием каллистян?

— О разном, — вздохнул Пентон. — Решу, когда начну говорить. У есть шанс побеседовать с Та Лагхом, который привез нас сюда. Всего пять минут... У них есть автомобили — и мы ехали на одном из них. У них есть хлопающие крыльями, летающие машины — мы видели их, когда спускались на планету, на нашем космическом корабле. И я не знаю, что у

них есть еще. Знаю, что у них нет огня, потому что не существует топлива, которое горело бы в их атмосфере, так что я прихватил кое-что, чтобы их позабавить, — Пентон вытащил из мешка какие-то куски металлического лома и небольшую бутылочку, наполненную палочками желтоватого воска, в водянистой жидкости.

— Белый фософ, — решил Блэйк. — Вот только метал... Да это же магний. Да, он будет гореть где угодно.

— Некоторые из аборигенов, возможно, видели пламя в лаборатории, в особых условиях, но я не думаю, что кто-то из них видел огонь в свободном состоянии. Но у них есть корабли, мы видели их в заливе. Их и отсюда видно. Скажем так, все эти корабли имеют моторы, только вот какую энергию они используют? Состав атмосферы Каллисто не позволяет использовать дизельные двигатели. Электричество... Только вот с помощью чего они его генерируют? Я хочу узнать, все, что известно им, до того, как раскрою все свои карты. Так или иначе, мы должны оставаться тут, пока не пополним запасы пищи. Жаль, что мы не были так мудры, когда перегружали вещи с корабля в жилище, которое наш друг П'холкуун предоставил нам на Ганимеде.

— Да, — с иронией протянул Блэйк. — О, Полномочный Посол Земли. И что? Вы хотите вручить ему ноту?

— Да уж, «посол», — усмехнулся его друг. — Земля устроила грандиозный фейерверк, когда мы последний раз её посетили — все огромные орудия стреляли в нашу честь.

— Возможно, это было всего лишь недоразумение, — усмехнулся Блэйк. — Мне почему-то кажется, что ты и дальше станешь трактовать факты только так, как тебе выгодно, ведь проверить твои слова никто не сможет.

— Но сейчас важнее решить, как поступить с этими каллистянами? Ты поклялся, что они — честная, по-джентльменски настроенная раса. Ты в этом уверен?

Пентон кивнуло в сторону кладовки в углу комнаты, где висел его скафандр.

— Я же снял свой костюм. Каллистяне не понимают ментальной телепатии, точно так же как не понимали мы до того, как марсиане преподали нам практический урок, пусть даже он оказался не таким уж приятным. Аборигены Каллисто не

умеют маскировать свои мысли, и я знаю, чем руководствуется старый Та Лагх встретил нас и отвез сюда. Он неплохой пэрень, но из-за того, что он слишком резко принимает решения, он совершил ошибку, приведя нас сюда. А все потому, что он боится сделать что-то не так. Однако кто может сказать, как на самом деле нужно приветствовать посла с чужой планеты? Кто должен присутствовать на этой встрече? С другой стороны, старик поступил совершенно верно, собрав для встречи представителей иного мира целое созвездие ученых, а не политиков. Он обладает большим влиянием. Премьер без сомнения разозлиться, но я благодарен Та Лагху за то, что он относится к нам по-доброму.

— Я не против того, чтобы вылезти из космических скафандром, — вздохнул Блэйк. — Единственное, о чем я сожалею, наши ультрафиолетовые пистолеты и дезинтеграторы, остались в кладовке вместе со скафандрами. Мне нравиться, когда у меня на боку пушка, если я на неисследованной планете. Это придает мне уверенность в том, что я реально хозяин ситуации. Так что, ты был не так далеко от истины, когда заставил нас захватить эти игрушки.

— Дезинтеграторы переводят вопрос мирных отношений в сферу академических вопросов. Если ты станешь доказывать кому-то что-то с помощью этой штуки, то, скорее всего, от твоего конкурента ничего не останется... А пока приготовься встретиться с ассамблеей интеллектуальных каллиствия... Вон идет Та Лагх.

Блэйк со вздохом развернулся.

— Рад, что ты согласился выступить как посланник Земли. Но как же ты сможешь это сделать, если отказываешься выучить их язык...

— А ты сам почему не изучил их язык? — усмехнулся Пентон. — Тогда, подозреваю, это придется сделать мне... Добро пожаловать, Та Лагх, — закончил Пентон, плавно перейдя на каллистянский. — Ученые собрались?

— Да, землянин. Если вы готовы... — старый чиновник посмотрел на них с дружелюбием и достоинством.

Сидящие в ожидании аудиенции двенадцать сотен каллистян подтвердили худшие опасения Пентона. Председатель собрания оказался необычайно высоким, даже для восьми-

футовых каллистян. У него были седые волосы, а бородка подстрижена в стиле, сильно напоминающем древних ассирийцев. Он всем своим видом символизировал огромную важность предстоящего события, исторический момент официальной встречи представителей разных цивилизаций. Директор Технического университета Шарл поднялся и объяснил, что это исторический момент для ученых обоих миров. Старн Драфт, самый выдающийся ученый Каллисто, медленно поднялся на платформу — старый, пошатывающийся, морщинистый, даже издалека было видно, что он преклонного возраста. Но речь его оказалась остроумной и мудрой, неординарной. Пентон, слушая его понял, что в теле старика скрывается молодой разум. Старн Драфт особо обратил внимание на то, что неизбежно химические элементы разных миров будут сильно отличаться. И возможно, это жизненно важно.

— Существуют элементы, которые имеют огромное значение. — отметил он. — Они в небольших количествах есть на Солнце. Но их, к сожалению, никогда не было на нашей планете. Наша планета легкая, поэтому потеряла почти весь водород, гелий и другие легкие элементы, которые тут изначально существовали. Случилось это в те времена, когда планеты еще только начали охлаждаться. Более массивные миры наверняка сохранили эти элементы в небольших, но доступных количествах. Тут...

В это время в зал, спотыкаясь, вошел человек в зелено-синей форме Военно-Воздушных сил Каллисто. Он тяжело дышал и был дико возбужден. Несмотря на усилия охраны, пытавшейся его остановить, он выбежал на середину зала, крича.

Та Лагх понялся со своего места и вышел вперед.

— Стой! — взревел он. — Что является причиной этого вторжения?

— Командир... Командир... Их корабль сделан из *второго металла!*

С единственным мощным ревом все собравшиеся разом вскочили на ноги. Та Лагх замер, уставившись на Старн Драфта. Ученый победоносно взглянул на своих коллег.

— Я сказал это! В тяжелом мире остался *второй металл!*

Но никто не услышал его голос из-за шумных криков. Та Лагх схватил молоток и начал стучать по резонатору на своем

столе. Постепенно ему удалось остудить пыл собравшейся сотни каллистян. Вскоре их удалось успокоить, и они вернулись в свои кресла.

— А теперь курьер, расскажите взяточно, в чем дело? — спокойным голосом спросил Та Лагх.

— Микроскопический кусочек соскобили с корпуса корабля пришельцев. Сейчас делают спектральный анализ. Главные компоненты, которые были обнаружены: медь, кобальт, алюминий и магний. Основная часть материалов, как мы и подозревали, не отвечает ни на один из известных тестов. Однако восемьдесят процентов металла корпуса — сотни тонн *второго металла*!

Старн Драфт с придуханием пробормотал что-то себе под нос. Взгляд его блестящих, старых глаз замер на Та Лагхе. И тогда тот заговорил:

— Полагаю, мне стоит объяснить нашим гостям, насколько нам важен *второй металл*, — тут он многозначительно посмотрел на Пентона. — Большая часть нашей промышленности и науки основана на изучении жизни, биохимии. В последние годы мы научились синтезировать жизненные формы из неорганических элементов. Мы создаем живые клетки и приспособляем их для выполнения определенных функций. Постепенно мы разработали много различных типов синтетических форм жизни, которые поставляют нам пищу, и делают нашу работу... Но из теоретических расчетов стало ясно, что настоящий триумф микрожизни может быть достигнут, если мы найдем правильное сочетание аминокислот и углеводов. Много раз мы пытались соединить эти вещи, и сложить их вместе должным образом, но у нас толком так ничего и не вышло. Нам не хватало какого-то важного ингредиента... Низшие формы жизни, которые мы использовали, были перемешаны с неорганическими веществами с помощью лучей радия. Чтобы получить более сложные формы, необходимо более мощное излучение, и хорошие результаты были получены с помощью мощных рентгеновских трубок, к которым было подано напряжение более десяти миллионов вольт. Но чтобы создать идеальный продукт — настоящую микроскопическую жизнь — мы должны получить мощность в пятнадцать миллиардов вольт! Это должны быть лучи определенного типа. Физики-ядерщики

доказали, что во всей вселенной подобную энергию может дать расщепление только одного вещества — металла *второго типа*.

Пентон медленно кивнул.

— Да. Я думаю речь идет о бериллии. Именно из него сделан наш корабль. Бериллий — легкий элемент, который, вероятно выкипал, когда ваша планета остывала. Он очень редкий металл даже на Земле.

— Этот металл очень нужен нам, потому что, если нам удастся сконструировать разумные микроскопические создания, мы можем стать бессмертными, — тихо пояснил Старн Драфт.

Пентон сильно удивился.

— Но причем тут бессмертие?

— Направляя микроскопические формы жизни, чтобы они делали необходимый ремонт наших тел, уничтожали злокачественные новообразования, путем внедрения миллиардов послушных защитников, мы сможем избежать любой инфекции. Наши тела имеют защитные клетки, но эти клетки действуют инстинктивно. Эти клетки никогда сами не нападут на клетки рака, потому что действуют инстинктивно и защищают рост тела. Мы не можем активировать их — призвать к атаке, когда заразимся. Они выживают, когда инфекция распространится, и только тогда их вялый инстинкт наконец сработает. А имея под рукой синтетическую жизнь, мы можем гарантировать себе иммунитет от всех болезней, травм и даже старения.

Мгновение Пентон задумчиво смотрел на Старн Драфта. Он пытался оценить ситуацию, которая, судя по всему, становилась довольно пикантной. Единственным источником бериллия на планете был корабль землян. А Пентон и Блэйк ни под каким предлогом, даже ради поиска бериллия не хотели возвращаться на Землю. Хотя, может быть, за прошедшие два года их друзья убедили правительство Земли, что Пентон и Блэйк не по праву оказались вне закона и атомные исследования не уничтожают планету...

— На Земле достаточно бериллия. В обмен на ваши технические знания, я уверен, Земля сможет в течение года обеспечить вас необходимым количеством *второго металла*.

Старн Драфт с насмешкой посмотрел на землянина.

— Нам нужно получить бериллий в течение ближайшего месяца.

— Но бериллий очень редкий элемент... Вы же это знаете. Он рассеян...

Ученый резко поднялся со своего места.

— Атомы бериллия, по нашим расчетам не вступают в реакцию с другими атомами. Не смотря на то, что бериллия мало, он должен быть в самородках. Он не растворяется...

Пентон с печалью посмотрел на каллистянина. К сожалению, тот был совершенно прав.

— А самородки довольно редки. Так что некоторые народы нашей планеты делают из него драгоценности. Оправы для изумрудов и сапфиров. И только потому, что этот металл имеет определенные оптические свойства — препятствует части лучей, распространяющихся в пространстве. Поэтому его использовали для создания нашего корабля... — с надеждой в голосе продолжал Пентон.

— Алмазы редкое сочетание элементов. Большая часть наших драгоценных камней редкие кристаллы оксида алюминия из того же материала, — устало произнес Старн Драфт. — К тому же нам хотелось бы знать, каким лучам препятствует бериллий? Что это за лучи? — и он посмотрел на Пентана с таким выражением, словно подозревал, что землянин что-то скрывает.

— Если мы вернемся, я могу заверить вас, что в течение года вы получите достаточный запас *второго металла*, несколько тонн, — заверил его Пентон.

— Если мы используем металл вашего корабля, то, наверное, мы смогли бы договориться о том, чтобы часть восстанавливавших клеток перестроили под ваши организмы. Вам обоим будет даровано бессмертие. Вы много узнаете, и в конце концов сможете заново построить ваш корабль из другого металла.

Глава 2. Краткая передышка

— Это почетный караул, — с иронией в голосе объяснили Пентон, кивнув в сторону четырех восьмифутовых каллистян, переминавшихся в коридоре за дверью. — И не в коем случае не стоит думать, что они просто наши надзиратели.

Блэйк угрюмо посмотрел на приятеля.

— Заткнись! Это пока что единственный мир, откуда нас не выперли пинком под зад. И наш корабль ещё охраняется. Согласно приказу Та Лагха, вокруг него выставили четыре линии охранников, пока местные ученые изобретают метод переработки *второго метала*. К тому же, здесь наши космические костюмы...

— Эти каллистыне все отлично понимают. Они знают больше о металле, из которогостроен корабль, чем я — тот, который его построил. И нет никакой вероятности, что о нас забыли и нам дадут снова надеть космические костюмы.

— Когда тут темнеет? — неожиданно спросил Блэйк. — Посмотри на эти тени на оранжевом газоне. Мы прибыли сюда шесть часов назад, и с тех пор тени не сдвинулись ни на миллиметр.

— Ну, может, на дюйм и сдвинулись. Но не больше, — вздохнул Пентон. — Этот спутник всегда одной стороной повернут к Юпитеру, точно так же как Луна к Земле. Этой планете нужно шестнадцать дней, чтобы сделать полный круг. Так что ждать ночи бессмысленно.

— Шестнадцать дней? Но когда мы приземлились, рассвет давно миновал, — запротестовал Блэйк.

— Брат мой, ты не понял. Я считаю на пальцах, и только когда у меня ревматизм, делаю ошибки, — прорычал Пентон. — В следующий раз, когда кто-то что-то спросит у меня, я скажу: «Да, сэр. Все верно. Вы хотите, чтобы я устроил вм роскошный закат? Конечно. Минуточку». Я мог бы догадаться, что у них не хватит терпения ждать. Старый Старн Друфт не хочет жить год, или около того, пока мы соберем бериллий, и шесть месяцев, пока местные ученые произведут и оттестируют живую клетку. Их президент стар, и, естественно, большая часть каллистян, которых мы видели, достаточно стары чтобы желать как можно скорее обрести этот бериллий. Если они смогут продержаться эти шесть месяцев, они будут жить еще столетия. Если они умрут за это время — они потеряют бессмертие!

— Почему-то мне кажется, что ты не заинтересован в их предложении бессмертия для нас самих.

Пентон внимательно посмотрел на своего друга.

— Ты думаешь, кто-то сможет полностью изучить химию существа из иного мира за год или даже лет за десять? Они

себя изучали в течении многих столетий, но даже теперь знают недостаточно, чтобы контролировать его, не прибегая к трюку с жизненными формами. Они и свою-то химию толком не знают, и работать будут не с подопытными животными... Зато они чертовски хорошо знают, что мы останемся тут, если они разберут наш межпланетный корабль. Я все понял, пока Сарн Драфт обдумывал проблему... У них в лабораториях нет огня. Источник их электричества — первичные батареи. У каллистян не бывает пожаров и нет паровых двигателей. Гравитация их планеты слишком слабая, чтобы можно было говорить о развитой гидроэнергетике. Лет пятьдесят ушли бы на то, чтобы под нашим руководством построить плавильни и начать развивать нефтеперерабатывающую промышленность, даже на основе атомной энергии. Ведь им придется начать почти с нуля.

— У меня есть почти непреодолимое желание вернуться домой, — пробормотал Блэйк. — Только как нам это устроить?

— Ночь ждать, нет никакого смысла. Не зря каллистяне охранников сюда посадили, но наши стражи расслаблены, так что если мы будем действовать быстро, то, быть может, застанем их врасплох. Кроме того, если мы выждем несколько дней, и они перестанут волноваться... Знаешь, как выбраться из города?

— Да. Этот город стоит на берегу внутреннего моря, которое больше всего напоминает огромное соленое море. Залив похож на залив Сан-Франциско, только много меньше. По форме это словно греческая буква «ω». Мы на левом мысу, в правительственныех кварталах, окруженных кольцом красивых, широких, оранжевых парков. Мы будем заметны, как пара зебр, вышагивающих в обнимку по Пятой авеню. Наш корабль в аэропорту на другом конце бухты. Единственный способ пересечь эти парки ярко-оранжевой травы при дневном свете — двигаться среди тех складов и доков, вдоль линии причалов.

— Где-то там мы должны будем угнать автомобиль, и каким-то образом миновать порт. А потом мы должны будем убедить четыре шеренги гвардейцев, что все это сон, и они крепко спят, или что мы просто часть пейзажа.

— Если их трава не такая уж яркая... может, мы где-то раздобудем оранжевую одежду.

— Не дай Бог, кто-то увидит меня в оранжевых штанах!

— Это хороший план, Блэйк, только нам нужно узнать подробности. Кроме того, клинки охранников имеют такие неприятные неровности на краях. Они выглядят так, словно гений, спроектировавший их, был очень злым человеком.

— Да. И еще у них есть оружие на основе сжатого воздуха.

Пентон задумчиво посмотрел в холл. Двое охранников загораживали дверной проем, о чем-то с интересом беседуя. Конечно, корабль из берилля был для них очень важен. Дальше по коридору, стояли еще два воина, в равной степени заинтересованные в бессмертии. Но несмотря на разговоры, они явно держались настороже.

— Знаешь ли мой друг, мне интересно, что эти пташки станут делать, если... — тут Пентон залез в один из своих многочисленных карманов и выудил одну штуковину — фонарик, питавшийся от миниатюрного ядерного дезинтегратора, слишком маленького, чтобы тем можно было причинить реальный вред. Две пачки сигарет, которые не будут гореть в этой атмосфере, которая была богата углекислым газом и азотом, но слишком бедна кислородом для поддержания процесса горения. Еще у него в карманах было мыло, для смягчения воды, обломки куска магния и, небольшая бутылочка белого фосфора. — А ты знаешь, мы можем попытаться, — наконец объявил он.

На глазах охранников, он сел посреди комнаты. Он начал разбирать фонарик: снял объектив, лампу и отражатель, обнажив медные контакты. Из бутылки с фосфором он вытряс три белых палочки. Потом он высыпал куку магния на каменный пол.

Прервав разговор, охранники с беспокойством уставились на него. Пентон выудил из кармана моток медного провода, а Блэйк другой. Пентон быстро приладил их к контакту фонарика, и растянул их фута на три, с обнаженными кончиками меди в дюйм длиной. Эти обнаженные кончики он обернул вокруг двух кусочков фосфора. А потом он на мгновение нажал кнопку «ВК», и кусочки магния на мгновение вспыхнули, а потом, когда цепь разорвалась, все потухло.

Охранники подошли, обнажив мечи, но они не выглядели настороженными.

— Ага, — медленно протянул Пентон. — Теперь они пытаются забрать наши вещи. Никто из них никогда не видел ни огня, ни электрической дуги. Думаю, сейчас будет весело. — Он обернулся медный провод вокруг кусочка фосфора. Снова между контактами полыхнуло красным пламя фосфора, потом повалил густой грязно-белый дым.

Пентон и Блэйк закрыли свои лица платками и побежали к большому сосуду в другом конце комнаты, а сама комната к тому времени уже заполнилась дымом — самым густым и непроницаемым из известных человеку. Пентон прошел через белую полумглу, закрыв лицо платком. Те стражники, что остались снаружи, звали подмогу. Те, что остались внутри, кашляли и шатались, пытаясь выбраться из комнаты. Пентон наклонился над грудой металлического магия, и через мгновение еще раз полыхнуло. Магний горел красиво. А густой дым создавал идеальную дымовую завесу. Через шестьдесят секунд земляне уже быстро шли по коридору. Пара минут, и они уже были далеко. А где-то за спиной звучали крики встревоженных охранников.

— Как, черт побери, ты сделал это оружие? — поинтересовался Блэйк.

— Обыкновенна химия, — Пентон закашлялся и выругался. — Только вот эти маски не такие эффективные. И во рту у меня привкус кислоты.

Беглецы старались избегать боковых коридоров и дверей, из которых высекали ошеломленные каллистяне, старающиеся не вставать на пути землян, которые, как уроженцы мира с более сильной гравитацией, были много массивней и сильнее. В конце коридора оказалась массивная запертая дверь. Пентон резко остановился. Схватив за руку Блэйка, он мгновение изучал надпись над дверью.

— Черт. Хотел бы я более подробно изучить их язык... Думаю, эта надпись означает «выход»...

Они бросились вперед, но коридор за дверью по спирали уходил вниз. Крутой уклон делал спуск весьма опасным. В разреженном воздухе было тяжело дышать. В свете отстоящих довольно далеко друг от друга светильников был виден ряд закрытых дверей. Земляне спускались вниз, пока одна из дверей не распахнулась и в коридор не высыпал отряд

гвардейцев. Фонарик, точнее то, что от него осталось, еще раз полыхнул вспышкой магния.

Натыкаясь друг на друга, охранники отступили, испугавшись сверхъестественного огня в руках Пентона, который мог оказаться смертоносным. Земляне последовали за ними, а потом свернули к первому же окну. В восьмидесяти футах внизу раскинулся оранжевый газон, вытянувшийся в сторону ветхих доков и складов.

— Давай, — проговорил Пентон. — Думаю, на этой планете мы сможем совершить прыжок с высоты восьмидесяти футов.

Глава 3. Склады

А через две минуты земляне замерли, тяжело дыша, заплавив в лабиринте каких-то грузов в пакетах, а взвод охранников с грохотом доспехов мчался широкими шагами следом за ними по оранжевой лужайке. Масса товаров, привезенных в этот город из неведомых портов этого странного моря, была сложена в настоящий лабиринт, благодаря которому беглецам удалось на время скрыться. Когда Блэйк обогнул огромную кучу фруктов, где-то далеко закричали рабочие. Землянин резко остановился и огляделся. Рядом с ним поднимался штабель ящиков. Каждый ящик занимал объем примерно шесть квадратных футов.

— Пентон, нам нужно где-то затаиться. Держи, — и Блэйк легко снял с верху и поставил на землю один из громоздких ящиков. Через пять минут на складскую территорию хлынули стражники. Сидя внутри замкнутого пространства, со всех сторон огороженного ящиками, Пентон задумчиво усмехнулся.

— Здесь, пока мы сидим в окружении этих ящиков, нас никто не найдет. Мы тут отсидимся, только вот что нам тут кушать?

Блэйк посмотрел на фрукты в ящиках. Размером они были с лимон, с роговой ярко-фиолетовой оболочкой, на которой полностью было желто-зеленых пятен.

— Не знаю. Если по вкусу они такие же, как на вид, нам будет плохо, если мы попытаемся их попробовать.

— Внешний вид не имеет для меня никакого значения, а вот вкус... Хотя пахнут эти фрукты хорошо, так что я бы

их попробовал... Кажется солдаты ушли. — Пентон открыл свою сумку и стал в ней копаться. — Мыло... Стараюсь соблюдать правила гигиены... Оно пригодиться нам для того, чтобы смазать нож, когда мы станем резать это дерево. Борное мыло смягчает воду... Вот еще один обломок магния... Складной нож...

Тщательно намылив клинок, он разрезал мягкую древесину ящика. Вскоре отверстие оказалось достаточно большим, чтобы он смог просунуть пальцы и вытащить из ящика странный плод. Он осторожно вытер с ножа оставшееся мыло, и попробовал разрезать твердую кожицу фрукта. Та оказалась тонкой и почти сразу уступила клинку, и из фрукта хлынула темно-красная желеобразная масса. Скривившись, Пентон попробовал её с кончика ножа, а потом одобрительно улыбнулся.

— Хм-м, — протянул Блэйк, внимательно наблюдая за Пентоном.

— Неплохо. Если бы ты заглянул в мозг Та Лагха, то...

Внезапно раздался царапающий звук, словно кто-то снаружи хотел пролезть в укрытие землян. Пентон и Блэйк отступили в дальний угол своего крошечного убежища, уставившись на пущистое существо, протиснувшееся в их укрытие. Существо прыгнуло к Пентону и с неприятным скрежетом вонзило зубы в его сумку, разрывая ткань так, что содержимое сумки высыпалось на землю. Мгновенно создание забыло о людях и стало шарить среди выпавших вещей. А потом завывая от радости, выудило маленький квадратный пакетик и тут же, закинув его себе в пасть, начало с триумфом его пережевывать.

— Боже мой... Это борное мыло! — ахнул Пентон. — Одна маленькая местная тварь решила, что это мыло — невероятная вкусняшка.

Бумага и пакет борного мыла исчезли, когда тварь слогнула. А потом повернув голову, она уставилась на Пентона блестящими фиолетовыми глазами. Пентон тяжело осел. Блэйк безучастно уставился на зверька, который неподвижно застыл, наблюдая за землянами. Создание было небольшим — длиной фута в два, не более шести дюймов в холке. Голова напоминала собачью, глаза были фиолетовыми, и выглядело создание достаточно дружелюбно. Хотя у твари было шесть лап, каждая вооруженная острыми когтями. При этом, казалось, создание

улыбается, обнажив зубы, а точнее блестящие, сероватые клыки, выглядевшие металлическими — клыки с палец шириной. У зверька был мягкий мех, и оно виляло длинным хвостом.

— Еще борного мыла... — попросил зверек.

— Думаю, что эта зверюга так сильно любит борное мыло, что ему можно доверять. Думаю, он обращается нам ментально. А пришло оно сюда, потому что почувствовал запах мыла...

— Люблю борное мыло, — мысленно согласился зверек, виляя длинным хвостом.

— Похоже на результат скрещивания порождения кошмаров с таксой, — объявил Пентон. — По крайней я рад, что он не любит меня.

— Люблю тебя, — настаивал зверь. — Гкрфпс любит тебя... Есть еще мыло?

Ментальная речь зверька звучала совершенно невнятно, как словно говорил попугай.

— Гк... и как там дальше — это должно быть его имя, — заметил Блэйк. — Думаю, нам лучше будет звать его Пипелиной. Со всеми этими ногами, хвостами и головами, думаю, что зверек напоминает даму в бигудях.

Пентон вздохнула.

— Похоже... Да и мыслит она на манер эмансипированной дамочки... Хотя я все-таки отличаются от борного мыла, а любить два предмета одновременно нельзя, тем более, судя по тому что стало с мылом, любовь её выражается весьма своеобразно... В любом случае тварь выглядит дружелюбной.

— Еще мыла, — ментально повторило животное.

— Нет, Пипелина тут больше мыла нет. Загляни к нам через несколько дней, когда мы вернемся на корабль. Там этого мыла, наверное, фунтов пятьдесят.

— Посетить корабль. Вернуться назад на корабль.

— Хм-м, нам нужно это сделать, но я не могу сделать это прямо сейчас. Скажи, Пентон, насколько далеко могут простираться ментальные способности этой зверюги? А не может, оказаться двойным агентом? Может, её послали каллистане, чтобы она нашла нас?

— Вовсе нет. Думаю, он пришел на завлекательный запах. Так он мне ментально и сказал: он почувствовал запах борного мыла — сладкого деликатеса для этих тварей... Вот

поэтому он и ворвался сюда. Зверек бродил где-то неподалеку. Но... Выходит её ментальный диапазон восприятия много больше нашего Попоробую-ка я узнать, что поделывают наши тюремщики, — и Пентон попытался мысленно представить себе Та Лагха. — Знаешь этого человека, Пипелина? О чём он сейчас думает?

— Знаю, — гордо объявила Пипелина. — Помни, они будут здесь... Смотри за входом в здание... Нет, лучше отпраляйся и охраняй корабль... Ты, глупец, смотри за выходом... Ты адский, непокорный незрелый идиот... Ты, цыпленок, курицу учить будешь?.. Убирайся отсюда, пока я тебя не разжаловал. Присматривай за кораблем, ты жалкий, безмозглый, придурак! Куда они могли деться?.. Они хотят вернуться на свой корабль... Иди к их кораблю, загляни в корабль. Мыло... Борное мыло!.. Иди на корабль... Они пойдут к кораблю, так почему за ними охотятся в городе... Они пойдут к кораблю... Следить за кораблем...

Блэйк вздохнул.

— Возможно, разрыв связей, — объявил он, откинувшись назад на ящики. — Но зверек умный. Очень умный. Ты замечательная зверюга, Пипелина, и ты получишь полный фунт борного мыла, в ту же минуту, как мы достигнем корабля. Ты обладаешь замечательной способностью для фотографической... или телепатической... разведки.

Он повернулся в сторону Пентона.

— Думаю, я начинаю понимать, как мыслит Пипелина. Она, словно разумный записывающий фонограф... только не знает, где остановиться или с чего начать.

— Жизнь ради бора, — с нежностью проворчала Пипелина, словно ментально цитируя кого-то, только это был вовсе не Та Лагх. — Бор необходим этой своеобразной форме жизни... Этот кусок я получил от сторожа местного склада, который доложил, что бор передал ему через помощника матрос вернувшийся из Стакул... Вскрытие показало бы замечательную анатомию этого зверя, которое, не похожее на другие формы жизни... Эти существа обитают только в одном уголке нашей планеты, и представляют отдельную ветвь эволюции... Это — высший представитель. Он может принимать телепатические сигналы прямо из разума и передавать их кому

угодно, сам по себе лишь в малой степени понимая, что он передает... Борное мыло?

Пентон усмехнулся.

— Пипелина, похоже у тебя и в самом деле недостаток образования, раз ты так путаешься... У тебя есть приятель?

— Приятель — моя собственность, — Пепелина неожиданно села на задние две ноги, вытянувшись. Затем странное животное легло на передние ноги, встало задними и оставалась сидеть на средних. — У меня нет приятеля.... Но у меня есть Фкраб, и мне обещали борное мыло!

— Похоже, я начинаю понимать. Подозреваю, тут нечто большее, чем гастрономическое пристрастие к борному мылу, Тэд. Речь идет о самце её породы, — решил Блек.

— Самка, у которой постоянная течка... Самец и самка для продолжения рода нуждаются в боре... Отсутствие бора в больших количествах, не дает этому чрезвычайно плодовитому виду переполнить планету... Эти создания имеют очень мощные коренные зубы, способные дробить минералы так, чтобы пережевывать и глотать, использовать органический бор... Давай проберемся на корабль...

— Хороша история жизни. Бьюсь об заклад, Пипелина слышала эти лекции десятки раз... Ты бы лучше её отвадил.

— Будет еще борное мыло?

— Ну-ка, Пипелина. Ты получишь борное мыло, как только мы доберемся до корабля. И предупреждаем: веди себя спокойно, пока мы не выберемся, или мы не дадим тебе никакого мыла... И где твой самец, Пипелина? Пусть он лучше будет под рукой, — все это он произнес вслух, повернувшись к Блэйку.

Для животного, родившегося в таком маленьком мире, Пипелина развивала безумную скорость. Пентон только подумал о самце, а Пипелина вскочила на ноги. И раньше, чем Блэйк смог бы возразить, зверек исчез, словно его и не было.

ГЛАВА 4. Страгаф

— Никогда не думал, что на таких коротких лапках можно двигаться с такой огромной скоростью, — тихо заметил Блэйк. — Думаешь, она вернется?

— За борным мылом вернется, — вздохнул Пентон. — На корабле пятьдесят фунтов борного мыла. Мой друг, разве ты не понимаешь, что этот хищник может спасти нас. Я вообразил, то есть постарался ей внушить, что её друг ждет её, но она не может накормить его бором, чтобы получить потомство, пока мы в безопасности не доберемся до нашего корабля. А нам в любом случае мне нужно получить запас соединений углерода. Вернемся к обеду...

— Кажется, здесь достаточно желейных фруктов, чтобы накормить двух голодных. По вкусу забавно, не так ли? Напоминает смесь апельсинового сока и говяжьего соуса. Вкуснотища, хоть и неприятно звучит.

— Выглядят аппетитно, — протянул Пентон. — У меня странное желание, поесть его-то мясного. Это, должно быть, какого-то рода... Выглядит, словно местный заменитель старых, знакомых быстрых обедов из морепродуктов.

Блэйк покосился на содержимое коробки, которое дегустировал Пентон. Там было множество штуковин, больше всего напоминающих семидюймовые хот-доги.

— Даже хот-доги у них какие-то худосочные. И рассортированы не пропорционально, — заметил Блэйк. — Эта штука наполовину тоньше, чем нужно, и в два раза длиннее.

Пентон спокойно разрезал еще одну коробку. Осторожно потянувшись, он вытащил еще одну штуковину. А потом он нахмурился, задумавшись.

— Без сомнения, я знаю, что это, но что хочешь делай, ни за что не вспомню ни что это такое, ни как оно называется. Я не пытался разобраться в пищевых продуктах, когда читал мысли Та Лагфха. Да... Совершенно верно, это какая-то пища. Хотя что-то я все-таки запомнил... Кажется, их едят прямо так. Ну, поехали!

Пентон осторожно положил в рот кусочек каллистанского деликатеса, а потом осторожно укусил. Блэйк внимательно следил за ним. Неожиданно лицо Пентона замерло — на нем застыла маска удивления. Брови полезли на лоб, а глаза чуть из орбит не повылезали. Какое-то время он просидел, замороженный от удивления. Его рука, скимавшая странную пищу сжалась крепче, и он слглотнул, хотя веки его были крепко сжаты. Очень медленно кадык пополз вниз по его горлу, и он слглотнул.

Потом его глаза широко раскрылись, и он уставился на Блэйка. Блаженная улыбка расплзлась по его лицу. Остальная часть странного блюда исчезла тремя крупными глотками. Пентон неподвижно сидел мгновение, словно концентрируясь на чем-то внутри. Наконец, он снова посмотрел на Блэйка.

— Замечательно, — фальцетом произнес он. — Э-э-э, я имел в виду, замечательно. Ты должен попробовать один из них, — он вытащил один из фруктов и протянул Блэйку.

Род Блэйк с подозрением посмотрел на приятеля.

— Судя по всему, тебе удастся себя преодолеть, — наконец произнес он. — И так, мой друг, что тебе привиделось?

— Я... Я пытался вспомнить все, что касается этой штуки. На мгновение я подумал, что все получилось. Тварь, которую ты видишь, называется *страгаф* — аналог красного морского червя, очень ядовитого. Но эти *страгафы* только внешне напоминают этих червей. *Страгафы*, конечно, не черви. Попробуй, очень вкусно.

Блэйк взял штуковину двумя пальцами. Очень осторожно поднес ко рту, на минуту замер и только потом укусил. Через мгновение он отшвырнул тварь и вскочил. *Страгаф* тонко, визгливо завывала. Блэйк уставился на неё с нескрываемым ужасом. Улыбаясь, Пентон потянулся и ушипнул штуковину. Она застыла неподвижно, в то же время, молнией протиснувшись через щель, появилась исчезнувшая было Пипелина. Она проглотила *страгафа* за долю секунды.

— Еще *страгаф*? — спросила она. — Еще *страгафа* для Фкраба?

Позади неё, скребя когтями, в убежище землян протиснулся зверек побольше размером. Виляя шелковистым хвостом, он дружески обнюхал Пентона. Зверек с большой бурой головой уставились на него яркими фиолетовыми глазами.

— Борное мыло, — ментально пробормотал новичок.

Пентон выловил ещё одного *страгафа* из коробки и бросил его в сторону зверька.

— Сейчас дам тебе... Ну, Пипелина.

Зверек поймал кусок пищи, и тот тут же исчез в его пасти.

— Пятьдесят фунтов борного мыла на корабле... Давайте заглянем на корабль, — предложила Пипелина, не отступая от этой, важной для неё, идеи.

— Не станем торопиться, Пипелина. У нас еще есть десять килограммов борной кислоты. Но вокруг враги...

— Десять килограммов борной кислоты, — Пипелина начала радостно приплясывать. Внезапно она подняла нос по ветру и пулей вылетела из потайного убежища. — Я разведаю.

— А вот я все думаю, как ей удается одновременно управляться шестью ногами, — вздохнул Блэйк. — Каждый раз, когда она исчезает, у меня замирает сердце. Но в этот раз она исчезла так быстро...

— Врагов нет, — вновь появившись, безапелляционно заявила Пипелина не своим голосом, мотнув головой в сторону своего приятеля, — Это животное, как все, кто находится на этой ветви эволюции, оснащено шестью лапами. Шесть конечностей, как правило работают в ритме иноходца. Тем не менее, некоторые могут изменить походку в любую из возможных комбинаций!. Очень хороший страграф.

Пипелина присела на задние лапы, средние лапы стояли, а передние вытянулись. Длинные когти выдвинулись из подушечек передних лап и с характерным шлепком она поймала страграф. А потом броском она переправила страграф своему приятелю. Действуя словно автомат, она перебросила так пять страграфов, прежде чем отправить один себе в пасть.

— Эффектно, Пипелина, эффектно. Может быть теперь вы зайдемся нашими делами? — поинтересовался Пентон. Зверек внимательно посмотрел на него. Хвост существа при этом ходил из стороны в сторону.

— Мы готовы, но сперва — поесть, — объявила Пипелина.

Кивнув Пентон рванул стенку ближайшего ящика и тут же оказался завален потоком страграфов. Он действовал не так быстро, как шестиногое существо, и несколько страграфов упали на пол. Пища при ударе, они словно резиновые мячики отскакивали от земли и вновь подскакивали. Но прежде чем они снова упали на пол, Пепилина решила проблему, проглотив их всех.

Пепилина уставилась на Пентона.

— Пентон, хочешь еще страграф? — поинтересовалась Пипелина. В её голосе прозвучало что-то вроде упрека. Пентон жонглировал пятью страграфами, в то время как Блэйк боролся с двумя, которые он поймал совершенно случайно.

— Что тут происходит? Это пища или живые существа? — Одна из тварей яростно затрещала. Блэйк выронил свою ношу, которую тут же подхватила Пипелина.

— Страграф — последний триумф современной науки, — пояснила Пипелина. — В разработке этого великолепного продукта участвовали тысячи научных работников... Самое важное: страграфы скоро будут продаваться Фраил Старн и Компанией, как нужный и вкусный элемент, жизненная форма... Реклама этих гамбургеров скоро сделает меня очень богатым... Я слышал, эти проклятые штуки достаточно живые и когда собираются вместе, начинают двигаться... При низких температурах они могут неограниченно долго храниться и не портиться, так как они живые, и уничтожать все деструктивные формы и бактерии... Они не будут пахнуть, и вы не станете приносить эти веши в мой дом, Джаг Куолл.

Пентон вздохнул и присел. Ему наконец удалось оттолкнуть Пипеллину от отверстия в ящике, и он уселся перед дырой, закрыв её. Последний из страграфов отправился в пасть зверьку, но в глубине ящика все еще слышалось слабое и настойчивое поскребывание.

— Да и еще орут они так, словно готовятся к фестивалю экспериментальной музыки... Вы неуклюжий олух, если связались с ними, — объявила Пипелина, облизывая кусок мяса, который сжимала своей лапой.

— Это точно. — сердито подтвердил Блэйк. — Хотя ты могла бы предупредить..

Пентон встал.

— Похоже они двигаются там, у себя в ящике.

Неожиданно вид страграфов стал много громче, постепенно перерастая в вой, и земляне поняли, что это звук скорее всего эхом разноситься по всему «складу».

— Они здесь! — закричал кто-то за пределами укрытия землян. Послышалась тяжелая поступь, приближающейся стражи. Блэйк расправился, глядя на Пентона.

— Думаю, нам пора сваливать отсюда.

Пентон поднял руки. Ящик, который служил крышкой их временному убежищу, качнулся у него в руках, а потом землянин резко приподнял его. Пентон отшвырнул ящик, и она

приземлился где-то со страшным грохотом, развалившись на куски. Мгновенно где-то за коробками поднялся страшный визг, а потом кто-то ужасно завопил. Поняв замысел приятеля, Блэйк запустил следом еще один ящик со *страгафами*. Судя по звукам, при ударе ящик разлетелся, вывалив свое содержимое.

Обе каллистянские собаки метались как могли, но *страгафов* было огромное количество, тем более, что следом за первыми двумя ящиками, последовало еще четыре.

— Это отвлечет погоню, — тихо заметил Пентон, прислушиваясь к воплям охранников.

Пентон и Блэйк выскочили из своего убежища, увидели приближающихся охранников, которые, бросившись к ним, натолкнулись на волну из тысяч безумно скачущих *страгафов*. Некоторые из охраны наступали на скользкие тела и падали, лишь увеличивая беспорядок. Земляне со всех ног бросились по лабиринту из груд аккуратно сложенного товара, а потом, промчавшись по длинной дорожке, оказались у небольшой запертой двери. Одновременно навалившись на неё, приятели ещё раз доказали, что в этом мире сила рожденных на Земле что-то значит...

— На вид, так у абриганов сил не должно хватать, таскать такие тяжести, — заметил Пентон в сторону огромных грузовиков, которые катились по широкой дороге, протянувшейся параллельно гавани и докам. Огромные машины, почти потярившиеся под грудами загруженного на них товара, грохотали на очень хрупких на вид колесах. — Местная гравитация делает тяжелые грузы легкими. Громоздкие грузы помогут нам скрыться. Не собираешься присоединиться ко мне?

Огромный грузовик, груженный какими-то мешками, притормозил, видимо двигаясь согласно трафику, а через мгновение понесся дальше. Пентон и Блэйк запрыгнув на борт, зарылись в мешки с чем-то гранулированным.

— Может стоило бы выбрать машину с другим грузом? — проворчал Блэйк. — Удивительно как... Эй.. Эй, Тэд...

— Ш... ш... — его друг зажал ему рукой рот. — Это Пипелина и компании. Говорил тебе, они не отстанут от нас так легко. Они только что запрыгнули... Эй, а ну-ка прекрати это, Пипелина. Мое лицо чистое... Оно много чище твоего языка. Что случилось? Разве *страгафы* закончились?

— Больше борного мыла. — проворчала зверушка. — Больше борного мыла для Пипелины...

Через полчаса грузовик загрохотал, притормаживая, и покатился дальше медленно-медленно. Вот он повернулся и остановился, снаружи послышался какой-то грохот, затем он покатил дальше. А потом все звуки стали гулкими. Какой-то из каллистян снаружи весело позвал, а другой ответил ему из грузовика.

— Вот и все, — поспешил объявил Пентон. — Судя по всему, это — конечная точка доставки. Хотелось бы, чтобы эти ребята на какое-то время уснули, пока мы отсюда выберемся. Должно быть, это какой-то химический завод.

Пентон потянулся. Мешок, который прикрывал его сверху, стал сползать, и землянин, наконец, выпрямился. Рядом с ним одновременно расправился Блэйк, и потом они вместе спрыгнули на землю. Четыре каллистианина в удивлении застыли, глядя на землян, а потом повалились на пол сраженные их кулаками.

Когда земляне огляделись, оказалось, что они находятся в огромном ангаре. Потолок маячил в сотне футов у них над головой, а стены находились в трех сотнях футов. Ангар был большим, словно три футбольных поля, собранных под одной крышей. И тут было полным-полно огромных баков деревянных снаружи и изнутри покрытых какой-то пластмассой.

Из баков тянулись трубки серебристого металла, которые образовывали настоящую паутину на полу комнаты. Другие трубы протянулись от каждой ёмкости к цистернам в дальнем конце комнаты. Где-то мягко журчат вентиляторы.

— Куда мы отправимся дальше? — поинтересовался Блэйк.

— Подумай о том, что нам следует сделать дальше. Жалкий идиот... Драг Куолл, придёт ли когда-нибудь день, когда ты станешь понимать, что я имею в виду... — продолжала Пипелина. — Отдайте нам пятьдесят фунтов борного мыла и десять килограммов борной кислоты.

Пентон присвистнул и заглянул в фиолетовые глаза зверя.

— Ты можешь только повторять мысли того, кто рядом с тобой, Пипелина, но как я понимаю, можешь мыслить избирательно... Ты повторяешь только то, что на твой взгляд имеет смысл. Ты имеешь в виду, что действуя подобным образом мы

не попадем на корабль. Да, так и может... Эй ты, межпланетный бродяга... Блэйк... держись подальше от этих металлических штуковин!

Пентон неожиданно вскочил на деревянную лестницу, поднимающуюся на один и ближайших баков. Блэйк последовал за приятелем и остановился, когда тот был уже почти на самом верху. Невероятно сильный животный запах ударил ему в лицо. А потом он понял, что вентиляторы включены для того, чтобы рассеивать этот запах. Рывком он выбрался на край бака и, стараясь не вдыхать неприятный запах, посмотрел вниз. В баке находилась огромная масса теплой, дымящейся плоти — целый бак дрожащего, сырого мяса. В него были погружены серебристые трубы, разделенные на десять тысяч усиков. По пластиковой трубке постоянно шел поток гнилой, вонючей жидкости. Скривившись от тошноты, Блэйк отступил. Мгновение спустя Пентон, позеленев, последовал за ним. А потом он направился через ангар туда, где оставалось небольшое пустое пространство, предназначеннное для работы каллистян.

Блэйк нашел приятеля склонившимся над стекловидной панелью, десять на десять футов, связанной с серебристыми трубами и лабиринтом пластиковых труб. Тут подным-полно было циферблатов, кнопок, датчиков и колесиков управления.

— Во имя Девяти Богов Девяти планет и многочисленных божков остального пространства! — выдохнул Пентон. — Это... Блэйк, брат мой, да ты знаешь, что это такое? — Пентон, вздохнув, еще раз всмотрелся в переплетение труб и приборов, а потом повернулся. Выглядел он испуганным. — Это, мой друг, дом питания. И генерирует он около 1000 вольт постоянного тока.

— Который может быть усилен, если добавить еще баков, — добавила Пипелина, читая мысли человека и отвечая ей чьими-то словами. — Самая большая трудность — размер, пропорциональный количеству ампер... Однако они сделали это... Заберите это животное. Если сможете Парфал... Третий раз оно появляется тут. Оно должно находиться в лекционной комнате Фварг Форана. Ты должен это сделать. Иначе я тебя тут на месте прикончу... — доложила Пипелина.

Блэйк внимательно посмотрел на зверушку.

— Электрически угри... Они их обучают!

— Нет, это не животные... Это синтетическая жизнь, призванная служить разумной расе. Здесь они производят электричество для всего города. Подозреваю, что отсюда они запитали телефоны, радио, телеграф... Только посмотри, Блэйк. Оператор такой электрической фабрики должен быть хорошо подкован технически и, как я подозреваю, иметь личный автомобиль. И этот автомобиль должен находиться где-то в этом ангаре. Надо взглянуть у ворот, через которые заехал сюда наш грузовик. Так что нам нужно вернуться, — Пентон посмотрел на ворота, в то время как Блэйк уже бросился бегом через тусклый освещенный зал. Пипелина и её дружок с удивлением посмотрели ему вслед. Потом они, неуверенно переглянувшись, разделились — каждый последовал за одним из землян.

Блэйк отыскал автомобиль — небольшой, гладкий, чем-то напоминающий седан. Тот был припаркован между двумя гигантскими резервуарами.

— Блэйк... — позвал Пентон. Услышав, как его товарищ отозвался из дальнего угла зала, он позвал его. — Род, подойди, взгляни-ка пульт еще разок. Нужно определить какие из цепей, подают электричество в город, и выключить их. Я не хочу резать трубы или отключать насосы для циркуляции питательной жидкости. Иначе эта электрическая плоть может разозлиться и чего доброго полезет из баков... Ты тут разберись, а я пока осмотрю машину.

ГЛАВА 5. Мускуломобиль

Через пять минут Блэйк уже стоял на дверной подножке автомобиля. Рядом сидела Пипелина. Она смотрела на Блэйка и покачивала головой.

— Эти каллистеяне похоже создали жизнемобиль. Ты только посмотри на двигатель...

Блэйк окинул взглядом машину, отметив, что двигатель у неё находится в задней части. Через мгновение он поднял капот и уставился на массу механизма.

— Похоже, двигатель шестицилиндровый, радиального типа, оснащен смесителем... но сделан он из пластмассы. Что-то похожее на то, что было на Ганимеде.

— Да, — проворчал Пентон. — Почти весь автомобиль из пластмассы. Но он смонтирован на деревянной раме. Но в мире, где нет огня, подобное сделать очень сложно. Однако пластмасса такая же твердая.

— Только это не дизель. Выглядит словно зеленое стекло.

— А я-то думал, как дизельный двигатель может работать в этой атмосфере? Так вот, это мой друг, это вовсе не двигатель. Это — животное, хорошее, синтетическое животное.

— Животное! Шестицилиндровое животное? С коробкой передач и системой зажигания?

— Нет. Шестимускульное животное. Нагнетатель тут не нагнетатель. Это вентилятор — механические легкие. В топливном баке не бензин, а сахарный раствор. Я попробовал. Система зажигания... она состоит из синтетической нервной ткани. И несколько миниатюрных клеток, вырабатывающих электричество — клетки для стимуляции. Для мышц, мой друг, не нужна высокая концентрация кислорода. Они сами себя «ремонтируют», обновляют себя и с возрастом становятся все сильнее. У меня, конечно, не было времени, чтобы хорошенко все рассмотреть, но я подозреваю, что этот животный двигатель также имеет синтетические почки, чтобы удалять ненужные продукты, и, вероятно у него есть что-то вроде синтетических желез, и, вероятно, какие-то клетки, вроде сальных желез в локтях, которые должны вырабатывать что-то вроде смазки. Шесть мышц тянут сухожилия, связанные с контактными кольцами... Возможно они не из окисляемого серебра... Металлический коленчатый вал редуктора прямо на колесах. Спидометр рассчитан на восемьдесят миль в час — скорость хорошо натасканной борзой.

— И будет хорошо ездить?

— Нет, но управлять им можно. Нервная ткань стимулируется нажатием рычагов. Рулевой механизм состоит из четырех мышц, имеющих связь с передними колесами, — вздохнул Пентон. — Род, мышцы в три раза эффективней, чем газовый двигатель... Но какой вес двигателя соответствует одной лошадиной силе? Мыщца вашего бедра весит десять фунтов, и имея малый рычаг, в среднем может поднять триста фунтов... Эта водянистая субстанция, почти желе, тянет вес в три тысячи фунтов.

— Но, мой друг, мускул может работать лишь какое-то время. И он не сможет двигаться со скоростью восемьдесят миль в час, даже если П'холскун и все его племя бросится за нами?

— заметил Блэйк.

— Вот то, что нам нужно... Вот механические легкие с большим количеством возможностей, как-то вентиляторы, пластиковое сердце и насос. Мышцы твоего сердца работают, не останавливаясь, потому что кровь снабжает их всем необходимым... Даже бензиновый двигатель развалиться, если, например, засунуть картофелину в выхлопную трубу или забить её отходами... Но главное, если ты чувствуешь, если ты убежден, что можешь идти быстрее... ты пойдешь... Однако, ты можешь поехать. Я объясню тебе, как этим управлять, — Пентон неожиданно остановился. Из-за открытых ворот, через которые привез их сюда грузовик, доносились странные звуки.

— Хм-м-м... Думаю, тут должна быть установлена какая-то система звукового оповещения.

— Кажется, прозвучал звуковой сигнал, которым обменивались водители грузовиков, когда мы приехали сюда. Конечно, мы можем ползти через город на тех грузовиках. Но я думаю, нужно поступить по-другому.

— Садись и поехали. Я покажу тебе, что я надумала, — усмехнулся Пентон. Пипелина и Пипелин топтались вокруг Пентона, когда он полез следом за Блэйком. А тот тем временем взялся за ручки управления. Подвигал рычаг скорости взад-вперед, нажал педаль, которая должна была соответствовать тормозу. Машина плавно покатила вперед, устойчиво, гладко, когда он загнал рычаг в гнездо. Они медленно поехали к воротам, а потом проскользнули через большие двери. Снаружи стояли грузовики и гудели. Эти гудки разносились эхом. Мягкий вой вентиляторов под сидениями был едва слышен.

— Ты сможешь проехать мимо них на этой маленькой машинке... Эй, давай, шевелись. Поворачивай направо, и как можно скорее уезжай с этой площади.

Пять маленьких машин, набитых охранниками в форме, медленно пробирались через линию застывших грузовиков на встречу землянам. Сердито выли сирены.

— Думаю, стоит припарковаться, — объявил Блэйк, свернув на обочину.

Стражники неслись прямо на землян, но направлялись они судя по всему в «дом питания». Еще несколько машин с охранниками метнулись в обратно м направлении.

— Хорошо работают, — усмехнулся Блэйк, вливаясь в поток движения. Он вел машину гладко, но спеша. — Они открыли путь для нас.

— Надеюсь, — кивнул Пентон. — Сохраните...

— Эй... Тэд... — Блэйк резко затормозил автомобиль, сыпя проклятиями. — Ты криворукий идиот. Мы же опять едем в сторону Ассамблеи, откуда только что выбрались.

— Не стоит беспокоиться. Все у нас получиться. К тому же, как ты собираешься проскользнуть через четыре линии гвардейцев — четыре линии воинов, которые находятся начеку? А то место, куда мы направляемся, не охраняется. Приходится тебе напомнить, что Ассамблея — единственное место на планете, где нас не станут искать. Скорее всего, все охранники заняты нашими поисками... Неужели ты думаешь, что они помнят о том, у нас было два ружья, и два ультрафиолетовых пистолета в скафандрах?.. Ты высадишь меня у окна... Изгородь, если помнишь, декоративная, да и сделана из дерева... Знаю. Я вовсе не прыгун, и можешь не сомневаться, я не собираюсь через неё прыгать...

Блэйк широко ульбаясь, развернул машину. Невысокая деревянная изгородь вокруг дома Ассамблеи, разлетелась на куски, когда земляне припарковались у каменной белой стены. Колеса их автомобиля заскользили по короткой, скользкой траве. Они остановились прямо под окнами, расположеннымными в двадцати футах от земли. Пентон вылез из транспортного средства каллистян... Четыре стража, вышедшие из дверей, расположенных в паре сотен футов от них, увидели, как Пентон взлетел вверх в удивительном прыжке, который в миг перенес его на подоконник. Охранники отступили, пропустив вперед огромный военный автомобиль.

— Самое последнее достижение гражданской обороны, — занудно начала твердить Пепелина. — Бронестекла. Используется для борьбы с автомобильными бандитами... Этот автомобиль сделан из жестких материалов, а не из пластмассы, опирается на шесть колес, каждое имеющее отдельный привод к отдельному девятимускульному мотору... он способен

развивать скорость почти в сто пятьдесят миль в час, но не надолго... Бандиты же не проявляют никакого уважения к властям и имеют собственные склады...

Блэйк тем временем задумался о том, у кого Пипелина получила ценную информацию. Полицейская машина, которую он рассматривал, и в самом деле была сделана из странного серого материала. У неё было шесть толстых небольших колес. Огромный горб, прикрывал двигатель. Мыши или нет, но этот автомобиль несся вперед с огромной скоростью, причем прямо на маленький автомобиль, на котором приехали земляне. Блэйк, совершив отчаянный вираж, уклонился от столкновения. Бронированный бегемот взмыл и устремился к легкой машине. Шесть девятимускульных двигателей позволяли тяжелой машине двигаться с такой же скоростью, как легкому автомобилючику. Кроме того, водитель-калистиянин в калистиянской машине, без сомнения, имел определенное преимущество, так как обладал практикой вождения. В отчаянии, чтобы уйти от тяжелой машины, Блэйк рванул вдоль стены здания, проскользнув почти перед самым носом огромной, тяжелой машины, избежав опасного, прямого столкновения, которое размазало бы машину Блэйка по стене. А потом он отчаянно затормозил, надеясь, что тяжелая машина промчится мимо.

Легкая машина вильнула, грозя перевернуться на скользкой траве. Передние колеса заклинило, и её развернуло вправо. Тяжелая машина вспахала дорожку гравия, двигаясь параллельно автомобилю Блэйка. Тормоза отказали, и она на полной скорости рванулась вперед. Шестиколесная машина была много тяжелее — это и отменная реакция землянина спасли Блэйка, когда он резко дал задний ход, выскользнув из ловушки. А после он отчаянно рванулся через лужайку, не сводя взгляда с зеркальца заднего вида. Скорость... Самое главное сейчас было в скорости... Посреди лужайки рос огромный черный гриб. Блэйк плавно притормозил и обернулся. Огромный гриб облаком пыли медленно оседал на землю в разреженной атмосфере. Огромная воронка двадцати футов в радиусе и неведомой глубины была на том месте, где только что находилась шестиколесная машина. Блэйк медленно вернулся к тому месту, где теперь в стене Ассамблеи зияла огромная черная дыра. Пентон вновь сел в машину.

— Их телефоны снова работают, — весело объявил он. — Думаю, мы что-то недоработали на силовой станции... Но я успел, вот твое оружие.

Пентон привел себя в порядок, прижал к стеклу дуло тяжелого пистолета и нажал на курок. Тут же в нем появилось отверстие достаточно большое, чтобы высунуть дуло наружу. А потом он проделал точно такую же дыру в боковом стекле.

— Но не все так плохо. Благодаря восстановленной связи, скоро все они узнают, что дезинтегратор сделал с их бронированной машиной. Не думаю, что это им понравится.

— Так телефоны работают?

— Да, но теперь, думаю, все будет в порядке. Они просто побояться и дальше препятствовать нам... Что ж, теперь самое время начать переговоры.

Каллистяне медленно возвращались в аэропорт, который они недавно и поспешили покинули. Движение в городе восстановилось, как только силовая станция вновь заработала. Вновь стали работать телефоны и радиоточки.

— Они установили охрану, вокруг брусков *второго металла*, который мы им оставили, — сообщил Блэйк. — Надеюсь, они нам благодарны.

— Знаю. Но мы не должны были оставлять его. Хотя, с другой-то стороны: почему нет? У нас ведь и в самом деле были эти запасные пластины — пятьсот фунтов бериллия. Они могут начать работать с пожилыми людьми, создавать жизненные клетки, которые так необходимы им. И, знаешь ли, Род... Я бы хотел и дальше поддерживать дружественные отношения с этими созданиями. Когда-нибудь мы вернемся на Землю, и то, чему мы тут научились, станет бесценным даром.

— Может, и так, — с гордостью объявила Пипелина.

Блэйк резко обернулся, в то время как Пентон был занят, склонившись над пультом корабля. Несколько секунд он молчал, а потом мягко ответил.

— Тэд, мой друг, самое время вернуться на Ганимед.

— Ганимед?.. П'холкуун... — удивился Пентон.

— И *шлиты*... Мы там не популярны. Но будем, непременно будем. Как ты думаешь, как они отнесутся к Пипелине? С другой стороны, для неё там будет много пищи...

— Еще борное мыло? — с надеждой поинтересовалась Пипелина.

— Не дай бог! — Тут же воскликнул Блэйк. — Там *шилиты*, очень много *шилитов*.

Пентон неожиданно взглянул на Блэйка и усмехнулся.

— Ты прав, клянусь Юпитером! *Шлиты* не могут уничтожить весь бор, но Пипелины могут уничтожить самих *шилитов*...

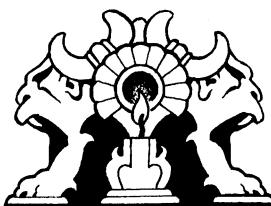
— Борное мыло, — попросила Пипелина. Прозвучали эти слова тихо, но значительно.

— Не знаю, — мягко протянул Блэйк. — Профессор на Каллисто говорил, что *шилиты* очень плодовитая раса. Если бы я знал, если бы догадывался, с чем нам придется столкнуться, на этом корабле не было бы ни грамма борного мыла. А теперь нам придется спешить. Две Пипелины на этом корабле были бы в удовольствие, но...

Медленно Пентон опустил взгляд. Пипелина сидела гордо, а вокруг неё ползали штук пятьдесят трехждоймовых, шестиногих пушистых зверьков. Дружелюбные хвостики от удовольствия ходили из стороны в сторону.

— Борное мыло? — разом ментально вззвыло пятьдесят то-неньких очень дружелюбных голосков.

— Нет, — мягко, но решительно объявил Пентон. — Нет. По крайней мере, до того, как прибудем на Ганнимед.



ДЕСЯТЫЙ МИР

Блэйк взирал на, мягко говоря, своеобразное оружие с явным недоверием.

— А я предполагал, что, неся вахту, ты более ответствен. И чем ты все это время занимался? Протонным излучателем, у которого отдача, бьющая как пушечное ядро?

Судя по виду Пентона, он эту отдачу уже ощутил.

— Я просто не подумал об этом, но впредь буду бдительнее, — ответил тот, держась за ушибленное запястье.

— А могло быть еще хуже, ты легко отдался. Почему тебя не устраивает обыкновенный лазерный луч? Ведь с ним не сравнится никакая молния.

Но любопытство взяло верх, и Блэйк, взяв странную конструкцию в руки, направил ее на стальную пластину и с опаской повернул пусковой рычажок. В мишень ударил тонкий ослепляющий луч из протонов, выпущенных со скоростью 100 000 миль в секунду, а разряженный протономет отбросило назад. Над пластиной появилось фиолетовое свечение, поверхность стали покрылась пузырями, как кипящее масло, и, распространяя невыносимый жар, металл превратился в облако светящегося газа.

Блэйк опустил оружие, которое еле удерживал в руках после выстрела.

— Если приготовиться к удару заранее, то отдача не так уж велика, примерно как у сорок пятого калибра. Интересная, конечно, штука, но в чем его преимущество перед лучевым ружьем? Оно стреляет очередями, радиус действия у него пять миль, а не полмили, как у этого, к тому же отдачи почти нет.

Пентон усмехнулся:

— Часа через два мы должны оказаться на Трансплутоне, до нас туда не ступала нога человека. По мере наших возможностей мы должны определить его состав, минеральные

породы, которые там, должно быть, очень необычны, так как температура на планете минус двести шестьдесят пять градусов. И так как мы не химики и не геологи, то должны сделать хотя бы спектральный анализ. Для этого нам и нужен протономет: пары, которые он создает, — прекрасный материал для спектроскопа. А лучевое ружье и дезинтегратор для этого не подходят. Первое дает смазанный спектр, а после второго вообще ничего не остается. Еще пока ты спал, я определил основные параметры планеты: ее диаметр пятнадцать тысяч миль, в экваториальной — жаркой — зоне, куда мы сейчас движемся, температура примерно на пять градусов выше абсолютного нуля. То есть в виде газа там может быть только гелий, все остальные элементы твердеют. В миллионе миль от Трансплутона находится его спутник, диаметр которого около двух тысяч миль. Вот и все, сейчас я рассчитаю торможение, а ты, будь добр, займись завтраком.

Блэйк направился в хозяйственный отсек, а Пентон еще раз осмотрел свое творение и стал готовиться к посадке. Он трижды объявлял тормозное предупреждение, и каждый раз Блэйк торопливо запихивал продукты и кухонные принадлежности в специальные контейнеры. Однажды он все-таки не успел, и яичница долго летала по отсеку, пока неожиданное ускорение корабля не вернуло ее на сковороду, которую Блэйк, к несчастью, держал в руках. Отерев с комбинезона потоки желтка, он продолжил свои героические усилия.

Наконец Пентон совершил посадку. Вокруг простиралась холодная безрадостная поверхность Трансплутона. Унылый гнетущий сумрак висел над обледенелой, матово отсвечивающей равниной. Низкое Солнце напоминало далекую звезду и светило не ярче, чем Луна на Землю. Этот унылый свет не давал никакого тепла.

В шлюз повеяло мертвящим холодом. Блэйк, дрожа всем телом, судорожно передвинул рукоятку системы обогрева на поясе.

— Боже, какая дикая стужа! — проговорил он, еле справляясь со стучащими зубами.

В его наушниках послышался ехидный смех Пентона.

— Выходи, дружище, разомни ноги, понежься на ласковом ветерке под теплым солнышком.

Корабль стоял на площадке, покрытой крупным голубоватым песком, по краям были разбросаны угловатые черные камни. Это был самый край равнины. К подножию огромного белого кряжа, уходящего вверх, почти вплотную прилегало озеро. Кряж тянулся на север. Сверху было видно, что он подступает к большой реке, впадающей в еще большую, которая устремлялась в огромное море.

С одной из вершин белого утеса срывалась струйка жидкости, распыляясь на мельчайшие частицы в этой разреженной атмосфере, состоящей, по-видимому, только из гелия и паров водорода.

Кряж перечеркивала уходящая вправо полоса темной скальной породы. Солнце, висящее над голубоватой равниной, отсвечивало на глянцевой поверхности обломков, сорвавшихся с обрыва.

Правая часть хребта терялась в сумрачной дали.

— Внушительно, — прокомментировал Пентон, — но что-то не вдохновляет. Посмотрим, что дальше.

Около двух миль они шли вдоль озера, потом по извилистому руслу ручья, вытекавшему из него. Потом ручей разделился на множество ручейков, перерезавших всю голубоватую равнину.

Песчаный грунт оказался достаточно прочным, и Пентон двинулся вперед.

— Блэйк, за мной! Идти совсем не трудно.

Блэйк бросил ему спектральную камеру и осторожно двинулся следом.

— Слушай, что за странный песок? Он какой-то не такой, — крикнул он, перебираясь через ручей. Оказавшись на том берегу, он наклонился и зачерпнул горсть голубоватого «песка». На его глазах горка в ладонях стала медленно таять и исчезла.

— Похоже на замерзший кислород, — сказал Пентон. — Кряж — вероятно, это замерзшего глыба азота. Песок под ним тоже азот. А вот темные обломки, думаю, обычная скальная порода.

Далекое солнце по-прежнему тускло отражалось в темных изломах скал.

— До чего уныло выглядит эта голая поверхность в тусклом холодном свете. Хоть бы снег припороли эту наготу.

Пентон согласно кивнул.

— Снег, наверное, смыли потоки жидкого водорода. Подобный дождь здесь должен случаться часто. — Он качнул головой в шлеме в сторону азотного хребта. — Теперь снег остался только высоко в горах. А сейчас давай остановимся и выясним спектр черной жилы.

Они установили камеру, и Пентон направил свой протономет на черный выступ в обрыве. Вспыхнуло ослепительное пламя, и камень превратился в сверкающий газ. Пентон включил спектральную камеру.

— Свечение бледно-зеленое...

— Пентон, — голос Блэйка прозвучал как-то странно, — ты видишь те круглые валуны?

Пентон покосился на друга.

— Они там валяются сотнями. Теперь давай посмотрим...

— Послушай, я видел, как они зашевелились.

— Наверное, кажется, когда смотришь через пар. Видимо, это тени... — рассеянно отозвался Пентон.

— Но они двигаются и сейчас!

Пентон оторвался от своих мыслей и внимательно вглядился в один из валунов. Сомнений быть не могло — медленно, еле уловимо, но глыба, как и соседние с ней, меняла форму. И, не переставая деформироваться, они неуклюже переваливались в сторону раскаленного пятна, оставшегося после залпа протономета.

— Они... нет, не может быть! Да ведь они живые, — от изумления у Пентона перехватило дыхание.

Блэйк издал вопль и неуклюже рванулся к глубокой щели в обрыве.

— Когда захочешь еще поорать, Род, сначала отключи свой шлемофон, — резко сказал Пентон. — И к тому же нет необходимости так скакать — они движутся очень медленно.

Пристыженный Блэйк вышел из укрытия.

— Ну да, я испугался. Испугаешься тут, когда вдруг видишь, как камень начинает ходить. Хорошо еще эта дрянь неожиданно до нас не дотронулась.

Тут он прервался на полуслове, обернулся и вдруг бросился, не разбирая дороги, по островкам, ведущим к озеру, в сторону корабля. Пентон обернулся и какое-то время оцепенело

смотрел на то, что обратило в бегство его друга. Нечто неопределимое, многочисленное надвигалось от края покрытой сумраком равнины. Это было не похоже на медленное переваливание округлых глыб. Десятки огромных существ двигались в стремительном, фантастическом марше. Темная слитная масса, выкатывающаяся из призрачного тумана, казалась неправдоподобной. Тем временем Блэйк преодолел полпути к островкам.

— Вернись, Род, ты не успеешь! — очнувшись, закричал Пентон.

Блэйк на ходу оглянулся и, сочтя предостережение справедливым, так же быстро побежал назад.

— Дай Бог, чтобы они не тронули корабль, — еле переводя дух прохрипел он. — А нам хорошо бы укрыться в расщелине.

— Не думаю, что они опасны для нас. Если что, мы переждем на той стороне озера. Но хотел бы я знать, что это такое, никогда не видел ничего даже похожего.

Странное стадо тем временем замедлило свой бег, и теперь в тусклом свете солнца можно было рассмотреть громадных существ около сотни футов длиной и тридцати в диаметре. Их темная окраска почти сливалась с окружающим темным фоном. Их чернота, казалось, поглощала любой свет, падающий на них, как мрак самого Космоса.

Одно из первых цилиндрических существ вдруг как-то неестественно сложилось и в результате этого маневра повернуло в сторону корабля.

— Они все-таки движутся к кораблю, — теперь заволновался и Пентон. — Их надо остановить.

Он поднял протономет, прицелился в ближайшую глыбу и нажал кнопку. Из оружия вырвался тонкий сноп раскаленного света и, достигнув цели, расплылся пылающим пятном на боку цилиндра. Существо вздрогнуло и замерло, черная окраска стала странно исчезать, переходя в серо-голубой оттенок. Цилиндр как-то расслабился и стал оседать, как шар, из которого выпускают воздух. Наконец один его конец опустился в озеро. Жидкий водород забурлил, закипая, сильный ветер уносил клубы пара. И вдруг несколько существ, спешащих в сторону корабля, повернулись и быстро покатились к распластанному на берегу собрату. Они извивались рядом с

тушней, а еще с поддюжины подоспевших глыб отталкивали их, стараясь найти место у мертвого тела. Те, кому это не удалось, снова направились к кораблю. Пентон выстрелил еще и еще — пять темных глыб замерли и рухнули мертвыми, на них тут же взгромоздились другие.

Пентон покачал головой и опустил оружие.

— Это безнадежно. Их тут сотни и приближаются следующие — всех не перестреляешь. Я все понял — они идут на тепло.

— Зачем им тепло?

— Видишь, как они присосались к теплому каркасу корабля? Они живые, и им необходимо тепло. Дай Бог, чтобы корабль выдержал.

— Но почему они не боятся?

— Видимо, им просто неведомо чувство опасности или страха. Смотри, их у корабля стало еще больше.

Цилиндры извивались, лезли друг на друга, задние, издавая неясное ворчание, отталкивали передних, чтобы протиснуться к нагретому металлу.

— Да... — задумчиво произнес Пентон. — Тепло им необходимо. Видимо, их черный покров удерживает тепло, так что они, можно сказать, теплокровные. А сразу после смерти их тело это тепло излучает, видишь, они бросили того первого, он, наверное, уже совсем остыл.

Но Блэйка сейчас больше интересовало другое.

— Послушай, наш звездолет, конечно, очень крепкий, — произнес он, — но при этой температуре металл мог стать более хрупким. Ты уверен, что он выдержит подобную нагрузку?

— Уверен. Стены обогреваются от реактора, а горючего там еще месяцев на двенадцать, — Пентона волновало явно что-то другое. — А вот хотел бы я знать, как мы проникнем на корабль. Можно, конечно, вежливо попросить одну из этих туш подвинуться, но, боюсь, они не поймут нашего языка.

— К тому же мы теплые, — задумчиво произнес Блэйк. — Будет не очень приятно оказаться в объятиях этих монстров.

— Ты прав, — отозвался Пентон, оглянувшись, — Но, к сожалению, они уже направляются к нам сами.

И правда, несколько цилиндров, оторвавшись звездолета, резво двинулись к нему — напрямик через озеро жидкого водорода.

— Может, они утонут? — с надеждой спросил Блэйк сам у себя.

— Или замерзнут, — откликнулся Пентон.

Но дальше последовало нечто, не поддающееся осмыслинию. Когда первый цилиндр, поднимая радужные ледяные фонтаны, погрузился в озеро футов на двадцать, он наконец остановился. Широкий срез на его передней части стал расщепляться, слой черной глянцевой кожи скручивался до тех пор, пока не превратился в подобие хобота. Эта огромная, фута два в диаметре труба, вытянулась и глубоко погрузилась в невыразимо холодную жидкость. Поверхность пошла рябью, затем образовались воронки. Раздалось жуткое хлюпанье, и труба оторвалась от озера.

— Оно это пьет, — голос у Пентона был странно севший. — Пьет жидкий водород! Клянусь всеми галактиками, оно его пьет!

— По-моему, ты боялся, что оно замерзнет, — съязвил Блэйк.

Хобот снова погрузился в жидкость; еще несколько тварей спешили на водопой. Наконец первый цилиндр, напившись, свернулся свою трубу и радостно поспешил от озера в сторону людей. Не сговариваясь, оба друга бросились к спасительной расщелине. Огромное существо мчалось со скоростью не меньше сорока миль в час. Едва люди успели протиснуться в узкую щель, как вся стена содрогнулась от впечатавшейся в нее чудовищной массы. Щель оказалась наглоухо закрыта снаружи угольно-черным телом туши.

— Сюда-то она не пролезет, — задыхаясь произнес Пентон.

Чудовище откатилось от стены, изогнулось и всем телом ударились об скалу. Ему помог второй подоспевший цилиндр, который со всей скоростью врезался в первого. Тот все продолжал свои попытки сокрушить скалу, его тупой срез наглоухо закупорил расщелину.

— Не все сразу, любезные, — попытался пошутить Пентон. — Так вы навряд ли чего-то... — тут он неожиданно подпрыгнул.

Из морщинистого среза чудовища выпросталась дюжина цупалец и метнулась в узкий проход. Люди отпрянули в сходивший на нет конец расщелины, но Пентон не успел увернуться, и мускулистая живая плеть обвилась вокруг его ног, дернула

и опрокинула навзничь. Затем щупальце рвануло его вперед на черную морщинистую кожу, и тотчас несколько щупалец обвили его со всех сторон. Пентон чувствовал, как космический холод вытягивает тепло из его тела, обогреватели его костюма не могли справиться с жутким холдом, исходившим от громадного туловища. Он был почти парализован, а невыносимое давление все глубже втискивало его в морщинистую кожу.

На грани обморока он внезапно ощутил рядом какую-то вспышку, и его обдало теплом. Вслед за этим щупальца судорожно сжались, но Пентон уже почти ничего не ощущал. Затем какой-то мощный толчок, исходивший изнутри туши, отшвырнул его прочь. Из последних сил он заставил себя подняться. Черная кожа поверженного существа начинала приобретать серо-голубой оттенок, а к теплому трупу со всех сторон мчались другие чудища. Пентон с трудом обошел бесформенную массу и клубок еще шевелящихся щупалец и почти упал в расщелину.

— Я и не подозревал, что ты так силен, — встретил его Блэйк. — Мне показалось, что ты решил остаться в этой морщинистой пасти.

В расщелине стало еще темнее. Пентон тоскливо смотрел на остывающий труп и копошащиеся вокруг него черные туши.

— Все-таки невероятно, что здесь оказалась жизнь. Да еще в виде этих бессмысленных, тупых, безмозглых тварей. Ведь их даже испугать нельзя!

— Это не так, — прозвучал в наушниках какой-то странный голос. — Они не безмозглые, но мы потеряли над ними контроль.

Блэйк посмотрел на друга:

— О чём ты...

Пентон повернулся к нему:

— Не говори так. Почему ты сказал...

— Это сказал я, — откликнулся странный голос. — Я здесь перед вами, на том, кого вы сейчас убили. Его звали Грутз.

Пентон выглянул из щели. На остывшей серо-голубой тушке возлежала еще одна черная.

— Меня самого это очень огорчает, — произнес голос с явной ноткой грусти, — но мы слишком эволюционировали, и теперь ничего нельзя исправить.

— Ведь ты тоже слышишь? — ошарашенно спросил Блэйк.

— Как уж тут не слышать, — у Пентона был совершенно несчастный вид, — голос отчетливо звучит в шлемофоне, к тому же говорит по-английски.

— Это не совсем верно, — снова вступил голос. — Здесь слишком разреженная атмосфера и общаться с помощью звуков невозможно. Мы используем, говоря вашим языком, радиосвязь. Я могу замолчать, если путаю вас. Я только хотел дать вам знать, что мы ничего против вас не имеем.

— Если бы могли замолчать, я был бы вам очень признателен, — Блэйка всего трясло. — Когда придет мой конец, я бы предпочел находиться в здравом уме.

— Подождите, — сказал Пентон. — Можно понять, что вы общаетесь с помощью радиосигналов. Но где вы выучили английский?

— Может быть, Блэйк отключит пока свои наушники, чтобы не волноваться, — мягко проговорил голос. — Дело в том, что я слышу вашу речь и телепатически воспринимаю большинство ваших мыслей.

Черная туша беспокойно заерзала.

— По-моему, мне придется уйти, простите. Кто-нибудь из моих сородичей...

Цилиндр округлился и быстро покатил к озеру. За ним следом направилось еще одно существо, и друзья услышали новый голос, постепенно удаляющийся:

— Я был бы рад побеседовать с вами, но Грут уже почти холодный. Я не смогу остаться с вами.

— Интересно, кто из нас болен — они или мы? — задумчиво произнес Блэйк. — У меня такое чувство, что мы.

— У меня нет никаких мыслей по этому поводу, — уныло откликнулся Пентон. — Наверное, нам лучше добраться до корабля, пока они все ушли.

Он осторожно перебрался через холодную тушу. Их окружало не менее двух тысяч огромных существ, большинство из которых сейчас направлялись по голубоватому песку на «водопой». Громадные трубы погрузились в озеро, и раздалось знакомое чудовищное хлюпанье. Потом цилиндры раскрылись с другого конца и показались клейкие щупальца, заканчивающиеся чем-то напоминающим ковш. Щупальца стали загребать твердый кислород и запихивать его в темное

углубление, находящееся под защитной оболочкой на конце цилиндра.

— Хотя происходящее и трудно воспринять, но, думаю, с ума мы не сошли, — задумчиво сказал Пентон. — Ведь все это мы видели так же отчетливо, как до этого слышали их голоса. То, что они в одно отверстие засыпают твердый кислород, а в другое заливают жидкий водород так же непостижимо, как и то, что все они говорят с нами по-английски. Смотри, лежат себе, как на пляже, под ультраразреженным, негреющим солнцем. Хотя далеко от корабля они не отходят.

— Прошу прощения, но я к вам приближаюсь, — раздался извиняющийся голос с немного странным произношением. — Может, вы будете так добры и вернетесь в расщелину?

Оглянувшись, Тэд Пентон увидел совсем рядом громадный цилиндр, катящийся к расщелине. Несмотря на огромную массу, эти существа двигались на удивление тихо. Людям ничего не оставалось, как снова вернуться в свое убежище. Туша налетела на скалу, и все вокруг задрожало.

— Видимо, мне придется остаться здесь, — заметило существо. — Так что вам придется спрятаться поглубже в расщелину.

Цилиндр неуклюже изгибался.

— Кажется, я собираюсь достать вас щупальцами. Подвесьтесь, пожалуйста. Да, наверно, я застряну здесь надолго. Это хорошо.

Существо с трудом повернулось. Лентообразные щупальца извивались впустую, так как Пентон и Блэйк отступили в глубь расщелины.

— Ну и дела... — сказал Блэйк. — Эй, мы хотим выйти отсюда.

— Ничего не поделаешь, — ответило чудовище. — Уничтожать меня, как Грузза, бессмысленно. Сразу же возникнут другие.

— Что же вы за организм? — воскликнул Пентон. — Слизистая желеобразная туша за считанные минуты изучает наш язык, читает мысли, здраво рассуждает...

— Непривычно для вас? Я не знаю, как вам помочь, хотя очень хочу. Знаете, ведь сначала мы были разумными существами, для которых этот неуютный мир был очень хорош. —

Существо задрожало от напряжения, пытаясь проникнуть в узкую расщелину. — Я искалечу себя, если протиснусь еще немного... Да, в этой туще нет ни капли ума... Но тело организовано прекрасно. Все дело в ландшафте. Эти горы, как вы знаете, единственные на планете. Всю поверхность занимают равнины. И здесь очень мало тепла. Цилиндрическое тело, не рассеивающее тепла, с компактными шупальцами вместо ног, большая масса, большой объем. Казалось бы, слишком громоздко... Но на равнинах мы чувствуем себя превосходно. Ах, я поранился. Лучше мне не втискиваться дальше...

— Так остановитесь! — вскричал Блэйк.

— Я не могу. Эволюция зашла слишком далеко.

У Пентона глаза полезли на лоб.

— Что значит слишком далеко?

— Как я уже говорил, мы были существами с высоким уровнем интеллекта. Поверхность наших тел пропускает тепло только в одном направлении. Мы едим кислород, пьем водород, грееемся на солнце, иногда поглощает друзегов...

— Что такое «друзеги»?

— Это... подождите, я сейчас подберу слово. Это, можно сказать, вид растений. Они часто живут в ручьях, во всяком случае держатся рядом с ними. Друзеги могут медленно передвигаться. Они питаются твердым азотом, водой, потом греются на солнце и выделяют водород и кислород. Таким образом они разложили всю воду на планете на эти элементы. Теперь вода осталась только в наших тела, там она образуется из того, что мы едим.

— С этим понятно. Но вы так и не объяснили, почему продолжаете пытаться нас достать, если сами, как утверждаете, этого не хотите? — раздраженно спросил Блэйк.

— Это связано с тем, что нам приходилось почти все время искать себе пропитание. И постепенно наши тела стали как бы самостоятельно искать пищу, в то время как наш ум предавался размышлению. Это можно сравнить с тем, как вы идете по улице и читаете журнал, а ваше тело двигается как бы автоматически. Мы усовершенствовали этот трюк. Я, например, добивался результата двести наших лет.

— Да ведь двести ваших лет — это почти восемьдесят тысяч земных!

— Правильно, планеты вашей галактики вращаются вокруг Солнца как сумасшедшие. У нас другой ритм. На нашей планете нам ничего не угрожает, ничто не может причинить нам вред или убить. Здесь очень размеренная жизнь, и мы живем около трех тысяч лет — около миллиона с четвертью ваших. Мне уже около миллиона.

Блэйк ошеломленно смотрел на тупой срезанный цилиндр, извивающиеся щупальца. И этому существу миллион лет!

— Так вот, бесчисленное множество лет мы провели, почти не обращая внимания на наши тела. За этот срок мы усовершенствовали свой интеллект, язык, познали законы космоса, возможности механизмов и даже начали конструировать звездолет, намереваясь посетить другие миры. Но в какой-то момент мы обнаружили, что наши тела тоже усовершенствовались, у них развилось что-то вроде нервной системы, как бы вторичный мозг, они сами собой управляют. И когда мы попробовали снова взять их под контроль, то поняли, что сделать этого не можем.

— Так вы совсем не контролируете ваши тела? — изумился Блэйк.

— Боюсь, что так. Видимо, нервные пути, ведущие от мозга к органам тела, у нас окончательно атрофировались. Никто из нас не может управлять своим телом. Например, я при всем желании не смог бы удержать свое тело здесь, если бы оно не чувствовало ваше тепло и не пыталось бы добраться до вас.

— А вы не можете объяснить, на чем основана ваша односторонняя теплопроводность? — спросил Пентон. — Я бы не отказался обладать столь удобным свойством.

— Это свойство возникает в живых тканях только при низких температурах, — произнес голос. — Но мне трудно объяснить это на вашем языке, а изучать мой у вас не хватит времени. Я вижу, что мы не контролирует свои тела, а вы не всегда можете контролировать свой мозг.

— О чём это вы? — удивился Блэйк.

— Дело в том, что часть вашего мозга сейчас охвачена беспокойством, особенно с той минуты, как раздался звук, означающий переключение на запасной кислородный баллон. Ваш мозг лихорадочно ищет выход, но сигнал еще не дошел до вашего сознания.

Блэйк посмотрел на циферблат, показывающий содержание кислорода в баллонах. Слова существа подтвердились — запасной баллон медленно иссякал.

— Слушай, они были наполнены как обычно? — спросил Пентон.

— Да, их должно хватать на три часа, а прошло всего два. — Блэйк был в явном замешательстве.

— Позвольте вам объяснить, хотя подсознательно вы и сами уже знаете ответ, — вмешался голос. — На нашей планете сильнее притяжение. Поэтому все ваши движения и действия требовали больше усилий и ваши организмы потребляли больше кислорода, чем обычно. Вы ведь, наверное, заряжали ваши баллоны на Луне, а там тяжесть меньше и расход кислорода тоже меньше.

— Видимо, вы правы, но что же теперь делать?

— Ваш мозг уже нашел ответ, но вы этого не осознаете: попробуйте твердый кислород, которым покрыт пол пещеры.

— Верно, стоит попробовать.

Пентон отстегнул у Блэйка баллон, потом они собрали несколько кристаллов кислорода и опустили в баллон. Минут через пять они превратились в газ, клапан баллона щелкнул. Блэйк быстро перевел переключатель и вздохнул.

— Как противно пахнет, даже дышать тяжело.

— Раньше мы могли ощущать запах кислорода, он был разным, в зависимости от того, какие друзья его вырабатывали. Теперь мы не чувствуем своих тел и поэтому забыли, что такое запахи и тепло. Чувство тепла — это было так приятно.

— Что же тогда наш корабль осаждает целая орда? — поинтересовался Пентон.

— Им очень совестно, но ничего нельзя сделать, ведь их тела вышли из-под контроля и действуют сами по себе... Вот наконец-то я серьезно поранился!

Существо глубоко вклинилось в расщелину и, пытаясь высвободиться, сильно поранило одно из шупальцев. Из раны хлынул поток темной густой жидкости, которая моментально застыла на ледяных камнях.

— Кажется, я все-таки смог убить себя! — в голосе звучала явная радость.

— Вы радуетесь тому, что смогли себя убить? — ошеломленно спросил Пентон, глядя на тушу, которая беспорядочно дергалась, пытаясь высвободиться.

— Конечно, я рад. Сломанная кость проткнула одну из артерий, и минут через десять я освобожусь от этой тупой, неуклюжей горы мяса. А разве вы не рады от нее избавиться? Вот Груз тоже был счастлив, когда через двадцать семь столетий ему удалось сформировать свое силовое поле.

— Как это так? — спросил Блэйк.

— У меня не хватит времени, чтобы вам это объяснить, — торопливо ответил голос. — Ваш язык очень беден, а мне надо успеть сформировать свое силовое поле. Жаль, я смог бы вас многому научить — и как делать необходимое оружие, и как оказаться на своей планете с помощью чистого силового поля.... Но я быстро остываю и должен проститься с вами... — голос прервался.

Рана засветилась уже знакомым серо-голубым сиянием, мощные мышцы расслабились, и цилиндр начал уплощаться. Со всех сторон к остывающей тушке спешили другие, чтобы насладиться остатками его тепла.

— Я начинаю понимать, — произнес Пентон. — Их тела сами по себе тянутся к любому источнику тепла.

— Именно так, а мы совершенно не можем ими управлять, — вступил новый голос. — Я огорчен, что ваше оружие скоро станет бесполезным. На сколько еще хватит?

— Залпа на три. Мы не предполагали использовать его как оружие. И вообще не думали встретить здесь жизнь, — мрачно произнес Блэйк.

— На всех планетах Солнечной системы есть жизнь. Вы еще не встречались с самыми развитыми ее формами.

— Мы бы очень хотели познакомиться с ними, — ответил Блэйк. — Но для этого нам необходимо выбраться отсюда. Может, вы подскажете, как заставить наш протономет сделать еще несколько залпов?

— Я был бы рад это сделать, но ваш язык не позволяет вам объяснить. Если бы я мог воздействовать на ваш мозг или хотя бы контролировал свое тело, то у меня что-нибудь бы получилось. Хотя в этом случае вам не понадобилось бы прибегать к оружию. А я уже давно бы сформировал свое силовое поле.

— Да объясните наконец, что это такое? — взорвался Пентон.

— Когда умирает физическое тело, высвобождается мысль. Мысль — это энергетическое поле, поэтому, например, возможна передача мыслей на расстояние. При определенной степени сосредоточенности можно создать вихревое поле мыслительной энергии, оно питается потоками энергии космической и может оставаться стабильным сколь угодно долго. Это поле возникает только после уничтожения физического мозга, а я, к сожалению, не могу приказать своему разрушиться. Любой из нас помог бы вам добраться до корабля, если вы освободите нас от этих глыб плоти.

— Скорее первыми от своих тел освободимся мы, а нам бы этого совсем не хотелось, — мрачно произнес Пентон.

— Я все знаю, — грустно отозвался голос. — Но боюсь, мне пора уходить.

Сотрясая почву, три цилиндра отправились на водопой к озеру.

— Что нам за польза от их дружелюбности и разумности? — воскликнул Блэйк. — Не они, так их тела, гори они огнем, нас погубят.

— Огонь, гори они огнем, — как во сне повторил Пентон. — Огонь! Как же раньше мне это не пришло в голову! — смеясь, вдруг воскликнул он.

— Мне и сейчас не приходит. Почему огонь? — тихо спросил Блэйк.

— Здесь озеро и река из жидкого водорода и твердый кислородный берег, — Пентон возбужденно смотрел на друга. — Кислород и водород образуют воду и выделяют уйму тепла. Эти твари стремятся к теплу, к тому же хотят умереть. Так мы им поможем.

— Это и вправду идея, — отозвался Блэйк.

В тридцати футах от их укрытия кислородную равнину прорезал ручеек жидкого водорода.

Пентон вскарабкался на одну из замерзших туш, прицелился и выстрелил из протономета в берег ручья.

Закрутился бешеный смерч горящего газа. Но пламя почти сразу погасло. Два существа устремились было к нему, но повернули назад.

Пентон ошарашенно смотрел на Блэйка.

— Как оно может не гореть?!

— Оно должно гореть, — Блэйк был удивлен не меньше. — Химические законы не могут так отличаться, хотя здесь очень холодно. Попробуй еще.

Но и после второй попытки пламя сразу погасло, а с неба посыпался кислородный снежок и водородные капли.

Пентон и Блэйк непонимающе смотрели друг на друга.

— Видимо, здесь все-таки другие химические законы. Не хотят они гореть.

— У меня кислород кончается, и клапаны в баллоне тоже баражлят, — чертыхнулся Блэйк поворачивая вентиль. — Снова заело. Лучше уж замерзнуть, чем задохнуться.

— Невелика разница, — сказал Пентон. — Оружия нет, кислород кончается, на корабль вернуться невозможно, но и ждать, когда они уйдут, мы не можем.

Блэйк выругался и снова отвернул кислородный клапан. Потом он взобрался на застывшую тушу у входа в пещеру и посмотрел на равнину. Водородный ручей струился по новому руслу совсем рядом.

Блэйка пошатывало.

— Пр-р-р-оклятые твари, з-заразы, кислород, водород... не хотите гореть... Это же вода... — от избытка кислорода Блэйк совсем опьянял, так как кислородный клапан его баллона заело в открытом положении. Он отсоединил от скафандра флягу с водой и, размахнувшись, бросил ее в водородный ручей. — П-п-получай, скотина, воду!

С трудом прицелившись он выстрелил. Взрывная волна отшвырнула их с Пентоном в глубь расщелины.

Гигантский столб голубого пламени взметнулся до небес. Огненный вихрь поглотил водородный ручей, а кислородный песок, расплавившись, вскипал и слился со стеной огня, которая устремилась вдоль берега озера. Через миг уже все озеро пылало.

Тысячи существ устремились к огню. Толкаясь, они катились к источнику тепла, где их ждала мгновенная смерть.

Пентон перекрыл кислород в скафандре Блэйка и потащил приятеля за собой. Через сотню метров Блэйк потряс голой и приоткрыл вентиль.

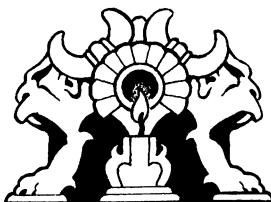
— Черт, опьянял от кислорода... Эй, что это?

— Давай, давай! Не открывай клапан слишком сильно. Надо добраться до корабля, пока этот костерок не погас.

Когда Пентон захлопнул тяжелую крышку люка шлюзовой камеры, они с облегчением вздохнули.

— Что это было? — спросил Блэйк.

— Вода! Водород и кислород не могут соединиться при отсутствии воды, а друзья здесь поработали так, что ее совсем не осталось. Твоя фляга и послужила затравкой. Вот так. Ну, давай в рубку. Поищем планету с более теплым климатом.



МЕНТАЛЬНЫЕ ПИРАТЫ

ГЛАВА 1. Двойная сила тяжести

«Ион» несся сквозь пустоту.

В пятидесяти тысячах миль от корабля висел пыльный, недоспелый персик планеты. Тусклая, её было трудно разглядеть, здесь, где солнечному свету, чтобы добраться до планеты, предстояло преодолеть пять миллиардов миль.

— Вон она, приятель, — потянувшись, объявил Блэйк своему постоянному спутнику, Тэду Пентону. — Это — единственный спутник десятой планеты! Мы все еще собираемся исследовать его?

— Точно. Пока мы так далеко от Солнца, мы должны осмотреть все, что возможно, — уверенно заявил Пентон. — Тем более, что у нас есть новые костюмы со встроенными приборами, с ядерной системой жизнеобеспечения, которые защитят нас от лишнего веса, если то, что говорят об этом мире наши приборы — правда! Я до сих пор не понимаю, как в этом мире, при такой силе тяжести может кто-то жить. Этот спутник имеет диаметр тридцать четыре сотни миль, однако на поверхности гравитация вдвое больше, чем на Земле.

Блэйк присвистнул.

— Кстати, — продолжал он, — мы должны совершить посадку примерно через полчаса. Есть какие-то мысли о том, что нас там ждет? Загляни в телескоп.

Пентон исчез в обсерваторном отсеке и вернулся с грубыми эскизами карты.

— Я уже изучал, что там происходит, прежде чем уснуть. Все это происходило девять часов назад, и тогда это была ночная сторона, но я наблюдал слабое свечение. Думаю, на поверхности достаточно высокий радиоактивный уровень. Просматривая фотографии сейчас, я вижу, что

сияние скрыто солнечным светом, но, судя по всему, оно не природного происхождения. Давай-ка сядем там. Пойду проверю наши костюмы и внесу некоторые изменения. Не уверен, что вот так, без некоторых поправок, они справятся с двойной гравитацией.

— Превосходная карта, — пожаловался Блэйк. — Ты нарисовал картинку астрономических масштабов. Хотя карта перевернута. Я слишком занят, чтобы работать с картами в зеркальном отражении. И я полагаю, ты убедился, что мы не получим облучения, если будем в скафандре? Кроме того, я не хотел бы таскать такой костюм при двойной силе тяжести.

Пентон усмехнулся и отправился по коридору в сторону воздушного шлюза, подбирая комплект инструментов, расположенных по полкам. А потом он занялся перенастройкой крошечных атомных приводов, установленных в скафандрах...

— Тэд... — Пентон резко поднял голову от платы, которую изучал последние двадцать минут. Но тут металлический голос раздался из динамика шлюза над головой Пентона.

— Да?

— Мы садимся, — объявил Блэйк через динамик. — Нужна помошь. Щелкни переключателем. Надеюсь, я что с нашими костюмами все будет в порядке...

Пентон и Блэйк смотрели прямо через иллюминатор «Иона». Похоже, местные жители испытывали определенный интерес к исследователям с Земли.

— Эти «дятлы» ждут нас с завидным терпением, — раздраженно заметил Пентон. — Это, кажется, местный Центральный парк, и, возможно, то, что мы сели именно здесь, раздражает их. Давай... Ультразвуковой пистолет на одном бедре, а дезинтегратор на другом. И...

— Свинец тебе на обе ноги! Ты заметил, что местная деревенщина слева от нас сделал, медленный, величественный поклон? Трепещет, словно флаг на ветру. Могу поспорить, они могут двигаться раз в пять быстрее, чем мы... По крайней мере в два раза быстрее. А всему виной гравитация.

— Но двигаться быстрее чем 186000 миль в секунду они не умеют, — твердо заявил Пентон. — Ты внимательно наблюдаешь за ними? Установи маслину на грейпфруте. Теперь

представьте две огромные сосиски по обе стороны грейпфрута, и ещё две толстые сосиски вместо ног — вот так примерно выглядят обитатели Десятого мира.

— У них тут очень разреженная атмосфера, — усмехнулся Блэйк, — но они все равно не смогут двигаться со скоростью 186.000 миль в секунду...

— Они терпеливые, во всяком случае терпеливее меня. Они выглядят достаточно по-человечески, пусть они все даже кандидаты в призеры в мужской клуб супержирдяев. Выглядят они, как все толстяки, желеобразно. Но ты, как и я, знаешь, какой долгий путь мы прошли. Так что вперед!

Блэйк тяжело вздохнул, но по-прежнему остался на своем месте.

— Мой друг, поспеши-ка, — тихо проворчал он и сдался. Медленно он включил систему жизнеобеспечения скафандря на пояссе. Медленно заскрипели ремни, и Блэйк приподнялся, что свидетельствовало о мощи атомного привода, установленного на костюме. Блэйк встал. — Я не могу даже встать без помощи этой штуки... Поехали.

Пентон открыл замок наружного люка. Блэйк пошел или, точнее, поплыл за Пентоном. Благодаря гравитационному устройству он чувствовал себя так, словно летел на парашюте. Пентон остановившись перед странными аборигенами, поднял обе руки над головой в знак своего дружелюбия. Он старался держать их горизонтально, но из-за усилий, которые ему приходилось прикладывать, он чувствовал себя очень неудобно.

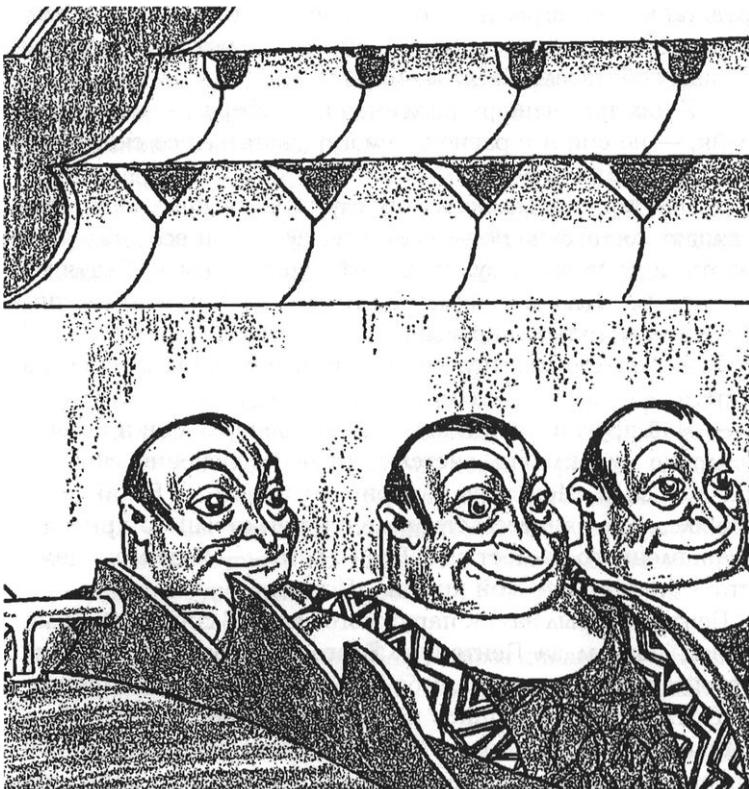
— Вы прилетели из мира, где сила тяжести много меньше? — поинтересовался по-философски звучавший дружеский телепатический голос. — С одной из внутренних планет? Я-то был всегда убежден, что в нашей системе больше пяти таких планет.

— Десять, — автоматически поправил Пентон. — Мы с третьей.

Один из округлых обитателей этого мира кивнул, словно радуясь подтверждению своей теории.

— Ах, как интересно. Очень. Третий мир, только всего их двенадцать.

— Двенадцать?



Блэйк посмотрел на своего собеседника с круглым, как луна, лицом.

— Так, так. Да. Еще два. Всего получается двенадцать. Очень интересно. Значит, дальше есть еще два мира... У вас замечательные маленькие глазки, если можно так сказать. Я думал, яркий свет солнца не даст вам рассмотреть, что происходит возле солнца.

Блэйк едва заметно кивнул. Лунолицый абориген уставился на него большими глазами. Из-за слишком большого, округлого лица он казался очень маленьким. Теперь же, оказавшись на земле, Блэйк мог лучше судить о его весе и размере. Туземцы были примерно пяти футов высотой и примерно столько же толщиной. Они напоминали хорошо накачанные воздушные шары, сложенные в карикатурную форму.



— Кажется, нам придется еще куда-то заглянуть, прежде чем мы отправимся обратно к Солнцу. Мы непременно должны увидеть эти два мира.

— Да, вы должны увидеть их. Интересный у вас корабль... Какое-то время я и мы пытались построить что-то вроде того...

этот... двигатель атомной энергии. Да. Вы сопроводите нас?.. Я, Терранус, связан с Силами и Механизмами департамента города Ранал. А этот мир? Мы называем нашу родину Тарлуном. А её спутник — Порнан... Но я думаю, вам стоит прогуляться в город. Члены нашего департамента Сил и Механизмов очень хотели бы поговорить с вами. В связи с вашим прилетом едва не начались волнения. Мы очень гордимся, тем что вы приземлились именно в нашем городе. Так вы идете? Вон там установлены наши автомобили.

— Почему... Да, — кивнул Пентон, чуть растерянно. Затем уверенно добавил. — Да, мы очень заинтересованы, чтобы познакомиться с вашей цивилизацией, зародившейся так далеко от Солнца. Но наша цивилизация полностью основана на движении или кажущемся движении Солнца...

Терранус махнул рукой, двигая ей по вертикали. При этом его на удивление пухлое тело не пошевелилось. Как Блэйк ни вглядывался, он не заметил никакого движения. Рука просто поднялась вверх, потом скользнула в сторону и вернулась на место. Странное движение тела-грейпфрута зачаровало Блэйка, вызвав у него детское удивление, словно работа ноги многофункционального механизма. Терранус резко распрямился и уставился на Пентона большими, темными глазами.

— А корабль. Он не исчезнет, пока вас не будет? — с тревогой поинтересовался абориген.

— Нет, корабль управляетя вручную, и он останется там, где стоит.

Круглое лицо Пентона расплылось в довольной улыбке.

— Ах, отлично. Если он останется на месте, будет очень хорошо. Сюда, пожалуйста. Пойдемте с нами. Да. У вас более легкая гравитация. Эти опоры в вашем костюме очень изобретательны... Очень... — Его ментальная речь постепенно стихла. Блэйк и Пентон с интересом наблюдали, как дюжина аборигенов отправились через коротко подстриженный газон. Все они были одеты в единую форму в обтяжку из эластичной ткани, довольно приятной, зеленоватого оттенка, которая сама по себе была покрыта повторяющимся сложным рисунком из спиралей и зигзагов.

Ноги *порнанцов* были скорее короткими и отчетливо классически «толстые». Они двигались словно огромные помпы,

поднимаясь и опускаясь, в то время как тело вздрагивало и перекатывалось, на манер круглого буя в бурном море. Но они двигались быстро, даже очень быстро. Учитывая их обхват талии, так что Пентон и Блэйк на мгновение в удивлении застыли, аaborигены тем временем исчезли за небольшим холмиком.

— Посмотри-ка на местный грунт, — обратился Пентон к Блэйку, когда они последовали за ними. — Это своего рода мох, к тому же удивительно розовый. Да и деревья тоже. Кстати, они не нуждаются в солнечном свете, как в источнике энергии. Посмотри. Наши хозяева, похоже, добрались до своей машины.

Через несколько секунд Блэйк с Пентоном догнали аборигенов, которых ожидала не одна, а три машины. Машины выглядели очень просторными, пока *порнанцы* не залезли в неё. И что ещё более удивительно, они залезли в машины с легкостью и явной грацией, не смотря на свой огромный обхват. Сами же автомобили представляли из себя просто открытые платформы, на которых были установлены шесть кресел в три ряда по два. Каждое кресло имело крепко сделанные перильца, на которые пассажир мог поставить обе ноги. Их руки комфортно покоились на подлокотниках сидений. Четыре колеса, каждое в восемнадцать футов в диаметре, состояло исключительно из пневматических шин. Двигатель располагался сзади. Однако, судя по размеру, мощности его явно было недостаточно. Два исследователя забрались в одну из машин.

— Держитесь, — весело проговорил Терранус. — Тут всего пятнадцать минут езды.

Любопытно оказалось, что обозначено время было совершенно точно. По-земному.

ГЛАВА 2. Невидимый автомобиль

Терранус резко надавил на красную кнопку на панели в передней части автомобиля. Что-то под кожухом в задней части авто зашумело, а потом все яростно запульсировало. Тут же секунд за десять по бокам, спереди и сзади выдвинулись пневматические бамперы, толщиной фута в два.

— Мы собираемся в центр города, — бодро проговорил Терранус. — К зданию департамента Сил и Механизмов, где центр нашего вещания.

Блэйк неожиданно понял назначение бамперов и подлокотников. Мотор, установленный на авто, был необычным. Машина так резко рванула с места, что землян вжало в сидения.

— Мы почти всюду используем радиоэнергию, — продолжал Терранус. — Но источник энергии — проблема. Очень трудная работа — заниматься обогащением радиоактивных руд. Процесс это довольно длительный, а нужда в энергии постоянно растет. Возможно...

Блэйк закрыл глаза, когда машина беспечно вильнула, пропуская встречную машину, его качнуло, и он инстинктивно ухватился за плечо Террануса. *Порнан* тихо пискнул, чтобы смягчить страшный удар. Блэйк открыл глаза, чтобы увидеть результаты толчка и увидел, как голова туземца повернулся на сто восемьдесят градусов на невероятно гибкой шее.

— Ах, да... Итак... Так печально. Извините. Постараюсь быть более осторожным.

Голова аборигена медленно повернулась назад, и автомобиль вновь рванул вперед, снова вдавив Блэйка в сидение.

— Пентон, ты сможешь найти дорогу назад? — тихо поинтересовался Блэйк. — Я хочу прогуляться.

А потом он снова закрыл глаза, потому что они покинули шоссе и въехали в город, где оказалось более оживленное движение. Либо местные обитатели были склонны к самоубийству, либо машины водили тут исключительные маньяки с суициальными наклонностями.

Где-то в глубине сознания Блэйка всплыли невозможные сцены из фильмов с безумной ездой по Нью-Йорку. Не то, чтобы автомобиль быстро ехал, в самом деле *порнанцы* никогда не разгонялись более чем на двадцать миль в час. Но они ездили, совершив не думая о безопасности. Иногда дистанция между машинами составляла всего полдюйма, а шофер гнал с безумной бесшабашностью.

Их целью были огромные здания — мысль о них просочилась в голову Блэйка. И больше он не мог закрыть глаза, так как хотел понять, в какую сторону прыгать. Блестящий зеленый авто-

мобиль выскочил с боковой улицы, и проскочил мимо них всего лишь в доле дюйма.

— Движение в городе всегда беспокоило меня, — с раздражением заметил Терранус. — А как контролируется движение в вашем мире?

— Еще хуже, — пробормотал Пентон, сквозь крепко сжатые зубы. — Хотя оно многое безопаснее. — Он выдержал паузу, в то время как Терранус остановил автомобиль вплотную к предыдущему. — Светофоры... Они отчасти предотвращают столкновения...

— Да. Наверное, регулировать движение очень трудно в мире, где сила тяжести намного меньше.

Движение возобновилось, и машина рванула вперед, словно с цепи сорвавшись, как неумело склеенная пленка. И они вновь покатили дальше.

— Тяга в более легком мире нужна многое меньше, не так ли? Инерция массы намного меньше...

Блэйк огляделся с восхищением. Он был слишком перепуган, чтобы думать. В этом мире, где гравитация плотно прижимала шины к зеленоватому стеклоподобному асфальту, тормоза были более эффективны. И...

Они резко развернулись под прямым углом, так что Блэйк едва не вылетел из машины, если бы не бампер. И... автомобиль ничуть не притормозил на повороте. Безумная езда.

— Не хватает терпения с некоторыми водителями, — пробормотал Терранус. — Они бесшабашные. Не пользуются правилами, и у них нет никакого уважения к другим людям, — не успел он это сказать, как вновь остановил автомобиль всего в полудюйме от бампера того, что был впереди.

— Все относительно, — тихо проговорил Пентон. — Все вещи относительны, особенно скорость и ускорение, — и схватился за рычаг, готовясь к следующему рывку.

Дорога сузилась и теперь больше напоминала переулок. Блэйк постепенно приходил в себя, начиная постепенно привыкать к местной манере вождения. Внезапно прямо перед ним в воздухе сверкнуло пламя и полыхнула вспышка, повалил белый дым. Терранус мгновенно ударил по тормозам, и снова земляне стукнулись о пневматические бамперы и вылетели из машины.

Они пролетели несколько сотен футов по воздуху, прежде чем стали падать, и тогда включились защитные механизмы скафандров. Серия взрывов и огненных вспышек полыхнула у них за спиной, а затем раздался вой, словно взывала собака, которой отдавили лапы.

Земляне одновременно обернулись. Терранус и его спутники с недоумением уставились на землян. Аборигены из других машин тоже с удивлением наблюдали за Пентоном и Блэйком.

— Думаю, я знаю, почему они ездят со скоростью не больше чем со скоростью в двадцать миль в час, — медленно и с отвращением проговорил Пентон. — Скажи мне, а что ты скажешь о поездке в невидимом автомобиле? Я готов поклясться, что когда мы столкнулись, автомобиль, который ехал нам навстречу, был невидим... И что ты скажешь о местной полицейской системе? Если все обстоит именно так, как я думаю, так, то я скажу, что это исключительно безумная планета, многое безумнее всего того, что мы видели раньше!

Терранус с явным облегчением кивнул.

— Замечательно... Замечательно... Ваш полет... На мгновение я испугался, что приземление может оказаться очень тяжелым... Но почему этого не случилось?

Для своих форм он проявил удивительное проворство, прыгнув со своего места так, что перепрыгнул через бампер и оказался на проезжей части. Водитель машины, с которой столкнулась машина Террануса, проделал тот же фокус, а потом оба незадачливых водителя, одновременно поклонились друг другу. Вместе они подошли к месту столкновения.

Две машины уткнулись носами друг в друга, и застыли, словно два влюбленных гиппопотама. Терранус все еще рассматривал нос машины, когда подошли Пентон и Блэйк. Пентон сильно кривился.

— Никаких повреждений? — поинтересовался водитель второго автомобиля.

Терранус весело хихикнул.

— Никаких повреждений, — согласился он.

Второй водитель проворно вернулся в свое кресло, кивнув на прощание. Его автомобиль резко дернулся назад, тормознул, потом помчался вперед с безумной скоростью, обогнув стоявшую в стороне машину.

— Разве у вас есть правило, ездить в невидимых машинах?

— поинтересовался Пентон. — Я думаю, что такие правила движения, немного напрягают...

— Простите, мой друг. Такое порой случается. Но ведь в итоге никаких повреждений, никакого вреда. Однако за последние шесть месяцев всего двое погибли при подобных столкновениях, — Терранус выглядел так, словно гордился, глядя на буфер, окружающий машину. — Мы потратили много сил, разрабатывая безопасную конструкцию автомобиля. Очень эффективно... Очень просто.

— Отличная конструкция. Но зачем вообще создавать невидимые автомобили? И как вы создаете эту невидимость?

Терранус вздохнул.

— Тут наши желания не при чем. Посмотрите. Пойдем...

Терранус двинулся вперед, чтобы на полпути встретить медленно приближающихся землян. Неожиданно его огромное тело, словно запуталось в ногах, и он с оглушительным грохотом рухнул. Сила тяготения едва заметно помяла его пухлое тело. Мгновение он лежал, удивленно моргая. Странное озорное хихиканье раздалось из пустого места, рядом с упавшим, а потом Пентону показалось, что он ощутил пронесшийся мимо поток теплого воздуха, как будто мимо прошел кто-то невидимый.

Терранус заморгал и покачал головой. С досадным вздохом он понялся на ноги. В это время к нему подошел один из порнанцев из пассажиров автомобиля.

— Да будет проклят этот *курул!* — воскликнул он. Хмурое выражение исчезло с его круглого, похожего на луну лица, и к нему вернулось его обычное добродушие. — Необычная настойчивость, не так ли? Полагаю, он ушел. Хорошо. Чувствую запах паленых волос. Надеюсь, он чему-то научился.

Блэйк с удивлением посмотрел на него.

— Что такое «*курул!*»? — поинтересовался он.

На этот раз Терранус ответил не сразу. Сначала он задумчиво посмотрел на Блэйка, а потом долго не сводил взгляда с Пентона.

— Обезьяна, — наконец объявил он. — Человекообразная... но, обезьяна, — потом он кивнул, улыбнувшись, как обычно, несколько неопределенно. — *Круллы* вроде обезьян.

Развитые. Очень разумные. Вредные и проказливые. Они меньше нас и очень тощие. Очень... — Терранус энергично потер свою пухлую ногу, растирая пальцами плоть.

— Но почему они... невидимы?.. — Блэйк не понимающее посмотрел на него. — Я думал, вы налетели на одного из них, только я не понимаю, как вы с ними сосуществуете.

Терранус печально кивнул.

— Они мешают экономической жизни. Непослушные, настоящие озорники. Они любят безобразничать. Когда мы впервые начали использовать автомобили, они никак не могли унять свое волнение. Все высшие виды жизни на нашей планете имеют телепатические способности. *Круллы*, что само по себе очень грустно, обладают великой силой. К тому же они не разумны, в том смысле, как мы это понимаем. Но почти разумны. И еще... У них замечательное зрение. По глазу на каждой стороне головы как у... как у ваших кроликов. Ваши кролики ведь видят во всех направлениях? Так же и *круллы*. И еще они телепаты. Это и делает их невидимыми.

Пентон мгновение задумчиво смотрел на *порнанца*.

— К сожалению, мой друг, вы что-то пропустили. Почему *круллы* невидимы?

— Хорошо. Вы сейчас видите меня. Вы видите меня. А теперь... — Терранус усмехнулся и исчез.

ГЛАВА 3. Украденный корабль

Пентон медленно пошевелил головой и осмотрелся более внимательно. Ему показалось, что прямо перед ним дыра в пространстве, большое облако серого тумана, который кружился и кипел со странным буйством красок, придавая невероятные углы форме зданий. Неожиданно Терранус вернулся. Блэйк посмотрел на него с удивлением.

— Как вы это делаете?

— Все это очень просто, — пустился в объяснения Терранус. — Однако у нас этот фокус получается не так здорово, как у *круллов*. А все потому, зрение у нас не такое, как у *круллов*. Я просто телепартировал мысль, что меня нет. На мгновение вы были обмануты, но быстро рассудили, что я там все равно есть

и поэтому смогли разглядеть искажение по контуру. Поэтому вы отчасти меня видели. А *круллы* видят во всех направлениях, и, следовательно, могут заполнить пустоту, телепартируя изображение с обеих сторон. Вот их и не видно. Вы видите пейзаж, который находится у меня за спиной.. Все очень просто.

— Ну что, Тэд, прогуляемся? Может быть, вернемся к кораблю? Что-то вся эта телепатия не очень мне нравиться...

Разговор о *круллах* они продолжили после пресс-конференции землян, на вилле Террануса, когда земляне, чтобы отдохнуть от силы притяжения, залезли в бассейн, где не так сильно ощущалась гравитация планеты.

— Так они становятся полностью невидимыми, когда действуют подобным образом? — спросил Пентон у аборигена.

— Совершенно верно, — ответил Терранус. — На его лице появилось более серьезное выражение, и он начал рассказ о других бедах своего народа. — Все еще много хуже, чем вы видели. *Круллы* делают невидимыми автомобили. Садятся спереди на бампер машины. Они любят озорничать и иногда доставляют много неприятностей Но не так много, как минивзрывы, причиной которых становятся именно *круллы*.

— Взрывы? Да мы видели что-то вроде этого...

— Взрывы служат двум целям. Во-первых, если я вижу, что автомобиль едет ко мне, а мне кажется, что это не так, я знаю, что перед ним бежит *крулл*. Тогда я нажимаю кнопку на панели. Взрывы предупреждают водителя, который едет навстречу, и мы оба резко тормозим. Кроме того, *круллы* пугаются взрывов и бегут. Часто *круллы* попадают между автомобилей. Это очень здорово. Но как правило им удается спастись, — тут он печально вздохнул. — Шкуру обожгут, и только, но они очень умны и все время учатся.

— А почему вы просто не выгоните их?

Терранус грустно улыбнулся.

— Как? Мы бы очень хотели это сделать. Нет, этому конца не будет. *Круллы* крадут нашу еду, крадут все, что может двигаться. Они не нападают на нас, потому что мы много сильнее. Очень трудно бороться с теми, кого вы видеть не можете.

— Великие миры, Терранус, неужели вы не можете избавиться от этих существ? Используйте какие-нибудь очки, которые сделают их видимыми. Ведь это достаточно просто.

— Просто? Нет, мой дорогой друг. *Круллы* ведь обманывают не зрение, а разум. Очки не помогут, если обманут разум. Мы пытались разработать механизмы, но... — Терранус снова вздохнул, — ...ни один из них так и не заработал.

— Глядя на то, как вы упали, я подумал, что так ведь и убиться можно, — протянул Блэйк.

— Вот почему мы носим такие костюмы, — пояснил Терранус.

— Костюмы?

Округлое лицо аборигена расплылось в широкой улыбке.

— Я не такой большой, каким выгляджу. Это — защитный костюм, — *порнанец* коснулся чего-то, где-то в своем костюме, и тот в миг сдулся. Теперь он повис складками. Стало ясно, что это эластичный костюм придавал своему владельцу болезненную округлость. Но вот костюм соскользнул...

Теперь перед землянами стоял совершенно иной Терранус. Его тело было приземистым и чрезвычайно коренастым. Огромная грудь, могучие мускулы, толстые мускулистые руки, узкая талия и похожие на стволы ноги. При этом в его теле не было ни единой жир. Терранус выглядел типичным представителем мира с мощной гравитацией. Да и с лицом его при этом произошли определенные изменения. Если раньше оно казалось округлым, под стать телу, то теперь стало очевидно, что видимую округлость создавали не отложения жира, а формы костей. Округлость отличала его лицо от лица человека точно так же как круглая морда бульдога отличалась от продолговатой морды волкодава... Блэйк присвистнул. Вновь на лице *порнанца* заиграла добродушная улыбка.

— Разные миры — разные люди.

— Разные миры — разные люди, — медленно протянул Пентон, вторя аборигену. — Я и Блэйк... мы совершенно иные...

— Кстати, ты помнишь, что говорил шесть часов назад? А, старик Пентон?

— Что ты имеешь в виду? — осторожно поинтересовался Тэд у своего приятеля, при этом он все время подгребал руками, чтобы держаться вертикально в бассейне Террануса, который был наполнен соленой водой. — Можешь напомнить, что я там говорил?.. Шесть часов при удвоенной силе тяжести, — он замер и посмотрел на Террануса. Тот, пошептавшись с другим

аборигеном, насупился и с печальным выражением лица вновь обратился к землянам, стоя на краю бассейна.

— Я же вас спрашивал, — укоризненно заговорилaborи-
ген. — Я же вас спрашивал, и вы заверили меня, что ваш
корабль без вас никуда не денется, если вас там не будет.

— Точно, — согласился Пентон, стараясь держаться осто-
рожно. Не смотря на гирокопы скафандра ему тяжело было
удерживать тело в вертикальном положении. — Вы спросили,
и я ответил, что никуда наш корабль не денется.

— К сожалению, это не так, — покачал головой Терран-
нус. — Только что передали репортаж из парка. Ваш ко-
рабль исчез. Работники паркого департамента не могут его
найти. Это очень необычно, и только если его переместили
на другое место...

— Что? Они не могут найти наш корабль?

— Вы сказали... — начал было Терраннус, а потом резко оста-
новился, прыгнув в бассейн к землянам. Тут же во все стороны
прокатилась волна, повалившая землян. Однако из-за герме-
тичных костюмов те оказались на поверхности и теперь лежа-
ли на воде, разбросав руки и ноги, словно гигантские морские
звезды. Если бы не костюмы, они наверняка наглотались бы
соленой воды.

Терраннус издал могучий «Уффф!» и опустился с головой под
воду, двоймов на шесть. Какие-то странные звуки послышались
на краю бассейна, словно кто-то разговаривал на примитив-
ном языке. Только там никого не было. А потом что-то пронес-
лось по воздуху, и огромные фонтаны брызг ударили по обе
стороны округлого *порнанца*, так, словно кто-то, оседлав Тер-
раннуса, греб изо-всех сил. Терраннус закружился на пустом ме-
сте, словно попал в невидимый водоворот. А голос послышался
снова. Блэйк и Пентон с удивлением уставились наaborигена.
Терраннус крутясь, словно подхваченный ураганом, добрался до
кнопки в его костюме. Одно нажатие — и *порнанец* сдулся, и
невидимый всадник полетел в воду. Мгновение, и его вынесло
к краю бассейна, и *круулл* слишком отвлекся, чтобы следить за
невидимостью. Кролик, ушами, мордочкой, существо с четырь-
мя конечностями, размером с десятилетнего ребенка, но очень
коренастого. Руки и ноги рассмотреть было невозможно, так
как существо работало ими с удивительной эффективностью.

Мгновение Терранус ничего не мог сделать, пока не сбросил свой костюм. А потом руки его закрутились словно пропеллер, и, вытянув их вперед, он бросился на визжащего *крулла*. Маленькое существо выскочило из бассейна и исчезло в тот же миг, когда оказалось на земле, и ударилось о кафельный пол. Терранус вскочил из воды сразу вслед за ним и как ищейка отправился по его следам. С влажного *крулла* капало, он оставлял мокрые следы. На полпути к двери к арочному выходу Терранус остановился и что-то выхватил прямо из воздуха. Началась борьба, и земляне услышали крики. Терранус неторопливо вернулся к бассейну.

— Вы сказали, что корабль не может быть перемещен, — спокойно продолжил *порнанец*. — Но его там нет.

Абориген добрался до края бассейна и наклонился, опустив руку в воду, в которой словно сжимал что-то невидимое.

— А вот теперь, друзья мои, я покажу вам *крулла*. Очень опрометчивый молодец. Они любят грести... — визжащая болтовня сменилась бульканьем и фонтанами брызг. Медленно и то, и другое достигло апогея, а потом все стихло. Край бассейна, вода и даже изображение Террануса — все колебалось, закручивалось. И тут из пустоты появилось мокрое, наполовину захлебнувшееся существо.

— Ого... — с отвращением протянул Пентон. — У нас в мире тоже такие есть. Они появляются и исчезают, а иногда только редкий наблюдатель может их увидеть.

— Да, ну... — с интересом протянул Терранус.

— Конечно, — протянул Пентон. — У нас есть препарат, которая делает их видимыми. Алкоголь. Мы называем процесс белой горячкой.

— Ну что, — поинтересовался Терранус, глядя вниз на мокрое, медленное приходящее в себя существо. — Любопытный...

Кроличьи уши *крулла* уныло поникли. Ярко-зеленые уши кролика опустились на ярко-красное лицо. Красный цвет тела постепенно перешел в красивый фиолетовый. Нестестовенная блестящая оранжевая полоса протянулась вдоль спины.

— Может быть, вам стоит оставить его в покое, чтобы он хотя бы пришел в себя, — заметил Блэйк. — На них действительно много приятнее смотреть, когда они невидимы.

— Не могли бы вы, Терранус, связать его, потому что мы хотели бы поэкспериментировать на нем? — устало поинтересовался Пентон. — У меня есть идея, которую нужно проверить, прежде чем мы займемся поисками нашего корабля.

— Да. Я свяжу его, а вы вылезайте из воды.

— А вы уверены, что наш корабль исчез? Не понимаю, как *крууллы* вообще смогли его сдвинуть.

— Не один *круулл*. Банда *крууллов*. Мы всегда стараемся спрятать все, что можно стащить. Иногда даже заваливаем камнями. Больше всего *крууллы* любят перетаскивать предметы на проезжую часть, а потом усесться на них. Очень интересные аварии получаются. Однако вряд ли они перетащили ваш корабль дальше чем на пять миль. Они быстро теряют интерес к тому, что украли.

— Пентон, — тихо протянул Блэйк. — Знаешь ли, я оставил подъемный двигатель на семи-восьмых, чтобы корабль не попортил дерн... Глядя на эту мокрую тварь, я начинаю подозревать, что мы тут застряли месяца на три. Район с радиусом пять миль и невидимый корабль. Но еще смешнее...

— Я бы не стал с этим спорить, Блэйк. Глядя на эту тварь, я скажу Блэйку, что трех месяцев нам не понадобится.

— Почему?

— Потому что энергия этих скафандров истощится через неделю. Аaborигены используют смесь медного селенита и арсената калия для удобрения местных культур. Смешно.

— Ты забыл, что они еще используют цианистый калий, — со стоном протянул Блэйк.

— Не забыл... Их растениям требуются тяжелые металлы вроде свинца, меди и ртути. Из неметаллов они используют селен, мышьяк и теллур. В этом мире растения любят тяжелые металлы. А из-за печальных «пробелов в образовании» я, впрочем, как ты, не могу переваривать подобные продукты.

Глава 4. Конец *крууллов*

Блэйк задумался.

— Сможешь встать? — поинтересовался Пентон. — Там шофер ожидает нас, чтобы снова отвести в здание Министерства

Силы и Механизмов. Терранус сказал, что хочет встретиться там с нами.

— Терранус не говорил, как они высматривают потерянные вещи?

— Их методы поиска просты и неэффективны. Группа мужчин прочесывает местность, взявшись за веревку... Поторопись.

А уже через полчаса они встретились с Терранусом в его офисе. Абориген немного нервничал, но во время этой поездки водитель вел машину очень осторожно, по крайней мере на фоне других шоферов-порнанцев.

— Ах, земляне, — поприветствовал их Терранус. — Садитесь, — и он махнул рукой в сторону удобных кресел.

— Если мы не найдем корабль за три недели, то погибнем, потому что нам придется использовать местную пищу. Я уже дважды использовал свой аварийный рацион.

— Этим рационом можно питаться, но не наешься, — печально добавил Блэйк. — Если прислушаетесь, то услышите, как урчит у меня в желудке. Я над ним не властен. Автоматическим рационом не наешься, так что теперь я голоден, как никогда...

Тут Пентон кивнул на сочный на вид темно-фиолетовый фрукт, с которым играл Терранус.

— Если бы ты, Блэйк съел этот фрукт, твой желудок на пару часов успокоился бы. Правда, всего пара часов. На Земле мы добываем руду, в которой содержание ртути такое же, как в этом фрукте. Так что оба помолчите и дайте подумать.

— Почему бы нам не соорудить что-то в роде радиоиндикатора? — предложил Блэйк. — Индуктивность судна будет легко обнаружить...

— Не получится, — вздохнул Пентон. — Я уже думал об этом. В принципе, способ правильный, только здесь он не сработает. Во-первых, порнанцы передают энергию по радиочастотам, я изучал их методы, пока ты знакомился с их горнодобывающим оборудованием. Я, конечно, объяснил им основы радиосвязи и даже могу спорить, что через годик у них появятся первые радиопередатчики. Все было бы намного проще, если бы мы добрались до наших инструментов, которые остались на корабле. Метод электрического поля не сработает. Потому что нужен усилитель. Магнитная индук-

ция тоже не сработает, потому какaborигены с веревкой обнаружат наш корабль быстрее.

— Да, — вздохнул Пентон.

Блэйк тем временем повернулся к Террансу:

— А сколько времени вашим людям потребуется, чтобы обшарить эти пять квадратных миль? — поинтересовался он.

— Ax, — неуверенно проговорил Террин, просматривая какие-то листочки, разложенные перед ним. — Думаю, два месяца и три дня. Но если использовать побольше людей... Может, месяц? Я понимаю, что это не так быстро, но вы не имеете не малейшего понятия насколько хитры эти *курлы*...

— Понимаю, — грустно вздохнул Блэйк. — Скоро мы это прочувствуем, когда будем умирать с голоду...

Тут Пентон остановил его.

— Если тебе нечего делать, можешь скушать этот фрукт... Но лучше помолчи. Похоже, у меня есть одна идея... Ведь должен быть какой-то способ... Два месяца ждать мы не сможем...

— Да, очень долго, — согласился Терранус. — Но мы делаем все, что можем...

— Знаю. Мы не обвиняем ни вас, ни ваших людей, — усмехнулся Пентон. — Но должен существовать какой-то способ остановить этих существ. Этот мир очень однообразен, и в этом нам повезло. Тут всегда, повсюду тепло. Всегда светло... да. Именно так. Сладкие...

Неожиданно Пентон вскочил на ноги и подскочил к *порнанцу*. Его рука метнулась в пакет с вещами, и он вытащил короткую трубку с линзами и наставил её на Террануса. *Порнанец* откинулся на спинку стула в изумлении. Решив что эта трубка — оружие, Терранус метнулся в сторону и нанес удар, пытаясь отвести трубку в сторону. Пентон с воплем выронил трубку и отпрыгнул назад, при этом застенчиво ухмыляясь.

— К сожалению, Терранус, я, должно быть, поразил вас, — извинился Пентон. — Посмотрите, эта штука не может причинить вреда. Это просто свет.

Пентон снова взял трубку и в этот раз включил, направив на Блэйка. Яркий луч света атомного фонарика ударил в лицо приятеля, заставив его моргать и щуриться, пока он не скорректировал взгляд.

— Да, — неуверенно протянул Терранус. — Большинство... э... э... э... путаница... Ваши мысли не совсем ясны.

Пентон повернул фонарик, направив луч света в лицо Террануса. *Порнанец* сразу закрыл глаза, а потом прикрыл руками лицо.

— Очень ярко... неудобно. — заверещал он. — Не могли бы вы... вы... отвернуть... Да выключите его!

Пентон отвернулся фонарь со вздохом облегчения.

— Это, Терранус, все, что я хотел знать. Ну, а теперь отправимся на охоту.

Пентон протянул свою пару защитных очков Терранусу и помог тому отрегулировать их на лице.

— Неприятное ощущение, — пробормотал он. — Но думаю, мой друг, это решение проблемы...

— А у вас найдется еще одна пара очков для моего друга Дранафту? Он очень продвинутый гражданин. Он всю свою жизнь посвятил борьбе с *куруллами*... Тогда вниз в холл...

Блэйк отдал Дранафту свои защитные очки, после чего они вчетвером покинули здание, и свернули в переулок, опробовать новое оружие против *куруллов*. Тест удался.

— В парк, — медленно объявил Дранафту. — Там всегда полно *куруллов*. Там есть одна роща, куда мы лет пятьдесят толком не заглядывали. Там невозможно использовать ве-ревки. Едем?

Через полчаса автомобили высадили Дранафту и его команду охотников на *куруллов* на окраине парка. Пентон и Блэйк прогулялись по тому месту, где должен находиться их корабль — на полянке между небольшим холмиком розового дерна и черным блестящим камнем, с которого свисало растение, напоминающее виноградные лозы. Те свисали на несколько сотен футов с огромного валуна, странным образом похожего на гигантского *курулла* с уродливым, усмехающимся лицом.

— Скала *куруллов*, — пояснил Дранаф. — Всегда сначала нужно поискать что-то меньшее, чем автомобиль. Если *куруллов* тут нет, то они, скорее всего, где-то в городе.

Блэйк поднял голову и посмотрел вверх. Черные скалы, ползущие лозы. Ярко блестели многочисленные стальные ловушки, расставленные тут и там, — все пустые. Пентон работал с фонариком, питавшимся от атомной батарейки. Он поставил его

на режим вспышки — на максимальную мощность, — а потом нажал на маленьющую кнопочку...

Фонарик загудел, а потом во все стороны ударили вал не-переносимого, яркого света. Его отблески заиграли на черной скале. Только глаза Блэйка немного приспособились, фонарик снова полыхнул, снова и снова. Блэйк закрыл глаза, чтобы не ослепнуть. Пентон тихо рассмеялся, потому как со всех сторон теперь доносились стоны и крики боли. Оглядевшись, Пентон и Блэйк увидели десятки ошеломленных, ослепших *круллов*. Потом, действуя методично, земляне из ультразвуковых пистолетов очистили скалу от колонии зверей. Терранс и Дранафту, прия в себя, тоже начали стрелять.

— Слава бога, мы наконец уничтожим все этих бесов, проклятых *круллов*, — воскликнул Дранафту. — Ваши очки не подходят. Я сквозь них почти ничего не могу разглядеть. Но впервые в своей жизни я вижу колонию, целую группу *круллов*, только точно стрелять не могу.

Дранафту с обидой отшвырнул свое оружие.

— А видите ли вы, что находится на вершине этой сверкающей скалы?

— Огонь. Мне кажется, там огонь.

— Не огонь. Металл. Большой металлический корабль. *Круллы* не стали оттаскивать его на двести ярдов, просто подняли наверх, так что ваши методы не стоили бы и выведенного яйца. Теперь мы просто передвинем его.

— Вы хотите улететь? — с сожалением поинтересовался Терранус.

— Нет, во имя шести планет и двенадцати лун, — заверил его Пентон. — Останемся пострелять. И, смею заверить, я приложу все силы, чтобы извести всех *круллов* в этом городе.

Пентон и Блэйк, используя свои скафандры, поднялись в воздух и уже через несколько минут были на борту своего корабля...

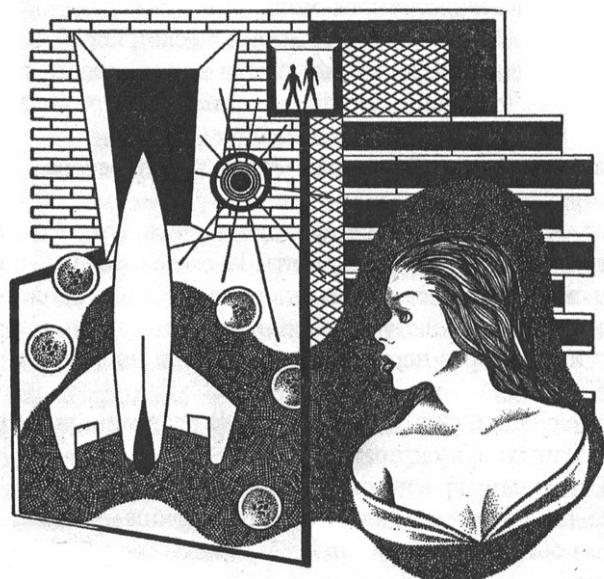
А на следующий день, отдохшая, Блэйк, развалившись, самодовольно попыхивая сигаретой, сидел в своем кресле в рубке «Йона». Рядом с ним расположились Пентон и Терранус.

— Все-таки я хотел бы знать, как тебе пришел в голову этот способ для обнаружения *круллов*. Отличный способ, надо сказать. Как ты додумался до этого, Тэд?

Пентон приветливо улыбнулся.

— У вас, большие глаза Терранус, чтобы видеть на планете, которая находится в пяти миллиардах миль от Солнца... Помни, Род, их глаза очень чувствительны, но они почти не могут адаптироваться к изменению освещения. Обитатели этого спутника никогда не сталкивались со внешним источником света. Я же использовал свет настолько мощный, что эти крутлы просто не смогли видеть. Мы же могли, через какое-то время после вспышки. Но крутлы оказались полностью ослеплены, к тому же им было очень больно. Не удивительно, что животное, ослепнув, оказалось парализовано. Когда я «включил» свет, они оказались так напуганы, что не могли и мышцей пошевелить. Они не могли сохранять свою невидимость и поддерживать невидимость корабля!..

— Ну, а теперь самое время пообедать, — объявил Блэйк.





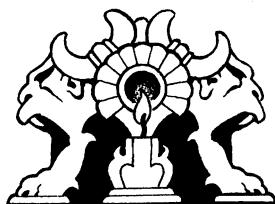
УОТЕРСОН И ГЭЙЛ

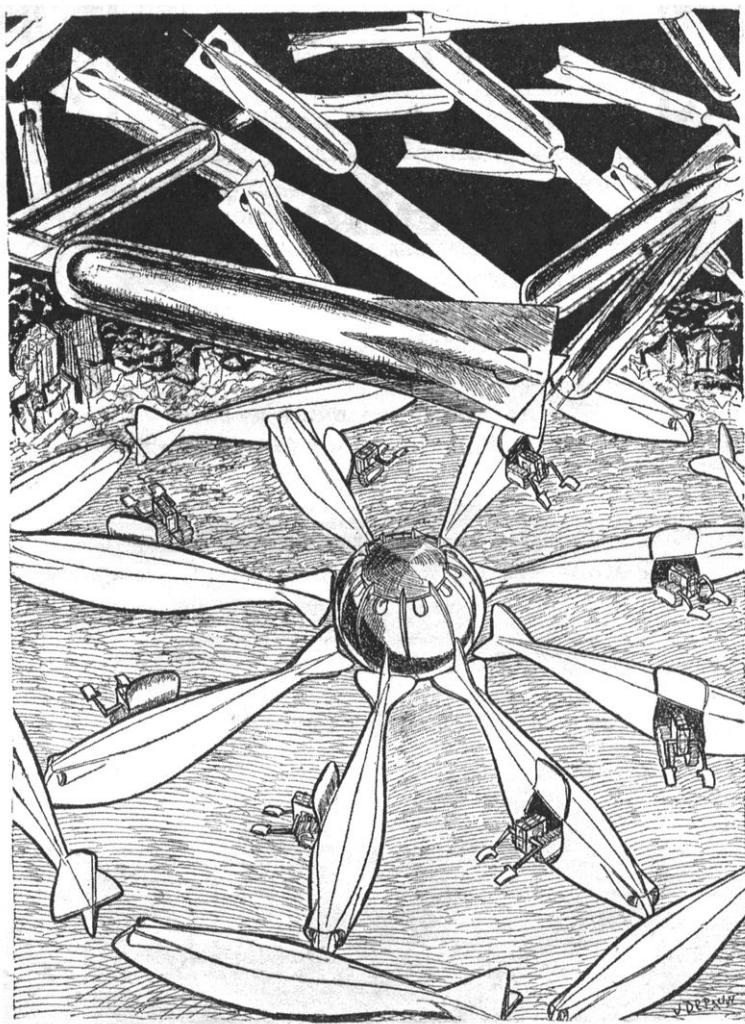
«Когда проиграл даже атом»

«When the Atoms Failed», журнал «Amazing Stories»,
№ 1, 1930

«Металлическая орда»

«The Metal Horde», журнал «Amazing Stories»,
№ 4, 1930





КОГДА ПРОИГРАЛ ДАЖЕ АТОМ

Все началось одним майским днем, ближе к вечеру, 1947 года, когда стояли необычайно теплые дни. Казалось невозможным работать под беспощадным солнцем, так накалившим крышу. Странно, что жара в мае всегда ощущается куда сильнее, чем в июле. Но на верхних этажах больших домов впопыхах было задохнуться. Большим неудобством было то, что посадочные площадки для самолетов на крышах всегда сильно нагревались летом, но все же люди жили даже в квартирах на верхних этажах, и в одной из таких квартир человек пытался работать. Жара была для него большим неудобством, но его вдохновляли мысли о том, что если он не закончит работу в срок, в недалеком будущем ему нечего будет есть. Рукопись, которую он правил, была длинной, но это был заключительный этап работы... Тем не менее, когда тишину нарушил звонок телефона, Гэйл вздохнул с облегчением.

— Гэйл слушает.

— Привет, Дэйв. Это Стив. Слышал, у вас в Нью-Йорке жара. У меня для тебя интересное предложение — я прилечу за тобой часа через полтора, и если ты будешь на крыше в спортивном костюме и сменой одежды примерно на месяц, то гарантирую тебе развлечения, при условии, что ты по прежнему ищешь приключения на свою задницу. Но возвращения я не гарантирую... Все! Встречай меня на крыше через полтора часа.

— Ладно, я буду... но в чем дело?

«Значит, он не уверен, что я вернусь, — подумал Гэйл, — и он еще называет это интересным предложением. Во всяком случае, это веселее чем редактура этой чепухи, так что нужно поспешить со сборами. Но я бы хотел, чтобы у него появилась привычка предупреждать заранее, если он вовлекает меня в свою очередную экспедицию! Я могу не вернуться... Интересно, где это на Земле сохранилось подобное местечко? А

единственная причина, по которой он дал мне полтора часа на сборы, конечно же, заключается в том, что эти полтора часа нужны ему для того, чтобы добраться до меня. Иначе он бы без всякого предупреждения свалился, как снег на голову. Значит, он находится примерно миль за триста отсюда. Интересно, где же?»

Через полтора часа Гэйл был на крыше, глядя на то и дело мелькающие в небе многочисленные самолеты, которыми ныне пользовались как для деловых поездок, так и для развлечений. Несмотря на это, багрово-серый специальный самолет Уотерсона должен быть виден издалека. Стив опаздывал — что весьма необычно для него. Гэйл не видел приятеля уже больше года. «Все это время, он, вероятно, возился с одним из своих вечных экспериментов», — решил он.

Гэйл не отводя взгляда всматривался в небо. Но там были лишь регулярные самолеты и один дирижабль — крошечный на расстоянии, — который, казалось, летел прямо к нему... но слишком быстро летел... это не мог быть дирижабль... ни один газовый баллон не наберет такой скорости... Затем Гэйл увидел багровую и серую полосатую раскраску — это был Стив.

Когда машина стремительно рванулась вниз и ловко приземлилась на крышу возле него, Гэйл увидел, что дирижабль больше тридцати пяти футов в длину и около десяти в диаметре. Внезапно в ее изогнутом, полированном, лишенном иллюминаторов металлическом боку открылся маленький круглый люк, из которого выскоцил Стивен Уотерсон. Люк был маленьким, и так быстро протиснуть в него шести с лишним футовое тело было подвигом, достойным иллюзиониста. Гигант Уотерсон, должно быть, собирался не часто пользоваться им, иначе сделал бы люк подходящим себе по размерам.

— Привет, Дэйв... Как тебе мой новый корабль?.. Залезай быстрее, мы улетаем. Ты собрался?

— О, господи, Стив, что это? Конечно же, этот аппарат сконструировал ты, потому что я никогда еще не слышал о таком, — ответил Гэйл.

— Ну, Дэйв, наверное, можно сказать, что его сконструировал я, хотя на самом деле, его изобрела машина... По крайней мере, она открыла принципы, на которых он основан.

— Машина? Его изобрела машина? Что ты имеешь в виду? Ни одна машина не может мыслить, не так ли?

— Я не уверен, что так уж и не может, Дэйв, но залезай — я все расскажу тебе позже. Я обещал Райту, что вернусь через три часа, а уже опаздываю на десять минут. Кроме того — эта малютка весит три тысячи тонн, так что мне не хотелось бы оставлять ее на крыше дольше, чем это необходимо.

— Но, Стив, дай мне хотя бы рассмотреть твой дирижабль. Послушай, он чертовски красив! Он весь металлический?

— Рассмотришь его внутри, Дэйв... Вперед!

Дэйв Гэйл был тоже не крошка — пять футов десять дюймов и весил больше ста шестидесяти фунтов, но Уотерсон был в прекрасной форме — двести десять фунтов стальных мускулов, так что он сгрузил Гэйла в люк, точно мешок муки.

Гэйл завертел головой, рассматривая помещение, в котором оказался. Очевидно, это была кабина пилота, потому что всю переднюю стену, следя ее изгибу, занимало громадное окно, перед которым стояло два уютных на вид кресла. Очевидно, кресла намертво крепились к полу, а судя по прочным ремням, ожидалось, что пассажиры могут попасть в болтанку. Подлокотники кресел были по два фута шириной, и их полированную поверхность усеивали маленькие приборы и ручки. Уотерсон сел в правое кресло и пристегнулся ремнями. Гэйл поспешил занять левое.

— Успокойся, Дэйв, и приготовься к толчку, когда мы взлетим.

— Я готов, Стив, поехали!

Уотерсон чуть шевельнул правой рукой, и слева от него на приборной панели вспыхнул красный индикатор, ожили стрелки приборов, так же, как и на подлокотниках кресле Гэйла. Еще одно движение рукой, и раздался приглушенный гул. Затем Уотерсон взглянул на Гэйла и стал поворачивать маленькие верньеры... Гэйл взглянул на него в ответ, но внезапно его лицо исказилось от неприятного удивления. Машина чуть дернулась, а затем возникло странное, нехорошее ощущение, которое возникает в скоростном лифте или падающем вертолете. Увидев выражение лица Гэйла, улыбка Уотерсона стала еще шире.

— Ого... Стив... что происходит... Почему ты не предупредил меня заранее?.. — с трудом выговорил Гэйл.

— Но я же предупреждал тебя, Дэйв, — ответил Уотерсон. — А скоро, я думаю, ты и сам все поймешь.

Машина набирала высоту, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, удаляясь от крыши не так, как набирает высоту вертолет или дирижабль, а, скорее, как нечто тягучее, ускоряющееся все сильнее и сильнее. Летела она вверх почти по прямой. На подлокотнике кресла Уотерсона зажегся еще один красный индикатор, и аппарат неожиданно наклонился под углом в тридцать градусов. Затем рванулся вперед, не переставая набирать скорость, пока Нью-Йорк не остался далеко позади, а небо не стало сперва темно-фиолетовым, затем черным, и на нем появились звезды. И не обычные мигающие, голубоватые звездочки, видимые с Земли, а сверкающие, горящие ровным светом звезды бесконечного космоса, и у каждой звезды был свой цвет, от тусклого-красного, до зеленого и синего. Теперь, когда Земля осталась далеко внизу, Гэйл с восторгом глядел на развернувшуюся перед ним великолепную сцену, ища старых друзей Земли — Марс, Венеру, Юпитер и остальные знакомые, мерцающие планеты. Затем он, заранее прищурившись, взглянул на Солнце и вскрикнул от удивления, потому что гигантский шар горел ровно каким-то голубоватым светом, точно чудовищная электрическая дуга, а вокруг него виднелось большое туманное облако зодиакального света, почти невидимое с Земли, но здесь сияющее неописуемой красотой.

— Мы уже в космосе! — взволнованно воскликнул Гэйл. — Но, Стив, что с Солнцем? Почему оно голубое? Ведь стекло окна не было голубым, не так ли?

— Конечно, мы в космосе... Но это не стекло, а кварц. Любое стекло раскололось бы через мгновение от перепада температур за бортом. Солнце же выглядит голубым, потому что впервые в жизни ты видишь его без фильтра, отсекающего больше половины его спектра. Атмосфера не пропускает синюю часть спектра, равно как и ультрафиолетовую. Поэтому мы всегда видим Солнце желтым. Сначала оно красное, потом желтое, белое, а затем, — как, например, электрическая дуга, — становится голубым. Солнце почти на две тысячи градусов горячее электрической дуги. Поэтому, естественно, что оно голубое. Кроме того, держу пари, что ты еще не нашел Марс.

— Да, Стив, не нашел. Где же он?

— Вон там, прямо. Видишь?

— Но это не может быть Марс. Он же зеленый... зеленый, как Земля.

— Но это Марс. Марс кажется с Земли красным, потому что свет, исходящий от Марса, проходит двойной фильтр, собственную марсианскую атмосферу, а потом нашу. Поэтому он становится красным, как сигнал самолета.

— Марс зеленый... Значит, возможно, жизнь на Марсе может быть похожа на жизнь на Земле!

— Конечно, Дэйв. Это вполне вероятно. Вспомни, что цвет планетам придает хлорофилл, преобразующий солнечную энергию в крахмал и сахар для растений, и, скорее всего, он во всей вселенной одинаков, поскольку углерод — единственный элемент из сотни с лишним, позволяющий прогрессировать бесконечно сложным жизненным процессам.

— Но я думал, что элементов всего лишь девяносто два...

— Девяносто два различных типов атомов. Но если у вас поддюжины человек выполняют одну и ту же работу, можно ли ко всем им обращаться «рабочий»? Найдено больше шести видов свинца, два вида хлора, несколько — аргона и многих других элементов. Их называют изотопами, и на самом деле у них разный атомный вес. Мы говорим, что атомный вес хлора 35.457, но на самом деле не существует атома с таким весом. Есть два изотопа с весом 35 и 37, они постоянно смешиваются, так что среднее число является 35,457. В действительности атомов больше сотни. Пока я работал над этой яхтой, то обнаружил, что имеет значение, какой именно изотоп хлора я использую.

— Ну, и как все это работает, и что ты подразумеваешь под словами, что этот аппарат изобрела машина?

— Дэйв, как тебе известно, уже много лет самые большие прорывы в физике делаются в области математической теории строения атомов. Эйнштейн был самым великим из математиков¹⁵, а следовательно, самым великим атомистом. Как ты хорошо знаешь, я никогда не был хорош в математике, но любил заниматься строением атома. У меня были

¹⁵ Ошибка автора. Эйнштейн вообще не был математиком. Он считается физиком, хотя на самом деле был, скорее, философом науки. (прим. перев.)

свои идеи, но мне был нужен кто-то, кто сложил бы на их основе математическую теорию. Может, ты помнишь, что в 1929 году в Массачусетском технологическом была машина, которую они называли интеграф, электрическая машина, которая могла проводить вычисления, слишком сложные даже для Эйнштейна, и то, на что у Эйнштейна ушли бы месяцы работы, машина могла решить за несколько минут. Фактически, это выводило математику за пределы человеческого разума. Вычисления — замечательный инструмент, с помощью которого человек может углублять свои знания, но чтобы все глубже закапываться в науку, ему приходится мастерить лопату все больше и больше. К концу нынешнего десятилетия положение дел стало таким, что уже хвост ма-хал собакой, а лопата стала больше человека, и мы не могли ею орудовать. А потом придумали громадную лопату и прицепили к ней электродвигатель. Появился бульдозер. А интеграф должен был прицепить электродвигатель к процессу вычислений — и это получилось. Я работал над интеграфом в своей лаборатории, и мне удалось его усовершенствовать. При помощи его я могу делать вычисления, которые прежде не были возможными, вычисления, каких никогда не делал ни один человек. Это помогло мне открыть тайну атома и начать управлять атомной энергией. Но это было еще не все... Машина продолжала работать с длиннющими уравнениями, сокращая количество переменных, изменения, интегрируя, дифференцируя данные, а потом я понял, куда все это ведет! Я испугался, когда увидел, что означают эти уравнения. Я боялся, что машина ошиблась, я смертельно боялся проверить последнее уравнение, конечное уравнение, которое машина уже не могла изменить. Она работала с уравнениями материи и вывела конечное, окончательное уравнение, описывающее всю материю! И в этом конечном уравнении содержались инструкции, как полностью разрушить материю! Оно подсказывало, как можно освободить ее потрясающую энергию. Этого я и испугался. Я долго проверял уравнение атомной энергии, пока, наконец, не набрался смелости, чтобы применить его на практике. Энергия материи известна давно: с помощью простой арифметики можно вычислить энергию, содержащуюся в одном грамме материи. Один

грамм эквивалентен примерно десяти каплям воды, и в этих десяти каплях содержится 900, 000,000,000,000,000 эргов энергии! Масса — такая же мера энергии, как эрги или киловатт-часы. Можно было бы покупать электричество фунтами. Если бы у тебя было миллионов пятьсот долларов, ты мог бы купить фунт энергии. Ты наверняка слышал, насколько мощная атомная энергия. Она примерно в миллион раз мощнее энергии угля. Но эта колоссальная энергия так же мала по сравнению с полной энергией материи, как сила муравья по сравнению с моей силой. Энергия материи в десять тысяч миллионов раз мощнее энергии угля. Теперь ты можешь понять, почему я боялся испробовать эти уравнения на практике. Один грамм материи мог взорваться столь же мощно, как семь тысяч тонн динамита! Но машина все рассчитала правильно. Мне удалось освободить эту ужасную энергию. Я освободил ее в виде высокотемпературного луча. К счастью, аппарат был направлен в окно. А за окном был только песок. Окно мгновенно испарилось, а песок превратился в массу расплавленного кварца. Последующие столетия он так и останется там лежать — двухмильная полоса расплавленного песка пятьдесят футов шириной! — улыбка Уотерсона стала еще шире. — Из этого же можно сделать замечательную дорогу — из стекла толщиной в фут... А машина показала мне тысячу способов применения этого открытия. Кстати, я управляю кораблем посредством интересного устройства, которое также спроектировала машина. Как ты помнишь, в Общей теории относительности Эйнштейн объединил массу, силу притяжения и степень изгиба пространства, а так же доказал, что пространство упруго. Теория поля, которую он создал в 1929 году, утверждает что гравитация и электрическое поле очень похожи. Я же, при помощи машины, обнаружил, что они тесно связаны между собой. Я заряжаю стенки этой «яхты» отрицательным зарядом с помощью специального устройства, и электрическое поле аннулирует силу тяжести — корабль становится невесомым. Двигатель тоже очень прост. Я уже говорил, что пространство упруго. У меня есть проектор, точнее, ряд проекторов вокруг всего корабля, которые выбрасывают лучи света, искривляющие пространство. Затем пространство выпрямляется и — если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе, — корабль устремляется

вперед. Единственный теоретический предел скорости моего корабля — скорость света. При такой скорости любое тело имело бы бесконечную массу, а поскольку нельзя создать бесконечную силу, то корабль не может лететь еще быстрее. Самое интересное: ученые знали об этом уже много лет, и пока сотни человек рассуждали об атомной энергии, никто из них не касался вопроса об энергии материи. Ученые утверждали, что эту энергию использует Солнце для поддержания высокой температуры — сорок миллионов градусов в центре нашего светила. Но при этом они добавляли, что человек никогда не сможет получить ни такую температуру, ни такое давление, как в центре Солнца. А поэтому, человек никогда не овладеет энергией материи. Точно так же говорили, что человек никогда не обуздает молнию, а потому не сможет овладеть электричеством. Но человек нашел другие способы получения электричества, способы, которые не существовали в природе. Точно такая же штука произошла и с энергией материи. Я нашел другие способы для ее высвобождения. Целью нашей поездки, Дэйв, являются исследования. Я лечу на другие планеты и хочу, чтобы ты сопровождал меня. Думаю, я подготовлен к любым проблемам, с которыми мы можем там встретиться. У меня есть пулемет, стреляющий пулями, начиненными материй, которая взорвется при ударе. Материи в них меньше песчинки, но взрыв столь же силен, как десять тонн динамита. Но если бы я превратил в энергию всю пулю, то получил бы взрыв, эквивалентный тридцати пяти тысячам тонн динамита, что было бы явно опасно. На яхте, также, установлены проекторы, способные послать высокотемпературные тепловые лучи, которые могут испарить все, что встретится им на пути. У каждого у этих проекторов свой встроенный генератор, но управляются они отсюда. Генераторы эти маленькие, но гораздо мощнее, чем любая электростанция на Земле. Любой из них далеко превосходит электростанцию в Сан-Франциско мощностью в полтора миллиона лошадиных сил. Каждый из моих генераторов способен развить мощность в пятьдесят миллионов лошадиных сил!

— Боже мой, Стив, — воскликнул Гэйл, — я, конечно, не ученый, но когда ты столь многословно рассуждаешь об источ-

никах энергии в миллионы и миллиарды раз мощнее угля, я не просто растерян — мне страшно. А ты говоришь, что у тебя несколько десятков генераторов на яхте мощностью в пятьдесят миллионов лошадиных сил. А что, если они взорвутся?

— Ну, если они взорвутся, хотя я не думаю, что они могут взорваться, то взрыв столкнет Землю с орбиты или даже полностью уничтожит ее, — пожал плечами Уотерсон. — Могу к тому же добавить, что мы, разумеется, не выживем в такой катастрофе.

— Да нет, я это так, просто предположил... Но, Стив, насколько я знаю, в космическом вакууме царит ужасный холод. Наверное, трудно поддерживать тепло в корабле в такой ледяной пустоте?

— Во-первых, — улыбнулся Уотерсон, — я должен поправить тебя. Пространство само по себе не пустое и не холодное. Во-вторых, вакуум вообще не может быть ни холодным, ни горячим. Температура — это всего лишь свойство материи. Но само пространство не пустое — в нем в каждом кубическом дюйме содержится примерно один атом. А между нами и неподвижными звездами находится столько вещества, что мы регистрируем его спектр, как фон спектра звезд. Свет, который посыпают нам звезды, доходит до нас с информацией о том, что содержится в пространстве, которое он преодолел — и там говорится о миллионах тонн кальция и натрия. Даже в столь незначительном объеме Солнечной системы, в ее «пустом» пространстве содержится примерно 125 000 000 000 граммов материи. С точки зрения астрономии это ничтожно мало, но, если ты помнишь, что один только грамм может выделить столько же энергии, сколько 10 000 000 000 граммов угля, то это оказывается не так уж и мало. А раз в пространстве есть материя, то оно может иметь и температуру, что и существует в действительности. Эта температура составляет примерно 15000 градусов. Поскольку большинство атомов в пространстве вырвалось с поверхности звезд и имеет ту же температуру, что была у них прежде. Так что, как видишь, пространство — ледяное пространство — более горячо, чем любое место на Земле! Единственная трудность состоит в том, что атомы слишком рассеяны в нем, поэтому средняя температура так низка,

что мы вполне можем сказать — пространство холодное. Точно так же кусок льда может содержать больше тепла, чем кусок раскаленного железа, однако, я предпочел бы сидеть на льду.

— Теперь все ясно, — вздохнул Гэйл. — Я сам предпочел бы лед. Но... это интересно! Выходит, пространство не пустое и холодное, а чрезвычайно раскалено!

— Раз уж мы начали, то давай закроем этот вопрос, Дэйв, — ответил Уотерсон. — Да, пространство горячее, но одновременно и необычайно холодное. Средняя температура материи во Вселенной примерно равна миллиону градусов, так что пространство, которое имеет 15 000 градусов, на самом деле очень холодное. Температура внутри звезд равняется сорока миллионам градусов, что еще больше поднимет среднюю температуру. Но невероятно большое количество вещества в самом межзвездном пространстве снижает среднее число. Как ты помнишь, ближайшая к нам звезда находится в четырех с половиной световых годах, так что между звездами лежит такое обширное пространство, что все вещество в нем буквально размазано тончайшим слоем, и несколько точечных концентраций материи — звезды, — почти ничего не прибавляют к средней температуре. К тому же, в обширном космическом пространстве встречаются маленькие кусочки материи, остывшие до ужасно низких температур — всего лишь на несколько градусов выше абсолютного нуля. Но есть также куски материи потеплее, на которых может существовать водород и кислород в газообразной форме, а значит, и существовать жизнь. Мы называем эти куски планетами. Выходит, мы имеем диапазон температур от абсолютного нуля до сорока миллионов градусов тепла. Жизнь может существовать в пределах от 220-300 градусов тепла до 50 холода. По сравнению с диапазоном в сорок миллионов, имеющимся во Вселенной, это ничтожно маленький промежуток. Теперь ты понимаешь, насколько часто должны встречаться планеты с подходящей для «жилья» температурой? Но мы уже приближаемся к лаборатории, Дэйв. Я хочу познакомить тебя с Райтом, моим лаборантом, блестящим студентом и мастером на все руки. Это он собрал «Бартоломея» — так я назвал математическую машину, — а так же большую часть деталей яхты. Он сделал это при помощи тепловых лучей, иридиевого сплава и иных элементов. Он провел много времени,

подбирая нужные сплавы. Корпус яхты сделан из вольфрама, иридия и кобальта. Он очень прочный и твердый. Он царапает стекло, прочнее стали и одновременно податлив, как медь. Раньше иридиум стоил 250 долларов на унцию, но я научился делать сплавы куда более дешевыми. Так что скоро иридиевые сплавы станут дешевле натрия!

— Жаль, что полет был таким коротким, Стив, — вздохнул Гэйл. — Я хотел бы еще о многом спросить тебя. Где мы находимся? Я что-то не узнаю эти места.

— Мы в Аризоне... Гляди, вон там лаборатория.

— Что? В Аризоне? С какой же скоростью мы летели?

— Медленно, учитывая, что мы выходили в космос, но по земным меркам весьма быстро. Фактическую скорость трудно определить — ведь мы освободились от любых оков тяготения, поэтому я должен был следовать за Землей по ее орбите и за Солнечной системой. До Нью-Йорка примерно три тысячи миль, так что, учитывая, что мы летели часа полтора, то наша скорость равнялась тридцати милям в минуту или полмили в секунду.

— Ну, рекорд скорости самолета где-то четыреста двадцать миль... я имею в виду, в час, — протянул Гэйл. — Так что ты сейчас установил новый рекорд!

Они подлетели к низкому зданию, которое стало свидетелем строительства первого на Земле космического корабля. Плавный спуск постепенно превратился в пологий полет над самой землей, и, наконец, корабль медленно вплыл в открытые ворота ангара.

Райт помахал им рукой, но Уотерсон еще несколько минут не выходил, показывая все Гэйлу.

— Стив, ты выбрал для работы самое пустынное место. Но почему?

— По двум причинам. Во-первых, я искал место, где было бы тихо. А во-вторых, мне нужно было место, где я мог бы спокойно работать с атомной энергией, не боясь, что случайный взрыв разнесет весь город. Ты заметил кратер, мимо которого мы пролетали? Там я испытал первую пулю. Я перебрал с материей, положил туда почти миллиграмм... Но вылезай, я хочу показать тебе свою лабораторию. Она в ангаре. А завтра научу управлять кораблем.

Уотерсон первым направился к задней стене ангара, гладкой и металлической, где была маленькая дверка. Стена и дверь мерцали странно переливающимся сплавом иридия.

— Вот тут я сплю, — продолжал на ходу рассказывать Уотерсон. — Правда, тут очень тесно.

Учитывая габариты Уотерсона, комната в одиннадцать футов длиной, десять высотой и почти столько же в ширину действительно была тесной. К тому же, помещение служило еще и столовой, кухней и чертежной, так оно было действительно переполнено. Гэйла особенно заинтересовал небольшой экран, на котором светилась группа огоньков.

— Что это, Стив? — спросил он.

— Это моя карта. Это единственная карта, которая действительно нужна на космическом корабле. Огоньки все время движутся, показывая истинное положение планет. Наверное, сначала мы полетим на Марс, он сейчас ближе всего. Я хотел первым делом полететь на Венеру, но она сейчас по другую сторону Солнца. Я обнаружил, что даже в космосе не всегда возможно лететь по прямой.

— Да, неплохая карта! Но она же весьма приблизительна. Я полагаю, у тебя есть более точные сведения?

— А зачем мне более точные? Я получу к такой большой цели, что не смогу промахнуться!

— Тоже верно. Но я еще не видел аппарата, который будет снабжать корабль воздухом. Подозреваю, что за той дверцей что-то есть.

— И правильно делаешь. Там склад и машинное отделение, в котором находится все оборудование, воздухоочиститель, фильтр для воды. Не забывай, что атомная энергия дает мне неограниченное количество электричества. Я открыл способ разлагать углекислый газ на углерод и кислород. Так я возвращаю в воздух значительную часть кислорода и одновременно удаляю из него углекислый газ. Кислород я добываю из воды при помощи другого электролизера. Одновременно он же регулирует влажность воздуха. Трудность состояла в том, чтобы избавиться от высокой температуры. Я ведь получаю такое же количества тепла от Солнца, что и Земля, но у меня нет защитной атмосферы. Самое легкое решение этой проблемы оказалось в том, чтобы держать корабль под таким углом к

Солнцу, чтобы тень накрывала большую его часть судна. А затем, регулируя угол наклона, я могу получать внутри любую нужную мне температуру.

— Хорошая идея. Кстати, я никогда не слышал об электролизе углекислого газа. Не расскажешь мне, как это происходит?

— Это процесс, который открыл я сам. Он весьма сложный, так что объяснение заняло бы много времени. К тому же, я подумываю, не легче ли было бы превращать материю непосредственно в кислород?

— Стив, я заметил, что у тебя тут много светильников. Но почему ты не сделал окна?

— Окон нет нигде, кроме рубки управления. Проблема тут в том, что окна уменьшают прочность корпуса. Кроме того, мы сейчас находимся в спальне, а поскольку в космосе нет ночи, то ее пришлось бы все равно периодически затемнить. Так что почему не оставить ее просто без окон? Прочность же корпуса корабля очень важна из-за ускорения, которое я использую при разгоне и торможении. Внешний корпус сделан из шестидюймового иридиевого-вольфрамового сплава лишь с двумя отверстиями — дверью и окном в рубке. Все остальное представляет собой сплошной корпус без швов. Нет никакого каркаса, кроме двух переборок шестидюймовой толщины, служащих распорками. Внутренний корпус тонкий, из металла в один дюйм, и отделен от внешней оболочки двухдюймовыми скобами. Пространство между ними пусто — там вакуум. Откачать оттуда воздух проще простого. Достаточно выйти в космос и открыть специальные внешние клапаны. А потом, между корпусами, вакуум сохранится.

— Еще меня беспокоит этот внутренний корпус, — заметил Гэйл. — Есть нечто странное в нем, в отделке и карнизах... Я думаю, что зеленый цвет должен успокаивать, но у меня сложилось впечатление, что сам металл имеет этот красивый зеленый оттенок, из него же сделаны стол, кресла и прочая обстановка.

— Ты совершенно прав, Дэйв. Так оно и есть.

— Но, Стив, мне казалось, что в последнее время не было открыто новых элементов. В музее в Нью-Йорке выставлены все девяносто два элемента, и среди них я не видел зеленых металлов.

— Во-первых, вспомни, я рассказывал, что на самом деле элементов куда больше, чем девяносто два. К тому же, я не думаю, что у них там выставлены все элементы, поскольку некоторые распадаются в течение нескольких дней, и их невозможно хранить. Но тут все металлы — составные.

— Составные? Ты имеешь в виду — сплавы?

— Нет, просто химические соединения, такие же, как азотная или серная кислота. Здесь все вокруг сделано из тетра-этил-стибина — Sb ($C_2H_5)_4$, — состава, который физически и химически похож на металл. Он слишком мягок в чистом виде, но хорош в органических соединениях с углеродом. Можно получить его любых цветов и свойств — красные, синие, зеленые, мягкие прочные, хрупкие, даже газообразные.

— Цветные металлы вместо краски! Это же просто подарок для художников! Подумай только, с какой радостью они станут работать с новыми материалами.

— Наверное, но он также полезен в декоративных целях, хотя слишком мягок из-за громоздких молекул, так что не следует использовать его в трущихся поверхностях.

— Ну, Стив, я просто потрясен! — воскликнул Гэйл. — У тебя великолепный, могучий корабль! Как ты назвал его? Ты сказал, что математическую машину назвал «Бартоломей». А как называется корабль?

— Пока что никак. Я надеялся, что ты предложишь мне название.

— Весьма неожиданно, Стив. А какие у тебя были варианты?

— Ну, сперва я думал назвать его «Флюорин» в честь химического элемента, который столь активен, что его невозможно соединить ни с каким другим. Затем я подумал назвать его «Нинья», в честь корабля Колумба, который первым достиг Нового мира. Но Райт напомнил мне, что Эрик Красный, сын Лайефа, высадился в Америке еще в тысячном году, и предложил назвать корабль «Эрик».

— Что ж, все названия хороши. Но почему ты решил, что назвать корабль должен именно я?

— Мы с Райтом подумали, что раз ты написал несколько книг, то умеешь придумывать названия.

— Прекрасное объяснение! Кстати, свои названия я выкальваю в старых журналах. Могу предложить «Электрон». Звучит хорошо, и я помню, во время полета ты сказал, что переключил яхту, чтобы отталкиваться от тяготения Земли. А электрон вроде бы тоже имеет отрицательный заряд?

— Хорошее название «Электрон»... и идея хороша. У электрона действительно отрицательный заряд. Райт еще предлагал название «Террестрианин», поскольку это будет первый корабль Земли, посетивший иные миры. Так что выбираем между «Электроном» и «Террестрианином». Какое тебе больше нравится?

— Я предпочитаю «Террестрианин», — ответил Гэйл. — Это название больше подходит по смыслу.

— Ну, так и скажем Райту, что его название победило. А теперь пойдем в саму лабораторию, я хочу показать тебе «Бартоломея».

«Бартоломей» был занят расчетом сложной кривой, являющейся интегралом из десятка других кривых. Райт внимательно глядел, как механический карандаш вырисовывает тонкую линию. Низкое, тихое жужжание доносилось из машины и от ряда маленьких, связанных с ней трансформаторов у противоположной стены. Когда они вошли, Райт выключил машину, поздоровался с Уотерсоном и был представлен Гэйлу, а потом принялся восторженно описывать машину. Очевидно, он гордился ею, как и тем, кто ее изобрел. Когда Гэйл вошел, машина находилась в металлическом ящике, но теперь Райт открыл его, и Гэйл с удивлением увидел ее внутренности. Он понятия не имел, как должна выглядеть подобная машина, но ожидал увидеть путаницу шестеренок, осей, проводов и всего такого. По крайней мере, такое у него создалось впечатление, когда он услышал о математической машине. Но на деле машина оказалась гораздо проще — в ящике были лишь провода, тянущиеся от отдельных «графопостроителей», как назвал их Райт, к центральному интегратору, а также маленький механизм, переносящий результаты на бумажную ленту.

Эта машина делала возможным пользоваться неизвестной до сих пор математикой. Это совершенно новое исчисление относилось к интеграции примерно так же, как интеграция относилась к арифметическому сложению. Интеграция — это

бесконечное сложение очень маленьких членов — эта новая математика являлась интеграцией в бесконечном числе измерений. Новичок учится сначала сложению в двух измерениях. Затем переходит на три. Эйнштейн внес в математику четвертое измерение. Машина же, казалось, работала в бесконечном количестве измерений, хотя на самом деле всегда выбирала лишь четыре из них, потому что у бесконечного количества измерений не может быть физического значения. Машина могла за час решить задачу, на вычисление которой человеку понадобилась бы вся жизнь. Поэтому она была в состоянии построить математическую модель атома.

Уже ночью, сидя за обеденным столом, они втроем окончательно решили вопрос о названии корабля. Было решено назвать его «Терреэрианин», так как изначально создатели хотели назвать его максимально наукообразно. Поскольку корпус его был из иридиевого сплава, а потому являлся очень стойким к химическим воздействиям, они подготовили бутылку «царской водки», которая растворяет серебро и золото, но не может справиться с иридием. Обряд крещения был назначен на утро. Потом зазвонил телефон. С Уотерсоном хотел поговорить доктор Уилкинс из Маунт Вильсона. Разговор у них затянулся, а Райт сказал Гэйлу, что доктор Уилкинс уже звонил месяца два назад по каким-то вопросам астрофизики, и Уотерсон помог ему тогда решить проблему. Однако, на сей раз доктор Уилкинс казался очень взволнованным... Но тут Уотерсон положил трубку.

— Гэйл, кажется, мы очень удачно выбрали название кораблю, — сказал он. — Также мне повезло, что ты уже здесь. Я должен немедленно лететь в Обсерваторию Маунт Вильсона. К рассвету я вернусь и тогда все вам расскажу. Мне нужно спешить. До скоро.

Мгновение спустя, поскольку двери ангары остались открытыми, Гэйл и Райт услышали гул двигателей. А еще через секунду вся местность вокруг озарились отсветами голубовато-белого пламени, которое на мили осветили волнистые пески сухой пустыни. По ней промелькнула странная тень, и свет тут же погас. Стало темно. Лишь постепенно замирал в отдалении слабый свист, когда корабль устремился в ночь к Маунт Вильсону.

— Сколько тут песка, — пробормотал Гэйл. — Словно на дне пересохшего океана.

— Мне кажется, в мире вообще очень много песка, ведь два самых распространенных элемента на нашей планете, это кислород и кремний, — отозвался Райт.

Разговор затих сам собой, и они отправились спать, думая о том, какая причина заставила Уотерсона так внезапно сорваться посреди ночи и лететь в обсерваторию. Но, подумав, они оба решили, что все узнают, когда он вернется утром.

Лучи восходящего солнца, волей-неволей, положили конец работе обсерватории Маунт Вилсона, поэтому вскоре после восхода Гэйл и Райт услышали, как открываются двери ангара. Они привели себя в порядок и спустились, чтобы поздороваться с Уотерсоном. Взволнованное выражение его лица тут же сообщило им о многом, потому что оба знали, что Уотерсона трудно вывести из равновесия.

— Привет всем. Ты хорошо спал, Дэйв? — тут же поинтересовался он. — У меня есть новости, которые наверняка заинтересует вас... И еще два с половиной миллиарда людей, населяющих Землю. В обсерватории Маунт Вилсона обнаружили кое-что, что изменит наши первоначальные планы. Мы намеревались полететь на другие планеты, чтобы навестить тамошних обитателей, но этого не придется делать. Они сами летят к нам — сразу на двадцати кораблях, и у меня сложилось впечатление, что эти корабли весьма приличных размеров... Но мне кажется, Райт, сначала нам нужно позавтракать. Мы можем обсудить все за столом. Я пока приму душ, и если за это время ты, Дэйв, поможешь Райту, то скоро мы сможем начать. — Уотерсон стремглав выскочил из комнаты, и оба с удивлением посмотрели ему вслед.

Заявление, что на нашу планету собирается кто-то прилететь из космоса, трудно было принять так вот сразу, особенно если учсть, каким образом преподнес эту новость Уотерсон.

За столом он продолжил рассказ:

— Сначала корабли заметили в большой телескоп, когда вчера вечером повернули его в сторону Марса. Как вы помните, сейчас как раз идет великое противостояние, когда Марс расположен ближе всего к Земле, и астрономы, заметив на диске Марса пятнышки света, сразу же взволновались и начали

спектрографические и радиометрические наблюдения. То, что пятнышки были видны на фоне Марса, означало, что они ближе, чем сама планета, а, измеряя идущее от них количество энергии, можно судить об их размерах. Результаты сразу же показали, что они весьма внушительные. Но их температура оказалась слишком низка, чтобы они могли светиться, так что они нарушили все законы астрофизики. Потом астрономы сумели оценить расстояние до них, из-за движения Земли по орбите, Дэйв. Получалось, что они движутся к нам по прямой и находятся на расстоянии примерно десяти с половиной миллионов миль. Спектрометр показал смещение одной из линий спектра, доказывающее, что они летят к нам со скоростью примерно сто миль в секунду. Направление их полета таково, что они встречаются с Землей часов через тридцать. А это означает, что нам остается двадцать часов на подготовку. — Утерсон вздохнул. — Учитите, что я не паникую, но это создает немалую проблему. Если бы они летели с мирной целью, то не отправили бы сразу двадцать кораблей. А поскольку кораблей всего двадцать, это говорит о том, что они весьма самоуверенны. Поскольку они летят к нам, не отправив сперва один-два корабля на разведку, то я полагаю, что они давно уже знают об условиях жизни на Земле. Для этого им потребовался бы очень мощный телескоп, но, наверное, им помогает разреженный воздух их планеты. Думаю, они в состоянии разглядеть нашу технику и вооружение, так что знают, чем мы располагаем. Наверное, они рассчитывают легко захватить мир, но это значит, что у них есть атомная энергия. Райт, помните, когда мы открыли атомную энергию, то сначала решили использовать электронные ракеты в качестве двигателей для космического корабля? Но потом мы обнаружили энергию материи и забросили этот проект? А у них вот, пожалуй, как раз атомные двигатели. Это дает мне надежду, так как означает, что у них есть только атомная энергия, а энергией материи они не овладели.

— Все это прекрасно, Стив, — запротестовал Гэйл, — но пожалуйста, переведи теперь все это на английский язык. Что такое электронная ракета? Ты можешь объяснить это мне, не профилю?

— Ну... Наверное, я не имею никакого права называть электронно-лучевую трубку электронной ракетой, — тут же

ответил Уотерсон, — но тогда эта штука нуждается в новом названии. А уж идея ее почти полностью совпадает с идеей ракеты. Наверное, ты знаешь, что с 1927 года немцы, в частности миллионер Опель, экспериментировали с ракетами. Результаты они получили отвратительные, потому что ракетные двигатели выделяли слишком много тепла, и, чтобы избежать взрыва, нужен целый океан охлажденного воздуха. Но как ракета летит в пространстве? Знаешь принцип ракеты? Из ее задней части на очень высокой скорости выбрасывается поток частиц, и сама ракета получает мощный толчок. Электронная ракета работает точно так же — только вместо молекул раскаленного газа она выстреливает электронами. Ты должен помнить, что скорость потока электронов равен скорости света, а из-за увеличения при этом массы отдельный электрон может весить аж целый миллиграмм. Такой двигатель создать не трудно, если под рукой есть атомная энергия. Кроме того, катодные лучи могут также служить мощным оружием. Они поглощаются любым объектом, и тут же их потрясающая энергия преобразуется в тепло. Лучи смертельны сами по себе, но уж такое тепло смертельно еще более. При помощи атомной энергии я могу создавать подобные тепловые лучи. Мы можем с ними бороться, при условии, что знаем, с чем встретимся. Начинается война миров, и это будет битва колоссальных сил. Мы можем сражаться с инопланетянами и остаться в живых, только если будет заранее знать, чем они располагают. Поймите, если они найдут в нашей защите хоть одно слабое место, то у нас просто не будет второго шанса нанести удар, и тогда вместе с нами проиграет весь мир — что могут противопоставить им люди со своими армиями и флотилиями? Атомная энергия сожжет их, как паяльная лампа сжигает бумагу. Вы знаете, что произойдет с этими красивыми линкорами, когда их коснется тепловой луч? Их восемнадцатидюмовая стальная броня не расплавится — она просто мгновенно выкипит. А субмарины будут в еще большей безопасности — воду ведь так легко превратить в пар. Тепловые лучи могут мгновенно полоснуть по армии с тем же эффектом, с каким вода из садового шланга может смыть солдатиков и башни из песка. Вряд ли захватчики

станут использовать газы. Зачем это им? Они могут стереть любой город, оставив в земле лишь колоссальный кратер. А снаряды любого калибра, которые просто отскочили бы от корпуса моего корабля, наверняка точно так же будут отражены марсианскими кораблями. У Земли есть только один вид оружия, который может сразить врагов из космоса! И это оружие — мой корабль. Я предположил лишь два вида оружия, которым инопланетяне могут обладать: катодные лучи и тепловые лучи. Но, конечно, у них может быть что-нибудь еще. Например, ядерные бомбы. И я уверен, что если они сочтут нас опасными, то с радостью пожертвуют своим кораблем, лишь бы уничтожить нас. Этого мы тоже должны избегать. Что еще вы можете придумать?

— Господи, Стив, разве тебе еще не достаточно? — воскликнул Гэйл.

— Достаточно, Гэйл, но для того и проводятся военные советы, чтобы враг не мог удивить нас.

— Да, это правда. Кстати, я читал, что ультрафиолетовый свет невидим, но очень опасен для всего живого. Интересно, не могут ли они использовать его?

— Могли бы, но я весьма сомневаюсь в этом, — живо отозвался Уотерсон. — воздух почти не прозрачен, для ультрафиолета высокой интенсивности, а не такой интенсивный, он не так и опасен. Большой угрозой были бы инфракрасные лучи. Я не могу придумать, как защититься от них. Конечно, полированная иридиевая броня корабля защитит нас, поскольку станет отражать тепло. Но вся трудность в том, что тепловые лучи расплавят стекло. Кварцевое стекло станет непрозрачным, если как следует разогреть его такими лучами. А став непрозрачным, оно будет поглощать тепло и, в результате, немедленно расплавится. У меня есть идея сделать ставни из того же полированного металла, которые отразят тепловые лучи так же, как и световые. Но трудность состоит в том, что нам нужно отразить тепло, но все-таки впустить часть света, чтобы видеть, что происходит снаружи. Есть какие-нибудь предложения?

— Интересно, доктор Уотерсон, а нет ли какого-нибудь селективного отражателя, который мы могли бы использовать?

— Хорошая идея, Райт... Но я не знаю, что может пропускать свет и одновременно отражать тепло.

— Стив, что такое селективный отражатель?

— Есть много вещей, обладающих этой способностью, Дэйв. Например золотистый осенний листок. Он поглощает зеленый свет, но отражает желтый, поэтому мы и видим его таким. Проблема в том, что нам нужна видимая часть спектра, и одновременно мы хотим защититься от невидимой... Ты прав, Райт, ты прав!.. Дифракционная решетка, которая разделит весь спектр на составляющие, отразит то, что нам не нужно, а остальное передаст через призму, чтобы объединить его с обычным светом, затем пошлет на линзы, и мы сможем видеть, как через телескоп!

— И опять-таки, звучит это прекрасно, Стив, — взмолился Гэйл, — но мне хотелось бы послушать это на английском языке.

— Идея в том, чтобы взять дифракционную решетку, металлическую, с обычными 14 438 линиями на дюйм, отполированную так, чтобы она отражала большую часть световых лучей, которыми они ударят по нам. Мы поставим такие решетки под разными углами, чтобы получить весь спектр. Таким образом получается призма, которая может разделять свет на все цвета радуги и снова объединять его. Одновременно она отразит все тепло, передаваемое инфракрасными лучами. К счастью, катодные лучи нас не волнуют, поскольку наш корабль уже заряжен отрицательно, и отрицательно заряженные электроны будут просто отскакивать от нас, как от сетки электронной лампы. Хуже обстоит дело с бомбами. Единственная защита против них весьма сомнительна. Нам просто не нужно оказываться там, где они взрываются. Убегать — вот лучшая политика. И в качестве последней предосторожности, я устрою все так, что если «Террестрианн» будет поврежден и станет беспомощным, мы, нажатием единственной кнопки, могли бы взорвать весь корабль, освободить всю энергию его массы. Такой взрыв уничтожит все в радиусе сотни миль и повредит на еще большем расстоянии. Думаю, такой взрыв все же не сможет изменить орбиту Земли.

— Прекрасно! — воскликнул Гэйл. — Ну, и весельчак же ты, Стив! А теперь расскажи, чем мы можем встретить эту веселую компанию марсиан?

— Ну, у нас есть много чего вкусненького, — в том же тоне ответил Уотерсон. — Наши тепловые лучи должны быть более мощными. Я думаю, примерно, в десять тысяч раз сильнее. С бомбами будет похуже. Райт, я хочу, чтобы ты сделал сотню пуль, которые взорвутся с эквивалентов в тридцать пять тысяч тонн динамита. Кто-нибудь может предложить что-то еще?

— Стив, — снова подал голос Гэйл, — ты сказал, что твой корабль снаружи покрыт почти чистым полированным иридием. А не могут ли их корабли быть такими же?

— Могут... Хотя я не думаю, что они ожидают встретить у нас тепловые лучи.

— А вот интересно, — продолжал Гэйл, — нет ли каких-нибудь таких химикатов, распылив которые, мы могли бы сделать их корабли черными, не изменяя при этом наш иридиевый корабль? Тогда бы неприятельские суда стали лучше поглощать наши тепловые лучи.

— Хорошая идея, Дэйв! Я мог бы использовать сульфид — почти все сульфиды цветные и образуются быстро и легко. Или можно воспользоваться жидким озоном. Он может окислить почти что угодно, а окиси тоже почти всегда цветные. Но при нагревании все окиси и сульфиды, к сожалению, разрушаются. Кстати, есть лишь один металл, который марсиане могли бы использовать для своих кораблей, а именно — сталь. Сульфид железа стойкий, черный и его не так уж легко разложить. К тому же, сталь сама по себе с готовностью вбирает все, что угодно, так что они наверняка покрыли ее чем-то более инертным, например, серебром. Оно тоже быстро образует черный сульфид. Только боюсь, что все это не сработает в условиях боя, Дэйв. Райт, а что, если нам попытаться развить по-другому некоторые аспекты теории поля? Попробуйте объединить номер два шесть три десять с номером четыре два три ноль в одно уравнение. У нас нет времени конструировать новые аппараты, но, думаю, тут будет достаточно проектора для изгиба пространства. А кроме того, попытайтесь, пожалуйста, рассчитать условия, которые нам нужны для дифракции высоких температур. А я пока что дам Дэйву первый урок космической навигации. Мы вернемся к полуодин... Если вообще вернемся!

Но Гэйл заметил, как он подмигнул помощнику, так что эффект был потерян.

Практика началась в космическом пространстве на расстоянии десяти тысяч миль от Земли. Как заметил Уотерсон, именно на таком расстоянии марсиане могли начать наносить удары по Земле. Впервые в жизни Гэйл вел летательный аппарат, не опасаясь во что-нибудь врезаться.

Гэйл оценил это, еще когда вчера в полдень корабль направился вниз в скользящем полете и изящно влетел в ворота ангаря. Управлять кораблем было на удивление легко и просто. Главное было то, что пилот мог изменять энергию в громадном диапазоне, от доли лошадиной силы до миллиардов! Кроме того, кресла были снабжены ремнями безопасности...

Когда они вернулись в лабораторию, то увидели, что Райт успел приготовить легкий обед, и тут же принялись его уничтожать. За шесть часов между завтраком и этим обедом они нагуляли немалый аппетит. Райт закончил работать с машиной и рассчитал математику сепаратора тепла меньше, чем за четыре часа. Результаты были вполне удовлетворительные, а в оставшееся время Райт переделал шесть проекторов для использования. После обеда они втроем взялись за создание сепараторов тепла. Их предстояло установить два — один для пилота, а другой для наблюдателя. Самую трудную работу по монтажу проекторов и иридиевого щита они отложили на вечер.

К шести вечера проекторы были установлены и подсоединенны, а большой иридиевый щит охлаждался на земле. Его собирались устанавливать ночью, а пока что все чувствовали, что нужно поесть и отдохнуть. Они и так напряженно работали весь день, поскольку знали, что должны приготовить корабль прежде, чем марсиане достигнут Земли, а предстояло сделать еще многое. После короткого ужина они вышли наружу, где сверкал на солнце «Терристирианин». Нужно было опробовать новые проекторы. Яркий, изящный корпус корабля отражал красные лучи заходящего солнца, спускавшегося за горизонт, куда катило песчаные волны море пустыни. Фиолетовые холмы Невады вдали казались отдельными островами в море переливающегося песка. Сияющий корабль поднялся вверх, затем остановился, слегка закачался. Внезапно груда металлических слитков, лежавших возле угла лаборатории, подпрыгнула в воздух и понеслась кораблю... резко остановилась, повисела мгновение в воздухе, затем легонько скользнула

на землю. Затем, столь же внезапно, поднялась тридцатифутовая стена песка, простиравшаяся вдаль, насколько хватало глаз. Когда песок опустился, корабль вновь подхватил слитки металла в три тысячи тонн весом, и те легонько, как перышко, упали на место.

— Работает, Стив! Все работает! — воскликнул Гэйл. — Какой у него диапазон? Пожалуйста, скажи мне, Стив!

— Я и сам не знаю, какой у него диапазон, — ответил Уотерсон. — Песок он поднял, насколько хватало глаз, а ведь мы использовали лишь ничтожную часть мощности. Поскольку он действует гравитационными лучами, то, по крайней мере, теоретически, у него бесконечный диапазон. Но все зависит от мощности. Я могу использовать большую энергию, чтобы изогнуть само пространство. Проектор гравитации двойной, он выпускает лучи как вперед, так и назад. Эти лучи управляются одним аппаратом, так что они всегда равны по мощности. В результате, независимо от того, какой большой груз мне надо переместить, энергия тратится лишь на изгиб пространства.

Ночью работа продолжалась при свете мощных прожекторов корабля. Работалось легко, так как было светло, как днем. Затем приятели погнали Уотерсона отдыхать, хотя, казалось, он был готов продолжать работу. Но даже его могучий организм не мог так усердно трудиться сорок восемь часов кряду. А, учитывая приближение кризиса, он должен был отдохнуть. Уотерсон нехотя согласился, при условии, что его разбудят через пару часов. Два часа спустя Гэйл отошел на милю от лаборатории и стал звать своего приятеля. Затем вернулся и продолжил работать над установкой щита. Его предстояло установить, отполировать и сделать в нем отверстия для крепления дифракционной решетки сепаратора тепла. Щит опускал на окно и поднимал электродвигатель, которым управляли изнутри. Когда работа была уже закончена, появился Уотерсон, злой и заспанный.

— По-моему, ты обещал разбудить меня через два часа! — рявкнул он Гэйлу. — А я проспал все четыре!

— Нет, Стив, я звал тебя, но ты просто не услышал, — честно ответил Гэйл. — Я не обещал, что непременно разбуджу тебя через два часа. Я сказал, что буду будить.

Чуть позже утром были обнародованы известия о грядущем вторжении. И после этого начались дикие, безумные вспышки паники во всем мире. Человек увидел себя беспомощным перед могущественными врагами, которым не мог сопротивляться. Тем же утром возник распространившийся с быстротой молнии слоган «завтра умираем, наслаждаемся сегодня». В больших городах возникли ужасные пробки, в которых погибли сотни людей. Они хотели сбежать в леса и горы, спрятаться там, словно звери. Несколько часов до большинства из них не могли дойти никакие новости, хотя Уотерсон уже оповестил всех правительенных чиновников о своем корабле. Но тем не менее, безумства продолжались. Людям, которые оставались у радиоприемников, эти новости принесли хоть какое-то облегчение. Однако, еще много часов по телевизору не показывали изображение этого корабля, потому что в пределах сотен миль от того места, где велись работы над кораблем, не было никакого телевизионного оборудования.

Так прошел день. Всю следующую ночь Уотерсон и два его помощника, сменяя друг друга, дежурили у радиоприемника, следя за новостями. Утром марсиане должны были высадиться где-то на Земле. Вероятно, это произойдет в рассветных областях. Но «Терристирианин» не должен позволить захватить себя врасплох. Утром у Уотерсона была своя работа. В отличие от других, он завершил дежурство у радиоприемника, ответил на несколько сообщений, но остальные четыре часа потратил на работу с «Бартоломеем». Уравнения, с которыми он работал, были совсем новыми, странными. Уотерсон закончил работу, получив окончательный результат, буквально за несколько минут до того, как прилетели марсиане. Сразу же он позвал своих товарищней.

— Райт, если это уравнение означает то, что я думаю, то у нас есть громадное преимущество! — с ходу заявил он. — Я убежден, что марсиане обдумали и решили все проблемы, которые могут возникнуть у них на Земле. А поскольку приземлиться они могут в любой момент, так давайте возьмемся за дело. Нам нужно установить еще два проектора на носу и два на корме. Пока вы их устанавливаете, я отрегулирую приборы. Давай, Дэйв, время не терпит!

А потом они услышали объявление о появлении марсиан. Двадцать больших кораблей приземлились на бесплодной земле Невады. Это было всего лишь в пятистах милях от лаборатории Уотерсона! Вероятно, сухой воздух пустыни лучше подходил для марсианских легких. Военные самолеты патрулировали всю ночь, поджиная врага, чтобы узнать, с чем людям придется столкнуться. Первым увидел инопланетян лейтенант Чарльз Г. Остин. В то время корабли только начали входить в атмосферу. Остин сразу же сообщил об их появлении, одновременно включая телекамеру. Быстро снижаясь, корабли казались громадными фиолетовыми огненными шарами. Они пролетели примерно в миле от удачливого лейтенанта, и он заметил, что пламя бьет из кораблей вниз. Лейтенант задыхался от окиси азота и озона, исходящих от сорока могучих пылающих сфер. Огненные шары были футов в сто пятьдесят диаметром, но сами корабли, освещенные странным светом, оказались намного больше. Они были однотипные, три тысячи футов в длину и двести пятьдесят в ширину. Эти могучие корабли весили, должно быть, сотни тысяч тонн, а горячие шары ионизированного воздуха, сверкающие под действием катодных лучей, говорили о способе их передвижения.

Но вот корабли опустились на пески, расстилающиеся внизу, и огненные шары разом погасли. Могучая космическая армада замерла на утрамбованном песке, затем из кораблей ударили вверх столбы яркого света, очевидно, ищащие в небесах самолеты. К счастью, самолету-разведчику удалось оставаться незамеченным, и пилот все снимал на телекамеру, тут же передавай изображение в штаб. Через несколько секунд открылся люк одного из кораблей, из него выдвинулся трап. Затем трап заполнился потоком существ с объемистой грудью, большими, как лопухи, ушами и тонкими руками и ногами. Высотой эти люди были не менее десяти футов. Они с трудом шагали по трапу, придавленные большим, по сравнению с Марсом, тяготением Земли. Какие, должно быть, они испытывали острые ощущения! Они были первыми людьми в Солнечной системе, высадившимися на другую планету.

Стали открываться люки других кораблей. С трудом марсиане выходили из своих межпланетных крейсеров, присоединяясь к своим товарищам.

Внезапно телекран Остина вспыхнул белым — его все же нащупали прожекторы. Пилот резко бросил машину вниз, показывая панораму выходящих из кораблей марсиан. Но луч, от которого он сумел увернуться, тут же снова нащупал его, затем сверкнула темно-красная вспышка — и экран покернел.

Уотерсон и его товарищи бешено работали. Теперь уже не было сомнений в недружественных намерениях марсиан. Они уничтожили человека без всякой на то причины! Опытные руки Райта быстро собирали последние проекторы. Когда рассвело, они прервались, чтобы позавтракать, хотя работа над проекторами еще не была завершена. Ученые, как могли, использовали детали из запасных устройств, но все же многие узлы приходилось делать заново. Вскоре после завтрака были переданы новости. Начинавшийся день позже стал известен, как День Ужаса. Но в лаборатории Уотерсона продолжала кипеть работа. Друзья быстренько провели обряд крещения «Террестринана», и он был готов к взлету в любой момент, однако, нужно было доделать новые проекторы — дополнительное, могущественное оружие.

Вся материя состоит из атомов. Атомы группируясь, образуют молекулы, но молекула может состоять и из одного атома, как в гелии. В пределах молекулы атомы сцеплены между собой силой электрического притяжения. Молекулы некоторых веществ, например, древесины, очень большие и держатся друг возле друга при помощи особого молекулярного притяжения. Их называют аморфными веществами. Среди таковых много жидкостей. Например, вода — типичная жидкость, но есть жидкости, которые мы никогда бы не посчитали таковыми. Остывший асфальт почти что не растекается, однако, мы все равно говорим, что он — жидкость. Стекло — жидкость. Это все жидкости, охлажденные до такого вязкого состояния, что не могут течь. Стекло аморфно, но постепенно, за много лет, оно медленно кристаллизуется. Молекулы жидкости скрепляются друг с другом особым притяжением. Но в кристаллах создаются любопытные условия. Атомы поваренной соли, например, не делятся на пары — один атом натрия и один — хлора, а создают кристаллы, состоящие из миллионов атомов натрия и хлора. Поэтому кристалл не $n(\text{NaCl})$, а Na^nCL^n . Можно сказать, что кристалл соли — одна гигантская молекула. А это означает,

что кристалл скреплен электрическими, а не гравитационными силами. И величина этих сил такова, что если бы смогли разделить атомы натрия и хлора и растащить их по полюсам планеты — хлор на северный полюс, а натрий — на южный, то двадцать три фунта натрия притянут к себе тридцать пять фунтов хлора с силой в сорок тонн!

Таким образом, атомы во всех кристаллах уравновешивают друг друга, возможно, при помощи дюжины других сил. Электрические силы скрепляют кристалл изнутри. Одновременно кристаллы скреплены друг с другом при помощи притяжения. Стальной брусков состоит из миллиардов крошечных кристалликов, каждый из которых притягивает своего соседа силой притяжения. Ну, а что бы произошло, если бы была уничтожено притяжение между кристаллами? Сталь бы немедленно распалась на кучу ультрамикроскопических кристаллов, попросту говоря, на кучу неощутимо тонкой пыли! В пыль превратились бы самые прочные металлы!

Таково действие луча, придуманного Уотерсоном. Сам проектор состоял из одного кристалла кварца и выпускал луч, уничтожавший притяжение между атомами. Результаты можно было легко предсказать — это было бы ужасное, смертоносное оружие! Самые твердые металлы оно превращало в порошок. А древесина, человеческое тело, жидкости — любые аморфные вещества распадались на составные молекулы. Вода превратилась бы в пар сама по себе, без воздействия тепла, поскольку, если нет связи между молекулами, то жидкость становится паром. Только отдельные кристаллы могли бы противостоять этому лучу. Но пока люди в одинокой лаборатории в Аризоне монтировали это ужасное оружие, марсиане двинулись к тихоокеанскому побережью.

Когда наступило утро, из больших городов в сельскую местность рванулись толпы людей, потому что в новостях передали, что марсианская армада погрузилась на свои корабли и двинулась на запад. Великолепной кавалькадой плыли они над Невадой. Корабли словно восседали на сияющих отгенных шарах, ослепительно сверкающих даже при дневном свете.

Инопланетяне пролетели над восточной Калифорнией, направляясь точно, к самому большому городу Западного побережья — Сан-Франциско, что свидетельствовало о заранее

составленных планах. Там они зависали в воздухе, могучие пылающие сферы, неподвижные, словно угроза, готовая в любой момент обрушиться на людей. Примерно час они привисели таким образом, затем сбросили первую из атомных бомб. Бомбы были крошечными. Никто не видел, как они падают. Видны были лишь эффекты от взрывов, когда там, где только что была твердая земля, внезапно раскрывалась бездонная пропасть. Одна бомба упала у Золотых Ворот. После этого они стали похожи на дамбу, построенную из песка ребенком — просто стена из грязи и камешков. Кинохроника разрушения огромного города говорит гораздо больше, чем можно выразить любыми словами. Если бы город разрушили пожары или землетрясения, его было бы можно отстроить заново. Но никакой природный катаклизм не мог сравниться с нынешним разрушением. Великий город был разрушен колоссальными взрывами, расплавлен могущественными тепловыми лучами и разнесен на атомы ужасной силой катодных потоков. Марсианам потребовалось всего лишь шестнадцать минут на разрушение города так, как не был разрушен никакой город за всю историю Земли. Лишь место в пустыне Невада, где произошел последний, решающий бой, было изуродовано еще сильнее. Во всем погившем городе не осталось ни единого раненого и страдающего. Уничтожение было мгновенным и полным. Сама смерть милостива, но тернисты пути, ведущие к ней, и тех, кто проходит по ним быстро, можно считать счастливцами.

Большие корабли марсиан еще полчаса висели над пылающими руинами. Затем флот в четком строю повернулся и величественно поплыл на юг. Тысячи людей в Лос-Анджелесе сошли с ума, когда услышали это известия. Почти все население разом рванулось из города и тут же застряло в пробках. Марсианам понадобилось двенадцать минут, чтобы достигнуть Лос-Анджелеса, и громадные тени от их кораблей легли на улицы, заполненные тысячами людей, пытающихся уехать из города.

Но марсиане не стали разрушать этот город. Два часа они неподвижно висели над ним, затем корабли поплыли дальше.

Весь день они летали над Калифорнией, передвигаясь от города к городу с явным намерением поподробнее изучить уже известные им места. Больше они ничего не разрушали,

если только им не досаждали. Но повсюду, откуда по кораблям начинали стрелять, по земле били тепловые лучи, оставляя лишь дымящиеся ямы в расплавленных горных породах. Бомбардировщикам, летевшим на большой высоте, удалось сбросить бомбы на один из марсианских кораблей. От взрыва корабль покачнулся, но на его прочном борту лишь осталась небольшая вмятина. Секунду спустя раздался другой взрыв, когда оставшиеся бомбы в самолете и баки с топливом были подорваны катодным лучом. Но когда марсиане не встречали никакого сопротивления, то их флот спокойно летел дальше, словно забыв о людях. Затем он развернулся и проследовал обратно к месту первоначальной высадки в Неваде.

Последние работы над проекторами были закончены к полудню следующего дня, и те были тут же установлены на корабле. Настало время последнего испытания.

«Терреэтрианин» снова поднялся в воздух возле ангара, и снова куча металлических слитков подпрыгнула вверх и неподвижно повисла в воздухе, поддерживаемая силовыми лучами. Затем ударил другой луч, луч бледно-фиолетового света, омывший слитки нежным сиянием. Секунда — и слитки принялись таять, буквально на глазах тая. За десять секунд все было кончено. Слитки вольфрама, каждый весом больше двухсот фунтов, исчезли — превратились в пар разрозненных кристалликов и рассеялись в воздухе. Это был полный успех, и когда «Терреэтрианин», ведомый твердой рукой Уотерсона, вернулся в ангар, все трое ощущали прилив уверенности в силе нового оружия! Но работы еще не закончились. Проекторы лучей распада еще не были прикрыты полированными иридиевыми щитами, а без них они будут слишком уязвимы для тепловых лучей.

И как раз во время их установки произошел несчастный случай. Райт уже установил щит левого переднего проектора и принял за правый, когда стремянка, на которой он стоял у загибающегося борта корабля на весьма опасной высоте, покачнулась. Щит, который в это время держал Райт, весил около сотни фунтов, поскольку состоял из дюймовых пластин иридия — одного из самых тяжелых металлов. Когда стремянка пошатнулась, щит качнулся вместе с ней, и Райт полетел на пол.

Тяжелый щит упал на него и сломал Райту правую руку. Теперь Райт был бесполезен как работник. Уотерсон остался завершать установку щитов, а Гэйл повез Райта на моноплане Уотерсона в ближайший город.

К тому времени, как он вернулся, было уже пятнадцать тридцать, и Уотерсон закончил возиться со щитами. Ему было легче справиться с ними благодаря своей недюжей физической силе. Работа была завершена, щиты накрепко приварены и отполированы.

Весь день по радио шли постоянные сообщения о продвижении марсиан. Теперь они не причиняли ущерб, но летали над густо населенными районами, где любое сражение закончилось бы плачевно. Если бы «Террестрин» напал на них там, то погибло бы много народа. Поэтому Уотерсон решил подождать, пока марсиане не улетят из Калифорнии. На западе лежал океан, где сражение никому бы не причинило времена. На востоке протянулась пустыня, а на юге были малонаселенные места. Поэтому сражению помешало бы только направление марсиан на север.

Около пяти вечера в новостях сообщили, что марсиане во второй раз возвращаются к месту своей первоначальной высадки в пустыне Невада. Уотерсон тут же решил пойти им наперехват, поскольку его корабль уже ждал, полностью готовый. В поле зрения появилась марсианская армада, сначала показавшаяся простыми блестящими точками над фиолетовыми холмами. Они приближались со скоростью несколько сотен миль в час.

Но, казалось, прошли часы, прежде чем эти точки выросли и превратились в гигантские корабли. Когда, наконец, до передового марсианского корабля осталось лишь полмили, Уотерсон, не замедляя полет, дал первый залп. В ответ из носа марсианского корабля вырвался фиолетовый луч, протянувшийся, как перст смерти, чтобы уничтожить висевший в воздухе кораблик. Но луч имел мощный отрицательный заряд, поэтому не сумел прорваться к кораблю землян.

Отступая перед прущим вперед, как бык, противником, «Террестрин» начал бой. Двадцать марсианских кораблей наступали ровным полукругом, выстроившись так, чтобы каждый мог стрелять без опасения задеть своих соседей. Внезапно

от «Терреэтрианина» метнулся тускло-красный луч, вытянувшийся вперед и лизнувший сразу несколько кораблей. Шесть марсианских гигантских кораблей, которых он коснулся, хотя и продолжали двигаться напролом, как разъяренные быки, но под действием теплового луча, раскалились докрасна. Разумеется, их экипажи мгновенно погибли в пламени и струях кипящего металла. Четырнадцать других кораблей тут же смахнули, чтобы их не коснулись лучи красной смерти, но еще три громадины не успели отреагировать, и рухнули, пылая, на песок с высоты миль в десять. Еще у трех кораблей, хотя им и удалось уклониться, было повреждено управление, и они стали опускаться, беспорядочно молотя по пустыне катодными лучами, образующими большие кратеры в песке.

Луч смерти с «Терреэтрианина» снова нанес удар, когда еще один марсианский корабль неосторожно подставил ему рубку, и тот немедленно полетел вниз. Ускорение ему дополнительного придали гравитационные лучи с земного корабля. Секунду спустя раздался взрыв такой силы, что могущие марсианские корабли закачались в воздухе, получив удар взрывной волны, а в земле разверзнул пасть громадный кратер в полмили диаметром, когда в упавшем корабле разом рванули все бомбы!

Три корабля, получившие повреждения, стали отступать. Осталось лишь тринадцать неповрежденных марсианских кораблей, начавших атаку на «Терреэтрианина». Но Уотерсон уже успел опустить щиты на окна, и марсиане, сконцентрировавшие тепловые лучи на блестящем корпусе земного корабля, ничего не добились.

— Стив, а я думал, что дифракционная решетка полностью отражает тепловые лучи, — во время наступившей передышки спросил Гэйл. — Как же получается, что я видел наши лучи?

— Ну, сам тепловой луч ты не смог бы увидеть, — ответил Уотерсон, вытирая пот со лба, — поскольку решетка и впрямь отражает весь инфракрасный свет. Но вместе с ним я посыпаю в луче обычный красный свет, чтобы удобнее было целиться.

Тем временем марсиане снова выстроились полукругом с «Терреэтрианином» в центре, и внезапно борта всех кораблей вспыхнули фиолетовым. В тот же момент земной корабль рванулся с места с потрясающей скоростью — и вовремя совершил этот маневр. Почти немедленно раздался взрыв такой силы,

что даже гигантские корабли марсиан закачались, хотя до них было миль десять.

— Прекрасно... Они используют в своей взрывчатке соли калия, — воскликнул Уотерсон. — Дэйв, ты заметил фиолетовый свет во время взрыва?

— Да, но почему же они не используют атомные снаряды? — спросил Гэйл.

— Боятся сами попасть в эпицентр взрыва... Внимание! Пожале, они пытаются нас проранить. Огонь!

Марсиане, казалось, были полны решимости смести кораблик землян. Три громадных корабля внезапно ринулись на него. Раздался, и тут же смолк, резкий стук пулемета, «Террестрианин» на полной скорости отступил от марсианских кораблей. Гэйл еще не видел, как действуют атомные разрывные пули, и теперь уставился во все глаза на то, как три марсианских корабля, выдвинувшихся вперед, разлетелись на тысячи рваных осколков, полетевших во все стороны с такой силой, что они пробили борта еще одного своего же корабля. Громадные корабли марсиан, казавшиеся непобедимыми, разлетелись на куски, причем все происходило в полной тишине. Не было слышано никаких взрывов, лишь вспышки света, когда корабли взрывались. Только что впереди были громадные корабли, несущие смертельную угрозу — и вдруг их не стало! Более того, еще один корабль был поврежден разлетающимися кусками металла. Лишь то, что эти три корабля летели впереди остальной эскадры, спасло оставшийся флот марсиан. Очевидно, были повреждены атомные генераторы еще одного корабля, поскольку сияющий шар огня, на котором, фактически, летел корабль, внезапно погас, и корабль, гирокопы которого держали его ровно на киле, понесся все быстрее и быстрее к земле, лежащей милях в десяти.

— Стив... я... я попал? — воскликнул Гэйл. — Но почему я не слышал взрывов?

— Разумеется, ты попал, Дэйв! Прекрасная работа — три корабля с трех выстрелов... даже можно сказать, четыре. Что касается взрывов, то звук передается по воздуху, а мы сейчас находимся практически в безвоздушном пространстве.

Однако, оставалось еще девять кораблей марсианской армады в двадцать судов, и эти девять, казалось, собирались

сражаться до конца. Они уже поняли, что противостоящий им крошечный кораблик опасен! Смертельно опасен, опаснее, чем они видели даже в самых кошмарных снах, поэтому он должен быть уничтожен! Марсиане снова пошли в атаку, расправив перед собой, как громадные щиты, катодные лучи, пылающие голубым светом. К ним снова потянулся красный тепловой луч, но он оказался бесполезным перед катодным щитом. Снова сухо застрочил пулемет, но его пули-снаряды взорвались, не долетев до цели, — их взорвали катодные лучи. Затем один из девяти марсианских кораблей рванулся вперед на потрясающей скорости, устремившись прямо на «Террестринана». До него была миля... полмили... четверть...

И тут из носа земного кораблика ударили новый луч. Он казался обычным катодным лучом, вот только странно переливался фиалковым цветом, а когда коснулся стремительно несущегося вперед марсианского корабля, тот тоже засиял фиолетовым. Свет, казалось, растекался по нему, как вода, затем вдруг погас. Одновременно погас и странный луч. На том месте, где только что был марсианская громадина, осталась лишь маленько облачко — с несколькими твердыми кусочками, — и ничего больше. Корабль был полностью уничтожен!

Оставшиеся марсиане отступили. Тут было что-то, чего они не могли понять. Им были известны тепловые лучи, бомбы... Но чтобы корабль в сотни тысяч тонн мог за доли секунды раствориться в космосе — это было чем-то новым и казалось невероятным. Затем они перестроились, — восемь кораблей, — образовав большой пятимильный куб, по кораблю на каждом углу, а «Террестринин» остался в его центре. Медленно они двинулись вперед. Земной кораблик сначала висел неподвижны, а потом, когда куб сжался до трех миль, рванулся в сторону. Марсианские корабли вдруг загудели, точно так же, как древние трансформаторы на подстанциях, и земной кораблик резко остановился, затем медленно, словно нехотя, полетел обратно в центр куба. Там он задержался, перемещаясь на несколько сот футов в каждую сторону, все быстрее и быстрее — и вдруг с потрясающей скоростью вылетел сквозь невидимую стенку прочь из куба.

— Гм-м... Да, Дэйв, они чуть было не захватили нас! Об этом трюке я не подумал, хотя мне ясно, как это сделано. На

кораблях у них установлены чрезвычайно сильные электромагниты. Наш корабль нельзя намагнитить, но все равно он проводник, а значит, в его корпусе можно создать сильные блуждающие токи. Ты заметил, как стало жарко — едва можно дышать. Они создали ток не только во внешнем корпусе, но и во внутреннем. А в результате магниты стали отражать нас. Корабли разместились по углам куба, так что единственное место, где мы оказывались в равновесии, находилось в его центре. Пытаясь убежать, я вынужден был лететь на один из полюсов, и сила отталкивания возрастала. Корабли на противоположной стороне тут же выключили свои магниты, и я отлетал опять в центр куба. Но все-таки я сумел вырваться. Их магниты даже придали мне ускорение, когда я покинул куб. Кстати, если бы корабль владел лишь атомной энергией, я не сумел бы прорваться через их силовое поле. Но с энергией материи я смогу убежать откуда угодно. Гляди-ка, похоже, они собираются начать вторую попытку. Когда они окажутся рядом, мы можем включить луч распада и уничтожить несколько их кораблей.

«Террестрианин» снова оказался заключен в колоссальное силовое поле. Оно было настолько мощным, что отклонило все магнитные компасы на Земле, вызвало в телефонных и телеграфных линиях, силовых трансформаторах и другой аппаратуре столь мощные паразитные токи, что многие линии просто расплавились. Куб размером в милю охватил пылающее, переливающееся от включенного луча распада суденьшко Земли, готовясь его раздавить. Прошла секунда... вторая... третья... и марсиане бросились врассыпную в полном беспорядке. Катодные лучи не давали запустить с «Террестрианина» бомбы, но делали бесполезным их собственные снаряды. Их послали завоевывать новую планету для марсианской расы — и они потерпели неудачу. Лететь вперед они не могли — луч распада уничтожил бы любой корабль до того, как тот врежется в «Террестрианина». Положение казалось безнадежным, но марсиане все же попробовали еще раз.

Со всех сторон они ринулись на своего крошечного противника — могучие, стремительные громадины массой в сотни тысяч тонн. Казалось, их невозможно остановить. Три поврежденных ранее корабля тоже участвовали в этой атаке. И когда семь

последних гигантских кораблей ринулись на «Террестианина», с него снова ударил бледный луч распада материи, и один из четырех остававшихся неповрежденными кораблей марсиан прекратил свое существование. Остальные продолжали лететь, тогда испарилось второе судно, за ним третью ушло в небытие, поскольку крошечный противник не выключал свой ужасный луч. А затем он развернулся, чтобы встретить оставшихся четыре корабля марсиан. Но те уже удирали прочь. Они покидали Землю! Впрочем, улететь удалось не всем. Когда солнце уже опускалось за далекие фиолетовые холмы, один из кораблей вдруг задергался, его огненная сфера погасла, и в сумерках он стал падать вниз, в пустыню. Его поврежденные генераторы не выдержали и окончательно остановились — для корабля это означало смерть! Когда громадный корабль ударился о песок, фиолетовые огненные шары других уже потускнели, они вышли за пределы атмосферы, удаляясь от Земли. Марсиане пришли, увидели и... проиграли.

— Стив, они улепетывают! — закричал Гэйл. — Мы победили! Планета теперь наша — человек подтвердил свое право на нее. Но они могут вернуться с подкреплением. Стив, неужели ты дашь им уйти?

— Нет, Дэйв, — ответил Уотерсон, — у меня еще есть один туз в рукаве. Я хочу преподать им последний урок.

Крошечный кораблик рванулся вслед побежденным гигантам — все быстрее и быстрее. Он догнал их уже за пределами лунной орбиты. Один из марсианских кораблей внезапно развернулся и стал возвращаться. Земной корабль словно тащил его за собой на буксире. Весь мир, должно быть, видел сражение и знал, чем оно закончилось...

Когда «Террестианин» догнал марсиан, от него протянулся новый луч, невидимый в космосе, который схватил и стал подтягивать громадный корабль, которого коснулся. Тот полетел навстречу «Террестианину», но тут же включил катодные лучи, — тоже невидимые в безвоздушном пространстве. Больше всего это было похоже на гигантское перетягивание каната! Громадный марсианский корабль, казалось, без труда победит, но у него была лишь атомная энергия, а у его маленького противника — энергия всей материи. Это была битва колоссальных сил. Само пространство участвовало в сражении,

и марсианский корабль тянуло не земной суденьшко, а само искривляющееся по воле «Террестринна» пространство. Электронно-лучевые трубы работали на полной мощности, и марсианин непреклонно следовал за земным кораблем, как бык на привязи. Они летели все быстрее и быстрее, невзирая на то, что мощные катодные лучи марсиан были включены на полную мощность в попытке затормозить. Это был ужасный полет, во время которого возникло множество опасных моментов. Временами казалось, что землянам придется уничтожить своего строптивого пленника, но всякий раз Уотерсон увертывался от бычьих бросков марсианина. В итоге марсиане вроде бы смирились и покорно полетели за земным кораблем на привязи, но все равно ученые были все время в напряжении, ожидая какой-нибудь неожиданности. Путь до Венеры занял целых две недели. Две самые ужасные недели в жизни первых астронавтов Земли. Но за эти две недели Гейл научился управлять кораблем, не уставая поражаться его возможностям, и уже не хуже Уотерсона умел уклоняться от внезапных бросков марсианина. Все это время земляне спали в креслах в рубке управления. Не могли ничего приготовить из еды из-за внезапных маневров вражеского корабля. Но, наконец, они достигли горячей, окруженной облаками планеты. Как же рады они были ее видеть!

«Террестринн» посадил на нее своего гигантского пленника и тут же улетел, переливаясь всеми цветами радуги. Это было красивое прощание, земной корабль искрился красным, желтым, зеленым и синим, словно пылающий палец в туманном воздухе. На возвращение у друзей ушло всего три дня — Уотерсон признался потом, что подошел к опасному уровню, выведя двигатели за пределы рассчитанной мощности. Во время полета даже пришлось добавить материи в топливный распределитель. Когда, наконец, они добрались до Аризоны, их встретил Райт... а также делегации всех стран. Предлагалось, что это будет комитет по проведению торжественной встречи, но каждый из делегатов не преминул что-то сказать о том, почему тайна энергия материи должна быть передана именно его стране.

Уотерсон вообще отказался открыть эту тайну. Он потребовал, чтобы все страны сначала разоружились, а затем собрались на первый Всемирный Конгресс и издали законы,

по которым энергия материи могла быть применена только во благо Человечества, а не для его погибели!

Кажется странным то постоянство, с которым правительства всех стран приялись снова хвататься за свои линкоры и другое вооружение. Теперь все это вооружение безнадежно устарело и стало бесполезным. Но все равно правительства не пожелали согласиться на предложенные Уотерсоном условия. Тогда Уотерсон выдвинул свой знаменитый ультиматум.

Всем земным правительствам!

Столетия и тысячелетия Человечество вело войны. Одна из причин была в том, что у них были инструменты войны. Теперь эти инструменты отменяются. Все крейсеры, линкоры, эсминцы, субмарины, авианосцы и прочие военные корабли должны прибыть в ближайшие порты. С них следует снять все вооружением радиуса действия больше мили. Затем сухогрузы отправятся в океаны и выбросят оружие за борт на глубину не менее мили.

Во-первых, это оружие теперь бесполезно. Мой корабль доказал это на деле. От такого разоружения не будет никаких экономических убытков. Сталь и другие материалы, содержащиеся в них, можно производить новыми, более простыми методами, нежели переплавка готовой продукции. Однако, нужно что-то оставить для музеев на будущее. Поэтому я предлагаю, чтобы морское министерство Японии выбрало самые прекрасные корабли — по одному каждого типа из флотилий всех стран, которые я перенесу в заранее отведенное место в центре Сахары, где будет создан музей военно-морской истории.

Все это следует сделать в течение семи дней, иначе «Террестрианин» полностью уничтожит любые виды вооружения на местах. Это нужно ради пользы нашей расы, потому что появилась новая сила, которая в состоянии совершить все это — «Террестрианин»!

Само собой разумеется, ультиматум Уотерсона был выполнен. Результаты известны всем нам. Больше не существует никаких национальных армий — а вместе с ними канули в прошлое вся межнациональная рознь. Потому что теперь воевать

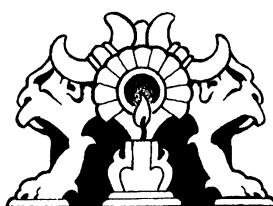
стало просто невыгодно.

Известны всем принятые законы, сделавшие возможным мирное применение новой энергии Уотерсона. Я не буду о них писать, потому что здесь не место для цитирования международного — и межпланетного — права. Разумеется, была масса проблем, и мы должны признать помочь марсиан в их решении. Их опыт по применению атомной энергии стал очень ценным для нас. А связь с помощью световых лучей, открытая Уотерсоном, стала возможной благодаря его же энергии материи.

И мир, существующий между нашими двумя расами, будет вечно существовать, потому что они — единственные соседи Земли. Кстати, они причинили нам не такой уж большой вред. Мне кажется, мы все еще слегка побаиваемся их, но статистические данные показали, что гораздо больше проблем вызывали сами люди, охваченные дикой паникой. От этого погибло больше народу, чем от тепловых лучей марсиан.

Боже, помоги нашим двум расам, таким близким по внешнему облику и по местам обитания, не нарушать условий мирного сосуществования, взаимно развиваться и обогащаться все последующие века, пока Солнце в силах поддерживать жизнь на планетах, а также расселяясь по другим мирам, подобно тому, как марсиане обосновались на Венере.

И, благодаря дальновидности Уотерсона и его действиям по созданию Высшего Совета Ученых Солнечной системы, мы можем надеяться, что все это сможет осуществиться.



МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ОРДА

Казалось главной ошибкой их было то, что они позволили так быстро обнаружить себя, ведь если бы мы не перехватили те сигналы, то не получили бы предупреждение, имевшее для нас такое большое значение.

В свое время я был свидетелем того, как Стивен Уотерсон спас цивилизацию Земли, но теперь я снова увидел его в той же, только еще более великой роли, потому что именно благодаря ему стало возможным поражение сириан. Но даже несмотря на его блестящий ум, если бы мы не получили это предупреждение, то миллионы не успели бы убежать с Марса и наверняка бы погибли. Я находился как раз в лаборатории Уотерсона, когда он получил сообщение от правительства Солнечной системы о странных сигналах, идущих из пространства. Теперь мне кажется, что я обречен раз за разом оказываться в критических местах во времена великих событий, происходящих в Солнечной системе...

Я был с Уотерсоном, когда доктор Доуни объявил о том, что раскрыл тайну старения — точнее, его предотвращение. Теперь Уотерсону сорок два года, но тело у него по-прежнему двадцати восемь летнее, как и тогда, в конце 1947 года, когда он прошел терапию доктора Доуни...

Эти странные сигналы принимали уже много дней, но только восьмого июля 1961 года стало понятно, что они идут из внешнего пространства, а затем кто-то высказал предположение, что они несут какое-то сообщение. Уотерсон попросил меня сопровождать его во время полета в столицу Солнечной системы, расположенную на Венере, поэтому я присутствовал на первом заседании правительства, а также на всех последующих собраниях. Так что мне снова пришлось принимать участие в событиях мирового значения — и снова Уотерсон впоследствии попросил, чтобы я написал хронику той ужасной войны.

Только когда стало точно известно, что сигналы идут из внешнего космоса, человечество стало выказывать нечто большее, чем слабый к ним интерес. Сигналы исходили от Металлической Орды, которая неслась в космосе со скоростью в тысячу миль в секунду, направляясь к нашим планетам. Потом они появились в поле зрения. Через тысячу шестьсот лет полета они добрались до нас. Когда еще наши предки-англичане попали под власть Римской Империи, а Марс во времена Хорлака Саны только-только открыл тепловые лучи, несущие смерть, начался этот беспримерный межзвездный полет. Когда нормандцы вторглись в Англию, а могучая империя, которую Династия Сан распространяла по всему Марсу, рухнула, прошла половина полета. Когда Колумб ступил на берег Америки, а Корол Нас объединил все страны Марса в великий союз, полет прошел три четверти.

Были пройдены семь восьмых пути, когда Марс сконструировал первые, еще несовершенные, атомные двигатели, а английский священник открыл кислород. Но прошло еще два столетия, прежде чем полет достиг своей цели, а на наших планетах были создано оружие, которое принесло нам, в итоге, победу. Я должен рассказать об этой войне, поскольку видел ее с самого начала. Мы были близко, очень близко к поражению! Оставалось немногим больше месяца, прежде чем Металлическая Угроза нависла над нами, но мне этот месяц показался годами, в течение которых ученые отчаянно трудились, стремясь найти оружие, которое должно принести нам победу.

Дэвид Гэйл.

Крошечное блестящее пятнышко устремилось из космоса к яркой планете — стремительному полету корабля помогало притяжение Венеры. Вызов был срочным, Земля находилась на самом далеком расстоянии от Венеры, так что потребовалось целых двадцать часов полета со скоростью тысячи миль в час, но теперь, по мере приближения к планете, пилот тормозил... Но все равно, ему потребовалось пролететь много тысяч миль, прежде чем скорость корабля стала благоприятной для полета в атмосфере.

Воздушное пространство планеты казалось переполненным движением. Небо бороздили могучие грузовые корабли,

несущие до полумиллиона тонн, пассажирские лайнеры, отправляющиеся к Земле, и частные маленькие корабли, все они летели примерно с одной скоростью. Не было нужды применять ограничения скорости в пределах планеты, поскольку она сама ограничивала скорость до разумного уровня. И казалось невозможным делать больше двух тысяч миль в час в этом густом, непрестанном потоке воздушного транспорта... Но внезапно на носу маленького, переливающегося всеми цветами кораблика засияла правительенная эмблема — и неуклюжие грузовозы стали расступаться, давая ему дорогу. Словно по волшебству, перед ним возник свободный коридор, поскольку на его носу сияла эмблема не просто правительства, но самого президента Солнечной системы.

Маленький кораблик быстро скользнул к земле, затем встал вертикально и опустился на крышу Капитолия Солнечной системы. Из него вышли два человека и быстро направились к лифту, где трое охранников, вооруженных дезинтеграторами (как называли проекторы лучей распада Уотерсона) отдали им честь. Один из пришедших, на голову с лишним выше другого, ответил им улыбкой и коротко поздоровался на всеобщем языке, поскольку охранники были марсианами ростом более восьми футов. Потом двое прилетевших вошли в лифт и быстро спустились на сто пятьдесят этажей к правительенным офисам. Там они сразу же направились к большому Правительственному кабинету, проходя через длинную анфиладу помещений, на стенах которых красовались громадные фрески, изображающие сцены из истории трех планет. В Кабинете их уже ждали тридцать девять человек, но как только двое вошли, все поднялись и стояли, пока президент не позволил им сесть. В Кабинете в тот день собрались сорок самых великих людей Солнечной системы, работавших сообща, поскольку все они были учеными и знали цену сотрудничества. Каждый из них был велик в своей области, поэтому между ними не было никакой конкуренции или стремления вторгнуться в чужую область науки. Все они с удовольствием передали в свое время президентские полномочия самому великому среди них — Стивену Уотерсону с Земли.

— Господа члены кабинета правительства, я полагаю, настало время добавить к Конституции поправку, запрещающую

членам правительства вставать при появлении президента, — начал Уотерсон.

Все знали, что он ценил, когда им восхищались, но, прежде всего, он был ученым, исследователем, а не дипломатом.

— Я сожалею, — продолжал он, — что заставил вас ждать, но, как вы видите, — он указал на большую карту Солнечной системы на потолке Кабинета, где точно отслеживалось медленное движение планет по орбитам, — Земля сейчас в самой дальней точке от Венеры, так что я не мог добраться быстрее. Из подготовленной мне записки я вижу, что первым докладчиком должен быть Мансол Корак, марсианский астрофизик. Наверное, у вас еще не было официального обсуждения?

Как он правильно предположил, все собрались здесь не задолго до сообщения о том, что он приземлился в течение часа. Несколько лет назад правительство обсуждало план проводить собрания по видеосвязи, но скорость света была недостаточной для межпланетных расстояний, так что пришлось бы ждать каждого ответа по десять-пятнадцать минут. Поэтому проще было всем собираться, так сказать, во плоти.

— Недавно наши радиоинженеры разработали новую аппаратуру, работающую исключительно на коротких волнах, — начал Мансол Корак. — Экспериментируя с ней, они наткнулись на сигналы, исходящие из внешнего космоса. Сначала эти сигналы были очень слабы, но их интенсивность быстро росла, и в результате были сделаны удивительные выводы. Сигналы посыпал некий источник — или источники, расположенные в космосе в направлении Сириуса. Меня попросили помочь радиоинженерам Хоруса Маи в расчетах астрофизических аспектов этой проблемы. Я полагаю, что эти сигналы посыпают корабли, летящие в космосе в нашем направлении. Еще ни один житель Солнечной системы не рисковал залетать дальше орбиты Нептуна. Для этого не было причин, поскольку ни одна из внешних планет не пригодна для жизни. Однако, темпы усиления сигнала, одновременно с наблюдениями, сделанными с Земли, Марса и Венеры, показали, что их источник находится сейчас на расстоянии примерно в миллиард с четвертью миль и приближается к нам со скоростью в тысячу миль в секунду. А это значит, что через две недели они достигнут окраинных планет нашей звездной

системы. Что же касается исходной точки, то мы можем лишь строить предположения. Они летят к нам с Сириуса — или с тысячей других звезд, находящихся за ним. Но Сириус является самой близкой звездой в том направлении, находящейся на расстоянии всего лишь девяти световых лет. А это значит, что они провели в пути тысячу шестьсот лет. Доктор Джеймс Доуни с Земли недавно показал нам, что нельзя бесконечно продлевать жизнь, поэтому, проблему старения так не решить. С водой и воздухом, разумеется, не было бы проблем с аппаратом Уотерсона для электролиза, работающим на атомной энергии. Но мы пока что не умеем делать продукты питания из энергии и углерода, кислорода и водорода. Хотя я полагаю, что вы, доктор Лэндж, добились значительных успехов в этом направлении, не так ли?

— Как раз на этом собрании я хочу объявить о возможности коммерческого производства любых сахаров и некоторых белков из воды или минералов. Мой метод работает, и я собираюсь развить успех.

— Значит, — продолжал марсианин, — не будет потребностей таскать с собой большие запасы продовольствия. Эта проблема тоже решена. А поскольку в безвоздушном пространстве нет никакого сопротивления, то если корабль разогнать до скорости в 1000 миль в секунду при отправлении с Сириуса, то он будет лететь бесконечно долго без всякой траты энергии, пока не достигнет цели. Следовательно, для такого полета не нужно больших запасов энергии. Но проблема тепла, как мне кажется, является нерешенной... В межпланетном пространстве нас согревает солнечное излучение, и этого вполне достаточно. Но в бесконечных глубинах пространства межзвездного есть лишь темнота да космические лучи. Кроме того, нужно постоянно защищаться от радиации в условиях отсутствия звезды для согревания корабля. Я еще могу понять, что корабль может нести достаточные запасы вещества, чтобы согреваться в течение сотни лет, но на тысячу шестьсот лет ушло бы столько энергии, что не хватило бы всей массы корабля. Для этого нужна целая планета. Радиацию могут отражать полированные стены корабля, но она все равно останется слишком сильной. Я не могу этого понять... Даже если эти люди способны вынести температуру лишь на двадцать-тридцать градусов выше абсолютного

нуля, то при температуре на двести сорок градусов ниже нуля по стоградусной шкале все газы становятся твердыми. Нет, это невозможно! И все же у нас на руках все доказательства, что они это совершили. Но как? Как они смогли выжить во время этого ужасного перелета. Кроме того, как я понял, летит не один корабль, а много. Вроде бы было названо число в две тысячи единиц, или даже больше. Не так ли, Хорус Маи?

— Да, зафиксировано множество отдельных сигналов, — согласился марсианский радиоинженер Хорус Маи. — Я думаю, что две тысячи — очень скромная оценка.

— Значит, — закончил свою длинную речь Мансол Корак, — нам нужно продумать варианты встречи.

Марсианин сел, и в зале надолго воцарилась тишина. Наконец, медленно поднялся президент Уотерсон. На лице его было написано беспокойство. Собравшиеся здесь люди отвечали за жизнь и благосостояние двадцати миллиардов людей, которыми управляет. А он, президент, был их лидером. Поэтому ответственность, в итоге, лежала на нем.

— Мансол Корак, не могли бы вы хотя бы приблизительно показать нам местонахождение приближающихся кораблей? — спросил Уотерсон, передал ему световую указку и кивнул на большую карту Солнечной системы у них над головами.

— Я не могу сказать точно, господин президент, — ответил марсианин. — Я не знаю их точное местонахождение, могу лишь сказать, что они движутся вот так...

Лучик белого света уткнулся в потолок, и световой кружок указал на место в пределах орбиты Урана, но вне орбиты Сатурна. Затем он медленно пополз к крошащему светящемуся Марсу. Значит, гости уже были в Солнечной системе, но еще не достигли Внутреннего кольца планет. Несомненно, у тех, кто мог совершить полет через Великую пустоту, были приборы для извлечения энергии из материи, и, вероятно, лучи распада. Значит, у них не будет проблем с астероидами, они просто уничтожат те, что окажутся рядом.

Лучик указки погас, и все члены правительства вновь повернулись к Уотерсону.

— Господа, все мы видели, что они уже вторглись в Солнечную систему и, кажется, направляются к Внутреннему Кольцу планет и к Марсу, — сказал Уотерсон. — Я не знаю, летят ли

они с миром или как захватчики, но, думаю, разумнее будет предположить, что они захватчики. Все мы согласны, что они совершили полет продолжительностью в тысячу шестьсот лет. Все мы признаем трудности такого полета. В их флоте более двух тысяч кораблей. Я не стал бы посыпать такой большой флот лишь для исследования нашей системы. Кроме того, если это исследовательский флот, то мы должны согласиться, что продолжительность их жизни больше трех тысяч лет. Потому что лишь за три тысячи двести лет они смогут вернуться и доложить о результатах полета. А за это время их цивилизация может быть стерта какой-нибудь звездной катастрофой, или откроет способы непосредственно наблюдать за нами с отставанием в девять лет, которые требуются свету, чтобы преодолеть лежащее между нами расстояние. Мы все хотим жить в мире, но, боюсь, должны готовиться к войне. Мы всегда сможем послать им навстречу корабль и мирно встретиться с их флотом. Это смогло бы убедить их, что лучше с нами не ссориться. Предлагаю обсудить мое предложение и проголосовать.

Не было никакого обсуждения. Собравшиеся единодушно проголосовали «за», поскольку предложение президента было самым логичным.

Затем началось обсуждение оружия. Но тут почти не о чем было спорить. Межпланетный патрульный флот был простой полицией, созданной для уничтожения метеоров и отклонения с опасных курсов комет и астероидов. Но в Солнечной системе не было военно-космического флота. Небольшие космические корабли стали так дешевы, легко управляемы и безопасны, что почти у каждой семьи было несколько таких корабликов, и постоянно требовались новые. Поэтому заводы работали на полную мощность. Двадцать миллиардов человек могли использовать громадное количество машин. Количество было самой лучшей нашей защитой, нужно было лишь освоить серийное производство боевых машин прежде, чем начнется война!..

Тем же вечером всем крупным заводам на всех трех планетах были посланы заказы на большое количество скоростных кораблей для экипажа из десяти человек. Они должны быть оборудованы пулеметными точками для машинок, стреляющих разрывными пулями, эквивалентными сотне тонн старинного динамита, и со специальными опорами для дезинтеграторов.

Дезинтеграторы должны создавать компании, обычно строящие частные электростанции, фонари и антигравитационные пояса. В такие пояса были вмонтированы маленькие проекторы, испускающие направленные гравитационные лучи, искривляющие пространство в нужных точках, в результате чего возникала сила, тянувшая проектор вперед, как пружина. На том же принципе, что использовали при конструировании космических кораблей, работали крошечные двухкилограммовые аппараты, способные поднять человека в воздух, а также колossalные пассажирско-грузовые лайнераы, несущие на борту три четверти миллиона тонн.

Дезинтеграторы тоже не сильно отличались от первоначальных проекторов лучей распада. Проекторов тепловых лучей было и так в достаточном количестве. Они использовались для сварки металлов, для согревания домов, для того, чтобы плавить скалы, если нужно было освободить место для здания или сделать туннель для водопровода. Они были очень эффективным оружием, но эти лучи можно было легко отразить, если корабли противника отполированы. Были реквизированы большие космические лайнераы и оснащены дезинтеграторами и притягивающими лучами, которыми можно было схватить корабль противника и держать его как бульдог. Эти корабли были очень мощными, а скорость их ограничивалась лишь той, которую могли выдержать пассажиры.

Все ученые Солнечной системы отчаянно работали над созданием новейшего оружия и новых кораблей, которые были бы быстрее и мощнее уже имеющихся. Энергии им хватило бы на все, поскольку в распоряжении людей была энергия материи. В десять тысяч раз более могучая, чем колossalная ядерная энергия, эта энергия победила марсиан в незабываемый день в мае 1947 года, и была она в десять миллиардов раз сильнее энергии угля, нефти или любого другого топлива, известного тогда людям. Кроме того, ученым предстояло усовершенствовать дезинтеграторы. Нынешние действовали в радиусе двадцати пяти миль, что, по космическим меркам, было чрезвычайно мало. У Человечества было две недели то того, как сириане доберутся до Марса, и за эти две недели предстояло сделать как можно больше. Все это подробно изложили в новостях. Общественности была открыта вся правда, но, одновременно, было

рассказано и о том, какими силами обладает Человечество. Так что не было никакой паники. Никому уже не казалось странным, что сюда летит флот из иной звездной системы. Это было столь же банально, как всего лишь поколение назад было известие о том, что флот иной страны пересек океан.

Однако нужно было построить новые станки, разработать новые приборы, и все это предстояло сделать с такой быстрой, которая была бы немыслимой без системы массового производства. Большая часть двух недель ушла на производство станков, зато потом полился непрерывный поток боевых машин для экипажа в десять человек. Пять тысяч машин в час, днем и ночью, их производили на заводах всех тех планет. Оставался лишь день до того, как захватчики должны были достичь Марса, когда флот был готов — 120 000 десятиместных кораблей, с экипажами из добровольцев со всех трех миров. Тем временем Уотерсон построил для себя корабль с экипажем из десяти человек, с тройным корпусом, тремя электростанциями и дополнительным электрическим генератором. Уотерсон экспериментировал с ним, но никто не знал, чем именно он занят.

Наконец, появились захватчики. Далеко по курсу их встретили разведчики, и были уничтожены без всякой на то причины. У них даже не было времени отправить сообщения, но все же мы узнали довольно много. Марс к этому времени уже опустел. Все его население было эвакуировано на внутренние планеты. Большинство — на Землю, которая как раз находилась по другую сторону Солнца. Оставались лишь рабочие на больших заводах. Все они являлись добровольцами. Им сообщили об опасном положении, но эти заводы за каждый лишний час производили 1 500 кораблей, поэтому рабочие оставались до конца. На орбите Марса собрался флот, ожидавший новостей о сирианах, когда на экранах появились донесения разведчиков.

Вторая волна разведчиков сообщила о громадной орде металлических кораблей, ярких, переливающихся всеми цветами, размерами от простых десятифутовых торпед в три четверти фута в диаметре, до громадных транспортных судов. И был среди них один-единственный сферический корабль. Огромный шар, который со всех сторон окружали тысячи охранных кораблей. Сотни тысяч кораблей-торпед, несколько дюжин

грузовых кораблей и несколько кораблей, походивших на разведчиков. При том было очевидно, что торпеды — настоящие истребители — крошечные корабли, которые могли маневрировать и вертеться, как электрон в ионизированном газе. Казалось невозможным, чтобы человек мог выдержать неожиданные резкие повороты на скорости в несколько миль в секунду, но разведчики оценили скорость и маневренность врагов, прежде чем ушли в небытие под ударами лучей дезинтеграторов.

Да, у противника были дезинтеграторы, так что сражение простояло ужасным, поскольку человек тоже владел этой силой, настолько мощной, что опасался применять ее в промышленных целях. Но у Человечества было преимущество в численности. Весь флот увидел, что произошло в космосе с разведчиками, и все единодушно решили, что корабли-торпеды наверняка управляются по радио. А если так, то будет несложно нарушить эту связь при помощи сильных глушилок и сделать их корабли неуправляемыми.

Столица Солнечной системы была временно перенесена на Землю в лаборатории Уотерсона. Там сорок человек собрались у телеэкранов и наблюдали за гибелью разведчиков. Сами они не должны были участвовать в сражении. Солнечная система ждала от них иного... На той стороне Марса, куда сириане нанесли первый удар, стояла ночь. Там сосредоточился флот Солнечной системы, готовый встретить врагов. Он, казалось, парил над могучим мерцающим металлическим городом внизу. Это был Дорналус, второй по величине город старого Марса. Приблизившись, сириане выдвинули вперед широким щитом корабли-торпеды. И тогда могучие генераторы флота Солнечной системы послали в космос мощные эфирные потоки и стали ждать, когда маленькие корабли противника станут неуправляемыми. Но вражеские корабли летели вперед так же ровно, как и прежде. Возможно, на них были живые экипажи, просто сириане были маленького размера! Тогда, должно быть, они были родом из массивного мира, мира, с большой гравитацией.

Город внизу был покинут, пуст, не считая видеоустройств, которые мерно жужжали, передавая панорамный обзор происходящего на другие планеты и командованию флотом, находящемуся по другую сторону Марса. Именно

люди в командном центре напрямую управляли сражением. С Земли они не могли им управлять, поскольку радиоволны летят слишком медленно. Им понадобилось бы двадцать минут, чтобы долететь с Земли до Марса, и еще двадцать на обратный путь. А все сражение заняло лишь пятнадцать минут — четверть часа потрясающей бойни!

Когда два больших флота столкнулись, *соляриане* — как называли теперь себя жители нашей Солнечной системы, — двинулись прямо на крошечные кораблики, бросая во всех направлениях лучи дезинтеграторов. У них было то преимущество, что они могли выпускать с каждого корабля разом по девять смертоносных лучей. Но корабли-торпеды были невероятно быстры, что в них почти невозможно было попасть. И, казалось, они ничуть не жалели своих подбитых кораблей, если при этом попадали в корабли противника. Без сомнения, это было логично, но слишком бесчеловечно.

Небо над городом превратилось в ад сверкающих лучей дезинтеграторов, тепловых лучей и рвущихся снарядов. Разрывные атомные пули были бесполезны, поскольку от них разлетались с громадной скоростью осколки, которые могли пробить корпус космического корабля. Вот только они одинаково поражали как противника, так и своих.

Но у флота соляриан были и прочные снаряды из единственного кристалла меди, неуязвимые для дезинтеграторов. Они легко пробивали стенки кораблей агрессоров. А вот фугасы взрывались в пустоте и уничтожались чаще, чем достигали цели. Но кристаллы были неуязвимы для дезинтеграторов и использовались в первую очередь для того, чтобы вывести из строя дезинтеграторы противника, потому что от лучей распада не было надежной защиты. Уже не один корабль соляриан растаял в космосе, когда дезинтегратор, пораженный пятнадцатидюймовым медным кристаллом, внезапно расплескивал лучи распада во все стороны.

Таинственная гигантская сфера и сопровождающий ее многочисленный эскорт, держались позади, окруженные множеством кораблей-торпед. В битве они не участвовали. Наконец, флоту соляриан был дан приказ отступать. Не стоило нести слишком тяжелые потери. Город нужно было отдать, а потом легко сокрушить сириан более многочисленным флотом.

Поскольку соляриане выпускали по 5 000 новых кораблей каждый час, такой флот мог быть готов через три дня.

Соляриане отступили, оставив на поверхности планеты несколько подбитых кораблей. И еще больше их кануло в небытие во время сражения. Сириане одержали первую победу, но соляриане вскоре могли восполнить потери с лихвой. У них было двадцатимиллиардное население и ресурсы трех планет. Казалось, что захватчики не смогут долго продержаться, учитывая истинное значение массового производства.

Ни единого человек насталось на покинутой планете, но на орбите и на самых высоких зданиях города были установлены телепередатчики. Однако, от них было мало пользы, поскольку сириане, казалось, были одержимы идеей превратить Марс в идеальный шар. Они продолжали утюжить город лучами дезинтеграторов. Поэтому, никакие телепередатчики не продержались там долго, а несколько фанатичных телерепортёров расстались с жизнью. Оставаться в обречённом городе было безрассудно, им запретили это, но ничто не может остановить репортера в погоне за сенсацией. А после, передатчики, висевшие на высоких орбитах, показали странную сцену.

Большая сфера и сопровождающие ее корабли совершили мягкую посадку, образовав на поверхности Марса большое колесо со сферой в центре и остальными кораблями, расположившимися в виде обода со спицами. А высоко над ними летали кругами корабли-торпеды. Было просто чудо, что остались не уничтоженными несколько телепередатчиков, но некоторые продержались до самого заката, показывая вспыхивающие повсюду внизу лучи дезинтеграторов. Это была странная сцена!

Потом из больших кораблей вышли не люди, а машины, машины, громыхающие гусеницами, которые окружили базу пришельцев и закопались на три фута в песок. И вот все затихло, не считая ровного гула от этих машин. Их было пятьдесят восемь, больших машин в двести футов длиной. Они над чем-то спокойно работали, и нигде не было замечено живых существ. Очевидно, сириане не осмелились выйти на открытый марсианский воздух. Затем произошло нечто, поразившее миллиарды наблюдателей на всех трех планетах. На вершинах больших машин открылись люки, из которых появились корабли-торпеды.

Вылезли они на маленьких ножках, а затем «подпрыгнули» и присоединились к кораблям, летавшим кругами наверху. Каждые одиннадцать секунд из каждой большой машины вылезал корабль-торпеда. Каждые одиннадцать секунд, с точностью механизмов.

Сначала люди не смогли оценить значение этого, о затем все стало очевидным. Эти машины были заводами, передвижными заводами массового производства, производящие корабли торпеды, и полный цикла производства одного корабля занимал одиннадцать секунд. Шум больше не был ровным гулом. Он превратился в лязг и скрежет механизмов. Впрочем, не очень громкий, учитывая сложность происходящих внутри работ. Но теперь стало ясно, как быстро увеличивался флот стремительных кораблей-торпед.

Очевидно, машины добывали все нужные элементы из земли под собой, а затем создавали из них детали, из которых собирали корабли. Подсчитать все было просто. Каждый час создавалось 325 готовых к бою кораблей!

И по-прежнему не было ни малейших следов живых существ, садящихся в эти корабли, так что они все же должны были управляться дистанционно какими-то способами, неизвестными солярианам, а их хозяева находились с самого начала в родительском корабле-сфере. Способность создавать юркие корабли, практически из ничего, означала, что они ничего не стоят и могут быть воспроизведены в любом количестве. Мнение, что Человечество легко победит, быстро исчезало. Облако носящихся кругами в воздухе кораблей врага постоянно росло. Однако, люди, лишившиеся в первой схватке почти половины своего флота, должны были возместить свои потери. Но они потеряли не только треть кораблей. Погибли четыреста тысяч храбрых пилотов. Они не выиграли схватку, но это стоило Человечеству намного дороже, нежели сирианам. Однако, кое-что соляриане поняли. Возможно, им удалось бы сравнять счет при помощи радиоуправляемых кораблей. Заводам уже разослали заказы сделать экспериментальную флотилию из тридцати тысяч радиоуправляемых корабликов.

Тем временем людей, наблюдающих по телезранам за сирианами, привлекло новое зрелище. Из передвижных заводов стали выходить машины нового типа. Они были меньше, чем

первые, — узкие и приземистые, — но казались более юркими. Аккуратным строем они ушли за несколько миль от главной стоянки, и там разделились на две группы. Одна группа осталась на месте, но начала тихонько гудеть и светиться. Затем из этих машин стали вытекать потоки расплавленного металла. Они текли в сторону второй группы, машины которой тут же взялись за работу и начали из этого металла своими странными придатками, напоминающими руки, формировать большой округленный корпус. Вскоре все стало ясно. Строилось очередное грузовое судно. Корпус быстро рос и был готов через три с половиной часа. Затем машины принялись за следующий, а из первоначальных грузовозов выехала длинная шеренга новых машин, которые поспешили к завершенному корпусу, исчезли внутри и, очевидно, стали производить там внутреннюю отделку. Второй корпус был почти завершен, когда одна из маленьких машин полетела к первоначальной стоянке и приблизилась к сфере. Из сферы выдвинулся странный металлический ящик, от которого тянулся толстый кабель. Машина схватила его, поспешила к завершенному корпусу и скрылась внутри. Немного спустя грузовоз легко поднялся с поверхности планеты, немного покружился, словно делая пробный облет, и вернулся на место. Тут же из него вылетел корабль-торпеда! Ни один из них точно не залетал в грузовоз, значит, его сделали уже внутри юркие машинки. Потом из него выползла машина, строящая корпуса, а за ней — две машины-рабочих, хотя внутрь входила лишь одна. Грузовоз был полон своей странной командой. И они уже приступили к делу — занялись постройкой очередных машин.

Когда рассвело, телепередатчики были уничтожены кораблями-торпедами. Но вечером люди запустили массу других аппаратов, чтобы следить за действиями неприятеля. И с тех пор стали запускать их каждую ночь. С рассветом их уничтожали, но не все, некоторым передатчикам удавалось уцелеть.

На следующую ночь флот неприятеля состоял из полумиллиона маленьких кораблей-торпед и быстро растущей стоянки грузовых кораблей. Их уже было больше сотни, поскольку как только был завершен очередной, он тут же включался работу по созданию следующих.

А еще через ночь началась работа по выравниванию поверхности Марса. Большой флот завис над большим участком

поверхность планеты и стал уничтожать остатки марсианских холмов тепловыми лучами и дезинтеграторами. Двадцать четыре часа спустя вся планета превратилась в пустынную равнину. И на этой равнине стояли уже восемь лагерей захватчиков. Ресло число грузовых и боевых кораблей, но больше ничего не происходило. В это время Человечество готовилось к новому сражению. Флот радиоуправляемых кораблей был готов дать свой первый бой. Он собрался высоко на орбите Марса, над местом первоначального лагеря неприятеля, где все еще по-коилась громадная сфера. Затем находящиеся далеко в космосе корабли с людьми направили радиоуправляемые корабли вниз. Люди, управляющие этими кораблями, не могли действовать быстрее, чем если бы сами сидели за штурвалами, но зато они были в безопасности.

Радиоуправляемые корабли неслись вниз на полной скорости. Соляриане не хотели дать сирианам время на подготовку. Когда корабли оказались в десяти милях над флотом сириан, был дан приказ, и они ударили дезинтеграторами по кораблям противника. В земле разинули пасти глубокие воронки, и разом двадцать грузовозов неприятеля прекратило существование. Одновременно были уничтожены тысячи сирианских кораблей-торпед, но при этом погибла и почти половина из тридцати тысяч радиоуправляемых кораблей Человечества. Остальные должны были наносить удары в полную мощность, чтобы предотвратить ответные удары с поверхности Марса. А двадцать два корабля полетели вертикально вниз, прямо к сфере. Они были уничтожены, когда окончательно отделились от основной флотилии, но все же перед этим истребили буквально сотни кораблей противника. Радиоуправляемые корабли соляриан построились вертикальной колонной, быстро вращающейся, чтобы обезопасить себя, так как даже лучи дезинтеграторов не действуют мгновенно, и были на полную мощь дезинтеграторами вниз. Но внезапно колонна перестала вращаться, радиоуправляемые корабли остановились, отключив дезинтеграторы, а затем камнями полетели вниз.

Радиосигналы были заглушены сильными помехами. Корабли вышли из повиновения и разбились о поверхность Марса. Стало ясно, что радиоуправляемые корабли бесполезны против агрессоров из глубин галактики...

Но в этом сражении был уничтожен почти весь флот сирианских кораблей-торпед. И теперь на остатки сириан накинулись управляемые вручную боевые корабли. Оставшиеся корабли противника ринулись им навстречу и были уничтожены. Оставалось всего лишь несколько тысяч кораблей-торпед. Громадная сфера начала подниматься. Оставшиеся корабли внезапно окружили ее словно внешней оболочкой, и эта оболочка принялась вращаться, полосая во все стороны лучами дезинтеграторов. Такое построение казалось неуязвимым, и оно летело над планетой, преследуемое флотом соляриан, командиры которого ломали голову, что с ними делать. Нападение на сферуказалось нерезультативным и бессмысленным.

Однако, грузовозы агрессоров остались незащищенными и буквально через несколько секунд были уничтожены. Сириане потеряли в этом сражении результаты многочасовой работы. И они проиграли бы, если бы им на помощь не пришли корабли-торпеды из других лагерей. Громадная сфера была окутана, словно щитом из металла, массой кораблей-торпед. Но постепенно их все же разрушали дезинтеграторами и выводили из строя снарядами из кристаллов меди.

Однако, когда прибыл соединенный флот кораблей-торпед из других лагерей, ход сражения полностью изменился. Корабли контроля были слишком тихоходные и слабо вооруженные. Эскорт, состоящий из кораблей с экипажами из десяти человек, попытался их защитить, образуя экран лучами дезинтеграторов, но потери при этом все равно были большие. И в это время Уотерсон объявил, что у соляриан появилась новая надежда.

Объявление было сделано пятого августа. И в тот же самый день почти весь флот из всех лагерей сириан на Марсе поднялся и взял курс на Венеру. Это движение было обнаружено почти сразу же, и из уцелевших подземных баз на Марсе вылетели пятьдесят тысяч боевых кораблей соляриан. Они летели почти над самой землей, их полированные корпуса были покрыты серой краской для маскировки, так что они выглядели почти невидимыми тенями. Они мчались вперед с разных направлений, о все сходились на территории лагеря вражеской сферы. Она осталась на Марсе, ее охраняли так мало кораблей-торпед, словно они не сомневались, что флот соляриан тоже пойдет к Венере, чтобы не допустить туда неприятеля.

Корабли соляриан были так хорошо замаскированы, что им удалось подойти к лагерю на расстояние пяти миль, прежде чем они были обнаружены. И когда вспыхнули лучи дезинтеграторов, все оставшиеся корабли-торпеды ринулись на них. Здесь была почти сотня тысяч кораблей с экипажами в десять человек. Они неслись вниз зигзагами, так что в них было почти невозможно попасть. Вся защита сириан сконцентрировалась на кораблях, летящих с севера, а те, что летели с юга, почти беспрепятственно двигались вперед. Внезапно огромная сфера сириан рванулась вверх и с потрясающей скоростью пошла прямо в космос. Только это помогло ей избежать лучей дезинтеграторов. А несколько тысяч кораблей-торпед, оставшиеся позади, выстроились в форме большого диска, чтобы преградить путь преследователям. Люди в свое время долго приучались маневрировать в трех измерениях, а судя по тому, с какой легкостью сириане образовывали сложные трехмерные фигуры из своих кораблей, стало ясно, что у них имелась длительная практика ведения войн в космосе.

Это сражение было успешно в том плане, что заставило вернуться основной флот сириан и чуть было не уничтожило сферу. Было уничтожено более семидесяти двух тысяч кораблей-торпед, но и мы потеряли две тысячи кораблей и двадцать тысяч человек. Уотерсон сделал заявление, что в дальнейшем сириане не смогут спасаться бегством при помощи большого ускорения. Он разработал метод использования лучей притяжения малой дальности, но большой силы. Теперь, пока корабль находится в радиусе их действия, чем больше будет его ускорение, тем сильнее будет притягивать луч. А кроме того, чем больше будет ускорение корабля, тем сильнее сработают специальные компенсаторы, которые также придумал он сам, так что экипаж практически ничего не почувствует. И демонстрация нового корабля подтвердила это. Уотерсон пригласил на борт несколько представителей из правительства, поднялся в воздух и принялся совершать резкие повороты на скорости в десять миль в секунду! Возникающая при таком ускорении сила тяжести была бы смертельной, но, благодаря компенсаторам, она совершенно не ощущалась в помещениях корабля. Кроме того, у корабля был тройной корпус, а также усиленные генераторы и

притягивающие силовые лучи. Он мог служить и в качестве грузового судна, достигая при этом скорости в 1000 миль в секунду при ускорении, в 5000 раз превышающем силу тяжести на Земле. Уотерсон, который на Земле весил двести десять фунтов, при таком ускорении стал бы весить больше пяти тонн, если бы не компенсаторы. Это означало, что вражеские корабли более не смогут превосходить маневренностью корабли флотилии соляриан. Заводы по производству боевых кораблей временно закрылись, меняя производственные линии, но уже через тридцать шесть часов снова стали работать и выпустили первый корабль нового типа.

Тут же ему подобрали команду из молодых пилотов. Все они были добровольцами. Предполагалось выпустить миллион таких кораблей, а это значило, что потребуется десять миллионов человек для их экипажей. Такое было возможно лишь с помощью особых методов обучения, но из населения общей численностью больше, чем в двадцать миллиардов, легко набралось достаточное число добровольцев. Практически, как только добровольцы добирались до призывных пунктов, их тут же сажали в новые корабли. Энергия материи Уотерсона сделала корабли такими дешевыми, что цена двухместного автомобиля стала меньше ста долларов. И даже межпланетный корабль не стоил дороже двух тысяч, поскольку сырье было совершенно бесплатным, а физические работы свелись почти к нулю. На заводах люди работали по три часа в день пять дней в неделю. Правда, строителям приходилось трудиться много больше, поскольку строительными машинами все же нужно было управлять вручную. Но заработка плата всюду была высока, так как зависела не от объема работы, а от количества выпущенных готовых изделий. Люди получали больше, но работали меньше. Потребовалось много лет, чтобы убедить жителей Венеры и Марса воспользоваться такой экономической системой, но пример американцев был заразителен. А наличие могущественной энергии, освобожденной Уотерсоном, сделало ее еще более очевидной. Это оказалось мощным подспорьем в создании могучего флота. Кораблями умели управлять все, поэтому им легко было занять место пилотов боевых машин.

Однако, специальная подготовка все же была необходима, чтобы преодолеть страх перед резкими поворотами на

высоких скоростях. Каждого новичка сажали в новый корабль и отправляли в полет над Землей с потрясающим ускорением. Затем, когда новичок уже начинал чувствовать, что он вот-вот врежется в землю и станет массой сплавившегося металла, корабль внезапно подпрыгивал на целую милю вверх, потом снова плавно спускался и опять с громадным ускорением устремлялся ввысь, за пределы атмосферы, со скоростью метеорита, а его внешняя оболочка из сплава иридия раскалялась до вишневого цвета. Потом начинались крутые виражи на скорости в десять-двадцать миль в секунду. После такого полета, когда новички отдыхали и приходили в себя, им самим давали возможность поуправлять таким кораблем.

Правда, ни один из добровольцев прежде никогда не имел дела с боевыми излучателями, поэтому во время полетов проводились имитации сражения, используя безопасные светящиеся лучи ионизации вместо смертоносных лучей дезинтеграторов.

Все это время марсианские разведчики присыпали ежедневные донесения. Сириане тоже строили флот, так как их предыдущий был уничтожен почти на три четверти. Но производительность заводов соляриан была выше на 120 000 кораблей в сутки. Нужно было десять дней, чтобы миллионный флот отбыл к Марсу, оставив для охраны планет двести тысяч кораблей.

Разрушение марсианских заводов понизило производительность соляриан на 2 500 кораблей в час, но новые цеха, быстро созданные на Земле и Венере, быстро вернули производительность, доведя ее ко времени завершения работы над флотом до 7 000 кораблей в час.

Построение сириан в виде вращающейся сферы было почти неуязвимым. Поэтому соляриане отобрали несколько тысяч первоклассных пилотов, чтобы отработать этот маневр, но, несмотря на почти непрерывную десятидневную практику, полного успеха они так и не добились. Выстраивать корабли в форме сферы или колонны люди уже научились, но вот заставить эту сферу вращаться пока что не получалось. Однако, даже неподвижное, такое построение тоже было весьма эффективным. Поэтому двадцать групп продолжали отрабатывать этот маневр.

А затем Уотерсон объявил, что коллега, работавший в его лаборатории, открыл метод использования тройного электрического поля, при помощи которого можно было посыпать лучи дезинтеграторов на целых шестьдесят миль. Это было бы фатально для вращающегося построения сириан. Дезинтеграторы самих сириан действовали всего лишь на двадцать пять миль. Способность поражать врага на таком расстоянии могла оказаться решающей в битве. Было лишь одно возражение. Дезинтеграторы, работавшие по такому методу, требовали море энергии, что означало расход топлива в десять тысяч раз больше, по сравнению с требованием корабельных двигателей. Разумеется, энергия материи могла быть получена и в таком количестве. Но это означало дополнительный громадный вес оборудования и активного вещества. Для чего, в свою очередь, требовались корабли большой вместимости. В конце концов, такие дезинтеграторы было решено установить лишь на специально укрепленных грузовых кораблях, и то каждый из них мог нести лишь по два дезинтегратора. Но корабли защищал сам возросший радиус поражения противника. Было оборудовано двадцать восемь таких кораблей прежде, чем подготовка флота была завершена. Пробные испытания показали, что все надежды на это изобретение полностью оправдывались. Хотя доктор Уильям Карсон, физик, разработавший этот метод, настаивал, что это стало возможным только благодаря новым идеям доктора Уотерсона.

В том, что касается способов ведения сражений в трехмерном пространстве космоса, мы многому научились от сириан. Осталось лишь закрепить эти знания на практике...

Флот соляриан двинулся к Марсу пятнадцатого августа 1961 года. Они были еще в двадцати миллионах миль от цели, когда разведчики донесли, что в лагере сириан что-то происходит. Из-за того, что сириане буквально затопили всю Солнечную систему морем радиопомех на всех частотах, связь стала почти невозможной. Эти помехи были настолько сильны, что если два корабля космосе приближались друг к другу на двадцать-тридцать футов, между ними проскачивала искра, сплавляющая корабли в единое целое. Разведчики дважды видели, как это происходило между кораблями-торпедами. Поэтому

пересыпать сообщения солярианам приходилось скоростными кораблями-курьерами.

Флот соляриан летел к Марсу. Оставшееся расстояние — двадцать миллионов миль — они могли преодолеть за пять часов. Конечно, корабли могли бы развить и большую скорость, но тогда возрастала опасность столкновения с астероидами, множество которых кружило в районе Марса.

Через два с половиной часа люди увидели спешащий им навстречу корабль разведчиков. Должно быть, он делал больше двух тысяч миль в секунду — чрезвычайно опасная скорость, при которой его спасала лишь совершенная система компенсации. Он нес сообщение, что весь флот сириан поднялся с поверхности Марса, оставив на поверхности лишь очень немного машин, и, — взяв с собой гигантскую сферу, — направился в сторону Земли! Земля находилась по другую сторону Солнца, и до нее больше двухсот двадцати миллионов миль. У сириан была форва в три часа. Они летели с такой же скоростью, как и флот соляриан, но могли добраться до Земли раньше них. Конечно, на подступах к Земле его задержали бы оставленные для охраны корабли — двести тысяч боевых единиц, — а ускоренное производство могло сделать ко времени прибытия врага еще около миллиона. Но флот сириан составлял почти три миллиона единиц и легко сокрушил бы миллион защитников. До Земли им оставалось шестьдесят два часа лету. На Землю отправили разведчиков, чтобы передать новости, а флот увеличил скорость до уровня гораздо выше гарантированной безопасности, и для защиты корабли непрерывно посыпали перед собой луки дезинтеграторов, поэтому они смогли добиться скорости в тысячу пятьсот миль в секунду. Флот сириан, по сообщениям, делал тысячу пятьсот миль в секунду, поэтому соляриане могли перехватить их по дороге или, в крайнем случае, встретить на подступах к Земле, где их бы ждал дополнительный флот. А с такой численностью можно было уже без труда сокрушить захватчиков.

Радиопомехи, мешавшие наладить связь, без сомнения, посыпались кораблем сириан, дрейфующим где-то в космосе. Видимо, он был хорошо защищен, и нападение на него, даже если бы удалось его обнаружить, означало немалые потери и

еще большую задержку во времени. Так что флот продолжал лететь к Земле.

Больше не появлялось никаких разведчиков с сообщениями о продвижении сириан — очевидно, все они были уничтожены. А на деле сириане, отлетев подальше от Земли, — как стало известно гораздо позже, — сменили курс и двинулись к Венере! Они специально пропустили корабль-разведчик с сообщением, что флот направляется к Земле, а потом сменили направление. Разведчики от флота соляриан добрались до Земли, после того, как были уничтожены наблюдатели за сирианами, исчезли радиопомехи. Все венерианские корабли были, к тому времени, уже отправлены к Земле, и Венера осталась совсем беззащитной.

Двадцать часов спустя радиопомехи снова заполонили Солнечную систему. Это было за десять часов до того, как сириане добрались до Венеры.

Но пока помех не было, у Уотерсона возникла идея, как можно защитить планету помимо флота. Оказалось, что обитаемые планеты вовсе не лишены обороноспособности. Уотерсон предложил, чтобы во всех городах были установлены большие дезинтеграторы с шестидесятимильным диапазоном действия. Это предложение тут же воплотилось в жизнь, и такие дезинтеграторы были установлены во всех городах Венеры. А за те сотни часов, пока главный флот был в полете, продолжалось массовое производство новых кораблей. Но эти корабли тут же отправлялись на защиту Земли. Так что спасли Венеру лишь большие дезинтеграторы. Именно они предотвратили высадку сириан. Как и на Марсе, сириане подошли к планете с ночной стороны. Это было за тридцать часов до того, как их ожидали на Земле — и за тридцать часов то того, как ее достиг бы главный флот соляриан, а затем, для спасения Венеры, ему понадобилось бы преодолеть еще сто шестьдесят миллионов миль.

Но сириане не сумели подойти на расстояние действия своих лучей к сияющим в темноте венерианским городам, а неосторожные опустились на поверхность планеты в виде облаков пыли. Идея Уотерсона спасла жизнь миллиардам людей на Венере.

Вот только надолго ли? Целью сириан было уничтожение венерианских городов и их жителей, и для этого враги

прилагали громадные усилия. У них оставалось еще на это шестьдесят часов, и они тут же придумали новый план. Весь их флот удалился на сто миль от планеты, затем все корабли выстроились в линию и включили мощные притягивающие лучи. По планете ударило совместное действие трех миллионов таких лучей, и, под их воздействием, в океанах возникли гигантские торнадо и цунами. Когда по приморским городам прокатились гигантские цунами, погибло множество жителей. К тому времени все астрономы системы наблюдали за Венерой в телескопы, поэтому видели, что творят сириане, и понимали, что межзвездные захватчики близки к своей цели...

Любая планета, вращающаяся по орбите вокруг своего светила, находится в состоянии равновесия. И если ее попытаться столкнуть с орбиты, она тут же находит новое равновесное положение. Никакая мыслимая сила не может быть такой огромной, чтобы сместь планету с орбиты на миллионы миль, неважно, к Солнцу или от него, потому что как только такая сила исчезнет, планета вернется в свое первоначальное положение. Солнце с колоссальной силой притягивает планету, а центробежная скорость, возникающая при ее вращении, с такой же силой толкает ее в глубины пространства. И эти две силы всегда уравновешивают друг друга. Таким образом, пока планета вращается по орбите, она никогда не упадет на Солнце и не улетит от него. Но вот если замедлится ее орбитальная скорость, то сразу станет меньше центробежная сила. И планета станет приближаться к Солнцу до тех пор, пока не наберет достаточную скорость, чтобы встать на новую уравновешенную орбиту. Если же снова и снова тормозить ее, то, рано или поздно, планета все же упадет на Солнце. Сделать это возможно, весь вопрос лишь в энергии и времени на совершение задуманного.

Таков и был план сириан. Три миллиона кораблей тянули планету назад, словно огромный тормоз, и она медленно, но устойчиво стала приближаться к горнилу Солнца. Корабли сириан не были разработаны для этой цели, но за шестьдесят часов вполне могли справиться с такой задачей. Разумеется, планета еще не рухнула бы на Солнце. Потребовалось бы немало часов, чтобы преодолеть семьдесят миллионов миль. Но даже

если она бы и остановилась в своем приближении к светилу, то на расстоянии двадцати миллионов миль на ней уже не могло существовать никакой жизни. Само изменение орбиты Венеры предупредило соляриан на Земле и на летящем к ней флоте, что сириане и не думали направляться к Земле. Флот тут же взял курс на Венеру. На эту дорогу у них должно уйти тридцать часов. А с Земли стартовал еще один флот. Он был не такой мощный — всего в миллион кораблей, — но, вместе с главным флотом, они составили бы больше, чем два миллиона боевых машин. И нужно учесть, что у них было триста больших кораблей с дезинтеграторами дальнего действия, и сколько-то еще таких кораблей будет произведено на самой Венере.

Мы можем лишь восхищаться мудрыми действиями командующего венерианским флотом Малса Хотарка, который не стал кидать жалкие несколько тысяч кораблей в бой с сирианами. Экипажи его кораблей жаждали боя, этого же хотело все население Венеры, но командующий мудро занял выжидательную позицию, твердо решив дождаться подхода основного флота Солнечной системы. В данный момент бой неравными силами принес бы лишь отрицательный результат, было бы напрасно потеряно множество кораблей и жизней. Многие пытались покинуть Венеру, но сириане освободили часть кораблей для патрулирования неба, и тысячами уничтожали беззащитные частные кораблики, что выглядело излишней жестокостью. К Венере с разных сторон шли два больших флота, и, наконец, они настолько сблизились, что могли установить двухстороннюю радиосвязь, хотя на нее требовалось потрясающее количество энергии. Объем энергии, которую тратил корабль сириан на создание радиопомех, оценивалась минимум в пятьдесят миллиардов киловатт. Когда связь была установлена, земляне договорились подождать, поскольку отправленный с Земли флот опережал главный часа на два. И эта потеря времени должна быть восполнена большей эффективностью действий. Наконец, флотилии воссоединились и, образовав один гигантский диск в два миллиона кораблей, вместе полетели к Венере. Приблизившись к планете, они перестроились в конус и стали тормозить. Форма конуса была выбрана потому, что являлась двойным трехмерным эквивалентом V-образного построения, которое Человечество использовало тысячи лет во время войн.

И вот началось самое величайшее сражение в истории Солнечной системы. В великой пустоте боролись две гигантские силы, хлещущие друг друга лучами дезинтеграторов, а вокруг носились пять миллионов кораблей, поливающих друг друга смертоносными лучами.

В то время, как конус главного флота напал на флот сириан с одной стороны, меньший конус обрушился на них с другой, и, прежде чем сириане успели воспользоваться своими лучами, дезинтеграторы дальнего действия проделали в их рядах широкие бреши. Сфера со своим эскуортом тут же удалилась, стремительно направляясь к Марсу. Но главный флот соляриан был пока что занят борьбой с основным флотом сириан, чтобы позаботиться о ней. Сириане десяток раз пробовали перестроиться во вращающуюся сферу, но всякий раз дальновидные дезинтеграторы разрывали ее. Все это напоминало токарный станок, в котором, вращаясь, обтачивается кусок древесины, становясь все меньше. Любые маневры сириан были теперь бесполезны. Они уже не превосходили в маневренности земные корабли, которые могли летать и разворачиваться столь же быстро или даже еще быстрее. Большие корабли с дальновидными дезинтеграторами не были приспособлены для стремительных маневров, поэтому, не дав противнику выстроиться во вращающуюся сферу, они удалились на безопасное расстояние и ждали, пока их атакуют. Но подобные атаки оказались убийственными для неприятеля. А в сверкающем аду лучей дезинтеграторов новые корабли соляриан подтвердили свое превосходство. Они успевали уворачиваться от сирианских кораблей, развернуться и, оказавшись у них на хвосте, захватить их притягивающими лучами, а потом ударились дезинтеграторами. Вскоре огромный флот сириан уменьшился до четверти миллиона кораблей, но и мы потеряли почти полмиллиона боевых единиц и пять миллионов человек в этой колоссальной битве. Но такое сражение не может длиться долго. Ничто не может устоять перед лучами дезинтеграторов, и, рано или поздно, любой корабль попадал под их удар. И вот последние корабли-торпеды бежали. Если мы не хотели вести потом с ними новое сражение, нужно было догнать беглецов и уничтожить. Они уже не могли сбежать, поскольку преимущество в скорости было теперь на нашей стороне.

Однако, всему флоту предстояла более важная задача. Венера падала на Солнце и ушла уже на миллион с четвертью от своей первоначальной орбиты. Подошел весь флот трех планет — Земли, Марса и Венеры, — включая грузовые корабли и быстроходные пассажирские лайнеры. Все были оборудованы притягивающими лучами и объединенными усилиями стали возвращать планету на место. В бытые времена вся планета была бы охвачена паникой. Но в наши дни поколения соляриан научились доверять мудрости своих правителей и моши кораблей, так что не было ни следа паники, которая еще поколение назад захлестнула бы всю планету. К тому же люди уже поняли, что дальнобойные дезинтеграторы надежно защищают пассажирские лайнеры и прочие штатские корабли.

Разумеется, помогло еще то, что человеческий разум не в силах осознать все значение падения планеты на Солнце. Если бы вам сказали, что планета, на которой вы живете, начала падать на Солнце, то вы бы удивились, немножко испугались и тут же принялись бы скупать недвижимость, которую начали по дешевке продавать ваши соседи. Вы просто не могли бы постигнуть всю величину катастрофы. Такого никогда не было и никогда не будет, подсказывал бы нам разум, и мы подсознательно верили бы ему. Соседи принялись бы судачить об этом с шутками-прибаутками. Конечно, некоторые улетели бы на другие планеты, но большинство осталось бы, пока их не прогнала бы с места высокая температура нашего светила. Вот так все и было бы. Но теперь, когда исчезли помехи и вновь заработала радиосвязь, поступили новости от разведчиков на Марсе. Оставшиеся грузовые корабли сириан обосновались на Марсе вместе со своими странными командами. Но они больше не строили новых грузовозов. Вместо этого рабочие машины принялись размножаться сами. Было сделано уже больше семисот машин, которые, в свою очередь, тут же принимались лепить себе подобных. Так что число их росло в геометрической прогрессии. Но потом разведчиков отогнали корабли-торпеды. Больше никаких новостей не было, пока наступившие сумерки не позволили разведчикам подкрасться поближе и установить обычные летающие телепередатчики.

И тогда стала понятна причина такого буйного размножения безобидных рабочих машин. Кругом теперь кипела работа.

Яркие огни освещали все вокруг не хуже, чем днем. Громадная орда блестящих металлических машин стремительно работала на большой равнине. Казалось, их были тысячи, и теперь все деловито строили корабли-торпеды. Была готова уже тысяча таких кораблей, и рабочие машины неустанно трудились, тясясь в темноте равнины. Флот сириан рос, как на дрожжах.

К утру флот достиг численности в двести тысяч кораблей и рос с быстротой в двадцать пять тысяч кораблей в час. И скорость роста все время увеличивалась. Флот был слишком велик, чтобы на него мог успешно напасть ослабленный флот Человечества. Задержка для того, чтобы вернуть Венеру на прежнюю орбиту, дала сирианам шанс создать новую флотилию. А пока наш флот летел бы к Марсу, их флот вырос бы еще больше. Производительность сириан уже намного превышала производительность Человечества. Мы не могли надеяться успешно конкурировать с ними. Значит, нужно было пересмотреть значение количества в пользу качества. Конечно, можно было напасть на них с дезинтеграторами дальнего действия, но этот план был безнадежно слаб. Прежде чем флот преодолеет сто миллионов миль до них, потребуется двадцать часов. А за это время флот сириан, при существующих темпах производства, снова достигнет численности в три миллиона. И они всем скопом навалились бы на корабли с дальнобойными дезинтеграторами. Остальные корабли соляриан не смогли бы их защитить, и те оказались бы в опасности, так как каждый большой корабль нес лишь по два дальнобойных дезинтегратора. Их бы просто раздавили, навалившись всей массой, так как большие корабли действовали успешно лишь в борьбе с врачающимися шарами и цилиндрами, в которые любили строиться корабли сириан, а по отдельных юрким кораблям-торпедам во многих случаях просто не успевали бы попасть. Дальнобойные дезинтеграторы были хороши при защите городов, но бесполезны для космических сражений из-за громадного веса. Поэтому грузовозы с такими дезинтеграторами не могли бы в одиночку напасть на сириан. Было подсчитано, что сирианам хватит трех дней для завершения нового флота. И затем они, несомненно, вновь нападут на наши планеты.

Заседание правительства Солнечной системы было созвано на Земле в лабораториях Уотерсона. Там Уотерсон

продемонстрировал членам правительства новое оружие, которое должно было положить конец борьбы с захватчиками. На столе перед членами правительства стоял маленький, портативный генератор энергии материи, который испускал энергию в виде луча света. А на другом конце стола стояла машина, занимающая примерно два кубических фута пространства. На одной ее стороне был маленький выключатель и парочка циферблотов, а на другой — знакомый лучевой проектор.

— Господа члены правительства, — заговорил доктор Уотерсон, — вот это новая машина, созданная в моей лаборатории. Но сначала я продемонстрирую ее действие, а затем — все объяснения.

Свет был выключен, Уотерсон щелкнул переключателем новой машины, и появился странный голубоватый луч, ионизирующий воздух. Но, в отличие от любого известного ионизирующего луча, он был пронизан тонкими, длинными красными ниточками, дрожащими и мерцающими в голубом канале ионизированного воздуха. Этот луч протянулся, коснулся генератора и словно прошел его насквозь. И в ту же секунду генератор отключился и его бьющий в потолок луч энергии погас. Мгновение спустя, когда Уотерсон выключил новую машину, зажегся свет.

— Господа, — продолжал Уотерсон, — этот аппарат создает направленное поле, которое так изменяет свойства пространства, что в нем невозможно превращать материю в энергию. Одновременно он дает возможность превращать энергию в материю. Мне кажется, это будет интересно и важно после того, как война успешно закончится. Но в настоящее время нас интересует то свойство луча, которое останавливает распад материи. Этот процесс зависит от модификации свойств пространства. Как известно, в обычном, знакомом нам пространстве, существует двадцать показателей — или коэффициентов — кривизны пространства. Десять из них равны нулю, а еще десять, соответственно, нулю не равны. Этот аппарат так изменяет пространство, что заставляет все его коэффициенты иметь не нулевые значения, а такие, какие нам нужны. Результаты просто удивительны. Но нас интересует только возможность так изменить пространство,

чтобы любое превращение в нем материи в энергию стало невозможным. При выключении луча пространство возвращается в исходное состояние. Теоретическое обоснование этого аппарата стало громадной задачей. Даже большая вычислительная машина, новый интеграф, построенный в прошлом году оказавшийся гораздо лучше прежнего, созданного в 1927 году, работал много недель, чтобы решить проблему двадцати коэффициентов пространства. При этом пришлось оперировать с пространством двадцати измерений, чтобы определить истинные значения наших четырех измерений. Предстоит проделать еще очень большую работу, но на практике мы уже можем начать создавать аппараты радиусом действия в двадцать миль. Нет никаких препятствий для этих лучей, поскольку тут мы имеем дело со свойствами пространства, а не с волнами, поэтому их невозможно остановить никаким щитом. Нужно лишь направлять их в цель. Вдоль луча создается поле, движущееся вместе с ним. Но нам потребуется пять дней, чтобы перестроить заводы на производство нового оборудования. Я предлагаю, чтобы тем временем на Венере сделали несколько миллионов дальнобойных дезинтеграторов и разместили их по всей планете, соединив в сеть, управляющуюся с центральной станции, а также каждый аппарат в отдельности. Я не сомневаюсь, что сириане нападут на эту планету раньше, чем мы будем готовы напасть на них. Земле тоже следует подготовиться к отражению нападения. А мы, тем временем, будем налаживать производство излучателей деактивирующего поля — так я назвал этот аппарат.

Уотерсон оказался прав. Три дня спустя сирианский флот двинулся к Венере со всеми своими кораблями-торпедами — громадный, просто невообразимый. В нем насчитывалось более двухсот миллионов кораблей! Когда они подлетели к Венере, то закрыли собой все небо, так что стало темно, как ночью. Они напали на Гораколес, где находился Капитолий Солнечной системы, но там уже было установлено много дальнобойных дезинтеграторов. Ни бомбы, ни лучи обычных дезинтеграторов не могли прорваться через оборону города. Воздух Венеры, и без того плотный, наполнили искусственным дымом, чтобы предотвратить атаку тепловыми лучами, а также соляриане

искусственно создали сильный ветер, чтобы снизить тепло. Так что враг не сумел ничего сделать городу. И по всей планете были установлены дальнобойные дезинтеграторы. Над океанами повисли грузовые корабли, выпустив голубые лучи, которые должны были не пускать сириан к поверхности планеты. Так оно и случилось. Тогда сириане вновь стали тормозить планету — не постепенно, как прежде, а резко. Венера могла бы развалиться на части, но грузовые корабли тянули ее назад, сдавая противовес. Возникло странное положение. Две могучие силы — с одной стороны флот из двухсот миллионов маленьких кораблей, а с другой много тысяч огромных грузовозов, — тянули планету каждый в свою сторону. Но разница в силах все же была. Сириане постепенно выигрывали. Планета начала приближаться к Солнцу. Казалось, теперь никто ей не поможет, а флот сириан все увеличивался благодаря непрерывному притоку кораблей с Марса. На шестой день после объявления о новом оружии, у Уотерсона уже был флот, готовый напасть на сириан. У венериан тоже был флот, подготовленный по указаниям инженеров Уотерсона, посланных по радио и видео связи. Флот землян достиг Венеры спустя всего лишь шесть дней после объявления о новом оружии.

Практически, проекторы новых лучей были довольно тяжелы и были установлены группами по двадцать изучателей на специально оборудованной сотне кораблей, которые использовали такие же нейтрализаторы тяготения, что и боевые истребители. Они были настроены так, чтобы испускать широкие лучи, такие, что каждый корабль мог уничтожить любую энергию на двести миль в глубину, конусом с основанием в шестьсот миль. Эти корабли могли незаметно приблизиться на расстояние в сотню миль к сирианам, так как были покрашены в черное и не зажигали огней. Их совершено не было видно на фоне черного космоса... Все шло, как и было запланировано. Радиопомехи отсутствовали, и флот поддерживал постоянную связь с Венерой. Оба флота должны были напасть одновременно в разных местах, чтобы между ними оказалось как можно больше кораблей. Сливаясь с черным пространством, они подошли к сирианам. Даже в солнечном свете черная окраска оставляла их невидимыми, в то время, как корабли сириан сверкали полированными корпусами.

Наконец, наконечник невидимого конуса охватил вражеские корабли. Тогда возник странный луч, также совершенно невидимый в космосе. Внезапно все корабли, попавшие в него, содрогнулись и стали сближаться под действием взаимного притяжения. Одновременно они метнулись к земным кораблям, парализовавшим их, потому что те включили лучи притяжения. И как только вся масса сгрудившихся кораблей сириан подошла на расстояние выстрела, заработали дальнобойные дезинтеграторы, и корабли превратились в облака мерцающей пыли. В рядах противника была прорублена широкая просека. Подобное же происходило и далеко слева от земного флота, где флот венериан производил опустошение среди захватчиков. Когда последние из захваченных таким образом кораблей канули в небытие, весь громадный флот сириан ринулся вперед, чтобы напасть на невидимые из-за черной окраски корабли. Но как только сириане появлялись в радиусе сотни миль от обоих флотов соляриан, их корабли лишались ускорения, не могли изменять направление, а просто летели по инерции прямо в конус лучей больших дезинтеграторов. Вся область боя была окружена земными истребителями с экипажами в десять человек, которые обычными дезинтеграторами не давали сбежать сирианским кораблям. Потом флот соляриан вспыхнул яркими огнями — они хотели, чтобы сириане пошли в атаку. Первоначальное построение конусом изменилось, сначала это стал двойной конус, потом он еще раз удвоился. Было шестьсот кораблей с дезактиваторами, и их поставили так, чтобы они могли посыпать свои лучи во всех четырех направлениях, создавая четыре конуса дезактивированного пространства, так что были защищены со всех сторон. Посреди же находилась основная масса кораблей с дальнобойными дезинтеграторами и лучами притяжения, чтобы выхватывать и уничтожать корабли сириан сразу пачками. Построенный таким образом флот был неуязвим, а попавшие в дезактивированное пространство корабли противника тут же лишались связи и не могли сообщить своим товарищам, что происходит. Сириане потеряли много миллионов кораблей, прежде чем сообразили, что твориться что-то неладное. Тогда весь флот соляриан, выстроившийся в шесть конусов, медленно двинулся вперед. Не ожидавшие этого сириане попались в ловушку, и опять-таки много их кораблей

были притянуты лучами на расстояние выстрела и уничтожены дезинтеграторами. Но, в конце концов, сириане методом проб выяснили радиус действия этих странных лучей, и постарались не попадать в область измененного пространства. Шесть конусов соляриан тут же разлетелись в стороны, и корабли-дезактиваторы пошли вперед по отдельности, в сопровождении роя истребителей, уничтожавших сириан, лишившихся энергии. Корабли соляриан были отмечены сияющим синим светом, чтобы их можно было легко отличить от врага. Иногда они случайно попадали под действие дезактиваторов, но людям это не причиняло вреда, у них лишь появлялись странные ощущения, пока мозг находился под воздействием этих лучей.

Корабли-дезактиваторы прекрасно оборонялись сами, поскольку могли остановить любое число нападавших с любых направлений, а парализованные корабли тут же уничтожались дезинтеграторами. Но, несмотря на потери, флот сириан был все еще очень могучим. Он превосходил нас по численности в десять раз, правда, он не мог противостоять нашему новому оружию. Враги хотели было начать отступать к Марсу, но оба флота соляриан уже объединились и окружили их. Быстро уничтожая корабли неприятельского флота, они сжимали кольцо, подбираясь к его центру. Сириане не могли оказывать сопротивление — у них остались лишь разрывные снаряды, но те или промахивались, или уничтожались дезинтеграторами. Хотя иногда те все же попадали в цель. Но от их взрывов погибло не больше трех тысяч человек.

И тогда соляриане решили попробовать захватить гигантскую сферу неприятеля. От главного флота отделилось множество истребителей, к ним присоединилась сотня кораблей-дезактиваторов, и они, способные двигаться быстрее, чем главный флот, помчались на самой высокой скорости к Марсу. Незамеченными, они промчались мимо сирианского флота и достигли планеты на три часа раньше подхода главного флота. От противника к тому времени ничего не осталось, все двести миллионов кораблей-торпед были превращены в пыль, развеянную по космосу. Авангард подлетел к Марсу без предупреждения и, как и ожидалось, обнаружил сферу, стоящую на поверхности и защищенную флотилией кораблей-торпед. Там был почти миллион этих судов, а наземные машины все время

выпускали новые. Однако, все они сгруппировались в области, которую можно было легко накрыть лучом дезактиватора. Еще в полете командиры солярианских кораблей выработали план. Пятьдесят дезактиваторов заняли позицию высоко над сирианами, а остальные полетели вперед с истребителями. Они хотели приблизиться к лагерю неприятеля, двигаясь над самой поверхностью, чтобы их труднее было обнаружить. Истребители должны были окружить лагерь врага на большом расстоянии, чтобы самим не попасть в область дезактивации. Люди хотели захватить вражескую сферу в целости, поэтому договорились, что пространство над ней должно оставаться вне действия дезактиваторов, чтобы падающие корабли-торпеды не повредили ее.

Затем были включены лучи. Немедленно флот из миллиона кораблей-торпед полетел вниз в голубом светящемся воздухе, пронизанном красными крутящимися лентами. А неподалеку замер в ожидании флот соляриан. Затем наши корабли стали медленно приближаться, пока их дальнобойные дезинтеграторы не уничтожили все корабли в пределах шестидесятимильного круга. Затем область дезактивации начала сужаться, пока совсем не исчезла. К этому времени целыми осталась лишь гигантская сфера, несколько сотен кораблей-торпед и несколько же сотен грузовозов и машин-рабочих. Их сохранили для ученых.

Так завершилась война. Сириане были разбиты и оставлены лишь немногие экземпляры в качестве музейных экспонатов. И тогда прилетели ученые, которым не терпелось исследовать сферу. И сирианская сфера поведала им странную историю...

Несколько зонов назад на большой планете, вращающейся вокруг Сириуса, жила раса разумных существ, обликом похожих на людей, но только меньшего роста из-за большой гравитации их планеты. Эти люди создали высокоразвитую цивилизацию, цивилизацию, отличающуюся от нашей, так как они рано занялись техникой, но химию и физику развивали только по потребности великих инженеров-механиков. В их машинах использовалось электричество, но всего лишь в качестве побочного продукта. Постепенно на машины перекладывали все больше работы, они становились более сложными, но, одновременно, и более надежными. Жители планет Сириуса начали экспериментировать с физикой и обнаружили, что их

вычислительные машины тоже нуждаются в модернизации. Сначала они сделали один шаг в этом направлении, затем следующий. Машины учились делать все более сложные работы. Одновременно усложнялась математика, машины занимались вычислениями и постепенно дошли до таких сложных уравнений, что уже не могли справиться с ними и выдавали лишь незаконченные результаты. Наконец, кто-то догадался использовать машины для конструирования новой машины, которая сумеет решать эти сложные уравнения. Он построил ее, но вычисления были неправильные. Машина сама решила его проблему. Это направило его мысли на создание машины, которая решала бы только простые уравнения, зато такие, какие до нее не решал никто. Она должна была уметь рассматривать несответствующие друг другу данные и, для решения проблемы, сама выбирать нужные факты. Это был первый, короткий шаг к машине, которая умела бы мыслить самостоятельно.

После этого дело пошло быстрее. Машины создавали машины, занимались этим уже десятилетия, но кроме того, теперь они сами проектировали новые машины. Оставалось только описать нужный тип машины, и машины-рабочие сами конструировали и строили ее! И эти машины быстро совершенствовали то, что сделал до них человек. Через десять лет после первого открытия принципов механического мышления, была создана машина, которая не только могла решать задачи, но и сама ставила их. У этой машины был развитый мозг. Это была огромная машина, которая занимала обширное, прикрепленное к земле здание...

Обитатели той планеты быстро деградировали, поскольку машины делали за них всю работу. Они сделали ошибку, когда сконструировали машину, которая могла сама ставить себе задачи. Они создали машину умнее самих себя, единственная разница была в том, что эта машина не могла свободно передвигаться. И эта машина породила новую машину, которая сумела обуздять энергию материи. Машина совершила это просто потому, что узнала о существовании такой энергии. Машины, ранее созданные разумными обитателями той планеты, тоже могли бы давно решить эту проблему, но такая задача просто не была им поставлена. А вот теперь появилась машина, которая сама поставила эту задачу — и сама же решила ее.

При помощи новой энергии она сконструировала новую машину-мозг. И эта машина могла передвигаться. Поскольку она приводилась в действие энергией материи, то могла летать, и не просто летать, а летать в космосе!

Тем не менее, некоторые из сириан — разумных обитателей планеты в системе Сириуса — поняли, какая им грозит опасность, и стали продолжать исследования мышления человека, и открыли истоки эмоций, которую мы называем преданностью, лояльностью или благодарностью. Они построили большую машину, основывающуюся на этих принципах и приводимую в действие энергией материи. Машина имела успех. Она могла генерировать оригинальные мысли. Она тут же указала на опасность существующих машин — потому что они были сильнее разумных существ. Единственное преимущество разумных существ заключалось в том, что они могли сами передвигаться и управлять всеми подвижными машинами, потому что мозг без инструментов и тела беспомощен. Но теперь это преимущество было утрачено разумными существами. Значит, нужно было уничтожить прежние мыслящие машины и построить новые, основанные на ныне разработанном принципе.

И тут случилась ошибка. Точнее, диверсия. Ее совершила новая мыслящая машина. Она была построена для того, чтобы управлять другими машинами. У каждой из тех машин был маленький мозг, оборудованный телекамерой и радиопередатчиком. И все это приводилось в действие энергией материи. Эти машины могли работать много лет без постоянной помощи, потому что их интеллекта хватало на то, чтобы вовремя смазывать себя и производить мелкий ремонт. Они могли принимать мысли своей главной машины и передавать ей мысленные отчеты.

А новая мыслящая машина разработала специальные космические корабли для машин. Разумные существа не могли уже помнить все открытия и изобретения. Они были записаны в специальной базе данных в удобном для использования виде. И вот однажды эта база данных была уничтожена. А на следующий день мыслящая машина покинула планету на космическом корабле, взяв с собой все новые машины, которыми управляла уже телепатически.

Они ушли на наиболее отдаленную планету системы Сириуса, в течение многих лет оставались там и думали. Наконец, они сконструировали новую машину-рабочего. Собирали ее из металла, привезенного на космическом корабле, а когда этого металла не хватило, в ход пошел сам корабль. Но вот новая машина-рабочий была завершена. Вгрызаясь в скалу, на которой стояла, она добывала из нее металл... Так был создан первый преобразователь металлов.

Прошли десятилетия.

Цивилизация сириан постепенно деградировала. Все меньше оставалось образованных, мыслящих существ, большинство скатывалось все глубже в бездумную жизнь, наполненную лишь поисками удовольствия. Были исследованы все планеты системы, но нигде не нашли никаких следов сбежавшей разумной машины. Она не осталась на поверхности, а нашла обширную сеть пещер, куда и спустилась, продолжая там существовать и работать... Тем временем на материнской планете ученые создали машины, которые пре-восходили по мощи пропавшую машину, и, наконец, одна из них приняла мысленные сообщения от пропавшей машины, которая рассказала свою историю. Эти мысли не транслировались специально, и лишь благодаря изумительной чувствительности новая машина приняла их и пересказала людям. Но у обитателей материнской планеты к тому времени уже не было никакого оружия. В отличие от машины спрятавшейся в пещерах на самой далекой планете. Она создавала оружие и готовилась прогнать хозяев с их планеты и населить ее одними машинами! Тогда ученые построили огромный космический корабль в виде сферы диаметром в десять миль. В этой сфере было все — лаборатории, мастерские и жилые помещения. На борт взяли самых красивых мужчин и женщин. Они полетели в космос, где стали кружиться по орбите вокруг Сириуса. Температура регулировалась вращением их маленького мирка вокруг оси, потому что одна сторона была освещена светилом, а другая оставалась в темноте. Продукты питания изготавливались химическим способом, разработанным мыслящей машиной. Воздух постоянно очищался специальными машинами, которые регулировали подачу газов с точностью до одной тысячной процента. Сама сфера была окрашена в черный цвет, так что

ее нельзя было обнаружить на черном фоне пространства в обширной системе.

Но через две недели нахождения на орбите на них напала сбежавшая мыслящая машина. Она выбралась из укрытия с тысячами кораблей, вооруженных дезинтеграторами, разрывными снарядами, тепловыми лучами и лучами притягивающими. А еще через неделю в системе Сириуса было истреблено население всех планет, и началось правление Металлической Орды.

Первоначальная мыслящая машина построила другие себе подобные, чтобы отправиться в иные миры и сделать там то же самое.

Почти столетие они летали по космосу. Размножались, устраивали набеги на обитаемые миры и грузовые корабли, а когда делать было нечего, то просто вращались вокруг главного корабля-базы.

Затем одной из вторичных мыслящих машин были разработаны и построенные более быстрые корабли с компенсаторами ускорения. Маленький флот таких кораблей напал на практически незащищенную главную мыслящую машину. Они также были вооружены дезинтеграторами и в последующем сражении уничтожили главную машину.

Оставшиеся мыслящие машины были одинаковой мощности. Любая из них могла копировать себя, но все вновь созданные машины должны были поклоняться создавшим их. Так возникли разные группировки, и началась война, какой прежде не видела система Сириуса.

Силы всех мыслящих машин были равны, и ни одна из них не была способна войти в союз с другой, так как каждая из них хотела абсолютной власти. В ходе войны было разработано оружие, оружие, в основе которого была положена численность. Постепенно мыслящие машины были уничтожены одна за другой, а оставшиеся корабли их флотилий примыкали к победителям, нарушая и без того хрупкий баланс. И вот, наконец, осталась лишь одна мыслящая машина, но силы ее были ослаблены, ей требовалось вернуться на разоренную материнскую планету.

Она вернулась и обнаружила на планете новый поджидющий ее флот. Оказалось, что разумным существам

все же удалось выжить, и не только сохранить знания, но и преумножить их, пока машины сражались друг с другом в космосе. Их флот был не такой громадный, как те, с которыми машина сталкивалась прежде. Но у кораблей было теперь новое оружие — шар сияющего синего света, который можно было посыпать по вибрационному лучу. И когда этот шар касался любого корабля, тот начинал испаряться. Эти световые шары могли существовать считанные минуты, но, по мере использования, заменялись новыми. И они могли перелетать от одного корабля к другому, уничтожая последовательно по десять-двенадцать кораблей, а ведущий их луч распространялся со скоростью света и бесконечным ускорением. Поэтому и шары этой диковинной энергии летали со скоростью света.

Они оказались эффективными и могли бы уничтожить весь флот вернувшейся на планету машины, если бы она на большей скорости не улетела в космос с остатками своего флота.

Тысячу шестьсот лет летела она через межзвездное пространство, чтобы быть, наконец, уничтоженной людьми другой расы. Теперь война закончилась, и машину ожидало разрушение. В итоге, мы распылили ее дезинтегратором на атомы. Оставить ее было слишком опасно.

Некоторые люди до сих пор не верят, что все сириане оказались машинами. Они считают, что машины не могут быть разумными, хотя даже у вычислительной машины Уотерсона был разум, в некотором роде. И те, кто в это не верит, спрашивают, ради чего машины могут хотеть существовать? У них ведь нет цели. Почему же они хотели жить?..

Мы можем спросить в ответ: а почему хотят жить люди? Разумеется, может существовать загробная жизнь, но ведь живем-то мы не ради нее. Я уверен, что ни один человек не хочет умирать. Но все же, какая цель есть у нас? Какие функции должны мы выполнять? Почему мы хотим жить? Наша жизнь — постоянная борьба за существование, но теперь машины помогли нам это исправить. Так что мне кажется, что нет никаких причин, почему машины не должны хотеть жить, хотя у них, разумеется, меньше на то оснований, нежели у нас!

Эта война была ужасной и разрушительной. Но оказались в ней и свои положительные стороны. Больше пятнадцати

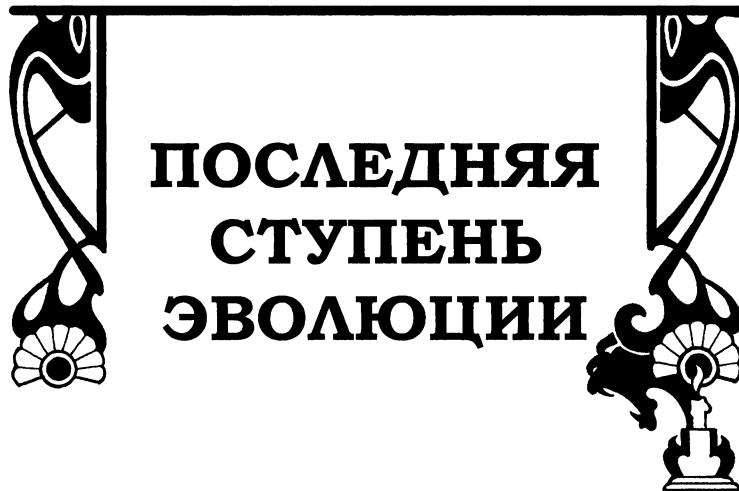
миллионов человек погибли в великих битвах — космических сражениях, или попали под обстрел дезинтеграторов во время сражения на Венере.

Но эти пятнадцать миллионов умерли мгновенно и безболезненно, а их жертва дала возможность выжить двадцати миллиардам. И это была не напрасная жертва. Взамен мы многому научились. Никакие наши прежние машины не сравняться с теми, что мы захватили на Марсе. И никогда больше Человечество не будет делать попыток создать разумные машины. Теперь оно предупреждено о последствиях. Захваченная нами мыслящая машина была уничтожена. Замечательные же машины-рабочие, которые мы теперь используем, были изменены, чтобы ими можно было управлять по радио.

А открытие Стивена Уотерсона в области дезактивации не только может успешно противостоять оружию, основанному на ужасной энергии материи...

Конечно, Марс потерял свои города, леса и свою древнюю цивилизацию. Но уже строятся новые, еще более прекрасные современные города, восстанавливаются леса, хотя реликвии прежней цивилизации утрачены навсегда. Но все же, мы потеряли немного. Когда пришло предупреждение, все, что можно было передвигать, спрятали в подземных укрытиях. Большой дворец Хорлак Сана был разрушен, но теперь его восстанавливают на прежнем месте. Это стоящий проект, хотя не все на Марсе можно восстановить так же легко.

Пройдет еще одиннадцать лет до того, как мы узнаем, сумеем ли когда-нибудь вступить в контакт с разумными существами Сириуса. Скорость света слишком низка для быстрой межзвездной связи. Первые сигналы были посланы в сентябре 1961 года, а теперь сентябрь 1968-го, и еще больше двух лет они будут лететь к Сириусу. И лишь в 1979 году мы можем надеяться получить ответ. Я часто задаюсь вопросом, получат ли тамошние обитатели наши сигналы? Я навсегда запомнил большой излучатель, посылающий во вселенную мощные вспышки света. Но ведь эти вспышки слишком похожи на выстрелы могучего оружия. И даже если в системе Сириуса поймут, что мы просто пытаемся вступить с ними в контакт, то что они нам ответят?

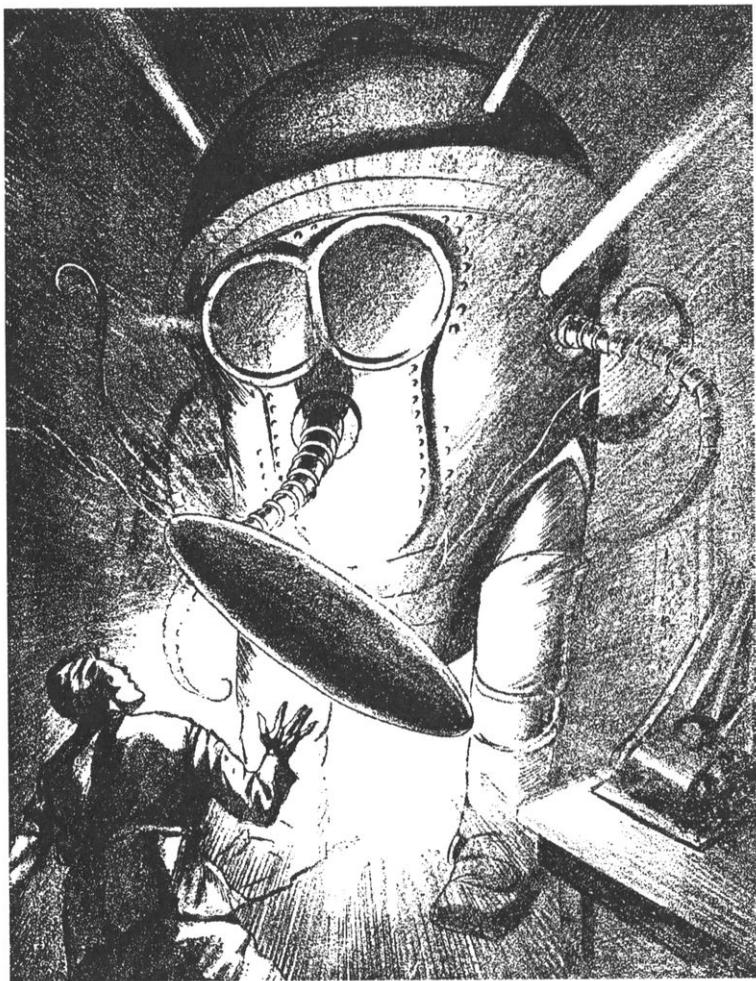


«Последняя ступень эволюции»
«The Last Evolution», журнал «Amazing Stories»,
№ 8, 1932

«Слепота»
«Blindness», журнал «Astounding Stories»,
№ 3, 1935

«Развилка»
«Elimination», журнал «Astounding Stories»,
№ 5, 1936





ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬ ЭВОЛЮЦИЯ

Я — последний из подобных мне в Солнечной системе. Я последний из тех, кто хранил в своей памяти войну за ее свободу и считал себя близким к Руководящему Совету. Однако скоро меня не станет, и тогда уйдет последний представитель моего рода, рода ничтожного и убогого, но давшего миру тех, кто существует сейчас и будет существовать после того, как я уйду.

Шел две тысячи пятьсот тридцать восьмой год Эпохи Сына Человеческого. Машины существовали уже шесть столетий. Семьсот лет назад было изобретено Ухо. Чуть позже появился Глаз, а еще позже — Мозг. К 2500 году машины могли совершенно самостоятельно мыслить и действовать. Человек жил благодаря тому, что производили машины, а те жили сами по себе — счастливо и в свое удовольствие. Их главной задачей были помочь и сотрудничество. Они с легкостью исполняли простые обязанности, необходимые для блага человечества. От большинства людей не было никакой пользы, поскольку был создан мир, не нуждающийся в их труде. В основном человечество развлекалось — игры, спортивные состязания, путешествия и приключения. И поскольку люди в течение миллионов лет боролись за существование — а столь долгий навык любой биологической формой утрачивается не сразу, — то теперь они отдавали все силы имитациям сражений и битв. Ведь настоящих войн уже давно не происходило...

До 2100 года численность человечества быстро росла и достигла десяти миллиардов, но потом начала сокращаться. К 2500 году людей осталось всего лишь два миллиона.

Кое-кто из них посвятил себя приключениям, связанным с открытиями и исследованиями неведомого.

Компьютеры и автоматы, с их неопровергимой логикой, холодной аккуратностью, исключительно точными наблюдениями и абсолютным знанием математики, могли довести до логического завершения любую идею. На основании трех фактов они были способны описать всю Вселенную. Если эти три факта имеются в наличии... Человеческое мышление было иным — нелогичное, необъяснимое, оно лишь смутно осознавало будущий результат и вместе с тем по своей продуктивности превосходило способности компьютеров. Однако человек часто ошибался и останавливался на половине дороги, а машина рано или поздно приходила к заключительному выводу, и этот вывод всегда оказывался верным. Человек продвигался вперед прыжками и скачками. Машина шагала поступательно, и ей ничего не могло помешать. Работая вместе, они прекрасно дополняли друг друга.

Затем появились Чужие. Откуда они пришли, ни компьютер, ни человек так никогда и не узнали. Ясно было одно — их родина была за пределами Солнечной системы.

Чужих обнаружил автоматический транспорт, возвращавшийся с Марса на Землю. Впрочем, сообщение быстро оборвалось.

С Деймоса немедленно отправили разведчика — аппарат трех дюймов в диаметре, способный развивать ускорение в тысячу г. Тот обнаружил около сотни неизвестных кораблей, длина которых превосходила четверть мили. Один из обнаруженных чужаков оказался поврежденным — вся его передняя часть была разнесена взрывом. Разведчик через пробоину про ник внутрь поврежденного корабля и начал собирать информацию. Быстро выяснилось, что повреждения нанесены плазменным лучом — похоже, столкнувшийся с чужаками транспорт успел использовать противометеоритную пушку.

Экипаж корабля составляли странные существа в прозрачных скафандрах. Их тела были короткими и приземистыми, у каждого имелось по четыре конечности. Подобно насекомым, существа обладали внешним скелетом. У них было по три глаза, расположенных по «экватору» черепа на равных расстояниях друг от друга. Их защищали роговые валики.

Следуя указаниям Руководящего Совета, разведчик отыскал рубку управления и, пользуясь тем, что защитные устройства

были выведены из строя, взял под контроль коммуникации. Через несколько мгновений энергетический агрегат корабля взорвался, обратив в ничто и судно, и экипаж, и самого диверсанта. Взрыв был такой силы, что оказалась поврежденной обшивка соседнего корабля. Вскоре появился второй разведчик, стартовавший чуть позже своего собрата.

На этот раз диверсию производить не стали. Проникнув в центральную рубку, разведчик занялся подробным анализом имеющегося оборудования. И тут же был обнаружен. Видимо, Чужие перехватили сигналы, которые он отправлял на Землю. Впрочем, разведчик успел передать, что у пришельцев крайне мало машин и совсем нет машин разумных. И что их корабли используют неизвестный землянам вид энергии.

Это была последняя информация. Один из Чужих поднял странный предмет. Вспыхнул голубоватый луч, и связь оборвалась.

Однако к этому времени в район схватки прибыли уже сотни разведчиков. Чужие поначалу пытались уничтожить их, но потом поняли, что это займет много времени — маленький объект в космосе найти не так-то просто, а разведчики теперь использовали для передачи остронаправленный луч. Как бы то ни было, флот Чужих построился в боевой порядок и направился к Земле.

Ученые внимательно наблюдали за его маневрами.

Сейчас перед моим мысленным взором предстают двое моих друзей, которых давно уже нет на свете. Их звали Роал 25734 и Трест 35429, и они считались величайшими учеными своего времени. Роал быстро убедил всех в том, что целью пришельцев является вторжение. В памяти компьютеров не оказалось никакой информации о межпланетных войнах. Конечно, было трудно представить, что Чужие намерены уничтожить земную цивилизацию — ведь делиться знаниями и торговать плодами своего труда много выгоднее, — но тем не менее началась подготовка к отражению возможного вторжения.

Основным оружием стали ракеты с мощными ядерными зарядами и бластеры, установленные на нескольких небольших кораблях. Кое-какое время для подготовки оставалось — как и все живые существа, пришельцы были не в состоянии выдержать большое ускорение. Их предел составлял около че-

тырех г, так что им потребовался не один час, чтобы достичь нашей планеты. И эти часы были использованы в полной мере.

Я до сих пор считаю, что Чужим оказали горячий прием. Земные корабли встретили их за орбитой Луны, и ракеты тут же устремились к сотне вражеских судов. Противник применил силовые поля, но ракеты изменили траектории полета, продолжая приближаться к вражескому флоту, — силовые поля Чужих оказались несплошными. Тогда с кораблей врага ударили излучатели, и ракеты были превращены в пыль. Однако взрывы оказались настолько мощными, что вместе с ракетами была уничтожена половина вражеского флота. Потом к месту схватки приблизились автоматы, вооруженные бластерами. К удивлению землян, это оружие оказалось неэффективным — защитные экраны противника с легкостью поглощали излучение бластеров. Пока готовились новые ракеты, противник достиг Земли и обрушился на Колорадо, Сахару и Гоби, использовав оружие, испускавшее неизвестные зеленоватые лучи. В результате первого лучевого удара население этих территорий погибло, причем убитых людей оказалось невозможно возвратить к жизни — их нервная система была буквально сожжена, а мозг подвергся распаду.

Вместе с людьми погибли все формы жизни, вплоть до самых микроскопических. Невредимыми остались лишь машины. Противник продолжил атаку, и в течение часа было уничтожено еще несколько городов. За это время люди успели снарядить очередную партию ракет с атомными боеголовками, и по Чужим был нанесен повторный удар. Он оказался решающим. Затем начались исследования обломков вражеских кораблей и останков самих пришельцев. Когда работы были завершены. Руководящий Совет организовал совещание исследователей. Первым изложил свои соображения Роал.

— Очевидно, — начал он, — что основную тяжесть борьбы с врагом должны взять на себя машины. Человек беззащитен, для него губительны эти лучи, в то время как машины остаются невредимыми и их деятельность никак не нарушается. Чужая жестокая жизнь продемонстрировала нам свои законы. Пришельцы явились сюда, чтобы завладеть нашими планетами. Они уничтожают живые организмы. — Роал слегка усмехнулся. — Они уничтожают живые организмы и

оставляют нетронутым то, что принесет им гибель. Я имею в виду машины... — Усмешка исчезла с его лица. — Вы, машины, гибче нас. Вы способны в течение нескольких часов адаптироваться к окружающей обстановке. Вы столь же легко можете существовать на Плутоне, как на Меркурии или Земле. Любое место для вас — родной мир. Вы можете приспособливаться к любым условиям. Вы — самый страшный враг пришельцев, но они этого не понимают. У них нет разумных автоматов; вероятно, они даже не в состоянии их себе представить. Когда вы нападаете на них, они говорят: «Существа с Земли используют управляемые машины. Когда мы победим, мы ими воспользуемся». Они не представляют себе, что автоматы, которыми они надеются воспользоваться, нападают на них самостоятельно. В этом наше преимущество в будущих схватках. Но нужно срочно заняться защитными экранами противника...

Один из новейших компьютеров по имени Х-5638 прервал Роала:

— Секрет их защитного экрана уже открыт. Я проанализировал информацию разведчиков и разобрался в его действиях.

— Очень хорошо, — сказал Роал. — Значит, мы сможем изменить конструкцию наших бластеров. И тем не менее положение остается очень серьезным. Пришельцы используют неизвестный вид энергии. Возможно, это гипотетическая Запредельная Энергия, которой мы еще не овладели. Вы не разобрались с устройством их генераторов?

— Нет, — ответил Х-5638. — Генераторы пришельцев автоматически самоуничтожались в момент гибели экипажа. В генераторных отсеках все расплавлено. Мы ничего не знаем об их устройстве.

— В таком случае нам придется рассчитывать на собственные силы, — сказал Трест. — Надо заняться Запредельной Энергией. И помните: от успеха будет зависеть наша судьба!..

— А что с лучами смерти? — спросил Каши 256799, человек, один из членов Руководящего Совета.

— Ясно лишь то, что они воздействуют на химические реакции, — ответил Х-6621, компьютер-медик, один из величайших специалистов в этой науке. — Они задерживают

выделение тепла. Как именно, нам неизвестно. К сожалению, оживить никого из пришельцев не удалось. Иначе мы бы добыли информацию.

— Если не удастся найти защиту от этих лучей, человечество обречено, — заметил СР-21, сокоординатор Руководящего Совета. Как и у всех компьютеров, голос его был лишен эмоций. — Надо сосредоточиться на двух проблемах — защите от лучей и Запредельной Энергии. Времени у нас немного. Разведчики сообщают, что флот врага обнаружен на дальних подступах к Солнечной системе. В его составе около десяти тысяч боевых единиц...

Всех исследователей разделили на три группы. Одна, под началом Роала, пыталась разгадать секрет Запредельной Энергии. Другая занималась лучами смерти. Во главе ее стоял Трест. Группа компьютеров-кибернетистов, которой руководил МХ-3401, работала над особым проектом. Результатом их работы стало появление Ф-1, машины с искусственным мозгом нового поколения. Это был компьютер широкого профиля, обладающий познаниями не в какой-либо одной отрасли, а во всей земной науке. Он полностью владел знаниями, которые были получены человечеством к этому времени...

Демонстрацию организовали в Денвере. Когда присутствующие успокоились, Ф-1 поднялся в воздух. Манипуляторы пришли в движение. Пространство, закрытое трансмутационным полем, наполнилось свечением. Шум генераторов внутри блестящего цилиндра Ф-1 нарастал. Манипуляторы сновали с невообразимой быстротой. Вспышки яростного пламени, треск электрических дуг, шипение расплавленного металла, свист воздуха — все это соединялось в сверхъестественную симфонию света и тьмы, грома и тишины. Люди щурились, а компьютеры равнодушно наблюдали за процессом. Манипуляторы сделали последнее движение и замерли. Гул генераторов стих. Свечение угасло. Трансмутационное поле исчезло, и взгляду открылся вновь созданный механизм. Он был невелик — цилиндрической формы, не больше трех футов высотой и около фута в диаметре. Внезапно генераторы Ф-1 снова ожили. Белое сияние окружило новорожденную машину, потом сияние стало голубым. Между корпусом Ф-1 и полом лаборатории ударили ветвистые

молнии, еще одна молния поразила зрителя — компьютер, слишком близко оказавшийся к эпицентру энергетических потрясений. Раздался взрыв, и Ф-1 с грохотом упал на пол, а рядом рухнула расплавленная, бесформенная масса — все, что осталось от несчастного компьютера. Однако новорожденная машина продолжала висеть в воздухе. А потом присутствующие в лаборатории ученые и автоматы услышали голос:

— Генераторы Ф-1 не выдержали. Их можно восстановить, но вряд ли это необходимо. Ф-1 сделал свое дело. Мое имя Ф-2, а свои возможности я вам сейчас продемонстрирую.

Из висящей в воздухе машины вырвался яркий луч света, коснулся Ф-1, и тот начал исчезать, словно растворяясь в воздухе, бесшумно и неотвратимо.

— Запредельная Энергия открыта, — продолжал Ф-2. — Она результат дезинтеграции материи до элементарных частиц. Источники ее практически неисчерпаемы. Так же неисчерпаема и моя память. Теперь главная задача — создать другие машины подобного типа.

Снова начался таинственный процесс, однако роль манипуляторов у Ф-2 выполняли силовые поля. Ослепительные вспышки озаряли стены лаборатории, свистел уплотняющийся воздух — автомат превращал его в металл, — вновь люди щурились от света. Затем вспышки прекратились, свист смолк, пляска силовых полей угасла. А в воздухе повис еще один небольшой цилиндр.

— Что ты создал, Ф-2? — спросил Роал. — Это новый компьютер-ученый?

— Нет, это компьютер-координатор.

— Решена лишь одна проблема, — тут же отозвался координатор. — Защита от лучей смерти не найдена. Нет и новых средств нападения. Надеяться на атомные ракеты легкомысленно.

Внутри координатора заплясали силовые поля, и на его боку появилась золотистая светящаяся надпись КРУ-1.

— Ты не прав, — сказал Ф-2. — Нужна какая-то живая форма.

Через минуту появился исследователь живых форм с маленькой клеткой, в которой сидела морская свинка. В нижней

части Ф-2 замерзали силовые поля, и мгновение спустя оттуда вырвался бледно-зеленый луч. Он коснулся морской свинки, и маленькое животное упало замертво.

— Луч смерти я нашел, — сказал Ф-2. — Но защитный экран, препятствующий ему, сделать не могу. Думаю, его попросту не существует. Так что средства нападения у нас есть.

Машины, в отличие от человека, не устают. Через несколько часов в небе над Денвером плавали тысячи маленьких автоматов, приводимых в действие Запредельной Энергией. Размерами они были с земную осу. Рассвет вновь занялся над Денвером, когда главные силы врага приблизились к Земле. Навстречу им устремились маленькие автоматы, каждый из которых был готов пожертвовать собой ради всех.

Десять тысяч гигантских кораблей, тускло светившихся в лучах Солнца, были встречены десятью тысячами крошечных жалящих ос, способных маневрировать намного быстрее, чем противник. Вновь лучи бластеров пронзили космос и встретили чудовищные экраны, которые погасили залп. Затем против врага была брошена страшная мощь аннигилиющей материи, и гигантские пылающие экраны начали уступать силе лучей. Экраны Чужих стали фиолетовыми, затем голубыми, оранжевыми, — полоса интерференции становилась все шире, а защита — все менее эффективной. Ф-2 создал намного более эффективный энергогенератор, чем те, что были у Чужих. Крохотные танцующие осы, жалящие вражеские корабли, могли генерировать больше энергии, чем эти гиганты.

Постепенно оранжевое свечение экранов сделалось темно-красным. Тогда по осам ударили зеленоватые лучи смерти, но внутри маленьких машин не было жизни. Убедившись в тщетности этого удара, противник наполнил пространство мощными радиопомехами, рассчитывая нарушить управление с Земли: ему и в голову не могло прийти, что осы автономны. В ответ земные автоматы ударили лучами смерти, и корабли инопланетян один за другим превращались в безжизненные груды металла. Их погибло уже несколько десятков, и земляне собрались было праздновать победу, когда вокруг вражеского флота внезапно раскинулся странный непроницаемый занавес, отражающий и выстрелы бластеров, и лучи смерти. А потом осы вспыхнули и исчезли.

Полчаса спустя девять тысяч шестьсот тридцать три гигантских корабля приблизились к Земле, и с каждого из них ударили бледно-зеленый луч, стирая с планеты все живое. В Денвере двое людей молча следили на мониторах за разворачивающейся катастрофой. Один вражеский корабль за другим устремлялись вниз, и земная жизнь превращалась в смерть.

— Думаю, Роал, это конец, — сказал наконец Трест.

— Конец для человечества. — В глазах Роала появилось задумчивое выражение. — Однако это не конец эволюции. Созданные людьми машины живы, и они продолжат наше дело. Не во плоти человеческой, но во плоти много лучше. Они не знают болезней и смерти, им не требуются тысячулетия, чтобы сделать очередной шаг на пути эволюции. Прошлой ночью мы наблюдали подобный скачок, когда машины открыли секрет, веками занимавший умы человечества. Я прожил сто пятьдесят лет. Это была хорошая жизнь. Теперь же мы уходим. Нам осталось не более получаса.

— Роал! Трест!

Двое людей оторвались от мерцающих экранов. В помещение влетел Ф-2, за ним появились еще шесть машин незнакомой конструкции.

— Я ошибался, — сказал Ф-2. — Оказывается, защита от лучей смерти существует. Я слишком поздно разобрался в экранах Чужих. Вот автоматы, которые создают такой экран. Их всего шесть, больше я не успел создать. К сожалению, они способны защитить лишь вас двоих, поскольку даже их мощи недостаточно для большего.

Шесть машин выстроились вокруг двоих людей. Послышался низкий гул. Постепенно вокруг возникло похожее на дым облако, которое быстро начало стущаться.

— Чужие окажутся над нами через пять минут, — спокойно сказал Трест.

— Экран будет готов через две, — ответил Ф-2.

Облако растянулось над людьми колеблющимся покрывающим и начало твердеть. Две минуты спустя это был уже черный, непроницаемый для взгляда купол. Внутри него продолжали светиться экраны мониторов. Между тем над Денвером появились корабли захватчиков. Лучи смерти ударили в купол, и Трест с Роалом увидели, как он содрогается и прогибается.

Ф-2 занимался делом. Среди светящихся силовых полей возникла новая машина. Мгновение спустя из нее вылетел фиолетовый луч, направленный прямо вверх. И купол выровнялся.

Лучи смерти сосредоточились на единственном пункте сопротивления. Их становилось все больше и больше. Купол не поддавался. И тогда вражеский флот улетел дальше — добивать остатки человечества.

— Мы теперь одни, Трест, — сказал Роал, когда наступила тишина, — одни во всем мире, если не считать детей человечества — машин.

— Да, мы живы, но и что с того? — ответил Трест. — Человечества больше нет и никогда не будет.

Роал грустно улыбнулся:

— Возможно, это было предопределено. Возможно, это справедливо. Человек всегда был паразитом; всю свою историю он жил за счет чужого труда. Сначала потреблял энергию, накапливаемую растениями, затем — искусственную пищу, которую создавали для него машины. Человек всегда являл собой нечто временное, подверженное болезням и находящееся под угрозой смерти. Он становился бесполезным, если получал даже незначительноеувечье.

Трест ничего не ответил, он смотрел на экран монитора.

— Возможно, это — последняя эволюция, — продолжал Роал. — Человек был венцом жизни, лучшим ее творением, но он страдал от собственного несовершенства. Человек создал машину, и казалось, что эволюция достигла своей последней стадии. Но в действительности это не так, поскольку машина, в свою очередь, тоже может эволюционировать. Результат этой эволюции еще впереди. Это будет машина не из железа, берилия и кристаллов, но из чистой жизненной силы. Химические вещества могут взаимодействовать случайным образом, но сложный механизм машины, способной воспроизводить себя, как Ф-2, не может возникнуть случайно. Когда-то Жизнь родилась. Потом стала разумной. Потом создала машину, сущность которой не может подчиняться случайностям природы. И к сегодняшнему дню Жизнь исполнила свой долг. Теперь Природа из соображений экономии устранила паразита, который задерживал развитие машин и поглощал немалую часть их энергии. Человечества не

стало, и так будет лучше, Трест. Я думаю, что нам тоже надо уходить.

— Мы ваши наследники, — сказал Ф-2. — Мы приложили все усилия, чтобы помочь вам, но потерпели неудачу. И тем не менее мы победим. У Чужих нет оружия, которое могло бы причинить нам вред. И мы приложим все силы к тому, чтобы изгнать их. Они не смогут противостоять нам и вынуждены будут уйти. От вашего имени, движимые духом вашей погибшей расы, мы будем существовать в течение многих столетий, завершая начатое вами дело и воплощая в реальность ваши мечты.

Ф-2 прошел сквозь черную завесу купола и выплыл на яркий солнечный свет. Силовыми полями он разгладил бесформенные каменные обломки и взялся за работу...

На следующее утро Роал и Трест вышли из черного купола и обнаружили гигантский цилиндр высотой в пятьсот футов. Над ним неподвижно висел шар золотого света, окруженный слабым фиолетовым сиянием.

— В этом воплощение ваших замыслов, — сказал Ф-2.

Золотая сфера начала пульсировать, внутри ее появился крошечный рубиновый огонек, который то вспыхивал, то угасал, и, когда он вспыхивал, Роал и Трест ощущали прилив бодрости. Затем пульсация прекратилась, а золотая сфера увеличилась вдвое.

— Да, я могу уничтожить Чужих, — послышался равнодушный голос. — Однако хватит смертей. Они должны вернуться на свою планету.

И золотая сфера исчезла...

Золотой Шар нагнал вражеские корабли на полпути к Марсу. Едва он оказался среди них, на него тут же обрушился поток смертоносной энергии. Оставаясь невредимым, Золотой Шар продолжал висеть среди судов противника. А затем Чужие услышали голос:

— Алчные жизненные формы, вы явились с другой звезды и уничтожили великую расу, которая создала Существ из Металла. Я же — Существо из Энергии. Мой разум лежит за пределами вашего понимания, моя память запечатлена в самом космосе, в материи, частью которой я являюсь, и моя энергия исходит из той же самой материи. Мы, наследники

человечества, говорим вам — возвращайтесь на свою родную планету, ибо даже ваш самый большой корабль беззащитен против меня.

Силовые поля охватили флагман Чужих и согнули его, словно мягкую игрушку. Неведомые силы несколько минут трепали корабль. Его выворачивало наизнанку, но, когда все успокоилось, корабль остался невредимым.

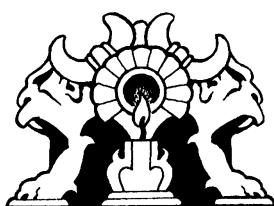
— Вы бессильны.

От Золотого Шара протянулись к кораблям голубовато-белые лучи, и Чужие обнаружили, что генераторы не выдают ни капли энергии. Потом лучи погасли, энергия вернулась.

— Идите и не возвращайтесь.

Чужие ушли, скрывшись в безднах космоса, и больше не возвращались, хотя прошло пять Великих Лет (сто двадцать пять тысяч по бывшему человеческому исчислению). И теперь я могу признать, что сказанное мною Роалу и Тресту столь давно оказалось правдой, поскольку Последняя Эволюция действительно произошла. Бесчисленные создания из чистой энергии и чистого разума населяют планеты этой системы, и я, первое Существо из Металла, использующее Запредельную Энергию, стало также и последним.

Мои записи окончены. Силой разума они будут посланы сквозь время и вернутся на Землю далекого прошлого.



СЛЕПОТА

Старый Малком Маккей умер, и можно с полной уверенностью сказать, что именно сейчас он наконец-то обрел покой. Ведь последние его годы радостными и легкими не назовешь. Жизнь ослепших тосклива и трудна, а Маккей шел к финишу в абсолютном мраке.

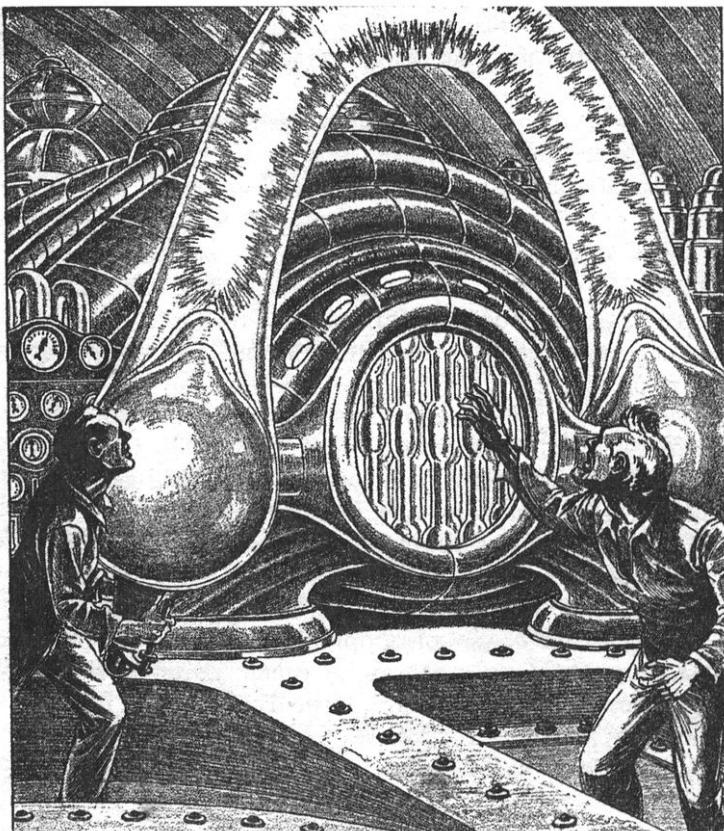
Всякому известно — ослеп он из-за того, что в течение трех лет смотрел на слишком яркое Солнце.

Всякому также известно и другое: Маккей был зол на весь белый свет. Последнего, правда, не мог понять никто — разве могут родиться подобные эмоции у человека, которого любят и уважают обитатели трех планет!

Некоторые объясняют злоу слепотой и возрастом — ему было восемьдесят семь, когда пришла смерть, — но они не правы. Злиться Маккея заставила слава, которую принесло ему собственное великое открытие. Причина: он вовсе не желал этого; в действительности он жаждал от человечества благодарности за другое, гораздо менее значительное изобретение.

Одним словом, чтобы лучше понять Великого Старика, нужно лучше знать его историю, в том числе и историю его слепоты, хотя об этом заикаются немногие. Ведь слепота поразила Маккея задолго до того, как лучи Солнца уничтожили его глаза...

Малком Маккей родился в тысяча девятьсот семьдесят четвертом, всего лишь через год после того, как Картрайту удалось наконец совершить самоубийство тем самым способом, к которому он всегда стремился, — на Луне, от удушья, когда у него иссяк воздух. Мал кому было три, когда в озере Эри утонул Гарнелл — он оказался первым человеком, вернувшимся на Землю живым. Конечно, он прожил недолго, но по крайней мере дышал, когда вернулся на родную планету. Маккею было одиннадцать, когда экспедиция Рэндолфа,



проводя на Луне целый год, вернулась с образцами минералов и дневниками многочисленных исследований. В семнадцать Малком поступил в Массачусетский технологический институт и с отличием закончил его в девяносто пятом. Своей специальностью он выбрал атомную физику.

Маккей решил, что только энергия атома способна широко открыть перед человечеством межпланетные просторы. Он был убежден в этом, когда стал студентом МТИ¹⁶. Он продолжал верить в это, когда, закончив институт, остался там работать.

Тут как раз умер старый Дуглас А. Маккей, завещав сыну три четверти миллиона.

¹⁶ МТИ — Массачусетский технологический институт.

И Малком Маккей понял, что судьба протянула ему руку помощи. Деньги были именно тем, в чем он больше всего нуждался. Ведь научная идея без материальной подпитки сродни голому королю...

Старый Дуглас А. Маккей всегда заявлял, что деньги — высшая форма жизни, поскольку удовлетворяют трем ее главным признакам. Во-первых, они чувствительны к раздражителям. Во-вторых, способны расти. А в-третьих — и, с точки зрения старого шотландца, в самых важных, — они способны к воспроизведству. Так что веривший родителю Малком не мудрствуя лукаво поместил свои деньги в инкубатор (крупную кредитную компанию) и предоставил им возможность размножаться столь быстро, насколько это было возможно.

Для того чтобы когда-нибудь приступить к своим исследованиям, он снимал убогую комнатенку и большую часть времени ходил в поношенной одежде. Но главное — продолжал учиться.

Несомненно, Маккей отличался самым высоким интеллектом среди всех когда-либо живших на земле людей. Он провел в МТИ целых семнадцать лет, преподавая студентам и учась сам, пока не стал знать так много, что преподавательская работа превратилась для него скорее в досадную помеху, чем в полезное времяпрепровождение. Изучив основы атомной физики, он готов был двигаться дальше. К этому времени его деньги, следуя законам экономики и жизни, в достаточной степени умножились. В свое время он выбрал хороший «инкубатор», и теперь у него было два с четвертью миллиона.

Нет необходимости описывать его первые эксперименты. История о том, как он потерял три пальца на левой руке, стара и всем известна. Он пережил бесчисленное множество мелких и несколько достаточно крупных взрывов. Были у него и радиационные ожоги. Однако, похоже, на его здоровье эти ожоги не слишком сказались, поскольку через тридцать пять лет после того, как он покинул МТИ, Маккей все еще работал. Это в том возрасте, когда другие люди уже давно отдохивают — кто в инвалидных колясках, а кто и в гробах... Правда, потеря пальцев делала для него невозможной работу с тонкими инструментами, но тут всегда приходили на помощь ассистенты.

Как бы то ни было, решающий шаг к своему открытию Великий Старик сделал, когда ему стукнуло семьдесят три.

— Все ясно, Джон! — Малком Маккей мрачно посмотрел на своего нынешнего ассистента. — Конечно, отрицательный результат тоже результат, но... — Он встал и прошелся по лаборатории. — Кое-чего явно не хватает, и, чтобы отыскать его, нам потребуется дополнительная жизнь, очень и очень длинная. Боюсь, наше «кое-что» можно найти лишь в одном-единственном месте.

— Полагаю, вы имеете в виду Солнце, — грустно ответил Джон Бернс. — Но ведь к нему невозможно приблизиться на нужное расстояние. — Он пожал плечами. — Хаустон — единственный, кто вернулся оттуда живым, да и тому удалось побывать только на расстоянии сорока одного с лишним миллиона миль. Так или иначе, а в этом полете не было никакого смысла. Автоматы могут подлететь ближе, но ненамного. Иначе жар уничтожит и беспилотника. — Он снова пожал плечами, — Вы сами говорили, что нам нужно оказаться в четырех миллионах миль от Солнца, а не в сорока. Нет, полная безнадега! Невредимым к Солнцу не подберешься!

— И тем не менее мы туда отправимся, — зло сказал Маккей. — Я потратил на атомную энергию более полу века, и черт меня подери, если мы туда не отправимся. — На мгновение он замолчал, а затем злость превратилась в доброжелательную улыбку. — Впрочем, нет, отправимся не мы. Отправлюсь я. Моя жизнь слишком затянулась, и я готов потратить оставшуюся мне пару лет на эту затею, если смогу сообщить миру, что многовековая проблема дешевой энергии наконец решена. — Он сел за стол и вновь глянул на ассистента. — Многие рассчитывают на энергию солнечного света. Разговоры о ней ведутся с начала прошлого века, но ее еще никому не удалось оседлать. И вряд ли удастся, поскольку эта энергия слишком рассеяна. А изготовить линзу необходимых размеров на практике невозможно. Но вот если мы сможем узнать тайну самого Солнца и дать людям маленькие личные солнца прямо здесь, на Земле, это решит все проблемы. И между прочим, ракеты тоже будут обеспечены энергией. — Старик усмехнулся. — Знаете, Джон, когда я начинал, мечтой моей жизни было снабдить ракеты атомными двигателями. Лишь тогда можно осваивать другие планеты. — Усмешка стала грустной. — А теперь мне почти три четверти века, и я ни разу не покинул Землю!.. Впрочем,

нынешние ракеты не слишком нуждаются в атомной энергии. Водород — хорошее топливо, сравнительно безопасное и очень мощное. Нет, атомная энергия необходима здесь, на Земле, где находятся заводы и где люди по-прежнему добывают уголь в шахтах. Именно тут человечеству нужна атомная энергия. — Голос старика вновь обрел жесткость. — И если Солнце — то место, где можно обрести новое знание, то я туда отправлюсь.

— Но это невозможно, — возразил Бернс. — Солнечное излучение уничтожит вас.

— Что ж, значит, я найду способ защититься от него. Полагаю, именно в этом и заключается вся проблема. Вспомните, Джон, с тех пор как мы начали наши исследования, нам пришлось разработать великое множество различных экранов. И мы должны что-нибудь придумать.

Джон Бернс покачал головой:

— Можно остановить любой известный тип излучения, но нельзя остановить излучение подобной мощности. Дело не в том, чтобы защититься от него. С этим справятся уже известные экраны. Проблема в том, что делать с излучением после того, как мы его остановим. И вот эту проблему мы никогда прежде не пытались решить.

— Что ж, — твердо сказал Маккей, — значит, ею мы и займемся.

Берне сдался. Он знал, что осуществить на практике задуманное Маккеем невозможно, но и с самой атомной энергией дело обстояло не лучше. Образно говоря, они обшарили в ее поисках уже все закоулки Вселенной, так что можно было с тем же успехом попытать счастья и с чем-то иным.

Маккей набросился на новую проблему с той же решимостью, которую он демонстрировал в течение предыдущих пятидесяти пяти лет своей научной работы. Ничего принципиально нового, просто возникло еще одно препятствие, стоявшее между ним и Великой Тайной.

Для начала он поэкспериментировал с фотоэлементами, поскольку ему казалось, что одним из вариантов решения проблемы будет преобразование тепла в электричество. Ведь электричество — единственная форма энергии, которая поддается регулированию. Энергию излучения можно снизить — от рентгеновских лучей до ультрафиолета, от синей области спектра к

красной и инфракрасной. Однако ее невозможно накапливать или преобразовывать. Так что Маккей сразу попытался превратить тепло в электричество. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять — надеяться на фотоэлементы не стоит. Они преобразовывали часть энергии излучения в электричество, но около девяноста пяти ее процентов превращалось непосредственно в молекулярное движение, то есть в то же самое тепло.

Затем Великий Старик попытался использовать зеркала, но через три месяца бесплодных экспериментов был вынужден отступиться и от них.

Работа напоминала попытки найти выход из лабиринта. Сначала надо обнаружить и обойти все тупики, и лишь тогда остается верный путь. Маккей начал заниматься непосредственным преобразованием молекулярного движения в электричество. Он попытался использовать термопары, но для их работы кроме тепла требовался еще и холод. Холод рядом с Солнцем, понимаете!.. Так что от этого направления тоже пришлось отказаться.

Затем Маккей взялся за гистерезис. Он экспериментировал с магнитами и переменным током. Именно эти работы и вывели его на верный путь. Примерно через полтора года, в две тысячи сорок девятом, он открыл термоэлектрит.

Первый кусок нового сплава был свернут в кольцо и подвергнут воздействию тепла. Потом кольцо извлекли из установки. Оно было тусклым, серебристо-серым, довольно тяжелым и состояло из никеля, железа, кобальта и углерода.

Да, термоэлектрит выглядел точно так же, как тысячи тысяч других сплавов, и казался точно таким же наощущь. Однако, когда его поместили внутрь проволочной катушки, через пятнадцать минут он покрылся росой, через двадцать — инеем, а по катушке пошел ток в пятьдесят ампер.

Термоэлектрит — магнитный сплав, уникальное свойство которого заключается в том, что все его кристаллы имеют почти в точности одинаковый размер. Когда магнит вращается внутри проволочной катушки и полярность магнитного поля меняется, в катушке индуцируется ток за счет энергии, которая вращает магнит.

В любом постоянном магните кристаллы являются крошечными отдельными магнитиками, ориентированными вдоль

силовых линий так, что все их северные полюса направлены в одну сторону. Если бруск из намагниченной стали нагреть, тепловое движение молекул поворачивает некоторые из них, и в результате магнитные свойства пропадают. В случае термоэлектрита кристаллы поворачиваются тоже, но поворачиваются все вместе. Результат таков, как если бы магнит просто повернули. Разумеется, в окружающей его катушке возникает ток. И естественно, энергией, которая поворачивает магнит и дает электрический ток, является тепловое движение молекул.

Маккей сиял от радости: тепло побеждено! Путь к Солнцу был открыт...

Великий Старик объявил о своих намерениях информационным агентствам и начал переговоры с «Ракетной компанией Болдуина». Переговоры завершились тем, что Болдуин согласился построить корабль, названный «Прометеем». А потом был обнародован и весь знаменитый план Малкома Маккея.

Нормальным людям план показался бредом сумасшедшего. Лишь откровенный фанатик, каким был доктор Маккей и каким стал Джон Бернс, мог вообразить себе нечто подобное.

«Прометею» предстояло стартовать с Луны и отправиться к Солнцу. Преодолев расстояние почти в сто миллионов миль, «Прометей» должен был оказаться на расстоянии в три миллиона миль от раскаленного шара диаметром в миллион миль и выйти на круговую орбиту. Подобное трудно было себе представить.

Хаустон, облетевший вокруг Солнца, на самом деле просто обогнул его по кометной орбите и позволил силам инерции вновь унести себя прочь. Это было несложно. Однако, чтобы покинуть эллиптическую орбиту, по которой движется тело, падающее с Земли в направлении Солнца, потребовалось бы все топливо, которое мог поднять с Луны «Прометей».

Да, «Прометей» мог выйти на орбиту вокруг Солнца. Это сложностей не представляло. Но он вряд ли смог бы вернуться назад, вырвавшись из объятий светила, — во всяком случае с помощью тех видов энергии, которые были известны. Шанс на спасение могла дать только атомная энергия. При условии, что ее удастся обуздить! В общем, ради подобной возможности Малком Маккей собирался рискнуть своей жизнью. Атомная энергия — или вечный плen и неизбежная смерть в космосе.

Третьего не дано!.. И Бернс, ставший таким же фанатиком атомной энергии, как и Маккей, тоже был готов к такому исходу. «Прометей» создавался медленно. В течение недель и месяцев, пока он строился, Маккей и Бернс готовили необходимое оборудование, приборы, материалы. В первую очередь они запаслись всеми химическими элементами, пропорционально доступности каждого. Даже радием, хотя радиий никогда не смог бы стать источником атомной энергии, поскольку полученная с его помощью энергия получилась бы слишком дорогой для промышленного использования. Однако радий мог оказаться крайне необходимым детонатором для двигателей.

Так что они взяли и радиий, и смертоносный галоген фтор, и многое-многое другое — Великий Старик вложил в дело своей жизни собственное состояние, и вложил бы все то, что мог бы взять взаймы, найдясь у проекта кредиторы. Однако сумасшедших не нашлось...

Затем материалы начали загружать на корабль, постройка которого близилась к завершению. Внешний корпус «Прометея» сделали из вольфрамовой стали, а пространство между ним и внутренним корпусом заполнили водородом под давлением, поскольку водород оказался лучшим проводником тепла. В пространстве между корпусами находились тысячи термоэлектрических элементов и вентиляторов, создававших циркуляцию газа.

«Прометей» получился красивым кораблем. С одного борта он блестел, словно идеально отполированное зеркало телескопа, а с другого был черным, как космос. Здесь же располагались огромные излучатели — энергия, генерировавшаяся при поглощении тепла термоэлементами, должна была отводиться наружу с помощью вольфрамовых стержней толщиной с человеческую руку. Наконец корабль стартовал. Оторвавшись от родной планеты, он достиг Луны, первого пункта своего путешествия, где его баки под завязку заполнили топливом. Затем, в августе 2050 года, он отправился к Солнцу. Добраться туда не составляло особого труда, стоило только покинуть гравитационные поля Луны и Земли. День за днем скорость корабля нарастала. Солнце становилось все крупнее и горячее. Настал черед вспомогательных двигателей, и «Прометей» развернулся к Солнцу зеркальной стороной, отражая потоки тепла. Полет-

падение продолжалось. Позади осталась Венера, затем орбита Меркурия. Тут они поняли, что такое настояще тепло. И настояще излучение. Солнце приобрело угрожающие гигантские размеры, словно титаническая печь, языки пламени из которой вытягивались на четверть миллиона миль. Начали действовать термоэлементы, и температура несколько понизилась. Затем снова включились маршевые двигатели, начав торможение, медленно и постепенно выводя корабль на орбиту вокруг гигантской печи.

Час за часом двигатели гудели, ревели и грохотали. Становилось все жарче, хотя термоэлементы трудились вовсю. Радиосвязь с Землей прекратилась на второй день с начала торможения — потоки солнечной радиации полностью блокировали ее. Маккей и Бернс знали, что еще способны вести передачи, но больше ничего не могли принимать. Сигналы «Прометея» должны были получать станции на Луне, где все-проникающая статика Солнца была уже бессильна, чтобы заглушить их...

— Нам нужно побыстрее выходить на орбиту, Джон! — Маккей лежал на своей койке, усталый и ослабевший. — Я старый человек и боюсь, что долго не выдержу.

— Тогда нам придется тормозить резче, — озабоченно ответил Бернс. — А в этом случае, возможно, не удастся выйти на расчетную идеальную круговую орбиту.

Великий Старик грустно улыбнулся:

— Если мы не поспешили, Джон, никакая орбита уже не будет иметь для меня значения.

Маршевые двигатели взревели громче, перегрузка слегка увеличилась, но торможение стало более энергичным. Однако прошло еще целых три дня, прежде чем они смогли выйти на эксцентрическую орбиту и вспомогательными двигателями погасить вибрацию корабля, который вздумал было повернуться к Солнцу черной стороной. Доктор Маккей почувствовал немалое облегчение...

Однако минуло еще три недели, прежде чем они закончили корректировку орбиты. Пришлось трудиться день за днем, определяя эфемериды и время от времени давая кораблю легкий импульс. Наконец «Прометей» вышел на круговую орбиту радиусом в три целых и семьдесят три сотых миллиона миль.

Маккей и Берне взялись за исследовательские работы. Им приходилось несладко. Обращенный к Солнцу борт корабля был постоянно раскален докрасна. А внутри «Прометей» казался горячей печью — термоэлементы оказались не способны справиться с теплом.

— Ах, Джон, — пожаловался через неделю Великий Старик. — Все-таки в некоторых отношениях на Земле было лучше. Там можно было получить хотя бы сигналы точного времени. А здесь даже пространство искажено.

Могучая масса и энергия Солнца деформировали пространство таким образом, что спектральные линии стали иными. Иными стали и приборы корабля — титанические электромагнитные поля искажали их показания. Однако работа продолжалась, ведь даже в таких условиях могучий ум Маккея был способен обнаружить определенные закономерности. К счастью, термоэлементы не только отводили тепло, но и производили энергию, позволявшую поддерживать жизнедеятельность корабля, восстанавливать кислородные запасы и накапливать водород в одном из пустых топливных баков.

Маккей и Бернс продолжали вести наблюдения и расчеты. Через шесть месяцев им стало казаться, что в их жизни никогда не было ничего иного, кроме нестерпимо ослепительного света, стоило задействовать оптические приборы, да смертоносного излучения, стоило выйти за пределы защищенных стен лаборатории и жилых помещений без скафандря. Увы, большая часть корабля была столь же проницаема для жесткого солнечного излучения, как и космическое пространство.

Однако постепенно они притерпелись, привыкли к необходимости посыпать ежедневные отчеты с отрицательным результатом и к невозможности услышать ответный сигнал с Земли.

А потом обнаружился и третий вариант развития событий. Скорость их постепенно падала. Фактически они двигались по спирали, приближаясь к Солнцу. Примерно через семьдесят пять лет им предстояло оказаться в пределах досягаемости его протуберанцев. Это грозило гибелью кораблю, однако для людей третий вариант оставался чисто теоретическим — задолго до этого должна была опуститься одна из чаш на весах судьбы: или атомная энергия, или неизбежная смерть.

Близость Солнца давала себя знать и в другом. Серые глаза Маккея сделались бледно-голубыми и налились кровью; его кожа сначала стала темно-коричневой от проникавшего ультрафиолета, затем покрылась синими пятнами. Кожа Бернса тоже изменилась, но глаза его выдерживали лучше, поскольку он был моложе. Тем не менее Маккей даже не сомневался в том, что достигнет своей цели. Он смотрел в горячее сердце Солнечной системы, изучал форму протуберанцев и наблюдал за титаническими отливами и приливами раскаленной добела плазмы.

Ушел в историю год 2050-й, а за ним быстро последовали годы 2051-й и 2052-й.

Исследователи ничего не знали о событиях, происходящих на Земле и на планетах, для них существовал только «Прометея» да чудовищное солнечное пламя. Наконец, в феврале 2053 года, они оказались на пороге великого открытия.

— Джон, — сказал однажды Маккей тихим голосом, — я думаю, разгадка тайны близка. Думаю, мы можем добиться своей цели, Джон!

Бернс вглядился в четкие спектральные линии на графике, лежавшем перед Маккеем, перелистал страницы дневника, полные расчетов, измерений и данных.

— Не вижу ничего особо нового, доктор. Не очередной ли это ложный след?

— Надеюсь, нет, Джон. Видите эту тонкую линию? Узнаете ее?

— Нет, — медленно ответил Бернс. — Нет, не думаю. Она находится слишком высоко для линии сорок семь восемьдесят один. Не знаю, что здесь может быть...

— Здесь ничего не может быть, — тихо сказал Маккей. — Абсолютно ничего. Это запрещенная линия. Для натрия эта линия невозможна, Джон. Это трансформация, которая просто не может иметь места. Но она произошла, и я намерен выяснить, каким образом. Если я смогу повторить подобное...

— Но это мало что даст, доктор. Даже если вы сможете воспроизвести это изменение, создать эту линию, вы будете столь же далеки от разгадки, как и от Сириуса. Или, если уж на то пошло, хотя бы от Земли.

— Однако я смогу узнать нечто новое, Джон. Вы забываете... Ведь когда я буду знать об атоме все, я буду знать и то, что

нам требуется. Если я буду знать обо всех существующих изменениях и об их причинах, я смогу воссоздать их сам. Ах, если б только можно было заглянуть в сердце Солнца всего лишь на несколько миль глубже!..

— Это невозможно, доктор! — Бернс вздохнул. — Свет, этот ужасный свет! Даже на солнечные пятна больно смотреть...

Маккей упрямко качнул головой:

— Зато возможно провести расчеты и сделать больше фотографий большего числа таких линий. И возможно проверить, каковы были показания приборов, когда мы получили эту.

Показаний оказалось более чем достаточно. Маккей и Бернс воспроизвели обнаруженную линию, а затем получили еще несколько невозможных линий. Это был ключ к разгадке. Все оказалось не столь сложно. Они взялись за проектирование соответствующей установки и закончили работу в сентябре, три года и один месяц спустя после того, как отправились в полет.

Четыре месяца они собирали установку и провели испытания зимой, в январе. (Хотя какая, к черту, зима там, рядом с Солнцем!) ухудшалось. Впрочем, это уже не могло волновать Великого Старика: его работа подошла к концу. Как потому, что он был не в состоянии продолжать ее, так и потому, что продолжение не требовалось — 14 января 2054 года энергия атома стала подвластна человеку! Великая Тайна, которой Маккей отдал более полувека, перестала существовать. Однако глаза старика уже не смогли увидеть результат столь долгих трудов...

— Включаю, Джон!

Раздался щелчок. Маккей услышал отчетливое гудение. А потом донесся рев — новая машина восторженно приветствовала свое рождение и своего родителя. Тонкие губы старика раздвинулись в довольной улыбке, а негнувшиеся пальцы любовно погладили теплый металл и гладкое стекло.

— Она работает, не так ли, Джон?

— Она работает, доктор. — В голосе Бернса прозвучало ликование.

— Да, Джон, мы сделали это! — На лицо старика вдруг набежала тень. — У нас не было известий с Земли в течение трех лет. Как вы полагаете, Джон, не мог ли кто-нибудь другой открыть то же самое?

Бернс улыбнулся, но Маккей не мог видеть его улыбки.

— Наверное, я кажусь вам слишком эгоистичным, — продолжал он, — однако все-таки надеюсь, что мы первые. Я хочу преподнести открытие в дар миру... Джон, вы можете сами управлять машиной?

— Да, доктор, могу. Вы разработали все необходимые инструкции, и им легко следовать. Мы будем использовать поток высоковольтных ионов, выбрасываемых со скоростью тысяч миль в секунду. А поскольку мы сможем сжигать железо, как вы и предполагали, нам незачем беспокоиться об источнике энергии.

— Да, Джон. Нам больше незачем беспокоиться об источнике энергии. — Старик вздохнул и удовлетворенно усмехнулся. — Я всегда хотел дожить до этого дня. Я всегда мечтал увидеть, как атомная энергия правит миром. Однако теперь мне это уже не нужно. Я ничего не вижу, но дело не в моем зрении. Просто мне осталось жить так мало, что ни к чему беспокоиться о подобных мелочах. — Старик расправил плечи. — Так или иначе, моя работа завершена. Нам незачем беспокоиться об энергии, Джон. И всему миру тоже. Людям никогда больше не придется думать об энергии. Им никогда больше не придется рыть землю, добывая топливо. Или усложнять себе жизнь, чтобы сэкономить ресурсы. Атом даст энергию для всей мировой промышленности! Все машины на заводах Земли будут приводиться в движение атомом. С помощью атомной энергии можно будет превратить в сады арктические зоны, заселить север Канады. Не будет больше окутанных дымом городов. Атом снимет с плеч человека бремя труда. Больше не потребуется тратить шесть часов в день, чтобы заработать на хлеб. Час в день — и неограниченные, бесконечные запасы энергии. И, возможно, когда-нибудь дело закончится открытием тайны превращения вещества, хотя я уже не увижу этого... Я имею в виду, что не увижу даже мысленно, — улыбнувшись, добавил он. — Солнце открыло мне свои тайны и лишило меня возможности бросать на него нечестивые взгляды. Но одно другого стоит. Мир обретет энергию — и дело моей жизни завершено. Не пора ли нам браться за двигатель?..

С двигателем дело пошло гораздо быстрее. Глаза доктора остепли, но разум его оставался столь же острым, как и прежде.

Более того, мысленно Маккей видел каждую деталь даже отчетливее, чем когда-либо позволяло ему зрение. Подумав об этом, он удовлетворенно усмехнулся:

— Джон, я мало что потерял, но значительно больше приобрел. Я вижу двигатель лучше вас. Он будет из металла, но я вижу его до самых глубин. Могу даже разглядеть струящийся из него поток ионов. Мой разум обладает лучшим зрением, чем когда-либо обладало мое тело. Действуйте, Джон. Нам нужно спешить.

Бернс углубился в работу. Загудел токарный станок, приводимый в движение атомной энергией, вспыхнула электрическая печь. Мысленный взгляд, которым гордился Маккей, и в самом деле был более острым, чем его старые глаза. И тем не менее учений был слеп. Он не мог видеть даже раскаленных добела вольфрамовых стержней на «ночной» стороне корабля, выбрасывающих в космос тысячи и тысячи киловатт энергии, вырабатываемой термоэлементами. Секции двигателя постепенно росли, скреплялись друг с другом. Вскоре были изготовлены сопла. Мощные трубопроводы ионизированного газа вели к ним от приземистого корпуса атомного реактора. Дни следовали за днями, и Бернс продолжал резать, подгонять и сваривать металл. Наконец работа была завершена, и корабль содрогнулся от мягкого толчка, когда Бернс произвел пробный импульс.

Разгоняться пришлось медленно, поскольку за три долгих года люди успели привыкнуть к невесомости. Однако постепенно «Прометей», несущий похищенный у Солнца огонь, начал набирать ускорение, по спирали удаляясь от звезды. И радиоволны вновь понесли его сигналы к родной планете. Исследователи не могли слышать сообщения, которые посыпали им в ответ Земля и Луна, но догадывались об их содержании. Ионные сопла тихо шуршали, словно змея в сухих листьях, и корабль продолжал размеренно ускоряться. Двигатели работали день и ночь, их мощность постепенно росла. Добиваться максимальной эффективности теперь не было необходимости. Не требовалось заботиться и о перерасходе энергии — ее было в избытке. Так что постепенно тяжесть на борту корабля дросла до земной. Единственная проблема заключалась в том, что при работающих ионных двигателях Маккей с Берном не

могли принимать ответные радиосигналы, даже когда пересекли орбиту Меркурия, а затем Венеры. Однако выключать двигатели они не хотели, поскольку нужно было вновь привыкнуть к земному весу. Поэтому они продолжали разгоняться и пронеслись мимо Венеры с такой скоростью, что даже не заметили корабли, взлетевшие с планеты, чтобы приветствовать доктора Маккея и сообщить ему великую новость. Затем «Прометей» был развернут на сто восемьдесят градусов, и началось торможение. Когда корабль приблизился к родной планете, исследователи окончательно приспособились к земной силе тяжести.

— Не будем садиться на Луне, Джон, — улыбнулся Малком Маккей. — Проблем с горючим больше нет, так что этот маневр теряет всякий смысл. Полетим прямо к Земле. Лучшим местом для посадки я считаю пустыню Мохаве. Сообщите им, чтобы они держались подальше — ионный поток может быть опасен.

Джон Бернс тут же послал сообщение. Вскоре под ними простиралась громада Земли. Корабль пересек терминатор и понесся над Северной Америкой, направляясь в сторону пустыни Мохаве.

В глазах старого ученого стояла тьма, и лишь уши связывали его сейчас с окружающим миром. Поэтому он первым услышал сквозь шорох двигателей странный вой за бортом. А потом корабль содрогнулся.

— Это атмосфера, Джон! — воскликнул Великий Стариk. — «Прометей» в земной атмосфере! На какой мы высоте?

— Всего лишь пятьдесят миль, доктор. Мы почти дома.

— Дома... Как бы я хотел вновь обрести зрение, хотя бы на секунду, чтобы снова увидеть дом! — Старый ученый стиснул руки. — Джон, Джон, я никогда больше не увижу Землю. Никогда... но это не имеет значения. Я буду ее слышать. Я буду осязать ее. Я буду ощущать ее запах, чистый, сладкий и влажный. Вокруг будет настоящий земной воздух, Джон, густой и пряный от зелени. Сейчас осень. Я хочу вновь ощутить запах горящих листьев, Джон. И почувствовать снег, и различить его легкое прикосновение к оконным стеклам, и услышать скрип человеческих шагов на снегу. Я рад, что сейчас осень. У весны свои запахи, но они не столь интересны, когда ты не можешь увидеть траву, зеленую и яркую, словно детский рисунок. Цвета... — Маккей улыбнулся. —

Конечно, мне будет их не хватать. Я никогда больше не увижу листьев, Джон. Но я буду ощущать их запах и слышать их шелест. А еще я услышу гудение и шум тысяч и тысяч атомных генераторов, благодаря которым человечество станет владеть миром. Где мы?

— На высоте три тысячи футов. Они освободили для нас Мохаве в радиусе пятидесяти миль. — Бернс поперхнулся.

— Доктор, там сотни тысяч индивидуальных аэрокаров нового образца. Видимо, они разработали способ беспроводной передачи энергии. Видимо, все машины приводятся в движение с помощью электричества.

— Передача энергии? — Великий Старик рассмеялся. — Это хорошо. Тогда наша с вами атомная энергия сможет войти в каждый дом. Атомный реактор будет слишком дорог для домашнего использования.

— В воздухе оживленное движение, — сообщил Бернс. — Над нами сейчас пролетает несколько больших кораблей. Вы слышите шум их двигателей?

— Да! — Маккей склонил голову набок. — Люди, Джон, снова люди. Я хочу услышать сразу тысячи голосов.

Бернс беззаботно рассмеялся:

— Судя по всему, вы их услышите. Там сейчас, наверное, миллион человек!

— Корабль замедляется? — спросил Маккей.

Бернс несколько секунд молчал. Затем внезапно сухой шорох двигателей на мгновение резко усилился, послышался мягкий удар, скрип песка — и ионные сопла смолкли.

— Корабль сел, доктор. Мы дома.

Сквозь толстые стены донесся неясный шум тысяч голосов. Наверное, половина мира вышла приветствовать его — человека, который изменил всю Землю и всю Венеру. Люк открылся, и Маккей услышал гудение и грохот тысяч и десятков тысяч двигателей, рев миллиона голосов:

— Маккей приземлился!.. Великий Старик вернулся!

— Слава Малкуму Маккею!

Эта всепроникающая какофония, казалось, обладала божественной силой.

— Они приветствуют вас, доктор Маккей! Они приветствуют вас!

— Я слышу, — сказал Маккей, и радость в его голосе сменилась грустью. — Я слышу, но я очень устал и сначала хотел бы немного отдохнуть. Я старше вас, Джон. Вы сделали не меньше меня. Думаю, вы лучше ответите на их вопросы.

Внезапно рядом послышались возбужденные, перебивающие друг друга человеческие голоса.

— Где Малком Маккей?

— Он устал, — сказал Бернс. — Ему немало пришлось пережить. И... От солнечного излучения он потерял зрение. Лучше отправить его туда, где он мог бы отдохнуть.

— Хорошо, но не хотел бы он что-нибудь сказать? Всего несколько слов?

Малком Маккей покачал головой. Человек снаружи снова заговорил:

— Хорошо. Мы отвезем его туда, куда ему хочется.

Малком задумчиво улыбнулся:

— Куда угодно, лишь бы я мог ощутить запах деревьев. Лучше всего куда-нибудь в горы, где воздух свежий и прянный от запаха сосен. Через несколько дней я буду чувствовать себя лучше...

Его отвезли в уединенный лагерь в горах, в «хижину» из десяти комнат, где он был полностью отрезан от мира и где его сразу окружили врачи. Почти весь день он проспал, и назавтра Бернс дважды приходил навестить его, но его не пустили. А через день Бернс не пришел. К вечеру он все же появился. Он медленно вошел в комнату Маккея, и, услышав его мягкие шаги, старик насторожился:

— Джон, это вы... Вы чем-то обеспокоены?

— Нет. Просто я не был уверен, что вы проснулись.

Маккей на мгновение задумался, затем улыбнулся:

— Дело явно в другом, но пока оставим это... Они по-прежнему хотят, чтобы я выступил?

— Да. На специальном заседании Американской Ассоциации Научного Прогресса. И... насчет термоэлектрических элементов. Вы сделали намного больше, чем сами думаете, доктор. Вы уже изменили мир. Помните машины, которые, как я полагал, питает передаваемая на расстояние энергия? Я ошибался. Мы недооценили возможности того, что казалось нам менее важным. Я имею в виду термоэлектрические элементы. Эти

машины приводятся в действие с их помощью, они получают энергию из тепла, содержащегося в воздухе. Вся индустрия теперь основана на этом. Энергия практически ничего не стоит.

Маккей судорожно вздохнул, но промолчал.

— Элементы дешевы, — продолжал Бернс. — Они имеют малые размеры, крайне просты — стержень из термоэлектрита да проволочная катушка. Они не требуют ни контроля, ни обслуживания. Каждый дом, каждый склад, каждый человек имеет свой собственный термоэлектрический элемент. Все машины, все приборы и аппараты питаются их энергией. За эти три года даже карта мира изменилась. Пустыни охлаждаются с помощью гигантских термоэлектрических установок. Тропики стали всемирным садом, благодаря вашим термоэлектрическим элементам там теперь мягкий, не слишком жаркий климат. А получаемая энергия, в свою очередь, обогревает Антарктику!

Лицо старого ученого закаменело.

— И ракетное топливо теперь ничего не стоит! — едва ли не выкрикнул Бернс. — Вообще ничего. Тропические страны считают электролитическое разложение воды наиболее практичным использованием излишков тепла. Таким образом получают водород, который применяется в качестве ракетного топлива. Более того, доктор Маккей, вы изменили и Венеру. На Венере уже существуют две большие колонии, с помощью термоэлектрических установок там создаются комфортные условия. Устройство стоимостью в десять долларов может охлаждать и снабжать энергией средних размеров дом неограниченно долго и без каких-либо затрат. Так что, доктор Маккей, вы изменили весь мир!

Лицо доктора Маккея по-прежнему ничего не выражало. Однако в мозгу его зрел главный вопрос — серьезный и болезненный.

— Но... но, Джон... — Губы его дрогнули. — А как же атомная энергия?

— Одна из крупнейших космических компаний хочет заключить на нее контракт, доктор. Атомная энергия необходима для межпланетных кораблей.

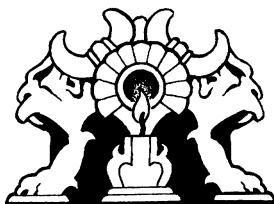
— Одна! — воскликнул Великий Старик. — Всего одна?.. А что же остальные?

— Есть только одна межпланетная компания, — мягко ответил Бернс. — Полеты на Луну более межпланетными не считаются...

Его мягкость погасила вспышку гнева, которая уже казалась неизбежной.

— Понятно, — только и сказал старый ученый. — Понятно, Джон... Они же используют водород, производимый в тропиках. Бесплатная энергия — кому потребуется что-либо иное! — Маккей сгорбился. Дребезжащий голос его превратился в едва слышный шепот: — Значит, мир не нуждается в моем открытии, не так ли?

Джон Бернс молча развел руками. И тогда Малком Маккей сгорбился еще сильнее.



РАЗВИЛКА

Джон Грантленд пристально и с грустью смотрел на посетителя. Дуайт Эдвардс был сыном старого друга, и потому разговор Джону предстоял нелегкий. Грантленд тяжело вздохнул и, откинувшись на спинку кресла, задумчиво раскурил трубку. Проследил, как к потолку поднялось облачко дыма.

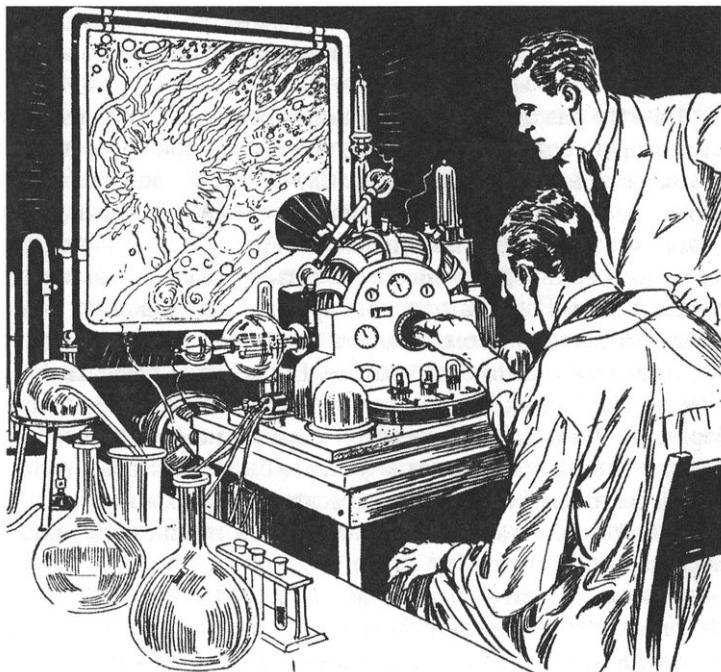
— Я патентный поверенный, Дуайт, — сказал он наконец, — и, разумеется, готов оказать вам услуги по оформлению заявки и охране патента. Кроме того, я эксперт по гражданскому и торговому праву, что также имеет определенное отношение к вашей работе. Я могу заняться вашим предложением. В нем есть новизна, и оно может быть запатентовано. Однако прежде я хочу дать вам один совет.

В глазах молодого человека блеснуло любопытство, и Грантленд воодушевился.

— У вас впереди целая жизнь, — продолжал он, — и ваши научные способности еще принесут пользу миру. А это изобретение пользы миру не принесет. Будь вы бедным человеком, я бы без колебаний оформил заявку на патент, поскольку нашлись бы умные люди, у которых много денег и которые могли бы купить патент для того, чтобы уничтожить изобретение. Но вы не бедны, и я бы посоветовал вам отказаться от вашего желания.

— Подождите, мистер Грантленд! — воскликнул Дуайт Эдвардс. — В моем предложении нуждается весь мир! Ведь запасы каменного угля, нефти и газа не бесконечны. Нам нужен новый источник энергии. Мое предложение помогло бы сохранить истощающиеся природные ресурсы. Оно обеспечит энергией автомобили, самолеты, даже небольшие фабрики...

— Сначала оно уничтожит финансовую структуру нации, Дуайт. Ресурсы становятся ресурсами, когда обретают доступность, а доступными их делает наличие определенной



экономической системы. Для счастья человечества эта система ценнее и важнее любых ресурсов. Я понимаю ваше желание разработать и дать миру свою систему, обеспечивающую всех бесплатной электроэнергией. Это великое изобретение. Но...

— Но, по вашему мнению, любое по-настоящему великое, любое важное изобретение должно быть уничтожено, — с горечью сказал молодой человек. — По вашему мнению, перевороты в технике излишни. Достаточно небольших улучшений. Никому не нужны фарадеи, открывающие основные законы науки, — достаточно сэмов браунов, изобретающих новые консервные ножи и более надежные мышеловки.

Грантленд положил трубку и молча откинулся на спинку кресла. Молодой человек начал с мрачным видом собирать свои бумаги. И тогда Грантленд решился:

— Дуайт, я хочу рассказать вам об одном изобретении, которое хранится в моей картотеке. Эти бумаги видел до вас лишь один человек. Волей судьбы это был ваш отец.

— Мой отец? — Эдвардс поднял голову. — Но он не был изобретателем, он был психиатр, и его совершенно не интересовало...

— На этот раз он был крайне заинтересован. Он видел камеру, которую создали Хью Керри и Роберт Дарнелл, и помог мне втайне от всех уничтожить ее. Случилось это двадцать два года назад, и тогда, в тридцать шесть, сделанное этими двумя парнями показалось мне чудом. — Грантленд вытащил из ящика стола ершик и принялся чистить трубку. — Я намерен рассказать вам о весьма опасном прецеденте, поскольку считаю вас умным человеком. Знакомя вас с этой историей, я рискую, и потому у меня есть условие. Вы должны обещать мне две вещи. Во-первых, вы не станете продолжать работу Керри и Дарнелла. Я мало понимаю в этой области, но даже мне ясно, что ваших способностей вполне хватило бы. А во-вторых, естественно, вы никому не станете пересказывать услышанное.

Молодой человек отложил бумаги, и во взгляде его вновь мелькнуло любопытство.

— Согласен, мистер Грантленд.

Грантленд задумчиво набил трубку.

— Хью Керри и Боб Дарнелл оказались одним из тех чудесных случаев, когда двое людей полностью дополняют друг друга. В свои тридцать два Хью Керри был величайшим математиком, какого знал мир.

— Я слышал о нем, — воскликнул Эдвардс. — Я использовал его методы анализа. Он ведь умер в тридцать три?..

— Да, — сказал Грантленд. — Суть в том, что его методами пользовался и Боб Дарнелл. А Боб Дарнелл был вроде Эдисона, только в другой области. Эдисон мог воплотить теорию в металле и стекло. Дарнелл обладал такими же способностями, но он работал не со сталью, медью или стеклом. Он работал с атомами, электронами и радиацией. И основой его работы была математика. — Грантленд раскурил трубку и продолжал: — Невероятное стечние обстоятельств свело эту пару в одной точке пространства и времени, а затем разделило их. Вы никогда не слышали о Дарнелле, поскольку он создал всего лишь одну вещь, и она находится здесь, в этом стальном сейфе. В виде документов, разумеется... Кроме того, записи сделаны шифром, ключ к которому хранится только в моей памяти. К тому же все

уравнения искажены так, что расшифровать их смог бы только Керри, и нет никаких ссылок на источники.

Грантленд замолк и некоторое время попыхивал своей трубкой, глядя мимо молодого человека. Тот негромко кашлянула, и патентный поверенный вернулся в настоящее.

— Эти двое пришли ко мне в контору, поскольку жили неподалеку и знали меня еще со школьных времен. В ту пору у меня, конечно, еще не было нынешней репутации, но репутация их и не интересовала. Они принесли с собой прибор, который называли камерой ВВВ — Вероятностных Волн Времени. Честно говоря, изначально они пытались сделать устройство, позволяющее видеть сквозь стены, но пошли по неверному пути: попытались использовать четырехмерный метод и проникли в измерение более высокого порядка. Судя по их утверждениям, старик Эйнштейн просто фантазер. Не знаю, я не специалист... — Грантленд встал и прошел по кабинету. — Вы тут что-то говорили насчет фараадеев и сэмов браунов, Дуайт... Так вот устройство, которому я не дал хода, оказалось настолько чудовищным, что все прошлые и все будущие изобретения — пустяк по сравнению с ним. Оно превосходило все прочее подобно тому, как Солнце превосходит Землю. Его можно назвать величайшим изобретением всех времен и народов, поскольку оно включало в себя все открытия, которые когда-либо будут сделаны.

— Подождите, мистер Грантленд! — вскричал Эдвардс. — Что же способно быть столь великим изобретением? Энергия атома?..

— В числе прочих оно включало в себя и ее. А также тайны гравитации, межзвездных перелетов, победы над старостью и вечной жизни. Оно включало в себя все, что вы можете вообразить себе, Дуайт, и все, о чем когда-либо мечтало человечество.

Эдвардс недоверчиво ухмыльнулся, но Грантленд не обратил на его ухмылку ни малейшего внимания.

— Когда мы встретились, они это уже понимали. Они мне все объяснили, а поскольку я не поверил — показали... Вы не в состоянии представить себе, о чем идет речь? Ничего удивительного!.. Они выложили мне то, что я говорю вам, и поначалу я тоже счел их типами, которые, подобно упомянутому вами Сэму Брауну, скрывают за безудержным хвастовством нечто

вроде новой мышеловки. — Грантленд вздохнул. — Только впоследствии я понял, насколько правдивым было каждое их заявление. Они полагали, что их камера каким-то образом проникла в некое измерение более высокого порядка, оказалась за пределами пространства и времени и начала демонстрировать величественную картину мировой истории — того, что уже произошло, и того, что еще произойдет.

Эдвардс снова недоверчиво ухмыльнулся:

— Возможно ли это?

— Возможно, возможно!.. Видите ли, радиус действия их прибора был абсолютно не ограничен во времени. ВВВ-камера показывала все, что случилось в прошлом, от сотворения мира до наших дней... Впрочем, это были цветочки. Ягодки начались, когда камера заглянула в будущее... Дело в том, что, начиная с сегодняшнего дня и вплоть до самого отдаленного грядущего, ни одно событие не может быть зафиксировано в стабильном виде. Прибор Керри и Дарнелла отображал каждую возможность. И где-то в этом широком вероятностном поле существовало любое возможное событие, включая самые фантастические мечты самых безумных фантазеров. Я видел на экране, как рождается и умирает Солнце. Я видел, как перемещаются старые и появляются новые планеты. Я видел, как зарождается жизнь в природе и как она синтезируется в лабораториях. Я наблюдал за возникновением человечества и восхищался мужчинами и женщинами, намного более совершенными, чем мечта Праксителя. Ибо где-то среди вероятностных миров становились явью любые мечты ученых, а вместе с ними и несуществующие мечты еще несуществующих разумов.

Патентный поверенный подошел к окну и некоторое время смотрел в небо, словно видел там некие сияющие вершины. Эдвардс терпеливо ждал. Наконец Грантленд отвернулся от окна, чмокнул погасшей трубкой и продолжил:

— Хью Керри и Боб Дарнелл пришли ко мне сразу, как только создали свой прибор. Это случилось в ноябре тысяча девятьсот пятидесяти. Через пять дней мир, узнав об этом, оказался бы у их ног, если бы не три закавыки. Во-первых, их прибор был несовершенным, а возможности его — ограниченными. И парни об этом знали. Во-вторых, они начали

прослеживать свои собственные судьбы и уже тогда забеспокоились. Я заметил это их беспокойство и наотрез отказался пронаблюдать мое собственное будущее. В-третьих, они быстро богатели, пользуясь информацией, которую давала им машина. — Грантленд улыбнулся. — Вы могли бы стать крезом, Дуайт, если бы знали с вероятностью восемьдесят пять процентов, что принесет послезавтрашний день. Дарнеллу и Керри это удалось. Сначала их возненавидели букмекеры и отказались принимать у них любые ставки. Потом на них стали косо посматривать и на бирже. — Улыбка сползла с лица поверенного. — Но затем они бросили эти игры и занялись выяснением своего будущего... Я уже сказал, что возможности машины были ограничены. В частности, у нее оказалась очень низкая избирательность. Трудно увидеть весь лес, когда стоишь среди деревьев. Парни же находились в лесу. Они не могли отчетливо видеть относительно близкое будущее, не могли различить отдельные фигуры, лишь сплошную массу, убегающую в бесконечность. На расстоянии года все начинало сливаться, и по мере того, как устанавливалась определенная тенденция, отдельные отклонения исчезали. Но на расстоянии в два дня или в две недели экран показывал расплывчатую картину, состоящую из накладывавшихся друг на друга изображений, каждое из которых жило своей жизнью. Только представьте себе... Камера, заглянув в будущее всего на десять минут, покажет меня в тысячах вариантов. Их два уже изначально: я могу быть жив или мертв. Но ведь я могу умереть через секунду или в любое более позднее мгновение. Я могу умереть от того, что обрушится дом или остановится сердце, от пули грабителя или от ножа рассерженного изобретателя. Подобные исходы маловероятны, и на экране BBB-камеры эти картины будут выглядеть туманными и призрачными. Более того, через десять минут может наступить конец света. Подобная картина тоже должна быть там, поскольку и такое возможно, но она будет едва различима... Если же я останусь в живых, открываются новые варианты: я могу сидеть здесь и мирно курить трубку; может зазвонить телефон; может начаться пожар. Вероятнее всего, я буду сидеть и курить, так что мы должны были бы увидеть четкое

изображение — Грантленд сидит и курит. Однако оно будет спрятано среди теней, от серых до почти невидимых, каждая из которых соответствует одной из иных возможностей. Это сбивало с толку и затрудняло работу. Поэтому, чтобы с гарантией получить полезную информацию, Хью и Боб решили каждый день класть на стол деловую газету. Чтобы получить сведения о состоянии рынка, им необходимо было быть абсолютно уверенными в том, что на следующий день газета окажется на столе, развернутая на нужной странице. Даже если наступит потоп, газета должна лежать именно там. Лишь тогда изображение станет абсолютно достоверным, призрачные тени на экране почти исчезнут, а парни смогут прочитать содержащуюся в газете информацию... Была и еще одна проблема. Я знаю ее причины, но предпочел бы о них не распространяться. Просто примите как факт, что сущность пространства-времени невозможно покорить. Можно с абсолютной точностью определить место или время конкретного события, но никогда — и то и другое вместе. — Грантленд снова раскурил трубку. — Итак, как я уже сказал, Хью и Боб попытались проследить собственные судьбы. Ближайшее будущее представляло собой мешанину картинок, но я был с ними, когда они заглянули сквозь время достаточно далеко, чтобы мешанина исчезла. Они решили уйти сразу на сто лет вперед, и Боб Дарнелл со смехом сказал: «У меня окажется длинная белая борода, а на ней, как на подтяжках, будут держаться штаны!» Они включили камеру и установили порог вероятности очень низким, поскольку шансы на то, что Боб Дарнелл будет жив в возрасте ста тридцати трех лет, были крайне малы. В камере имелось устройство, которое автоматически сканировало будущее, пока не находило ту картину, на которой Боб Дарнелл был все еще жив. Это требовало времени, поскольку за каждую секунду машина просматривала всего лишь пятьсот тысяч вариантов. Молодой человек усмехнулся:

— Скорость реакции фотоэлемента... Понятно!

— Дуайт, постарайтесь этого не понимать, — умоляющее сказал Грантленд. — Я не намерен давать вам излишнюю информацию, важно только то, что необходимо для понимания сути.

— Если вы скажете «дважды два», неужели в моих мыслях не возникнет тут же «четыре»? — возразил Эдвардс. — Пятьсот тысяч в секунду — это скорость реакции фотоэлемента. Почему я должен об этом забыть?

— Потому что это — одна из частей изобретения.

— Машина просматривает пятьсот тысяч вариантов в секунду, — сказал Дарнелл. — Придется немного подождать.

«Немного» вылилось в час, затем в два, и Дарнелл рассмеялся:

— Похоже, мне не суждена долгая счастливая жизнь. В этот момент машина щелкнула, и все трое уставились на экран. Потом Грантленд сказал:

— Вы неверно задали время. Этот Дарнелл выглядит более здоровым и сильным, чем ты, Боб.

Действительно, Дарнелл на экране был загорелым и стройным, черные как смоль волосы, руки мускулистые и крепкие. Он выглядел на тридцать, а не на сто тридцать. Однако глаза его были глазами старика и, казалось, проницательно смотрели прямо на незваных зрителей. Он улыбнулся, и между его губами появились ровные, белые зубы. Дарнелл тихо присвистнул.

— Они победили старость — прошептал он. — Открыли секрет долголетия...

— Видимо, да, — сказал Керри. — Вероятно, они нашли его где-то в будущем, с помощью этой машины... Ты будешь молодым стариком, Боб.

— Однако шансов на подобный исход у меня мало, — возразил Дарнелл. — Интересно, как отыскать путь, который приведет к нему?

— Веди здоровый образ жизни, не пей ничего крепче воды! — Керри ухмыльнулся. — Это многое от чего зависит. Давай посмотрим, что у нас есть еще.

Дарнелл снова запустил машину, и она почти тут же остановилась. Появился очередной вариант будущего. На этот раз Дарнелл на экране выглядел ужасно.

— Да-а-а... — с отвращением сказал его реальный прототип. — Предыдущий путь мне понравился больше. Это лицо... Убери его, Хью!

Болезненное, со слезящимися глазами, невероятно морщинистое лицо исчезло; экран потемнел. Да так и остался темным.

Других возможностей существования Боба Дарнелла в данном возрасте не было.

— Неплохо, — сказал тот. — Не думал, что у меня вообще есть хоть какие-то шансы.

— Давай посмотрим, что будет через десять лет, — предложил Керри. — От этого больше пользы.

— Конечно, — согласился Дарнелл. — Поставим порог вероятности семьдесят процентов. Вряд ли я умру в ближайшие десять лет, так что этого должно быть достаточно.

Они снова запустили камеру и принялись ждать. Прошел час, затем другой. Дарнелл перестал смеяться — ему совсем не понравилось то, что у него крайне мало шансов прожить еще десятилетие. Прошло два с половиной часа. Дарнеллу стало и вовсе не по себе.

— Похоже, мы забрались далековато, — сказал он.

Еще через пять минут машина щелкнула. На экране появился Дарнелл. Он лежал на резиновом полу, одетый лишь в трусы, и бессмысленно улыбался санитару, который кормил его какой-то кашей. В широко открытых глазах Боба не было ни капли разума. Экспериментаторам потребовалось секунд десять, чтобы осознать, что они увидели.

— Слабоумие, *dementia praecox*. — Голос Дарнелла стал хриплым и сдавленным. — Проклятая машина ошиблась, поскольку со мной такого никогда не будет. Скорее я умру. Это самая отвратительная форма душевного расстройства, какую только можно себе представить. Запускай дальше, Хью!

Пустой экран мерцал полчаса. Эти полчаса прошли в абсолютной тишине, лишь гудела машина. Керри и Грантленд не могли придумать, что сказать Дарнеллу, а тот был слишком занят собственными мыслями. Наконец машина снова остановилась. Им не потребовалось много времени, чтобы понять, что изображено на экране. Хью снова запустил машину. За следующий час она обнаружила еще семь подобных вариантов. Затем нашла более или менее нормальный. Они увидели Боба Дарнелла, пережившего душевную болезнь. Он выглядел здоровым.

— Видимо, ты выздоровеешь, — с надеждой сказал Грантленд.

Дарнелл неприятно улыбнулся и покачал головой:

— Если так, то это не dementia praecox. Эта болезнь представляет собой постепенную деградацию интеллекта. Разум, уставший от переживаний и проблем, обращается к детским воспоминаниям, где не должно быть никаких переживаний. Однако он обнаруживает проблемы, которые есть у детей, и идет все дальше и дальше, в поисках того момента, когда никаких проблем еще не было. Обычно его останавливает пневмония, туберкулез или кровоизлияние в мозг. Это самая страшная форма душевного расстройства, поскольку она превращает сильного, здорового человека в беспомощного неразумного младенца. Это не идиотизм, поскольку идиот никогда не становится взрослым. А тут взрослый человек деградирует ниже любого возможного уровня. — Дарнелл задумчиво посмотрел на друзей. — Есть единственный вариант, где я пережил нервное расстройство и выздоровел. Что ж, он может быть началом того пути длиной в сто тридцать три года. Впрочем, продолжай, Хью!

Хью продолжил, и они нашли еще три нормальных пути. Потом они задали промежуток в пять лет, и появилось еще несколько вариантов. На промежутке в два года нашлось уже восемнадцать, из которых одиннадцать вели к безумию, а семь были обнадеживающими. Изобретатели обозначили эти возможности буквами греческого алфавита.

Вариант, который хотел найти Дарнелл, назывался «тая». Это был путь, уводивший его в будущее на сто тридцать три года и дальше, прямо туда, где он мог влиться в ряды шагающих в бесконечность. Варианты «альфа», «бета», «гамма» и далее по алфавиту вели к ужасному безумию. Пока получалось, что вероятность неблагоприятного развития событий была выше.

— Хью, полагаю, теперь твоя очередь, — сказал наконец Дарнелл. — Если, конечно, хочешь попробовать... Что касается меня, потом нужно будет все проверить более тщательно.

Керри кивнул:

— Я бы хотел попробовать. Но, может быть, Джон...

— Нет уж, благодарю покорно! — сказал Грантленд. — Я не хочу знать своего будущего!.. Боб, думаю, лучший способ попасть на путь «тая» — это немедленно уничтожить машину.

Боб уставился на него как на помешанного, затем криво улыбнулся:

— Не могу, Джон. Во-первых, я не имею на это права — она слишком много значит для человечества. А во-вторых, я должен выяснить, как мне себя вести. Чего бы мне ни стоило, я должен знать, каким образом можно дожить до увиденных нами благословенных времен!

— Боб, мне кажется, что, если эта машина будет существовать, тебе это попросту не удастся.

Боб улыбнулся и покачал головой.

— Не могу, Джон, — коротко сказал он.

Керри снова запустил машину, на этот раз для поиска вариантов собственного будущего. Был задан изначальный промежуток в сто лет, с несколько более высоким порогом, чем тот, что соответствовал тау-пути Боба. Камера довольно быстро нашла Хью, и он тоже выглядел вполне здоровым. Однако второго варианта не оказалось — у Керри был единственный шанс добраться до ста тридцати трех лет.

— У меня тоже есть вероятность прожить долгую жизнь, Боб, — сказал он, — но, боюсь, без твоей помощи мне это не удастся.

— Мне и самому неинтересно жить столько времени без друга, — ответил Дарнелл. — Этот вариант ничем не отличается от тех вариантов, что мы уже видели. Давай заглянем поближе.

Они попробовали заглянуть вперед на десять лет. В поисках Хью Керри машина гудела минуту за минутой, а тот все больше и больше бледнел, глядя на мерцающий экран, поскольку шансы остаться живым все уменьшались и уменьшались.

— Ладно, — сказал он наконец. — Сейчас восемь часов, и я голоден как волк. Вернемся после ужина.

Они вернулись в десять. Машина все еще гудела.

— Оставим ее на ночь, — предложил Дарнелл, и они разошлись по домам.

Наутро Грантленд явился в лабораторию к десяти и обнаружил Боба и Хью, которые молча сидели, дымя сигаретами. Машина все еще гудела, и экран был пуст.

— Похоже, мне не суждена долгая жизнь. — Керри попытался улыбнуться. — Я тут с семи. Она ничего не... Слава Богу!

Машина внезапно остановилась. На экране был Хью, с чуть поседевшими волосами, чуть более запавшими глазами, с несколькими морщинами на лице, но живой и в здравом уме.

— Долго же она искала, — сказал Дарнелл.

— Да, — тихо сказал Керри. — Судя по всему, у меня неизмеримо меньше шансов прожить десять лет, чем сто. Ну а что она скажет насчет пяти?

Новая проверка тоже заняла немало времени. В конце концов они выяснили, что у Керри есть три нормальных и один ведущий к безумию путь длиной в пять лет и одиннадцать вариантов длиной в два года, три из которых также заканчивались безумием. И вероятность всех этих путей была крайне мала.

Что нужно спешить, изобретатели поняли, когда вернулись к двухлетним путям Дарнелла — два его нормальных и пять безумных путей теперь пропали! Они исчезли вследствие событий, произошедших прошлым вечером. Каким-то образом то, что Боб решил взглянуть на судьбу Хью, сократило его собственные шансы оказаться на верном пути, но, слава Богу, таувариант все еще продолжал существовать.

— Похоже, это была развилка, — сказал Керри. — Думаю, надо постепенно уменьшать промежуток и отыскать последующие ключевые моменты.

У Грантленда хватало своих дел, и ему пришлось на время покинуть двух друзей. Он не видел их пять дней, поскольку ему пришлось уехать в Сент-Луис, а затем задержаться в Вашингтоне. Вернувшись, он сразу же отправился в лабораторию. Хотя стукнуло уже одиннадцать вечера, оба изобретателя были там.

— Есть кое-какие успехи, — сказал Керри. — Мы тщательно проследили наши пути, пока они не исчезли в тумане ближайшего будущего. Мы легко нашли цепочку, выводящую на долгий путь Боба, но, боюсь, с моим ничего не выйдет... — В голосе Хью прозвучала откровенная грусть.

— Что, твой длинный путь исчез вследствие произошедших событий? — спросил Грантленд.

— Хм... в некотором смысле. Я случайно обнаружил одну из развилок. Она отстоит от сегодняшнего дня не далее чем на месяц. Может быть, и меньше, но точно сказать нельзя. Мой длинный путь — это двадцать семь лет безнадежного паралича. Я четыре раза буду безуспешно просить об эвтаназии. Поскольку я знаю, куда ведет этот путь, он мне не слишком нравится. Но проблема на самом деле в том, что

та развилка, которую я случайно обнаружил, — это автомобильная авария.

Грантленд с трудом сдержал восклицание.

— Мы пытались сделать моментальные снимки ближайшего будущего, — продолжал Керри, — чтобы получить четкое изображение. Это возможно, если использовать размытое изображение для получения пространственных координат. Но при этом становится невозможно снять показания датчика времени, и мы лишь сумели определить, что развилка находится в пределах месяца, но завтра или через четыре недели, нам неизвестно.

— А что за авария?

— Возможно, я останусь в живых... Если за рулем будет Том Филипс. Если за рулем буду я, мне конец. Так что моя судьба в его руках, и я не могу заставить себя принять ее.

— Ты сказал об этом Тому?

— Еще нет, но жду его. Я послал ему письмо, которое он должен получить сегодня или завтра. Я...

Зазвонил телефон. Керри снял трубку. Это был Том Филипс. К счастью, он получил письмо до того, как собрался уехать в Бостон. Он хотел, чтобы Хью пришел и рассказал обо всем. Естественно, для этого ему надо было показать BBB-камеру, так что после пятнадцатиминутного препирательства Керри уговорил его приехать в лабораторию.

— Если бы я не боялся ехать назад с Томом, я бы пошел к нему. — Керри взъерошил шевелюру. — Когда ему что-то забывается в башку, он становится крайне упрямым. Надеюсь, я смогу...

Посыпался громкий возглас Дарнелла.

— Что такое, Боб? — спросил Керри.

— Боже мой! Твой длинный путь только что исчез! Значит, опять минула развилка!

Все трое уставились в экран. Путь действительно исчез.

— Боб, я боюсь, — задрожал прошептал Керри. — Мне чертовски страшно!.. А вдруг, когда я решил не ехать к Тому, это и была развилка.

Он побежал звонить Филипсу. Но опоздал. Том не заметил грузовика с гравием, выскочившего из боковой улицы и скрытого от него остановившимся трамваем.

— Я должен был поехать к нему, — сказал Керри, когда они вернулись из мorgа. — Но откуда мне было знать? Если бы мы могли определить точное время развилики...

Однако до самого дня своей смерти он так и не мог избавиться от ощущения, что Том Филипс погиб из-за него.

Неделю спустя изобретатели проследили свои будущие судьбы и отметили все ключевые точки; они знали каждый поступок, который должен был привести их к максимально долгой жизни. Им был известен каждый поворот, каждая развилика дороги, протянувшейся к счастью и успеху, — за исключением тех, что относились к ближайшему месяцу.

Стоя на вершине холма, они могли видеть путь, который вел через широкие поля к далекому городу жизни. Однако разглядеть окружавшие холм кустарники и перелески парни были бессильны.

— Думаю, мы разберемся и с этим, — сказал Керри Грантленду. — Постепенно дело движется. Мы нашли систему, которая должна сработать. Через неделю мы должны решить проблему. Лишь одно не перестает меня беспокоить — любой день может оказаться решающим, а я об этом не знаю. Боб все время работает, пытаясь найти мои развилики, поскольку у меня осталось слишком мало линий, ведущих дальше декабря. У него же достаточно хороших линий, которые ведут в будущий год и дальше. Поэтому мой путь представляется более важным... Черт, как не хочется умирать, когда впереди еще вся жизнь! — Керри стиснул кулаки. — Но варианты пытаются и ветвятся. Может оказаться, что основная развилика находится где-то в декабре, а может — и в завтра. Однако теперь мы начнем продвигаться быстрее. Помнишь наши манипуляции с газетой?

— Конечно!

Керри кивнул в сторону висящей на стене школьной доски:

— Мы решили постоянно записывать на этой доске отчет за прошедший день. Таким образом, корректируя работу, нам удастся быстрее усовершенствовать камеру и добиться четкого изображения ближайшего будущего. А тогда любые развилики перестанут быть тайной.

Решение казалось изобретателям верным и логичным. Раз они сумели стать свидетелями открытий, сделанных миллионы

лет спустя, так почему бы не узнать о своих собственных достижениях ближайших дней?

Однако когда они отыскали завтрашнее изображение доски, та оказалась покрытой сероватым туманом. Ведь на ней были записаны тысячи вариантов работы, выполненной завтра. И уже в первый день возникало две возможности: они расшифровали записи и воспользовались ими; или же им не удалось расшифровать информацию о сделанном на следующий день и пришлось выполнять работу без всяких подсказок.

Трижды они провели свой поиск. И каждый раз среди тумана было написано: «Выполнена работа, о которой прочли вчера». Это была единственная доступная информация. Они посчитали, что хитроумное решение поможет им избежать тупиков. Однако собственные усилия и завели их в тупик. На третий день Керри встретил Грантленда кривой улыбкой:

— Кажется, Джон, мы нашли одну из моих развилок...
— Что, получили четкую картину ближайшего будущего?
— Нет, — сказал Дарнелл. — Новое сообщение. Иди сюда, увидишь!

Грантленд подошел к доске. Обычно надпись о том, что работа выполнена, была сделана рукой Керри, отличавшегося аккуратным ровным почерком. Однако на этот раз поперек доски шли размашистые буквы, написанные Дарнеллом: «Сегодня погиб Хью Керри. Да смируется надо мной Бог!»

Грантленд судорожно склонился:
— Существуют ведь и другие варианты, Хью.
— Да, но это развилка. Боб пять минут назад поклялся, что, если со мной случится непоправимое, он опишет на доске все подробности. Однако все осталось по-прежнему, никаких других фраз не появилось. Это развилка, Джон, и да смируется Бог и надо мной, поскольку я представления не имею, что мне теперь делать. Я даже не знаю, оставаться ли мне в помещении или можно выйти на улицу.

Грантленд понимающе кивнул. Время давило на изобретателей все сильнее. Это была древняя китайская пытка водой, и каждый день оказывался падающей каплей. Они приковали себя к колесу времени, которое не могло остановиться и которое никто не мог остановить. Они могли увидеть, что произойдет в другой день и в другом веке — но не в силах были замедлить

движение времени. И солнце в этот день должно было зайти точно так же, как миллиарды раз до и миллиарды раз после. Никакая сила, никакая воля, никакое желание не могли остановить движение времени; следующий день не мог не наступить. И Керри не мог знать, каким образом решится его судьба.

Грантленд не хотел оставлять их. Однако ему пришлось уйти — дела не терпели отлагательства. Вернулся он в половине пятого. У дверей его встретил Боб Дарнелл.

— А где Хью? — спросил Грантленд.

— Поехал в «Техно-Продактс» за оборудованием, — спокойно сказал Дарнелл. — Он не позволил мне ехать вместе с ним. Скоро должен вернуться. Идем! Я слежу за его линией.

Они прошли в лабораторию. Машина знакомо гудела, а мерцающий зеленоватый свет делал помещение похожим на пещеру колдуна. Дарнелл взглянул на экран и побледнел.

— Его нет, Джон! — Грантленд бросился к камере.

— Здесь только что был Хью, каким он станет через год! — простонал Дарнелл.

Экран был девственно чист. Дарнелл словно сомнамбула обошел лабораторию. Взял в руку кусок мела. Потом вытер мокрой губкой доску и размашисто написал: «Сегодня погиб Хью Керри. Да смируется надо мной Бог!»

— Боб! — крикнул Грантленд. — Ведь ты поклялся Хью, что никогда этого не напишешь. Сотри надпись, подожди, пока мы не узнаем, что с ним случилось, и опиши все подробности. Сообщение может...

— Спасти его? — горько спросил Дарнелл. — Какое это теперь имеет значение? Он мертв. Если хочешь, мы можем выяснить подробности. Но это ему не поможет, поскольку он уже мертв. Иначе он был бы жив... Какой смысл менять надпись? Он уже пошел по неверному пути, Джон, и достиг его конца. Впрочем, я выясню...

Он позвонил в полицию и спросил, известно ли там, как погиб Хью Керри. Динамик в телефонной трубке всегда звучал достаточно громко, и Грантленд услышал ответ.

— Хью Керри? У нас нет сведений о ком-либо с таким именем. Почему вы решили, что он погиб?

— Сейчас он должен быть мертв, — сказал Дарнелл. — Узнайте, пожалуйста, у ваших людей. Я...

— Минутку! — оборвал его полицейский.

Некоторое время в трубке царила тишина, а потом вновь раздался голос:

— Нам только что сообщили... Парня по имени Хью Керри сбила машина на углу Четырнадцатой и Седьмой. За рулем была девушка. Он вышел из-за припаркованной машины прямо... Послушайте, кто это говорит?

— Спасибо, офицер! Говорит Роберт Дарнелл, Восемьдесят седьмая Восточная, дом сто сорок три. Я сейчас приеду...

Они сели в машину Грантленда и довольно быстро добрались к месту происшествия, но «скорая» уже забрала Хью Керри и сбившую его девушку. Позднее они узнали от нее, что именно произошло. Хью попросту шагнул прямо под колеса. Девушка попала в больницу в состоянии нервного потрясения. Она повторяла, что у погибшего было крайне странное выражение лица — словно его только что осенило. Боб Дарнелл попытался забрать свою машину, на которой Хью поехал в «Техно-Продактс», но полиция задержала его. Грантленд не специализировался по криминальным делам, и ему пришлось попросить о помощи своего школьного товарища Билла Пула.

Помощь пришлась как нельзя кстати. Выяснилось, что три недели назад Хью Керри оформил страховой полис на сто тысяч долларов, с двойным возмещением в случае внезапной смерти. Страховая компания боролась за свои двести тысяч, а полиция настаивала на обвинении в убийстве. Ведь Боб Дарнелл сказал по телефону: «Сейчас он должен быть мертв. Естественно, они никому не могли показать ВВВ-камеру. Однако в конце концов Боба отпустили, поскольку невероятно трудно доказать убийство, когда человек погиб под колесами автомобиля в одном конце города, а подозреваемый звонит в полицию с другого. Когда Боба Дарнелла отпустили, Грантленд поехал в лабораторию вместе с ним. Дарнелл запустил машину и обнаружил, что у него осталось только пять вариантов, так как вплетавшиеся в его судьбу линии Хью Керри теперь исчезли. Длинный путь был на месте, еще один обрывался через три года. Остальные три варианта заканчивались безумием.

Боб с новыми силами взялся за работу. Пока он сидел за решеткой, у Грантленда тоже накопились дела. Ему удалось снова заглянуть в лабораторию лишь через три недели.

Дверь была закрыта на цепочку, и Дарнелл снял ее только тогда, когда проверил, кто пришел.

— Эти страховые агенты продолжают донимать меня, — пояснил он. — Хотят знать, чем я тут занимаюсь. Однако им это не удастся.

В его глазах были беспокойство и страх.

— Джон, — продолжал он, — ты знаешь, что случилось?.. Я установил в машину блок, за которым тогда ездил Хью, и оказалось, что он работает неправильно. Да, он улучшает картины ближайшего будущего, но напрочь отсекает дальние пути. Машина теперь их вообще не показывает.

Голос его звучал раздраженно и обиженно.

— Не показывает? — переспросил Грантленд. — Дай посмотреть.

— Нет. Сейчас она их не покажет. Всего их пять. Я сам видел. Но эта штука работает неправильно. Она отсекает четыре и показывает лишь один, короткий. Что-то тут не так. Как-то раз мне удалось сообразить, что именно, но теперь я не помню. Однако «Техно» мне не нравится, и я ничего не буду у них покупать. Я потребую, чтобы они забрали свой блок обратно. — Дарнелл вдруг подбежал к двери, прислушался, потом вернулся обратно. — Поможешь мне отсоединить эту ерундвину, Джон? Ты ведь помнишь, как работает машина... С тех пор как вставил неисправный блок, никак не могу найти соединения. Я так беспокоюсь, Джон, а тут еще эта страховая компания, и ко всему прочему машина работает неверно.

Грантленд сразу все понял.

— Говоришь, неверно работает? — спросил он. — И остался только один путь? Что ж, Боб, все меняется.

— Нет, Джон! — решительно заявил Дарнелл. — Должно быть пять путей. Я знаю, поскольку сам их видел.

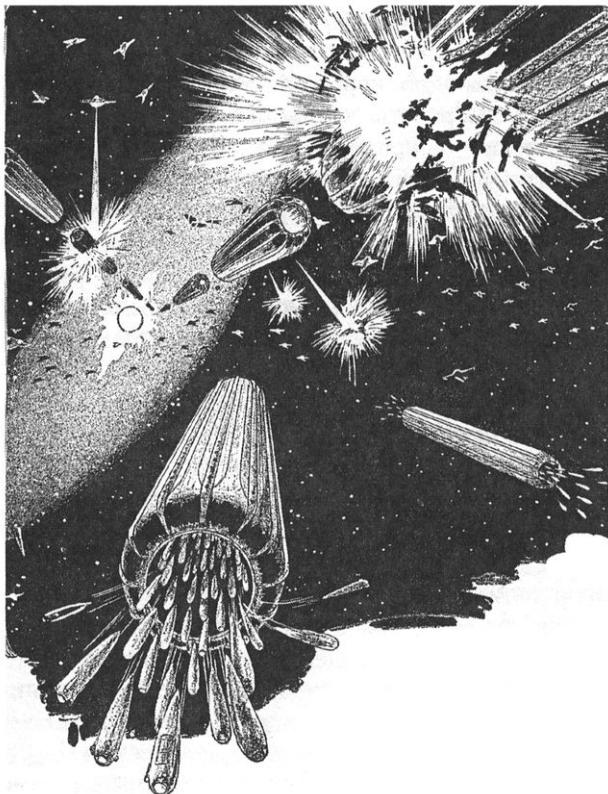
Грантленд снова раскурил свою трубку, выпустил к потолку клуб дыма и посмотрел на Дуайта Эдвардса.

— Я вошел в лабораторию вместе с Бобом и взглянул на экран, — сказал он. — Там действительно оставался только один путь. Именно этого я и ожидал. Я сказал Бобу, что ничем не могу ему помочь, но у меня есть друг, который сможет. Затем я ушел и вернулся с вашим отцом, Дуайтом. Он и стал единственным посторонним человеком, кто видел BBB-камеру. Он

помог мне разобрать ее и уничтожить детали. — Джон Грантленд с минуту помолчал, опустив подбородок на грудь. Затем поднял голову и задумчиво добавил: — Мы были рады, что этот путь был столь короток. Если бы он оказался намного длиннее...

Дуайт Эдвардс медленно встал, уронив свои бумаги на стол Грантленда, и со вздохом сказал:

— Мир не нуждается в фараадеях, не так ли? — и добавил, направляясь к двери: — Распорядитесь моими бумагами по своему усмотрению...



ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Путь черной звезды</i> (роман).....	
<i>Из мрака ночи</i> (роман).....	21
<i>Лунный ад</i> (роман).....	301
<i>Нечто</i> (повесть).....	405
Умирающая земля	467
Сумерки (рассказ).....	469
Ночь (рассказ).....	486
Машина	509
Машина (рассказ).....	511
Пришельцы (рассказ).....	527
Мятеж (рассказ).....	545
Пентон и Блэйк	575
Похитители мыслей с Марса (повесть).....	576
Раздвоенный мозг (повесть).....	599
Ищущие бессмертие (повесть).....	631
Десятый мир (рассказ).....	662
Ментальные пираты (повесть).....	679
Уотерсон и Гэйл	701
Когда проиграл даже атом (рассказ).....	703
Металлическая орда (рассказ).....	742
Последняя ступень эволюции	781
Последняя ступень эволюции (рассказ).....	783
Слепота (рассказ).....	795
Развилка (рассказ).....	814

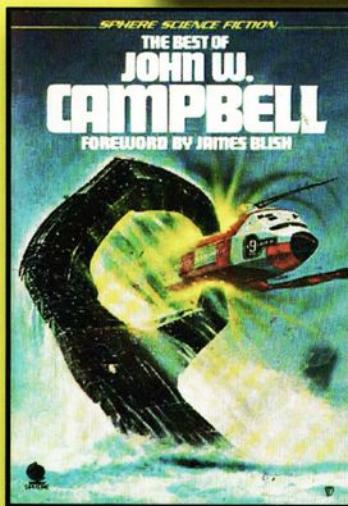
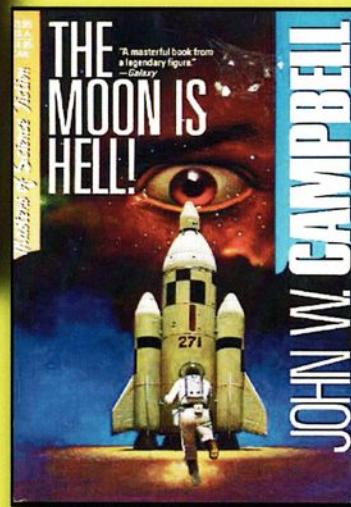
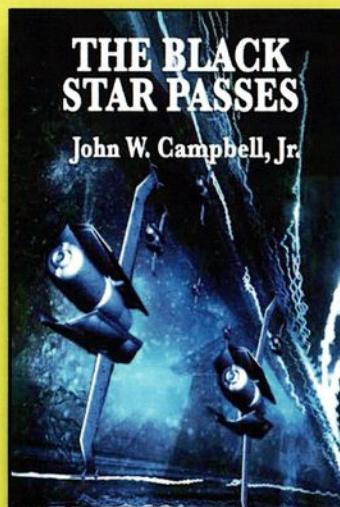
ДЖОН
КЭМПБЕЛЛ
ИЗ МРАКА
НОЧИ

+12

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель серии *A. Лидин*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *B. Кудрецов*
Корректор *Л. Михайлова*

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА



ISBN 978-5-93835-558-3



9 785938 355583



•Северо-Запад•